МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
Социологический факультет

XII Международная научная конференция
«СОРОКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ»

СОЦИАЛЬНАЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

МОСКВА
МАКС Пресс
2018

ISBN 978-5-317-05809-8

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

Социологический факультет

XII

Международная научная конференция

«СОРОКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ»

СОЦИАЛЬНАЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

МАКС ПРЕСС

МОСКВА – 2018

УДК 316
ББК 60.5
С69

DOI 10.29003/m123.12.sr-2018

С69 **Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира:** XII Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2018»: Сборник материалов. – М.: МАКС Пресс, 2018. – 1312 с. (Электронное издание комплексного распространения).
e-ISBN 978-5-317-05809-8

Сборник тезисов составлен на основе материалов, присланных российскими и иностранными учеными в Оргкомитет XII Международной научной конференции «Сорокинские чтения – 2018». Тезисы публикуются в авторской редакции. Материалы цензуре не подвергались; мнение Оргкомитета может не совпадать с позицией авторов.

Издание предназначено для преподавателей и научных сотрудников, аспирантов, магистрантов и бакалавров, интересующихся актуальными проблемами и разработками социологической науки.

Ключевые слова: социология, социальная справедливость, социальная несправедливость, Сорокинские чтения, международная конференция.

УДК 316
ББК 60.5

Все материалы публикуются в авторской редакции

Social Injustice through the Lens of Sociology: Contemporary Global Challenges. XII International Scientific Conference «Soroking Readings – 2018»: Materials. – Moscow, MAKS Press, 2018. – 1312 p.

Current book includes materials by Russian and international scientists who participated in XII International Scientific Conference «Soroking Readings – 2018». Materials are published in authors' edition. Materials have not been censored; organizing committee's opinion may not match with authors' opinions. The book is aimed at professors and scholars, aspirants, masters and bachelors, who are interested in current problems and trends in sociology.

Key words: sociology, social justice, social injustice, Soroking readings, international conference.

Электронное издание комплексного распространения

Данное издание доступно:
http://socio.msu.ru/documents/science/Sorokinskie_sbornik_2018.pdf

Издательство ООО “МАКС Пресс”
Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.

119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы, МГУ имени М.В. Ломоносова,
2-й учебный корпус, 527 к. Тел. 8(495)939-3890/93. Тел./Факс 8(495)939-3891.

ISBN 978-5-317-05809-8

© Коллектив авторов, 2018
© Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2018

Содержание

Вступительная статья декана социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова проф. Н.Г. Осиповой «Рыночный фундаментализм как идеология глобальной социальной несправедливости» 4
Секция 1. Социальная (не)справедливость в современных социологических теориях 16
Секция 2. Справедливость как приоритет социального управления в эпоху постмодерна 140
Секция 3. Социальная справедливость как фактор функционирования и развития социально-политических систем 274
Секция 4. Семейно-демографическая дифференциация и социальное неравенство 406
Секция 5. Социальная несправедливость и социальный порядок: методология и результаты исследования 602
Секция 6. Проблема социальной несправедливости в социологии международных отношений 764
Секция 7. Социальное государство: справедливость и эффективность 823
Секция 8. Культурно-цивилизационный контекст социальной несправедливости 1041
Круглый стол. Высшее образование: элитность или эгалитарность 1159

Рыночный фундаментализм как идеология глобальной социальной несправедливости

Вступительная статья декана социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова проф. Н.Г. Осиповой

Кризис, охвативший экономическую, социальную и политическую системы большинства государств мира, обусловил воспроизводство несправедливых социальных отношений в глобальном масштабе.

Как отмечают исследователи, «социально несправедливые отношения имеют место тогда, когда существуют видимые и невидимые недобросовестные действия в рамках общества, которые способствуют неравенству и препятствуют социальному прогрессу». «Социальная несправедливость рекурсивно воспроизводится во взаимодействиях управления, возникающих между индивидуумами или группами населения, с одной стороны, и структурами управления, наделёнными управляющими или распорядительными функциями, с другой, и сопровождается воспроизводством насилия над личностью, унижением или попранием её чести и достоинства [5].

Глобальный системный кризис дал плодотворную почву для анализа не только бездарного управлениям, приведшего к глобальной социальной несправедливости, но и того стиля политического мышления, и даже идеологии, которые лежат в его основе. Это – рыночный фундаментализм.

В общем смысле под рыночным фундаментализмом (или фундаментализмом свободного рынка) понимается неистовая вера в политику, базирующуюся на принципе «невмешательства» («laissez-faire») равнрозначного «экономике свободного рынка», которая способна решить не только экономические, но и все социальные проблемы.

Словосочетание «рыночный фундаментализм» считается относительно новым. Если говорить об энциклопедических изданиях, то оно было включено в ряд статей «Оксфордского словаря английского языка» лишь в 1989 году, в довольно широкой интерпретации ««экономические или политические доктринерства». Примерно с этого времени словосочетание «рыночный фундаментализм» стало обиходным и использовалось журналистами, писателями, политическими и общественными деятелями:

- для обозначения совокупности ошибочных убеждений или специально созданных мифов о том, что свободные рынки обеспечивают в обществе максимально возможную справедливость и процветание, а любое вмешательство в рыночный механизм неизбежно ведет к уменьшению социального благополучия;

- с целью критики как групп и организаций, которые яростно выступают против любого государственного регулирования и защищают

всецело свободный рынок, так и той идеологии, которая «посадила финансовый капитал в кресло водителя» [18].

Если говорить о «рыночном фундаментализме» как научном термине, то по поводу первенства исследователей в его введении мнения расходятся. Однако общепризнано, что его развернутая концептуализация принадлежит известному финансисту Джорджу Соросу.

Во введении к книге «Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности», изданной в 1998 г., Дж. Сорос писал: «текущее положение дел, (*сложившееся в мировой экономике*), является нездоровым и непрочным. Финансовые рынки по своей сути являются нестабильными, кроме того, существуют общественные потребности, которые не могут быть удовлетворены путем предоставления полной свободы рыночным силам. К сожалению, эти недостатки не признаются. Вместо этого существует широко распространенное убеждение в том, что рынки являются саморегулирующимися, а мировая экономика может процветать без вмешательства мирового сообщества.

В XIX веке эта идея называлась «свободным предпринимательством» (внедрялась доктрина «лэссэ-фэр» - невмешательства государства в экономику), возможно, в наши дни это уже не такое удачное название, поскольку оно происходит от французских слов *laissez faire*. Большинство людей, верящих в чудеса рынка и достоинства неограниченной конкуренции, не говорят по-французски. Я нашел более подходящее название этой идее — «рыночный фундаментализм» [8].

Вслед за Дж. Соросом термин «рыночный фундаментализм» вошел в научный оборот, а сам феномен стал анализироваться в научных публикациях. Следует отметить, что из серьезных научных работ наибольшую популярность приобрела монография ученых-экономистов Ричарда Козул-Райта и Поля Рэймента «Устойчивый рост рыночного фундаментализма: переосмысливая политику развития в несбалансированном мире» (2007).

Рыночный фундаментализм как разновидность постоянно актуализировавшегося на протяжении истории человечества феномена фундаментализма, имеет особенность, которая, прежде всего, относится к его генезису.

На наш взгляд, рыночный фундаментализм – это результат специфического процесса трансформации концепции свободы (в том числе и экономической), воплощенной в идеологии классического либерализма, через неолиберальные ее модификации, в рыночную догму тоталитарного типа. Эту догму берут на вооружение глобальные финансовые институты и акторы глобализма и навязывают всему мировому сообществу методами не только экономической, но также политической, а порой и военной экспансии.

Действительно, своим возникновением догма рыночного фундаментализма во многом обязана идеологии либерализма, отдельные элементы которой она заимствовала, а затем в достаточно искаженном виде применила к своим целям.

Известно, что ядро «классического либерализма» формирует совокупность представлений, сконцентрированных на таких ценностях как индивидуализм, свобода, разум, справедливость, толерантность и частная собственность. Трактовка этих ценностей основана на социально-политических взглядах выдающихся обществоведов, которых часто относят к теоретикам-основателям либерализма - Томаса Гоббса, Джона Локка, Шарля Луи Монтескье, Алексиса де Токвиля, Иеремии Бентама, Джона Стюарта Милля и, безусловно, Адама Смита.

Как писал Ральф Густав Дарендорф: «классический либерализм представляет собой простую, но яркую философию. < > Необходимо разрешить людям преследовать собственные интересы и цели, ограничив их свободу лишь правилами, не позволяющими ущемлять свободу других. < … > В действительности ранние либералы хотели лишь заставить диктаторов, наделенных абсолютной властью, уступить требованиям свободы. Идея о диктате закона, о котором мечтали либералы, была поистине революционной силой, возвестившей о наступлении просвещенной эпохи в современной истории» [3; 248].

Подобно мыслителям просвещения, провозгласившим «Век разума», ранние либералы утверждали, что мир постигается человеческим разумом, соответственно они были склонны верить в способность индивида самостоятельно принимать рациональные решения (на основе разума) и вообще быть лучшим судьей по части собственных дел. Отсюда же вытекала их вера в социальный прогресс и способность людей самим разрешать противоречия, если таковые возникают, справедливым образом.

Очевидно, что теоретические разработки, представленные в классических трудах выдающихся мыслителей, носят фундаментальный научный характер. Как отмечал Д. Юм в отзыве на работу А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов», «… Их чтение требует очень большого внимания, а публика готова уделить лишь очень малое …» [6; 5]. Соответственно их соотношение с конкретной идеологией можно назвать весьма условным.

Обычно из подобных научных трудов извлекаются отдельные тезисы, которые легко приспособить к конкретным обстоятельствам и политическим целям. Более того, эти тезисы упрощаются, то есть фактически сводятся к неким установкам, которые часто превращаются в простые лозунги, широко применяющиеся в политической риторике.

Таким образом, с одной стороны, идеи и представления, заложенные в трудах мыслителей Просвещения, политических философов либеральной ориентации и классиков политической экономики, составили основу идеологии классического либерализма, – его понятий, принципов и ценностных установок. С другой стороны, в ее рамках они получили довольно упрощенную и удобную для внедрения в массовое сознание трактовку.

Особенно это верно в отношении социально-экономических ценностей классического либерализма, нашедших отражение в его приверженности

«рыночному капитализму», идеалом которого является «свободный рынок». Как отмечал Р. Дарендорф, «либерализм и рыночный капитализм неразделимы, как бы ни старались более поздние европейские теоретики (особенно в Германии и Италии) их разъединить» [3; 249-250].

Идеи «свободного рынка», конкретизированные в фундаментальных трудах А. Смита, стали в XIX веке своеобразной ортодоксией, нашедшей отражение в доктрине «лэссэ-фэр». Суть этой доктрины в том, что государство не играет существенной роли в экономической жизни общества, а экономическая свобода индивидов не должна ограничиваться: хозяйствующие субъекты могут действовать так, как им заблагорассудится.

В социальной области либерализм оперировал понятиями «общественности» или публичного форума, где сходятся различные точки зрения, и возникает «общественное мнение», и даже тезисом «эмансипации общества от государства». Он поддерживал идею о переходе от всеохватывающей системы подчинения традиционным властным структурам к такой, где государственная власть ограничена некоторыми задачами регулирования и, таким образом, должна даровать и защищать свободу индивидов выражать свое мнение. Тем самым классический либерализм способствовал становлению социального партнерства.

Изначально идеология либерализма, провозглашая толерантность, не связывала его сторонников определенной и канонизированной системой убеждений [4; 11]. Однако функция любой идеологии – не столько описывать действительность, сколько мобилизовать и направлять действия людей в этой действительности. Эта функция не стала исключением для либерализма. Достоинство и мера совершенства либерализма определяются не философской глубиной его доктрин или верностью тем или иным сакральным формулировкам о «естественности» прав человека или «незыблемости» частной собственности, а его идеологической способностью подчинить общество своим конкретным целям.

Во второй половине XIX и в первых десятилетиях XX столетий классический либерализм стал субъектом изменения, - его базовые принципы потребовали приспособления к конкретным историческим обстоятельствам [13; 26]. В результате стало возможным говорить о новой форме этой идеологии – современном либерализме или неолиберализме, называемой иногда «либерализмом XX века» [13; 55].

Идеологи неолиберализма использовали классические либеральные идеи – человеческого достоинства и индивидуальной свободы как фундаментальных ценностей цивилизации. Они утверждали, что эти фундаментальные ценности были поставлены под угрозу не только фашизмом, коммунизмом или любой диктатурой, но и любым вмешательством государства в экономическую жизнь, когда оно пыталось подменить свободу выбора индивидуума коллективным принятием решений [11; 15].

Возрождение либерализма в форме неолиберализма в теории олицетворяли идеи приоритета индивида перед обществом и государством,

рынка — перед планированием и регулированием, прав человека — перед могуществом власти и коллектива. Однако на практике это «возрождение» сопровождалось смещением акцентов и ростом идеологических тенденций.

В классическом либерализме главным регулирующим фактором общественного бытия являлась индивидуальная свобода, прежде всего, разумно мыслить и действовать, ограниченная лишь моральными ценностями и нормами общества. В неолиберализме ключевым принципом стала не индивидуальная, а экономическая свобода индивидов (хозяйствующих субъектов), которая гарантирована лишь в рамках рынка и его институтов.

Согласно неолиберальной «экономической модели свободного рынка» всеми сферами социального бытия управляют «общие законы рынка». По этим законам, государство должно поддерживать индивидуальные права граждан на частную собственность, власть закона, институты свободного рынка и собственно свободу торговли.

Развитие «общих законов рынка» с точки зрения неолиберальной теории, влечет за собой и дальнейшее развитие свободы и демократии. Свобода – это отсутствие не только унификации, но и раз навсегда установленной иерархии. У тех, кто сегодня находится в самом низу социальной лестницы, всегда существует перспектива завтра подняться на самый ее верх – и в этом процессе почти перед каждым человеком открывается благодаря свободе возможность прожить более полную и насыщенную жизнь [1; 11-12].

Как отмечал Д. Харви, на практике, неолиберализм означал слияние радикальных денежных принципов и радикального индивидуализма, охватывающего далеко идущую повестку дня экономического и политического реструктурирования, которое стремится давать привилегию торговле и финансам над трудом и производством [11; 45].

Для того, чтобы какое-либо экономическое учение могло доминировать в политике, оно должно оформиться в концептуальную систему, — достаточно развитую, чтобы апеллировать к интуиции и инстинктам, ценностям и желаниям людей, а также соответствовать возможностям, открывающимся в рамках существующей социальной системы. В случае успеха такая система становится частью общего «здравого смысла», а ее постулаты перестают подвергать сомнению. Так и политические инструменты и стратегии неолиберализма стали намного отличаться от того, какими они были задуманы изначально [11; 90], то есть, в экономической теории.

Теоретические построения экономистов – неолибералов постепенно «выхолащивались» политиками, которые «слышали голоса в воздухе и извлекали свои сумасбродные идеи из академической писанины прошлых лет»[15; 383]. В конечном счете, они сокращались до примитивных и удобных тезисов, оправдывающих любые действия властей. Со временем эти тезисы приобрели силу «вечных истин», проявившихся в ходе развития новейшей истории [1; 12-13]. С их помощью неолиберализм стал

догматичным и авторитарным, а его экономическое кредо приобрело фундаменталистский характер.

В основе феномена «рыночного фундаментализма» лежат два догматизированных (крайне упрощенных и не подвергающихся сомнению) принципа, основанные на отрывках (вне контекста) из трудов основоположников классической экономической теории, прежде всего ее родоначальника Адама Смит.

Первый из них - о «невидимой руке рынка», которая в представлении рыночных фундаменталистов - подобие «рыночного Бога», который имеет ответы на все вопросы и принимает окончательные решения [17; 133], а второй - о «минимальной роли государства» в общественной жизни.

Апологеты рыночного фундаментализма утверждают, что теория «невидимой руки» дает адекватное представление об «истинной экономике». На самом деле это утверждение опирается на веру — в особенности тех, чьи интересы она хорошо обслуживает, а не на науку. Например, теория «невидимой руки» является подспорьем для биржевых спекулянтов, ибо она убеждает их в том, что, стремясь к своей личной пользе, они приносят пользу всему обществу [9; 56].

В настоящее время эти принципы очень хорошо отвечают интересам определенных социальных групп, называемых «агентами глобализма». Это высшие менеджеры транснациональных корпораций, государственные чиновники, специалисты по связям с общественностью, журналисты и правые политики, которые усиленно способствуют продвижению публичного дискурса в сторону ассоциации глобализации с западной системой ценностей, поддерживающих экономику свободного рынка и потребления. В частности, они утверждают, что глобализация, которая неизбежна и неотвратима, означает дальнейшую либерализацию мировой экономики и глобальную рыночную интеграцию. Глобализация приносит пользу всему мировому сообществу и способствует распространению демократии по всему миру [19; 97].

На самом деле, речь идет не о глобализации как о естественном процессе интеграции человечества, а о глобализме - идеологических построениях, которые включают понятие глобализации в русло неолиберальных ценностей и норм [2; 188], неизбежно сопряженных с рыночным фундаментализмом.

Неолиберальные ценности, сведенные к обозначенным выше догматизированным экономическим принципам фундаменталистского толка, внедряются в политическую, экономическую и социальную жизнь практически всех государств, испытывающих временные экономические трудности современными институтами глобализма, одновременно являющимися, на наш взгляд, институтами глобальной социальной несправедливости.

В их числе – Всемирный банк (ВБ), Международный валютный фонд (МВФ), Всемирная торговая организация (ВТО), Министерство финансов США и целый ряд специально созданных обществ и фондов.

Известно, что Всемирный банк и Международный валютный фонд были учреждены в 1944 году на международном форуме в Бреттон-Вудсе (штат Нью-Хэмпшир, США) с целью предотвращения экономических потрясений и катастроф, подобных тем, что вызвали глубокую дестабилизацию Веймарской Германии и Великую депрессию [12]. Однако деятельность МВФ и Всемирного банка никогда не соответствовала заявленной цели. С самого начала эти организации, совместно с Министерством финансов США, разработали стратегию, получившую название «Вашингтонский консенсус». Данная стратегия базировалась на десяти обязательных рекомендациях – показателях экономического здоровья страны, которые, как утверждали их разработчики, «разделяют все серьезные экономисты».

По существу эти рекомендации содержали откровенно идеологические положения, облегчающие проникновение иностранного капитала в национальную экономику стран, испытывающих экономические трудности, переживающих социально-политический кризис или терпящих стихийное бедствие.

Когда какая-либо страна обращалась в МВФ с просьбой о займе, этот фонд выдвигал обязательное условие возможного кредитования. Им являлось соблюдение разработанной Фондом «концепции развития страны», вошедшее в мировую историю как «шоковая терапия». Под «развитием» понималась полная структурная перестройка экономики страны по неолиберальному образцу, выраженная в первую очередь в приватизации государственного сектора, отмене государственного контроля над хозяйствующими субъектами (либерализации) и сокращении бюджетного дефицита посредством резкого снижения затрат на социальную сферу.

Фактически методы, которые использовали Международный валютный фонд и Всемирный банк, усиливали главенствующую роль США в организации мировой экономики. В то время как это государство могло иметь дефицит платежного баланса, другие страны должны были принимать меры к его восстановлению посредством борьбы с инфляцией, сокращения импорта и инвестиций за границу, увеличения ставки рефинансирования, девальвации национальной валюты и других мер, рекомендуемых МВФ и Всемирным банком.

В научной литературе достаточно хорошо отражены временные этапы и перечислены страны, которые так или иначе подверглись «шоковой терапии», при этом особое внимание уделено ее экономическим, политическим и социальным итогам. Сначала это были страны Латинской Америки, затем ряд стран Юго-Восточной Азии, после – страны социалистического лагеря и т.п.

Одной из стран, которую рыночный фундаментализм затронул достаточно глубоко, стала постсоветская Россия. По сути, нашей стране международными финансовыми организациями была навязана фундаменталистская модель радикального перехода к рыночной экономике. Эта модель должна была «при всех социальных, организационных, правовых,

экономических трудностях ее реализации быстро привести к конечной цели — созданию высокоэффективной экономики рыночного типа».

В силу поверхностного рассмотрения причин и сущности экономического кризиса в СССР, эксперты институтов глобализма, руководствуясь лишь небольшим числом социально-экономических показателей, сравнивали крупнейшую в мире державу со странами «третьего» мира, как правило, с такими государствами Латиноамериканского региона как Аргентина и Бразилия. Соответственно и предложенные рецепты были аналогичными.

В результате жесткой монетарной политики, которую рыночные фундаменталисты возводили в ранг неоспоримого кредо, многие государства столкнулись с масштабной безработицей, разрушением государственных предприятий, существенным увеличением числа безработных и тех, кто живет за чертой бедности. Однако это, считают рыночные фундаменталисты, — совсем небольшая плата за предполагаемые выгоды от нерегулируемой рыночной экономики, которая изменит жизнь к лучшему в далекой перспективе.

Общим социальным итогом обозначенной выше деятельности глобалистов стал рост безработицы и нищеты, стремительное расслоение на богатых и бедных во всех этих странах. В результате имело место воспроизводство крайне несправедливых социальных отношений.

В целом список стран, которые пострадали от глобальной экспансии «экономического фундаментализма», огромен. Достаточно ярким примером является Индия, для которой экономическая открытость мировым корпорациям (как следствие внедрения принципа свободного рынка) имела катастрофические последствия.

Так, из-за экспансии крупнейших международных корпораций были разрушены мелкие промышленные предприятия в Индии, утрачены миллионы рабочих мест [16; 75]. Согласно официальным данным более 160 000 разорившихся индийских фермеров совершили самоубийство с 1997 года [14].

Сельскохозяйственная политика Индии стала ориентированной исключительно на внешние рынки, предназначена для экспорта, а не для удовлетворения внутренних потребностей населения страны. Это, в свою очередь, создало условия голода для самых уязвимых сообществ. Так, если в 1877 г. государство датировало питание лиц, занятых тяжелым физическим трудом в размере 1627 калорий в день (при необходимом для взрослого мужчины – индийца рационе в 3900 калорий), то в эпоху глобализации такая дотация варьирует от 100 до 200 калорий, что не отвечает элементарным нормам поддержания человеческой жизнедеятельности (данные, полученные П.Винаяком).

Как утверждает Дж. Стиглиц, сегодня рыночный фундаментализм продолжает играть главенствующую роль в мировой капиталистической системе. Он воплощает идеологию, которая не только вдохновляет наиболее успешных представителей этой системы, но и движет мировой политикой [8].

По мнению этого ученого, неудачи и провалы в политике всегда подрывают экономику. В конце 90-х гг. XX века в американской политике обстоятельный и беспристрастный анализ ситуации все больше уступал место идеологическим штампам и предрассудкам. Идеология стала играть аномально важную роль в определении политики правительства, а несоответствие господствующих представлений реальному положению вещей перешло все мыслимые пределы [8].

Разочарование политикой вскормило рыночный фундаментализм, а развитие рыночного фундаментализма, в свою очередь, способствовало провалу политики. Одним из крупнейших недостатков системы мирового капитализма явился тот факт, что она позволила рыночному механизму и мотиву получения прибыли проникнуть во все сферы деятельности, даже туда, где им нет по существу места [8].

Согласно Дж. Соросу, рыночный фундаментализм представляет угрозу мировому сообществу прежде всего потому, что он неверно трактует механизм работы рынков и придает им чрезмерное значение. В соответствии с рыночным фундаментализмом вся общественная деятельность, и человеческие отношения в том числе, должны рассматриваться как деловые, основанные на договорах отношения, и сводиться к общему знаменателю — деньгам.

При этом ключевая особенность фундаменталистских воззрений состоит в том, что они базируются на оценочных суждениях. Например, если какая-либо мысль неверна, то противоположное суждение считается верным. Именно такая логическая путаница и лежит в основе рыночного фундаментализма [8].

Вмешательство государства в экономику достаточно часто приводило к негативным последствиям. Это справедливо не только в отношении централизованного планирования, но и в отношении идеи государства благосостояния и кейнсианского управления спросом. На основе этой банальной мысли рыночные фундаменталисты приходят к совершенно нелогичному выводу: если вмешательство государства — порочно, то свободный рынок — само совершенство. Поэтому, государству нельзя позволить вмешиваться в экономику [8].

Дж. Сорос утверждает, что в обществе есть не только рыночные, но и социальные ценности. Эти ценности, возможно, менее определенны, чем рыночные, но без них общество существовать не может. Фундаменталисты же придали рыночным ценностям статус социальных ценностей, но они неспособны выполнять эту функцию. Рыночные ценности предназначены для принятия индивидуальных решений в условиях конкурентной среды, но они плохо подходят для принятия коллективных решений в ситуации, предполагающей сотрудничество наряду с конкуренцией [8].

Этот исследователь, как и нобелевский лауреат Дж. Стиглиц, называет рыночный фундаментализм идеологией именно потому, что этот его главный тезис является предметом веры; рыночный фундаментализм не опирается на какие-либо приемлемые экономические теории и противоречит большому

числу эмпирических фактов. В реальности рыночный механизм часто дает сбой, а предоставленный самому себе, не обеспечивает страхование от многих важных рисков, с которыми сталкиваются индивидуумы, в том числе риск оставаться без работы. Однако периодически возникающая массовая безработица, которая указывает на то, что рыночные механизмы дают сбои, является только вершиной большого айсберга провалов в функционировании рыночного механизма.

В свою очередь, Дж. Стиглиц основным источником ошибок экономических фундаменталистов считает «потерю понимания балансирующей роли государства» [9; 55]. Когда экономика функционирует плохо, апологеты рынка объясняют этот факт излишним регулированием или неправильным государственным вмешательством.

Этот аргумент, что государственное вмешательство всегда не эффективно опирается больше на идеологию, чем на науку. Установлено, что значительная часть экономического роста некоторых стран в последние годы явилась результатом фундаментальных научных исследований, финансируемых государством. Расширение сферы деятельности государства в большинстве случаев было ответом на провалы рыночного фундаментализма. Даже когда экономика находится в стагнации государство виновато в бездействии, а именно — в неудовлетворительном регулировании, а не в избыточном регулировании — и в этом корень проблем [9; 59].

В целом, по мнению Дж. Стиглица, рыночный фундаментализм – это антилиберальная сила, которая подавляет людей [20], и, таким образом, усиливает социальную несправедливость.

Как отмечают отечественные ученые, самая главная проблема, с которой сталкивается современная глобальная цивилизация, попавшая в сети рыночного фундаментализма, в том числе и Россия, которая порождает и включает в себя десятки и сотни других противоречий, — «непрерывно растущая, как раковая опухоль, несправедливость» [10].

Очевидно, не нуждается в особых доказательствах мысль о том, что любые проявления несправедливости в большей или меньшей степени дестабилизируют общество, служат источником конфликтов и социальных смут. Осознание несправедливости существующего строя способно быть детонатором социального взрыва. Отсюда следует, что утверждение справедливости в масштабах социальной системы - не просто идеал или нравственный императив, а важный ценностно-нормативный регулятор, способствующий сохранению, воспроизводству, стабильности общественных отношений.

Эффективным регулятором социальных отношений, смещением баланса в них в сторону социальной справедливости является социальная политика. Объектом социальной политики являются социальная сфера и социальные отношения, а основным субъектом - государство. При этом важнейшей проблемой представляется определение роли и функции государства в реализации действенной социальной политики.

Новое столетие должно быть отмечено серьезными трансформациями функций российского государства. Целесообразной представляется реализации качественно новой модели развития России как эффективного, но социального государства, в которой социальная составляющая должна выступать и как цель, и как главный фактор любых преобразований.

Из числа множества экономических направлений и школ, в качестве теоретической базы этой модели достаточно продуктивны представляются «институциональный» подход, а также «теория порядка» и основанные на ней принципы социальной политики, разработанные представителями Фрайбургской школы. В рамках этой модели социальная политика должна быть ориентирована на решение следующих задач:

1) поддержания экономики в нормально функционирующем состоянии на базе стимулирования экономической активности населения, стабилизации трудовой занятости, развития малого и среднего предпринимательства;

2) сохранения и воспроизводства населения путем обеспечения жизненно необходимых потребностей, прежде всего, работника, а через его доходы - и его иждивенцев;

3) создания условий для реализации общепризнанных прав человека на минимальное потребление, работу, образование, охрану здоровья, социальное обеспечение в период нетрудоспособности и безработицы;

4) содействия формированию эффективных институтов социальной сферы.

В настоящее время взвешенная, но активная социальная политика должна выступать действительным фактором формирования справедливых общественных отношений. Это означает, что она должна быть нацелена не на удовлетворение потребностей отдельных элитных групп, а на обеспечение достойной жизни широких масс населения. Это предполагает не только развитие и эффективное функционирование различных институтов социальной политики (социальной защиты, социального страхования, социальной реабилитации, социальной помощи и т.п.), но и правовое оформление четких и ясных норм социальной справедливости.

Именно социальная справедливость отражает, символизирует и санкционирует определенный социальный порядок человеческого общежития, соответствующий общепринятым представлениям о природе человека, его правах и обязанностях в системе социальных отношений [7].

Литература:

1. *Амин С. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира / Пер. с англ. Ш.Нагиба, С.Кастальского. М.: Издательство «Европа», 2007.*
2. *Бжезинский Зб. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство / Пер. с англ. М.: Международные отношения, 2006.*
3. *Дарендорф Р. Либерализм // Невидимая рука рынка / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена: пер. с англ. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2009.*
4. *Макаренко В.П. Главные идеологии современности. Ростов на Дону: Феникс, 2000.*
5. *Севастьянов А. М. Социальная несправедливость в отношениях власти и общества: опыт социологического измерения // Социология власти. № 1. 2012.*

6. *Скиннер Э.С. Адам Смит // Невидимая рука рынка / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена: пер. с англ. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2009.*
7. *Дыльнова Т.В. К вопросу о функциях социальной справедливости // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2006. № 1.*
8. *Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности / Пер. с англ. М.: ИНФРА-М, 1999. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Soros/_index.php*
9. *Стиглиц Д.Ю. Ревущие девяностые. Семена развала. М.: Современная экономика и право, 2005.*
10. *Султанов Ш. Жить по правде. Несправедливость как предельный вызов. [Электронный ресурс]: Завтра. 2007. 31 окт. URL: http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/07/728/41.html (дата обращения: 15.07.2011; Севастьянов А.М. Мониторинг и измерение социальной несправедливости: исследование опыта Организации Объединенных Наций // Вестник Челябинского Государственного Университета. — 2011. № 47. Философия. Социология. Культурология. Вып. 23; Миронова Н.И. Гражданский социум в современном государственном управлении: социальная динамика. Челябинск, 2007.*
11. *Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение / Пер. с англ. Н.С. Брагиной. М.: Поколение, 2007.*
12. *Article I - Purposes. Articles of Agreement of the International Monetary Fund // International Monetary Fund // www.imf.org*
13. *Heywood A. Political Ideologies. An Introduction. London: Macmillan Press LTD, 1998.*
14. *http://www.project-syndicate.org/commentary/harvest-of-suicide/russian. May 1, 2009. дата обращения – сентябрь 2013. [1] Исследовательница ссылается на данные, полученные П.Винаяком. (Prasad Vinayak. Access to Health Care in India. The Equity Concerns. Governance and Poverty. Contemporary Policy Reforms in India).*
15. *Keynes J.M. The General Theory of Employment, Interest and Money. London: Macmillan, 1936.*
16. *Shiva V. India Divided: Diversity and Democracy under Attack. New York: Seven Stories Press, 2005.*
17. *Sim S. Fundamentalist World. The New Dark Age of Dogma. Cambridge: Icon Books Ltd., 2005. Soros G. The Bubble of American Supremacy. Correcting the Misuse of American Power. New York: BBBS/Public Affairs, 2004.*
18. *Soros G. The Crisis of Global Capitalism Public Affairs, 1998.*
19. *Steger M. Globalization. New York: Oxford University Press, 2003.*
20. *Stiglitz J.E. Globalization and its Discontents. New York and London: W.W.Norton, 2002; Stiglitz J.E. There is No Invisible Hand // The Guardian. 2002. 20 December.*

СЕКЦИЯ 1. СОЦИАЛЬНАЯ (НЕ)СПРАВЕДЛИВОСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ

Акишева Полина Сергеевна,
аспирант, Москва, Россия

Неоднородность класса крестьян в современном Китае

Интенсивное развитие капиталистического сектора в Китае после 1978 г. породило тесное сплетение капиталистических и социалистических отношений. Наряду с сохранением социальных групп, характерных для социализма: интеллигенция, крестьяне и рабочие, появляются крупные частные предприниматели, а также промежуточные слои. Так, особенности организации экономики в деревне и городе создают различия среди крестьян. Реорганизация деревни была одним из первых экономических преобразований в ходе китайских рыночных реформ 1980-х гг. Хотя в деревне, в отличие от города, был оставлен только один вид собственности – коллективной, – семейный подряд позволил крестьянам становится собственниками продукции, произведенной на коллективной земле [1], и реализовывать их на открытых рынках. С этого момента начинает расти неравенство крестьян по достатку. Самым же существенным процессом, повлиявшим на формирование неоднородности класса крестьянства, стал процесс урбанизации. Открытая в 1980-х гг. возможность деревенского жителя жить и работать в городе без смены прописки («хукоу») привело к возникновению многочисленного промежуточного класса современного китайского общества – рабочих-мигрантов (англ. migrant peasant workers). Рабочие-мигранты представляют собою крестьян, уезжающих на заработки в город на определенный промежуток времени, который может быть достаточно длительным и составлять 10 лет и более [4]. При этом в течение данного длительного периода времени крестьянин не работает на своей земле, однако земля остается в его пользовании, поскольку крестьянин не меняет своего регистрационного статуса. Земельные наделы таких крестьян простаивают. В городе рабочие-мигранты находятся в крайне стесненных условиях по сравнению с городскими рабочими. Причина же, по которой рабочие-мигранты остаются работать в городе – это то, что доход в городе выше, чем возможный доход в деревне. Причина, по которой они не меняют прописку – земельный надел, который остается некой финансовой подушкой безопасности в случае неудачи в работе в городе [4]. При этом среди крестьян, работающих в городе и сохраняющих надел в деревне также можно выделить две группы. Собственно рабочие-мигранты и пролетаризирующиеся крестьяне. Пролетаризирующиеся крестьяне отличаются от рабочих-мигрантов тем, что продолжают регулярно работать на земле, идентифицистремятся вернуться на постоянное место жительство в

деревню [5]. Они поддерживают постоянный контакт со своими родственниками в деревне, регулярно помогают им в работе на земле и идентифицируют себя как крестьяне, в то время как самоидентификация рабочих-мигрантов находится на перепутье и часто оказывается ближе к городским рабочим [6]. Кроме оттока рабочей силы из деревни в город, урбанизация происходит и в самой деревне: деревни объединяются, а их жители переселяются в дома городского типа. Так, класс крестьян становится неоднородным по способу ведения хозяйства: часть него имеет возможность вести собственное хозяйство на приусадебных участках, другая же часть возможности собственного хозяйства не имеет. Стремительный территориальный и инфраструктурный рост городов и городских агломераций с 1980-х гг. породил процесс отчуждения сельскохозяйственных земель в пользу города. Примерно до середины 1990-х гг. данный процесс был бесконтрольным [2], что привело к возникновению «обезземеленных крестьян» – безземельных безработных крестьян. Часть из них оставалась в деревне в качестве наемных работников, становилась городскими рабочими, а часть так и остается безработными. В середине 1990-х гг. в КНР были определены и законодательно закреплены основные правила отчуждения земель [2]. Параллельно процессу отчуждения в южных и юго-восточных провинциях Китая возникла так называемая «гуандунская модель урбанизации» или урбанизация «in situ» [3] – когда деревня превращается в городской округ при сохранении у жителей полного контроля над бывшими деревенскими землями. Коллектив деревни, земля которой отходит к городу, оформляет себя как закрытую акционерную компанию, активами которой становится земля деревни и все строения на ней. Появляется слой городских крестьян . Они не работают на земле, их доход состоит из дивидендов от использование акционерной земли коммерческими и государственными предприятиями, личного дохода от сдачи в аренду личного жилья рабочим-мигрантам, а также от нефизического формального труда в офисе самой «деревенской» акционерной компании.

Непреодоленность и нарастание противоречия между китайским городом и китайской деревней привели к отсоединению от крестьянства существенных по количественному составу социальных слоев, образующих промежуточные классы в социальной структуре современного Китая: пролетаризирующихся крестьян и рабочих-мигрантов, обезземеленных крестьян, городских крестьян. Наличие подобных промежуточных слоев играет роль своеобразного тормоза в формировании классового сознания крестьянства как изначально социалистического класса. В свою очередь, в разворачивающейся борьбе капитализма с социализмом в Китае именно формирование классового сознания социалистических классов является ключевым для сохранения социализма.

Литература:

1. *Бергер, Я.М. Экономическая стратегия Китая [Текст]. / Я.М. Бергер. – М.: ИД «ФОРУМ», 2009. – 560 с.*

2. *Бони, Л. Стратегия интеграции города и деревни в Китае: успехи, проблемы, противоречия [Текст]. / Проблемы Дальнего Востока. – 2012. – №3.*
3. *Him Chung , Unger, Jonathan. The Guangdong Model of Urbanisation: Collective village land and the making of a new middle class [Text]. / Him Chung , Jonathan Unger. – China perspectives. – 2013. – №2.*
4. *Ke-Qing Han , Chien-Chung Huang , Wen-Jui Han. Social Mobility of Migrant Peasant Workers in China [Text]. / Ke-Qing Han, Chien-Chung Huang, Wen-Jui Han. – Delaware, USA.: SCIRP, 2011. – Vol.1, No.4. – P. 206-211*
5. *Kipnis, Andrew B. Urbanisation in Between: Rural traces in a rapidly growing and industrialising county city [Text]. / Andrew B. Kipnis. – China perspectives. – 2013. – №2.*
6. *Wenfang Tang, Qing Yang. The Chinese Urban Caste System in Transition [Text]. / Wenfang Tang, Qing Yang. – The China Quarterly, Vol. 196, December 2008. – pp. 1-21.*

Ахмедова Муслимат Газиевна,
Московская финансово-промышленная академия, Москва, Россия

Нарастание социального неравенства в условиях современного общества

Социальное неравенство является основной тенденцией мирового развития и глобализации. Однако проблема не в социальном неравенстве, как таковом, а в его усилении.

Будучи неизбежным социальным явлением, оно проявляется на всех этапах исторического развития общества, видоизменяются только формы и степень социального неравенства. Но если социальное неравенство продолжает нарастать и проходит определенный порог, то такие выражения, как «равенство возможностей», «свобода», «права человека», превращаются лишь в громко звучащую фразеологию».

Усиливающее социальное расслоение в современном российском обществе ведет к воспроизводству системы неравенства и несправедливости, в которой возможности самостоятельной жизненной самореализации и повышения социального статуса ограничены для большей части населения России. В этих условиях социальное неравенство, с одной стороны, совершенно парализует конкуренцию способностей, снижая стимулы к труду, что несомненно отражается на общем благосостоянии общества. Привилегированное положение, соединенное с монополией средств защиты, ведет не к усилению, а к ослаблению общества, не к отбору более «совершенных», а к выращиванию вырождающихся элементов, удовлетворяющих свои потребности за счет других. Подобное социальное явление вполне соответствует с конкурентным рыночным порядком, которые характеризуются отсутствием ценностей, зацикленностью ее агентов на получении прибыли, а также с ростом и поддержанием существующей численности населения и достигнутого уровня богатства.

Литература:

1. *Ахмедова М. Методологический и гносеологический плюрализм в современной социологической теории. Социальная политика и социология. 2012. №11 (89) - С.6-12.*
2. *Ахмедова М.Г.Особенности и перспективы развития современной социологической теории. Социальная политика и социология. 2011. №2.*
3. *Сорокин П.А. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 237*

Баценкова Антонина Александровна,
МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Социальная справедливость и индивидуализация

Тема социальной справедливости не теряла своей актуальности на протяжении всего периода существования нашей цивилизации, начиная с Античности (Платон, Аристотель) и кончая XXI веком. Каждое общество стремилось создать наиболее адекватную систему социального устройства, отвечающую принципам и ценностям его мировоззрения. Социальная справедливость находится в исторической и культурной динамике, изменяясь в соответствии с новыми идеалами и ценностями общества. Истоки трансформации понимания социальной справедливости заложены в дуальности социальной реальности, которая включается в себя два начала: индивидуальное и коллективное (или холистское). На протяжении истории они выступали как противоборствующие начала. Мы полагаем, что представление о социальной справедливости на современном этапе развития общества тесно связано с индивидуализацией и изменением роли индивида в обществе. В домодерновом обществе идеалом справедливого общества выступала гармония и порядок, устанавливающиеся благодаря или комическому закону (Античность), или высшему Божественной силе бытия (Средние века). Индивид находился в систему коллективных обязательств и не мыслил себя в не общества [2]. В XVIII веке был совершен кардинальный переворот, когда индивид стал центром Вселенной. Антропоцентризм возник, когда изменилось отношение человека и Бога, постепенно стиралось представление о зависимой подчинённой роли человека и происходило отождествление его с Богом. Главные категории равенства и свободы в христианстве, которые первоначально понимались только в отношении человека к Богу, были перенесены в мир и стали главными постулатами построения нового общества [2]. Утверждается «бесконечная ценность индивида» как субъекта и главного агента современности. Именно с этого времени социальную справедливость понимают, как историческую и социокультурную меру равенства и свободы индивидов в системе общественных отношений [1]. Основой построения нового идеала справедливости стали теории общественного договора и естественного права. Они обосновали ведущую роль индивида как субъекта права, субъекта познания, субъекта управления обществом. Социально-правовая теория социальной справедливости от холисткого принципа справедливости обращается к индивидуалистскому. Такое понимание роли индивида породило процесс индивидуализации, который понимается как освобождение индивида от власти и влияния тесных семейных уз, традиционных социальных институтов и связей. По мере распространения процессов

индивидуализации главным объектом многих социальных теорий является индивид. В современном мире просвещенческий проект остается актуальным, поскольку современных теории справедливости наследуют традиции и ценности эпохи Просвещения, но при этом делается больший акцент на внутренний субъективный опыт человека, который являются ведущим принципом построения теории. Ярким примером служит теория социальной справедливости Дж. Ролза [3]. Его теория основывается на двух принципах: равенство прав на свободу и адекватность существующего социального и экономического неравенства. Он также основывается на представлении об индивиде как свободном и равном существе, где справедливое общество – это неотъемлемое право индивида. Его теорию можно отнести к нравственно-психологическому типу, так как она опирается на психологические и нравственные внутренние механизмы возникновения и формирования чувства справедливости. Для Дж Ролза справедливость выступает как честность, как некое имманентное правило, регулирующее поведение человека, соотнесение с которым сущего и позволяет делать о нем вывод как о справедливом или несправедливом. В теориях социального неравенства также можно наблюдать отказ от структуралистской интерпретации социального неравенства к субъектно-операциональной тематизации природы статуса и социального неравенства [4]. В зависимости от того, насколько успешно индивид способен на индивидуальном уровне осуществить поиск и применение полученной информации (Ф. Ферарроти), или использовать предоставленные жизненный шансы (Р. Даренфорф), или свой совокупный капитал (П. Бурдье) будет зависеть его место в социальной иерархии. Таким образом, мы можем отметить, что теории социальной справедливости и социального неравенства в методологическом плане тесно связаны с теорией индивидуализации и выстраивают свои теории исходя из реального поведения индивидов и индивидуального социального действия. Эволюция теорий осуществляется от принципов предзаданности и предопределенности высшим благом или обществом к индивидуальному конструированию социальной реальности.

Литература:

1. *Аргунова В.Н. Социальная справедливость: социологический анализ: автореф. дис. на соиск. уч. степ. д-ра социолог. наук. Наук.: 22.00.01/Аргунова Вера Николаевна - СПб, 2005. С 10.*
2. *Рено. А Эра индивида. К истории субъективности. -СПб.: Владимир Даль. 2002. С. 94-98*
3. *Ролз. Дж. Теория справедливости. М.: URSS, 2010. - 534,*
4. *Кимелев Ю. А., Полякова Н.Л. Модерн и процесс индивидуализации: исторические судьбы индивида модерна. С.:ИИЦ «Праксис», 2017.-С. 323*

Вершинина Инна Альфредовна,
МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Пространственное неравенство и социальная несправедливость в современной России

Каждое общество имеет свое собственное представление о социальной справедливости [16, с. 159], поэтому зачастую рассмотрение данной темы сводится к ее философским аспектам. Однако неотъемлемой ее частью являются вопросы социального неравенства, поэтому эта тема актуальна для социологии на всех этапах ее развития и широко представлена в отечественных работах [8; 10; 11; 13 и др.]. В российской социологии по ней проводится множество социологических исследований [напр., 3], в которых особое внимание уделяется изучению настроений молодежи [2; 9 и др.] и возможностям манипуляции общественным сознаниям [12]. Рассматриваются проблемы неравенства, социальной справедливости и возможностей доступа в таких общественно значимых сферах, как образование [1; 4], здравоохранение [6] и др. В центре внимания данной работы находится пространственное измерение социальной справедливости и социальное неравенство в современных городах. Значительный вклад в исследования социальной справедливости в городах внес британский географ Дэвид Харви [17]. Он полагает, что центральным вопросом городских исследований должна стать взаимосвязь между социальной справедливостью и пространством. Пространственные несправедливость и неравенство определяются близостью или возможностями доступа к каким-либо объектам. Например, жилье может оказаться в непосредственной близости от транспортных путей, источника загрязнения, шума и т.д. Близость подобных объектов налагает значительные расходы на домашнее хозяйство (например, для обеспечения звукоизоляции). Изменение пространственной формы города (путем перемещения жилья, транспортных путей, возможностей трудоустройства, источников загрязнения и так далее) меняет цену доступности различных ресурсов для жителей. Таким образом, географическое положение жилья оказывает серьезное воздействие на качество жизни горожан. Одним из типичных примеров пространственной несправедливости Д. Харви считает американские города. Стремительная субурбанизация привела к трансформации рынка жилья и изменила расположение рабочих мест [17, с. 61-62]. Пригороды не были рассчитаны на семьи с низкими доходами, поэтому дешевое жилье оказалось сосредоточено в центральных районах города. Трудность расширения предложения в центральной части города ведет к тому, что спрос на жилье плохого качество среди семей с низкими доходами растет, что обеспечивает относительно высокие цены. Это приносит выгоду собственникам, но усиливает неравенство и отдаляет достижение социальной справедливости. Ситуация усугубляется тем, что большая часть новых рабочих мест появляется в пригородной зоне [17, с. 63-64], следовательно, социальные слои с низким

уровнем доходов постепенно оказываются вдали от новых источников занятости или вовсе отрезаны от них. Принцип территориальной справедливости, по мнению Д. Харви, обеспечивает распределение ресурсов по районам и регионам на основе учета трех критериев: потребностей, вклада в общее благо и заслуг, определяющих значимость выполняемых задач [17, с. 101]. Руководствуясь критерием социальной справедливости, необходимо расширить возможности наименее благоприятных районов и найти способы определения границ территорий и распределения ресурсов, которые обеспечат сбалансированное развитие всех регионов. Причем для достижения социальной справедливости неравное распределение ресурсов допустимо, если это способствует сбалансированному развитию и повышению вклада в общее для всех территорий благо. Социальная несправедливость ведет к росту социального неравенства и множеству негативных его последствий. Например, датский архитектор Я. Гейл отмечает, что неравенство ведет к росту преступности на улицах [15, с. 97]. Отечественные исследователи также все чаще обращают внимание на риски, с которыми связана социальная несправедливость в современных российских городах [7; 14]. В России наблюдается сверхконцентрация ресурсов в двух главных городах страны – Москве и Санкт-Петербурге. На них приходится значительная доля ВВП, международной торговли и т.д. Уровень зарплат выше, чем в ряде других регионов, что способствует постоянному притоку внутренних мигрантов. Это негативно сказывается на развитии близлежащих регионов, которые теряют человеческие ресурсы, что снижает потенциал для их возможного развития. При этом Москва и Санкт-Петербург сталкиваются с обострением социального неравенства и социальной несправедливостью. Родившиеся в этих городах люди изначально обладают большими возможностями, чем многие другие жители страны. Однако острая конкуренция с внутренними мигрантами, вынужденными решать большее количество проблем (самая сложная из которых – жилищная), зачастую приводит к тому, что большие стартовые возможности не приводят к более высоким достижениям. Социальное расслоение в российских столицах выше, чем в среднем по стране, что делает для них проблему социальной справедливости более острой, чем для других регионов Российской Федерации. Тем не менее, социологи продолжают верить в возможность достижения социальной справедливости [5] и предлагают различные способы сокращения социального неравенства. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Новые формы социального неравенства и особенности их проявления в современной России», № 18-011-01106.

Литература:

1. *Балычева М.Б. Стратегическая образовательная технология и формирование предметной компетенции // Гуманитарные науки и профессионализация знаний. // Всероссийская научно-методическая конференция, посвященная 85-летию РГУ нефти и газа имени И.М. Губкина. М. РГУ нефти и газа. 2015. С. 15-17.*
2. *Волкова Л.В. Изучение проблем и настроений молодежи как основа управления развитием человеческого потенциала // Развитие человеческого потенциала как условие и фактор*

модернизации России и ее регионов: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (Уфа, 19-20 ноября 2015 г.) / под ред. Р.М. Валиахметова, Г.Ф. Хилажевой. Уфа: Гилем, Башк. энцикл., 2015. С. 444 -448.

3. *Волкова Л.В. Представления российской молодежи о социальной несправедливости // Тезисы VI международной социологической Грушинской конференции «Жизнь исследования после исследования: как сделать результаты понятными и полезными», 16-17 марта 2016. Материалы конференции. М.: ВЦИОМ, 2016.*

4. *Герасимова И.А., Смирнова О.М., Фалеев А.Н., Филатова М.Н., Юдина М.Е. Проблемы и риски инженерного образования в XXI веке / Российский государственный университет нефти и газа имени И.М. Губкина, Институт философии Российской академии наук. Москва, 2017.*

5. *Добринская Д. Е. «Реальные утопии» в социологической теории Э.О. Райта // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2014. № 4. С. 44–59.*

6. *Лядова А.В., Лядова М.В. Особенности формирования взаимоотношений в системе врач-пациент в современных условиях // Социология медицины. 2016. Т. 15. № 2. С. 116–121.*

7. *Лядова А.В., Новоселова Е.Н. Социально-экологические риски урбанизации и развитие Московской агломерации: сравнительный анализ зарубежного опыта // Экология и промышленность России. 2017. Т. 21, № 10. С. 55–61.*

8. *Мартыненко Т. С. Глобальное неравенство как фактор нестабильности современного общества // V Всероссийский социологический конгресс «Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость». Екатеринбург: Екатеринбург, 2016. С. 514–522.*

9. *Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б., Монахов Д.Н. Особенности процесса формирования ценностных ориентаций современной российской молодежи и осуществления молодежной политики в Российской Федерации (результаты социологического исследования). М.: МАКС Пресс, 2016.*

10. *Осипова Н.Г. Неравенство в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2014. № 2. С. 119-141.*

11. *Полякова Н.Л. Социальное неравенство в социологических теориях второй половины xx в. Оформление конструктивистской перспективы // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2015. № 1. С. 5–28.*

12. *Смирнова О.М. Социально-философские аспекты манипулирования общественным сознанием с помощью PR-технологий / Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы материалы II Всероссийского социологического конгресса. Ответственный редактор: И. П. Рязанцев. Москва, 2004. Издательство: Альфа-М. С. 234-237.*

13. *Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований. Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: Издательство «Весь Мир», 2016.*

14. *Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя. Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М.: Весь мир, 2018.*

15. *Gehl J. Cities for People. Washington – Covelo – London: Island Press, 2010.*

16. *Gottmann J. La politique des Etats et leur géographie. Paris: Arman Colin, 1952.*

17. *Harvey D. Social Justice and the City. London: Edward Arnold and St. Martin's Press, 1973.*

Викторов Александр Шагенович,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Социальная справедливость в контексте новой реальности альтермодерна

Системный кризис капитализма и неоднозначный процесс формирования новой реальности с необходимостью актуализировал проблему социальной справедливости (несправедливости), которая лежит в основе общественного порядка, определяет внутреннюю логику развития и

будущее современного общества. В методологическом плане проблема социальной справедливости (несправедливости) в условиях формирования новой реальности альтермодерна не только порождена особенностями модернизационного развития России, но и оказывает на них значимое воздействие. В понимании сути альтермодерна можно выделить четыре содержательных аспекта: концептуальный, философский, историко-эволюционный и социально-экономический. Концептуальный аспект – это проблема изучения новой реальности капитализма через призму теорий модернизма, постмодернизма и разных версий нового модернизма (метамодерна, альтермодерна, постпостмодерна, трансмодерна и др.), которые означают различные проекты трансформации капитализма. За основу своего понимания мы берем теорию альтермодерна, имеющей целый ряд особенностей: характеризуется деформацией привычных структур, морально-нравственных устоев; сопровождается утратой устойчивости социальных отношений; конструирует третий путь общественного развития через возвращение к истокам современной жизни в противовес к глобализму и фундаментализму (наиболее полно этот тезис выражен в названии Экономического Форума в Давосе (январь 2018): «Создавая общее будущее в расколотом мире») и др. За последние два века Россия пыталась реализовать три проекта модернизации: «самодержавный», «советский» и «рыночный». По мнению М. Вебера (1864-1920), неудача модернизации России была связана прежде всего с тем, что Россия не прошла в своем развитии эпоху реформации, ее интеллигенция отличалась особой революционностью, общество демонстрировало низкий уровень взаимного доверия (и терпимости), российская династия активно отстаивала свои материальные интересы и боролась за контроль за реформированием общества. В объективном плане малоэффективность новой модели модернизации России вызвана, прежде всего, разрушением традиционных механизмов воспроизводства населения, отказом от социально-ориентированной государственной политики и отсутствием в России национальной консолидации между обществом, властью и различными слоями населения. Все это в наибольшей мере проявилось в конструировании новой реальности модерна, что находит выражение в снижении качества жизни населения, росте неравенства, социальной несправедливости, отсутствии доверия к государству и политической элите. Суть социальной справедливости – это беспристрастное и соразмеренное распределение общественных благ в соответствии с имеющейся иерархий ценностей. Поэтому это понятие непосредственно связано с определением как объективных (что есть), так и субъективных (как представляется) критериев в оценке новой реальности современного общества, которые должны иметь конкретно-исторический характер и базироваться на общечеловеческих и национальных ценностях. Причем как оценочная категория эти критерии могут различаться в отношении различных социальных групп, страт, слоев и др., т.е. имеющих неодинаковые социальные статусные позиции, и может рассматриваться как показатель проявления социальной несправедливости в качественной

характеристике состояния общества или отдельных его сфер (в политике, экономике, праве, культуре и др.). В сфере общественной жизни социальная несправедливость имеет прямое отношение к неравенству, где она выступает как конкретная мера проявления равенства и неравенства через соотношение объективных и субъективных критериев в положении различных социальных групп (реализация возможностей, доступ к материальным благам и др.). Поэтому поддержание социальной справедливости и социальной несправедливости определяется в первую очередь характером существующей социальной системы, ориентированной по преимуществу или на общественный или частный сектор в распределении материальных благ. Гипотетически в оценке социальной справедливости (несправедливости) можно выделить высшие, средние и низшие критерии, но они будут иметь некий воображаемый характер (позитивный или негативный) и означать извечный критерий любого общества: «Каждому свое». Поэтому в социологическом плане в условиях глобальных и национальных изменений, социальная справедливость как мера должна быть выражена в конкретных критериях сохранения и развития человека, группы, общества. И тем самым может выступить значимым элементом формирования новых общественных отношений и преодоления кризисного и небезопасного состояния. К тому же высокая степень чувства социальной несправедливости россиян коррелируется с нереализованными возможностями недостигнутых целей, которое они испытывают по отношению ко всему происходящему в современной России. Таким образом, социальная справедливость (несправедливость):

- лежит в основе новой реальности альтермодерна, где главными содержательными элементами выступают право, доверие, равенство, которые помогают преодолеть нестабильность и неопределенность переходного времени;
- может служить критерием оценки существующего общества и выступает как основой формирования как новых общественных отношений (заключения нового общественного договора), так и создания новой нормативно-правовой базы для преодоления социального неравенства.

Волгушева Елена Витальевна,
Курский Государственный Университет, Курск, Россия
Андриянова Татьяна Владимировна
Курский Государственный Университет, Курск, Россия

Религия как один из факторов справедливости в современном обществе

Понятие «справедливость» является достаточно многозначным, и выступает в качестве объекта многих дискурсов в различных областях научного и духовного знания. В широком смысле справедливость – это

«понятие о должном, соответствующее определенным представлениям о сущности человека и его неотъемлемых правах [1]. Справедливость является одной из категорий морального сознания, которая выражает собой не отдельную ценность или благо, а их взаимоотношения между собой, уровень взаимозависимости и распределения между разными индивидами в единой общественной системе. Отсюда следует вывод о том, что вне общества понятие справедливости теряет свой смысл и существовать не может. Помимо того, что это понятие фигурирует в качестве категории морального сознания, оно также выступает еще и как категория правового и социально-политического сознания. Справедливость направлена на оценку соотношений между ролью отдельных слоев общества и их социальным положением, между деяниями и воздаяниями за них, между заслугами человека перед обществом и их вознаграждением, правами личности, ее свободами и обязанностями [1]. Если подобного соотношения и сохранения баланса не происходит, то возникает явление, противоположное справедливости – несправедливость. В течение нескольких веков исследователи вели поиск факторов, которые влияют на справедливость человечества, на его мировоззрение и на такие качества, как мораль, нравственность, толерантность, поскольку именно они, и многие другие соответствуют критериям справедливости. Например, крупнейший английский философ и историк Дэвид Юм еще в середине 18 века пришел к выводу о том, что религия является одним из двигателей, которые оказывают влияние на формирование справедливости в человеке. Такое утверждение является очень смелым, ведь во времена Д. Юма религия была достаточно спорным аспектом жизни и не утвердилась в качестве полноценного социального института [2]. Энциклопедист В.И. Даль чуть позже дает свое понятие справедливости, хоть и делает это довольно косвенно. В его представлении «справедливый, правильный, сделанный законно, по правде, по Совести, по правоте – человек, судья, творящий правдивый, праведный суд, идущий по всей правде, неподкупный» [3]. Как мы видим, во многом В.И. Даль отождествляет такие понятие, как «правда», «добро», «совесть» и «справедливость». Свои умозаключения автор также подкрепляет некоторыми народными пословицами и поговорками, где также фигурирует религиозная тематика. Например, такие пословицы, как «Бог тому дает, кто правдой живет», «Аще не избудет правда ваша, паче книжник и фарисей, не внидете в Царствие небесное» [1]. Таким образом, еще начиная с 18 века в литературе появляются упоминания о взаимозависимости религиозной тематики и понятия «справедливость». Конечно же, многие религии, существовавшие в течение нескольких сотен лет, помимо веры в Высшие силы, в Божественные явления, опирались и на понятия «совесть», «мораль». В качестве доказательств можно привести христианские заповеди, которые опираются на восхваление справедливости, а также таких чувств, как уважение и любовь. Именно следование этим простым правилам означает стать ближе к Богу, получить от него помилование. При этом, согласно религиозным представлениям, каждый человек равен перед Богом. Это

значит, что каждый в равной степени получает по своим заслугам, и справедливость заключается в том, что о жизни человека необходимо судить лишь по его деяниям. Если он праведно служил народу, соблюдал заповеди, почитал старших, не нарушал чужие свободы и права, то и его жизнь после смерти будет легка. Но если же его жизнь была наполнена бессмысленными действиями, в которых отсутствует рациональность, моральные основы и справедливость, то и наказание он получит соответствующее. В этом заключается одна из функций религии в жизни человека и общества – регулятивная. Она выполняет ее наряду с иными формами сознания человека, о которых мы упомянули ранее – мораль, совесть, право. Данная функция направлена на создание и обоснование норм общественного поведения. Согласно этим нормам происходит регуляция человеческого поведения человека, а от отношения к ним одного зависит состояние всего общества. Регулятивная функция напрямую связана с еще одной, немаловажной, - воспитательной. Религия оказывает влияние на социализацию индивида, его восприятие ценностей и норм, а также на мировоззрение. Религия и ее учения прививают правила и навыки поведения в обществе, формируют систему ценностей, которые могут быть не только личностными, но и общечеловеческими. Справедливость как раз является одной из них. Таким образом, подводя итог проведенному анализу, мы можем сделать вывод о том, что религия в течение многих сотен лет являлась одним из ключевых факторов справедливости, который укоренился после того, как религия стала социальным институтом, то есть в 18 веке. Справедливость в религии осуществляется посредством религиозной деятельности, такой, как принятие религиозных учений и соответствующих заповедей, в которых регламентируются основы морали, нравственности, и, что самое главное, справедливости и совести.

Литература:

1. *Смирнов И.П. Что такое справедливость? [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://insocialism.spb.ru/attachments/095_Spravedlivost.pdf (дата обращения: 11.01.2018 г.)*
2. *Об обществе, справедливости, собственности, морали, религии. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000005/st071.shtml (дата обращения: 11.01.2018 г.)*
3. *Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Избранные статьи. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. – С. 583.*

Волосков Игорь Владимирович,
ГБОУ СОШ 887, Москва, РФ
Попов Денис Александрович
ГБОУ СОШ 887, Москва, РФ

Социальная справедливость в социологических теориях XX века

Понятие «справедливости» одно из основных понятий в теориях, описывающих будущее Человечества. Потому данный термин часто

используется не только в философских, но и в социологических теориях. Особый научный интерес представляет трансляция философского понятия справедливости в социологических теориях современности. Определенным значимым ориентиром для зарождающейся социологии была немецкая классическая философия. Такие «отцы социологии» как О. Конт, Э. Дюркгейм считали себя последователями немецкой классической философии, которая рассматривает общество с позиции разума и рационализации. Г.Гегель рассматривал справедливость с точки зрения права и гражданского общества. По сути, справедливым Гегель видел установление «хороших» законов, соответствующих духу гражданского общества и ведущих к «процветанию и блеску государства». Все, что связано с правом должно было быть связано и со стремлением поступать справедливо во имя справедливости. При этом одним из основных положений в таком «справедливом праве» Гегель видел именно равенство, а выражением этого должна являться Конституция – «существующая справедливость», конечной целью которой и является установление общества свободы и равенства (не уравнительного). Для Гегеля справедливость неотделима от права, причем права, устанавливаемого государством, он нашел и диалектическую взаимосвязь понятий справедливости и права. Например, вынесение наказаний преступникам. Преступник свободно выбрал то, как вести себя в обществе (девиантно), ему вынесли наказание, но справедливо оно, если только «взято из самого его деяния». Справедливость нуждается в защите права, чтобы эквивалент проступка и наказания был соразмерным. [1. стр. 141-142]. В такой связке право государство справедливо и отвечает интересам общества. Проблема рационализации с позиции идей правового государства и гражданского общества транслируется в социологические теории XX века. Ю.Хабермас, как основатель неомарксизма, трактует понятие справедливости с позиции коммуникации и гражданского общества. Социолог противоставляет формальную коммуникацию капитализма, основанную на выгоде, эксплуатации и принуждении гуманистической коммуникации, основанной на сотрудничестве, доверии, взаимодействии. В такой коммуникации нет места принуждению, доминированию, эксплуатации и она возможна в гражданском обществе как свободном объединении граждан и их организаций [2, с.97]. Фактором формирования такой коммуникации Хабермас считает публичную сферу как промежуточную между государством и частной жизнью граждан. Таким образом, Хабермас использует проблематику гражданского общества Гегеля, но в отличии от него делает акцент на механизмы построения такого общества за счет развития публичной сферы, СМИ и гармонизации социальной коммуникации. Другой неомарксист, Э.Фромм, считал, что стремление человека к справедливости и правде это не что-то навязанное ему извне, а неотъемлемое свойство природы самого человека. Объяснение таких свойств человеческой природы Фромм видел в анализе истории общества в целом и индивида в частности. В истории общества Фромм усматривал появление этого стремления в классовом антагонизме: большинство

населения подавлялось меньшинством и им же эксплуатировалось. В истории индивида тоже были причины для появления стремления к справедливости: человек в детстве проходит через период бессилия, как и общество при классовом антагонизме, и именно в этом периоде бессилия появляется чувство справедливости и правды, превращающееся в потенциальную способность, присущую человеку [3, стр. 208-209]. Э. Гидденс, как основоположник традиции социологии модерна, рассматривает справедливость гражданского общества с позиции социального действия и теории структурации. Рутине, как современному состоянию общества, основанному на подавлении человека системой, автоматизмом социального действия противостоит структурация, процесс формирования системы общества в процессе активной социальной деятельности граждан [2, с. 55]. Важным аспектом данного процесса перехода к гражданскому обществу является детрадиционализация, критическое осмысление традиций и уничтожение тех, которые утратили свой смысл, но по-прежнему влияют на социальное поведение людей. Через рационализацию социального поведения и пересмотр традиций социолог видит реализацию процесса структурации и установление справедливого гражданского общества. Вектор на социальное действие, его рационализацию и доминирование в процессе структурации является ведущим в социологических теориях модерна и транслируется в теориях Т. Лукмана, Р. Эмермона, Д. Коулмена. Постмодернисткие теории делают акцент на проблему относительности, плюрализма . По мысли З. Баумана, модерн хочет покорять мир, контролировать природу. Постмодернисты не только не стремятся к этому, а предпринимают усилия, чтобы разрушить этот контроль. [2, с. 184]. В таком понимании социология уходит от проблемы справедливости, порядка, социального идеала, а акцентирует внимание на проблеме исследования общества и выявлении тенденций его развития. Гражданское общество становится социальным фактом и не оценивается с позиции справедливо-несправедливо, разумно-не разумно в силу относительности данных категорий для изучения общества.

Литература:

1. *Вестник Чувашского Университета, 2011 год, №4.*
2. *Кравченко, С.А. Социология модерна и постмодерна в динамично меняющемся мире.-М., МГИМО, 2007.*
3. *Фромм, Э. Бегство от свободы. Революционный характер. Перевод с англ. А.И.Фета. - NykËoping, Sweden, Philosophical arkiv, 2016.*

Гаврилюк Татьяна Владимировна,

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

Исследования рабочего класса в современной западной социологии: основные направления и социальное значение.

Доклад подготовлен при поддержке гранта РНФ №17-78-20062 «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса современной

России». Проблема социальной справедливости является ключевой для классового анализа на протяжении всей истории его существования. Социальные трансформации последней трети XX в. обусловили необходимость пересмотра основных принципов данного подхода. Конвенциальные классовые схемы были подвергнуты критике за экономический детерминизм, а также за телеологический историзм, если речь шла об их марксистском варианте. Влиятельной была и феминистская критика, поставившая под сомнение тождественность структуры мужской занятости и классовой структуры общества. В 1980-е гг. были предложены многомерные модели, учитывающие пограничные классовые позиции и множественность структурных детерминант, оказывающих влияние на классообразование [9]. К началу 1990-х концептуализация современности в категориях возрастающей индивидуализации и нестабильности социальных структур вкупе с политикой неолиберализма воплотилась в идее «смерти класса». У.Бек полагает, что класс превращается в «зомби-концепт», пустую аналитическую категорию без наличия референта. По его мысли, в современных реалиях социальный контроль более не осуществляется в соответствии с классовыми нормативными принципами, а открытие элементов «классовой судьбы» в собственной биографии является элементом жизненного опыта самого субъекта [1, 122]. К.Доран, основываясь на неофрейдизме и идеях Ж.Бодрийяра, рассматривает «смерть телесно воплощенного коллективного опыта рабочего класса и последующее воскрешение как симуляционной модели» в конце XX века [2, 127]. «Рабочий класс» возвращается в американский научный дискурс в начале 2000-х гг. Направление “New working class studies” формируется на стыке общественно-политического активизма и академической традиции как открытая междисциплинарная площадка для дискуссий, нацеленных на решение практических задач. Основатели проекта заявляют о достижении консенсуса в использовании концепта «класса» как производной властных отношений, базирующихся на экономической позиции, и формирующих индивидуальность акторов, их культуру и интересы [3, 5]. Вместе с тем, данная категория утрачивает доминирующую позицию в объяснении социального неравенства, расположившись в одном ряду с такими понятиями, как гендер, раса, этничность и сексуальная ориентация. Интерсекциональность как теория пересечения и взаимоналожения дискриминаций становится новым словом классового анализа в понимании воспроизводства механизмов социальной несправедливости [4 и 8]. Для данной исследовательской программы также характерно внимание к динамике социальных процессов [3, 7], выражающееся, прежде всего, в изучении влияния последствий деиндустриализации на положение рабочего класса [7]. Анализируются такие аспекты, как мутация и миграция индустриального труда в условиях глобального рынка, новые разновидности ручного производительного труда, профессии рабочего класса в сервисной сфере. Партисипаторный и акционистский характер “New working class studies” воплощен в миссии, декларируемой исследовательским сообществом:

служение интересам реальных людей и создание условий для позитивных перемен в жизни рабочих, налаживание и укрепление связей между университетами и профсоюзами, сообществами активистов и другими организациями, нацеленными на достижение справедливости для рабочего класса. Реализуется эта программа посредством активного участия в основных сферах жизни рабочих (например, образовательная деятельность в рабочей среде и популяризация результатов исследований). Меняется и методология классового анализа. Отказавшись от абстрактных классификаций 1960-1970-х гг., исследователи акцентируют внимание на индивидуальной агентности представителей рабочего класса. Подчеркивается значение нарративных методов в росте осведомленности о реальном опыте представителей данной социальной группы, позволяющей улучшить условия их жизни [5, 178]. Основатели проекта Дж.Руссо и Ш.Л.Линкон полагают, что доминирующей в исследовательском поле является теоретическая установка на интеграцию культурального и структурного подхода в исследовании жизненного опыта, практик смыслопроизводства и коллективных действий людей, занимающих сходное положение во властных и экономических структурах. Другие же авторы констатируют сохранение напряжения между этими двумя теоретическими полюсами как следствие длительного противостояния между школами структурного неомарксизма Л.Альтюссера и культуральным неомарксизмом И.П.Томпсона [6, 28]. Исходя из данного концептуального напряжения мы выделяем две основные линии современных исследований рабочего класса: 1. Парадигма примирения: язык “cultural turn” как реакция на феминистский и постмодернистский вызов, политику мультикультурализма; использование аксиоматики теории интерсекциональности; исследование микрополитик различия внутри рабочего класса, форм классовой идентичности, в том числе фрагментированных и гибридных, разнообразных культурных практик рабочего класса. 2. Парадигма конфронтации: язык “critical theory” как возвращение к классической марксистской терминологии; субстанционализация рабочего класса как категории, акцент на его унификации на основании общности классового интереса, исследование рабочего класса в глобальном измерении, центральные категории – классовый антагонизм, справедливость, эксплуатация.

Литература:

1. *Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В.Седельника и Н.Федоровой. М.: Прогресс – Традиция, 2000.*
2. *Doran C. (1990) The working class a zombie: simulation and resistance in the late twentieth century // Canadian Journal of Political and Social Theory. Vol. 14, № 1 – 3. Pp. 126 – 147.*
3. *Linkon S.L., Russo J. (2016) Twenty Years of Working-Class Studies: Tensions, Values, and Core Questions. Journal of Working-Class Studies Volume 1 Issue 1, December 2016. Pp. 4 – 13.*
4. *Oldfield, K., Johnson, R., III. (eds) (2008) Resilience: Queer professors from the working class, State University of New York Press, Albany.*
5. *Roberts, I. (2002) Working-Class Studies: Memory, Community, and Activism. International Labor and working-class history., 61. Pp. 177 – 179.*
6. *Schocket, E. (2002) Working-Class Studies, Rethinking Marxism: A Journal of Economics, Culture & Society, 14:3, 26-48.*

7. *Strangleman, T. (2011) 'Working-Class Autobiography as Cultural Heritage' in Smith, L., Shackel, P. and Campbell, G. (eds) Heritage, Labour and the Working Classes, Taylor & Francis Ltd, London.*
8. *Tokarczyk, M.M., Fay, E.A. (eds) (1993) Working-class women in the academy: Laborers in the knowledge factory, The University of Massachusetts Press, Amherst.*
9. *Wright E.O. Class counts. Cambridge University Press, 2000.*

Дадашев Агабаба Айдын оглы,
Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет,
Нальчик, РФ

Классовое противостояние или теория «согласования интересов»

С давних времён люди мечтали о построении справедливого общества и разумном руководителе. Лучшие умы человечества пытались претворить в жизнь коллективное желание своих современников. Подобные теории ещё разрабатывали Платон и Аристотель в античности, в средневековье – Ф. Аквинский, в Новое время – Томас Гоббс и Джон Локк. Поиски построения «справедливого общества» продолжились и в Новейшее время.

Жизнь людей в XX веке была заполнена важнейшими социально-экономическими преобразованиями, величайшими достижениями в науке, технике, культуре. Не последнюю роль сыграли события Октября 1917 года, две мировые войны, переход от капитализма к государственно-монополистическому капитализму, сосуществование двух противоположных социально-экономических систем, внедрение в производство и быт новейших достижений науки, техники и технологии, естественный распад не выдержавших испытания жизнью политических систем, государств, всевозможных иллюзорных и идеологических концепций и взглядов. Все эти и другие прогрессивные и негативные, но важные, политические процессы нашли свое отражение в политическом сознании почти у всех народов мира. Проблема социально-классового противостояния, или, наоборот, единения работодателей и трудящихся является актуальной и злободневной, начиная с середины 19 столетия и до наших дней. Сторонники марксизма, а затем и ленинизма однозначно считали, что коренные экономические и политические интересы работодателей и работающих принципиально несовместимы, неизменно ведут к классовой борьбе, революции и социализму. Все политические школы и теоретические направления несоциалистической ориентации ищут пути и способы сближения и согласования интересов разных классов и социальных групп в общих экономических, политических и культурных объединениях, организациях, партиях и в совместном досуге богатых и бедных. Французский мыслитель А. Токвиль обосновал либеральную политическую теорию, согласно которой представительная власть корректирует экономические и политические интересы разных социальных групп людей [2]. А английский утилитарист и поборник

равноправия Дж. Милль развил идею пропорционального социального представительства во власти, считая, что доминировать во власти должна интеллектуальная и моральная элита из различных социальных слоев, которая имеет преимущества во время выборов [1].

В начале 1930-х годов президент США Ф. Рузвельт, опираясь на экономическую концепцию государственно-монополистического капитализма Джона Кейнса, стал реализовывать идею согласования интересов противостоящих классов в своей практической политике. Нельзя не отметить то, что по «Новому курсу» в середине 30-х годов XX века в США для трудящихся значительно расширились общественные работы, были законодательно установлены максимальная продолжительность рабочего дня, запрещен детский труд. Таким образом, теория согласования классовых интересов, противоположная марксистко-ленинской теории классовой борьбы, первоначально в одной стране – США, а впоследствии и в других странах стала реальной политической практикой. С октября 1991 года в России начался переход к рыночной экономике, базирующейся на частной собственности и предпринимательстве. И российским обществоведам предстоит, используя мировой опыт, изыскивать свои особые формы и приемы согласования интересов собственников и трудящихся, а не заниматься абстрактным теоретизированием вокруг проблем построения «справедливого» или «несправедливого» государственного строя.

В современной политической экономике существует норма соотношения совокупного имущества 10% самых богатых людей и совокупного имущества 10% бедных людей государства. Коэффициент их соотношения не должен превышать более 25 кратного размера. В современной России этот коэффициент выше более чем в 90 раз. Эти цифры требуют от нас социально-политического осмысления, а далее и построения совершенно новых механизмов, новой философской концепции «согласования интересов» людей, представляющих собой совершенно полярные слои общества. И это необходимо не только ради сохранения «справедливого» или «несправедливого» общественного строя, но и ради сохранения государственности, вообще.

В заключение можно сказать, что для нормального, стабильного функционирования общества необходимо оптимизировать развитие каждой сферы общества и каждой группы людей, а также развивать и совершенствовать взаимосвязи между ними.

Добринская Дарья Егоровна,
МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

На пути к справедливому обществу: альтернативы капитализму

Проблема справедливого общественного устройства на протяжении всей истории существования человеческих обществ была и остается предметом серьезных дискуссий. Для социологов вопросы справедливости во многом соотнесены и непосредственно связаны с проблемами социального неравенства [1, с. 11]. В очередном докладе международной благотворительной организации Оксфам Интернешнл, посвященном изучению неравенства в мире, приводятся данные о том, что в 2017 году 82% всего созданного в течение года объема мировых богатств получил 1% населения Земли [2]. «Лаборатория исследования неравенства в мире» констатирует, что за несколько последних десятилетий уровень неравенства в доходах изменялся в сторону повышения практически во всех регионах мира, но разными темпами. Тот факт, что при схожих показателях по уровню развития, между странами существуют значительные различия в показателях по уровню неравенства, указывает на определяющую роль национальной политики и существующих социальных институтов, в том числе институтов образования и здравоохранения [3–6]. Социологический анализ неравенств, которые имеют место в эпоху глобализации, позволяет социологам сформулировать представления о различных вариантах решения этой социальной проблемы [7–9]. Встает вопрос относительно перспектив существования капитализма [10–12]. В этой связи интерес представляют теоретические разработки, позиционирующие себя как альтернативы капиталистическому порядку. Социолог Эрик Райт предлагает путь к справедливому обществу посредством разработки эмансипирующей социальной науки, которая станет прочным моральным основанием для современной социологии. Проблема современного общества состоит в отсутствии справедливости, как социальной, так и политической, которая в условиях капиталистической системы невозможна. Ключевыми задачами эмансипирующей социальной науки, способной эффективно решать проблемы социального неравенства и несправедливости, по мнению Райта являются следующие:

1. определение нормативных принципов социальной эмансипации;
2. критическая оценка существующих социальных институтов и социальной структуры с точки зрения соответствия этим принципам;
3. создание теоретической схемы для анализа возможных альтернатив наличному состоянию общества;
4. разработка общей теории социальных трансформаций – проект “Реальные утопии»”[11, с. 11–29].

К базовым нормативным принципам, являющимся стандартами оценки существующих социальных институтов и социальных структур, Райт относит принципы всеобщего равенства, демократии и устойчивого развития. Принцип социального равенства имеет первостепенное значение в анализе различных форм неравенства. Согласно демократическому принципу, “все индивиды имеют равный доступ к необходимым средствам политического участия, позволяющим им осознанно осуществлять свой выбор в вопросах, влияющих на их жизнь” [13, с. 5]. Принцип устойчивого развития связан с проблемами экологии и исчерпаемости природных ресурсов. В настоящее время основным принципом социальной справедливости выступает всеобщее равенство. Однако уже сегодня очевидно, что в будущем таким принципом станет принцип устойчивого развития [14,15]. Следуя структурной логике эмансипирующей социальной науки, социолог выносит вердикт современному капиталистическому устройству, утверждая, что современный капитализм является источником социального неравенства, а капиталистические отношения препятствуют распространению демократических ценностей. Кроме того, цели современной капиталистической экономики противоречат принципам устойчивого развития [11, p.6–8]. Демонстрируя недостатки капитализма, Райт стремится дать ответ на вопрос относительно его альтернатив. Мыслитель предлагает возможные варианты укрепления власти различных общественных институтов, а, следовательно, и определения новых форм организации экономической системы. Это и есть “реальные утопии” социолога. Термин “утопии” Райт связывает со стремлением реализовать идеалы всеобщего равенства, “реальными” же они являются потому, что уже сегодня продемонстрировали свою эффективность в различных сферах общественной жизни. Социолог убежден, что эти институты будут способствовать постепенным деформациям отдельных элементов капиталистической системы. Таких реальных утопий в современном мире становится все больше: рабочие кооперативы, альтернативные валюты, краудфандинг, свободное распространение и использование интеллектуальной собственности, публичные библиотеки, безусловный базовый доход и т.д. П.Мейсон предлагает «Проект ноль», идеи которого во многом схожи с идеями Райта и содержат целый ряд предложений по трансформации существующих социальных институтов[8,p.359–396]. Для теоретиков М.Альберта и Р.Ханела, разработавших модель экономики участия, как еще одной альтернативы капитализму, основополагающими принципами реализации этой модели выступают демократические ценности, социальная справедливость, солидарность и экономическая эффективность. Все это, по мнению авторов, возможно реализовать уже в ближайшем будущем посредством усиления роли соответствующих социальных институтов[12]. Рассмотренные альтернативы существующему капиталистическому устройству объединяет приверженность левым взглядам, критика сложившейся системы капиталистических отношений, ориентация на принципы функционирования

социалистической экономической модели и стремление к справедливому обществу.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Новые формы социального неравенства и особенности их проявления в современной России», № 18-011-01106.

Литература:

1. *The New Blackwell Companion to Social Theory / Turner B.S. (ed.) Wiley-Blackwell, 2016. 618 p.*
2. *Richest 1 percent bagged 82 percent of wealth created last year - poorest half of humanity got nothing | Oxfam International [Электронный ресурс]. 2018. URL: https://www.oxfam.org/en/pressroom/pressreleases/2018-01-22/richest-1-percent-bagged-82-percent-wealth-created-last-year (дата обращения: 24.01.2018).*
3. *Alvarado F. et al. World Inequality Report 2018. Executive Summary. 2017.*
4. *Балычева М.Б. Стратегическая образовательная технология и формирование предметной компетенции // Всероссийская научно-методическая конференция, посвященная 85-летию РГУ нефти и газа имени И.М. Губкина «Гуманитарные науки и профессионализация знаний». М.: Российский государственный университет нефти и газа, 2015. С. 15–17.*
5. *Юдина М.Е. Реализуем ли гуманитарный идеал научного знания в техническом вузе? // XI Международная научная конференция «Сорокинские чтения» Университет в глобальном мире: новый статус и миссия. М.: МГУ имени М.В.Ломоносова, 2017. С. 304–306.*
6. *Филатова М.Н., Волкова Л.В. Социальные компетенции в образовательном процессе: цели, принципы, технологии // Социология образования. 2007. № 9. С. 4–16.*
7. *Осипова Н.Г. Неравенства в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 119–141.*
8. *Полякова Н.Л. Теории социального неравенства в социологии XX в. Трансформация классики // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 4. С. 19–43.*
9. *Мартыненко Т.С. Глобальное неравенство как фактор нестабильности современного общества // V Всероссийский социологический конгресс «Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость». Екатеринбург, 2016. С. 514–522.*
10. *Мейсон П. Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 416 с.*
11. *Wright E.O. Envisioning real utopias. Verso, 2010. 394 p.*
12. *Participatory Economics - a model for a new economy [Электронный ресурс]. URL: http://www.participatoryeconomics.info (дата обращения: 25.01.2018).*
13. *Wright E.O. Transforming Capitalism through Real Utopias // American Sociological Review. SAGE Publications Sage CA: Los Angeles, CA, 2013. Т. 78, № 1. С. 1–25.*
14. *Лядова А.В., Новоселова Е.Н. Социально-экологические риски урбанизации и развитие московской агломерации: сравнительный анализ зарубежного опыта // Экология и промышленность России. 2017. Т. 21, № 10. С. 55–61.*
15. *Вершинина И.А., Курбанов А.Р. Трансформация зоопространств современных городов и возможности их использования в экологическом просвещении населения // Экология и промышленность . 2017. Т. 21, № 1. С. 50–55.*

Елишев Сергей Олегович,
МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Исследования особенностей манипулятивного воздействия на молодёжь в советский период отечественной истории

Одним из важных и перспективных направлений современных социологических исследований является изучение целенаправленного воздействия на молодёжь различных, не однозначных субъектов общественной жизнедеятельности, использующих её, в силу отсутствия у

значимой части молодых людей соответствующих знаний, опыта и экономической независимости, как объект манипуляций, а также апробаций на ней политических, социально-психологических технологий и экспериментов[1]. Иными словами, речь идёт о часто встречающемся на практике использовании молодёжи в качестве привлекательного, малозатратного средства для достижения определённых своекорыстных целей. Например, для осуществления так называемых «цветных революций» на постсоветском пространстве, для экстремистских выступлений, деятельности деструктивных политических и религиозных сил. Эффективное противодействие подобного рода негативной практике и деструктивного воздействия на процесс социализации, воспитания и социального развития современной российской молодёжи, является в настоящее время одной из главных задач, стоящих перед российским обществом, государством и наукой. Для её решения, прежде всего, необходима систематизация знаний по данной проблематике, а также учёт имеющегося опыта по изучению подобного рода негативных явлений, наработанного в предшествующие периоды отечественной истории; в том числе в советский период.

При этом следует отметить, что в советский период российской истории молодёжная проблематика рассматривалась в СССР, ввиду отсутствия инакомыслия, исключительно в рамках постулатов марксистко-ленинской идеологии и классового подхода. В соответствии с озвученным в выступлении В.И. Ленина «Задачи союзов молодёжи» тезисом, молодёжь должна была стать строителем коммунистического общества. И в этом процессе ей отводилась особая роль, поскольку по мнению В.И. Ленина, «именно молодежи предстоит настоящая задача создания коммунистического общества» [2. С. 298]. Соответственно, социальные характеристики молодёжи подводились под политические идеалы, цели и задачи коммунистической партии.

Такая постановка и трактовка сущности молодёжного вопроса, неизбежно привела к тому, что молодёжь в СССР стала изначально рассматриваться в двух ракурсах. Во-первых, как объект социалистического воспитания, опора коммунистического режима и проводник коммунистической идеологии. Именно на молодёжь, через комсомол делалась ставка коммунистической партией и режимом в процессе управления обществом, продвижения коммунистической идеологии, установления тотального контроля и масштабного переустройства всех сфер жизнедеятельности российского общества и государства. В том числе в борьбе с традиционными устоями его жизнедеятельности (традиционными ценностями, социальными и политическими институтами, структурами и организациями, например, с институтом традиционной семьи и религии). Во-вторых, в качестве строителей нового общества, в СССР молодёжь рассматривалась одновременно и в заведомо потребительском плане – как мощный трудовой ресурс, в задачи которого входило непосредственное выполнение программ индустриализации страны и развития хозяйственных отраслей. При этом в рамках упомянутых ракурсов рассмотрению молодёжи

в СССР, она оказывалась по факту жертвой коммунистический пропаганды и советской действительности, а также объектом манипулятивного воздействия на неё со стороны коммунистического режима.

Третий ракурс рассмотрения молодёжи в СССР, столь же заидеологизированный, как и два предыдущих, стал обретать свои очертания с началом «Холодной войны» – полномасштабного противостояния капиталистической и социалистической систем, в том числе принявшего форму информационно-психологической войны, а также поэтапного утверждения на Западе олигархической модели капитализма. Окончательно же он оформился в контексте осмысления причин «молодёжных бунтов» 60-х годов XX века, возникновения различных молодёжных субкультур и контркультур, а также поэтапного возрождения в СССР в 60-е годы XX века социологии как науки и институциализации социологии молодёжи как отдельной отрасли социологического знания в мировой социологии. В рамках данного ракурса, исходя из идеологем марксизма-ленинизма, молодёжь рассматривалась как жертва западной пропаганды, тлетворного влияния Запада, объект идеологических диверсий различного рода сил, с которыми необходимо было бороться посредством осуществления контрпропаганды, объединяя усилия комсомола, партии и правительства. В условиях отсутствия идеологического плюрализма и запрета на инакомыслие, советские ученые занимались изучением молодёжи как объекта манипулятивного воздействия исключительно с позиций марксистко-ленинской идеологии, а субъектами такого воздействия признавались все враждебные коммунистическому режиму силы, как внутренние (например, традиционные институты социализации российского общества и организации), так и внешние (страны капиталистического блока, буржуазные государства и институты). Естественно, что ни о каком объективизме в оценках того или иного явления, речи попросту не шло. При этом, в условиях существования коммунистического тоталитарного режима, советская молодёжь волей-неволей сама часто по факту, оказывалась жертвой манипулятивного воздействия не только со стороны Западной пропаганды (что тоже имело место), но и жертвой коммунистический пропаганды и советского режима, что, однозначно, сказывалось на процессе её становления и последующего развития.

(Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, «Новые формы социального неравенства и особенности их проявления в современной России», проект № 18-011-01106)

Литература:

1. *Елишев С.О. Молодёжь как объект социализации и манипуляций (2-е издание с изменениями и дополнениями). М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2015.*
2. *Ленин В.И. Полное собрание сочинений в пятидесяти пяти томах. Издание 5. Т. 41. М.: Издательство политической литературы. 1981.*

Заборова Елена Николаевна,
Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия

Социальная справедливость и социальное равенство

Понятия «социальная справедливость» и «социальное равенство» нередко отождествляются. Однако эти понятия имеют как сходство, так и различия: в целом они характеризуют качественную сторону социальных взаимодействий, при этом «социальное равенство» оценивает взаимодействия с точки зрения диспозиций одних социальных акторов по отношению к другим, в то время как «социальная справедливость» оценивает эти отношения с точки зрения социальных акторов. Диспозиция социальных акторов (личностей, групп, общностей, стран) может проявлять себя в дихотомии равенство-неравенство, одни группы и общности могут считаться равными или неравными другим. Социальное равенство проявляется во всех видах социальных отношений: экономических, политических, культурных, касается отдельных аспектов и форм жизнедеятельности. В экономическом плане оно выступает, прежде всего, как равенство (неравенство) в доходах, доступе к материальным благам, к труду, собственности. В политическом – как равенство доступа к власти и управлению (к возможности распоряжаться материальными, информационными, статусными ресурсами, создавать и вводить в жизнь нормы, стандарты, законы, в целом правила игры), равенство по отношению к закону. В культурном – как равенство доступа к культуре (к образованию, искусству, науке и пр.). Социальное равенство находит свое выражение в различных формах жизнедеятельности – в труде, быту, проведении досуга. Социальное равенство проявляет себя на разных уровнях: микро, мезо- и макро, то есть как на уровне индивидов, так и на уровне отдельных социальных общностей и целых стран. На уровне отдельных индивидов социальное равенство выступает как равенство (неравенство) индивидуальных способностей, целей и жизненных притязаний. На этом уровне социологическая наука в целом единодушна и фиксирует факт доминирования реального неравенства: индивиды неравны по своим физическим, психическим и интеллектуальным данным [1]. В то же время можно говорить и о случаях относительного равенства: так, можно услышать, что два спортсмена фактически равны друг друга или два политика одинаково сильны. Индивидуальное неравенство послужило фундаментом такого социального строя, как первобытнообщинное, когда социальная иерархия строилась на основе физической силы и приобретенного жизненного опыта. Индивидуальное равенство – только один из аспектов равенства, в социологической науке чаще всего рассматривают неравенство (равенство) в контексте социальных условий: с точки зрения того, равные или неравные условия предоставляет человеку

(группе) окружающая его социальная среда (например, город и деревня, малый и большой город, семья и ближайшее окружение). Именно в таком контексте ставится вопрос о возможности достижения социального равенства: необходимо создать всем одинаковые возможности для получения образования, медицинской помощи, труда, отдыха и пр. Социальная справедливость – это оценка положения социальных акторов в системе социальных взаимодействий с точки зрения мнения этих акторов. При этом мнения могут быть противоположными: если одни социальные группы могут считать, что они в данный момент в целом занимают равное с другими положение в обществе, то другие могут оценивать это же положение по-другому, как неравное и несправедливое. Кроме того, оценка на справедливость подвержена исторической коррекции: то, что считалось в свое время справедливым, со временем может измениться и оцениваться как несправедливое. В этом случае критерием служит то, соответствовало ли положение дел ходу исторического прогресса или противодействовало ему [5]. Так, например, идеология социальной уравниловки считалась справедливой в годы Советской власти, но со временем она стала расцениваться как тормоз для развития общества и, следовательно, как несправедливая.

Идея социальной справедливости и социального равенства существует в истории человечества с самого момента его возникновения. При этом в начальные эпохи (первобытнообщинное общество) она выражалось главным образом как равенство индивидуальное, а в более поздние эпохи - как групповое (классовое). В настоящее время, в эпоху глобализации, все более активно говорится о социальном равенстве (неравенстве) на уровне стран и государств. Вплоть до XIX века социальное неравенство считалось социально справедливым: существовали рабы и рабовладельцы, крепостные крестьяне и феодалы, пролетариат и буржуазия. И такое положение дел воспринималось как социально справедливое не только правящим классом, но и большинством населения [2]. Однако уже Французская буржуазная революция выдвинула лозунг: «Свобода. Равенство. Братство!», который в полной мере попыталась реализовать страна Советов. В материалах съездов КПСС отмечалось, что наша цель – коммунизм, который означает, в соответствии с К. Марксом, «полное социальное равенство», «Уничтожение эксплуатации человека человеком кладет конец социальному неравенству» [3]. Эксперимент по достижению названного лозунга не удался, и в настоящее время в стране вновь наблюдается социальное неравенство между различными социальными группами и общностями (богатыми и бедными, между городом и деревней и пр.). Как показывают результаты социологических исследований, основная причина социального неравенства сегодня – это неравенство политическое [4], осознаваемое населением как неравенство между властью и народом, гражданами и чиновниками.

Литература:

1. *Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д. Социальные неравенства в современной России: субъектность, основные направления развития // V Всероссийский социологический*

конгресс «Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость». - 19-21 октября, Екатеринбург, Россия. Цифровая версия РОС, 2016.
2. *Заборова Е.Н. Городское управление. Учебное пособие. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета. – 2014.*
3. *Программа Коммунистической партии Советского Союза. Принята XXII съездом КПСС в 1961 году. [Электронный ресурс]. URL: http://aleksandr-kommari.narod.ru/kpss_programma_1961.htm (дата обращения: 05.01. 2018).*
4. *Российская повседневность: от кризисной к посткризисной реальности (к итогам и продолжению социологического магапроекта). Информационно-аналитическое резюме. – М., Институт социологии Российской академии наук. 2017.*
5. *Социальная справедливость и равенство. [Электронный ресурс]. URL: http://politike.ru/termin/socialnaja-spravedlivost-i-ravenstvo.html] (дата обращения: 04.01.2018).*

Закиров Ислам Зуфарович,
МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Распределение рисков как фактор социальной несправедливости

Проблема несправедливости традиционно понимается как проблема неравного распределения ресурсов, жизненных шансов, неравной включенности в социальные сети. В современном обществе, на наш взгляд, несправедливость проявляется в том числе и в неравном распределении рисков. Впервые о том, что проблема несправедливости непосредственным образом связана с распределением рисков, заявил немецкий социолог У. Бек, охарактеризовав современное общество как общество риска. Если в индустриальном обществе задача состояла в том, чтобы устранить несправедливое неравное распределение богатства, то в обществе риска логика распределения богатства заменяется логикой распределения риска. Такая замена обусловлена двумя обстоятельствами. Во-первых, вследствие НТП производственные силы приобрели невиданный ранее потенциал самоуничтожения. Во-вторых, замена логик обусловлена снижением остроты проблемы материальной нужды. У. Бек отмечает, что общество риска невозможно рассматривать в традиционных классовых категориях, поскольку в отличие от классового общества в обществе риска классу подверженных риску не противостоит класс неподверженных риску. Так, смог, который периодически накрывает Москву, не считается с классовой принадлежностью отдельных людей. В городе, где размещается атомная электростанция, нет абсолютно безопасного места, а кислотные дожди выпадают и на тех территориях, где не размещаются химические предприятия. В условии глобализации цивилизационных рисках благополучие окружающей среды отдельного сообщества, проживающего на локальной территории, становится зависимой от соблюдения международных экологических соглашений государствами на всех континентах. «Перед возможными негативными событиями, составляющими экологический риск, население более чем в 90% случаев считает себя

абсолютно не защищённым» [1, с. 120]. Всеобщая подверженность риску проявляется через «эффект бумеранга» [2, с. 43]. Использование химикатов и удобрения приводит к истончению плодородного слоя почвы. В таких условиях фермеры уменьшение плодородия почв должны компенсировать всё большим использованием химикатов и удобрений, следовательно, растет риск того, что потребители будут получать все менее «экологически чистые» продукты. Причем вследствие глобализации рисков проблема затронет потребителей и в развитых странах. В докладе «Глобальные риски 2018» эксперты всемирного экономического форума матрично представили основные риски, которые будут угрожать мировому сообществу в ближайшем будущем. В числе рисков, имеющих наибольший потенциал уничтожения, помимо уже привычных угроз применения оружия массового поражения, промышленных аварий и экстремальных погодных бедствий, присутствуют такие социальные риски, как угроза продовольственного обеспечения и снабжения водой [3]. Помимо этого, экспертами выделяются такие социально-экономические риски, как проблема вынужденной миграции, кризис национального государства (равно как и международных институтов), проблема безработицы и неполной занятости [3]. 2017 год, по мнению экспертов всемирного экономического форума, отмечается ростом краж данных [3, с. 6]. Количество кибератак против предприятий за последние пять лет удвоились [3, с. 6]. Причем кибератаки стали осуществляться и против социальных институтов и учреждений инфраструктуры. Кибератаки являются новым вызовом мировому сообществу. В совокупности все перечисленные угрозы ведут к росту социальной напряженности, усилению чувства социальной незащищенности и несправедливости. Приведенные выше примеры подтверждают тезис У. Бека [2, с. 49] о том, что глобализация рисков означает появление угроз, одинаково затрагивающих всё человечество. В обществе риска, глобальные цивилизационные риски распространяются, не считаясь с классовыми и государственными границами, создавая, тем самым, ситуацию незащищенности всего человечества перед лицом глобальных рисков. Б. Маршалл, критически оценивая ряд положений теории У. Бека, отмечает, что устранение проблемы материальной нужды характерно лишь для Западной Германии и Скандинавии в послевоенное время [4]. Б. Маршалл указывает, что несправедливое распределение рисков усугубляется имущественным расслоением, что подтверждается данными МВФ, согласно которым в последние три десятилетия в 53% стран мира наблюдается значительный рост неравенства в доходах [5]. Бек считал, что модернизационные риски одинаково затрагивают все категории населения. Однако проведенные российскими социологами исследования показывают, что восприятие риска широко варьируется в обществе. Мозговая А.В., Шлыкова Е. В. выявили две наиболее уязвимые к неблагоприятному воздействию среды категории населения, отличающиеся ограниченностью ресурсов, - молодежь и пожилые [6]. Кроме того, Шлыкова Е.В. обращает внимание на то, что в ситуации вынужденной адаптации к острому риску наблюдается гендерное неравенство [7]. Женщины в отличие от мужчин,

характеризуются низкой способностью к адаптации; более низкой включенностью в социальные сети; негативным отношением к источнику острого риска [7]. В данной работе сделана попытка показать, что, поскольку современное общество находится на переходной стадии к обществу риска, в нем наблюдается наложение друг на друга обеих логик распределения риска и распределения богатства, что выражается во взаимном притяжении крайней бедности и крайнего риска. Это обстоятельство усиливает неравенство, создает ситуацию новой несправедливости.

Литература:

1. *Корнилова М. В. Риск: приемлемость, защищённость, социальное распределение. — Социологическая наука и социальная практика, 2015. Т. 0. № 3. С. 115-127.*
2. *Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой; Послесл. А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.*
3. *The Global Risks Report 2018, 13th Edition, World Economic Forum. – https://www.weforum.org/reports/the-global-risks-report-2018*
4. *Marshall, Brent K., Globalisation, Environmental Degradation and Ulrich Beck's Risk Society. - http://www.environmentandsociety.org/sites/default/files/key_docs/ev_8no.2_marshall_brent_k.pdf*
5. *International Monetary Fund (IMF). 2017. Fiscal Monitor: Tackling Inequality, October 2017. Washington, DC: IMF. https://www.imf.org/en/Publications/FM/Issues/2017/10/05/fiscal-monitoroctober-2017*
6. *Мозговая А.В., Шлыкова Е. В. Факторы формирования статуса безопасности в условиях острых и повседневных рисков // Социологическая наука и социальная практика. 2015. No 4. С. 52 – 73.*
7. *Шлыкова Е.В. Неравенство ресурсов адаптации к риску: гендерный аспект // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года) [Электронный ресурс] Материалы V Всероссийского социологического кон*

Злотников Андрей Анатольевич,
ГГУ имени Ф. Скорины, Гомель, Беларусь

Социальная справедливость и спорт

Трактовки справедливости/несправедливости современного спорта обычно зависят от используемых социально-философских концепций генезиса культуры и спорта. Следует отметить, что фундаментальные философские, естественно-научные и педагогические исследования феномена спорта во многом оказали воздействие на его социологическое осмысление. Проникнуть в природу современного спорта синтез двух культурологических концепций, разработанных Х. Ортегой-и-Гассетом и Й. Хейзингой. Косвенно они объясняют, почему спорт в настоящее время стал феноменом, привлекающим всеобщее внимание и интерес, как самих участников соревнований, так и зрителей. Х. Ортега-и-Гассет выдвинул тезис о том, что именно спорт является основой культуры и цивилизации. И, таким образом, игра, порождающая соревновательную состязательность, с ее бесцельностью (в утилитарном смысле) и творческим характером – это доминирующая над другими сфера деятельности. Как считал Й. Хейзинга, именно тогда, когда регламентация исключает элемент игры из права,

государственного управления и других культурных форм, люди обращаются к игре, чтобы не замечать драматических изменений в своей повседневной жизни, предаваясь развлечениям и острым ощущениям. Й. Хейзинга предполагал, что культура возникает в форме игры, культура изначально разыгрывается. И спорт он рассматривал как одну из форм игровой деятельности и вместе с тем, предполагал, что спорт со временем утрачивает чистоту игры, и поэтому больше не является фундаментальным компонентом культуры. Голландский мыслитель подчеркивал, что расширяется область необходимой профессиональной подготовленности участников спортивных соревнований, и поэтому его первоначальное игровое содержание заменяется трудовым. В XIX веке, отмечает Хейзинга, спортивные игры воспринимаются всё серьёзнее, правила ужесточаются и детализируются, спортивные результаты растут. Й. Хейзинга констатирует тот факт, что в структуре современного спорта можно выделить любителей и профессионалов. Профессионализация спорта вытесняет из него стихийность и беспечность, то есть игровой элемент. Профессионал уже не играет, он работает. В то же время, по Хейзинга, в современной общественной жизни спорт стоит в стороне от собственно культурного процесса. Это связано с оторванностью современного спорта от высокой духовной культуры, ритуальных празднеств и религиозного культа, которые имели место в прошлом, но которые по большому счету спортом не являлись. Поэтому современный спорт, в отличие от древности, уже не часть религиозного ритуала, он лишён былой одухотворённости, не имеет никакой органической связи со структурой общества, а выражает скорее инстинкты. Противоречивый характер спорта, сила его воздействия на людей, влияние на социальные отношения заставляют обратиться к анализу собственно социологических концепций, как общетеоретических, так и «среднего» уровня. Так, например, Т.Адорно, Г.Маркузе, М. Хокхаймер рассматривали спортивные состязания как элемент массовой культуры, который способствовал триумфу фашизма. С точки зрения неомарксистов, узкая специализация обезличивает человека в сфере спорта, а правила спортивных состязаний являются несправедливыми, эксплуататорскими и аморальными. Безудержная погоня за рекордами и победами приносит удовлетворение только победителям, а проигравшим несет фрустрацию. Следует дополнить, что в настоящее время ориентация на «победу любой ценой», умноженная на коммерческие интересы, породила комплекс сложнейших социальных проблем в спорте, связанных с допингом, подпольным тотализатором, подкупом судей, договорными матчами, коррупцией в среде спортсменов и руководителей, «отмыванием капиталов» и т.д. Причем, не победить, а даже уменьшить стимулы к существованию наиболее распространенных из них, таких, как допинг и договорные результаты и матчи, по мнению некоторых специалистов, в ближайшем будущем невозможно. Что касается зрителей, то если следовать логике, например, Г. Маркузе, то, во время лицезрения» спортивного соревнования происходит удовлетворение ложных потребностей. Разрабатывая концепцию возрожденного олимпизма, П. де

Кубертен, традиционно считающийся одним из его основателей, надеялся, что спорт, спортивные соревнования и подготовка к ним способны внести огромный вклад в реализацию гуманистических идеалов и ценностей, в совершенствование человека, человеческих отношений и общества в целом. На реализацию этих задач нацелены и основные официальные документы современного олимпийского движения. Образцом является Олимпийская хартия, в которой отмечается, что цель олимпизма – это повсеместное становление спорта на службу гармоничного развития человека с тем, чтобы способствовать созданию мирного общества, заботящегося о сохранении человеческого достоинства. Вместе с тем изменения, произошедшие и происходящие в олимпийском движении, свидетельствуют и о примерах иного плана. В настоящее время ярко выражено противоречие между реальной ориентацией участников олимпийского движения на прагматические ценности и теми гуманистическими идеалами и ценностями, которые провозглашает олимпийская философия.

Злотникова Лидия Михайловна,
Белорусский торгово-экономический университет, Гомель, Беларусь

Поведенческая экономика как предмет социологии справедливости

Реформирование социально-экономических отношений на постсоветском пространстве проводится на основе абстрактной методологии экономической теории. А. Смит, а затем его последователь Жан-Батист Сэй предложили простое решение повышения эффективности производства. Производители, получая в распоряжение не человека, а фактор производства, максимально упрощают требования по его использованию. В соответствии с классической политической экономией труд, земля и капитал оказались в равной ответственности при создании конечного блага. Их ценность стала определяться ценой реализованного товара. Образно говоря, товар, произведенный для сиюминутного потребления, получил огромные преимущества перед товарами длительного пользования. Работник, участвующий в таком производстве, оказался более значимым для общества. Кабинетная аксиома, став не только методологическим принципом, но практическим механизмом формирования ценности человека, заложили латентные основы экономической справедливости. Отождествление человека с производственной отдачей строго дифференцировало исследования между экономической наукой, социологией, психологией. Экономическая справедливость – это высокие производственные достижения, выраженные в объемах реализации товаров, полученной прибыли и т.д. Все, что непосредственно не связано с экономической выгодой оказалось за пределами практики. Интерес к человеческим качествам, роли социальной компоненты длительное время остается в центре внимания философов,

социологов, психологам и очень мало интересует представителей государства, отвечающих за разработку реализацию социальной политики. В последние годы все сильнее обостряется проблема социальной справедливости. Реальность такова, что постоянное игнорирование социальных институтов, превращение их в слуг производства, снижается эмпирическую эффективность, т.е. замедляются темпы экономического роста, увеличивается количество безработных, снижается спрос на качественные жизненно важные товары, сокращаются инвестиции и т.д. Источники социальной справедливости можно условно структурировать следующим образом. На первое место претендуют присущие только человеку поведенческие факторы. К ним мы относим честность, добросовестность, сострадание, взаимопомощь, аккуратность, исполнительность и т.д. В интерпретации Нобелевского лауреата по экономике 2017. Ричарда Талера поведенческие факторы напрямую связаны со страстями человека, формирующими иррациональное поведение и осуществляющими неразумный выбор. Отрицание важности эмоционального состояния человека, которое по нашему глубокому убеждению далеко не всегда определяется состоянием психики, произошло по следующим причинам. Как пишет Р. Талер: «использование формальных моделей …- это то, чем экономика заслужила репутацию самой сильной из социальных наук… Эта сила закрепила за ней интеллектуальное преимущество, которое основано на факте»[1, с.5]. Сложно не согласиться со следующим выводом ученого: «ни одна другая социальная наука не обладает такой теоретической базой…теории в других дисциплинах узкоспецифичны: они объясняют, что происходит в определенном наборе обстоятельств». »[1,с.6]. На второе место можно разместить отношение общества и государства к развитию социальных наук. Парадоксально, но факт, именно экономисты признали собственную несостоятельность. Социологам необходимо принять то, что экономисты, которых П. Сорокин считал частичными исследователями социальной жизни, монополизировали сферу социального и политического консалтинга. Сложно среди участников различных дискуссий консультаций по политико-экономическим вопросам найти представителей неэкономического профиля. Р. Талер дал образную характеристику присутствия гуманитариев на больших собраниях «…если получали приглашение, то их роль была довольно скромной, как будто это дети, которых разместили со взрослыми на семейном обеде, но за отдельным детским столом». »[1, с.7] Обращение внимания Нобелевского комитета на поведенческие проблемы предоставляет социологам своеобразный научно-исследовательский, эмпирически важный проект расширения социального познания, включая экономический контент, а, не подчиняясь ему. Признавая экономику механизмом достижения социальных целей, мы, таким образом, возвращаем исследованиям, соответственно, разрешению социальных проблем их заслуженное место. Достижения определенного уровня социальной справедливости – это та реальная оценочная система эффективности, которая способна заменить современные

макроэкономические достижения. Их получение любой ценой стимулируют социальное и экономическое поле несправедливости. Для установления справедливости государство широко использует различные институты контроля, функционирование которых усиливает социальное расслоение, демонстрируя ничем необоснованные различия ценности труда. Тех, кто не участвует в организации производства, имеют более высокий социальный статус, материальный доход и пользуются неограниченным правом толкования правовых норм. Наглядным примером узковедомственного толкования эффективности служит огромное количество примеров абсолютного и относительного роста проверяющих органов. В сфере образования Республики Беларусь на фоне безудержного роста учебной нагрузки происходит систематическое расширение документооборота и контролеров. Это влечет за собой укрепление института коррупции, как латентного источника социальной несправедливости.

Литература:

1. *Талер Ричард. Новая поведенческая экономика. Эксмо; Москва; 2017, С. 229*

Иванникова Елизавета Валерьевна,
Самарский Государственный Экономический университет, Самара, Россия
Кочеткова Наталья Викторовна
Самарский Государственный Экономический университет, Самара, Россия

Социальное сиротство как явление современного российского общества

Дети — это будущее России, именно им через несколько лет предстоит играть существенную роль в решении внутренних и внешних проблем государства. Социальное сиротство – это одна из острых проблем, которая стоит перед современным государством в России. В связи с нестабильной политической и социально – экономической жизнью государства существуют проблемы в детских домах, а также большинство детей – сирот и детей, которые остались без попечения родителей. По данным уполномоченного представителя по правам ребёнка П. Астахова за пять лет на 34% снизилось число лишений родительских прав и, как следствие, социальных сирот, то есть детей, находящихся в детских домах при живых родителях. Что же такое социальное сиротство? Данный термин имеет широкое распространение в нашей стране. Социальное сиротство – это одно из социальных явлений, которое обуславливается наличием детей в обществе, оставшихся без родителей и их попечения вследствие недееспособности, лишения родительских прав, безвестно отсутствующими. Детьми – сиротами являются граждане до 18 лет. Если родители, по каким – либо причинам не занимаются воспитанием собственного ребенка, то в силу вступает государство, и оно берет заботу на себя. Социальное сиротство является понятием

многоплановым и включает в себя категории детей, которые систематизированы по следующим критериям: по месту пребывания; интернатные учреждения; улица (беспризорные дети, дети - беглецы); семья (безнадзорные дети). К примеру, если рассмотреть воспитанников интернатных учреждений, то лишь малая часть не имеют родителей, а остальные дети остались без попечителя, либо по определенным причинам или родители вовсе лишены родительских прав. Существует ряд причин, которые способствуют распространенности социального сиротства: рожденные вне брака, жилищные или социальные трудности родителей, асоциальный образ жизни. При рассмотрении исследования Горева О.М., Осипова Л.Б., Сербина Е.А. была раскрыта причина социального сиротства. Оценка испытуемыми причин зарождения социального сиротства отражает общие характеристики социального настроения населения современной России. К числу причин относится негативная социально – экономическая обстановка в государстве, социальный пессимизм, бедность и ее рост, повышенная тревожность. Остальные причины являются недостаточно выверенная политика государства исходя из плохого экономического положения отдельных регионов, также отсутствие четкой законодательной базы. Стоит отметить, что половина испытуемых взяли во внимание все указанные выше причины. Стоит отметить, что проблемой детей занимались многие авторы: Б.Г. Ананьев, М.И. Ананьева, В.С. Мухина и другие. Авторы считают, что в России существует проблема недостаточного внимания к социальным сиротам. При глубоком анализе данной проблемы выяснилось, что из – за неприятия родителями собственного ребенка на развитие личности может отложиться серьезный отпечаток с тяжелыми последствиями. Самым тяжелым последствием является психическое здоровье и социальное развитие. Дети из детского дома склонны к проблемам нарушения самоконтроля, а также как правило, переменчивое настроение. Тревожность, неуверенность в своих действиях – всё это последствия детского дома. Помимо этих проблем, существуют и психологические, которые всё чаще определяются недостатком родительской любви. Чем раньше несовершеннолетний ребенок попадает в детский дом, тем в более масштабном объеме выражены признаки деформации психического и психологического развития. Дезадаптация в современном обществе в последние годы всё больше начала принимать свой оборот, что вызывает беспокойство за психосоциальное здоровье детей – сирот и детей, оставшихся без попечителя. В России образование и воспитание детей – сирот является актуальной социально педагогической проблемой. К сожалению, дети – сироты имеют особый социальный статус, вследствие чего они чаще подвержены негативному воздействию общественных процессов. Например: наркотизация, асоциальное поведение, потребительское отношение к жизни. Если рассмотреть аспект вхождения детей – сирот в жизнь общества, то идет доминирование такой проблемы как неумение жить самостоятельно, создавать свою собственную семью. Молодые люди могут испытывать большие трудности с получением жилья,

устройством на работу, обустройством своего быта, а так же, что немаловажно – это проблема отстаивания и защиты своих юридических прав. На основе многочисленных источников психолого-педагогической литературы, дети – сироты и дети, оставшиеся без попечителя, не могут создать здоровую полноценную семью, так как у них нет положительного опыта семейной жизни. Воспитываясь в государственных учреждениях, дети всё чаще повторяют ошибки своих родителей. Лишение родительских прав, неблагополучие – это является показательным повтором судьбы тех, кто их оставил. Таким образом, можно сделать вывод о том, что проблемы сирот обширны, их решение видится лишь с помощью кардинальных изменений в законодательстве, реформирования системы государственного обеспечения. Основными реформами в области детей-сирот являются: жилищная реформа, реформа в образовании, военная, пенсионная и социальные реформы. Но не все проблемы решаемы. Проблема полной социализации и психологической нестабильности остаются неразрешимыми в течение всей жизни данной группы людей.

Камнева Анна Вячеславовна,
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

Гендерный разрыв в сфере программирования: предпосылки и следствия

Широко распространено мнение, что преимущество тех или иных представителей пола в определенных сферах труда зачастую завязано не на реально существующих физиологических различиях, а на социально конструируемых представлениях о «мужском» и «женском». Профессиональная деятельность женщин в России на данный момент ограничивается в том числе и на законодательном уровне: под запретом для освоения женщинами находится 456 профессий (в связи с Постановлением Правительства РФ от 25.02.2000 №162). Этот список не подвергался изменениям с 2000 года, хотя условия труда на современных предприятиях за это время успели измениться. Помимо профессий, которые запрещены и считаются опасными для женщин, существуют такие профессии, освоение которых осложнено отнюдь не угрозами для их (женщин) физического здоровья. Данное исследование посвящено рассмотрению гендерного неравенства в сфере труда, и, в частности, внутри одной из самых престижных профессий современности — профессии программиста. Гендерные аспекты неравенства в сфере труда описываются разными учеными с помощью разных оснований. Элис Кесслер-Хэррис, например, объясняет существующее положение женщин в структуре трудовых отношений через апелляцию к идеологии семьи, которая долгое время удерживала женщин в стороне от рабочих мест, предавая гораздо больше

значения их репродуктивной функции.[1] Лакмусовой бумажкой гендерного неравенства в эпоху капитализма служат и низкая оплата труда женщин, и феномен стеклянного потолка, и гендерная асимметрия в различных профессиональных областях. Трудно не согласиться с Э. Кесслер-Хэррис, что удерживание женщины в семье удерживает ее и от достижения вершин своей профессии.[1] Социальная система устроена таким образом, что до сих пор явным и латентным образом женщинам внушается идея о том, что работа для них не может быть на первом месте, а женщины, которые добиваются карьерных успехов и “опережают” мужчин, считаются менее счастливыми. Сами женщины склонны претендовать на более низкую оплату собственного труда, нежели мужчины, этот стереотип поведения формируется в ходе обретения девочками и женщинами опыта взаимодействия с различными объектами социальной реальности. В конечном счете женщина сама смотрит на себя как на объект, который должен расцениваться мужчинами. Х. Хартман, например, видит главное объяснение этого феномена в стремлении капитализма поддерживать патриархальный строй общества, в рамках которого мужчины могут осуществлять контроль над женским трудом, обеспечивая и защищая собственное привилегированное положение. В условиях, когда женщины не допускаются к высокооплачиваемым и престижным профессиям, они смотрят на брак, как на средство разрешения материальных проблем, и готовы мириться с домашней эксплуатацией.[2] Роузмэри Принг и Энн Гейм в книге «Гендер на работе» описывают положение женщин, работающих в условиях развития компьютерных технологий. По их наблюдениям, рост компьютеризации не привел к уменьшению сегрегации рынка труда, а лишь закрепил за женщинами определенную сферу профессиональной деятельности в области информационных технологий, перекрыв доступ к более престижным видам деятельности.[3] Так, женщины стали наниматься в качестве операторов, в то время как мужчины в основном занимали позиции программистов, аналитиков и т.д. В ходе собственного исследования нам удалось выяснить, что такое положение дел сохраняется по сей день. В результате проведения серии глубинных интервью и опроса среди программисток было отмечено, что женщины чаще всего нанимаются на позиции тестировщиков, дизайнеров и верстальщиков, нежели в качестве разработчиков программного обеспечения. Наше исследование показало, что с переходом от анализа системы высшего образования к рынку труда гендерный разрыв в среде программистов значительно увеличивается. Даже имея соответствующее образование, женщины не так активно стремятся работать программистами, как мужчины. В ходе опроса, в котором приняли участие 803 респондента (женщины-программисты из России), было выяснено, что более четверти из них пришли в программирование путем самообразования. Такой способ обучения позволяет обойти институциональные трудности, а также давление, с которым столкнулась каждая третья респондентка. В большинстве случаев давление оказывалось со стороны коллег и руководства (38%), в трети случаев давление проявлялось со стороны родственников и

знакомых. Еще 30% случаев давления были спровоцированы отношением работодателей и/или заказчиков. Лишь 8% случаев давления были связаны с отношением учителей и преподавателей, а в 4% случаев имело место внутреннее давление. При этом мы имеем дело с ответами, полученными от женщин, которые уже состоялись в профессии, и можем только догадываться, какое количество женщин “сдались” под напором вышеперечисленных факторов. Результаты нашего исследования можно объяснить тем, что компьютерная техника массово проникла в дома вместе со стереотипом о том, что это игрушка для мальчиков или рабочий инструмент для успешных бизнесменов. Первые компьютеры приобретались в основном мужчинами или родителями для своих сыновей, что обеспечивало последним более успешное обучение на вводных курсах по информатике.[4] Со временем область “computer science” была заполнена мужчинами, а вытесненные из нее женщины, которые стояли у истоков первых ЭВМ, вдруг оказались неспособными соревноваться с мужчинами.

Литература:

1. *Кесслер-Хэррис Э. Женский труд и социальный порядок / Антология гендерной теории. Сост. Гапова Е.И., Усманова А.Р. Издательство: Пропилеи, 2000. 384 с.*
2. *Hartmann H. Capitalism, Patriarchy, and Job Segregation by Sex. // Journal of Women in Culture and Society 1, no. 3, Part 2 (Spring, 1976), p. 137-169.*
3. *Game A., Pringle R. Gender at Work, Chapter Five, North Sydney: Allen and Unwin, 1983, p. 94–118.*
4. *Margolis J., Fisher A. Unlocking the clubhouse: women in computing. Cambridge, MA: M.I.T. Press, 2002.*

Киричёк Пётр Николаевич,

Университет "Дубна", г. Дубна, Россия

Социальная несправедливость как пусковой механизм общественного передела

Как минимум, три последних века Россия предстаёт страной нескончаемых реформ, сотрясающих прежний социальный уклад: это – петровские, екатерининские, александровские, столыпинские, ленинские, хрущёвские, горбачёвские, ельцинские реформы, после которых обычно следует откатное движение. Вероятно, явление реформаторства написано россиянам на роду: страну населяет уникальный в мире измерении народ – биментальный, в котором в равных долях «замешаны» европейское и азиатское начала, образовавшие динамичный евразийский симбиоз. И эта внутренняя борьба двух различных био-социо-психогенезов в Русском суперэтносе, как видно, имеет начало, но не имеет конца… В итоге, приходит одна эпоха с нерешёнными в пользу отдельно взятой личности (меньшинства) материальными и духовными проблемами (противоречиями) – верх берёт европейское начало, и россиян затягивает в индивидуализм как принцип

повседневной жизни и модус общественно-политического жизнеустройства. Приходит другая эпоха с нерешёнными в пользу коллектива (большинства) материальными и духовными проблемами (противоречиями) – верх берёт азиатское начало, и россиян затягивает в ком-мунитаризм как принцип повседневной жизни и модус общественно-политического жизнеустройства. Так и качается на Руси из крайности в крайность этот маятник индивидуализма-коммунитаризма, ускоряемый различными сменяющими друг друга властными элитами от царей, премьеров, генсеков, президентов. Если прибавить к извечному поиску ментальной идентичности невиданную в мире по масштабам территорию (от холодных льдов до горячих песков), невиданную в природе разность земель (от дремучих лесов до топких болот), невиданную в климате полярность летне-зимних температур (от плюс 50-ти до минус 50-ти), то можно понять, что в России возможность спокойной жизни постоянно подвергается всевозможным испытаниям, к числу которых относится социальный соблазн радикального реформирования. Пусковым механизмом для перехода социума в иной, чем прежде, модус общественного устройства являлся укоренявшийся в бытии и сознании феномен социальной несправедливости, спорадически набиравшей «критическую массу» в народных настроениях, которая потом выливалась в очередной передел жизни на новых фундаментальных основаниях. Социальная несправедливость всегда была и будет самой неприемлемой для российского менталитета мегачертой общественного жизнеустройства, которая в разные эпохи находила различные формы социально-экономического выражения. В условиях коммунитаризма (социализма) социальная несправедливость как будто лишается своей базовой основы – частно-собственнической формы производства, обмена, распределения материальных и духовных благ в масштабах общества. Вместо стихийно действующих законов спроса, предложения, стоимости государство включает сознательно применяемые механизмы управления и регулирования всех сфер социального воспроизводства, которые обеспечивают большинству граждан примерно равные материальные и духовные условия существования (без риска оказаться за чертой бедности и пополнить люмпен-группы населения), где самыми ценными и доступными оказываются бесплатные (или почти!) образовательные, медицинские, культурные, жилищно-коммуникальные услуги.

Однако в наступившем равенстве со временем наступает кризис развития, когда искусственно воспроизводимая и административно поддерживаемая социальная справедливость оборачивается иной стороной, становящейся превращённой её формой, – уравниловкой. Особенно болезненной для тех слоёв населения, которые по реальным доходам способны перейти от жизни среднего достатка к комфортным условиям повседневного бытия, но не в силах перешагнуть установленный сверху предел. Максимальной остроты эта несправедливость достигает при оплате малоквалифицированной ручной работы по более высоким расценкам, нежели высококвалифицированного интеллектуального труда. В результате

число недовольных властью граждан из мало- и среднеобеспеченного сословия непрерывно растёт, что приводит, в конце концов, к кардинальному изменению социального статус-кво с точностью до наоборот, как это случилось в социалистической России в 1991 году.

В условиях индивидуализма (капитализма) имманентная ему социальная несправедливость проявляется в чистом виде, с ужасающими контрастами, когда один человек с трудом находит деньги на лекарство от гриппа, а другой в то же время себе на потеху строит личную подводную лодку и покупает зарубежный футбольный клуб, что и наблюдается в капиталистической России в 2017 году: «Показатель, по которому лидирует РФ, – доля самых состоятельных 5% населения в личном богатстве страны – 82,5%. Остальные 95%, значит, имеют 17,5% – и, как говорится, ни в чём себе не отказывай. Ещё убийственная цифра: 96 российских миллиардеров владеют 30% всех личных активов граждан. Средний мировой показатель – 2%, то есть российские миллиардеры в 15 раз круче, чем среднемировые. Согласно нашему Росстату, 22,7 млн. человек (15,7%) имеют доход ниже прожиточного минимума (который у нас, кстати, занижен), то есть являются нищими» [1]. В странах Западной Европы и Северной Америки правящие и имущие элиты, хорошо уяснившие после Октябрьской революции, реальную опасность, исходившую от растущей в обществе социальной несправедливости, предприняли кардинальные шаги для смягчения жестокостей капитализма и придали ему рядом мер, взятых напрокат у социализма, «человеческое лицо».

Литература:

1. *Фурсов А. Воля побеждать // Завтра. 2018, январь. № 1 (1257).*

Козырева Лариса Дмитриевна,
РАНХиГС, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Россия

Неравенство в отношении здоровья как социальная несправедливость

Здоровье и социальная справедливость являются важнейшими общечеловеческими ценностями и критериями оценки благосостояния и качества жизни. По глубокому убеждению Нобелевского лауреата (2015) А.Дитона, «неравенства в состоянии здоровья» представляются величайшей несправедливостью современного мира [1, с.23]. В своих работах последних лет нобелиат аргументировано показывает взаимозависимость благосостояния, качества жизни и здоровья населения. Наиболее очевидна связь между бедностью, невысоким качеством жизни и низкими показателями здоровья. К примеру, в Демократической республике Конго, где значительная часть населения живет меньше, чем на один доллар на

человека в день, индекс эффективности системы здравоохранения является одним из самых низких в мире. Япония, высокоразвитая в экономическом отношении страна, имеет высокий индекс эффективности системы здравоохранения, высокие показатели ожидаемой продолжительности жизни и очень низкие показатели смертности жителей среднего и пожилого возраста [6]. Вместе с тем, есть целый ряд стран, относящихся к бедным, с достаточно высокой ожидаемой продолжительностью жизни (Бангладеш, Непал, Вьетнам и т.д.). Следовательно, нельзя однозначно утверждать, что существует прямая зависимость между ВВП на душу населения и состоянием здоровья, одним из показателей которого является ожидаемая продолжительность жизни. Еще более сложная связь обнаруживается между справедливостью и неравенством в отношении здоровья. Наличие этой связи очевидно: здоровье и социальная справедливость являются важнейшими общечеловеческими ценностями и критериями оценки благосостояния и качества жизни. Однако, не любое неравенство в отношении здоровья будет несправедливым. Попытаемся это показать. Неравенство в отношении («в состоянии», понятия употребляются как тождественные) здоровья – это несправедливые и предотвратимые различия в его состоянии и оказании услуг здравоохранения, которые обусловливаются такими факторами, как, например, социально-экономическое положение (уровень образования, род занятий и уровень благосостояния или дохода домохозяйства) географическое местоположение, этническая принадлежность и пол [4, с.145]. Если брать неравенства в отношении здоровья, складывающиеся между различными странами мира, то они носят, безусловно, несправедливый характер. За период с 2000 года показатели ожидаемой продолжительности жизни резко возросли во всем мире (на 5 лет), однако сохраняются серьезные неравенства в отношении здоровья между странами. Так, средняя ожидаемая продолжительность жизни новорожденных детей в 29 странах с высоким уровнем дохода составляет 80 лет или более, в то время как ожидаемая продолжительность жизни новорожденных в 22 странах, расположенных в Африке к югу от Сахары, ниже 60 лет. [5]. Особо стоит отметить неравенства между метрополиями и колониями. В качестве примера можно привести состояние системы здравоохранения в Либерии, бывшей колонии США на африканском континенте, стране крайнего социального неравенства. Индекс эффективности системы здравоохранения в этой стране, потрясаемой гражданскими войнами и переворотами, является одним из самых низких в мире. Средняя продолжительность жизни – 57 лет, существенное влияние на этот показатель оказывают эпидемии – малярии, в настоящее время – лихорадки Эбола. [2] Так же несправедливыми будут неравенства в здоровье, связанные с принадлежностью к определенной расе или полу. К примеру, разница в продолжительности жизни между белыми и афроамериканцами США составляет около 5 лет. Подобная же разница существует и по полу. В целом, в оценке справедливости/несправедливости в отношении здоровья следует отметить плодотворную роль методологии, разработанной М.Вайтхед (Whitehead). Согласно М.Вайтхед, можно выделить семь

основных детерминант неравенства в здоровье: 1. Биологические и генетические вариации; 2. Поведение, наносящее ущерб здоровью, которое индивид сам выбрал (например, занятие определенными видами спорта с риском для здоровья); 3. Временное преимущество одной группы над другой; 4. Поведение, наносящее ущерб здоровью, когда выбор индивидом образа жизни существенно ограничен; 5. Подверженность нездоровым, стрессовым условиям дома и на работе; 6. Неадекватный доступ к услугам здравоохранения; 7. Естественный отбор или связанная со здоровьем социальная мобильность, включая тенденцию для больных людей сдвигаться вниз по социальной шкале. Различия в здоровье, вызванные первыми тремя факторами, обычно не рассматриваются как несправедливости в здоровье. Те, которые начинаются с цифры 4, рассматриваются как не являющиеся неотвратимыми, а различия в здоровье, вызванные этими факторами, считаются несправедливыми [3, с. 201]. Несмотря на дискуссионный характер некоторых из названных М. Вайтхед факторов-детерминант (например, временное преимущество одной группы над другой), следует подчеркнуть перспективность разработанной методологии для изучения проблем справедливости неравенств в отношении здоровья.

Литература:

1. *Дитон А. Великий побег: здоровье, богатство и истоки неравенства /Ангус Дитон; пер. с англ. А.Гуськова. – М.: Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная Москва», 2016. – 368 с.*
2. *10 стран мира с самой наихудшей медициной. URL: http://medbe.ru/clinics/o-lechenii-za-rubezhom/10-stran-mira-s-samoy-khudshey-meditsinoy/*
3. *Кислицына О.А. Неравенство в распределении доходов и здоровья в современной России. М.: РИЦ ИСЭПН. 2005. – 376 с.*
4. *Мировая статистика здравоохранения 2012. Всемирная организация здравоохранения, 2013 . URL: http://apps.who.int/iris/bitstream/10665/44844/8/9789244564448_rus.pdf?ua=1*
5. *Статистика здоровья. Информационный бюллетень ЦНИИ ОИЗ. Январь 2017. URL: http://whodc.mednet.ru/ru/component/attachments/download/142.html*
6. *Bloomberg: Рейтинг стран мира по эффективности систем здравоохранения в 2016 году. [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. — 08.10.2016. URL: http://gtmarket.ru/news/2016/10/08/7306*

Королев Иван Владимирович,

Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

Несправедливость на рынке труда: представления о безработице

Безработица – это такая форма проявления макроэкономической нестабильности, представляющая собой социально-экономической явление, выраженное в превышении предложения над спросом рабочей силы. При этом трудоспособные граждане (экономически активное население) не заняты в хозяйственной деятельности страны, занимающиеся активным поиском работы с готовностью к ней приступить. Безработица - характерный пример несправедливого устройства рынка труда. Устройства, при котором

трудоспособные готовые работать люди не могут найти возможности реализовать свой профессиональный потенциал. Уровень безработицы в России относительно не высок. Так в июле 2017 г. снизился, составив 5,1% (без исключения сезонного фактора) [4]. В августе этот показатель опустился до уровня 4,9% [2]. В российском обществе существуют ряд стереотипов, касающихся безработицы. Например, о гендерной дискриминации людей, ищущих работу. Мнение, что мужчинам легче найти работу, чем женщинам не находит статистического подтверждения. По данным Росстата средняя продолжительность поиска работы безработными в июле 2017 г. как у женщин, так и у мужчин составила 7,0 месяца. Эксперты высшей школы экономики тоже заявляют, что пол практически не влияет на вероятность оказаться в числе безработных на длительное время. Чего нельзя сказать о факторе возраста. Риск попасть в число длительных безработных выше для людей старших возрастных групп. Причем наиболее опасный с этой точки зрения возраст для мужчин более 44 лет, а для женщин – от 42 до 45 лет [3]. В тоже время утверждение, что молодежь легко встраивается в рынок труда не подтверждается статистикой. Наиболее подвержены риску безработицы те работники, кто обладает слабой конкурентоспособностью на рынке труда. Снижает конкурентоспособность отсутствие навыков, необходимых на имеющихся рабочих местах, отсутствие практических навыков, отсутствие необходимого опыта и т.д. К этой категории работников относится в первую очередь молодежь. И сегодня доля молодежи среди безработных сегодня составляет 29.1% [5]. Конкуренция за работу среди тех, кто в начале карьеры, выше, чем среди зрелых специалистов. На одну вакансию для молодых приходится 10 резюме, тогда как в целом по рынку этот показатель составляет 6,8, по данным HeadHunter. В среднем первокурсники хотят зарплату 100 000 руб., а недавние выпускники – 60 000 руб. Такой размер заработной платы получить на рынке сложно [1].

Довольно распространено мнение, что рабочих мест в стране недостаточно, но в июле 2017 г. нагрузка незанятого трудовой деятельностью населения, зарегистрированного в государственных учреждениях службы занятости населения, на 100 заявленных вакансий составила 57,1 человека. Т.е. коэффициент напряженности на рынке труда составил около 0.6% [6]. Однако это не означает, что найти работу легко. Поиск работы затрудняют диспропорции на рынке труда. Так, по статистике портала Superjob – серьезного игрока рынка онлайн-рекрутмента России, больше всего открыто вакансий в сфере продаж – 30,67%. Соискателей на эти вакансии – 16,95%. В тоже время 9,38% соискателей интересуются работой в офисе – т.е. работой административного персонала. Но таких предложений 9.38%. Аналогичная диспропорция просматривается и по топ-персоналу. Соискателей 7.9%, а работодателей, открывших эту вакансию – 1,34%. Много предложений работы в сфере банковской, инвестиционной, лизинговой сфер – 7,94%, но спрос на эти рабочие места – 2.73%. Работодатели нуждаются в рабочем персонале. Таких вакансий 10.53%. Работников на эти места не хватает. Активных резюме – 5.75%. Соискателей вакантных рабочих мест в сфере

бухгалтерского учета – 5.96%, а предложений работы меньше – 2.28% [7]. Существует ошибочное представление, что получать пособие по безработице можно на протяжении долгого времени, не прикладывая усилий по поиску официальной работы. Получать пособие по безработице можно только тем людям, которые зарегистрировались в службе занятости и были признаны безработными. Для его получения пособия безработный должен надлежаще выполнять определенные обязанности, определенные законом. Иначе возможно сокращение величины выплаты, ее приостановление или даже прекращение начисления пособия. Существует стереотип, что получать новую профессию дорого и сложно. Однако многие люди, в том числе потерявшие работу, не знают, что согласно статьи 9 Закона «О занятости населения» граждане имеют право на бесплатную консультацию, бесплатное получение информации и услуг, которые связаны с профессиональной ориентацией, в органах службы занятости в целях выбора сферы деятельности (профессии), трудоустройства, возможности прохождения профессионального обучения и получения дополнительного профессионального образования. Российское государство сегодня прилагает ряд усилий по регулированию рынка труда, чему свидетельством снижение уровня безработицы. Имеется законодательная база, выделяются финансовые средства, создаются условия для помощи безработным. Однако без экономического роста проблему несправедливости на рынке труда, проявляющейся в виде безработицы (открытой или скрытой) не решить. Нужны новые рабочие места, рост зарплат, и потребительской активности.

Литература:

1. *Ведомости. Безработных среди молодежи в России в 5 раз больше, чем среди 30–40-летних / URL: http://www.vedomosti.ru/management/articles/2015/10/27/614577-bezrabotnih-molodezhi*
2. *Вести. Экономика. Безработица и доходы населения снизились в августе / URL: http://www.vestifinance.ru/articles/91183*
3. *Коммерсант ру. Работу дипломом не купишь. / https:// URL: www.kommersant.ru/doc/3287575*
4. *Росстат. Занятость и безработица в Российской Федерации в июле 2017 года / URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/170.htm*
5. *Росстат. Статистическое обозрение - 2017г (II полугодие). / URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/magazine/st_ob2-rus.rar*
6. *Роструд. Статистическая информация о ситуации на регистрируемом рынке труда на 1 июля 2017 года / https:// URL: www.rostrud.ru/rostrud/deyatelnost/?ID=583201*
7. *Статистика интернет-портала «СуперДжоб.ру». / URL: «https://www.superjob.ru/statistics/*

Костюкевич Светлана Викторовна,

Институт Социологии НАН Беларус , Минск, Беларусь

Сфера образования как фактор развития экономики в контексте социальной (не)справедливости

Соглашаясь с К.Марксом, что классовая борьба может быть локомотивом исторических изменений, тем не менее, отметим, что в 20 веке главным фактором глобальных перемен была не классовая борьба, а борьба

за лидерство между советским блоком и западным. Именно эта борьба делала историю 20 века. Не принимая это в расчет, невозможно понять логику произошедших глобальных перемен и те социальные теории, которые идеологически и теоретически их обосновали. Обращаясь к сфере образования, можно сказать, что именно борьба за лидерство явилась главным фактором, определившим появление в 20 веке таких инноваций, как массовизация, профессионализация, а затем маркетизация высшего образования. Первые две запустил СССР, и с некоторой долей упрощения, можно сказать, что причиной была необходимость обеспечить индустриализацию в сжатые сроки; последнюю запустили западные страны в конце 20 столетия как выход из тупика финансовой необеспеченности процесса массовизации высшего образования. Эксперимент по массовизации и профессионализации высшего образования, который начал СССР, затем повторили многие западные страны (высшее образование в которых до середины 20 века было элитарным). Закономерно задать вопрос: почему советский эксперимент был повторен? Есть основание считать, что это случилось в силу того, что, первоначально, индустриальное развитие СССР впечатляло и, соответственно, его эксперименты копировали (и не только в образовании), поскольку экономический Запад не желал допустить того, чтобы СССР превзошел его в технологическом лидерстве и материальном благосостоянии (ключевые вещи для капиталистической системы).

Процесс массовизации и профессионализации сектора высшего образования в Советском Союзе, стране, которая строила экономику без капиталистов и предпринимателей, но развивала сферу образования и научно-техническую сферу, был концептуализирован американскими экономистами (Т.Шульц и Г.Беккер) в теории человеческого капитала, с которой началось активное изучение образования в рамках экономической логики. Можно сказать, что с легкой руки американских экономистов сфера образования стала считаться важной частью экономики и предметом экономических исследований. Был запущен глобальный тренд, рассматривающий образование как фактор развития экономики, который, в конечном итоге, оформился в идее «экономики знаний».

Спустя полвека после создания теории человеческого капитала развитие сферы образования как фактора развития экономики определяют два тренда: экономика знаний (когда к экономическим ресурсам относят не только землю, труд и капитал, но и знания) и политика маркетизации (которая предлагает рассматривать знание как товар на рынке образовательных услуг). Первый тренд акцентирует внимание на образованности работника как его капитале (приносящем доход), второй – на образовании как товаре (покупаемом на образовательном рынке). Эти тренды (знание как капитал и знание как товар) сегодня определяют развитие сферы образования. Следует отметить, что второй тренд «знание как товар» появился позже, чем «знание как капитал», и может быть рассмотрен как реакция сомнения в первом тренде, которая выразилась, в частности, в том, что правящие элиты Запада перестали рассматривать государственные

вложения в образование как фактор экономического роста и общественного благосостояния. Элиты больше не желают инвестировать в человеческий капитал, хотя в силу инерции идея человеческого капитала осталась все еще популярной и привлекательной для некоторой части политиков и инвесторов. В итоге, общество более не гарантирует бесплатное высшее образование своим членам, студенты должны сами его оплачивать. Сегодня, таким образом, нам приходится иметь дело с тем, что наше образование – это не столько капитал, которым мы зарабатываем, сколько товар, который нам продают. Так как экономический подход к образованию склонился именно в эту сторону, т.е. в сторону маркетизации. Политика маркетизации была запущена западными странами в конце 20 века. Публично она была представлена как выход из тупика финансовой необеспеченности процесса массовизации высшего образования, однако есть мнение, что недофинансирование высшего образования было создано в западных странах искусственно, спровоцировав, тем самым, социальную несправедливость. На это указывают авторы книги «Есть ли будущее у капитализма?», анализируя ситуацию в западном мире конца второй половины 20 века: «Несмотря на всю риторику снижения налогов и ограничения вмешательства государства, реальный уровень налогообложения практически везде остается почти на том же исторически высоком уровне, что и в середине XX века. Но если налоги остаются высокими, откуда тогда бесконечные новости о бюджетных кризисах, сокращении рабочих мест, уменьшении размеров пенсий, недофинансировании образования и социальных служб? За этим видимым парадоксом мы обнаруживаем продолжающееся перераспределение прибавочного продукта по государственным каналам (как официальным, так, не забудем, и неофициальным). Но теперь перераспределение направлено на верхи социальной пирамиды. Государства продолжают собирать всевозможные налоги в громадных размерах, однако потоки теперь перенаправлены на привилегированные группы людей, проживающих в наиболее могущественных государствах, и, прежде всего, на элиты, принимающие политические и финансовые решения» [1, с. 282].

Литература:

1. *Есть ли будущее у капитализма? Сб. статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна/пер. с англ. под ред. Г. Дерлугьяна. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 320 с.*

Котков Дмитрий Андреевич,
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Российская Федерация

Протестная активность студенческой молодёжи в контексте борьбы за социальную справедливость

Научные исследования протестной активности студенческой молодёжи представляются очень актуальными, прежде всего, потому, что настроения студенческой молодёжи являются важным индикатором стабильности политической системы. Целью статьи является обоснование места протестной активности студенческой молодёжи в борьбе за социальную справедливость. Место и роль социальной справедливости в обществе можно представить следующей концептуальной схемой: справедливость - это оценка и мера условий, целей, средств и результатов человеческой деятельности. Идеальный вариант - это когда справедливы все компоненты данной схемы [2, с.47]. Вместе с тем, в каждой стране, в определённых исторических условиях далеко не все социальные группы разделяют сложившийся жизненный уклад. Исторически студенческой молодёжи был присущ высокий уровень притязаний, революционной активности, студенты часто протестовали против социальной несправедливости. В качестве примера можно привести молодёжные студенческие протесты 1968 года в Европе и США. Студенты подвергали капитализм резкой критике, но в то же время не одобряли и социализм в том виде, в каком он был представлен в странах социалистического лагеря. Среди студенческой молодёжи были популярны неомарксизм, троцкизм, анархизм, маоизм. Они считали данные теории верным представлением о пути к идеальному социальному порядку, который способен обеспечить свободное развитие, достойный уровень и качество жизни не только студентов, но и всех граждан. Социальная справедливость есть социально-философская категория для обозначения фактического состояния общественных отношений, отображаемых в общественном сознании с точки зрения их соответствия представлениям людей о должном социальном порядке, обеспечивающем свободное развитие, достойный уровень и качество жизни всех граждан [2, с.57]. Для того чтобы попытаться воплотить в жизнь свои устремления, студенческая молодёжь часто участвовала в протестных акциях, революциях, в том числе с использованием насилия. Однако не всегда протестная активность студенческой молодёжи может быть направлена на достижение социальной справедливости. Часто использование нелегитимных, насильственных форм борьбы приводит к нарушению прав и законных интересов общества, подрывает экономическую и политическую систему, что приводит к нарушению социального порядка, неудовлетворённости результатами, получению обратного эффекта – достижению социальной несправедливости.

В этой связи важно рассмотреть социальный протест как форму политического участия, обозначить его основные формы, которые используются студенческой молодёжью. Так, А. Марш выделял два типа политического участия: ортодоксальный тип, к которому он относит действия, обеспечивающие стабильное функционирование политических систем и неортодоксальный тип, к которому, относится протестное поведение [1, с. 4-5]. Сходную позицию занимает У. Милбрайт, выделивший конвенциональное и неконвенциональное политическое участие. К конвенциональным формам относятся все виды голосования, партийной жизни, участие в избирательных кампаниях, участие в политической жизни общества, контакты с официальными лицами. Неконвенциональные формы включают в себя бунты, протестные марши и митинги, забастовки, демонстрации, решительные протесты против безнравственных действий власти, отказ повиноваться несправедливым законам и политическим решениям. Неконвенциональное участие осуществляется в ненасильственных формах (мирные демонстрации, пикеты, митинги) и насильственных формах (терроризм, бунт). Недостаточная эффективность институтов гражданского общества и отсутствие формальных каналов выражения недовольства создают благоприятную среду для формирования у студенческой молодежи, неконвенциональных форм социального протеста [3, с. 49]. При изучении протестной активности студенческой молодёжи используется два основных подхода. Согласно первому подходу, неудовлетворенность от социальных ожиданий студентов является фактором проявления их социального протеста. В соответствии со вторым подходом, данным фактором является неудовлетворенность от вовлеченности в политическую жизнь и невозможность оказывать влияние на принятие управленческих решений. Протестная активность студенческой молодёжи в контексте борьбы за социальную справедливость является публичной, открытой и негативной репрезентацией убеждений, ценностей и поступков, отражающих реакцию конкретного студента или студенческих групп на социально-экономическую или социально-политическую ситуацию. Основными формами протестной активности в молодежной студенческой среде являются несанкционированные пикеты, митинги, флэшмобы, экстремизм в Интернете. Протестная активность выражается через легитимные или нелегитимные формы. К легитимным формам в качестве примеров можно отнести участие студентов в санкционированных акциях протеста, абсентеизм, голосование в поддержку оппозиционных сил, симпатии противникам действующей власти в социальных сетях. К нелегитимным формам можно отнести совершение административных правонарушений и уголовных преступлений. Таким образом, протестная активность студенческой молодёжи в контексте борьбы за социальную справедливость может иметь двойственную природу, с одной стороны, она может быть реализована в легитимных, ненасильственных формах. Однако в случае революции, ориентированной на построение справедливого общества, могут использоваться и нелегитимные, насильственные формы.

Литература:

1. *Дементьева, И. Н. Теоретико-методологические подходы к изучению социального протеста в зарубежной и отечественной науке / И. Н. Дементьева // Мониторинг. – 2013. – № 4 (116) – С. 3–12.*
2. *Козлов, М. И. Социальная справедливость в контексте русской традиции / М. И. Козлов. – Архангельск: изд – во САФУ, 2010. – 201 с.*
3. *Кучукян А.В. Социоструктурные детерминанты влияния виртуальных сетей на протестную активность современной молодежи: Дис. канд. соц. наук: 22.00.04 / Кучукян Артём Владиславович; – Ставрополь, 2017. – 183 с.*

Кравченко Альберт Иванович,
МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Справедливость: аспекты социологической бинарности

Дихотомия справедливость/несправедливость играет в социальной истории человечества уникальную роль. Наряду с аналогичными дихотомиями, в частности равенство/неравенство, свобода/несвобода или добро/зло, она играет роль яркой метафоры, оценочного инструмента, философской категории, юридического норматива, нравственной ценности, педагогического ориентира, идеологического лозунга, политической цели, психологического чувства, историко-культурной универсалии, наконец, социологического понятия. Аристотель, который ввел понятия справедливости уравнительной (справедливость равенства) и распределительной (справедливость пропорциональности), дал свое толкование справедливости, из которого исходят и все последующие ее формулировки. Презумпция равенства, отчетливо сформулированная уже Аристотелем, состоит в том, что именно общественное неравенство, а не равенство нуждается в оправдании перед лицом справедливости. У Платона справедливость - добродетель общества. Аристотель разделяет положения Сократа и Платона о совпадении справедливого и законного. Проявление несправедливости в обществе всегда вызывало возмущение, гнев, народные волнения и приводило порой к серьезным социальным и экономическим трансформациям, стремление сделать этот факт достоянием гласности, и восстановить нарушенное равновесие, наказать виновных. В праве справедливое означает действие в границах закона, несправедливое – его нарушение. В этике справедливость — понятие о должном, соответствующее определенному пониманию сущности человека и его месте и роли в обществе и мире. В основе - признание равенства между всеми людьми и необходимости соответствия между деянием и воздаянием за добро и зло. Справедливость есть воздаяние каждому должного. Как этическая категория она не всегда эквивалентна экономической рациональности, поскольку последняя выражает стремление индивидов к максимизации своих благ, а первая – стремление общества максимизировать выгоду для всех. В противоречии между всеми и одним кроется драма и загадка

несправедливости. Она возникает, когда один человек начинает возмущаться: у всех это есть, а у меня этого нет – несправедливо. Либо инверсиная ситуация: почему у всех этого нет, а у соседа это есть – несправедливо. Когда у вас отсутствует эмоциональная оценка несоответствия между должным и реальным, несправедливорсти, как правило, не возникает: вы равнодушно взираете на хоромы соседа потому, что для счастье в жизни составляют дети, занятия дайвингом, созерцание природы или научные занятия. Нет зависти – нет несправедливости. Зависть рождает возмущение, возмущение ведет к практическому действию – наказать или уравнять. Актуальность именно такого подхода к осмыслению социальной справедливости обусловлена двумя обстоятельствами: 1) неоднозначность, противоречивостью и синкретичностью собственно социологических трактовок данной категории, 2) преобладанием в научной и нарративной литературе несоциологических дефиниций социальной справедливости. Собственно говоря, первое отчасти обусловливает второе и еще больше уводит социальную справедливость от ее сущности именно как социального явления в первую очередь. Социальным референтом или эквивалентом нравственного чувства несправедливости выступает социальное неравенство – между социальными группами и классами, странами и нациями, партиями и движениями, между индивидами – по поводу доступа к социально значимым ресурсом: власть, деньги, территория, природные ископаемые, образование, статус, чувства. Справедливость можно трактовать как стремление к обоюдовыгодному для спорящих сторон балансу потерь и выгод при решении спорного вопроса, например, о том, какую зарплату работодатель должен выплатить работнику, какое вознаграждение индивид должен получить за оказанную услугу, какую территорию побежденная сторона должна уступить победившей. Проблема справедливости возникает только там и только тогда, где и когда есть нерешенная проблема или простой вопрос, вдруг ставший неразрешимой проблемой. Несправедливость – это решение вопроса в пользу одной из сторон с точки зрения другой стороны. Справедливость предстает несколькими модусами существования - как идеал, как реальное состояние общества, как потребность индивида, как социальная норма отношений, как механизм регулирования социального взаимодействия. У справедливости очень много аспектов – философский, психологический, социальный, экономический, политический, педагогический – и в соответствии с ними очень много определений, трактовок, оценок, подходов, концепций и теорий. Иными словами, справедливость остается методологически открытым понятием, допускающим обобщения самого разного любого уровня – от психологического определения справедливости как способа персонализации внешних отношений в стремлении привести их в соответствие с внутренними установками и оценками до глобального эпифеномена структурного миропорядка. В социальной бинарности справедливость/несправедливость формируются принципиально разные жизненные стратегии, социетальные структуры и культурные практики. Справедливое и несправедливое, равное и неравное - два измерения жизненного пространства, где одно совершенно

невозможно и бессмысленно без другого. При этом «другое» может выступать не просто отрицанием «своего», а его превращенной формой. Бинарность справедливости неизбежно отсылает к диалектике «своего» и «чужого», к утрате и поиску идентичности.

Кудрина София Альбертовна,
ЯрГУ им. П.Г.Демидова, Ярославль, Россия

К вопросу о социологическом изучении справедливости

Настаивая на принципе «свободы от оценки в социологической науке» [1, с. 547], М.Вебер поднял важный методологический вопрос, касающийся «полного несовпадения сферы ценностей и эмпирической сферы» [1, с. 582]. В поле зрения социологической науки попадает ценность справедливости. «Справедливость, – как писал В.С.Соловьев, – есть, несомненно, понятие нравственного порядка» [2, с. 101]. «Прогресс во что бы то ни стало» требует жертв, а справедливость направлена на то, чтобы избежать жертв вообще: в справедливых социальных отношениях не должно быть жертвы. Идеально воплощает принцип социальных отношений без жертв категорический императив И. Канта, поскольку «работает в обе стороны»: действующий и объект действия равны по достоинству. Но его автономность и определяет сложность социологического изучения справедливости, поскольку «поступок из чувства долга имеет свою моральную ценность не в той цели, которая может быть посредством него достигнута, а в той максиме, согласно которой решено было его совершить; эта ценность зависит, следовательно, не от действительности объекта поступка, а только от принципа воления, согласно которому поступок был совершен безотносительно ко всем объектам способности желания» [3, с. 17]. Если личность присваивается государством, то воплощается принудительная справедливость. З.Бауман отмечал: «На практике оказалось, что любая [новая] форма социальной организации приносит столько же несчастий, сколько и счастья, если не больше. Это относится в равной мере и к двум главным антагонистам – уже обанкротившемуся марксизму и ныне правящему экономическому либерализму» [4, с. 140]. «В христианстве, – пишет К.Льюис, – есть парадокс: на первый взгляд, оно как-то непоследовательно относится к испытаниям. Бедность душеполезнее богатства, но милосердием и правдой (то есть социальной справедливостью) мы должны уничтожать бедность, где можем… Бог всегда может обратить зло в добро, но это ни в коей мере не оправдывает злодеев» [5, с. 116]. Это, говоря языком М.Вебера, не сам легитимный социальный порядок, а его глубинное метафизическое основание, его гарантия, не фиксируемая эмпирически. Справедливость пребывает в двух «несоединимых мирах»: с одной стороны – разноуровневость и метафизичность справедливости в христианской

культуре, где справедливость рассматривается как прорастающие в падшем мире ростки милосердия, корни которых – не в разуме, а в любви, которая выше закона и, следовательно, выше рациональности; с другой стороны – попытка социологии рассматривать справедливость как некий совершенный порядок и подчеркнуть ее рациональный, императивный характер. Произошла социологизация справедливости, чему способствовало распространение ценностей Просвещения. Отдельный вопрос – степень метафизичности и автономности справедливости, допускаемая в рамках той или иной культуры. На одном полюсе – посюсторонность, на другом – представление о справедливости как небесной правде. Русский человек способен стремиться к этой небесной правде в контексте абсолютного правового нигилизма. Английское же понятие «justice» в результате социологизации можно переводить на русский и как «справедливость», и как «правосудие», то есть рассматривать его в том числе и исключительно в рациональной юридической плоскости. Возможно, поэтому у Дж. Ролза возникла необходимость в уточнении: «Justice as Fairness» [6]. Пафос «науки без метафизики» сделал свое дело: как пишут в книге «Критика и обоснование справедливости» Л.Болтански Л.Тевено, «социальные науки воспользовались релятивизмом, чтобы освободиться от авторитета ценностей, в результате чего они оказались не в состоянии обосновать самих себя, они также оказались неспособными признать то, что людям необходимо строить свое согласие на общем благе и обосновывать его легитимность, опираясь на метафизику». С их точки зрения, «изучение требования легитимности было подменено анализом легитимации, представляющей собой не необходимое обоснование справедливости, а рационализацию в значении психоанализа…». И все это приводит к тому, что справедливость в конечном итоге превращается в свою полную противоположность ради соблюдения связности социологической концепции: «…социальный порядок мыслится как результат бессознательных сил регулирования и, с другой стороны, как выражение господства сильных над слабыми. Легитимация разоблачается как произвольная и, значит, по крайней мере, в имплицитной форме, как несправедливая» [7, с. 509-510]. Сомнение в правильности резкого отказа от метафизики в эпоху институционализации социологии возникает потому, что, отрывая наиболее важные понятия (к коим относится и справедливость) от метафизических корней, социологическая наука неизбежно упрощает объект и приходит к редукционизму.

Литература:

1. *Вебер М. Избранные произведения. М. 1990.*
2. *Соловьев В. С. Право и нравственность // Власть и право. Из истории русской правовой мысли. Л., 1990.*
3. *Кант И. Основы метафизики нравственности. М., 2012.*
4. *Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М., 2005.*
5. *Льюис К. Страдание. М., 2001.*
6. *John Rawls. Collected Papers. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts. – London, England. 1999. P.P. 47 – 72.*
7. *Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости. Очерки социологии градов. М., 2013.*

Кукса Лариса Петровна,
НГАСУ (Сибстрин), Новосибирск, Россия

Философские и системно-организационные факторы перехода к обществу социальной справедливости

Суть переходного периода всегда одна: старое мышление и действие уже не являются эволюционной силой, а новое еще не овладело сознанием масс, т.е. не стало материальной силой. Сложность прохождения переходного периода всегда конкретно-исторична. И понять ее можно на основе единения современных научных достижений и концепций великих философов. Например, мыслей об идеальном государстве Платона [1, с.28-33] и представлений об аттракторе Э. Лоренца [3]. Аттрактор Э. Лоренца вскрывает присущую природе траекторию движения частиц, частей систем, которая выглядит как два сцепленных мотка, каждый их которых состоит из пучка траекторий. Начав движение, скажем, из некоторой точки левого мотка, система сделает какое-то количество оборотов по этому мотку, затем перейдет на правый моток, совершит сколько-то оборотов там, потом вернется обратно и т.д. Получается, что, проходя место соединения двух мотков, она каждый раз как бы делает выбор: продолжить ли свой путь по тому же мотку или перейти на другой. Чтобы узнать результат этого выбора, нужно указать координаты исходной точки, т.е. начало движения системы. Однако траекторию нельзя предсказать в принципе, потому что для этого необходимо определить эти координаты с бесконечно большой точностью. Иначе говоря, каждая начальная точка задает свою неповторимую последовательность переходов с одного мотка на другой. Малейшая неточность в ее задании изменит выбор пути так, что поведение системы станет совершено иным, хотя и не выйдет за рамки тех возможностей, которые определяются общим видом аттракторов. Наличие такого аттрактора применительно к обществу обнаруживается у Платона. Так называемую исходную точку движения социальной системы, т.е. движения по левому мотку, у Платона являет собой идеальное государство. Его устройство в своей основе имеет атомистический принцип: в центре философы, являющие собой совещательное начало; по ближайшему «кругу» расположены стражи – защитное начало; по внешнему – трудящиеся, т.е. деловое начало идеального государства. Отношения между тремя сословиями, по Платону, складываются на основе взаимного уважения и общности интересов, которая проявляется в служении идее. Все три сословия, каждое по-своему, служат идее справедливости: они свободны, равны и счастливы. Они свободны, потому что внутренне осознали необходимость своего положения. Они равны, потому что каждый человек идеального государства занимает именно то место в обществе, для которого он рожден. Права всех граждан

совершенного государства ограничены их реальными возможностями, и именно в этом смысле они счастливы Идеальное государство у Платона создается не в интересах индивида или отдельного сословия, а ради целого, т.е. ради самого государства, вне которого индивид существовать не может. Отдельный человек должен, конечно, поступиться частью своих эгоистических интересов, но ведь и взамен он получит немало – знание и возможность реализации своего таланта. Таков «золотой век»–идеальное время, которое где-то позади человеческой истории, в определенный момент которой человечество перешло на правый виток (введем понятие «социального аттрактора») [2, с.203]. И вот уже тысячелетия проходят по правому кругу. В этом процессе опять, как пишет Платон, оно переживает полный круг разложения идеального государства. Сначала оно принимает форму тимократии, где осуществляется власть тщеславных, затем олигархии, где господствует власть любящих деньги, а затем демократии - правления бесправительственного и пестрого, где каждый имеет волю делать, что хочет. Наконец, тирании, которая являет собой объединение качеств исторически сложившихся форм организации общества всех предшествующих периодов, основанных на потере феномена социальной справедливости. «Социальный аттрактор», просматривающийся у Платона, имеет свой переходный период, который предполагает начало и завершение возврата к идеальному государству на новом витке развития. Причина подобного социального движения, по Платону, объективна, или космична. Она не подвластна контролю ни со стороны людей, ни даже со стороны богов. Существует круговорот, по завершению которого сословие правителей не воспроизводится, каким бы образом ни комбинировали правители браки между стражами, какие бы другие меры ни принимали: замена им родиться не может, человечество физически и умственно вырождается. По этой причине место правителей занимают сначала стражи, а затем и представители делового начала – трудящиеся. Процесс разложения идеального государства, начавшись, уже не может быть остановлен и достигает своего логического завершения в тирании. Судя по всему, человечество уже не однажды прошло по правому витку социального аттрактора, так и не осознав координат перехода в противоположную сторону. Сегодня оно снова находится в переходном периоде, суть которого состоит в том, что все формы предшествующего «правления»–тимократия, олигархия, демократия и тирания–присутствуют в современной социальной организации, порождая социальное насилие, т.е. разрушение системного порядка и возобладание хаоса, торжество социальной несправедливости. Таким образом, аттрактор в социуме налицо. Координаты выбора движения социальной системы, в принципе, если принять за исходную точку идеальное государство Платона, а его самого–не просто за философа, идеалиста, фантазера, а за знающего естественный ход вещей, ясны. Трудность состоит в неспособности определения координат перехода

Литература:

1. *История теоретической социологии. В 5 т. Т.1. От Платона до Канта (Предыстория социологии и первые программы науки и обществе). – М.: Наука, I полугодие, 1995, с.28-33.*
2. *Кукса Л.П. Интегральная социология, кн.3 и 4, Новосибирск, Изд-во «Мысль», 2013, с.203.*
3. *Э. Лоренц. Эффект бабочки. http://vikent.ru/author/2059/*

Лядова Анна Васильевна,
МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия
Лядова Мария Васильевна
РНИМУ им.Н.И.Пирогова, кафедра травматологии, ортопедии и военно-полевой хирургии, Москва, Россия

Концепция социальной справедливости и особенности ее реализации в сфере охраны здоровья: социально-правовой аспект

Тема социальной справедливости - предмет давних дискуссий и многочисленных исследований. Начиная с античности и до сегодняшнего времени ученые пытаются определить суть самого понятия, найти критерии, которые позволили бы рассматривать то или иное социальное явление как справедливое или наоборот [1,2,3,4,5,6]. Как отмечают исследователи, сложность выявления сущности социальной справедливости объясняется неоднозначностью самого феномена: с одной стороны, это некий идеал, определяющий устройство социума, основанное на принципах равенства, свободы, братства, соблюдения прав всех, с другой, это представление напрямую зависит от определенного социально-исторического контекста и, следовательно, существующих в данное время и в данном обществе ценностей и, соответственно, возможностей их реализации [7]. Становится очевидным, что социальная справедливость – это категория, включающая как морально-этический, так и социально-правовой аспекты, так как операционализация рассматриваемого понятия подразумевает выявление особенностей реализации этих морально-этических принципов на практике. Исходя из вышеизложенного, концепция социальной справедливости в отношении здоровья подразумевает, прежде всего, признание здоровья высшей человеческой ценностью. Такое понимание определяет основные принципы ее воплощения на практике, ключевым из которых можно считать признание права на охрану здоровья как неотъемлемого человеческого права. Как указано в принятом в 1946 году Уставе Всемирной организации здравоохранения, «обладание наивысшим достижимым уровнем здоровья является одним из основных прав всякого человека без различия расы, религии, политических убеждений, экономического или социального положения» [8]. Таким образом, реализация права на охрану здоровья означает, в первую очередь, предоставление равного доступа к медицинским услугам, что нашло отражение в идее создания «здравоохранения для всех» (Universal Health Coverage), которая была сформулирована как ключевая цель

в Алма-Атинской декларации ВОЗ в 1978 году в отношении получения первичной медико-санитарной помощи, а в настоящее время является одной из приоритетных задач, поставленных в рамках принятой в 2015 году «Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (Sustainable Development) [9,10]. Таким образом, реализация социальной справедливости в отношении здоровья тесно связана с концепцией социального неравенства (равенства). Однако только ли через равный доступ к медицинским услугам должна реализоваться социальная справедливость в сфере здоровья? Следует отметить, что впервые понятие социальной справедливости по отношению к здоровью было использовано в «Оттавской Хартии ВОЗ по укреплению здоровья», принятой в 1986 году. Согласно данного документа, «непременными условиями и предпосылками здоровья являются мир, кров, образование, пища, заработок, стабильная экосистема, устойчивые ресурсы, социальная справедливость и равенство», и далее: «…укрепление здоровья людей неотделимо от достижения социальной справедливости. Действия по укреплению здоровья направлены на сокращение неравенств по показателям здоровья и предоставление равных возможностей и ресурсов, способствующих наиболее полной реализации людьми своего потенциала здоровья» [11]. Для определения критериев социальной справедливости в отношении здоровья под эгидой ВОЗ в 1990 году Маргарет Уайтхед было проведено исследование, результаты которого были опубликованы в 1992 году в виде доклада «Концепции и принципы справедливости и здоровья» [12]. В данной работе автором были сформулированы семь детерминант, определяющих несправедливость в отношении здоровья. К ним были отнесены: 1) естественные (биологические) отличия; 2) поведение, являющееся угрозой для здоровья, например, спорт, которое человек выбирает по своему желанию; 3) временное преимущество одной группы над другой в отношении здоровья, обусловленное более ранним доступом первой группы к здоровьесберегающим технологиям; 4) поведение, являющееся угрозой здоровью, в условиях ограниченности выбора жизненного стиля; 5) воздействие вредных условий окружающей среды (рабочих, условий проживания) на здоровье; 6) ограниченный доступ к основным медицинским услугам; 7) естественный отбор или социальная мобильность в отношении здоровья, включая взаимосвязь между заболеванием индивида и его социальным статусом) [12]. Как заключила автор исследования, данные факторы можно разделить на две группы. Относящиеся к первым трем группам нельзя назвать несправедливыми, так как они либо не являются существенными в достижении здоровья, либо обусловлены объективно (наследственность), либо зависят от сознательного выбора субъекта (как занятия экстремальными видами спорта, например). А вот оставшиеся четыре группы факторов можно рассматривать как ключевые для установления социальной справедливости в сфере здоровья, так как они социально обусловлены, и, следовательно, их можно избежать. Таким образом, очевидно, что равный доступ к медицинским услугам, закрепленный через право на охрану здоровья, не является единственным

условием воплощения концепции социальной справедливости в отношении здоровья в существующих системах здравоохранения. Поэтому ее дальнейшая реализация должна базироваться не только на понимании здоровья как жизненной ценности индивида, но и как национальное общественное достояние и благо.

Литература:

1. *Сорокин П. Проблема социального равенства и социализм //Коммунист. 1990. № 12*

2. *Сен А. Идея справедливости. М.: Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная Миссия», 2016. – 520 с.*

3. *Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995*

4. *Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года) [Электронный ресурс] Материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В.А. Мансуров — Электрон. дан.— М.: Российское общество социологов, 2016. — 10696 С. — (DVD ROM)*

5. *Канарш Г. Ю. Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация. М. : Изд@во Моск. гуманит. ун@та, 2011. — 236 с.*

6. *Шипунова Т. В. Социальная справедливость: понятие, виды, критерии оценки // Проблемы теоретической социологии. Вып.5: Межвуз. сб. – СПб.: Астерион, 2005.*

7. *Розин В.М. Проблема и три значения социальной справедливости // Юридические исследования. — 2013. - № 4. - С.301-350. DOI: 10.7256/2305-9699.2013.4.661. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_661.html (дата обращения: 02.02.2018)*

8. *Устав Всемирной Организации Здравоохранения. URL: http://www.who.int/governance/eb/who_constitution_ru.pdf (дата обращения: 02.02.2018)*

9. *United Nations. Resolution adopted by the General Assembly on 25 September 2015. 70/1. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development. Available at: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=E (дата обращения: 12.01.2018)*

10. *Сайт Организации Объединенных Наций. Алма-Атинская декларация.Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/almaata78.shtml (дата обращения 12.01.2018)*

11. *Оттавская хартия по укреплению здоровья 1986 года.http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0009/146808/Ottawa_Charter_R.pdf*

12. *Whitehead, M (1991) The Concepts and Principles of Equity and Health, WHO, EURO Report*

Лядова Анна Васильевна,

МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Опыт Бразилии в достижении социальной справедливости в отношении здоровья

Понятие социальной справедливости в отношении здоровья тесно связано с представлениями о равном доступе к медицинским услугам, что обусловлено признанием здоровья важнейшей человеческой ценностью, а право на его охрану – одним из основных, закрепленных и гарантированных конституциями современных государств, в котором нашли отражение ключевые принципы демократии их социальной политики. Несмотря на глобальные изменения в мире, произошедшие за последние три десятилетия и вызванные научно-техническим прорывом, в том числе, и в области медицинских технологий (появился даже новый термин - «высокотехнологичная медицина»), проблема состояния здоровья населения

- одна из наиболее актуальных наряду с другими, стоящими перед мировым сообществом сегодня [1,2]. В 2015 году 193 государствами членами ООН была принята «Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (Sustainable Development), отображающая концептуальные приоритеты мирового развития в будущем [3]. В рамках данной программы были сформулированы 17 Целей устойчивого развития (Sustainable Development Goals), реализация которых должна способствовать достижению в будущем сбалансированного устойчивого развития [4]. И наряду с проблемами бедности и голода на первом месте поставлена цель обеспечения здорового образа жизни и содействие благополучию всех как основы развития и поддержания человеческого потенциала. Одним из целевых показателей, предусмотренных для реализации цели, является создание системы всеобщего здравоохранения (Universal Health Coverage) [5]. В соответствии с определением ВОЗ, эта система подразумевает, прежде всего, равный доступ к медицинским услугам, включая лечебную, реабилитационную, профилактическую, паллиативную медицинскую помощь, при этом их качество должно способствовать улучшению здоровья и не зависеть от финансовых возможностей обратившихся за ними [5]. Следует отметить, что основные принципы системы всеобщего здравоохранения были сформулированы еще в 1978 году в Алма-Атинской декларации по первичной медико-санитарной помощи, направленной на преодоление социального неравенства в отношении здоровья [6]. Как отмечают эксперты ВОЗ, создание модели всеобщего здравоохранения реализуются в странах через различные механизмы, что обусловлено особенностями существующих социальных систем [7]. Поэтому эффективность мер, предпринимаемых для создания «здравоохранения для всех», оценивается по-разному, о чем свидетельствует ежегодный мониторинг ВОЗ и Всемирного Банка [7]. В связи с этим представляется актуальным изучение опыта стран, которые достигли значительных, по сравнению с предыдущим периодом, успехов в преодолении неравенства в сфере охраны здоровья. В этом аспекте особый интерес представляет опыт Бразилии, страны не только географических, но и социально-экономических контрастов, в том числе в сфере здоровья. Опираясь на данные мониторинга ВОЗ, Всемирного Банка, а также зарубежных исследований, был проведен аналитический обзор предпринятых мер, которые позволили преодолеть существовавший ранее дисбаланс в доступе к медицинским услугам среди населения этой страны. Установлено, что ключевым шагом к преодолению социального неравенства в сфере здравоохранения Бразилии, насчитывающей свыше 212 миллионов человек, стало равное обеспечение население первичной медико-санитарной помощью путем введения «Программы семейного здоровья» (Programa Saúde de Família). Она была разработана в 1991 году как часть комплексной реформы здравоохранения и стала основной стратегией в преодолении социального неравенства в отношении здоровья [8]. Ее реализация, начатая в 1994 году, предусматривала создание единой системы данных о здоровье бразильских

семей, в которой, кроме медицинских, были учтены географические, социальные условия их проживания [9]. По результатам картографирования территории были составлены т.н. региональные карты здоровья, отображающие состояние здоровья населения данной местности, в частности, наиболее распространенные заболевания, востребованные медицинские услуги, их доступность, локальные транспортные возможности. По результатам мониторинга вся территория страны была поделена на несколько секторов медицинского обслуживания. Для каждого сектора была создана т.н. группа по охране семейного здоровья в составе врачей общего терапевтического профиля, среднего медицинского персонала, а также наиболее востребованных для данного региона специалистов [9]. Деятельность этих групп была ориентирована как на оказание первичной, экстренной медицинской помощи, так и проведение превентивных и профилактических мероприятий. Поэтому в работе указанных медицинских объединений предусматривалась четкая функциональная дифференциация. Также была проведена децентрализация управления и финансирования. Важно отметить участие общественных советов в проводимых реформах. Все это позволило значительно сократить существовавший дисбаланс в системе оказания медицинской помощи. Итогом реализации Программы стало создание доступной системы здравоохранения для миллионов жителей Бразилии, что способствовало увеличению продолжительности жизни на 15,5%, сокращению детской смертности на 71,3%, преодолению социального и географического неравенства среди населения в отношении здоровья [10]. (Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, «Новые формы социального неравенства и особенности их проявления в современной России», проект № 18-011-01106).

Литература:

1. *Осипова Н. Г. Неравенство в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2014. № 2. С. 119-141.*
2. *Вершинина И. А., Мартыненко Т. С. Неравенство в современном мире: обзор международных докладов // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2016. № 3. С. 74–91.*
3. *United Nations. Resolution adopted by the General Assembly on 25 September 2015. 70/1. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development. Available at: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=E (дата обращения: 12.01.2018).*
4. *United Nations. Sustainable Development Goals. 17 Goals to transform our world. Available at: http://www.un.org/sustainabledevelopment/health/ (дата обращения: 12.01.2018).*
5. *The world health report: health systems financing: the path to universal coverage. World Health Organization 2010. Available at: http://apps.who.int/iris/bitstream/10665/44371/1/9789241564021_eng.pdf (дата обращения 12.01.2018).*
6. *Сайт Организации Объединенных Наций. Алма-Атинская декларация.Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/almaata78.shtml (дата обращения 12.01.2018).*
7. *Tracking universal health coverage: 2017 global monitoring report. World Health Organization and International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank; 2017. Licence: CC BY-NC-SA 3.0 IGO.*

8. *Macinko J., Harris M.J. Brazil's Family Health Strategy — Delivering Community-Based Primary Care in a Universal Health System // New England Journal of Medicine. 2015. No.372:2177-2181. DOI: 10.1056/NEJMp1501140.*
9. *Lima N.T. Public Health and Social Ideas in Modern Brazil // American Journal of Public Health. 2007, Vol 97, No. 7. P.1168-1187.*
10. *Gragnolati M., Lindelow M., Couttolenc B. Twenty Years of Health System Reform in Brazil: An Assessment of the Sistema Único de Saúde. Directions in Development. 2013. Washington, DC: World Bank. doi:10.1596/978-0-8213-9843-2. License: Creative Commons At*

Малахова Светлана Игоревна,
МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Равенство и иерархия в вопросах социальной справедливости

В эпоху демократии господин и раб стали уже историей и все же сегодня, как никогда раньше, огромное значение имеют различные ранжирования, социальные и неформальные иерархии. Социальная ранговая дифференциация освобождает от конкурентной борьбы с достижениями заведомо сильных. В этом и заключается гуманное зерно любой иерархии: она защищает людей от принуждения к сравнению с лучшими из лучших. Иерархия имеет глубокий смысл, она построена на взаимности и представлении о том, что совместная работа связана не только с конкуренцией, но и с подчинением. Успешно существовать в иерархии означает радовать того, кто находится рангом выше, вдохновлять того, кто находится рангом ниже и убеждать равных по рангу [1]. Социолог Н. Луман остроумно заметил: «Один наблюдает сверху, другой наблюдает снизу» [2]. Дифференциация рангов облегчает учебу: для того, чтобы быть успешным нужно уметь слушаться отцов, учителей, профессионалов [3]. Противоположностью этого является исчезновение различий, которое в обществе массовой демократии уступило место математическому равенству радикального эгалитаризма. Когда все считают, что они такие же, то получается, что проигравшие должны чувствовать себя неудачниками. Неоспоримое требование равенства приводит в современном мире к потере авторитета, которое проявляется в дезориентации каждого. Ценятся не индивидуальные заслуги, а групповая принадлежность. Любая принадлежность к группе делает человека зависимым, а любая зависимость уменьшает свободу. Сначала мы теряем свободу в принятии решений, а потом свободу мысли. Эгалитаристский коллективизм предлагает индивидуумам отказаться от своей индивидуальности. Пропаганда «командной работы», партнерства и сообщества усиливает наивные предубеждения о равенстве распределения. Командная работа – это эвфемизм, означающий, что кто-то другой выполняет работу [1]. Х. Арендт в своей критике общества массовой демократии как философии бихевиоризма отмечала, что «нет ничего, что так сильно отражается на качестве, как групповая работа» [4]. Любая политика уравнивания дискриминирует прежде

всего тех, кто добился успеха своими собственными силами. Как есть культуры более прогрессивные и гуманные, чем другие, так и есть люди, которые превосходят других: элита, звезды, богатые, знаменитые. Для массовой демократии это скандал, на который она реагирует обостренным ресентиментом, направленным сначала против мастерства и авторитета, затем против канона и элиты и, наконец, против успеха и достижений. Ресентимент ненавидит успех, завистливо сравнивая себя с теми, кто благодаря образованию, обучению и достижениям оказался лучше и успешнее, обесценивая требования дисциплины и тяжелой работы, что делает понятие успеха вообще возможным. Общество массовой демократии любое различие интерпретирует как неравенство, а любое неравенство как несправедливость. Но везде, где человеческие силы раскрывались полностью, возникало неравенство. Невозможно изменить «несправедливые преимущества», т.е. наличие у людей способностей и таланта от природы, без того чтобы не поставить под угрозу свободу общества. Мы должны научиться не путать равенство всех людей как субъектов прав человека и естественное неравенство. Ни природа, ни культура не свидетельствуют в защиту справедливости. В природе ее нет, т.к. не все женщины одинаково красивы, не все мужчины одинаково компетентны. Но ее так же нет и в культуре, которая всегда расцветала только при условии несправедливого распределения накопленного богатства. Это звучит довольно пессимистично, поэтому расы, гены, интеллект являются запретными темами эгалитарного общества. В 1971 г. огромный научный скандал вызвала статья Р. Гернштейна «Коэффициент умственного развития (IQ)». Основной тезис статьи заключался в том, что социальный статус человека зависит от наследственных различий и от экономических успехов, экономический же успех явно коррелирует с уровнем интеллекта, а коэффициент умственного развития наследуется. Но все эти взаимосвязи носят статистический характер и очень мало говорят о конкретной личности, а всегда только о популяции в целом. Взрывная сила тезиса Гернштейна проявляется не с точки зрения индивида, а с точки зрения современного общества 21 века. Общество и в будущем будет разделено на классы, но решающее значение будут иметь не деньги и власть, а когнитивные способности. Развитие современного общества направлено на выявление умных и продвижение их по карьерной лестнице, в конце которой – когнитивная элита. В этом смысле демократизация высшего образования обладает парадоксальным следствием, она способствует формированию элиты. Каждый человек имеет доступ к высшему образованию, где его отбирают по когнитивным способностям. Этот процесс не заканчивается школой или университетом, т.к. образование влияет на доходы, выбор профессий и вкусы людей. Рыночная стоимость умственных способностей постоянно растет [5]. Ничто не разъединяет людей сильнее, чем интеллектуальная среда. То же самое относится и к потреблению. Сопоставление доходов ничего не скажет о том или ином качестве жизни, т.к. естественные различия людей заключаются в том, что в одной и той же потребительской корзине могут оказаться совершенно разные

вещи. Не только доходы распределены неравномерно, но и способности к развитию жизненных возможностей с помощью доходов.

Литература:

1. *Больц Н. Размышление о неравенстве. Анти-Руссо. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2014.*
2. *Luhman N. Politische Planung. Opladen. 1994. S.69.*
3. *Burt R.S. Structural Holes. Cambridge, M.A.; L.: Harvard University Press. 1992. P.140.*
4. *Arendt H. The Human Condition. Chicago: The University of Chicago Press, 1998. P.41.*
5. *Herrnstein R.J., Murray Ch. The Bell Curve. N.Y.: The Free Press. 1994. P.31.*

Мальцева Алина Павловна,

Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия

К вопросу о справедливости ограничения прав людей с избыточным весом

Определение избыточности веса человека зачастую больше зависит от социокультурно обусловленных представлений субъекта, выносящего вердикт, чем о объективно сложившейся ситуации. В прошлом «дородный» человек считался не только богатым, но и добрым, удачливым и щедрым. В современном обществе полнота полярно поменяла свое значение и стала приписываться слабовольным и недалеким людям, не имеющих ресурсов для того, чтобы бороться с избыточностью веса. Социологический подход к данному вопросу может не только измерить степень распространенности описанных стереотипов в обществе, но и описать ситуацию в новом ракурсе, выявив этические основания негативного взгляда на избыточный вес или ожирение. С медицинской точки зрения, ожирение не является достоинством или недостатком человека, а определяется как гетерогенное прогрессирующее заболевание, характеризующееся избыточным накоплением жировой ткани в организме и нарушением ее функциональной активности [1, 12]. Медицинский термин «эпидемия» дает ключевое осознание того, что есть безвинно пострадавшие жертвы некоторых внешних условий, которые лишь в определенной степени находятся под социальным и индивидуальным контролем. В этой ситуации большое значение приобретает корректное возложение ответственности за ожирение и адекватность применяемых к людям социальных санкций. Рассмотрим, каковы «внутренние санкции» человека с избыточной массой тела по отношению к самому себе. Люди, страдающие от избыточной массы тела, страдают как от непосредственного состояния переедания, так и от его результатов, они часто чувствуют себя не комфортно физически, эмоционально и социально. Последний аспект проявляется не только в негативном внимании со стороны других людей, но также и в виде институциональных ограничений. В чем могут состоять такие ограничения:

1. Профессиональные. В повседневной жизни полные люди сталкиваются с тем, что им труднее найти работу. При собеседовании многие работодатели уделяют внимание внешнему виду больше и людям не подходящим под стандарты красоты сложнее найти работу. Существуют профессии, где на девушек оказывается сильное давление по поводу внешнего вида, это встречается в таких профессиях как балерины, стюардессы.

2. Медицинские отказы. Различные исследования показывают, что к полным людям медики относятся предвзято и чаще отказывают в проведении лечения до тех пор, пока человек не сбросит вес. В некоторых случаях возникает подозрение о попытке «педагогического воздействия» врачей на пациентов с ожирением.

3. Юридическая дискриминация. Исследования показывают, если человек с избыточной массой тела совершает преступление, то с большей вероятностью его осудят.

И со стороны правосудия идет более снисходительное отношение к стройным и красивым людям.[3] Перечисленные примеры демонстрируют, что негативное отношение к полным людям в обществе присутствует, при этом ответственность за это физическое состояние полностью возлагается именно на них. Можно ли считать подобное распределение ответственности справедливым? Почему в развитых странах инвалидов не обвиняют в инвалидности, а алкоголиков в алкоголизме? Понимание того, что поведение населения во многих случаях предопределяется не столько самими людьми, но и внешними условиями их жизни, подводит к необходимости осмысления социальных ситуаций, провоцирующих людей на переедание. Говоря об необходимости ограничения потребления высококалорийной еды, государство не реализует конкретных политических мер, направленных на поддержку здорового характера питания и препятствующего девиантному пищевому поведению. То, что очень часто полные люди имеют нарушения контроля пищевого поведения, не означает, что эта сфера не может быть сферой заботы со стороны общества. К примеру, для снижения уровня потребления алкоголя государство увеличивает стоимость крепко-алкогольных напитков, доступность места и времени их продажи. А что делается для того, чтобы прийти на помощь людям с повышенным весом и нарушениями пищевого поведения? Определим, что мы имеем в виду под пищевым поведением: это ценностное отношение к пище и ее приему, стереотип питания в обыденных условиях и в ситуации стресса, поведение, ориентированное на образ собственного тела, и деятельность по формированию этого образа [2, 103]. Исходя из этого определения считаем, что справедливым были бы меры ограничения не по отношению к индивидам, а по отношению к социальным институтам питания, таким как коммерческие компании, занимающиеся производством и распространением высококалорийной пищи, провоцированием неумеренного ее потребления. К наиболее очевидным «провоцирующим» некорректное поведение социальным институтам, мы можем отнести заведения быстрого питания

(например, kfs, макдональдс), производителей джанк-фуд (например чипсы, кириешки), агентства, продвигающие нездоровый характер питания и т.д.. На наш взгляд, справедливо было бы по аналогии с сигаретами крупными буквами обозначать на сладких батончиках их калорийность, предупреждать потребителей о вреде ожирения; по аналогии с продажей алкоголя ограничить повсеместную продажу высококалорийных продуктов за счет налоговой политики, которая будет стимулировать продажу овощей, фруктов, исключить на телевидении и на улице рекламу на высококалорийную еду. При развитии подобных мер распределение ответственности, на наш взгляд, можно считать более справедливым.

Литература:

1. *Емелин К.Э. Расстройства пищевого поведения, приводящие к избыточному весу и ожирению: классификация и дифференциальная диагностика. К.Э. Емелин. - М.: Русский медицинский журнал. - 2015. С. 12-15.*
2. *Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения. Учебное пособие / В.Д. Менделевич. - СПб.: Речь. - 2015. - 445 с.*
3. *[Электронный ресурс] / 10 примеров, как дискриминируют толстых людей - Режим доступа: http://muz4in.net/news/10_primerov_kak_diskriminiruju_tolstykh_ljudej/2013-09-30-34090, свободный. (Дата обращения: 03.02.2018 г.).*

Мартыненко Татьяна Сергеевна,

МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Теория социальной справедливости Д. Дорлинга

Теории социальной справедливости занимают существенное место в социальных науках. Начиная с Античности, вопросы справедливого устройства общества поднимались в рамках философского, а после и социологического и других дискурсов. Без обращения к понятию «социальная справедливость» невозможно изучение одной из ключевых проблем социологии – проблемы социального неравенства [14; 15]. При помощи этого понятия социологи объясняют причины оформления существующей системы социального неравенства и способы ее потенциальной трансформации. Понятие «справедливость», наряду с понятием «доверие» [4; 11], является неотъемлемым элементом современных теорий. Например, в теории Г. Терборна социальное неравенство – это «различие, которое воспринимается как несправедливое, как социальный “разрыв”, который социальные субъекты стремятся преодолеть, сократить» [12, с. 186]. Несмотря на то, что в отечественной социологии широко обсуждаются вопросы социальной справедливости и смежные с ними проблемы [5; 6; 7; 8; 10; 13], российская наука нечасто обращается к новейшим теориям социальной справедливости. В отечественной социологии лишь незначительного упоминания удостоилось творчество британского социолога и социального географа Дэниэла (“Дэнни”) Дорлинга (р. 1968),

уже завоевавшего широкое признание в зарубежной науке. В центре внимания исследователя находится вопрос о причинах высокого уровня социального неравенства в современных обществах. В попытках ответить на этот вопрос британский исследователь формулирует собственную теорию социальной справедливости. Д. Дорлинг утверждает, что любая попытка преодолеть существующий порядок должна быть связана, прежде всего, с переопределением категории «несправедливость», а также рассмотрением принципов, определяющих ее содержание. По мнению британского исследователя, современное общество зиждется на веровании в то, что несправедливость является атрибутом человеческого существования. Д. Дорлинг выделяет пять догматов несправедливости. Во-первых, «элитизм является эффективным». Во-вторых, «эксклюзия является необходимой». В-третьих, «предрассудки являются естественными». В-четвертых, «жадность – это хорошо». Наконец последний догмат звучит как «безысходность является неизбежной». Указанные положения не только используются в качестве обоснования экономического и политического статус-кво группами, занимающими привилегированное положение, но эффективно ими поддерживаются [2, p. 11]. Но даже самые устойчивые общественные представления со временем трансформируются, исчезают и заменяются другими. Эти положения и потенциальная возможность их трансформации непосредственно связаны с идеей равенства. Британский ученый определяет равенство как «обладание такими же правами, свободами и достоинством, как и другие люди. Среди них – право на доступ к ресурсам, достоинство человека, которого считают умелым, и свобода выбирать жизненный путь в равных условиях с остальными» [9, с. 47-48]. Различия между людьми, как присущие им от рождения, так и приобретенные в течение жизни, не должны ограничивать свободу и права человека. Социолог утверждает, что современные общества преувеличивают существующие различия между людьми. Они не так значительны, насколько различаются положения людей в обществе. Д. Дорлинг отмечает, «мы очень плохо знаем, насколько мы похожи; и по непонятным причинам мы очень внимательны к небольшим различиям, а затем подчеркиваем их важность» [1, p. 160]. Большее равенство, по мнению ученого, гарантирует большую свободу для всех членов общества. Это равенство не означает стандартизации жизни, единообразия и тождественности всех членов общества, их желаний и достижений. «Верить, что у нас равные условия для того, чтобы сделать что-нибудь, совсем не то же самое, что считать, что мы все будем делать одно и то же, если станем равными» [9, с. 48]. Задачей социальных наук сегодня становится выявление этих неявных установок, определяющих современную идею справедливости, а также объяснение истоков их возникновения и описание возможностей их преодоления. Кроме того, роль социальных наук заключается в трансформации общественных представлений. Д. Дорлинг подчеркивает, что «изменение того, что сегодня понимается под несправедливостью, означает, что некоторым людям, которые обычно обладают властью, приходится говорить, что то, что они считают

справедливым, во многих отношениях несправедливо» [2, p. 1]. Наиболее часто Д. Дорлинг для обозначения убеждений, поддерживающих неравенство, использует понятие «верования» (“beliefs”) пытаясь тем самым подчеркнуть их иррациональную и в то же время устойчивую природу. Целью ученого является не только обозначить эти современные «верования», но опровергнуть их обоснованность и применимость. Рассмотренная теория обладает значительным эвристическим потенциалом. Д. Дорлинг также обращает особое внимание на те возможные положительные эффекты, появлению которых будет способствовать большее равенство в обществе [3]. В российском обществе проблема социального неравенства является чрезвычайно острой. Применение теории Д. Дорлинга для выявления неявных установок, существующих в нашей стране, позволит определить реальный уровень социального неравенства, а также обозначить возможные способы его снижения. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-01106 «Новые формы социального неравенства и особенности их проявления в современной России».

Литература:

1. *Danny Dorling on Inequality / Edmonds D., Warburton N. Big Ideas in Social Science. London: SAGE Publications, 2016. P. 157-166.*
2. *Dorling D. Injustice: Why Social Inequality Persists. Bristol: Polity Press, 2010. 400 p.*
3. *Dorling D. The Equality Effect. Oxford: New Internationalist, 2017. 240 p.*
4. *Ардельянова Я.А. Коррупция, доверие и неравенство в современных обществах // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2014. № 2. С. 212–219.*
5. *Вершинина И. А. Трансформация социальной структуры в информационном городе // Социология города. 2013. № 3. С. 3–17.*
6. *Вершинина И.А., Курбанов А.Р. Гармонизация интересов экономики и экологии – условие устойчивого развития // Актуальные вопросы экологии человека: социальные аспекты: сборник научных статей участников Международной научно-практической конференции (г. Уфа,*
7. *Волкова Л.В. Представления российской молодежи о социальной несправедливости // Тезисы VI международной социологической Грушинской конференции "Жизнь исследования после исследования: как сделать результаты понятными и полезными", 16-17 марта 2016. Материа*
8. *Добринская Д. Е. “Реальные утопии” в социологической теории Э.О. Райта // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2014. № 4. С. 44–59.*
9. *Дорлинг Д. Равенство. М.: Книжный клуб Книговек, 2014. 224 с.*
10. *Карасев Д.Ю. Теория революций Джона Форана // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2013. № 3. С. 193–205.*
11. *Лядова А.В., Восканян Э.С., Лядова М.В. Доверие как фактор эффективного функционирования системы здравоохранения // Социология. 2016. № 1. С. 66-71.*
12. *Мартыненко Т.С. Глобальная социология Г. Терборна: теория социальных неравенств // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. №1(29). С. 185-193.*
13. *Осипова Н. Г. Неравенство в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2014. № 2. С. 22–46.*
14. *Полякова Н. Л. Социальное неравенство в социологических теориях второй половины XX в. Оформление конструктивистской перспективы // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2015. № 1. С. 5–28.*
15. *Полякова Н. Л. Теории социального неравенства в социологии XX века. Трансформация классики // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2014. № 4. С. 19–44.*

Мосиенко Ольга Сергеевна,
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Оценка социально-экономического положения врачей Казани (по материалам социологического исследования)

С целью выявления специфики профессиональной идентичности врачей российских мегаполисов, в 2017 г. научно-исследовательским коллективом из г. Ростов-на-Дону было проведено социологическое исследование «Профессиональная идентичность представителей социетальных профессий в условиях прекариатизации социально-трудовых отношений в российских мегаполисах» . Исследование включило такие методы сбора первичной информации, как: - анкетирование, которое охватило 402 врача из г. Казани (158 мужчин и 244 женщины) и 468 врачей из г. Москвы (182 мужчины и 286 женщин). Выборка – квотно-пропорциональная, в качестве квотных групп были отобраны пол, возраст, национальность, уровень образования, полученная специальность, место работы, профиль работы, стаж работы. Статистическая погрешность не превышает 5%; - глубинное интервью 14 врачей г. Москвы и Казани. Итак, для того, чтобы выяснить, как оценивают казанские врачи собственный социально-экономический статус и покупательские возможности, для начала мы попросили врачей г. Казани оценить свое материальное положение 2-3 года назад, в текущем, то есть 2017 году и сделать прогноз на 2-3 года вперед. Большинство неизменно характеризует свое экономическое благосостояние скорее как хорошее, чем плохое (41,6% – 2-3 года назад, 44,7% – в текущем году, 44,3% – через 2-3 года). При этом, свои доходы за 2017 год как неудовлетворительные оценивает 31% врачей (33% - 2-3 года назад, 28,8% – через 2-3 года). То есть, несмотря на быстро меняющуюся социально-экономическую обстановку в стране и структурные затруднения в системе здравоохранения, по результатам опроса врачей Казани мы фиксируем стабильно средний уровень удовлетворенности материальным положением. Также, в опросе респондентам предлагалось оценить по пятибалльной шкале такие экономические показатели своей жизни, как доходы, жилищные условия, отдых. Казанские врачи выставили своим жилищным условиям 3,6 балла из 5 возможных. Менее всего удовлетворены опрошенные врачи качеством отдыха (3,3 б.) и уровнем материального достатка (3,2 б.). Вопрос собственного социально-экономического положения закономерно беспокоит больше мужчин, чем женщин (42,6% женщин и только 35,4% мужчин на «4» и «5» баллов оценили степень удовлетворенности своими доходами). Отметим, что экономическое положение является центральным звеном формирования социально-статусной позиции врача в обществе и его удовлетворенности профессией. Неудовлетворенность врачей заработной платой способствует поиску дополнительных источников дохода и прежде

всего это частная практика. Итоги федерального статистического наблюдения в сфере оплаты труда отдельных категорий работников социальной сферы и науки демонстрируют, что средняя заработная плата врачей в государственных и муниципальных медицинских организациях Татарстана за январь-сентябрь 2017 года составила 39810 руб. Для справки, средняя заработная плата врачей в Приволжском федеральном округе за тот же период была равна 40642 руб., в среднем по всей территории Российской Федерации – 53112 руб. Данный показатель по ПФО увеличился на 23% по сравнению с аналогичным периодом 2013 г., на 13% - с 2014 г., на 11% - с 2015 г., на 7% - с 2016 г. По Татарстану в 2017 г. отметим увеличение среднемесячной заработной платы врачей на 25% относительно 2013 г., на 10% - 2014 г., на 6% от показателя 2015 года и 4% от значения того же периода 2016 г. Более того, средняя заработная плата врачей Татарстана за январь-сентябрь 2017 г. на 28% выше средней заработной платы наемных работников в организациях, у индивидуальных предпринимателей и физических лиц республики Татарстан за тот же период (28596 руб.). [1] В продолжение анализа восприятия врачами Казани своего социально-экономического позиционирования, приведем распределение их ответов на вопрос: «Какие виды покупок Вы можете себе позволить?». 47,8% респондентов могут себе позволить приобретать вещи длительного пользования в кредит, еще 12,8% - могут без труда покупать вещи длительного пользования за собственные средства. 5,6% врачей Казани могут позволить себе достаточно дорогостоящие вещи – машину, квартиру, дачу и др. в кредит и только 0,6% - за собственные средства. На основании этих данных мы можем сделать вывод, что только для 13,4% опрошенных врачей г. Казани характерен высокий уровень потребительских возможностей. Более, чем для 50% респондентов наиболее распространенной формой потребительского поведения являются покупки в кредит. Низкая и крайне низкая покупательная способность характерна для 33,4% респондентов (31,7% «Денег хватает на продукты и на одежду, но покупка вещей длительного пользования становится проблемой» и 1,7% денег хватает только на продукты, но покупка одежды уже вызывает затруднения). Итак, исследование социально-экономического положения врачей, проведенное ростовскими учеными в городе Казани, показало весьма скромный средний уровень удовлетворенности респондентов своим экономическим статусом, а также преобладание в рассматриваемой социально-профессиональной группе заемной формы потребительского поведения, что идет в категорический разрез с официальными статистическими сведениями о достаточно высоком уровне средней заработной платы представителей врачебного сообщества и одновременно может стать реальными барьерами формирования позитивной профессиональной идентичности для казанских врачей.

Литература:

1. *Итоги федерального статистического наблюдения в сфере оплаты труда отдельных категорий работников социальной сферы и науки за январь-сентябрь 2017 года [Электронный ресурс]. Режим доступа:*

http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_monitor/itog-monitor3-17.html (дата обращения 15.01.2018)

Мусиенко Светлана Олеговна,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Проявление социальной несправедливости в отношении трудоспособного населения России

Понятие справедливости в целом является довольно условным и неоднозначным. Единого определения понятию «справедливость» не существует. Аналогично понятие «социальной справедливости» имеет большое количество трактовок, часть из которых не носят однозначного характера, а выражены общими понятиями. Ключевым фактором неопределенности социальной справедливости является отсутствие возможности ее количественного выражения. А.В. Чернов приводит следующую формулу для определения социальной справедливости: СС=В/З=1, где СС - социальная справедливость, В - воздаваемое (получаемое человеком за его вклад в общество), З -заслуженное (вклад человека в общество) [1]. Однако, точно измерить размер вклада и вознаграждения человека не представляется возможным. П.Савченко и М.Федорова характеризуют социальную справедливость как государственное регулирование, направленное на достижении гармонии функций человека как субъекта экономики и общества [2]. Таким образом, к социальной справедливости следует относить оптимальный уровень социально-экономического развития государства, при котором эффективно реализуется экономический потенциал каждого человека, при наличии обеспечения его необходимыми социальными благами. Вопрос взаимосвязи и взаимодействия экономической и социальной составляющей функционирования государства являются неразрывными в контексте социального государства. А.Л. Попова отмечает, что рост экономики государства способствует расширению возможностей для реализации социальных функций. Аналогично на уровне индивида – при росте благосостояния человека и наличия социальной обеспеченности (защищенности) создаются условия для эффективной экономической деятельности, повышающей как личную экономическую обеспеченность, так и общий рост экономики государства [3]. Сегодня в Росси наблюдается целый ряд факторов, которые напрямую противоречат принципам социального государства и создают препятствия для его развития. Одним из наиболее ярких примеров может служить соотношение минимального размера оплаты труда (МРОТ) и прожиточного минимума. МРОТ по России в 2015 году составлял – 5965 руб., на начало 2016 года – 6204 руб., на конец 2016 года – 7500 руб., на конец 2017 года – 7800 руб., на

начало 2018 года – 9489 руб. При этом величина прожиточного минимума для трудоспособного населения в аналогичный период составляла в среднем за 2015 год – 10454,75 руб., в среднем за 2016год – 10597,5 руб., в среднем за 2017 год – 11008 руб. При этом, безусловно, необходимо отметить существенное сближение данных показателей за рассматриваемый период, а также обратить внимание, что законопроект об уравнивании величины прожиточного минимума и МРОТ уже разрабатывается Министерством труда. Однако, данная экономическая и, как следствие, социальная несправедливость существовала довольно долгое время. Это стало одной из причин «феноменальной» бедности, наличие которой озвучила в марте 2017 года вице-премьер правительства России О. Голодец на Социальном форуме в рамках недели российского бизнеса 2017 года: «Это уникальное явление в социальной сфере – работающие бедные» [4]. При этом следует обратить внимание еще на один важнейший показатель социального обеспечения – пособие по безработице, размер которого в указанный период не менялся и составлял от 850 руб. до 4900 руб., что так же существенно ниже прожиточного минимума. Обратной стороной установления высокого пособия по безработице может стать нежелание трудоспособного населения искать работу, а жить за счет государственного обеспечения. Однако, данная проблема нивелируется законодательным ограничением срока, в течение которого человек может получать данное пособие. Таким образом, из приведенных цифр видно, что наличие экономических противоречий в устанавливаемых государством показателях приводят к возникновению социальной несправедливости. Возвращаясь к приведенному в начале определению социальной справедливости, следует отметить, что установленные размеры пособия по безработице и минимального размера оплаты труда, не позволяют обеспечить гармонию функций экономического и социального развития человека. Для формирования социальной справедливости в государственная политика должна быть направлена в первую очередь на устранение подобных противоречий, а также на обеспечение роста социальной защищенности всех слоев населения.

Литература:

1. *Чернов А.В. Патернализм и принцип социальной справедливости как атрибуты социального государства // Управленец. 2014. № 4 (50). С. 38-41.*
2. *Савченко П., Федорова М. О социальной функции государства как сфере взаимодействия экономической эффективности и социальной справедливости // Общество и экономика. 2014. № 7-8. С. 149-157.*
3. *Канавцев М.В., Попова А.Л. Основные функции государственного регулирования экономики в социальном государстве // Символ науки. 2015. № 7-1. С. 80-82.*
4. *Голодец: в РФ есть уникальное явление - работающие бедные – [Электронный ресурс] - http://tass.ru/ekonomika/4093093, дата обращения 30.01.2018.*

Назаренко Сергей Владимирович,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия

Философия социологического объяснения и понимания социализации и социального контроля в обеспечении социальной и политической справедливости современного российского общества

Социальная и политическая справедливость – это индивидуальное, групповое, общественное или общечеловеческое представление людей о должном [6]. В нем оценивается уровень (интенсивность, активность, глубина) и степень (экстенсивность, массовость, распространенность) соответствия/несоответствия практики поведения с институциональными требованиями и ожиданиями. Они позволяют констатировать величину разрыва между: а) правами индивида и их реализацией в жизнедеятельности; б) между результативностью или эффективностью (экономической рациональностью – производительностью, социальной гуманностью – функциональностью) трудовой и/или профессиональной деятельности социальных групп и общностей и размерами ее вознаграждения (оплаты и/или признания); в) витальными и социетальными потребностями, а также связанными с ними личными и общественными интересами, и возможностями их удовлетворения, реализации. Если сравнительная оценка дается на начальном этапе взаимодействия участвующих сторон, то речь идет о равенстве возможностей (шансов), но, если – на завершающем этапе, на котором сравниваются результаты деятельности социальных субъектов, то в данном случае это равенство прав на справедливое признание затраченных усилий, ресурсов и времени и вознаграждение или наказание (административно-правовое поощрение или взыскание, морально-нравственное одобрение или осуждение) по заслугам. Социальная справедливость, включающая право субъекта (индивида, группы, общности, общества) на равенство возможностей (шансов) и право – на равенство в общественном распределении благ, является результатом двух социетальных процессов, обеспечивающих воспроизводство индивида как личности в обществе – социализации и социального контроля. Их органическое единство проявляется в том, что они формируя исправляют и исправляя формируют личность человека как члена общества. Если на начальном этапе приоритетной является социализация, то на завершающем – социальный контроль. Результатом социализации является социализированность индивида – уровень освоенности социального статуса и усвоенности социальных ролей, ему соответствующих. Социализированность – это обладание социокультурными, профессионально-трудовыми и организационно-управленческими компетенциями, позволяющими реализовать предоставленные окружающей средой возможности – шансы на

успех в социальном, экономическом или политическом действии. Информированность, умение и владение навыком позволяет индивиду осознанно, грамотно и правильно осуществить выбор из представленных альтернатив, принять взвешенное решение на действие и посредством проявляемой своей активности удовлетворить личную и/или социальную потребность, а также реализовать свой интерес и/или интерес среды (группы, общности, общества, человечества). В случае недостаточной сформированности компетенции индивид становится менее конкурентоспособным в сравнении с другими и соответственно в конкретных социально-историческом времени и социальном пространстве он просто утрачивает право личного равенства на возможность (шанс). В случае сформированности компетенции на высоком уровне у индивида при реализации своей активности есть две альтернативные траектории – инновационная (предпринимательская) и девиантная (преступная). Если первая отражает его ориентированность сделать социальное благо (добро), принести пользу другим, то вторая – лишения (зло), причинить вред другим. В зависимости от реализуемой альтернативы – «позитивной (положительной) – нейтральной – негативной (отрицательной)» субъекты, имеющие равные права на возможность (шанс), достигают цель. Уровень достижения цели у каждого различен, о чем свидетельствуют их результаты. На этом этапе не только начинается нарушение права равенства на признание результата действия и заслуг, но и включается социальный контроль – механизм оценки и санкционирующих воздействий поведения индивида в целях приведения его в соответствии с институциональными ожиданиями и требованиями среды [2; 3]. Он является синергетическим эффектом институционального (его агенты, «агентства» преимущественно реализуют косвенные методы и мягкие санкции), организационного (косвенные методы и жесткие санкции), референтного (прямые методы и жесткие санкции) контроля и личностного самоконтроля (прямые методы и мягкие санкции внеинституционального агента – совести) индивида. Итак, если вопросы социальной справедливости и равенства преимущественно актуальны в диадном, то политической – в триадном взаимодействии. Политическое появляется там и тогда, где и когда формируются отношения между двумя, но затрагивают интересы третьего лица (субъекта). При распределении благ по результатам общественного производства это наглядно прослеживается. Решение общественно значимой проблемы минимизации субъективности и максимизации объективности предложило человечеству соответствующие этим направлениям две альтернативы – редистрибутивная (основанная на государственном регулировании) и рыночная (основанная на саморегулировании спроса и предложения) экономики. Каждая имеет свои преимущества и недостатки. Реализация преимуществ альтернативных экономик в одной модели политического устройства государства – это залог социальной и политической справедливости [1; 4]. Опытом внедрения в мировой практике является построение социалистического общества в нашей и иных

социалистических странах, а также странах Скандинавского полуострова в рамках «шведской» модели [5].

Литература:

1. *Матюшин Г.Г. Справедливость как проблема в России XXI века: монография. – М.: Ред.-изд. центр, 2013. – 315 с.*
2. *Назаренко С.В. Социальный контроль минимизации девиаций и рисков в современном обществе / Проблемы анализа риска. 2017. Т. 14. № 3. С. 6-23.*
3. *Назаренко С.В. Современный тренд социального контроля и управления: теоретическая интерпретация / Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 16-34.*
4. *Оборский А.Ю. Охрана интеллектуальной собственности: история и современное состояние / Экономика. Бизнес. Банки. 2017. Т. 6. С. 20-26.*
5. *Оганян К.М. Социальная работа за рубежом: международный опыт и шведская модель: монография. - СПб: Изд-во Санкт-Петербургского гос. экономического ун-та, 2016. - 231 с.*
6. *Шавеко Н.А. Правовой идеал: неокантианские и современные кантианские учения о справедливости: монография / под науч. ред. Е.А. Фроловой. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 357 с.*

Осташкин Валерий Николаевич,

МГУУ Правительства Москвы, Москва, Россия

Страх в системе управления: современное видение и некоторые размышления

Рассматривая проблемы социальной (не)справедливости имеет смысл ещё раз посмотреть на проблему страха в современной системе управления социумом и человеком. Страх был и по-прежнему остается одним из факторов, влияющих на развитие человеческой цивилизации. Кроме того, страх является неотъемлемой частью религии, морали, права, управления обществом и направлениями деятельности. Страх регламентирует все стороны жизни социума и человека в виде законов, правил, обычаев, которые исполняются порой не по доброй воле, а из-за страха наказания за их невыполнение или неотвратимости наказания. И это часто становится внутренним содержанием управления наряду с другими мотивами. Страх существует независимо от культуры и уровня развития народа или его отдельных представителей; единственное, что изменяется, - это объекты страха, ибо, как только мы полагаем, что победили или преодолели страх, появляется другой вид страха, а также другие средства, направленные на его преодоление. Под страхом в психологии понимают внутреннее состояние человека, общества или его части, которое обусловлено предполагаемым или реальным бедствием. У человека и в обществе, в зависимости от ситуации и особенностей личности, чаще всего можно наблюдать следующие переживания, связанные со страхом по «температуре» переживания: неуверенность, опасение, тревога, испуг, паника, отчаяние, ужас, аффект. Причины страха разделяются современной наукой на скрытые и явные. Хотя необходимо подчеркнуть, что до сих пор продолжаются дискуссии о причинах страха. Современная наука систематизировала и свела причины

страха к определенным типам, которые могли бы характеризовать конкретное общество. Кроме того существует обратная связь между страхом и обществом: в каждом конкретном обществе страх может многое рассказать и о самом обществе. Необходимо подчеркнуть, что многие технические новшества возникли у человека как желания обезопасить себя, защитить. Строительство крепостей, замков, земляных валов, рвов, стен городов свидетельствует о том, что эти постройки возводились с целью защититься. Это приводит к пониманию того, что страх может быть положительной эмоцией, которая мобилизует человека. А этот процесс мобилизации констатирует, что человек может развиваться под влиянием страха или наоборот, приостанавливать свое развитие, когда страх и тревога становятся запредельными и парализуют волю человека. Тогда страх становится отрицательной эмоцией. Сегодня существуют различные классификации страхов. Для системы управления обществом, по мнению автора, целесообразно выделить следующие виды страха: социальные, биологические и экзистенциальные. Социальные страхи вызываются ситуациями, которые могут снизить социальный статус, понизить самооценку. Социальные страхи можно разделить на четыре группы: 1) страхи руководства; 2) страхи успехов и провалов; 3) страхи социальных контактов; 4) страхи оценок. Это могут быть: страх несоответствия занимаемой должности; страх обладания недостатком знаний, навыков и умений; страх лишиться авторитета перед руководством или подчиненными; страх перемен и др. Биологические страхи напрямую связаны с угрозой для жизни и здоровья человека. Экзистенциальные страхи завязаны на интеллект человека. В древних Египте, Вавилоне, Китае, Греции и Риме страх использовали как один из высокоэффективных инструментов управления людьми. Так, например, в Древнем Риме существовала своя сложившаяся система управления. Здесь использовали «кнут» и «пряник» в системе управления, в которой они были как средствами прямого насилия, принуждения и страха наказания («кнут») в самых разнообразных формах, так и средствами ненасильственного характера («пряник») управления. Эта схема принципиально не изменилась и дошла до наших дней без каких-либо изменений. Современные методы управления с применением страха можно, по мнению автора, условно сгруппировать в три группы: организационно - административные; экономические; социально-психологические. Каждая из вышеперечисленных групп дает наивысший эффект в управлении только тогда, когда они работают совместно друг с другом. При этом они усиливают друг друга своими сильными сторонами и, таким образом, нивелируют свои недостатки. Вместо заключения. Проблема страха в системе управления, хотя и уходит корнями в далёкое прошлое, всё ещё остается актуальной и всегда будет оставаться таковой, пока существует человек и общество. Вместе с ними, в них самих будет существовать и страх. Сейчас достаточно трудно определить долю страха в системе будущего управления человеком и социумом. Одно ясно и не вызывает отторжения: по мере развития общества страх будет приобретать новые формы. Надо ли избавляться от страха в

системе управления? На этот вопрос существует достаточно большое количество точек зрения. Здесь, наверное, не может быть единственного ответа. По мнению автора, во-первых, человек и общество, лишенные чувства страха, лишены и всяческой ответственности и обязанностей друг перед другом; во-вторых, отсутствие страха не позволит существовать человеку с другими членами общества, а различным государствам мирно сосуществовать; в-третьих, надо помнить, что страх может направлять людей в деструктивное русло. Человек и общество не должны идти в своем развитии путем страха т.к. это тупик, из которого можно выйти, но с большими усилиями.

Полякова Наталья Львовна,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Справедливость и равенство. У истоков социально-теоретической традиции

Справедливость как реальная проблема человеческого общежития изначально была предметом теоретического осмысления в рамках политической и социальной философии, социологии, а также реальной политики. Сформулированный в рамках греческой политической философии подход к интерпретации справедливости на долгое время определил теоретическое прочтение этой проблемы в социальной мысли. Греческая политическая философия рассматривала справедливость как одно из божественных благ, на основе которого создаются законы, являющиеся основанием греческого полиса и определяющие форму человеческого общежития и социальный порядок. Платон выделял два вида благ – человеческие и божественные. Человеческие зависят от божественных. Человеческие – это меньшие блага (здоровье; красота; телесная сила; «богатство, но не слепое, а зоркое, спутник разумности»). Божественные блага – «это разумение; сопутствующее разуму здравое состояние души; из их смещения с мужеством возникает третье благо – справедливость; четвертое благо – мужество» (Платон. Т. 3(2). 631в. – 631d.). Божественные блага «стоят впереди» человеческих, они упорядочены и «законодателю следует ставить их в таком же порядке». Опираясь на эти «блага», и создав соответствующие законы, законодатель поставит над всем этим стражей, из которых одни будут руководствоваться разумением, другие – истинным мнением, так, чтобы разум, связующий все это, явил рассудительность и справедливость, вопреки богатству и честолюбию» (Платон. Т. 3(2). 632d.). Продолжая обсуждение проблемы социального порядка, основывающегося на иерархии благ, Платон не просто указывает на справедливость как на одно из главных божественных благ, следование которому призвано поставить под контроль «богатство и честолюбие». Он предлагает содержательное понимание справедливости: «неправильны те законы, что установлены не

ради общего блага всего государства в целом. Мы признаем, что там, где законы установлены в интересах нескольких человек, речь идет не о государственном устройстве, а только о внутренних распрях, и то, что считается там справедливостью, носит вотще это имя» (Платон. Т. 3(2). 715в.). Еще одним моментом содержательного определения справедливости у Платона является увязывание справедливости с равенством. Платон вычленяет два вида равенства. Первому виду «может отвести почетное место всякое государство и всякий законодатель, руководя его распределением с помощью жребия: таково равенство меры, веса, числа» (Платон. Т. 3(2). 757в.). Второй вид равенства – это «суждение Зевса», равенство, определяемое соразмерно природе. Первый вид равенства, связанный с распределением на основе жребия, осуществляемого законодателем, фактически есть социальная справедливость. Как считает Платон, «все относящееся к государственному устройству постоянно совпадает со справедливостью» (Платон. Т. 3(2). 757d.). Нарушение справедливости приводит к нарушению «строгого совершенства», т.е. разумного порядка. установленного законами, к недовольству большинства. Поэтому «необходимо применять равенство путем жребия, причем Бога и благую судьбу надо молить, чтобы они упорядочили жеребьевку с точки зрения высшей справедливости» (Платон. Т. 3(2). 757е.). Таким образом, речь идет о справедливости как о создании практики законодательного (путем жребия) установления равенства для «неравных согласно природе». Приведенные суждения Платона позволяют реконструировать его теорию справедливости в социологической перспективе. Справедливость есть фундаментальная (божественная) ценность, лежащая в основе социального порядка, которым созидается в рамках законодательного процесса. Справедливость ориентирована на создание порядка, в основе которого лежит «общее благо», принцип равенства и призвана поставить под контроль «богатство и честолюбие». Платоновское прочтение справедливости как общего блага и равенства стали основой всех теорий справедливости вплоть до появления теорий общественного договора, дополнивших принципы общего блага и равенства принципом свободы, как это произошло в начале Нового времени. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-01106 «Новые формы социального неравенства и особенности их проявления в современной России».

Литература:

1. *Платон. Сочинения в трех томах. – М.: Мысль, 1972.*

Раков Сергей Евгеньевич,
Аксиологическая академия , Тольятти, Россия

Аксиологическое понимание социальной справедливости

Благодаря работам Платона, Аристотеля, Питирима Сорокина, Фридриха Хайека, Джона Ролза, индикаторам ООН, юбилейному докладу Римского клуба, индексу инклюзивного развития (Давос) осознаешь, что человечество всегда стремится к созданию справедливого сообщества. Исторически сложившиеся аксиологические отличия у разных народов, культур, религий и других слоев общества объясняют, почему разные взгляды на справедливость распределения благ в обществе привели к тому, что понятие социальной справедливости не имеет общепризнанного определения, носит конвенциональный характер, и для большинства исследователей является абстрактным, неуловимым, изменяющимся во времени и пространстве. С точки зрения аксиологии, для объединения людей в сообщество нужна понятная для каждого из них цель, защищающая и развивающая их общие ценности, которые, в свою очередь, являются основными критериями справедливости в этом обществе. Поэтому для философского определения понятия социальной справедливости нам нужны ценности, способные объединить всех жителей планеты, живущих по своим культурным, политическим, религиозным и другим созданным этими людьми ценностям. Причем эти ценности не должны зависеть от периода и места проживания людей, их пола, расы, национальности, а такую роль могут на себя взять только общечеловеческие ценности. В их поиске нам поможет приведенный ниже сгруппированный по общим признакам перечень всех тем жизнедеятельности человека и подобранные для каждой группы названия.

- Темы, связанные с физическим здоровьем человека: экология, питание, спорт, медицина и здравоохранение – Здоровье
- Темы, интеллектуально формирующие личность: образование, наука, культура, IQ и т. д. – Интеллектуальное развитие
- Темы, связанные с природой: природные ресурсы, включающие в себя флору и фауну, а также созданная человеком для проживания инфраструктура – Окружающая среда
- Физическое и интеллектуальное воздействие человека на среду или экономическая деятельность, доходы населения, социальная поддержка, промышленность, строительство, сельское хозяйство, предпринимательство, безработица и т. д. – Деятельность или благополучие
- Природные катаклизмы, техногенные катастрофы, а также терроризм, криминал, коррупция, рейдерство, наркомания. Сюда же включены правоохранительные органы: полиция, прокуратура, суд, армия… – Безопасность

- Семейные темы: любовь, планирование семьи, рождение ребенка, приемные дети, отношения в семье – Семья
- Общественная, религиозная, политическая, государственная деятельность – Общество

Первое, на что следует обратить внимание, что названия групп не зависят от пола, расы, возраста, этнических традиций, религии, эпохи и места проживания, от социальной, культурной, экономической, политической принадлежности, то есть они – общечеловеческие. Второе, не менее важное, свойство – ни одно из наименований групп нельзя убрать, иначе слова «жизнь человека» потеряют смысл, то есть для любого человека они – жизненно важные ценности. Оказалось, что подобранные названия групп – это общечеловеческие ценности. Ответить на вопрос, почему они у разных народов, культур, религий и всех других слоев общества сделают понятие социальной справедливости конкретным, не изменяющимся в пространстве и времени, лучше всего смогут свойства общечеловеческих ценностей:

- Общечеловеческие ценности, в отличие от культурных, религиозных, моральных и других созданных людьми ценностей, созданы и заложены в нас природой и всегда остаются неизменными.
- Их нельзя запретить, изменить, модернизировать. Даже Конституцией... Попробуйте написать в основном законе, что целью страны является больное и необразованное общество или уничтожение окружающей среды и безработица...
- Они всегда конкретны и одинаково воспринимаются и принимаются всеми людьми, независимо от накопленного ими в течение жизни набора созданных людьми ценностей, их возраста, пола и места проживания, так как потеря любой из общечеловеческих ценностей приведет к гибели всего человеческого сообщества. Для обеспечения легитимности социальных институтов и стабильности социальной системы поставим в основу их социальной справедливости наши универсальные ценности. И тогда получим, что социально справедливое государство имеет единственную цель, стратегию развития, модель и механизмы взаимодействия и сотрудничества его многонационального и многоконфессионального населения, которые заключаются в защите и развитии общечеловеческих ценностей его граждан, а именно:
- здоровья; • интеллектуального развития;
- окружающей среды;
- деятельности и благополучия;
- безопасности;
- семьи;
- общества, основанного на концепции защиты и устойчивого развития этих же семи универсальных ценностей. А сама социальная справедливость – это равные права и возможности людей в достижении ими своих максим во всех семи общечеловеческих ценностях.

В установленных рамках доклада не удалось полностью применить теорию ценностей и показать ее уникальные возможности в установлении

социальной справедливости в обществе. Но даже поверхностный аксиологический взгляд показал свое принципиальное отличие от устоявшегося и общепринятого понимания социальной справедливости, которая в мире ценностей не имеет ничего общего с поиском справедливого распределения благ в обществе.

Рахманова Юлия Викторовна,
РГПУ им. А.И.Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Теория тоталитарной справедливости Платона сегодня

По мнению К.Поппера большинство людей под справедливостью понимают следующее:

1. Равное распределение бремени гражданских обязанностей (=ограничений свободы);
2. Равенство граждан перед законом;
3. Законы не должны быть направлены в пользу отдельных групп или классов или отдельных личностей, с другой стороны, они не должны быть направлены и против определенных групп в обществе;
4. Справедливый суд;
5. Равное распределение преимуществ [1, с. 126].

Перечисленные выше позиции выражают суть гуманистической теории справедливости, базирующейся на 3-х основных принципах: принцип эгалитаризма; общий принцип индивидуализма; принцип защиты свободы своих граждан государством [1, с. 132]. Противоположный подход к пониманию справедливости был предложен Платоном в книге «Государство»: справедливость рассматривается как то, что в интересах лучшего государства [1, с.126]. Таким образом, Платон соотносит понятие «справедливость» не с индивидами и отношениями между ними, а рассматривает как свойство государства как целого, где основное внимание уделяется отношениям между классами: «государство справедливо, если правители правят, рабочие работают, а рабы остаются рабами» [Платон. Государство. Цит. по: 1, с. 128, 307]. Таким образом, трактовка справедливости Платоном базируется на следующих принципах, являющихся зеркальным отражением гуманистической теории справедливости:

1. Принцип естественных привилегий;
2. Принцип холизма (коллективизма);
3. Принцип приоритета стабильности государства, как основополагающей цели деятельности индивида [1, с. 132].

Интересно проследить, как Платон аргументирует справедливость неравного положения классов, как мотивирует людей на сохранение и укрепление существующего порядка в обществе, когда данное положение фиксирует неравенство людей. Здесь Платон один из первых открывает

действенность механизмов пропаганды: первый шаг – внушить человеку, что он превосходит других; а справедливость, трактуемая как равенство, является таковой только в отношении равных; а значит, и неравенство является справедливостью, но только в отношении неравных. Логика рассуждений проста: равенство – прекрасная идея, но люди не равны изначально, а значит, и не могут быть уравнены, иначе мы допустим несправедливость в отношении тех, кто превосходит других. Естественно, Платон «не замечает» того, что политические привилегии не основываются на природных качественных различиях, что деление общества на классы не является распределением по разным группам людей по степени их природной одаренности. Обосновывая идею поддержания установившегося порядка в обществе (идею стабильности, говоря современным языком), Платон подводит читателя к мысли о справедливости существующего положения следующим образом: «справедливо удерживать и использовать то, что тебе принадлежит» [1, с. 135]: апелляция к личным чувствам, опыту и интересам адресата сообщения – известный и действенный прием манипуляции сознанием.

Итак, платоновская идея государства, базирующаяся на перечисленных выше принципах, является, по своей сути, тоталитарной. Развивая свои идеи, Платон, фактически подводит нас к следующим выводам: любое ослабление сложившейся системы отношений между классами в государстве может привести и неизбежно приведет к падению государства (а значит, «не нужно раскачивать лодку», сказали бы современные пропагандисты); все, что вредно для государства, несправедливо по своей сути (данная идея хорошо сочетается с современными рассуждениями о вредоносном вмешательстве международного сообщества во внутреннюю политику государства, а также о «пятой колонне», которая поддерживает такое вторжение, а значит, работает на ослабление государства), и, наконец, противоположное утверждение о том, что все, что полезно для государства является справедливым (даже если затрагивает интересы отдельных, а часто и многих граждан данного государства). То есть Платон предлагает только один истинный критерий, определяющий отношение ко всему, происходящему в обществе – интерес государства, и именно таким образом трактуемая справедливость полезна для могущества и стабильности последнего. Следует отметить, что теория справедливости Платона отличается логичностью и, если можно так сказать, монолитностью, ее легче превратить в набор простых и понятных положений, а значит легче донести до массового сознания. Гуманистическая теория справедливости, в свою очередь, является более сложной и неоднозначной; каждое ее положение нуждается в дополнительном объяснении, ни одно из них нельзя возводить в абсолют: что значит «справедливый суд»? как можно достигнуть этой справедливости? как организовать равное распределение преимуществ? как обеспечить равенство граждан перед законом? и т.п. Каждое из приведенных положений – это повод для серьезного и глубокого обсуждения, создания тонких и самонастраивающихся механизмов, учитывающих права и интересы всех

участников социального взаимодействия. А значит, гуманистическая теория является более уязвимой для нападок сторонников тоталитарной теории справедливости, ей труднее «вербовать» сторонников в ситуации информационной борьбы за массовое сознание, где преимущество остается за простыми и привычными ответами на сложные вызовы современного мира.

Литература:

1. *К.Поппер. Открытое общество и его враги. Т.1: Чары Платона. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.*

Резникова Екатерина Сергеевна,
Волгоградский государственный университет (ВолГУ), Волгоград, Россия

Социальное предпринимательство: путь к смягчению социальной несправедливости

Проблема справедливости особенно остро стоит на повестке дня. Социология на мировом уровне исследует эту проблематику, не случайно тема XIX всемирного социологического конгресса 2018 года в Торонто «Власть, насилие и справедливость: размышления, ответы, ответственность». Для российского общества вопрос справедливости всегда был значимым. Более 50% респондентов считают, что российское общество устроено несправедливо, они хотят видеть нашу страну такой, чтобы в ее устройстве принципы справедливости были в приоритете [3, с. 17]. Понятие «справедливость» тесно связано с отношениями между людьми, поэтому она всегда может быть названа социальной, в то же время в современном российском обществе смыслы справедливости существенно различаются у разных социальных групп. [6, с. 28]. В российском обществе главным очагом ощущения несправедливости является доход. Это подтверждают данные Института социологии РАН - несправедливым современное российское общество россияне считают в первую очередь из-за различия в доходах (83%) [4, с. 369]. Среди других проблем выделяют так же проблемы медицинского обслуживания, образования, доверия полиции [1, с. 80] и др. Проблемы несправедливости начинают актуализироваться тогда, когда ставятся под сомнение принципы существующей социально-политической рациональности, которые отражаются через социальное самочувствие общества, когда государство не имеет возможности охватить весь спектр социальных проблем, так как они носят зачастую локальных характер и имеют свою специфику в той или иной местности. Наряду с чувством несправедливости в России появляется интерес к социальному предпринимательству, которое в сущности своей направлено на решение или смягчение социальных проблем. С точки зрения зарубежных ученых «социальное предпринимательство — это применение образа мыслей, процессов, инструментов и технологий обычного предпринимательства для

деятельности на благо общества и экологии» [2, с. 17]. То есть главной задачей и единственной целью такого рода предпринимательской деятельности является решение социальных проблем. Оно берет все самое лучшее из предпринимательского сектора и иного опыта для достижения своих целей, использует бизнес-практики на благо общества. При этом, выделяют разные виды структур, через которые может реализовываться социальное предпринимательство - это может быть как коммерческая структура, так и некоммерческая и гибридная [5, с. 140]. Главной отличительной чертой социального предпринимательства является приоритет создания общественного блага над прибылью. Социальный предприниматель работает там, где есть социальные проблемы, которые часто сопровождаются несправедливостью. Например, бизнес-практика Р. Себекина, волгоградского социального предпринимателя, основавшего предприятие по переработке пластика и производству качественного строительного материала по уникальной технологии, стоимость которого ниже рыночной. Таким образом он решает несколько проблем: экология города и дороговизна строительного материала. Социальное предпринимательство также вызвало интерес у женщин, сегодня реализуется множество женских проектов. Например, чтобы обеспечить доступность качественной медицинской помощи астраханский социальный предприниматель И. В. Ирдеева открыла уникальный медицинский центр, где появилась возможность получения медицинских услуг высокого качества от стадии планирования беременности до наблюдения за ребенком, а также оказание помощи детям с нарушениями нервной системы и опорно-двигательного аппарата [7]. В 2017 г. был реализован федеральный образовательный проект по развитию женского предпринимательства «Мама-предприниматель». Итак, социальный предприниматель найдет свою нишу там, где есть социальная проблема. Его интерес и главная цель – смягчить или решить эту проблему, используя возможности предпринимательской деятельности в достижении поставленных целей и распространить свой успешный опыт для решения проблем в других регионах. *Работа выполнена в рамках научного проекта № 17-13-34010 «Ресурсный потенциал некоммерческих организаций в сфере социального предпринимательства» при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области.

Литература:

1. *Зуева О.В., Демидов Н.Н. Влияние СМИ на оценку эффективности деятельности полиции (по результатам социологических исследований) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2016. № 3 (33). С. 79-84.*

2. *Кикал Д., Лайонс Т. Социальное предпринимательство. Миссия – сделать мир лучше / Д. Кикал, Т. Лайонс; пер. с англ. - М.: Альбина Паблишер, 2014. – 354 с.*

3. *Мареева С.В. Справедливое общество в представлениях россиян // Общественные науки и современность. 2013. №5. С. 16-26.*

4. *О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. - М.: Весь Мир, 2013. - 400 с.*

5. *Полтавская М.Б. Социальное предпринимательство как идея и как процесс: взгляд некоммерческих организаций //Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2015. № 3 (29). С. 136-150.*

6. *Римский В.Л. Справедливость в современной России: мечты и использование в социальных практиках // Общественные науки и современность. 2013. № 5. С. 27-36.*
7. *Фонд «Наше будущее». Поддержанные проекты социальных предпринимателей [Электронный ресурс]. http://www.nb-fund.ru/social-entrepreneurship/supported-projects/sozdanie-meditsinskogo-tsentra.html (Дата обращения 21.01.2018).*

Романенко Михаил Васильевич,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
Хао Гу нет
аспирант ф-та государственного управления, Пекин, Китай

Разработка китайскими учеными содержания и сущности дефиниции "бедность"

Научное интенсивное изучение бедности в Китае началось с конца XX века . Несмотря на то, что всесторонний научный анализ бедности и нищеты стал проводиться сравнительно недавно, обширный материал достаточно быстро был собран по заданию правительственных учреждений многими попечительскими комиссиями и местными статистиками, исследовавшими с различными целями уровень жизни и быт низших слоев населения города и деревни. С опорой на эти фактологические данные и статистику в 1990-е гг. выходят очень интересные публикации. Ученый Ху Юнхэ изучил вопрос социальной изоляции. Она заключается в том, что определённые социальные группы частично или полностью «вытесняются» из общества, лишаются необходимых человеку прав. Установлено, что социальная изоляция означает:

- невозможность в полной мере участвовать в экономической и общественной жизни;
- низкий уровень доходов;
- нестабильную ситуацию с работой;
- плохие жилищные условия;
- нервную обстановку в семье;
- оторванность от социума;
- невозможность воспользоваться своими гражданскими правами и преимуществами политического равенства.

Дун Фужэн, известный китайский ученый, на основе исследований, проведённых в деревнях районов Вэньчжоу и Сунань, применив правовой и статистический подход, написал работы «Реформа китайской деревни, развитие несельскохозяйственного сектора и модернизация», «Сила рынка: дискуссия относительно Вэньчжоу». В них он указывает, что для изменения специфической структуры китайской экономики необходимо вырваться из колеи, по которой уже прошли многие промышленно развитые страны. Только расширяя несельскохозяйственный сектор, можно найти применение избыточной рабочей силе в деревне, улучшить качество жизни крестьян, смягчить остроту проблемы бедности в деревне.

Тан Цзюнь, начальник Секретариата Центра изучения социальных стратегий Академии общественных наук КНР, опираясь на опыт, приобретённый им при создании и совершенствовании системы гарантий прожиточного минимума для городских жителей, подготовил работы «Доклад о бедности и борьбе с бедностью в китайских городах», «Исследование системы гарантий прожиточного минимума для городских жителей». Его социологические исследования оказали существенное влияние на формирование правительственного социально – экономического курса на борьбу с бедностью.

Такие авторы, как Гуань Синьпинь, Цзян Лянянь, Дун Фужэн, Тунсин, Линь Миньган, Тан Цзюнь и Ван Саньгуй, применив методологию западных и российских исследователей к изучению реальной обстановки в Китае, представили свои дефиниции бедности.

К примеру, Гуань Синьпинь дал следующую формулировку бедности: на фоне определённого общественного устройства часть членов общества за счёт того, что она лишена необходимых ресурсов, теряет в определённой степени право на нормальное получение материальных благ и участие в общественной жизни, и это приводит к тому, что качество жизни этих членов общества постоянно ниже нормальных для данного общества стандартов.

Бедность, как считает Дун Фужэн, это положение дел, при котором невозможно удовлетворить:

- во-первых, физиологические потребности,
- во-вторых, духовные потребности;
- в-третьих, социальные потребности .

Уже на рубеже XX - XXI вв. происходит социологически четко ориентированное обобщение китайскими учеными накопленных материалов, анализируется отечественный и зарубежный опыт, например, формулируется выдвинутый М. Равальоном и Чэнем тезис об использовании экономического развития и увеличения среднего дохода для снижения уровня бедности. Отмечаются достижения и просчеты предыдущих исследований. Большой интерес у китайских ученых вызывают исследования современных проблем бедности российскими социологами. Действительно, заметный вклад в эти исследования в последнее десятилетия внесли сотрудники Института социологии РАН. Особенно это касается анализа новых видов бедности. Кроме традиционной бедности "по доходам" русские ученые выделили и всесторонне исследовали бедность "по лишениям". "Лишения" бедных связаны с разными жизненными обстоятельствами:

- тяжелыми заболеваниями;
- необходимостью оплаты обучения;
- пожарами и наводнениями, уничтожающими имущество и т.п.

Что же касается характера изучения проблемы бедности в Китае, то при анализе ситуации наибольшее внимание до сих пор уделяется бедности по доходам. Исследования, цель которых установить критерии для градации бедности, не поспевают за изменениями взглядов самих ученых, что находят отражение в базовой концепции бедности. В рамках разработки этой базовой

концепции уже осуществляется постепенный поворот от рассмотрения чисто экономического аспекта бедности к комплексному подходу, при котором в совокупности учитываются экономический, культурологический, аксиологический и другие социальные аспекты. Так, Тан Цзюнь указывает, что бедность существует в трёх плоскостях: во-первых, это объективное отражение в общественном сознании конкретной жизненной ситуации, соприкасающееся с такими понятиями, как «отсталость» или «нужда, затруднённые обстоятельства»; во-вторых, это, в соответствии с общепринятыми оценками, нахождение ниже «нижней черты», или минимального жизненного уровня; в-третьих, последствие нахождения в жизненной ситуации, связанной с понятием «отсутствие» - отсутствие умения, способностей, благоприятных возможностей.

Рыжов Владимир Александрович,
X-treme Infomatics, Москва, Россия
Рыжов Рем Владимирович
Лаборатория социальных технологий им.Костюченко, Москва, Россия

Виртуальный актор в поле социальных взаимодействий

Предлагается концепция виртуального актора – динамично-устойчивой подсистемы, выполняющей роль анонимного и абстрактного субъекта управления, возникающего в большинстве социальных процессах общества в ходе его самоорганизации и развития. Термин актор означает – действующий, приводящий в движение (от лат. actor – делать, вести). В пространстве поля социальных взаимодействий проявляется социальная когерентность в виде согласованности в обществе. Полевая парадигма, представляет социальную реальность на фундаментальном теоретическом уровне и сводится к взаимодействию в этом поле множества социальных субъектов, как идентифицированных, так и анонимных. Социальное поле взаимодействия означает распределенную динамичную хаотичную систему в обществе, обладающую огромным числом степеней свободы в области коммуникаций, смыслов и действий его участников. А социальная когерентность в таком поле обеспечивает скрепы общества на основе социокультурного базиса: от естественных языков, искусства, религии, знаний и социальных институтов народов до привычек людей, моды и общественного мнения. Но если виртуальные акторы общества сделать мишенью внешнего агрессора, то такой народ может потерять свой суверенитет и лишиться не только государственности, но и самосознания. Это типичный принцип действия оранжевых революций. Таким способом в новейшей истории творится несправедливость и агрессия против множества государств и народов. Общество – сложная, открытая, динамичная система в единстве с окружающей средой обитания, развивающаяся в соответствии с теоретическими основаниями кибернетики и синергетической концепцией

самоорганизации [1, 2]. Общество состоит из множества социальных организмов, также динамических систем, конкурирующих между собой за доминирование и за ресурсы в единой окружающей среде. Такими социальными организмами являются: личности, погружённые в общество; малые группы, организованные из личностей; сообщества, организованные из личностей и малых групп; общества, являющиеся частью единого социума, организованные из личностей, малых групп и сообществ. Жизнедеятельность любого социального организма осуществляется посредством механизма виртуальных акторов. В основе самоорганизации социальных организмов лежат кибернетические контуры управления 1-го, 2-го, 3-го рода. Во всех контурах имеются циклически взаимодействующие субъект управления и объект управления. Социальным организмам свойственны: гомеостатическое поведение (стремление и способность системы сохранять заданное состояние, необходимое для её устойчивости, стабильности, но в то же время готовность к адаптации); изменения текущего состояния (линейные и нелинейные), включая метаморфозы и скачкообразные изменения (бифуркации); а также кризисные состояния и иные фазы, присущие сложным нелинейным динамичным системам [3]. Контур 1-го рода обеспечивает слежение за перемещением цели в физическом или в фазовом пространстве системы. Контур 2-го рода формирует виртуальные акторы в виде абстрактных субъектов управления. Происходит процесс самоорганизации социальных организмов, в котором из потенциально хаотических действий участников в ходе диссипации (рассеяния энергии субъектов) и индукции (лат. выведение на сцену, взаимодействие процессов посредством резонанса) формируется согласованность (когерентность) их действий в виде параметров порядка. Например, формирование малой группы из хаотических действий субъектов-личностей в процессе их взаимодействия и координации с помощью диалога. Контур 3-го рода выполняет роль диспетчера, координирующего различные динамические процессы, состояния и фазовые переходы сложной динамичной системы. В работе контура 3-го рода используется механизм индикаторов. Все контуры управления функционируют в системном пространстве по принципу фрактальности (вложенности и самоподобия) и обеспечивают гомеостаз в виде саморегуляции социальных систем и организмов, вплоть до социума. Причём, фрактальность и гомеостатичность имеют ограничения в виде начальных и граничных условий динамичных процессов, что определяет их возможности и надёжность. Виртуальные акторы с функциями анонимного субъекта управления являются частью контуров управления 2-го рода, благодаря которым возникают такие динамично-устойчивые социальные системы и исключительные феномены: естественные языки; жизненные ценности; картины мира; этнические и культурные традиции; религии, научные мировоззрения и т.п. С другой стороны, виртуальными акторами в краткосрочных динамических процессах являются, например, мода и общественное мнение. Такие краткосрочные виртуальные акторы могут формироваться в небольших группах и сообществах самостоятельно, а также под внешним воздействием, например,

СМИ. Причём, виртуальные акторы, как части иерархических систем, могут оперативно появляться, эволюционировать и исчезать, быстро проходя свои уникальные жизненные циклы. Социальная индукция, как причина возникновения когерентности в обществе, имеет существенное отличие от индукции в квантовых генераторах физических систем. Это проявление социальной валентности субъекта личности, погруженного в общество [4]. Социальная валентность, усложняя характер социальной индукции, существенно увеличивает разнообразие в поведении общества. Главное отличие социальной и физической когерентности – наличие клеточной структуры в обществе [3], что создаёт возможность существования иерархической системы социальных резонаторов,

Литература:

1. *Хакен Г. Информация и самоорганизация. Макроскопический подход к сложным системам. Издательство: Мир, 1991.*
2. *Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. Издательство: Алетейя, 2002.*
3. *Рыжов В.А. Сложность, сетецентризм и управление самоорганизацией. Журнал Экономические Стратегии, №9 2014.*
4. *Рыжов Р.В. Научно-исследовательский и практический "Социальный хаббл" для университетского сообщества. XI Международная научная конференция «Сорокинские чтения». Университет в глобальном мире: Новый статус и миссия. Сборник материалов. - Москва, Макс Пресс - 2017. Стр. 225-227.*

Самарина Дарья Демьяновна,
Москва, Россия

Представления о бедности современной студенческой молодёжи

В современном мире социальное неравенство, бедность являются одной из острых социальных проблем, как в развитых странах, так и в развивающихся. По данным Росстата [1], около 13,5 % россиян имеют доход ниже прожиточного минимума, около 20 % всего населения России считается бедным, то есть, почти каждый шестой человек находится за чертой бедности. Существует несколько подходов к определению и пониманию бедности, а в различных странах представления о бедности могут зависеть от норм и ценностей, обычаев и традиций, сложившихся в обществе. Поскольку молодёжь является движущей силой страны, необходимо понимание того, как меняются, переосмысливаются их жизненные ценности и сопоставляются с их материальными возможностями, чтобы понять их отношение, понимание бедности, и, возможно, найти пути преодоления бедности на уровне отдельных индивидов или даже целой страны. Проблему бедности и её определения изучали многие ученые, как в России, так и за рубежом. В большей степени бедность подверглась исследованию в таких научных дисциплинах, как экономика и экономическая социология. В научной статье «Четыре рода бедности в современной России» Леонид Абрамович Гордон [2], доктор исторических наук, выделяет бедность абсолютную и

относительную. По мнению Л.А. Гордона эти два вида бедности существенно отличаются и требуют разных способов преодоления. Первый ид бедности – абсолютная бедность – это состояние, при котором реальный доход домохозяйства много ниже установленного государством минимума. При относительной же бедности есть не соответствие между своим собственным доходом и медианным, отсутствует возможность жить в соответствии со стандартами, принятыми обществе. Стоит отметить, что существует также субъективный подход к пониманию бедности, который предполагает, что индивид сам причисляет себя к бедным по своим собственным признакам, критериям, ощущениям. В России на государственном уровне определено, что к бедным людям причисляют тех, чей средний доход ниже прожиточного минимума. Однако данное понимание бедности расходится с представления студенческой молодёжи, так как большинство к бедным относят тех, кто не может себе позволить уровень жизни, соответствующий принятым в обществе стандартам, ориентируясь на относительный подход к пониманию бедности. Таким образом, реальное число бедных по доходам может существенно отличаться от относительной оценки бедности. Молодёжь подвергается огромному влиянию со стороны своего ближайшего окружения и СМИ, которые формируют представления людей о том или ином явлении. Личный опыт общения с бедными людьми или собственное затруднительное материальное положение также влияют на представления индивида о бедности, так как позволяют сформировать убеждения, установки, отношение согласно своим собственным желаниям, ценностям, мировоззрениям. Представления, являясь каналом между индивидом и реальностью, которая оказывает на него влияния, о бедности включают:

- знания о существовании проблемы бедности,
- знания причин, признаков, последствий и путей преодоления бедности,
- оценка и отношение к бедности,
- восприятие бедных людей,
- готовность искать информацию о бедности,
- готовность общаться с бедными людьми,
- готовность помогать бедным людям.

Литература:

1. *Росстат [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/# Дата обращения: 30.10.2017*
2. *Гордон Л.А. Четыре рода бедности в современной России / Л.А.Гордон // Социс. – 1994. – №4. – С. 18 – 35.*

Свищёва Анна Николаевна,
МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Теории дистрибутивной справедливости: относительная депривация как статусная несогласованность

Сущность относительной депривации, согласно основателям данной теории, составляют чувства социальной несправедливости [7, 11]. Их возникновение связывалось с неблагоприятным сравнением с референтной группой, несоответствие положению которой, воспринимаемому как легитимный стандарт, способствовало возникновению данных чувств. Одним из вопросов, требующих объяснения, являлась проблема формирования «справедливых» ожиданий, в том числе при одновременном действии нескольких референтных групп. Современные исследователи [4, 8] проблем социальной справедливости выделяют два направления её изучения: философский и социально-психологический подходы. В отличие от первого, направленного на изучение способов государственного регулирования принципами справедливости социальных институтов общества, в центре внимания последних оказываются проблемы восприятия и оценки справедливости индивидами. Начало развитию данного направления положила теория дистрибутивной справедливости Дж. Хоманса [5]. Дистрибутивная справедливость определялась Дж. Хомансом как соответствие более высокого статусного вклада индивида более высокому вознаграждению по отношению к другим участникам обмена по принципу пропорциональности. При этом большие статусные вклады (инвестиции и затраты) индивида и соответствующий им статус в одном отношении дают индивиду чувство права на более высокий статус в другом отношении. Подобный подход к концептуализации социальной справедливости вызвал критическую оценку У. Рансимена [10], согласно которому, требование объективной конгруэнтности статусов во многих случаях приведет к откровенной несправедливости как, например, в случае с императором Нероном, претендующим на первое место в музыкальном конкурсе только на основе своего высокого положения. Иными словами, требования конгруэнтности уместны, когда соответствующие статусные вклады релевантны вознаграждениям. И даже в последнем случае такая неконгруэнтность может не восприниматься несправедливой индивидом в рамках установившихся норм общества. На данную критику своей теорией смог ответить Дж. Бергер с коллегами [1 – 3, 12], который развивает нормативный подход к статусной несогласованности. Согласно Дж. Бергеру, исключительно локальные сравнения недостаточны для объяснения возникновения чувств несправедливости: при равенстве вкладов и вознаграждений индивидов в локальной ситуации им могут недоплачивать по референтным стандартам. В то же время и референтные сравнения

актуализируются в конкретной локальной ситуации. При условии различия индивидов в данной ситуации по определенным статусным характеристикам или их связью с уровнем производительности/ уровнем вознаграждения в группе происходит активация соответствующих им референтных структур (если в группе не обосновано или не доказано, что они не являются уместными). Дж. Бергер различает три типа референтных групп: категориальные, способностей и производительности. Последние, в отличие от первого типа, связаны с уровнем вознаграждения опосредованно, через вклад в производительность группы, поэтому их влияние на формирование ожиданий касательно вознаграждений меньше. Категориальные же референтные группы основываются на «диффузном статусе»: статусе, признаваемом более ценным, чем другой (по полу, этносу, профессии, образованию и т.д.), представители которого считаются более компетентными в выполнении определенных задач, а также более компетентными в более широком круге вопросов. Именно референтные группы, в свою очередь, определяет нормы соотношения статусных вкладов и вознаграждений индивидов. Например, индивид может иметь вполне конкретные ожидания, что люди его профессии со стажем до 5 лет зарабатывают 40000 рублей. Или индивид может только знать, что по референтным стандартам большие инвестиции (например, уровень образования или гражданство страны и др.) должны соответствовать большим вознаграждениям (качественным или количественным). В последнем случае именно локальная групповая ситуация влияет на конкретизацию ожиданий: например, соотнесение рангов статусных вкладов с рангами вознаграждений в группе [6]. Проблему формирования диффузных статусных характеристик изучала С. Риджэвей [3, 9, 12]. Так, при постоянном взаимодействии с вдвойне несхожими (по определенным характеристикам и обладаемым ими ресурсами) индивидами и повторении данных закономерностей в других ситуациях формируются соответствующие ожидания их большей/меньшей компетентности, которые при возможности распространения в обществе в целом (зависит от структурных условий и частоты взаимодействия с подобными индивидами), приобретают характер культурных верований. Поскольку структурные условия общества (например, доступ определенной категории населения к образованию) изменяются быстрее культурных верований, то прежние нормы справедливости могут вступить в конфликт с текущими реалиями. Таким образом, можно выделить два источника социальной несправедливости: несогласованность статусных вкладов индивида вследствие социальных изменений (конфликт норм справедливости) и их несогласованность с вознаграждениями (нарушение норм справедливости). Так, у индивида могут быть не согласованы его статусные инвестиции, если их сочетание нарушает культурные верования, то его более высокие ожидания признаются нелегитимными и нарушаются. Другой случай – если вознаграждения по определенным статусным вкладам нарушают легитимные референтные ожидания.

Литература:

1. *Berger J. Structural aspects of distributive justice: a status value formulation // Sociological Theories in Progress / Ed. by J. Berger, M. Zelditch, B. Anderson. Boston, 1972.*
2. *Berger J. The Formation of reward expectations in status situations // Equity theory. Psychological and sociological perspectives / Ed. by D. Messick, K. Cook. N.Y., 1983.*
3. *Berger J., Zelditch M. Status, power, and legitimacy – strategies and theories. New Brunswick, 1998.*
4. *Hegtvedt K. When is a distribution rule just? // Rationality and Society. 1992. Vol. 4. N 3. P. 308 – 331.*
5. *Homans G. Social behavior: its elementary forms. N.Y., 1961.*
6. *Markovsky B. Towards a multilevel distributive justice theory // American Sociological Review. 1985. Vol. 50. N 6. P. 822 – 839.*
7. *Merton R. K. Social theory and social structure. Rev. ed. Glencoe, 1957.*
8. *Miller D. Principles of social justice. Cambridge; L., 1999.*
9. *Ridgeway C. Inequality, status and the construction of status beliefs // Handbook of Sociological Theory / Ed. by J. Turner. N.Y., 2006. P. 301 - 323.*
10. *Runciman W. Justice, congruence and professor Homans // European Journal of Sociology. 1967. Vol. 8. N 1. P. 115 – 128.*
11. *Runciman W. Relative deprivation and social justice: a study of attitudes to social inequality in twentieth century England. L., 1972.*
12. *Status, network, and structure. Theory development in group processes. Stanford, 1997.*

Семина Татьяна Васильевна,
МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Социальная несправедливость в сфере здравоохранения

Социальная несправедливость становится все более значимым фактором социальных изменений в современном здравоохранении. Как показывают углубленные исследования, обострение чувства несправедливости с одной стороны у пациента проявляется в увеличении потока жалоб и обращений в надзорные инстанции. С другой стороны феномен социальной несправедливости, который выражается в уровне статусной несогласованности за счет падения престижа профессии врача. Девальвация профессии наблюдается не только в массовом сознании, но и внутри самого врачебного сообщества. Усугубляет ситуацию низкое стимулирование труда и правовая незащищенность врача и, как следствие, наблюдается профессиональное выгорание. Основные же претензии граждан (пациентов) - большие очереди, отказы в обследовании и лечении, несвоевременная медицинская помощь, отношение врачей к пациентам, долгое ожидание бригады скорой помощи, замена бесплатных услуг, гарантированных законодательством, на платные [1]. Пациенты становятся все более требовательными, особенно бедные слои населения, у которых возникают затруднения получить своевременно бесплатную медицинскую помощь. Проблема неравенства в здравоохранении прослеживается по всему миру. Язбек, Абдо С. проводил исследование в Африке, Азии и Латинской Америке по проблеме неравенства в отношении здоровья и медицинского обслуживания, и, по его мнению, бедные люди страдают гораздо больше, чем обеспеченные, что выражается в показателях смертности и заболеваемости.

Подобные факты, фокусируют внимание на неравенстве, тем самым указывают на несправедливость [2]. Социальная несправедливость наблюдается из-за последствий правового нигилизма, который сформировался за многие годы в общественном сознании на его идеологическом уровне, и выражается это в необоснованных жалобах пациентов и родственников, связанных с заболеванием, чаще всего которые преследуют материальную выгоду. Вторая категория это - «общественные обвинители» - сознательно создают конфликт и искажают факты, при этом довольно грамотно составляют документы, чтобы добиться подтверждения собственной точки зрения. Некоторые делают это «под заказ» так называемые профессиональные жалобщики [3]. В обществе возникают ситуации, когда отдельные люди или группы людей стремятся создать себе имя или сделать бизнес в том числе на скандалах вокруг медиков и медицины. В результате в дополнение к стрессам, связанным непосредственно с работой медика, добавляются новые, и сегодня получается, что медики в нашем обществе - одна из самых незащищенных профессий [4]. В результате из-за недооценки обществом сложных условий труда в физическом и психологическом плане не только снижается статус врача в обществе, но и происходит выгорание и деформация профессиональной личности врача, следовательно, как ответная реакция - незаинтересованность в излечении больного человека. Увеличения судебных исков пациентов в суды свидетельствует о росте самосознания и требовательности к качеству лечения, но есть у такой тенденции и оборотная сторона. Риск перехода к так называемой "оборонительной медицине", когда врач в своих действиях начинает руководствоваться не собственными убеждениями в излечении тяжелобольного человека, а советами своего адвоката, от чего, безусловно, будет страдать больной человек. Кроме того во всем мире поднимаются вопросы об агрессии медицины в XXI веке, которая проявляется, не в оказании медицинской помощи, а в оказании медицинских услуг, так называемом навязывании врачами необязательных услуг платной медицины по несуществующим заболеваниям, чем чревато не только финансовыми потерями, но наносится и вред здоровью. Все это отражает социальную несправедливость по отношению к больному человеку. С другой стороны в последние годы набирает обороты тенденция оттока высококвалифицированных кадров медицины, особенно хирургического профиля, профессия которых связана непосредственно со спасением жизни человека. Таким образом, можно говорить о социальной несправедливости по снижению статуса врача в обществе, и как "ответ" развитие феномена отчуждения врача от процесса профессиональной деятельности, что будет являться главной причиной снижения уровня качества и доступности медпомощи населению. Социальная справедливость имеет колоссально значение для медицины, так как она связана с системой государственно-правовых гарантий в области охраны здоровья граждан, с правом человека на жизнь, а с другой стороны - является основанием нравственной культуры врача, милосердия и гуманного отношения к больному.

Литература:

1. *Очетова Ю. Медицина в России: каждый третий диагноз неверен? URL: http://vladmedicina.ru/articles/law/2010-07-26-meditsina-v-rossii-kazhdyy.htm*
2. *Язбек, Абдо С. Борьба с неравенством в здравоохранении. Синтез опыта и инструментов./Пер. с англ.- М.: Издательство "Весь мир", 2010.- С.6.*
3. *Креч Е., Клещенок Е. Без вины виноватые. Необоснованные жалобы на врачей. URL: http://www.medvestnik.by/ru/actual/view/vrach-i-patsient-bez-viny-vinovatye-15013-2016/*
4. *Бокерия Л.А. Не надо унижать врача. URL: https://iz.ru/news/653388*

Соколова Галина Николаевна,
Ин-т социологии НАНБ, Минск, Республика Беларусь

Экономическая стратификация общества как показатель социальной справедливости в контексте теории Питирима Сорокина

Государственный выбор Республики Беларусь в пользу социально-ориентированной рыночной экономики, наряду с очевидными преимуществами, порождает и ряд проблем, главная из которых – проблема баланса социального и экономического компонентов, так как издержки, сопровождающие внедрение неэкономических ценностей, предполагают потерю экономической эффективности производства. Создание социально-ориентированной рыночной экономики многоукладного типа связано, в частности, с уменьшением коэффициента дифференциации денежных доходов общества. Так, если в 2011 году коэффициент дифференциации денежных доходов населения составлял 6,3 раза, то в 2016 году он уменьшился до 6 раз [1, 122]. Однако в экономической практике поднятие денежных доходов бедных слоев населения до уровня бюджета прожиточного минимума (БПМ) и создание определенных социальных гарантий для социально уязвимых слоев населения связывается, с одной стороны, – с повышением ВВП и, соответственно, – заработной платы. С другой стороны, – это связано с перераспределением денежных доходов между обеспеченными и бедными слоями населения в пользу последних. Социальными последствиями этого, в целом позитивного процесса, являются: снижение трудовой мотивации в силу выравнивания оплаты труда разной природы и разного уровня квалификации (при общем низком уровне заработной платы); а также – смещение профиля экономической стратификации общества в сторону малооплачиваемых слоев населения. Экономическая стратификация, по П.А Сорокину, – это расслоение общества или общности на основании такого признака, который определяет различия в распределении «жизненных возможностей» и «экономических преимуществ» страт и слоев [2, 17-59]. В процессе анализа феномена экономической стратификации, П.А. Сорокин выделяет два основных типа ее флуктуации (колебаний). К первому типу относится флуктуация экономического статуса социальной группы (или сообщества) как единого целого, связанная с увеличением или уменьшением ее экономического благосостояния.

Поднимается ли группа до более высокого экономического уровня или опускается – вопрос, который может быть решен на основе материалов статистических обследований домохозяйств и результатов социологического мониторинга.

Ко второму типу относится флуктуация высоты и профиля экономической стратификации, связанная с изменением этих параметров внутри общества. С помощью государственной статистики здесь могут быть рассмотрены вопросы: в каком направлении развивается общество – в сторону повышения или снижения высоты его экономической пирамиды, определяемой величиной коэффициента дифференциации среднедушевых денежных доходов населения, а также – индексом Джини, характеризующим степень неравномерности распределения всей суммы доходов между разными социальными группами. С высотой экономической пирамиды во многом связана стабильность общества как в Беларуси [1, 120-122], так и в России [3, 156]. Чрезмерное вытягивание этой пирамиды, т.е. увеличение социальной дистанции между полюсами дифференциации социальных слоев, ведет к усилению социальной напряженности в обществе, его дезорганизации, социальным потрясениям. Чрезмерное уплощение этой пирамиды также может иметь негативные социальные последствия. Уравнивание в доходах, собственности, власти, статусных позициях лишают индивида стимула к действию и ведут к формированию экономического поведения, обращенного на удовлетворение частных экономических интересов. Тем более что равенство возможностей не означает равные результаты. Сравнение высоты экономических пирамид белорусского и российского общества (по коэффициенту дифференциации среднедушевых денежных доходов населения) показывает, что высота пирамиды в российском обществе в 2,5 раза больше (15,7), чем в белорусском (6,3), в процессе выравнивания денежных доходов разных социальных групп населения. Сравнение белорусского и российского общества по индексу Джини – концентрации доходов в высокооплачиваемых слоях населения (41% в России и 28% в Беларуси) свидетельствует о том, что в верхних стратах концентрация ресурсов в России в 1,5 раза больше, чем в Беларуси.

В понимании П.А. Сорокиным страты это означает, что около половины населения Беларуси находится в режиме простого воспроизводства своей производительной силы, обладает традиционным типом мышления и вынужденным типом экономического поведения. В белорусском обществе социально-ориентированная рыночная экономика, как результат государственной социальной политики, обеспечивает позитивный экономический процесс улучшения материального положения беднейших слоев населения и уменьшает долю этой страты в обществе. Но, по результатам анализа, происходит это как за счет повышения заработной платы, так и за счет перераспределения доходов различных страт, с целью выравнивания их материального положения. Возникает опасность того, что подобная уравнительная политика может быть чревата дальнейшим уплощением экономической пирамиды в обществе в ходе выравнивания

среднедушевых денежных доходов разных слоев населения. В российском обществе вытягивание экономической пирамиды может привести к реальной опасности социального взрыва при достижении «точки насыщения». Чтобы избежать нежелательных изменений в экономической стратификации общества, необходима социологическая экспертиза, определяющая баланс экономических и социальных издержек в ходе экономических преобразований [4, 413-431].

Литература:

1. *Стат.ежегодник РБ, 2017 (Стат. сб.). Минск: Нац.стат.ком. Респ. Беларусь, 2017. - 506 с.*
2. *Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество.-М.: Политиздат, 1992. - 543 с.*
3. *Российский статистический ежегодник, 2017 (Стат. сб.). Росстат. М., 2017. -725 с.*
4. *Соколова Г.Н. Экономическая реальность в социальном измерении: экономические вызовы и социальные ответы. - Минск: Беларус. навука, 2010. - 460 с.*

Соломатина Елена Николаевна,

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Феномен (не)справедливости в социологии

Сущность справедливости понимается в социологии в широком и узком его значении. На макроуровне она рассматривается во взаимодействиях социальных субъектов в различных сферах общественной жизни (экономической, социальной, правовой, политической и др.) между большими социальными общностями, общественными институтами, различными обществами и странами. В узком смысле справедливость рассматривается в системе конкретных взаимодействий между людьми, включенными в социальные общности на разных уровнях. Справедливость в этих взаимодействиях выступает в качестве нравственной меры, которая помогает распределять блага между ними. Чтобы понять как социальные группы и общности взаимодействуют на основе социальной справедливости, мы должны включить исторический и социокультурный аспекты в рассмотрение данного феномена. При этом историчность понимается не как совокупность культурных ценностей, накопленных за определенное историческое время и интегрированных в структуры общества, а как совокупность инструментов, с помощью которых произошла эта интеграция, своего рода инструмент формирования различных общественных практик, востребованных в то или иное историческое время. Таким образом, историчность как ресурс принадлежит не всем членам общества (по принципу равенства), а особой группе, которая контролирует и отождествляет себя с ней. Так, известный французский социолог А. Турен, считал, что “поле историчности, совокупность культурных моделей трансформируется в систему социальных отношений, каковые всегда представляет собой отношения неравенства, отношения власти” [1; 9]. В социологии с феноменом справедливости очень тесно связано понятие

«равенство», которое вместе со свободой выступает основаниями социальной справедливости. Но при этом нельзя забывать, что подобное неравенство может быть и несправедливым, что позволяет людям не наделенными особыми талантами наследовать статусные позиции и материальные блага, не прикладывая к этому больших усилий. Итак, несправедливость может быть двух видов. Несправедливость по отношению к индивиду имеет место, когда над ним совершается физическое или психологическое насилие с целью принудить его совершить действие, противоречащее социально приемлемым нормам или ущемляющее его интересы. Несправедливость, творимая самим индивидом, может проявляться, когда он причиняет вред с целью навязать свою волю, ущемляя интересы другой стороны. Для того, чтобы оценивать, является ли совершаемое действие справедливым или нет, всегда необходимо учитывать социокультурные особенности того общества, которое оценивается с этих позиций: его общественно-политическое устройство, господствующие ценности, уклад жизни, обычаи и традиции народа, то есть все те феномены, которые позволят применить теоретическую абстракцию к реальным социальным взаимодействиям. Социальная несправедливость может проявляться в каждой сфере общественной жизни. В области морали несправедливость связана с нарушением общественного единства, основанного на принципе общей нравственности. Это означает, что в идеальных общественных отношениях не должно быть несправедливого неравенства, но в реальной практике оно существует, разделяя общество на тех, кто является субъектом несправедливости и объектом несправедливого к себе отношения. При этом справедливое неравенство не разрушает моральный облик общества именно потому, что оно является справедливым, исходя из разницы природы самих индивидов. Экономическое выражение несправедливости возникает тогда, когда в социальных отношениях нарушается принцип эквивалентности воздаяния за труд индивида или эквивалентное наказание за оказанный вред. Несправедливость в сфере политических отношений проявляется как нарушение прав и свобод граждан, гарантированных Всеобщей декларацией прав человека и как отказ от выполнения гарантий социальной помощи, закрепленных в законодательном порядке. Несправедливость в правовых отношениях выражается как нарушение принципа равенства всех граждан перед законом. Всеобщая реализация такого равенства практически невозможна из-за системных просчетов и методологических ошибок при выработке правовых норм, а также из-за коррупции в органах, но демократические общества стремятся его обеспечить для соблюдения социальной справедливости. В сфере культуры социальная несправедливость проявляется как нарушение равного доступа для всех граждан к культурным ценностям и историческому наследию: основные объекты культурного наследия находятся в основном в крупных городах, в то время как жители периферии часто лишены возможности доступа к культурным богатствам. В информационном плане несправедливость может быть установлена путем недопущения циркуляции информации и ее специальной обработки с целью

искажения. Таким образом, социальная несправедливость пронизывает все общественные отношения, несмотря на структурные изменения, которые проводятся в жизнь при помощи социальной политики, чтобы нивелировать различия между индивидами и упразднить несправедливые формы ее проявления, создавая прочные основы социальной справедливости, которая описывается учеными с целью попытки ее воспроизведения в конкретных обществах.

Литература:

1. *Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М., 1998. С. 9.*

Сорокина Екатерина Михайловна,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Гендерная несправедливость социальной мобильности в теориях современных китайских социологов

В современном обществе положение женщин стало важным показателем прогресса национального развития. Реализация прав женщин является символом социальной цивилизации. Несмотря на актуальность данной темы в мировом сообществе, говорить о гендерной справедливости на уровне конкретных государств не представляется возможным. Рассматривая социальную мобильность в современном китайском обществе, необходимо учитывать гендерные факторы. На конституционном уровне в КНР закреплено равноправие мужчин и женщин, так в статье 48 Конституции КНР говорится [1]: «Женщины в Китайской Народной Республике пользуются равными с мужчинами правами во всех областях политической, экономической, культурной, общественной и семейной жизни. Государство охраняет права и интересы женщин, обеспечивает женщинам равную с мужчинами оплату за равный труд, воспитывает и выдвигает кадровых работников из числа женщин.» Важным показателем гендерной справедливости является представительство женщин в органах государственной власти. В настоящее время в Китае девять женщин занимают важные государственные посты. По сообщению интернет-издания газеты «Женьминьжибао» [2] в 2017 году почти 100 женщин в КНР занимали ключевые руководящие должности в муниципальных правительствах, что составило около 17% от общей численности чиновников. Если говорить о партийных деятелях, то по данным официального сайта КПК [3] число женщин-руководителей составляет 24,7% от общего числа, при том лишь одна женщина является членом Политбюро ЦК КПК (из 25 членов). Таким образом, можно наблюдать тенденцию, что чем выше уровень власти, тем меньше представительство женщин. Необходимо отметить, что практически все женщины, занимающие государственные посты, являются деятелями в

области культуры, здравоохранения, образования и науки, т.е. в так называемых «женских» сферах занятости. По мнению китайских ученых [4, 5], трудности восходящей мобильности для женщин в политической власти обусловлены несколькими причинами: традициями, патриархальными стереотипами, неосведомленностью женщин, политической окрашенностью половой принадлежности, слабой политической активностью самих женщин и т.д. В экономическом плане на рынке труда современного китайского общества существует гендерная «сегрегация». Китайские ученые выделяют профессии, в которых в основном преобладают мужчины, в то время как в других доминируют женщины. Существует также гендерное разделение между отраслями промышленности, секторами предпринимательских или институциональных организаций, что приводит к различиям в социально-экономическом положении мужчин и женщин. [6] Сопоставив данные четырех переписей населения КНР, группа ученых во главе с Ли Чуньлин выявила, что уровень профессиональной дифференциации в Китае постепенно снижается, женщины расширяют свои профессиональные навыки и область их применения, однако сохраняется разделение по гендерному признаку, так среди 73 исследуемых профессий доля женщин увеличилась в среднем на 30-40% в 42 профессиях и уменьшилась или осталась на прежнем уровне в 31 профессии. [7] Другим аспектом экономической несправедливости является то, что средняя зарплата женщин равна 0,65% зарплаты мужчин. Обращаясь к оценкам Всемирного экономического форума (ВЭФ), необходимо отметить, что разница в доходах мужчин и женщин увеличилась в период с 2012 по 2017 гг. Занимая 69 позицию с 2012 года, Китай изменил положение до 100 места в 2017 году. [8] Факторами, затрудняющими восходящую мобильность женщин, китайские ученые называют следующие: во-первых, традиционный процесс социализации, с раннего детства традиционная китайская мораль взращивает в мужчинах и женщинах разные предпочтения и ценности, что ведет к различным ожиданиям относительно будущей карьеры. Во-вторых, стереотипное восприятие работодателями женщин, как худших работников, при чем многие женщины не считают данное положение несправедливым. [7] В-третьих, личностные качества, женщины меньше готовы осваивать новую технику, брать на себя ответственность или менять профессию. Также среди факторов указывают семейное положение, недостаток образования и квалификации и др. Кроме того, стоит отметить, что не все женщины стремятся построить карьеру. Согласно данным опроса, проведенного Национальной комиссией КНР в г. Пекин, 40% замужних женщин находятся в состоянии незанятости и не стремятся найти работу, они состоят на иждивении мужей или детей. [9] Также многие женщины не готовы посвящать работе сверхурочное время и строить неформальные связи. Безусловно в китайском обществе в последние годы наметилась тенденция снижения гендерной несправедливости социальной мобильности. Отмечаются успехи в преодолении гендерных разрывов в образовании. Женщины становятся более заинтересованы в высокооплачиваемом труде. В

связи с расширением экономических возможностей на рынок труда выходит большее количество женщин. Однако сохраняется множество препятствий для участия женщин в экономической и публичной сферах и др. Соответственно механизмы воспроизводства общества более сильны, чем механизмы происходящих изменений, требуется время на адаптацию социальных норм и изменение традиционной модели.

Литература:

1. *Zhonghua renmin gongheguo xianfa xiuzhengan (2004nian): [Конституция КНР].*
2. *Muqian quanguo jinbaiming nvganbu danren defang zhuyao lingdao zhiwu: [100 женщин заняли ключевые должности в муниципальных правительствах] URL: http://leaders.people.com.cn/n1/2017/0308/c58278-29130674.html*
3. *Zhongguo gongchandang. URL: http://cpc.people.com.cn/*
4. *Wei Fenghua. Lun nunnv bu pingdengde genben yuanyinji jiejue banfa: [К причинам возникновения гендерного неравенства. Пути разрешения]. Nanjing: Gaige yu kaifang, 2014 (3).*
5. *Dong Limin. Zhengzhihua xingbie Zouxiang gongmin shehui? [Ведет ли «политизация» пола к гражданскому обществу]. Beijing: Kaifing shidai, 2016 (1).*
6. *Li Chunling. Zhongguo zhiye xingbie gelide xianzhuangji bianhua qushi: [Тенденции профессиональной гендерной сегрегации в Китае]. Jiangsu: Jiangsu shehui kexue, 2009 (3).*
7. *Li Chunling. Xingbie fencing yu laodongli shichang: [Гендерная стратификация и рынок труда]. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe, 2011.*
8. *The Global Gender Gap Report 2017. URL: https://www.weforum.org/reports/the-global-gender-gap-report-2017*
9. *Pang Lihua, Luo Yanan. Woguo yihun liudong nvxing jiuye zhuangkuang ji xingbie chayi yingxiang yinsu yanjiu: [Исследование факторов, влияющих на занятость и мобильность замужних женщин в Китае]. Guangdong: Nanfangrenkou, 2015 (1).*

Старосвет Елена Александровна,

ФГБОУ ВО Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

Давыдова Алёна Евгеньевна

ФГБОУ ВО Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

Чувство социальной справедливости. Междисциплинарный аспект исследования

Интерпретация понятия справедливости – постоянная социальная проблема и предмет интереса социологов во всем мире. Причина этого интереса состоит, прежде всего, в том, что социальная справедливость всегда выступала и будет выступать как наиболее важный показатель эффективности социального развития общества. В мире широко распространены работы по исследованию проблемы социальной несправедливости и ее последствий для самых разных групп населения земли – представителей разных государств, этносов, религий, классов, рас. Так Висконсин-Мэдисон Боавентура де Суза Сантос, директор Центра социальных исследований при Университете Коимбры рассматривает

справедливость в различных исторических и культурных традициях и отождествляет понятие справедливости с достоинством и освобождением [12]. Питер Александр, директор Центра социологических исследований Университета Йоханнесбурга рассматривает несправедливость в связке с капитализмом через призму массовых неравенств, на примере Южной Африки [13]. Нира Юваль-Дэвис пишет о теоретических и эмпирических аспектах нарушения справедливости – национализме, расизме, фундаментализме, а также поднимает в этой связи вопросы гражданства, самобытности на примерах общественных поселений Великобритании, Европы, Израиля и других регионов, говоря о расовых границах, демографических и политических различиях [14]. Нира Юваль-Дэвис при обсуждении проблем неравенства затрагивает вопросы социальной власти, пола, расы, стадии жизненного цикла, сексуальности и т.д. Нира Юваль-Дэвис говорит о том, что в современном мире государственные границы, часто не совпадают с национальными границами и предлагает объединить социальные системы неравенства и обеспечить социальную изоляцию [14]. Нандини Сундар, профессор социологии в школе экономики, университета Дели в Нью-Дели в Индии связывает вопросы справедливости с гражданством, войнами и борьбой с повстанцами в Южной Азии, идентичности коренного населения и политике в Индии. Нандини Сундар говорит, что в настоящее время юридификация социальных и политических проблем возрастает в основном из-за групп, обращающихся в суды для защиты их прав, либо протестуя против какого-либо нарушения, исследует процесс увеличения юридификации вместе с несправедливостью. Она говорит о том, что ученые, изучающие индийский закон утверждают, что судебный процесс часто приводит к обострению, а не решению проблемы, поэтому стоит направлять такой спор в другую сферу. Но если обратиться к тому случаю, когда местные группы пытаются получить доступ к судам, при этом зная, что их будут преследовать, то не понятно что в итоге можно ожидать и что в этом случае будет справедливостью [15]. Таким образом, социальная справедливость, как часть социальной системы общества, а также социальное неравенство широко рассматривается в социальном и правом аспектах на местном, национальном и глобальных уровнях. Однако такой подход не раскрывает всей глубины проблемы и не приводит к ее решению. Альтернативным решением проблемы социальной справедливости является подход, принятый в Алтайской социологической школе, который основан на междисциплинарности и интерпретирует справедливость на стыке социологического, психологического и философского видения проблемы [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11 и др.]. Специфика региона Алтайский край, как и некоторых других регионов материковой России, состоит в его относительной обособленности от межэтнических, расовых, религиозных проблем, которые могли бы быть основанием социальной несправедливости. Однако данная проблема не становится от этого менее актуальной, хотя приобретает другое звучание. Вопросы справедливости затрагивают в наибольшей степени равенство развития, доступа к социальным

возможностям и благам и т.п. В этом контексте действие является справедливым по отношению к человеку или группе в том случае если соответствует ценностям человека [10, 11], поддерживает его идентичность [3, 4], позволяет решать сложные жизненные ситуации, не разрушая собственной картины мира [2, 6] и в результате содействует укреплению жизненных сил человека, его социальной и индивидуальной субъектности [10]. Такой взгляд представляется не менее перспективным для понимания и главное – преодоления проблемы несправедливости в обществе.

Литература:

1. *Григорьев С.И., Миронова С.В., Мартынова М.Ю., Толстых Г.В. Социальное оправдание неравенства и проблема справедливости. // Уровень жизни населения регионов России. 2014. № 4 (194) С. 73-83*
2. *Мальцева А.В. Признаки человека. Барнаул. 2005. Сер. Социология, социальная антропология и работа с молодежью.*
3. *Мальцева А.В. Особенности влияния социальной идентичности на решение «сложных жизненных ситуаций» в социальной группе студентов. // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Алтайский государственный университет. Барнаул. 2004*
4. *Мальцева А.В. Особенности влияния социальной идентичности на решение «сложных жизненных ситуаций» в социальной группе студентов. // Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Алтайский государственный университет. Барнаул. 2004*
5. *Мальцева А.В. Сложные ситуации в жизни современных первокурсников и способы их решения (на примере студентов высших учебных заведений Алтайского края). // Сибирский социологический вестник. 2003. № 2. С. 262*
6. *Мальцева А.В., Шилкина Н.Е. Через ценности к демаркации социальной нормальности. // Образование и социальное развитие региона. 2001. № 3-4. С. 87*
7. *Старикова Е.Н. К вопросу о соотношении обыденных и научных представлений о справедливости. Известия Алтайского государственного университета. 2002. № 2. С. 33-36*
8. *Сытых О.Л. Человек в контексте становления новых социальных отношений. Гуманитарный вектор. 2016. Т. 11. № 2. С. 17-22*
9. *Шилкина Н.Е. Социальные нормы и религиозные ценности в контексте концепции жизненных сил. // Актуальные проблемы социологии, психологии и социальной работы. Социальное образование, социальная культура, социальная терапия. Ежегодник. Редколл.: С. Григорьев (отв. ред) и др. Барнаул 2003. С. 8-18*
10. *Шилкина Н.Е. Роль ценностей в понимании социальной нормы индивидуальной и социальной субъектности человека. Теоретико-методологический аспект проблемы. // Перспективные направления развития теоретической социологии в России рубежа XX-XXI веков. 2003. С. 4*
11. *Шилкина Н.Е. Целевая ценность. // Словарь виталистской социологии. Сер. «Социальное образование в России в XXI веке» под ред. С.И. Григорьева. М. 2006. С. 133-134*
12. *De Sousa Santos B. Conceptions of Justice from Different Historical and Cultural Traditions [Электронный ресурс]. International Sociological Association, октябрь 2014. URL: https://isaconf.confex.com/isaconf/wc2014/webprogram/Paper36802.html (Дата обращения: 22.12.15)*
13. *Alexander P. Capitalism and Injustice As Seen through the Lens of Massive Inequality and the Marikana Massacre. [Электронный ресурс]. International Sociological Association, октябрь 2014. URL: https://isaconf.confex.com/isaconf/wc2014/webprogram/Paper3680*
14. *Yuval-Davis N. Intersectionality, Inequality and Bordering Processes. [Электронный ресурс]. International Sociological Association, октябрь 2014. URL: https://isaconf.confex.com/isaconf/wc2014/webprogram/Paper36807.html (Дата обращения: 22.12.15)*
15. *Sundar N. Undue Process and the Paradox of Increasing Juridification. [Электронный ресурс]. International Sociological Association, октябрь 2014. URL: https://isaconf.confex.com/isaconf/wc2014/webprogram/Paper36809.html (Дата обращения: 22.12.15)*

Столбов Вячеслав Ппавлович,
Химико-технологический университет, Иваново, Россия

К вопросу о социальной справедливости и социальной несправедливости

Социальная несправедливость - феномен социально-экономической жизни любого общества находит свое подтверждение в историческом времени и географическом пространстве. То есть это вечная категория в жизни общества, исключая религиозный миф о парадизе в раю. Социальная несправедливость в качестве научной категории начала осмысливаться еще в античной мысли, следы этого процесса мы находим в сочинениях Аристотеля (IV век до н.э.), в которых справедливость «кто, что должен получить», рассматривалась в понимании распределительных отношений в обществе. Данная идея в наше время получила теоретическое осмысление в труде Дж. Ролза «Теория справедливости» (1971 г.), где приобрела статус распределительной несправедливости. В паре научных категорий «справедливость и несправедливость» социальной несправедливости противостоит «социальная справедливость», которая входит в состав социальных ценностей, таких как: свобода, материальные возможности, доход и состояние, безопасность жизни, социальное управление, доступность к сфере медицинского обслуживания, системе образования и культуры. При реализации в государственной политике всех этих ценностей, возможно установления равенства в обществе. Но какого? Как бы выразился Маркс, «общество утилитариста Бентама».

История человеческой цивилизации полна примеров попыток установления социальной справедливости в форме равенства между людьми, они осуществлялись как в прошлом в крестьянских и коммунистических революциях, в крестьянских коммунах в России в 20-е годы XX века, так и делаются в настоящее время в израильских киббуци и различных религиозных общинах. Однако, как показывает практика, все эти попытки не имели успеха, т.к. не принимались в расчет объективные инструменты человеческой жизни: мотивация индивида в жизненной стратегии, частная собственность, стремление к самореализации и др. Все попытки устранить социальное неравенство приводили общество, в конечном итоге, к социальному и экономическому застою или упадку. Касаясь вопроса о социальной справедливости по отношению к отдельным факторам жизненного благополучия людей, заметим, что в современном российском обществе, это большая проблема. Так, касаясь тезиса о распределительной справедливости: кто, что должен получить, мы видим, что сами возможности страны для осуществления социальной справедливости еще далеки от идеала. Если брать за основу решения проблемы социальной справедливости основной экономический показатель развития страны ВВП, динамика которого с 2010 по 2016 гг. имела четко выраженную тенденцию к снижению,

(в 2015 -3,7%,, 2016 г. - 0,2%), то мы видим, что реальные возможности решения вопроса состояния бедности (22 млн. чел. в 2016 г.) и роста доходов населения (в структуре ВВП доля зарплаты не достигает 30%, хотя она не должна быть ниже 50-55%) значительно ограниченные [1]. Что создает тенденцию устойчивого сохранения социального неравенства. Социально-экономическое неравенство в российском обществе продолжает сохраняться высоким. Так, порядка 83% населения убеждены, что различия в доходах населения очень высоки, 65% работающих считают, что они не получают справедливого вознаграждения за свой труд [2]. И это неравенство наблюдается на фоне коррупции, которая в среднегодовом измерении достигает 240 млрд. долл. [3] и казнокрадства (на таможне ежегодно расхищается продукции порядка на 2,5 трлн. руб.) [4]), роста числа долларовых миллионеров при сокращении ВВП (количество долларовых миллиардеров в стране возросло в 2016 году на 11%, а миллионеров – на 10%) [5]. Социальная справедливость в настоящее время один из основных принципов идеологии политических партий. Нередко это понятие превращается в инструмент манипуляции массового сознания современными СМИ во имя ситуативного согласия населения с политикой правящей партии. Подобное по своей сути не является новым, это было и советском обществе, которое во имя социальной справедливости в стране и мире «погружалось» в утопические пучины социализма – коммунизма – демократического социализма – социализма с человеческим лицом и пр. Парадоксом для российского общества является то обстоятельство, что, отринув социалистическое обустройство, оно вернулось к ценностям буржуазной демократии: частной собственности, рыночной экономике, многопартийности, поведению людей согласно смитианской модели экономического человека. Социальная справедливость является критерием оценки политики государства и развития общества. Каков прогноз в уменьшении социальной несправедливости в обществе? Это, во-первых, модернизация общества за счет инноваций в системе производства, образования, науки и культуры, а также формирования системы социальных гарантий для смягчения социальной несправедливости.

Литература:

1. *Российское общество и вызовы времени. Книга пятая. Под ред. М.К.Горшкова и В.В.Петухова. ИС РАН – М.,2017; Чекмарева Е. Главная реформа, которая должна быть - реформа зарплат. Slon, 22.01.2010.*
2. *О чем мечтают россияне. Идеал и реальность /Под ред.М.К.Горшкова, Р. Крумма, Н.Е.Тихоновой. Аналитический доклад. – М., ИС РАН. 2012. С.32-35.*
3. *Буксман А. Ни дать, ни взять //Российская газета, 7.11.2007.*
4. *Где взять деньги на повышение пенсий? //Справедливая Россия. URL:www.spravedlivo.ru*
5. *Бочаров.М.Откуда столько миллиардеров?*

Судас Лариса Григорьевна,
МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Социальная справедливость в контексте новой промышленной революции

Проблема социальной справедливости в контексте тех изменений, которые происходят во всей системе общественных отношений, в культуре, системе управления и т.д. под воздействием технологических прорывов, связанных с новой промышленной революцией, приобретает качественно новое значение и звучание. Терминологически эти изменения (больше в официальных документах, чем в научном дискурсе) пытаются охватить понятием «цифровая экономика», которое, однако, кажется слишком узким для обозначения происходящих процессов (как технологических, так и социальных), а потому используемым лишь временно в силу отсутствия более адекватного термина. Во-первых, потому, что использование цифровых технологий не ограничивается сферой экономики, во-вторых, потому, что современный технологический прорыв основан не только на цифровых технологиях, а носит конвергентный характер, т.е. основывается на нескольких ключевых технологиях, что находит отражение в аббревиатуре NBICS (нано-, био-, инфо-, когно-, социо-технологии), комплексно описывающей природу новой промышленной революции. Современные общества и современная социальна теория пока не готовы отвечать на новые социальные вызовы, связанные с происходящими технологическими изменениями, адекватно их интерпретировать и прогнозировать их социальные последствия. Однако существует ряд проблем, к числу которых следует отнести и проблему социальной справедливости, которые остро нуждаются в обсуждении, научной, а также публичной дискуссии в целях достижения определенного консенсуса относительно определения какого-то уровня социального неравенства как справедливого, а потому легитимного. В Докладе о мировом развитии 2016 «Цифровые дивиденды», подготовленном Всемирным банком [1], делается общий вывод о том, что цифровые технологии распространяются, а цифровые дивиденды нет, совокупный эффект от их использования оказывается слабее ожидаемого и распределяется неравномерно. Происходит замедление темпов роста производительности в мировом масштабе, растет поляризация на рынках труда, усиливается в целом социальное неравенство. И дело не только в том, что почти 60 процентов населения планеты до сих пор всё еще лишены доступа к интернету и практически исключены из цифровой экономики. Цифровые дивиденды в виде ускорения экономического роста, увеличения числа рабочих мест и повышения качества услуг получают лишь те страны, которые способны на так называемые «аналоговые дополнения», т.е. дополняют инвестиции в цифровые технологии масштабными реформами,

направленными на улучшение делового климата, развитие образования и здравоохранения, совершенствование управления. Стратегии цифрового развития должны быть шире стратегий развития ИКТ. Там, где этого нет, цифровые технологии не приводят ни к подъему производительности, ни к уменьшению неравенства. Таким образом, влияние технологий на развитие общества определяется существующими в стране принципами организации экономической и социальной жизни и государственного управления. Очевидно, что издержки отказа от проведения необходимых реформ («аналоговых дополнений») в современных условиях резко возрастают. В «Докладе о неравенстве – 2018», подготовленном Всемирной лабораторией неравенства [2], также отмечается, что в последние десятилетия неравенство доходов росло практически во всем мире, но разными темпами: наиболее низкими в Европе и наиболее высокими на Ближнем Востоке. Это позволило исследователям сделать вывод о важной роли национальной политики и институтов в эволюции неравенства. Императив информационной революции – все люди во всех уголках планеты должны получить выгоду от информационных технологий. Эта задача стала одним из целевых показателей утвержденных в 2015 году Целей в области устойчивого развития (ЦУР). (Пункт 9.с Существенно расширить доступ к информационно-коммуникационным технологиям и стремиться к обеспечению всеобщего и недорогого доступа к Интернету в наименее развитых странах к 2020 году.). [3] Важен не только доступ к новым технологиям, но и возможность для каждого человека эффективно использовать новые технологии. В этом контексте, поднимающем проблему «цифровой эксклюзии», чреватой тотальной эксклюзией индивида из «новой социальности», до уровня «всеобщего», любые препятствия для индивида на этом пути во все большей степени воспринимаются как несправедливые. В дальнейшем, по мере развертывания технологической революции, эта же проблема будет все острее вставать в сфере не только информационных технологий, но и в других сферах, с которыми все прочнее начинают ассоциироваться представления об инновациях, – генной инженерии, микробиологии и т.д.

Литература:

1. *Доклад о неравенстве – 2018. Основные положения (русская версия). World Inequality Lab. – wir2018.wid.world*
2. *Всемирный банк. 2016 год. Доклад о мировом развитии 2016 «Цифровые дивиденды». Обзор.*
3. *Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. ООН. 2015.*

Танатова Дина Кабдуллиновна,
Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

Выбор профессии в уязвимых социальных группах как фактор социальной несправедливости

Трудоустройство уязвимых социальных групп является одной из самых трудновыполнимых задач. И, прежде всего, это касается людей с ограниченными возможностями здоровья. Какую профессию они могут выбрать? Выбор невелик, учитывая не только степень и профили заболеваний, но и предложения рынка занятости, запросы работодателей, возможности образовательных учреждений. По итогам социологического исследования, проведенного лабораторией социологического анализа факультета социологии РГСУ в ноябре 2017 года, большая часть опрошенных в той или иной мере определились с тем, какую профессию они будут получать после окончания школы. Лишь небольшое число (14.8%) еще не сделали выбора будущей профессии либо видят свое профессиональное будущее лишь в общих чертах (13.1%). Профессии, выбранные респондентами для освоения, трудно свести к какой-либо одной категории или одному виду. Среди них встречаются творческие профессии, например, визажист-стилист, кружевница, фотограф. Профессии гуманитарного профиля: педагог, врач, дефектолог-логопед, историк, клинический, психолог, социальный, работник, психолог, юрист. Профессии техническо-информационного характера: инженер-программист, программист. Рабочие профессии: проводница, помощник машиниста, водитель, сварщик, швея, пекарь, повар, сортировщик. Профессии, связанные с управлением: аудитор, бухгалтер, модератор, спортивный, менеджер. Столь разносторонний характер профессиональных интересов респондентов указывает на то, что практически любая специальность может вызвать интерес у людей с ОВЗ и инвалидностью. Следовательно, при разработке всех образовательных программ обязательно следует учитывать, что в число обучающихся могут быть включены люди с особыми потребностями по здоровью. Вместе с тем следует обратить внимание, что среди респондентов довольно большая доля тех, кто в своем профессиональном выборе не уверен – 45.9%. Значительная часть из этих респондентов (77.6%) на вопрос о том, нужна ли им помощь специалиста по профориентации при выборе профессии, дали утвердительный ответ. В аналогичных консультациях нуждается и подавляющее большинство тех опрошенных, кто не еще не определил траектории своего профессионального развития. В целом доля респондентов, не нуждающихся в помощи специалиста по профориентации при выборе профессии, составляет лишь 27.9%. Т.е. очень высока доля нуждающихся в профессиональном ориентировании. Респонденты, делая выбор в пользу той или иной профессии, руководствуются аргументами, имеющими природу как

внутреннего (субъективного), так и внешнего (объективного) свойства. К внутренним аргументам относятся, например, соответствие профессии увлечениям, хобби респондента; ее соответствие семейным традициям; несложность получения профессии и др. Внешние аргументы – это доход, который может принести профессия; ее популярность и престиж, имеющиеся профессиональные карьерные перспективы и др. Самыми значимыми аргументами для большинства респондентов являются такие как соответствие профессии увлечениям, хобби (49.2%) и доход (44.1%). Остальные аргументы, «несложность получения профессии», «соответствие семейной традиции», «карьерные перспективы», достаточно сильно проигрывают по частоте упоминаний. Люди с ОВЗ и инвалидностью получают информацию о потенциальном трудоустройстве и возможностях получения профессии из различных источников, среди которых СМИ, интернет, образовательные учреждения и др. Однако, как выяснилось, самым значимым источником информации для них является ближайшее социальное окружение. Около двух третей опрошенных (63,9%) сказали, что при выборе будущей профессии они ориентируются на мнение родителей. На мнение друзей ориентируются треть респондентов (32,8%). Далее по частоте упоминаний респондентами значимых источников информации следуют учителя (18%), сайты учебных заведений (16.4%) и результаты тестирования профессиональной ориентации (13.1%). На остальные источники информации при выборе профессии ориентируется значительно меньшая часть респондентов. Процесс обучения людей с ОВЗ и инвалидностью требует создания особой образовательной среды, соответствующей их нозологиям. Для людей с болезнями опорно-двигательного аппарата требуется специальное маршрутно-ориентированное обеспечение доступной среды (подъемники, пандусы, адаптированные лифты, специализированные парты и стулья, автоматизированное рабочее место и т.д.), людям с нарушениями слуха требуется звукоусиливающее оборудование, для людей с болезнями органов зрения необходимы электронные лупы, сканирующие машины и т.п. Однако же доля тех, кому требуется специальное технологическое обеспечение образовательного процесса, относительно невелика. Нуждающиеся в специальном оборудовании 12.7% от общего числа респондентов, а доля тех, кому необходимо специальное маршрутно-ориентированное обеспечение доступной среды составляет 11.3%. Много выше доля тех респондентов, которым требуются помощь не технологического, а человеческого свойства (66.1%). О том, что они нуждаются в социально-психологическом сопровождении образовательного процесса заявляют 36.6%, в помощи ассистента-помощника нуждаются 26.8% опрошенных.

Ткач Сергей,
Северо-Западный Институт Управления Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы, Санкт-Петербург, Российская Федерация
Муфтахова Альмира Нургалиевна
Северо-Западный Институт Управления Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Принцип социальной ответственности в современной концепции социальной справедливости

Развитие общественных отношений, как основ формирования и поддержания гармоничного общества, основанного на принципах гуманизма, плюрализма власти, равного учета прав и потребностей личности невозможно без институционализации в существующих структурных элементах общества принципа социальной ответственности [1]. Для понимания роли принципа социальной ответственности в процессах общественного функционирования необходимо обозначить суть социальной ответственности как явления и выделить ее основные черты как концепции. Под социальной ответственностью в общественных науках принято понимать форму отношения между личностью и обществом в целом и отдельными его социальными группами, основанную на сознательном исполнении ими взаимных обязательств, определенных кодифицированными актами, а также закреплёнными нормами и традициями [2]. Из данного определения следует сущность социальной ответственности, как позиции и состояния общества, для которого характерно особое межличностное отношение индивида и понимание им общественного благополучия, высокого качества жизни отдельных групп и людей как ценности, занимающей высокую позицию в личной иерархии. В виде концепции социальная справедливость выражается в системной ее интеграции в общественные институты, благодаря чему можно можно выделить ряд её значимых черт: Социальная ответственность является неотъемлемой частью парадигмы личности. Деятельность индивида реализуется в соответствии с нормами социальной справедливости, находится вне противоречия с общественным благополучием, происходит при учете прав и свобод других индивидов. Нормативно-правовая система построена с учётом принципа не-дискриминации; образуемое ею правовое поле существует в рамках идей взаимной помощи внутри общества, справедливого распределения средств, защиты прав и свобод населения, поощрения общественных инициатив. Деятельностью коммерческих агентов носит общественно-полезный характер [3], реализуется с учётом минимизации вреда, нанесенного экологическому состоянию окружающей среды, учитывает ценности социальной инклюзии

как одну из основ. Коммерческие агенты являются активными участниками системы благотворительности, содействуют элиминации общественной дискриминации. Экономическая активность открыта для общественного надзора, прозрачна. Деятельность институтов власти осуществляется в целях поощрения проявления в обществе социальной ответственности, трансляции идей гуманизма, роли каждого индивида в общем социальном благополучии. Данные черты характерны для многоуровневого проявления социальной ответственности: от индивидуальной до групповой и всеобщей, они определяют общие социальные настроения, создают благоприятные условия для развития всеобщей социальной справедливости, как совокупности признаков, характеризующих социальные группы, классы людей, в соответствии с уровнем духовного и материального развития общества [4], учитывают принцип социальной ответственности как одно из оснований социальной справедливости в современных концепциях. Из этого можно сделать выводы о необходимости развития интеграция и реализации данного принципа в рамках как нормативно-правовой системы, так и в повседневной практике как признака, благоприятствующего жизни общества в соответствии с современными представлениями о социальной справедливости.

Литература:

1. *Институциональное проектирование социальной ответственности, Фролова Е., Вестник Томского государственного педагогического университета, 2014*
2. *А.А.Вербицкий. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. 2013*
3. *Эволюция концепции социальной ответственности бизнеса, Горошилов А., Карибов А. П., Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология, 2007*
4. *Профессиональное образование. Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика. — М.: НМЦ СПО. С.М. Вишнякова. 1999.*

Хатестова Елена Александровна,

ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», Финансово-экономический институт Кафедра общей и экономической социологии. , Тюмень , Россия

Социальная дифференциация общества как фактор в различиях финансовых практик населения

Финансовое поведение населения как часть экономического поведения является неотъемлемой частью жизнедеятельности индивида. Финансовым поведением называется деятельность населения по мобилизации и использованию денежных ресурсов, включая различные виды финансовой активности, такие как: сбережения, инвестиции, страхование, кредитование, использование программ по накоплению пенсии [2]. Широкое участие

населения в схемах по мобилизации денежных средств приводит общество к положительному экономическому и социальному эффекту: с одной стороны, способствует развитию финансовых рынков, тем самым развивает экономику страны. С другой стороны, население, принимающее участие в финансовых операциях, приумножает имеющиеся денежные средства, получает дополнительный доход, улучшает свое благосостояние. Основной составляющей финансовой активности для отдельного человека и домохозяйства в современном обществе является наличие дохода, который является индикатором измерения благосостояния. Под доходами домашних хозяйств понимается «общая сумма денежных и натуральных доходов по всем источникам их поступления с учетом стоимости бесплатных или льготных услуг за счет социальных фондов». Денежные доходы домохозяйств подразделяют чаше всего по источникам поступлений, а к которым относятся:

- заработная плата вместе с различными начислениями и доплатами;
- пенсии, пособия, стипендии и другие страховые и социальные выплаты;
- доходы от предпринимательской деятельности;
- доходы от операций с личным имуществом и денежные накопления в финансово-кредитной сфере.

В современном обществе особенно остро стоит проблема социальной дифференциации населения по доходам, которая способствует углублению имущественного неравенства и поляризации социальных групп по величине дохода. Имущественное расслоение населения определяется размером и структурой его денежных доходов и расходов, дифференциацией доходов по различным группам, уровнем бедности в обществе и другими экономическими параметрами [4]. Взяв за основу перечисленные параметры и перенеся их на российскую реальность, можно отметить несколько черт, свидетельствующих о дифференцированности российского населения по уровню дохода. Во-первых, стоит сказать о заработных платах в России, диапазон которых лежит в отметке от шести, семи тыс. руб. до нескольких млн. руб. По данным Росстата за 2016 г. около 2% россиян получают заработную плату около 7 тыс. руб., 3% - до 9 тыс. руб., 10% населения России имеют заработок около 14 тыс. руб., более 50% россиян получают от 17 до 50 тыс. руб. Доля населения, получающая заработную плату 100 тыс. руб. и более, составляет 10%. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в 2016 г. составила 19,6 млн. чел. (13,4%). Кроме того, необходимо добавить, что наблюдается тенденция увеличения численности такой категории людей: с 2010 г. число увеличилось на 1,9 млн. чел. [3]. Приведенная статистика позволяет сделать вывод, что российское население крайне дифференцировано, что проявляется в низком уровне доходов и заработной платы подавляющей части населения при сверхвысоких доходах его элитарных групп и слоев. Дифференциация населения по доходам неразрывно связана с финансовой активностью

населения, определяет частоту и структуру финансовых практик населения. Также дифференциация населения по доходам способствует формированию определенных финансовых установок: в тех случаях, когда население имеет низкие доходы, развиваются потребительские установки, что приводит активизации кредитного поведения. Какой-либо просчет в кредитной сфере может привести часть населения к кредитным задолжностям и к кредитной нагрузке, которая характеризуется отношением задолженности по кредитам к располагаемым ресурсам и привести к неспособности расплачиваться по кредитам. Во втором случае, у части населения, имеющего высокий уровень доходов, преобладают сберегательные установки: люди вкладывают деньги в банки и инвестируют их. Как показывают результаты социологических исследований, высокодоходные группы населения стремятся либо вообще не брать кредитов, либо используют предлагаемые банком продукты очень аккуратно — не попадая в долговую зависимость: если и пользуются кредитной картой именно как кредитной, то исключительно в льготный период, не платя проценты □1□. На российском финансовом рынке распространено множество услуг, благодаря которым население может улучшить свое финансовое благополучие. Программы вкладов, услуги по страхованию, пенсионные программы, приобретение народных облигаций - это лишь небольшая часть инструментов, с помощью которых население может эффективно использовать свои сбережения и получать доход. Не все вышеперечисленные услуги пользуются у населения популярностью. Так, например, пенсионными программами пользуется лишь незначительная часть населения. Данное обстоятельство отчасти объясняется отсутствием финансовых стратегий обеспечения приемлемого уровня жизни в старости [2]. Непопулярность страхования обоснована низким уровнем доверия к данной сфере и неудовлетворенностью качеством услуг. К перечисленным причинам невостребованности тех или иных финансовых услуг также следует добавить недостаток у большей части населения денежных средств, т.е. доходов.

Таким образом, для развития финансового поведения населения необходимо посредством социальной политики не допускать расслоение общества.

Литература:

1. *Александрова О.А., Ярашева А.В. Трансформация инвестиционно-сберегательного поведения высокодоходных групп населения в период кризиса // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. - 2016 .- №1. - С. 122-138.*
2. *Кузина О.Е. Экономико-психологическое моделирование финансового поведения населения // Психология. - 2004.- №3. - С. 83-105.*
3. *Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/#*
4. *Росенко С.И. Сравнительный анализ социальной дифференциации в современном мире на примере США и России // Сравнительная политика. - 2012. - 2 (8).*

Ходыкин Александр Владимирович,
ФГАОУ ВО "Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва", Самара, Россия

Ключевые направления теоретического осмысления феномена социальной несправедливости

Генезис идей относительно сущности феномена социальной справедливости можно проследить со времён работ философов Античности до настоящего времени при том, что научных трудов, посвящённых исследованию феномена социальной несправедливости, значительно меньше, что можно объяснить доминирующим в социальной теории пониманием социальной несправедливости как антонима социальной справедливости. Однако в современном теоретическом дискурсе формируется более широкое понимание социальной несправедливости как субстанционального свойства социальных отношений [1]. Плюрализм теоретических точек зрения относительно природы, сущности и возможностей изучения феномена социальной несправедливости становится основанием для формирования комплекса подходов к исследованию данного феномена. Систематизируя положения различных теоретических подходов к исследованию феномена социальной несправедливости, мы выделим три ключевых направления теоретического осмысления феномена социальной несправедливости. Первое направление представляет собой синтез идей относительно социальной несправедливости как сложившейся в данном государстве противоречащей общепринятым моральным нормам системы распределения социальных ресурсов, к которым относятся финансовые, властные, статусные и другие ресурсы. Данное направление предполагает исследование социальной несправедливости в её связи с избыточным социальным неравенством, которое определяется как вид социального неравенства, характеризующийся таким уровнем дифференциации доступа к социальным ресурсам, который, с одной стороны, признаётся общественным мнением как социально неприемлемый, с другой стороны, препятствует качественному развитию общества. Социальная несправедливость, таким образом, понимается как категория отрицательной оценки избыточного социального неравенства в общественном сознании. В контексте данного направления феномен социальной несправедливости чаще всего редуцируется к понятию социально-экономической дифференциации и изучается посредством экономической методологии, разработанной для исследования уровня социально-экономического расслоения общества и включающей в себя систему индикаторов, к которым относятся индикаторы дифференциации доходов населения, накопленного в домохозяйствах имущества, возможностей потребления и т.д. [2].

Следующее направление объединяет в себе комплекс идей, отражающих необходимость изучения социальной несправедливости в её связи с нарушением прав и свобод человека. Такая точка зрения определяет социальную несправедливость как допускаемые органами власти разовые или систематические нарушения прав человека со стороны самих органов власти, индивидов или социальных групп при отсутствии или недостаточной эффективности практики восстановления указанных прав и компенсации ущерба от их нарушения. К основным причинам социальной несправедливости в данном контексте можно отнести дисфункцию призванных обеспечить реализацию прав человека социальных институтов, наличие не позволяющей реализовать права человека социальной ситуации и деструктивное воздействие человеческого фактора. Социальная несправедливость такого рода связана с процессом управления [3, 4]. Связь эта может быть, как прямой, подразумевающей нарушение управляющим субъектом прав человека, находящегося в зависимом или подчинённом по отношению к нему положении, так и косвенной, предполагающей допущенное субъектом управления, обязанным обеспечить реализацию прав человека, нарушение этих самых прав со стороны третьих лиц или социальных групп. Степень социальной несправедливости такого рода определяется эффективностью функционирования в обществе института восстановления нарушенных прав человека.

Заключительное рассматриваемое в данной работе направление включает в себя понимание социальной несправедливости как следствия необъективной оценки со стороны общества или больших социальных групп поступков, событий, качеств или результатов деятельности отдельных личностей или социальных групп, вследствие чего они терпят статусные или иные потери, связанные с необъективностью данной оценки. Примером тому могут стать последствия политики двойных стандартов, историческая несправедливость, формирование предрассудков относительно представителей тех или иных социальных групп, необъективная оценка коллективом деятельности его члена и т.п.

Подводя итог данной работы, мы можем сделать вывод о сложности и комплексности феномена социальной несправедливости, что становится основанием для формирования множества трактовок данного феномена в социальной теории. Проанализировав различные трактовки социальной несправедливости, мы можем определить её как наличие в данном обществе сложившейся системы социальных отношений, оценок и практик, противоречащих общепринятым представлениям о должных социальных отношениях, оценках и практиках. Теоретическое осмысление феномена социальной несправедливости также предполагает исследование уровней и типов её проявления, системы её индикаторов, её трактовки в контексте различных наук об обществе и её связей со смежными социальными феноменами. Проведение обозначенных выше исследований предполагается на последующих этапах разработки данной темы.

Литература:

1. *Каменская М.В. Феномен социальной несправедливости: социально-философский аспект: дис. … канд. филос. наук / М.В. Каменская. – М.: 2009. – 193 с.*
2. *Бобков В.Н., Вередюк О.В. Неравенство уровня жизни населения в России: внутренний и международный контексты (начало 1990-х и 2000-е годы) // Экономика региона. – №3 (35). – 2013. С. 53-62.*
3. *Севастьянов А.М. Социальная несправедливость в отношениях власти и общества: опыт социологического измерения // Социология власти. – №1. – 2012. С. 159-166.*
4. *Севастьянов А.М. Социальная несправедливость в отношениях власти и общества и модели её преодоления: дис. … канд. соц. наук / А.М. Севастьянов. – М.: 2013. – 151 с.*

Цедова Кристина Игоревна,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Эволюция и реализация принципа справедливости в современном российском обществе

В основу справедливых отношений заложены отношения равноправия, которые уравнивают права участников и предоставляют им возможность для самореализации. При чем, реализация справедливости немыслима без морально-нравственной составляющей в человеческих отношениях. Однако, в них кроется определенная субъективность, так как те представления о добре и зле, которые кажутся одному участнику взаимодействия справедливым, не обязательно должны или могут казаться так другому [2]. Поэтому, современное социологическое объяснение и понимание справедливости противоречиво и дискуссионно. В древности вопрос о справедливости вставал при разделении добычи, урожая или в случае, если кто-то нарушал общепринятые нормы-правила поведения. В условиях тотального дефицита средств существования, уравнивание людей в правах не позволяло им массово вымирать от холода, голода. Такая концепция уравнительной справедливости со временем эволюционировала в распределительную справедливость. Она была востребована усложняющимся содержанием социально-экономической жизни людей. Так, зародились истоки идеологии распределительной и редистрибутивной экономики, согласно которой распределялись материальные, духовные и социальные блага [1]. При чем, согласно не столько труду человека, как принадлежности (племенной, кровнородственной). Проникнув во все сферы жизни общества, тем самым она по своим латентным последствиям инициировала рождение, появление и проникновение в них «несправедливости». Продукцию мог произвести один человек (автор), но ее мог отнять и воспользоваться ее благами другой человек, нередко применив для этого даже физическую силу (насилие) или угрозу ее применения. На основании этого появились первые конфликты между бедными и богатыми, потому что каждый из них имеет свое представление о справедливости. В этом кроются противоречивые,

противоположные и даже антагонистические их принципиальные позиции – богатые презирают бедных, а бедные ненавидят богатых. С появлением государственности право на получение благ начинает подкрепляться не только силой традиций, общественного мнения, но и силой административного, должностного давления. Процедура пользования благами стала устанавливаться законом и реализовывалась на основании законного права как выражение благодарности и общественного признания. Так, принцип уравнивания и распределения становятся не только традицией, но и правом, льготой, привилегией [3]. При этом, справедливость права, так же, как и социальность мораль не могли быть абсолютны. Их относительность проявляется в том, что объективно все не могут иметь равные права на блага. Эта парадоксальность ситуации заложила длящееся многие века неразрешимое противоречие, повлекшее за собой жесткий конфликт между справедливостью права и справедливостью традиции, общественного мнения. Моральная традиция, то есть идеальная традиция имманентно (по определению) не может быть согласна с несправедливостью закона. В связи с этим у людей формируется индивидуальное представление о справедливости как качестве, присущем человеку, когда он делает моральный выбор – быть справедливым или нет. Если на раннем этапе было социально значимо понимание справедливости как особого морального закона, ориентированного на то, чтобы помирить людей, то в последствии как социальное явление справедливость все более становилась иерархичной. Людям с разными статусно-ролевыми позициями предписывались разно порядковые права и обязанности. При этом, никто не должен претендовать на чужую роль. Каждый должен четко выполнять свои обязанности. В этих условиях полярности богатства и бедности, здоровья и болезни, счастья и несчастья справедливость все больше начала восприниматься как средняя точка между данного рода несправедливостями, то есть как уравнительная и распределительная справедливость [4]. В индустриальную эпоху – эпоху нового времени, перехода общества от закрытости к открытости социальных перемещений людей в нем развивается идея равенства как выражения справедливости. Правовое равенство – становится требованием соблюдения всех соглашений всеми без исключения. Однако рыночная справедливость отражает равенство права «моего и других», справедливое наказание за нарушения общественного порядка и преступления против общества и индивида. Так, справедливость становится делом и результатом договоренности, голосования в парламенте, достигаемого консенсуса. В идее равенства заложена неприкосновенность частной собственности – гаранта справедливости. В современных обществах справедливость является регулятором. Если национальная политика не соответствует традиционным представлениям справедливости, то это неизбежно приводит к социальной противоречивости, напряженности, конфликтам, катастрофам, революции. Особенно актуальным является данный вопрос относительно 100-летия революции в стране. В связи с этим, изучение причин возникновения социального неравенства, опыта государственного реагирования –

важнейшие направления фундаментальной и прикладной социологической науки. Реальные сдвиги социокультурных установок граждан происходят не столько в результате управленческих решений, сколько в силу изменения представлений активных групп социума о реализации принципа равноправия и соблюдения справедливости в делах [5]. Таким образом, проблема эволюция принципа справедливости и реализации справедливости в современном обществе продолжает оставаться открытой для социальных проектов.

Литература:

1. *Золотухина-Аболина Е.В. Этика: учебное пособие. – Ростов-на-Дон: «Феникс», 2013. - 524 с.*
2. *Назаренко С.В. Социальный контроль девиаций и инноваций как источников изменения общества: теоретическая интерпретация / Социальные изменения в современном обществе: коллективная монография. Ульяновск, 2016. С. 108-122.*
3. *Назаренко С.В. Социальный контроль минимизации девиаций и рисков в современном обществе / Проблемы анализа риска. 2017. Т. 14. № 3. С. 6-23.*
4. *Оболонский А. В. Мораль и право в политике и управлении// Общественные науки и современность. – 2007. С. 35-42.*
5. *Оборский А.Ю., Сиротина Т.Б. Влияние социокультурных факторов на духовный выбор личности военнослужащего в условиях трансформации военной организации / Вестник Екатерининского института. 2013. № 1. С. 59-62.*

Черкасова Татьяна Васильевна,
УГНТУ, Уфа, Россия

Понятие справедливости и несправедливости в трудах П.А.Сорокина

Справедливое возвращение П.Сорокина на родину осуществилось в 90х годах XX века с публикаций сборников[1],[2]. Перед читателями предстал образ,по меткому замечанию Т.Парсонса, парадоксального человека, который чувствовал конфликты времени и дал им достойное выражение. Ежегодные Сорокинские чтения, убеждают,что и на межвековом рубеже его печатное слово оказывает огромное влияние,и это поистине справедливо.Сам классик к понятию «справедливости-несправедливости» обращался в своих трудах, наряду с другими императивами, для описания гармоничного общественного устройства; социальных отношений; личностного поведения и эмоциональных переживаний. На станицах «Общедоступного учебника социологии» он утверждал,что мы пока не умеем устроить нашу совместную жизнь,чтобы все были сыты и довольны,чтобы взаимные отношения людей были справедливы,человек не обижал и не угнетал другого.Такие бедствия, как голод и холод,разврат и преступление, несправедливость и эксплуатация продолжают быть спутниками человеческого общества[1-14]. В статье «Проблема социального равенства» читаем,что равенство надо понимать в смысле пропорциональности социальных благ заслугам индивида. Права на социальные блага(богатство, любовь, слава, уважение) не должны быть равны у простого маляра и Рембрандта,у рядового работника науки и гения,у

чернорабочего и Эдиссона.Каждому-по заслугам, по мере выявленных сил и способностей, по мере таланта-вот краткие формулы равенства[2-253].В статье «Социальная и культурная мобильность» подчеркивается справедливость иерархической классификации по принципу уменьшения интеллекта и контролирующей силы профессии, совпадающему с уменьшением оплаты труда и с понижением социального статуса профессии [2-355]. Сорокин считал, когда мы хорошо изучим общественную жизнь людей,познаем законы, которым она следует,только тогда можно рассчитывать на успех в борьбе с общественными бедствиями[1-14].В "Листках из русского дневника" читаем, ненависть, жестокость и несправедливость не смогут сотворить ни умственного,ни нравственного,ни материального царствия на земле. [1-542].Человек - существо, дающее сознательную мотивировку большинству своих поступков,он руководствуется в своем поведении логикой, моралью, справедливостью, убеждениями[1-130]. В реальности 1917, когда солдаты,толкаемые биологическими импульсами голода,усталости, инстинкта самосохранения стали большевиками,сторонниками лозунга "долой войну!"В основе этого поведения лежали биологические раздражители.Слова,которыми мотивировали мир,приводились благородные: революция, социализм, справедливость, интересы труда. Новая идеология (верования) привилась легко… [1-131]. Наступившая эпоха быстро сменила формы верований,теперь спорят:экономика или идеология,каков абсолютный идеал добра,что такое справедливость.Во всех спорах и теориях часть идей и суждений представляет не знания, а верования,которые говорят не что есть, а что должно быть лучше, полезнее, выше, прогрессивнее, революционнее. Подобные идеи не проверенные знания,а верования их сторонников, проявления чувств,вкусов,аппетитов, склонностей, вожделений, интересов[1-148].Когда вы слышите,что капиталист или рабочий доказывают справедливость своих прав,когда читаете трактаты по нравственности или праву,доказывающие справедливость смертной казни или ее недопустимость,под высокими словами ищите биологические импульсы, аппетиты и чувства [1-150]. Верования людей-проявление их аппетитов,интересов,выражение последних в форме идей, суждений и теорий.Под этими аппетитами,помимо биологических импульсов,следует разуметь именно чувства-эмоции.Наши верования являются идеообразным переводом преобладающих в нас чувственно-эмоциональных состояний.По форме эти верования будут различны, по существу все они будут идеологией войны или борьбы. Так, люди,чувствующие отвращение к убийству,создадут различные по форме верования,запрещающие убийство,ибо оно противоречит справедливости. Когда кто-либо доказывает справедливость или нравственность того или иного верования,идеала, благодетельность реформы,святость права,во всех случаях он занимается переводом на язык верований своих чувств-эмоций. [1-159]. В статье «Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали»,развивая идею сложных чувственно-эмоциональных регуляторов поведения,он

подчеркивает,что если индивид совершает в религиозной или в нерелигиозной сфере акты преступные, запрещенные, безнравственные, грешные,несправедливые,беззаконные, не должные.Все эти акты противоречат дозволенно-должному поведению индивида[2-75]. Таким образом,в рассмотренных статьях П.Сорокин, анализируя реальность разных лет,не конкретизирует понятийные границы социального императива «справедливость-несправедливость»,он видит в этом неоднозначно сложное,идееобразное,чувственно-эмоциональное, биполярное верование.И надо полагать,что не случайно в статье «Кризис этики и права»[2-490] классик сам цитирует важное платоновское изречение из «Государства» о том,что мы всегда будем держаться высшего пути и всячески соблюдать справедливость вместе с разумностью.

Литература:

1. *Сорокин П.А.Общедоступный учебник социологии. Ст. разных лет/Ин-т социологии.-М.: Наука,1994-560с.*
2. *СорокинП.А.Человек.Цивилизация.Общество/Общ.ред.А.Ю.Соломоонова:М.:Политиздат,1992-543с.*

Шилкина Наталья Егоровна,

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Субъективная рациональность как методологическое основание исследования и концептуализации восприятия социальной справедливости

Интерпретация категории социальной справедливости – актуальная социальная и историческая проблема, традиционно привлекающая внимание социологов [1]. В современной реальности особенно важен поиск методологического основания исследования и концептуализации субъективного восприятия этой необходимой характеристики любого общества. В классическом европейском сознании справедливое действие отождествлялось с рациональным и формировало универсальную этику и оценочные требования, когда действие воспринималось справедливым, если оно было рациональным и соответствовало экономическим законам, правовым предписаниям и общественной морали. Однако культурные расхождения в восприятии рационального, потеря ясных идейно-концептуальных ориентиров привели к отказу от идеи единого «монологического» классического разума и осознанию возникновения многих типов рациональности. Современное «неклассическое» сознание вынуждено учитывать, что существующая в науке и в культуре интерпретация действия в терминологии рациональности должна проводиться с учетом его иррациональных субъективных компонентов [6].

Предметом неклассической рациональности являются рефлексируемые субъектом представления о той реальности, в которую он включается и определяющие поведение идентичность и диспозиции [4, 5]. Такое определение рациональности позволяет социологии преодолеть иллюзию совпадения принципов справедливости как, например, законности, и субъективного представления о справедливом в каждом отдельном случае, что представляет методическую ценность для эмпирических исследований. Интерпретация восприятия справедливости на основании неклассической рациональности исходит из необходимости учитывать сложное и противоречивое сочетание объективной ситуации и ее субъективной, а иногда даже иллюзорной оценки. Совершенствуемые исходные установки неклассической рациональности заключаются в соразмерности, соответствии, адекватности позиций субъекта реальностям мира, нацеленности на последовательность действия. Следовательно, в качестве обязательного условия достижения справедливости в мире следует назвать произвольность, под которой понимаются самостоятельные усилия сознания субъекта по анализу ситуации, своей причастности к ней и полученного от этого результата. Установка на превращения взаимоотношений с миров в специальный предмет деятельности, на сознательный волевой контроль над происходящими событиями является составной частью интерпретации социальной справедливости. Неклассическая рациональность привносит в эмпирическое социологическое исследование новое отношение к человеческой субъективности, рассматривая ее не в традиционном негативном аспекте как препятствие для экстраполятивных выводов, а напротив как основание формирования гипотез и обнаружения тенденций. В то же время открытая рациональность не обладает той степенью технологичности методологии, которой обладает классическая рациональность и требует совершенствования исследовательских технологий. Реальное действие, даже в условиях его оценки с формально рационалистических позиций, всегда предполагает возможность спонтанной активности, не определенной заданными объективированными нормами. В то же время в случае, например, трансцендентного опыта, основанного на интуиции, успех деятельности основан именно на способности к спонтанной активности [7]. В социологическом исследовании восприятия социальной справедливости необходимо учитывать, что всякий жизненный опыт, любая деятельность, как бы рационализированы они не были, обязательно предполагают этот нередуцированный к внешней данности феноменологический компонент, возможно также осмысленный с позиций рациональности, но процесс рационализирования в этой сфере всегда носит приблизительный, условный характер, оставляя пространство для субъективности оценок. Так, исследовательский поиск теоретико-методологических оснований концептуализации социальной справедливости определил возможность восприятия социальной справедливости как результата динамического контекстуального взаимодействия субъекта с социальной реальностью через систему социальных институтов, в процессе

которого происходит возникновение и воплощение в объекте требований общества и реализация опосредованных субъектом отношений к действительности, что реализуется в конструировании адекватных сложным жизненным ситуациям социальных паттернов и практик [2, 3].

Литература:

1. *Немировский В.Г., Григорьев С.И. В поисках смысла жизни и справедливости: студенчество России на пороге XXI века. Барнаул, Красноярск. 1995*
2. *Мальцева А.В. Особенности влияния социальной идентичности на решение «сложных жизненных ситуаций» в социальной группе студентов. // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Алтайский государственный университет. Барнаул. 2004*
3. *Мальцева А.В. Особенности влияния социальной идентичности на решение «сложных жизненных ситуаций» в социальной группе студентов. // Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Алтайский государственный университет. Барнаул. 2004*
4. *Мальцева А.В. Специфика проявлений социальной идентичности современной студенческой молодежи (на примере студентов вузов Алтайского края). // Вторые Ковалевские чтения. Материалы научно-практической конференции. СПб. 2007. С. 629-635*
5. *Мальцева А.В. Сложные ситуации в жизни современных первокурсников и способы их решения (на примере студентов высших учебных заведений Алтайского края). Сибирский социологический вестник. 2003. № 2. С. 262*
6. *Швырев В.С. Рациональность в современной культуре //Общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 105–134*
7. *James V. The need for action in sociocultural research. In: James V. (ed.) Sociocultural Studies of Mind. Cambridge Universiti Press, 1995*

Шипунова Татьяна Владимировна,

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Социальная справедливость: операционализация понятия

Социальная справедливость как идеальная ценность представляет собой абсолютизированное представление о том, каким должен быть мир и общество, чтобы обеспечивать свободу, равенство, братство всех людей в обществе или в целом на Земле. В качестве такой ценности у Аристотеля выступает «всеобщая» или «естественная» справедливость [1], а Дж. Ролз называет эти ценности «теорией строгого согласия» [3]. Вместе с тем, в работах Аристотеля, П. Сорокина [4], К. Поппера [2], Дж. Ролза и других авторов можно заметить одну и ту же тенденцию – стремление операционализировать понятие социальной справедливости, т.е. конкретизировать эту идеальную общечеловеческую и вечную ценность (для этого Аристотель использует понятия «политическая» и «законная» справедливость, у Дж. Ролза такое представление названо «теорией частичного согласия», а П. Сорокин доказывает, что социальная справедливость связана с системой оценки функциональной значимости или ценности отдельных индивидов и/или групп). У всех авторов конкретизация чаще всего происходит через описание объема понятия «социальная

справедливость», т.е. через составление перечня того, что считается справедливым в данном обществе в данное время (например, права человека, свобода, равенство перед законом, заслуги перед обществом и т.д.). Данный подход позволяет исследователям перейти от рассмотрения социальной справедливости как идеальной ценности к ее анализу в качестве операциональной или инструментальной ценности, в которой указываются не только желаемые ориентиры (обозримые цели), но и средства их достижения. Учитывая общую тенденцию, можно предложить следующее определение понятия социальной справедливости: это мера общественной пользы (социальной адекватности) законов и других нормативных предписаний (официальных и неофициальных), устанавливающих и поддерживающих на основе соглашения такой порядок жизнедеятельности людей и организаций, физических и юридических лиц, который способствует выживанию и развитию социума, а также обеспечивает интеграцию и достойное существование членов общества [подробно см.: 5]. Выражение «достойное существование» является обобщением всех тех благ, которые провозглашаются в качестве таковых в современном обществе: мера свободы, равенства, социальная защищенность, уровень образования, включенность в социальные сети, широкие возможности выбора легальных видов деятельности и т.д. В данном инструментальном определении зафиксированы обозримые ориентиры или цели, а главное – средства их достижения в виде установления социально-адекватных норм. В современном понимании социальной справедливости акцент делается на соглашении между сторонами социального взаимодействия по поводу того или иного вопроса. Это соглашение обеспечивает интеграцию членов социума, их солидаризацию и, в конечном итоге, социальный порядок. Данное соглашение каждый раз «на выходе» имеет какое-то решение и оформляется в виде нормативного предписания (официальной/формальной или неофициальной/неформальной нормы). Каждый момент уточнения этого предписания связан с разработкой нового, поэтому первоначальное соглашение, оформленное в виде генеральной нормы, обрастает целым комплексом обслуживающих нормы. Как генеральная, так и обслуживающие нормы могут быть социально-адекватными или социально-неадекватными. На социальную адекватность указывает не только объективное положение дел в обществе (эффективное продвижение в решении социальных проблем, понижение уровня преступности, благополучие социальных подсистем и их оптимальное функционирование, рост благосостояния населения и т.д.), но и положительное отношение к этим нормам в общественном мнении. Признаками морального соглашения (неофициальные нормы) могут быть: выраженный интервал норм («поле возможностей»), позволяющий поддерживать определенный уровень толерантности членов социума к разного рода проявлениям «инаковости»; сложившееся в общественном мнении позитивное отношение к способам и методам решения проблем, деятельности, самому соглашению и механизмам его реализации; низкий уровень нормонарушаемости. Вольное или невольное нарушение принципа

социальной справедливости (особенно через социально-неадекватные официальные нормы) и создает феномен социальной несправедливости, пронизывающий затем всю систему общественных отношений. Последствия социальной несправедливости на социетальном уровне могут проявляться в виде системного насилия, социальной незащищенности, дискриминации и социального исключения индивидов и социальных групп, социальных конфликтов, неравных возможностей и т.д. Несправедливость на макроуровне с естественной необходимостью трансформируется на микроуровень общественной организации – на уровень конкретных взаимодействий между отдельными людьми и обнаруживается в ментальной и поведенческой направленности их взаимных реакций и поступков.

Литература:

1. *Аристотель. Никомахова этика. Соч. в 4-х т. Т. 4. – М.: Издательство «Мысль», 1984.*
2. *Поппер К. Открытое общество и его враги. – М.: Международный фонд «Культурная инициатива», 2009.*
3. *Ролз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во новосибирского ун-та, 1995.*
4. *Сорокин П. Проблема социального равенства и социализм // Социология власти. 2004. № 4. С. 147-168.*
5. *Шипунова Т.В. Социальная справедливость: понятие, виды // Проблемы теоретической социологии. Вып.5: Межвуз. сб. – СПб.: Астерион, 2005. С. 227-247*

Юртикова Надежда Владимировна,

МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Бедность и богатство в истории социально-философской мысли

Проблемы богатства и бедности являются одними из главных проблем современности. Актуальность данной проблематики заключается в том, что бедность и богатство выступают социальными характеристиками развития общества. Их характеристика предполагает анализ соотношения между бедностью и богатством, между социальным равенством и неравенством. Наличие полюса богатства предполагает и существование другого полюса – бедности. Проблемы богатства и бедности антагонистичны друг другу, но их необходимо рассматривать в постоянном сравнении, так как они имеют одни и те же предпосылки. Основой объединения людей в дифференцированные группы служит неоднородность общества, на которое оказывает влияние различные факторы: характеристики, присущие от рождения, вид профессионально-трудовой деятельности, показатели обладания собственностью, властью, материальными привилегиями. Во всей истории человечества социальные противоречия возникали между необходимостью удовлетворения насущных материальных и духовных потребностей. Во все времена мыслители задумывались над природой отношений между людьми, над тяжелой участью большинства людей над проблемой угнетенных и угнеталей, над справедливостью или несправедливостью неравенства [1; 185].

Впервые о неравенстве заговорили еще в эпоху Античности. Так, Платон считал, что богатство и бедность порождают друг друга. Бедность приводит к революционным волнениям, зависти, злости, а богатство, в свою очередь, к злу, несет в себе негативные моральные и экономические последствия. Аристотель выступал против неравенства общества: как против бедняков, которые не имеют собственного имущества, так и против богачей, которые имеют власть. Проблема неравенства рассматривалась и представителем эпохи Нового времени Г. Спенсером. Мыслитель считал, что бедность и богатство являются необходимыми общественными условиями, которые обусловлены борьбой за существование. Большое внимание данному вопросу уделял К. Маркс и его сторонники. Согласно его представлениям, классовый конфликт возникает на основе антагонистических противоречий, укорененных в экономико-политической системе[1; 190]. Классовая принадлежность определяется не представлениями людей о своей социальной позиции, а объективными условиями. Антагонизм и конфликты исчезнут только в коммунистическом обществе [2; 40]. Г. Тард отождествлял богатство с бедностью, поскольку «верование и желание составляют два необходимых составных элемента полезности блага (богатства), а порождение и рост богатства обусловлены гением изобретательности человека» [3; 24]. Богатство и бедность характеризуются тем, что у одних людей снижается уровень экономического благосостояния, а у других возрастает. По этому поводу А. Смит говорил: «Каждый человек богат или беден в зависимости от того, в какой степени он может пользоваться предметами необходимости, удобства и удовольствия» [3; 28]. М. Вебер анализировал проблемы социального неравенства на основе социальной структуры общества. По его мнению, социальная структура общества базируется на собственности, престиже и власти. В рассмотрение места и роли богатых и бедных в структуре общества огромный вклад внес и П. Сорокин. Ученый вводит стратификацию, состоящую из 3 направлений: экономическое, профессиональное и политическое. Известен своей концепций социального неравенства П. Бурдье. Он указывает, что социальное неравенство проявляется в распределении агентов в едином социальном пространстве: по размерам общего капитала, который они имеют, по структуре этого капитала (экономический культурный). Немецкий мыслитель Р. Дарендорф отмечал, противоречие между богатым и бедными заключается в стремлении к равенству, в возникновении одинаковых надежд, в желании удовлетворять свои потребности. Таким образом, проблемы бедности и богатства находились в поле зрения, начиная с античности, но остаются актуальными и в современном мире. В настоящее время поляризация между богатыми и бедными только обостряется. Качество жизни, различные возможности гораздо выше у богатых, чем у бедных. Для сохранения стабильности общества должны существовать механизмы, которые своевременно позволят выявить, согласовать, разрешить или же смягчить социальные противоречия. Разработка законодательной базы, регулирующей социальную сферу, является одним из важнейших условий

преодоления негативных последствий низкого уровня жизни, социально-экономических диспропорций.

Литература:

1. *Алексеенок А.А., Ухорский М.В. Исследование социального неравенства структуры общества в трудах зарубежных ученых // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 1. С. 185-200.*
2. *Калмыкова О.А. Социальные противоречия между богатыми и бедными // Гуманитарный вектор. 2011. № 2 (26). С. 38-41.*
3. *Лавров И.В. Богатство как экономическая парадигма // Известия Уральского государственного экономического университета. 2005. № 11. С.24-30.*

Яковенко Андрей Вячеславович,
Луганский национальный университет имени Владимира Даля,
Луганск, Украина

Социальная справедливость и три альтернативных варианта общественного развития по П. Сорокину

Нашему поколению и следующему за нами придется жить среди развалин старого общественно-культурного порядка. П. Сорокин Проблема социальной справедливости с очевидностью ключевая для современного социума. Но она же и отчетливая проверка именно глобального сообщества на способность к честной саморефлексии. Мы постоянно ритуально произносим, что находимся в очередной очень напряженной фазе выбора вектора развития человечества. При этом оказываясь не способными выйти за рамки ремарочно сформулированных П. Сорокиным более 70-ти лет назад трех содержательных вариантов цивилизационных перспектив: а) человечество, живущее творческой жизнью; б) человечество, погруженное «в дремоту задумчиво жующего… стада»; в) мучительная агония распада [1, с. 10]. Первая альтернатива выглядит пока более чем фантастической. Хотя очевидно, что созданы значительные предпосылки для реализации такой перспективы. На сегодняшний день нищета и бедность, как не кощунственно прозвучит, – являются контролируемыми на приемлемом для выживания уровне. Во многих государствах социальная справедливость уже не столько вопрос борьбы за уровень доходов, сколько сражение за самоудовлетворенность и содержание жизнедеятельности. Однако, личность, не вороватая, не находящаяся в постоянном поиске самооправданий своему стяжательству, лености и зависти, а созидающая и осознающая социальную ответственность, – это лишь постоянно провозглашаемый и слабо реализуемый идеал базиса для созидания общества социальной справедливости. Вторая альтернатива представляется куда более отчетливой. Мало того, именно в ее границы пытаются вклинить и применить самые передовые разработки, возникающие на стыке генетики, нейропрограммирования и прочих способов оказания непосредственного

влияния на людской организм. Т.е., формируя условия для реализации известного принципа: «от каждого по способности, каждому по потребности», некогда считавшегося переходом общества на стадию творческого саморазвития, оказалось, что контролю, дозированному допуску и плановому социоинженерному воспроизводству подлежат, как способности, так и целый сном поощряемых, культивируемых индивидуальных и групповых потребностей. В этом собственно нет ничего нового за исключением применения более совершенных методов воздействия. Когда при организации относительно целостной системы желаний и способов их удовлетворения используется прямое «внутреннее» воздействие на сознание человеческих особей. И способности, и потребности при этом оказываются ограниченными задачами поддержания той самой «дремоты задумчиво жующего стада». В этом смысле проблема социальной справедливости давно вышла за рамки идеологических доктрин или социально-политических практик. Нет больше преувеличений в оценках специалистов по управлению массовым поведением, признающихся в инструментальной способности организации социальной жизни посредством того же нейрорегулирования. В том числе и в результате широкого внедрения разработок, призванных осуществить переход интернета в режим нейронета. Тем более, что источники включения индивидов в систему тотального сопровождения по нужным поведенческим и эмоциональным «туннелям» стали для нас предметами первой необходимости (многочисленные гаджеты). От перехода к полностью упорядоченному по программируемым требованиям обществу нас удерживает лишь ожесточенная конкуренция влиятельных групп, стремящихся к монополизации «универсального оружия». Поэтому правы те, кто указывает на необходимость выхода вопросов социальной справедливости на уровень контроля над соответствующими акторами, определяющими формирование техносферы, способной упорядочивать, консервировать и воспроизводить сегментирование социальных сред или, напротив, в нужный момент их разрушать и переформатировать. Однако и в данных инициативах сохраняется элемент некой идеалистичности. Куда отчетливее видится вероятность третьего варианта «мучительной агонии распада». Интересно, хотя и небезопасно по возможным катастрофическим последствиям, наблюдать борьбу за «социальную справедливость» среди разных оргструктур, претендующих на управление мировыми производственными, финансовыми, информационными и технологическими ресурсами. Социальная справедливость в очередной раз становится удобной фабулой и идейным инструментарием перераспределения активов между крупнейшими корпорациями, государствами и союзами государств. Итоги данных баталий выкристаллизуют принципы, формы и правила нового миропорядка, включая и вариант полного или планово-частичного разрушения социума, для привычной мобилизационной аккумуляции сил и средств. И здесь проявление весьма условной социальной справедливости можно рассмотреть лишь в том, что уязвимость центров благополучия и достатка с учетом возможных военных операций, случайных масштабных

экокатастроф, террористических актов, кибератак на порядок выше, нежели в периферийных районах, удаленных от благ цивилизации. В любом случае реализация данного сценария окончательно похоронит перспективу творческого развития человечества на принципах знаменитого, но так и не нашедшего поддержку «созидательного альтруизма» П.Сорокина. Костные общественные отношения до сих пор ломают и урезонивают наиболее мудрых, бескорыстных, неравнодушных, нацеленных на социальную справедливость личностей, не взращивая и не поощряя тех, кто понимает и принимает ответственность не только за локальные части всепланетного социума, но и за весь мир.

Литература:

1. *Сорокин П. А. Условия и перспективы мира без войны // Социологические исследования. 1999. № 5. С. 3-11.*

СЕКЦИЯ 2. СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ПРИОРИТЕТ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Авдеева Людмила Юрьевна,
Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Справедливость как социальная проблема

Проблема справедливости – одна из вечных проблем общественной теории и практики. О ее непреходящей значимости свидетельствует тот факт, что ее исследованием занимались многие мыслители. Начиная с античной философии и до наших дней представители разных идеологических направлений и философских традиций обращались к рассмотрению различных аспектов этого феномена, его роли и проявлений в жизненной действительности. И это, конечно, не случайно, поскольку проблема справедливости затрагивает коренные интересы всех социальных групп общества, касается судьбы каждого человека [3]. Она носит не только научный, но и социально-политический характер, содержит морально-оценочные критерии. Выражая праведные чувства и свободолюбивые устремления людей, справедливость выступает важнейшим стимулятором общественного прогресса и предпосылкой развития личности, демократизации общества и межчеловеческих отношений. Идея справедливости неизменно содержалась в лозунгах всех протестных социальных и революционных движений, в борьбе народов против национального угнетения и чужеземного господства. Выдающиеся мыслители от Сократа, Платона и Аристотеля до Канта, Гегеля и Маркса в своих учениях большое внимание уделяли извечной проблеме справедливости, предлагали человечеству пути ее решения. Многие ученые-современники также пытаются осмыслить сущность категории справедливости. Возникает вопрос: почему в различных экономических, политических, правовых, этических теориях и жизненных практиках проблема справедливости до сих пор занимает одно из центральных мест? Почему ради воплощения идей справедливости люди идут на смерть, совершают подвиги, участвуют в революциях, митингах и демонстрациях? Дело в том, что проблема справедливости касается всех и каждого [1]. Люди во все времена истории жаждали справедливости. Когда в той или иной стране наступали тяжелые для жизни периоды, ее население вспоминало о «золотом веке», когда, якобы, в обществе царили мир и справедливость. Практически во всех национальных культурах существуют мифы о таких духовно и нравственно благодатных временах. Из века в век люди посредством истории передают сказания и легенды о добрых правителях и их справедливых делах. Не менее чем его далекие предки к достижению справедливости стремится современный человек [2].

Литература:

1. *Полюшкевич О.А. Социальная солидарность в условиях политического консенсуса / О. А. Полюшкевич // Культура политического консенсуса и толерантность в деятельности управленческих и общественных структур в условиях современных угроз и вызовов. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции. Иркутск, Изд-во ИГУ, 2017. – С. 189-195.*
2. *Полюшкевич О.А. Социокультурные условия солидарности / О. А. Полюшкевич // Актуальные проблемы российского общества в контексте новых вызовов современности. Материалы научно-практической интернет-конференции. – Вологда, ИСЭРТ РАН, 2017. - С. 120-124.*
3. *Скуденков В.А. Лидерство и социальное развитие // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 2. С. 180-184.*

Аслониди Андрей Андреевич,
Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

Толкование справедливости как инструмент социального управления

Справедливость. Каждому из нас приходилось слышать это слово из детства, кто-то слышал это слово от своих родителей, учителей в школе, преподавателей в университете, а также из средств массовой информации. Всем хорошо знаком общий смысл этого слова, но не каждый имеет представление о критериях справедливости. Данный вопрос особенно актуален в эпоху современного общества и приобретает еще большую актуальность в связи с ускоренным изменением логики социального поведения. Поскольку общество - система динамичная, то представления о справедливости менялись и во времени. Значит, общечеловеческих критериев справедливости нет, они исторически и социально обусловлены. Проблема справедливости в нынешнем понимании возникает с появлением государства, когда власть осуществляет распределение выгод и тягот в обществе посредством права. Это распределение создавало противоречия и вызывало конфликты, поэтому категория справедливости стала одной из важнейших в политической философии. Говоря о справедливости как об идеологеме концепции управления, необходимо выявить те цели, которые преследует концепция управления. Также необходимо понимать, что существуют цели, которые оглашаются, но в должной мере не реализуются (цели по оглашению), а есть цели, которые не оглашаются (цели по умолчанию), но, исходя из концепции управления, должны быть реализованы. Здесь-то и необходимо понимать такой термин как концептуальная власть в обществе. Цели издания нормы могут следовать определенной концепции управления, сложившейся в обществе, но эта концепция не оглашается. Толкование справедливости является одним из инструментов концепции управления обществом. На современном этапе развития общества существуют различные модели справедливости. Каждая из этих моделей свойственна тому обществу, в котором она была сформирована. Зачастую, в эпоху глобализации и информатизации общества происходит диалог культур. Нам говорят, что диалог культур, или даже правильнее будет сказать «смешение» культур,

происходит объективно, но западное общество навязывает свою субъективную схему. Цель по оглашению - открыть перед прогрессом, включить в "наш общий дом". Цель по умолчанию - разрушение защитной системы и переформатирование некоего социума. Взять под свой контроль – цель западной цивилизации. Зачастую, цели справедливости, которые нам оглашаются на современном этапе развития общества, являются западными и не всегда соответствуют тому типу общества, к которому относится Россия и русская цивилизация. В настоящее время происходит серьезная трансформация западной модели развития общества как суперсистемы, которая сложилась в Новое время. Толкование справедливости, в контексте западных политико-правовых доктрин, базируется на таких ценностях как материальное благосостояние, культ потребления, гедонизм, вседозволенность. Либерализм в этом контексте является своего рода идеей, которая показывает, как необходимо реализовывать эти ценности. Все эти базовые ценности западной цивилизации ведут к нравственной деградации общества. Толкование справедливости в российском традиционном обществе должно соответствовать духу русской цивилизации. Русская цивилизация – это одна из макрорегиональных цивилизаций планеты Земля, несущая в себе собственный смысл своего существования глобальной значимости; т.е. она — издревле цивилизованная, но иным — по сравнению с Западом — образом, и её жизнь ориентирована на осуществление иных глобальных целей. Идея, составляющая смысл Жизни Русской цивилизации – это идея справедливости в жизни общества, когда все живут по совести, т.е. все свободны, и никто не может стать поработителем и угнетателем других, какие бы должности он ни занимал и какими бы делами не занимался. Социальная справедливость является основополагающим принципом существования современного человечества. Поэтому цели общественного управления и самоуправления должны быть грамотно изложены государством и обществом в форме идеологии. Идеология как общедоступное выражение смысла жизни общества и деятельности государства необходима всякому государству для консолидации общества, в русле проводимой им политики и для воспроизводства государственности в преемственности поколений. Идеи должны быть оглашены и популяризированы, а затем и законодательно закреплены, если общество будет готово конечно, и цели эти должны быть основаны на модели справедливости в интерпретации, иначе говоря, в культурной парадигме Русской цивилизации.

Литература:

1. *Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России: статьи 1948–1954 гг.: В 2 т. — М.: Рарог, 1992. — Т. 1.*
2. *Перельман Х. Справедливость. Российский ежегодник теории права №4. 2011 г., с. 627 / Под ред. д-ра юрид. наук А.В. Полякова. - СПб.: ООО "Университетский издательский консорциум", 2012. - 736 с.*
3. *Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / пер. с англ., вст. статья и комментарии В.В. Сапова. — М: Астрель, 2006. — 1176 с.: ил., 24 с.*
4. *Кара-Мурза С.Г. Русская матрица. Будет ли перезагрузка? / Изд. Алгоритм, 2011 г.*

Афанасьева Анна Сергеевна,
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
Окрушко Екатерина Юрьевна
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Социальная справедливость в сфере социологии управления

Термин справедливость определяется как понятие о должном, содержащее в себе требование соответствия деяния и воздаяния: в частности, соответствия прав и обязанностей, труда и вознаграждения, заслуг и их признания, преступления и наказания, соответствия роли различных социальных слоёв, групп и индивидов в жизни общества и их социального положения в нём [2]. Проанализировав историю развития идей о вопросах справедливости в обществе, можно сказать, что справедливость включает в себя понятия равенства, прав, свобод, власти, труда, достатка, благ и многое другое. Генеральная Ассамблея ООН в принятой Резолюции о Всемирном дне социальной справедливости «признает необходимость дальнейшего наращивания усилий международного сообщества в области искоренения нищеты, обеспечения полной занятости, достойной работы, равноправия мужчин и женщин, социального благосостояния и социальной справедливости для всех». [4] Это высказывание в полной мере подчеркивает междисциплинарный характер этой проблемы. Среди научных дисциплин, занимающихся изучением всевозможных социальных феноменов, в частности вопросами социальной справедливости, достаточно интересной, на наш взгляд, является теория социального управления. В широком смысле теория социального управления, как отрасль социологического знания, занимается изучением закономерностей, принципов и методов взаимодействия социальных систем и их элементов и может опираться в своих исследованиях на более частные дисциплины, такие как социология управления, теория организаций, менеджмент, государственное и муниципальное управление, а также экономика, психология, юриспруденция. Так, например, проблема социальной справедливости ярко проявляется в трудовом коллективе, на производстве. Среди наиболее значимых фигур в исследовании вопросов справедливости в организации является американский ученый Ф.У. Тейлор. Опираясь на его теорию, можно утверждать, что для эффективной организации работы предприятия необходимо создать такую систему управления, при которой бы обеспечивался максимальный рост производительности труда при наименьших затратах и при обеспечении бесконфликтного отношения между управленцами и рабочими [3]. Рабочие почти во всех отдельных отраслях промышленности до сих пор твердо верят, что возможное повышение

дневной выработки каждого из них противоречит их насущнейшим интересам. Такая точка зрения существует уже несколько поколений. Под влиянием этих ошибочных воззрений, большинство рабочих (в Америке и Англии) сознательно работает медленно с тем, чтобы сократить свою ежедневную выработку. Почти все профессиональные рабочие союзы создали или стремятся создать правила, имеющие целью сокращение выработки для своих членов. Есть еще несколько причин, которые выявил ученый в ходе своего исследования. Во-первых, нежелание работать зависит от естественного инстинкта и склонности людей к праздности, что может быть названо естественным стремлением прохлаждаться; во-вторых, от более сложных задних мыслей и рассуждений, обусловленных общественными отношениями рабочих, что может быть названо систематической «работой с прохладцей» [3]. В силу того факта, что рабочие в любой из отраслей промышленности обучаются деталям своей работы исключительно путем наблюдения за работой своих ближайших соседей, в общем употреблении существует очень много различных способов для производства одной и той же работы, поэтому ответственность за производство возлагается на каждого рабочего в отдельности. При этом необходимо отметить, что главными мотиваторами выступают деньги, которые работник получает за свою работу и понимание работником того, как результаты его труда связаны с получаемой зарплатой. Таким образом, можно утверждать, что внутрипроизводственные отношения, нормы вознаграждения за труд и в первую очередь, субординация, т.е. нормы поведения и общения рядовых работников и управленческого персонала, оказывает непосредственное влияние на темпы роста производительности труда. Также важной фигурой в вопросах социальной справедливости в рамках социологии управления является А.Файоль и его теория администрирования. Подход, который применил Файоль в системе управления позволяет приравнивать администрирование к привычным видам операций в организации, таких как технические, коммерческие, финансовые или страховые. Сам процесс управления строится на 14 принципах, одним из которых наряду с разделением труда, властью, дисциплиной и единоначалием является и справедливость, что можно понимать как уважительное отношение администрации к подчиненным [5]. Необходимо отметить, что со временем понятие справедливости приобрело новый смысл, и поскольку стало зависеть от множества факторов, идея социальной справедливости становится своеобразным двигателем социального прогресса. Именно через призму социальной справедливости субъекты исторического действия оценивают реальные условия своего существования, сложившуюся в данном конкретном обществе систему межличностных отношений, собственный социальный статус, место в системе общественного разделения труда и распределении общественного богатства. Социальная справедливость способна мобилизовать самые различные силы и подвигнуть их на изменение сложившейся системы общественных отношений, на поиск иных моделей экономического и социально-политического устройства общества [1].

Литература:

1. *Григорьева Н.С. «Социальная справедливость: эволюция понятия и практики» // Научная дискуссия, вып.№6, 2008. С 112-122*
2. *Данильян О.Г. Современный словарь по общественным наукам.*
3. *Тейлор Ф.У. «Принципы научного менеджмента». М., 1991*
4. *Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 26 ноября 2007 года. Электронный ресурс. URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N07/464/39/PDF/N0746439.pdf?OpenElement*
5. *Файоль А. Общее и промышленное управление. М., 2001.*

Ахмедов Николай Тимурович,
МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Маркс остановился в Брюсселе

1945 год. Италия. В свет выходит автобиографический роман знаменитого писателя-антифашиста Карло Леви «Христос остановился в Эболи», одновременно повествующий об ужасах, принесенных на Юг Италии идеологией Бенито Муссолини, и мужестве местных жителей – крестьян, находящихся далеко за чертой бедности, но при этом сумевших сохранить человечность и любовь к жизни. Подобно тому, как Спаситель рода человеческого в форме своего учения в период фашистского плена находит приют в итальянском Эболи, так и учение Карла Маркса, отца научного коммунизма, останавливается в столице Европейского союза Брюсселе, тем самым определяя социально-политический курс стран-членов объединения на многие годы вперед. Речь пойдет о социальной политике европейских государств, во многом вдохновленной и построенной на основе ни чего иного как марксизма, представляющего собой, по сути, самую справедливую идеологию из когда-либо существовавших. В доказательство данной точки зрения приведем тот факт, что ряд элементов коммунизма уже стали неотъемлемой частью европейской повседневности – бесплатный и равный доступ к досугу, в особенности для детей, возможность всестороннего и открытого доступа к информации любого характера посредством пользования библиотеками, Интернет-ресурсами и другими самыми разнообразными источниками, обязательное оказание базовых медицинских и образовательных услуг, а также общедоступная возможность благотворительной работы волонтерами, и безвозмездного пользования помощью таковых при необходимости. Сегодня мы имеем полное право судить о смерти европейского капитализма как явлении уже произошедшем, обозначившего построение социального партнерства между трудящимися и работодателями, предполагавшее и проведение социально ориентированной политики в области экономики, заключавшейся в национализации стратегически важных предприятий и отраслей производства, введении прогрессивной шкалы налогообложения, всеобщего бесплатного образования и здравоохранения, государственных пособия по безработице и

инвалидности, ограничении рабочей недели 35-40 часами… Именно эти меры помогли таким крупнейшим государствам Европы, как Франции, Германии, Италии и Испании достичь небывалых высот в социальной политике и реализации на деле концепции государства всеобщего благоденствия.

Подлинным стержнем социальной структуры европейского общества является культурный марксизм – термин, введенный в обиход представителями Франкфуртской критической школы на основе многочисленных исследований итальянского коммунистического лидера Антонио Грамши. Опираясь на опыт СССР, Грамши разрабатывает собственную теорию «революционного перехода», согласно которой коммунистическая революция возможна исключительно посредством установления культурно-идеологического монизма[1]. Таким образом, чтобы достигнуть рая, необходимо создать религию, максимально подробно описывающую способ его достижения. Так и Грамши старался и разработал теоретико-идеологическую базу для конструирования моста в светлое коммунистическое будущее. Как и социально-экономическая составляющая марксизма, социально-культурная строится на освобождении каждого человека от угнетения любого характера. Факт того, что всех людей природа наделила разными возможностями, равенство условий и равенство результатов должно достигаться при помощи государства, в том числе и идеологическим путем. В этом контексте мировая история предстает перед нами доминированием какой-либо из культурных, расовых, гендерных или других общностей над меньшинством, угнетенным по признаку собственной идентичности[2]. Отсюда проистекает и необходимость некой социально-культурной экспроприации в пользу ранее угнетенных социально-культурных групп, то есть бывшие угнетали должны разделить условную трапезу, состоящую из равных прав, условий и результатов со своими жертвами; не встать в один ряд с ними, но поставить их в свои ряды. В завершении стоит отметить, что именно левым силам человечество обязано таким значимым социальным завоеваниям, как всеобщему избирательному праву, равноправию национальных меньшинств, гендерному равенству, пенсионной системе и прочим социальным гарантиям. Оправдывая и примыкая к правым идеологиям, мы встаем на сторону сохранения и удержания привилегий любого уровня, включая наследственные, имущественные, коррупционные, расовые, национальные и гендерные, тем самым заведомо отказываемся от любого рода общественных благ, признавая приоритет капитала над общечеловеческой свободой. В то время как, симпатизируя и содействуя левым силам, мы выражаем свою приверженность равенству и эгалитарности, делая вклад в разработку и распространение новых форм права, направленных на победу над глобальным, так или иначе, угнетением человека.

Таким образом, сегодня можно судить о решительной победе постмодерна в Европейском союзе, за границы которого он непременно выйдет в ближайшем будущем и распространится по всему миру. Каким же

будет это будущее? Ни Маркс, живший в позапрошлом веке, ни мы, живущие в веке настоящем, пока не можем дать ответа на этот вопрос, однако, ориентируясь на историческую практику, вполне в наших силах обозначить некоторые идеи, подкрепленные рядом социально-политических мер, из которых будет строиться грядущая эпоха.

Литература:

1. *Грамши А. Избранные произведения. Т.3 Тюремные тетради. - Издательство иностранной литературы, 1959. - С. 462.*
2. *Маркузе Г. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества - М: ООО "Издательство АСТ", 2002. – С. 12.*

Баранов Виктор Алексеевич,

Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма (ГЦОЛИФК), Москва, Россия

Справедливость и несправедливость в спорте

Если обратить свой взгляд к спорту как деятельности, то никаких сомнений по вопросу справедливости-несправедливости на первый взгляд не существует. Тот, кто первый пересек финишную черту, или та команда, которая выиграла матч, становятся победителями. Кроме того существуют правила соревнований, регулирующие отношения в спортивных состязаниях. Да это совершенно верно. Однако сам спорт не ограничивается только состязательностью, эта деятельность в социальном понимании намного шире, чем просто соперничество между спортсменами. В спорте существуют различные международные спортивные организации, которые рассматривают вопросы приглашения спортсменов на соревнования, формируют план спортивных мероприятий, регулируют отношения между спортсменами и т. п. В этих организациях ценность и сама идея справедливости должны занимать существенное место и играть основополагающую роль в меняющемся мире. Однако те события, которые происходят сегодня, заставляют усомниться в идее справедливости в спорте высших достижений. В социальных отношениях, особенно тех, которые существуют в спорте высших достижений, иногда затруднительно провести четкую грань между справедливостью и несправедливостью. Обусловлено это, прежде всего, возрастающей трудностью достижения успеха, завоевания пальмы первенства в сегодняшних условиях. Победа на соревнованиях порой достигается высочайшим напряжением физических, психических возможностей, а результаты соревнований зачастую отличаются друг от друга сотыми долями секунды. Надо заметить, что современный спорт вступил в эпоху кризиса. Особенно явно это проявляется в международном олимпийском движении. С одной стороны, казалось бы, идет непримиримая борьба за чистоту спорта, которая состоит в активизации работы по

противодействию употреблению допинга спортсменами. И борьба эта ведется как с позиции самого Международного олимпийского комитета (МОК), так и Всемирного антидопингового агентства (WADA). Но с другой стороны, все больше и больше эта деятельность напоминает сведение счетов с неугодными, принуждение некоторых стран действовать под диктовку тех организаций, которые стремятся диктовать свои условия в спорте высших достижений, играть по тем правилам, которые сами же и устанавливают. Примером такого положения дел служат непрекращающиеся нападки уже в течение нескольких лет на олимпийские и паралимпийские сборные России. И здесь вопрос о справедливости просто отбрасывается в сторону. Поводом для этого послужили Олимпийские игры 2014 г., которые состоялись в г. Сочи, где якобы была осуществлена беспрецедентная подмена допинг-проб со стороны российских чиновников. Однако, несмотря на то, что в качестве доказательств служат сомнительные доклады независимого эксперта Р. Макларена, а также царапины на пробирках, существенных фактов подмены допинг-проб, а также самого употребления допинга нашими спортсменами не выявлено. Вот именно здесь и возникают некоторые вопросы. Где справедливость? Почему многих наших спортсменов отстраняют от участия в соревнованиях высокого ранга по сомнительным фактам? Почему некоторые наши спортсмены были исключены из списка возможных участников олимпийских игр вообще без каких-либо причин? Ввиду ограниченности статьи, нет смысла указывать имена этих спортсменов. Однако надо отметить, что многие из отстраненных спортсменов явно могли претендовать на медали предстоящей олимпиады. А их отлучение от соревнований дает преимущество в плане завоевания медалей другими спортсменами, представителями других стран. Налицо присутствует недобросовестная конкуренция, нарушение справедливости в распределении возможных медалей. Некоторые официальные представители МОК по поводу отстранения наших олимпийцев, не замеченных в употреблении запрещенных препаратов, высказываются достаточно витиевато, якобы если данные спортсмены не были уличены в употреблении допинга, то существуют и другие причины, по которым можно им отказать. И это справедливо? Один из самых именитых на сегодняшний день мировых биатлонистов француз М. Фуркад по ситуации с отстранением от участия в играх нашего спортсмена А. Шипулина высказал свою точку зрения, в которой он обосновал такое решение применением двойных стандартов. Все больше и больше недоумение действиями МОК вызывает у некоторых западных тренеров, спортсменов, представителей СМИ. Некоторые утверждают то, что происходит с российской командой можно рассматривать как планомерное устранение потенциальных конкурентов в предстоящих спортивных соревнованиях. В чем причины такой несправедливости в отношении российских спортсменов, вообще существует ли она, или это действие одной цепи фактов или тех просчетов, которые были допущены во время выступления атлетов на играх в Сочи. Можно конечно высказаться, что это справедливое возмездие российским спортсменам, а в целом и стране

за те манипуляции, которые происходили на сочинской олимпиаде. Но опять же с другой стороны, это возмездие почему-то вершится, во-первых, спустя четыре года после ее завершения, во-вторых, при отсутствии убедительных доказательств нарушения допинговых правил, а в-третьих, туманной и невнятной политикой МОК по обоснованию критериев допуска российских спортсменов к олимпийским играм. Такие критерии были опубликованы на официальном сайте МОК только 25.01.18 г., и при этом они могут быть расширены. И где здесь справедливость?

Барков Сергей Александрович,
МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Справедливый менеджмент: социальный императив или оксюморон?

Справедливость является неразрешимой проблемой управления организациями. В философском плане любое управление есть покушение на свободу личности и поэтому, по определению, несправедливо. Если же перейти в практическую плоскость, то можно констатировать, что справедливость является неким идеалом состояния социальной системы, при котором человек ощущает себя относительно комфортно, сравнивая свою жизненную ситуацию с жизненными ситуациями других людей. При этом он также сравнивает эту ситуацию с желаемыми представлениями о своей жизни и работе. Вечный парадокс справедливости заключается в том, что она по своей логике должна иметь место по отношению ко всем членам организации как социальной системы, тогда как нельзя предположить, что самоощущение всех этих людей обязательно будет позитивным. Найдутся работники, которые скажут, что они оценивают свое сегодняшнее положение (по статусу, зарплате, сложности труда и т.д.) как справедливое, и тут же найдутся другие, которые придерживаются ровно противоположного мнения. И это будет происходить в одной организации. Вполне возможна ситуация, при которой все будут ощущать несправедливость по отношению к себе, но только умозрительно можно представить себе ситуацию ощущения справедливости всеми людьми, составляющими некую социальную систему – будь то семья, фирма, страна и т.п. Тем самым справедливость становится недостижимым идеалом для всей социальной системы притом, что она может проявлять себе на практике в определенные временные отрезки и по отношению к определенным людям. Используя физическую аналогию, можно сказать, что справедливость не непрерывна, а дискретна. Ее появление в организации и менеджменте представляет собой случайное сочетание усилий руководства по построению социальных отношений и восприятия отдельных людей. Справедливость в менеджменте может быть рассмотрена в двух ипостасях: абсолютной и релятивной. Абсолютная справедливость заключается в ощущении справедливости самого

присоединения человека к организации. В этом случае справедливость проявляется в ответе на вопрос: насколько справедливо, что я попал в систему управленческих отношений, что мною командуют? Достижение справедливости в такой интерпретации в большей мере характерно для людей творческих профессий. В значительном количестве случаев они поступают в организацию, чтобы реализовать себя, и это по большому счету справедливо. Врач идет работать в больницу, актер – в театр, преподаватель – в университета, ученый – в лабораторию. В этих ситуациях вполне понятен и выбор между попадаем в статус управляемого и фрилансерством. Результат этого выбора представляется справедливым. В большинстве других случаев справедливость и «ненасильственность» такого выбора весьма проблематична. У фриласнсеров справедливость менеджмента замещается такой специфической категорией, как справедливость рынка. В эту справедливость можно только верить или не верить. И даже если в общем и целом вольный работник верит в то, что рынок устроен справедливо, он чаще всего будет считать свое неудачи и тем более банкротство несправедливостью, пусть даже и случайной. Релятивная справедливость связана с распределением ресурсов внутри организации сообразно с конвенционально одобряемым критерием. Если таких критериев много и они применяются одновременно, справедливость достичь практически невозможно. И это как раз характерно для реального менеджмента, в рамках которого необходимо оценивать разные стороны деятельности людей. Свести эту оценку к использованию лишь одного критерия оказывается недопустимым упрощением, угрожающим эффективности организации, в особенности, в долгосрочном плане. При этом этот единственный базовый критерий может быть различным. В японских организациях – это стаж работы, в европейских – заслуги работника перед фирмой. Важно, чтобы этот критерий одобрялся большинством членов организации. Те, кто не одобряет этот критерий, сразу буду ощущать себя в состоянии несправедливости. Так как справедливость – очень притягательный лозунг, менеджеры долгое время пытались найти некие способы ее реализации. Но они могли это делать прежде всего административными методами, меняющими структуру социальных отношений, но не затрагивающих самовосприятие работников. Результат таких усилий оказался негативным: практика отвергал наиболее очевидные методы внедрения принципа справедливости в управление – выборность руководства, приоритет коллегиальных решений, реализацию принципа «один человек – один голос», уравнительную систему оплаты труда и др. Кооперативы как форма организации бизнеса могут быть ярчайшим тому подтверждением. Однако на пути реализации принципа справедливости в менеджменте были открыты некоторые закономерности. Они заключаются в том, что ощущения справедливости управления у подчиненных легче добыть в условиях, когда (1) их мало; (2) они не сильно отличатся друг от друга; (3) они исповедуют одну идеологию. Последний пункт оказывается принципиально важным в любых организациях – для того, чтобы люди ощущали справедливость, их нужно соответствующим образом

«зомбировать». Этим собственно и занимается постиндустриальный менеджмент, активно разрабатывая элементы корпоративной культуры, способные внедрить в сознание людей ощущение справедливости или заставить их вообще забыть об этой ценности.

Белокреницкая Полина Александровна,
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
Пашков Михаил Владимирович
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

Справедливо ли изменение в образовании 21го века (Объект-субъектные и субъект-субъектные отношения)?

Наука появилась в России сразу как ремесло. Этому не учили, а просто величали людей. Помните, как о многих людях в России говорили просто «ученый человек». Пройдемся по вехам истории. В 10-15 века появился алфавит, а потом появилась печать книг. Все это время главным тормозом распространения образования был консерватизм церкви. То есть монахи не выполняли свою образовательную функцию в перспективе. Это измениось при Петре 1, когда тот, как пишет П.П. Пекарский: «Царю, желавшему во что бы то ни стало видеть в России и школы, у ученых..». Очевидно, ему нужны были помощники, и ими стали те, кто что-то да знал и что-то да умел. Его политика привела к тому, что до сих пор у нас очевиден наплыв европейской науки.Это привело к тому, что школа —рекламное агентство, заставляющее вас поверить, что вы нуждаетесь именно в том обществе, которое существует. Это Иван Иллич сказал. Вот, что мы можем сделать за один час сегодня и всего лишь сто лет назад? Сейчас время летит вне зависимости от нашего желание. Мир стал меньше, он сжался.

Появилось новое общество. Общество постмодерна, где не существует объективной истины. Есть лишь грани куба, и только одна их них значимее других. Но это лишь грань, а не содержимое. Мода, тенденция, образ мысли, т.е. "обналиченный культурный капитал" (П.Бурдье) начинают значить больше, чем сущность и смысл.

Постмодерн повлиял и на образование. Так, Марейк Ван дер Венде изменение образования назал интернационализацией. Он считает, что образование изменилось с учетом требований и вызовов глобализации общества, экономики и рынка рабочей силы». Поэтому субъект-объектные отношения, где один главнее, ушли в прошлое. Им на смену пришли субъект-субъектные отношения. В их основе лежит диалог и сотрудничество. Итак, раньше изучать– точно так же как рожать, любить или готовить еду. Это - ценность. Сейчас образование - это услуга. И очень дорогая.

Поэтому мы справедливо пришли к Болонье - городу, носящему на гербе слово «Свобода». Но как это было? Великая хартия европейских

университетов Университет - хранитель традиций гуманизма. Взаимное познание и взаимодействие культур. Лиссабонская конвенция Главный результат: переход к конкретным определениям, правилам и четкому разграничению обязательств сторон и участников. Сорбонская декларация Рекомендации студентам и преподавателям стажироваться, обучаться или преподавать в течение хотя бы одного семестра вне пределов своей страны Достижение достойного уровня студенческой и преподавательской мобильности внутри стран-участников. Болонская декларация В ней указывается на основную роль университетов в развитии европейской культуры, укреплении интеллектуального, культурного, социального, научно-технического потенциала, создании базы «европейских знаний», а также сохранении стабильности, мира и демократии во всей Европе. Вроде и как у нас это слово не просто так на языках. Однако, как и все заимствованное, это делается у нас в полумеру. Что нужно делать России: Образовательной системе России должно отойти, изжить в себе марксистскую парадигму.

Перейти к интегрированному обучению. «Обучение в течение всей жизни» должно стать не просто успешной образовательной концепцией, а «философией жизни», стержнем профессионального и личностного развития, в котором ключевую роль играет Кумулятивное обучение, когда обучающийся тем сильнее повышает свои способности к обучению, чем больше им накоплено навыков, знаний и опыта. Из всех этих накопленных «фактов» и складывается его интеллектуальный потенциал.

А именно: Открыть широкие возможности для частных инициатив. Знания применять на опыте. Теорию - на рельсы более конкретных, действенных способов систематизации знаний. Дать право студента иметь, видеть реальные возможности и способности самостоятельно выбирать направления поиска, интеллектуальные ресурсы, формирующие его образ мысли, видения мира, бытия… всего того, что остается с ним и помогает найти себе применение в жизни. Сформировать общую языковую структуру.

Итог один - методом проб и ошибок мы действительно движемся к светлому будущему. Меняются взаимоотношения, преподаватели и учителя становятся больше друзьями, чем людьми “сверху”, чем людьми, которым не доступны чувства. Они становятся друзьями. И это справедливо. Но еще есть проблемы, которые нужно решать.

Литература:

1. *Овсянников В. Г., Пашков М. В. Качество образования: ценностный подход и принципы инновационного обучения*
2. *Хантер Дж., Йейтс Дж. Мир американских глобализаторов. В: Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. – М.: Аспект-Пресс, 2004. С. 363.*
3. *Кравченко С.А. Сложное общество: необходимость переоткрытия морали. В: Проблемы теоретической социологии. Вып.8. - СПб: Скифия-Принт, 2011. С.79-80*
4. *Gray J. Straw Dogs. - NY.: Farrar, Strauss & Giroux, 2007, p. 110.*
5. *Константиновский Д.Л., Вахштайн В.С., Куракин Д.Ю. "Реальность образования. Социологическое исследование: от метафоры к интерпретации"*

Бельский Александр михайлович,
Белорусский государственный университет Центр социологических и политических исследований, Минск, Беларусь

Специфика управленческой деятельности общественных объединений в условиях информатизации: возможности роста эффективности

Общественные объединения являются корпоративными сообществами граждан, ставящими перед собой генеральную цель удовлетворения различного рода нематериальных (духовных) потребностей. Для эффективной деятельности общественного объединения и его развития, важно выстроить эффективную систему коммуникаций как внутри объединения между руководящим составом, так и с внешней для объединения средой. Отдельным моментом являются коммуникации с рядовыми членами объединения и их взаимодействие между собой. В случае роста численности общественного объединения, сложность в выстраивании эффективным коммуникаций объективно растет, но на современном этапе, с присущими ему изменениями, связанными с развитием информационно-коммуникационных и интернет-технологий, внедрением сетевых инноваций, этот процесс упростился и видоизменил традиционные схемы коммуникации. Сейчас все они осуществляются с помощью разного рода технических средств. Главным образом характерно перетекание взаимодействий в сеть Интернет, ведь сегодня уже просто невозможно найти человека, не слышавшего хотя бы какую-то толику информации об электронной, мобильной и телевизионной коммерции, электронном правительстве, телемедицине, дистанционном образовании и прочими новшествами, которые обусловили переход человека в режим жизни онлайн. Сопрягая эффективность деятельности общественного объединения с тем, насколько релевантно в нем реализованы коммуникационные схемы по передаче информации, в какой степени его руководящая часть владеет всем комплексом необходимой информации, насколько быстро и качественно они могут ее обработать и распространить среди членов общественного объединения, мы снова упираемся в использование информационно-коммуникационных технологий. Расширенное внедрение и использование информационно-коммуникационных технологий в деятельности общественных объединений дает возможность повысить качество и культурную составляющую управленческой деятельности в нем, а также создать реальные резервы для продуктивной работы в режиме развития. Применение информационно-коммуникационных технологий, как правило, сопрягается с достижением качественно новых результатов деятельности, ускоряет рабочий процесс, что позитивно сказывается на его эффективности. Текущая деятельность общественного объединения требует оперативного решения поставленных временем задач, реакции и анализа текущего

состояния дел, что еще раз подчеркивает то, что информационные потоки и их правильное протекание становятся первостепенной задачей. Информационно-коммуникационные технологии реально снижают уровень затрат на сбор и обработку информации, повышают как оперативность, так и качество принимаемых управленческих решений, позволяют минимизировать использование бумажных средств. Помимо этого, происходит рост профессионального мастерства и качества предоставления необходимого материала. Глава общественного объединения, при помощи информационно-коммуникационных технологий, может разрабатывать планы развития в виде умных карт, контролировать полный спектр деятельности общественного объединения и исполнение его указаний с отсмотром эффективности реализации. Секретари получают возможность вести электронную автоматизированную базу данных по членам общественного объединения и персоналу, задействованному в работе, составлять всевозможные отчеты, подготавливать проекты приказов, пресс-релизы; методический сектор – планировать и составлять проекты мероприятий, распределять нагрузки на членов объединения, проводить тарификацию, формировать рейтинги активности, а также создавать с помощью «мастера диаграмм» данные для анализа текущего состояния общественного объединения и аттестации персонала; волонтеры – вести электронный журнал деятельности, подводить итоги проводимых акций и сразу же делиться ими, использовать самые разнообразные материалы для проведения мероприятий с помощью презентаций и много другое. Это говорит о том, что современные члены общественного объединения должные не только иметь определенную совокупность знаний в области информационно-коммуникационных технологий, но и иметь возможность их эффективного применения в своей деятельности. Объединяя информационные и коммуникационные технологии, проецируя их на деятельность общественных объединений, необходимо отметить, что основной задачей (в широком ее понимании), которая стоит перед их внедрением, является адаптация человека к полноценной жизни в формируемом информационном обществе. Информационно-коммуникационные технологии становятся основным инструментом, который будет использоваться человеком не только в профессиональной деятельности, но и в повседневной жизни. Осознавая значимость преимуществ выстраивания коммуникации в Сети Интернет и правильного позиционирования себя в ней, действительно заинтересованные в своей продуктивной деятельности общественные объединения осуществляют реализацию стратегических программ, направленных на наличие у них как техники, так и навыков по продуктивной работе с ней, созданию своего позитивного имиджа в Сети Интернет, медиа продвижению, поддержанию контактов со старыми и поиск новых членов.

Борисов Александр Федосеевич,
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, РФ
Трофимова Татьяна Александровна
Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, РФ

Собственность работников как механизм реализации принципа социальной справедливости

Фундаментальные перемены, происходящие в жизни человечества в начале XX1 века, выдвигают на первый план в общественном производстве фактор личности работника. Его профессиональная подготовка, заинтересованность в труде, в сочетании с величайшим технологическим уровнем – становятся главными факторами экономического роста.

Возникает вопрос, как развить творческий потенциал личности работника, как задействовать его в полную меру, какие для этого нужны условия? Понятно, что с помощью традиционной системы наемного труда сделать это весьма проблематично. Это в значительной степени удается сделать там, где участники производственного процесса совмещают в одном лице и работника и собственника.

Собственность работников в коллективном управлении в настоящее время получило значительное развитие в странах с рыночной экономикой. Только в США число предприятий, где собственность полностью или частично принадлежит работникам, достигло одиннадцати тысяч, в них занят каждый восьмой работник [1].

Статистические данные за последние годы убедительно показывают, что предприятия, выкупленные их работниками демонстрируют более высокую выживаемость и адаптацию к рыночным условиям и, что особенно важно, вкладывают значительные собственные финансовые средства в развитие производства.

Специалисты отмечают также, что наряду с улучшением экономических показателей деятельности подобных предприятий вызывают несомненный интерес и социальные аспекты данного явления. Они, на наш взгляд, заключаются в следующем:

1) собственность работников выступает эффективным средством преодоления отчуждения человека от средств производства и результатов своего труда;

2) возможность получать доход и улучшать свое благосостояние не только за счет своей заработной платы, но и за счет владения долей акционерного капитала создает работникам условия для их социальной защищенности даже и после ухода с рынка рабочей силы;

3) собственность работников позволяет использовать результаты их творческой деятельности (интеллектуальную собственность) в интересах повышения благосостояния и воспроизводства;

4) создает условие для развития производственной демократии и самоуправления на всех уровнях производства.

Собственность работников влечет за собой изменения принципа распределения. Оно осуществляется уже не по стоимости рабочей силы, а по принципу, учитывающему совместную собственность на средства производства, то есть по потребительной стоимости рабочей силы.

Главное преимущество распределения по потребительной силе труда, реализованной в потребительной стоимости продукта, состоит в том, что:

а) работники получают право присвоить не только необходимый, но и прибавочный продукт своего и коллективного труда;

б) его потребление уже не ограничивается затратами его труда, стоимостью его рабочей силы, а предполагает приращение его благосостояния и возможность развития.

Таким образом, то, что работник получает часть прибавочного продукта в качестве своего дохода, он обязан не только своему труду, но и своей собственности на средства производства.

Распределение по потребительной стоимости рабочей силы на предприятиях с собственностью работников позволяет в значительной степени реализовать принцип социальной справедливости. Хотя при этом и допускается значительная степень экономического неравенства работников, но природа этого неравенства совсем иная, чем в частных фирмах и корпорациях.

При распределении дохода на предприятиях с собственностью работников учитываются все факторы: степень трудового участия; размер доли в акционерном коллективном капитале; влияние на получения дохода труда и капитала. Возникающее при этом экономическое неравенство между работниками главным образом отражает различия в производительности труда и трудовом стаже, от которого зависит сумма начислений на индивидуальные счета и поэтому воспринимается работниками как реализация принципа социальной справедливости.

Литература:

1. *Луис О. Келсо, Патриция Х. Келсо. Демократия и экономическая власть. Сан-Франциско: Институт Келсо по изучению экономических систем, 2007.*

2. *Симмонс Д., Мэрс У. Как стать собственником: Амер. опыт. - М.: Сирин, 1998.*

3. *Каменецкий В.А. Собственность в XXI столетии. М.: Экономика, 2004.*

4. *Супян В.Б. Эволюция собственности // Экономика США: эволюция модели в условиях глобализации. М., 2014. С. 75 - 101.*

Васильева Леся Николаевна,
Российский университет транспорта (МИИТ), Москва, Россия

Теория социальной ренты: социальная несправедливость, институциональные практики социальной эволюции и революции

Рента – это базовое понятие экономической науки. Общее значение слова «рента» - регулярно получаемый и не требующий конкретной деятельности, в том числе, деятельности предпринимательской, легальный доход. Несмотря на то, что теория ренты имеет глубокие исторические корни, современная теория ренты находится в стадии становления. Подходы к изучению ренты как явлению современного общества только начинают разрабатываться. Рента рассматривается как системное явление, неразрывно связанное с явлением монополии. На микроэкономическом уровне рента рассматривается как прибыль от обладания определенным социальным капиталом. На макроэкономическом уровне изучается роль и место государства как собственника экономического пространства, создающего определенную институциональную среду, формирующего круг субъектов рентных отношений. Используя понятие социальной ренты, можно рассмотреть экономическую составляющую революции как уникального события. Таким образом, можно проследить эволюцию становления социальной ренты как экономического института, роль государства в этом процессе. Любая революция кроме прочих составляющих - это преобразование форм взимания социальной ренты. Установлением законов и обычаями, которые затем обладают авторитетом и инерцией, государство обеспечивает определенным слоям долю продукта общественного производства. Социальная рента существует при любом экономическом строе, но опирается на разный ресурсный потенциал. Социальная рента преобразуется через потребление ее обладателей в отличительный статусный признак, обозначающий высокую позицию в социальной иерархии. То есть государством устанавливается в явной или скрытой форме действительная или возможная доля потребления. Непосредственными производителями разнообразных благ при таком установлении может потребляться только самое необходимое для поддержания жизни. В этом случае активами выступают ресурсы, не связанные с непосредственным производством. При всей неповторимости и уникальности событий исторический процесс можно представить как множество повторяющихся элементов – схожие результаты являются следствием схожих причин. При любых фундаментальных социальных движениях, которые при всей теоретической разноголосице можно назвать «революциями», присутствует определенная экономическая составляющая, которую мы определяем как трансформацию социальной ренты. Социальная рента – это присвоение труда другого, социальное паразитирование, когда такую возможность дает статус, подтверждаемый

силой государства. Любая революция – это, кроме прочих составляющих, в том числе, преобразование форм взимания социальной ренты. Революция открывает доступ к этому процессу новых групп, которые ищут (и находят) новые формы дохода посредством отъема создаваемой прибавочной стоимости у непосредственных производителей товаров и услуг. Создается среда, предоставляющая особые выгоды «социальным рантье» по сравнению с экономическими агентами, действующими в других условиях. Социальная рента – это реализация в экономической сфере результатов отбора социальных институтов, приспосабливающих паразитизм к естественной ограниченности природных и человеческих ресурсов. Каждое общество создает разного рода страты в соответствии с наличием привилегий (права на получение социальной ренты): аристократия и рабы, классы и касты, права собственников и бесправие неимущих. Социальная рента существует при любом экономическом строе, но опирается на разный ресурсный потенциал, как внутренний, так и внешний. Рассматривая историческое развитие человечества как процесс социальной эволюции, целесообразно обратиться к одному из базовых социологических понятий «элита». Понимание термина «элита» различно в разных теориях. Питирим Сорокин не называл слово элита, но одной из причин возникновения революций имел в виду нереализованность людей выдающихся способностей, присутствующих на всех социальных уровнях. Глубинная причина современного кризиса – относительная депривация представителей элиты, которая носит глобальный и массовый характер. Американский исследователь Т.Р.Гарр определяет относительную депривацию как восприятие деятелем (Актором) расхождения между его ценностными ожиданиями (блага и условия жизни, на которые, как убеждены люди, они могут с полным правом претендовать) и ценностными возможностями (это блага и условия, которые они могли бы получить и удерживать). Современный французский экономист Тома Пикетти в своем масштабном труде «Капитал в XXI веке» исследовал проблему неравенства, прослеживая динамику экономических показателей в ведущих странах мира, начиная с XVIII в. В июле 2017 г. он изучил этот вопрос, применительно к России. Его главный вывод состоит в том, что следствием колоссального роста неравенства является крайне опасное увеличение социальной нестабильности, рост политической напряженности. Эти явления наблюдается перед мировыми войнами и революциями. Выводы Т.Пикетти мы можем дополнить тем, что рост количества социальных рантье, отъем прибыли у непосредственных производителей, рост отчужденности производителя от результатов собственной физической, умственной и творческой активности, относительная депривация элиты – это социально-экономические причины современного глобального кризиса и будущих потрясений в мировом масштабе.

Власова Александра Александра,
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

Счастье и справедливость - идеалы социальной политики современного государства

Счастье на протяжении всей истории человечества являлось одним из фундаментальных экзистенциальных понятий личности, справедливость - такой же многовековой идеал общественных отношений. И если категория счастья являлась чем-то внутренним, личным, субъективным, то понятие справедливости всегда соотносилось с внешним, социальным контекстом. Счастье в психологической трактовке фактически возможно вне зависимости от внешних обстоятельств, но переживание справедливости в большей степени коррелирует как с действующими в данном конкретном обществе в определенный период социально-культурными установками и ценностями, так и с общей социальной ситуацией. Однако, несмотря на свою значимость для человека, оба понятия – счастье и справедливость, долгое время оставались скорее объектом философского или художественного осмысления. Всплеск научного интереса к этим категориям стал возможен лишь во второй половине XX веке и был связан с ростом общего благосостояния населения развитых стран. Когда простое физическое выживание перестало быть актуальной целью большинства граждан, а в обществе институционально оформились эффективные механизмы защиты от социальных рисков, в том числе социальное страхование, социальная политика и социальная работа, тогда в общественном пространстве стали активно артикулироваться потребности более высокого порядка, в том числе, достижение всеобщего благосостояния (welfare state), социального благополучия, счастья и социальной справедливости. Начиная с 1972, когда королевство Бутан впервые провозгласило счастье основным критерием оценки уровня развития общества, и до настоящего времени, когда эту концепцию поддержало большинство европейских стран, а Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию «Счастье: целостный подход к развитию» [1] концепт «счастье» перешел из разряда чисто умозрительных, философских и даже поэтических в ранг строгих позитивитских категорий, определяемых нормативными документами на государственном уровне. Произошел и кардинальный пересмотр концепта социальной справедливости, также пережившего трансформацию из философской идеи и в идеал управления обществом. При этом обе рассматриваемые категории при детальном изучении оказались тесно связанными. В психологической трактовке счастье, оказалось неразрывно связано с переживанием человеком справедливости/несправедливости как своего собственного положения, так и общественного устройства в целом. Экономика счастья, в отличие от традиционных экономических теорий, рассматривает справедливость, не столько как противопоставление экономической эффективности, сколько,

наоборот, в качестве необходимого элемента ее достижения и определяет ее как цель эффективного функционирования рыночных институтов и устойчивого социально-экономического развития. Социологическое измерение счастья предполагает его операционализацию через конкретные качественно и количественно оцениваемые критерии, в том числе социальное самочувствие, удовлетворенность собственной жизнью и социальными отношениями, а также чувство справедливости или несправедливости социальных процессов, институтов и структур. Общественные ценностно-нормативные представления о счастье и роли социальной справедливости в его достижении менялись от эпохи к эпохе и от страны к стране. Современная модель счастья, воспринимаемого не только как лично эмоциональное позитивное переживание, но и как общественное благо, невозможное без социальной справедливости, преодоления социальной эксклюзии и негативных последствий социального неравенства. Другими словами, социальная справедливость в современном мире становится неотъемлемым элементом счастья как личного, так и общественного. Таким образом, постановка в социально-политическом ключе проблем повышения социального благополучия, уровня и качества жизни отдельных индивидов, социальных групп и общества в целом привела к тому, что счастье и справедливость стали важнейшими обобщающими характеристиками уровня развития общества, а также критерием эффективности социальной политики, а их обеспечение – стратегической целью социального государства. Счастье и справедливость в XXI веке превратились из философской идеи в идеал, а затем и в руководящий принцип социального управления современного социального государства.

Литература:

1. *Счастье: целостный подход к развитию. Резолюция 65-й сессии Генеральной ассамблеи ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/65/309*

Гавриленко Ольга Владимировна,
МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Справедливость vs законность (партикуляризм vs универсализм) как параметр кросс-культурных различий

Справедливость часто связывается с пониманием «должного» (как должен быть устроен мир, который мы может считать справедливым). Кроме того, тема справедливости близка к теме равенства, диапазон понимания которого может быть весьма широк –равенство доходов, жизненных шансов, равенство всех перед законом, равенство субъективных прав. По мнению П. Штомпки, есть три типа идеологий неравенства, по-разному

интерпретирующих сам феномен «неравенства»: элитарные, эгалитарные и меритократические [4, с. 373]. Интересно, что по результатам социологического исследования института социологии РАН, мечта россиян «жить в более справедливом и разумно устроенном обществе» (33%) занимает третье место, после таких «традиционных мечтаний» как «жить в достатке» (40%) и «иметь хорошее здоровье» (33%) [2, с. 23]. Именно идея справедливости во все времена в России играла консолидирующую роль, работала на сплочение общества, особенно в трудные времена (пусть весь мир против нас, пусть нам угрожают санкциями, но «наше дело правое», за нами справедливость). Идея справедливости всегда была ключевой для русского человека и весьма символично постоянное моральное противопоставление - «поступить по закону или по справедливости?». То есть закон и справедливость могут даже рассматриваться как две крайние точки вектора. В упомянутом ранее опросе о мечтах россиян, был примечательный блок вопросов, касающийся соотношения справедливости и законности [2, с. 68]. О приоритете именно справедливости над законом («не так важно, соответствует это закону или нет, главное, чтоб было справедливым») говорят 40% респондентов, приоритет закона поддерживают 34%, а 26% респондентов не смогли ответить на поставленный вопрос, что свидетельствует о сложности поднимаемой проблемы. Обращает на себя внимание сам факт того, что закон и справедливость разводятся (объясняется это по-разному – что есть законы «правильные, справедливые», которые нужно соблюдать, а есть законы «неправильные, несправедливые», которые можно и обойти; что закон это хорошо, но равны перед законом должны быть все, не должно быть привилегий). Данная дилемма «справедливость vs законность» довольно четко проявляется в бизнес культуре через дилемму «партикуляризм vs универсализм». Одним из параметров кросс-культурных различий в модели Ф. Тромпенаарса и Ч. Хэмпден-Тёрнера является «универсализм - патрикуляризм» культуры [3], который характеризует ориентацию либо на универсальность для всех людей одних и тех же «правил игры», законов, либо на избирательность в применении правил. Восточные бизнес-культуры относятся к партикуляристским, западным же деловым культурам свойственен универсализм. Универсализм подразумевает, что закон един для всех, существующие правила надо соблюдать, условия контракта необходимо выполнять, в бизнесе важнее решаемая задача, чем человеческие отношения. Универсализм чаще распространен в протестантских странах (Германия, Швейцария, США, Великобритания, скандинавские страны). Партикуляризм характеризуется особым вниманием к связям, отношениям. Даже если человек что-то нарушил, но он мой друг, брат, сын и т.д., его надо поддерживать и защищать независимо от правил или законов. Человек не может быть не прав вообще, все зависит от обстоятельств. В партикуляристских культурах существуют различные правила для своих и чужих, обстоятельства и ситуация диктуют правила поведения, в бизнесе важнее всего устанавливать и поддерживать личностные отношения, соответственно, в случае необходимости, контракты

можно корректировать. В Японии и Китае контракт – это документ, который необходим для избегания лишних споров. Он может быть изменен, дополнен и даже разорван в зависимости от сложившихся обстоятельств. Партикулярист будет стремиться придать контракту расплывчатую форму, избегая четких формулировок. Законы также могут по-разному трактоваться, принимая во внимание различные жизненные обстоятельства и сложную мозаику личных связей. Партикуляризм поощряет гибкий подход к конкретным ситуациям и максимальный учет человеческих отношений. Важным элементом российской деловой культуры является отсутствие четкой установки строго следовать закону. Большинство предпринимателей предпочли бы соблюдать законы, но фактически они вынуждены обходить их, если существенно ущемляются их интересы. Российская деловая культура является партикуляристской, что характеризуется наличием частных привилегий, относительностью закона, коррупцией (можно вспомнить русские поговорки: «закон что дышло, куда повернешь – туда и вышло», «не подмажешь, не поедешь» и т.д.). В силу того, что деятельность предпринимателей разворачивается в «полуправовом» поле, существенно усиливается роль неформальных экономических связей и отношений. Очень высока роль личных связей, разного рода обменов деловыми и личными услугами. Несмотря на влияние глобализации и интернационализации бизнеса, указанная выше российская специфика ведения бизнеса сохраняется. Отталкиваясь от идеи «эффекта колеи», можно, вслед за Р. Инглхартом, отметить, что «то, что конкретные общества исторически сложились как протестантские, православные, исламские или конфуцианские, способствует формированию культурных зон с особыми системами ценностей, которые удивительно стабильны, даже если учитывать эффекты социально-экономического развития» [1, с. 71]. Концепция справедливости остается важным элементом модели российской национальной и деловой культуры.

Литература:

1. *Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. – М.: Мысль, 2018.*
2. *О чем мечтают россияне: идеал и реальность. Под ред. М. Горшкова, Р. Крумма, Н. Тихоновой – М.: Издательство «Весь мир», 2013.*
3. *Тромпенаарс Ф., Хэмпден-Тернер Ч. 4 типа корпоративной культуры/ пер. с англ. – Минск, Попурри, 2012*
4. *Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. – М.: Логос, 2010.*

Ганина Ольга Александровна,
ПНИПУ, Пермь, Россия

Воздействие социальной несправедливости на социально-значимые профессии

Среди всего многообразия профессий социально-значимые профессии играют одну из наиболее важных ролей в благополучии и процветании общества, но в современной России вот уже почти 30 лет являются одной из самых уязвимых групп населения в социально-экономическом аспекте. Под социально-значимыми профессиями мы понимаем такие группы профессионалов, чья деятельность оказывает существенное влияние на большие социальные группы, а также играет очень важную роль в создании социального благополучия на всех уровнях социальной системы. При этом важной особенностью социально-значимых профессий является получение экономического и социального эффекта для общества именно в долгосрочной перспективе. На уровне отдельной организации, населенного пункта, региона или страны лишь по истечению 5-15 лет проявляются результаты и возможность оценки работы профессионалов, связанных со сферами медицины, культуры, образования, науки, социальной работы и т.п. Деятельность специалистов социально-значимых профессий, с одной стороны практически не автоматизируема, с другой – пропитана влиянием личности специалиста на содержание и результат его работы. Содержание деятельности социально-значимых профессий, характер кадров в этих специальностях и системные особенности организации данных сфер приобретают все большее значение в контексте современных тенденций. Восприятие социальной справедливости существенно влияет на профессиональную деятельность индивидов, обуславливает масштабные процессы в социально-трудовых отношениях и особенности текущей социально-профессиональной структуры. Зная уязвимое экономическое положение социально-значимых профессий в современном российском обществе, оценивая уровень доходов и жизненные возможности данных профессионалов, молодежь часто делает выбор в пользу других специальностей. Те, кто все-таки стремится стать профессионалом в указанных областях, после получения профессионального образования сталкиваются с социальной несправедливостью на индивидуальном уровне, на уровне профессионального сообщества и всей системы в целом. Так, например, по данным Росстата в 2017 г. средняя заработная плата в таких сферах, как образование, здравоохранение, социальные услуги, культура, спорт составила 26 750 руб., что на 17,5% меньше, чем в других сферах государственной и муниципальной собственности, и на 42,3% меньше, чем средняя заработная плата в негосударственных формах собственности. При этом среди всех работников государственного и муниципального сектора

55% работников трудоустроены в указанных сферах [1]. Врачи, учителя, социальные работники, работники науки и культуры уже традиционно имеют одни из самых низких доходов среди квалифицированных специалистов, низкую обеспеченность необходимыми инструментами и условиями труда. При этом уровень требований и социальной ответственности данных профессий очень высок. В результате имеется массовый отток работников из этих сфер, существенная коммерциализация, проблемы кадрового голода, прекаризации занятости и профессионального выгорания. Так, в организациях государственной и муниципальной собственности более половины среди всех требующихся работников (54,3%) – это вакансии в сфере образования, здравоохранения и социальных услуг, тогда как менее 10% в сумме (а именно – 9,7%) составили вакансии в сферах сельского и лесного хозяйства, рыболовства, добычи полезных ископаемых, обрабатывающего производства, производства и распределения электроэнергии, газа и воды, строительства, гостиниц и ресторанов, оптовой и розничной торговли [2]. Нарастает и выходит за рамки собственно этих профессиональных групп социальное возмущение дистрибутивной несправедливостью и узкими жизненными возможностями данных специалистов. Пирогов Г.Г. и Ефимов Б.А. дают такое определение термину социальная справедливость: «это состояние согласия, при котором никто не требует его изменения для улучшения своего положения, т.е. все, за исключением небольших маргинальных групп, согласны с существующим порядком распределения прав и обязанностей» [3]. Взяв за основу это определение, можно с уверенностью диагностировать критическую несправедливость социального положения представителей социально-значимых профессий в современном российском обществе. Согласно исследованиям ВЦИОМ, довольно низок престиж и доходность профессии учителя (по 4% опрошенных назвали ее престижной и доходной), профессия врача заметно престижнее (12%), но при этом доходность этой профессии отметили лишь 6% респондентов [4]. Несмотря на реализуемые национальные проекты, усилия региональных и муниципальных властей в течение последних десятилетий не отмечается существенного улучшения несправедливого положения представителей социально-значимых профессий. Напротив, наблюдается углубление проблем кадрового обеспечения, профессионального выгорания, снижения качества и коммерциализация социально-значимых услуг населению. В связи с этим снижение социальной напряженности, усиление, прежде всего, экономических позиций представителей социально-значимых профессий, а также системное улучшение их условий труда представляется вопросом национальной важности.

Литература:

1. *Сведения о распределении численности работников по размерам заработной платы за апрель 2017 года (обновлено 01.08.2017г.). Бюллетень [Электронный ресурс]: Федеральная служба государственной статистики // gks.ru: информ.-справочный портал. М., 1999–2017 URL:*

http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_costs/ (дата обращения: 21.01.2018)

2. *О численности и потребности организаций в работниках по профессиональным группам на 31 октября 2016 г. (по результатам выборочного обследования организаций). Бюллетень [Электронный ресурс]: Федеральная служба государственной статистики // gks.ru: информ.-справочный портал. М., 1999–2017 URL: http://www.gks.ru/free_doc/2017/potrorg/potr16.htm (дата обращения: 21.01.2018)*

3. *Пирогов Г. Г., Ефимов Б. А. Социальная справедливость: генезис идей // СоцИс, 2008, №9, С. 3-11*

4. *ВЦИОМ, пресс-выпуск № 2124, дата публикации 01.10.2012 [Электронный ресурс]: wciom.ru информ.-справочный портал. М., 2000–2018 URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=113109 (дата обращения: 21.01.2018)*

Гордина Вера Юрьевна,
СГЭУ, Самара, Россия

Цифровое неравенство

Проблемы неравенства стоят в современном обществе наиболее остро, чем в прежние времена. В связи с развитием нашего социума развивается множество факторов разделяющих наше общество. Одним из факторов является цифровой прогресс: развитие компьютерных и телекоммуникационных технологий, стремительный рост производства гаджетов. Все это способствует повышению социального цифрового неравенства, с большим развитием технологий возрастает спрос на этот продукт, что ведет за собой рост цен. Однако, не все люди могут позволить себе данные товары, из-за высокой их стоимости, только те кто обладают высоким статусом и престижной работой могут позволить это. Также продукты современных технологий не могут себе позволить люди, проживающие в сельской местности, порой у них даже нет выхода в интернет. «Цифровое неравенство – проблема не только отдельных людей, но целых стран и регионов. Необходимо отметить, что не только наличие технологических ресурсов, обновляемой информации, но и умение ими пользоваться играет важную роль в становлении информационного общества и решения вопроса о цифровом неравенстве»[1] Например, при приеме на работу, работодатель отдаст предпочтение человеку, который лучше всех владеет навыками работы с компьютером, и программами. В современном мире очень важно уметь владеть всеми гаджетами, чтобы соответствовать современному миру. Развитие современных средств коммуникации учитывает только массовые потребности, но не учитывает особенностей некоторых людей, у которых есть особенности со здоровьем, но им хочется успевать за прогрессом современного мира. Также не все могут себе позволить оплатить связь и доступ к сети интернет. Ведь в современном мире многие услуги предоставляются в интернете, для удобства и простоты использования, избегая очередей, например, при записи к врачу, оплата штрафов и многие другие услуги. «Находящиеся на поверхности проблемы,

порожденные новыми технологиями, образуют первый уровень «цифрового неравенства». Менее очевидны проблемы, связанные с другой, «внутренней» формой «цифрового неравенства», образующей ее второй уровень. «Цифровые граждане» разделены на потребителей и создателей контента. И для этого второго уровня «цифрового неравенства» кибероптимисты считают возможным оптимистический динамический прогноз — активисты социальных сетей и медиа, YouTube, блоггеры и т. п. становятся создателями контента. Вместе с тем и здесь ситуация не исчерпывается только технической стороной дела. Разрыв, разделяющий потребителей и создателей контента, внутренне стабилен и приводит к неравенству нового типа. Значение и последствия для существования человека информационной эпохи этой формы неравенства, не очевидные на данном этапе, могут приобрести масштабы и значение, сопоставимые со значением экономического и политического неравенства для общества классического Модерна ». [2] Интерес граждан к современным технологиям с каждым годом все возрастает, это связано с тем, что каждый человек хочет идти «в ногу со временем» и не пропускать все тенденции общества.

Самая главная причина борьбы с цифровым неравенством, чтобы каждый человек чувствовал себя, благоприятно находясь в обществе. И прежде всего это должны быть согласованные действия государств, частных организаций и научных сотрудников.

Литература:

1. *Связьинвест: Корпоративное управление «Цифровое неравенство» [Электронный ресурс]. – 2011. – № 6. – Режим доступа: http://www.svyazinvest.ru/docs/documents/SV_06_2011WEB.pdf.*
2. *Иванов Д. В. К теории потоковых структур // Социологические исследования. 2012. № 4. С. 8–16.*

Долгорукова Ирина Владимировна,
РГСУ, Москва, Российская Федерация

Принцип социальной справедливости как основа корпоративной социальной политики современного предприятия

Проблематика социальной справедливости в современной России постепенно становится предметом широкого обсуждения в структурах власти и в академических кругах. Собственно, сам термин, столь привычный для международного социологического дискурса, для политиков, чиновников, исследователей и просто обывателей в мировом сообществе, в России только начинает широко обсуждаться в российской науке и политических кругах. В западноевропейских государствах вопросам социальной справедливости уделяется огромное внимание на протяжении уже десятилетий. На ее поддержание и укрепление мобилизуются не только структуры власти, научные силы, структуры гражданского общества, но и, что не мало важно

бизнес-сообщество, деловые круги. Это особенно важно, когда речь идет о функционировании такой социальной группы как трудовой коллектив, где немаловажную роль играют управленческий фактор и формальные отношения между членами. Социальная справедливость в управлении предприятием будет во многом зависеть от таких составляющих корпоративной социальной политики предприятия как успешный менеджмент, эффективность корпоративной культуры, социальные гарантии работникам, обеспечение достойной заработной платы и тому подобное. Сегодня важно понимать, как формируются нормы, ценности и приоритеты в области корпоративной социальной политики, каковы основные критерии социально ответственного поведения компаний, в какой степени они отражают корпоративную культуру данного предприятия. Таким образом, появилась объективная необходимость в анализе процесса формирования корпоративной социальной политики предприятий через призму принципов социальной справедливости. Основы понимания сущности корпоративной социальной политики заложены в рамках таких отраслей социологического знания как экономическая социология, социология предпринимательства, социология политики. Социологических подходы к изучению предпринимательского поведения разработаны такими учеными как М.Вебер, К. Маркс, Вернер Зомбарт, И. Шумпетер и др. Корпоративная социальная ответственность и политика стала объектом исследования зарубежных социологов во второй половине XX века. В зарубежной науке теории корпоративной социальной ответственности отражены в рамках концепции «корпоративного эгоизма», теории пресвященного эгоизма, современных подходов, основанных на признании добровольного участия компании в решении социальных проблем. Корпоративную социальную политику можно рассматривать как комплексное понятие. Осуществление корпоративной социальной политики компанией должно предполагать не только решение социальных проблем внутри предприятия, но и взаимодействие с внешней средой, окрущающим сообществом, государством, партнерами. С точки зрения роли корпоративной социальной политики в реализации принципов социальной спрведливости интересно рассмотреть два основных компонента корпоративной социальной политики предприятия: внешняя социальная политика компании и внутренняя социальная политика. Внешняя составляющая корпоративной социальной политики предполагает участие компании в социальной жизни сообщества, эффективное взаимодействие с государством, партнерами и конкурентами. Эта деятельность может осуществляться по следующим направлениям как взаимодействие с государством, сфера социокультурного развития, природоохранная сфера деятельности и т.д. Внутренняя социальная политика предприятия предполагает, что предприниматель действует в соответствии с нормами трудового права. Показателями развития этой сферы социальной политики компании могут выступать охрана труда работников, обеспечение достойной заработной платы, возможности переобучения и повышения квалификации и т.п. Многие документы, являющиеся важнейшими инструментами

формирования социальной справедливости, такие как Европейская социальная хартия, Европейский кодекс социального обеспечения, «Стратегия социальной сплоченности» (Совет Еропы 2004г) подчеркивают особую важность компонентов корпоративной социальной политики для обеспечения справедливого подхода к социальному управлению. Среди них отмечены такие компоненты внутренней социальной политики компании как право на справедливое вознаграждение, достаточное для поддержания достойного уровня жизни самих работников и их семей; право на соответствующие возможности в области профессионального обучения; право на социальное обеспечение; право на социальную защиту и так далее. Субъектом обеспечения таких прав будет не только государство, но и предприятие, организация, где трудится человек. Сегодня по многим внешним направлениям социальной политики в основном действует крупный и средний бизнес, который к этому могут подстегивать политические амбиции и интернационализация деловых отношений. Тем не менее, когда речь идет о справедливом управлении трудовым коллективом предприятия, то формирование благоприятной социальной среды внутри коллектива важно не только для крупных, но и для небольших компаний. Социальная политика на уровне сообщества и такие ее формы как благотворительность, спонсорство по карману, как правило, крупным компаниям. Но такие формы ответственности, как выплата достойной заработной платы, социальные гарантии для сотрудников могут и должны быть реализованы и на уровне малых компаний.

Литература:

1. *Долгорукова И.В. Инновационный потенциал социального предпринимательства как фактор повышения уровня и качества жизни населения // В сборнике: Качество жизни человека в нестабильном мире Материалы выступлений XV Международного социального конгресса. 2016. С. 39-41*
2. *Долгорукова И.В. Корпоративная социальная ответственность современных российских компаний как фактор конструирования социальной сплоченности // Социальная политика и социология. 2013. № 4-2 (97). С. 25-32*
3. *Европейский кодекс социального обеспечения // Российская газета, 8 июля 2007г.*

Донскова Анна Дмитриева,
ВИУ РАНХиГС, Волгоград, Россия

Гендерная асимметрия в системе высшего образования Российской Федерации.

Проблема феминизации является особо актуальной для российского общества. Это обусловлено тем, что для многих отраслей жизнедеятельности феминизация становится характерным явлением. В связи с этим, нами поставлена задача изучения развития данного процесса и рассмотрения этапов феминизации российского образования, с помощью системного,

сравнительно-исторического, аналитического подходов, которые позволили рассматривать феминизацию образования как единый процесс. Система образования относится к числу важнейших социальных институтов, так как может повлиять на становление определенного типа культуры, на развитие социальных отношений, является частью процесса социализации личности, представляя собой передачу накопленных знаний последующим поколениям. Впервые о профессии педагога заговорили на стыке второй половины XVIII - первой половины XIX в и соотносили данную профессию с образом учителя – мужчины Сначала женское образование развивалось отдельно от общественной системы образования, только при Екатерине II было учреждено Воспитательное общество благородных девиц, ставшее известным как Смольный институт. Датой начала становления такого процесса, как феминизации женского образования, принято считать 60 - е годы XIX века. В результате проведения реформы народного образования, появились курсы при женских гимназиях. Это и послужило одной из важнейших причин для выбора педагогической профессии женщинами в России. Этот этап можно считать первым, когда государство на законодательном уровне закрепило право женщин быть педагогами. 1917 год считается началом второго этапа и совпадает с установлением советской власти. Данный этап продлился вплоть до 1940-х годов и его главной особенностью стала необходимость ликвидации безграмотности населения, что привело к общему увеличению числа педагогов. Среди факторов, которыми руководствовались женщины при выборе для изучения именно педагогическую профессию можно отметить: стремление к просвещению населения и увеличение активности женщин к участию во многих происходящих событиях. Третий этап феминизации образования - 40-80е года XX века. Даны этап связан с событиями Великой Отечественной войны, из - за которой основная часть мужского населения, среди которых были и педагоги по специальности, отправились на линию фронта на защиту Отечества. После войны последовало резкое сокращение численности мужского населения страны. В итоге, в 1946 году женщины в педагогической профессии составили 70% от общей численности [2]. В данном случае можно говорить о гендерной асимметрии в сфере преподавания и образовательной деятельности. Отметим, что Г.Г. Силласте под понятием «гендерная асимметрия» понимает «социальное явление, отражающее объективную закономерность количественного распределения мужчин и женщин в социальной структуре общества и во всех сферах его жизнедеятельности, а также качественные социальные последствия этого явления». Иными словами, гендерная асимметрия проявляется в диспропорции удельного веса мужчин и женщин в конкретных сферах их жизнедеятельности (политике, экономике, образовании, преподавании) и отражает явное или скрытое неравенство мужчин и женщин по признаку пола. В свою очередь, присутствие женщин в «мужской» сфере и мужчин в «женской» часто воспринимается как редкость, «диковинка», и таким случаям гендерной асимметрии уделяется повышенное внимание как исключению из правил.

Например, существует стереотип, что мужчина-учитель или мужчина-преподаватель – это редкость в современной системе российского образования. Однако в последние годы вследствие повышения престижа профессии учителя, происходит приток мужчин в преподавательскую деятельность в сфере высшего образования . Четвертый этап феминизации образования охватывает период с 80 - х годов XX в. до наших дней. Исходя из аналогии с предыдущими этапами закономерно было бы предположить, что именно на этом этапе гендерный дисбаланс в образовании должен быть выражен особо ярко. Однако, проанализировав педагогический состав наиболее крупных высших учебных заведений России по статистике на январь 2018 года, можно прийти к противоположному выводу. Для гендерного анализа преподавательской среды мы выбрали 3 высших учебных заведения, среди которых - 2 учреждения с техническим направлением подготовки и 1 с гуманитарным направлением (Московский Государственный Технический Университет имени (МГТУ) Н. Э. Баумана, Московский физико– технический институт (МФТИ), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Стоит отметить, что в технических вузах процент преподавателей мужчин превышает процент преподавателей женщин примерно в 2,15 раза. Кардинально отличается ситуация в гуманитарных, где кол-во педагогов обоих полов примерно одинаково.

	Общее кол-во преподавателей	Кол-во преподавателей мужчин	Кол-во преподавателей женщин	Процентное соотношение (Преподавателей мужчин /преподавателям женщинам)
МГТУ им. Н.Э. Баумана	2163 чел.	1341чел.	822 чел.	62%/38%
МФТИ	626 чел.	459 чел.	167 чел.	73%/27%
РАНХиГС	1597 чел.	737 чел.	860 чел.	46%/54%

На данном этапе, опираясь на проведенный анализ, можно сделать вывод о том, что в высших учебных заведениях данная проблема была решена, особенно в технических ВУЗах. В гуманитарном вузе пропроблема феминизации образования уже приближается к решению, уравновешивая количество педагогов – мужчин и педагогов – женщин.

Литература:

1. *Джумаева Р. А. Роль и значение системы образования в социально-экономическом развитии региона // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. №2-2. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-znachenie-sistemy-obrazovaniya-v-sotsialno-ekonomicheskom-razvitii-regiona (дата обращения: 03.02.2018).*
2. *Мужчина в образовании: материалы круглого стола // Образовательный центр «Участие», 2011. СПб., 2012. 215 с*

Зотов Виталий Владимирович,
Курская академия государственной и муниципальной службы, Курск, Россия

Социальная справедливость как основа социальной составляющей устойчивого развития

Создание равноправного общества, по мнению основателя Римского клуба А. Печчеи, является основной предпосылкой для решения всех остальных человеческих проблем как в рамках отдельных стран, так и на глобальном уровне: «Ведь, в сущности, если смотреть на будущее в долгосрочной перспективе, без справедливости нет и не может быть никакого стабильного мира или безопасности, никакого социального развития, никакой свободы личности, человеческого или приемлемого качества жизни для всех. Справедливость становится, таким образом, в новую эпоху условием sine qua non (лат. непременное условие) самого существования человеческого общества» [1, С.217].

В современных условиях ещё более чётко обозначилась роль социальной составляющей устойчивого развития. Она направлена на поддержание социальной стабильности, в том числе на сокращение числа разрушительных конфликтов, снятие социальной напряжённости. Существенным аспектом данного подхода является социальная справедливость как справедливое разделение благ, поэтому никуда не деться от вопроса: «Как делить пирог?». Социальная справедливость предусматривает равное распределение общественных и природных ресурсов (на личностном, местном, государственном и глобальном уровня) для безусловного обеспечения основных человеческих нужд и ради обеспечения всех граждан всеми возможностями для личного и общественного развития. При этом констатируется, что проблема социальной справедливости оказывается взаимоувязанной с понятиями «экономическая эффективность» и «экологическая безопасность». В первом случае вопрос стоит о получении субъектом деятельности максимума возможных благ от имеющихся ресурсов. Для этого нужно постоянно соотносить выгоды (блага) и затраты (издержки), или, говоря по-другому, вести себя рационально. Рациональное поведение заключается максимизации выгоды и минимизации затрат. В этом случае справедливым должно считаться беспрепятственное перемещение ресурсов из рук менее умелых и приспособленных, в которых они оказались по воле исторической случайности, в руки более достойных. При этом в качестве достойного может быть отдельная личность, организация или государство. Но так ли это? По мнению А.Печчеи, некий гарантированный социальный минимум как минимальный уровень жизни должен быть неотъемлемым правом любого гражданина. При этом социальный минимум исходит из человеческой потребности в пище, жилье, образовательных и медицинских услугах, средствах информации, коммуникации и передвижения. Причём

этот социальный минимум должен быть оправданным с физиологической точки зрения, а также способствовать культурному развитию личности. Вместе с тем возникает вопрос о социальном максимуме, т.е. о тех верхних пределах, за которыми владение общественными благами, а особенно природными ресурсами становится предосудительными и даже преступными. Социальный максимум, как и социальный минимум – величины не постоянные. С развитием технологического прогресса данные величины растут, ибо возрастает количество и качество необходимых для обычной жизни потребностей. С другой стороны, социальная справедливость связана с экологической безопасностью как допустимый уровень негативного воздействия природных и антропогенных факторов на окружающую среду. В этом случае устойчивое развитие может быть определено как стратегия постоянно поддерживаемого (регулируемого), не разрушающего окружающую среду развития. Обеспечение экологической безопасности затрагивает социально-экономические основы развития общества. Без справедливого распределения производимых благ и природных ресурсов между всеми членами общества устойчивое развитие невозможно. При этом количество измерений социальной справедливости великое множество – это социально-экономическое, национальное (этноконфессиональное), культурное, региональное и межпоколенная. Социально-экономическое измерение социальной справедливость связано с социальной дифференциацией и распределением дохода. Степень социальной дифференциации в основном определяется различиями в занимаемом субъектами месте в производстве и распределении национального дохода, в уровне профессионального образования, в имущественном положении к периоду вступления в трудоспособный возраст и ряд других. Другое измерение обеспечения социальной справедливость в рамках устойчивого развития связано с равноправием наций и равенством культур. Равноправие народов означает установление социальной справедливость за счет отказа от деления наций на «цивилизованные» и «нецивилизованные». Равноправие подразумевает, что все народы (нации) обладают собственной ценностью, неповторимой культурой и теми же правами на производимые блага и имеющиеся природные ресурсы, которые служат основой поддержание национальной культуры и её развитие. Региональное измерение социальной справедливости связано как с неравномерностью распределения ресурсов по территории даже отдельно взятой страны, так и концентрацией благо приобретателей в столичных и отдельных привилегированных районах. Важно также достижение межпоколенной справедливости. Проблема справедливости между поколениями сводится к тому, чтобы обеспечивался механизм принудительного социально-экономического развития общества и минимизировались негативные эффекты для будущих поколений.

Литература:

1. *Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1980. – 302 с.*

Иванова Вера Николаевна,
АО "Научно-исследовательский центр по изуыению свойств поверхности и вакуума", Москва, Россия

Социальные отношения на фоне либеральной концепции, практики альтруизма и тенденций к социальной справедливости

Частое использование понятия "несправедливость" в отношении врожденных биологических либо интеллектуальных неравенств среди людей – не обосновано по причине того, что такое неравенство является результатом действия естественного отбора либо мутационных эффектов, которые, в свою очередь как раз и стоят у истоков эволюционного развития всего живого. Последнее (эволюционное развитие) носит априорно чисто случайный характер и является источником появления человека как биологического вида. Поэтому сетовать на проявление подобных случайностей бессмысленно по жизни и некорректно в научном плане. Использовать же понятия "несправедливость" в отношении имущественного неравенства между людьми, этносами или странами – тоже нет никаких оснований, т.к. это результат действия также эволюционных законов, но уже в отношении эволюции человеческой цивилизации. Такое развитие (цивилизационное) также носит стохастический (случайный) характер и без имущественного неравенства оно вообще невозможно. Для сегодняшнего широкого распространения понятия "несправедливость", видимо, есть свои особые причины, которые следует искать уже вне рамок физического либо имущественного неравенства, а внутри той либо иной идеологии. Другими словами – искать надо в современной социальной мифологии либо в политическом пиаре (очень сильно идеологизированных в последнее время). В отношении социальной мифологии, использование понятия несправедливость - это результат проявления (противоречивого по своей сути) альтруизма среди людей. Само по себе проявление альтруизма вредно для выживания отдельного индивида, но благоприятно с точки зрения выживания группы. Поэтому и воспринимается альтруизм людьми противоречиво. И именно его противоречивость, как можно показать развернутым анализом, является в результате почвой для появления социальных мифов о той самой несправедливости. Сам альтруизм в последнее время все больше набирает силу, поскольку выживание малых стран и народов возможно только через их альтруистическое поведение в условиях агрессивности крупных транснациональных компаний. Современный политический пиар, как и политика вообще – явление сугубо лицемерное, а подмена одного понятия в нем противоположным по своей сути понятием – обычный «сюжетный» ход. Именно поэтому большинство политических авантюр, экспансий и агрессий прикрывается лозунгом восстановления справедливости. Примеров этому тьма, но хотелось бы

привести два интересных по своей внутренней связи события, полностью проходившими под лозунгом борьбы с несправедливостью. Первое – это отделение Великобритании от ЕС. Формально озвученный мотив – несправедливые финансовые издержки от содержания бюрократического аппарата ЕС и бремя миграционных потоков из Азии и Африки. Фактическая причина – невозможность и дальше «обгладывать» страны ЕС «второго эшелона». Второй пример – распад СССР (фактически выход из состава Союза малых республик – среднеазиатских, закавказских и западных). Формально озвученный тогда лозунг – Российская федерация чрезмерно и несправедливо обременяет эти республики поборами в свою пользу. Фактический же повод – заевшееся и вскормленное русской глубинкой население и этническая элита этих республик захотели большей политической свободы. В этих двух примерах много общего – и распад большой экономической и политической агломерации, и фальшивые пропиаренные лозунги о якобы несправедливости, и хищнические реальные мотивы отделения, когда уже больше «украсть» нечего, а делиться нет желания с теми, кого так ловко «обглодали». В современном мире понятие несправедливость слишком гипертрофировано по широте своей распространенности и почти полностью выхолощено по своей сути при применении в конкретных случаях. Причина этому – идеологизация всего мирового сообщества на фоне перехода от традиционных войн в интересах экономических экспансий к войнам гибридным (с теми же целями), но с сильной информационной в них составляющей. Более глубокие корни такого всплеска тенденций к социальной справедливости – это процессы глобализации и, как важный результат этой глобализации – широкое распространение в мире либеральной концепции, как в экономике, так и в политике, образовании и идеологии [1]. Необходимость ликвидации экономических и региональных барьеров в интересах транснациональных корпораций для доступа к сырьевым источника и рынкам сбыта продукции и породило идеологию либеральных свобод, выродившуюся в межличностных и меж групповых отношения в эгоистическое поведение под лозунгом требований социальной справедливости [4]. Тенденции по призывам к социальной и имущественной справедливости – это неизбежный итог текущего периода эволюции нашей цивилизации. Такие тенденции играют роль отрицательных прямых связей. Их компенсация возможна за счет двух факторов, также являющихся результатом эволюции, но уже не общества в целом, а человека как вида, и человека как представителя группы. Первый фактор – это альтруистические тенденции в поведении индивидуума в составе группы [2], а второй фактор – не изжитые до сих пор ранговые иерархические различия у индивидов в составе группы [3]. Первый фактор работает против эгоистических наклонностей индивидов в группе, то второй наоборот такие эгоистические наклонности узаконивает. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Теоретико-методологические основы формирования стратегии инклюзивного развития экономики России» № 17-02-00040 «а».

Литература:

1. *Иванов А.А. Образовательный процесс и либеральная концепция // XXI век: интеллект-революция: монография / под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. – М.; Киев: Издательско-информационный центр Национального университета государственной службы Украины, 2012. – 454 с. С. 386-394.*
2. *Иванова В.Н. Кадровая составляющая интеграционной евразийской стратегии // «Евразийская интеграция: геостратегический аспект» / Под ред. Ю.М. Осипова, А.Ю. Архипова, Е.С Зотовой. – М.: Ростов н/Д: Вузовская книга, 2014. – 564 с. С. 412-421.*
3. *Иванова В.Н., Копельчук Яр.С. Этологические аспекты в проблеме формирования элит // Национальная элите – судьба России / под ред. Ю.М. Осипова, М.М. Гузева, Е.С. Зотовой. – М.; Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2009. – 579 с. С.475-483.*
4. *Миронов С. Суть социальной политики России – преодоление глубочайшего имущественного расслоения // Прямые инвестиции, № 2 (94), 2010. С.4-5.*

Ивченков Сергей Григорьевич

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия

Мнения студентов о качестве образовательного процесса в СГУ в контексте социальной справедливости

Социальная справедливость выступает сегодня важным ориентиром социального государства и пронизывает все сферы жизнедеятельности социума, включая профессиональное высшее образование. В этой сфере социальная справедливость предполагает определенный уровень удовлетворенности студентов качеством образовательного процесса. В связи с этим в конце 2016 года проводился опрос студентов методом анкетирования. Было опрошено 10% студентов (N=749 человек) всех уровней ООП (основная образовательная программа) – бакалавры, специалисты, магистры и аспиранты 20 факультетов университета.

К числу основных индикаторов в измерительной модели социальной справедливости были отнесены: оценка качества различных частей ООП с точки зрения эффекта обучения, рейтинг наиболее эффективных форм аудиторных занятий, оценки уровня удовлетворенности студентов различными показателями образовательного процесса (объем фонда электронной библиотеки, инфраструктура, оснащенность, работа преподавательского состава, деканатов и мн. др.), основные направления корректировки работы вуза.

Качественное высшее образование – это всестороннее, углубленное образование, позволяющее быть хорошим специалистом. Данная интерпретация социальной справедливости применительно к образованию оказалась наиболее популярной среди студентов (68,3% упоминаний). Чуть менее значимыми оказались мнения о практической значимости образования, позволяющей быстро включаться в работу и ценности образования, полученного в вузах с сильным преподавательским составом, высоким качеством преподавания, использованием современных методик и

технологий. Кроме того, аспект престижности образования, позволяющего получить хорошую работу и быть востребованным специалистом, также в числе упоминаний большинства студентов.

Большая часть опрошенных (84,5%) знают о том, что с 2011 года вуз перешел на обучение по новым образовательным стандартам. Чуть более 1% студентов не знакомы ни с какими частями основной образовательной программы по соответствующему направлению обучения. При этом, большая часть (81,5%) знакомы с учебным планом и календарным графиком учебного процесса, около 70% знакомы с содержанием рабочих программ дисциплин, 57,9% - с программами практик, 56,1% - набором компетенций выпускника и 55% - целью ООП. Средние оценки студентами качества данных частей ООП с точки зрения эффекта обучения достаточно высоки. 4,5 при максимальной оценке в 5 баллов выявлены по всем вышеупомянутым позициям.

Наиболее популярными формами аудиторных занятий, используемыми преподавателями СГУ являются: дискуссия и беседа. О них упоминали более 80% опрошенных студентов. Именно эти формы предоставляют наиболее широкие возможности для высказываний и аргументации позийи студентов по самым разным вопросам. Практически вдвое реже назывались метод проектов, анализ ситуаций профессиональной деятельности и мозговой штурм. Оценка эффективности данных форм с точки зрения качества передачи знаний, умений и навыков подтверждается их популярностью. Студентами чаще, упоминались именно эти формы, как наиболее эффективные.

Около 75% опрошенных студентов пользуются электронной библиотекой вуза. Средние оценки уровня удовлетворенности студентов различными показателями образовательного процесса достаточно высоки. По всем пунктам варьируются от 4 до 4,7 при максимально возможных 5 баллах. Исключение составил показатель «качество инфраструктурных объектов (спортивные сооружения, столовые, клубы)», средний балл удовлетворенности студентов - 3,8. В этом контексте студенты часто полагали несправедливым отсутствие возможности комфортного приема пищи, занятий по физкультурной подготовке, недостаточность условий для интересного проведения досуга.

В оценочный диапазон 4 - 4,5 балла попали: объем фонда электронной библиотеки, удобство расписания занятий, комфортность условий учебных помещений, учебное оборудование, работа студенческого клуба и спортивного сектора. Средние баллы в оценках от 4,5 до 4,7 баллов выявлены по удовлетворенности расположением корпусов, атмосферой в студенческих коллективах, работой преподавательского состава и работой деканатов. Самый высокий уровень согласованности в оценках студентов (низкий показатель дисперсии) был выявлен по удовлетворенности работой преподавательского состава и работой деканатов (дирекций).

В числе наиболее часто упоминаемых позиций, требующих корректировки в работе Вуза, по мнению студентов, оказались: состояние

учебных корпусов (18,7% упоминаний), состояние и работа столовой (8,6%) и техническое обеспечение образовательного процесса (8,6%).
Отдельный вопрос, вызывающий у студентов ощущение социальной несправедливости – это размеры стипендий. Государственная помощь – это все, на что может рассчитывать учащийся ВУЗа, иначе он будет вынужден меньше времени уделять учебе и разрываться между парами и подработками Однако стипендия российских студентов значительно уступает аналогичным выплатам в развитых европейских странах. Это провоцирует развернувшийся во всех вузах процесс вторичной занятости студентов, что имеет немного достоинств и много рождает проблем как с посещаемостью так и успеваемостью учащихся.

В стране должны быть созданы условия, позволяющие студентам сосредоточиться на знаниях. Все это, безусловно, требует особого внимания администрации вуза, в определении приоритетных направлений повышения качества образовательных услуг СГУ в контексте социальной справедливости.

Кабайкина Ольга Владимировна,
МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Женщина в системе управления: преодоление гендерного дисбаланса в экономической сфере

С повестки дня в мире не сходит вопрос о положении женщины в обществе и преодолении дискриминации по отношению к ней, согласно отчету ООН он занимает очень важную позицию по отношению к другим проблемам современности [1]. В данной работе мы рассмотрим возможность и способность женщины управлять и быть руководителем, ее занятость в экономической жизни страны, преодолении гендерного дисбаланса на руководящих должностях, а также результаты западных и российских исследований относительно доли занятых женщин в управлении. По результатам множества исследований, большинство российских женщин все также занимают менее престижные и оплачиваемые должности по сравнению с мужчинами, так, например, женщины по-прежнему составляют большинство в отраслях с низкой оплатой труда – в школьном образовании и медицине [2, с. 95]. На данный момент наблюдается следующий гендерный состав учителей: 88% представителей этой профессии составляют женщины [3, с. 292]. До сих пор сохраняется “стеклянный потолок”, мешающий продвижению женщин по карьерной лестнице. Большинство руководителей кадровых служб, а также женщины-менеджеры банков подтверждают наличие препятствий к продвижению, основной причиной этому называют – доминирование патриархальных/мужских ценностей в корпоративной культуре [2, с. 270-276]. При этом мы замечаем, что в литературе, посвященной менеджменту, возникает новый стиль управления (New leadership style). В рамках этого направления, именно качества, присущие от

природы женщинам, помогают успешно развивать бизнес и эффективно контролировать работу подчиненных, в то время как мужчины проходят различные тренинги для овладения этими навыками. Самое важное умение, которое отмечается – это коммуникабельность [4, с. 130]. Согласно исследованию Грант Торнтон 2016 (Grant Thornton) [5], которое было проведено на базе 6600 частных компаний из 45 стран, в странах БРИКС (Бразилия, Россия, Китай, Индия и ЮАР) доля женщин, занимающих руководящие посты, составляет 30%. Если сравнить с аналогичным показателем в странах Большой семерки (G7), то он равняется 20%, а всего по миру – 24% [6]. Что касается непосредственно нашей страны, то Россия третий год подряд занимает лидирующие позиции на мировой арене по доли женщин-управленцев. В результате исследований Грант Торнтон 2017 (Grant Thornton International), цифра женщин - руководителей в деловой сфере составляет 47%, что является самым высоким в мире [7]. При этом в России продолжают принимать законопроекты, способствующие улучшению положения женщин и преодолению гендерного дисбаланса. В принятой Национальной стратегии 2017 сказано, что доля женщин среди руководителей организаций различных форм собственности снизилась с 37,3 процента в 2006 году до 32,7 процента в 2015 году. Здесь мы находим противоречие между результатами российских исследований и зарубежных. Однако также наблюдаем позитивную динамику преодоления гендерных диспропорций, а именно: отраслевая сегрегация обусловливает сохранение более низкой по сравнению с мужчинами заработной платы женщин, но эта разница сокращается (в 2011 году заработная плата женщин составляла 67,9 процента средней заработной платы мужчин, в 2015 году - 72,6 процента) [8]. В заключение можем сделать вывод о том, что российская женщина имеет все предпосылки стать руководителем и профессионалом своего дела. Большая доля женщин представлена все также в среднем звене различных корпораций, и «стеклянный потолок» продолжает существовать, но мы видим результаты исследований, которые показывают, что женщины все чаще становятся руководителями. Возможно, некоторые данные преувеличены, выявляются противоречия между результатами российских и зарубежных исследований. Но создаются проекты, центры, интернет – площадки, способствующие преодолению гендерного дисбаланса и продвижению женщин по карьерной лестнице. И еще множество шагов нужно сделать для этого и стремиться сохранить положительную динамику улучшения положения женщин в обществе и, в частности, реализации ее в экономической жизни страны.

Литература:

1. *Глобальные вопросы повестки дня ООН. URL: http://www.un.org/ru/globalissues/women/. (Дата обращения: 30.07.2017)*
2. *Наемный работник в современной России / Отв. ред. З.Т. Голенкова. – М.: Новый хронограф, 2015. – 368 с.*
3. *Труд и занятость в России. М.: ФСГС, 2013. [WEB – доступ]*
4. *Barret M., Davidson M. J. Gender and communication at work. Aldershot, UK: Ashgate. 2006.*

5. *Grant Thornton: Россия – мировой лидер по доли женщин-менеджеров. URL: http://www.grantthornton.global/en/insights/articles/women-in-business-2016/. (Дата обращения: 15.10.2017)*
6. *Роль женщин в экономике развивающихся стран недооценена – аналитики. URL: http://www.interfax.by/news/belarus/1150335. (Дата обращения: 16.10.2017)*
7. *Grant Thornton: Россия возглавила список стран с самым большим числом женщин – руководителей. URL: https://newizv.ru/news/society/28-12-2017/rossiya-vozglavila-reyting-stran-s-samym-bolshim-chislom-zhenschin-rukovoditeley-9df35d83-6c7f-4746-b968-b8cfd9cbe*
8. *Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017 - 2022 годы. URL: http://static.government.ru/media/files/njlkIvH7WCvOIYRmcucV4jdNihEmTOUe.pdf. (Дата обращения: 01.11.2017)*

Кантемирова Инна Борисовна,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Краснодар, РФ

Инклюзия-эксклюзия людей с ограниченными возможностями в контексте социальной справедливости

Говоря о принципе социальной справедливости, мы имеем в виду создание для всех членов общества равных возможностей для реализации своих способностей и удовлетворения жизненных потребностей. А также расширение возможностей развития способностей всех граждан и выбора в соответствии с ними видов деятельности, что предполагает совершенствование системы профессиональной ориентации молодежи, всех видов профессиональной подготовки, системы адаптации кадров в трудовых коллективах и т.д.

Особую остроту в нашей стране вопрос социальной справедливости приобретает для такой социальной группы, как люди с ограниченными возможностями. Это не однородное сообщество, а дифференцированные группы с различными особенностями и специфическими потребностями. Именно представители таких социальных групп часто испытывают проблемы, свидетельствующие о несправедливости распределения благ и ресурсов, неравенстве шансов на профессиональный и социальный успех. Происходит это в различных сферах: в сфере образования, труда и занятости, в сфере культуры, досуговой и туристической деятельности. Неравенство в распределении общественных благ ощущается через систему социальных барьеров, воздвигаемых обществом в силу как объективных материальных условий, так и субъективных мировоззренческих позиций. В аспекте материальной среды существуют транспортные, градостроительные и информационно-коммуникационные барьеры. В субъективной сфере общественного сознания люди с ограниченными возможностями сталкиваются с неготовностью большинства членов общества следовать принципам социальной справедливости, воспринимать людей с ограниченными возможностями и особыми потребностями как равных, способных и социально значимых (отдельные примеры успеха – это скорее исключения, чем правило).

Фактически наши сограждане с ограничениями по здоровью часто попадают в зоны социальной эксклюзии. К этому приводит ряд причин: особенности исторического развития отношения российского общества к инвалидности, как следствие, закрепленные в общественном сознании стереотипы (восприятие людей с ограниченными возможностями как слабых и не способных к различным типам трудовой деятельности, создающих сложности организациям как системы образования, так и трудовой сферы); сложившаяся на сегодняшний день институциональная структура и материальная среда, которая требует трудоемкой и дорогостоящей модернизации с учетом особых потребностей людей с различными типами ограничений, а также привычные социальные практики (работодателей, ответственных организаторов транспортной инфраструктуры, культурно-досуговой сферы и системы образования).

Зачастую такие практики, характеризующиеся безответственностью и халатностью, приводят не к упразднению, например, барьеров материальной среды, а к раздражению в отношении людей с ограниченными возможностями со стороны граждан. Так, на улицах городов Краснодарского края, для обозначения движения лиц с ограничениями по зрению (незрячих), применяется непрерывающийся тактильный путь, который должен быть выполняется путем последовательного вкладывания резино-полиуретановой плитки с тактильными продольными полосами или специальными тактильными элементами (полоса, конус). Зачастую такой путь представляет собой бетонную ребристую поверхность, создающую дополнительные сложности не только для маломобильных групп населения, но и для слабовидящих людей, а также для обычных граждан, особенно в зимний период. Соответственно, такие ошибки не способствуют формированию толерантного, уважительного отношения к людям с ограниченными возможностями, а вызывают неприязнь и неудовлетворенность качеством городского пространства среди большинства населения.

Специфика, встречаемых людьми с ограниченными возможностями, барьеров во многом определяется видом ограничений, испытываемых человеком. Например, ограничения по зрения и по слуху связаны с разными барьерами, которые необходимо преодолевать в социальной, экономической, культурной и материальной среде.

Путем к достижению, а, скорее, приближению к реализации принципа социальной справедливости может стать развитие условий социальной инклюзии людей с ограниченными возможностями в различных сферах жизнедеятельности. Реализация социальной инклюзии связана с признанием ряда принципов. К их числу могут быть отнесены: принцип уважения и признания права на отличие, право человека на саморазвитие вне зависимости от присущих ему исходных данных и др.

Кафидов Валерий Викторович,
РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия

Труд и вознаграждение пожарных

Разговор о социальной справедливости и несправедливости многогранен и методологически сложен. Справедливость затрагивает социальную, политическую и экономическую сферы взаимодействия. В данном докладе рассматриваются частные вопросы соответствия деяния и воздаяния, в частности, труда и вознаграждения, заслуг и их признания. На рубеже веков, с середины 80-х и до конца 90-х годов возникла потребность в проведении психологических и социологических исследований в пожарной охране. С одной стороны этому способствовало возрастание сложности объектов защиты и их опасности, с другой – понимание потребности в безопасности, с третьей – вопрос о том, кто обеспечивает эту безопасность. Начались систематические социологические исследования отношения населения к проблемам пожарной безопасности и к пожарной охране, исследования удовлетворенности трудом [1]. Накануне нового века пожарная охрана, по мнению населения, обладала самым высоким престижем среди других аварийно-спасательных и экстренных служб и конкурировала только со скорой помощью. В связи с тяжелой экономической ситуацией в стране и безработицей пожарная охрана была достаточно хорошо укомплектована личным составом. Но уже в то время мы предупреждали, что с подъемом экономики ситуация может коренным образом измениться. Более того, произошли организационные изменения, и пожарную охрану поглотило новое ведомство, численность которого изначально была в десять раз меньше поглощаемой службы. В предыдущий период всех убедили, что профессия пожарного сложная и опасная и, казалось бы, вполне логично, перевели все пожарные подразделения с 3-х сменного несения службы на 4-х сменный график. С другой стороны, ряду ведомств показалось странным высоко оплачивать труд работников работающих сутки через трое. При этом интенсивность занятости пожарных на вызовах в течение дежурных суток тоже не высокая. По проводимым операциям и применяемому оборудованию не требуется и высокая квалификация труда работников. Учитывая эти обстоятельства, пришли к заключению, что для молодого бойца в некоторых регионах достаточно зарплаты 9 тыс. рублей в месяц, а в среднем 20 тыс. рублей. Следствием данной политики стало такое положение, когда до 30 процентов должностей в пожарных частях ряда регионов оказались вакантные. Игнорировать такое положение невозможно, т.к. противопожарная служба в настоящее время весьма обширна. По данным МЧС РФ «Государственная противопожарная служба (ГПС) – это 220 000 человек. Подразделения ГПС ежегодно совершают около 2 000 000 выездов, спасают от гибели и травм более 90 000 человек, материальных ценностей на

сумму свыше 120 миллиардов рублей». [2] На основании приведенных данных возникла необходимость вернуться к обоснованию таких понятий как удовлетворенность трудом работников пожарной охраны, престиж, популярность и привлекательность профессии и труда в пожарной охране. Экономическое значение пожарной охраны как специфической инфраструктурной отрасли, высокие требования, предъявляемые к пожарным - все это объективно способствует высокому престижу профессии пожарного. Однако низкая оплата труда в сочетании с повышенной опасностью для здоровья и жизни пожарного не позволяют говорить о престиже данной профессии. «Трудно назвать профессию, которая по опасности была бы сопоставима со специальностью пожарного. Эта работа требует от человека не только предельной концентрации своих физических сил, но также заставляет проявлять недюжинную храбрость и совершать подвиги в буквальном смысле этого слова. Колоссальный уровень ответственности должен хорошо поощряться, но уровень доходов работников бюджетных сфер всегда вызывал вопросы». [3]. А для чего нужны такие требования к пожарным, может быть это следствие низкой технической оснащенности. Против высокой опасности должна быть обеспечена высокая безопасность. Принято с пафосом утверждать, что «Кодекс чести пожарного» обязывает их рисковать собственной жизнью во имя спасения людей. Во-первых, следует заметить, что такого кодекса нет. Во-вторых, профессионал не должен быть героем. Вся система обеспечения пожарной безопасности должна создать условия для безопасной работы и выполнения всех возложенных на пожарных функций. Конечно, существуют очень большие различия в характере, содержании и условиях труда различных категорий работников пожарной охраны. В данном случае речь идет о пожарном – рядовом работнике оперативного подразделения пожарной охраны, занимающемся тушением пожаров. Практика показывает, что в настоящее время на пожарных автомобилях выезжает по 2-3 человека боевого расчета вместо требуемых 6 человек, что приводит к увеличению задействованного числа автомобилей. А вот какие должны быть эти работники. Вполне возможно, что вопреки существующим методикам расчет должен производиться не по автомобилям, а по числу специалистов, оснащенных техникой для выполнения боевой задачи. Возможно, это должны быть специалисты со средним профессиональным или высшим образованием. А это требует кардинальной перестройки организации пожарной охраны. Справедливость восторжествует тогда, когда высокопрофессиональные специалисты будут по заслугам оцениваться не только общественным мнением, но и материальным вознаграждением.

Литература:

1. *Кафидов В.В. Социология и технологии безопасности. – М.: Академический Проект, 2005. – 224 с.*
2. *Официальный сайт МЧС РФ, URL: http://www.mchs.gov.ru/ (дата обращения 28.06.2017)*
3. *Профессия пожарный. PROprof.ru О профессиях и профессионалах, URL: http://www.proprof.ru/ (дата обращения 28.06.2017)*

Колесниченко Мария Николаевна,
Волгоградский институт управления - филиал РАНХиГС, Волгоград, Россия

Несправедливость на современном рынке труда: проблемы и пути решения.

Проблема справедливости с давних времен интересует не только ученых, исследователей, но обычных людей. Издревле ведутся споры о том, что является справедливым, а что - нет. Феномен справедливости изучается различными науками, такими как экономика, политика, социология, этика и другие. Понимание справедливости претерпевало различные изменения в отдельных науках, обретая новые очертания и принципы. Отечественные и зарубежные исследователи по-разному трактуют понятие справедливости, тем самым подтверждаю всю сложность и многогранность данного термина. Основоположники классического либерализма, Т. Гоббс, Дж. Локк и другие, рассматривали проблему социальной справедливости в рамках естественных прав человека. Ж.-Ж. Руссо и Ш. Монтескье, рассуждая о справедливости, обращали внимание на такие права как свобода слова, совести, собраний. Проблема справедливости особенно актуальна для сферы трудовых отношений. Вопрос о справедливости заработных плат поднимался еще в работах классиков марксизма. В XX веке Р.Арон предположил, что экономический рост и повышение производительности труда в условиях постиндустриального общества «радикальным образом обновляют смысл проблемы социальной справедливости». Кроме того отечественные исследования в 70-80-х гг. XX в. связывали социальную справедливость с отношениями распределения по труду. Отечественные исследователи (А.П. Бутенко, Т.И. Заславская, Л.Н. Коган и др.) рассматривали социальную справедливость как меру соответствия трудового вклада и вознаграждения, как принцип бытия, как критерий моральной оценки, ка механизм контроля над процессами обмена и распределения. Обращаясь к сегодняшним реалиям, мы хотели бы выделить несколько проблем на рынке труда, связанных с понятием справедливости. Одной из проблем является женская гендерная дискриминация. На современном рынке труда до сих пор сохраняется неоднозначное отношение работодателей к сотрудникам-женщинам. Такое отношение проявляется уже на этапе приема на работу. Работодатели предпочитают видеть на конкретной должности именно мужчину, и в объявлении на вакансию сразу указывают желаемый пол, что в принципе является незаконным. Зачастую это касается высокооплачиваемых должностей топ-менеджмента. Еще одной причиной дискриминации женщин на рынке труда, является разделение на «мужские» и «женские» профессии. Понятно, что, к примеру, сфера строительства традиционно считается мужской, а индустрия моды сфера домашнего персонала – женской. Но политика все-таки считается мужской прерогативой, что по нашему мнению,

является несправедливым. Кроме того, в связи с тем, что в мужчинах видят потенциальных руководителей, их чаще повышают по служебной лестнице, в то время как женщины лишаются возможности продвижения по карьерной лестнице. Не является открытием и гендерные различия в оплате труда, при этом зачастую работодатель не может дать вразумительного объяснения такой ситуации. Данную проблему несправедливого отношения к женщинам на рынке труда необходимо решать. Активную позицию в данном вопросе должно занимать государство: необходимо разрабатывать программы по повышение спроса на женскую рабочую силу по средствам предоставления занятости в государственном секторе экономики, увеличивать размер заработной платы в феминизированных секторах занятости до уровня доходов «мужских» сфер деятельности. Стоит задуматься о государственном стимулировании работодателей, участвующих в поддержке женщин, по средствам развития социальной инфраструктуры организаций (строительство ясель, детских садов) в целях помощи хранительницам домашнего очага. Еще одной социальной группой, которая подвергается несправедливому отношению на рынке труда, являются выпускники вузов. Многие молодые специалисты считают требование опыта несправедливым и нелогичным. Но не стоит винить работодателей в их желании получить опытного работника, на обучение которого не нужно будет тратить финансы и время, ведь не у всех есть такие мощности и силы. При этом есть много сфер деятельности, в которых работодатель готов принять на работу молодого, амбициозного, способного к обучению выпускника вуза, с целью вырастить «своего» специалиста, приверженного компании. Но при этом молодым специалистам тоже не стоит расслабляться и попытаться получить первый минимальный опыт еще в студенческие годы. Много компаний открывают стажировки, берут студентов на работу с частичной занятостью. Ведь даже минимальный опыт работы сыграет на руку молодому специалисту. Под наличием опыта работы работодатель довольно часто подразумевают не столько запись в трудовой книжке, сколько практические навыки, которые могут пригодиться в организации. Также стоит отметить еще одну ошибку кандидатов без опыта работы – чрезмерная амбициозность и слишком высокие запросы к работодателю. Многие выпускники стремятся сразу же занять высокую должность, забывая при этом об отсутствии конкретных компетенций. Поэтому объективный взгляд на ситуацию для кандидата, желающего трудоустроиться и получить опыт, должен стать первостепенным правилом. Подводя итог, стоит резюмировать, что рынок труда является одной из сфер, в которой проблема несправедливости является чрезмерно актуальной. Отдельные категории населения подвергаются несправедливому отношению в рамках трудовых отношений. В борьбе против несправедливости на рынке труда следует опираться не только на государство, но и на институты гражданского общества и собственные силы

Литература:

1. *Аргунова В. Н. Социальная справедливость: теоретико-методологические подходы к изучению //Проблемы теоретической социологии: Межвуз. сб. – СПб., 2003. Вып. 4.*

2. *Григорьева Н. С. Социальная справедливость: эволюция понятия и практики // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право – 2008. Вып.6*
3. *Мазин А.Л. Проблема несправедливости в трудовых отношениях // Экономика и предпринимательство – 2015. – № 1 (54)*

Колодезникова Инна Валентиновна,
МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Гендерный аспект социально-экономического неравенства

Характерной чертой современного экономического развития становится стремительное вовлечение женщин в активную экономическую и предпринимательскую жизнь. Эта тенденция уже затронула большинство стран мира. На сегодняшний день 1 млрд. 400 млн. женщин уже заняты в экономике, к 2020 году по оценкам аналитиков их число возрастет еще почти на 900 млн. человек. Однако во многих областях экономики и предпринимательской деятельности по- прежнему сохраняются барьеры, ограничивающие возможности женщин в этих сферах. Среди них необходимо отметить такие аспекты социального неравенства как гендерные различия, культурные стереотипы, а также отсутствие доступа к обучению и образованию, недостаток финансовых ресурсов. Особенностями современного этапа развития экономики, связанного с появлением новых информационно-коммуникационных технологий, являются не только связанные с ними новые возможности для образования, общения и ведения бизнеса, но также и появление новых направлений ограничений. Женщины испытывают проблемы при вхождении в инновационные отрасли, в доступе к информации и сетевым ресурсам. Существует также предвзятое отношение к женщинам в сфере науки, инженерных специальностей, информационных технологий[1]. Женщины испытывают также значительные сложности при поиске инвестиций при организации своего бизнеса, связанные в первую очередь с недоверием венчурных инвесторов к проектам, инициатива организации которых исходит от женщин[2]. Между тем, если эти аспекты неравенства будут преодолены, экономики тех стран, которые приложат усилия к формированию комплекса мер по поддержке женщин в экономической сфере и предпринимательстве, получат дополнительный экономический ресурс, значительно повышающий их конкурентоспособность. Исследования показывают, что в современных условиях и развитым, и развивающимся экономикам без активного привлечения женщин не обойтись. В некоторых странах женщины составляют почти половину всех работающих. Те же страны, в которых традиционно меньше работающих женщин, многое теряют. По подсчетам американских исследователей если работающих женщин будет столько же, сколько работающих мужчин, то ВВП в Италии вырастет на 21%, в Испании - на 19%, в США, Франции и Германии - на 9%, а в Британии - на 8%.[6] В

развивающихся странах помимо указанных ограничений, существуют и другие аспекты гендерного неравенства. Компания Booz & Company провела анализ данных Международной организации труда при ООН, которая, в свою очередь, отслеживает мировую статистику рабочей силы. Так, в мировом масштабе, большинство женщин из развивающихся стран, входят в категорию «не имеющие специальной подготовки и квалификации» (без достаточного образования, которое, как правило, ограничивается средней школой); другая категория женщин «не имеет возможности или прав» (подразумевается отсутствие поддержки со стороны семьи или общества); при этом подавляющее большинство женщин «сочетают» эти причины [4]. Особенности этих двух основных препятствий для включения женщин в активную экономическую жизнь варьируются в зависимости от местных, социальных, культурных и экономических условий. Однако, в современной экономике изменения происходят стремительно и по мере того, как эти ограничения со временем будут постепенно смягчаться, - в том числе за счет расширения возможностей получения образования, изменений в местных законах и культурных нормах- это будет способствовать ускоренному продвижению женщин в мировой средний класс. Таким образом, в ближайшее время около миллиарда женщин будут иметь возможность (желание они имеют уже сейчас) более активно участвовать в экономической жизни мира. Это представляет значительную рабочую силу в таких регионах как Латинская Америка, Азия, Азиатско-Тихоокеанский регион, Ближний восток, Центральная и Восточная Европа, а также Африка. Эффект от экономической деятельности этой группы женщин пока не может быть оценен, поскольку сама оценка представляет некоторую сложность. Одно можно сказать уже сейчас- женщины, готовые активно участвовать в экономике, сосредоточены не в одной стране, а рассеяны по всему миру. Поэтому их влияние будет распространяться в рамках всей мировой экономики.

Литература:

1. *Колодезникова И. В. О роли женщины в современной экономике Вестник МФЮА 2011 №2*
2. *Peters T. Re-imagine Dorling Kindersley Limited , London 2003*
3. *http://www.wiego.org/index.html - Women in Informal Employment: Globalizing and Organizing (WIEGO)*
4. *http://www.own.ru "Гендерная революция в менеджменте"*
5. *http://www.appf21.com/ru/media/90/ заявление форума АТЭС «Женщины и экономике»*

Корастылёва Анастасия Сергеевна,
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Об проблемах управления научной сферой

Работа посвящена рассмотрению феномена «справедливости» в рамках современного этапа реформирования научной сферы в России. Управление

социально-экономическими процессами на государственном, организационном и иных уровнях обладает комплексным характером. Длительный путь реформирования отличается принципиально новыми для системы решениями, стандартами, принципами и ценностями. В современном техногенном обществе, о котором впервые стали говорить только в последний четверти XX века, происходит трансформация системы ценностей. Основными ценностями современного постиндустриального общества становятся инновации и автономия личности [1, с.15]. Таким образом, современное развитие общества, его эволюция влечет необходимость проведения крупномасштабных реформ, направленных на повышение эффективности и результативности в области образования и науки. Постмодернистская социология, оформившаяся в 80-90-е годы XX века, опирается на теорию Ж.-Ф. Лиотара об изменении природы и функций научных знаний, теорию З. Баумана о конце интеллектуалов и другие. Ученные утверждают, что современное знание операционализируется и коммерциализируется, разворачивается «статусный кризис» интеллектуалов, появляется потребность в переосмыслении своего положения и переориентации привычной практики. Историческое падение интеллектуалов с их критериями единого прогрессивного знания, истины и морали и означает приход постмодерна с его плюрализмом культур, местных традиций, идеологий, форм жизни или языковых игр, а также осознанием этого плюрализма. Таким образом, наука и ее реформирование в современном обществе требуют научного исследования. Социологическое понимание и истолкование науки, ее места и роли в развитии общества и жизни отдельных людей многогранно. В России в последние годы проводятся реформы в области образования и науки: реформа РАН (2013 год), приоритетный проект «Вузы как центры пространства создания инноваций», «Рабочие кадры для передовых технологий», передача прав на результаты интеллектуальной деятельности и прочие меры. Однако до сих пор актуальным вопросом остаются эффективность и результативность, а также необходимость проведения реформ. Возникают ситуации лавирования между инерцией старого поколения ученых, отрицающих перемены, и наукометрией и радикализмом молодого поколения, желающего применить новейшие технологии управления, «модные» методы. В поисках эффективных форм управления научно-техническим прогрессом затрагивается вопрос о распределении полномочий между ученым и менеджером, о различных сферах производства и распределения инноваций между государством, бизнесом и университетом. Так, например, было принято решение об принятии механизма грантов, а не «лотов» в научных конкурсах, принято положение о вневедомственном характере мониторинга и оценки научных организаций и прочее. Между государственным служащим и научным сотрудником в условиях современного этапа реформирования научной сферы в России возник ряд противоречий, вызывающих появление чувства «несправедливости». Так, например, 27 декабря 2017 года было опубликовано открытое письмо Президенту РФ от группы Академиков и

член-корреспондентов РАН, а также ряда ученных. Подписавшие письмо ученые отмечают, что ситуация в российской науке остается критической: реструктуризация научных институтов называется «бессмысленной», бюрократизация науки признается «абсурдной», наблюдается рост научной эмиграции из России молодого поколения. Таким образом, в России остро стоит вопрос о необходимости качественной модернизации организационной структуры и методов управления в сфере науки с целью поддержания стабильности и справедливости в распределении властных полномочий между различными категориями сотрудников.

Литература:

1. *Бауман З. Индивидуализированное общество (перевод с анг. под ред. В. Л. Иноземцева) // Центр исследований постиндустриального общества // Свободная мысль. М.: Логос, LXIV+360, т. 7, N 4*
2. *Григорьев Ю. В. Управление изобретательской деятельностью: типичные ошибки управления // Инновационный Вестник Регион. Воронеж. 2009. № 3. С. 14–22.*
3. *Зарецкий А.Д., Иванова Т.Е. Промышленные технологии и инновации: Учебник для вузов. 2-е изд. Стандарт третьего поколения. – СПб.: Питер, 2018.*
4. *Концепция участия Российской Федерации в управлении государственными организациями, осуществляющими деятельность в сфере науки: фрагменты проекта // Поиск. 2004.*
5. *Миндели Л. Э. Развитие науки: новые тенденции и задачи // Тезисы к Вступительному слову на открытии Международной конференции «Управление наукой в XXI веке: механизмы и перспективы» (Москва, 1–2 октября 2009 г.).*

Криницына Оксана Владимировна,

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Стратегии восстановления справедливости

Важность обыденных представлений о справедливости проявляется в многообразии последствий, к которым приводит нарушение ее норм. Оценка события как несправедливого оказывает влияние на когнитивные, эмоциональные и поведенческие реакции человека. Эти особенности заложены в обществе вне зависимости от социального положения, социокультурной динамики или иных бифуркационных процессов [2,3]. В данной статье использованы материалы исследования, проведенного в 2016-2017 годах в СФО. Всего в исследовании приняло участие 1500 человек, в возрасте от 18 до 75 лет, 800 женщин и 700 мужчин, разных социально-профессиональных групп. Исследование проходило методом снежного кома, анкетированием. Также было проведено экспертное интервью – 45 человек, эксперты выбирались как представители тех социально-профессиональных групп, что задействованы в анкетировании. Когнитивные и поведенческие реакции являются разными стадиями единого психологического процесса оценки справедливости/несправедливости события [1]:

1. Поиск виновника несправедливости и оценка степени его ответственности.
2. Выбор стратегии реагирования на несправедливость.

3. Реализация выбранного способа поведения.
4. Реакция на несправедливость.

Он начинается с того, что человек оценивает справедливость/несправедливость события, определяя его соответствие своим представлениям о справедливом и несправедливом. Если вопрос о несправедливости решен положительно, то наступает вторая стадия, в ходе которой определяются виновник происшедшего и степень его ответственности. На третьей стадии происходит выбор стратегии реагирования на несправедливость — от полной пассивности до активного сопротивления и наказания виновника. Наконец, последняя, четвертая стадия связана с реализацией выбранного способа поведения. Это делает важным изучение стратегий реагирования на несправедливость. Виды стратегий восстановления справедливости Чаще всего люди пытаются восстановить справедливость. Как, по их мнению, это можно сделать? Изучению этого вопроса было посвящено исследование, целью которого являлись описание и классификация основных стратегий реагирования на несправедливость. Анализ результатов позволил выделить две основных стратегии — активную и пассивную. К первому типу, «Активность жертвы», относятся те стратегии, которые предполагают, что жертва прикладывает усилия для того, чтобы восстановить нарушенную справедливость. Активные стратегии восстановления справедливости различаются:

- по способу восстановления справедливости («самостоятельное восстановление» и «восстановление с участием посредников»);
- по характеру восстановления справедливости: наказать виновника («наказание»); установить истину, возместить нанесенный ущерб («восстановление»); предотвратить совершение несправедливости в будущем («предотвращение»).

Ко второму типу, «Пассивность жертвы», относятся те стратегии, которые не предполагают активности жертвы в восстановлении справедливости. Эти стратегии различаются:

- по субъекту восстановления справедливости (виновник; судьба, случай; некто неопределенный);
- по характеру восстановления справедливости («наказание», «восстановление», «предотвращение»).

В качестве отдельной была выделена стратегия «Смирение с несправедливостью», предполагающая полный отказ от борьбы и нежелание восстанавливать справедливость. Полученные в исследовании результаты показали, что пассивные стратегии восстановления справедливости предлагаются респондентами чаще, чем активные. При использовании активных стратегий респонденты предпочитают обходиться своими силами, а не силами посредника. Использование определенных стратегий зависит от вида несправедливого события: для восстановления справедливости в событиях, виновником которых является государство или правоохранительные органы, респонденты чаще использовали стратегию «наказание», но значительно реже «восстановление» и «предотвращение».

Кроме того, для подобных событий было характерно уменьшение частоты упоминания активных стратегий, особенно предполагающих самостоятельное восстановление справедливости. По-видимому, это связано с традиционным для россиян негативным отношением к представителям власти, с одной стороны, и с ощущением собственной беспомощности при взаимодействии с ними — с другой. Кроме того, согласно полученным результатам наиболее предпочитаемой респондентами стратегией восстановления справедливости является «восстановление» (55%); наименее предпочитаемой — «предотвращение» (20%). Стратегия «наказание» используется немного чаще, чем «предотвращение», но намного реже, чем «восстановление» (25%), что говорит о восстановительной, а не карательной направленности действий людей при столкновении с несправедливостью. Таким образом, представления о справедливости достаточно противоречивы, но являются показателем в изучении общественного самочувствия в тот или иной исторический период.

Литература:

1. *Батьянова Л.Н., Иванов Р.В. Социально-политические основы развития гражданского общества / Л.Н.Батьянова, Р.В.Иванов. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017.136с.*
2. *Полюшкевич О.А. Духовная безопасность или провокация: анализ современных патриотических фильмов / О. А. Полюшкевич // Социальные проблемы и безопасность российских регионов. Материалы второго Байкальского научного социологического симпозиума / отв.ред. О.А. Кармадонов, В.А. Решетников, С.А. Инкижинова. – Иркутск, Изд-во ИГУ, 2015. – С. 259-266.*
3. *Полюшкевич О.А. Социокультурная солидарность. Иркутск, Изд-во ИГУ, 2011. 221 с.*
4. *Скуденков В.А. Лидерство и социальное развитие // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 2. С. 180-184.*

Ксенофонтова Елена Геннадьевна,

МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Анизотропность морали и менеджмент

Одна из житейских концепций справедливости опирается на симметрию или равенство прав (у НИХ должно быть не больше) и обязанностей (у НИХ должно быть не меньше) для всех членов конкретного социума, а иногда и всех представителей человечества. Однако спецификой русской ментальности иногда считают трактовку ВЫСШЕЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ как сущности более значимой, чем простое РАВЕНСТВО ВСЕХ перед кем бы то ни было, и даже как сущности надчеловеческой, рациональное обоснование которой людям не может быть доступно. В случаях управления определенным социумом, и, тем более, организацией, ВЛАСТЬ ВЕРХОВ не столько «легальна», сколько «традиционна»: «свита играет короля», хотя качество парчи у его кафтана обсуждается поуровнево-повсеместно. Тем не менее позволено этому королю очень многое, несмотря на то, что «наивные оптимисты» продолжают

ожидать с его стороны проявления высшей справедливости, тогда как остальные - «реалисты» говорят о неизбежности прохождения каждым свежеобразовавшимся королем периода «первоначального накопления капитала». Итак, взгляд СНИЗУ ВВЕРХ – никакой симметричности: «жираф большой – ему видней и это абсолютно справедливо». Исследователи особенностей национальных культур показывают по усредненной России уже не большие, а средние значения «дистанции власти», хотя усредняются при этом явные различия разных национальных регионов страны. При большой дистанции власти руководитель воспринимается (и чаще всего ведет себя) «как отец родной», однако это уже далеко не всегда и далеко не всюду. Посмотрим на реальных родителей и детей. Взрослые помнят себя детьми, и помнят, как много сил и внимания отдавали им их родители. Получат ли их родители такую же по объему отдачу чуть позже – от своих повзрослевших и ставших само-стоятельными детей? Практически нет – сопоставимую по объему сил и времени порцию получит уже следующее поколение – закономерность анизотропности (неравнонаправленности) времени аналогична АНИЗОТРОПНОСТИ МОРАЛИ. И если по сказкам та яблонька, которой помог персонаж, потом отдает ему сторицей помощь «на его обратном пути», то в жизни зачастую получается еще сказочнее – «отдают» заслуженную (справедливую) долю уважения те, кто встречается далее на пути. В наибольшей степени это касается руководителей, поскольку народная молва, разносящаяся достаточно быстро, интересуется, в первую очередь, верхами, как основанием прогнозирования своего собственного будущего. Взгляд СВЕРХУ. Моральная максима: поступай с другими так, как хотел бы, чтобы поступали (не обязательно именно с тобой) другие, в позиции руководителя модернизируется. «Они» со мною уже не могут никак поступать, поскольку «Я НАД НИМИ», но «я помню, как обращались со мной молодым мои бывшие шефы, я буду таким же и молодежь получит возможность копировать и воспроизводить в дальнейшем предоставляемый мною образец. И это справедливо». Такая «дедовщина» проявляется безотносительно к плюсам или минусам образца. Итак, НЕСИММЕТРИЧНОСТЬ ПО ВРЕМЕНИ кажется естественной, ПО ВЕРТИКАЛИ ВНИЗ – справедливой. А остается ли место для несправедливости? Да – по горизонтали. Возвращаемся ко взгляду СНИЗУ. «ОНИ (верхи) по-разному относятся к НАМ, и к ЭТИМ. Мы больше вкалываем (или больше страдаем), а эти ленятся (или более благополучны). Если верхи не хотят замечать разницу между нами – то это СОЦИАЛЬНАЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ». А если наоборот: разницу замечают и выдали премию, но «НАМ меньше, чем ТЕМ, сказав, что мы ленимся – значит НЕСПРАВЕДЛИВА САМА ВЫСТРОЕННАЯ ИМИ СИСТЕМА». «У нас более трудный участок, помощи руководства меньше, информация получаемая кривее… Вообще топы слушать и замечать нас не хотят – видят только тех, кого им выгоднее. Мы с ЭТИМИ… не в равных условиях по доле внимания и понимания руководства, и это ОБИДНО, поскольку крайне несправедливо. Мы ОЖИДАЛИ равного отношения ко всем сотрудникам и

подразделениям, хотя хотели бы, чтобы каждому по труду, или по способностям (хотя эта система чревата несправедливыми выводами), не говоря уже о несбыточном – каждому по потребностям».

«Всем не угодишь», - говорят верхи, подтверждая главный тезис автора:

- На одном уровне иерархии любая несимметричность отношения верхов воспринимается как неравенство понимания и уважения - что оценивается как несправедливость.
- Однако
  - Неравномерность отношения к разным поколениям, а также
  - Различия в статусе, и, соответственно, наличие не ограничиваемых снизу (никаким общественным контролем) полномочий более высоких уровней незыблемо, оправданно безотносительно к морали (если соблюдаются рамки приличия) и, соответственно, оценивается если не как справедливость, то хотя бы как «не нарушение справедливости».

Если считать, что каждый из нас является носителем или представителем не одного, а многих «МИРОВ», различающихся базовыми ЦЕННОСТЯМИ, то оправдание справедливости в жизненной практике, в том числе практике менеджмента, позволяет находить общий язык и общее видение правил взаимодействия, при которых приоритетными становятся иные миры и их ценности. Не верхи и низы, а специалисты конкретной отрасли или команда организации, делающая общее дело, нужное кому-то за пределами данной организации и т.д.

Таким образом, в менеджменте есть возможность переключать внимание людей и объединять всех под общими знаменами. Чем манипулятивнее подход руководителя – тем вероятнее возвращение чувства НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ.

Кузнецова Ирина Валерьевна,
МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Социальная несправедливость как следствие социального неравенства

Человеческое общество неизбежно неоднородно по своей структуре. Одной из форм проявления социальной дифференциация выступает социальное неравенство, которое проявляется в неодинаковом доступе различных категорий населения к социальным благам, таким как доход, власть и престиж. Последние определяют совокупный социально-экономический статус, т.е. положение и место человека в обществе. Социальное неравенство основывается на экономическом, которое базируется на владении меньшинством населения большей частью национального богатства. Иными словами, самые высокие доходы получает наименьшая часть общества, а средние и наименьшие — большинство населения. П. Сорокин предлагал различать социальные слои (неравные по

своему социально-экономическому статусу группы населения) по трем критериям: уровню дохода (богатые и бедные); политическому статусу (имеющие власть и не имеющие ее); профессиональным ролям (учителя, инженеры, врачи и т.д.). Т. Парсонс ввел новые дополнительные критерии: качественные характеристики, которыми люди обладают от рождения (этническая принадлежность, половозрастные особенности, родственные связи, интеллектуальные и физические особенности личности; ролевые характеристики, определяемые тем набором ролей, которые индивид выполняет в обществе (должность, уровень знаний, профессиональной подготовки и т.д.); характеристики обладания, выражающие наличие у индивидов и их групп собственности, материальных и духовных ценностей, привилегий и т.п. С точки зрения З. Т. Голенковой и Е. Д. Игитханян «вся совокупность существующих в обществе социальных неравенств может быть разделена на неравенства первого и второго уровня» . К первому уровню авторы относят неравенства системного характера: экономические, политические, социально-статусные, распределительные, властные и т.д., а ко второму – «неравенства индивидуальных свойств и возможностей личности». Современный этап развития человеческого общества характеризуется нарастанием социального неравенства. В докладе ОЭСР «FOCUS on Inequality and Growth» опубликованном в конце 2014 года говорится, что разрыв между бедными и богатыми достиг максимального за последние 30 лет уровня. Десять процентов самых богатых людей стран-членов ОЭСР имеют доходы в 9,5 раз выше, чем самые бедные. Тогда как в 1980-е годы соотношение богатых и бедных составляло соответственно 7:1. Неравенство доходов достигло наибольшего с середины 1980-х годов уровня. Среднее для стран-членов ОЭСР значение коэффициента Джини достигло 0,318 in 2014 г., по сравнению с 0,315 в 2010 г. По данным специалистов Oxfam (Oxford Committee for Famine Relief) восемь самых богатых жителей планеты владеют состоянием, которое оценивается в 400 млрд евро, в то время как 3,6 млрд наименее обеспеченных располагают примерно 384 млрд евро. То есть одному проценту самых богатых в мире людей принадлежит почти пятьдесят один процент мирового дохода . По данным отчета Global Wealth Report за 2017 г. (исследование банка Credit Suisse) наименее обеспеченные слои составляют 70 % населения планеты. Они владеют 3 % общемирового богатства. Согласно этому же отчету нижние 82 % взрослого населения России владеют активами менее 10 000 долл., активы, превышающие 100 000 долл имеют лишь 1,4 % россиян. Приведенные выше цифры свидетельствуют о том, что социальное неравенство в мире в целом и в России в частности приобретает сегодня все более настойчивое звучание. «В России наблюдается высокая степень «ненормального неравенства» (не только материального, но социального, культурного и т.д.), имеющего негативное влияние на многие стороны общественного развития» . Такое неравенство не может расцениваться обществом как справедливое. Проведенный ФОМ 18–19 марта 2017 г. опрос населения от 18 лет и старше, охвативший 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, в котором участвовали

1500 респондентов, показал, что 61% из них считают, что современное российское общество в целом устроено несправедливо .

Литература:

1. *Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д. Социальные неравенства в современной России: субъектность, основные направления развития // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года) [Электронный ресурс] Материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В.А. Мансуров — Электрон. дан.— М.: Российское общество социологов, 2016. С. 7364-7370.*
2. *FOCUS on Inequality and Growth December 2014. Directorate for. Employment, Labour and Social Affairs. URL: https://www.oecd.org/social/Focus-Inequality-and-Growth-2014.pdf [Электронный ресурс]. Дата обращения: 21.01.2018.*
3. *Башкатова А. Россия признана страной неравных возможностей. Расслоение населения по доходам сейчас выше, чем в начале нулевых // Независимая газета. Экономика. 17.01.2017. URL: http://www.ng.ru/economics/2017-01-17/1_6904_unequal.html [Электронный ресурс]. Дата обращения: 21.01.2018.*
4. *Беляева Л.А. Проблемы увеличения социальных дистанций в социальном пространстве России / Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой: В 2 т. Т 1. – Н.Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2017. С. 18.*
5. *О справедливости и несправедливости в российском обществе // ФОМ. Ценности. 07 Апреля 2017. URL: http://fom.ru/TSennosti/13279*

Курбанов Артемий Рустямович,

МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

«Забытые тропические заболевания» как вызов социальной справедливости в сфере здравоохранения

Социальная справедливость в здравоохранении является одним из приоритетов Всеобщей декларации о биоэтике и правах человека, принятой Генеральной конференцией ЮНЕСКО в 2005 году [1] и включает в себя обеспечение универсального доступа к качественной медицинской помощи и справедливого доступа к медицинским, научным и техническим достижениям [2]. Реализация этих императивов связана с преодолением различных вызовов, с которыми сталкиваются системы здравоохранения. К ним относятся «забытые тропические заболевания» (neglected tropical diseases, NTD). Эта группа была выделена Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) в результате оценки эффективности ее кампаний по борьбе с инфекционными и паразитарными заболеваниями во 2-й половине XX века [3]. NTD обусловлены природно-климатическим и социально-экономическим факторами (эти заболевания вносят значимый вклад в эпидемиологическую статистику прежде всего в развивающихся странах, финансирование общественного здравоохранения в которых очень ограничено). В связи с этим синонимом понятия «забытые тропические заболевания» является понятие «болезни бедности». Профилактика и терапия большинства NTD в строгом медицинском смысле не является проблемой, поскольку для них разработаны необходимые препараты и методики лечения. Рассмотрение

NTD в качестве одного из приоритетных направлений работы ВОЗ способствует мультипликации действий различных социальных акторов (международных организаций, неправительственных фондов, фармацевтических компаний, национальных правительств), направленных на снижение их негативных последствий для общественного здравоохранения и реализацию приоритетов социальной справедливости [4]. В июне 2017 года к категории NTD была отнесена проблема последствий укусов ядовитых змей [5]. Специалистами состояние этой проблемы в настоящее время оценивается как критическое. В ряде тропических и субтропических регионов укусы ядовитых змей являются существенным фактором, определяющим показатели смертности и инвалидизации населения. Ситуация в странах Тропической Африки и в Папуа-Новой Гвинее в настоящее время получила наименование «кризиса змеиных укусов». К его ключевым компонентам относится неравенство в доступе к эффективным препаратам и методикам лечения [6]. Терапия последствий укусов ядовитых змей с необходимостью включает применение специфических иммуноглобулинов (противозмеиной сыворотки). Доступность этих препаратов зависит от экономических возможностей конкретного государства, степени развития его научно-производственной базы (производится ли сыворотка национальными предприятиями или же импортируется), эффективности работы системы здравоохранения, уровня жизни населения в целом и степени экономической состоятельности тех его категорий, которые в наибольшей степени подвержены риску змеиных укусов. Глобальные компании, доминирующие сегодня на рынке биофармацевтических препаратов, как правило, не рассматривают производство противозмеиных сывороток в числе своих приоритетов, вследствие чего с конца 1980-х годов его покинуло несколько производителей (Syntex, Behringwerke, Wyeth), а другие сократили свое присутствие на нем (Sanofi-Pasteur). Уход крупной компании, как правило, сопровождался резким ростом дефицита сыворотки, что приводило к возникновению т.н. «сывороточного кризиса», усилению социального неравенства в доступе к квалифицированной медицинской помощи, снижению доверия к системе здравоохранения и развитию «черного рынка» [7, 8]. Примерами успешного управления проблемой змеиных укусов, направленного на достижение социальной справедливости, можно считать политику в сфере здравоохранения следующих стран: Бразилия (производство сывороток включено в национальную программу иммунизации населения и сосредоточено на 4-х государственных предприятиях, по всей стране существует сеть центров помощи при укусах змей, запасы сыворотки в которых возобновляются в соответствии со статистической информацией об этих происшествиях) [9]; Коста-Рика (в результате реализации в 1960-х годах «Программы снабжения населения противозмеиной сывороткой» был создан Институт Клодомиро Пикадо - в настоящее время самый крупный научно-производственный центр противоядий в Центральной Америке) [10]; Австралия (сформирована эталонная система медицинской помощи в ситуации змеиных укусов,

правительство страны в рамках государственного заказа финансирует производство сыворотки компанией CLS, приватизированной в 1994 году) [11]. Эти государства стремятся обеспечить для всего населения доступ к качественным медицинским услугам и важнейшим препаратам, что является условием достижения социальной справедливости в сфере здравоохранения. В США, чьи расходы на здравоохранение относятся к числу самых высоких в мире, ситуация с лечением последствий змеиных укусов не выглядит однозначной. Доступность медицинской помощи определяется платежеспособностью пациента, в случае, если его стоимость не покрывается страховкой, поскольку расходы на лечение могут превышать $ 100000 [12]. Во многих странах препятствием к достижению социальной справедливости в здравоохранении становится экономический барьер, особенно ощутимый в случае NTD. Доступность медицинских услуг определяется наличием экономических ресурсов либо у государства, либо у самих пациентов. Дифференциация доступа к здравоохранению является ярким проявлением социальной несправедливости, за которым стоят потерянные человеческие жизни и здоровье.

Литература:

1. *Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека. Принята резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО по докладу Комиссии III на 18-м пленарном заседании 19 октября 2005 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml (дата обращения: 26.11.2017).*
2. *Конференция ЮНЕСКО «Социальная справедливость в здравоохранении: биоэтика и права человека». Итоговый документ и рекомендации. Москва, 7-8 декабря 2005 г. URL: http://www.unesco.org/fileadmin/MULTIMEDIA/FIELD/Moscow/pdf/bioethics_recommendations_rus.pdf (дата обращения: 26.11.2017).*
3. *Hotez P.J. The neglected tropical diseases and the neglected infections of poverty: overview of their common features, global disease burden and distribution, new control tools, and prospects for disease elimination. / The Causes and Impacts of Neglected Tropical and Zoonotic Diseases: Opportunities for Integrated Intervention Strategies. Institute of Medicine (US) Forum on Microbial Threats. Washington (DC): National Academies Press (US), 2011. Available from: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK62521/ (accessed: 25.11.2017).*
4. *Забытые тропические болезни. Профилактика, борьба и полная или частичная ликвидация. Доклад Секретариата Всемирной организации здравоохранения. URL: http://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/EB132/B132_19-ru.pdf (дата обращения: 15.11.2017).*
5. *Chippaux J.-P. Snakebite envenomation turns again into a neglected tropical disease! // The Journal of Venomous Animals and Toxins Including Tropical Diseases. 2017. Vol. 23. P. 38.*
6. *Gutiérrez J.M., Burnouf T., Harrison R.A. et al. A multicomponent strategy to improve the availability of antivenom for treating snakebite envenoming // Bulletin of the World Health Organization. 2014. Vol. 92. PP. 526-532. URL: http://www.who.int/bulleti*
7. *Stock R.P., Massougbodji A., Alagón A. et al. Bringing antivenoms to Sub-Saharan Africa // Nature Biotechnology. 2007. Vol. 25(2). PP. 173-177.*
8. *Warrell D.A. Unscrupulous marketing of snake bite antivenoms in Africa and Papua New Guinea: choosing the right product - 'What's in a name?' // Transactions of The Royal Society of Tropical Medicine and Hygiene. 2008. Vol. 102 (5). PP. 397-399.*
9. *Chippaux J.-P. Control of ophidism in Brazil: a model for Africa. Journal of Venomous Animals and Toxins including Tropical Diseases. 2010. Vol. 16. PP. 188-190.*
10. *Gutiérrez J.M. Understanding and confronting snakebite envenoming: The harvest of cooperation // Toxicon. 2016. Vol. 109. PP. 51-62.*
11. *Isbister G.K., Brown S.G.A., Page C.B. et al. Snakebite in Australia: a practical approach to diagnosis and treatment // The Medical Journal of Australia. Vol. 199 (11). PP. 763-768.*
12. *Boyer L.V. Commentary: On 1000-fold pharmaceutical price markups, and why drugs cost more in the US than in Mexico // American Journal of Medicine. Vol 128 (12). PP. 1265-1267.*

Курганова Светлана Владимировна,
Кафедра социологии социальной работы, Саратов, Россия

Фриланс: пространство формирования справедливых трудовых отношений

В российском обществе сложился специфический рынок труда, продуцирующий различные формы социальной несправедливости: неравенство по гендерным и поколенческим признакам, неравенство в доступе к хорошо оплачиваемым и престижным рабочим местам и т.д., и т.п. Увы, проявления социальной несправедливости в трудовой сфере стали уже настолько широко распространенными и устойчивыми, что воспринимаются как нечто само собой разумеющееся. Однако на российском рынке труда к настоящему времени сформировался определенный сегмент занятости, который способен послужить образцом справедливых трудовых отношений. Это фриланс – форма занятости, в рамках которой работники осуществляют свою трудовую деятельность удаленно с использованием информационно-коммуникативных технологий, при этом не являются связанными трудовыми отношениями лишь с одним заказчиком. Как функционирует фриланс? Почему трудовые отношения в режиме фриланса можно назвать справедливыми? Во-первых, работа в режиме самозанятости объективно вынуждает фрилансеров использовать очень широкие социальные сети, в том числе виртуальные, для поиска заказчиков и презентации себя. Интернет же создает идеальные условия для предоставления равных возможностей всем участникам: и фрилансерам, и заказчикам, и новичкам, и старожилам. Сам рынок труда в режиме фриланса является слабо сегментированным. Так, беглое знакомство с виртуальными биржами труда позволяет обнаружить отдельные направления специализации фрилансеров: программирование и поддержка интернет-сайтов, медийная сфера, маркетинг, реклама, консалтинг и т.д. Кроме того, различаются универсальные и специализированные биржи труда, если первые более привлекательны для новичков, то вторые становятся центрами притяжения для уже опытных фрилансеров. Таким образом, границы между сегментами являются достаточно прозрачными и преодолеваемыми благодаря уровню мастерства и опыту работы самих фрилансеров. Во-вторых, прозрачность интернет-среды, открытость конкурсов и тендеров для поиска и выбора исполнителя того или иного заказа позволяет всем желающим фрилансерам поучаствовать в «соревновании», что помогает заказчику в выборе наиболее подходящей кандидатуры и с т.зр. уровня профессионализма, и с т.зр. затребуемого вознаграждения. Конечно, на более низкий уровень оплаты труда чаще соглашаются начинающие фрилансеры, без большого опыта работы, что неблагоприятно сказывается на уровне исполнения заказа. Таким образом, устанавливается баланс между стоимостью работы и качеством ее исполнения, что лишь подтверждает наличие чистой конкурентной ситуации между работниками в данном сегменте занятости. В-третьих, еще одним

следствием открытости интернет-пространства является равенство всех участников виртуальной биржи труда в отношении выполнения взятых на себя обязательств, будь то реализация проекта на должном уровне и в обозначенные сроки или оплата выполненного заказа. Не важно, каков у фрилансера опыт работы, насколько обширны его связи в профессиональном или ином сообществе, насколько крупна фирма-заказчик, обязанности должны быть выполнены. В противном случае последуют санкции, результатом которых будет потеря репутации – главной ценности для фрилансера и значимого ресурса для заказчика, что серьезно осложнит положение обоих в данном сегменте. Перейдем к последнему вопросу: что позволяет устойчиво воспроизводить справедливые трудовые отношения в данном сегменте занятости? Ответ следует искать в самой природе фриланса. Интернет, основной ареал обитания фрилансеров, создает среду, отличающуюся максимальной информационной проницаемостью, что является очень важным условием для формирования классической конкуренции и собственно рыночных отношений. Как следствие этого, в данном сегменте занятости не только заказчики выбирают исполнителя, создавая конкуренцию среди фрилансеров, что является обычной ситуацией. Последние также имеют возможность выбирать заказчика, поскольку фриланс предполагает обязательную множественную портфельную занятость или отказ фрилансера от работы исключительно на одного заказчика, что, в свою очередь, стимулирует развитие конкурентных отношений среди работодателей. Конечно, на виртуальном рынке труда соотношение заказчиков и исполнителей отнюдь не в пользу вторых. Это значительно подрывает возможности развития конкуренции среди заказчиков за фрилансеров, однако не отменяет конкуренцию за высокопрофессиональных фрилансеров. Наконец, труд фрилансеров связан с обработкой и продуцированием информации, что определяет его как высокоинтеллектуальный. Фрилансер одновременно является и субъектом труда, и средством производства, что повышает его значимость в трудовом процессе и вынуждает работодателя особо считаться с ним. Ведь по большому счету, лишь сам фрилансер в полной мере способен как проконтролировать процесс выполнения своей работы, так и дать оценку ее качеству. Таким образом, современный российский рынок труда является очень сложным образованием со множеством крайне различающихся сегментов. На настоящий момент фриланс является очень небольшим, но активно функционирующим сегментом – зоной установившихся справедливых трудовых отношений, способных на самоподдержание, что объясняется самой природой фриланса – активным использованием интернет-ресурсов, паритетностью отношений между работодателями и исполнителями, специфичным содержанием труда фрилансеров.

Лебедева Надежда Олеговна,
Удмуртский Государственный Университет, Ижевск, Россия

Измерения культуры согласно Г. Хофстеде: Китай

В период глобализации, когда сотрудничество между представителями различных культур и стран выходит на качественно новый уровень, все большую актуальность приобретают исследования кросс-культурных коммуникаций. К сожалению, в большинстве случаев при ведении бизнеса с партнерами из других стран не учитываются особенности менталитета, традиции и обычаи. Это не позволяет собеседникам по-настоящему понять друг друга и выстроить долгосрочные доверительные отношения. Голландский социолог и антрополог Герт Хофстеде разработал типологию культурных измерений, в соответствии с которой были выделены пять измерений, позволяющих оценить влияние культуры общества на ценностные ориентиры своих членов. 1.Индивидуализм (обособленность) - в противовес ему выступает коллективизм (сплоченность). Чтобы дать какую-либо характеристику Китаю по данному критерию, достаточно обратиться к Конфуцианскому канону, в соответствии с которым можно выделить ряд категорий, подтверждающих нравственную основу сплоченности общества. -義 [yì] - И, что в переводе означает долг, дружеские отношения; -忠 [zhōng] - Чжун, служба верой и правдой, верность; -大同 [dàtóng] - Датун, Великое Единение, согласованность. В рамках организационной структуры и трудовых отношений принцип коллективизма выражается в принятии групповых решений, стремлении работать в крупных компаниях, наставничестве, в более длительном продвижении по карьерной лестнице, подготовке персонала, участии в тренингах, моральных обязательствах перед организацией, высоком значении опыта и престижа. Стоит отметить, что показатель обособленности для Китая составил всего 20 баллов. 2.Дистанцированность от власти - это измерение оценивает отношение членов общества, наделенных меньшей властью, к зависимости от правящих элит, принятие ими неравномерного распределения власти, иерархической структуры общества. Традиционно иерархия в Китае рассматривается как образ жизни. Совсем не удивительно, что данный показатель для этой страны достигает 80 баллов. В китайском обществе по-прежнему придерживаются принципов Конфуцианства: -禮 [lǐ] - Ли, поклонение, этикет; -孝 [xiào] - Сяо, усердное служение родителям, исполнение перед ними долга; -悌 [tì] - Ти, почтительное отношение к старшим; - 順 [shùn] - Шунь, покорность, повиновение; -三綱 [sāngāng] - Саньган, Три устоя (абсолютная власть мужа над женой, отца над сыном, государя над подданным). В повседневной жизни принцип "дистанции власти" выражается в беспрекословном подчинении

вышестоящим должностным лицам, согласовании с ними принимаемых решений, страхе выражать несогласие с руководителями, в высокой оценке лидерских качеств, уважении к старшему поколению, в особенности, к родителям. Чаще всего, на приверженность авторитарным ценностям не влияет уровня образования. 3.Избегание неопределенности - данное измерение определяет реакцию членов общества на непредвиденные ситуации, перемены, внезапные события. В соответствии с результатами исследования Герта Хофтеда уровень данного показателя для Китая равен 30 баллам. Стоит отметить, что исследование Хофстеда проводились в 60-70 годы XX столетия, когда экономика Китая находилась в очень тяжелом положении. В стране были распространены мелкие кустарные производства, а государственные компании в основном были убыточными. Люди жили сегодняшним днем. Становление бизнес-культуры в Китае приходится на конец XX - начало XXI веков и связано с проведением политики реформ и открытости. Именно этим можно объяснить невысокий показатель избегания неопределенности, который характеризуется преобладанием небольших организаций, отсутствием долгосрочных планов, смирением с неопределенностью, ориентацией на индивидуальные достижения и сильной мотивацией для достижения целей. Однако невозможно отрицать наличие в китайском обществе четкой иерархии и ее беспрекословное соблюдение. 4."Мужественность" - Г. Хофстед назвал этот показатель маскулинностью. В обществе с высоким значением этого измерения сохраняется четкая иерархия, а социальные роли мужчин и женщин строго закреплены. В соответствии с результатами исследования данный критерий для Китая равняется 66 баллам. Исторически "мужественность" китайского общества подкреплена конфуцианскими канонами: Улунь и Саньган, которые подчеркивают подчинение женщины мужчине. Однако "женственность" также характерна Китаю, она выражается в сохранении культурных и семейных ценностей. 5.Стратегическое мышление - данное измерение характеризуется долгосрочной или краткосрочной ориентацией на будущее. У Китая самый высокий показатель по данному критерию, он равен 118 баллам. Опрос по данному критерию проводился в 80-е годы XX века. Именно тогда страна меняет вектор развития и открывает свои границы. Несмотря на сохранение и приверженность традициям, члены общества строят долгосрочные цели, с надеждой смотрят в будущее. В это время происходит кардинальное изменение экономической модели: первоочередными задачами становятся решение проблемы мотивации рабочих, введение коллектива сельских жителей, что позволило сохранить коллективизм в обществе, сокращение государственного регулирования экономики, поощрение создания совместных с иностранными организациями предприятий. Не исключено, что большинство членов общества понимали: невозможно справиться с накопившимися проблемами за короткий срок. Тем не менее, Китай, "открыв двери" для иностранцев, не растерял свои традиции и ценности.

Литература:

1. *Г. Хофстеде, Значение культуры, 1984*

Лещенко Любовь Александровна,

Волгоградский институт управления-филиал РАНХиГС, Волгоград, Россия

Теоретико-концептуальные подходы к изучению сущности феномена старости

Вопрос, связанный с изучением старости как заключительной стадии жизненного цикла является одной из центральных тем, которая находит свое отражение начиная с трудов древних мыслителей, и не теряет своей актуальности в XXI веке. В настоящее время в научной литературе представлен широкий спектр концепций, теорий, отражающих социально-экономическое положение пожилых людей в социуме. Так на основании проведённого теоретико-методологического анализа были рассмотрены научные направления, изучающие старость как аспект возрастного неравенства. Начиная с трудов древнегреческого философа Аристотеля старость, рассматривается как период, во время которого людей покидают физические, умственные силы, духовные способности [1, с. 321–329]. В свою очередь, Сенека разделяет человеческую жизнь на четыре периода: «младенчество», «детство», «отрочество» и «старость». По его мнению, в период старости появляется возрастная усталость, а не немощность [2, с. 180–202; 3, с. 85]. Более рациональное понимание старости дается в период Нового времени в работах Ф. Бэкона и Т. Гоббса, где старость, как жизненный период, рассматривается, с одной стороны, как физическое увядание, а с другой – как особое состояние души [4, с. 56; 5, с. 21; 6, с. 85–120]. В частности первые социологические теории, связанные с изучением особенностей процесса старения, возникли в 60-х гг. XX в., когда превалировала идея о том, что последствия индустриальной революции и развитие национальных государств имеют отрицательные последствия для лиц пожилого возраста [7, с. 75]. По мере того как производственный труд перемещался из дома на фабрики, люди пожилого возраста оказались в зоне риска, что отразилось на их экономической независимости и активности. Таким образом, первые социологические теории были сосредоточены на изучении особенностей адаптации пожилых людей к ситуации приобретения нового социально-экономического статуса и положения. Согласно теории «старения как уменьшения обязательств», представленной в трудах американских исследователей Э. Камминга, В. Генри, старость рассматривается как отстранение индивида от активной социальной жизни и общества в целом. По мнению Э. Камминга, В. Генри, «…ослабление взаимодействий между стареющими индивидами и обществом сформировалось как универсальный процесс, который освобождает пожилых от давления социальных институтов и соблюдения социальных норм, что

облегчает переход от жизни к смерти» [7, с. 125]. В рамках теории конфликтов (Волкер А, Филипсон С.) была предложена концепция структурной зависимости, согласно которой распределение социальных ресурсов в обществе происходит неравномерно. Как правило, наибольшее вознаграждение получают социальные группы, которые принимают активное участие в процессе производства товаров и услуг. В частности социальные группы не участвующие в экономическом секторе (лица пожилого возраста) подвергаются дискриминации, которая связана с ограничением доступа к материальным и социальным ресурсом общества. Большинство ученых-социологов, проводивших свои исследования на рубеже 60–70-х гг. XX в., признавали, что уход пожилых людей от активной социальной жизни не является универсальной социальной закономерностью или нормальной составляющей социального процесса. В частности, в трудах Р. Хэвигхерста, Ш. Тобина изоляция и отказ от социальной активности не являются естественными процессами в ходе старения [8, с. 168]. Подводя итог вышесказанному необходимо еще раз отметить, что в рамках философского и социологического подхода принято рассматривать две противоположенные точки зрения, касающиеся феномена старости. С одной стороны старость рассматривается как период жизнедеятельности, для которого характерно духовное обогащение и социально-экономическое равенство между социально-возрастными группами. В частности ряд авторов в своих концепциях придерживаются противоположенной точки зрения, согласно которой, старение является периодом затухания физической, умственной деятельности, что способствует отстранению индивида от процесса производства и социальных институтов.

Литература:

1. *Аристотель. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. 550 с.*
2. *Сенека Луций Анней. Письма Луцилию. Симферополь: Реноме, 1998. 384 с.*
3. *Сенека Луций Анней. О благодениях. М.: Республика, 1995. 630 с.*
4. *Бэкон Ф. Опыты, или наставления нравственные и политические. 1597–1612 // Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 348–481.*
5. *Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 3–623.*
6. *Гоббс Т. Человеческая природа // Сочинение в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 507–573.*
7. *Сергеева О.В. Социология старения и возрастного неравенства (обзор западных концепций) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2012. № 2. С. 74–79.*
8. *Cumming E., Henry W. Growing Old: The Process of Disengagement. New York: Basic Books, 1961. 293 p.*
9. *Havighurst R.J., Neugarten B.L., Tobin S.S. Disengagement and Patterns of Aging // Middle Age and Aging: A Reader in Social Psychology. Chicago: University of Chicago Press, 1968. P. 161–172.*

Липатова Людмила Николаевна,
Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Птербург, Российская Федерация
Градусова Валентина Николаевна
Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Птербург, Российская Федерация

Гендерное неравенство на рынке труда в России

Гендерное неравенство на рынке труда в России проявляется в нескольких случаях. При отборе персонала работодатель, как правило, при прочих равных условиях, отдает предпочтение мужчинам, принимая во внимание возможные перерывы в работе женщин, связанные с рождением и воспитанием детей. Однако факт дискриминации по половому признаку при приеме на работу доказать сложно, а если такое и случится, то после этого вряд ли благополучно сложатся отношения с работодателем. Выявить такие случаи можно только путем соцопросов. Статистически неравное положение полов на рынке труда проявляется в продолжительности безработицы. Средняя продолжительность поиска работы составила в 2015 г.: женщин – 7,4 мес., мужчин – 7,1 мес. Доля длительной безработицы (1 год и более) среди женщин тоже больше, чем среди мужчин (в 2015 г. 28,0 % и 26,7 % соответственно) [1, с. 141]. Существует неравенство и в оплате труда представителей разных полов. Так, в 2015 г. отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин в российской экономике составляет 72,6 % . Скорее всего, эти различия еще больше. Поскольку статистика оперирует данными выборочных обследований крупных и средних организаций, на которых, как правило, существуют системы оплаты труда, заключаются коллективные договоры между работниками и работодателем. На малых предприятиях зачастую платят столько, сколько могут – «по договоренности». Женщины, ощущая свое уязвимое положение на рынке труда, соглашаются на более низкую заработную плату по сравнению с мужчинами. Статистика показывает, что наибольший разрыв в оплате труда мужчин и женщин отмечается в таких видах деятельности, как деятельность по организации отдыха и развлечений, культуры и спорта, добыча полезных ископаемых (73 – 74 %). Наименее дифференцирована заработная плата в зависимости от половой принадлежности работника в сфере образования (94 %) и строительстве (90 %). Прямой связи различий в оплате труда с показателем удельного веса женщин в составе занятых не наблюдается. Так, в добывающих отраслях и строительстве доля женщин в общей численности работников примерно одинакова – 19,3 % и 19,2 % соответственно, но соотношение в оплате труда существенно различается. Женщины-руководители в России в среднем зарабатывают почти на 30 % меньше мужчин, примерно такое же соотношение заработной платы мужчин и женщин в категории служащих, занятых подготовкой и оформлением

документации, учетом и обслуживанием. Средняя заработная плата рабочих-мужчин на 61 % больше, чем женщин – представительниц этой категории работающих. Среди специалистов отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин составляет менее 72 %. Из выделяемых Росстатом 9 групп занятий наибольшие различия в оплате мужского и женского труда отмечаются среди специалистов среднего уровня квалификации, особенно среднего специального персонала в области правовой, социальной работы, культуры, спорта и родственных занятий (отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин составляет 38,7 %), наименьшие – среди неквалифицированных рабочих (указанный показатель составляет 85,5 %). Некоторые виды занятий позволяют российским женщинам зарабатывать немного больше мужчин: квалифицированная работа в сельском хозяйстве (на 6 % больше), неквалифицированная работа по сбору мусора (на 1,6 % больше), уборка и услуги по дому (на 1,3 % больше). Если сравнивать заработную плату мужчин и женщин в течение их трудовой жизни, то минимальные различия отмечаются среди работников в возрасте 20 – 24 года, когда и те и другие получают наименьшую в своей жизни заработную плату. По мере роста заработной платы нарастают и различия в оплате мужского и женского труда. На пике заработной платы, приходящемся у представителей обоих полов на возраст 35 – 39 лет, отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин составляет 66,7 %. Отчасти различия в оплате мужского и женского труда можно объяснить тем, что мужчины больше работают. Но, по данным статистики, в 2015 г. продолжительность фактически отработанной рабочей недели мужчин была больше, чем у женщин лишь на 2 – 3 %. Другая объективная причина отмечаемых различий в оплате труда мужчин и женщин – условия труда, с ухудшением которых, в соответствии с российским законодательством, устанавливается материальная компенсация вреда, наносимого здоровью. Действительно, на работах с вредными и (или) опасными условиями труда заняты в основном мужчины [1, с. 109]. Можно также предположить, что заработная плата женщин меньше, чем мужчин по причине более высокого уровня образования последних. Однако статистика это не подтверждает. Так, среди работающих с высшим профессиональным образованием женщины составляют 55 %, со средним профессиональным образованием – 51 % [1, с. 66]. Женщины с высшим образованием зарабатывают в среднем на 30 % меньше высокообразованных мужчин. Среди работающих с образованием более низкого уровня разрыв в оплате мужчин и женщин превышает 1,5 раза. Таким образом, не всегда различия в оплате мужского и женского труда объективно обоснованы. Отчасти они связаны с большей продолжительностью рабочего времени и тяжелыми и / или вредными условиями труда. Выявлять такие нарушения возможно с помощью социологических опросов, специальной «горячей линии» по вопросам нарушения прав женщин в трудовой сфере, а также путем внесения таких сведений в формы статистической отчетности предприятий и организаций.

Литература:

1. *Женщины и мужчины России. 2016.: Стат. сб. / Росстат. – 2016. – 208 с.*

Майорова Людмила Васильевна,
РГУФКСМиТ, Москва, Россия

Справедливость в управлении образованием: качество образования

Рассматривая проблему образования в соотношении с понятием «справедливости», отражающего принципы долженствования, истинности, основанного на нравственности поступка, пользы для дела и результатах деятельности сообщества, встает вопрос, для какого мира определена подобная категория? И в каком мире – живет человечество? Насколько этот мир является справедливым? И как эта справедливость проявляет себя в определенных областях? Или говорить о справедливости вообще не имеет смысла в современном мире? И именно, название данной конференции «Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира» отражает ситуацию с дихотомией понятий справедливость – несправедливость в обществе. Словарь Ожегова дает короткое и понятное определение «справедливый - действующий беспристрастно; соответствующий истине». [1] Вопрос об объективной справедливой оценки деятельности вузов по повышению качества образования является острой и достаточно устойчивой проблемой, которая ежегодно пополняется новыми подтверждающими фактами, так показатель «соотношение количества преподавательского состава к числу студентов» последние годы снижается, в связи с чем, происходит массовое увольнение преподавателей вузов, повышается нагрузка и интенсивность работы преподавателя, что явно снижает качество и эффективность результатов образования. Подкрепляются данные противоречия публикацией результатов мирового рейтинга вузов QS WUR ("Рейтинг мировых университетов"), в котором МГУ имени М.В.Ломоносова занял 95-е место. [2, 4] Проблема справедливости усиливается тем, что у всех российских вузов исчезает возможность какого-либо участия в мировых рейтингах и конкуренции в подготовке качественных специалистов. Предлагаемый критерий показателя «соотношение преподавательского состава к числу студентов» в среднем для вузов составляет 1 : 10, который имеет тенденцию к уменьшению 1 : 15, в соответствии с дорожными картами, а критерий показателя в рейтинге QS равен 20%, то есть 1 : 5. [3, 5] Такое соотношение на сегодняшний момент и тенденция к уменьшению в РФ несправедливо обосновывается экономической оптимизацией образовательного процесса в ущерб качеству образовательного процесса. В результате проведенного анализа источников были выявлены противоречия, связанные как с величиной самого критерия, так, и с содержанием, и объемом выполняемых работ преподавателя. В

работе «Совершенствование норматива соотношения профессорско-преподавательского состава и студентов в федеральных и национальных исследовательских университетах» авторы отмечают, что соотношение преподавателей и отечественных студентов дневного отделения к началу 80-х гг. стали 1 : 8—1 : 5. Кроме соотношений по различным формам обучения, введены и соотношения по некоторым отдельным преимущественно творческим специальностям («Актерское искусство» — 1 : 4, «Режиссура» — 1:5, «Хореографическое искусство» — 1:4, «Режиссура хореографии» — 1:5 и т.д.). Пример приведенной в этой работе, относительно творческих профессий, говорит об индивидуальных формах работы со студентами. Отсутствие единых подходов и критериев оценки важности тех или иных факторов, влияющих на расчет ППС, повлекло появление всевозможных способов определения соотношения числа преподавателей и студентов, поставило вузы в неравное положение относительно друг друга и создало предпосылки для нового подхода к определению штатов ППС вузов.[3] Рассматривая предложения Гераскина Н.И. с соавторами по величине соотношения ППС и студентов «универсального среднего соотношения 1:10 (постепенно уменьшая его в среднем до 1 : 15) по всем государственным вузам России»[3, С.41], считаю, что подобные предложения, по уравниванию показателей, ведут к необоснованному отсутствию особенностей в подготовке специалистов в различных областях: не учитывают лабораторную базу и оснащенность образовательного процесса, не содержат для этого достаточных аргументов, нет конкретных расчетов, основанных на анализе предыдущего опыта применения этого показателя. В качестве показателей авторы предлагают использовать: «формы обучения; уровень и направленность реализуемых образовательно-профессиональных программ для бакалавров, магистров, специалистов; научно-педагогический потенциал вуза; специфику отдельных специальностей».[3. С.41] Данное предложение не позволяет решить проблему справедливости по загруженности преподавателя, содержания выполняемых ими работ и другие аспекты современного образовательного процесса. Пути решения проблемы справедливости в образовании, его качества находятся в секторе государственного и внутри вузовского управления образованием, которые требуют дальнейшего изучения с целью объективной оценки деятельности вузов по повышению качества образования и создания механизма реализации для его повышения.

Литература:

1. *Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс] – заголовок с экрана – http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=30213*
2. *В рейтинг лучших университетов мира вошли 24 российских вуза [Электронный ресурс] / Электронный портал Meduza. – 2017. - Режим доступа: https://meduza.io/news/2017/06/08/v-reyting-luchshih-universitetov-mira-voshli-24-rossiyskih-vuza - Дата обращения 30 июня 2017 года*
3. *Гераскин Н.И. Совершенствование норматива соотношения профессорско-преподавательского состава и студентов в федеральных и национальных исследовательских университетах / Н.И.Гераскин, К.С.Зайцев, Э.Ф.Крючков // «Рубеж» альманах социальных исследований [Электронный ресурс] / Электронный образовательный*

портал ЭСМ. – 2010. - Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/rubezh/msg/30062185.html - Дата обращения 28 июня 2017 года

4. *МГУ вошел в сотню лучших вузов мира по версии QS World University Rankings [Электронный ресурс] / Электронный портал РИА. – 2017. - Режим доступа: https://ria.ru/science/20170608/1496043650.html - Дата обращения 30 июня 2017 года*

5. *Рейтинг университетов мира THE-QS [Электронный ресурс] / Электронный портал «Medelle». – 2017. - Режим доступа: http://www.education-medelle.com/articles/rejting-universitetov-mira-the-qs.html - Дата обращения 30 июня 2017 года.*

Макаренко Екатерина Игоревна,

Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Москва, РФ

Справедливость в реализации социального потенциала российской технической интеллигенции в условиях постмодерна

Социальная справедливость как концептуально этически и ценностно обоснованное построение, развернутое на общественную практику есть область действительных экономических, политических, правовых, нравственных и иных отношений. Различают формальную и содержательную (субстантивную) социальную справедливость. Субстантивную, в свою очередь, можно разделить на дистрибутивную (обращенную к распределительным отношениям) и ретрибутивную (направленную на отношения возмездия и воздаяния) справедливость[1: 495]. К технической интеллигенции автор относит специалистов с высшим техническим образованием, занятых в производстве, а также в сфере разработки интеллектуального продукта для развития науки и техники, а ее социальный потенциал предлагает рассматривать как специальную систему объективных и субъективных факторов (непосредственно или косвенно) детерминирующих социальную активность представителей технической интеллигенции и обуславливающих возможность получения ими социально-значимых результатов в различных сферах общественной жизни – трудовой, социально-политической и духовной. В свою очередь, социальный потенциал технической интеллигенции можно разделить на субпотенциалы: инновационно-творческий, ценностный, профессионально-квалификационный, интеллектуальный и др. В данном случае выделим профессионально-квалификационный субпотенциал, который характеризуется способностью индивидов к занятию специфической деятельностью, определяемой производственно-технологическим разделением труда и его функциональным содержанием, а также уровнем подготовленности представителей технической интеллигенции к специальному виду занятий. Современное российское общество переживает сложный и болезненный этап, связанный с переходом к новому технологическому укладу, цифровизацией экономики, реиндустриализации производства. Многие социологи относят этот период к постмодерну,

который, как известно, характеризуется радикальными изменениями в обществе, культуре, общественном сознании, связанными с развитием науки, всемирной информатизации, технологическими прорывами. Одним из приверженцев постмодернисткой парадигмы является немецкий ученый У.Бек, который подошел к анализу состояния современного общества с позиции исследования рисков: «… узаконить их (риски. прим. автора) можно только на ранней стадии – в «качестве скрытых побочных действий». Вместе с их универсализацией, публичной критикой и (анти)научными исследованиями они сбрасывают покров латентности и получают новое и центральное значение при обсуждении социальных и политических конфликтов» [2; 14]. Российский социолог С.А.Кравченко понимает риски как «возникновение ситуации с неопределенностью, основанной на дихотомии реальной действительности и возможности: как вероятности наступления объективно неблагоприятного последствия для социальных акторов (индивидуальных или коллективных), так и вероятности обретения выгод и благ, что субъективно воспринимается акторами в контексте определенных ценностных координат, на основании чего осуществляется выбор альтернативы действия» [3, с. 493–494].

Техническая интеллигенция в значительной степени является социальной базой для реализации планов подъема отечественного промышленного производства. Постмодерн позволяет оценить дальнейшее развитие производства не как определенный набор традиционных эволюционных технико-технологических процессов, а как определенный «риск» для экономики и общества в целом. Предпримем попытку оценить те риски, которые характерны для деятельности российской технической интеллигенции с точки зрения социальной справедливости в рамках реализации профессионально-квалификационного субпотенциала. Риски в реализации социального потенциала технической интеллигенции выявлены автором в ходе ряда оригинальных эмпирических исследований (2010-2016 гг.) и на основе изучения ряда теоретических научных источников последних лет [4] .

Социальные риски с точки зрения содержательной стороны социальной справедливости можно разделить на дистрибутивные и на ретрибутивные. Тезисно обозначим ведущие из них. К дистрибутивным рискам (обращенным к распределительным отношениям) отнесем следующие: - риск снижения социального и материального статуса интеллектуального труда в связи с массовизацией высшего образования, ростом количества специалистов, возрастанием конкуренции на рынке труда; - риск депрофессионализации из-за отсутствия реальной, постоянной занятости по профессии и невозможности получить достойную заработную плату; - риск утраты профессиональной преемственности. Риск обусловлен нежеланием многих родителей связать профессиональную судьбу своих детей с техническими профессиями в силу низкой оплаты труда и сложностями трудоустройства и др. Указанные риски создают неблагоприятную почву для реализации профессионального потенциала российской технической интеллигенции с

точки зрения потери справедливой оплаты своего труда, возможности через профессионализм повысить уровень своего благосостояния. Ретрибутивная справедливость связана с поощрениями, вознаграждениями людей за их общественно-полезные достижения, выдающиеся результаты, успехи, с одной стороны, и наказаниями, взысканиями, возмездиями, санкциями за неправомерные и аморальные действия, с другой. К сожалению, современное российское общество не позволяет в полной мере реализовать подобный тип справедливости. Поэтому такие риски как: профессиональной не

Литература:

1. *Мальцев Г.В. Социологический словарь / отв.ред.Г.В.Осипов, Л.Н.Москвичев; уч.секр. О.Е.Чернощек. – М.: Норма, 2008.*
2. *Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну. _ М.: Прогресс, 2000.*
3. *Кравченко С.А.. Risk // Кравченко С.А. Социологический толковый англо-русский словарь. М., 2012.*
4. *Силласте Г.Г., Формирование новой экономической интеллигенции в условиях рыночной экономики: монография. – М.: Инфора-М, 2017; Кравченко С. А., Подберезкин А. И. Диагностика доверия к безопасности России в условиях нового знания о рисках и уязвимостях // Гуманитарий Юга России. 2017. № 1. С. 27-41; Попова И. П. Профессиональная карьера в сфере науки и технологий - к проблеме устойчивости // Социологические исследования. 2017. № 12. С. 124-134; Фаддева Л.А. Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопед.. изд-е. – М.: Изд-во «Весь мир», 2017.*

Макаров Сергей Николаевич,

Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия

Три аспекта справедливости власти в организации. Время действия – постмодерн.

Со времени декларации тезиса «пересекайте границу, засыпайте рвы» (Лесли Фидлер, 1969), постмодерн содержательно обогатился различными научными концепциями, которые объясняли социальные процессы с позиции нового вида реальности. Этот новый вид реальности является продуктом информационного общества, где средства массовой информации и научно-технический прогресс изменяют жизненные ориентиры индивида и общества в целом. [1, 251-264] Бодрийяр Ж., по-новому трактуя процесс отчуждения и не отходя от позиции социологического реализма, выстраивает структуру социального, в котором наблюдается отрыв означаемого от означающего, девальвируются нормы и ценности, хаос становится высшей формой порядка. [2] На уровне организации изменяются, казалось бы, незыблемые вещи, восприятие которых в обществе не может быть различным. Они начинают подвергаться сомнению с точки зрения появившейся симулятивного тренда в трактовке феноменов. Так, труд перестает быть производительным и переходит в область ресурса социализации, властные органы, которые номинально считаются представительными, перестают представлять, и так далее. Подобные трансформации затрагивают отношения власти и подчинения, а также категорию «справедливость». Рассматривая

справедливость как некое состояние, при котором деяния соответствуют воздаяниям [3], классическая социально-философская мысль осуществляет поиск форматов соблюдения этого баланса, который был позволил общественным институтам продуцировать правила, способные ориентировать личность в отношении собственных поступков. Различные теории справедливости, которые получили свое распространение именно в эпоху постмодерна на основе ревизии классических теорий (Д. Локка, Ж-Ж. Руссо и И. Канта), пытались осмыслить происходящие в обществе процессы. [4] Применительно к властным взаимодействиям в организации, мысль о том, что люди стремятся к увеличению собственной выгоды за счет уменьшения доли общей, выводит на новый уровень современный процесс управления компанией. Руководитель становится не просто субъектом реализации власти, которой он наделен в силу своего статуса, но и творцом принципа справедливости. Принцип социальной справедливости выступает в роли основания общественного договора, который поддерживает целостность организационной конструкции, социализируя сотрудников в организационном пространстве. Принятие постулатов данного принципа может быть результатом рационального анализа выдвигаемых положений всеми участниками организационных взаимодействий. В современной организации принято говорить о трех аспектах справедливости власти, в контексте их фиксации на так называемых «конечных бенефициарах». А именно: справедливость власти для организации, справедливость власти для руководителя, справедливость власти для сотрудника. Справедливость власти для организации связана с самой возможностью существования организационной среды как части социума. Экономическая целесообразность выступает на первый план. Справедливость управленческих норм и ценностей уровня организационного построения заключается в том, чтобы при распределении материальных продуктов конечной деятельности организации не был нарушен ресурсный базис, необходимый для самого существования организации.

Справедливость власти для руководителя связана, прежде всего, с необходимостью сохранения им своего статуса. Здесь экономические преференции являются не только компенсацией его труда, но и осознаются им как вариант капитализации его статусной позиции. Иными словами, управленческий статус рассматривается как рациональный вариант обеспечения экономического благосостояния. При этом позиция руководителя носит промежуточный характер, и носитель управленческих функций обеспечивает оптимальный баланс между справедливостью власти для организации и справедливостью власти для сотрудника, учитывая при этом свой интерес. Справедливость власти для сотрудника выстраивается вокруг осознания им того факта, что продуцируемые нормы власти организации и руководителя обеспечивают его личное, рациональное представление о благополучии, как в моральном, так и в экономическом плане. Важно отметить, что границы или индивидуальные представления сотрудника могут варьировать и зависят от осознания сути событий, которые

происходят вокруг. Этот значимый событийный ряд выстраивается как внутри организационного пространства, так и за его пределами. Управление осознанием справедливости властных отношений является на сегодняшний день важным элементом работы руководителя компании. Влияние на этот процесс детерминировано имеющимися в распоряжении ресурсами, и в большинстве случаев фиксируется в границах самой организации. В качестве вариантов мер по поддержанию образцов справедливости власти, исходя из понимания этого процесса представителями научных школ постмодерна, можно обосновать такие:

1. Постоянное воспроизводство организационных символов (ценностей, традиций), профессиональных стандартов посредством тренингов и семинаров;
2. Операционализация категории «счастье» как результата включенности индивида в пространство организации;
3. Культура организационного досуга как базис для осознания собственного благополучия;
4. Воссоздание образцов индивидуальной цели потребления и путей ее достижения за счет организационных ресурсов;
5. Опредмеченное внимание.

Работа сотрудника в компании выстраивается в контексте социально-бытовой заботы о нем (питание, медицинское обслуживани

Литература:

1. *Самарская Е. Жан Бодрийяр и его вселенная знаков. Общество потребления. Его мифы и структуры. – М., 2006., С. 251-264*
2. *Дьяков А. Теоретическое насилие» Жана Бодрийяра. Философия постструктурализма во Франции. Монография. – Москва – Нью-Йорк – Санкт-Петербург: Northern Cross, 2008. – 363 с.*
3. *Большая советская энциклопедия. Статья «справедливость». [Текст] / [Электронный ресурс] URL: https://bse.slovaronline.com/43661-SPRAVEDLIVOST (дата обращения 16.01.2018)*
4. *Ролз Д. Теория справедливости. Пер. с англ. В.Целищев, В.Карпович, А.Шевченко. – Новосибирск: Изд НГУ, 1995. – 532 с.*

Малахова Светлана Игоревна,

МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Наличаева София Александровна

факультет психологии филиала МГУ в Севастополе, Севастополь, Россия

Социальная справедливость в эпоху массовой демократии

В современном экономическом обществе представление о счастье связано не с перераспределением, а с повышением объемов производства. Продуктивность и творчество являются результатом конкуренции, которая в силу естественных неравенств создает неравенства материальные. Равенство сделало бы рыночную экономику невозможной, поэтому талант, жизненная

энергия и счастье в условиях рыночной экономики порождают неравенство. Экономический успех отдаляет успешных людей на определенное расстояние от остального общества. Поэтому экономически успешные люди измеряют справедливость общества степенью защищенности своей собственности. Так возникает подмена экономического вопроса вопросом о справедливости. Социолог Н. Луман заметил, что «…на острове Собственность для всех места не хватит» [1]. Таким образом, собственник является естественным врагом любого равенства, созданного с помощью политики. Каждый человек может воспользоваться теми возможностями, которые даны ему в жизни и участвовать в развитии цивилизации. Однако люди не равны на уровне своих природных и личностных свойств: дух, красота, сила, мастерство, талант, усердие распределены неравно и не поддаются перераспределению. Любая социальная дифференциация раскрывает естественное неравенство людей: мужчины и женщины, молодые и старые, красивые и уродливые, умные и глупые и т.д. Растущее экономическое благосостояние приводит к проблеме социальной ограниченности. Социальная ограниченность означает, что образуется пропасть между возможностями каждого человека и тем, что может общество. Устойчивый экономический рост делает положение каждого отдельного человека лучше. Экономический рост поощряется с помощью наблюдения за возможностями потребления, которые вначале могут себе позволить только успешные люди. Таким образом, возникают новые желания, которые могут быть удовлетворены с течением времени. То, что является роскошью для одного поколения, станет стандартным для следующего, а еще через поколение войдет в обиход и станет само собой разумеющимся. Социальная ограниченность означает понимание того, что то, что хотят и могут получить единицы, никогда не получит все общество. Успешные люди составляют авангард потребления, т.е. именно то неравенство, которое заставляет других быть похожими на них. Так постепенно сверху вниз происходит улучшение жизни людей. Социальные различия, это та цена, которую мы платим в сегодняшнем обществе за свободу. Они терпимы до тех пор, пока для каждого сохраняется возможность социального роста, пока конфликты между социальными классами решаются не с помощью вражды, а с помощью партнерства и до тех пор, пока государство гарантирует общие условия существования [2]. «Там, где отсутствуют различия, появляется насилие» - эти слова культуролога Р. Жирара характеризуют современную массовую демократию [3]. Утрата различий порождает соперничество, ответственность за которое перекладывается впоследствии на различия. Если соперничество не находит приемлемых форм выражения, то оно с легкостью возрастает. В этом заключается взрывной заряд понятия «социальная справедливость». Социологически говоря, не существует справедливого общества. Сегодня демократия предписывает идею равенства, которая гарантирует равные права и формальное равенство социальных возможностей. Но именно это способствует фактическому проявлению неравенства во власти, богатстве, престиже. Демократия предполагает

нормативное равенство, которое заключается в том, что все постоянно заняты измерением отклонений. В этом сравнении незначительные отличия могут ощущаться как вопиющая несправедливость. Так возникает ресентимент. Чем незначительнее отличия, тем больше ожидания равенства и тем больше ресентимент. Наполненное завистью сравнение поднимается вверх по спирали положительного подкрепления, делая людей несчастными: больше уже нельзя наслаждаться красотой собственного дома, потому что дом соседа красивее и дороже. В результате те, кто фокусируются на равенстве, измеряют свою жизненную удовлетворенность не тем, что доступно для него, а тем, что доступно другим [2].

Мы становимся взрослыми, когда научаемся жить с различиями. Мы больше не путаем несправедливость с неравенством. Несправедливость не сводится к неравенству, скорее она является тем, что препятствует продвижению вперед мотивированной личности. В условиях равенства возможностей успешными становятся более трудолюбивые и достойные, и это приводит к образованию нового социального расслоения, что требует переосмысления равенства с точки зрения равенства результатов. Наибольшее возмущение вызывает у эгалитаристов то, что неравенство возникает вновь и вновь: между братьями, людьми, получившими одинаковое образование, людьми с одинаковым IQ. Остается так до конца и не выясненным вопрос, почему кто-то оказался более успешным. Эту проблему политика эгалитаризма отказывается замечать, и чтобы уменьшить неравенство, государство все сильнее унифицирует людей. В своих крайних проявлениях это выражается в нивелировании различий между человеком и другими живыми существами. Если же людям будет позволено остаться разными, создадутся условия для их творческой интерактивности. Равенство способствует конфликтам, неравенство делает возможным сотрудничество. У каждого должен быть одинаковый шанс стать неравным.

Литература:

1. *Luhmann N. Gesellschaftsstruktur und Semantik. Bd. III. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1989. S.199.*
2. *Больц Н. Размышление о неравенстве. Анти-Руссо. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2014.*
3. *Girard R. Das Heilige und die Gevalt. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992. S.88.*

Мальсагова Лиза Батыровна,

Московский педагогический государственный университет, Москва, Российская Федерация

Проблемы и перспективы социальной справедливости в условиях российского современного общества..

Социальная справедливость – это реализация неотъемлемых прав и свобод, соответствующих сущности человека (социальной общности) и

уровню развития общества, качественная оценка отношений между людьми, личностью и обществом, между социальными группами [5] .Это один из тех идеалов, к которому стремится человечество на протяжении всего существования общества. В силу своей гуманистической направленности, она стремится к тому, чтобы придать социальную значимость как можно большему количеству людей. Социальная справедливость пребывает в постоянной динамике и ее универсальной формулы не существует. Один из самых актуальных принципов социальной справедливости гласит о равенстве прав всех граждан страны перед законом, этот принцип подразумевает обеспечение по этим законам определённых социальных гарантий для благополучной жизнедеятельности всех членов общества и соответственного уровня их социальной защищённости. Данная тема предается огласке среди политических партий, общественных движений, научных кругов и продолжает закрепляться. Такой акцент делается потому, что проблема социальной справедливости существует не только в России, она приобретает глобальный характер. Общеизвестно, что в современной России велик разрыв между классами в показателях социальной стратификации страны, социальное неравенство влечет за собой социальную несправедливость. Социальная реконструкция в России происходит непоследовательно, это подтверждают исследования, проведенные в последние годы[3].Считается, что государственная система эффективна тогда, когда преобладает средний класс. В общественном сознании возникает массовое ощущение несправедливости, что ведет к неизбежной дискредитации политических реформ, демонстрациям. Данные социологических опросов показывают, что «справедливость» входит в пятерку наиболее важных ценностей для россиян. Так, согласно опросу ВЦИОМ, скорее положительные чувства вызывают у россиян такие слова, как «порядок» (58%),«достаток» (37%), «справедливость» (49%), «успех» (31%), «стабильность» (38%), «свобода» (37%), «патриотизм» (35%), «труд» (31%), «права человека» (33%) [3]. Упоминание «справедливости» в числе наиболее значимых ценностей у россиян объясняется многими причинами, в том числе и последствиями посткоммунистических реформ, например, правовой и социальной незащищенностью, повышенной дифференциацией доходов, неравенством перед законом. Все это привело к тому, что значительное число россиян испытывает острое чувство социальной несправедливости, сложившейся в стране. Большинство россиян считает, что современное российское общество устроено менее справедливо, чем западное и советское общества [4]. Необходимо заметить, что преобладающее число населения нашей страны соотносит причины богатства не столько с собственными усилиями человека, например, используя имеющиеся ресурсы, повышая квалификацию, объем знаний, сколько с наличием нужных знакомств, связей, а также с удачей и «случайным везением». Социальная справедливость интересует людей и движет бороться за права и свободы, но готово ли российское общество к этому? Исследования социологов показывают, что в настоящее время большинство россиян не особенно верят в возможность реализации мечты о

жизни в справедливом и верно устроенном обществе. Разрыв в уверенности в возможности реализации данной мечты между тремя нижними (нищие, представители глубокой бедности, собственно бедные) и двумя верхними (обеспеченные, состоятельные) стратами необычайно велик – (7% и 55% соответственно). Что же касается представителей 4–8 страт (нуждающиеся, малообеспеченные, среднеобеспеченные), составляющих свыше 80% населения России, то уверенных в осуществимости мечты о жизни в справедливо устроенном обществе– 36% [2, с. 267]. Решение этой проблемы во многом зависит от позиции государства и предпринимаемых мер. Социальная справедливость во многом связана с основными правами и свободами граждан, а именно- с социальным обеспечением, распределением доходов, реализацией права собственности, так как из справедливости вытекает моральная обязанность для людей следовать правовым нормам. Принцип социальной справедливости работает тогда, когда в стране существует соответствие между общественным вкладом, объективной ролью индивида (группы) в обществе и его социальным положением, между деянием и воздаянием, качеством, количеством труда и вознаграждением, преступлением и наказанием [5]. Несмотря на существующие проблемы, в России имеются некоторые предпосылки для того, чтобы постепенно преодолеть те преграды, которые стоят на пути утверждения в обществе основ социальной справедливости (имеется в виду избыточное неравенство в экономической, политической и правовой сферах). Необходимо вовлекать неправительственные организации, представляющие интересы массовых слоев общества, в процесс обсуждения актуальных проблем и их решения. Важно учесть, что диалог власти и гражданского общества существует в России, например, в виде гражданских инициатив, создания специальных приложений для опросов среди граждан (Активный гражданин), публичных слушаний. Достижение социальной справедливости возможно только тогда, когда соблюдаются экономические и социально-трудовые права всех людей, к чему и должно стремиться государство.

Литература:

1. *ГУДКОВ Л.Д. ПАРАДОКСЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ В РОССИИ. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016;8(2/2):207-224. DOI:10.17748/2075-9908-2016-8-2/2-207-224*
2. *О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2013. 400 с.*
3. *Порядок и справедливость – главные ценности россиян [электронный ресурс]. URL: http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=4271(дата обращения 02.02.2018)*
4. *Справедливость в российском обществе // Доминанты. Поле мнений. Социологический бюллетень. 24.11.2011. № 47. [электронный ресурс]. URL: http://bd.fom.ru/pdf/d4711.pdf (дата обращения 02.02.2018)*
5. *Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. 2013.*

Мамурков Евгений Викторович,
Педагогический институт, Иркутск, Россия

Функции справедливости: по материалам исследования в Сибирском Федеральном округе

Справедливость является категорией как социально-политической, так и морально-правовой, так как оценивает действительность, подлежащую сохранению или изменению с позиций долженствования. При этом не исключается возможность спекулятивной трактовки понятия справедливости, преследующей конъюнктурные идеологические и политические цели, служащие корыстным и эгоистическим задачам. Поэтому о справедливости действий тех или иных субъектов следует судить не по провозглашаемым намерениям и формальным декларациям, а по имеющимся гарантиям их осуществления. Истина здесь всегда носит конкретно-предметный характер. Вне зависимости от того, рассматриваем мы критерии справедливости в разных странах [1] или изучаем социокультурные критерии единства [2], социальной динамики или статики [3]. В данной статье использованы материалы исследования, проведенного в 2016-2017 годах в СФО. Всего в исследовании приняло участие 1500 человек, в возрасте от 18 до 75 лет, 800 женщин и 700 мужчин, разных социально-профессиональных групп. Исследование проходило методом снежного кома, анкетированием. Также было проведено экспертное интервью – 45 человек, эксперты выбирались как представители тех социально-профессиональных групп, что задействованы в анкетировании. Результаты исследования. Основные признаки справедливости и несправедливости Результаты проведенных исследований позволяют предположить, что в сознании людей существуют три качественно различные представления о справедливости:

1) Справедливость как закон, которому надо следовать. В пользу этого говорят такие ассоциации респондентов как «честность и порядочность», «закон и правосудие», «равноправие и равенство». Справедливость – это условие и потребность, заставляющая человека что-то делать, принимать решения и брать ответственность.

2) Справедливость как милосердие и надежда. Респонденты говорили о таких чертах как «хорошее отношение к другому человеку и оказание помощи» и «счастье и мечта». Иными словами, справедливость выступает силой, которая оказывает помощь и дает защиту.

3) Справедливость как объективное знание. Респонденты, которых мы отнесли к этому направлению говорили о справедливости как об «истине» или «правде».

В этом контексте справедливость выступает как сила, безразличная по отношению к человеку. Таким образом, можно говорить о том, что в сознании людей существуют три различных представления о справедливости:

- соответствие действительности;
- хорошее и непредубежденное отношение к людям;
- исполнение закона.

Два первых представления подчеркивают связь справедливости с моральным сознанием, а третье — с правовым. Представления людей о справедливости выполняют пять основных функций: Функция познания заключается в том, что представления о справедливости оказывают влияние на оценку человеком окружающих его людей, событий и явлений. «Надо жить по справедливости и закону», «Закон всегда накажет виновного – это справедливо», «Если люди живут не по справедливости, то их настигнет кара – людская 9в виде законов) или Божья. Функция регуляции эмоционального состояния заключается в том, что представления о справедливости оказывают влияние на эмоциональное состояние человека. Столкновение с несправедливостью порождает негативные эмоции, в том числе злость и разочарование, вызывает стресс, эмоциональное выгорание и депрессию. «Когда побеждают те, у кого есть власть и деньги, злость берет за несправедливость общества», «Я разочарован в наших законах, они не для всех работают одинаково», «Справедливо то, что должно, а не то, что надо какому-то конкретному человеку. Но на практике не всегда так выходит». Функция регуляции здоровья состоит во влиянии представлений о справедливости на физическое состояние человека. Столкновение с несправедливостью порождает проблемы со здоровьем: от временных нарушений сна до хронических заболеваний. «Когда видишь всю эту несправедливость в обществе – перестаешь спать», «Когда я понял, что ничего не могу изменить, что нет справедливости вокруг, то впал в депрессию». Функция самовосприятия заключается в том, что представления о справедливости оказывают влияние на самооценку и самоэффективность человека. «Я не могу повлиять на общественный уклад, у меня нет ни сил, ни возможностей для этого», «Я никто, для тех, кто правит балом, поэтому мои интересы никого не волнуют». Функция влияния на поведение состоит в том, что представления о справедливости определяют мотивацию, намерения и поведение человека. «Я готова отстаивать права тех, кого ущемляют всеми способами, я уверена, что могу добиться справедливости», «Главное ввязаться в бой и начать вону, а потом – победа будет за нами!» Таким образом, люди ориентируются на свои представления о справедливости при оценке окружающих и в поведении по отношению к ним.

Литература:

1. *Батьянова Л.Н., Иванов Р.В. Социально-политические основы развития гражданского общества / Л.Н.Батьянова, Р.В.Иванов. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017.136с.*
2. *Полюшкевич О.А. Представления о социальной защищенности жителей России и Португалии // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 66-71.*
3. *Полюшкевич О.А. Социокультурная солидарность в трансформирующемся обществе. Иркутск, Изд-во ИГУ, 2014. 190 с.*
4. *Скуденков В.А. Лидерство и социальное развитие // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 2. С. 180-184.*

Маркеева Анна Валерьевна,
МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Эволюция социального управления: самоуправление и самоорганизация в «бирюзовых организациях»

Начиная с 80-х годов XX века в теории и практике социального управления был поставлен вопрос о формировании новых подходов в управлении человеческими ресурсами. Многоуровневые иерархические организационные структуры с жёсткими системами управленческого контроля, отсутствие информационной прозрачности и реальных возможностей для работников участвовать в принятии управленческих решений создавали препятствия для компаний в адаптации к динамичным условиям внешней среды. Такая модель организации перестала отвечать требованиям работников. Представители поколения Y с новыми трудовыми ценностями (инициативой, стремлением к автономности в реализации трудовых задач, желанием участвовать в принятии решений, поддерживать разумный баланс между работой и личной жизнью) поставили вопрос о пересмотре существующих методов управления человеческими ресурсами. В теоретическом плане было признано отсутствие универсального подхода в управлении человеческими ресурсами, обоснована необходимость четкой увязки подхода с решением определенного типа организационных задач, с контекстом (институциональной средой), в которой происходит развитие организации, с внутренними устремлениями, ценностями и желаниями работников. Появляется множество конкурирующий концепций, образующих современное поле теорий социального управления. Место концепций, связанных с внедрением систем организации труда, повышающих производительность труда, ключевыми ценностями которых являются результативность, поощрение различных форм конкуренции между сотрудников занимают концепции, ориентированные на высокую приверженность персонала. Идеализируется образ сотрудника, который постоянно генерирует инновации, добровольно выполняет дополнительные задачи в рамках стандартных должностных обязанностей[1].Практика применения методов повышения приверженности персонала, показала, что они позволяют устанавливать равные, партнерские отношения между руководителями и работниками, эффективнее осуществлять командную работу, но развитие потенциала сотрудников, расширение их компетенций приводит к негативному эффекту- невозможностью сотрудниками выстраивать баланс между работой и личной жизнью. Высокая приверженность часто оказывается сопряжена с необходимостью «жить на работе». На первый план выходят концепции, ориентированные на высокую вовлеченность персонала, на развитие интрапренерства, креативности и инноваций. Больше внимания уделяется проблеме распределение власти в

организации, устранению искусственно воздвигнутых барьеров в отношениях руководитель–подчиненный, развитию организационной демократии. И в теории, и в управленческой практике популяризуются концепции построения организаций, в которых идеи самоуправления и самоорганизации возведены в абсолют. Одной из них является концепция «бирюзовых организаций» Ф.Лалу. Новая технологическая революция, кардинальным образом меняющая социальный порядок, изменившиеся когнитивные навыки людей, сформированные в обществе новые представления о лидерстве, лидерских качествах и критериях социального успеха – все это требует выработки новой модели организации, распространения новых способов сотрудничества. Организации, отвечающие на эти вызовы, называют «бирюзовыми», их ключевыми характеристиками являются: полный отказ от организационной иерархии; отказ от специализации и ориентация на широкие, многофункциональные навыки работников (полная взаимозаменяемость работников); самоуправление внутри команд связано с развитием консенсуссных моделей принятия решений, всеобщей личной ответственности, самостоятельного отбора работников в команду, коллективного определение мер и характера стимулирования и т.д.,и главное, обретение целостности организации не путем формирования единых стандартов поведения, выработки общих целей и норм, а путем обретения человеком самого себя. Создание такой среды, когда работник не носит определенную «маску», не выполняет строго отведенную роль, а развитие «набора согласованных практик, побуждающих …обратиться к внутренней целостности и быть на работе тем, кто мы есть на самом деле»[2, с.76].

Развитие таких организаций отвечает требованиям современных работников, которые в качестве «идеала» работы видят «работу, которая должна давать человеку возможность самореализоваться и получать при этом деньги, обеспечивающие ему безбедное существование…Предел человеческого счастья – иметь своего рода «рабочее хобби», которое приносит не только моральное удовлетворение, но и достойный заработок»[3, с.128]. Однако переход существующих организаций к «бирюзовой стадии», в том числе и в России наталкивается на ряд проблем: устранение организационной иерархии часто не приводит к росту внутренней мотивации сотрудников, к формированию личной ответственности за принимаемые решения, росту инициативы; самоуправление наталкивается на неготовность российских работников к обсуждению таких тем, как оценка результатов работы и выплата вознаграждения и др. Такие организации требуют от работников не только постоянного обучения новым навыкам, но работы над собой: на рядового работника возлагаются не только базовые трудовые функции, но и управленческие задачи, а главное, необходимость развивать в себе лидерские и в более широком виде предпринимательские качества. Требует изучения, насколько это способствует развитию организационной демократии,раскрытию способностей работников, позволяет обеспечить справедливую оценку и оплату труда.

Литература:

1. *Бордунос А.К., Кошелева С.В. Эволюция стратегического подхода к управлению человеческими ресурсами с позиций систем организации труда// Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 8. Менеджмент. 2016. Вып.3. с. 30-47*
2. *Лалу Ф. Открывая организации будущего. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 432 с.*
3. *О чем мечтают россияне: идеал и реальность/под ред. Горшкова М.К., Крумма М., Тихоновой Н.Е. – М.: Весь мир, 2013. - 400 с.*

Мартынова Анастасия Сергеевна,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Справедливость в поведении потребителей в отношении товаров российского производства

В 1991 году после распада Советского Союза в России началось развитие рыночной экономики. Потребители и предприятия, привыкшие к советской системе, начали переориентироваться на систему свободного рынка. Предприятия стали сами по себе, без поддержки государства. Часть предприятий скорректировали свою деятельность под рыночную экономику, часть, не найдя путей развития вне поддержки советской системы, закрылись. Потребительская требовательность, в связи с поступлением товаров зарубежных компаний, увеличилась. Предприятия трудно адаптировались к требованиям потребителей и в связи с этим к снижению спроса. Помимо проблем в сфере производства, в сфере потребления также было снижение. Снизилась покупательская способность из-за инфляции на 3000 %, ВВП снизилось на 25%. Сложилась ситуация, при которой потребители хотели покупать импортную продукцию, но не могли ее себе позволить и в стране производилась продукция, на которую не было спроса. В связи с вышеперечисленными факторами стало набирать популярность исследования потребительского этноцентризма в России. Потребительский этноцентризм- это потребительские предпочтения отечественных товаров или предубеждения против импортной продукции [1]. Потребительский этноцентризм фокусируется на готовности отказаться от покупки товара, произведенного в зарубежных странах, а также на лояльности и ответственности потребителей к продукции сделанной в своей стране. Данная концепция исходит из любви к собственной стране и заботе об экономических интересах, вызванных последствиями потребления импорта. Покупка импортных товаров рассматривается не только с точки зрения экономических интересов, но и моральных для потребителя. Согласно концепции, потребители в развитых странах имеют более благоприятное представление об отечественных товарах, чем об импортных. В развивающихся странах уровень потребительского этноцентризма более низкий. Это связано с тем, что импорт ассоциируется со страной, которая более высоко индустриализована или экономически развита. Потребители в

развивающихся странах предпочтут иностранную продукцию из-за их хорошего качества, но этот эффект уменьшается по мере развития экономики. За время развития рыночной экономики в России, экономическая ситуация в стране изменилась. Помимо внутренних факторов развития рынка, влияние оказывают внешние факторы. С 2001, в связи с увеличением стоимости барреля нефти в мире, обеспечение россиян товарами осуществлялось, по многим категориям, иностранными производителями. Так, исследования, проводившиеся в 90-х и 2000-х годах показывали низкий уровень потребительского этноцентризма в России. С 2014 года в связи с нестабильностью курса рубля, упадка стоимости барреля нефти, санкций от западных стран мы наблюдаем необходимость создания собственного российского производства для стабильного обеспечения населения необходимыми товарами. Большую важность приобретает отношение россиян к товарам, произведенным в России, а также проявления потребительского этноцентризма в условиях нестабильной внешней ситуации. Развитию производства в стране способствует программа импортозамещения. В связи с внешними и внутренними факторами необходимо изменение отношения россиян к товарам отечественного производства и развития потребительского этноцентризма в стране. Развитие технологий, открытие производств, улучшение качества обслуживания должно способствовать переоценке отношения к импорту. В данном случае стоит вопрос справедливости потребителей в отношении товаров российского производства в настоящее время. Согласно исследованиям, проведенным за 2014-2017 года, более 40 % потребителей предпочитают товары иностранного происхождения [3]. Но в условиях развития российского производства и политики импортозамещения по данным Росстата [2], с каждый годом сокращается число импортной продукции. В связи с этим необходимо создание положительного образа товаров российского производства для справедливой конкуренции на отечественном рынке.

Литература:

1. *Shimp T.A., Sharma S. Consumer Ethnocentrism: Construction and Validation of the CETSCALE// Journal of Marketing Research. 1987. Vol. 24. № 3. P. 280–289.*
2. *Доля импорта отдельных товаров в их товарных ресурсах в 2014-2017 гг. Федеральная служба государственной статистики. Электронный ресурс: www.gks.ru*
3. *Отечественные vs. импортные непродовольственные товары. Как россияне относятся к импортозамещению непродовольственных товаров? Электронный ресурс: http://fom.ru/Ekonomika/12589*

Мельников Сергей Леонидович,
Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, РФ
Казорина Жанна Александровна
Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, РФ
Моисеенко София Алексеевна
Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, РФ

Информационные технологии как фактор социальной справедливости/несправедливости

В глобализирующемся современном мире приоритет во многих аспектах жизнедеятельности принадлежит информации. Именно информация, её доступность, открытость и достоверность, как нам представляется, может стать основой формирования справедливости в социуме. Информационная революция предъявляет новые требования к деловым качествам управленца любого звена [2, 4, 5, 6, 7]. Необходимы, например, следующие умения и навыки: - навык использования сложной техники управления; - умение определять стратегию развития инфосистем; - умение разрабатывать программные продукты для машинных носителей информации (это важно для своевременного обнаружения и разрешения конфликтных ситуаций); - навык (и умение) быстрой ориентации при возникновении проблем; - умение чёткого обоснования решений и др. Творческий подход к решению управленческих задач, развитие стратегического мышления в процессе подготовки и переподготовки руководителей все более тесно связывают теперь с использованием новой информационной технологии [13, 11, 12, 10], с широкими возможностями автоматизированных систем. В целом информационные технологии коренным образом преобразуют интеллектуальный потенциал управления. Перед социумом стоит задача большой важности – нейтрализовать все бюрократические фильтры на пути продвижения инновационных научных идей, создать условия для их свободной циркуляции, сделать науку неотъемлемой частью цивилизованного механизма создания, принятия и реализации ответственных управленческих решений, исключить любой диктат в научной сфере, а также развеять сложившийся у властных структур стереотип о том, как должна использоваться полученная наукой информация и кому должен служить научный поиск. Наука призвана служить обществу в целом, его социальному обустройству, а тем самым управлению в интересах общества. Поэтому необходима универсальная технология современного включения науки в механизм управления обществом, концепция и технология поддержки самой науки, ее приоритетных направлений. Без этого невозможно обеспечить

справедливость в социальном управлении. Только современные информационные технологии способствуют активизации и эффективному использованию мировых, национальных и региональных инфоресурсов общества [1, 9], которые на сегодняшний день становятся таким же стратегически важным фактором развития нашей цивилизации, как энергия, полезные ископаемые, материальные и людские ресурсы [14, 15]. Они способствуют оптимизации, а также автоматизации разнообразных инфопроцессов, которые в последнее время занимают все большее место в разнообразных сферах жизнедеятельности социума. Всё ускоряющееся развитие информационной сферы социума коренным образом преобразует структуру занятости населения, приводит к появлению новых профессий и рабочих мест и поэтому требует соответствующей ориентации системы образования [3, 8]. Необходимо отметить, что от уровня развития, а также распространения современных информационных технологий зависит возможность вхождения того или иного государства в информационное пространство мирового сообщества, в частности через посредничество мировой компьютерной сети Internet. Такое вхождение становится первейшим условием эффективного развития как экономики государства, так и его науки, культуры и не в последнюю очередь образования. Возникла сравнительно недавно такая, возможно, еще недостаточно осознанная современным социумом проблема, как обеспечение информационной безопасности отдельного индивида и общества в целом. Можно сказать, что это новая комплексная проблема. Она имеет такие компоненты, как обеспечение достаточности, доступности и достоверности используемой социумом информации, предотвращение возможности информационного диктата, распространения заведомо ложной информации (что влечет за собой возникновение социальной несправедливости), а также иные не менее глобальные социальные проблемы. Следует подчеркнуть: информатизация в современном мире оказывает такое большое влияние на экономическую, социальную, научно-техническую и культурную составляющие жизни современного социума, что многие ученые квалифицируют ее как социотехнологическую революцию, последствия которой еще не совсем изучены и недостаточно осознаны. Несомненно одно – становление информационного общества повлечет за собой радикальные изменения не только в сфере производства и деловой активности людей, но и во всей деятельности по управлению делами общества, а также создает новые перспективы для создания социума, основывающегося на справедливых началах. В общем, следует отметить, что, как и всякая инновация, информационные технологии несут в себе и новые опасности, они могут служить и фактором дестабилизации социума. Все зависит от того, в чьих руках окажутся информационные технологии и каким образом будут использоваться. Дестабилизирующим фактором, как нам представляется, является следующее: возникновение информационной техники позволяет вмешиваться в личную жизнь индивидов, подрывать нацбезопасность других государств, манипулировать не только общественным мнением, но и

поведением людей и тому подобное, а значит – это возникновение приводит к социальной несправедливости. Отсюда правомерно вытекает вывод: необходимы разносторонние меры по защите информационного поля, в первую очередь - правового.

Литература:

1. *Киричек П.Н. Духовная культура и массовая информация: феномен сиамских близнецов // Вопросы культурологи. 2010. № 1. С. 16-21.*
2. *Киричек П.Н. Информационная культура в арсенале управленца // Инновационные технологии управления: Сборник научных статей. М., 2016. С. 4-10.*
3. *Киричек П.Н. Массмедиа и воспитание: санация информации / П.Н. Киричек // В сборнике: Ценностные ориентиры современной журналистики: сборник научных статей V Всероссийской научно-практической конференции. Пенза, 2017. С. 108-115.*
4. *Киричек П.Н. Номинальность и реальность системы управления // Практический дискурс высшей школы / Сборник докладов Международной научно-практической конференции. 2016. С. 117-121.*
5. *Киричек П.Н. Печать и этнос. Учебное пособие / П.Н. Киричек, П.Ф. Потапов. – Саранск, 2005.*
6. *Киричек П.Н. Под знаком фигуры умолчания: информационный фактор административной реформы // Социология власти. 2009. № 4. С. 16-27.*
7. *Киселев А.Г. Модели государственного реформирования сельского хозяйства: прошлое и настоящее / А.Г. Киселев, С.А. Шилина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2017. – № 17 (4). – С. 481-490.*
8. *Коркия Э.Д. Концепт экологической культуры: «пределы роста» или резервы для развития / Э.Д. Коркия, А.Р. Курбанов, А.К. Мамедов // Экология и промышленность России. 2017. № 6. С. 58-63.*
9. *Нарбут Н.П. Ценностные ориентации студенческой молодежи в трансформирующемся обществе / Н.П. Нарбут, И.В. Троцук // // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2008. – № 4.*
10. *Шилина С.А. Коммуникативно-стилистический код как средство усиления волюнтативного вектора управленческого дискурса // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2014. Т. 20. С. 4616-4620.*
11. *Шилина С.А. Презентация субъекта государственной власти как элемент развития управленческого дискурса // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2013. № 3. С. 119-127.*
12. *Шилина С.А. Управленческий дискурс в аспекте социологии управления // Казанская наука. № 1. 2011. 507 с. С. 437-438.*
13. *Шилина С.А. Управленческий дискурс как социальная технология коммуникации в системе отношений социума и власти // Научно-методический журнал Концепт. - 2015. - Приложение № 13. С. 1821-1825.*
14. *Liadova A.V. The burnout among emergency physicians: evidence from Russia (sociological study). / A.V. Liadova, E.D. Korkiya, A.K. Mamedov, N.A. Panich // Man in India. 2017. T. 97. № 15. C. 495-507.*
15. *Vasilyev A.V. Conspicuous consumption as an attribute of socio-cultural decadence in Russia / A.V. Vasilyev, V.K. Kovalchuk, E.D. Korkiya, A.K. Mamedov // Man in India. 2017. T. 97. № 10. C. 399-414.*

Мельников Михаил Васильевич,
Новосибирский государственный университет экономики и управления (НИНХ), Новосибирск, Россия

Контроль над публичным пространством: приватизация aka захват и гражданское неповиновение

В 2017 году в России состоялись митинги и шествия, направленные, по словам их организаторов, против коррупции. Относительному успеху этих выступлений способствовали подготовка к ним, осуществляемая посредством социальных сетей, а также интерес со стороны официальных лиц, экспертов и СМИ. Настойчивость и упорство, проявленные одной стороной при попытках попасть в центр, а другой – пресечь эти попытки, указывают на то, что обе стороны претендуют на право контролировать эти пространства в своих интересах. Успешность в установлении и сохранении контроля над публичным пространством определяется, во многом, способностью претендующих на это групп представить свои частные интересы как интересы, направленные на заботу об общем благе. Ключевыми признаками публичного пространства являются его открытость и доступность для всех людей без ограничений. Сопоставим эти признаки с критериями, применяемыми при классификации благ, а именно, с конкурентностью и делимостью [1, с. 110]. Этим критериям соответствуют общие блага и публичные блага. Открытость и доступность публичного пространства позволяет рассматривать его как благо, имеющее черты общего и публичного блага. Установление контроля над публичным пространством, если он направлен на защиту частных интересов, может привести к появлению ограничений его открытости и доступности, а значит к его превращению в частное и клубное благо. Используя терминологию оппозиции публичного и частного, можно отметить, что городские власти выступают против приватизации публичного пространства меньшинством, действующим в своих частных интересах. Под приватизацией публичного пространства здесь понимается изменение режима доступа и управления этим пространством, приводящее к снижению возможностей открытого и доступного использования пространства всеми того желающими. Под меньшинством здесь понимается несистемная оппозиция, акции которой представители органов власти объявляют несоответствующими закону. С формально-легальной точки зрения, рассматривающей государство как институт служения общему благу политического общества и нации, действия представителей органов власти оправданы. Но формально-легальная точка зрения не догма. Используем подходы М. Олсона [2, с. 171] и Ч. Тилли [3] для замечания, что государство формально предназначено для служения общему благу политического общества и нации, но в действительности оно может служить частному или корпоративному благу, выдаваемому за общее

благо. В последнем случае формально государство сохраняет признаки института публичной власти, деятельность которого посвящена защите национальных интересов и повышению благосостояния всего населения. В действительности оно превращается усилиями правящего класса в подобие частной корпорации, основная цель которой – сохранение этим классом своей власти. Преследование этой цели осуществляется и в публичном пространстве. В этом случае борьба за контроль над публичным пространством ведётся во имя частных интересов не только оппозиционного, но и правящего меньшинства. По факту попытка оппозиции приватизировать на время митингов публичное пространство является открытым проявлением гражданского неповиновения и протестом против приватизации публичного пространства, осуществлённой теми, кто обладает публичной властью, и близкими к ним господствующими экономическими группами. Высказывая друг другу претензии в приватизации публичного пространства на условиях, выгодных для меньшинства, правящего и оппозиционного, обе стороны обращаются к чувству справедливости большинства, не вовлечённого в борьбу за контроль над пространством. Изучение истории борьбы за контроль над публичным пространством позволяет увидеть, что стороны часто использовали силовые средства и стремились установить свой контроль посредством захвата пространства. Примерами захвата, осуществляемого сверху, являются огораживания общественных земель, не только в Англии XVI века, но и во многих современных странах, а также захваты открытых для всеобщего доступа берегов водоемов и лесных угодий, осуществляемые в современной России представителями правящего класса. Принятая в прошлом году «лесная амнистия» позволит официально приватизировать незаконно присвоенные общие угодья. Примерами захвата публичного пространства, осуществляемого снизу, теми, кто не имеет публичной власти, являются некоторые митинги и шествия в России в 2012 и 2017 годах, акции движения «Occupy Wall Street». Их участники могли бы поддержать замечание Дж. Ролза: «Использование принуждающего аппарата государства для поддержания очевидно несправедливых институтов само по себе является видом незаконной силы, которой люди со временем имеют право противостоять» [4, с. 171]. Подготовлено при поддержке РФФИ. Грант 16-03-00348 «Приватизация публичного пространства: социальные истоки, формы и последствия»

Литература:

1. *Инфраструктура свободы: общие вещи и res publica: коллективная монография. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. - 352 с.*
2. *Олсон М. Диктатура, демократия и развитие // Экономическая политика. 2010. № 1 (февраль). С. 167 – 183.*
3. *Tilly Ch. War Making and State Making as Organized Crime // Jesus Radicals [сайт] - URL: http://www.jesusradicals.com/uploads/2/6/3/8/26388433/warmaking.pdf (режим доступа: 03.02.2018)*
4. *Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. - 536 с.*

Михайлова Мария Алексеевна,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Использование проективных методик при исследовании уровня корпоративного патриотизма в организациях

Использование проективных методик при исследовании уровня корпоративного патриотизма в организациях Научный прогресс, бурное развитие экономики и стимулирование предпринимательства в развитых странах мира за последние 100 лет привели к росту числа предприятий и разнообразию профессий. В прошлом разнообразие труда и выбор профессий населением предопределялся в основном, наличием ограниченного круга работодателей и территориальным расположением дома потенциального работника [1]. По сравнению с предыдущими периодами, в настоящее время в более-менее развитых городах мира не работодатель «играет главную скрипку», а работник выбирает место службы: с интересными задачами, хорошей оплатой или другими значимым для него критериям. Все более актуальным для работодателя становится вопрос корпоративного патриотизма работников, иными словами лояльности к работодателю, ведь именно он определяет текучесть персонала и кадровую стабильность предприятия. Факт интереса к явлению корпоративного патриотизма подтверждается множественными исследованиями в развитых странах: исследуются такие близкие друг к другу явления как корпоративный патриотизм, лояльность персонала, вовлеченность, приверженность [2]. Корпорации осуществляют материальные вливания в социальную поддержку своих работников — в медицинское обслуживание, обучение, обеденное питание, оздоровительные программы, подарки для детей сотрудников и многие другие. Для измерения уровня корпоративного патриотизма работников чаще всего в мировой практике используются методики анкетирования, реже — замеры показателей эффективности, анализ трудовой деятельности, а также игровые формы и социометрия. Тем не менее, современная наука располагает большим количеством других методик, в той или иной степени применимым для измерения корпоративного патриотизма в организации. В качестве такой методики автором была выбрана методика проективного исследования с элементами игровой формы с применением карточек игры «Диксит». Аналогичные исследования широко применяются в психологической практике, педагогической деятельности и социальных исследованиях и экспериментах [3, 4]. Карточки игры содержат различные ситуации из жизни, вызывающие ту или иную эмоцию, ассоциацию. Исследование проводилось в небольшой производственной компании в двух подразделениях, общей численностью 36 сотрудников. Проработана методология проведения исследования, заготовлены карты ответов и пути интерпретации, технология проведения исследования и метод сбора

информации. Полученный в ходе исследования автора опыт показал уровень корпоративного патриотизма в данной организации, преимущества и недостатки метода, а также возможности для дальнейшего исследования. Как показали результаты, проективная методика исследования имеет неоспоримые преимущества для изучения корпоративного патриотизма в небольших группах (отделах), но при этом трудно масштабируемая на крупные коллективы. Методика проста в применении, и вполне может служить основным или дополнительным инструментом измерения корпоративной «преданности» в малых группах в определенных бизнес-ситуациях в компании.

Литература:

1. *Барков С.А., Люботурова Т.А. Воспитание корпоративного патриотизма как задача современного менеджмента// Вестник Московского университета. Серия 18. – Социология и политология. – 2008. - №2.*
2. *Кравченко А.И. Прикладная социология и менеджмент: Хрестоматия: учеб. пос.\ Кравченко А.И. – М: Издательство Московского университета, 1998.*
3. *Горобченко А.Е., Евменчик М.С. Метафорические ассоциативные карты в работе практического психолога // Психология, Минск. - 2010 г., № 1*
4. *Головашина О.В. Ассоциативный эксперимент для измерения гражданской идентичности // Социологические исследования. - 2015. - № 7, с.64-71*

Морозова Галина Николаевна,
РГГУ, Москва, Россия

Социальная справедливость и система ценностей в эпоху постмодерна

В социальном управлении субъект и объект управления являются носителями ценностных установок. Проявления справедливости напрямую связаны с системой ценностей существующей в обществе, которая является основой для определения приоритетов, мотивов, интересов различных социальных групп и субъектов.

Справедливость в социальном управлении реализуется с двух сторон. С одной стороны в действии, с другой - в получении отклика принятия этих действий. Как действие,так и принятие, обусловлены многоуровневыми срезами человеческой психики, опыта и ценностных установок. Это сложная система, требующая глубоких междисциплинарных исследований. Основными проблемами сегодня в вопросе реализации справедливости в социальном управлении являются: Фрагментарность. Само понятие «справедливость» включает в себя общность и выводит в плоскость Этики, где социальная справедливость может быть выражена через интерсубъективные качества. Но в современной действительности, справедливость реализуется фрагментарно, либо через частичный отклик принятия, не затрагивающий всю многомерность человеческих отношений, либо только в одной социальной группе, что входит в противоречия с другой. Разрывы. Сегодня существуют очевидные разрывы между теоретическим

гуманитарным знанием в сфере этики, блага, справедливости и практическим воплощением этих знаний в действительности. Это свидетельствует о том, что теоретическое знание и ценностные установки, существующие в обществе, лежат в различных плоскостях.

Объединение. Узко профессиональные исследования в области этики, блага и справедливости не дают должных результатов. Эта область достаточно широка, затрагивает все сферы гуманитарного знания,что требует проведения междисциплинарных исследований.

Эпоха постмодерна способствовала выявлению глубоких внутренних противоречий существующих в обществе, между социальными группами, между отдельным субъектом и обществом и внутри самого субъекта. А так же показала недостаточность усилий в научных исследованиях тех оснований, которые являются интерсубъективными, постконвенциональными.«Занятый открытиями, изобретениями и творчеством в области эмпирических наук и мирской красоты, человек каким-то образом забросил глубокое изучение добра и морали.»[4,187].

Работы Хайдеггера способствовали девальвации теоретических подходов. Эпоха постмодерна перенесла фокус внимания в практическую деконструкцию и выдвинула на передний план Бытие как динамическую связь субъекта с действительностью. Динамика современной жизни выявила такие явления, как непредсказуемость, спонтанность, непоследовательность. В эпоху постмодерна становится невозможным делать ставку только на сознательную часть человеческого существования. Бессознательное активным образом участвует в жизни как отдельного субъекта, так и социальных групп.

Методы деконструкции и установления связей между сознательными и бессознательными процессами позволяют увидеть противоречия, оставаясь внутри которых, невозможно решить задачу фрагментарности справедливости. Сначала необходимо преодолеть эти противоречия.

Противоречия заложены в ценностных установках эпохи модерна, которая выражала себя через сравнения, отрицания и противопоставления одного другому. В результате, с одной стороны, существует идеальная, возвышенная модель этики, блага и справедливости, но эта модель статична,ей не хватает динамики жизни, процессуальности. А с другой стороны, существует динамика в виде стремления к целедостижению, эффективности, результативности, конкуренции. Где результат человеческой деятельности ценится выше, чем сам человек. Что в конечном счете приводит к разобщенности и отчужденности. В первом случае справедливость остается только идеей, во втором - она лишается основания общности и не может быть реализована.

Постмодерн избавляет нас от статики идеализма, выявляет бытие и процессуальность, таким образом ликвидируя разрыв между теорией и практикой. Бытие и процесс становятся значимыми только тогда, когда наполняются творчеством, любовью и где происходит саморазвитие, что приводит к изменению качества жизни.

Несмотря на множество противоречий, современная эпоха стремится реализовать на практике такие явления, как интеграция, сосуществование, объединение, и в тоже время выявить индивидуальность, уникальность, самобытность личности. Сегодня необходимо определить интерсубъективные основания, априори существующие в нас, которые являются возможностью для объединения уникальности, самобытности и общности, а так же для проявления этики, блага и справедливости. Они не статичны, но процессуальны.

Постмодерн, по принципу интеграции, не отрицает эффективности и результативности. Речь идет о смещении приоритетов и мотиваций к интерсубъективным основам. Для этого необходимо развернуть сферу исследований от частных случаев к априорным процессуальным категориям. Определить этику, благо и справедливость как базовые потребности в человеческой психике.

Систему ценностей невозможно поменять через идеологию, поэтому важно установить связь этических ценностей с качеством человеческой жизни, с физическим и психологическим здоровьем, состояниями счастья и удовлетворенности, радостью взаимоотношений, с творческим потенциалом, эстетическим наслаждением. Это те области, в которых должны проходить современные исследования. Смещение в системе ценностей повлечет изменения в образовании, управлении, экономике и политике

Литература:

1. *М. Хайдеггер. Европейский нигилизм. М.,1988.*
2. *Ж. Деррида. Избранное.*
3. *Ж. Лакан. Семинары.*
4. *Sorokin P. Integralism is my philosophy // This is my philosophy. L., 1958.*

Мусабаева Диана Абаевна,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Преодоление информационной несправедливости как одна из приоритетных задач социального управления

Современный этап развития человеческой цивилизации представляет собой как переход от индустриального к информационному обществу. Наиболее значимым ресурсом в новом обществе является информация, и все процессы так или иначе связаны с информационными технологиями, которые оказывают существенное влияние на различные сферы общества, в том числе на науку, образование, экономику. Однако сегодня становится все более очевидным, что процесс информатизации несёт в себе не только благо для человечества, но и порождает массу острых социальных проблем. Одной из таких проблем является информационное неравенство, которое сформировалось наряду с традиционным неравенством вследствие того, что

не все члены общества обладают равным доступом к социально значимой информации. Гербер Шиллер разработал теорию «информационной стратификации общества»: выделил несколько социальных групп в зависимости от доступа к информации:

- «Инфобогачи» - современная элита, которая имеет неограниченный доступ к информации: международные финансовые корпорации, а также страны с небольшим уровнем развития информационных технологий;
- «Информационный средний класс» - пользователи, которые имеет доступ к электронике и информации, требующейся для работы и в повседневной жизни. Данная социальная группа характеризуется тем, что она обладает достаточно высоким уровнем информационной культуры, однако не участвует в развитии информационно-телекоммуникационых технологиях и не управляет информационными потоками;
- «Информационные бедняки» - данная социальная группа не всегда имеют низкий уровень жизни.

Основным критерием причисления людей к данной группе является их нежелание и неумение пользоваться технологиями, а также неподготовленность к её использованию. К «информационным беднякам» Шиллер относит большую часть населения планеты. Причём это не только отдельные группы общества, но и целые страны. Такая стратификация создаёт зависимость информационно неимущих от немногочисленных генераторов и обработчиков информации. Подобное положение вещей позволяет говорить о социальной несправедливости. Информационное неравенство ведёт к нарастанию социальной напряжённости и экономическому неравенству, росту числа конфликтов, вследствии чего возникает дезинтеграция общества. Поэтому приоритетной задачей социального управления становится преодоление информационного неравенства как одного из форм проявления социальное несправедливости.

Литература:

1. *Шиллер Г. Манипуляторы сознанием / Пер. с англ.; Науч. ред. Я.Н. Засурский. М.: Мысль, 1980.*
2. *Юрасова М. В. Технологии построения сценариев общественного устройства в условиях социального неравенства // Социология. — 2014. — № 3. — С. 114–121*
3. *Курявский А.Ю.Информационное неравенство как фактор национальное дезинтеграции // Вестник экономики, права и социология.2013.№2.С.220-224*

Нагайцев Виктор Валентинович,

ФГБОУ ВО "Алтайский государственный университет", Барнаул, Россия

Управление конфликтностью в современном российском обществе

В условиях продолжающегося не один год финансового кризиса, затрагивающей все сферы жизнедеятельности населения, особую

актуальность приобретает проблематика исследования процессов социальной напряженности и конфликтности в российском обществе. К сожалению, проблематика напряженности и конфликтности как особых социальных феноменов не стала пока в отечественной науке предметом тщательных социологических исследований с использованием междисциплинарной методологии. В первую очередь, необходимо дать определение самому понятию конфликт. Конфликт – процесс негативного противодействия различных социальных субъектов, направленный на устранение противоречия, возникшего в их интересах. Под социальным субъектом здесь понимается отдельный индивид, социальная группа, организация, этническая общность, социальный институт, государство, содружество государств и т.д. Все социальные конфликты в обществе теснейшим образом сопряжены, взаимосвязаны и взаимозависимы. Иначе говоря, нет чисто политических, чисто этнических, чисто экономических, чисто трудовых и т.д. конфликтов. Есть некая «конфликтность в обществе» – особый феномен социальной жизни, интегрирующий в себе все конфликты, участниками которых члены социума становятся. Конфликтность, происходящая в социуме – это его естественное состояние, условие его функционирования и развития. Понятие «конфликтность в обществе» пока не получило статуса общепризнанной научной категории в социологии. Большинство исследователей, либо, вообще избегает данного понятия, либо сводит его смысл к простой сумме всех конфликтов, имевших место в обществе за определенный период времени. При этом главное внимание уделяется либо межличностным, либо политическим, либо межэтническим, либо бытовым, либо трудовым и т.п. конфликтам, осмысливаемым в качестве автономных друг от друга социальных явлений и процессов. «Конфликтность в обществе» – это целая система разнонаправленных действий людей и их социальных групп, которой присущи качества, принципиально отличные от свойств автономно развивающихся конфликтов. В силу этого важно изучать не только и не столько конкретные социальные конфликты и их причины, сколько их взаимодействие и взаимозависимость. Конфликтная система социума, таким образом, представляется одной общей системой взаимозависимых друг от друга конфликтов. Конечно, если мы хотим изучить конфликтность в конкретном локальном социуме, то нам не удастся избежать анализа происходящих в нем социальных конфликтов. Современными исследователями социальный конфликт понимается как вполне нормальное, закономерное и неизбежное явление в любых социальных системах. А коль скоро конфликт – неустранимый тип социального взаимодействия в обществе, и противоречия в целях и интересах социальных субъектов неискоренимы, основное направление работы с социальным конфликтом – это целенаправленное управление им. Управление социальным конфликтом – система упорядоченных приёмов воздействия на конфликт, направленная на его урегулирование и разрешение, осуществляемая на любых этапах его развития, самими участниками конфликтного противоборства или какой-либо третьей стороной. Сама постановка вопроса о возможности

эффективного управления конфликтами принципиальна для нас в том смысле, что она вытекает из понимания конфликта как здоровой и неотъемлемой формы социального взаимодействия субъектов в обществе. Если бы мы относились к конфликту только как к негативному явлению, то основная работа с ним сводилась бы к его скорейшему подавлению и полному устранению. Признание же социального конфликта нормальным общественным явлением, расширяет и углубляет проблему форм работы с ним (можно и нужно осуществлять – предвидение, прогнозирование, профилактику, предотвращение, предупреждение, диагностику, урегулирование и разрешение конфликта). Перед специалистами, таким образом, не стоит задача полной ликвидации ни отдельных конфликтов, ни общей конфликтности, ни процессов конфликтования людей в обществе. Необходимо максимально возможно развивать конструктивные и минимизировать деструктивные последствия конфликтов и всей конфликтности в обществе. Управление конфликтностью – комплекс разнообразных мер, ведущих к изменению параметров ее массовости, ядра, зон, глубины, остроты, эскалации и т.п. Эффективность этого процесса прямо зависит от степени изученности существующей конфликтности, ее структуры, динамики, тенденций развития, а также умения использовать управляющим субъектом различные технологии конфликторазрешения. Субъектами этой деятельности выступают не только органы власти, но и ученые, средства массовой информации, представители гражданского общества, неправительственные организации, общественные движения. Поскольку каждый социальный конфликт, так или иначе, сопряжен в обществе со всеми другими, постольку он значим не только и не столько сам по себе, сколько в связке с другими, его нельзя решить, исходя только из него самого, т.е. без знания общей картины конфликтности. Под управлением конфликтностью подразумевается профилактика и преодоление одних конфликтов за счет воздействия на другие. Скажем, снижение остроты наиболее опасных социальных противодействий за счет инициирования менее опасных. Управление социальными общностями и процессами с помощью конфликтов – совершенно неразработанное направление современной социологии, представляющееся автору весьма перспективным в нынешних условиях российской действительности.

Нарожная Диана Анатольевна,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Социальная несправедливость как предпосылка деструктивной мотивации персонала

В современном мире одним из ключевых ресурсов организаций являются ее работники. Их конструктивная мотивация и стремление к

эффективному труду лежат в основе конкурентоспособности любой компании. При этом в организациях наравне с конструктивной мотивацией, существует и явление деструктивной мотивации персонала. Оно представляет собой побуждение работников к осуществлению деятельности или бездействия, которые наносят ущерб организации, являющееся результатом взаимодействия личностных качеств работника, а также факторов внутренней и внешней среды организации . Деструктивная мотивация лежит в основе различных негативных явлений, таких как: воровство, мошенничество, «внутреннее увольнение», и т.д. Ее причины существуют на различных уровнях, важнейшим из которых является макроуровень, то есть уровень внешней среды организации. На макроуровне предпосылки воспроизводства деструктивной мотивации персонала можно выделить в четырех важнейших сферах общественной жизни: политико-правовой, экономической, социальной и духовной. При этом такая характеристика социальной сферы общественной жизни, как социальная несправедливость, является, на наш взгляд, одной из ключевых предпосылок деструктивной мотивации. Социальная несправедливость, остро ощущаемая и переживаемая гражданами, порождает состояние неопределенности социального положения и на фоне ослабления социального контроля, приводит к распространению организационного поведения, вызываемого деструктивной мотивацией. Так, Р.В. Рывкина считает, что «реформы 90-х годов резко ослабили, если не ликвидировали внешнюю детерминацию образа жизни» . Имеется в виду ликвидация регулирования поведения населения при помощи государственной политики. Это обусловило переход Российского общества от целостного состояния к разрозненному, фрагментарному. Социальная дезинтеграция, являющаяся следствием экономических и политических реформ 1990-х годов, в сочетании с систематической пропагандой ценностей потребительской культуры и вседозволенности способствует распространению индивидуалистического и явно эгоистического поведения социальных субъектов, ведет к деградации нравственных и трудовых ценностей. Это становится причиной социальных конфликтов на различных уровнях, в том числе, и на уровне предприятий . Острая степень конфликта интересов работников и организации в свою очередь лежит в основе деструктивной мотивации персонала. Переживание социальной несправедливости в совокупности с ценностной ориентацией работника на определенный уровень материального благополучия приводит к тому, что рабочее место начинает рассматриваться исключительно как источник получения денежных средств. Такая ситуация вызывает обострение конфликта интересов работника и работодателя и служит основанием для развития и распространения деструктивной мотивации. Только мероприятия по ослаблению уровня социальной несправедливости на уровне всего государства смогут привести к снижению остроты конфликта интересов, приводящего к распространению деструктивной мотивации персонала.

Литература:

1. *Нарожная Д.А. Деструктивная мотивация как объект управления // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. № 44. С. 23-44.*
2. *Рывкина Р.В. Образ жизни населения России: социальные последствия реформ 90-х годов // Социологические исследования. 2001. № 4. С. 32–39. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/456/945/1231/005Ryvkina.pdf (дата обращения: 24.03.14).*
3. *McLoughlin D., Carr S.C. Equity Sensitivity and Double Demotivation // The Journal of Sociological Psycology. 1999. No 137(5). P. 668−670.*

Неганов Фаниль Мидхатович,
УГАТУ, Уфа, Россия

Путь к провалу?

Наука, воодушевленная собственными достижениями, приближается к раскрытию природы сознания. Я определяю здесь сознание как способность соотносить то, что знает человек о мире со значимыми для него элементами сознания, и прежде всего, абстрактными. Например, осознаваемый (=сознательный) поступок в общественном смысле означает взгляд на поступок в соотнесении его с идеалами справедливости, чести, достоинства, и т.п. Хотя эти идеалы сами по себе аналогично предметам не существуют, они есть по своей сути абстракции. Отличие человека от самых высокоорганизованных приматов заключается в том, что мозгу человека удаётся кодировать чувственно неуловимые особенности устройства реальности, которые человеком представляются чистыми идеализациями. Животные способны кодировать информацию, идущую от их органов чувств, но для них остаётся скрытой значительная часть окружающего их мира, в которой скрываются законы, объясняющие то что происходит на макроскопическом уровне. Однако абстракции столь необходимые для глубинного понимания мира представлены в мозге такими же кодами, какие образуются от органов чувств. Ничего мистического здесь нет. Кроме того, это еще раз показывает родство человека с животным миром, а отличие обеспечивается специфической способностью мозга человека образовывать особые коды, их хранить и ими пользоваться по необходимости. Из этого мы можем сделать вывод, что человек отличается от животных полученным от природы способом проникать в такие области реальности, которые скрыты от животных. Тем самым человек получил возможность знать реальность глубже, глобальнее, целостнее, детальнее. Важными для понимания того, каково значение человеческого сознания, дают исследования феномена боли. Как известно, боль является знаком угрозы для организма, в связи с чем вызывает побуждение к избеганию угрозы. В этом смысле боль есть составная часть инстинкта самосохранения. В связи с этим нарушения системы обеспечения боли угрожают жизни организма. В медицинской практике известны случаи нарушения системы боли в организме человека. Это больные проказой. Пол Бранд с коллегами разработал проект, который

предполагал создание для таких пациентов искусственной системы оповещения человека об опасности, угрожающей его организму. Специальные датчики-сенсоры, созданные инженерами, улавливали изменения, происходящие в организме человека, и отвечали на эти изменения, информируя человека разрядами электрического тока. Несмотря на то, что им удалось создать такую систему, однако она не смогла заменить естественную систему боли во всей полноте эффективности. П.Бранд отмечает: «Самое важное заключается в том, что мы не смогли найти способ преодолеть фундаментальную слабость нашей системы: она оставалась всегда под контролем пациента. Если пациент не хотел обращать внимания на предупреждения, исходящие от сенсоров, то он мог всегда обойти систему в целом, отключив ее своей свободной волей. …Любая система, которая оставляет пациенту свободу выбора, обречена на провал»

Деятельность человека будет хаотической и нецеленаправленной, если человек не имеет ценностной системы анализа получаемой информации. В качестве естественной, ценностная система дается человеку от рождения и среди ее элементов главным выступает инстинкт самосохранения. С появлением сознания естественная система ценностей дополняется, а точнее над ней надстраивается ментальная система ценностей. Свобода в ментальной сфере позволяет человеку выбрать в качестве высшей ценности любой объект: материальный, идеальный или даже фантастический. Конкуренция этих двух систем ценностей и описана П.Брандом. И как мы видим победу одерживает ментальное. Границы ощущаемого мира человек может раздвинуть и тем самым видеть то, что скрыто от нас – электромагнитные волны, магнитные поля, свойства четырёхмерного мира, и т.д. Мы знаем животных, которые превосходят человека по этим способностям. Это означает, что природа сама естественным путём (случайные мутации) создаёт и «предлагает» живым существам (изменяя генотип) новые возможности для восприятия окружающего мира. Если эти новые особи с новыми возможностями получают преимущества в сравнении с обычными, то они их вытесняют и распространяются. Так в реальности происходит эволюция видов и появление живых существ с принципиально новыми качествами. Так появился и человек. Но у человека проявилась не новая возможность восприятия того, что он ранее не воспринимал, а способность выражать в типичных кодах абстрактное, то есть то, что им не воспринимается непосредственно. Раскрытие сущности кода, которым пользуется мозг, а также механизма его образования, воспроизведения, доступа к нему со стороны человеческого Я для манипуляций с ним, совершит переворот не только в нашем понимании мира, но и в практическом отношении к миру и самому себе. Ведь вся стабильность экономической и политической жизни мирового сообщества основывается на тонких процессах, протекающих в мозге человека, которые человек использует для осознания происходящего, но над которыми он пока не властен, так как о механизме их действия он пока не имеет должного представления. Если человек получит к ним доступ, например, такой же

какой он получил к тайнам атомной структуры, последствия от возможностей, которые человек захочет реализовать в условиях плачевного состояния общечеловеческих ценностей, развития поразительного бездушия, цинизма и невежества, будут малоутешительными.

Литература:

1. *Brand P., Yancey P. Gift of pain. – Michigan: Zondervan, 1997. – P. 194-195.*
2. *Hawkins J., Blakeslee S. On Intelligence. – New York: Times Books. – 2004.*
3. *Неганов Ф.М., Рудкевич Е.Ю. Неэкономические ценности: культурно-исторические особенности становления и развития. – Уфа: БашГУ. – 2008.*
4. *Неганов Ф.М., Яруллина Л.Х. Нонконформизм и подлинность человеческого существования в концепции Ж.-П.Сартра // Вестник Башкирского университета. – № 4. – 2009.*

Никонов Владимир Александрович,

Института экономики и управления, Мичуринский ГАУ, Мичуринск, Россия

Социальная справедливость как критерий социальной защищенности в представлениях московских предпринимателей

Вопрос социальной справедливости в российском обществе является на сегодняшний день самым больным и злободневным. Несмотря на то, что данная проблема актуальна во всем мире, в постсоветской России она вследствие болезненных откликов долгих и непоследовательных социально-экономических реформ вызывает наибольший интерес среди российских граждан. Именно концепция справедливости, по мнению С. Мареевой, является «важным элементом модели национальной культуры», ее ядром [1, с. 7]. Самоустранение органов власти от решения наиболее острых социальных вопросов, их замалчивание и демонстративное игнорирование лишь усиливает разрыв коммуникативных связей между властью и обществом, а равнодушие и низкая компетентность отдельных чиновников поднимают проблему социальной справедливости на более высокий уровень. Принимая во внимание тот факт, что представления о социальной справедливости в различных социальных группах заметно отличаются друг от друга, обратимся к наиболее активной из них – предпринимательскому сообществу. По результатам проведенных опросов представителей малого бизнеса (132 человека) в четырех АО г. Москвы (ЮЗАО, ЮАО, ЗАО, ТиНАО) в период с август по декабрь 2017 г. было установлено, что в основном бизнесмены (42%) предпочитают говорить о социальной справедливости как о результате предоставленных возможностей и их реализацией (эффективностью работы). Известно, что предпринимательская деятельность в условиях экономии населением своих потребностях и как следствие его низкой платежеспособности обречена на существование в узком сегменте рынка, отличающемся далеко не лучшим показателями сервиса, качества и пр. В связи с этим, некоторые предприниматели (не более 12%) воспринимают социальную справедливость как результат справедливой

конкуренции, причем не только в бизнесе, но и в жизни в целом. Основу социальной справедливости бизнесмены рассматривают в правовом аспекте (равенство всех перед законом) – 37%, а также в экономическом аспекте (равенство возможностей и эквивалентность труда) – 32%. При этом ими допускается различие в доходах различных слоев населения, но отмечается, что эта разница не должна быть социально-критичной. Высказывались также мнения о главной роли государства по обеспечению социально-активным группам граждан минимально необходимых стартовых условий для реализации своих амбиций. Предприниматели, которые пришли в бизнес ввиду сложных жизненных обстоятельств (вынужденное предпринимательство), отождествляли социальную справедливость с доступностью равноценных социальных гарантий – 12%. Повышение уровня социальной справедливости абсолютное большинство респондентов (более 61%) находит в ликвидации раздражающих общество привилегированных сословий, беззастенчиво пользующихся всеми благами социально-экономических и правовых преференций. Вместе с тем, предприниматели, подчеркивая необходимость социальной ответственности со стороны государства, признают недостаточно высокий уровень социального ориентирования среди своих коллег. Наиболее часто этот факт объясняется бизнесменами невозможностью долгосрочного планирования, неопределенностью перспектив своих социальных гарантий, нестабильностью налоговых реформ и т.д. Социальное предпринимательство как инструмент, воздействующий на снижение существующих социальных проблем, а, следовательно, улучшающий восприятия населением социальной справедливости, рассматривается российскими бизнесменами в отдаленной перспективе. Высокая рентабельность социального предпринимательства, по мнению многих из них (37%), возможна лишь в тесном сотрудничестве с представителями государственных органов власти, в противном случае подобный вид деятельности, невзирая на положительную социальную роль, имеет низкую экономическую эффективность. Необходимо отметить, что большинство предпринимателей (более 72%) соглашается с определением ряда исследователей в том, что социальная справедливость есть состояние, при котором «общество не испытывает социальной напряженности», и большинство его граждан «согласны с существующим порядком распределения прав и обязанностей» [2, с. 7]. Уровень социальной справедливости в России более 57% респондентов определило как «крайне низкий». По их мнению, все это является следствием инертности общества, его равнодушия и неспособности к солидарному диалогу с властью. Перспектива получения справедливого вознаграждения по итогам своей деятельности, достаточного для полноценной интеграции в социум, остается превалирующим стимулом среди российских предпринимателей. Социальная роль государства в дальнейшей судьбе предпринимателей минимизирована ими до крайности. Бизнесмены отмечают, что в основе мер социальной справедливости должны быть действия, носящие не декларируемый и эпизодический характер, а структурированный продуманный подход,

положительные результаты которого наблюдаются по мере продвижения данной политики. Таким образом, основы своей социальной защищенности предприниматели видят, прежде всего, в понимании государством интересов самих предпринимателей, грамотном социально-правовом регулировании рыночных механизмов. Отсутствие содержательного диалога между властью и обществом по интегрированию наиболее распространенных представлений граждан о социальной справедливости в некий нормативный документ, представляющий практическую пользу, позволяет говорить о необходимости рассмотрения данного вопроса в кратчайшие сроки.

Литература:

1. *Мареева С.В. Справедливое общество в представлениях россиян // Общественные науки и современность. – 2013. – №5. – С.16-26.*
2. *Пирогов Г.Г., Ефимов Б.А. Социальная справедливость: генезис идей // СОЦИС. – 2008. – №9(293). – С.3-11.*

Ольшанская Екатерина Владимировна,

Российский университет транспорта, Москва, Россия

Справедливость как аспект эффективного управление в современных зарубежных концепциях

Проблема социальной справедливости прослеживается через всю историю человечества. О ней говорили ещё в античности, так Аристотель рассматривал её как правосудие и законность, считал, что она представляет собой сумму всех добродетелей, выделяя справедливость распределительную, когда разделение благ основано на соотношении личного вклада каждого в общее дело, и компенсаторную (уравнительную) – без учета личных свойств каждого, которая происходит по принципу свободного договора между субъектами. [5] Для Т. Гоббса и Гегеля справедливость была в первую очередь связана с собственностью и правом. [6] В основе марксисткой концепции социальной справедливости лежал принцип соразмерности, но кроме того в неё включался критерий потребностей и ценностей. [7] Проблема справедливости актуальна и в современном мире, и если говорить о сфере управления, то стоит заметить, что к функциям деятельности современного руководителя относится не только планирование, организация, мотивация и контроль, а ещё и такие не менее важные, как формирование моральных ориентиров и поддержка своих подчиненных. Если лидер несправедлив, если он аморален, то вся его деятельность, идеология, которую он создает, может привести к непоправимому. Так великие лидеры Владимир Ленин, Маргарет Сэнгер, Адольф Гитлер причастны к смерти миллионов невинных людей. Идеи, которыми они вдохновляли других людей, привели к катастрофе. Среди современных зарубежных концепций, связанных с вопросом справедливости, как приоритета социального управления можно выделить альтруистическое или этическое лидерство, которое представляет

собой направление, рассматривающее лидерство, как служение и духовное наставничество. Особенно интересна концепция лидерства-служения Роберта Фицжеральда. Согласно Гринлиф-центру, лидерство-служение - это мировоззрение и набор практик, которые обогащают жизнь людей, более эффективны в создании и развитии организации, и в конечном итоге способствуют созданию мира, в котором больше заботы и справедливости. Характеристики лидера-служителя: умение слушать, эмпатия, осознанность, убеждения, осмысленность, предусмотрительность, способность к стратегическому управлению, приверженность принципу развития людей, и способность к формированию группы. [3] Особое внимание стоит уделить концепциям, связанным с несправедливостью в сфере управлению. При анализе справедливости как приоритета социального управления, сложно переоценить данные научных работ, в которых выявляются факторы, способствующие проявлению несправедливости. К такой категории можно отнести деструктивное лидерство, исследующее разрушительное поведение лидера и его влияние на последователей, так в исследовании Джоржа Спака феномен деструктивного лидерства, рассматривается через историческое исследование вражды между Хэтфилдами и Маккои. [4] Проблема определения деструктивного лидерства заключается в том, что оно охватывает различные стили руководства и поведения. Падилья, Хогани, Каузер (2007) предлагают детальное определение не только деструктивного лидерского поведения, но и типологию последователей и ситуаций, которые способствуют влиянию деструктивного лидерства, и создали модель, называемую токсичный треугольник: 1) деструктивные лидеры (их характеризует харизма, личная власть, нарциссизм, негативный жизненный лейтмотив, идеология, исходящая из ненависти); 2) восприимчивые последователи: а) конформисты (с неудовлетворенными потребностями, низким ядром самооценки, низким уровнем зрелости); б) участники сговора (с амбициозностью, схожестью мировоззрения, негативными ценностями); 3) благоприятная среда, а именно нестабильность, включая осознанную угрозу, культурные ценности, отсутствие контроля, баланса и неэффективность институтов. [1] Результат проявления деструктивного управления возможен под влиянием некоторых внутренних или внешних сил. В случае Хэтфилдов и Маккои, “правильные” элементы объединились, чтобы произвести идеальный шторм, то есть привести к деструктивному руководству. Как отмечает Падилья, в токсичном треугольнике, среда, которая претерпевает трансформационные изменения, является главной мишенью для деструктивных лидеров. Хотя этому ещё не уделено значительное внимание исследователей, некоторые авторы утверждают, что изучение ценностей будущих корпоративных лидеров может быть эффективным способом снижения неэтичного поведения (например, EGRI и Герман, 2000; Коган и Коган, 2001). Идентификация может быть определена с помощью Майерс-Бриггс MBTI® и Юнга Типология Test ™, позволяя определить, присутствуют ли деструктивные черты в кандидате на руководящую должность. Джим Коллинз, исследуя лидерские качества генеральных

директоров крупнейших компаний, выявил, что способность подчинять своё эго нуждам общего блага является важнейшим для развития организации. Он классифицировал два типа руководителей: тех, кто не способен проявить это качество, для таких лидеров их деятельность направлена на то, что они получают для себя лично: славу, состояние, власть. Для второго типа их работа – возможность достичь всеобщего процветания, служить другим людям. Обычно они имеют хорошее общечеловеческое воспитание, пережили преобразующий жизнь опыт. [2] Справедливость является одним из важнейших социально-психологических качеств современного лидера. Вопрос воспитания этого качества у будущих лидеров требует дальнейших исследований и несет огромную роль для благоприятного развития общества.

Литература:

1. *Art P., Hogan R., Kaiser R.B. The toxic triangle: Destructive leaders, susceptible followers, and conducive environments // The Leadership Quarterly. 2007. № 11 P. 176–194.*
2. *Collins J. Good to Great: Why Some Companies Make the Leap and Others Don't. – New York: Harper Business, 2001. P. 36-38.*
3. *Fitzgerald R.J. Becoming Leo: Servant Leadership as a Pedagogical Philosophy // Critical Questions in Education. 2015. №6 P. 75-85.*
4. *Sparks G., Wolf P., Zurick A. Destructive Leadership: The Hatfield And Mccoy Feud. Kaplan University, USA. 2015.*
5. *Аристотель. Никомахова этика // Философы Греции. Основы основ: логика, физики, этика. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. С. 1049.*
6. *Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001. С. 102.*
7. *Кашников В. П. Марксизм как радикальная критика либеральной справедливости // Вопросы философии. 2005. № 6. С. 38.*

Панич Наталья Александровна,

МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Социальная справедливость в глобализирующемся обществе: миграционный аспект

Глобализация обусловила ряд важнейших изменений, которые наиболее остро и полномасштабно влияют на такое понятие как социальная справедливость. В той или иной степени каждый из нас сталкивался с аспектами этого социального явления. Миграция становится одной из актуальнейших социальных проблем связанных с понятием справедливости. Управление миграционными потоками, ставшими повседневной реальностью практически всех стран, является ключевой задачей государственной политики во многих европейских странах, в том числе и в России. Исторически миграция напрямую связана с процессами перераспределения человеческих ресурсов в производстве и выступает как одна из форм социокультурной трансформаций, затрагивающих как отдельные регионы, так и целые страны и народы. Миграционные процессы, обуславливаясь, прежде всего, факторами экономического характера, всегда становились явлением, неизбежным результатом которого выступало усложнение

экономической и общественной жизни «принимающей стороны». Это связано прежде всего с усилением конкуренции на рынке труда, несправедливым распределением благ, напряженной социальной ситуацией. По подсчетам социологов в структуре российской миграции непропорционально велика доля двух столиц: на Москву и Московскую область и Санкт-Петербург и Ленинградскую область приходится до 80% всего миграционного потока. (1). Большие города привлекают внутренних и внешних мигрантов широкими возможностями, поскольку именно они концентрируют ресурсы и аккумулируют жизненные шансы. Мегаполис, с одной стороны, выступает в роли жесткого эксплуататора мигрантов, которые зачастую живут в абсолютной бедности и бесправии, с другой стороны, выступает в роли помощника, давая возможность обеспечить жизнь родным и близким на исторической родине.

Основываясь на выделенных Д.П. Карановым(2) вариантах поведения мигранта в новой для него социокультурной среде, можно утверждать, что для крупного мегаполиса будет актуально следующее. С одной стороны – это постепенная ассимиляция мигранта (например, жители регионов, приезжающие в Московскую агломерации); с другой - идентификация с определенным населенным пунктом, но не с его сообществом, приводящая к формированию закрытых социальных групп, которые не хотят вливаться в принимающее городское сообщество (например, трудовые мигранты из среднеазиатских республик). По словам М.С. Савоскул, мигрант может адаптироваться, т.е. приспособиться к жизни в принимающем обществе, может найти работу и жилье, но при этом не быть интегрированным в российское общество, жить по иным социальным нормам и правилам, не пройти вторичную социализацию в принимающем обществе и не владеть «социальным» языком норм и правил поведения этого общества.(3) Данное обстоятельство приводит к усилению социальной напряженности, которая находит свое выражение в антимиграционных настроениях. Поведение мигрантов, стремящихся сохранить свою социокультурную идентичность, дестабилизирует различные сферы городской жизни, снижая тем самым качество жизни коренного населения мегаполиса. Ритм жизни в мегаполисе диктует и стиль поведения ее обитателей: некое безразличие, отстраненность от окружающей действительности, закрытость. Жители столицы нередко относятся к мигрантам не слишком дружелюбно. Те, в свою очередь, отвечают им взаимностью, в большинстве провоцируя конфликты. Так, недовольство и постоянные жалобы местных жителей на девиантное, зачастую преступное поведение мигрантов в районах расположения миграционных служб повлияли на принятие решение УФМС РФ по г. Москве об открытии единого Многофункционального миграционного центра на территории новой Москвы. Миграционный центр начал свою деятельность 12 января 2015 года на территории Троицкого округа, вблизи деревни Сахарово. Мигранту предлагается весь комплекс услуг по легализации его пребывания на территории РФ, включая медицинскую справку, сдачу необходимых экзаменов для получения патентов и многое

другое. (4) Создание центра решило сразу же множество задач как для москвичей (относительное спокойствие в жилых кварталах, где ранее располагались соответствующие службы), так и для мигрантов, которые получили возможность оформить все необходимое в одном месте, экономя время и силы. Одним из приоритетных направлений государственной политики в эру глобальной миграции является создание оптимальных условий для культурной и социальной интеграции мигрантов в социокультурное пространство принимающей стороны. Поскольку основная роль в этом процессе принадлежит городу, именно на его долю выпадет в дальнейшем разработка стратегии адаптации мигрантов, ликвидации социальной несправедливости в отношении мигрантов, а также попытка решения дилеммы в общем понимании управленческой стратегии, если работник является иностранным мигрантом.

Литература:

1. *Зубаревич Н. Рента столичного статуса // Pro et Contra. Журнал российской внутренней и внешней политики. 2012. №6.С.15.*
2. *Каранов Д.П. Мигранты и принимающее сообщество: Культурный аспект межэтнических отношений в городской среде // Полиция. 2013. № 1. С. 30.*
3. *Савоскул М.С. Стратегии адаптации этнических мигрантов в локальных сообществах // Мониторинг общественного мнения. 2011, № 5. С. 104.*
4. *www.mc.mos.ru*

Петрова Ирина Владимировна,
РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, РФ
Петров Александр Александрович
ПСПбГМУ им. акад. И.П. Павлова, Санкт-Петербург, РФ

Унифицированная коммуникация в процессе управления институтом образования

Важный акцент в определении дефиниции «социальное управление» – это достоверное знание социального процесса. Условие «ассиметрии информации» отражается в следствиях – результативности процесса, иногда подтверждающих факт потери устойчивости общественной системы, индуцирующим, уже в свою очередь, проблему социальной справедливости. Авторы обращают внимание на процесс подготовки будущих специалистов, где качество, результат деятельности высшего образования не удовлетворяет никого: ни заказчиков – работодателей, ни потребителей – студентов, чтобы согласовать этот специфический «конфликт интересов» 2/3 студентов начинают профессиональную деятельность в период обучения, приобретая те навыки, которые будут востребованы на рынке труда, продолжая по возможности посещать ВУЗ с целью получения требуемого работодателями документа (диплома). Соответственно, можно диагностировать потерю управляемости в системе высшего образования и это уже угрожает

генерализацией проблемы – социальным недовольством, а ведь условие (причина) известно – отсутствие системной унифицированной коммуникации. Для решения проблемы управляемости актуализируется изучение: в формате исследования процесса государственно-общественно-личностной системы на основе распределения ответственности; возможностей построения моделей механизмов, оптимизирующих условия системного социального процесса. С учетом определенных типов связи одним из авторов выдвинут объект-субъект-субъектный (государственно-общественно-личностный) подход к изучению институционального процесса (социализации) студенческой молодежи [1]. Концепт отвечает процессуальному характеру рассмотрения проблемы (цель-условия-результат). В соответствии с выдвинутой стратегией процесс социализации студентов в условиях системы ВО представлен трехэлементной/уровневой структурой. Первый уровень – институциональный/макро-уровень (нормативно-регламентирующий). Второй уровень – организационный/мезо-уровень (ВУЗы). Третий уровень – индивидуально-личностный/микро-уровень (студент, студенческая группа). Уровневая структура социального процесса в системе ВО близка к известной концепции Т. Парсонса «уровни в управлении социальными системами» (высший уровень-институциональный; средний уровень-организационный; низовой-технический) [2]. В соответствии с авторским фреймом было проведено исследование и получены результаты (2009-2015 гг.). Институциональный уровень проблемы изучен посредством анализа нормативно-правового обеспечения процесса [3]. Где закреплено актуальное требование – подготовка синтетического специалиста, обладающего профессиональной и социокультурной компетенциями (последняя – это нововведение в отличие от предшествующих стандартов), и описываются возможности для реализации. Анализ условий социализации студентов мезо-уровня системы ВО, выполнен посредством анкетирования студентов российских ВУЗов (N=400), экспертных интервью, работы с документами. Результаты опроса студентов резюмируют, что в реальном образовательном процессе никакой речи не идет о «надпрофессиональными заниями», навыками «soft skills», все как всегда – монолог преподавателя, эксплуатация моторики, памяти студента и подобное. Опустим представление результатов интервьюирования экспертов. Операционализация результатов исследований всех уровней системы констатирует: зафиксирован дисбаланс условий, негативно влияющий на эффективность протекания социального процесса. Закрепленный в нормативной базе комплекс обеспечения процесса не реализован за счет выявленного дисбаланса организационных и функциональных факторов на мезо-, микро- уровнях системы. Возможность социально-профессионального развития студентов на данных уровнях блокировалась: явно (мероприятия игнорировались) и латентно (мероприятия исполнялись частично/формально). Субъекты управления социализацией студентов в ВУЗах дисфункциональны. Следовательно, необходимо активизировать инициативу и ввести контроль в ВУЗах. Предлагается ряд разработок и рекомендаций по оптимизации условий институциональной

среды, в числе которых представлена модель механизма управления социальными процессами в системе ВО. Таким образом, структура и содержание механизма: 1. Социальный заказ. 2. Нормативный компонент 3. Целевой компонент. 4. Мотивационный и формирующий. 5. Программно-технологический. 6. Содержательно-деятельностный. 7. Компонент организационно-педагогических условий. 8. Результативный компонент. Механизм удовлетворяет требование синкретичности всех уровней системы ВО: макро-, мезо-, микро- (посредством согласованности компонентов модели), обеспечена функциональной гибкостью (предусмотрена возможность преобразования траекторий отдельных компонентов) и ориентирована на целедостижение через контроль результата (за счет введения унифицированной коммуникации (forward&backward) посредством замкнутости первого компонента механизма управления системой – это общественного заказа и последнего компонента – это мониторинга результатов процесса). Итак, решение проблемы – это внедрение в образовательную систему социологического сопровождения. Создание единой информационно-кумулятивной базы управления системой ВО обеспечит необходимую функциональность вертикально-горизонтальной коммуникационной сети, идея может быть реализована путем организации конъюнктурных исследований процессов мезо-уровня системы силами исследовательских социологических подразделений ВУЗов.

Литература:

1. *Петрова, И. В. Социализация студенческой группы в системе современного российского образования / И. В. Петрова // Социология образования. 2014. № 11. С. 86-94.*
2. *Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс М.: Аспект Пресс, 1997. 270 с.*
3. *Федеральный закон РФ № 273 – ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Электрон. Текст. Дан. – Режим доступа: URL: http://www.rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html (дата обращения: 18.09.2014).*

Сапрыкина Ирина Эдуардовна,

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Высокорейтинговые университеты и элитное образование в контексте управления

Образование является одной из сфер общества, где с различной силой на разных этапах истории России отображались аспекты социальной несправедливости, связанные с проблемой доступа к образованию тех или иных социальных групп. На современном этапе особенностью является функционирование современного образования в эпоху постмодерна, когда наука может менять свою роль в обществе, что является предметом исследований ученых [1]. В современных публикациях одним из часто рассматриваемых вопросов является дифференциация образования на элитное и массовое, а также проблема построения рейтингов в

академической среде. Так, положение российских университетов в международных рейтингах является важным с точки зрения международного научного взаимодействия и является компонентом имиджа российской науки и образования в мире. Началом истории составления рейтингов в образовательной сфере исследователи называют начало восьмидесятых годов, когда был опубликован первый в мире рейтинг, обозначивший процессы глобализации высшего образования. В настоящее время одним из наиболее влиятельных академических рейтингов университетов мира считается Шанхайский рейтинг, в первую сотню которого в 2017 г. входит МГУ имени М.В. Ломоносова. В исследованиях и публикациях, посвященных формированию рейтингов в образовательной сфере, зачастую рассматриваются не только математические особенности построения рейтингов, их виды и составные показатели, но и сам вопрос необходимости и целесообразности такого оценивания, проблема достоверности рейтингов, которые, как правило, не могут быть построены без субъективных показателей [2]. Однако, несмотря на то, что результаты построения рейтингов, в том числе университетов и преподавателей, вызывают неоднозначную реакцию и оценку общества и ученых, и могут содержать в себе элемент субъективности, в современной реальности рейтингование является актуальным инструментом управления. Высокорейтинговые университеты в современной образовательной системе вносят значительный вклад в развитие и распространение знаний благодаря проведению передовых научных исследований и построения процесса образования с помощью инновационных программ и инновационных педагогических методов. Такие организации готовят высококвалифицированных, конкурентоспособных специалистов, которые успешны в ходе обучения и в дальнейшей профессиональной деятельности. Измеряемые рейтингами достижения, а также признание успехов вуза мировой научной общественностью выводят университет на уровень университета мирового класса [3]. Важно отметить, что среди качеств, которые характеризуют университет мирового уровня, помимо наиболее популярных количественных показателей, на базе которых строятся рейтинги (цитируемость, научные индексы, количество студентов и др.) – привлечение значительной доли иностранных студентов, функционирование в рамках глобального рынка, интернациональность во всех сферах деятельности, а также современная система руководства, предполагающая видение стратегии развития университета и план конкретных управленческих мероприятий по ее осуществлению, что отображает современные изменения в образовательной сфере и жизни современного университета.

Литература:

1. *Барков С. А., Зубков В. И. Постмодернизм и гносеологический пессимизм: социальные и научные противоречия // Социодинамика. — 2016. — № 11: с. 1-21.*
2. *Юрасова М.В. Рейтинг как инструмент измерения успеха: “За” И “Против”. Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017;23(2): с. 137-164*
3. *Воробьева Е.С. Тенденции развития университетов России (как занять лидирующие позиции в мировых рейтингах): монография / Е. С. Воробьева, А. В. Фомина ; М-во науки и*

образования Российской Федерации, Нац. исследовательский ядерный ун-т "МИФИ". - Москва : Нац. исследовательский ядерный ун-т "МИФИ", 2014. -277

Свердликова Елена Альбертовна,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Восприятие социальной справедливости российской бизнес-периодикой

В Российском общественном сознании социальная справедливость традиционно является доминирующей ценностью. Однако, сегодня Россия лидирует по показателям, которые свидетельствуют о возрастании несправедливости во многих сферах общественной жизни. Среди них: показатели социально обусловленных болезней,самоубийств,абортов, темпы роста личных состояний офшорных олигархов. Продолжается падение реальных доходов населения и рост долларовых миллиардеров. Всё это свидетельствует о том,что сложившаяся система управления социально-экономическим развитием России направлена отнюдь не в сторону народных интересов и социальной справедливости. В этой связи, интересно понять, осознаёт ли современный российский бизнес данную проблему? Подобный вопрос, интересовал нас в контексте изучения традиций и ценностей российской деловой культуры. Анализируя эти традиции, мы выявили, что нравственное начало, наряду с высоким чувством ответственности перед собственным сообществом, стратой и обществом было неприменным условием коммерческой деятельности российских предпринимателей. Эта важная для нас идея была учтена в ходе разработки методики проведения контент-аналитического иссследования. Так, исходная категория «ценности российской деловой культуры» была операционализирована на содержательные характеристики: семья, вера, коллективизм, трудолюбие, патриотизм, инновационность, социальная справедливость, целеустремлённость. Необходимо подчеркнуть, что содержание понятия «социальная справедливость» рассматривалось нами, как обобщённая нравственная оценка, социальный идеал. Кроме этого, мы учитывали действие факторов, порождающих социальную несправедливость, эмпирическими индикаторами которых выступали суждения, оценивающие отношения неравенства и эксплуатации, проблемы бедности и богатства, социальной защиты малоимущих групп населения, социальной ответственности бизнеса.Массовая текстовая совокупность, как объект исследования, сформирована на основе случайчной выборки публикаций таких изданий, как «Свой бизнес», «Коммерсантъ», «РБК», «Секрет фирмы», «Эксперт», «Forbes ». Результаты проведённого исследования позволяют сделать следующие выводы. В проанализированной текстовой совокупности, представленной статьями за два периода: 2013-2015 и 2017гг, интерес коммуникатора к ценности социальной справедливости занимает вторую

позицию после ценности «инновационности» (23,7% / 15,8%). Если говорить о динамике интереса коммуникатора к данной ценности, то она – отрицательная, внимание к ценности социальной справедливости в 2017 году снижается: до 2017 г. - 735 строк или 16%, в 2017г. – 879 или 15,7%. Как видим, в абсолютном измерении, число строк увеличивается, однако, в общем объёме информации о ценностях российской деловой культуры, удельный вес информации о социальной справедливости немного снижается, на фоне снижения в 2017 году общего объёма информации о бизнесе: 29037 строк – 24860. При этом, численность статей о бизнесе – одинакова, по 280 за каждый период и в них, интерес коммуникатора к теме ценностей российской деловой культуры возрастает: 4590строк или 15,81% - 5574 или 22,42%. Следующее положение анализа – оценки информации. Специфика контент-анализа не позволяет исключить субъективности кодировщика, но в общем виде, можно утверждать, что преобладали, в основном, положительные оценки. Самыми позитивными коммуникатор называет ценности целеустремлённости, инновационности и социальной справедливости (21%,19%,15%). Среди авторов информации лидируют менеджеры, затем журналисты и специалисты. Обобщая данные исследования и переходя к выводам, можно отметить следующие характерные особенности отражения социальной справедливости в деловых российских СМИ. Во-первых, отражение проблем социальной справедливости не является для бизнес-периодики преоритетной. Однако, по частоте упоминаний, она входит в первую тройку. Во-вторых, для российских деловых СМИ характерно продолжение традиции нравственного измерения в восприятии феномена социальной справедливости. В связи с этим, можно отметить, что выбранные нами содержательные характеристики, в определённой мере отражают те факторы, которые порождают социальную несправедливость. В-третьих, российские деловые СМИ воспринимают социальную справедливость, как одну из доминант российского этоса. Более того, социальную справедливость рассматривают и как традиционную ценность, и как позитивный агрегат, интегрированный в современную систему ценностей деловой культуры. Иными словами, социальная справедливость, наряду с другими традиционными чертами национального характера сохраняется, одобряется и поддерживается современной периодикой, а значит, в определённой мере, поддерживается и системой социально-трудовых отношений. На наш взгляд, это - свидетельство преемственности традиционных ценностей российской деловой культуры. И в-четвёртых, важным выводом исследования можно назвать надёжность российских деловых СМИ. Информация, которая генерируется данными изданиями создаётся не только журналистами, в полной мере, авторами могут быть названы как менеджеры, так и эксперты. Поэтому можно утверждать, что вся изученная нами текстовая совокупность является вполне надёжным источником информации о такой ценности деловой культуры, как социальная справедливость.

Серикова Татьяна Евгеньевна,
Луганский национальный университет имени Владимира Даля, Луганск, Украина

Технологическая революция в медицине и проблемы социальной справедливости

Одной из самых спорных и резонансных тем при обсуждении проблем социальной справедливости без сомнения остается медицинская сфера. Медицина и образование выступают своеобразными лакмусовыми бумажками, показателями уровня развитости/ не развитости принципов социальной справедливости в конкретном государстве. Оценки сегодняшней ситуации с соблюдением принципов социальной справедливости в медицине теснейшим образом связаны с ее технологической составляющей. Представляется очевидным то, что сегодня медицинская сфера является одной из самых перспективных в плане внедрения инноваций. Значительное количество прорывных технологий и разработок развивается именно в направлениях, так или иначе связанных с медициной и здоровьем. В связи с этим медицина как социальный институт претерпевает целый ряд трансформаций, обуславливающих смену традиционных принципов функционирования и развития. Только лишь поверхностное перечисление наличествующих и перспективных нововведений демонстрирует существенную революционизацию всей системы здравоохранения, что в свою очередь создает целую серию проблем, непосредственно затрагивающих принципы социальной справедливости. Первая группа проблем связана непосредственно с чисто медицинскими аспектами. В частности, происходит кардинальная смена подходов к диагностике, лечению и профилактике разнообразных заболеваний за счёт внедрения в эти процессы новых, передовых методик. Генная инженерия, клеточная терапия, биотехнологии, чипирование для определения основных физиологических показателей жизнедеятельности человеческого организма, технологии в протезировании, регенерации тканей и органов, активное использование робототехники, ряд наработок, направленных на контроль за психоэмоциональным состоянием человека – это лишь небольшой перечень открытий, связанных с медициной, которые широко обсуждаются общественностью и СМИ. Технологическая революция в медицине оставляет в качестве актуальной и даже усиливает проблему социальной справедливости на уровне лечебных учреждений. Налицо явное отставание, скажем так, рядовой медицины от перспективной. Научно-исследовательские, диагностические, лечебные центры, оснащенные передовым оборудованием, по-прежнему зачастую расположены в крупных городах, а на периферии, в отдаленных от центров населенных пунктах отмечается явный дефицит как квалифицированных кадров, так и должного оборудования. Что, в свою

очередь, не может не вызывать неудовлетворенность, профессиональное выгорание и фрустрацию у медицинских работников, не имеющих доступа (или имеющих очень ограниченный доступ) к передовым методам лечения, ранней, предупреждающей диагностике и эффективной профилактике различных патологий. Нельзя не отметить и явную неготовность определенной части медиков ко многим инновациям, стремительно вытесняющих традиционные и сложившиеся правила и установки в повседневной работе, а также их отставание от быстрой смены подходов к лечебно-диагностическому процессу. Последнее обостряет вопросы социальной справедливости в отношении наиболее возрастных групп медицинского персонала.

Острейшей и очень давней проблемой, напрямую связанной с социальной справедливостью, выступает подспудная, а нередко и явная целевая доминантная ориентация медицины на получение прибыли. Фактор передовой технологической оснащенности конкретного лечебного учреждения является весомым аргументом для решения преимущественно коммерческих задач. Именно технологические инновации в данном ключе рассматриваются своего рода как инструмент для выгодной презентации тех или иных лечебно-диагностических центров, где есть возможность произвести сложные манипуляции с использованием передовых разработок. К тому же это опять-таки порождает конкуренцию среди как лечебных учреждений, так и среди медицинского персонала, усиливая и без того существующую довольно жесткую внутреннюю стратификацию. Наличие стратификации следует отнести прежде всего к пациентам, которые, либо имеют доступ к качественной, квалифицированной медицинской помощи с применением инновационных методик и оборудования, либо имеют его не в полной мере, либо вообще не имеют. Кроме того, отдельным и важным аспектом сегодня выступает использование в повседневной работе медицинских учреждений информационно-коммуникационных технологий посредством сети интернет. В рамках последних реформаций сферы здравоохранения, информатизация последней занимает одну из приоритетных позиций. Так, в целях и задачах концепции развития системы здравоохранения РФ до 2020 года на информатизации сферы медицинского обслуживания делается особый акцент [1]. Позволим себе высказать предположение, что к данным преобразованиям значительная часть медиков не готова еще в большей мере чем к новаторским медицинским технологиям в целом. Добавим сюда несовершенство соответствующей инфраструктуры, а также сложности с безопасностью и конфиденциальностью массива данных о состоянии здоровья пациентов. Безусловно, все обозначенные нами выше проблемы должны найти свое разрешение на уровне управления системой здравоохранения. Именно на управленческой ступени необходимо принятие соответствующих решений, которые будут направлены на сохранение института медицины, даже учитывая его активную технологизацию, в качестве одного из самых гуманистичных и бескорыстных, отвечающих

принципам социальной справедливости, где в приоритете находится человек с его чаяниями и трудностями.

Литература:

1. *Концепция развития здравоохранения РФ до 2020 года [Электронный ресурс] URL: http://www.oncology.ru/service/national_program/program/2010/concept_2020.pdf [Дата обращения 30.01.2018]*

Смолина Елена Григорьевна,
Волгоградский институт управления - филиал РАНХиГС, Волгоград, Россия

Цифровое (не)равенство как фактор социальной (не)справедливости

Проблема цифрового неравенства достаточно актуальная тема для обсуждения. Массовое распространение Интернета заставило многих размышлять о потенциальном воздействии новой среды на общество в целом. Digital divide является термином социально-политического характера и в самом общем виде означает разделение общества, исходя из возможности доступа к информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ). С точки зрения социологического подхода ИКТ является фактором, который определяет структуру современного общества и привносит ему новые характеристики. Отметим, что первоначально в научной теории словосочетание «digital divide» (употребленное впервые в отчете Национальной администрации информации и связи Министерства торговли США в 1995 году) объяснялось как цифровой разрыв, пропасть, яма. На сегодняшний день «digital divide» понимается как разновидность социального неравенства – формы дифференциации индивидов на основании разного уровня возможностей к удовлетворению тех или иных потребностей. Базовым признаком для определения степени цифрового неравенства является классическое деление на пользователей и не-пользователей Интернета, которое, однако, не в полной мере отражает специфику данного явления. Хотя, конечно, исследования цифрового неравенства изначально представляли собой наблюдение за числом и социально-демографическими характеристиками тех людей, которые имели компьютер и сетевое соединение. Но, по мнению М.А. Дедюлиной, начиная с 2002 года разные авторы начинают анализировать иные грани этого явления [2]. Такие авторы, как Э. Харгитай, П. ДиМаджио, П. Норрис, М. Хилберт в своих трудах описывают различные уровни и формы цифрового неравенства. Благодаря совокупности подобных исследований можно сделать вывод о том, что для обеспечения цифрового равенства необходимыми условиями являются:

- Равенство в доступности технических средств;
- Равенство в навыках использования ИКТ;
- Равенство в способах и целях использования ИКТ.

Следовательно, цифровое неравенство – это состояние общества, при котором данные условия в той или иной степени не соблюдаются. По мнению О.В. Волченко, цифровое неравенство воспроизводит само себя, чем способно усугубить и различия в иных сферах жизни человека [1, с. 163]. Неравномерность доступа к сети наблюдается в отношении различных регионов, а также по основным социально-демографическим характеристикам – пол, возраст и доход. Соответственно, люди, лишенные интернет-соединения, упускают дополнительные возможности и полезные ресурсы.

Новая digital-среда рождает новые дихотомии. Итак, цифровое неравенство сегодня это стратификационный признак, имеющий прямое отношению к следующей не менее важной категории – социальной справедливости. Очень часто понятия «социальная справедливость» и «социальное равенство» воспринимаются как тождественные, однако данный взгляд не является верным. Ведь «уравнивание» также может стать причиной несправедливого распределения между членами общества. Тем самым, социальная справедливость – оценочное понятие социальных явлений общественной жизни, включающее взаимодействие экономики, политики, права и норм морали. Если называть цифровое неравенство фактором социальной несправедливости, то можно утверждать, что вопрос доступа к сетевым технологиям все чаще становится причиной изменений в нормальном функционировании общественной системы. Помимо формального доступа разница наблюдается и в реальном применении уже доступных технологий. На настоящий момент малый процент пользователей интернета тратит свои усилия на изучение технологических процессов оптимизации онлайн-коммуникации или изучают сетевой этикет. Зачастую эти моменты выстраиваются путем выработки собственных норм на основании личного опыта, который также сильно отличается между индивидами. Поэтому самым распространенным способом управления общением остается описанная Б. Веллманом и Л. Рейни привычка быть опутанным средствами для со-общения и при этом высказывать недовольство, что на управление ими тратится большое количество времени. Однако неподконтрольность текущей цифровой активности не должна становиться причиной пренебрежения новой реальностью. Так или иначе, но современный мир все больше становится digital-средой. Цифровое будущее, таким образом, провоцирует возникновение «новых бедных». Отсутствие доступа к ИКТ или нежелание их использовать обедняет повседневные практики индивидов и исключает их из современности. Именно поэтому умение качественно работать с информацией становится важным условием принятия индивидуальных решений в мире, организованном как большая сеть, что, в конце концов, воздействует и на других людей. Таким образом, можно сделать вывод о том, что цифровое неравенство на настоящий момент действительно выступает фактором, способным усилить социальную несправедливость. При этом состояние социальной справедливости в digital-среде, в конечном счете, помимо влияния государственной политики и

экономического развития страны связано не столько с равным доступом к ИКТ, сколько целевому и социально-ответсвенному их использованию. Именно этот аспект позволит обогатить практики индивидов, уже имеющих интернет-соединение.

Литература:

1. *Волченко О.В. Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 163—182.*
2. *Дедюлина М.А. Цифровое неравенство: философское осмысление // Международный электронный научный журнал. 2017. № 2 URL: http://st-hum.ru/content/dedyulina-ma-cifrovoe-neravenstvo-filosofskoe-osmyslenie (дата доступа: 25.01.2018)*

Соловьева Кристина Олеговна,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Самоуправление и самоорганизация как императивы «бирюзовых организаций»

Мир изменился, благодаря развитию коммуникационных технологий у людей появилось больше свободы в выборе компании и более комфортного режима работы. Прежние способы управления организацией перестают работать, поскольку сотрудники все чаще стремятся не только к получению дохода, но также хотят интересных задач и возможностей для саморазвития, предпочитают свободу взамен стабильности. Они не боятся уходить с насиженного места и пробовать что-то новое. Компании ищут новые способы, которые помогали бы им не сбавляя темпов роста, учитывать индивидуальные особенности работников, их нужды и потребности. Бирюзовые организации выступают в качестве «организаций будущего», в которых вместо привычных менеджеров выступают принципы коучинга и самоуправления, вместо привычных KPI, основными показателями становятся ценности[1]. Раньше работа тех, кто трудился у основания организационной пирамиды, равно как и руководителей организаций, была сопряжена со страхом и обыденностью. Организации были ареной борьбы, равнодушной к глубинным чувствам человека. В настоящее время в качестве патологий крупных организаций специалисты выделяют: политические игры, бюрократические правила и процедуры, бесконечные совещания, обилие информации, секретность, игнорирование проблем, невозможность сотрудника быть самим собой, возведение барьеров между функциональными подразделениями компании и внутрикорпоративная борьба, сосредоточение власти на самом верху организации[2]. Лишь для немногих работа превращается в место самовыражения. Скорее наоборот, видится в качестве жизненного времени, которое сдается в обмен на зарплату. «Бирюзовые организации» представляют собой предприятия, движимые яркими смыслами. Здесь ищут справедливости, равенства, гармонии, кооперации и консенсуса. Личность каждого сотрудника стремится стать

частью целого, поддерживать со всеми гармоничные связи. Для людей, действующих в рамках данных организаций, отношения важнее результатов. Стадии процесса принятия решений идут снизу вверх. При этом учитывается мнение каждого сотрудника, а противоречащие точки зрения подлежат обязательному согласованию. Основными характеристиками «бирюзовых организаций» выступают [3]:

1. Отсутствие иерархии и контроля.
2. Принятие решений на основании внутренних стимулов, соответствующих глубоким убеждениям.
3. Сотрудники стремятся стать наиболее точным выражением самих себя, работают на свое призвание.
4. Ориентация на сильные стороны сотрудников.
5. Препятствия воспринимаются только лишь как приключения на пути личностного роста.
6. Использование разнообразных методов познания: от фактов и цифр до интуиции.
7. Стремление к целостности, соединению эго, разума, тела и души.
8. Отказ от оценочных суждений, создание пространства, свободного от осуждения.

Важнейшей особенностью «бирюзовых организаций» выступает возможность преодолеть проблему неравного распределения власти при помощи организационной структуры, в которой никто не обладает превосходством над другими. Вместо этого используется командная работа, основанная на взаимном доверии и всеобщей ответственности. Процесс принятия решений полностью децентрализован и основан на консультировании. Развитая система специальных процедур и практик по проведению собраний и совещаний, направленная на то, чтобы убедиться, что голос каждого будет услышан. Каждый сотрудник имеет доступ ко всей информации и вовлечен в открытый обмен ею. Сотрудники могут обладать разными уровнями влияния, но влиятельными могут быть все. Происходит снижение неравенства в заработной плате: низкооплачиваемые сотрудники повышаются, а высокооплачиваемые контролируются. Зарплату сотрудник назначает себе самостоятельно, основываясь на базовой заработной плате равных ему по положению. Нет системы бонусов, но есть равное распределение прибыли между членами команды. Обычные задачи – определение направления и целей, планирование, руководство, контроль, оценка качества работы – никуда не делись, но теперь они широко распределены между всеми членами организации. В «бирюзовых организациях» человек может быть самим собой. Здания большинства современных «бирюзовых организаций представляют собой украшенные трудами сотрудников уютные помещения, открытые для детей, животных и природы. Большое внимание уделяется тому, какое настроение сотрудника лучше всего поможет достичь цели деятельности и существования организации. Происходит честное обсуждение того, сколько сотрудник может потратить времени на работу, учитывая другие важные для него

жизненные обстоятельства [4]. В целом, такой взгляд на развитие организаций и внедрение обозначенных методов управления людьми, позволит формировать цельные, отвечающие не только интересам собственников и руководителей, но и потребностях и желаниям рядовых работников, организации.

Литература:

1. *Бакке Д. Работа в радость. Бизнес-модель будущего/ пер. с англ. Авдеева А. М.: Манн, Иванов, Фербер, 2016.*
2. *Коллинз Д. От хорошего к великому. Почему одни компании совершают прорыв, а другие нет/ пер. с англ. Павловский П. М.: Манн, Иванов, Фербер, 2011.*
3. *Лалу Ф. Открывая организации будущего/ пер. с англ. Кулябина В. М.: Манн, Иванов, Фербер, 2016.*
4. *Компания FAVI. [Электронный ресурс]. URL: http://www.favi.com//*

Соловьева Алёна Игоревна,

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Справедливость при управлении городом

На сегодняшний день более половины населения мира проживает в городах [7]. Отмечается, что в будущем тенденция увеличения количества горожан и уменьшения сельчан будет только расти. Города – это эпицентр всех изменений и новшеств; это пространство, где расположены многие социально, политически, экономически значимые объекты и субъекты. Однако согласно одному из взглядов, «города – это узлы и арена противоречий, в том числе это концентрация противоречий» [1, с.213]. Все городские противоречия возникают из-за необходимости согласования интересов самых различных акторов (власть, муниципальные образования, городское население, горожанин). Главные противоречия возникают между: 1) потребностями горожан и ограниченными ресурсами города; 2)жесткой планировочной структурой города и динамичной градостроительной деятельностью; 3) интересами горожан и чиновников; 4) отчужденностью жителей города от принимаемых управленческих решений. Одним из возможных способов сглаживания противоречий, а также обеспечения открытого доступа к благам и равного положения всех жителей города вне зависимости от экономических, социальных, политических показателей статуса, является налаживание диалога между властью и горожанами; участие общества в разработке, принятии и осуществлении властных решений. Вовлечение граждан призвано повысить социальную эффективность управленческих решений. Позитивный эффект широкого участия граждан в городском управлении заключается в усилении у них чувства причастности к решению проблем своего города, в формировании благоприятного социально-психологического климата в отношениях власти и населения, более оперативном и адресном учете интересов горожан,

максимально полном использовании человеческого и социального капитала в развитии города [11]. Если обращаться к классикам социологии и урбанистики, то возможно увидеть, что вопрос о необходимости участия горожан в принятии решений поднимается в работах Дж.Джекобс [4], Э.Глейзера [3], Ч.Лэндри [5], Л.Холлиса [12], В.Рыбчинского [9] и многих других. Однако не только теоретики увидели необходимость справедливости в доступе к управлению городом. Современная социокультурная практика утверждает историческую неизбежность замены доминирования власти над горожанами на более плодотворные диалогические отношения, при которых возможно учитывать всё многообразие мнений и позиций, различие ценностных ориентиров и социальных интересов [10, с.28]. Так, например, Конгресс местных и региональных властей Совета Европы «призывает города и муниципальные образования изучать рамки демократического участия и по возможности расширять и углублять такое участие» [8]. В рамках Московского урбанистического форума в 2014г. было издано исследование под названием «Механизмы сотрудничества правительства и населения города: систематизация мирового опыта». В результате исследования была предложена классификация городов в зависимости от «стадий» развития в них механизмов сотрудничества между населением и правительством. Согласно данной классификации [6], наиболее развитыми городами являются Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Лондон и Париж. В данных городах активно развиты приложения и сайты, с помощью которых жители могут участвовать в создании плана по развитию всего города, сообщать о проблемах совершенно разного характера, подавать просьбы и жалобы конкретным чиновникам, подавать заявки на реализацию собственных социальных проектов. Москва же относится к группе «новых лидеров», во многом благодаря приложению «Активный гражданин». Проект позволяет проводить общегородские и локальные голосования по широкому спектру тем. На основе данных голосования, властью принимаются те или иные решения. По количеству активных пользователей и объему вопросов, которые выносятся на решение горожан, проект является уникальным в мире и отмечен несколькими престижными наградами, в том числе Smart Cities Awards-2015. Таким образом, мировой опыт показывает, что степень развития диалога власти и общества влияет на уровень распространения демократии, а также на уровень равенства социальных групп и членов общества в решении городских вопросов. Данный диалог и партнерские отношения необходимы для формирования и функционирования эффективного социального пространства [2, с.38] и для развития институтов гражданского общества.

Литература:

1. *Ванеев О.Н. Муниципальная демократия: к вопросу об участии граждан в местном (городском) самоуправлении / Ванеев О.Н. // Теория и практика общественного развития – 2010г. – с.212 – 216*
2. *Воловик О.А. Диалог социальных институтов гражданского общества и органов власти (социологический анализ) / Воловик О.А. // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки – 2014г. – с.37 – 41*

3. *Глейзер Э. Триумф города: как наше величайшее изобретение делает нас богаче, умнее, экологичнее, здоровее и счастливее / Пер. с англ. Инны Кушнаревой. — М.: Издательство Института Гайдара, 2014. — 432 с.*
4. *Джекобс Дж.. Смерть и жизнь больших американских городов / пер. Леонид Мотылев. — М.: Новое издательство, 2011. — 460 с.*
5. *Лэндри Ч. Креативный город. — М.: Издательский дом "Классика-XXI, 2011. —399с.*
6. *Механизмы сотрудничества правительства и населения города: систематизация мирового опыта / А. Новиков, Е. Белова, Е. Дыба, Е. Серова. — Московский Урбанистический Форум Москва, 2014. — 60с.*
7. *ООН «Мировые перспективы урбанизации: пересмотренное издание 2014 года»*
8. *Резолюция 91 (2000 г.) Конгресса местных и региональных властей Совета Европы «Об обязанностях граждан и участии в общественной жизни» // Об участии граждан в общественной жизни на местном уровне. Обнинск. 2005.*
9. *Рыбчинский В. Городской конструктор. Идеи и города - М.: Strelka Press, 2014. — 220 с.*
10. *Сладкова О.Б. Диалог «власть-общество» в условиях информатизации / Сладкова О.Б. // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств – 2008г. с.27-31*
11. *А.Халявин Общественная экспертиза в управлении современным городом [Электронный ресурс] – Регионы online. Социально-политическая сеть регионов – Режим доступа: http://www.gosrf.ru/experts/509/ (Дата обращения: 25.01.2018)*
12. *Холлис Л. Горда вам на пользу: гений мегаполиса / Пер. с англ. М.Коробочкина. — М.: Strelka Press, 2015. — 432 с.*

Федотова Вера Александровна,
Пермский Национальный Исследовательский Политехнический Университет, Пермь, Россия

Различные аспекты трудовых отношений как ценностно- нормативной системы в современной организации.

В современных условиях на российских предприятиях меняется система трудовых отношений. Изучение системы трудовых отношений как ценностно-нормативное пространства, в котором разворачиваются взаимодействие работников, позволяет определить центральные ценности и нормы, имеющие отношение к способам взаимодействия личности и организации. В качестве центрального параметра, через который можно охарактеризовать трудовые отношения в современной организации автором предпочтен параметр «коллективность». Основываясь на опыт исследований работ З.И. Файнбурга, Г.П. Козловой, А.Л. Темницкого, В.А. Ядова и др., можно определить основные характеристики коллективности: 1) форма взаимодействия людей на основе общественной собственности, общности интересов; 2) обобщающая характеристика степени развитости сущностного свойства коллектива. Таким образом, желаемый результат развития малой группы в социально-трудовых отношениях, чаще всего выступает формирование коллектива, который наиболее эффективно действует в сложившихся социально-экономических условиях, а соответственно, сопровождается ростом показателей эффективности труда. В настоящее время, оценка трудовых отношений по признаку «коллективность» часто носит двойственный характер. С разработкой проблемы коллективности с

одной стороны связано формирование социально-психологического климата(оптимизация трудовых отношений, социальное планирование в трудовых коллективах), с другой стороны повышение экономических показателей трудовой деятельности (повышение производительности труда, разработка принципов организации и управления в коллективах). Рассматривая коллективность как ценностно-нормативную систему, оно будет обязательно включать в себя понятие справедливость, так как она находится на пересечении индивидуальных и коллективных интересов. Социологический анализ социальной справедливости предполагает рассмотрение её как основной ценности, регулирующей трудовые отношения. Социальная справедливость представляет собой коллективное признание всех субъектов социально-трудовых отношений. Согласно исследованию, проведенному в июне 2017 г. (г. Пермь, опрошено 315 человек) в социально-трудовых отношениях современной организации в представлениях различных профессионально-трудовых групп наблюдаются различия в оценке основных показателей социальной справедливости. В данном исследовании изучаются следующие показатели: степень социальной активности работника в трудовых отношениях, степень ответственности за выполненную работу и оценка справедливости оплаты труда. Так среди опрошенных выделены различия между рабочими, служащими и руководителями. Чем выше по иерархии трудовых отношений работник, тем больше ориентирован на справедливость. Руководители , в большинстве (40% среди всех опрошенных) считают, что должны поступать справедливо, ставить интересы коллектива выше личных, нести ответственность за выполнение производственных задач и отмечают свою активность в основной сфере деятельности. Хотя чаще других отмечают, что оказывают помощь коллегам бескорыстно. В тоже время, чем ниже по иерархии трудовых отношений работник, тем важнее такая ценность, как хорошие отношения в коллективе. При этом все группы работников отмечают как главную трудовую ценность – достойную оплату труда. Чем ниже положение работников, тем сложнее им дать оценку социальной справедливости. Именно среди рабочих больше тех, кто отмечают, что трудно судить о положении дел в организации. Социальная справедливость относится к числу основополагающих ценностей человечества, и тем более , в такой важной сфере как социально-трудовые отношения. Так опираясь на современные представления о социальной справедливости гораздо эффективнее выстраивать социально-трудовые отношения.

Литература:

1. *Социология социалистического производственного коллектива. / Под ред. З.И. Файнбурга, В.Г. Веретенникова, Е.С. Шайдаровой.- М.: Профиздат,1982.*
2. *Становление трудовых отношений в постсоветской России.- М.: Академический проект, 2004. - 320 с.*
3. *Аргунова В.Н. Социальная справедливость: ценностно-институциональный анализ. - Иваново: Иван. гос. ун-т, 2004, 312 с.*

Фролова Мария Алексеевна,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Дауншифтинг как стратегия достижения баланса жизни и работы в контексте социальной справедливости

Категория справедливости на протяжении длительного времени не теряет своей актуальности и социальной значимости. Внутреннее содержание, формы и виды справедливости значительно отличаются и находятся в зависимости от уровня экономического развития, а также от особенностей культуры определенного общества. Феномен справедливости охватывает множество социальных явлений, затрагивает различные аспекты взаимоотношений общества и личности, государства и личности, взаимодействий разных индивидов друг с другом. Наиболее остро в анализе идей справедливости стоит вопрос о распределении ресурсов. В качестве примера можно рассмотреть экспериментальную политику некоторых стран по введению безусловного базового дохода, предполагающего обеспечить некоторым категориям граждан регулярную фиксированную выплату вне зависимости от деятельности и уровня дохода индивида. На протяжении последнего десятилетия проводилось несколько таких экспериментов: в Германии в 2014 годы была реализована программа «Мой базовый доход», инициируемая предпринимателем Михаэлем Бохмэйером и финансируемая с помощью краудфандинга, которая в результате показала положительный эффект, связанный с общим улучшением эмоционального и физического здоровья индивидов; в Индии в 2010 году была введена подобная программа для жителей штата Мадхья-Прадеш, эффективность которой позволила уже в 2017 году выдвинуть предложение о выведении такой программы на государственный уровень, что позволило бы существенно сократить уровень бедности в стране и т.д.

Кроме того, с 1 января 2017 года в Финляндии стартовал первый в мире эксперимент уже на национальном уровне. Две тысячи безработных финнов стали получать 560 евро ежемесячно, с условием сохранения выплаты даже при устройстве на работу. Эксперимент должен показать влияние введенной программы на эффективность поиска гражданами работы. Эксперименты с введением программ безусловного базового дохода можно оценивать по-разному. С одной стороны, получая гарантированный доход, человек чувствует себя более свободным и социально защищенным, появляется возможность заниматься любимым делом, проводить больше времени с семьей – все это помогает человеку выстроить свой оптимальный баланс жизни и работы для здорового и счастливого существования. Данная проблематика тесно связана с идеями некоторых направлений дауншифтинга. Дауншифтинг - это новое явление, свойственное именно эпохе постмодерна, распространившееся на рубеже XX-XXI вв. в странах Запада, которое

представляет собой «добровольное изменение социального статуса в сторону (предположительно) его понижения, отказа от конвенциональных благ, престижа в пользу индивидуального комфортного образа жизни» [1, с. 804]. Тех, кто принимает для себя идеи дауншифтинга, не устраивал сложившийся в мире баланс жизни и работы, при котором необходимо большую часть своей жизни отдавать стрессовой работе. Многие люди чувствуют потребность в проведение большего времени с семьей, в занятии хобби. Поэтому введение безусловного базового дохода, в целом, могло бы обеспечить населению более счастливую жизнь. Возможно, сущность социально справедливого государства и заключается в формировании и достижении условий для максимально комфортных условий жизни населения, в результате чего, государство будет получать и справедливую отдачу, и признательность от населения. С другой стороны, противники введения программ безусловного базового дохода справедливо отмечают, что формирование финансирования такой программы ведется из налоговых отчислений, что приведет в итоге к повышению налоговой нагрузки на работающее население, а безработных граждан подобная мера не будет стимулировать к поиску работы. Кроме того, есть опасения массового притока мигрантов в случае введения такой программы. Так или иначе, реализуемость такой программы на общегосударственном уровне сомнительна в современных условиях. Подводя итоги, стоит сказать, что принятие идей дауншифтинга является субъективным выбором каждого, как и определение баланса жизни и работы каждого индивида. Вопрос о социальной справедливости безусловной поддержки государством населения является дискуссионным.

Литература:

1. *Александрова Е.В. Журавлева Г.П. Скрипникова М.И Возникновение феномена дауншифтинга / Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 5 (часть 5) – С. 804-807*

Шаповаленко Алёна Викторовна,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Гендерная справедливость

Понятие «справедливости» в управлении можно рассматривать с различных точек зрения. Одной из значимых является гендерная справедливость, которая представляет собой беспристрастность в обращении с мужчинами и женщинами, в соответствии с их надлежащими потребностями. Анализируя гендерные тенденции управления, можно заметить, что на рубеже XX-XXI веков руководители-женщины стали доказывать не меньшую, а подчас и большую эффективность по сравнению с руководителями-мужчинами. И происходило это по одной, но достаточно весомой причине: женщина получила больший доступ к руководящим

должностям. Сегодня одной их главных выступает проблема неравенства мужчин и женщин на рынке труда, даже несмотря на то, что данное право закреплено в Конституции Российской Федерации становится очевидным тот факт, что реальное положение дел резко отличается от декларируемых принципов. Актуальность данной тематики также подтверждают проводимые исследования и конференции. Ярким примером является четвертая Всемирная конференция по положению женщин, проходившая в Пекине с 5 по 14 сентября 1995 года, на которой рассматривались вопросы гендерного равенства и улучшения положения женщин [1]. Само же понятие «гендер» вошло в научный оборот в 1960-е годы XX века. Его появление было связано с необходимостью различать как биологический «пол», так и социальный «гендер». В широком смысле, гендер - это совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять своим членам в зависимости от их биологического пола, то есть это определенная социальная модель человека, определяющая его положение в обществе. Стоит отметить, что тема пола, вопросы о женском и мужском предназначениях, ролях и способностях поднимались и активно обсуждались веками, так как уже на ранних этапах развития человечества возникает потребность в регуляции взаимоотношений женщин и мужчин. В первую очередь такое познание протекало и выражалось в мифологии, затем в философии и религии, которые содержали одновременно нормативные образцы взаимодействия и модели, а также способы и методы их регулирования. Уже в глубокой древности политики и ученые прикрывали неравноправное положение женщины в обществе, ее эксплуатацию и угнетение, спорами о том, что имеет ли женщина душу и является ли она человеком. Взгляд на женщину как на своеобразное или неполноценное существо нашел свое отражение в философских трудах, начиная с Аристотеля. Мужчина у Аристотеля – «по природе своей существо господствующее и властвующее», благодаря своим «умственным свойствам», женщина же способна лишь «исполнять полученные указания», и является существом «рабствующим и подвластным» [2] . Позднее вопросы гендерной справедливости обсуждались в различных философских, психологических и социологических теориях. Кроме того, сформировалась отдельная частная социологическая теория - гендерная социология [3]. XX век перевернул сознание большого количества людей. Его называют веком менеджмента, в том числе и гендерного менеджмента. В указанное время именно женщины показали свои возможности и проявили себя на высоких государственных должностях. Это и должность президента, и премьер-министра, и канцлера. Можно привести ряд выдающихся примеров: Ангела Меркель - канцлер Германии, Маргарет Тэтчер - премьер-министр Великобритании, Индира Ганди – премьер - министр Индии, Кристина Фернандес де Киршнер – президент Аргентины, Корасон Акино - президент Филиппин, Мэри Робинсон – президент Ирландии, Голдан Меир – премьер-министр Израиля, Беназир Бхутто – премьер-министр Пакистана, Даля Грибаускайте – президент Литвы, Виолетта Барриос де Чаморро – президент Никарагу и др.

«Нет ничего невозможного для женщины, которая умеет расплакаться в нужный момент перед нужным мужчиной». Еще несколько лет назад трудно было бы не согласиться с этим английским афоризмом. Однако времена меняются и люди вместе с ними. Женщины перестали добиваться чего-либо только слезами. Они взяли инициативу в свои руки и решительно шагнули в сферу бизнеса, управления, политики. Теперь все чаще можно увидеть женщину у «штурвала»: она руководит крупными компаниями, занимается политической деятельностью и вполне способна руководить целой страной. Бесспорно, многие проблемы деятельности женщин-руководителей еще остаются в обществе, так как они закреплены сложной связью со сложившимися гендерными стереотипами, от которых, к сожалению, невозможно быстро «избавиться». В общих чертах, мифы и стереотипы о женщинах-управленцах не признают за женщинами, в сравнении с мужчинами, самостоятельной способности к управлению. Однако женщины готовы доказывать, и доказывают свою способность заниматься не только домашним хозяйство, но также и управлением, бизнесом и политикой. Гендерные различия в стилях руководства проявляются только в том, что мужчины чаще используют командно-административный стиль управления, в то время как женщинам-руководителям характерна демократичность, готовность к сотрудничеству и коллегиальному принятию решений. Успешные менеджеры умеют слушать людей, мотивировать и поддерживать своих подчиненных. И кто же справляется с этими обязанностями наиболее эффективно? Конечно же, женщины. Они имеют огромные преимущества в реализации данных потребностей. Мастерски подчеркнул возможности современной женщины радиоинженер Фюстенберг Александр Исидорович, сказав, что «Все в руках человека, а человек в руках женщины».

Литература:

1. *http://www.un.org - Режим доступа: http://www.un.org/ru/events/pastevents/women_conf_beijing_1995*
2. *Аристотель. Политика. Собр. соч.: В 4 т. Т.4 - М: Мысль, 1984. – С. 377.*
3. *Силласте Г.Г. Гендерная социология как частная социологическая теория // СОЦИС. - 2000. -№11.- С. 7*

Шпаковад Дарья Владимировна,

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Гендерное равенство в трудовых условиях в современной России

Положение женщин в обществе постоянно менялось. На одну ступень вместе с мужчинами женщины стали выходить относительно недавно. В статье попробуем рассмотреть сложившееся гендерное равенство в трудовых условиях. Существует ли в наше время дискриминация? Или же нет? Актуальна ли данная проблема в современном обществе? Безусловно, вопрос о гендерном равенстве в трудовых условиях является одним из самых

важных в современной России. Ведь равенство возможностей в трудовой сфере — это важнейший аспект общего принципа равенства, один из самых фундаментальных его признаков. Начнём с того, а что такое вообще дискриминация. В словаре Ефремовой под дискриминацией понимается «Намеренное ограничение или лишение прав, преимуществ каких-л. лиц, организаций или государств по признакам расы, национальности, государственной принадлежности, имущественного положения, политических или религиозных убеждений.» В Словаре Терминов гендерных исследований данное слово объясняется следующим образом: «действия, закрывающие членам определенной группы доступ к ресурсам или источникам дохода, доступным для остальных». Таким образом, из этих двух словарей можно сделать вывод о том, что в целом дискриминация-это ущемление, ограничение чьих-либо прав. Так существует ли это неравенство в наши дни? Ещё в 1980 году СССР утвердил Конвенцию ООН «О Ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин». В современной России также есть документы, подтверждающие равенство между мужчинами и женщинами. Как все знают, самый главный закон нашей страны-это Конституция РФ. В главе 2 статье 19 констатируется тот факт, что как мужчины, так и женщины имеют равные права и возможности для их реализации. В главе 2 в статье 37 закреплено, что каждый человек имеет право свободно распоряжаться своими способностями и возможностями к труду, выбирать род деятельности, а также на вознаграждение за этот труд без какой-либо дискриминации. Но всё ли так хорошо в реальности, как в приведённых выше документах? В одной из статьи журнала «Московский Комсомолец» рассказывается о том, что женщины уже постепенно догоняют мужчин по размеру оплаты труда. Если в 2005 году разрыв в окладах сильного и слабого пола составлял около 40%, то сейчас этот показатель едва превышает 27%. Таким образом, работодатели начинают более качественно и справедливо оценивать труд женщин. И если эта тенденция будет развиваться, то можно предположить, что к середине столетия дискриминация оплаты труда по половому признаку уйдет в небытие. Также в данной статье в ходе социологического исследование был выявлен тот факт, что женщины стали рожать позже, а, следовательно, и изменился пик гендерного разрыва оплаты труда, который ранее приходился на возраст в 30-34 года. Получается, когда женщина достигает возраста примерно 40 лет, то работодатель становится спокойным, что она, например, не уйдёт в декрет и женщина может больше посвящать время своей работе, так как дети уже становятся к этому времени более-менее самостоятельными. Но работодатели осознают, что женщина уже не может себя проявить так, как раньше. Хотелось бы отметить и тот факт, что по данным Евростата, в среднем декретный отпуск матери в Европе не превышает одного месяца, у нас же он может достигает несколько лет. Выходит, что на Западе женщины практически не теряют времени на рождение и воспитание ребенка в первые месяцы его жизни, тогда как у нас эти обстоятельства приводят к некоторой потере квалификации и утрате возможности для карьерного роста. Также

любопытно, что гендерный разрыв в оплате труда существует даже несмотря на тот факт, что уровень образования российских женщин выше (у слабого пола он составляет 40%), нежели чем у мужчин (лишь 28%). Хотелось бы отметить, что невозможно также не заметить наличие тенденции по увольнению предпочтительно женщин в связи с сокращением штатов. И тут в силу снова вступает статистика. Так, в 2012 году среди безработных женщин доля уволенных составила 37 %, тогда как мужчин – 30% Таким образом, анализ российского трудового законодательства позволяет сделать вывод о том, права работников как женского, так и мужского пола хорошо защищены, но практика и социологические исследования свидетельствуют о нередких нарушениях этих прав. В заключение можно сделать вывод о том, что в настоящее время Россия характеризуется разрывом между законодательством в трудовой сфере и реальностью и тем, что в современном обществе все-таки до сих пор осталось гендерное неравенство между сильным и слабым полом.

Литература:

1. *Ефремова Т.Ф. Современный словарь русского языка три в одном: орфографический, словообразовательный, морфемный. — М.: АСТ, 2010. — 699 с*
2. *Макеев Н. Гендерный разрыв доходов граждан постепенно снижается//Московский Комсомолец.2017г*
3. *Галтаева А.В. ПРОБЛЕМА ГЕНДЕРНОГО НЕРАВЕНСТВА В ТРУДОВОЙ СФЕРЕ В РФ // Научное сообщество студентов XXI столетия. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ.2017г.№10*

Шувалова Анастасия Павловна,

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Потребительские предпочтения в социальных сетях: стоит ли бояться социальным сетям отмены сетевого нейтралитета?

Предпочтения потребителей - это одна из характеристик, влияющих на рыночные механизмы как в офлайн, так и в онлайн канале. Это привычки, традиции и вкусовые особенности покупателей, их мотивация, интересы и лояльность к бренду или компании. Предпочтения являются наиболее вариативным фактором потребительского поведения, потому что подразумевают несформированную потребность в продукте или услуге. Предпочитая тот или иной товар, потребитель может руководствоваться как стереотипным поведением, так и формировать новые привычки и интересы. Выбор того или иного механизма "предпочтения" связан с категорией товаров, а также с компетентностью потребителя в его использовании: чем больше потребитель разбирается в товаре, тем лучше сформированы его предпочтения в данной категории. На предпочтения покупателей огромное влияние оказывают маркетинг и брендинг компании, а также в последние годы - изменения потребительского поведения (тренды), связанные с развитием онлайн-пространства и социальных сетей.

Социальные сети - это один из видов онлайнового взаимодействия между людьми, являющими субъектами коммуникации. Появление сетей ознаменовалось поддержанием и дальнейшим увеличением социальных связей в Интернете, а именно: общением по электронной почте, на теле- и интернет-конференциях, путем интерактивного общения, через Интернет чаты и др. Социальные сети в начале своего пути были сконцентрированы лишь на решении деловых вопросов и проблем, но постепенно перешли на широкий потребительский уровень. [1]

Сегодня существует множество массовых социальных сетей, например, MySpace, LinkedIn, Facebook, "Одноклассники.ру" и "ВКонтакте". По мере развития и распространения социальных сетей, происходили изменения и в Интернет-пространстве в целом. Провайдеры (организация, предоставляющая информационные или коммуникационные услуги, например, занимающаяся подключением к интернету) [2] в борьбе за прибылью перестают использовать привычную политику снижения цен, предпочитая применять другие инструменты (специальное снижение скорости загрузки определённых сайтов, блокировка контента и т.д.). В связи с этим в США в 2015 году Федеральной комиссией по коммуникациям (FCC) был приняты принципы сетевого нейтралитета. Они позволяют пользователям свободно коммуницировать в онлайн-пространстве, запрещая провайдерам блокировать, замедлять доступ к какому-либо контенту, сайтам, социальным сетям. Иными словами, принцип нейтральности подразумевает под собой, что любая информация в сети равноценна и равнозначна, независимо от источника. Доступ к сетевым ресурсам должен осуществляться без каких-либо ограничений, если публикуемая информация не запрещена законом (детская порнография, продажа оружия, пропаганда экстремизма и пр.). Однако в декабре 2017 года, несмотря общественное выступление крупнейших интернет-компаний "Битва за интернет", Федеральная комиссия отменила [3] свое же собственное решение о "сетевом нейтралитете". Причиной этому стало утверждение о том, что принцип нейтралитета не стимулирует провайдеров совершенствовать качество предоставляемых услуг и снижает доходы государственной казны. Чего ждать от сетевого нейтралитета в России? Какие минусы и плюсы он несет для потребителей и бизнес-структур в сети Интернет? В России формально принцип "сетевого нейтралитета" не был прописан в отраслевых законах. При этом в свете новых западных тенденций, провайдеры также думают отказаться от этого принципа. С чем связано подобное желание провайдеров? Пока у операторов есть запас емкости сетей, но мощности сетей четвертого поколения постепенно заполняются. По прогнозам, мощности 4G-сетей в России истощатся к 2020 году. И тогда управление трафиком даст операторам возможность улучшить качество услуг для большинства своих клиентов, нечувствительно снизив их для небольшого количества явного меньшинства. Очевидно, что у отмены "сетевого нейтралитета" есть и минусы. Один из самых важных - это риск появления антиконкурентных практик. Например, операторы могут начать отдавать приоритет в трафике

собственным сервисам в ущерб сервисам конкурентов (например, запретить доступ на YouTube, заменив его на доступ в Rutube). Большие компании смогут попытаться выкупить трафик, чтобы победить новоявленных конкурентов с более продвинутыми технологиями, но меньшим финансовым рычагом. Если в России не будет поддерживаться принцип сетевого нейтралитета, с одной стороны: может резко измениться структура потребительских предпочтений, когда ключевыми факторами выбора онлайн-ресурсов или провайдеров могут стать факторы цены и качества передачи данных; пользователи могут лишиться доступа и свободы выражения слова в медиа-ресурсах, т.к. провайдер может заблокировать контент и ресурс в целом. С другой стороны, может повыситься качество предоставляемых услуг, смогут развиваться новые технологии предоставления Интернета (5G), появляться новые онлайн-проекты, социальные сети и мессенджеры, которые будут развивать онлайн-пространство.

Литература:

1. *Социальная сеть // [Электронный ресурс]:URL:http://www.cy-pr.com/wiki/социальная+сеть/*
2. *Словарь иностранных слов.- Комлев Н.Г., 2006.*
3. *Подробнее на официальном сайте Федеральной комиссии по связи. https://www.fcc.gov/restoring-internet-freedom*

Щербакова Лидия Ильинична,

Южно-Российский государственный политехнический университет(НПИ) имени М.И.Платова, Новочеркасск, Россия

Благоприятный климат в регионе как предпосылка преодоления несправедливого отношения к малому предпринимательству

Известно, что малое предпринимательство как значимый сектор российской экономики отличается специфическими функциями, особыми видами деятельности и социальными практиками, позволяющими целеустремленным людям полностью реализовать свое стремление к творческому самовыражению, обеспечивает создание рабочих мест и, как следствие, снижение социальной напряженности, является источником формирования широкого слоя мелких собственников – нарождающегося слоя самодостаточных россиян. Существующие элементы несправедливого отношения к функционированию и развитию данного социального института могут существенно повлиять на реализацию им своих социальных функций. Особенно это заметно на микроуровнях, непосредственно на предприятих, а также в регионах и территориях. При исследовании региональных условий функционирования системы малого предпринимательства на основе анализа статистических данных, опросов руководителей и работников предприятий малого бизнеса выявлены следующие ограничения и риски, которые могут

быть оценены в категориях несправедливого отношения к данному виду занятости и предпринимательской деятельности: плохие стартовые условия для создания малых предприятий, сложность процедур регистрации, включающих постановку на учет в статистических, налоговых органах, в пенсионном фонде и других организациях, достаточно жесткий и не всегда оправданный контроль за деятельностью предприятий малого бизнеса со стороны фискальных и ведомственных контролирующих органов, нацеленный не на устранение выявленных недостатков, а на принятие «карательных» мер, незаконные поборы; ограниченность государственной финансовой поддержки субъектов малого предпринимательства, слабая развитость каналов реализации продукции ввиду «закрытости» рынка, несовершенство системы участия субъектов малого предпринимательства в реализации государственных заказов, социальная защищенность участников малого предпринимательства ниже уровня допустимого риска. Многие из этих причин могут быть устранены на основе умелого использования социальных технологий формирования регионального благоприятного климата для развития малого предпринимательства. Для углубленного анализа существующего противоречия между общим уровнем развития предпринимательского климата в регионе и уровнем поддержки малого предпринимательства официальными управленческими структурами были сопоставлены региональные показатели оценок развития малого предпринимательства и интегрального показателя развития бизнес-климата, на основе чего обнаружен явный приоритет крупного бизнеса в управленческих стратегиях органов власти, несовершенство института конкуренции, монополизация региональных рыночных ниш, особенно в сфере торговли. На вопрос «Считаете ли Вы, что в создании благоприятных условий для предпринимательской деятельности в регионе наблюдается положительная динамика?» каждый четвертый ответил отрицательно, затруднились дать ответ чуть более половины опрошенных представителей малого предпринимательства. Также были использованы результаты исследования аналитического центра одного из ведущих банков по программе «Индекс качества условий для малого и среднего бизнеса в 2013-2014 гг.: региональные диспропорции». Оценка потенциала предпринимательского климата производилась на основе показателей, характеризующих доступность важнейших для малого бизнеса ресурсов для ведения предпринимательской деятельности, наличие платежеспособного спроса на их продукцию и услуги. Для оценки риска предпринимательского климата применялись показатели, характеризующие риски, связанные с преступностью, избыточными административными барьерами и коррупцией. Результаты исследований по 10 различным регионам России подтвердили достаточную схожесть проблем развития малого предпринимательства, связанных со сформированной уже на первых этапах развития несправедливостью, отягощенной множеством институциональных патологий и блокирующей его нормальное развитие и функционирование. Расширение деятельности общественных формирований предпринимателей,

создание системы диалога с административной властью может также смягчить существующую несправедливость и содействовать повышению статуса малых предприятий. Для примера можно отметить, что в Ростовской области действует порядка 60 общественных объединений предпринимателей, призванных защищать права и представлять интересы владельцев малых предприятий, основные из которых: торгово-промышленная палата, союз работодателей, отделение «Деловая Россия». Общественная активность предпринимателей, их постоянное участие в формировании региональной политики является существенным ресурсом в смягчении существующей социальной несправедливости. 9,4% опрошенных подтвердили постоянную деятельность, еще 12,5% участвуют в данных мероприятиях время от времени, для 15,6% респондентов членство в ассоциациях и бизнес-сообществах является формальностью, не играющей существенной роли в их деятельности.

Таким образом, формирование местного благоприятного климата позволит посредством комплекса мероприятий преодолеть несправедливость и обеспечить доступ малого предпринимательства к ресурсным возможностям регионов с целью получения оптимального социального результата при наименьших управленческих издержках.

Щербакова Светлана Ивановна,
ФГБОУ ВО "Брянский Государственный технический университет", Брянск, Россия

Социальная несправедливость в условиях техногенного общества

Современное общество в процессе своего развития претерпевало немало социальных трансформаций, оказывающих глобальное влияние на его функционирование. Эти изменения стали расти по экспоненте с развертывания промышленной революции в XVIII—XIX веках, когда человечество стало все больше обретать техногенные черты. Социальная жизнь по мере развития и преобразования общества менялась вместе с ним. Весьма острым вопросом, рассматриваемым социологией, социальной философией и другими общественными науками, всегда была проблема социальной справедливости/несправедливости. Как верно отмечает Э.К. Вагимов, этот вопрос особенно остро ощущается, когда идет речь о неэффективности управления и использования благ, а также в рассмотрении различного рода привилегий, которые стали в настоящий момент системой [1]. В условиях современности эта проблема является весьма актуальной и даже, как не прискорбно, злободневной. Понятие «справедливость» подразумевает под собой морально-объективный критерий оценки беспристрастности, рассматриваемый в рамках социальных отношений. Сам термин представляет собой должный нравственный императив,

представляющий особую ценность для общества в целом. Антагонистическим по отношению к нему выступает понятие «несправедливости», которое, согласно нормам морали, является порицаемым социумом. Рассматривая проблему «справедливости-несправедливости» в контексте современности, следует учитывать особенности того или иного социума. В современном техногенном (индустриальном и переходящем к постиндустриализму) обществе, по мнению Е.А. Дергачевой, личные эгоистические потребности индивидов переплетаются с научно-техническим прогрессом. Иными словами, технократическая направленность развития социума создает условия для удовлетворения нарастающих социокультурных и биологических потребностей населения, что, на наш взгляд, является вполне справедливым. Об этом мы можем с уверенностью судить по росту разнообразия техносферы – от промышленных комплексов и до технологически измененных биологических объектов – трансгенных организмов и продуктов питания, ярких представителей техногенного, во многом постбиосферного мира [5, 6, 7]. Результатом интеграции социальных, искусственных и природных процессов становится возникновение феномена социотехноприродной глобализации, характерными чертами которой становятся не только колоссальный социальный взлет научно-технических достижений человечества и формирование техногенного мира, но и нарастание деградационных процессов в биосфере, утрата ее разнообразия, а в перспективе – и сокращение жизнепригодной для человечества естественной среды обитания. Эти тенденции техногенного развития социума, на наш взгляд, следует оценить как несправедливые по отношению к населению планеты. Складывается противоречивое технократическое социальное мировосприятие, с которым связываются надежды на увеличение доходов населения, роста экономики в целом [4, с.105]. Поэтому, на наш взгляд, при построении современного общественного устройства вопрос социальной справедливости должен рассматриваться во все более критичном аспекте. Стремление к построению социально справедливого и сохраняющего биосферный мир социума – вот настоящая цель современного здравомыслящего общества, мечтающего о безопасной жизни в глобализирующейся техносфере – новой искусственной среде обитания. Вопросы, связанные с развитием техногенного общества, подробно изучаются учеными научно-философской школы исследований социально-техногенного развития мира и жизни при Брянском государственном техническом университете [8]. К сожалению, современный социум полностью пока не пришел к подобным идеалам. Как отмечают Э.С. Демиденко, Е.А. Дергачева, Н.В. Попкова, негуманным по отношению к обществу является проблема того, что «тысяча семей миллиардеров и части мультимиллионеров, обладает такими богатствами, как более 4-х млрд беднейших людей на земном шаре» [2, с.7]. Такой дисбаланс является одним из показательных проявлений социальной несправедливости в современном мире. По данным на конец 2017 года, разрыв этот увеличивается, в том числе

его увеличению способствует рост неравенства в возможностях получения образования [10]. Согласно данным информационно-аналитического агентства «Росбалт» восемь богатейших людей мира обладают таким же состоянием, как 3,6 млрд человек [9]. К сожалению, как правило, это все плоды нескончаемого и ненасытного стремления к богатству, как правило, достигаемые за счет рыночно-технократической эксплуатации биологического мира, приводящие к разорению и опустошению естественной среды обитания живых организмов. В настоящее время проблема социальной несправедливости является острым вопросом современности, который, несомненно, необходимо поднимать и решать в целях формирования гармоничного общества. На данный момент, к сожалению, современное общество не достигло такого уровня моральной самоорганизации, чтобы воплотить идеи справедливости на всех уровнях своего функционирования.

Литература:

1. *Вагимов, Э.К. Проблема социальной справедливости, равенства и неравенства людей, их нищеты и бедности // Вызовы современности и ответственность философа. / Материалы «Круглого стола», посвященного всемирному Дню философии. Кыргызско-Российский Славянский университет. Под общ.ред. И.И. Ивановой Бишкек : 2003. С.43-53.*
2. *Демиденко, Э.С. Философия социально-техногенного развития мира [Текст]+[Электронный ресурс]: статьи, понятия, термины / Э.С.Демиденко, Е.А.Дергачева, Н.В.Попкова. – Брянск: БГТУ; М.: Всемирная информ-энциклопедия, 2011. – 388 с.*
3. *Демиденко, Э.С., Дергачева Е.А. Техногенное развитие общества и трансформация биосферы: монография. – М.: Красанд, 2010. – 288 с.*
4. *Дергачѐва, Е.А. Концепция социотехноприродной глобализации: междисциплинарный анализ: монография. – Москва: Книжный дом «ЛЕНАНД», 2015. – 250 с.*
5. *Дергачева, Е.А. Современная глобализация как мегатенденция взаимосвязанных социо-эколого-экономических изменений // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 12. – Ч.2. – С.371-375. URL: http://www.rae.ru/fs/pdf/2015/12-2/39422.pdf*
6. *Дергачева, Е.А. Современная экономика в условиях социально-техногенного развития мира // Экономика в условиях социально-техногенного развития мира: матер. Междунар. науч. конф. (БГТУ, РАН): в 2 т. – Брянск: БГТУ, 2016. – Т.1. – 152 с. – С.17-26.*
7. *Дергачева, Е.А. От техногенной рациональности к рациональности социоприродного развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Философия». – 2008. – №1. – С.12-16.*
8. *Трифанков Ю.Т., Дергачев К.В. Брянское философское общество и Брянская научно-философская школа: обзор исследований социально-техногенного развития мира и жизни // Проблемы современного антропосоциального познания: сб. ст. – Брянск: БГТУ, 2017. – Вып. 14.*
9. *В мире увеличился разрыв между богатыми и бедными: https://news.rambler.ru/economics/38679928/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 21.01.18)*
10. *Эксперты выявили рекордный разрыв между богатыми и бедными в мире: http://www.rosbalt.ru/world/2017/01/16/1583374.html (дата обращения: 25.01.18)*

Яковлева Ирина Викторовна,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Асимметрия информации и справедливость в здравоохранении: вопрос коммуникации?

Дискуссия о справедливости в системе здравоохранения с новой силой возобновилась при реформировании систем здравоохранения в разных странах мира в результате поиска баланса между экономической эффективностью системы и возможностью каждого гражданина реализовать свое право на здоровье. Так, одни системы характеризуются большей социальной ориентированностью, а другие – меньшей [1]. Контекст современной коммуникации в сфере здравоохранения представлен несколькими основополагающими дискурсами. Экономический, - один из важнейших для современного здравоохранения, – который характеризуется тенденцией применения рыночной логики в сфере здравоохранения с рассуждениями о маркетизации здоровья [2]. Данный подход рассматривается в контексте негативного влияния на создание рынка в отношении тех товаров и благ, которые изначально не были предназначены для продажи, в XIX – начале XX столетия об этом писали К. Маркс, и М.Вебер, и Г.Зиммель. Однако система здравоохранения предполагает решение задач, которые требуют размышления над острыми вопросами, затрагивающими систему норм и ценностей [3]. Примером реализации экономического подхода в системе здравоохранения может служить дискуссия о вопросе донорства. Исследования выявили следующую закономерность: заинтересованность поставщика услуги, которая реализуется в форме оплаты, приводила к тому, что доноры крови были склонны скрывать заболевания крови, если получали вознаграждение, что закономерно приводило к общему снижению качества крови [4]. Принципы справедливости, равно как и вопросы экономики в области здравоохранения одинаково важны, и требуют поиска консенсуса. Любопытное исследование в 2016 году было проведено Левада-центром, в основе которого стало исследование логик врача, пациента и государства [5]. Обнаружилось их несовпадение и разнонаправленность: на фоне низкого финансирования и ограничения времени приема из расчета на одного пациента, пациенты демонстрировали увеличивающиеся требования к системе здравоохранения и к врачу. Одновременно было выявлено снижение доверия к врачам, уровню их квалификации и полное отсутствие требований к собственному образу жизни и уровню собственной медицинской грамотности; институциональная же роль страховых медицинских организаций не соответствовала ожиданиям организаторов здравоохранения, врачей и пациентов. Данное исследование продемонстрировало целый спектр проблем, решение которых требует применения коммуникативных подходов в сфере здравоохранения: это и

улучшение медицинской грамотности, и преодоление информационной асимметрии, и снижение неопределенности во взаимодействии с системой здравоохранения, и мотивация, и поддержка тактик здоровьесбережения и т.д. Развитие современных информационных технологий позволяет управлять всей системой здравоохранения на качественно ином уровне. В результате принято выделять ряд положительных возможностей для пациента: контроль над качеством медицинского обслуживания, большие возможности выбора, - учреждения, врача, способа лечения, - а также большой доступ к медицинской информации и основам здорового образа жизни [6]. Одновременно указанные выше преимущества ставят важные требующие осмысления и решения вопросы [7]: расширение доступа к услугам, в том числе «он-лайн» размывают основы финансирования по территориальному признаку; доступность разнообразной информации, порождает явление асимметрии медицинской информации, то есть одна сторона имеет больше информации, чем другая, что, например, затрудняет оценку пациентом медицинской услуги. Асимметрия информации в данном случае - это закономерное явление, однако система предъявляет высокие требования к знаниям пациента. В отсутствии необходимой базы знаний пациенты склонны искать ответы в ненаучных направлениях и теориях, которые могут вредить популяционному здоровью. Особую сложность для пациента представляют вопросы объективности и достоверности доступной медицинской информации. К информационной асимметрии относятся и вопросы юридической грамотности, необходимые для осуществления коммуникации, например, со страховыми компаниями. Уровень развития технологий в медицине достиг небывалых высот, можно предположить, что здравоохранение может стать более эффективным. Одновременно возникает закономерный вопрос, почему же несмотря на современное развитие технологий, огромное количество накопленных знаний и доступности информации, люди не стали здоровее по сравнению с другими поколениями. Частично вина за неоптимальные результаты в отношении индивидуального здоровья лежит на паттернах поведения здорового человека или же следование схеме назначенного лечения [8]. Таким образом, индивидуальное поведение людей в отношении собственного здоровья, на которое существенное влияние оказывает асимметрия информации, приводит в конечном итоге к большому разнообразию в итогах. Вопросы справедливости переплетаются с пониманием критериев «качества» в области здоровья и здравоохранения, а близкая каждому тема здоровья неизбежно влечет этические рассуждения, которые обязаны учитывать достижения и нерешенные вопросы медицины.

Литература:

1. *Например, в работах Бентам И. Введение в основание нравственности и законодательства. М.: РОССПЭН, 1998//Ролз Дж. Теория справедливости: Пер. с англ./Науч. ред. и предисл. В.В. Целищева. Изд. 2-е.-М.: Издательство ЛКИ, 2010.// Нозик Роберт. Анархия, государство и утопия / Роберт Нозик ; пер. с англ. Б. Пинскера под ред. Ю. Кузнецова и А. Куряева. — М.: ИРИСЭН, 2008.*

2. *Караева О. Представление о справедливости и эффективности в системах здравоохранения различных стран (по данным ISSP). Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 1 – 2 (117). Январь – июнь 2014. Аналитический центр Юрия Левады (Левада-Центр), http://www.levada.ru/sites/default/files/vom_1-2_2014.pdf(дата обращения 15.09.2016)*
3. *Григорьева Н.С. Социальная справедливость: эволюция понятия и практики. Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2008. Т.1. №6. С.115*
4. *Titmuss R.The Gift Relationship. From Human Blood to Social Policy, 1970, цит. по: Steiner P. Gifts of Blood and Organs: The Market and "Fictitious" Commodities// Revue française de sociologie, Vol. 44, Supplement: An Annual English Selection (2003), с. 149*
5. *«Противостояние логик»: врач, пациент и власть в условиях реформирования системы здравоохранения. Сводный аналитический отчет. Левада-центр. Аналитический центр Юрия Левады. 2016.*
6. *Григорьева Н.С., Чубарова Т.В. Современное здравоохранение: политика, экономика, управление. М.: Авторская академия, 2013. С.278*
7. *Там же. С.279-282*
8. *Schroeder, S. We can do better: Improving the health of the American people. New England Journal of Medicine, 357, 1221 – 1228*

СЕКЦИЯ 3. СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ФАКТОР ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Ceranic Goran Dimitrije,
Niksic, Montenegro

Social exclusion as a form of social injustice in Montenegro

Social exclusion as one of the forms of social injustice implies a lack of social connections and power, disintegration, marginalization, social alienation and disadvantage in political, economic and social terms. Social exclusion can be divided into three main elements: unemployment (marginalization in the labour market), poverty and social isolation. The components of social exclusion affect one another, creating a spiral of uncertainty which ends in constant and multiply depressing circumstances. Historically speaking, whenever societies face some dramatic changes in the economic and social structure, a new set of social problems arise. Individuals usually fail to cope with such circumstances and the same goes even for the social institutions. Social institutions are designed to meet the basic needs of people, and the failure to fulfil these needs usually causes social problems. Social institutions are inherently interdependent, and the dysfunction of one institution affects the work of the others. When both individuals and groups are exposed to the dysfunction of certain social institutions, dysfunction is transferred onto the other spheres of life causing multiple negative spiral effects. Such processes can lead to a social exclusion of a significant part of the population in a certain society. Social exclusion is one of the central social problems of the modern age. It is not somebody's free choice, but an indicator of unequal distribution of social and material wealth, weakening of social solidarity, suppression of individuals and social groups to the margins of a society which prevents their participation in the social activities. Therefore, this is a multi-dimensional process which weakens the connection between the individual and the community - the more areas the person is excluded from, he/she becomes more vulnerable. Obviously, one cannot speak about a single cause of exclusion or several of them; there is rather a whole range of factors which contribute to the social isolation of individuals and groups. Social exclusion is a new social sciences concept which, unlike some other similar notions, points out the disadvantage of the individual within his/her social surroundings. Therefore, social institutions should provide the individuals and social groups at risk of social exclusion with the possibility for acquiring opportunities and resources which are necessary for full participation in the economic and cultural life, as well as for them to enjoy the benefits of the living standard and the well-being considered to be normal in the society in which they live. This ensures significant participation in the decision-

making process, impacting these people's lives and offering them access to fundamental rights. In one word, their competitiveness increases. There is no nationally accepted definition of social exclusion in Montenegro which could serve as a basis for the analysis of this phenomenon, so for the purposes of this work we took into consideration the three segments mentioned above: unemployment, poverty and social isolation. Since we were not able to implement the research on this phenomenon in Montenegro, we relied on some indirect indicators on the basis of which we tried to make conclusions about how the state policies are oriented towards this issue. The central task of the exclusion concept is to ensure that no one remains outside the system, i.e. to give each individual the opportunity to actively participate in an increasingly complex society in which we live. It seeks to find out how the competitiveness of every citizen and ultimately of the society as a whole is increased. Being behind or to staying outside of the system has multiple, sometimes irreversible consequences both for the individual and the whole society. Each state is to provide every individual and group to be involved. Paternalism - the belief that the state should (or is obliged to) solve all existential problems of its citizens decreases, but still stands strong and is deeply rooted in Montenegro. There is no unique model for addressing poverty, economic inequality and social exclusion which would be optimal for all the societies. Like any other country, Montenegro should find and develop the constitutional and legislative method which best suits its historical, social, cultural and economic circumstances, conditions and possibilities. The state must provide a stable legislative framework, social infrastructure and, in cooperation with its citizens, establish the rule of law. It must first of all create an economic and social system which creates normative conditions for the maximum engagement of a complete human capital and not only try to resolve the temporary crises or rearranging of certain parts. Hence, the new projections should follow the course of the whole reform rather than being partial, or an expression of a variety of deviations and mutual contradictions.

Krivokapic Natasa Svetozar,
Niksic, Montenegro

Human Rights and Freedoms in Democratic Transition

Human rights and freedoms are the legal and political prerequisites of every democratic society, so adapting the transition countries' legal systems to these requirements is a necessary condition for the establishment of a strong and sustainable democracy in them, and this also goes for the Montenegrin state. As it is already known, human rights and freedoms, as a concept and as a practice, gain their contemporary meaning with the development of the ideology of liberalism whose essence was to preserve individual human rights and to strengthen the freedom of choice. The basic idea of liberalism, which consisted of providing all people with equal rights and opportunities, is the basis of the recognition and

establishment of individual human rights and freedoms in a modern democratic society. The modern democratic states which base their social and political organization on the respect and protection of human rights and freedoms, consequently and respecting the diversity of others, respect human life and human dignity. The first human rights documents in the modern world that were adopted in the 18th century rested on the idea of the natural rights of man and included many of the rights and freedoms contained in the contemporary international legal documents, such as: the Universal Declaration of Human Rights adopted in 1948 by the United Nations, the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, the International Covenant on Civil and Political Rights and other important declarations and conventions that are used to monitor the respect of human rights and freedoms in a global context. According to these legal documents, each person has the same rights and no one, not even the state cannot deny them. The respect of these rights and freedoms was watched by the United Nations Human Rights Commission (UNHCR) till 2006 and from that year on, this was done by the United Nations Human Rights Council. These and similar organizations that conduct monitoring of human rights and freedoms have the goal of controlling the existence of legal norms related to the rights and freedoms in the legislation of all countries, as well as their implementation, or violation. This monitoring ensures a more responsible attitude of states towards their citizens and determines the level of respect of human rights and freedoms in each individual state. The aim of this paper is to determine on the case of Montenegro how much the human rights that are crucial to the democratic system, , are respected in the countries going through a process of democratisation. The research on which this paper relies is carried out in Montenegro during 2013 on a representative sample. Human rights and freedoms are grouped according to their similarities in four categories: freedom of thought and assembly, the right to a fair trial, the right to education and work, ethical and religious freedoms and the rights of marginal groups. Freedom of thought and speech is one of the basic democratic freedoms on which a democratic society lies. Every citizen has the right to have an opinion on political and other issues, the right and freedom of assembly and expression of that opinion. According to the results of the research, the freedom of opinion and expression in Montenegro is present to a significant extent, however, the majority of citizens do not feel completely free to participate in public gatherings because of the potential consequences. One of the key rights in democratic countries, which is certainly not a feature of only these societies, is equality before the law and equal judicial treatment of all citizens. That not even this aspect of human rights is firmly grounded in the foundations of the new system is shown by the fact that more than half of Montenegrin citizens do not believe in the equality of all citizens before the law, equal judicial treatment of all citizens, that is, a fair and correct trial. Transitional movements in the case of this right have had a reverse effect , and this can also be said for the rights to education and work which in the former Yugoslavia were inviolable and very protected by the state. Regarding the right to education there were no significant changes in relation to the previous system, but when it comes to the right to work and earnings,

more than a half of the citizens believe that not every man can exercise this right. The respondents' dissatisfaction with the exercise of this right can be explained by the process of ownership transformation characterized by a large number of failed privatizations, as well as by the underdeveloped economy, agriculture and tourism, which has all led to a large number of unemployed in the country. In Montenegro, as a multi-ethnic community, in the transition period, there is a tolerant and non-conflicted relationship between the majority and national minorities, as well as respect for people of different religion, which shows that a satisfactory degree of democratic society has been achieved in this area, while the state works intensively towards the strengthening of the rights of the marginalized groups.

Балынин Игорь Викторович,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация

Ключевые направления реформирования пенсионной системы Российской Федерации в контексте обеспечения социальной справедливости

Вопросы пенсионного обеспечения граждан являются одними из самых актуальных в подавляющем большинстве стран мира, в т.ч. и в Российской Федерации. В этой связи важно отметить, что необходимость реформирования российской пенсионной системы не вызывает сомнения, чем и обусловлено бурное обсуждение среди экспертного и научного сообщества данного вопроса. При этом, очень важно в процессе подобной модернизации обеспечить социальную справедливость, что представляется возможным при учете следующих компонентов:

1. Возраст выхода граждан на пенсию должен быть одинаковым, независимо от половой принадлежности (обеспечив тем самым соблюдение ст. 19 Конституции Российской Федерации).
2. При назначении социальной пенсии по старости необходимо учитывать наличие и количество лет страхового стажа, используя дифференцированный подход при определении ее размера.
3. Обеспечить начисление дополнительных индивидуальных пенсионных коэффициентов при формировании пенсионных прав гражданина не только при уходе за каждым из первых четырех, но также пятым и последующими детьми.
4. В условиях повышения качества образования и здравоохранения обеспечить гарантию сохранения досрочного выхода на пенсию соответствующих работников.
5. Отказаться от существующей в настоящее время приостановки действия правовых норм, обеспечивающих поддержку пенсионеров, проработавших в сельском хозяйстве не менее 30 лет и продолжающих

проживать в сельской местности, что особенно важно в контексте стимулирования реализации программы импортозамещения.

6. Расширить существующий в настоящее время период дифференциации размера коэффициентов за более позднее обращение за назначением страховой пенсии по старости с 10 до 20 лет.

7. Отказаться от принятого ранее несправедливого решения (действует с 2016 года) по приостановке индексации пенсии работающим пенсионерам с обязательным обеспечением возврата всем пенсионерам полного размера неполученной им суммы (за полный период действия этого решения) в срок до окончания 2018 года. Бесспорно, что наиболее правильным (но не менее дискуссионным, в том числе с правовой точки зрения) представляется принятие решения по отказу в выплате пенсий работающим гражданам, имеющим высокий уровень дохода. При этом, не вызывает сомнения, что социальная справедливость по данному вопросу может быть достигнута посредством введения прогрессивной шкалы по налогу на доходы физических лиц, что также назрело и необходимо. В связи с этим наиболее справедливым и юридически правильным представляется безоговорочная приверженность неизменности ежегодной индексации страховых пенсий по старости на уровень не ниже значения индекса потребительских цен в предыдущем финансовом году независимо от факта трудоустройства пенсионера.

8. Количество индивидуальных пенсионных коэффициентов, начисляемых работающим пенсионерам, не должно иметь дополнительные ограничения по сравнению с правилами, действующими для иных застрахованных лиц.

9. Пенсионная система государства должна обеспечивать стимулирование граждан к официальному трудоустройству, что возможно при увеличении минимального количества лет страхового стажа до 25-30 лет, а также увеличении влияния количества лет страхового стажа на размер назначаемой страховой пенсии по старости (в настоящее время, учитывается только факт наличия минимального страхового стажа). В этом контексте следует отметить целесообразность назначения страховой пенсию по старости досрочно лицам, имеющим большое количество лет страхового стажа (например, от 37 лет и выше) и (или) индивидуальных пенсионных коэффициентов (например, свыше 300).

10. Определение минимального количества индивидуальных пенсионных коэффициентов, используемых в качестве критерия назначения страховой пенсии по старости, должно быть сопряжено с использованием с одной стороны, минимального размера заработной платы, а с другой, минимального страхового стажа. Представляется, что учет вышеперечисленных предложений позволит реализовать новую пенсионную реформу в Российской Федерации максимально результативно, обеспечив достижение социальной справедливости и повышение качества жизни российских пенсионеров.

Барсегян Вардан Меружанович,
Российская ассоциация политической науки, Москва, Россия

Дискурс социальной справедливости и карьерная мобильность в политической сфере

Социальная реальность не является единым монолитом, в котором происходят события по универсальным законам. Мы представляем общество как совокупность относительно автономных полей, в которых протекают по своим собственным правилам процессы борьбы за [Бурдье 2007а: 281, Bourdieu 1997]. Таким образом, политическая сфера для нас – это относительно автономная область социальной реальности, в рамках которой протекают процессы борьбы за власть и распределение ресурсов. Кроме того, политическая сфера – это высококонкурентный «рынок», а игроки данного рынка должны вести борьбу в рамках достаточно жестких формальных и неформальных институтов (правил игры). В этой связи особую актуальность приобретает вопрос социальной справедливости в контексте карьерной мобильности в политической сфере. Чем политика является притягательной для новичков? И почему, несмотря на достаточно суровые условия, эта сфера продолжает привлекать внимание молодежи и играет ли при этом какую-либо роль желание социальной справедливости? Наша гипотеза заключается в том, что, несмотря на жесткие правила игры, необходимость игры за самих себя, именно дискурс социальной справедливости вовлекает молодежь к политической деятельности. Таким образом, цель нашего исследования – показать каким образом дискурс социальной справедливости находит отражение в ценностях и мотивации молодых людей, стремящихся к конструированию своей карьеры в политической сфере. Для достижения поставленной цели необходимо решить две задачи: во-первых, выявить посредством дискурс-анализа то значение, которое придается социальной справедливости в политической сфере; во-вторых, проанализировать степень интернализации молодежью, стремящейся к политической деятельности, дискурса социальной справедливости. Для решения поставленных задач применим два метода: метод критического дискурс-анализа (КДА) и метод интервьюирования. Применяя метод КДА, мы анализируем следующие блоки данных: (1) тексты, (2) дискурсивные практик (т.е. практики производства и интерпретации текстов) и (3) социальная практика [Fairclough 2003; Йоргенсен, Филлипс 2008: 120]. Таким образом, мы будем анализировать тексты, производимые (1) органами власти для привлечения молодежи к политической карьере, и (2) тексты ведущих СМИ, транслирующих основные тренды в общественное пространство. В качестве дискурсивных практик мы изучим то, как эти тексты потребляются (интерпретируются) молодыми людьми, какие выводы из этих текстов они делают. В качестве социальной практики мы рассматриваем карьерную и,

более широко, социальную мобильность молодых людей, вовлеченных в политические процессы. Перейдем ко второму методу исследования – интервью. Мы планируем опросить молодых людей, вовлеченных в молодежные отделения политических партий (ЕР, КПРФ, ЛДПР, СР). И выявить, насколько в их речи интернализированы мотивы социальной справедливости. Полученные результаты позволят добавить новый взгляд к проблеме социальной справедливости в карьерной мобильности молодежи в политике, и понять, чего молодые люди ожидают от участия в политике, чем замотивированы и какую роль в мотивации играет социальная справедливость. Социальная значимость проводимого исследования определяется тем, что в конечном итоге, политика – это процесс борьбы в целях достижения общественного блага. В этой связи, именно место социальной справедливости в контексте карьерной мобильности может свидетельствовать о том, действительно ли молодежь идет в политику только для достижения своих индивидуальных целей (например, построение карьеры, повышение личного социального статуса и так далее), но и для развития политической системы России в целом, расширяя пространства свободы, плюрализма и честной борьбы.

Настоящая работа подготовлена в рамках реализации научного проекта, поддержанного РФФИ, грант № 17-33-01034 (а2) «Факторы карьерной мобильности в политической деятельности в современной России».

Литература:

1. *Бурдье П. (2007а) От «королевского дома» к государственному интересу: модель происхождения бюрократического поля. Шматко Н.А. (пер. с фр.; ред.). Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя: 255–288.*
2. *Йоргенсен М.В., Филлипс Л. (2008) Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр».*
3. *Bourdieu P. (1997) De la maison du roi a la raison d'Etat. Actes de la recherches en sciences sociales. 118: 55-68.*
4. *Fairclough N (2003) Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. London: Routledge.*

Батьянова Людмила Николаевна,
Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Справедливость в стратегиях социального государства

По мере того, как в современном мире человечество стремиться решать трудности на пути к достижению максимальных социальных и природных благ, к социальному порядку, особую важность приобретает задача изучения многообразных форм активности граждан в обществе, их функционирования с учетом особенностей социальных процессов в современной России, которые оказывают существенное влияние на цели и направления развития этих форм. Не подлежит сомнению, что все люди, так или иначе,

испытывают то или иное проявление социальной несправедливости, вынуждены решать задачи самореализации, поскольку смысл бытия заключается, безусловно, не в страданиях. Целями самореализации человека в гражданском обществе становятся: достижение способности человека быть ответственным в свободе; стремиться не только к негативной свободе – свободе «от» (принуждения, зависимости), но и к позитивной свободе «для» (осуществление своих планов, постановки социальных целей и пр.); достижение минимальных социальных благ. Особенная природа самореализации, по нашему мнению, проявляется именно в гражданской активности, в связи с чем необходимо рассмотреть многообразные формы реализации данного феномена. Необходимо также сказать, что в соответствии с неоинституциональным подходом объектом исследования институтов и институционализации закономерно становятся не только структуры и организации, но и «правила игры», то есть, в нашем случае мы можем говорить о феномене «гражданской активности» как особого рода институте, оказывающем детерминирующее воздействие на формализованные структуры. Другими словами, институционализация структур гражданского общества предполагает предварительную институционализацию гражданской активности в качестве долговременной, воспринимаемой в качестве «само собой разумеющейся» практики, вовлекающей все основные слои социума. Дальнейшее взаимодействие данных институтов принимает, разумеется, взаимообусловленный характер, благодаря гражданской активности, структуры и практики гражданского общества сами, в свою очередь, начинают выступать в качестве фактора, обусловливающего такую активность. В наиболее оформленном и формализованном виде гражданская активность проявляется в реализации феномена местного самоуправления, в основу которого положены современные представления и идеи построения открытого процветающего гражданского общества на принципах локальной демократии, децентрализации и деконцентрации государственной власти. Децентрализация выражается в передаче центром отдельных властных полномочий органам местного самоуправления. Деконцентрация представляет собой передачу полномочий назначаемым из центра на места чиновникам, а также дробление властей одного уровня. Законодательством о местном самоуправлении ряда субъектов Российской Федерации население муниципального образования справедливо именуется местным сообществом. Местное сообщество можно определить как объединение граждан, проживающих на территории муниципального образования, имеющих муниципальную собственность и местный бюджет, а также общие интересы в самостоятельном и под свою ответственность решении вопросов местного значения по обеспечению своей жизнедеятельности. Задачи гражданской активности Смысл и цель гражданской активности определяется реализацией социально значимых интересов, которые присущи индивиду, различным объединениям граждан. Понятие «активность» характеризует системообразующий признак, определяющий в одном случае системные

качества человека, а в другом – степень его участия в социальной жизни. Социальная динамика гражданского общества имеет также «внутренне» детерминированную сторону, которая выражается в ее активности и направленности на сознательное конструирование своей дальнейшей жизни. Гражданская активность зависит от духовных и политических ценностей и ориентаций, общей культуры субъектов деятельности и поведения в гражданском обществе. Под гражданской активностью мы понимаем то, как индивиды (рядовые граждане) воздействуют на общие условия совместной жизни, прежде всего на политико-правовое пространство, в рамках которого каждый из них реализует свои частные, индивидуальные цели. При этом нас интересуют изменения, а точнее, новые тенденции, акценты во взаимоотношениях индивида, общества и государства, которые обусловлены политическими и социально-экономическими преобразованиями последних лет. По содержанию гражданская активность может быть прогрессивной и консервативной, конструктивной и деструктивной, по способам и методам – конвенциональной и неконвенциональной. В данном случае следует отметить «конвенционализм» (от лат. conventio – соглашение) - направление в философии науки, согласно которому в основе естественнонаучных теорий лежат произвольные соглашения, выбор которых регулируется лишь соображениями удобства, целесообразности, принципом «экономии мышления» и т.п. Гражданская активность направлена на привлечение максимально возможного внимания общественности, средств массовой информации, властных структур к различного рода общественным проблемам. Среди них, в частности, выделяются женские, молодежные, ветеранские, профсоюзные проблемы; а так же вопросы связанные с развитием местного самоуправления, образования, культуры, медицины, с состоянием экологии, экономики и т. п. Процесс формирования гражданской активности может протекать стихийно, независимо от деятельности тех или иных социальных институтов, путем дискуссий, обмена мнениями.

Литература:

1. *Батьянова Л.Н., Иванов Р.В. Социально-политические основы развития гражданского общества / Л.Н.Батьянова, Р.В.Иванов. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017.136с.*
2. *Полюшкевич О.А. Социальные и естественные предпосылки формирования «социальной эмпатии» // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке Сборник статей VIII Международной научной конференции. Под общей редакцией Н.Д. Субботиной. 2017. С. 223-228.*
3. *Полюшкевич О.А., Антонова Л.Л., Кащаев А.Е. Эмпатия и социокультурая солидарность // Философская мысль. 2016. № 10. С. 71-82.*

Батьянова Екатерина Ивановна,
Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Трансформация справедливости в интерактивном пространстве гражданского общества

Трудно представить развитие и функционирование гражданского общества без поддержки государства. Ограничение сфер влияния государства должно способствовать расширению прав социальной деятельности институтов гражданского общества как независимых источников инициатив. Они служат противовесом системе государственной власти и активизируют творческий потенциал людей. Гражданское общество провозглашает главной ценностью человека и создает для него с помощью государства достойные условия жизни и труда. В отечественной философии высказывается мнение, что гражданское общество необходимо рассматривать как альтернативу существующему политическому устройству. Эта альтернатива проявляется, видимо в том, что общность «свободных» индивидов нуждающихся в государстве, все же пытается поставить его под свой контроль. Возможно, такое мнение связано с тем, что человек может оказаться объектом манипуляции государства. Такие формы правления как тоталитаризм способствуют поглощению гражданского общества государством. Гражданское общество в России имеет ярко выраженную коллективистскую окраску, в отличие от западной модели, где личность рассматривается в качестве автономной, зависящей только от себя самой. Здесь следует отметить, что Российское государство – это складывающийся веками единый социальный организм. «Гражданское общество» на пространстве бывшего СССР появилось как идеологическая конструкция, где шла речь о создании нового морального и общественного порядка. Идея гражданского общества во многих странах после смены политических идеалов трактовалась, как сфера спонтанной и независимой от государства активности отдельных индивидов, ведущей к возникновению новых отношений и соглашений между ними, а также новых форм общественной жизни [2]. Гегель, отмечая различие и тесную взаимосвязь между гражданским обществом и государством, рассматривал первое как место, где человек своим трудом извлекает для себя пользу, но такую возможность ему открывает государство. В качестве примера можно привести следующий: польза – Интернет, а возможность пользоваться его плодами, должно предоставить государство. Для гражданского общества важна независимость граждан, их возможность самостоятельно существовать, реализовывать частные интересы и потребности. Чему активно способствует наступившая эпоха глобальной сети электронной связи. Интерактивное пространство гражданского общества Во всем мире наблюдается развитие взаимосвязей, информационных обменов между гражданами, превращение их сообщества в

то, что в англоязычном мире называется «сетью», где каждый член общества неразобщен с другими, а тесно включен в реальные или потенциальные информационные и научные взаимосвязи [3]. С развитием средств массовой коммуникации многократно возросла возможность воздействия на массовое сознание. Эта возможность может широко использоваться в целях развития и совершенствования гражданского общества. Истории человечества известно, когда накопленные технологические знания были утрачены в силу, того, что упадок общества сделал их бессмысленными. Так было во времена крушения Римской империи. Потребовалось пять столетий, чтобы наверстать упущенное. К сожалению, в обществе, где поиск средств существования является главной жизненной целью большинства граждан, новейшие технологические достижения не могут стать в ближайшее время одними из основных средств общения, получения научного знания, решения социальных проблем. По этой причине они не могут быть тесно вовлечены в орбиту реальных или потенциальных информационных и научных взаимосвязей. Являясь мощным средством воздействия на сознание и практическую деятельность людей, Интернет в России, так же как и в бывших советских республиках, может, но пока еще не является тем катализатором, который необходим для социального развития гражданского общества. В последние годы проявляется все возрастающий интерес фискальных органов государства к сети и к тому, что там делают подвластные ему граждане, что навевает грустные воспоминания о недалеком прошлом нашего государства. Главный путь для преодоления возникших трудностей – разумная социально-экономическая политика государства, приверженность демократическому пути развития и создание условий для населения с целью его приобщения к новым информационным достижениям. Компьютерные технологии прошли три стадии. Первая стадия, это потребление информации. Мы можем подключиться к разным базам данных и черпать из них нужную информацию. Вторая стадия, на которой мы фактически сейчас находимся - это информационное взаимодействие. И третья стадия, которая порождает качество, возможность коммуникации, на которую мы пытаемся переходить - это стадия совместного действия. Это есть возможность уникального разветвленного взаимодействия [1]. Однако Интернет, по оценке ученых, не является однозначно прогрессивным явлением. Помимо субъективных негативных последствий, информационная сеть несет обществу потенциальные угрозы, являющиеся обратной стороной ее преимуществ. Речь идет о возможностях политических манипуляций, угрозе информационной войны в условиях отсутствия четко сформулированной информационной политики государства и недостаточной разработанности вопросов государственного правового регулирования использования Интернет в системе взаимоотношений государства и формирующегося гражданского общества. Справедливость для личности и для общества качественно меняется в эпоху виртуальных сетей.

Литература:

1. *Иванов Р. В. Феномен смешанной реальности на основе синтеза объективного и виртуального миров // II Научно-практическая интернет-конференция «Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений» : Актуальные проблемы российского общества в контексте новых вызовов современности. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 27 – 31 марта 2017. – С. 270-273.*
2. *Полюшкевич О.А. Социальная солидарность в условиях политического консенсуса // Политический консенсус в XXI веке: противодействие идеологии терроризма и обеспечение безопасности. Сборник научных трудов. Иркутск, 2017. С. 189-195.*
3. *Полюшкевич О.А. Парадоксы солидарности в информационном обществе / О. А. Полюшкевич // Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции / отв.ред. О.А. Кармадонов, О.А. Полюшкевич. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. – С. 45-50.*

Бегинин Виктор Иванович,
Саратовский государственный аграрный университет имени Н.И. Вавилова, Саратов, Россия

Уровень одобрения деятельности институтов власти как индикатор социальной справедливости

Социальная справедливость не упоминается в Конституции РФ, но включается в состав индикаторов социального государства и его характеристик. Этот принцип включает много составляющих, причем они неодинаковы в различных подсистемах. Социальная справедливость тесно связана с решением вопросов социальной инфраструктуры - образования, медицинского обслуживания, жилья, пенсий, доступа к достижениям культуры, регулированием вопросов труда, безработицы и прочее. Это проблемы находятся в центре внимания деятельности органов власти всех уровней. И именно с этих позиций оценивают их деятельность россияне. Поэтому имманентно социальная справедливость содержательно присутствует в структуре отношения, степени одобрения населением институтов власти. Исходя из этого в конце 2017 года было проведено социологическое исследование отношения населения саратовской области к институтам власти (N=1305 человек, проживающих в одиннадцати населенных пунктах), которое выявило достаточно высокий уровень одобрения деятельности Президента Р.Ф. Так, практически 70% жителей саратовского региона полностью или по большей части поддерживают и одобряют его деятельность. 22,8% - и одобряют и критикуют в равной степени. 5,5% от числа опрошенных в той или иной степени не одобряют политику В.В. Путина. Выявлены ряд социально – демографических особенностей, определяющих оценки респондентов. Так среди респондентов, имеющих двое и трое детей полностью одобряющих политику Президента Р.Ф. больше. Чем старше респондент, тем выше уровень одобрения деятельности Президента РФ. Среди представителей старшего поколения полностью одобряющих политику В.В. Путина около 50%, среднего – 38,8%,

младшего – 30%. Среди работающих жителей региона и пенсионеров встречается больше одобряющих деятельность Президента Р.Ф. Не поддерживающих его деятельность больше среди безработных и студентов. Чем выше уровень жизни, тем выше уровень одобрения. Чаще всего позиции одобрения поддерживали опрошенные жители региона с достаточно высоким уровнем жизни. Не одобряющих политику Путина В.В. среди них не оказалось вообще. Среди тех, кто абсолютно не удовлетворен своей жизнью, не одобряющих политику В.В Путина больше, чем в других группах. 7,7% из них полностью и 38,5% по большей части не одобряют деятельность Президента Р.Ф. Уровень одобрения деятельности губернатора Саратовской области значительно ниже, чем Президента РФ. Четверть опрошенных в полной и частичной мере не одобряют работу В.В. Радаева, чуть больше 30% одобряют и критикуют в равной степени и 37% респондентов полностью или частично одобряют деятельность губернатора. К числу социально – демографических характеристик, определяющих подобные оценки можно отнести: район проживания, социальный статус, уровень жизни. Наибольший процент одобряющих деятельность губернатора выявлен в Петровском, Пугачевском (48,8%) и Балашовском (68,2%) районах области, Энгельсе (46,3%) и Фрунзенском районе г. Саратова (60%). Самый высокий уровень неодобрения зафиксирован в Балтайском районе (99%), Красноармейском районе (56,3%), Лысых горах (53,3%), Саратовском районе (46%). Чаще других деятельность губернатора не одобряют безработные жители саратовского региона (62,5% по группе безработных), Одобрение чаще выражают домохозяйки (46,7%) и пенсионеры (40%). По уровню жизни также зафиксированы различия. 58,3% респондентов с очень низким уровнем жизни не одобряют деятельность губернатора области, самый низкий уровень неодобрения выявлен по группам с высоким уровнем жизни. Оценка деятельности глав муниципальных образований в исследуемых районах области не высока. 35,6% респондентов не одобряют, 26,2% - одобряют и не одобряют в равной степени и 25,7% одобряют работу глав администраций области. В ходе корреляционного анализа выявлена территориальная специфика оценок работы глав муниципальных образований. Так, по наименьшей лояльности населения к числу проблемных районов области можно отнести: Балтайский район, все опрошенные категорически не одобряют деятельность представителей местной власти; Лысые горы, 53% опрошенных жителей не одобряют вообще и 33% по большей части не одобряют деятельность местной власти; Красноармейский район, 47% полностью и 27% по большей части не одобряют работу глав муниципальных образований.

Ленинский район г. Саратова, Энгельс и Балашовский район саратовской области можно назвать наиболее благополучными с точки зрения результативности работы представителей местной власти. В Ленинском районе 47% опрошенных жителей по большей части и 10% полностью одобряют политику главы района. Среди жителей г. Энгельса 40% по большей части и 10% полностью поддерживают местную власть. 48

(38 и 10) % респондентов, проживающих в Балашовском районе одобряют действия властей. Кроме того, подтвердилась выявленная ранее тенденция: чем выше уровень материального благосостояния, тем выше степень одобрения деятельности главы муниципального образования. Статистика показывает, 81,8% респондентов с очень низким уровнем жизни не одобряют деятельность местных властей, 61,9% - среди опрошенных с низким уровнем, от 34,4% до 40% - средним, 24% - высоким и 22% очень высоким. Таким образом, исследование показало, что чем выше уровень института власти, тем выше уровень его одобрения с позиций социальной справедливости. И наоборот, деятельность муниципальных институтов власти пользуется самым низким уровнем одобрения.

Белевич Александр Александрович,
Министерство обороны РФ, Москва, Россия

Ротация кадров на государственной службе как механизм обеспечения социальной справедливости в государственном управлении

Вопрос социальной справедливости был актуален во все времена, является таковым сейчас и будет актуален до той поры пока существует человечество. Справедливость – это тот идеал, к которому мы идем всю свою жизнь, мы ее ищем дома, в кругу друзей, на работе – везде и всегда. Так что это такое – справедливость? Существует множество определений данному «явлению». Платон утверждал: «Справедливость – вот добродетель душ великих», Жозеф Жубер считал, что «справедливость – истина в действии», а Цицерон писал: «Справедливость не может быть отделена от полезности». Мы остановимся на более распространенном определении – справедливость – это характеристика, свидетельствующая о наличии признанного в общественном мнении социального порядка, т.е., если какое-либо явление признается соответствующим принятому порядку, то оно считается справедливым. Под социальным порядком мы понимаем совокупность норм, социальных практик, определяющих отношение между индивидами, социальными группами в процессе функционирования общества в целом и его отдельных подсистем. Но то, что считается справедливостью, по мнению одной социальной группы или индивида, по мнению другой – является несправедливостью. Примером этого может служить отношение к предложению поднять заработную плату или ввести дополнительные льготы государственным гражданским служащим. Данное нововведение наверняка будет поддержано большей частью государственных гражданских служащих и не безосновательно: зарплата невысокая и давно не индексировалась, работа очень ответственная и ее все больше, требования руководства мягче не становятся и т.д. При этом, скорее всего, любая другая социальная группа посчитает такое предложение несправедливым и тоже будет отчасти права:

работы у них не меньше, она не менее ответственная, а заработная плата невысокая. Иными словами, справедливость – это наличие соответствия между индивидуальным видением и фактической реализацией, т.е. между тем как мы считаем правильным (истинным) и тем как есть на самом деле. Справедливость схожа с истинной – у всех своя. А что такое социальная справедливость на государственной гражданской службе? Есть ли отличия от социальной справедливости в других сферах? Основным принципом социальной справедливости является справедливое распределение в каждом обществе труда, культурных ценностей и иных социальных возможностей. Государственная гражданская служба является видом государственной службы, представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации на должностях государственной гражданской службы Российской Федерации по обеспечению исполнения полномочий федеральных государственных органов, государственных органов субъектов Российской Федерации, лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, и лиц, замещающих государственные должности субъектов Российской Федерации. Как социальный институт государственная гражданская служба появилась у нас в стране не так давно, но признаки социальной несправедливости в ней (госслужбе) уже имеются. Коррупция безусловно является ярчайшим признаком социальной несправедливости т.к. нарушаются все принципы справедливости. Коррупцией поражены многие органы государственной власти и при таком порядке вещей ни о каком эффективном управлении, эффективном развитии речи быть не может. Исторический опыт ясно показывает, что эффективность борьбы с коррупцией в большей степени зависит от того, насколько дифференцированно применяются законы к представителям разных социальных групп. То есть, борьба с коррупцией – проблема не столько юридическая, не столько правоохранительная, сколько социальная. По фактам коррупции население судит о социальной справедливости в обществе. Поэтому борьба с коррупцией в России – это проблема не только правоохранительная. Это вопрос жизнеспособности государства. А как же связаны понятия социальной справедливости (не справедливости), коррупции и ротации кадров? Ротация кадров – круговое движение, рокировка, передвижение по горизонтали, но с заданной заранее целью, которую ставит субъект управления. Ротации кадров государственной гражданской службы отводится приоритетная роль в решении актуальных задач – повышение эффективности государственной службы (государственного управления) в целом и противодействие коррупции в среде госслужащих. Под определенным углом зрения получается, что ротация кадров позволяет эффективно бороться с коррупцией как с элементом социальной несправедливости. Это очень актуальный, но не единственный пример, когда ротация кадров позволяет бороться с проявлениями социальной несправедливости. И если коррупция находится «за границей» правового поля (предусмотрены административная и уголовная ответственности), то есть ряд проявлений социальной

несправедливости, которые не противоречат действующему законодательству. Примером такого может быть «кумовство». При определенных условиях «застой» в кадрах мы тоже можем рассматривать как проявление социальной несправедливости. С такими факторами на данный момент невозможно бороться в правовом русле, но эффективно можно противостоять, используя такую незаменимую кадровую технологию, как ротация.

Беляева Екатерина Сергеевна,
Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Национальная и региональная безопасность: справедливое декларирование и реальные проблемы

Для рассмотрения диалектики взаимодействия национальной и региональной безопасности весьма значимо определение стратегически важных территорий в геополитическом аспекте. С учетом нового геополитического положения России особую значимость приобрели так называемые «малые региональные величины»12. Под регионом здесь понимается пространство, объединенное общими экономическими, культурными, ментальными особенностями и политико-административными границами. С позиций этого подхода предлагается районирование по доминантным проблемам развития. Так, с точки зрения геополитической безопасности выделяются приграничные типы регионов, являющиеся стратегическими: Калининградская, Мурманская, Сахалинская, Амурская, Камчатская области и Приморский край. Кроме того, появились новые приграничные: Псковская область, Алтайский край. Все пограничные субъекты РФ имеют весьма важное значение в системе безопасности. Каждый из них является своеобразным звеном геополитической, социально-экономической, ресурсной и культурной достаточности государства. Они занимают основное место в системе межгосударственных и межрегиональных политических, военных, пограничных, экономических, торговых, культурных и других связей. В приграничных регионах общие угрозы безопасности своеобразно локализуются и приобретают свою специфику. Велика роль приграничных регионов и в защите стратегически важных объектов национальной безопасности. Таким образом, в приграничных регионах находит отражение весь комплекс внутренних и внешних угроз национальным интересам России. Анализ состояния приграничных регионов РФ свидетельствует о том, что в новой геополитической, социально-экономической ситуации большинство из них до настоящего времени не смогло реализовать благоприятные уникальные возможности для своего развития. Проблемы российских пограничных территорий сложны и требуют глубокого осмысления, всесторонней

проработки как на федеральном, так и региональном уровне. С учетом своего потенциала и увеличивающейся роли в различных сферах жизни российского государства, ограниченной возможности федерального центра в осуществлении адресной помощи всем субъектам РФ пограничные территории должны, на наш взгляд, получить приоритетное развитие. Как представляется, такой подход к развитию приграничных субъектов позволит ликвидировать диспропорцию в промышленных потенциалах российского и сопредельного приграничья. Таким образом, на основе совмещения основных подходов к пониманию региональной безопасности как важнейшей составляющей системы обеспечения национальной безопасности России структура формирования системы безопасности регионов может быть представлена в виде комплекса экономических, экологических, правовых, геополитических и иных условий, которые призваны обеспечивать защиту жизненно важных интересов страны и ее территорий, конкурентоспособность регионов на внутренних и мировых рынках и устойчивость финансового положения страны, создание внутренней и внешней защищенности от дестабилизирующих воздействий, условия для устойчивого воспроизводства общественных процессов. Необходимыми мероприятиями в процессе формирования общей стратегии регионального развития являются ранжирование регионов по степени негативного влияния ситуаций, сложившихся в регионах, на национальную безопасность России, а также определение кризисных регионов. Институциональная система российских регионов содержит все необходимые политико-правовые условия для управления региональной безопасностью. Несмотря на различия в темпах реформирования экономики и социальной жизни российских регионов, функционирует система рыночных и демократических институтов, восстановлено единое политико-правовое пространство. Вместе с тем в процессе определения приоритетов региональной безопасности необходимо учитывать реальное состояние экономики региона и социальной инфраструктуры, уровень легитимности социальных и экономических практик населения, эффективность институтов региональной власти. А также стратегии и формы социальной адаптации к меняющимся условиям (более подробно об этом изложено в работах А.В. Завьялов [2], В.А. Скуденкова [4], Ю.В. Борисовой и Е.С. Беляевой [1], О.А. Полюшкевич [3]). В целом можно констатировать, что становление системы национальной безопасности России на современном этапе происходит в условиях стабильного развития российской государственности, но ресурсные перекосы приводят к индивидуальным и групповым пересмотрам стратегий и условий проживания. Это приводит к оттоку основного населения из регионов и приходу на их места мигрантов, уменьшения квалифицированных кадров, увеличения «ресурсного придатка» регионов по отношению к центру и т.д. Если сегодня стратегия справедливого распределения всех ресурсных потоков не изменится, то нашу страну ждет социально-экономический и культурно-политический, а также инфраструктурный кризис.

Литература:

1. *Беляева Е. С., Борисова Ю. В. Трансформация политических институтов в современной России // Трансгрессия социокультурного пространства: V Всерос. науч.конф. : материалы / ФГБОУ ВПО «ИГУ» ; (под общ. ред. О.А. Эдельштейн, О.А. Полюшкевич).- Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. - С. 143-153.*
2. *Завьялов А. В. Мигрантофобия и гуманизм в миграционной политике // Социодинамика. – 2016. – № 9. – С. 52-66.*
3. *Полюшкевич О.А. Социальная солидарность в условиях политического консенсуса /// Культура политического консенсуса и толерантность в деятельности управленческих и общественных структур в условиях современных угроз и вызовов. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции. Иркутск, Изд-во ИГУ, 2017. – С. 189-195.*
4. *Скуденков В.А. Экономические притязания в кризисные моменты общественного воспроизводства // Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой: В 2 т. Т 2. – Н.Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2017 – С. 842-845.*

Борисова Юлия Владимировна,
Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

(Не)Справедливые условия национальной безопасности регионального развития

С момента формирования в России теории и практики национальной безопасности ее основными приоритетами являлись сохранение территориальной целостности государства, повышение экономического благосостояния населения и конкурентоспособности отечественной продукции, налаживание партнерских и добрососедских отношений с другими странами и региональными структурами. В рамках такой политики термин «региональная безопасность» употребляется применительно к внешним аспектам безопасности, а под регионом понимается группа государств, выделяемая на основе общих исторических, экономических и геополитических особенностей. Так, в основополагающих документах, определяющих региональные приоритеты РФ, говорится о Центральной и Восточной Европе, Америке, Ближнем Востоке, Западной Азии, Африке, Азиатско-Тихоокеанском регионе и др. Следовательно, определяются и национальные интересы страны применительно к данным регионам [1]. В то же время региональные аспекты обеспечения безопасности страны имеют и другое измерение — на внутригосударственном уровне. Однако они не получили должного внимания в процессе становления концептуальных основ национальной безопасности. В Концепциях национальной безопасности 1997 и 2000 гг., а также действующей Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г. нет ни слова о внутригосударственных составляющих региональной безопасности. Основное внимание в новой Стратегии уделено понятию «стратегические национальные приоритеты». Под ними понимаются «важнейшие направления обеспечения национальной безопасности, по которым реализуются конституционные права и свободы

граждан Российской Федерации, осуществляются устойчивое социально-экономическое развитие и охрана суверенитета страны, ее независимости и территориальной целостности. Однако, как справедливо отмечает И. В. Юрченко, в связи с многосоставным, мультикультурным характером российского общества важен не только общенациональный, но и региональный уровень безопасности. Ведь даже в условиях одного государства угрозы безопасности личности, социальных групп, населения отдельных территорий могут существенно различаться по своей природе и значимости [2]. В отечественной теории безопасности существует несколько подходов к пониманию феномена региональной безопасности в зависимости от выбора определения понятия «регион» или масштаба рассмотрения проблем региональной безопасности. Исходя из этого, понятие «регион» может пониматься в трех смыслах. Во-первых, регион может приравниваться к понятию субъекта РФ. Во-вторых, регион может обозначать некоторую территорию России, выделенную по критериям общности экономического и социального развития, как правило, включающую несколько соседних субъектов РФ (например, Сибирь или Дальний Восток). В-третьих, регион может употребляться как понятие, приравненное по своему содержанию к федеральному округу РФ. Соотнесение понятий «регион» и «субъект федерации» при анализе ключевых проблем безопасности вполне оправданно, поскольку федерализм рассматривается многими исследователями как фактор формирования системы национальной безопасности России [4]. Однако возможности федерализма пока не нашли должного отражения в теоретических рекомендациях относительно принятия и реализации решений по вопросам безопасности ни на федеральном, ни на региональном уровне. Использование потенциала федерализма в процессе оптимизации системы национальной безопасности возможно с учетом нескольких обстоятельств: федерализм позволяет обеспечить единство государства в условиях его территориальной организации на нескольких уровнях; содержит возможность совершенствования системы национальной безопасности во внутриполитической и международной сферах; федеративное устройство государства создает уникальную возможность организовать общественную жизнь так, чтобы в ней единичное (личностное), особенное (региональное) и общее (общегосударственное) свободно сочетались, дополняли и усиливали друг друга, сохраняя и укрепляя многообразную целостность. В то же время специфические особенности российского федерализма (различия в правовом статусе субъектов федерации, противоречия в системах законодательства федерации и ее субъектов, диспропорции в экономическом развитии и др.) на данный момент не позволяют в полной мере реализовать его возможности в процессе совершенствования системы национальной безопасности. Одной из ключевых проблем обеспечения безопасности федерации и ее регионов являются взаимоотношения федерального центра и субъектов федерации в экономической сфере. Экономическое пространство России характеризуется существенными различиями в социально-экономическом развитии регионов. Это обусловлено рядом причин, среди которых наиболее значимыми

являются наличие в составе РФ регионов с разной структурой экономики и со своим менталитетом населения и власти (так называемая «региональная идентификация», или «региональное самосознание»); серьезное ослабление регулирующей роли государства, фактическое правовое и экономическое неравенство субъектов РФ и др. Различия в социально-экономическом развитии регионов диктуют необходимость формирования модели управления региональной безопасностью на внутригосударственном уровне, а также условий, позволяющих реагировать на вызовы и угрозы. Отток всех ресурсов из региона в центр приводит к дестабилизации социальной инфраструктуры и региональной стабильности.

Литература:

1. *Антонова Л.Л., Полюшкевич О.А. Социокультурная солидарность и национальная безопасность России // В мире научных открытий. 2013. № 5.1 (41). С. 231-248.*
2. *Борисова Ю.В. Социальные и естественные предпосылки формирования территориального маркетинга // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке : Международная очно-заочная научно-практическая конференция. – Чита: ЗабГУ, 2017. – С. 121-127*
3. *Завьялов А.В. Социальная адаптация мигрантов в контексте современной миграционной политики России / А.В. Завьялов // Научное мнение. – 2016. – № 13. – С. 50-58*
4. *Скуденков В.А. Представления россиян о благосостоянии и успехе в период экономических санкций / В. А. Скуденков // DIXI – 2017 : идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях : сборник научных трудов : выпуск 7 / под науч. ред. д-ра социолог. наук А. Ю. Завалишина. – Хабаровск : РИЦ ХГУЭП, 2017. – С. 135-141.*

Ву Тау Дык,

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Социальная справедливость в России и обществах Юго-Восточной Азии (опыт сравнительного социологического анализа на примере Вьетнама)

В основе России как социального государства лежит равенство шансов и справедливость. Нередко равенство является источником конфликтов, несправедливости и неравенства, но преимущественно гармонии, согласия и справедливости. Проблемы социального неравенства в российском обществе имеют конкретные исторические корни, связанные с особенностями его исторического развития – Киевская Русь, Московское царство, Царская Россия, Советская Россия, Российская Федерация. На протяжении этих эпох вопросам социальной справедливости уделялось немаловажное значение, но в те времена, когда по ряду объективных причин повышался уровень несправедливости, как правило, происходили массовые волнения, возрастал уровень протестной гражданской активности. Отсутствие политики реконструкции сложившихся отношений усугубляло социально-политическую ситуацию. Проводимая в разные века политика реформ иногда дискредитировала замысел выстраивания общественных взаимоотношений на принципах справедливости. Удачный опыт строительства

социалистического общества в Советской России тому яркий пример, когда вследствие изменения социально-экономического курса в середине 80-х гг. XX в. при переходе от редистрибутивной к рыночной экономике блок социальных вопросов в пользу населения скорее не решался, чем решался [3]. Спустя три десятилетия на принципиально новом уровне органами государственной власти России актуализируются и относительно успешно решаются многие социальные проблемы в области образования и науки, медицины и здравоохранения населения [5]. Формируется новая система обеспечения социальной справедливости на основе признания, что неравенство индивидов в обществе является залогом его социально-экономического развития. Государство гарантирует реализацию гражданами своего права на бесплатное образование, медицинское обслуживание, труд, доступную ипотеку, охрану, получение государственных и муниципальных услуг. Наряду с этим, существует ряд проблем, требующих безотлагательное решение. Это жилищный вопрос, который остро стоит перед социальными (незащищенными) категориями населения, бедность, граничащая с нищетой, людей, находящихся на социально-экономическом дне общества, именно тех, которые не адаптировались к рыночным условиям. Эти и иные злободневные вопросы (коррупция, взяточничество и т.п.) находятся в фокусе внимания Президента РФ и Правительства РФ. С каждым годом вследствие последовательных их решений острота и накал социального настроения населения снижается [4]. Этого нельзя не заметить. Этому свидетельство более чем 80% поддержка россиянами своего лидера нации. С точки зрения гражданской добродетели социальная несправедливость, неравенство и массовая нищета с детства убивают человека как личность. Если личное достоинство – это внутреннее измерение, то уважение со стороны других и социальная защита – это показатель эффективности государственной власти страны. Проблема справедливости и равенства в России – это, скорее всего, моральная проблема, чем социальная, несмотря на то, что закон так же немало важен. Мораль моралью, но перед законами все равны. Особенно перед теми, которые не лишены моральной основы. Именно, этот приоритет на современном этапе является наиболее актуальным для страны как социального государства. Данный опыт очень поучителен для вьетнамского общества, в котором с каждым годом растет число социально-профессиональных и социально-политических организаций как проводников социально-экономических интересов масс [2]. Сложившаяся система политических и социально-политических институтов, включая государство, партию, Отечественный фронт Вьетнама и иные массовые общественно-политические организации все более отстаивают принципы социальной справедливости и равенства вьетнамцев. Построение и продвижение демократии в условиях рыночной экономики и государства социалистического правопорядка максимально основано на социально ориентированных экономических институтах, функционирующих под руководством Коммунистической партии Вьетнама. Удовлетворяя общественную потребность их усилия нацелены на процветание народа,

построение сильной страны, справедливого, демократического и цивилизованного общества. Справедливость и равенство в жизнедеятельности поддерживается двумя системами: политической системой – прямой системой реализации государственной власти; общественной системой – косвенной реализацией и обеспечением народной власти через развитие гражданских инициатив [6]. Вовлечение новых социальных сил в решение общественно-политических задач изменило однородность относительно традиционной политической системы. Представленность во власти единых национальных интересов обладает разнообразием и богатством интересов различных социальных групп. Современная социальная политика Вьетнама является основной движущей силой осуществляемых партией реформ [1]. Все они ориентированы на формирование, функционирование и развитие крупных общественных организаций людей в форме социально-экономических и профессиональных ассоциаций, предоставляющих деловые и социальные услуги в целях защиты законных прав и интересов своих членов. Так как, партия и государство напрямую не управляет этими организациями, но имеет тесные связи с ними, то законы, политика партии и государства реализуется непосредственно с правами и интересами членов ассоциации. В этом залог поддержания справедливости и равенства в пользовании благами общества.

Литература:

1. *Ву Куанг Хуан Механизм законотворчества во Вьетнаме: роль центральных органов исполнительной власти: монография. – Волгоград: Волгоградский гос. ун-т, 2015 – 271 с.*
2. *Китайские, вьетнамские, монгольские образовательные мигранты в академической среде: коллективная монография / Н. Л. Антонова и др.; науч. ред. Е. Ю. Кошелева. – Томск: Изд-во Томского политехнического ун-та, 2013. – 418 с.*
3. *Назаренко С.В. Институт интеллектуальной собственности как социальный контроль в экономике знаний / Экономика. Бизнес. Банки. 2017. Т. 4. С. 39-44.*
4. *Назаренко С.В. Механизм социального контроля в реализации демографической политики /Моделирование демографического развития и социально-экономическая эффективность реализации демографической политики России. Материалы международной научно-практической конференции. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Институт социально-политических исследований РАН. 2015. С. 76-89.*
5. *Оборский А.Ю. О роли духовных ценностей в развитии современной России / Военный академический журнал. 2015. № 1 (5). С. 146-147.*
6. *Чан Хьеп Отношения Вьетнама со странами АСЕАН (1967-1995 гг.): монография. – М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2002. – 87 с.*

Григорьев Святослав Иванович,
Институт художественного образования и культурологии Российской академии образования, Москва, Россия
Гуслякова Людмила Герасимовна
Алтайский государственный институт культуры, Барнаул, Россия
Говорухина Галина Владимировна
Алтайский государственный институт культуры, Барнаул, Россия

Показатели социальной справедливости в современном российском обществе

Сегодня в России вопрос о социальной эффективности и справедливости стал одним из ключевых для обеспечения стабильности и модернизации общества в контексте современных глобальных изменений и перспектив возрождения государства российского. Проблемы справедливости и эволюции жизненных сил человека принадлежат к разряду вечных, так или иначе, всегда актуальных. Другое дело, что острота интереса к ним и их взаимосвязь далеко не всегда понимались и понимаются адекватно социальному времени бытия государств и народов, жизни отдельного человека. Более того, социальная справедливость в новой и новейшей истории человечества далеко не всегда и не в полной мере характеризовалась в контексте проблем формирования и защиты, реализации жизненных сил человека, его потенциала жизнеосуществления, развития индивидуальной и социальной субъектности [5]. Наши исследования убедительно показали не только особую возросшую актуальность рассматриваемой проблематики, но и взаимозависимость решения задач жизнеобеспечения, сохранения жизненных сил человека и общества, решения целого комплекса вопросов справедливости их жизни [1-3]. Для каждого возраста, на разных этапах общественного развития существует «свой» тип фиксации и осмысления одних и тех же социальных процессов и явлений на уровне обыденного сознания. Наиболее распространенными представлениями о справедливости всегда были представления, связанные с пониманием характера нормы в регуляции общественных отношений. В соответствии с этим можно выделить следующие типы представлений о справедливости: во-первых, морально-этический, предполагающий характеристику справедливости на основе идеальных моральных и религиозных норм и принципов соответствующих систем ценностей. Во-вторых, правовой – регулятивный тип, в рамках которого справедливость рассматривается, с точки зрения осуществления законности, равноправия, действия правовых норм и предписаний. Справедливость здесь обычно отождествляется с законностью. В-третьих, социально-экономический, которому сопутствует уравнительно-распределительный оттенок. Важнейшим принципом здесь признается либо равное распределение, либо

распределение по труду. В-четвертых, понимание справедливости, основывающегося на признании необходимости утверждения роли каждого человека, группы как хозяина условий своего бытия, активного полноправного участника социального творчества. Кроме того, проявляются два уровня представлений о справедливости, как нормативный, фиксируемый вербально, так и прагматический, инструментальный, выявляемый в процессе сопоставления различных данных общественного мнения о мотивах действий и поведения человека, его ориентаций и оценок. Ситуативность и инструментальность в какой-то степени образуют как бы относительно самостоятельный уровень ситуативной, инструментальной нормы как основы формирования представлений о справедливости и определенного поведения [4]. Социальная эффективность и справедливость развития современной России, в главном, обеспечивается деятельностью по основным направлениям их осуществления, реализации в исторически конкретном общественном и социально-территориальном пространстве. В этой связи, прежде всего, необходимо учитывать развитость социального пространства, инфраструктуры региона, в котором проживает население, объем ресурсов жизнеобеспечения, которыми располагает регион, а также механизм, характер и масштабы их воспроизводства. Взаимозависимость жителей региона по поводу его жизненных ресурсов, пространства жизни является основой воспроизводства базовых первичных социальных отношений владения, использования, распространения и распределения, присвоения, потребления. Эти отношения, развертываясь в основных сферах жизни людей, в каждом социально-территориальном пространстве, составляют основу развития здесь политических, экономических, духовно-культурных, социально-бытовых и социально-экологических отношений людей. Основной вектор и характер их развития определяется, с одной стороны, государством и господствующим в нем типом собственности, а с другой – активностью, дееспособностью населения, его элитных групп, профессиональных и политических сообществ, в том числе – на региональном уровне. В этой связи важное значение приобретает развитость человеческого фактора, а также жизненных сил населения. Их характеристика и развитие –значимый показатель для определения социальной эффективности и справедливости развития общества. При этом речь идет не только о показателях индекса человеческого потенциала (ИРЧП), но и о всей системе показателей развития человека как биопсихосоциального существа, участвующего в развитии основных сфер общественной жизни, об его всестороннем развитии, физическом, психическом и социальном здоровье. Стратегически важно, что в основу определения показателей социальной эффективности и справедливости развития общества закладываются, во-первых, характеристики развитости социального пространства жизни людей, его жизненные ресурсы, позволяющие воспроизводить людям свою жизнь всесторонне и эффективно с учетом потребностей общественного и государственного развития; во-вторых, речь идет о развитости человека как участника жизнедеятельности, актора, действующего, так или иначе, во всех

основных сферах общественных отношений. По существу, базовым критерием оценки общества как справедливого или несправедливого является уровень социальной культуры людей, разностороннее развитие их жизненных сил.

Литература:

1. *Григорьев С.И. Представления о смысле жизни и справедливости в современной России как проблема упрочнения ментальных основ социальной защиты населения / С.И. Григорьев // Социальная работа. Вып. 10. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 1994. – С. 143-151.*
2. *Григорьев С.И. Представления о социальной справедливости в обыденном сознании молодежи / С.И. Григорьев, Л.Г. Гуслякова // Ценностные аспекты общественного сознания : межвуз. сб. науч. статей. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1990. – С. 12-19.*
3. *Григорьев С.И. Представления о социальной справедливости в современной России / С.И. Григорьев, Л.Г. Гуслякова // Социальные силы славянского мира XXI века : международный научно-практический журнал. – 2014. – № 3-4. – С. 77-84.*
4. *Григорьев С.И. Социология справедливости : учебное пособие / С. И. Григорьев, Л.Г. Гуслякова, С.В. Миронова. – Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2015. – 98 с.*
5. *Григорьев С.И. Справедливость и социальная эффективность муниципального и регионального развития современной России: концептуальные основания и практическая актуальность проблемы / С.И. Григорьев // Муниципальный мир. – 2007. – N 3-4. – С. 33-37.*

Гримов Олег Александрович,

Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия

Социальная несправедливость и её сетевое измерение

Социальная несправедливость является одной из актуальнейших проблем современности, для решения которой необходим комплексный подход, обеспечиваемый всесторонним анализом сущности предмета. В дальнейшем мы рассматриваем социальную несправедливость в её связи с социальным неравенством. Современный этап развития общества, характеризуемый, в том числе, экспоненциальным ростом информационно-коммуникативных технологий и их повсеместным распространением, по-новому ставит вопрос о социальном неравенстве в информационном пространстве, в частности, в социально-сетевом. В условиях социально-сетевой коммуникации концепт социальной несправедливости и социального неравенства приобретает новое значение. Наиболее очевидное проявление социальной несправедливости в информационной сфере состоит в очевидной констатации онтологического факта естественного расслоения и неравенства, допускающего, в то же время, лифты и каналы сетевой мобильности. Данное неравенство является естественным и объясняется различным индивидуальным или групповым уровнем информационно-коммуникативной культуры (в частности, информационной и коммуникативной грамотности). Обладая различным уровнем владения информационно-коммуникативными навыками, Интернет-пользователи – или, шире говоря, субъекты коммуникативного действия – обладают неравными возможностями

включения в сетевую коммуникацию. В данном случае неравенство может иметь естественные (физиологические, интеллектуальные, когнитивные и т.д.) причины, являясь адекватным системным процессом.

Однако, социальное неравенство в информационном пространстве, может проявляться также в социальной несправедливости, носящей ярко выраженный негативный смысл. Несправедливость в сфере социально-сетевой коммуникации определяется степенью вовлечённости, включённости в сеть, или, пользуясь терминологией Дж. Рифкина, уровнем доступа. В качестве препятствия включённости в сеть можно выделить различные социальные, политические, технологические, дискурсивные механизмы и фильтры эксклюзии и цифровой стигматизации определённых коммуникативных субъектов (отдельных индивидов, социальных групп и слоёв).

Данные фильтры ограничивают сетевую мобильность, которая заключается в изменении субъектом своего сетевого статуса, места в распределении реальных и символических благ сетевой коммуникации. Отдельно стоит отметить политические фильтры, когда речь идёт о более высоком уровне политической субъектности. В таком случае контуры цифрового неравенства и несправедливости задаются на уровне государственной субъектности, на уровне выработки национальной стратегии или доктрины информационной безопасности, ограничивающей интеграцию в единое сетевое информационное пространство других политических сил - посредством введения определённых запретов, блокировок Интернет-ресурсов, а также навязывания определённых технологических стандартов, рыночного продвижения информационных систем и гаджетов. Важнейшим вопросом является выработка системы мер по искоренению социальной несправедливости и социального неравенства в сетевом пространстве, что может достигаться путём культурной, социальной и политической плюрализации. Механизмы преодоления социальной несправедливости в социально-сетевом пространстве также могут быть основаны на развитии новых актуальных форм сетевого взаимодействия, свободном и равном доступе к различным информационным и социокультурным артефактам, частичной девальвации социальных конструктов и развитии новых форм накопления символического капитала.

Гульбангян Сарибек Михайлович,
Совет ТОС "КСМ", г.Сочи, Россия

Общественная самоорганизация как фактор развития гражданского общества

Современные научные и практические исследования свидетельствуют о том, что одним из наиболее важных свойств общества как социальной

системы являются процессы самоорганизации. Наиболее очевидно они проявляются в развитии институтов гражданского общества. Неразвитое гражданское общество создает комплекс угроз национальной безопасности России, снижает степень влияния общества на власть, деформирует структуру управления, позволяет чиновникам на местах злоупотреблять своим положениям. Поэтому вопрос самоорганизации общества становится на сегодняшний день чрезвычайно важным как с теоретической, так и с практической точек зрения.

Процессы самоорганизации имеют сложную социальную природу и подвержены влиянию множества факторов, что приводит к стихийности и нелинейности их протекания в условиях современного этапа развития социальной системы. Поэтому процессы самоорганизации в развитии институтов гражданского общества могут иметь разную направленность. С одной стороны, самоорганизация может привести к появлению новых структур гражданского общества, позитивно влияющих на его развитие. С другой стороны, этот процесс может сопровождаться неконтролируемой собственной динамикой и даже хаосом.

Под общественной самоорганизацией чаще всего понимается объединение граждан в группы с целью удовлетворения индивидуальных потребностей, интересов, целей и т.д. для защиты своих прав и собственности. Под такими группами можно понимать партии, общественные объединения, организации территориального общественного самоуправления, научные учреждения, клубы и другие типы организаций.

В то же время важно учитывать, что современное общество представляет собой весьма сложную самоорганизующуюся систему, в которой в разной степени сочетаются механизмы низовой самоорганизации и административного принуждения извне, институты непосредственной демократии и гражданского общества и давление государственной вертикали власти. От сочетания этих противоречивых тенденций, обусловленных культурными, политическими и экономическими особенностями каждого конкретного социума, его менталитетом и цивилизационной спецификой, во многом зависят его тип и динамика развития.

В российских условиях, как это отмечается в большинстве научных исследований, достаточно слабы тенденции низовой самоорганизации общества, что объясняется историческими причинами, в частности, тем, что его интегратором выступает жесткая вертикаль власти, действуя, как правило, авторитарными методами и присваивая себе большую часть ресурсов.

Однако тенденция общественного развития на современном этапе свидетельствует об усложнении общественных связей под влиянием интенсификации социальных процессов, увеличения субъектов, включенных в них, потоков информации, глобализации общества и иных социальных процессов. Следствием этого является усложнение процессов самоорганизации общества, возникновение ее новых форм и придание иных качественных характеристик существующим. Тенденции общественного развития выдвигают новые требования и к ее познанию, предлагая

достижения научной мысли к переосмыслению социальной действительности.

Современное состояние российского общества только подтверждает утверждение о важной роли в развитии социальной системы процессов самоорганизации и ее эволюции в процессе исторического развития. В то же время динамика социальных трансформаций и стремление государства в формировании гражданского общества наталкиваются на проблему нарушения самоорганизационных свойств социальной системы, без которых дальнейшее ее развитие фактически замедляется и не отражает реальных потребностей социальной системы. В результате социальная нестабильность накапливается и может привести либо к социальной дезинтеграции общества и его распаду, либо к социальному конфликту, в результате которого происходит смена социальных институтов. Разрешение данной ситуации возможно через восстановление свойств общества к социальной самоорганизации, что возможно только через осмысление современного состояния данных процессов и выявления нарушений естественных механизмов.

Создание и поддержание государством системы самоорганизации граждан на местном уровне приведет к усилению институтов гражданского общества и его включению в полноценный процесс управления государством.

Даллакян Карлен Ашотович,
Уфимский юридический институт МВД РФ, Уфа, Россия

Террор и социальная несправедливость

Общеизвестно, что одним из оснований терроризма является социальная несправедливость, однако не менее справедливо и обратное утверждение. В основании социальной несправедливости нередко находится политика террора. Узурпация власти посредством силы и угроз, с привлечением во властные структуры людей по принципу личной преданности, характерная для потестарной формы организации общества, представляя собой не что иное, как террор, порождает в свою очередь сопротивление, нередко в качестве террористических актов.Не случайно, что террор как форма социальной экзистенции более характерен для обществ с неразвитым государственным устройством, то есть для потестарной формы организации власти[1]. В основании террора почти всегда находится великая идея и, как правило, это идея социальной справедливости и несправедливости. Террористы пытаются, как они считают, восстановить попранную справедливость посредством насилия. Обычно говорят, что в этом случае исполнителей великой идеи подводят средства. Порой действительно великая, но абстрактная идея, прекрасно звуча, таит в себе скрытую угрозу насилия, так как не может быть в конкретно-исторический

период осуществлена. И виной этому не царь и не Бог, и не сама эта идея, а отсутствие объективных условий ее реализации, а порой и вовсе неправильное понимание этой идеи. Это еще раз доказывает известное положение, что истина всегда конкретна. «Гегель видел, что абстрактность якобинских принципов таила в себе террор», – пишет А. Камю [2. С.221]. По Гегелю, идея абсолютной свободы, будучи слишком абстрактной, приводит к террору. То же самое характерно и для абстрактно понятой идеи социальной справедливости. Воистину, благими намерениями... Необходимо стремиться к конкретному обществу, гармонично сочетающему в себе свободу и необходимость. Однако и это не всегда позволяет избежать террора, как показала российская история.. Вместе с Наполеоном и Гегелем, этим Наполеоном от философии, – пишет А. Камю, – начинаются времена эффективности…Дух бунта вскоре потерпит глубокую трансформацию» [2.С.222]. Согласно А. Камю, именно на гегелевской диалектике, причем с акцентом на борьбе противоположностей и на отрицании как универсальном законе развития, зиждется идеология террора. «Нужно уничтожить тех, кто уничтожает идиллию, или уничтожать ради сотворения идиллии. Гегелевское преодоление Террора завершается только его расширением» [2.С.273]. Если обратиться к этимологии, то слово «справедливость» означает «быть с праведностью», вести себя праведно, правильно, то есть в соответствии с правилами, правом, нормами, законами. Поэтому «справедливость» представляет собой понятие, отражающее оценку социального поведения. Справедливым может быть только поступок человека, причем в глазах другого социального субъекта – человека, группы людей, класса, государства, человечества, в конце концов. Не может существовать абстрактной всеобщей, вселенской справедливости. Однако люди, отчаявшись в ожидании справедливости от государства, его законов, обращаются к Богу. Многие религии основаны на принципе справедливости. Для Иудаизма, например, основным принципом является справедливость как воздаяние по заслугам: кто что заслужил, тот это и получит. Христианство противопоставило справедливости любовь и милосердие. Порой справедливее было бы наказать, но великодушнее простить. Ненависть деструктивна, даже если она справедлива. Однако идея любви к ближнему, идея жертвенности во имя этой любви претерпела некоторую метаморфозу, впрочем, так же, как и многие великие идеи. Не правильно понятая она превратилась в идею самоотречения человека от всех радостей жизни, вплоть до самой жизни. Так, вера и любовь к собственному народу, превратившись в высшую гипертрофированную ценность, парадоксальным образом стала в дореволюционной России одним из идейных оснований терроризма [3.С.84,299].Так смерть становилась желанной, как средство приобретения не только путевки в вечную жизнь, но и смысла жизни. Однако, тот, кто с мечом в руке пытается воцарить справедливость здесь и сейчас, не только не верит в Бога, но и отвергает его, будучи активным богоборцем. Убийство человека – есть, прежде всего, убийство Бога в себе, но прежде убийство собственной души. Следовательно, террор – всегда богоубийство, теоцид. В какие бы

одежды он не рядился. Служение великой идее прямолинейно, однозначно мыслящих людей часто превращается в параноидальную от нее зависимость. Террор идеи трансформируется в идею террора. Это прекрасно иллюстрирует идея марксизма, унесшая миллионы жизней, превратившись в квазирелигию свободы, равенства и справедливости. Поэтому противодействие социальной несправедливости может идти только через развитие гражданского общества, способного контролировать деятельность властвующих субъектов.

Литература:

1. *Даллакян К.А. Террор как форма социальной экзистенции. Уфа: УЮИ МВД РФ, 2016. 150 с.*
2. *Камю А. Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990. 415 с.*
3. *Сазонов Е.С. Письма Егора Сазонова к родным. 1895 – 1910 гг. М., 1925.*

Евсеева Лидия Ивановна,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия
Шипунова Ольга Дмитриевна
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия
Тараканова Тамара Сергеевна
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

Технологии «обратной связи» в политике в условиях модернизирующегося общества

Трансформирующиеся условия развития привели к ключевым переменам в системе политических отношений. Традиционная часть общества удовлетворена тем, что власть и сегодня действует авторитарными методами, несмотря на декларацию социальных приоритетов в политике. Коммуникативное воздействие при этом носит односторонний характер, а обратная связь не имеет принципиального значения. Либеральная часть общества, желающая стать равноправным с властью субъектом совместного исторического творчества и сопротивляющаяся волюнтаристским действиям власти, готова вести диалог. В настоящее время взаимодействие власти и общества усиливает роль обратной связи [1, С. 72]. Обратная связь должна играть в политической системе стабилизирующую роль. Однако, использование механизма обратной связи в России не слишком широко распространено, и осуществляется в большинстве лишь в период избирательных кампаний. Хотя, применение мобильных и сетевых технологий в политике помогает обществу выйти на новый уровень взаимодействия граждан с государственными институтами власти. Использование Интернет-коммуникаций и информационных технологий в политической практике предоставляет широкие возможности для участия граждан в процессе принятия политико-управленческих решений и является

важным элементом демократизации политических институтов [2, С. 41]. Базовыми предпосылками формирования устойчивой политической системы выступают информационные обмены. Мобильные интернет-технологии и устройства повлияли на достаточно широкий спектр политической жизни, в том плане, что «многочисленные группы и отдельные граждане» получили право голоса и эти права расширили, а также увеличился диапазон возможностей прогрессивных групп» [3, С. 405]. Это делает возможным как модернизацию уже существующих, традиционных форм диалога властных структур с гражданами, так и появление качественного нового типа властных отношений − электронного правительства (e-goverment) и электронной демократии (e-democracy). Их становление означает кардинальный пересмотр ценностей государственного управления, ориентацию на открытое демократическое общество, в котором гражданская и научная экспертизы деятельности органов государственной власти способствуют принятию эффективных управленческих решений. В процессе осуществления политической коммуникации Интернет играет важную демократическую роль в политической культуре государства [4, С. 240] . Многие политические лидеры и партии давно активно осваивают Интернет-пространство, создают собственные интернет-сайты, общаются со своими сторонниками через «Твиттер» и другие социальные сети. Так, активными пользователями Интернета является председатель правительства Д. Медведев и другие российские политики. Уже стало распространенной практикой появление самых «горячих» сообщений именно в интернет-блогах известных политиков и бизнесменов, а уже затем их дальнейшее распространение другими СМИ. Коммуникативное интернет-пространство неоднородно, его основными характеристиками, на наш взгляд, являются открытость доступа к данной части пространства, степень интенсивности коммуникации и «вид собственности» [5, С. 126]. Снижение интереса к политике среди населения, с одной стороны, вызывает тревогу среди политиков, поскольку от его политического участия зависят процессы формирования политической власти, легитимации и функционирования политических режимов. С другой стороны, такая ситуация может устраивать властные структуры, поскольку молчаливое согласие большинства населения, не интересующегося политикой, развязывает ей руки. В России новые технологии также стали оказывать все большее влияние на общественную жизнь, порождая и поощряя политическую активность с использованием сетевых ресурсов для поиска сторонников, агитации, распространения актуальной информации [6, С.185]. Технология совместной выработки политического решения властью и обществом может быть воплощена в практике краудсорсинга, особенностью которого является использование ресурса общественности в качестве эксперта в определении эффективных управленческих практик. На данный момент одной из самых крупных российских политических краудсорсинговых площадок является «Российская общественная инициатива» (РОИ)— это ресурс, с помощью которого граждане России, (авторизованные через ЕСИА) могут выдвигать различные гражданские

инициативы, а также голосовать за них. Сегодня одним из наиболее актуальных направлений российской государственной политики является борьба с коррупцией. Организован проект «За честные закупки» - открытая интернет-площадка для борьбы с коррупцией, расточительством и неэффективным использованием бюджетных средств в сфере государственных закупок. Его деятельность - яркий пример успешной площадки политического краудсорсинга, направленной на решение задачи общественного контроля за исполнением федерального законодательства государственной властью. Поднимая вопрос о тенденциях модернизации диалога между властью и обществом в России, на наш взгляд, следует отметить, что коммуникативная деятельность, осуществляемая в настоящее время органами государственного управления, демонстрирует факт осознания властными элитами необходимости организации многоаспектного взаимодействия с общественностью в процессе становления и развития в стране демократических институтов, формирования гражданского общества.

Литература:

1. *Shipunova O.D., Timermanis I.E., Evseeva L.I. Political System Legitimation in Network Society //Review of European Studies, 2014, Vol. 6, No. 4. Published by Canadian Center of Science and Education. Pp. 69-73. doi:10.5539/res.v6n4p69*
2. *Евсеева Л.И. Коммуникативные ресурсы легитимации политических отношений //Петербургская Весна Культуры: материалы XIV международного форума. Санкт-Петербург, 19–20 мая 2016 года / под ред. Шипуновой О.Д. - СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2016. С. 35-41.*
3. *Политология: учебник для бакалавров /под ред. И.Е. Тимерманис. М.: Издательство Юрайт, 2016. 701 с. - (Серия : Бакалавр. Академический курс). ISBN:978-5-9916-2397-1.*
4. *Тараканова Т.С. Ключевой элемент инфраструктуры электронного правительства в стратегии развития информационного общества в России / Коммуникативные стратегии информационного общества: Труды Междунар. науч.-теор. конф. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2013. С. 240-241.*
5. *Быльева Д.С. Сеть интернет как новый тип пространства // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2016. 2 (244). С. 124-130. DOI 10.5862/JHSS.244.15*
6. *Танова А.Г. Современные информационные технологии как средство мобилизации политической активности //Коммуникативные среды информационного общества: тренды и традиции: Труды Международной научно-теоретической конференции /Ответственный за выпуск О.Д. Ш*

Ежов Сергей Петрович,

Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет), Санкт Петербург, Россия

Аскеза и стратификация российского общества.

Социальное неравенство - проблема объективная, а её степень субъективна.

Задачей автора является попытка не только понять столь несправедливое расслоение российского общества, но и осмыслить тренд его углубления.

Действительно, в СССР в 1980 году соотношение между доходами 10% самых богатых и 10% самых бедных граждан было 1:3. В 2000 году разрыв в доходах самых бедных и самых богатых составлял в 13,9 раз, а в 2015 году уже в 15,6 раз. Экспертные оценки фактически удваивают этот разрыв. Коэффициент Джини в 2000 году составлял 0,395, а в 2015 вырос до 0,412. На наш взгляд, непосредственной причиной столь печальных результатов явилась экономическая политика проводимая с начала 90-х годов XX века в России. Американские экономисты К.Макконнелл и С.Брю дают её определение:"экономическая политика-курс действия, ставящий своей целью скорректировать проблему или избежать её возникновения". Возникает вопрос -почему не удалось и не удается существенно её скорректировать?

Стремление к наживе без ограничений, отбросив этические нормы -вот ответ на этот вопрос.Формирование "дикого капитализма" выдавалось за естественный процесс "первоначального накопления капитала; ничего, "перемелится и мука будет". Описывали три этапа развития общества: начальный -бедные люди в бедной стране, второй -богатые люди в бедной стране и третий - богатые люди в богатой стране. Формирование мировоззрения экономического человека проанализировано в классической работе М.Вебера "Протестантская этика и дух капитализма": "...мы считаем возможным утверждать, что мирская аскеза протестантизма со всей решительностью отвергала непосредственное наслаждение богатством и стремилась сократить потребление, особенно когда оно превращалось в излишества. Вместе с тем она освобождало приобретательство от психологического гнёта традиционалистской этики..." [1,121].

Вера в строгие моральные принципы и нормы, вера в трудолюбие, в свои собственные силы -вот образ экономического человека создавшего капиталистическое общество. Вывод: без трудовой этики,без осознания потребности в добровольном самоограничении каждого сильноресурсного актора мы обречены не только к дальнейшему социальному расслоению, но и к истощению человеческих и всех остальных ресурсов страны.

Литература:

1. *Вебер М. Избранное:Протестантская этика и дух капитализма.-2-е изд.,доп. и испр.-М.:"Российская политическая энциклопедия"(РОССПЭН),2006.-656 с.*

Ежов Дмитрий Александрович,
Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

О свободных и справедливых выборах как атрибуте демократии

Свободные и справедливые выборы – важнейший атрибут демократии. Согласно общепринятым представлениям, справедливые выборы предполагают обеспечение со стороны государственной власти всеобщего равного избирательного права, а также равных прав и возможностей

участников выборов во время проведения избирательной кампании; соблюдение и защиту избирательных прав. Этот факт неоспорим, и вряд ли целесообразно подвергать его какому бы то ни было обсуждению. Однако время идет неумолимыми темпами, трансформируется восприятие демократии, а избирательный процесс все более подвержен технологизации. В современных условиях новое звучание обретает проблема обеспечения свободных и справедливых выборов, и центральное значение в соответствующем контексте имеет непосредственное восприятие семантической составляющей справедливости общественным сознанием, соотносимой с выборами как волеизъявлением граждан. Институциональное измерение справедливых выборов с точки зрения обеспечения права выбора имеет место быть в демократических государствах, но, как демонстрирует современная электоральная практика, возможность реализации соответствующего права везде различна. Так, наиболее характерным примером стала ситуация с непризнанием официальными властями Испании итогов референдума в Каталонии, состоявшемся 1 октября 2017 г.. Наряду с признанием значения институционального измерения справедливых выборов как атрибута демократии полагаем оправданным акцентировать внимание на другой стороне рассматриваемого явления, представляющей собой совокупность суждений, мнений и оценок о степени справедливости выборов, находящих отражение в общественном сознании, что, в конечном счете, сказывается на признании демократических процедур как легитимных или, напротив, нелегитимных. Сконцентрируемся на нескольких тезисах, раскрытие которых позволит нам выявить восприятие справедливости выборов в обществе. Тезис первый. Степень самостоятельности выбора коррелируется с восприятием справедливости выборов. Голосование избирателя на выборах любого уровня является актом свободного волеизъявления гражданина, как и участие или неучастие в них. Естественно, избиратель самостоятельно принимает решение, идти ли ему на избирательный участок и за кого голосовать. Однако соответствующее решение формируется под воздействием со стороны средств массовой информации, а также влиянием предвыборной агитации, манипулятивных и административных технологий, что дает нам определенные основания рассматривать в данном контексте степень самостоятельности выбора как объективно выраженную, но технологически ограниченную. При этом важным представляется отметить, что избиратель при осуществлении выбора об этом не задумывается и рассматривает сформировавшуюся позицию исключительно как свою собственную. Соответственно, общественное сознание степень восприятия самостоятельности выбора как технологически ограниченную если и воспринимает, то на номинальном уровне. Тезис второй. Степень конкурентности выборов коррелируется с восприятием справедливости выборов. Чем больше представителей различных политических партий и движений допускается к участию в избирательной кампании, и, соответственно, чем больше зарегистрированных кандидатов, тем выше степень конкурентности выборов. Однако количество не всегда

соотносится с качеством, и в большинстве случаев, принцип «равный среди равных» среди участников выборов с точки зрения способности последних к реальной, а не формальной соревновательности срабатывает далеко не всегда. В результате возникающей рефлексии в сознании электората генерируется восприятие спектра участников изначально конкурентной избирательной кампании как «несправедливого», что порождает суждения о безальтернативных выборах и подобных мало объяснимых с точки зрения политической теории явлениях. Тезис третий. Результаты выборов коррелируются с восприятием справедливости выборов. Результаты выборов являются отражением воли избирателей. В современном и, в особенности, российском обществе распространено мнение, что на итоги выборов повлиять никаким образом нельзя, по той причине, что они заранее предрешены. Такая позиция обуславливает возникновение абсентеистских настроений, хотя и базируется на заблуждении, имеющем, в определенном смысле, характер мифа и находящем свои истоки в особенностях политико-правовой культуры российского социума. Абстрагируясь от сказанного выше, заметим, что в большинстве случаев отдельными группами избирателями результаты выборов, вне зависимости от объективности подсчета голосов, будут считаться «недостаточно справедливыми» в силу поляризации электората. Исключением из правила при этом может являться предельная степень общественной консолидации и беспрецедентный уровень поддержки лидера предвыборный гонки, в той степени, в какой генезис подобной ситуации могут предполагать демократические политические системы. Актуальные тенденции в развитии политического и избирательного процесса не в состоянии нивелировать такие ценности, как право избирать и право быть избранным. Доминирующий характер восприятия справедливости выборов общественным сознанием вызван латентными склонностями к поиску изъянов в организации избирательного процесса по причине недоверия к институтам власти. Механизмом искоренения данного тренда может являться углубление курса на повышение степени открытости и прозрачности выборов.

Елдикова Арина Тарасовна,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия

Социологическое понимание социальной справедливости и равенства: сравнительный анализ традиционного и инновационного подходов

Государственная политика любой из 248 стран современного мира не только немыслима, но и продемонстрирует всему мировому сообществу свою несостоятельность, если не будет построена на принципах социальной справедливости и равенства [2]. Социально-философские традиции

теоретической интерпретации данных феноменов-принципов указывают на, до сих пор не решенную, дилемму: справедливость – это объективная реальность общества или субъективная реальность личности, индивидуальное, субъективное представление человека о должном или идеальном, которые неизбежно у людей из разных социально-демографических, профессионально-трудовых, культурно-просветительских и иных групп – относительно типично, но различно. В исследовательских поисках мыслители древних миров предпринимая попытки конструирования социальных технологий обеспечения общественного порядка признавали и учитывали важную роль морального обоснования справедливости и равенства. «Платоновская» традиция дифференциации равенства аргументированное этому подтверждение. Если на равенство по числу – это равенство возможностей (шансов), то равенство по достоинству – это справедливость в распределении (пропорциональном или непропорциональном, равномерном или неравномерном) результатов труда, то есть благ между участниками общественного производства. Если эгалитарной справедливости присуще равномерное, то элитарной – все иные альтернативные формы распределения благ [3]. В доиндустриальном (традиционном) обществе – обществе закрытого типа, непреодолимыми барьерами блокировалось, не допускалось и запрещалось мобильное перемещение людей из одного класса (сословия, слоя / страты) в другой. Люди, рождаясь с предопределенной судьбой, максимально ограничивались в своих правах, что в современном понимании ни о каком соблюдении равенства и справедливости в этих обществах не может быть и речи. Социальные настроения из века в век все более становились противоречивее и напряженнее. Кризис веры, а связанный с ним кризис понимания справедливости (того, что так было всегда и иначе быть не может, ничего изменять нельзя, да и это никому не нужно) в эпоху Возрождения инициировали разрыв традиционных устоев и прорыв в осмыслении места человека в обществе, в котором что-то устроено неправильно. Именно с индустриальным обществом люди начали отождествлять новый порядок общественной жизнедеятельности, а также отрицать старую иерархию отношений и своего положения в структуре общества [4]. С индустриальным обществом люди связали свои надежды и ожидания, что человек может занять своё место не по праву рождения, а потому что он умнее, талантливее, трудолюбивее, и поэтому у него есть шанс подняться по социальной лестнице, выйти наверх – в элиту общества, а самое главное – добиться успеха. В связи с этим, становится все популярнее мнение, что все, без исключения, люди равны в своих правах и равны перед законом [1]. Так, общественно значима стала сфера равенства – право индивида как человека и как гражданина на возможность: а) бездействовать или действовать; б) действовать в своих интересах или в интересах других; в) действовать в интересах других, принося социальный вред или социальную пользу; г) действовать традиционно или как-то особенно, по-новому – инновационно. Предоставленная человеку возможность реализовать свою веками

удерживаемую предрасположенность и подготовленность к труду легла в основу индустриального прорыва. Не нормативное (традиционное), а отклоняющееся от норм традиций трудовое поведение стало предпринимательским, которое позволило в условиях рыночного обмена дифференцировать людей на успешных и неуспешных, конкурентоспособных и неконкурентоспособных, богатых и бедных [5]. Морально-нравственное осмысление сложившейся новой социально-экономической ситуации продолжило логический ряд дифференциации людей на законопослушных и преступников, счастливых и несчастных, здоровых и больных, и т.п. Результатом осмысления стало общее понимание, что если государство не будет обучать молодое поколение и заботиться о пожилых людях, то будущего у него не будет [6]. Следствием эпохи «дикого» мануфактурного капитализма стран Старого и Нового света стало начало институционализации двух альтернатив общественного развития: первая – государственного капитализма, основанного на праве человека на частную собственность, средства производства и возможность взаимодействия с другими по обмену результатами труда на принципах рыночного саморегулирования (спрос определяет предложение); вторая – государственного социализма, основанного на праве человека на личную собственность, на труд и возможность взаимодействия при распределении благ между участниками общественного производства на принципах государственного регулирования экономикой (от каждого по способностям, каждому по потребностям). Обеим альтернативам присущи преимущества и недостатки, но современная мировая практика свидетельствует, что устойчивость общественного порядка обеспечивается, если на общественном уровне реализуется идея солидарной системы социальной ответственности государства – поддержки, защиты, помощи, а также выплат пенсий, убсидий, дотаций нуждающимся в них гражданам [5]. Итак, в настоящее время неравенство выглядит более справедливым, чем раньше, так как в значительной мере обусловлено не предписанным, а приобретенным статусом человека и его способностями, талантами, образованностью, личными достижениями – результатами труда.

Литература:

1. *Анисимова Г.В. Социально-экономическое неравенство: тенденции и механизмы регулирования: монография. – М.: ЮНИТИ: Закон и право, 2010. – 167 с.*
2. *Исмаилов Н.О. Концепция справедливости: монография. – М.: ЦИУМиНЛ, 2014. – 207 с.*
3. *Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Модерн и процесс индивидуализации: исторические судьбы индивида модерна: монография. – М.: Праксис, 2017. – 491 с.*
4. *Назаренко С.В. Современный тренд социального контроля и управления: теоретическая интерпретация / Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 16-34.*
5. *Назаренко С.В. Социальный контроль девиаций и инноваций как источников изменения общества: теоретическая интерпретация / Социальные изменения в современном обществе: коллективная монография. Ульяновск, 2016. С. 108-122.*
6. *Новиков А.В., Оборский А.Ю. Некоторые методологические подходы к оценке справедливого возмещения «стоимости жизни» в связи с гибелью человека в чрезвычайных ситуациях / Право и образование. 2015. № 12. С. 84-88.*
7. *Шиняева О.В. Социальное неравенство и здоровье молодого поколения россиян: монография. – Ульяновск: УлГТУ, 2010. – 168 с.*

Епархина Ольга Валерьевна,
ЯГПУ им.К.Д.Ушинского, Ярославль, Россия
Титова Людмила Григорьевна
ЯГПУ им.К.Д.Ушинского, Ярославль, Россия

Справедливость как социальный проект современной России

Справедливость в настоящее время является одним из ключевых концептов, с помощью которых общественными институтами и индивидами конструируется социальная реальность. Являясь одним из наиболее распространенных общественных идеалов, она меняет свое содержание непрерывно в зависимости от исторического контекста. На практике чаще всего данный идеал реализовывался как равенство всех граждан перед законом, обеспечение гарантий жизнедеятельности человека, определенный уровень социальной защиты. В общественном сознании россиян, по данным социологических опросов, осуществление принципа справедливости коррелирует с достойной заработной платой и обеспечением права на труд для всех трудоспособных граждан, социальным обеспечением инвалидов, сирот, матерей с детьми и престарелых, а также со свободным доступом граждан к образованию, культуре, здравоохранению. Однако, современная рыночная экономика воспроизводит социальную несправедливость как норму жизни в условиях конкуренции. В руках собственников ресурсов происходит сосредоточение экономической власти. Напротив, значительная часть населения лишена собственности на производственные ресурсы, что порождает её экономическую зависимость. В обществе одни выступают как работодатели, а другие - как наёмные работники. Происходит дифференциация доходов, имущественное расслоение, обогащение одних и обнищание других. Рыночная система не обеспечивает и не может обеспечивать социальной справедливости. Социальная функция рыночной экономики является ограниченной, что требует её расширения на макроуровне социальной деятельностью государства, а на микроуровне - социальной деятельностью других экономических субъектов (предприятий и организаций), различных негосударственных организаций (профсоюзов, фондов, а также общественных, религиозных и благотворительных организаций). Возможности реализации принципа социальной справедливости в каждой стране на определённом этапе её развития определяются фактическим состоянием экономики. Социальная справедливость может быть достигнута только при высоких темпах экономического роста, создающего финансовые возможности решения социальных проблем не только государством, но и другими субъектами. Высокий уровень социально-экономического развития страны, устойчивые темпы экономического роста, система распределения и перераспределения

доходов, поддержание на минимально приемлемом для человека уровне жизни неработоспособного населения - необходимые условия для достижения принципа справедливости. С этих позиций справедливость выступает как идеологический концепт в сфере социального управления и социальный проект для современного российского общества. В последнем случае мы можем говорить о проекте, поскольку имеется в виду социально-значимая (социально-эффективная) деятельность, результатом такой деятельности является создание реальной ситуации, имеющей практическое значение. Проект представляет собой и описание конкретной ситуации, которая должна быть улучшена и конкретных методов и шагов по ее реализации. Также проект с точки зрения управления - это средство управления деятельностью, конкретная и выполнимая форма достижения цели. Мы можем здесь говорить о наличии выраженных признаков проекта: цель (изменение ситуации, решение проблемы, появление чего-то нового); сроки начала и завершения; определенные ресурсы; измеряемый результат. Социальный проект должен содержать систему общих параметров проектируемого объекта, характеризующих его целостность, а также систему параметров составляющих его подсистем, блоков, элементов, их связей. Справедливость как проект должна определять основные характеристики развития социальных систем на ограниченный отрезок времени. Основной стратегической целью проекта «Справедливость» является создание оптимальной общности организации коллективных отношений с учетом объективных условий и жизнедеятельности различных социальных групп. Реализация принципа социальной справедливости отвечает интересам как каждого человека, так и общества в целом. Таким образом, справедливость как социальный проект отвечает всем требованиям к последнему: должен быть создан на научной основе, не противоречить нравственным нормам, выражать общепринятые социальные ценности, выражать социальный заказ, быть эффективным с точки зрения реализации, должен быть предназначен для реализации.

Заварзин Сергей Павлович,
Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Политические условия (не)справедливости в современной России

Принцип уравнивания выступает в качестве аутсайдера по отношению к справедливости. Уравнительный подход фактически придает равенству потребительский характер, в этом проявляется утопичность уравнительной справедливости. Административно-командная структура, как составляющая государственной системы, создавалась и развивалась на основе идеи уравнительной справедливости. На практике подобная система нуждается не в элементах и структурах свободы и равенства, а в строгой иерархии и подчинении с органами обеспечения порядка на местах. По своей структуре,

уравнительная справедливость представляет собой многоуровневую пирамиду привилегий. Каждый уровень такой пирамиды содержит свои меры и нормы уравнивания, каждая более высокая ступень представляет собой образ привилегий перед предыдущей ступенью. Вся система привилегий, таким образом, является целостным комплексом преимуществ для всех индивидов находящихся вне её влияния. Наличие привилегий у низших перед высшими членами общества является принципиальной, зачастую необъяснимой проблемой уравнительной справедливости, напрямую связанной с насильственным характером уравнительных норм и самого режима. В целом, уравнительная формулировка справедливости традиционно доминировала в либеральной политической философии. Распределительная трактовка – в социалистической, социал-демократической и – наиболее ярко была представлена – в коммунистической. При всем разнообразии исторических форм проявления и действия принципов формального равенства в различных социально-экономических формациях данный принцип сохраняет универсальное значение для всех исторических типов и систем действующего права. Неофициальное принуждение формирует принцип формального равенства и другие объективные свойства права, а, напротив, они требуют их признания, реализации и защиты в общеобязательных формах. Таким образом, закон может как соответствовать праву, так и расходится с ним в случае возможных ошибок законодателя, а так же различных злоупотреблений формой закона. Проблема соотношения права и закона имеет фундаментальное значение для всех направлений теории и философии права прошлого и современности [2]. Характерным признаком неправовой демократии, потенциально переходящей в тоталитарную организацию общества становится наличие одного лидера и вождя. Народная диктатура, опирающаяся не на закон, а на силу конкретной личности или их группы, избирает и формы своего представительства и свои методы политического управления – диктатуру и террор по отношению к отдельным членам общества. Современные подходы к пониманию соотношения права и закона говорят: «Проблема соотношения права и закона имеет фундаментальное значение для всех направлений теории и философии права прошлого и современности. Согласно диалектической концепции правопонимания, закон – это форма конкретизации права, конкретная форма его выражения и действия. Отсюда вытекает двуединое требование: право и только оно должно стать законом, а закон должен быть правовым. Противоположный подход характерен для представителей различных направлений юридического позитивизма, согласно которым право – это приказ официальной власти, а отличительный признак права – его принудительность, благодаря которой ни что неправовое впервые становится правовым. При таком подходе стирается всякое различие между правом и произволом, а сам закон из правового явления превращается в средство противоправного нормотворчества и инструмент насилия» [1]. В результате вынужденного отказа от экстенсивного пути развития в обществе возникают сомнения в актуальности противопоставления экономической эффективности

и социальной справедливости. Если в аграрном обществе основным фактором производства являлась земля, а в индустриальном таким фактором становится капитал, в итоге эффективность этих экономик определялась наращиванием материальных составляющих соответствующих ресурсов. Качественный процесс перехода на интенсивную систему развития в условиях современной инновационной экономики изменяет смысловое содержание вкладов в повышение образования населения, развитие медицины и науки, переводя их из расходов в статус вкладов в развитие интеллектуального человеческого капитала. Такой капитал в развивающихся государствах, в том числе и в России, занимает стратегически выгодное, ключевое положение. Для структуры общества в развитых государствах социальная стабильность является ключевым элементом экономической эффективности, поскольку в обратном случае экономическая нестабильность приводит к разрушению экономически прибыльных систем, для восстановления которых требуются дополнительных средства и время. Принципиально значение имеет то, какими путями внутри общества создается новый идеал справедливости, воплощение которого обеспечивается условиями для поддержания высокоэффективной сложно организованной экономики, менялся и сам тип социума в сторону осознания и готовности нести ответственность за эту реализацию. Справедливость на одном уровне с безопасностью и частично со свободой может рассматриваться, как одна из базовых ценностей процесса развития общества. Кроме того, в процессе общественного развития категория справедливости обращает на себя внимание, благодаря наличию связи с формированием нормативных, правовых, а также неформальных составляющих конкретного социума

Литература:

1. *Полюшкевич О.А. Трансформация социальной сплоченности российского общества: анализ социальных представлений // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2010. № 5. С. 167-173.*
2. *Полюшкевич О.А., Степаненко А.С. Трансформация ценностей россиян: герои и обыватели // Политика и общество. 2012. № 9. С. 4-13.*

Заварзин Николай Сергеевич,

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Теоретические основы социальной справедливости в современной России

Среди основных моментов концепции устойчивого развития особое место занимает требование сохранять окружающую среду для будущих поколений для реализации, так называемой межгенерационной справедливости. В соответствии с концепцией, через повседневные решения современное поколение не только может влиять на нынешнюю ситуацию, но

так же и определяет уровни свободы для возможности выбора будущими поколениями своего оригинального, для них свойственного пути развития. В таком случае, реализация межгенерационной справедливости подразумевает принятие на себя современным поколением определенных этических и нормативных обязательств, которые связаны с равномерным распределением комплекса материальных благ среди представителей разных поколений. Практически межгенерационная справедливость является таким потреблением ресурсов, которое ряд будущих поколений смогут использовать не менее эффективно, чем нынешние. За последнее время в нашей стране возрастает интерес к пониманию и изменению смысла справедливости. В качестве принципиальной особенности следует выделить обострение проблемы социальной справедливости, в связи с постоянно продолжающимся и усугубляющимся социальным расслоением в РФ, как следствием неэффективности экономических реформ. Речь идет о всеобъемлющем на уровне государства культурном расколе общества и социальное неравенство здесь – лишь один из аспектов процесса раскола. Позитивной тенденцией можно считать рост внимания к проблеме социального расслоения в СМИ, печатных органах, на популярных форумах в сети Интернет. В современном социуме набирают силу национальные элементы общественного сознания в рамках процесса поиска основ справедливости в отношении роста количества и качества культурного состава русского народа. Идеологии как потенциальный источник и генератор идей справедливости в самом широком смысле являются системой взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, социальные проблемы и конфликты, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности, направленной за закрепление или изменение (развитие) данных общественных отношений. В современном обществе ситуация в большей мере зависит от экономических достижений, классические формы и периоды апробирования идеологий прошли. Современный международный рынок определяет доходность и прибыльность, экономическую эффективность государства с определенной идеологией; в условиях поиска путей эффективного развития национальной экономики идеология становится совершенно излишним элементом. В рамках перспективного развития особого внимания заслуживают экономические и хозяйственные формы объединений, способные создавать национальный продукт для поддержания жизнеспособности и обеспечения развития общества. Сложность структуры таких объединений и организаций препятствует созданию рационального взаимодействия и достижению доверия. Стремление к обеспечению высокого уровня доверия в обществе способно в результате привести к положительному экономическому эффекту. В процессе централизации, система государственного управления способствует разрушению социальных связей и общественного доверия. В исследованиях Ф. Фукуямы отмечается роль правового регулирования в компенсации недостатка общественного доверия. Особое внимание уделяется экономическим функциям общественного доверия: «в любом

экономически успешном обществе жизнеспособность хозяйственных объединений зависит от их уровня внутреннего доверия» [2]. В основе доверия лежит благоприятный настрой и ожидание со стороны отдельных лиц или организаций высокой вероятности положительного результата. В современной отечественной оценке доверие понимается как «некий универсальный социальный институт, существующий в течение всей истории человеческого общества» [1]. Стремление к общественной деятельности обеспечивается доверием при малой затрате времени и сил в процессе согласования. Среди функций доверия важной общественной функцией является «функция уравновешивания социального и культурного разнообразия» [2] . Доверие функционально формирует солидарность и идентичность между членами общественных групп и способствует социальной интеграции. В результате, государство посредством мягкой силы, пропагандистскими методами формирует в сознании представителей общества положительное отношение к представителям системы государственного управления и власти в целом. Демонстрация политической воли в выборе путей решения конкретных политических проблем подобных Крымскому вопросу приводит к отсутствию критической реакции у населения и росту доверия к власти, снижает уровень социальной напряженности. В XX веке теории социальной справедливости развивались и реализовались на практике в рамках действия идеологических учений на территории государств Восточной и Западной Европы. Основы социальной справедливости воплотились в законодательстве идеологизированных коммунистических, фашистских и нацистских правительств: стремление к достижению социальной справедливости ориентировано на все слои населения без серьёзных возмущений со стороны влиятельных представителей общества и широкого распространения взаимной зависти.

Литература:

1. *Полюшкевич О.А., Антонова Л.Л. Интеллигенция в России: условия трансформации // Политика и общество. 2013. № 1. С. 81-89.*
2. *Полюшкевич О.А., Трескин П.А., Кобжицкий А.В. Бизнес и власть: основы гражданской консолидации // Дискуссия. 2012. № 6. С. 94-100.*

Ивченкова Мария Сергеевна,

Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия

Социальная справедливость и оценка саратовцами степени эффективности работы действующей власти

Большинство россиян, делегируя институтам власти свои полномочия по управлению социумом, полагают справедливым ожидать от них эффективной работы. Исходя из этого в октябре 2017 года был проведен

опрос населения саратовского региона методом анкетирования. Объем квотно – стратифицированной выборки составил 1305 человек. В опросе приняли участие жители одиннадцати районов саратовского региона. Все параметры выборочной совокупности отражают характеристики генеральной совокупности, что позволяет говорить о репрезентативности данных. Опрос показал, что большая часть (55%) жителей региона постоянно (18%) или периодически 37%) интересуются социально – политическими событиями, происходящими в саратовской области. Треть получают информацию, хотя интереса к ней не проявляют и около 13% не интересуются вообще социально – политической жизнью в регионе. Основными источниками информации о социально – политических событиях в регионе являются интернет ресурсы (67,5%) и телевидение (56,2%). Значительно реже упоминались газеты, радио, журналы, собственный опыт. В ходе анализа позиций социальной справедливости через степень одобрения населением региона политики действующей власти, выявлена прямая корреляционная связь: чем выше уровень власти, тем выше уровень оценки качества работы ее представителя. Уровень одобрения замерялся по пятибалльной шкале, где 1 балл выражал полное неодобрение, 5 баллов – полное одобрение. Показатели средней тенденции обосновывают вышеозначенную зависимость. Самый высокий средний балл (4) выявлен в оценках деятельности Президента Р.Ф., модальным значением является 5 баллов, это значит, что большая часть опрошенных жителей региона полностью одобряют и поддерживают деятельность Президента. Деятельность губернатора в среднем оценивается в 3 балла, это же значение является модальным. Самый низкий уровень выявлен в оценках деятельности глав муниципальных образований. В среднем 2,7 балла, при модальном в 3 балла. Кроме того, можно отметить, что показатель дисперсии (разброса мнений) самый низкий в оценках деятельности Президента Р.Ф. Это свидетельствует о том, что мнение жителей региона в этом вопросе согласовано в большей степени. Та же тенденция наблюдается в оценках качества реализации социально – политических реформ. Наибольший уровень одобрения фиксируется в оценках политики в России в целом. Средняя оценка 3,5 балла, при модальном значении в 4 балла. На уровне региона оценки чуть ниже, средняя оценка - 3,1 балла, она же является наиболее часто встречающейся оценкой по выборке т.е. одобрение и критика действий региональных властей в равной степени. Средний балл в оценке качества реализации социально – политических реформ на местном уровне составил 2,8 балла, большая часть опрошенных жителей региона в равной степени и критикуют и одобряют политику местных властей. Наибольшая согласованность во мнениях выявлена относительно оценок качества реализации социально – политических реформ на Федеральном уровне. Принципиально важно, что формирование общества на основе принципа социальной справедливости не только не отменяет, но и многократно повышает значимость национальной политики, полномасштабного и скрупулезного анализа особенностей национальных, культурных и религиозных групп и их полного учета в

практике государственного управления как на уровне социума, так и на уровне региона, особенно такого многонационального, каким является Саратовская область. Отсутствие внятной национальной политики и стремление закрыть глаза на ее необходимость усугубляют имеющиеся трудности, порождают все более болезненные проблемы межнациональных отношений и провоцируют наиболее варварские и разрушительные для общества способы их решения. Ряд оценочных высказываний, отражающих мнение жителей региона о качестве реализуемой национальной политики требовали определения меры согласия, где 1 балл отражал полное несогласие, 5 баллов – полное согласие. Самый высокий усредненный балл степени согласия (3) выявлен относительно позиции «Власти располагают комплексной стратегией национальной политики и успешно ее реализуют». 34% респондентов с этим согласились. 26% опрошенных согласились с тем, что располагая комплексной стратегией, власти неэффективно ее реализуют. Разрозненными и неэффективными стратегии национальной политике в саратовском регионе посчитали 21% ответивших. Об отсутствии каких – либо действий в этой области говорят 19% опрошенных жителей региона. Модальным значением (наиболее часто встречающимся) было 3 балла, выражающим частичное согласие с каждым из высказываний. Несмотря на доминирование положительных оценок в характеристике качества национальной политики, реализуемой в регионе, она все же нуждается в корректировке с целью повышения ее эффективности.

В числе мер повышения качества национальной политики жителями региона были предложены: обеспечение условий равенства для всех, учет интересов всех народностей, организация встреч с населением, ужесточение миграционной политики, популяризация национальных праздников, реализация программ воспитания патриотизма среди подрастающего поколения.

Каневский Павел Сергеевич,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Кризис европейской социал-демократии и социальная справедливость

Соотношение принципов социал-демократии и идей справедливости является классической темой для политологов, социологов, экономистов и философов. Социальная справедливость приобрела тот символический статус, который она имеет сегодня, во многом благодаря влиянию социал-демократии. И, напротив, социал-демократические партии и движения по всему миру приобрели огромное влияние за счет идей справедливости. Социал-демократия, которая стала одним из главных наследий революций 1848 г. и после этого прожила век бурных трансформаций, к моменту

окончания Второй мировой войны стала фундаментом новых Западных обществ. Это были общества, которые одновременно переживали период бурного экономического роста и повышенного запроса граждан на справедливость в максимально широком смысле слова, включавшем в себя социальное государство, честное распределение ресурсов, равные возможности для всех слоев и групп населения, защиту гражданских прав и пр. Социал-демократия двигалась одновременно в сторону переосмысления социализма, адаптации его к реалиям динамичного рынка, но в то же время служила важнейшим амортизатором чрезмерного влияния капитализма. В конце 1980-х Питер Байлхарц сказал, что смысл социал-демократии заключается не в стремлении заменить рынок государством, а в том, чтобы защитить основы «хороших обществ» от усиливающегося института частной собственности [1]. Однако, именно либерализация стала источником качественной трансформации, которую к концу XX в. пережила социал-демократия пережила. Движение, получившее условное название «Третий путь», в той или иной степени повлиявшее на политические программы всех развитых стран (включая Северную Америку и Юго-Восточную Азию), предлагало отказ от традиционной опоры на уменьшающийся рабочий класс, дерегулирование и качественные государственные услуги. При этом в качестве источника развития выступал свободный рынок, который социал-демократы все в меньшей степени стремились регулировать, напротив, они стали одними из главных сторонников глобализации и интеграции, которые способствовали увеличивающимся государственным бюджетам и все большим социальным расходам, которые поддерживались большинством населения. Кризис конца 2000-х гг. нанес сильнейший удар по социал-демократии и, следовательно, массовому восприятию социальной справедливости, опиравшейся на экономический рост. Чрезмерные госрасходы привели к росту государственного долга, который стал все сильнее затягивать рыночные общества в кризис. Главным ответом социал-демократических партий были меры жесткой экономии, что привело к заморозке и постепенному сокращению социальных гарантий. При этом традиционная электоральная база социал-демократии за последние 30 лет в корне изменилась – в обществе стали исчезать большие классы, которые исторически были опорой левых партий; под влиянием глобализации и структурных изменений в экономике стали появляться новые, гибридные, более мобильные группы, которые с недоверием относятся к старым политическим партиям; люди в целом стали терять интерес к политике и меньше доверять центристским силам; членство в профсоюзах, бывших важнейшей институциональной опорой социал-демократии, стали уменьшаться в численности и терять влияние. Однако именно неспособность социал-демократов сохранить растущее общество благоденствия, потоки восходящей мобильности и рынок социальных возможностей 1990-2000-х гг. стало ключевой предпосылкой их кризиса. При этом, запрос на социальное равенство, солидарность и справедливость никуда не исчез, напротив, он лишь усилился – в 2014-16 гг. три четверти европейских избирателей

называли эти переменные общественными приоритетами. Экономическая неустойчивость, растущая безработица, слабость демократических институтов стали причинами того, что граждане во всех обществах стали требовать большей социальной защиты. Неспособность традиционных центристских партий справится с кризисными тенденциями привели к появлению множества популистских сил, которые перехватили в том числе и лозунги о социальной справедливости, а также привели к расколу внутри социал-демократического сообщества, часть которого стала снова тяготеть к более ортодоксальному социализму (Джереми Корбин в Великобритании, СИРИЗА в Греции, отчасти и Берни Сандерс в США). Еще более кризис социал-демократов усугубили волны миграции, которые принимающие общества встретили с большим опасением. Развивающиеся страны Восточной Европы, включая Россию и страны бывшего СССР, находятся сегодня в еще более двусмысленном положении. Пережив бурную эпоху либерализации и череду не всегда успешных попыток приблизиться к Западным стандартам социального государства, они сегодня испытывают ностальгию по сильному государству, которое должно заботиться о своих гражданах, то есть быть гарантом справедливости и равенства. Поэтому, вместо дальнейших реформ, страны Восточной Европы скатываются к различным версиям этатизма. Впрочем, кризис социал-демократии и консервативный поворот в современном мире не меняют смысла справедливости и ее восприятия в массовом сознании, но они меняют трансляторов этих идей. Место умеренного центра все чаще занимают политики популистского толка и крайних взглядов, что в ближайшей перспективе не сулит укрепления базовых принципов справедливости.

Литература:

1. *Beilharz P. Social Democracy and Social Justice // Journal of Sociology. Vol 25, Issue 1, 1989. P. 97.*

Карпова Наталья Владимировна,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Социальная справедливость как политико-культурная ориентация российского общества

Актуализация проблемы социальной справедливости в массовом сознании, как правило, происходит в обществах, характеризующихся усугублением либо избыточностью различных форм дифференциации и неравенства, и связана прежде всего с восприятием их гражданами как явлений негативных и деструктивных. В современной России на протяжении уже многих лет тема социальной справедливости относится к числу базовых запросов со стороны граждан к структурам власти и артикулируется в качестве одного из приоритетных ориентиров будущего развития страны.

При этом индикаторы социально-экономического неравенства в стране также устойчиво сохраняются на очень высоком уровне, а бедность, по словам Д.А. Медведева, является «одной из самых кричащих проблем». [5]. В социологическом измерении через установки граждан по отношению к идее социальной справедливости раскрываются их ориентации относительно должного социально-экономического и политического устройства, а также выявляется оценка того, насколько эти нормативные ожидания воплощены в реальных социальных, экономических и политических практиках. Однако специфика восприятия проблем социальной справедливости и неравенства в каждом конкретном обществе обусловлена не только факторами объективного характера, но и преломляется через факторы исторического развития страны, системы национальной культуры, включающей в себя политико-культурные традиции и ценности. Принципиально, например, то что в российском обществе социальная справедливость как идея относится к числу ценностных доминант политической культуры, составляющих её ядро, или социокультурный код.

Безусловно, текущее отношение российских граждан к проблемам справедливости во многом связано с избыточностью и остротой, существующих у нас неравенств, занимающих в мировых рейтингах верхние позиции. Но при анализе представлений россиян о социальной справедливости необходимо учитывать, что характер ощущения неравенства, как и сама нормативная модель справедливого общества находятся в той или иной корреляции со сложившимися в российской политической культуре патерналистскими и подданническими ориентациями. Подтверждением этому могут служить результаты комплексного социологического исследования, проведенного фондом ИНДЕМ в 2013-2015-х гг. Полученные данные отчётливо показали, что социальная справедливость является важной ценностью и мечтой российских граждан, воплощение которой ожидается прежде всего от государства. А наибольшую популярность среди россиян получил лозунг, связывающий воедино социальную справедливость, равные права для всех и сильное государство, заботящееся о своих гражданах. [3].

Несмотря на значимость самой идеи справедливости в российском обществе, единой доминирующей её интерпретации, согласно различным социологическим замерам, у граждан не существует. При этом представление о социальной справедливости в массовом сознании не имеет и чёткой рациональной аргументации, а ориентации на её реализацию в основном устремлены в будущее. В контексте политической культуры подобный факт даёт основания рассматривать социальную справедливость как некое мифологическое образование, в основе которого находится матрица определённых архетипических конструкций. Здесь справедливость оказывается в связке с другими мифическими сюжетами о взаимоотношении власти и народа, о сильной руке, добром царе как защитнике справедливости, о герое-спасителе. Отсюда и несправедливость со стороны государства воспринимается в России особенно остро. И хотя, как отмечают исследователи, «архетипы далеко не всегда затрагивают мотивационный

блок массового сознания» [7; 239], но в условиях нестабильности их влияние значительно увеличивается.

Как показывают эмпирические данные, ожидания российских граждан, касающиеся реализации социальной справедливости, в основном связаны с не дистрибутивной, а процессуальной её трактовкой, которая подразумевает прежде всего равенство перед законом, соблюдение прав граждан, равный доступ к возможности получения социальных благ и гарантий. [8]. В последние годы около 2/3 российских граждан устойчиво проявляли себя сторонниками общества социального равенства, которое предполагает равные возможности для всех в достижении поставленных целей, что является вполне конкретным запросом к социальной политике государства, выступающего гарантом социальной справедливости. В системе политических ориентаций российских граждан установки по отношению к справедливому социально-политическому устройству не связаны с категорическим отрицанием неравенств, однако эти неравенства должны являться в глазах населения легитимными и оправданными. При этом столкновения между нормативными представлениями о справедливости и реальным социально-экономическим положением социальных групп приводит к тому, что большинство неравенств рассматриваются именно как несправедливые. И данный факт во многом предопределяет содержание ценностных ориентиров россиян. Показательно, что около 50% бедного населения определённо уверены, что в наше время вообще трудно судить, о том, что справедливо, а что нет. [2;155]. Таким образом, противоречие между нормативным запросом российских граждан на справедливость и осознанием невозможности создания в стране в ближайшем будущем основ справедливого общества становится не только причиной снижения толерантности россиян к неравенствам, но и фактором усиления негативных установок по отношению к государству и реализуемой им политике.

Литература:

1. *Башкатова А. Россия признана страной неравных возможностей // НГ. 1 января 2017 г. URL: http://www.ng.ru/economics/2017-01-17/1_6904_unequal.html*
2. *Бедность и бедные в современной России / под. ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: «Весь мир», 2014.*
3. *В нашем обществе нет справедливости? Тема с социологом В. Римским// Российская газета - Федеральный выпуск №7754. 24 апреля 2017 г. URL: https://rg.ru/2017/04/24/sociolog-liudi-pochti-nikogda-obosnovyvaiut-spravedlivost-racionalno.html*
4. *Мареева С.В. Справедливость и неравенство в общественном сознании Россиян //Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2015. №2. Т.7. С.109-119.*
5. *Медведев назвал бедность «кричащей» проблемой экономики России // РБК. 30 ноября 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5a1fe0629a79472512835ff9?from=materials_on_subject*
6. *Римский В.Л. Справедливость в современной России: мечты и использование в социальных практиках // Общественные науки и современность. 2013. №5. С. 27-36.*
7. *Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / под. ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: «Весь мир», 2017.*
8. *Урнов М.Ю. Что есть справедливость? (Попытка анализа массовых представлений) // Общественные науки и современность. 2012. №5. С. 71-88.*

Ковтун Екатерина Андреевна,
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

Коррупция как проявление социальной несправедливости и нарушения прав человека

В современном мире существует взаимосвязь эффективности осуществления прав человека от социально-политических условий. Одним из факторов, негативно влияющих на институты осуществления и защиты прав человека в различных сферах, является коррупция. Коррупционные процессы оказывают деструктивное и дестабилизирующее воздействие на систему государственного управления, основы правового регулирования, подрывают авторитет государственной власти, а также становятся катализатором возникновения недоверия между обществом и государством, увеличения социального неравенства и социальной несправедливости ввиду увеличения возможностей некоторых социальных групп посредством коррупционных практик и нарушения прав (в том числе политических, социальных) других групп. Единого и четко зафиксированного на международном уровне определения коррупции на настоящий момент нет, что связано со сложностью данного социального явления, зачастую носящего латентный характер. Наиболее распространенным является определение, сформированное организацией Transparency International, определяющее коррупцию как «злоупотребление служебным положением в целях личной выгоды» [1]. В целом это определение позволяет рассматривать коррупцию в контексте её негативного влияния на осуществление прав человека и увеличение социальной несправедливости в обществе. Так, Ю. А. Нисневич отмечает, что «Если мы посмотрим, как отношение к коррупции характеризует общество, мы увидим, что в обществе назревает давление». Он делает вывод, что «коррупция воспринимается гражданами как самая высшая форма социальной несправедливости. Коррупция - отражение социальной несправедливости, как несправедливость ее понимают все. То, что в России зашкаливает эта проблема, это мы знаем и видим по результатам, это вещь, которую власть должна понимать и прислушиваться» [3]. Рассматривая влияние коррупции на права человека стоит отметить, что следует различать коррупционные действия со стороны государственных акторов и негосударственных (коррупция в частном секторе). Права человека в различных сферах (например, образование, здравоохранение) стандартизированы и гарантированы на международном уровне, защищены и не могут быть отобраны, являются всеобщими и накладывают на государства обязанности по их обеспечению. Открытая или латентная дискриминация при их реализации является нарушением основных прав человека, в то же время именно в этом аспекте наиболее часто проявляется влияние коррупции. Коррупция способна привести к нарушению прав человека как прямо, так и

косвенно в виде либо непосредственного нарушения права, либо в виде цепочки событий, повлекшей нарушение права в результате коррупционного деяния. Например, особенно значительна опасность коррупции в системе здравоохранения, поскольку нарушение основных прав человека в этой сфере оказывает непосредственное влияние на физическое состояние человека, его важнейшие жизненные функции. Для более бедных слоёв населения нарушение прав человека в сфере здравоохранения ведет к снижению доступности для них медицинских услуг, ухудшению здоровья, социального положения и росту уровня социальной несправедливости.. Кроме того, помимо непосредственного негативного влияния на права отдельных лиц и слоев населения, коррупционные практики в здравоохранении рано или поздно скажутся на демографической ситуации, нарушая не только права на здоровье менее обеспеченных граждан, но и право на жизнь (не только нынешнего, но и будущего поколения). Подводя итог, отметим, что с точки зрения эффективности антикоррупционной стратегии необходимо взаимодействие субъектов антикоррупционной политики с правозащитными организациями, так как по данным Совета по правам человека (СПЧ) ООН это направление практически не развито, а сотрудничество носит разовый характер [2] . В то же время, подобное сотрудничество является достаточно перспективным, так как взаимовлияние процессов противодействия коррупции и защиты прав человека тесным образом связаны: общество с низким уровнем коррупции эффективнее осуществляет защиту прав человека и с уважением относится к ним. В свою очередь общество, осознающее неотъемлемость прав человека, обладает меньшей толерантностью к коррупции и способно использовать инструменты антикоррупционной политики в сфере защиты прав человека и гражданина.

Литература:

1. *How do you define corruption? // Transparency International. URL: http://www.transparency.org/what-is-corruption/#define (Дата обращения: 29.02.2018).*
2. *Окончательный доклад Консультативного комитета Совета по правам человека по вопросу о негативном воздействии коррупции на осуществление прав человека. 5 января 2015 г. URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G15/000/57/PDF/G1500057.pdf (Дата обращения: 29.02.2018).*
3. *Принуждение к коррупции // Интерфакс. URL: http://www.interfax.ru/presscenter/317434 (Дата обращения: 29.02.2018).*

Копкарева Светлана Игоревна,

РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия

Основные критерии социальной справедливости по оценке жителей Центрального федерального округа РФ

Данные получены в результате серии социально-политических исследований в муниципальных образованиях Центрального федерального

округа РФ, проведенной в 2015-2017 гг. Выводы сформированы на основании мнений жителей, высказанных в рамках фокус-групповых дискуссий и глубинных интервью. Российские граждане плохо знакомы с правовыми нормами и, когда речь заходит о социальной справедливости, ориентируются на ее интуитивное понимание. Какой-либо апелляции к основам конституционного строя России, международным стандартам прав человека или конкретным нормативным актам, как правило, не происходит. Таким образом, данная проблематика для большинства людей лежит в области культурно-духовной сферы. Исключение составляют ситуации отстаивания собственных прав, например, на социальное обеспечение. В этом случае граждане достаточно глубоко погружаются в правовые реалии и готовы цитировать выкладки из нормативных актов. Отношение к правовому обеспечению социальной справедливости неоднозначное. С одной стороны, правовое регулирование вызывает интерес. Так, высказывания людей, аргументирующих проявление несправедливости ссылкой на нарушение правовых норм, вызывают эмоциональный отклик у аудитории. Подобный оратор получает дополнительный вес в глазах окружающих, его слушают, соглашаются, ссылаются на его мнение в своих высказываниях. С другой стороны, ограничение прав и возможностей на основе норм права вызывает бурное негодование, легальность такого закона ставится под сомнение. Таким образом, при возникновении коллизии право или мораль, мораль имеет приоритет. Аналогично общественное мнение резко осуждает случаи правоприменения, приводящие к несправедливым властным решениям. В этом случае удар наносится как по самому праву, допускающему подобные лазейки, так и по авторитету органов власти и управления. В ситуации правового нигилизма выводы о справедливом и несправедливом делаются на основании: 1) эмоциональных реакций (сочувствие, возмущение, удивление и т.д.); 2) логических операций (в первую очередь сравнение и обобщение). Критерии справедливости в равной степени применяются для: 1) индивидов; 2) групп, объединенных социально-демографическими признаками; 3) крупных разнородных общностей, в основном, таких как город, поселение, район, но могут трактоваться и более широко, например, в ситуации, когда происходит сравнение жизни в России с жизнью в европейских странах. В числе основополагающих критериев социальной справедливости указываются: 1. Справедливое вознаграждение за труд (в том числе социальное обеспечение по достижению пенсионного возраста). В данном случае происходит сравнение с уровнем жизни в европейских странах; сравнение дохода, получаемого людьми разных профессий (отдельно упоминаются доходы государственных служащих); сравнение заработной платы в различных регионах России; сравнение уровня жизни в разные исторические периоды (современный и советский периоды, период перестройки); оценивается уровень покупательной способности различных групп населения. Наибольшее негодование вызывает значительное расслоение общества «на богатых и бедных» и дисфункция социальных лифтов. 2. Равный доступ к социальным благам, таким как образование,

здравоохранение, жилищно-коммунальное обслуживание, организованный досуг. В числе основных дискриминационных факторов указываются уровень дохода и территориальный признак. 3. Социальная помощь незащищенным слоям населения. Все высказывания сводились к тому, что базовый принцип распределения социальной помощи – человечность. Примечательно то, что респонденты не ограничивались собственными нуждами, а озвучивали и сопереживали как непосредственным знакомым, так и людям, о проблемах которых узнали из третьих уст. Опрошенные продемонстрировали высокий уровень эмпатии - способности представить себя на месте нуждающегося в помощи человека и смоделировать, насколько ему непросто жить в сложившихся условиях. Наиболее болезненно респонденты переживали за те социальные группы, чей общественный вклад рассматривается как высокий, а отдача со стороны государства – как низкая (например, ветераны Великой Отечественной войны). 4. Учет общественного мнения при принятии политических решений. Наиболее действенной мерой респонденты считают референдумы. Значительное недовольство опрошенных связано с недостаточным вниманием властей к таким проявлением волеизъявления граждан, как петиции и открытые письма. Также общее осуждение вызывает отсутствие прямого доступа к лицам, занимающим управленческие посты. Прямая готовность прийти на прием к депутату, муниципальному или региональному руководителю невелика, тем не менее сама возможность рассматривается как базовая и необходимая. В частности, существует запрос на широкое информирование о приемных часах государственных и муниципальных служащих и простоту записи на прием. Анализ высказываний респондентов показывает, что фактическое положение дел значительно отличается от того идеала социальной справедливости, которого придерживаются граждане. Тем не менее отдельные сравнения (в первую очередь с периодом перестройки) свидетельствуют о том, что улучшения по определенным направлениям происходят.

Максимова Светлана Геннадьевна,
ФГБОУ ВО "Алтайский государственный университет", Барнаул, Россия
Омельченко Дарья Алексеевна
ФГБОУ ВО "Алтайский государственный университет", Барнаул, Россия
Ноянзина Оксана Евгеньевна
ФГБОУ ВО "Алтайский государственный университет", Барнаул, Россия

Социальная справедливость и коллективные права этнических сообществ, проживающих в Алтайском крае

Развитие современных научных представлений о социальной справедливости напрямую связано с вопросом о правах человека.

Социальная справедливость выступает как категория, с помощью которой характеризуется объективно обусловленная уровнем материальной и духовной зрелости общества мера равенства и неравенства в жизненном положении различных социальных общностей и индивидов [1]. Изучение содержания, правовых механизмов и возможностей реализации коллективных права этнических общностей стремительно актуализировалось в современную эпоху глобализации и огромного влияния международной миграции на социально-экономические, политические и культурные процессы, происходящие в большинстве полиэтнических государств мира. Ученые, выступающие за имплементацию и развитие данной концепции, отмечают, что признание и институциональное закрепление коллективных прав этнических групп является необходимым условием предотвращения дискриминации этнонациональных меньшинств, их сохранения и защиты как специфических этнокультурных общностей. Права этнических сообществ выступают ключевым компонентом этнонациональной политики, их реализация позволяет государству эффективнее регулировать межэтнические связи и отношения, формировать позитивную этническую идентичность граждан и создавать условия для ее мирного, культурного выражения, обеспечивать легитимность отношений между государствами и населяющими их народами (Блищенко, Абашидзе, 1992; Напсо, 2009, 2012; Omelchenko, D., Maximova S., 2015) [2, 3, 4]. Важными субъектами гражданского общества, выполняющими посреднические функции между этническими общностями и государством по представительству, отстаиванию интересов и контролю за реализацией их коллективных прав, являются национально-культурные объединения. Эмпирическое исследование институциональных условий, определяющих специфику социальных отношений между различными этническими группами, проживающими на территории Алтайского края, эффективность деятельности представляющих их интересы общественных объединений было проведено в 2017 году на основе 20 экспертных интервью с руководителями национально-культурных общественных организаций татар, белорусов, армян, казахов, кумандинцев, немцев, азербайджанцев, литовцев, кыргызов, украинцев, поляков, осуществляющих свою деятельность в городах и сельских районах региона в рамках социологического исследования ресурсов социальной интеграции диаспорных и земляческих групп в региональном социуме. Эксперты оценивали выраженность институциональных условий по восемнадцати показателям (использовалась десятибалльная шкала). Взаимосвязь оценок по показателям измерялась с помощью линейных корреляций (r Пирсона). Характеристика межнациональных отношений в регионе, напряженность в межнациональных отношениях и вероятность столкновений на национальной почве были оценены большинством экспертов как слабовыраженные и маловероятные. Население, в целом, не испытывает негативных чувств к представителям этнических диаспор и в значительной степени доверяет деятельности национально-культурных общественных организации: около половины

экспертов дали средние оценки уровню доверия, оказываемого населением деятельности национально-культурных автономий на среднем уровне, 43,8% опрошенных определили уровень доверия как высокий, низкие значения отметили только 6,3% экспертов. В исследовании проанализировано, как национально-культурные автономии, функционирующие в Алтайском крае, оценивают деятельность региональных властей по управлению межнациональными отношениями, реализации приоритетов и направлений государственной национальной политики, заложенных в ключевых нормативных правовых документах в данной области. Эксперты отмечали успехи органов власти в бескомпромиссном отстаивании интересов всех жителей независимо от их национальности и вероисповедания (32% суммарных высоких оценок и 11% низких оценок), работе по реализации Стратегии государственной национальной политики (30% суммарных высоких оценок и 25% низких оценок), ведению публичного диалога с этническими диаспорами и национальными меньшинствами при принятии значимых решений (17% высоких оценок и 11% – низких оценок). Примечательно, что по показателю успешности решения региональной администрацией возникающих конфликтов в сфере межнациональных отношений эксперты дали только средние (58% ответов) и высокие (42%) оценки, что свидетельствует о значимости, которую придают эксперты данному направлению и о высокой оценке усилий, предпринимаемых региональными властями для снижения уровня конфликтности в межнациональной сфере. Таким образом, согласно полученным в ходе экспертного опроса данным, в Алтайском крае в целом сформированы благоприятные институциональные условия для реализации коллективных прав этнических сообществ, региональными властями предпринимаются видимые усилия по устранению конфликта интересов и удовлетворению этнокультурных потребностей жителей независимо от их национальности и вероисповедания. Публикация подготовлена в рамках выполнения проектной части государственного задания Министерства образования и науки РФ № 28.2757.2017/4.6 «Транзитная миграция, транзитные регионы и миграционная политика России: безопасность и евразийская интеграция», 2017-2019.

Литература:

1. *Дыльнова Т.В. Социальная справедливость и социальное неравенство в условиях современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2004. № 1 (6-7). С. 161-168.*
2. *Блищенко, И. Права национальных меньшинств в свете мирового опыта [Текст] / И. Блищенко, А. Абашидзе //Общественные науки и современность. – 1992. – № 4. – С. 121-130.*
3. *Нансо, М. Б. Права народов и права индивида: социально-философские и правовые аспекты соотношения индивидуальных и коллективных прав [Текст] / М. Б. Нансо, М. Д. Нансо // Право и политика. – 2012. – № 11. – С. 1907-1917.*
4. *Omelchenko, D., Maximova S., Noyanzina O., Goncharova N., Avdeeva G. National identity and patriotism among russian youth: representations, feelings and actions // Asian Social Science. 2015. Т. 11. № 6. С. 27-36.*

Маленков Вячеслав Викторович,
Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

Рабочий класс в социально-политическом пространстве России и режимы справедливости

Режимы справедливости в обществе складываются под воздействием фундаментальных институциональных механизмов, социокультурных программ, определяющих его социетальный тип. Одним из ключевых механизмов является формирование идентичности нациеобразующих социальных групп. В последние несколько лет в публичном пространстве актуализировалась тематика рабочего класса. В некотором смысле данная группа стала символической, к которой правящий класс апеллирует, проводя внешнюю и внутреннюю политику. Именно к нему обращены ключевые послания, формируемые в рамках данной политики. Любые значимые события и мероприятия сопровождаются инсценировками, в которых задействованы представители рабочих профессий либо символы, тесно связанные с ними. Яркий тому пример, выдвижение действующего Президента РФ для участия в президентских выборах. Надо отметить, что практически весь так называемый трансформационный период эта группа находилась на периферийном положении. В то время значимыми символическими группами признавались иные социальные классы (напр., более активно транслировался образ «нового русского», «менеджера», «брокера»). Рабочие профессии были, мягко говоря, не совсем престижными в складывающейся новой социальной иерархии. Значительная часть рабочих традиционных индустриальных отраслей экономики находилась в бедственном положении (невыплата зарплаты, выплата зарплаты так называемой «отоваркой» и т.д.). В этой связи вспоминается популярный некоторое время назад вопрос «Если вы такие умные, то почему такие бедные?». Несмотря на то, что выглядит оно крайне издевательски и, конечно же, не подходит ни к России 90-х годов, ни в еще большей степени России более позднего периода, символический смысл его демонстрирует состояние аномии не только постсоветского общества, но, прежде всего, его правящего класса. Демонстрирует режим социальной справедливости, принятый тогда в качестве референтной модели. Можно сказать, что представители рабочего класса переживали двойную травму. С одной стороны, бедственное материальное положение, с другой, - переживание новой идентичности «заниженного социального статуса» (в том числе, в результате проведения государственной символической политики, изменившей социальную идентичность рабочего класса, считающегося еще недавно движущей силой общества). Является ли растущий интерес власти к рабочему классу подлинным, предполагающим обретение последним экономической и политической субъектности? На сегодняшний день это

скорее похоже на прием демагогической апелляции к общепринятым стереотипам, основанным, в том числе, на использовании сохраняющейся в обществе ностальгии по советскому прошлому [1]. Данный процесс тесно связан с протестным движением 2011-2012 года, в котором группа рабочих выступила в качестве контрпротестной силы, заявив во время прямой линии с Президентом РФ о готовности «приехать с мужиками и разобраться с протестующими». Это был выход на публичную арену рабочих. В данном случае его можно трактовать как некую «культурную инсценировку», которая должна была обозначить наличие класса-антагониста по отношению к вышедшему тогда на публичное поле и громко заявившему о себе так называемому «креативному классу» («образованному городскому среднему классу»). Именно после данной публичной репрезентации власть обратила внимание на «политический потенциал» рабочего класса и активизировала свои усилия в этом направлении. В том числе значительно активизировалась коммуникационная политика, направленная на данный сегмент общества, и где рабочий класс выступал как целевая группа. Стоит отметить в этой связи потуги в сфере развития среднего профессионального образования, появление и развитие специальных мероприятий, конкурсов, имеющих цель повысить социальный статус рабочих, «человека труда» (например, проект «Славим человека труда»). Одним из важнейших мероприятий в этой области является «WorldSkills», масштабный запуск которого произошел в России в апреле 2012 года. В советское время номенклатура тоже активно апеллировала к рабочему классу. Р. В. Рывкина отмечала на этот счет: «На самом деле советский рабочий класс никакой реальной роли в управлении обществом не играл, а, напротив, эксплуатировался советским государством и аппаратом КПСС, маскировавшимся под «общенародное государство» [2, С. 72]. Важнейшим в этом контексте остается вопрос о том, что же представляет сегодня современный рабочий класс? Актуальным является не только определение рабочего класса, но и переосмысление его состава в контексте изменения структуры экономики. Работы современных российских авторов и представителей «working-class studies» не дают ответы на ряд вопросов. Входят ли в рабочий класс многочисленные работники сферы услуг, в том числе торговли (напр., менеджеры по продажам)? Насколько корректно включать в состав рабочего класса занятых в обслуживающих процессах и не производящих непосредственно добавленную стоимость продукта (услуги)? К примеру, водитель грузового автомобиля (крупногабаритного либо малогабаритного), автобуса, такси, личный водитель руководителей органов власти, корпораций. Кто из них соответствует понятию «рабочий класс», а кто в него не входит? Ответы на эти вопросы чрезвычайно важны для осмысления места рабочего класса в социально-политических процессах в современной России. (Работа выполнена при поддержке гранта РНФ №17-78-20062 «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса современной России»)

Литература:

1. *Маленков В. В. Образ советского прошлого в темпоральной конструкции формирующейся российской нации / В. В. Маленков // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11. №5. С. 136-144.*
2. *Рывкина Р. В. Социология российских реформ: социальные последствия экономических перемен. – М. Изд-во ГУ ВШЭ, 2004. – 440 с.*

Матвеева Наталья Юрьевна,
Государственный университет транспорта (МИИТ), Москва, Россия

Каталония: проблема социальной справедливости в контексте политического конфликта

Многие вызовы современности являются одновременно вызовами, стоящими перед демократической системой общественной жизни. И именно принцип социальной справедливости может выступать в качестве важного индикатора реализации демократических принципов. «Я не избегаю правосудия, но ищу его. В Испании я не найду справедливого правосудия», - утверждал президент Каталонии Карлес Путчдемон, после того, как судья выдвинул обвинения против него и членов его правительства по статьям «мятеж», «бунт» и «растрата общественных средств», предполагающим максимальное наказание, возможное по испанским законам – до 30 лет тюремного заключения. Так расценило испанское правосудие утверждение парламентом Каталонии Декларации о независимости после подведения итогов референдума 1 октября 2017 года. В результате развития конфликта между Испанией и Каталонией на повестке дня оказались вопросы, глубоко укорененные в проблеме социальной справедливости. Это вопросы, связанные, в первую очередь, с реализацией принципов демократии, как политической системы. Те результаты, которые продемонстрировала политика Испании и Евросоюза в отношении Каталонии, далеки от утешительных. Они показали, что для социальной справедливости не остается места там, где на карту поставлены политические и экономические интересы крупных игроков. Согласно демократическим ценностям, основа для реализации принципов социальной справедливости в политике существует, если: (1) народ вправе обсуждать вопросы политического значения и решать основополагающие из них путем прямого референдума; (2) правовая (судебная) система является беспристрастной и не связанной с политическими разногласиями; (3) не нарушаются основные политические права человека. В случае каталонской проблемы все три принципа были нарушены правительством Испании при молчаливом согласии Евросоюза. Ситуация в Каталонии резко обострилась осенью 2017 г., что можно рассматривать в качестве следствия ряда событий, в которых проявилась социальная несправедливость по отношению к народу Каталонии со стороны центральной власти Испании. Хотя борьба на независимость Каталонии

имеет длительную историю, современный этап противостояния начался в 2010 г., когда Конституционный суд Испании отменил некоторые положения Статута автономии Каталонии 2006 г. и ввел ряд существенных поправок к другим. Статут был одобрен ранее не только парламентами Испании и Каталонии, но и народом Каталонии при помощи референдума. Это решение было воспринято общественным мнением Каталонии как несправедливое, мало того, унижающее их национальное достоинство. Демократически разработанные и утвержденные положения Статута в данном случае столкнулись с возможностью их законного (решением Конституционного суда) игнорирования или преобразования. Политическое решение о принятии курса на отделение от Испании было принято патриотическими силами Каталонии именно на основе данного события. Курс на автономизацию региона сменился курсом на отделение. «Это была последняя попытка многих людей, в том числе сторонников единства страны, добиться лучшего понимания с Испанией внутри Испании. Ответ Конституционного суда был чрезвычайно оскорбительным, относительно наиболее животрепещущих вопросов. Мы сказали: достаточно, они не имеют права» (1). Дальнейшее развитие событий складывалось таким образом, что испанские власти заняли жесткую позицию по отношению к каталонскому движению за независимость, аргументируя ее соблюдением конституционного порядка страны, не предусматривающего отделение территорий. Однако требования законности были постоянно сопряжены с явными признаками нарушения принципов социальной справедливости в демократическом обществе. Кульминационным актом в этом отношении стало полицейское насилие в отношении каталонцев, собравшихся 1 октября 2016 г. для участия в референдуме о независимости, запрещенном правительством Испании, но одобренном парламентом Каталонии. Эти события были восприняты как вопиющая несправедливость и нарушение базовых принципов демократии: избиение мирных людей, желающих принять участие в голосовании. После того, как на основе результатов референдума парламент Каталонии принял Декларацию о независимости, власти Испании не только наложили прямое правление на автономный регион, но и предъявили вышеупомянутые обвинения в бунте и мятеже всему составу правительства Каталонии, заключив в тюрьму 8 политиков, не покинувших страны. Еще до этих событий были арестованы два виднейших активиста мирных общественных движений, роль которых заключалась в организации многотысячных демонстраций. Предвыборная кампания нового состава парламента Каталонии проходила в условиях, также характеризующихся крайней несправедливостью, с политическими изгнанниками и заключенными, с одной стороны, и всей полнотой власти и распоряжения информационными ресурсами региона, с другой. Таким образом, политика центральной власти Испании сопряжена с постоянным игнорированием требований социальной справедливости со стороны каталонского общества. Это рождает еще большее социальное противостояние, препятствуя демократическому

разрешению конфликта. Некоторые аналитики даже склонны считать, что Испания стоит на грани гражданской войны (2).

Литература:

1. *Интервью К. Путчдемона для телекомпании «Аль-Джазира» 01.04.16. // Talk to Al Jazeera - Puigdemont: What goes for Scotland, goes for Catalonia. Электронный ресурс: https://www.youtube.com/watch?v=y9eI5yfQkFE (дата обращения: 03.01.18).*
2. *Parish M. The Need for Peace // электронный ресурс: http://gentiumlaw.com/news/the-need-for-peace/ (дата обращения 11.01.18).*

Михайлова Татьяна Петровна,
РОАТ, Москва, Россия

П. Сорокин о невозможности социальной справедливости без социального равенства

Обращение к истории отечественной социологической мысли в лице П.Сорокина – это обращение к социальному наследию, и проблемы изменения в отечественном развитии. Весьма плодотворными и остро актуальными для современной России звучат идеи мыслителя связанные с характеристиками правового государства, решением проблем социальной справедливости, социального равенства.

П.Сорокин подчеркивает и специально выделяет роль права как самостоятельного фактора влияющего на общественную жизнь и поведение человека. Право, как полагает Сорокин проявляется в трех основных формах: a) чисто мотивированном влиянии его; b) влияние его как принудительной силы; c) влиянии его в основанном на роли повторения и привычки (дрессирующая роль права)[2с.182].

Основными институтами общественно-правовой жизни П.Сорокин считал закон и законодательную власть, суд и судебную организацию общества. Он четко определяет назначение этих институтов. “Закон должен быть точным, не допускающим двусмысленного толкования, все должны точно знать, кто имеет право издавать законы, чтобы при толковании не возникало разногласий”[2.с.117]. Главной задачей суда и судебных организаций П.Сорокин считал - авторитетное решение споров, требуемых распорядительной ролью права. Если же правопорядка нет, то тогда возможны частные правонарушения во всех сферах общественной жизни и борьба за социальную справедливость и перераспределение социальных благ.

Важное место занимает, распределительная роль права. Именно она способствует установлению общественного порядка, четкого распределения прав и обязанностей, распределению общественных тягот и повинностей. Так право, отмечает П.Сорокин, означает “социальное благо”[2.115-116]. Например, право собственности означает право на владение и распоряжение множества вещей движимых и недвижимых, представляющих определенную

ценность, и представляющих собственнику множество жизненных удобств или социальных благ: пищу, одежду, предметов комфорта, роскошь и т.д. Без распорядительной роли права не было бы возможным провести границу между “моим и твоим” в пользовании социальными благами. Из-за них шла бы бесконечная борьба, каждый старался бы захватить накопленное количество социальных благ: материальных и духовных. В итоге общественная жизнь превратилась бы в вечную анархию. Без распорядительной функции права все члены общества не знали бы своих обязанностей и стали все уклоняться от их исполнения. П.Сорокин вводит понятие критерия нравственно-правового прогресса и правового идеала. “Идеалу правовой нормы применим не теоретический, а практический критерий - блага личности и блага общества... Исторический опыт человечества указывает критерий действенный любви друг к другу”[1.с.189]. П.Сорокин оценивает как “дозволенное и должное”, как недозволенные, преступные - акты социально-вредные[1 с.190]. Таков, по мнению Сорокина, “критерий улучшения и ухудшения как самого права, так морально-правового состояния человечества”[1.с.190]. Сообразно со сказанным он вводит понятие идеала права по содержанию, это “право, определяющее поведение и общественную организацию, соответствующую... виду общества, основанного на взаимной любви и солидарности и построенного на принципе служения личности. Такое право для краткости можно определить как право социально-благожелательного поведения”[1с.190].

Охарактеризовав критерии качества этого поведения, Сорокин приходит к выводу, что морально-правовой прогресс существует. “Морально-правовая история, - подчеркивает он, - является в то же время морально-правовым прогрессом. Первое проявление закона роста личности это проявление и рост его индивидуальности”[1с.147]. История “убедительно подтверждает факты освобождения личности и превращения ее в высшую социальную ценность... Личность... становится мерой всех вещей”[1 с.20-205]. Сорокин убежден: “Только, то право, та религия, та семья, так экономическая и социальная организация общества имеют будущее, которые не противоречат интересам личности и благоприятствуют ее всестороннему развитию”[1.с.205-206]. Свободная личность, как она существует в реальности, по убеждению Сорокина, есть существо зависимое, не способное к самостоятельности, нуждающееся в правовой защите. Примечательно, что, размышляя над проблемой правовой защищенности индивида, Сорокин ставит вопрос о роли государства в развитии личности, индивидуальности и весьма пессимистически оценивает перспективы развития свободы в обществах, где государство берет на себя регулирование большинства сфер общественной жизни. В обществах такого типа возможны лишь централизация, государственный деспотизм и официальный бюрократизм”[3.с.135].

Возникновение права как обязательно-принудительной нормы было связано с “неприспособленностью человека к социально-благожелательному поведению. Сорокин верит в конституционную роль права человеческой

истории. Благодаря правовому принуждению “человечество становится, более лучшим, более солидарным, более альтруистическим, более приспособленным к гармоничной общественной жизни”[3с.235]. Правовой прогресс человечества приведет к достижению состояния полной приспособленности человека к социуму. Сорокин размышляет также о путях и средствах приближения общественного состояния к идеальному, и видит их в утверждении принципов социального равенства. По убеждению Сорокина, именно социальное равенство является гарантом солидарного образа мышления и действия.

Литература:

1. *1 Сорокин П.А. Элементарный учебник общей теории права в связи с теорией государства. Пр., 1919, с. 12.*
2. *Сорокин П.А. Элементарный учебник общей теории права в связи с теорией государства. Пр., Ярославль*
3. *Сорокин П.А. Система социологии. Т.1, Социальная аналитика. Ч.2, с.135*
4. *Сорокин П.А. Проблема социального равенства. с. 38.*

Мицких Дарья Алексеевна,

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Роль кинологической службы в формировании и защите социального порядка в современной России

В эпоху современных технологий людей все чаще заменяют машины, но, несмотря на это, в соблюдении общественного порядка и в борьбе с преступностью и экстремизмом человеку помогают собаки. Служебно-розыскные собаки помогают сотрудникам органов внутренних дел и военнослужащим внутренних войск МВД России в обнаружении преступников, их тайных убежищ и оружия. С целью обеспечения гражданам безопасности, полицейские со своими питомцами работают на пограничных пунктах, где кинологов привлекают к проверке автомобилей, для выявления фактов незаконной перевозки оружия, взрывчатых и наркотических веществ. В соответствии с приказом МВД РФ от 25.09.96 № 525 «Об утверждении наставления по служебному собаководству в органах внутренних дел» [1], в качестве основных задач подразделений кинологической службы определяют следующие направления:

- одним из важнейших параметров работы служебно-розыскной собаки является необходимость предупреждения и раскрытия преступлений, это связано с розыском и задержанием преступников, обнаружению наркотических средств, взрывчатых веществ, взрывных устройств, поиском и выявлением оружия и боеприпасов; а также осмотр и отработка мест возможного укрытия преступников и предполагаемого нахождения гильз, спрятанных трупов; собаки помогают оперативникам в поиске вещей и предметов, которые могут быть вещественными доказательствами;

- также служебно-розыскные собаки участвуют в обеспечении личной и общественной безопасности граждан, они стоят на страже общественного порядка, государственной, личной и других форм собственности, обеспечивают охрану специальных учреждений, заключенных и других лиц; В обязанности кинологической службы также входит поддерживать сотрудничество с другими службами, ведомствами, учреждениями и общественными организациями по вопросам совей профессиональной деятельности [1].

Специалисты-кинологи со своими четвероногими помощниками зачастую входят в состав следственно-оперативных групп и принимают участие в расследовании преступлений при осмотре мест происшествий, поиску и задержанию злоумышленников. Служебные собаки занимаются обнаружением предметов, которые могут служить вещественными доказательствами, а также в охране общественного порядка и в группах задержания пунктов централизованной охраны подразделений вневедомственной охраны. Обеспечение справедливого наказания для преступника зависит от успешного расследования, его качества и полноты работы на месте происшествия, поскольку обнаруженные и зафиксированные следы правонарушения могут указать на способ и мотив преступления, а соответственно способствовать выдвижению правильных версий его совершения, определения необходимых в дальнейшем процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий. В такой ситуации осмотр места происшествия следует проводить особо тщательным образом, а работу специалиста-кинолога со служебной собакой для организации поисковых мероприятий необходимо обеспечить своевременно, потому как она наиболее эффективна лишь в случаях, когда преступление совершено на территории с малоинтенсивным движением [2, с.126]. Таким образом, нужно отметить, что работа кинолога со служебно-розыскной собакой по обеспечению социального порядка имеет свою специфику, которую необходимо учитывать при привлечении данных специалистов к работе по расследованию преступлений.

Литература:

1. *Приказ №525 «Об утверждении Наставления по служебному собаководству в ОВД» от 25 сентября 1996 г.*
2. *Назаркулова Ч.Н. Участие специалиста в следственных действиях при расследовании преступлений, совершенных по мотиву национальной, расовой, религиозной или межрегиональной ненависти или вражды // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России.- 2016.- №3 (71).- с.124-129.*

Назлуян Наира Санасаровна,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия

Социальная справедливость в политике: сравнительный анализ российского и армянского опыта

Прежде чем говорить о социальной справедливости и сравнении опыта двух стран, необходимо понимать, что такое социальная справедливость [4]. Понятие «справедливость» многими понимается как «равенство». Однако здесь не все так просто. Дело в том, что равенство не исчерпывающий критерий справедливости [5]. Только в том случае, когда равенство объективно обусловлено уровнем материальной и духовной зрелости общества, притом зависящее от жизненного положения социальных групп или отдельных индивидов, может называться справедливостью. Итак, социальная справедливость – это мера равенства в жизненном положении людей, классов и социальных групп, объективно обусловленная уровнем материального и духовного развития общества. Это определение наиболее четко раскрывает смысл понятия социальной справедливости [2, 3]. Перейдем к конкретным примерам. Среди россиян популярно мнение, что в нашей стране отсутствует социальная справедливость как таковая, либо, что она находится на крайне низком уровне [1]. Обусловлено это высоким числом тех, кто живет за чертой бедности или стоит на ее пороге, большими затруднениями с поиском работы после окончания вуза, огромным количеством случаев, когда деньги «решали» преступления со смертельным исходом. И этот список можно продолжать, казалось бы, бесконечно. Если углубиться в историю, можно прийти к мнению, что в бытовом смысле социальной справедливости в России не было никогда. Например, в советское время одним из показателей этого был неравный доступ к дефицитным товарам. Выше говорилось о том, что равенства для становления справедливости мало. То есть, к примеру, равная система оплаты труда и пенсионного обеспечения не может гарантировать социального равенства. По опыту общества, простых граждан, такая система малоэффективна. Решением этой проблемы стало бы не введение средней заработной платы по региону в госструктурах, на предприятиях, открытых акционерных обществах, а, например, установление ограничения соотношения 5% высокооплачиваемых к 5% низкооплачиваемых. Также здесь стоит отметить, что социальная политика государства должна быть направлена не только на поддержку «слабых», но и предать гласности несправедливые доходы «сильных». Все мы наслышаны о социальной справедливости в России или ее отсутствии [6]. Теперь поговорим об Армении. Думаю, мало кто знает, что в этой стране дела обстоят в разы хуже, чем в России. К проблемам, о которых говорилось выше в контексте РФ,

можно добавить высочайший уровень коррупции. К великому сожалению, власть там находится не в руках народа. А поскольку власть не способна и, более того, не стремится обеспечить социальную справедливость в государстве, народ хочет, чтобы эта власть ушла. Более того, были попытки восстания народа против действующего правительства. Последнее – в июле 2016 года. Эти попытки были жестоко подавлены. Откровенно говоря, в Армении ситуация обстоит гораздо хуже, чем в России. Если в России мы можем увидеть предпосылки к искоренению коррупции, выполнению задач по достижению цели в установлении социального равенства, то в РА отсутствуют и эти предпосылки. Единственное решение, которое видит большинство граждан Республики Армения, а также представители многочисленной армянской диаспоры в других странах – отставка действующей власти [7]. Подводя итоги, стоит сказать, что главные задачи государства в рамках обеспечения социальной справедливости: обеспечение равного доступа к образованию, здравоохранению, обеспечение доступа всех граждан к политической деятельности в стране, гарантия пенсионного обеспечения по единому закону в зависимости от трудового стажа и уровня оплаты труда, равный доступ молодежи к возможности получить высшее образование, а так же доступ по конкурсу на вакантные места в государственных и некоторых иных учреждениях [8]. Только в случае выполнения этих задач государством в стране будет установлена настоящая социальная справедливость – сократится число бедных, придет к минимуму уровень коррупции, а у народа не будет причин митинговать.

Литература:

1. *Енгибарян В.Г. Криминалистическая теория расследования массовых беспорядков (по материалам Республики Армения и Российской Федерации): монография / под науч. ред. А.М. Кустова. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 325 с.*
2. *Конджакулян К.М. Административная ответственность за нарушение избирательных прав в Российской Федерации и Республике Армения: (сравнительно-правовое исследование): монография. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 238 с.*
3. *Конджакулян К.М. Исполнительная власть и институт президентства: вопросы соотношения: (административно-правовое исследование на примере Российской Федерации и Республики Армения): монография / под. ред. Н. М. Чепурновой. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 199 с.*
4. *Назаренко С.В. Ценности и нормы электоральной культуры как основа социального контроля электорального поведения студенческой молодежи / Теории и проблемы политических исследований. 2017. Т. 6. № 2А. С. 7-27.*
5. *Оборский А.Ю. Охрана интеллектуальной собственности: история и современное состояние / Экономика. Бизнес. Банки. 2017. Т. 6. С. 20-26.*
6. *Паронян А.Л. Динамика развития армяно-российских отношений в постсоветский период: монография. – М.: Центриздат, 2015. – 115 с.*
7. *Романовская В.Б. Эволюция источников армянского права с древнейших времен до середины XIX в.: монография. – Нижний Новгород: РАНХиГС, 2012 – 173 с.*
8. *Национальный фронт желает, чтобы в Армении была социальная справедливость. «News.am» [Электронный ресурс]. URL: https://news.am/rus/news/65103.html (дата обращения: 30.01.2018).*

Невская Татьяна Александровна,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Социальная несправедливость в отношениях власти и общества в современной России: тенденции и проблемы преодоления

Проблема социальной справедливости – одна из наиболее актуальных и в то же время наиболее сложных проблем современного мира. О ней говорят и спорят политики, ученые, журналисты, рядовые граждане. Тема справедливости занимает важное место в программах политических партий, общественных движений, неправительственных организаций. Можно с уверенностью сказать, что проблема социальной справедливости приобрела глобальный характер и вызывает большой и быстро растущий в последние годы интерес ученых, как зарубежных, так и отечественных. Какой бы смысл ни вкладывали политики или ученые в понятие «справедливость», оно остается одним из самых многозначных. Изучение феномена справедливости в современном российском обществе необходимы как минимум по двум причинам. Первая из них заключается в том, что в обществе существует достаточно большой разброс мнений относительно того, что считать справедливым, а что – нет. И очень важно, чтобы представители различных социальных групп не только имели возможность публично выражать и отстаивать свое понимание справедливости, но и проявляли готовность слушать и слышать своих оппонентов, признавать за ними право на иное понимание справедливости, идти на компромиссы. Только при этом условии можно выработать новый ценностный консенсус, без которого невозможны ни политическая стабильность, ни прочный гражданский мир. Проблема социальной справедливости неразрывно связана не только с избыточным имущественным неравенством, с неравными возможностями доступа к важнейшим социальным благам и неравенством граждан перед законом, но и с неравенством политическим, которое проявляется в неодинаковых возможностях различных социальных групп влиять на принятие важных для страны решений. Для обозначения политического неравенства существует специальный термин – «политическая бедность». В научный оборот его ввел американский политолог Дж. Бохман, по мнению которого «политическая бедность» проявляется в «неспособности каких-то групп граждан эффективно участвовать в демократическом процессе и в обусловленной этим уязвимости перед последствиями намеренно или ненамеренно принимаемых решений» [1, с. 973]. Следствием «политической бедности» становится неспособность граждан представлять своё мнение и интересы ни в обществе, ни в государстве, т.е. быть полноправными и влиятельными участниками публичной сферы, в которой происходит обсуждение важнейших проблем общества и поиск вариантов их решения. Порогом

«политической бедности» Дж. Бохман считает именно способность-неспособность той или иной общественной группы инициировать обсуждение проблем, затрагивающих её интересы, и предостерегает власть от ошибочного восприятия пассивности граждан как согласия с проводимой ею политикой. «Политическая бедность» оборачивается сужением пространства публичной сферы, слабым представлением в ней целых сегментов групповых интересов. Неготовность общественных организаций заставить государство воспринимать себя в качестве его равноправных партнеров приводит к тому, что политика приобретает преимущественно «монологовый» характер, а многие важные решения разрабатываются и принимаются без предварительной апробации в виде широкой общественной дискуссии с участием всех заинтересованных сторон. Следствием застойной «политической бедности» становится также нарастание в обществе энергии социального недовольства и протеста. В настоящее время большинство россиян не особенно верят (или вовсе не верят) в возможность реализации мечты о жизни в справедливом и разумно устроенном обществе. В тоже время, большинство россиян, выражая недовольство многочисленными проявлениями несправедливости, не изъявляют готовности личными усилиями содействовать их устранению. Поддержание в обществе принципов социальной справедливости во многом заслуга общественных организаций, которые являются важнейшими институтами артикуляции интересов различных социальных групп. Ассоциации работодателей, профсоюзы и другие подобные организации должны постоянно выявлять интересы соответствующих социальных групп и в случае необходимости транслировать их в публичную сферу, привлекая к ним внимание органов власти различных уровней, настаивая на учете ими этих интересов при разработке и принятии политических решений Для того, чтобы преодолеть социальную несправедливость в отношениях власти и общества, на наш взгляд, государства необходимо слушать и слышать голос гражданского общества, своевременно реагировать на исходящие от него общественные запросы, поддерживать с ним партнерские отношения. Важна и позиция гражданского общества, базовые структуры которого «могут стать основой для мобилизации демократических сил и их активного участия в процессе модернизации политической и общественной жизни, тем более что это соответствует ожиданиям и настроениям большинства населения страны» [2, с. 22].

Следует отметить, что уже сегодня в сфере публичной политики имеются отдельные формы институционального диалога власти и гражданского общества: гражданский контроль, общественные экспертизы, институт обращения граждан, гражданские инициативы, интерактивные телепередачи с участием представителей власти, работа общественных палат и общественных советов и т.д.

Литература:

1. *Петухов В.В. Ценностная палитра современного российского общества: «идеологическая каша» или поиск новых смыслов? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011. № 1. С. 6–23.*
2. *Красин Ю.А. Политические аспекты социального неравенства // Вестник Российской академии наук. 2006. Том 76. № 11. С. 971–977.*

Оборский Алексей Юрьевич,
Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

К вопросу о социальной справедливости в современной России

Одной из базовых ценностей любого общества во все времена являлась справедливость, поскольку именно с ее трактовками и связаны возникновение социальных норм, социального контроля [1, С. 18-23] и различных механизмов социализации личности. Изучению и рассмотрению справедливости уделялось немало внимание с древности. Так, Платон считал справедливостью добродетель правильного отношения к другим людям, сумму всех добродетелей вообще [2, С. 435]. Эпоха Аристотеля ознаменовала собой формирование двух основных трактовок понятия «справедливость». Первая предполагает равенство граждан перед предустановленными условиями, прежде всего перед законом (т.н. «уравнительная»). Вторая оценивает явление через распределение различных благ в соответствии с заслугами, ролью и значением участников распределения перед социумом (т.н. «распределительная»). Следует отметить, что уравнительная трактовка активно рассматривалась представителями либерального крыла политической философии. Распределительная же получила наибольшее распространение в социал-демократических и социалистических направлениях. В современной энциклопедической литературе справедливость представляется как предварительное условие осуществления остальных ценностей и состоит в том, чтобы уважать личность, не вторгаться в сферу ее свободы, чтобы сохранить ее и не препятствовать созданию культурных ценностей [2, С. 435]. Исторический опыт многих государств и России показывает, что справедливость, как правило, реализуется по двум основным направлениям. С одной стороны – это формирование определенных норм и правил, способствующих социализации индивида в социуме. Второе предполагает активную динамику этих институтов посредством творчества индивидов и социальных групп. В зависимости от доминирования того или иного вектора, более активно проявляются справедливость через обеспечение безопасности, либо к ним добавляется свобода как фактор самореализации. Следует отметить, что представления о справедливости колеблются в ту или иную сторону в зависимости от политической и экономической ситуации, в которой находится общество. Отсюда следует, что именно справедливость может выступать той

категорией, которая составит основу ценностных представлений граждан, обеспечит доверие к людям, социальным и политическим институтам. Отдельным и весьма существенным аспектом справедливости становится проблема неравенства людей в конкретных исторических условиях. В целом, социальную справедливость можно представить, как категорию, выражающую в определенной степени меру неравенства в обществе с опорой на уровень его развития (в том числе как материального, так и духовного) [3, С. 161-162]. Очевидно, что категория «справедливость» в целом, как и неравенство, должна иметь определенную национальную, ментальную специфику. И в этом случае реальным проявлением справедливости становится структура распределения благ в обществе, удовлетворение потребностей населением, вознаграждение за заслуги. Учитывая достаточно серьёзные темпы социальной и материальной дифференциации в современной России, можно предположить, проблема социальной справедливости может стать одним из источников социальной напряженности. Особый интерес представляют данные социологических исследований, проведенных ведущими исследовательскими центрами России по проблемам справедливости. Так, опрос ВЦИОМ [4] в 2013 году показал, что справедливость ассоциируется, прежде всего, с равенством граждан перед законом (36%). Причем данный ответ большинство респондентов выбирает уже на протяжении более чем 6 лет, на протяжении которых ВЦИОМ проводит мониторинг. Вторым по значимости (20%) остается ответ, в котором респонденты выбирают достойный уровень жизни, отсутствие резкой имущественной дифференциации. Почти половина опрошенных россиян (58%) предпочла бы развивать идею социальной справедливости, опираясь на сильное государство, порядок и национальные интересы. Альтернативную версию, в которой справедливость развивалась бы с опорой на демократию, солидарность и свободу выбрали в два раза меньше респондентов - 27%. Интересно, что первый вариант предпочитали жители небольших населенных пунктов и россияне пожилого возраста. Среди сторонников второго подхода существенную долю составляют жители крупных городов. В 2017 году ФОМ [5] провел исследование проблемы справедливости в российском обществе. Социологи отмечают, с 2011 года отмечается стабильный рост (с 16 до 42%) доли респондентов, считающих, что российское общество справедливее западного. Почти пятая часть респондентов предполагает, что государство в силах сделать жизнь россиян более справедливой. Более критично настроены почти 40% опрошенных - считающих, что власти не стремятся этого делать, хотя и имеют все возможности. 13 % россиян, высказавших свое мнение в ходе опроса, настроены еще более пессимистично - предполагают, что власти не имеют ни желания, ни возможности для формирования справедливого общества. Таким образом, в современной России проблема социальной справедливости должна находится в центре внимания органов государственной власти.

Литература:

1. *1. Назаренко С.В. Современный тренд социального контроля и управления: теоретическая интерпретация / Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 16-34.*
2. *Философский энциклопедический словарь. М. ИНФРА-М, 2003. С.435.*
3. *Дыльнова Т.В. Социальная справедливость и социальное неравенство в условиях современной России. Вестник РУДН. Серия «Социология». 2004. № 6-7. С.161-167.*
4. *Официальный сайт ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2346. 15.07.2013. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114297. (дата обращения: 31.01.2018).*
5. *Официальный сайт ФОМ. О справедливости и несправедливости в российском обществе. 07 Апреля 2017. URL: http://fom.ru/posts/13279 (дата обращения: 31.01.2018).*

Орлова Наталья Алексеевна,
Центральный исполком партии "Единая Россия", Москва, Россия

Особенности политических процессов и политических конфликтов в условиях развития гражданского общества в России

Политический процесс раскрывает движение, динамику, эволюцию политических явлений, конкретное изменение их состояний во времени и пространстве и так или иначе влияет на возникновение и развитие политических конфликтов.

Политический конфликт - один из видов социальных конфликтов. Исследовать политический конфликт как автономное явление, изолированное от обшей социальной среды, невозможно. Поэтому исследование политических конфликтов обусловлено развитием политических процессов. Основными акторами политического процесса являются политические системы, политические институты (государство, гражданское общество, политические партии и т.д.), организованные и неорганизованные группы людей, а также индивиды. Одним из главных акторов политического процесса выступает государство. Другим важным актором является гражданское общество, которое может рассматриваться как политический институт. Исторический анализ возникновения политических акторов как субъектов политических процессов показывает, что государство и гражданское общество формируются примерно в период Нового времени под влиянием происходящих модернизационных изменений. Именно с этого времени складывается основной институт власти в обществе, об-ладающий монополией на принуждающее насилие на определенной территории, — государство. В то же время, под влиянием этого процесса происходит формирование своеобразной антитезы государства — гражданского общества. В понимании сущности политических конфликтов с точки зрения этого подхода важно, таким образом, рассматривать конфликты как процесс и явление, в котором новым качеством выступает, с одной стороны, характер связей и отношений политических акторов, с другой стороны, их взаимодействие. Характер их взаимодействия на разных этапах развития гражданского общества может быть различным. Так, субъектами

позиционных внутриполитических конфликтов выступают политические институты, организации, осуществляющие власть и руководство в рамках данной системы, но занимающие различные позиции. Таковы, например, органы и занятые в них группы людей, представляющие разные ветви государственной власти, институты федеральной власти и субъектов федерации. Предмет таких конфликтов – отдельные элементы политической системы и политики правящих кругов, не соответствующие в полной мере интересам и целям системы, отдельным группировкам правящих сил. Их разрешение ведет к частичным изменениям в политике властей. Это частичные конфликты.

Субъектами оппозиционных внутриполитических конфликтов могут выступать, с одной стороны, властвующие элиты, выражающие их интересы партии, государственные институты, организации, лидеры. С другой – организации, представляющие подвластные массы, а также политически активные группы, выступающие против существующих порядков и господствующей политической власти. Предметом конфликта в данном случае является существующая система государственной власти в целом, существующий режим. Конечный итог разрешения конфликта в этом случае – смена политической системы. Поэтому конфликты подобного рода называют радикальными.

Источниками радикальных конфликтов являются противоречия между коренными политическими интересами и основными ценностями крупных социальных групп; источниками частичных конфликтов являются противоречия между временными, неосновными интересами и ценностями конфликтующих агентов. Радикальные конфликты вовлекают в сферу противоборства большинство или все политические институты и значительные массы населения. В частичных конфликтах участвуют лишь некоторые институты и группы, части элит, соперничающие партии, заинтересованные в разрешении (или в неразрешении) конкретных проблем реформирования политических отношений и институтов. Первые разделяют общество на две основные противоположные политические силы, вторые вырастают из сплетения многих политических сил, действующих в рамках и по правилам плюрализма.

Внутриполитические конфликты подразделяются на режимные и легитимные.

Целью режимного внутриполитического конфликта одного из субъектов может быть захват власти в государстве или смена политической системы, но без разрушения территориальной целостности государства.

При легитимных внутриполитических конфликтах часть государства стремится отделиться от целого. При этом легитимные конфликты могут совпадать с этнополитическими конфликтами, но не всегда этнополитические конфликты являются легитимными (например, требования национального равноправия, автономии и т.п.).

Таким образом, политические процессы в обществе развиваются и отражают различные потоки и движения социальных субъектов, в том числе

и оппозиционных к действующей политической власти. Именно последние фиксируют степень негативного отношения к проводимой политике в том или ином виде, и именно по этому показателю можно измерять уровень эффективности проводимой субъектами власти политики.

Павлова Татьяна Сергеевна,
Московский Государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия

Социальная справедливость как фактор социальной дезинтеграции современного российского общества

Проблема социальной справедливости плотно перекликается с проблемой равенства и неравенства в определенных исторических периодах. Бывает такое, что можно встретить утверждение, что справедливость – это последовательно проведенное равенство. Но при этом и присутствует другое желание человека – желание отличиться и выделиться. Общество, которое сложно организовано, которое основано на разделение труда и социальной иерархии, порождает моральные представления, санкционирующие неравенство людей, которые вытекают из различий между ними. Противоречивое соотношение равенства и неравенства основывает центр исторически меняющихся концепций справедливости. Справедливость будет определять, как и в чем люди будут равны друг к другу, и в каких моментах они могут или должны иметь различия относительно друг друга, соотнося людей и их поступки. Нужно обратить внимание и на то, что в сложном и противоречивом процессе общественных изменений могут возникать новые формы социальных различий, которые во многом будут изменять структуру и динамику жизни людей на макроуровне и на уровне первичный социально-производственных ячеек. Образуется новая система отношений неравенства в социуме, изменяются соотношения форм собственности, институты власти, исчезают одни группы и слои общества и появляются другие, изменяется социальный статус и роль группы и слоя общества [1]. Понимание проблемы социального неравенства основывается на рассмотрении таких процессов как социальная интеграция и дезинтиграция. Социальная интеграция основывается в любом обществе на разных формах принуждения и внезапно возникшей солидарности. Отношение этих моментов имеет немаловажное значение. Если в социуме плохо развита солидарность, то шанс рационализировать социальные отношения уменьшаются, а направление к дезинтеграции внушительно увеличиваются. Если рассматривать Россию, то можно сказать, что в нашей стране видна заметно выраженная тенденция к дезитеграции социума, так как социальные группы, корпорации, индивиды имеют совершенно разные представления об образе «единого» социального пространства. Проходят процессы интеграции и дезинтеграции, которые

опираются не на целесообразные начала, а на нерациональные и эмоциональные побуждения. Превалирует размытость идентичностей и социальных статусов, что способствует бесправности и беззаконию в обществе. Основательно изменились принципы социального расслоения. Российское общество начало структурироваться по новым основаниям [2]. Направления изменения социальной структуры России определяются: 1. Переменой институциональных основ, в первую очередь это появления частной собственности и развитие на ее основе предпринимательства; 2. Система планового формирования и распределения рабочей силы уступает место свободному рынку рабочей силы; 3. Понижение уровня жизнь основной части населения страны; 4. Разложение системы социальных ценностей; 5. Сокращение либо полное лишение возможности удовлетворять основные социальные потребности, ограничение доступа к материальным или духовным ресурсам [4]. Основные направления составляют увеличение социального неравенства и маргинализацией большей части населения страны. Так же растет разница в оплате труда между отраслями хозяйства. Отличительной чертой социального расслоения есть очень быстрая биполярная направленность [3]. Сущность происходящего в настоящий момент на социальной территории российского общества включает в себя изменения соотношений групп и слоев, их ролевые функции, иерархию, а помимо этого еще и углубляется социальное неравенство между ними. Общество начинает соответствующе оценивать свое состояние, начинают понимать имеющиеся в социуме определенную разницу в уровне обладания властью, собственностью, социальными возможностями. Образующаяся другая социально стратификационная модель начинает являться не только объективной реальностью, но и начинает оцениваться личностью, группой, что в будущем может оказать воздействие на смягчение социального неравенства на рациональных началах интеграции или на дезинтеграции на основе конфликтов. Для достижения социального согласия, ведь только при этом условии возможно преодолеть экономический и политический кризис, необходимо слияние совместных усилий каждого социального слоя. Согласия и социальное партнерство как всеохватывающий способ уравновешивания всей системы, снижения напряжения и разрешения конфликтов в России, при условии рыночных отношений.

Литература:

1. *Голенкова Ж.Т. Социальное расслоение и социальная мобильность. – М., 1999.*

2. *Роик В.Д. Труд и качество трудовой жизни: практика и теория регулирования в западных странах и России. Монография. – 2017.*

3. *Шевяков А. Экономический рост и неравенство // Общество и экономика. – 2004.– № 2.*

4. *Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. Измерение экономического неравенства. – М., 2002.*

Покатов Дмитрий Валериевич,
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия

Политическая справедливость и возможности политического участия в транзитивном обществе

Современное развитие российского общества по-прежнему сохраняет элементы переходности, что, несомненно, позволяет говорить о синтетическом, эклектичном его характере. Зачастую это приводит к причудливому переплетению элементов и признаков, свойственных традиционной (аграрной), индустриальной, постиндустриальной, интегрирующей в себе характеристики информационного и постмодерного этапов, общественных систем. По сути, в условиях современного российского транзита с традиционным обществом современную Россию связывает ряд традиций, укладов, норм и обычаев, элементы закрытости, сохраняющейся в ряде сфер, в том числе, в политике - стремление к сохранению и укреплению властной иерархии, принципов рекрутирования элиты. Однако наряду с этим заметны и элементы новых укладов, характерные, в том числе, и для эпохи постмодернизма. Это, если вспомнить известного английского социолога Э. Гидденса, и крайний динамизм общественных процессов, возросший темп изменений в различных сферах, приводящий к тому, что общество и его сферы становятся «ускользающими», временами их развития становится хаотичным [1], социум фрагментируется, отсутствуют какие-либо авторитеты. В политической сфере приветствуется тенденция к формированию основ плебисцитарной демократии, с характерными для неё провозглашением равенства политических и иных возможностей, критикой бюрократических преград и идеями прямой связи представителей элиты и общества. Данные постулаты закреплены в ряде важнейших программных документов, с которыми выступили в последние годы представители политической элиты. Гарантия таких прав весьма характерна для общества постмодерна, однако российская действительность имеет свои существенные особенности, детерминируемые рядом, как объективных, так и субъективных факторов. Так, в политической сфере декларация справедливости прав и возможностей, и стремления формировать основы плебисцитарной демократии, имеет свои пределы, связанные с уже устоявшимися нормами и традициями поведения разных сегментов общественной структуры. Так, относительно демографических показателей, по-прежнему женщины, в силу сложившихся ментальных установок и особенностей социализации значительно меньше представлены в политических институтах, чем представители сильного пола, хотя в последние годы их политическая активность несколько увеличилась. Так же представители молодого поколения, по причине отсутствия необходимого

опыта, связей, материальных, а, в ряде случаев, и образовательных ресурсов, имеют неравные возможности, по сравнению с представителями старших возрастных групп. Заметно больший интерес к политике проявляют те молодые люди, которые больше довольны своим материальным положением. Доля молодежи непосредственно участвующей в политической деятельности, по данным М.К. Горшкова, за период с 1997 по 2015 гг. практически не изменилась и составляет сегодня 1-2 % [2, 282]. Это подтверждает и проведенный автором статьи анализ биографий 344 представителей политической элиты Волгоградской, Самарской и Саратовской областей, показавший, что на региональном уровне, число представителей молодежи, участвовавших в деятельности партий, общественных движений и организаций за последние 15 лет составляет: в Волгоградской области – 3,7%, в Самарской области – 3,5 %, а в Саратовской области – 3,27% [3]. Конечно, не только недостаток опыта и малый интерес к политическим проблемам влияют на позиции молодых людей, но и то, что молодежь сегодня мало рассматривает маловлиятельные партии и движения как существенный канал мобильности. В условиях перехода к обществу модерна важным является и информационно-телекоммуникационные ресурсы и технологии. Как показывают социологические исследования последних лет, по уровню проникновения Интернета наша страна занимает восьмое место в мире. В 2015 году 47 % россиян ежедневно использовали сеть Интернет [4, 351-353]. Однако сохранялись значительные социально-демографические, образовательные и иные диспропорции. Так, молодежь чаще, чем представители старшего поколения использовали Интернет, как правило, в целях общения. Люди со средним и высшим образованием также чаще становились Интернет-пользователями, чем не имеющие образования. Жители Москвы и крупных городов – чаще, чем жители малых и средних городов и сел [5, 220-221]. Конечно, это не могло не влиять и на и возможности политического участия и равенство прав и возможностей. И, наконец, нельзя не отметить и такие важные факторы, как политический и материальный капитал, связи, играющие сегодня ведущую дифференцирующую роль в политической сфере. Не случайно анализ биографий современных политиков показывает, что в современной политической элите по-прежнему доминируют концентрирующие их представители хозяйственников в лице руководителей государственных предприятий ВПК и АПК, менеджеров фирм, банковско-финансового капитала (36,1 % на федеральном уровне) и корпоративных кругов («силовиков»), представленных когортами армейских офицеров, офицеров ФСБ, правоохранительных органов, насчитывающих сегодня на федеральном уровне 12% [6. 413]. Все сказанное выше позволяет говорить, что сохраняющееся в российском обществе состояние переходности не только не изменило, но, в ряде случаев, закрепило тенденции, препятствующие проявлению и становлению основ политической справедливости и равенства возможностей участия в политике представителей различных социальных слоев и групп.

Литература:

1. *Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М: Весь мир, 2004.*
2. *Горшков М.К. Российской общество как оно есть (опыт социологической диагностики). М.: Новый хронограф, 2016. Т. 2.*
3. *Источник: Администрация Волгоградской области // URL: http://www.vmes.ru (дата обращения: 01. 10. 2017); Волгоградская областная Дума // URL: http://www.volgaduma.ru (дата обращения: 01. 10. 2017); Известные люди юга России // URL: http://www.vipstav.ru (дата обращения: 01.10.2017.); Правительство Самарской области // URL: http://www.samregion.ru (дата обращения: 01. 10. 2017); Самарская губернская Дума // URL: http://www.samgd.ru (дата обращения: 01. 10. 2017).; Правительство Саратовской области // URL: http://saratov.gov.ru (дата обращения: 15. 09. 2017); Саратовская областная Дума // URL: http://www.srd.ru (дата обращения: 15. 09. 2017); Интернет-энциклопедия «Кто есть кто в Саратовской области» о самых успешных и известных персонах региона // URL: http://www.kto.delovoysaratov.ru (дата обращения: 01.10.2017.)*
4. *Горшков М.К. Российской общество как оно есть (опыт социологической диагностики). М.: Новый хронограф, 2016. Т. 1.*
5. *Волченко О.В. Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены: Альманах-2016: сборник. М.:АО «ВЦИОМ», 2016*
6. *Покатов Д.В. Социология политической элиты в России: возможности и ограничения предметного поля исследования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2017. Т. 17. Вып. 4. С. 410-414.*

Проскура Мария Андреевна,
Финансовый университет, г. Москва, Россия

Политические основы социально-экономического развития страны на принципе социальной справедливости

Идеальная модель справедливого общества: какая она? Может ли она существовать не только в рамках человеческого сознания, но и вне – в системе государства? Эти вопросы являются весьма актуальными для дискуссии, особенно ввиду напряженной социально-экономической ситуации во многих странах, а также попыток правительств повлиять на нее. Это побудило более подробно рассмотреть пути социально-экономического развития нашей страны с точки зрения принципа социальной справедливости.

Стоит упомянуть о теоретических аспектах социальной справедливости. Большое количество ученых в работах затрагивали тему справедливости. Среди них Ф. Хайек, Дж. Хосперс, Дж. Гэлбрейт и др. Большой вклад в изучение феномена внес Дж. Роулс, опубликовав работу «Теория справедливости». Многие ученые критиковали взгляды друг друга, однако существовало четкое понимание того, что каждое мнение имело и имеет право на жизнь. [3]

Судя по общим взглядам народа, неравенство стартовых возможностей и объективные различия в условиях жизни принимаются как несправедливость. Проявления неравенства и несправедливости и причины многообразны. Возможности и условия жизни различаются - зависят от семьи, образования, рода деятельности, этнической, расовой принадлежности и т.д. [1] Но влияет ли это неравенство на перспективу социально-

экономического развития? В докладе Всемирного банка эксперты опубликовали данные, которые дают понять следующее: «В условиях несовершенства рынков неравенство власти и богатства проявляется в неравенстве возможностей, что ведет к непроизводительному использованию потенциала и неэффективному использованию ресурсов». Исследование привело экспертов к важному выводу: между справедливостью и экономической эффективностью в долгосрочном периоде есть связь. Этому эксперты дали четкое объяснение: «Повышение справедливости означает более эффективное функционирование экономики, нейтрализацию конфликтов и улучшение институтов наряду с выгодой для инвестиций и роста». Поэтому странам необходимо уделить внимание соображениям справедливости как в социальной диагностике, так и в практической политике. [2]

В работе МВФ от 2014 года внимание экономистов привлекла связь между неравенством и хрупкостью роста экономики. Появляется понимание того, что неравенство тормозит прогресс в здравоохранении, образовании, вызывает нестабильность. Она может снизить активность инвестиций, расшатывает социум, имеет тенденцию сокращать темпы и длительность роста экономики. Авторы исследования задались вопросом, как влияет перераспределение на рост экономики. Логично, что неравенство требует перераспределения, а высокие налоги могут тормозить рост, снижая предпринимательскую, экономическую активность и провоцируя уход от налогов. Но возникает большой вопрос, можно ли считать это общим правилом. Чтобы найти ответ, авторы разделили неравенство на рыночное (до вычета налогов, трансферов) и «чистое» (после вычета), что дало оценить влияние перераспределения на рост экономики. Данные показали, что чем больше неравенство в стране, чем ярче выражена тенденция к большему перераспределению; в целом перераспределение благоприятствует экономическому росту страны.

Проблема социальной справедливости затрагивает три нередко игнорируемых аспекта, которые следует учитывать при разработке политики по развитию:

1. Оптимальные варианты политики сокращения бедности - предусматривать перераспределение влияния, преимуществ за счет изъятия у господствующих социальных групп.
2. Рассматривать возможность компромиссов.
3. Дихотомия "политика содействия экономическому росту – политика обеспечения справедливости" ложна.

Однако при разработке направлений не нужно специально учитывать эти аспекты: например, наилучшим способом убрать последствия, усиливающие несправедливость, может стать разработка дополняющих мер - соц защита, мобильность рабочей силы, образование. Важны именно совокупность мер и добросовестность их разработки. Эксперты выделили четыре основных направления деятельности государства в создании равных правил в экономике, политике. Три из этих направлений касаются

внутренней политики: инвестирование в развитие потенциала, расширение доступа к правосудию, земле, инфраструктуре, содействие устранению дискриминации на рынках. Четвертое - политики, способствующей усилению справедливости – в части доступа на рынки, потоков капитала, управления. Авторы доклада осознают, что наилучший комплекс мер может быть разработан только с учетом странового контекста. [4]

При практическом воплощении или стремлении к идеальной модели социальной справедливости, я думаю, необходимо опираться на тезис, что несправедливость может корениться не только в фундаментальных принципах, но и в том, как они воплощаются в жизнь, а "они могут применяться неверно и непоследовательно. В этом случае несправедливость является не результатом принципов самих по себе, а результатом их плохого применения". Вместе с тем успех реформирования социального государства напрямую зависит от сплоченности граждан, зрелости населения стран "старой демократии". Именно поэтому повышается значение социального диалога в принятии государственных решений, что способно действительно создать благоприятные условия для успешного социально-экономического развития.

Литература:

1. *Алексеева Т. А. Справедливость: Морально-политическая философия Дж. Роулса. М.: Наука, 1992; Кашников Б. Н. Указ. соч.; Шамилева Р. К. Либеральная концепция справедливости: миф или реальность? // Социально-гуманитарные знания, 2005 N 6*
2. *А.Вебер. Неравенство и развитие – «Социальное неравенство в России: вызовы обществу и публичной политике». М.: Горбачев-Фонд, 2005. С. 69 – 76.*
3. *Гаврилова Ирина Николаевна Современные теории социальной справедливости // Полития. 2009. №1. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-teorii-sotsialnoy-spravedlivosti*
4. *Социальная справедливость и развитие. Доклад о мировом развитии. Всемирный банк – 2006. URL: www.worldbank.org*

Проскура Мария Андреевна,

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Социальная справедливость как исток социально-экономического развития страны

Идеальная модель справедливого общества существует в человеческом сознании как морально-нравственный ориентир, к которому необходимо стремиться. Осуществляя социальные действия по отношению друг к другу люди в своем поведении реализуют ценность равенства как залога, обеспечивающего справедливость [1]. Однако, как свидетельствует практика, не всегда и не на долго принцип социальной справедливости являются главным регулятором институционального поведения граждан. Можно минимизировать неравенство – экономическое и финансовое, политическое и правовое, но достичь максимального уровня равенства всех перед всеми –

нет [6]. Поиск гомеостазиса – динамического равновесия в системе взаимодействий с относительно разрозненными усилиями, устремлениями членов социальных групп и общностей, общества, поиск «золотой середины» – точки интеграции, в которой можно было бы сбалансировать интересы индивида и общества, гражданина и государства, работника и работодателя, просто населения страны, - это ключевая проблема в контексте усиления социальной и социально-политической напряженности и складывающейся социально-экономической ситуации не только в российском обществе, но и в ряде других стран мира. Объективным показателем, доказывающим факт проблемы и ее актуальность, является уровень и качество жизни населения страны [2]. Чем выше они, тем выше уровень социальной справедливости в обществе и политической справедливости в государстве. Если справедливость – это моральный принцип, то равенство – это правовой принцип. Их единство позволяет всем гражданам исполнять законы государства, не лишенные моральной основы социального действия [5]. Следует признать, что это присуще как в публичному, так и частному праву. Посредством их обеспечивается реализация социально-экономических прав людей – права на труд и на пенсию, на образование и здравоохранение, на социальное обеспечение и обслуживание, а также неотъемлемого права на частную собственность. Результаты исследований и собственно практика подтверждают, что социальная справедливость наиболее соблюдается в обществах либерального, нежели авторитарного типа. Либерализм и авторитаризм как две альтернативы достижения справедливости на протяжении исторической ретроспективы не один раз показывали, доказывали и проявляли себя. Каждой присущи сильные и слабые стороны. Если в авторитарном государстве расслоение доминирующего количества населения минимально, то, как правило, качество его жизни невысоко или даже низко [3]. В либеральном государстве социально-экономическое расслоение населения высоко, но оно максимально сглаживается требованиями соблюдения законов государства, регламентирующих нормы-правила поведения, начиная от общественного порядка и заканчивая уплатой налогов (прогрессивная шкала (13% и 15%) налогов, вводимая в России – аргумент ориентированности государства на социальную справедливость). При анализе справедливости важно не подменять равенство стартовых возможностей (шансов) и равенство результатов труда (деятельности). В силу того, что у каждого индивида свой уникальный уровень предрасположенности и подготовленности, а также личного отношения к труду (несмотря на то, что типичные ценности и потребности, интересы и мотивы, цели и задачи), при равенстве шансов участники свободного (рыночного) обмена достигают различных результатов. Тот, кто более целеустремлен, становится успешнее, богаче, конкурентоспособнее, а кто менее целеустремлен – уступил, проиграл состязание. Так, со временем, первые поднимаются посредством вертикальной мобильности в более высокие социально-экономические и социально-политические страты (слои, круги), в вторые, посредством нисходящей мобильности – в более низкие,

опускаясь вплоть до социального дна общества. В государстве как политической организации общества, построенном на либеральных принципах, реализуется социальная политика, целью которой является поддержка, защита или помощь тех людей, которые оказались в трудной жизненной и/или социально-экономической ситуации. В сущности, государство им дает второй шанс, вторую попытку проявить свою активность и посредством своих усилий, действий повысить уровень и улучшить качество жизни. Неравенство стартовых возможностей людей или объективные различия в условиях их жизни и деятельности некорректно рассматривать как несправедливость, так как это результаты предыдущего этапа деятельности. Проявления социального неравенства и несправедливости, их причины многообразны. У каждого участника взаимодействия стартовые возможности и условия жизни могут различаться, так как это обусловлено семейным положением, уровнем образования, родом (видом) деятельности, условиями жизни, этнической и религиозной принадлежностью, но в разрешении данного противоречия и проявляется социальная ориентированность правового государства. Организуя новые взаимодействия людей, оно создает равные возможности для участников, обладающих типичными, схожими социально-демографическими, профессионально-трудовыми, культурно-досуговыми и иными чертами. В отечественной практике наиболее наглядным примером является единый государственный экзамен, которые сдают школьники [4]. Итак, социальная справедливость – это равенство прав и возможностей людей в обществе, уменьшение их расслоения, а также смягчение социально-экономической напряженности. Эти приоритеты реализуются в стране, что позволяет российское государство считать социальным и правовым.

Литература:

1. *Исмагилов Р.Ф. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели: (историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): монография. - СПб: Фонд Университет, 2017. – 321 с.*
2. *Назаренко С.В. Социальный контроль гендерных девиаций в институциональных практиках улучшения качества жизни населения / Качество и жизнь. 2017. № 2 (14). С. 38-44.*
3. *Назаренко С.В. Социология: учебное пособие. – М.: Питер, 2009. – 496 с.*
4. *Оборский А.Ю., Крутилин Д.С. Исследование качества учебного процесса и образовательной среды: опыт ведущего столичного вуза / Право и образование. 2014. № 6. С. 32-38.*
5. *Соловьева А.А. Справедливость в праве: монография. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2016. – 176 с.*
6. *Финансовая социология: Учебное пособие для студентов, обучающихся по направлению «Социология» / Под редакцией А.В. Новикова, А.В. Ярашевой. – М.: Финансовый университет, 2016. – 344 с.*

Рослякова Юлия Анатольевна,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации ,
Москва, Россия

Социальная и политическая справедливость в российском обществе: реальность или миф?

Социологическая оценка уровня удовлетворенности гражданами своей жизнью в стране определяется на основе вычисления индексов удовлетворенности жизнью, самооценок материального положения, социального оптимизма, оценок политической обстановки и др. Ежегодно исследуется удовлетворенность жизнью россиян. В динамике прослеживается как меняется жизнь граждан. Но коррелируют ли эти показатели с социальными настроениями и что если систему распределения благ можно было идеализировать? В этом анализе ключевым показателем является социальная справедливость институтов, обеспечивающих распределение политических, юридических, экономических и других прав на материальные и духовные ценности. Этот показатель фиксирует стремление к равенству. В социальной сфере – обеспечение свободного доступа к образованию, здравоохранению, культуре, поддержка недееспособных и нетрудоспособных слоев общества, обеспечение работой и достойной заработной платой трудоспособных граждан. В политической сфере – непосредственное участие (согласно Конституции РФ) в управлении страной, равная ответственность перед законами, равные права на свободу слова, выражение политического мнения и выбор политического лидера, партии и идеологии [5]. Политическая справедливость достигается правовым равенством взаимодействия граждан с государством в сфере социальных преобразований и законотворчества. Это: а) право на участие в управлении делами государство, реализуемое через избирательное право (право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления); б) право на участие в референдуме; в) равный доступ к государственной службе и участие в отправлении правосудия в качестве присяжного заседателя и др.; г) право на участие в осуществлении местного самоуправления. Одним из наиболее популярных реализуемых прав – это право обращаться лично или направлять индивидуальные и коллективные обращения в органы государственной власти и органы местного самоуправления. В сущности, это является правовой гарантией защиты интересов гражданина, его прав и свобод [2]. Посредством обращений, предложений, ходатайств, жалоб и заявлений жители доносят свою идею, мысль или требование до власти. Массовый характер подымаемых проблем позволяет дифференцировать их на острые, волнующие большинство населения, и ситуационные – предложения меньшинства. Вследствие аналитической работы, принимаемые решения и их реализация – это

первичная связь государства и гражданина, по восстановлению равных прав участников взаимодействий и достижению состояния справедливости. Гражданин, высказывая свое мнение или предъявляя претензию по поводу ущемления своих прав, тем самым развивает демократические устои и предпосылки достижения социальной справедливости. Однако, нередки случаи, когда подавляющее большинство россиян предпочитает молчать и продолжает жить, свыкшись с существующими проблемами. Наряду с этим, из-за осознания «типичности» ситуации у многих людей пропадает желание, надобность или настрой обращаться к властям для реализации желаемого. Это в свою очередь усиливает латентность и дисфункциональность проявления последствий несправедливости. Абсентеизм и апатия граждан является благоприятной основой для роста социальной напряженности и взрыва негодования в обществе. Чем выше уровень социальной справедливости, тем конструктивное и эффективнее осуществляется социальное сотрудничество граждан и представителей органов государственной власти [3]. Эта сущностная черта либерального социально ориентированного общества – государства ориентированного на удовлетворение нужд и потребностей, реализацию чаяний и интересов населения. Минимизация дистанции и преодоление, исключение барьеров между обществом и индивидами, государством и гражданами позволяет прививать молодому поколению и развивать у старшего поколения активную гражданскую позицию не только по социальных, но и по политическим вопросам. Проявление политической гражданской активности востребует от человека не только высокий уровень сознательности, базовых знаний о политической жизни в стране и за ее пределами, но и личной заинтересованности в социально-экономическом будущем страны [4]. Сформированные интерес и желание, личная политическая воля индивида к проявлению активной гражданской позиции вызывает у него доверие к власти, активность в политической и электоральной поддержке своих лидеров, представителей, единомышленников на выборах. Если мысли, мнения граждан будут не только услышаны представителями органов власти, но и относительно их приняты соответствующие решения и реализованы меры по деэскалации конфликта под углом разрешения «общественно значимой» проблемы, то встречные шаги в направлении справедливости участники сделали [1]. Результаты исследований свидетельствуют, что достижение максимального уровня социальной справедливости очень важная, но трудновыполнимая задача. Факторами, не позволяющими ее решить являются: во-первых, либеральное налогообложение (равное – 13% для всех категорий населения) и распределение благ между различными социальными слоями общества; во-вторых, социальная справедливость – для государства, к сожалению, является утопической идеей. Современная практика общественной жизнедеятельности неоднократно доказывала, что минимизировать несправедливость возможно и необходимо, но максимизировать справедливость – пока не получается.

Литература:

1. *Бондаренко В.М. Бескризисное развитие: миф или реальность ? – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 301 с.*
2. *Назаренко С.В. Современный тренд социального контроля и управления: теоретическая интерпретация / Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 16-34.*
3. *Назаренко С.В. Социальный контроль иммиграционного и эмиграционного поведения как механизм обеспечения социально-экономической и демографической стабильности в российском обществе / Новые ориентиры демографической политики Российской Федерации в условиях экономического кризиса Материалы II Международной научно-практической конференции. Ответственные редакторы С.В. Рязанцев, Е.Е. Письменная. 2016. С. 328-344.*
4. *Перская, В.В. Многополярность: миф или реальность?: (геоэкономические аспекты). – М.: Экономика, 2011. - 255 с.*
5. *Сальников А.А., Оборский А.Ю. Миф как мировоззренческая парадигма военнослужащих современной российской армии / Власть. 2011. № 12. С. 69-71.*

Руденкин Василий Николаевич,

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Социальная справедливость и политический режим

Любой политический режим стремится заручиться поддержкой своих граждан. Поддержка режима, в основе которой лежат доверие граждан к проводимой власти политике и согласие с ней, составляют основу ее легитимности. В свою очередь, доверие граждан к власти и согласие с проводимой ею политикой во многом зависят от того, воспринимают ли они ее как отвечающую их представлениям о социальной справедливости или нет.

Однако социальная справедливость – понятие многозначное: каждый человек, каждая социальная группа вкладывают в него свой смысл. Поэтому учесть такую палитру мнений в политике – дело исключительно сложное. Ключевой фактор здесь – политический режим, поскольку выбор способов выявления представлений граждан о справедливости и, как следствие, − обретения властью легитимности в условиях разных политических режимов существенно отличаются. В условиях демократии легитимность власти основывается на явно выраженной воле народа (точнее сказать, его большинства) посредством свободных выборов. Каждая политическая партия выходит на выборы со своей программой, в которой излагается ее видение социальной справедливости и путей ее практического воплощения – в расчете на поддержку избирателей. В результате выборов та политическая партия (или совокупность партий, составивших парламентскую коалицию и сформировавших правительство), которой удастся заручиться поддержкой большинства избирателей, получает юридическое и моральное право считать именно свое понимание социальной справедливости пользующимся поддержкой общества и право проводить соответствующую политику. Как справедливо отмечал А.С. Панарин, «нет никакой объективной политической истины, которая может быть открыта меньшинством и в качестве

объективной навязана большинству, выступающему в этих условиях носителем субъективного мнения… Как только в политике мы начинаем противопоставлять объективную истину субъективному мнению избирателей, мы сразу же ставим под сомнение демократический суверенитет народа – его право выбирать правителей. Следовательно, в политике истина выступает не в качестве объективной, а в качестве конвенционалистской (принятой по соглашению)» [1, с. 23]. Такой вариант возможен благодаря развитому гражданскому обществу, способному артикулировать интересы различных социальных групп и транслировать их в публичную сферу, в которой, собственно, и осуществляется перевод этих интересов в программы политических партий. Иначе обстоит дело в условиях авторитарных (тоталитарных) режимов. При таких режимах выборы не являются подлинно свободными и конкурентными, а потому механизм выявления представлений граждан о социальной справедливости, характерный для демократических стран, здесь не работает – прежде всего из-за отсутствия развитого гражданского общества, а население в силу разных причин не рассматривает себя в качестве субъекта общественной и политической деятельности. Вместо него используются другие механизмы легитимации власти. Один из таких механизмов, являющийся следствием патриархально-подданнической ментальности населения, − делегирование властвующей элите права самостоятельно определять стандарты социальной справедливости в сочетании с надеждой на ее способность следовать общественному консенсусу относительно разделения полномочий правителей и управляемых, в основе которого лежит принцип «забота в обмен на лояльность». Вариант этот, несмотря на кажущуюся наивность, в ряде случаев (например, в монархиях Персидского залива) работает вполне удовлетворительно. Другой, куда менее оптимистичный (но во многом закономерный) вариант – готовность населения терпеть произвол властей, ориентированных исключительно на обслуживание собственных интересов и интересов приближенных клик, периодически прерываемый, однако, революционными всплесками общественного недовольства. Именно так, например, развивались события в странах «арабской весны»: усиливавшееся на протяжении многих лет и десятилетий недовольство массовых слоев населения экономическими условиями существования, всепроникающей коррупцией и непотизмом, которое усугублялось «полицейским произволом, полной безнаказанностью властей, невозможностью добиться справедливости в суде», а также бессовестной фальсификацией выборов, в результате которых «президенты без всяких видимых проблем с большим отрывом избирались на очередной срок на протяжении десятилетий» [2, с. 137−138] привело в конечном счете к тому, что казавшееся властям бесконечным терпение населения неожиданно для них лопнуло и обернулось мощным революционным взрывом, похоронившим казавшиеся «вечными» диктаторские режимы. Разумеется, демократия при всех присущих ей недостатках – гораздо более предпочтительный вариант выявления представлений населения о социальной справедливости. Однако его

реализация зависит не только от зрелости граждан, от их способности к коллективным действиям в защиту своих интересов, но и от готовности элиты способствовать такому «взрослению» своих граждан, вести с ними постоянный диалог.

Литература:

1. *Панарин А.С. Политология. Западная и Восточная традиции: Учебник для вузов. − М.: Книжный дом «Университет», 2000. – 320 с.*
2. *Мирский Г.И. Арабская весна // Год планеты. Ежегодник. 2011. С. 136−149.*

Савин Сергей Дмитриевич,

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Восприятие коррупции общественным сознанием как фактор социально-политической напряженности

В исследовании проблем социальной несправедливости мы опираемся на теорию социальной напряженности, которая позволяет выявить противоречия общественной жизни с учетом как объективных, так и субъективных факторов. Социальная напряженность – это не только увеличение статистических показателей социального неравенства, она выражает психологическое состояние социальных групп, их неудовлетворенность существующим положением, определенное восприятие социальных проблем, как правило, сопровождаемое повышенным уровнем социальной тревожности. При этом известно, что такая неудовлетворенность согласно теории относительной депривации в большей степени характерна не для абсолютной бедности, а для групп, находящихся в ситуации относительной бедности или «просевших», теряющих статус слоев среднего класса, базовых социальных слоев [3]. Они теряют в большей степени не материально, а свои ожидания, ценностные экспектации относительно перспектив развития и роста благосостояния [1, 61-64;]. И данная ситуация побуждает их к активности, формирует готовность совершать конкретные общественные действия для защиты своих интересов, что и характеризует ситуацию социальной напряженности [2, 24]. Подобное состояние чревато переходом социальной напряженности в социально-политическую, в которой уже формируется протестная активность населения и разворачиваются политические конфликты. Ситуацию балансирования социальной напряженности и социально-политической мы имеем сейчас в российском обществе. На политизацию социальной напряженности оказывают влияние отдельные конфликтогенные факторы: этнические, религиозные, исторические, идеологические и др. В связи с этим в диагностике социальной напряженности надо выявлять такие характеристики социальных отношений как социальные установки, стереотипы, представления о социальной

справедливости, историческую память и др. Соответственно, катализатором для такого перехода являются не сами по себе социальные проблемы, а восприятие их общественным сознанием. Остроту социального восприятия можно раскалить до взрывоопасной ситуации при помощи скандальных сюжетов в СМИ и Интернет, методов политического манипулирования, черного PR, политических акций и др. Можно наоборот снизить, переместив акцент восприятия проблемы на некую увлекательную цель, идею развития или просто замещающий объект для выхода фрустрирующей энергии массового недовольства. В таком случае социальная проблема и нынешние трудности могут восприниматься как необходимый этап движения к общественно значимой цели. Для российского общества на современном этапе развития в общественном сознании остро стоят две проблемы: социального неравенства и коррупции. И обе эти проблемы связаны с общей ценностной категорией социальной несправедливости и, соответственно, друг с другом. Коррупция – это не просто преступная схема получения услуг, но институциональное явление закрепления социального неравенства в обществе. Она выстраивает социальные отношения таким образом, что не позволяет группам нижних социальных слоев изменить свое положение в связи с недостатком ресурсов для продвижения своих интересов через коррупционные схемы. И в то же время дает преимущество тем, кто такие схемы уже давно использует и тем самым закрепляет свое положение. По сути, коррупция как один из механизмов выстраивает социальную иерархию в каждой сфере деятельности, где значимым достижением является власть, богатство и престиж.

Социологические исследования в России устойчиво фиксируют в последние годы нетерпимое отношение населения к проблемам проявления социального неравенства в виде бедности и обратного неравенства в виде сверхдоходов узкой группы богатых, высокое положение которых во многом закреплено сетью коррупционных связей и отношений [4]. В частности по результатам нашего исследования, проведенного Центром социологических и интернет исследований СПбГУ в форме телефонного опроса петербуржцев в октябре 2017 г. был выявлен ряд характеристик восприятия коррупции как социального явления и оценки степени успешности антикоррупционной политики в России. Естественно, общественное сознание отражает тот факт, что опыт борьбы с коррупцией далеко не всегда успешен. Часто эта борьба только декларируется как антикоррупционная политика государства, а на деле все сводится к отдельным громким антикоррупционным делам и показательной борьбой с бытовой коррупцией (на нижних уровнях). В серьезной системной борьбе власть и крупный бизнес не заинтересованы, так как это затронет и их самих. Но такая ситуация, как мы понимаем, со временем приводит к росту недовольства со стороны населения, перерастает в социальную напряженность, а затем и в социально-политическую напряженность, когда тему коррупции начинают использовать в политической борьбе оппозиционные силы. Что мы наблюдаем и сейчас не

только в России, но и других странах постсоветского пространства и в тех странах, где недавно произошли так называемые цветные революции.

Литература:

1. *Гарр Т. Р. Почему люди бунтуют. СПб.: «Питер». 2005. 461 с.*
2. *Иванов, О.И. Социальная напряженность и социальный конфликт // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Серия 6. Вып. 3. 24–30.*
3. *Котов Д.А. Социальная напряженность «благополучного класса» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2013. №1 (21). 211–225*
4. *Россиян тревожат цены, бедность и коррупция. Левада-центр. Пресс-выпуск от 20.03.2013. [Электронный ресурс] https://www.levada.ru/2013/03/20/rossiyan-trevozhat-tseny-bednost-i-korruptsiya/ (дата обращения 20.01.2018)*

Салметов Хусан Шухратович,

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Политическая справедливость как источник доверия к органам власти: сравнительный анализ опыта России и Казахстана

Современное общественное понимание справедливости имеет традиционные корни. На вопросы «как будет правильно?», «кто заслуживает, а кто не заслуживает?», «какова справедливая цена / наказание?» к настоящему времени нет абсолютно однозначных ответов [1, 6]. Следует признать, что со временем появились принципиально новые взгляды на справедливость в рамках той или иной исторической эпохи, страны, сферы общества [2, 7, 8]. Одним из них – политическая справедливость, которая в условиях развивающейся демократии в России и Казахстане актуальна сегодня как никогда. В ней заложен смысл воспроизводства отношений между субъектами и объектами политики, политическими институтами и гражданами [9]. Общим для России и Казахстана является состояние парадоксальности политической справедливости. Как ценность она востребована гражданами, но в отношении населения к органам государственной власти наблюдается скептически-настороженная позиция, вызванная подорванным доверием к ним в 90-х гг. Результаты исследований, свидетельствуют о восприятии (79% опрошенных) Президента РФ как примера и гаранта политической справедливости, что нельзя утверждать относительно сотрудников полиции (21%) и политических партий (18%) [11]. Здесь же виднеется парадокс политического доверия в России: самый ценный мандат доверия отдается Президенту РФ при том, что партии, представителем которой он является, отдают наименьшее предпочтение, из чего следует вывод: доверие в России основано на факторе личностном, не партийном. С другой стороны, со стороны политической партии, тоже виднеется парадокс: политическая партия, как правило, формируется посредством выборов, выборов общества. Общество формирует

политическую партию, а, следственно, и политику в целом. Но такой низкий уровень доверия к политическим партиям абсолютно противоречит данному правилу. Причина кроется в общественном мнении общества относительно политических партий и политики в целом (за исключением политики Президента РФ). Р России весьма малая посещаемость выборов, все потому, что часть россиян верит в то, что их голос не сыграет не то что решающей, вообще никакой роли в исходе выборов. Такое отношение к институту выборов является следствием смешения в общественном мнении понятий политическая и социальная справедливость [3]. Совершаемые чиновниками поступки вызывают общественный резонанс и получают от субъектов (суда, прокуратуры) власти конкретную оценку, но не всегда совпадающую с общественными ожиданиями. Это инициирует возникновение сомнений граждан, что перед законом все равны. Практически все громкие процессы, связанные со взяточничеством, воровством государственной казны, исходят от чиновников, но судебная кара, вынесенный приговор по мнению граждан не всегда строг. Более того, сложившаяся социально-экономическая ситуация усугубляет их пессимизм. Государство в целом богатеет. Олигархи и определенные чиновники стремительно богатеют, в то время как население медленно беднеет. ВЦИОМом проведено исследование на мнение россиян относительно нижнего порога заработной платы, переступив через которую семью можно считать бедной, и для россиян это 15,5 тыс руб, т.е. ниже этой цифры семья бедная, а согласно Росстату людей, с такой зарплатой в России примерно 43 млн [12]. Громадная разница в уровне заработной платы чиновника и рядового гражданина порождает социальную напряженность и несправедливость, а следственно, негативно сказывается на уровне политической справедливости. Касательно доверия казахстанцев к органам государственной власти ситуация намного плачевнее, чем в российском обществе. В целом от лица рядового казахстанца ее можно описать следующим образом: «Нам бы сначала с доверием разобраться, не то, что со справедливостью». Неудачные реформы Правительства, громкие коррупционные скандалы, и в связи с этим, частные смены на государственных постах оказывают крайне негативное влияние на развитие политической справедливости. Ситуация ухудшается еще и тем фактом, что не все регионы Казахстана «охватываются» политикой «центра». Одно дело интересоваться доверием к органам власти у жителя столицы, и совсем другое интересоваться мнением жителя средней и дальней периферии. Такие «неохваченные центром» регионы страны регулируются по большей части сами изнутри: там своя справедливость и свое отношение к местным органам власти. Итак, в Казахстане подобная ситуация, тождественна, но имеет свою специфику. Нельзя в целом утверждать о высоком уровне доверия к органам государственной власти. Более того, оно также, как и в российском обществе дифференцировано и представлено двумя составляющими: доверие к Президенту Казахстана и доверие ко всем остальным органам законодательной, исполнительной и судебной власти. В этом смысле Россия и Казахстан схожи, а точнее отношение россиян и казахстанцев к

президентам своих стран эквивалентно максимально положительное. Однако, за последние годы государство преподнесло казахстанскому населению немало тягостных сюрпризов финансово-экономического характера, такие как девальвация, меры, предпринятые Национальным банком в отношении роста валюты, резкий рост цен на бензин и т.п. Социально-экономическая ситуация в стране довольно противоречивая, туманная и непредсказуемая [4, 5]. Тем не менее, на ее фоне казахстанцы по-прежнему доверяют президенту как гаранту стабильности в государстве, веря в справедливость и правильность принятых им политических решений [10].

Литература:

1. *Ахметзакиров Н.Р. Сравнительное исследование осуществления правовой помощи по уголовным делам в Казахстане и России: монография. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 157 с.*
2. *Бурибаев Е.А. Правовое регулирование социальных прав, гарантий семьи и ребенка в условиях реализации нового социального курса в Республике Казахстан: монография. – М.: Библио-Глобус, 2017. – 220 с.*
3. *Кушербаева А.Е. Становление и развитие социально-ответственного предпринимательства в Республике Казахстан: монография. – М.: МАКС Пресс, 2017. – 99 с.*
4. *Матаев Т.М. Стратегия развития государственно-частного партнерства в Республике Казахстан: монография. – М.: Макс-Пресс, 2015. – 162 с.*
5. *Назаренко С.В. Государственно-частное партнерство как социальный контроль в развитии финансовой активности / Транспортное дело России. 2017. № 1. С. 28-30.*
6. *Назаренко С.В. Функциональная направленность социального контроля в интеллектуальном праве / Экономика. Бизнес. Банки. 2017. Т. 6. С. 27-33.*
7. *Насырова Г.А. Развитие институтов регулирования страховой деятельности в России и Казахстане: монография. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. экономического ун-та, 2017. – 124 с.*
8. *Новиков А.В., Оборский А.Ю. Некоторые методологические подходы к оценке справедливого возмещения «стоимости жизни» в связи с гибелью человека в чрезвычайных ситуациях / Право и образование. 2015. № 12. С. 84-88.*
9. *Доверие населения к власти в Казахстане. [Электронный ресурс]. URL: https://kloop.kg/blog/2015/04/17/sergej-gulyaev-doverie-naseleniya-k-vlasti-v-kazahstane/ (дата обращения: 30.01.2018).*
10. *Больше всего россияне доверяют Президенту, меньше всего – полиции и партиям». [Электронный ресурс]. URL: https://www.znak.com/2014-11-13/bolshe_vsego_rossiyane_doveryayut_prezidentu_menshe_vsego_policii_i_partiyam (дата обращения: 30.01.2018).*
11. *Коротец И.Д. Политология. Словарь. – М: РГУ. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/pilitology/215 (дата обращения: 30.01.2018).*
12. *Реальная бедность в России в два раза выше официальной / Экономика / Независимая газета. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/economics/2017-04-12/4_6973_real.html (дата обращения: 30.01.2018).*

Самсонова Татьяна Николаевна,

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Гендерное неравенство в современном мире: состояние и перспективы преодоления

XX век нередко называют веком «гендерной революции» за определенные успехи передовых стран мира в достижении равных прав мужчин и женщин. Однако неравенство между мужчинами и женщинами

существует и сегодня. Более того, прогресс в достижении гендерного равенства, наблюдавшийся в мире в последнее десятилетие, в 2017 году прекратился. Впервые с 2006 года, как показал индекс гендерного разрыва (Global Gender Gap Index), был констатирован регресс в продвижении к подлинному равенству полов. На преодоление глобального гендерного разрыва потребуется больше времени, чем предполагалось ранее. Если проблемы гендерного неравенства будут решаться теми же темпами, что и сейчас, то настоящее равноправие между мужчинами и женщинами наступит лишь через 100 лет. По данным предыдущего, 2016 года, на это потребовалось бы 83 года. К таким печальным выводам пришли авторы ежегодного (с 2006 года) доклада Всемирного экономического форума (ВЭФ) «Глобальный доклад о гендерном разрыве» (“Global Gender Gap Report-2017”) [1]. Рейтинг равноправия мужчин и женщин составляется на основе оценки по четырем критериям: уровень экономической жизни мужчин и женщин, их участие в политической жизни страны, доступ к услугам здравоохранения и к образованию. Учитываются не лучшие условия жизни для женщин, а разница в возможностях представителей двух полов в мире. Наибольший гендерный разрыв в мире наблюдается по двум первым аспектам. Между тем решение проблемы гендерного неравенства не только соответствует представлениям о справедливости общественного устройства, но и может принести огромные дивиденды странам. Общий мировой экономический эффект аналитики ВЭФ оценивают более чем в $5 трлн к 2025 году [1]. И это при условии, что разрыв будет сокращен всего на четверть. Согласно оценкам ВЭФ, Россия в 2017 году – на 71-ом месте из 144 стран. За прошедший год наша страна поднялась на четыре ступеньки в рейтинге. (Для сравнения: в 2013 году Россия занимала 61 место). Россия лидирует по медицинским показателям равенства (смертность младенцев, продолжительность жизни мужчин и женщин). Сильны ее позиции и в такой категории как доступ женщин к высшему образованию. 37% российских женщин имеют высшее образование. Среди мужчин эта цифра составляет 29%. [2]. Однако по-прежнему невысок рейтинг в таких областях, как карьерные возможности женщин и их представительство в политике, а также соотношение размера заработной платы у мужчин и женщин за одну ту же работу. Так, заработная плата российских женщин на 26% ниже, чем у мужчин [2]. Проблемы гендерного неравенства беспокоят российские власти. В марте 2017 года в Российской Федерации была принята «Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 годы». Как отмечается в этом документе, приоритетное направление - «создание условий для полного и равноправного участия женщин в политической, экономической, социальной и культурной сферах жизни общества». Реализация стратегии должна пройти в два этапа и будет финансироваться в рамках действующих государственных программ. Власти, в частности, намерены до 2022 года увеличить долю женщин в законодательных органах власти до 30% [2]. Это обусловлено тем, что по критерию гендерного равенства в сфере политики наша страна занимает в мировом рейтинге лишь 121-е место. Неравенство прав и жизненных шансов

мужчин и женщин не только нарушает принцип социальной справедливости, но и предопределяет характер принятия политических решений. В решении вопросов преодоления гендерного разрыва целесообразно использовать имеющийся мировой опыт. Установление гендерного равенства традиционно связывается с североевропейскими странами. И это неслучайно, ибо самые высокие позиции в рейтинге по уровню равноправия полов занимают Исландия, Норвегия, Финляндия, Швеция. Они достигли лучших результатов в искоренении гендерной дискриминации. Больше всего на пути к достижению гендерного равенства продвинулась Исландия, которая преодолела гендерный разрыв на 88%. Действующее в этих странах законодательство и специальные государственные институты позволяют проводить гендерно-чувствительную политику, оптимизировать процесс назначения должностных лиц с учетом гендерной составляющей. В этих странах есть должности министра по делам равноправия и омбудсмена по равным возможностям, различные гендерные комиссии и советы. При этом программы по защите интересов граждан по принципу пола действуют не только на государственном уровне, но и на местах. Так, региональные эксперты по вопросам равноправия работают в Швеции, Дании и Норвегии, регулярно информируя общество о результатах исследований по женской и гендерной проблематике. В этих странах созданы кадровые базы данных, своеобразный резервный «женский банк», что служит своего рода источником рекрутирования высококвалифицированного персонала. Можно с уверенностью сказать, что только реализация на государственном уровне политики равных возможностей позволит снизить уровень социального неравенства и дискриминации женщин. Не стоит забывать, что степень эмансипации женщины есть естественное мерило общей эмансипации (Ш. Фурье).

Литература:

1. *The Global Gender Gap Report 2017. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2017.pdf*
2. *Еремина Н. ВЭФ: подлинное равноправие женщин и мужчин наступит через 100 лет. URL: https://www.gazeta.ru/business/2017/11/02/10967918.shtml*

Саяпина Елена Станиславовна,

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Социальная справедливость как политическая ценность россиян

Обеспечение справедливости в современном обществе является одной из наиболее важных социологических задач, так как затрагивает широкую сферу человеческих отношений [2]. Осуществление идеалов справедливости тесно связано с социально-экономическими, политическими, правовыми и нравственными условиями жизни общества [3]. В социальной политике

государства реализация принципа социальной справедливости является эффективным условием единства народа, политической устойчивости общества, динамизма его социально-экономического развития. В справедливости отражена вся сложность общественно-экономических связей и отношений людей. Она в общественном сознании отражает характеристику меры воздания и требований, прав и благ личности или социальной общности, меру требовательности к личности общества, правомерность оценки экономических, политических, правовых явлений действительности и поступков людей, а также их самооценки с позиции определенного слоя или общества. Обеспечение социальной справедливости основано на принципах объективности, равенства, уважения, разнообразия, доступности мер социальной защиты и осуществления прав человека во всех сферах его жизни и деятельности [4]. Более того, с одной стороны, совокупность общественных отношений обменного и распределительного типа, а с другой – выработанные на основе социальной, прежде всего производственной, практики идеологические ценности, критерии, стимулирующие общественные отношения. Соответственно в социальной справедливости присутствует материальный (социологический) и идеологический (нормативно-ценностный) компоненты [1]. Материальный представляет собой закономерности процесса общественного взаимодействия, выраженные как обменные и распределительные связи между людьми. Этот объективный механизм отражается в идеологических, ценностных структурах, состоящий из идей, норм, принципов, схем ориентаций, институтов и т.д., которые несут на себе отпечаток ярко выраженного стремления найти подходящий масштаб, меру, правило в сфере всеобщего обмена и распределения. Каждое общество имеет свои представления о справедливости, их можно оспаривать, подвергать сомнению или решительно отрицать, но первое, что стоит при этом сделать – социологически понять их, исходя прежде всего из материальной практики, соответствующей исторической эпохи [8]. Результаты исследований политических ценностей россиян свидетельствуют, что ценностные ориентации и установки граждан по-прежнему являются основанием интеграции участников ассоциаций и объединений индивидов в определенные группы – партии, общественные организации. Социологическое понимание политических ценностей социальной справедливости подталкивает россиянина к размышлению о социальном устройстве российского общества, о своем месте в общественных иерархиях, а также позволяет обосновать возникновение спектра политических идей и возможность их реализации посредством деятельности политических партий и общественно-политических движений. Именно поэтому, ценность политической справедливости в устройстве социального мира является фундаментом формирования политических институтов, а также способствует движению политических процессов [5]. В общественном мнении россиян социальная справедливость отражает соответствие действий государства требованиям социально-экономического состава населения, который создает

иерархию неравенства. Кроме того, это развитие норм и определение законов, которые формируют и защищают социальные права каждого гражданина, принимаемые большинством населения России. Традиционно в России люди высоко ценят понятие справедливости, достаточно остро и негативно воспринимают проявление несправедливости во всех сферах жизнедеятельности общества. Вследствие этого, социальная справедливость несет высокую политическую ценность у граждан нашей страны. Так, большинство россиян под социальной справедливостью понимают равенство всех граждан перед законом и/или равенство в уровне и качестве жизни [8]. Данное восприятие принимает статус их политической ценности при формировании и определении курса внешней и внутренней политики государства. Особенно это проявляется в настоящее время, время санкционной политики ряда стран в отношении России. Таким образом, социальная политика государства должна быть направлена на реализацию и защиту прав граждан, обеспечение достойной жизни и свободное развитие человека [6]. Численность россиян за чертой бедности за последние несколько лет существенно уменьшилось, но все же остается высокой, поэтому, органы государственной власти обязаны более оперативно принимать эффективные меры по социальной защите населения, поддерживать демократические свободы и права граждан.

Литература:

1. *Социология справедливости и гуманизм в современном государстве и праве / отв. ред. Т.А. Сошникова: материалы международной научной конференции. – М.: Издательство Моск. гуманит. ун-та, 2015. – 232 с.*
2. *Александров Ю.В. Справедливость в системе ценностей российской правовой культуры. Великий Новгород, 2003. С. 24*
3. *Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы/ отв. ред. Рябов А.В., Курбангалеева Е.Ш. – М.: Дим интеллектуальной книги, 2003 – 448 с.*
4. *Мальцев Г.В. Социальная справедливость и право. М., «Мысль», 1977. – 255 с.*
5. *Назаренко С.В. Ценности и нормы электоральной культуры как основа социального контроля электорального поведения студенческой молодежи / Теории и проблемы политических исследований. 2017. Т. 6. № 2А. С. 7-27.*
6. *Оборский А.Ю. О роли духовных ценностей в развитии современной России / Военный академический журнал. 2015. № 1 (5). С. 146-147.*
7. *Ролз Дж. Теория справедливости: Пер. с англ./ науч. ред. и предисл. В.В. Целищева. Изд.: 2-е – М.: Издательство ЛКИ, 2010 – 536 с.*
8. *Шайхова Х.А. Социальная справедливость: пути реализации. Ташкент: Издательство ФАН, 1990. С. 139.*

Сошнев Александр Николаевич,
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
Сошнева Елена Борисовна
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

Социальное здоровье и социальная справедливость в цифровом обществе

Справедливость в числе оценочных характеристик состояния общества занимает особое место. Она имеет различные смыслы и соответствующее содержание. Аристотель рассматривает справедливость как «совершенную добродетель». Справедливость как мера равенства и неравенства в различных сферах общественной жизни проявляется в форме морали и нравственности; в экономике, где устойчивыми являются понятия справедливая стоимость, справедливая оплата труда; в праве – справедливость наказания; в политике – ответственность власти. Однако справедливость – относительное, динамическое понятие. Его содержание изменялось во времени в зависимости от общественного устройства. Справедливость – соответствие правилам и нормам, сложившимся в каждом конкретном обществе, поэтому в разных обществах и даже в разных стратах одного общества представления о справедливости могут отличаться. Д. Ролз предложил два замечательных принципа справедливости, которые в той или иной форме уже реализуются в общественной жизни: Первый принцип: каждый индивид должен обладать равными правами в отношении наиболее общей системы равных основных свобод, совместимой с подобными системами свобод для остальных людей. Второй принцип: социальные и экономические неравенства должны быть организованы таким образом, что они одновременно (а) ведут к наибольшей выгоде наименее преуспевших в соответствии с принципами справедливых сбережений и (б) делают открытыми для всех должности и положения в условиях честного равенства возможностей [1, 88]. Справедливость в соответствии с первым принципом определяется степенью свободы индивида, а второй принцип – взаимной выгодой. Д. Ролз совершенно справедливо указывает на то, что модели справедливости имеют разные основания. Причем эти модели могут строиться для разных сфер общественной жизни. В политике имеют место быть как силовая модель, так и договорная, в экономике чаще всего – утилитаристская и (или) договорная. В морали – интуитивистская модель. Справедливость проявляется в непосредственной деятельности социальных агентов, составляющих общественную систему, т.е. социальных институтов и людей, их образующих. Именно деятельностью формируется система норм и ценностей и механизмы, обеспечивающие контроль их формирования и исполнения. По сути дела социальные цели общества оказываются основанием для формирования норм и правил, необходимых для функционирования общества и, соответственно, для

выбора модели справедливости. В советский период главенствовала силовая модель справедливости. В перестроечный период она была дополнена интуитивистской. В постперестроечный период – силовая модель вновь оказалась господствующей. Это объективно обусловлено как внутренним состоянием общества, его правовых, экономических, политических институтов, так и внешними условиями. У общества, вне зависимости от его социально-политического устройства, имеется целевая функция самосохранения. Для её оценки мы предлагаем введение показателя – социальное здоровье общества, как обобщающей характеристики выполнения данной целевой функции общества [2, 22-24]. Справедливость выступает одним из факторов социального здоровья общества, включенном в механизм его функционирования.

Процессы общественного развития имеют волнообразный характер, это убедительно доказано в многочисленных исследованиях. На отдельных этапах темпы и направления развития выбираются в соответствии с конкретными обстоятельствами, определяемыми условиями конкуренции как на мировой арене, так и внутри общества. Обеспечить условия устойчивого роста – главная цель стабильно функционирующего государства. При этом само представление об устойчивом росте требует пояснения. Функционирование общества определяется объективными социальными законами, главный из них – закон постоянно возрастающих потребностей [3, 61-64]. Его нарушение приводит к тому, что общество переструктурируется, изменяет свое социальное устройство. Социальные отношения – отношения по поводу человека как ценности, а последняя определяется уровнем развития его потребностей. Жизнедеятельность общества – это процесс формирования и удовлетворения потребностей людей. Их сохранение в широком смысле и есть условие сохранения общества. Потребительское поле общества включает два элемента: личное потребление и институциональное потребление. В социологии и экономике личное потребление исследуется уже давно и достаточно успешно. Иначе дело обстоит с потреблением институциональным. Оно фактически не исследуется, не смотря на то, что доля общественного, направленная на институциональное потребление, по нашим расчетам более чем в 4 раза превышает долю личного потребления. Соотношение личного потребления и институционального характеризует уровень демократичности общества, поскольку демократия заключается в свободе для развития и удовлетворении потребностей. Необходимо заметить, что в нашем исследовании речь идет о сбалансированных материальных потребностях, обеспечивающих гармоническое развитие человека. Социальное здоровье как обобщающий показатель состояния общества и его элементов может быть представлен в виде факторной модели, элементами которой выступают социальная продуктивность общества, уровень культурного развития, историческая память и коммуникативное развитие общества. Социальная справедливость внутренне присуща каждому из факторов социального здоровья, играет роль мультипликатора в данной функции.

Литература:

1. *Ролз Д. Теория справедливости. – Новосибирск, 1995.*
2. *Сошнев А.Н. Социальное здоровье в социальных целях гражданского общества //Социальное и пенсионное право. 2013, № 2.*
3. *Сошнев А.Н. Структура социальных законов //Вестник СПбГУ. Серия 6: Социология, международные отношения. 2000, № 3.*

Спиридонова Анна Александровна,
Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Роль закона в социальной справедливости

По опросам общественного мнения, присоединение Крыма к России справедливо, хотя, возможно, и не совсем законно. Но незаконность революции Януковича в Украине также сомнительна. Или же, когда начались судебные разбирательства с Ходорковским, его защитники говорили о фальсификации фактов и незаконности действий, в народе бродили мысли, «если сажают, значит есть за что – это справедливо». Аналогичная риторика, но с противоположным знаком была, когда его пытались освободить («не справедливо только одного сажать, все в 90-е наворовали, тогда уж всех олигархов надо посадить». Иными словами, закон не является точкой отсчета, критерием выступает справедливость. В каждом историческом периоде – свои законы и свои мотивы их соблюдения или нарушения. Уголовный процесс – это показатель социального самочувствия населения и форма изучения социальной солидарности общества. Справедливость у каждого своя. Закон всегда универсальнее и в большинстве случаев более справедлив. Если не получается ни по справедливости, ни по закону, то создается иллюзия справедливости, чем и занято публичное пространство СМИ. Это косвенные показатели социальной аномии, общественной дезинтеграции и социального отчуждения, когда в общественном сознании нет веры в действие и действенность закона, порождаются альтернативные практики регулирования общественных отношений. Результатом этого становится отсутствие социальной эмпатии (Полюшкевич [1,2,3]). Таким образом, уголовное производство имеет четкую зависимость от социальной обусловленности и социальных представлений, доминирующих в обществе, в то же время воздействие права на общественные отношения достаточно опосредовано и абстрактно. Можно сказать, что повседневное пространство уголовного производства нивелировало свою значимость. Идеи М. Фуко находят все большую реализацию, когда в обществе подчиняются не реальным законам, а придуманным образам «законности» и «справедливости», ожидают помощи не от представителей правоохранительных органов, а ждут «чуда» от придуманных героев.

Литература:

1. *Полюшкевич О.А. Философия благодарности // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. № 1. С. 67-74.*

2. *Полюшкевич О.А. Социальные и естественные предпосылки формирования «социальной эмпатии» // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке Сборник статей VIII Международной научной конференции. Под общей редакцией Н.Д. Субботиной. 2017. С. 223-228.*
3. *Полюшкевич О.А. Социокультурная солидарность. Иркутск, Изд-во ИГУ, 2011. 221 с.*

Стрельников Владимир Валерьевич,
Филиал МАГУ в г. Апатиты, Апатиты, Российская Федерация

Толерантность как принцип социальной справедливости

Справедливость является одной из универсальных характеристик социальных отношений. При определённых условиях она может выступать интегрирующим началом, которая способствует достижению общественного согласия. При этом справедливость распространяется на различные сферы человеческой жизнедеятельности. Существует множество определений социальной справедливости, например: «это система общественных институтов, которая не в единичных действиях, а по самой своей структуре постоянно обеспечивает удовлетворяющее, по меньшей мере, большинство членов общества распределение политических, юридических, экономических и других прав и материальных ценностей» [1, 232]. Толерантность можно рассматривать как частных случай реализации принципа справедливости. Например, Роулз трактует толерантность как часть справедливости. Все имеют равное право на толерантность: никто не может требовать её для своих мнений и действий, по справедливости отрицая, при этом, её распространение на прочих людей. [4, 18]. В свою очередь религиозная толерантность так же можно рассматривать как частный случай реализации принципа справедливости, как условие сосуществования различных религиозных групп. Религиозная толерантность понимается как добродетель воздержания от употребления силы для вмешательства во мнение или действия другого, принадлежащего к иной религиозной культуре, хотя бы они и отклоняются в чём-то важном от мнения или действия субъекта толерантности и последний морально не был бы согласен с ними. [3,134] Религиозная интолерантность активно представлена в современном мире. Как и другие виды отношения толерантность-интолерантность религиозная сфера жизни может быть представлена как не уважительным, не терпимым отношением к тем, кто не относиться к тому же религиозному течению. Пиком проявления интолерантности является экстремизм. Анализ данных информационно-аналитического портала правовой статистики Генеральной прокуратура РФ за период с 2010 по ноябрь 2017 года показал, что число преступлений в Российской Федерации на экстремисткой почве выросло с 656 до 1425 случаев. В Мурманской области количество таких случаев выросло с 3 до 21 случаев. На 100000 населения число случаев в 2010 году – 0,38 выросло в 2014 году до 1.03 случаев. Несмотря на то, что эти данные не

отражают исключительно экстремистских преступлений религиозной направленности, поскольку статистика правонарушений не дифференцирует их из общей совокупности, тем не менее, качественный анализ публикаций региональных СМИ за последние 5 лет обнаруживает примеры нетерпимости в Мурманской области на религиозной почве [2, 122-123]. Для изучения ситуации религиозной толерантности-интолерантности в 2016 году, в городе Апатиты было проведено исследование «Религиозная толерантность жителей города Апатиты». Целью исследования состояла в изучении показателей религиозной толерантности и интолерантности населения города Апатиты. Среди полученных результатов можно отметить следующее: наименьшая социальная дистанция к представителям православия (1,40); наибольшая к представителям Шиизама (Ислам) и Иудаизма (2,78); индекс религиозной толерантности – 33 (по100 бальной шкале); конечный коэффициент по методике ВИКТИ составил 46,2, что выражает «средний» уровень межконфессиональной толерантности; рейтинг по методике ИНТОЛ составил 13 баллов (41%) для данной группы респондентов. Данный показатель отражает средний уровень толерантности [2, 130-131].

Литература:

1. *Гусейнов А. А., Апресян Р. С. Этика. – М.: Гардарики, 2006. – 472 с*
2. *Вицентий И. В., Стрельников В. В. Религиозная толерантность населения Мурманской области // Труды Кольского научного центра РАН. - 2017. - №4 (8). - С. 121-132*
3. *Николсон П. П. Толерантность как моральный идеал // Толерантность. Исследования. Переводы. Информация. О книгах / науч. ред. М. Б. Хомяков. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. С. 129-146.*
4. *Хомяков М.Б, Полякова И.Г Толерантность в современной цивилизации / Сборник методических материалов: М.Б. Хомяков, И.Г. Полякова. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. 114 с.*

Сушко Павел Евгеньевич,
ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Карьерная мобильность российской молодежи в политической сфере

В современных реалиях российского общества, характеризующегося трансформацией привычных социальных структур, ростом социальной конкуренции и общественного неравенства, у индивидов может формироваться чувство социальной аномии и неопределенности в выборе жизненных стратегий и ориентиров. В этих условиях принципиальным становится вопрос выбора тех каналов социальной мобильности, которые с большей эффективностью могут гарантировать достижение желаемого социального статуса и социальных ролей в рамках существующих структур. Обращаясь к теме нашего доклада, мы будем фокусировать внимание на действующих стратегиях карьерной мобильности в достаточно непростой социальной группе – политически и социально активной молодежи, стремящейся самореализоваться посредством формирования особого

социального капитала в виде статусных социальных связей в управленческих и политических кругах. Принимая во внимание высокую конкуренцию молодых людей за места в политико-управленческой сфере, мы можем говорить о сложных стратегиях вхождения в политическую систему. Эти стратегии во многом «гибридны» по своей сути и сочетаются с неформальными, а иногда и полулегальными практиками. Так или иначе, анализ построения карьеры молодыми людьми в рамках указанных структур позволит понять механизмы рекрутирования новой элиты. В нашем исследовании («Факторы карьерной мобильности в политической деятельности в современной России», грант РФФИ № 17-33-01034) мы ставим задачу реконструкции индивидуальных и групповых путей вхождения молодежи в политико-управленческую сферу, выявления важнейших «вех» и поворотных точек такого пути через определение событий и наиболее значимых переходов в рамках их образовательно-профессионального пути. Наиболее эффективным при таком подходе является метод биографических интервью, позволяющий достаточно полно отследить субъективную составляющую: выявить значимые, субъективно наиболее важные события и определить отношение представителей этой социальной группы к планированию своей социально-профессиональной траектории. В качестве основного метода были использованы биографические глубинные неструктурированные интервью в целях понимания последовательности прожитых событий, субъективно выделенных самими опрошенными информантами в ходе интервью. Согласно полученным данным и проведенному анализу было выявлено, что карьерная мобильность политически активной молодежи имеет существенные отличия от мобильности в других социальных группах. Так, полуформализированные интервью, проведенные с участниками Всероссийского форума органов молодежного самоуправления (4-7 октября 2017 года, N=20), показали, что в политико-управленческой сфере наблюдается: 1) высокая конкуренция между кандидатами на ту или иную вакансию или должность (данный факт характерен для всех ступеней политической иерархии); 2) относительно слабая оформленность и неопределенность требований к молодым кандидатам в сфере политики (обычно такие требования не оглашаются публично); 3) высокая значимость способности к планированию, а также превалирование «гибридных» стратегий и высокой регламентации при вхождении в данную сферу; 4) важность внутригрупповых социальных норм, лояльности, общего человеческого капитала, учитывающихся в процессе продвижения по политической лестнице. В России все еще не хватает режима конкуренции за вакансии в официальных органах власти, и большинство решений о найме принимаются на основе личных и семейных связей, а не заслуг. Не хватает многих элементов «встроенной автономии» в создании сильной интегрированной элиты. То есть, с одной стороны, декларируется множество регламентов и формальных требований, но с другой, стратегии их осуществления и применения весьма разрознены и дифференцированы в

зависимости от социально-статусной принадлежности конкретного индивида. Так, зачастую специалисты тесно привязаны к своим министерствам и ведомствам в соответствии со старым порядком рекрутирования, существовавшим на предшествующих этапах развития. Таким образом, эксперты фиксируют ситуацию фрагментации элитных структур, ее закрытый характер и специализированные карьерные пути внутри разных сегментов российской элиты, что является актуальным аспектом исследовательского интереса с позиции проблематики социальной мобильности в современной России. Так или иначе, траектории карьерной мобильности разнообразны, в ходе их выстраивания индивидом накапливается специфический опыт, наращивается социальный капитал. При этом процесс вхождения в политическую сферу, действительно, отличается специфичностью. С одной стороны, наблюдается некая разрозненность, комбинация различных стратегий при вхождении в профессиональный круг. С другой, данный процесс все же имеет определенную структуру, прослеживаются ключевые этапы вхождения в среду, на фоне которых можно отследить основные коммуникационные стратегии молодежи. Однако, стоит отметить, что наращивание социального капитала именно в политической сфере, как показали полученные данные, дает широкие возможности его конвертации.

Толвайшис Леонас Людвикович,
Факультет дипломатии и безопасности, Университет "Унион - Никола Тесла", Белград, Сербия

Социальная справедливость в контексте развития социально-политической системы Сербии

В отличие от большинства посткоммунистических государств, в Сербии масштабные экономические реформы предприняты десятилетием позднее, после промежуточного периода реформированного социализма 1990-тых г.г. Неудачная приватизация повлекла за собой обнищание большей части населения, рост безработицы, сокращение размера средней заработной платы, рост социальной неопределённости [1]. Системе социальной защиты Сербии свойственны черты как континентальной, так и либеральной моделей. С первой Сербию роднит зависимость социального статуса и государственной поддержки от статуса на рынке труда, а с последней – скромные размеры и остаточный характер социальных ассигнований. В Сербии применяется наиболее распространённая в Европе модель системы социального обеспечения, финансируемой из бюджета посредством обязательного социального страхования. Тем не менее, ценностная концепция развития общества государством не обозначена. Период реформ в

Сербии ознаменовался противоречиями между, с одной стороны, симпатиями населения к социальной модели с высокими расходами на образование и социальную сферу, и, с другой – внедряемой под внешним давлением либеральной модели налогообложения с низкими социальными расходами. Как следствие, в Сербии не практикуется прогрессивное налогообложение. Наибольшие налоговые поступления обеспечиваются за счёт НДС, акцизов и налога на имущество, т.е. – незажиточными слоями населения. Сербия поддерживает налог на прибыль на уровне наиболее низких в Европе (15%) с целью привлечения инвестиций. Ввиду исторического опыта социальной защищённости и соответствующих социальных навыков, в общественном мнении Сербии выражено желание видеть страну гибридом социально ответственного государства всеобщего благосостояния и патерналистского государства коммунистического образца, обеспечивающего население рабочими местами и основным доходом. Однако серьёзным вызовом развитию социального государства, преодолению бедности и достижению социальной сплочённости в доминирующем дискурсе Сербии считается неолиберальная парадигма, следствием имеющая систему социальной защиты, не соответствующую потребностям населения [2, с. 28]. Так, инструкции Международного валютного фонда по оздоровлению экономики, наряду с приватизацией, сокращением госдолга, дефицита бюджета и госрасходов, рационализацией госуправления, образования, здравоохранения и пенсионной системы, включали в себя сокращение зарплат, социальных выплат и пенсий. Построению в Сербии социального государства препятствует высокий уровень бедности населения. Уровень безработицы в молодёжной среде к 2017 г. удерживается на уровне 31,2%, что в 2,5 раза превышает уровень безработицы в среднем по стране [3]. Львиная доля отчислений на поддержку рынка труда уходит на пособия по безработице. Из примерно 5 млн. трудоспособного населения не менее половины экономически неактивно. Распространено также явление нерегулярных выплат заработной платы. Государственный долг Сербии вырос с 28,3% ВВП в 2008 г. до 74,7% ВВП в 2015 г. [4], сократившись до уровня 57% ВВП к январю 2018 г. В Сербии эффективность систем здравоохранения и образования уступает государствами схожего уровня развития, несмотря на сопоставимый уровень расходов. Налицо разрыв между законными обязательствами и фактическими отчислениями на социальную защиту. Глубокий экономический разрыв между различными группами населения влечёт за собой неравенство в жизненных шансах. Лифты социальной мобильности не способствуют преодолению самовоспроизведения бедности в социальной структуре закрытого типа на селе, самовоспроизведения элиты на основании социального происхождения, финансового и политического влияния, а не индивидуальных способностей (особенно в условиях труднодоступности образования). Следствием укрепления влияния узкой группы населения, в чьих руках сосредоточен капитал, явилось ослабление влияния синдикатов и работающего населения. Членство в профсоюзах возможно только при условии трудовых отношений.

Профсоюзы фрагментированы по имущественному, территориальному и партийному признакам. «Социальная несправедливость» в Сербии нашла выражение в «привилегированном» положении госсектора, в первое десятилетие XX в. хаотически расширявшегося за счёт частного сектора до уровня неподъёмных масштабов для экономики. Как следствие, в начале реформ госсектора в 2014 г. на 900.000 работников частного сектора приходилось 781.000 бюджетников (46% от общего числа трудоустроенных) и 1.700.000 пенсионеров. Динамика оттока рабочей силы из частного сектора в госсектор, а также факт, что заработная плата в частном секторе на 35% ниже, чем в госсекторе [5], породили недовольство части населения, своим трудом наполняющей бюджет и на своих плечах вынесшей ношу экономического кризиса для страны. Возможности частного сектора абсорбировать отток рабочей силы из госсектора ограничены, а ввиду незавершённости приватизации ситуация обладает потенциалом к ухудшению. Таким образом, при проведении политики поддержания социального мира в Сербии утрачена из вида необходимость в социальной сплочённости общества. Не решён вопрос согласования необходимости в поддержании благоприятной инвестиционной среды с социальной функцией бюджета. Направление социальных программ на развитие самостоятельной предпринимательской деятельности и малого предпринимательства [1, 237] может явиться шагом в сторону укрепления социальной сплочённости.

Литература:

1. *Церовић Б., Зец М. Куда иде Србија: остварења и домети реформи. Београд: Економски факултет, 2008.*
2. *Сокић С. Социјална држава и стратегије редуковања сиромаштва и остварење социјалне кохезије (Србија 2000-2013). Београд: Факултет политичких наука, 2016.*
3. *Републички завод за статистику. Запосленост и зараде. http://stat.gov.rs/WebSite/Public/PageView.aspx?pKey=24*
4. *Управа за јавни дуг. Стање и структура јавног дуга. http://javnidug.gov.rs/upload/Web%20site%20debt%20report%20-%20SRB%20CIRILICA%20final.pdf*
5. *Чворков В. Јавни сектор двоструко већи од европског просека// Дневник. 08.04.2014.*

Тропина Анна Викторовна,

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Социальная основа гражданской активности: справедливость или беззаконие

Гражданская активность основана на принципах полной добровольности и свободы участия. И инициаторы, и члены гражданских акций действуют, как правило, по собственному желанию, не по принуждению. Вместе с тем данную проблему не следует рассматривать вне контекста гражданской ответственности людей перед законом той страны, в которой они живут. Государство при этом должно содействовать развитию

демократических институтов, гуманистических принципов и идей; строго обеспечивать соблюдение прав и свобод человека; поощрять различные формы участия населения в государственной и общественной деятельности; уважать начала самоуправления; гарантировать свободу печати и гласность, судебную защиту и др. Углубление конфронтации с представителями властных структур усиливает политический характер гражданской активности, может привести к политическому кризису на локальном, региональном и национальном уровнях. Данное обстоятельство обуславливает необходимость оперативного анализа и учета общественного мнения в процессе принятия политических решений [1]. Непосредственно с этим и связана социальная справедливость в идеальном состоянии и процессы и явления социальной несправедливости в реальном обществе, в повседневных процессах социального взаимодействия. Гражданская активность противостоит формальной (декларированной) активности, характерной для тех типов обществ, в которых господствует авторитарный или тоталитарный режим. Ее критерием является не внешняя лояльность режиму, как это имеет место в авторитарно – бюрократических системах, а сознательное, заинтересованное и рационально-критическое отношение субъектов (индивидов, групп) к делам общества и государства, стремление оказывать влияние на выработку и реализацию решений, затрагивающих как и их собственное (особенное), так и общественные интересы. В современной России гражданская активность в рамках правового пространства, то следует отметить его недоформированность. Целые области социальной жизни, нуждающиеся в правовом оформлении, не охвачены или недостаточно охвачены действующим законодательством. Многие нормативные акты, издаваемые ведомствами, а именно те которые касаются прав граждан, не публикуются и остаются закрытыми для общения. Гражданская активность проявляется во всех сферах жизни современного общества. В экономической области она реализуется в форме защиты и поддержания права собственности, и свободы предпринимательства, в разрешении трудовых споров, в заключении взаимовыгодных сделок и развитии партнерских отношений, в ограничении государственной монополии на производство и распределение товаров. В политической сфере она выступает в форме участия членов гражданского общества в государственном управлении посредством механизмов непосредственной и представительной демократии (выборов, референдумов и т.д.), в деятельности добровольных общественно – политических объединений и ассоциаций, в развитии местного самоуправления. В духовно – идеологической области гражданская активность осуществляется в альтернативных формах образовательной, научной, религиозной и художественной деятельности. В сфере социального воспроизводства она представлена в форме разнообразных организаций и движений, выступающих за здоровый образ жизни, охрану природы и окружающей среды, права материнства и детства, развитие семьи, поддержку пожилых людей, сохранение этических меньшинств [2]. В результате гражданскую активность можно классифицировать по субъектному составу,

в зависимости от носителя активности, по сфере деятельности, интересам и т.д. В каждой сфере общественной жизни личность вырабатывает и реализует ту или иную стратегию гражданского участия. В научной литературе какой-либо общепринятой типологии форм гражданской активности не существует. Однако чаще всего выделяют такие институциональные типы или формы, как, например, гражданские акции, гражданские инициативы и гражданские движения. Объединяющей силой многих, прежде всего неформальных организаций, становится не противопоставление граждан стремящейся к бесконтрольности государственной власти, а противопоставление одной части граждан другой по этическим и классовым признакам [3]. В результате на уровне гражданского общества не только не усиливаются тенденции к консолидации нации, но, напротив, усиливается ее фрагментированность, углубляются пропасти взаимного непонимания и недоверия, получает постоянную подпитку конфронтационная политика. Те формы автономной гражданской активности, которые наблюдаются в сегодняшней России, слишком часто отражают неспособность разных групп общества к компромиссному улаживанию интересов и нежелание руководствоваться целями общественного согласия. Конечно, можно говорить о том, что некоторые из возникающих в последние годы низовых, независимых групп и организаций граждан не являются составной частью гражданского общества, поскольку их действия не соответствуют гражданским критериям. Но такой подход мало, что дает для понимания реального процесса. Он лишь подтверждает вполне банальную истину о том, что демократически ориентированное гражданское общество может оказывать не только позитивное, но и деструктивное влияние на судьбы политической демократии.

Литература:

1. *Борисова Ю.В., Студеникина Н.С., Тропина А.В. Территориальные проблемы управления государственной собственностью в Иркутской области // Социокультурная динамика Иркутской области в 20-21 вв. Посвященная 80-ти летию Иркутской области .– Иркутск, Изд-во ИГУ, 2017.*
2. *Иванов Р.В. Идеологические проблемы современной России // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений : Материалы научно-практической интернет-конференции. - Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. - С. 105-110.*
3. *Полюшкевич О.А. Социокультурная трансформация социальной идентичности и консолидации российского общества (1984-2009 гг.) // Социология. 2011. № 2. С. 66-78.*

Туманова Ольга Игоревна,
ФГБОУ ВО "Тверской государственный технический университет", Тверь, Россия

Обеспечение справедливости через реализацию национальных интересов

В числе наиболее рассматриваемых исследователями проблем, связанных с изучением категории справедливости можно в первую очередь выделить вопросы правосудия и законодательного регулирования, обсуждение проблемы справедливости при распределении благ, а также изучение различных аспектов категории социальной справедливости. Подобное разнообразие направлений анализа свидетельствует об актуальности данного понятия для исследовательской деятельности, а также влечет за собой появление различных определений категории справедливости, обусловленных предметной областью изучения. Одной из интересных трактовок является понимание справедливости в современных обществах как высшей степени совместимости многообразных интересов [1, 591]. Подобный подход в частности может быть использован при анализе деятельности государства, направленной на развитие страны и защиты интересов ее граждан. Реализуя права и свободы граждан, обеспечивая определенный уровень жизни и развития основных институтов, защищая независимость и безопасность страны, государство таким образом обеспечивает справедливость на своей территории. Потребности государства и общества как совокупность многообразных интересов власти и граждан обобщены и сформулированы в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Данный документ призван объединять усилия органов государственной власти различных уровней, а также институтов гражданского общества, направленных на создание условий для успешной реализации национальных интересов и стратегических национальных приоритетов Российской Федерации. Под национальными интересами при этом понимаются объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития [2]. Таким образом, можно говорить, что удовлетворение широкого спектра потребностей позволит говорить о достижении и об обеспечении справедливости не только в обществе, но и в государстве в целом. Стратегия национальной безопасности достаточно подробно определяет перечень национальных интересов, к которому относятся: - укрепление обороны страны, обеспечение незыблемости конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации; - укрепление национального согласия, политической и социальной стабильности, развитие демократических институтов, совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского

общества; - повышение качества жизни, укрепление здоровья населения, обеспечение стабильного демографического развития страны; - сохранение и развитие культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей; - повышение конкурентоспособности национальной экономики; - закрепление за Российской Федерацией статуса одной из лидирующих мировых держав, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях полицентричного мира[2]. Обеспечение национальных интересов предусматривается через реализацию стратегических национальных приоритетов. В тексте документа достаточно подробно расписано, что именно относится к приоритетам и как власть видит основные направления по их достижению.

Приоритеты (как и национальные интересы) определяют основные векторы развития как внутренней, так и внешней политики. По итогам их анализа можно сделать вывод о том, что разработчики документа руководствовались не только вопросами обеспечения национальной безопасности, но и представлениями о должном развитии современного государства и его основных институтов. Обеспечение справедливости, являющейся базовой потребностью для общества и личности является одной из первоочередных задач стоящих на сегодняшний день перед властью. И грамотное распределение сил и ресурсов, направленных на решение данной задачи возможно в том числе, и через реализацию национальных интересов.

Литература:

1. *Политология: учеб. / А. Ю. Мельвиль [и др.]. - М. : Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005.*
2. *О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. №683 URL:http://base.garant.ru/71296054/#block_1000*

Фарахутдинов Шамиль Фаритович,

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

Социальная справедливость как базовый принцип государственной политики по отношению к сельским территориям и сельской молодёжи

На государственном уровне воплощение социальной справедливости находит отражение в концепции социального государства. Конституции стран, наиболее близких к «социальным», содержат положения, из содержания которых можно вывести основные черты социального государства. Это: относительно крупная часть бюджета на социальные нужды, государственное регулирование рынка труда, бесплатные образование и здравоохранение, эффективная система социальной защиты и т.д. Проще говоря, внутренняя политика социального государства подразумевает активное регулирование сфер, в которых может возникнуть

дискриминация социально уязвимых групп населения. Часто социальная справедливость рассматривается именно в этом, «перераспределительном» ключе, а другой её аспект – создание равных стартовых возможностей для всех членов общества остаётся без внимания [2]. Так, согласно ст. 7 Конституции РФ «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». В то же время, можно привести множество примеров заведомо неравных условий, затрудняющих возможности отдельных социальных групп в развитии, социальной мобильности. Наиболее ярким примером является различие условий самореализации городской и сельской молодёжи в России. На протяжении нескольких последний лет Советом муниципальных образований Тюменской области при непосредственном участии автора осуществляется комплексное исследование сельских территорий Тюменской области. Цель – целостное описание социальной картины тюменского села. За период 2015-2016 годы было реализовано более 10 полевых экспедиций, охвативших 20 муниципальных районов и 1 городской округ Тюменской области. В ходе более чем 100 выездов в сельские поселения нами были проведены личные интервью с главами муниципальных образований. Кроме того по сплошной выборке был реализован онлайн-опрос глав администраций всех сельских поселений области (293 человека). Также был организован сбор ведомственной статистики и статистической информации с похозяйственных книг. Летом 2016 был организован опрос сельской молодёжи направленный на изучение возможностей социально-экономической адаптации сельской молодёжи. По результатам исследований создана центр-периферийная модель сельских поселений региона. Наши исследования показывают, что дифференциация по уровню жизни, доступности и качеству услуг, уровню занятости, специфике коммуникационного пространства наблюдается не только между городом и селом, но даже внутри сельских территорий. Ключевое значение на благополучие территории оказывает степень удалённости муниципального образования от федеральных и областных трасс, крупных населённых пунктов, а также характер расселения сельских жителей. Отдалённые муниципальные образования характеризуются отсутствием производства, безработицей, депопуляцией, транспортной изолированностью, замкнутостью связей, а порой и отсутствием даже самых необходимых объектов социальной инфраструктуры. Различия в стартовых возможностях ярко проявляются в возможности создания и ведении собственного бизнеса. Предпринимательская деятельность наблюдается только в крупных муниципальных образованиях, с развитой инфраструктурой и высокими показателями активности потребительского рынка. В остальных случаях организация бизнеса сталкивается с комплексом проблем, которые можно разделить на четыре основные группы:

- Организационные, связанные с юридическим оформлением и регистрацией, открытием счета в банке.

- Материально-техническое обеспечение: нехватка производственных помещений и оборудования, низкая квалификация персонала; низкая правовая защищённость деятельности.
- Финансовые проблемы: затруднения в легализации капитала для регистрации предприятия, проблема формирования стартового капитала, установление связей с поставщиками.
- Кредитная необеспеченность.

Оценка общей ситуации позволяет нам констатировать разрыв уровня жизни городского и сельского населения, который в некоторых случаях можно назвать критическим. Эта проблема стоит перед российским государством давно. В советский период истории нашей страны говорили о необходимости выравнивания уровня жизни в городе и на селе, а для царской России одним из самых острых был крестьянский вопрос. Это позволяет сделать вывод об отсутствии социальной справедливости в государственной политике относительно сельской местности. Сегодня распространена точка зрения, согласно которой – урбанизация представляет собой естественный эволюционный процесс, а деревня в традиционном виде, как тип хозяйственной и жизненной деятельности превращается в социальный рудимент. В частности, такую позицию озвучил мэр г. Москвы С.С. Собянин, заявив, что «у нас в сельской местности проживает сегодня условно лишних 15 миллионов человек, которые для производства сельскохозяйственной продукции с учётом новых технологий производительности на селе, по большому счёту, не нужны» [1]. Автор не согласен с такой позицией. Представляется, что сельские территории обладают потенциалом, который, с учётом принципа социальной справедливости, может быть успешно реализован. Необходимо использовать преимущества сельских территорий: экологичность, обширность, аутентичность сложившихся традиций для их развития. Это, в свою очередь будет способствовать возвращению молодых селян, отправляющихся на обучение в города и привлечению квалифицированных специалистов.

Литература:

1. *Антонов А. Собянин заявил о 15 млн. «условно лишних» работников в селах России [Электронный ресурс] / А. Антонов // Деловая газета «Взгляд» - URL : https://vz.ru/news/2017/11/25/896866.html*
2. *Гафурова Е.В. Принцип социальной справедливости как концептуальная основа социального развития села [Текст] / Е.В. Гафурова // Аграрное и земельное право. 2013. –№ 10 (106). – С. 40-44.*

Фахретдинова Альбина Баязитовна,
ФГБОУ ВО "Казанский государственный энергетический университет", Казань, РФ
Замалетдинова Лилия Равилевна
ФГБОУ ВО "Казанский государственный энергетический университет", Казань, РФ

Вера в социальную справедливость как фактор экстремизма в молодежной среде

Высокая дифференциация доходов, бедность, политическая нестабильность, социальная напряженность, экономический коллапс, экологический кризис и другие проблемы современного российского общества способствуют усилению потребности в социальной справедливости. Социальная справедливость как значимая ценность и критерий оценки качества жизни [1, С. 7] на уровне индивидуального сознания трактуется весьма противоречиво. Для одних социальная справедливость сводится к равенству всех членов общества перед законом, для других – к равенству в уровне жизни, к равенству возможностей, к одинаковым шансам удовлетворить свои социальные потребности. В целом принцип справедливости можно свести к некой идее «правильности» распределения общественных благ. Значительный скепсис и пессимизм в оценке современного состояния российского общества с позиций справедливости - несправедливости проявляет молодежь. Недовольство существующей политико-правовой системой, своим социальным положением, жизненными перспективами и, в то же время, вера в лучшее, вызывают у молодых людей желание восстановить справедливость. Вытекающие из подобного желания действия нередко приобретают экстремистский характер. Это подмечают и исследователи молодежного экстремизма Ю. Зубок и В. Чупров, утверждающие, что экстремистский потенциал молодых людей коренится в самом их сознании, которое принимает «крайние формы под влиянием социальной неопределенности, характерной для современного российского общества» [2, С. 146]. Когда молодые люди ощущают социальную несправедливость, испытывают некую неудовлетворенность и статусную неопределенность, у них возникает внутренняя готовность присоединиться к организациям экстремистской направленности. Молодежь, охваченная идеей «переустройства мира», не склонна к компромиссам, готова к радикальным действиям, поскольку верит в социальную справедливость, жаждет реального улучшения своего социального положения. Этим пользуются различные политические силы, которые манипулируют сознанием молодых людей в своих интересах, подстрекая к экстремизму. Широкому распространению экстремистских настроений в современном обществе способствуют средства массовой коммуникации, прежде всего Интернет. Взяв на вооружение

информационно-коммуникативные технологии экстремистские организации активно пополняют свои ряды молодыми людьми, для которых Глобальная сеть стала важным агентом социализации, социальные сети – частью повседневной жизни. По данным проведенного нами исследования (опрос студентов Казанского государственного энергетического университета весной 2017 г., N=382), подавляющее большинство студентов (83%), сталкивавшихся с экстремистскими материалами в повседневной жизни, встречали их во всемирной информационно-компьютерной сети. Таким образом, став легкодоступным, экстремизм как идеология и способ действия сегодня открыт любому, тем более тому, кто чем-либо недоволен. Свободный доступ к информации экстремистского толка в сочетании с импульсивностью молодых людей и нежеланием основательно анализировать истоки и сущность социальных фактов приводит к тому, что молодежь некритично воспринимает экстремистские идеи и попадает под дурманящее влияние призывов к борьбе за свои идеалы, за торжество справедливости. Подводя итоги отметим, что для широкого распространения экстремизма нужны определенные политические и экономические основания. Если же население страны будет удовлетворено существующими условиями жизни, то волна экстремизма естественным путем не возникнет. Люди предпочитают стабильность… Стабильность, которая порождает уверенность в своем будущем, способствует формированию позитивных поведенческих установок и преодолению негативных тенденций в молодежной среде.

Литература:

1. *Студенчество России о социальном неравенстве и социальной справедливости: сборник научных статей / под общ. Ред. Ю.Р. Вишневского. – М.: РОС; Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. – 253 с.*
2. *Чупров В.И. Экстремизм среди молодежи / В.И. Чупров, Ю.А. Зубок // Мониторинг общественного мнения. – 2009. - №1 (89). – С.146-166.*

Федоркин Николай Семенович,

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Справедливость в контексте исследования методологических проблем политической социологии

Понятие "справедливость" является одним из часто употребляемых в понятийном аппарате ряда социально-политических наук. Трудно представить себе социальную и нравственную философию, юриспруденцию и политические науки без этого понятия как ценности и регулятора общественных отношений. Это понятие, хотя иногда и в разной терминологии, прошло через всю историю человечества ассоциируясь с представлением о добре и зле, божественном и дьявольском, законном и незаконном. Справедливость выступает неотъемлемой частью нашего мировосприятия, отражая объективную реальность в соотносительных

понятиях справедливости/несправедливости. В дуализме этих понятий заложен источник противоречий и борьба противоположностей за справедливость в общественно-политических отношениях социальных групп. Как ценность отношений индивидов и социальных групп и их взаимодействия с государством, справедливость носит конкретно-исторический характер. Она предстает как многомерное, неоднозначно трактуемое, "подвижное" в содержании в историческом контексте понятие, частично пересекающееся с более широким по содержанию понятием политической социологии "политическая культура", которое интегрирует в себе содержание субъективной стороны политики, модели политического поведения индивидов и социальных групп, модели поведения институтов политической системы. В общественно-политических отношениях справедливость, в этом смысле, выступает основополагающим принципом жизни общества, отражая ее в системе понятий нравственного, социально-экономического, правового и политического сознания, становясь, таким образом, структурным элементом механизма функционирования социально-политических систем. Поэтому справедливость можно рассматривать в нескольких аспектах. С этических позиций(нравственная справедливость), как качество личности и свойство межличностного взаимодействия; с социально-экономических позиций (социальная справедливость), как свойство системы социальных отношений; правовая справедливость, как свойство правового регулирования жизнедеятельности всех сфер общества с позиций равноправной субъектности человека и гражданина в системе взаимодействия общества и государства. В такой интерпретации справедливость имеет непосредственное отношение и к предметной области политической социологии, исследующей социальные механизмы власти и влияния на разных этапах и в разных фазах функционирования общества и в целом социально-политических систем. Сложность исследования проблемы справедливости как раз и обусловлена этими обстоятельствами. Во-первых, каждая из научных дисциплин, в которой используются понятие справедливость, имеет различные подходы в его интерпретации и в оценке ее критериев. Во-вторых, исторический контекст развития этого понятия видоизменяет его содержание, иногда до противоположности. К примеру, Великие европейский революции, в том числе и Русская революция 1917 года, завершались не только сменой общественно-политических порядков, но и сменой представлений о справедливости. Вожди этих революций рассматривали их как восстановление попранной справедливости, создание нового справедливого Закона. Кстати, идея возвращения к истокам "истинной справедливости" является одной из важнейших черт всех Великих революций. В ходе этих революций в жесточайшей борьбе утверждались новые представления о равенстве, свободе и справедливости, формируя новым поколениям их лозунги, задачи, науку, направления нравственного, социально-экономического, правового и политического развития. В третьих, в реалиях общественно-политической жизни в общественном сознании политических субъектов принципы справедливости складываются в некой не

систематизированной форме, содержание которых составляет совокупность оценочных суждений различных аспектов жизнедеятельности социально-политических систем. Если прибавить к этому наличие концепций справедливости различных социальных групп, которые всегда существуют в обществе, то становится проблематичной возможность институализации в обществе некой ее универсальной концепции, привязанной к историческому времени, народам и отдельным государствам. Именно поэтому комплексный подход политической социологии в изучении справедливости и ее места в структурном механизме функционирования социально-политических систем позволяет исследовать ее содержанеие, механизм включения в структуру субъективной стороны политики, выделить ее конкретные функции. К ним можно отнести: 1. функцию политической социализации граждан; 2. функцию легитимации политического режима; 3. регулятивную функцию. Политическая социология, в этом смысле, говоря словами классика политической науки, может, опираясь на свои методы исследования "объяснять, понимать, и... насколько это возможно, предсказывать политическое поведение и функционирование политических институтов"[1. С.14.]. Следовательно, справедливость может быть инструментом стабильности социально-политической системы и условием ее поступательного развития.

Литература:

1. *Истон Д. Политическая наука в Соединенных Штатах: прошлое и настоящее //Современная сравнительная политология. Хрестоматия. М., 1997*

Фобьянчук Александр Александрович,
ГБУ города Москвы ССиНМП имени А.С. Пучкова, Москва, Россия

Социальная справедливость в системе социального капитала

Настоящая тема является актуальной в системе построения цивилизованного общества, с его многообразием в рамках социального расслоения. Всякое общество представляет собой сложный социальный механизм. Но, как и всякий механизм состоит из элементарных частей, так и общество состоит из простых коллективов состоящих их двух или большего числа индивидов. В настоящем термине, я понимаю расслоения людей в обществе не только по экономическим критериям, но и многообразием других факторов влияющих на их социальную конституцию - трудовые, культурные, политические и т.д. Социальная среда, независимо какой этнос мы исследуем, явление не однородное. Для изучения данной проблемы, с моей точки зрения, необходимо рассматривать социальную действительность в рамках системности.

Социальное расслоение общества сопровождается социальным неравенством между людьми, естественно, отсюда возникает вопрос о

справедливости. Очень часто общество делят на богатых и бедных, то есть экономический критерий. С одной стороны правильно, но с другой не достаточно полно отражает данный предмет. Понятие неравенство в обществе можно рассматривать с разных сторон, с позитивной и негативной. В первом случае, сам термин неравенство в общество предполагает достаточную необходимость и не несет в себе негативного отражения при наиболее полном функционировании всех институтов самого общества. Само функционирование происходит в рамках реальной, социально направленной конституции, основы которой лежат в правовых нормах, проходящих через все сферы деятельности индивида в обществе. Внутренняя природа человека предполагает его постепенное становления как личности, приобретая необходимые качества, в процессе свей жизнедеятельности. В итоге получается, что само неравенство выступает как потребность для индивида, необходимая в раскрытии его личностных качеств. С негативной стороны – неравенство, может определяться как критерий, относящийся к неравнозначности предоставленных прав и свобод гражданам, какого либо общества. Социальный капитал – это совокупность активов в социуме используемых для получения вновь создаваемого блага увеличивая при этом производительность труда. Возможность предоставления одинаковых условий каждому индивиду общества, в раскрытии своих личностных способностей, увеличивает потенциал социального капитала, который синергетически улучшает благосостояние общества в целом.

Из простого наблюдения мы видим, что общество распадается на группы, коллективы: семя, политические партии, профессиональные союзы и т.д. Члены отдельной социальной группы тесно взаимосвязаны друг с другом, чем с другими людьми общества в целом. Если рассматривать социальную справедливость в рамках одного критерия, то дискуссия может длиться бесконечно. С точки зрения социальной статики изучения каждого критерия возможно и даже необходимо, но проблематику социальной справедливости, необходимо изучать в рамках социальной динамики, применяя системный анализ. Отсюда вывод, социальная справедливость рассматривается как совокупность всех факторов социальной действительности присущих различным социальным группам, их взаимодействие с другими социальными субъектами в рамках социально направленной правовой базой.

Говорить о полном решении проблемы социальной несправедливости, а тем более за короткий промежуток времени, было бы не разумно. Такая проблема на практическом уровне решается политическими методами, которые находятся, не только в ведении государственного управления. Работа в данной области подразумевает взаимодействия различных социальных институтов: государство – как механизм обеспечения реализации политических и социальных программ; научно исследовательские коллективы – изучающие настоящую проблему, в основе таких работ лежит научный подход; активность самих граждан в реализации своих прав и свобод, которые закреплены в конституции.

Литература:

1. *Сорокин П.А. Система социологии. – М.:Астраль. 2008. – 1008 с.*

2. *Фобьянчук А.А. Анализ структуры социального капитала в инновационном процессе. Материалы научно-практической конференции VII Ковалевские чтения 15-16 ноября 2012: ГУ. СПб., 2012. ст. 1069*

Хамутовская Светлана Викторовна,

ГНУ "Институт социологии Национальной академии наук Беларуси", Минск, Республика Беларусь

Социальные индикаторы электоральной культуры в современных демократических государствах

В современных демократических государствах, чья деятельность основана на власти народа, крайне важным является то, насколько эффективно обеспечиваются политические права человека и гражданина. Английский социолог Т. Г. Маршалл определяет последние как «право избирать и быть избранными в политический орган на свободных выборах» [1, с. 65]. Статья 21 Всеобщей декларации прав человека гласит: «Каждый человек имеет право принимать участие в управлении своей страной непосредственно или через посредство свободно избранных представителей…Воля народа должна быть основой власти правительства; эта воля должна находить себе выражение в периодических и нефальсифицированных выборах, которые должны проводиться при всеобщем и равном избирательном праве путем тайного голосования…» [2]. В данном контексте существенное значение имеет то, насколько люди, обладающие избирательным правом, вовлечены в политическую систему, как они осознают свое место и роль в ней, каковы их взгляды, чувства и предпочтения относительно политических структур, лидеров, инициатив, как формируются политические ориентации и представления (в том числе о социальной справедливости и равенстве). Это вызывает необходимость изучения электоральной культуры как феномена, в котором в наиболее полной мере находят воплощение названные характеристики. Понятие «электоральная культура» стало активно использоваться в общественных науках примерно в 30-х годах XX в. Сегодня ее можно определить как относительно устойчивую систему знаний, оценок и норм электорального поведения и электоральных отношений, избирательного процесса в целом, коллективную память людей о выборных процессах [4, с. 25], как совокупность типичных для общества «паттернов (стереотипов) политических представлений, установок и ценностных ориентаций, традиций и символов, политического поведения» [3, с. 30]. Из определений видно, что структура электоральной культуры включает в себя три основных элемента: когнитивный, нормативно-ценностный и поведенческий. Первые два имеют внутреннее проявление, а третий – внешнее. Для повышения точности и

оперативности анализа электоральной культуры необходимо выявление конкретных социальных индикаторов, отражающих в совокупности наибольшее количество устойчивых характеристик данного феномена. Когнитивный элемент электоральной культуры составляют знания людей о политической системе, действующих в ней субъектах и институтах, политических событиях и процессах. Когнитивная составляющая формируется как пассивно (в процессе первичной политической социализации), так и активно (когда человек сознательно и целенаправленно интересуется политической жизнью). Измеряется когнитивный элемент с помощью таких социальных индикаторов, как: 1) владение избирателем политическими сведениями, поступающими из «внешней» окружающей среды; 2) наличие «внутренних» политических навыков, ожиданий, опыта участия в избирательных кампаниях и принятия электоральных решений; 3) соединение «внешней» и «внутренней» политической информации, которое в дальнейшем влияет на электоральный выбор. Нормативно-ценностный элемент в структуре электоральной культуры отражает чувственно-эмоциональный аспект электорального выбора. Данный элемент может измеряться при помощи таких эмпирически верифицируемых социальных индикаторов, как: 1) отношение граждан к политике; 2) проявление доверия/недоверия к политическим деятелям и институтам; 3) понимание людьми своей роли в политическом и избирательном процессах и связанных с ней задач, значимости политического участия; 4) осознание необходимости соблюдать установленные в государстве правила и нормы в политической области жизнедеятельности и подвергаться санкциям в случае их нарушения; 5) оценка гражданами последствий своих действий в качестве электората для себя и для общества. Все эти показатели можно выразить посредством такой интегральной характеристики как эмоционально-оценочные предпочтения, посредством которых проявляется предрасположенность избирателей к высоким оценкам одного политического объекта, по сравнению с другими, в силу каких-либо его преимуществ. Поведенческий элемент электоральной культуры в ее структуре представлен таким интегральным показателем, как электоральное поведение. Этот элемент измеряется посредством следующих социальных индикаторов: 1) участие граждан в избирательных кампаниях; 2) участие избирателей в выборах и референдумах. В качестве показателя уровня участия населения в электоральных процессах выступает активность избирателей. Таким образом, из вышесказанного можно сделать вывод о том, что электоральная культура является динамично развивающимся, сложноорганизованным социально-политическим явлением, всестороннее изучение которого в общественных науках возможно посредством анализа во взаимосвязи всех составляющих его элементов. А выделенная система социальных индикаторов может применяться, преимущественно, для социологического исследования электоральной культуры различных социальных групп и общностей людей, обладающих политическими и гражданскими правами и реализующими их в электоральных процессах, происходящих в современных демократических государствах. Можно

согласиться с утверждением американского политолога П. Мерло, что сегодня «выборы – не чисто формальное мероприятие, а важнейшая составляющая процесса, являющегося по своей сути политическим, и должны рассматриваться в общем контексте гражданских и политических прав» [5].

Литература:

1. *Большой толковый социологический словарь (Collins). Том 2 (П - Я): Пер. с англ. – М.: Вече, АСТ, 1999. 528 с.*
2. *Всеобщая декларация прав человека. Принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1948 года http://un.by/dokumenty/prava-cheloveka/65-pravozashchitniki/2507-vseobshchaya-deklaratsiya-prav-cheloveka.*
3. *Зырянов, С.Г. Электоральное поведение и электоральная культура в трансформирующемся институциональном пространстве: методологический аспект // Социум и власть. 2008, № 2. С. 28-33.*
4. *Комаровский, В.С. Демократия и выборы в России: теория и история вопроса // Социс. 1996, № 6. С. 18-31.*
5. *Мерло П. Электоральная практика, права человека и общественное доверие к демократической системе. http://www.civisbook.ru/files/File/1995_4_Merlo.pdf.*

Харькова Мария Андреевна,

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Влияние стратегий парламентских партий на развитие воззрений молодежи о политической справедливости: сравнительный дискурсивный анализ

В рамках реализации молодежной политики перед государством и институтами гражданского общества стоит особая задача по повышению конструктивной, созидательной и позитивной активности молодежи как в отношении развития демократии, так и в отстаивании интересов масс [5]. Отечественные СМИ поддерживают критический взгляд молодежи на окружающую ее действительность и формируют потребность в проявлении социальной и политической активности. В какой бы сфере жизнедеятельности российского общества активность молодежи не проявлялась, так или иначе она связана восстановлением нарушенного равенства и справедливости [3]. При этом, формирование и развитие политического и гражданского потенциала молодежи в большей или меньшей мере, непосредственно или опосредовано осуществляется посредством молодежной политики политических партий. Наиболее активно она реализуется парламентскими партиями через свои молодежные организации и отделения: «Единая Россия» – «Молодая Гвардия Единой России»; КПРФ – «Ленинский коммунистический союз молодежи Российской Федерации»; ЛДПР – «Молодежная организация ЛДПР «Время молодых»; «Справедливая Россия» – ООД «Социал-демократический союз молодежи «Справедливая сила» [8, 9, 10, 11]. Направление молодежной

политики правящей и оппозиционных политических партий формируется в соответствии с их идеологиями и программами [2]. Однако, их основная установка – «молодежь – наше будущее». Это подтверждается лозунгами: «Мы должны научиться использовать «образовательный драйв» молодого поколения» («Единая Россия»); «Нужно помочь молодежи максимально раскрыть свой творческий потенциал!» («Справедливая Россия»); «Стратегический, долгосрочный акцент государственной поддержки молодежи должен быть сделан на равенстве возможностей, на равенстве стартовых условий вступления во взрослую жизнь» (ЛДПР); «КПРФ – партия будущего, а будущее принадлежит молодежи» (КПРФ). Основными вопросами по внедрению молодежи в политику для партий являются воспитание и образование, формирование культуры политического поведения по обеспечению равенства прав и справедливости [1]. Средства, используемые партиями различны: «Единая Россия» ориентирована на реформирование и модернизацию российской образовательной системы, привлечение молодежи к участию в образовательных, экономических, политических и социальных процессах; «Справедливая Россия» – делает акцент на доступное, но бесплатное образование; КПРФ – пытается возобновить высокие общественные стандарты бесплатного высшего и среднего образования; ЛДПР – реализует подход, осуществляемый с учетом различий в карьерном и образовательном развитии молодежи, с учетом возможностей и желания получать обязательные образовательные услуги бесплатно и дополнительно для более полноценного образования – на платной основе. Парламентские партии в целях приобщения молодежи к политике применяют различные социальные технологии [6]: «Единая Россия» сфокусировала свое внимание на поиске талантливой молодежи для реализации их возможностей в партийной и общественной деятельности, при этом реализует проекты «Фабрика мысли» и «Эффективное управление – это кадровый резерв», «Молодежные праймериз»; КПРФ – нацелена на привлечение молодежи в свои ряды; ЛДПР – активно формирует для молодежи перспективы в применении и реализации своих возможностей (выступают за снижение с 18 до 16 лет возраста, при котором гражданин может участвовать в голосовании на выборах всех уровней); «Справедливая Россия» – поддерживает формирование в интересах молодежи наиболее выгодных условий для активного включения в профессиональную и общественную жизнь всех желающих (почти каждый второй член партии – молодые люди до 40 лет). Приобщение молодых людей к партийной жизни – залог обеспечения преемственности поколений отстаивать равенство и справедливость бесконфликтными и законными методами [7]. Среди них, наиболее популярные: 1) привлечения молодежи в ряды партии в качестве членов партии; 2) включение молодежи в списки кандидатов на выборы; 3) участие агитационных групп в протестных акциях и/или акциях поддержки; 4) проведение сборов и лагерей актива; 4) организация творческих мероприятий; 5) политическое обучение в партийных школах. Решая вопросы образования и интеграции молодежи в политическую жизнь страны, парламентские

партии опосредовано решают социально-экономические злободневные проблемы молодежи [4], а именно: «Единая Россия» – связывает и решает молодежные проблемы в контексте реализации принципов развития страны (доступное жилье, бесплатная земля под индивидуальное строительство, стимулирование рождаемости, дошкольное обеспечение); «Справедливая Россия» – отстаивает рациональное распределение доходов общества, учитывая важность обеспечения поддержки молодым семьям на начальном этапе их жизни (предлагает создать Фонд будущих поколений); КПРФ – поддерживает восстановление льгот многодетным семьям, возобновление комплексов общедоступных детских садов и школ, а также подчеркивает необходимость обеспечения молодых семей жильем; ЛДПР – выступает за обеспечение высокого уровня социальной защищенности молодых граждан, поддержки их, посредством строительства жилья для молодежи, содействовать выдаче молодежных жилищных кредитов и др. Итак, стратегии партий альтернативные, но реализуемая цель одна – институциональное формирование у молодежи чувства справедливости, применяемого в легитимных формах отстаивания равенства прав (шансов).

Литература:

1. *Елишев С.О. Молодежь как объект социализации и манипуляции. - М.: 2015. – 320 с.*
2. *Елисеев А.Л. Современные политические партийные системы. – Орёл: ОрёлГТУ, 2000. – 152 с.*
3. *Жарикова Е.С. Парламентские партии современной России: особенности проведения молодежной политики. Власть, 2013. – 54 с.*
4. *Кибанов А.Я., Ловчева М.В., Лукьянова Т.В. Результаты реализации молодежной политики в России. Концепт, 2013. – 125 с.*
5. *Меркулов П.А., Малик Е.Н., Бударина К.А. Институционализация молодежных организаций и объединений в современной России: проблемы и перспективы. Власть, 2015. – 145 с.*
6. *Назаренко С.В. Ценности и нормы электоральной культуры как основа социального контроля электорального поведения студенческой молодежи / Теории и проблемы политических исследований. 2017. Т. 6. № 2А. С. 7-27.*
7. *Оборский А.Ю. О роли духовных ценностей в развитии современной России / Военный академический журнал. 2015. № 1 (5). С. 146-147.*
8. *Всероссийская политическая партия «Единая Россия». Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: http://er.ru/ (дата обращения: 30.01.2018).*
9. *Политическая партия «Справедливая Россия». Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: http://www.spravedlivo.ru/index.html (дата обращения: 30.01.2018).*
10. *Политическая партия «КПРФ». Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: https://kprf.ru/ (дата обращения: 30.01.2018).*
11. *Политическая партия ЛДПР. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: https://ldpr.ru/ (дата обращения: 30.01.2018).*

Черкасова Виолетта Юрьевна,
Уральский институт Управления РАНХиГС, Екатеринбург, Российская Федерация

Межнациональные отношения: конфликты и пути их решения

Одним из ярких примеров социальной несправедливости является дискриминация по национальному признаку. Россия страна многонациональная и конфликты на национальной почве возникают достаточно регулярно. Исследовательский центр «Аналитик» в 2017 году провёл ряд исследований, позволяющих выявить основные тенденции социально-экономической и политической ситуации в Свердловской области. Так, по проблемам межнациональных отношений были проведен экспресс-опрос и фокус-группа. В экспресс-опросе участвовали жители Екатеринбурга. Было опрошено 400 человек. Выборка соответствует половозрастной структуре жителей города старше 18 лет. В фокус-группе приняли участие 8 экспертов, руководителей НКО Свердловской области. Согласно результатам опроса, большинство респондентов полагает, что многонациональность нашей страны приносит ей больше пользы, чем вреда (так считают 54,5% опрошенных). Настораживает, что пятая часть ответивших (20%) думает, что это идёт стране скорее во вред, а 25,5% респондентов затруднились ответить. Соответственно, межнациональную ситуацию, можно определить как терпимую, но достаточно напряжённую. Можно отметить, что население города Екатеринбурга, в большинстве своём, старается не дискредитировать людей по национальному признаку. Среди опрошенных, значительная часть уверена, что все люди в своей стране должны обладать равными правами, независимо от национальности (70,9%). Считают, что люди коренной национальности должны иметь больше прав, чем люди других национальностей, живущие на той же территории, 20% респондентов. 6,5% ответивших затруднились в своём выборе. Относительную терпимость жителей города Екатеринбурга подтверждает следующий вопрос – испытывают ли они отрицательные эмоции по отношению к представителям других национальностей. Большинство ответили, что не испытывают (62,5%), третья часть (29,5%) испытывает, и 8% затруднились с ответом. Тем не менее, половина респондентов (50%) считает, что нужно ограничить въезд в страну представителей некоторых национальностей, еще треть респондентов (34%) высказалась за отсутствие ограничений и 16% не смогли ответить на этот вопрос. Большинство опрошенных (51%) отмечает, что конфликты между приезжими и коренным населением присутствуют. Треть населения (32,3%) думает, что конфликтов нет. Остальные (16,7%) не смогли ответить на этот вопрос. Существенная часть респондентов (80,2%) не сталкивалась с оскорблениями и дискриминацией по национальному признаку. Скорее всего, это связано с тем, что опросу подвергались в основном представители

коренного населения. Примерно седьмая часть (13,7%) ответивших, имела опыт оскорблений и дискриминации по национальному признаку. Эксперты, участвующие в фокус-группе оценивают ситуацию в Свердловской области, как терпимую, но иногда напряжённую. И говорят о тех проблемах, которые возникают. К этим проблемам можно отнести – отсутствие толерантности у коренного населения, спорные права на землю, нежелательное соседство, передел собственности. Участники фокус-группы отмечают, что зачастую межнациональный конфликт зарождается как конфликт не связанный с национальными вопросами, а затем уже его поворачивают в нужную сторону. И наоборот, иногда случается, что конфликт имеет реальную межнациональную подоплёку, но благодаря стараниям органов власти и СМИ, уводится в другое русло. СМИ и интернет могут послужить источником раздувания межнационального конфликта, так что из рядовой межличностной разборки, он становится конфликтом межнационального масштаба. В то же время, СМИ, могут сгладить ситуацию, по-другому расставив акценты. Также средства массовой информации должны доносить до населения позицию органов власти, в отношении мигрантов и расширении или ограничении их въезда. Плясунова М.Ю. заместитель председателя правления «Ассамблеи народов России» полагает: «никто не рассказал Свердловской области, по какой причине мы разрешаем сюда въезжать такому количеству мигрантов. Не потому что мы любим братские народы и такие доброхоты, на это есть экономическое обоснование, почему они нужны Свердловской области. Люди пока еще не знают об этом, и чиновники должны информировать СМИ, а СМИ должны рассказать жителям». Интернет, помимо выполнения основных функций по передаче информации, является также местом сливания напряжённости, где каждый может высказаться, избавиться от негатива и затем не предпринимать никаких активных агрессивных действий. По мнению экспертов, органы власти должны грамотно реагировать на случившиеся уже конфликты, а главное прогнозировать возможное напряжение, в определённых случаях и постараться избежать этого. Согласно мнению участников фокус-группы, силовые структуры определённо влияют на решение межнациональных конфликтов. Власть и силовые структуры должны вовремя реагировать и всегда быть на чеку. На данный момент, по мнению экспертов, эти службы работают достаточно эффективно. В решении межнациональных конфликтов также играет очень важную роль духовенство. Возможна организация мероприятий, объединяющих представителей, разных религий и, разных национальностей, например: «региональная утренняя молитва». Такие объединения в Москве и Санкт-Петербурге проводят уже несколько лет, это своеобразная попытка найти общий язык между представителями разных религий, органами власти, СМИ и т.д. Таким образом, успех профилактики и решения межнациональных конфликтов, зависит от консолидации усилий всех действующих акторов.

Шабашов Максим Юрьевич,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Политическая справедливость в системе социальных ценностей российской молодежи

Социальные ценности россиян отражают уровень культуры, духовных потребностей, интересов различных групп и общностей. Они являются мотиватором поведения. «Базовые ценности» личности – ориентиры в политике, экономике, образовании, труде и т.д. В их числе: а) здоровый образ жизни; б) новое «качество жизни», т.е. переосмысливание своего труда и его смысла, а также пересмотр соотношения труда и досуга, формируя своего рода культуру досуга; в) гуманистическая культура общения, т.е. пересмотр общения и взаимодействия с другими людьми, переход отношения к людям как средству достижения своих утилитарных целей к отношению как к цели, самоцели; г) потребность в самореализации в творчестве, развитии способностей, навыков, в духовном обогащении и т.п. [2]. Политическая справедливость как ценность интегративного характера затрагивает правовые и экономические отношения в контексте морально-этических норм. Она предполагает разумное устройство политической жизни, идеальные политические отношения, взгляды человека на жизнь, а также защищающие его прирожденные права. В ней зафиксированы требования к политической жизни, роли различных социальных групп и слоев общества, в том числе регламентировано их политическое положение, соотношение между политическими правами и обязанностями, заслугами и призванием, преступлением и наказанием за него и т.д. Она позволяет здраво распределять права и обязанности в пространстве, уравновешивать конфликтующие интересы в политической сфере. В ней учтены нормы, традиции, обычаи, ментальные качества общества. Она может быть присуща одному обществу, но не присуща другому [1]. Особенно это выраженно при имеющихся серьёзных ограничениях на избирательные и выборные возможности граждан. Если избирательным правом обладают все без исключения, то в системе ценностей присутствует справедливость [6]. Результаты социологического исследования показывают, что поддержание справедливых политических отношений между субъектами политического поля зависит не столько от норм, традиций и обычаев, исторического времени, сколько от формы современной политической организации, политического режима, общей политической зрелости государства, а также распределения общественных и политических интересов и т.д. [4]. В современном российском обществе форма политической справедливости опирается на институты политической свободы и демократии, на расширенный сектор справедливости. Однако, подлинном смысле слова пока

нельзя идентифицировать государство страны как социальное и/или правовое государство, ибо оно достигается через достаточно развитый общественный институт – гражданское общество. Так как, отечественное гражданское общество находится на стадии формирования и развития, то соответственно политическая справедливость как ценность у россиян еще не до конца сформировалась. Замкнутый круг: гражданское общество плохо развивается из-за недостаточности политической справедливости в системе ценностей россиян, а политическая справедливость как ценность, не развивается, ввиду отсутствия должных общественно-политических институтов (гражданского общества, выборов и т.п.). Источником развития политической справедливости является инициирование, развитие и функционирование политической демократии. Зарубежный опыт показывает, что в экономически развитых странах, отношения политической справедливости опираются на политическое равенство вех членов общества, причем без исключения. Залогом выступает правовая система, лежащая в основе правового государства, к которому Россия в данный момент времени идет [5]. Право, создает структуру формального политического права граждан. Это формальное равенство и создает основу политической справедливости в условиях развитой демократии. Результаты ряда социологических исследований указывают, что становление современной молодежи 10-15 лет назад происходило в условиях ценностной аномии, так как перестраивались практически все значимые институты как агенты (агентства) социализации и социального контроля [3]. Воспитательная функция системы образования была сведена к минимуму, а семьи – гипертрофирована, так как родители были поставлены перед необходимостью зарабатывать деньги. Сравнительный анализ социальных характеристик (интеллектуальный потенциал, гражданская активность и нравственные качества) 4 групп – молодежи 80-х, молодежи 90-х, молодежи «нулевых» годов и современной молодежи, позволил сделать вывод: тренд неярко выраженной деградации поколений молодежи. Так, из этого следует, чем выше интеллектуальный потенциал (гражданская активность, нравственные качества), тем больше шансов, что новое поколение будет более стремительнее продвигаться к достижению политической справедливости в стране. Однако, не все современное молодое поколение сможет стать фактором обновления страны. Для этого ряд условий, ключевым из которых должен быть ценностно-идеологический фактор, то есть возрожденная государством национальная идеология, основанная на прогрессивных традиционных ценностях тысячелетней истории страны. Итак, формирование и укрепление политической справедливости в системе ценностей россиян, с одной стороны, должно прививаться в нравственных идеалах на основе общечеловеческих ценностей, а с другой стороны, государство не только не должно мешать этому, но и двигаться навстречу, создавая институты гражданского общества, социализируя своих граждан путем пропаганды правильных, а не искаженных ценностей.

Литература:

1. *Бормотов И.В. Система ценностей современной российской молодежи (социально-философский анализ): монография. – Тула: Изд-во Тульский полиграфист, 2013. – 221 с.*
2. *Карпушина Л.В. Психология ценностей российской молодежи: монография. – Самара: Изд-во Самарский науч. центр РАН, 2009. – 252 с.*
3. *Назаренко С.В. Социальный контроль девиаций и инноваций как источников изменения общества: теоретическая интерпретация / Социальные изменения в современном обществе: коллективная монография. Ульяновск, 2016. С. 108-122.*
4. *Назаренко С.В. Ценности и нормы электоральной культуры как основа социального контроля электорального поведения студенческой молодежи / Теории и проблемы политических исследований. 2017. Т. 6. № 2А. С. 7-27.*
5. *Оборский А.Ю. Этические проблемы экономических преобразований в современной России / Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 2. С. 94-99.*
6. *Система ценностей российской молодежи: экспертная оценка. Центр научной политической мысли и идеологии. [Электронный ресурс]. URL: http://rusrand.ru/docconf/sistema-cennostey-rossiyskoy-molodeji-ekspertnaya-ocenka (дата обращения: 30.01.2018).*

Шведова Виктория Олеговна,
Российский государственный социальный университет, Москва, Россия
Чепенко Кристина Валерьевна
Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

Опыт реализации принципа социальной справедливости (ретроспективный анализ)

Одним из критериев благополучного будущего является мирное сосуществование современных обществ, а социальная справедливость - его основополагающий принцип. Способность человека к восприятию понятий добра и зла, справедливости и несправедливости, в совокупности создает, согласно Аристотелю, основу устойчивой семьи и устойчивого государства [1]. По определению Дж. Роулза, «главный субъект справедливости – базисная структура общества, или более точно, способы, которыми основные социальные институты распределяют фундаментальные права и обязанности и определяют разделение преимуществ социальной кооперации» [10]. Для каждого конкретного общества характерны свой путь развития, своя концепция справедливости, своя институциональная матрица (устойчивая система базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер [6]). Однако доминирующая в планетарном масштабе капиталистическая система с дифференциацией доходов, имущественным расслоением, частной собственностью на производственные ресурсы, обогащением одних и обнищанием других, автоматически не обеспечивает социальной справедливости. Основной критерий эффективности такой системы – максимизация прибыли – не подразумевает максимального удовлетворения потребностей максимально возможного числа членов общества. Но

справедливость – неотъемлемый критерий социалистического общества, изучение опыта которого актуализируется тем, что «мы живем во время «перехода», в период неизбежного упадка и «окончательной смерти» капиталистического мира-экономики» [3]. Последнее положение обращает к изучению феномена социализма в различных пространственных и темпоральных измерениях, как альтернативы существующему миропорядку, а также феномена преобладания Х-матрицы (регулирование экономики институтами редистрибуции, унитарно-централизованное государство в политическом отношении и приоритет ценностей общегосударственного порядка по отношению к частным ценностям [6]). Одни из первых признаков социализма появились в III тысячелетии до н.э. в Месопотамии. Саргон Великий (годы правления: 2316—2261 гг. до н. э.) и его наследники создали Империю, ставшей мощным государством, основанным на царской власти, государственном регулировании и справедливости [7]. Другой пример наблюдался в Древнем Египте в период с XVI по XIV вв. до н.э. Почти все население Египта было зависимым, но эта зависимость не была частного характера, почему египетское общество нельзя назвать рабовладельческим или феодальным [11]. История Китая представляет собой исключительно интересный пример того, как на громадном промежутке времени – от древности до современности – в разнообразных формах проявляются государственно-социалистические тенденции, особенно ярко они наблюдались в эпоху Инь и более поздние эпохи Чжаньго и Цинь, занимающими приблизительно одно тысячелетие: между XIII и III вв. до н.э. [11]. Также принципов справедливости неоднократно добивались посредством народных восстаний. Так, например, в 184 году н.э. началось восстание «Желтых» повязок [5]; восстание «Красных» повязок в 1351-1368 гг. [2], Тайпинское восстание в 1850-1864 гг. и др. [4]. В качестве определяющей черты всей азиатской формации указывалось отсутствие частной собственности на землю, которое составляет основу политической и религиозной истории Востока [11]. Черты социалистического устройства были обнаружены также в Империи Инков в XV-XVI вв. Эту империю можно назвать одним из тех государств, которое максимально близко подошло к реализации идеи социализма, но полного соблюдения принципов справедливости в данном обществе не наблюдалось [11]. Один из ярких представителей социализма, конечно, – СССР. В его основе лежала общенародная собственность, а также преобладали институты Х-матрицы [6;8;9]. Отличительной чертой справедливости в СССР выступал факт того, что все накопленное богатство страны, включая природные ресурсы, принадлежало не чиновникам государственного аппарата, не частным лицам, а всему народу [9]. Таким образом, можно констатировать факт того, что у человечества есть колоссальный опыт реализации принципов социальной справедливости. Если рассматривать ее как базовый принцип мироустройства, то с уверенностью можно отметить, что капитализм его полностью игнорирует. Капитализм существует инерционно, как любая система имеет свой ограниченный срок существования [3] и не в состоянии

дать гарантию на построение благополучного будущего по причине того, что несправедливость является его имманентным свойством (изначальное – после процесса первоначального накопления капитала – и усугубляющееся имущественное неравенство). Человечество стоит на пороге глобальных перемен, но очевидно одно: оно нуждается в демократическом и эгалитарном устройстве мира, ведь именно оно сможет обеспечить ту социальную справедливость, которой недостает в настоящее время. Очевидно, что невозможно создать универсальную систему социальной справедливости, но стремление каждого общества к ней будет оправданным. Важно понимать: создание равных возможностей для развития и продвижения личности первично по отношению к распределению блага [10]. Достижение справедливости должно стать целью мирового сообщества, так как с помощью справедливости вероятнее всего достижение мирного сосуществования различных классов, народов, этносов, что, в свою очередь, является залогом благополучного будущего для всего мира.

Литература:

1. *Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Перевод с древне-греч. С. Жебелева. М.: Мысль, 1983. Т. 4. – С. 376–644.*
2. *Боровкова Л.А. Восстание Красных войск в Китае. М.: Наука, 1971. – 196 с.*
3. *Валерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. / пер. с англ. П.М. Курдюкина, под общей редакцией Б.Ю. Кагарлицкого. – СПб.: Университетская книга, 2001. – 416 с.*
4. *Илюшечкин В. П. Крестьянская война тайпинов. М.: Наука, 1967. – 397 с.*
5. *История древнего мира. Под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. М.: Наука, 1989. – 430 с.*
6. *Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. Издание 3-е, переработанное, расширенное и иллюстрированное. – СПб.: Нестор-История, 2014. – 468 с.*
7. *Нефедов С.А. История древнего мира. – М.: Владос, 1996. – 392 с.*
8. *Погосян В.Г. Феномен модернизации в свете цивилизационного и формационного подходов // Социальная политика и социология. 2016, Т.15. № 2 (115). – С. 138-146.*
9. *Пульман В.Ф. О государственном социализме в СССР – Таллин. 2010. – [Электронный ресурс] – URL: http://lit.lib.ru/p/paulxman_w_f/text_0500.shtml*
10. *Роулз Д. [John Rawls] Теория справедливости: пер. с англ. В.В. Целищева и др. Новосибирск: изд-во Новосибирского университета, 1995. – 513 с.*
11. *Шафаревич И.Р. Социализм как явление мировой истории. М.: Эксмо, 2003. – 448с.*

Щепина Светлана Владимировна,

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Справедливость в гражданском обществе

В современной науке можно выделить две функции гражданского общества: теоретико-аналитическую и нормативную, поскольку на основании исторической традиции в определении гражданского общества выделяются следующие три фактора: легальность (гражданское право, гражданское и политическое равенство и права); плюрализм (автономные, самоорганизующиеся добровольные объединения) и публичность

(пространство коммуникаций, участия общественности и связи с общественностью); артикуляцию политической воли и социальных норм. Вместе с тем, существует мнение, что степень активности гражданских движений и инициатив, зависит не просто от типа общества, а от социальной базы гражданского общества. В научной литературе можно выделить структурный и личностный подходы к пониманию социальной базы гражданского общества. В рамках структурного подхода делаются попытки выделить те слои в социальной структуре общества, которые могут стать основным фундаментом гражданского общества. Наиболее распространена идея о среднем классе как социальной базе гражданского общества. Такой подход основан на представлении о частной собственности как о ключевом институте гражданского общества, что предполагает наличие «многочисленного класса собственников» [2]. Исследования, проведенные западными философами, выявляют положительную связь между местом индивида в иерархии социальной структуры общества и уровнем его гражданской активности. Однако, на наш взгляд, нельзя с абсолютной уверенностью (а особенно в отношении нашей страны) утверждать, что принадлежность к среднему классу автоматически означает высокую гражданскую активность - это, во-первых. Во-вторых, гражданское общество в России приобретает скорее некую протестную форму, поэтому можно предположить, что в формировании гражданских движений и инициатив важную роль могут сыграть представители низших классов, как наиболее ущемленные в экономическом и социальном плане. Наконец, наличие частной собственности является необходимым, но недостаточным условием формирования гражданских движений и инициатив. Процессы формирования гражданских движений, инициатив и среднего класса могут быть связаны также и в обратном порядке. Личностный подход предполагает поиск тех элементов личности, особенностей социального поведения индивидов, которые способствуют формированию гражданских движений и инициатив. Ceotcndetn соответствующий гражданскому обществу тип личности как, с одной стороны, достаточно автономизированную, а с другой стороны, осознающую необходимость и способную «конструктивно взаимодействовать с другими личностями во имя общих целей, интересов, ценностей» [1]. В качестве социальной базы гражданского общества стоит рассмотреть в первую очередь тех индивидов, кто способен реально отстаивать свою свободу. В современной России таких, увы, не много. Еще одним базовым явлением гражданского общества является гражданская культура (явление, где органически сливаются политические и правовые, нравственные и эстетические, а также иные ценности, создающие единую базу для осознания человеком гражданских прав и обязанностей индивида и общества, личности и государства) [3]. Установка на заинтересованное гражданское участие – неотъемлемый компонент демократической политической культуры, а участие – важнейший элемент функционирования демократии; именно с его помощью граждане подчиняют себе правительство, делая его ответственным перед народной волей. Если в ближайшее время

вышеуказанные показатели не изменятся, учитывая многонациональный состав населения, то становится ясно, что ни о каком тождестве интересов не может быть и речи. Как известно, развитая система общественных структур позволяет выявить весь комплекс многообразных интересов различных социальных слоев населения и учитывать их при выработке политического курса страны. И чем более развито гражданское общество, тем сложнее его социальная структура. Многовековые дискуссии на Западе показывают, что для его жизни ничего лучше демократии нет. Что только в условиях торжества идеалов демократии, возможно развитие системы общественных движений. Но стоит вспомнить Томаса Гоббса, который полагал, что демократия может быть устойчивой при достижении, как он выражался, непреодолимого могущества. Возможно, для судеб индивидуалистического гражданского общества лучше демократии действительно ничего не придумано и, следовательно, социальный диагноз, поставленный многими поколениями западных теоретиков, неопровержим. Но при этом, нет оснований считать, что западные идеи о гражданском обществе продуктивны применительно к условиям жизнедеятельности любого общества. А явление социальной справедливости столь же иллюзорно, как и всеобщее равенство и благоденствие.

Литература:

1. *Борисова Ю.В. Патриотизм в структуре гражданской идентичности// Актуальные проблемы российского общества в контексте новых вызовов современности. Всероссийская научно-практическая интернет-конференция. – Вологда, ИСЭРТ РАН, 2017. – С. 151-158.*
2. *Иванов Р.В. Особенности современной социальной мифологии // Материалы Всероссийской научно-практической конференции: Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы. - Иркутск, Изд-во: ИГУ, 2016. - С. 73-76.*
3. *Полюшкевич О.А. Социокультурные условия солидарности / О. А. Полюшкевич // Актуальные проблемы российского общества в контексте новых вызовов современности. Материалы научно-практической интернет-конференции. – Вологда, ИСЭРТ РАН, 2017. - С. 120-124.*

Эминов Аганазар Нагымович,

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Политическая справедливость в современном обществе: сравнительный анализ на примере России и Туркменистана

Реализация принципа политической справедливости предполагает избираемость и переизбираемость органов власти, причем как на основе демократических правил и процедур, так и в контексте устоявшихся традиций законных, транспарентных, плюралистических и свободных выборов. Данная традиция предполагает смену власти через избирательные процедуры с заранее законодательно закрепленными временными рамками –

1 раз в каждые 4 или 5 лет. Это позволяет политическую власть в государстве признать легитимной [9]. Современный независимый Туркменистан имеет почти тридцатилетнюю историю как президентская республика. Ей присущи признаки демократической республики, объединяющей два законодательных органа: первый – назначаемый и избираемый Халк Маслахаты (с туркм. – Народный Совет), обсуждающий вопросы общегосударственной политики, в том числе о внесении изменений в конституцию страны, о проведении выборов и референдумов, об утверждении программ развития и др.; второй – Меджлис (с туркм. – Парламент), депутаты которого активно участвуют в законотворческой деятельности, принимая законы [8]. Социально-политические реалии в новейшей истории Туркменистана представлены двумя эпохами: эпоха Сапармурата Атаевича Ниязова – Туркменбаши (с туркм. – Отец всех туркмен), длившаяся 21 год (1985 – 2006 гг.) и включившая в себя этап эволюции формы государственного правления в направлении президентской республики и этап усиления власти президента, сопровождающееся тотальными нарушениями прав граждан страны; эпоха Гурбангулы Мяликгулыевича Бердымухамедова – Аркадага (с туркм. «Покровитель»), существующая более 12 лет (2006 – н/вр.) и включающая в себя непрерывный процесс демократизации общественно-политического режима в Туркменистане [11]. Современному этапу присущ противоречивый характер, но это обусловлено рядом факторов и проблем. В их числе: а) потребность в профессионально подготовленных кадрах государственного управления; б) годами сложившаяся система формальных и неформальных национальных связей и зависимостей; в) региональный принцип формирования состава государственного аппарата; г) боязнь большинства государственных должностных лиц оказаться виновными за нарушения при исполнении обязанностей, которые могут быть допущены из-за недостаточного уровня профессиональной подготовки; д) высокая степень коррупции в органах власти, что нередко инициирует внутриполитическую дестабилизацию [2]. В этих условиях тренд демократизации и реальной либерализации существующего политического режима подтверждают такие аргументы, как: во-первых, наличие альтернативных политических партий (Демократическая партия, Партия промышленников и предпринимателей, Аграрная партия и др.); во-вторых, гражданам страны гарантировано беспрепятственный доступ к зарубежным средствам массовой информации, а госорганам запрещено цензурировать и оказывать противодействие работе СМИ; в-третьих, значительное расширение возможностей граждан в получение образования [3]; в-четвертых, расширение доступности в получении медицинских услуг; в-пятых, медленное, но улучшение тяжёлой социально-экономической ситуации; в-шестых, возвращение к социальным выплатам, пенсиям, пособиям. Даже бытующее мнение оппозиционеров правящей политической силы признает, что посредством «номенклатурной» или «бюрократической» революции 2006-2007 гг. туркменское общество все более удаляется от авторитаризма к либерализму власти. На смену принципу «пожизненного президента» пришел ряд принципов демократического

устройства общественно-политической организации станы. Итак, результаты социологического объяснения и описания социальных показателей макроуровня позволяют сделать вывод, что демократизация в Республике Туркменистан идет параллельно с идентичным процессом в России. Однако, следует признать факт наличия некоторого временного лага, сдвига – десятилетнего запоздания [1]. В России вопросам обеспечения социальной и политической справедливости и равенства граждан начали уделять несколько раньше и в ряде вопросов более эффективнее. В частности, относительно развития человеческого капитала и повышения уровня жизни населения России. Положительная динамика наблюдается в развитии рынка труда, доходов населения и изменения структуры расходов, минимизации расслоения в социальной структуре российского общества, развитии экономики образования и здравоохранения, развитии культуры и массовых коммуникаций, развитии жилищного строительства и рынка жилья [10]. Аргументами, свидетельствующими о реализации принципа политической справедливости в России, являются: 1) возврат прямых выборов Глав субъектов РФ; 2) упрощение процедуры регистрации политических партий; 3) популяризация института общенародного референдума; 4) открытость и доступность современных сетевых технологий и др. Тренд устойчивого развития России и Туркменистана определяет перед руководством обеих президентских республик задачи повышения образованности и профессионализма граждан. Формирование финансовой и политической грамотности является приоритетом. Его реализация предполагает взаимовыгодное сотрудничество в плоскости социокультурных, социально-политических[7] и социально-экономических связей на уровне трудовой, образовательной и иной миграции [4, 5, 6]. Поддержание доверительных и взаимовыгодных межгосударственных отношений способствует развитию российского и туркменского обществ, особенно в полных противоречий современных международных условиях.

Литература:

1. *Аминов И.И. Организационно-правовые основы становления и развития российско-туркменских отношений (1714–1917 гг.): монография. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 338 с.*

2. *Демидов С.М. Постсоветский Туркменистан: монография. - М.: Наталис, 2002. – 222 с.*

3. *Лидак Л.В. Формирование ценностного отношения младших школьников к этнической культуре туркменского народа: реалии и возможности: монография. – Пятигорск: ПГЛУ, 2016. – 221 с.*

4. *Назаренко С.В. Механизм социального контроля в реализации демографической политики / Моделирование демографического развития и социально-экономическая эффективность реализации демографической политики России. Материалы международной научно-практической конференции. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Институт социально-политических исследований РАН. 2015. С. 76-89.*

5. *Назаренко С.В. Социальный контроль иммиграционного и эмиграционного поведения как механизм обеспечения социально-экономической и демографической стабильности в российском обществе / Новые ориентиры демографической политики Российской Федерации в условиях*

6. *Назаренко С.В. Социальный контроль поведения личности в финансово-экономической сфере общества / Социальное поведение личности: оценки и стратегии: Коллективная монография. Ульяновск, 2016. С. 181-193.*

7. *Оборский А.Ю. О роли духовных ценностей в развитии современной России / Военный академический журнал. 2015. № 1 (5). С. 146-147.*

8. *Туркмены: монография / отв. ред. Н.А. Дубова. – М.: Наука, 2016. – 634 с.*
9. *Щелкунов А.В. Туркменистан: эпоха перемен: из дневника посла России. – М.: Классика, 2014. – 350 с.*
10. *Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года / ПравительствоРФ. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: http://static.government.ru/media/files/41d457592e04b76338b7.pdf (дата обращения: 28.01.2018*
11. *Улунян А.К. Туркменистан после Ниязова: Власть бюрократии вместо несостоявшегося диктата «силовиков»? / Фергана. Информационное агентство [Электронный ресурс]. URL: http://www.ferganananews.com/articles/5524 (дата обращения: 28.01.2018).*

Яколенко Анастасия Даниловна,
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

Проблематика функционирования институтов конфликторазрешения в России

Институты конфликторазрешения – это сравнительно новое понятие в отечественной социологической и политической науке. Институтами конфликторазрешения обозначаются организации, созданные для урегулирования и разрешения внутренних и международных конфликтов, экономических, социально-политических, правовых, религиозных и других конфликтов [3]. Примерами таких организаций могут служить государственные, муниципальные и гражданские (общественные) объединения, деятельность которых направлена на удовлетворение потребностей общества, а также поддержание социальной стабильности. Институты конфликторазрешения в большей степени относятся к полифункциональным институтам. Данный тип институтов непосредственно связан с обеспечением основных права и свобод граждан посредством своевременного предупреждения, урегулирования и разрешения в конкретных исторических условиях. исполнении норм права. Обеспечение прав человека – центральная сфера деятельности институтов конфликторазрешения. Права человека представляются категорией, определяющей удовлетворение интересов граждан в личной, политической, социально-экономической, социальной частях жизни и соответствуют возможностям конкретного социума. Заложенные в Конституции нормы определяют основной статус человека и гражданина во всех сферах жизни общества и государства. Детальное положение личности регулируется нормами отраслей права (трудового, гражданского, жилищного, семейного) [2]. В России такие организации представлены государственными институтами: институт Президента РФ, парламента, институт судопроизводства, Генеральная прокуратура, Уполномоченный по правам человека в РФ, Службы безопасности и другими. Институты конфликторазрешения включают в себя также муниципальные и гражданские организации. К первым относят органы местного самоуправления, ко вторым – неправительственные организации, профсоюзы, политические партии,

Общественная палата РФ. Существуют такие гражданские правозащитные организации, как Агора, Московская Хельсинкская группа, Международная сеть – Молодежное Правозащитное Движение, Русь Сидящая и др. Созданы и действуют российские Наблюдательные Комиссии, являющиеся совместным проектом Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и Директората по защите прав человека Совета Европы. Проект осуществляется при содействии Общественной палаты и Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. Неправительственные правозащитные организации на территории России осуществляют деятельность по содействию обеспечению прав человека, соблюдению международных норм и соглашений, осуществляют контроль за деятельностью органов государственной власти [1]. Защищая права граждан России, правозащитные общественные организации стремятся к продвижению гражданского общества, поддержанию мира и безопасности в стране. Однако с каждым годом наблюдается снижение уровня доверия граждан к организациям государственного, гражданского и муниципального уровней. Так, Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представил данные о том, куда россияне обратятся за помощью в случае нарушения их прав и свобод. Судебные органы выбрали 34% опрашиваемых. На втором месте располагается полиция (20%) и прокуратура (19%). Интересен тот факт, что обращения в муниципальные органы власти (местную администрацию) выбирают лишь 9% респондентов. Столько же опрашиваемых выбирают обращения к правозащитникам (9%), а Уполномоченный по правам человека для граждан оказывается на последнем месте – его выбирают только 6% [4]. Изучение природы социальных конфликтов и институтов, осуществляющих их разрешение, предупреждение и урегулирование, было актуальным во все времена. В современной России на рубеже веков произошла беспрецедентная для страны трансформация прежнего общественного строя в совершенно новую весьма конфликтогенную формационной систему, названную учеными криминально-олигархическим капитализмом. Вследствие этого общество сталкивается с конфликтами разного уровня и направленности: личностными, общественными, национальными, религиозными, политическими, внутригосударственными, международными и другими. Актуальность исследования обусловливается научной неразработанностью проблематики исполнения институтами конфликторазрешения правоприменительных практик по обеспечению и защите прав человека в современной России. В результате недостаточного социологического сопровождения функциональной деятельности этих институтов остаётся невысокой их эффективность, слабо снижается конфликтогенность и разрозненность социума, сохраняется известное недоверия к власти и отстраненность россиян от участия в политической жизни, снижается качество жизни и гражданская активность людей.

Литература:

1. *Ляус Ю. А. Социодинамика некоммерческих институтов гражданского общества России в условиях современных трансформаций // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – Т. 2. № 11. С. 92.*

2. *Правовые институты в современных политических реалиях: научный сборник / под науч. ред. д.ю.н., проф. Н. А. Фроловой. М. : Орбита – М, 2016. С.39.*

3. *Семёнов В. А., Милецкий В. П., Павлова Е. Б. История и теория институтов конфликторазрешения и поддержания мира : учеб. пособие / В. А. Семёнов, В. П. Милецкий, Е. Б. Павлова. – СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2015.*

4. *ВЦИОМ Индекс одобрения государственных и негосударственных организаций россиянами (Электронный ресурс) URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennyx_institutov/*

СЕКЦИЯ 4. СЕМЕЙНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО

Ананьина Валентина Тимофеевна,
УрГЭУ, Екатеринбург, Россия
Пинская Елизавета Олеговна
УрФУ им.первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Специфика этнического внутрисемейного взаимодействия членов межнациональных семей северного города

Социологический фокус изучения внутрисемейного взаимодействия членов межнациональных семей задает ряд противоречий, главным – межнациональные семьи могут быть как институтом стабилизации российского общества, интегрируя в себе и транслируя позитивный образ жизни народов, так и напряженности, подвергая и трансформируя устоявшиеся социальные нормы взаимодействия. Исследование проведено в 2017 году на территории города Губкинского, предмет исследования межнациональные семеи советского типа с 1986 до 1990 года, семьи смешанного типа, возникшие в период с 1991-2000 гг., а также семьи современного типа основанные с 2000 года по настоящее время.

Были получены следующие данные, большинство межнациональных семей относятся к семьям современного типа – 46%, семей смешанного типа – 28% и семей советского типа 26%, подавляющие большинство респондентов имеют родственников и друзей, которые так же состоят в межнациональной семье. При выборе брачного партнера респонденты руководствовались таким фактором, как совместимость характеров – 65% и внешностью – 30%, и не обращали внимания на национальную принадлежность и религиозные убеждения будущего супруга.

Этнические стереотипы играют важную роль в позиционировании межнациональных семей.

Респонденты считают, что люди, состоящие в такой семье достаточно умные – 55 %, успешные – 66% и общительные – 65 %. Они ответственные – 63%, но при этом очень эмоциональные – 62%. А вот уровень обеспеченности у респондентов вызвал затруднение. Мы выявили, степень устойчивости этнической и религиозной идентичности. Семьи современного типа в большей степени придерживаются своих религиозных убеждений, соблюдают традиции – 67%, в меньшей степени семьи смешанного – 38% и советского – 36 % типа. Об особенностях религии и включенность супруга в религиозные практики 83% респондентов считаю необходимым знанием, и лишь 17% нивелируют значимость. Двуязычие не является практикой общения в межнациональных семьях северного города, 22% семей

современного типа, 11% семьей смешанного типа и 16% семьи советского типа. Выходцы из межнациональных семей города Губкинского полагают, что основной причиной конфликтов является влияние родственников (46%). Этот факт подтверждает и качественная стратегия, так Информант- (женщина, 49 лет, разведена, бывший муж казах) « …жили с мужем всё было хорошо, у нас был один ребенок, муж открыл магазин оптики, жить стали гораздо лучше, я забеременела, оказалось, что двойня, не хотела я рожать, но муж настоял, родились девочки, мы их назвали Хадижат и Лиля. Мать мужа начала звонить, говорить, что хочет внучек увидеть. Как то муж предложил съездить в Алма-Ату, у нас-то в городе нет мест для развлечений, скучно, мы решили съездить к его родственникам на время. Когда мы приехали, родственники мужа меня ни во что не ставили, когда они чай с молоком пили в кругу, это их обычай, меня даже не подпускали. Потом мать мужа начала сватать ему другую и настраивать против меня. Родственники устраивали ему свидания, всячески прикрывали его, а меня выпроваживали из дома. Потом мой бывший муж на все это и повелся, увидел «плюсы» новой жены. Я вернулась с детьми в город, развелась…». Кроме влияния этнодругих родственников, важным фактором внутрисемейных конфликтов респонденты отмечают материальное не благополучие (34%) и пагубные привычки одного из партнеров (25%). Сравнительный анализ распределения ответов респондентов на вопрос о причинах конфликтов показал, что межнациональные семьи, созданные в период с 2000 по настоящее время больше всего подвергаются влиянию со стороны родственников (21%). Наименее подвержены влиянию со стороны родственников семьи, созданные в советский период с 1986-1991 (10%). Подобные результаты связанны с тем, что межнациональные семьи созданные в советский и переходный период более устойчивые, супруги обладают равным социальным статусом, кроме того относятся к близким или комплементарным этническим группам. И напротив, межнациональные браки современного типа, отличаются неустойчивостью вследствие разного социального статуса партнеров, женщины чаще из неполных семей, обладают низким социальным статусом (незаконченное среднее / среднее образование, отсутствие стабильного дохода, отсутствие работы), кроме того партнеры относятся к далеким этническим группам, нормы и ценности этих групп сильно отличаются, что затрудняет процесс адаптации и принятия в семью этнодругого. Что же касается отношений в межнациональных семьях с родственниками мужа/жены, наибольший риск межэтнических внутрисемейных конфликтов отмечается в межнациональных семьях современного типа (2000-н.вр.), респонденты отмечают сложность без конфликтного взаимодействия с этнодругими родственниками, четверть всех конфликтов связаны с «неприятием» невестки / зятя другой национальности. Более стабильные отношения в межнациональной семье смешанного типа (1990-1999), поскольку в таких семьях отношения складываются на основе взаимного уважения (18%), теплые (6%). В межнациональных семьях советского типа

отношения построены основе взаимного уважения (15%) и «теплых» внутрисемейных контактов (5%).

Литература:

1. *Гумилев Л. Н. От Руси до России // Очерки этнической истории. СПб., 1992.*

2. *Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность / Н. Е. Тихонова. — М. Новый хронограф: Ин-т социологии РАН, 2014. — 408 с.*

Ангел Ольга Юрьевна,

Южный федеральный университе, Ростов-на-Дону, Россия

Социальная несправедливость в гендерных отношениях в современном российском обществе

Говоря о выявлении тенденций, механизмов, моделей воспроизводства социальной несправедливости в гендерных отношениях в современном российском обществе, можно сформулировать тезис о том, что на переходной стадии развития российского общества не видны позитивные тенденции к уменьшению уровня социальной несправедливости в данном сегменте жизнедеятельности людей. Глобальный экономический кризис затронувший и Россию в том числе, усиливает гендерное социальное неравенство и повсеместное воспроизводство социальной несправедливости. Представители гуманитарных наук уделяют немало внимания анализу гендерных отношений, в том числе и гендерному неравенству. Следует обратить внимание не только на констатации неравенства между мужчинами и женщинами, но и на систему осмыслении его природы и влияния на воспроизводство феноменов социальной несправедливости, ибо не всякое неравенство между полами следует рассматривать как социально несправедливое. Целесообразно рассмотреть соотношения таких понятий как «гендерное неравенство» и «гендерная несправедливость». Гендерное неравенство определяется как совокупностью физиологических, психических, ментальных особенностей женщин и мужчин, их генетическим отличием. Физиологическая, психическая, а в некотором роде - и интеллектуальная отличие женщин и мужчин обусловливает две модели социального неравенства между ними - модель справедливого социального неравенства и модель несправедливого социального неравенства. Справедливость социального гендерного неравенства предопределена не только генетическими особенностями женщин и мужчин, но и их бытийной специализацией. Женщины изначально предназначены для воспроизводства нового поколения, воспитании детей, выполнении семейно-бытовых функций. Мужчины специализированы на функциях добытчиков жизненных ресурсов, защитников жизненного пространства. Впоследствии они специализировались на выполнении властно-государственных и некоторых иных функций. Подобные гендерные специализации во многом и

обусловливали модели социального неравенства, которые на уровне индивидуального и общественного сознания не воспринимались как несправедливые. В современную эпоху некоторые типы функциональной и профессиональной специализации мужчин и женщин оцениваются как социальное неравенство и несправедливость, особенно когда речь идет о трудовой, профессиональной занятости со специфическими условиями труда (транспорт, строительство, военная служба и т. д.). Под социальной несправедливостью в системе гендерных отношений следует понимать такие отношения, которые создают неравноправные стартовые возможности для образования, социализации, успешной трудовой, общественной, властно-политической, гуманитарной деятельности женщин и мужчин, для реализации их социальных потребностей, интересов, а также общечеловеческих прав, зафиксированных в легитимных международных и национальных правовых актах и воспринимаются в общественном сознании как отношения, унижающие их человеческое, нравственное достоинство. Гендерная социальная несправедливость может проявляться и проявляется по отношению к женщинам и мужчинам. К сожалению, проблематика социальной несправедливости по отношению к мужской части населения России практически не исследуется. Как отмечает Н.Н. Коростылева, «гендерные конфликты становятся более дифференцированными и разнообразие их будет однозначно расти. Они будут охватывать не только традиционный конфликт между мужчиной и женщиной, но и внутри самих этих половые конфликты. При увеличении неравенства будут усиливаться и конфликты внутри гомогенной половой группы, например, между мужчиной-клерком и мужчиной, принадлежащим к технократической элите» [1;65]. Феномены гендерной социальной несправедливости широко представлены во всех сферах жизнедеятельности. В силу сложившихся исторических, властно-политических, правовых, духовно-идеологических и иных условий и факторов главным объектом, главным носителем феноменов социальной несправедливости в современном российском обществе является женщина. Наиболее общераспространенной и наиболее антигуманной формой несправедливости является социальная несправедливость по отношению к беременным женщинам и к женщинам, воспитывающим малолетних детей. Другим субъектом массового воспроизводства данной модели социальной несправедливости является институциональное сообщество мужчин, явно недооценивающих смысл функции женщины по воспроизводству новых поколений, в том числе и мужского населения. Как отмечает Т.Н. Самсонова, «...сейчас в мире существует правовое поле с двойным стандартом. Явная или скрытая дискриминация в отношении к женщинам проявляется - где меньше, где больше -практически во всех странах. Прежде всего, это относится к развивающимся странам... Неблагополучно обстоят дела и в России» [2;171].

Литература:

1. *Коростылева Н.Н. Гендерные конфликты в условиях глобализации // Глобализация: настоящее и будущее России: материалы VI Меж-дунар. соц. конгресса, 24 - 25 нояб. 2006 г.: в 2 т. М., 2007. Т. 2. С. 65*
2. *Самсонова Т.Н. Проблема равенства в истории западноевропейской социально-политической мысли XV — первой половины XIX вв. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18, Социология и политология. 2005. № 1. С. 171.*

Антонов Анатолий Иванович,
МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Социальные последствия изменений семейно-демографических структур

В последние десятилетия изменения семейно-демографических структур и процессов существенно повлияли на социальную действительность. Неравномерность демографического развития проявляется не только в территориально-географическом отношении, но и в социальном. Ученые пытаются понять происходящие события, отобрать значимые факты и объяснить суть меняющейся социально-демографической реальности. Но определяется она по-разному во многих теоретических построениях и противоречивость интерпретаций о способах постижения сложносоставного социума ведёт к неутихающим спорам об особенностях конструирования междисциплинарного научного знания.

Уязвимость современных теорий, претендующих на универсальность и глобальность выводов предстаёт в попытках спасения, например, «объяснительной логики» теории «демографической революции» [3] или теории «демографического перехода». Она обнаружила всю несостоятельность методологии «перехода» от высоких уровней смертности и рождаемости к умеренно низким уровням, когда вместо постулируемой стабилизации на «нулевом росте» населения, коэффициенты рождаемости в европейских странах стали снижаться за пределы критических значений «простого воспроизводства». Никто из теоретиков не ожидал такого разворота событий и тогда, ради спасения самого теоретизирования, срочно была сконструирована теория «второго демографического перехода», а затем, когда ход событий всколыхнул миграционные потоки, возникла из пепла предыдущих и «теория третьего перехода»[4]. Недостаточность объяснительной мощи переходной методологии обнаруживается в самом факте множественности теорий перехода[4]. Создатель теории исторического кризиса рождаемости и ослабления потребности семьи в нескольких детях, В.А. Борисов еще 40 лет назад в пророческой монографии «Перспективы рождаемости» (1976) обозначил конкретный предел низкой рождаемости – однодетность [2]. Экстремально низкая рождаемость в развитых странах мира стала преобладающей, например, в ЕС 85% семей являются малодетными и лишь 15% имеют трех и более детей. В России 93% семей с

одним-двумя детьми, причём с одним ребёнком 66%. Во избежание депопуляции надо увеличить в рамках специальной политики общества процент среднедетной семьи с 3-4 –мя детьми [2]. Но для этого следует повысить ценность для населения семейно-детного образа жизни, сформировать у большинства населения потребность в трёх детях. Сейчас же у нас из 40 млн. домохозяйств лишь 17 млн. полных семей с детьми. В стране растет доля сожительств, разводов и разного рода внесемейных группировок т.е. усиливается масса внесемейного населения со своим особым стилем жизни, противостоящим укладу семьецентризма. В этих условиях развитие потребности в трехдетной семье затруднено и более того, наталкивается на негативное отношение к многодетным родителям в быту и на производстве. Антагонизм малодетных и многодетных, проявляемый в разных сферах социума, дополняется несовместимостью родителей и неродителей, обостряемой резким ухудшением перспектив пенсионного обеспечения в связи с сокращением численности молодежных «трудресурсов». Контраст между семейным и внесемейным населением подчеркивается различиями в уровне жизни - бедность в большей степени присуща семейно-детным группам. По данным В.Н. Бобкова и И.Б. Колмакова доля наименее обеспеченных слоев в 2016г. была 13.5%(средний доход 6995 руб.), низко обеспеченных -49.4% (18666руб.), обеспеченных ниже среднего уровня - 29500руб.(43403руб.), средне и высоко обеспеченных 7.6%(117000руб) [1]. Результаты исследований кафедры социологии семьи в регионах РФ в 2000-2008- 2010 гг. показывают концентрацию бедности в семьях с детьми. По международным критериям, если 40% и более семейного бюджета идёт на питание, то семья относится к бедным: таковых оказалось 74.3%, причём тратят от 60 до 90% бюджета примерно 49% семей, а 25% семей – половину бюджета. Средний доход высоко обеспеченных слоёв в 20 раз превышает средний доход низкообеспеченных, в число которых попадают семьи с несколькими детьми. Корректировка денежных доходов на семью обнажает резко социальное неравенство «многодетных» (с 3и более детьми) и малодетных, родителей и не-родителей, бездетного и семейного населения. Такова новая социальная реальность в эпоху глобального сокращения рождаемости ниже уровня простого воспроизводства. В постсоветской России социальное неравенство по детности не рассматривается теоретиками социальной структуры, хотя даже Ф. Энгельс включал в марксистское понимание «класса» отношение к воспроизводству населения. В социологии институтов и институциональных матриц также не учитывается неравенство социальных институтов в социуме. Доминирующая роль института государства в обществе позволяет закрывать глаза на подчинённое положение института семьи, лишенное суверенности и автономии в социальном и экономическом смысле. В условиях рыночной экономики сохраняется средневековое присвоение государством продуктов семейного воспроизводства, т.е. фактическая эксплуатация семьи. Это положение дел не находит своего отражения в самых радикальных теориях феминизма и гендерного неравенства, редуцирующих проблему к пресловутому

господству мужчин. В современной России с преимущественной бедностью семейного населения и нарастанием напряженности между семейными и внесемейными классами всё более актуальной становится проблематика социального конфликта в связи с диспропорциями стратификационной структуры.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976 - 2020 гг.)», проект № №18-011-01037

Литература:

1. *Бобков В.Н, Колмаков И.Б. Выявление социальной структуры и неравенства распределения денежных доходов населения РФ// Экономика региона-2017-Т.13 вып.4.С.971-984.*
2. *Борисов В.А.Перспективы рождаемости. -Демографическая дезорганизация России:1897-2007. М. 2007.С.175.*
3. *Вишневский А.Г. Нерешённые вопросы теории демографической революции //Демографическое образование и изучение народонаселения. (Девятые Валентеевские чтения).М. МГУ.2017.С.35.*
4. *Давид Реер. О долговременном снижении численности населения. Новое в зарубежной демографии. Выпуск 24. М.МГУ.2015. С.109-132.*

Архипова Людмила Юрьевна,
Саратовский государственный Медицинский Университет им. Разумовского, Саратов, Россия
Карташова Елена Николаевна
ООО «Декабрист Энгельс», Энгельс, Россия

Формирование ценности семьи как возрождение духовно-нравственной основы России

Казалось бы, возникший в советское время в общественном сознании образ многодетной семьи – непременно асоциальной – остался в прошлом. Но и сегодня о многодетности в обществе много мифов. Папа и мама, согласно мифологизированной картинке обязательно замученные, папа лишь с утра до вечера зарабатывает, чтобы хоть как–то прокормить такую ораву, мама – грузная, не следящая за своим внешним видом, не способная думать ни о чем, кроме пеленок и рецептов борща, дети – неухоженные, неразвитые… [1].

И подобные стереотипы насаждаются в обществе вот уже на протяжении всего 20 века. И это не просто мифы или мнения людей, это целенаправленная политика определенных политических направлений в мировом сообществе. Причем ложные мифы и представления акцентируются в нужном «русле» формируя ценностный фундамент общества. Нами было проведен анализ представлений о семье и отношение к многодетным семьям

студенческой молодежи 19-21 лет гуманитарного факультета. Объектом исследования стали 74 человека. Семья для большинства опрошенных имеет «огромное» значение. В отношении многодетных значительная часть студентов демонстрирует современную тенденцию оценки к проблеме. Вокруг многодетных семей возникала и возникает до сих пор зона социального неодобрения и эти семьи часто рассматриваются обществом, как «социальные иждивенцы». Распространение и поддерживание негативных стереотипов в отношении многодетных семей – это комплекс ложного превосходства у окружающих. Так вот студенческая молодежь, по данным проведенного исследования, не отходит от маргинального стереотипа многодетности, сложившегося в обществе. А именно: мифами постулируется материальная составляющая «ответственного родительства» в определении семьи в количестве детей («нужно родить столько детей, сколько родители смогут воспитать и обеспечить», «главное, чтобы дети росли в нормальной семье, чтобы ни в чем не нуждались», «разводят нищету в стране», «нужно основательно поставить детей на ноги и обеспечить их будущее», «у многих в семье плохое материальное положение», «если в семье позволяют средства и положение, то почему бы и не завести 5, а то и 10 детей»); студентами транслируется искаженный обывательский образ асоциальности многодетных семей, созданный еще в советское время («многодетная семья обычно бедная, женщина и мужчина пьет и обычно не предохраняются», «много детей от безразличного отношения к контрацепции», «в неблагополучных семьях не стоит заводить много детей»); в сознании студенческой молодежи (как и во всем обществе) укоренилось представление об обделенности родительской лаской и любовью («…чтобы не нуждались и не чувствовали себя обделенными», «сложно обеспечить и вырастить достойных людей», «любви не хватает на всех»); еще один миф о том, что дети в многодетных семьях предоставлены сами себе («трудно местами где-то уследить за конкретным ребенком, особенно если их около 10», «чтоб дети не бегали и не попрошайничали»); с точки зрения стереотипов многодетная мама – несчастная женщина («женщина бедная, пьет и обычно не предохраняется», «рожает детей для того, чтобы получить за них какие-то выгоды»). Таким образом, по результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы: большая часть студентов позиционируют малодетную семью как наиболее предпочитаемую в их перспективе; мифы и пренебрежительное отношение к многодетной семье, как к асоциальной, возникшее еще в советское время, до сих пор существуют; мифологизированная картинка асоциальности многодетной семьи создает в молодежном сознании отрицательное отношение к большой семье как таковой, что в ближайшем будущем приведет к еще большей демографической яме. Как уже говорилось выше, «своеобразное» отношение к многодетной семье, – это четкая и спланированная политика, которая проводится во всем мире с середины 20 века и по сей день. Концепция о «рождении только желанных» (евгенических взглядов) была придумана влиятельным «крипто-евгенистом» Ф. Осборном. Запуская в 60-е годы XX

века эту информационную утку, Осборн рассчитывал, что она будет способствовать снижению рождаемости среди иммигрантов, «цветных», малообеспеченных и других «малоценных» с его точки зрения слоев общества. Осборн назвал этот подход «добровольной бессознательной селекцией». [2] В свою очередь, это направление долгое время не приживалось в СССР, а потом и в России, в связи с тем, что были в народной памяти сильны крепкие семейные традиции. На сегодняшний момент в России «управлением» фамилистическими ценностями у молодежи занимается «Российская ассоциация «Народонаселение и развитие» (РАНиР). Вот основные приоритетные направления работы РАНиР по формированию антисемейных стереотипов: «гражданский брак» (представлен как пробный брак, сожительство), поощрение позднего вступления в брак; пропаганда контрацепции (ответственное родительство как контроль над рождаемостью (преподносимое как «охрана репродуктивного здоровья», «безопасное материнство», «охрана женского здоровья», «борьба с абортами»)); пропаганда гомосексуализма (представлено как толерантное отношение к половым извращениям, по МКБ-10 группа F-65); половое просвещение (обязательное "сексуальное образование" для детей); детоцентристская политика. Таким образом, укрепление семейно-ориентированной позиции в российском обществе, посредством, в частности формирования у детей и молодёжи установки на престиж семейного образа жизни и духовно-нравственно

Литература:

1. *Счастья много не бывает: многодетная жизнь/ авт.-сост. О.В. Головко: сборник . – М.: ДАРЪ, 2017.-384с. –С.3.*
2. *Электронный источник: http://demographia.ru/articles_N/index.html?idArt=1640 дата доступа: 19.07.2017*

Балбуцкая Марина Александровна,

Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь

Сравнительный анализ воспитания детей в сельской и городской семье в Беларуси

Под влиянием особенностей образа жизни в сельской и городской семье формируются разные ориентационные механизмы. Это обуславливает существенные отличия в воспитании детей в сельской и городской семье. Так, в результате анализа (Республиканский опрос «Специфика семьи как социокультурного института», проведённый ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси» в 2015 г. по репрезентативной выборке объёмом 1498 человек с контролем квот по полу, возрасту, образованию. Научный руководитель – к.с.н., доцент И. В. Лашук) выявлено, что в селе больше тех, кто считает допустимым по отношению к ребёнку следующее: 1) «лёгкое»

физическое наказание (шлепки) (в селе 89,7%, в городе 82,5%); 2) физическое наказание (в селе 30,7%, в городе 21,2%); 3) наказание в виде лишения удовольствий (в селе 90,5%, в городе 84,6%); 4) нравоучения (в селе 87,4%, в городе 82,0%); 5) критику (в селе 82,7%, в городе 71,5%); 6) умышленное невнимание и игнорирование ребенка (в селе 66,0%, в городе 50,2%); 7) угрозы (в селе 41,5%, в городе 32,6%). Установлено, что ребёнок в сельской семье по сравнению с городской чаще оказывается незащищённым перед физическим, моральным и психологическим воздействием со стороны родителей. Сделано заключение, что в современной белорусской сельской семье семейные традиции в воспитании ребёнка характеризуются большой степенью строгости в подчинении воли ребёнка и обучении «правильному» поведению. Горожане по сравнению с сельчанами более лояльны и дружелюбны к ребёнку. В ходе анализа данных выявлено, что сельчане и горожане практически сходны в том, что основные задачи родителей заключаются в следующем: 1) воспитание в ребенке самостоятельности, независимости (в селе 72,6%, в городе 70,4%); 2) слежение за здоровьем ребёнка, обеспечение полноценным питанием (в селе 72,2%, в городе 76,7%); 3) научение стойкости, упорству, трудолюбию, умению преодолевать трудности (в селе 61,9%, в городе 63,6%); 4) объяснение ребенку, как он должен вести себя в разных ситуациях (в селе 60,6%, в городе 65,0%); 5) учить детей быть патриотами, любить свое Отечество (в селе 24,2%, в городе 20,0%); 6) приобщать к вере в Бога (в селе 23,8%, в городе 18,6%); 7) прилично одевать детей (в селе 15,2%, в городе 20,1%); 8) наказывать его за нарушение правил поведения (в селе 10,0%, в городе 9,1%). В ходе анализа выявлено различие у сельчан и горожан в видении важности определённых задач родителей. В селе меньше тех, кто считает важной родительской задачей следующее: 1) знать, что думает, чувствует ребенок, говорить на важные для него темы (в селе 43,4%, в городе 59,1%); 2) помогать в подготовке уроков (в селе 20,1%, в городе 27,3%); 3) оплачивать учебу детей, обеспечивать их «карманными» деньгами (в селе 11,5%, в городе 21,4%). 4) совершать совместные походы в театр или музей (в селе 5,9%, в городе 12,6%). Установлено, что в селе по сравнению с городом меньше опеки со стороны родителей и психологической близости с ребёнком. Это свидетельствует о том, что существуют сферы жизни, в которых сельчане дают ребёнку проявлять большую самостоятельность и ответственность. Выявлена недооценка сельчанами личности в ребёнке, имеющей свои желания и чувства. Семья как ниша психологического комфорта для ребёнка не достаточно полно использует свой ресурс. Вероятные последствия этого – поиск своей группы, высокая степень влияния близких друзей, противопоставление родителей и друзей, их ценностей, моделей поведения. Выявлено, что сельчане и горожане практически сходны в том, что в современных детях в первую очередь необходимо воспитывать следующие качества:

- любовь и уважение к родителям, к старшим (в селе 81,5%, в городе 77,9%);

- порядочность, честность (в селе 51,0%, в городе 54,8%);
- трудолюбие (в селе 46,7%, в городе 42,4%);
- самостоятельность, умение самому решать жизненные проблемы (в селе 39,8%, в городе 44,4%);
- ответственность, чувство долга (в селе 34,1%, в городе 34,1%);
- стремление к знаниям, образованию (в селе 27,0%, в городе 30,2%);
- целеустремленность (в селе 20,0%, в городе 24,5%);
- умение заботится о других людях (в селе 18,2%, в городе 17,3%);
- патриотизм, долг перед Родиной (в селе 13,3%, в городе 13,3%);
- умение приспосабливаться к ситуации (в селе 9,5%, в городе 14,3%).

Выявлено, что в селе меньше тех, кто указывает на необходимость воспитания в современных детях следующих качеств:

1) доброты, душевности, отзывчивости (в селе 56,6%, в городе 62,5%);
2) общительности, коммуникабельности (в селе 20,3%, в городе 27,1%);
3) понимания своих интересов и стремления их отстаивать (в селе 11,8%, в городе 17,9%);
4) предприимчивости, инициативности (в селе 5,6%, в городе 16,2%).

Установлено, что сельская семья имеет свои особенности, касающиеся воспитания в ребёнке качеств, которые определяют характер взаимоотношений, взаимодействий с окружающими. При том, что и в городе, и в селе большинство респондентов указывает на необходимость воспитания в современных детях доброты, душевности, отзывчивости, в селе таких респондентов меньше. Установлено, что в сельской семье в меньшей степени отмечают необходимость воспитания в ребёнке таких качеств как общительность, коммуникабельность, понимание своих интересов и стремление их отстаивать, предприимчивость, инициативность. Вероятно, это говорит о том, что данные качества в меньшей степени полезны в условиях сельского образа жизни, и не они являются определяющими для успешности взаимодействия.

Барашкова Клавдия Дмитриевна,
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К.Аммосова, Финансово-экономический институт, кафедра Социологии и управления персоналом, Якутск, Республика Саха (Якутия)

Пожилая семья как объект социальной политики государства

Согласно официальной статистике Российской Федерации за 2017 год, доля численности населения в возрасте старше трудоспособного составляет 36685,1 тыс.человек, что составляет 25,0% от общей численности населения (всего 146804,4 тыс.чел.).[1] По сравнению с 2016 годом, численность данной

когорты увеличилась на 698,8 тыс.чел. Официальная статистика уделяет внимание только пожилым людям вне их семейного статуса, как получателям социальной помощи и поддержки от государства. Статистика по пожилым семьям по России и по РС (Я) отсутствует. Между тем пожилые семьи занимают свою особую нишу, без которой невозможна динамика современного общества. Семья пожилого человека характеризуется определенной автономией и своеобразием, имеет свои очертания и контуры.[2, с.296] Пожилая семья свои социальные потребности и значимые для общества роли и функции. В нашем исследовании, «пожилая семья» - это семья, состоящая из людей пожилого возраста, живущих в зарегистрированном браке 50 и более лет, воспитавших детей и продолжающих вести совместное хозяйство. Современные российские авторы, исследующие пожилую семью, утверждают, что научный дискурс либо «обходит» вниманием пожилые семьи, или «воспроизводит медикалистские взгляды, выводит вопросы ухода за пожилыми людьми в центр внимания. При этом выносится за скобки вопрос об автономии и своеобразии пожилых семей. Само понятие «пожилая семья» нередко воспринимается не как аналитическое, а как синоним чего-то принципиально прошлого, которое «все еще» существует в настоящем».[3] Социальная политика РФ направлена на помощь и поддержку пожилых людей, которые рассматриваются единолично, без супружеской пары. Социальное обслуживание включает социально-бытовые, медицинские, правовые и другие услуги, которые регламентированы государственными органами. Рассмотренные нами примеры зарубежных стран показывают, что они также ведут социальную политику только по отношению к пожилым людям. Государственная политика Великобритании, Германии, Франции, Финляндии ориентирована на престарелых граждан, на создание для них полноценных условий жизни в домашних условиях, под надзором социальных работников. В значительной мере удаётся решить многие проблемы пожилых людей, связанные с одиночеством и утратой интереса к жизни. В Германии помощь оказывается добровольными объединениями: церковные союзы и Немецкий Красный Крест. Популярны социальные отделения для оказания помощи лицам преклонного возраста. Социальная работа с пожилыми людьми во Франции ориентирована на максимально долгое пребывание лиц преклонного возраста в привычных домашних условиях. Государство финансово поддерживает службы, которые оказывают помощь престарелым гражданам. В Финляндии центральные государственные органы руководят и контролируют осуществление социальных услуг. Государство предоставляет муниципалитетам дотации на оказание социальной помощи престарелым гражданам.[4] Приоритетной задачей социальной политики Республики Саха (Якутия) выступает забота о здоровье пожилых людей.[5] Сеть учреждений социального обслуживания Министерства труда и социального развития Республики Саха (Якутия) оказывают помощь и поддержку, дающие возможность одиноким гражданам старшего поколения, ветеранам, нуждающимся в социальном обслуживании, проживать на родной земле, в

кругу близких и знакомых людей, сохранять привычный образ жизни и традиции. В Республике Саха (Якутия) с 2014 года ведется работа по выявлению и регистрации пожилых семей, результатом которой является издание серии книг «Золотые семьи Якутии». Основные критерии отбора героев - официальный стаж семейной жизни более 50 лет, заслуги в воспитании и образовании детей. Издание, в первую очередь адресовано молодым людям, в целях укрепления института семьи, повышения престижа семейного образа жизни. С 2014 года было издано 5 книг, всего включены 400 супружеских пар-долгожителей. Данная работа будет продолжаться на научной основе для разработки справедливой социальной политики. Таким образом, социальная политика Российской Федерации и зарубежных стран не затрагивает вопросов социальной помощи и поддержки пожилым семьям. Пожилая семья может и должна являться объектом самостоятельного исследования в социологии как первичная, малая группа, с высокой степенью солидарности, близостью ее членов, единством целей и деятельности, добровольностью вступления и неформальным контролем над поведением ее членов.[6] По нашему мнению, пожилая семья выступает для общества образцом устойчивости, стабильности межличностных отношений, неформальным контролем над поведением ее членов. Прожившая в совместном браке 50 и более лет, пожилая семья имеет огромный жизненный опыт в сохранении семейных традиций и ценностей. Отношение общества к пожилым людям отражает уровень социальной политики этого государства, несущего ответственность за социальное, комфортное положение своих граждан - пожилых семей.

Литература:

1. *Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/#*
2. *Л. И. Семенцова. Пожилая семья: автономия и своеобразие в контексте социальной работы. Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2012. № 6. С. 296. http://vestnik npi.info/upload/information_system_15/1/1/0/item_1107/information_i ms_property_3120.pdf*
3. *Латышев Д.В. Социальная идентификация пожилой семьи в современном российском контексте: диссертация кандидата социологических наук: 22.00.04 Саратов, 2007г.*
4. *Холостова Е.И. Зарубежный опыт социальной работы:/ учебное пособие/Е.И.Холостова, А.Н. Дашкина, И.В.Малофеев.-М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2013.- 368 с.*
5. *Указ от 12 октября 2011 года N 976 “О государственной Программе Республики Саха (Якутия) "Социальная поддержка граждан в Республике Саха (Якутия) на 2012 - 2019 годы".*
6. *Ч. Кули, 1909*

Батуренко Светлана Алексеевна,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Идеи равенства полов и справедливости в русской классической социологии: Л.И. Петражицкий

Идеи равенства полов и справедливости появляются в России еще в первой половине XIX века, о чем свидетельствует огромное количество книг и статей известных писателей, поэтов, публицистов, философов по данной проблематике. На наш взгляд следует обратить особое внимание на проблему развития идеи равенства полов и справедливости в работах первых русских социологов самых разных направлений и социологических школ. В частности нам бы хотелось остановиться на проблеме неравенства между полами и женской эмансипации, разработанной в рамках неокантианского направления русской социологии одним из ее представителей Л.И. Петражицким. Две работы автора напрямую посвящены данному вопросу: «О женском равноправии. Речь, произнесенная в Государственной Думе 6 июня 1906 г. Пг., 1915», позже преобразованная в работе «О пользе политических прав женщин» (1907) [2; 3]. Следует отметить, что Петражицкий Л.И. был одним из первых ученых, не только изучающих проблему женского равноправия в российском обществе, но и активно предлагающий ее практическое решение на государственном уровне.

6 июня 1906 г. на заседании I Государственной Думы профессор Петражицкий Л.И. выступил с речью женском равноправии. Первая Государственная Дума стремилась проводить изменения эволюционно, мирными средствами, вместе с тем, известно, что вопрос о равноправии женщин не находил согласия со стороны оппозиционных партий. Каждая из партий рассматривала отдельные вопросы, касающиеся права женщин на образование, гражданского или избирательного права. Учитывая тот факт, что о полном равноправии вопрос не ставился, программа Петражицкого Л.И. была слишком передовой и смелой, при этом только приближающая российское общество идеалу равенства. Русское женское взаимно-благотворительное общество подало ученому петицию, послужившую поводом для данного выступления. Опираясь на этот документ, Петражицкий назвал главные требования членов общества, подписавших петицию. Основными положениями, выносимыми на рассмотрение Думы были требования устранения бесправного положения в среде крестьян восточной России, равенства в области наследственного и публичного права, права на образование, право избирать и быть избранными и право на занятие государственных должностей. Петражицкий Л.И. в своем выступлении в Государственной Думе отмечал, что даже при условии установления законного равенства женщин в управлении, государственной службе, народном представительстве, это не обязательно или даже вовсе не будет

означать достижения полного равенства между мужчинами и женщинами по причине господства предрассудков и эгоистических интересов. Называя свои требования скромными и умеренными, ученый выступает за устранение устоявшейся традиции как одного из факторов неравенства, являющегося формально-юридическим препятствием на пути осуществления равенства и справедливости.

Петражицкий Л.И. выступал за развитие «высшей человеческой этики», которая опиралась бы не на интерес к себе, а на интерес к ближнему своему и общему благу. Ученый предлагал продвигать вперед культуру путем воспитания в духе общественности. Под культурой он понимает не обладание знаниями, а выработку особого народного характера со склонностью людей к заботе об общем благе, общих интересах. Только создание такой культуры рассматривается автором в качестве основы для будущих преобразований общества с целью осуществления «великого идеала человеческого братства, и свободной работы всех на пользу общую. Это путь для осуществления социального идеала» [2, 13]. Женский вопрос интересовал Петражицкого именно с позиций собственного представления о социальном идеале: «Предоставление женщинам политических прав и возложение на них политических обязанностей и ответственности — это могучее средство насаждения общественности в высоком смысле слова, высшей психики и культуры, это средство заставить людей оставить эгоистическую узость интересов и поднять их на более высокую ступень общественной точки зрения — радения об общем благе» [2, 14]. Ученый полагал, что наиболее важным является интерес женщин общественными делами, поскольку они также смогут передать этот интерес своим детям, которые впитают в себя общественную культуру и смогут быть полезными для блага всего общества.

Неокантианство в русской социологии, представителем которого был Петражицкий Л.И., позволило увидеть принципиальное отличие социального познания, состоявшее в уникальности и неповторимости изучаемого объекта. Главной задачей неокантианской методологии был поиск адекватных средств, позволяющих сделать индивидуальное доступным пониманию. Одной из ведущих тем социальных исследований становится проблема обновления правовых отношений и правовая личность. Ученые-правоведы начала XX века, разделяющие идеи неокантианства, приходили к единому мнению в своем отношении к праву как к процессу творческого созидания. «Женский вопрос» был большой составной частью общей проблемы — неудовлетворительного состояния правосознания в обществе, и являлся одной из главных причин кризисных явлений. Л.И. Петражицкий во многом опередил западных мыслителей в вопросах осмысления проблемы равенства полов и справедливости, появившихся в зарубежной социологии значительно позже.

Литература:

1. *1. Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории). М.: РИК Русанова, 1998. 408 с.*

2. *Петражицкий Л.И. О женском равноправии. Речь, произнесенная в Государственной Думе 6 июня 1906 г. Пг., 1915. 20 с.*
3. *Петражицкий Л.И. О пользе политических прав женщин. Спб., 1907. 16 с.*
4. *Анисимов О.В. Правоведы Петербургского университета в Государственной Думе Российской империи.: исторический очерк. СПб.: ЛЕМА, 2016. 53 с.*
5. *Голосенко И.А. Субъективно-нормативная концепция П.И. Новгородцева и В.М. Хвостова // Социологическая мысль в России. Л., 1978. 448 с.*
6. *Кареев Н.И. Русские юристы-социологи: В.М. Хвостов // Кареев В.М. Основы русской социологии. СПб.: Лимбах, 1996. 368 с.*

Бендрикова Альбина Юрьевна,
Алтайский государственный медицинский университет, Барнаул, Россия

Социальное неравенство в межпоколенческих взаимодействиях: по результатам социологического исследования

В многочисленных трудах ученых, занимавшихся изучением особенностей межпоколенческих взаимодействий, выявлена определенная зависимость повышения социального статуса при смене поколений. Американские социологи П. Блау и О. Данкэн, которые, изучая в конце 1960-х гг. динамику социальной структуры, сформулировали так называемую базовую модель межпоколенческой мобильности и описали факторы, влияющие на изменение социального статуса детей. В основополагающих трудах по социальной мобильности интенсивность и масштаб социальных перемещений непременно связывались с изменениями в экономике и обществе. П. Сорокин, введший в оборот термин «социальная мобильность», рассматривал российское общество начала XX в. как почти идеальную лабораторию, иллюстрирующую эту взаимосвязь [3]. Сорокин показал, как различные институты выполняют роль механизмов социальной циркуляции, своеобразных социальных лифтов, перемещающих людей вверх и вниз. Таким образом, в стратифицированном обществе еще более усиливается социальное неравенство на уровне взаимодействия разных поколений внутри семьи. Идеи П. Сорокина перекочевали почти в неизменном виде в труды С. Липсета и Р. Бендикса, которые считают, что идеи равенства оказали мощное влияние на потоки мобильности. Мобильность разрывала преемственность семейных статусов, ломала сложившиеся в обществе традиции и открывала для многих выходцев из низов возможность занять в обществе более высокую позицию. Р. Будон полагал, что мобильность детей может рассматриваться как часть процесса воспроизводства социальных позиций. Предугадывая будущее направление исследований неравенства, он предлагал сконцентрироваться на образовательном уровне родителей и детей [4]. В ходе многочисленных трансформаций, развития демократии не только в развивающихся, но и в развитых странах получила распространение "идеология мобильности", предполагающая повышение социального статуса в каждом следующем поколении. Многие родители, принадлежащие к

группам с невысоким уровнем квалификации, рассматривают получение детьми высшего образования или другой высокой квалификации как собственное семейное достижение. Наряду с межпоколенческой преемственностью социальных статусов наблюдается интенсивная социальная мобильность, демонстрирующая освоение новых профессий, смену вида и сферы трудовой деятельности, приобретение качественно иного опыта и знаний, изменение ценностных ориентаций [5]. Это положение подтверждают и данные, полученные в ходе проведенного социологического исследования. В 2017 году в г. Барнауле методом анкетирования были опрошены молодые люди в количестве 100 человек и один из их родителей. Из всех опрошенных молодых людей 47% родились в городе, 53% - в сельской местности, в настоящее время все проживают в городе в связи с обучением в вузе; 32% студенты мужского пола, 68% - женского. В опросе родителей приняли участие 22% отцов и 78% матерей. Первое, что бросается в глаза при знакомстве с данными, характеризующими социальный статус молодых людей и их родителей – это значительное статусное превосходство детей над обоими родителями. Высшее образование имеют лишь 34 % опрошенных родителей, тогда как 100% из опрошенных их детей получают высшее образование. В ряду перечисленных возможностей для изменения своего социального статуса, в качестве приоритетной возможности и студенты, и их родители выделяют получение достойной работы и получение образования (80% и 72% соответственно). Отмеченные различия во многом обусловлены массовой межпрофессиональной мобильностью, являющейся следствием длительных структурных сдвигов в российской экономике. К важным факторам, оказывающих существенное влияние на социальную карьеру, относится место проживания семьи, в которой родился и воспитывался человек. 55% опрошенных молодых людей родились и выросли в сельской местности, 60% из них однозначно утвердительно ответили на вопрос: «Если бы у Вас была возможность сменить место проживания, уехать из этого города (села), согласились бы Вы переехать?», тогда как только 47% их родителей готовы сменить место жительства. 11% всех опрошенных студентов указывают возможность смены места жительства в качестве одной из приоритетных для изменения своего социального статуса. Самым важным условием изменения статуса студенты называют – получение достойной работы (30%). Профессиональная деятельность является для них важным фактором последующего карьерного роста и изменения социального статуса. 49% опрошенных студентов планируют после обучения остаться в городе. Очень многие молодые люди позитивно оценивают свои возможности восходящей мобильности: свыше половины убеждены в том, что смогут добиться в жизни большего, чем кто-либо из их родителей. Таким образом, в современном российском обществе наблюдается социальное неравенство в межпоколенческих взаимодействиях, обусловленное социальными, экономическими трансформациями. Межпоколенческая мобильность носит преимущественно вынужденный характер и во многом обусловлена глубокими структурными сдвигами в

российской экономике. Наряду со значительными масштабами и разнообразием межпоколенческой социально-профессиональной мобильности всё более заметным становится нарастание ограничений, особенно в сельской местности, свободы профессионального выбора и выбора сферы занятости.

Литература:

1. *Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодёжь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010.*
2. *Модернизация России: социально-гуманитарные измерения / под ред. акад. Н. Я. Петракова. М.; СПб.: Нестор История, 2011.*
3. *Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – 393 с.*
4. *Черныш М. Ф. Социальная мобильность в российском и китайском мегаполисах // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2010 / отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2010. С. 151–168.*
5. *Шкаратан О. И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009. – 560 с.*

Бессчетнова Оксана Владимировна,

Балашовский институт (филиал) ФГБОУ ВО "Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского", Балашов, Россия

Справедливость как принцип получения качественного образования детьми-сиротами

Одним из центральных понятий практически всех гуманистических учений о человеке и обществе является справедливость, которая может рассматриваться с точки зрения формальной и неформальной нормы, действующей на макро и микроуровнях социального взаимодействия [5]. Изучением справедливости и несправедливости занимались зарубежные – П. Рикер («Справедливое»), Дж. Роулз («Теория справедливости»), Дж. Фигейра-МакДонах («Социальное государство и социальная работа: в поисках социальной справедливости») и отечественные ученые – Е.А. Алексеева («Справедливость. Морально-политическая философия Джона Роулза»), Ю.Б. Епихина («Социальная справедливость в русской общественной мысли»), Г.Ю. Канарш («Социальная справедливость: философские концепции и Российская ситуация»). Принцип справедливости лежит в основе распределения различных видов социальных ценностей, определяя статусные диспозиции индивидов. В научной литературе существует деление справедливости на распределительную (дистрибутивную), связанную с распределением благ пропорционально заслугам, и уравнивающую (ретрибутивную или коммутативную), предполагающую равный характер распределения благ независимо от достоинств и достижений его бенефициаров [3]. По мнению В.Е. Чиркина, существует три формы разновидности проявления социальной

справедливости при перераспределении социальных благ: универсальная (распространяется на все население страны в целом, являясь особенно востребованной малообеспеченными гражданами), индивидуальная (проявляется в оплате общественного труда человека в зависимости от его уровня, качества, условий) и групповая (экстраполируется на наиболее уязвимые категории населения – пожилых, инвалидов, сирот) [6]. Неравнозначные физические, психические, интеллектуальные ресурсы конкретных индивидов, их географические, исторические, экономические, социокультурные условия определяют их жизненные траектории, которые в мире публичных отношений приобретают статус социальных несправедливостей или социального неравенства, преодоление или компенсация которого достигается за счет государственной социальной политики. Основными причинами неравенства с позиции теории конфликта Р. Дарендорфа являются: 1) биологическое разнообразие склонностей, интересов, характеров людей и социальных групп; 2) интеллектуальное разнообразие талантов, способностей, дарований; 3) социальная дифференциация примерно равноценных позиций; 4) социальное расслоение в соответствии с престижем, богатством и социокультурным фо-ном, проявившегося в иерархии социального статуса [4]. Несмотря на то, что различия людей по уровню дохода, образования, престижа профессии невозможно устранить, Р. Дарендорф предлагает решить эту задачу путем предоставления всем социальным группам полноты гражданских прав и исключения права одних произвольно ограничивать шансы на вертикальную мобильность других, выразив главную мысль следующим тезисом: «Большее количество жизненных шансов — большему числу людей — вот цель политики свободы» [4]. Как известно, одним из социальных лифтов, посредством которого индивид может преодолеть границы своего социального класса, является образование. Российские исследования утверждают, что часть учащихся из семей рабочих, мелких служащих, безработных оставляют школу после 9 класса, поступают в профессионально-технические лицеи, техникумы, училища, что приводит к изменению социального состава учащихся, вымыванию контингента низко статусных групп из сферы образования вообще, снижению грамотности подрастающего поколения [1]. В наиболее трудном положении оказываются дети-сироты. Несмотря на ряд льгот и гарантий, предусмотренных российским законодательством в области получения профессионального образования, больше половины выпускников интернатных учреждений в первый год после выпуска поступает в средние профессиональные учебные заведения, ПТУ, лицеи, колледжи, доля которых за последние несколько лет продолжает снижаться: в 2011 г. было занято профессиональным обучением 96% выпускников, в 2012 г. — 93%, в 2013 г. — 88% [2]. Безусловно, этому есть свои объективные причины: 1) программы школ-интернатов и, тем более, коррекционных школ существенно отличаются от массовых общеобразовательных, не говоря уже об элитных, и не позволяют сиротам конкурировать с «домашними» детьми, претендовать на поступление в

престижные вузы, на приоритетные специальности или направления подготовки; 2) навязывание детям из интернатных учреждений траекторий профессионального обучения, без учета их интересов и желаний, путем заключения договоров детских домов с ограниченным количеством учреждений профобразования; 3) отсутствие мотивации к обучению, получению знаний при высокой иждивенческой мотивации самих сирот; 4) нежелание вузов брать на себя дополнительную ответственность и расходы по обеспечению детей данной категории дополнительными ресурсами, общежитием, материальными выплатами; 5) более низкая успеваемость по сравнению с детьми, имеющими родителей, плохая посещаемость занятий, академическая задолженность, срывы сроков сдачи сессий, и, как следствие, отчисление из учебного заведения; 6) риск девиаций при слабом самоконтроле и контроле со стороны учебного заведения; 7) неуверенность в своих способностях без объективных причин. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект «Жизненные траектории детей и их биологических родителей, восстановленных в родительских правах» № 16-03-00057).

Литература:

1. *Веревкин О.А. Ценность образования в общественном сознании // Мониторинг общественного мнения. 2010. №4(98). С. 179-190.*
2. *Восприятие проблем детей-сирот и их семейного устройства в российском обществе, М., 2013. URL: http://pdugra.ru/files/documents/vosprijatie_problem_detei_sirot_i_ikh_semeinogo_ustroistva_v_rossio.pdf*
3. *Гельфонд М.Л. Парадоксы справедливости // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2015. № 4. С. 151-161.*
4. *Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М.: РОССПЭН, 2002.*
5. *Макеева М.В. Справедливость как нормативно-ценностный регулятор общественных отношений // Преподаватель XXI века. 2010. № 3. С. 235-240.*
6. *Чиркин В.Е. Социальная справедливость как фактор устойчивого развития общества (конституционные вопросы) // Актуальные проблемы экономики и права. 2017. Т. 11, № 1. С. 89–97.*

Биксалеев Раис Харисович

Саранск, Россия

Бистяйкина Динара Асымовна

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Н. П. ОГАРЁВА , Саранск, Россия

Практика социальной работы с семьей и детьми по профилактике социального сиротства

Социальная работа с семьей представляет собой систему взаимосвязанных действий и мер, которые направлены на решение проблем и

поддержку семьи, находящейся в социально опасном положении, что может спровоцировать социальное сиротство и семейное неблагополучие [1, 287]. Социальная работа с семьей основана, прежде всего, на соблюдении нормативно-правовых стандартов. В субъектах Российской Федерации реализуются региональные и муниципальные программы, направленные на решение задач по обеспечению соблюдения прав ребенка в семье, включающие комплекс мер по раннему выявлению фактов семейного неблагополучия и предотвращения социального сиротства [2, 196]. Именно на местном уровне социальная работа с семьей по профилактике социального сиротства и семейного неблагополучия наиболее эффективна. Как отмечают некоторые исследователи, наиболее близок к жизни людей муниципальный уровень власти. Муниципальная семейная политика – это система целей, задач и механизмов их реализации, направленных на обеспечение населения социальными услугами, на содержание и развитие социальной сферы муниципального образования. Ее содержание – поддержка семей, проживающих на территории муниципалитета, реализуемая в виде программ, проектов и мероприятий [3, 63]. Сегодня в нашей стране накоплен определенный опыт социальной работы по профилактике социального сиротства и семейного неблагополучия. Так, в г. Иркутск фонд профилактики сиротства и социальной реабилитации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей «Байкальское Солнышко» оказывает социальную, юридическую, психологическую, медицинскую помощь родителям, оказавшимся в кризисной ситуации, следствием которой может стать помещение ребенка в сиротское учреждение. При работе по профилактике социального сиротства и семейного неблагополучия важным моментом является межведомственное сотрудничество. Так, программа профилактических мероприятий осуществляется совместно с центром медико-социальной помощи беременным женщинам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, Областного перинатального центра на базе родильных домов и женских консультаций Иркутска. Когда в службу «Скорая социальная помощь» поступает сигнал о возможности отказа матери от ребенка, на место для выяснения ситуации выезжает специалист для проведения диагностики отказа. На основании объективных данных, психологического состояния и возможностей матери ситуация может развиваться по трем основным направлениям. Во-первых, материальная и юридическая помощь матери; позже такая семья попадает в программу сопровождения, которая реализуется до выхода семьи из кризисной ситуации. Во-вторых, зачастую достаточно поддержать растерянную женщину только в момент выписки из родильного дома, помочь преодолеть психологические проблемы и небольшие материальные трудности. В-третьих, если мать не в состоянии по ряду объективных причин воспитывать своего ребенка, фонд оказывает содействие в оформлении документов, которые дадут ребенку возможность обрести новую семью в ближайшем будущем [5, 573-575]. Еще одним примером практики социальной работы по профилактике социального сиротства и семейного неблагополучия является работа специалистов с

детьми и родителями на детской площадке. Специалисты социально-реабилитационного центра «Отрадное» г. Москва, изучив проблематику семей, которые обращаются к ним за помощью, пришли к выводу о необходимости поиска новых, более эффективных форм работы с семьями, которые должны быть направлены на первичную профилактику и выявление нарушений детско-родительских отношений. Работа по направлению «Активная поддержка родителей», сотрудники центра применяют инновационную технологию работы с детьми и родителями в условиях дворовой площадки «Детская площадка». Проведение занятий на детских площадках – это возможность научить родителей играть с собственными детьми во время прогулок, посредством организации специалистами разнообразной игровой деятельности. Прогулка в данном случае становится не просто развлечением, а местом познания, развития, воспитания личности ребенка. Программа социальной практики предполагает оказание экспресс-консультации по завершению встречи, в режиме «здесь и сейчас». Это дает возможность родителям получить квалифицированную помощь специалистов в решении проблем детско-родительских отношений. Такая форма работы помогает обеспечить социально-психологическую поддержку большому количеству семей, своевременно выявлять детей, нуждающихся в помощи специалистов, а также повлиять на изменение мировоззрения родителей и детей в сторону взаимного принятия и налаживания между ними гармоничных отношений [5,16-19]. В центре социальной помощи семье и детям «Тропарево-Никулино» Московской области работа по профилактике социального сиротства и семейного неблагополучия ведется по нескольким направлениям, среди которых информационно-просветительская деятельность с родителями в рамках реализации программы клуба родительского образования «Сопричастность». Работа данного клуба направлена на формирование системы социально-психолого-педагогических знаний родителей, необходимых для обеспечения нормальной жизнедеятельности семьи; формирование системы знаний и умений родителей в укреплении здоровья всех членов семьи; формирование умений использования образовательно-просветительских возможностей здоровья всех членов [5, 85-87]. Таким образом, в современных условиях усугубления социальных проблем, расширения их спектра

Литература:

1. *Основные направления и технологии социальной работы с семьей // Семьеведение / под ред. Е. И. Холостовой, О. Г. Прохоровой, Е. М. Черняк. – М. : Юрайт, 2013. – 403 с.*
2. *Соловьева Т. В. Основные приоритеты государственной социальной политики в отношении семьи и детей В Российской Федерации и Республике Мордовия по профилактике социального сиротства / Т. В. Соловьева, Е. Г. Панькова, Д. А. Бистяйкина, А. С. Палибина // Теоретические и практические аспекты психологии и педагогики : кол. монография . - Уфа: Аэтерна, 2017. – С. 186-198.*
3. *Панькова Е. Г. Муниципальная политика по улучшению социально-экономического положения семьи // Е. Г. Панькова, А. С. Палибина, Д. А. Бистяйкина, Т. В. Соловьева // Дискуссия. – 2017. - №2 (76). – С. 62-70.*
4. *Д. А. Бистяйкина, Е. Н. Касаркина, И. Н. Лесанова Проблемы социального здоровья и потребность населения в институте социальной работы в контексте трансформационных процессов современного российского общества // Теоретические и*

практические аспекты психологии и педагогики: коллективная монография [под ред. О.А. Козырева] . - Уфа: Аэтерна, 2017. – С.26
5. *Энциклопедия социальных практик поддержки семьи и детства в Российской Федерации / под ред. Е. И. Холостовой, Г. И. Климантовой. – М. : «Дашков и К°», 2015. – 752 с.*

Бистяйкина Динара Асымовна,
НИ МГУ имени Н. П. Огарева, Саранск , Россия

Социальные барьеры в отношении инвалидов в современном обществе

Вопросы демократизации социального развития России вплотную связаны с соблюдением прав инвалида, реализацией социальной политики на уровне индивида, реализацией общественных отношений в аспекте институциализации социальной работы. Развитие общества по пути гуманности и цивилизованности требует осознания проблем нетипичности, развития толерантности и предоставления социальных гарантий людям с ограниченными возможностями в аспекте нормализации их жизни. Проблема инвалидности, уровня и качества жизни лиц с ограниченными возможностями здоровья остается крайне актуальной. По данным международных организаций (в частности, ВОЗ) численность инвалидов называется в диапазоне от 15,0 % до 19,4 % населения мира. Таким образом, один человек из каждых 10 является инвалидом [1]. В России по состоянию на 2017 год насчитывалось порядка 12,25 млн человек; 636 тысяч детей-инвалидов [2], при этом их численность имеет стабильную тенденцию к росту. Факторами инвалидности называются старение населения, глобальный рост хронических состояний (например, диабет, сердечно-сосудистые заболевания), факторы окружающей среды, природные катастрофы, военные конфликты, дорожно-транспортные происшествия, злоупотребление психоактивными средствами и проч. По данным ВОЗ инвалидность наиболее часто сопряжена с проблемой бедности: инвалидность более высоко распространена в странах с низким доходом, а дети из беднейших домохозяйств имеют значительно высокий риск инвалидности, чем другие дети. По оценкам Всемирного Банка, около 70 % инвалидов, имеющих нарушения здоровья средней и тяжелой степени, живут за чертой бедности [1]. В России традиционно семьи инвалидов (наряду с многодетными, неполными семьями, а также семьями пенсионеров) отличаются повышенными рисками бедности. Бедность инвалидов и семей с инвалидами может быть обусловлена: отсутствием кормильца в семье (что характерно для многих семей имеющих детей-инвалидов), ограничениями, связанными с состоянием здоровья, ограниченными доходами от занятости, которые составляют большую часть денежных ресурсов российских семей, значительными статьями расходов на лекарства, реабилитацию, социальное сопровождение и проч.

До 80 % инвалидов, живущих в развивающихся странах, являются безработными и многие из них ежедневно сталкиваются с социальной изоляцией. В России безработица среди инвалидов трудоспособного возраста составляет порядкам 70,0 %. Несмотря на реализуемые меры стимулирования занятости инвалидов, далеко не каждый работодатель в России готов принять на работу инвалида, обеспечить рабочее место в соответствии со всеми потребностями инвалида; да и с другой стороны иждивенческие позиции инвалидов очень сильны, недостаточные навыки общения выступают барьером в налаживании отношений в рабочем коллективе. Бедность становится причиной новых случаев инвалидности из-за неадекватных и опасных условий жизни и труда, из-за неполноценного питания, отсутствия надлежащих медицинских, образовательных услуг, отсутствия возможностей профессионального обучения. Бедность и инвалидность тесно взаимосвязаны, вместе они повышают уязвимость населения и усугубляют социальную изоляцию. Таким образом, бедность одновременно является как причиной, так и последствием инвалидности. Еще одна проблема и фактор социальной уязвимости заключается в ограниченных возможностях получения образования инвалидами. В настоящее время в России происходят благоприятные перемены в области обеспечения инклюзивного образования, но при этом, студентом высшего учебного заведения становится только каждый 33-й инвалид (3,07%) в возрасте до 30 лет, в то время как среди их сверстников, не имеющих ограничений по здоровью – каждый 5-й. Инвалидов среди студентов всего 0,38%, от 25% до 63% из них не заканчивают обучение, а работу имеет только каждый 4-й инвалид в трудоспособном возрасте [3]. С позиций социальной модели инвалидности важнейшим фактором социального благополучия инвалида является социальная среда, которая может либо облегчать, либо затруднять социальное функционирование. Различного рода социальные барьеры приводят к сегрегации инвалидов, затруднениям в удовлетворении их потребностей, способствуют неадекватной оценки возможностей и способностей инвалидов со стороны «здоровых» людей. Предубеждения и предрассудки способствуют созданию барьеров на пути к образованию, занятости, медицинской помощи и участию в социальной жизни. Недостаток услуг, слабая координация услуг, отсутствие доступности, особенно в сельской местности [4], приводят к тому, что большинство инвалидов не принимают участие в общественной жизни.

Литература:

1. *Инвалидность и бедность [Электронный ресурс] URL:https://aupam.ru/pages/sozial/invalidnostj_i_bednostj/oglavlenie.html*

2. *Официальная статистика / Население [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/*

3. *Инвалидам облегчат поступление в вузы [Электронный ресурс] URL: https://www.kp.ru/daily/26647/3668087/*

4. *Формирование доступной среды — перспективное программно-целевое направление социальной защиты инвалидов в РМ / Кудаева Е. Г. Савинов Л. И., Свитин П. А., Соловьева Т. В. // Социальная работа с различными группами населения : теоретические и*

прикладные аспекты : материалы II Международной заочн. науч.-практ. конф. (Саранск, 21 ноября 2011 г.). - Саранск: Афанасьев В.С., 2011.- С. 189-192.

Бочарова Анна Сергеевна,
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Стимулирование рождаемости и поддержка семей с детьми в России

В социальной и демографической политике современной России прослеживается четкая тенденция, направленная на стимулирование государством рождаемости и совершенствование и введение новых мер социальной поддержки для семей с детьми. Наметившийся рост рождаемости в период 2000-2016 уступал по показателям периоду 1971-1990. А прогнозы на 2025 год предполагают глубокий демографический спад. Как пишет А. Закутин: «Суммарный коэффициент рождаемости сейчас находится на уровне 1,8 ребенка на женщину. Между тем золотым стандартом демографической истории считается наличие двух детей в семье. 2,1 ребенка на женщину – это уровень, необходимый для простого долгосрочного воспроизводства населения. Для достижения такого уровня в России должно рождаться примерно 2,5-2,6 млн детей в год в течение 10 лет. На данный момент стабильный достигнутый уровень – 1,7-1,8 млн человек. Если ориентироваться на предложенные сценарии в демографическом прогнозе Росстата, то в низком варианте суммарный коэффициент рождаемости в 2030 году будет на уровне 1,7 ребенка на женщину, в высоком варианте – рост до 2,0 ребенка на женщину. Средний вариант прогноза, характеризуемый авторами как «наиболее реалистичный» (в нем учитываются и цели демографической политики, и существующие тенденции), предполагает сохранение показателей рождаемости на уровне 1,8 в 2030 году» [1]. Для дальнейшего стимулирования рождаемости государством гарантируется ряд мер социальной поддержки семьям, имеющим детей. На данный момент меры социальной поддержки и льготы семьям с детьми установлены Федеральным законом от 19 мая 1995 г. N 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», рядом других федеральных и региональных нормативно-правовых актов. Пособия на детей.

- Единовременное пособие женщинам, вставшим на учет в медицинских учреждениях в ранние сроки беременности:
- Пособие по беременности и родам.
- Единовременное пособие при рождении ребенка:
- Ежемесячное пособие по уходу за ребенком до достижения им возраста 1,5 лет.

- Лицам, не подлежащим обязательному социальному страхованию, в размере:
- Пособие при усыновлении ребенка в возрасте до трех месяцев.
- Единовременное пособие при передаче ребенка на воспитание в семью:
- Единовременное пособие беременной жене военнослужащего, проходящего военную службу по призыву
- Ежемесячное пособие на ребенка военнослужащего, проходящего военную службу по призыву [2]

Особенно следует выделить новую меру, введенную с 2018 года - ежемесячное пособие при рождении первого ребенка. Оно уже выплачивается в размере установленного в регионе прожиточного минимума для детей (в среднем по России в 2018 году составит около 10500 рублей). Новая ежемесячная денежная выплата будет полагаться нуждающимся семьям до достижения 1.5 лет [3]. Материнский семейный капитал (МСК) – дополнительная мера государственной поддержки семей, имеющих детей. МСК назначается и выплачивается в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2006 г. N 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» , принятым в целях решения демографических проблем в стране. В соответствии с Законом N 256-ФЗ социальная поддержка российских семей с детьми осуществляется при рождении или усыновлении второго, третьего или последующего ребенка в период с 1 января 2007 года по 31 декабря 2021 года. Региональный материнский капитал В большинстве регионов региональный материнский капитал назначается при рождении третьего ребенка или последующих детей и нацелен на стимулирование многодетных семей. Материнский капитал при рождении третьего ребенка или последующих детей в регионах назначается вне зависимости от получения женщиной федерального материнского капитала при рождении второго ребенка. Размер РМК в разных регионах варьируется, а правила его использования нацелены на поддержку наиболее значимых для семьи статей расхода: улучшения жилищных условий и получения образования детьми. Отдельные регионы предоставляют возможность направления средств регионального материнского капитала на лечение и детей и приобретение автомобиля. Ежемесячная субсидия родителям на оплату детского сада предоставляется в соответствии со статьей 65 Федерального закона от 29.12.2012 N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Налоговые льготы родителям на детей установлены статьей 217 Налогового Кодекса Российской Федерации, в соответствии с которой освобождаются от налогообложения такие виды доходов физических лиц, как государственные пособия, а также иные социальные выплаты и компенсации и т.д. [2]. Все вышеперечисленные меры направлены на стимулирование рождаемости и поддержку семей с детьми, а также на то, чтобы в России было как можно больше многодетных семей. Однако в обществе существуют стереотипы относительно данной категории населения. Многодетная семья зачастую воспринимается обществом негативно,

ассоциируясь с бедностью, низким уровнем образованности и социальной ответственности, но это совсем не соответствует действительности. Поэтому помимо социальной поддержки в виде всевозможных выплат, пособий и льгот, нужно поднимать авторитет многодетной семьи в глазах общества, создавать ее позитивный образ.

Литература:

1. *Закутит А. К вопросу повышения рождаемости в России // сетевое издание Катехон, 2016. URL: http://katehon.com:8080/ru/article/k-voprosu-povysheniya-rozhdaemosti-v-rossii (дата обращения: 03.02.2018)*
2. *Портал "Все о социальной поддержке" [Электронный ресурс]. URL: http://www.socialnaya-podderzhka.ru/mery_socialnoj_podderzhki/mery_socialnoj_podderzhki_semej_s_detmi/ (дата обращения: 03.02.2018)*
3. *Сайт «Пособие на ребенка» " [Электронный ресурс]. URL: http://posobie-expert.ru/ezhemesyanye-posobiya/na-1-rebenka/ (дата обращения: 03.02.2018)*

Брагина Алена Анатольевна,

РГПУ им.А.И.Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Практики дискриминации женщин в семье и доступе к образованию в современном российском обществе

Тема социальной дискриминации женщин не теряет своей актуальности на протяжении многих столетий. Казалось бы, с развитием технического прогресса и переходом к постиндустриальному обществу, данная модель должна была утратить свою значимость и необходимость, но она лишь видоизменилась и подстроилась под современную реальность. В существующем российском законодательстве женские и мужские права, несомненно, находятся в равных позициях, но морально-этические устои, укорененные многими поколениями в сознании нашего общества, говорят об обратном. Патриархальное устройство семей, стереотипные представления о предназначении женщины исключительно для репродуктивного труда, домашнее насилие. Повседневные практики дискриминации женщин продолжают быть одной из острых проблем наших реалий. Объектом моего исследования выступало население Санкт-Петербурга, предметом – жительницы Санкт-Петербурга в системе практик социальной несправедливости в области семейной жизни и доступа к образованию. Цель исследования заключалась в анализе мнений респондентов относительно практик дискриминации женщин в семье и доступе к образованию. Генеральной совокупностью респондентов являлись жители Санкт-Петербурга. Выборка была сформирована на основании метода доступных случаев, поэтому в качестве респондентов в исследовании выступали люди разных возрастных групп, которые в силу своего возраста сталкивались с практиками подчинения/доминирования и с проблемой доступности образования для мужчин и женщин. В качестве методик исследования были избраны: метод глубинного интервью для эмпирической части исследования

и метод контент-анализа для обработки транскриптов интервью. В ходе исследования и опроса респондентов было выявлено множество различных мнений на тему доминирования/подчинения, однако законодательно в Российской Федерации не существует ущемления прав женщин. Что касается доступности образования в России, этот вопрос существует в двух измерениях: власти и повседневной жизни общества. На уровне власти декларируется равноправный доступ к образованию мужчин и женщин. На практике оказывается, что женщины сталкиваются с такими, выявленными социологами феноменами, как «стеклянный потолок», «стереотипные представления общественного мнения о женских/неженских видах деятельности», «гендерной асимметрией». Гипотеза исследования заключалась в предположении, что в сознании современного общества превалируют идеи мужского превосходства и дискриминации женщин в сфере семьи и образования, на формирование которого влияет преимущественно гендерные стереотипы прошлых лет. На основании проведенного исследования она получила лишь частичное подтверждение и в результате получились следующие выводы. 1. Большинство респондентов не встречались со случаями семейного насилия, а если и встречались, то в основном, насилие исходило со стороны мужчин. 2. Наибольший процент респондентов не согласился с тем, что женщины сами виноваты в том, что оказываются в роли жертв. Одни считают, что как бы женщина себя не вела, насилие над ней это, в первую очередь, вопрос воспитания. Другие не забыли упомянуть о том, что женщина в принципе физически слабее, чем мужчина и насилие происходит именно по этой причине. 3. Мнения респондентов на вопросы доминирования/подчинения, разделились пополам. Половина представителей женского пола согласилась с тем, что доминирование между полами помогает обществу быть в равновесии, а другая половина отрицала данную мысль. Такая же ситуация наблюдается и с респондентами мужского пола. 4. Ответы на вопрос о доступности высшего образования, половина из общего числа респондентов считает, что в современных ВУЗах примерно равное количество девушек и юношей. Однако в ВУЗах технического профиля молодых мужчин больше, чем девушек. Но, как показали социологические исследования, результаты которых опубликованы в "Демоскопе", образованных женщин в России больше, чем образованных мужчин. Это обусловлено тем, что в наши дни, гендерные права одинаковы для всех и не зависят от пола, соответственно эти права распространяются, в том числе и на доступ к высшему образованию. Остальные же респонденты заметили тенденцию к высшему образованию со стороны женского населения, объясняя ее тем, что девушки прилежнее учатся, у них есть определенные личные качества, которые способствуют обучению, а также отсутствие для женщин воинской повинности. Однако, до сих пор в сознании людей существует мысль о том, что девушкам подходят одни профессии, а юношам другие. Они выполняют разные социальные роли, но их статус в обществе зависит именно от их биологического пола. На основании полученных в ходе исследования данных, был дан ответ на проблемный

вопрос проекта: "каким образом женщины находили/находят выход из ситуации конфликта и несправедливости, вызванных мужским доминированием в семье и сложностях в доступе к образованию?". Как выяснилось, женщины активно используют: процесс "смягчения" общественных нравов под влиянием идеалов демократического общества, смягчающие и выводящие из тени повседневности практики семейного насилия; плоды социальных революций, которые, прежде всего, на законодательном уровне утвердили равенство полов; учатся на примерах своих бабушек и матерей, которые в советское время стали образованными людьми; используют свой природный творческий потенциал, энергию, трудолюбие и таланты на креативные и созидательные дела, а не на негатив и разрушения.

Булкина Елизавета Николаевна,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Проблема изменения социального статуса и положения в обществе личности под влиянием здорового образа жизни

Социальное неравенство всегда являлось неотъемлемой составляющей современного общества. По уровню дохода, доступу к ресурсам и власти, уровню образования и престижу складывается социальный статус индивида. Но современный усложняющийся мир образует все новые формы отношений, модели поведения, образцы подражания. Интересно наблюдать, как трансформируется понятие здорового образа жизни в современном мире. Ранее, привычки и правила здорового образа жизни в основном закладывались в семье, прививались в школе и в будущем индивид не задумывался над тем, ведет ли он здоровый образ жизни или нет, он просто следовал устоявшимся правилам, заложенным воспитанием. В современном обществе все, что связано со здоровым образом жизни, а это правильное питание, отказ от генно-модифицированных продуктов, занятие различными видами спорта, отказ от вредных привычек и т.п. вызывает восхищение и уважение окружающих. Многообразие различных спортивных комплексов, тренажерных залов, секций, семинаров по здоровому образу жизни свидетельствует о возникшей в этом потребности у общества. Становятся популярными и высокооплачиваемыми профессии индивидуального тренера, консультанта, которые помогают своим клиентам приобрести желаемую физическую форму. Рыночные отношения не оставили без внимания товары и услуги под общим названием «здоровье», которые обещают своим потребителям натуральные, качественные продукты. Они все более становятся популярными, происходит коммерциализация данного феномена. Опытные предприниматели быстро отреагировали на растущую потребность в здоровом образе жизни в обществе. Здоровый образ жизни перестает быть личным выбором каждого, скорее, это становится выбором всего общества, в

котором социальный статус отдельной личности зависит от того, является ли личность включенной в массовый характер здорового образа жизни или нет. Данная область исследования является относительно новой и перспективной. Одним из первых к феномену здоровья с социологической точки зрения обратился Э. Дюргейм, представив анализ нормы и патологии в исследовании самоубийств[1]. Дальнейшее развитие проблематика здоровья получила в структурно-функциональном анализе Т. Парсонса, который исследовал взаимоотношения между врачом и пациентом[2]. По определению Всемирной организации здоровья (ВОЗ), здоровье – это состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов[3]. Ведение здорового образа жизни может повлечь за собой изменение (повышение) социального статуса личности, допустимо заметить, что обратная ситуация, в которой высокий социальный статус ведет за собой следование правилам здорового образа жизни, также имеет быть. Такие показатели здорового образа жизни как активное занятие физической культурой, отказ от вредных привычек, соблюдение диеты способствуют изменению (повышению) социального статуса личности. Социальный статус является одной из важнейших фундаментальных характеристик личности. Главная особенность его в том, что он соотносит личность, ее социальную позицию с позициями других людей. Социальный статус — определенная позиция в социальной структуре группы или общества, связанная с другими позициями через систему прав и обязанностей[4]. В динамичном обществе, с большой сетью взаимодействия, индивид обладает множеством социальных статусов, так как он является участником различных социальных групп. Рассмотрев понятия социального статуса и здорового образа жизни, а также различные подходы и взгляды к данным понятиям, можно сделать вывод, что ведение здорового образа жизни может быть одним из факторов, влияющих на создание, поддержание или изменения социального статуса. Так как социальный статус является совокупной характеристикой человека, отражающей определенный набор признаков, по которым оценивается человек с целью определения его положения в обществе[5]. Ведение здорового образа жизни, включающий в себя различные атрибуты, тематическое взаимодействие с другими индивидами, группами в интересах физической спортивной активности, улучшения своего состояния организма может привести к изменению (повышению) своего социального статуса в глазах окружающих.

Литература:

1. *Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. —М.: Мысль, 1994.*
2. *Парсонс Т. О социальных системах / Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М.: Академический проект, 2002.*
3. *Устав (Конституция) Всемирная организация здравоохранения, 1946.*
4. *Кравченко А. И. Социология: Общий курс: Учебное пособие для вузов. – М.: ПЕРСЭ; Логос, 2002.–640 с.*
5. *Андреева Г.М. Социальная психология / Г.М. Андреева. -М.:Аспект Пресс, 2008. -363 с*

Бучилова Ирина Анатольевна,
Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия
Попова Светлана Игоревна
Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия
Соловьева Елена Евгеньевна
Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия

К проблеме формирования гражданской идентичности учащихся в условиях поликультурного образования Вологодской области

Проблема социокультурной адаптации детей из семей мигрантов является актуальной для многих регионов Российской Федерации, в том числе, для Вологодской области. Многие дошкольные и школьные учреждения нашего региона стали поликультурными (достаточно взглянуть на список родителей в детских садах и школах). Важным аспектом социокультурной адаптации является формирования гражданской идентичности учащихся из иноязычных семей [2], [3]. На сегодняшний день имеется достаточно широкий спектр программ и технологий социокультурной и психолого-педагогической адаптации данной категории детей и подростков (Безюлева Г.В., Бондырева С.К., Ермолаева М.В., Казнова Н.В., Ковалева Н.И., Лебедева Н.М., Макаров А.Я., Пантелеев А.Б., Солдатова Г.У., Стефаненко Т.Г.и др.).

Тем не менее, изучение формирования гражданской идентичности учащихся в условиях поликультурного образования ведется с определенным отставанием от запросов психолого-педагогической практики, что обусловливает актуальность разработок по данному направлению с учетом регионального компонента. Цель исследования: изучение особенностей формирования гражданской идентичности учащихся из иноязычных семей в условиях поликультурного образования. Методики исследования: беседа с родителями детей-мигрантов; анкетирование педагогов, работающих с детьми из иноязычных семей; методика Т.С. Комаровой и О.А. Соломенниковой на выявление знаний детей о странах и культурах; методика диагностики языковой и этнической идентичности детей из иноязычных семей в авторстве Д.А. Александрова, В.А. Иванюшиной.

Представим некоторые диагностические данные по тематике нашего исследования. Для изучения языковой и этнической идентичности детей из иноязычных семей нами было проведено анкетирование обучающихся в общеобразовательной школе № 30 г. Череповца (собрано на данный момент 22 анкеты: начальная школа – 8 детей, средние и старшие классы – 14 детей). Нами использовалась анкета в авторстве Д.А. Александрова, В.А. Иванюшиной [1]. По результатам анкетирования русскими себя считают 45,5 % детей из иноязычных семей. Русский язык считают родным 54,5 % школьников из числа детей, определенных по совокупности родного языка

родителей и региона происхождения как «иноэтничные мигранты». Следует отметить, что полученный процент школьников из семей иноэтнических мигрантов, назвавших себя русскими (45,5 %) значимо выше, чем процент (23,6 %), в аналогичном исследовании Д.А. Александрова, В.А. Иванюшиной, проведенного в 2009 г. [1]. В семьях большинства детей, относящих себя к русским, дома говорят с ними по-русски. И эти семьи достаточно длительный период проживают в России (есть семья, проживающая в России с 60-х годов 20 века). В семьях, в которых дети относят себя к другим национальностям, во многих случаях говорят на национальном языке (27,3 %). Итак, язык домашнего общения, длительность проживания семьи в России оказывают значительное влияние на формирование языковой и этнической идентичности. Отметим, что огромную роль играет педагогическая поддержка ребенка при выборе этноидентичности в форме занятий родным языком и религией. Все это способствует развитию языка общения между детьми доминирующей культуры и культуры меньшинства, ускоряет интеграцию ребенка в новую культуру, в то же время предотвращая опасность деэтнизации и маргинализации [4]. Считаем, что результаты исследования могут быть использованы в практике психологического консультирования и психолого-педагогического сопровождения детей из семей мигрантов, а также в целях профилактики дезадаптации данной категории детей в условиях российских полиэтнических школ.

Литература:

1. *Александров Д.А., Иванюшина В.А. Дети-мигранты: результаты исследования, проблемы и перспективы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ff.nashauche (дата обращения 15.10.13)*
2. *Безюлева Г.В., Ермолаева М.В., Казнова Н.В. Развитие толерантного сознания детей в условиях поликультурного образования: монография. – М.: НОУ ВПО Московский психолого-социальный университет, 2013. - 256 с.*
3. *Бучилова И.А., Алиева Т.И. Особенности социокультурной адаптации детей-мигрантов в условиях российских общеобразовательных школ на примере г. Череповца Вологодской области / Коллективная монография «Миграция в современном мире: тенденции и вызовы XXI века». Новосибирск: СибАК, 2016. – с. 49 – 73. http://sibac.info*
4. *Яковлева Т.С. Особенности образования детей мигрантов и беженцев в условиях становления единого образовательного пространства / Инновационное преподавание русского языка в условиях многоязычия: сборник статей: в 2 т. / Отв. ред. Н.В. Румянцева. – М.: РУДН, 2014. – С. 342 – 348.*

Васенина Ирина Владимировна,

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Мир напополам: причины разводов в молодых семьях

Колоссальные изменения, происходящие в современном мире, связанные с ускоренным развитием общества, темпом жизни, рождением новых технологий, информатизации, не смогли не повлиять на общество, в целом, и, конечно же, институт семьи не остался без внимания. Неизбежное

вовлечение женщин в общественное производство и в трудовую сферу, рост и уровень образования, феминизация и сексуальная революция с требованием прав за равенство полов и сексуальную раскрепощенность привели к тому, что мы сегодня имеем низкий уровень рождаемости и как следствие быстрое старение населения; высокий уровень разводимости; большое количество абортов, беспорядочных сексуальных связей; несчастных разбитых и неполных семьей; беспризорных детей, нормальная социализация которых уже автоматически нарушается и, к сожалению, являются потенциальной категорией группы-рисков, связанных с правонарушениями, насилием, проституцией и прочими социальными отклонениями. Статистика разводов в России предельно пугающая. По итогам статистических исследований Росстата в 1992 году, во времена не самой легкой ситуации в стране, процент разводов был равен 60%, в 2000 году он увеличился и составил 69%. Спустя 7 лет, в 2007 году процент разводов снизился и составил 54%, но этот процент остается практически неизменным вплоть до сегодняшнего дня и колеблется от 53% до 55%. [1, http://razvodis.ru/otvety-na-voprosy/v-rossii-po-godam-tablica.html] Сегодня в России на 1200 млн. зарегистрированных браков приходится 660 тыс. разводов молодых семей, то есть практически каждая вторая молодая семья распадается. Из них примерная продолжительность совместного проживания у 15% семей составляет около 1 года - этой весьма удручающей и печальной картине демографы дают свое обоснование. [2, http://orazvodah.ru/razvod-v-raznyih-stranah/statistika.html] Брачный возраст молодых людей, рожденных в начале девяностых, как раз приходится на 2010-2011 годы, когда была крайне низкая рождаемость и большое количество неблагополучных семей. Но это не единственная причина такого высокого показателя разводимости в нашей стране. Глядя на такие цифры, несомненно, задумываешься о причинах такой ситуации, которые мы и рассмотрим в нашей статье. Утрата семейных ценностей, чистоты и невинности, эгоистические установки на индивидуализм, самоудовлетворение, гедонизм, возможность выбора партнера со сменой бесконечного числа, легкомысленное отношение, неготовность и неосознанное вступления в брак, приводят к известным печальным последствиям в широком масштабе. Таким образом, в связи с изменениями, происходящими в институте семьи, проблема брачно-семейных установок современной молодежи стоит достаточно остро и является неким руководством к действию со стороны властей в области семейной и молодежной политики. Но помимо влияния этих факторов на брачные установки молодых людей, их репродуктивность, огромное влияние оказывают и экономические факторы. Бедность, нежелание содержать семью на должном уровне, жилищно-бытовые проблемы (27%) – вот одна из основных причин распада молодых семей. [2, http://orazvodah.ru/razvod-v-raznyih-stranah/statistika.html] Нехватка средств, отсутствие жилья, низкая покупательная способность, безработица - являются большими проблемами для функционирования нормальной и комфортной жизни, не говоря уже о вступлении в брак и рождении детей. Колоссальная нагрузка накладывается

на молодые семьи, когда оба супруга работают, снимают квартиру, берут ипотеку или живут в стесненных условиях. Вопрос о рождении детей откладывается до лучших времен. Финансовое положение семьи и нехватка средств со стороны государства не может позволить женщине не участвовать в трудовом процессе и заниматься воспитанием детей. Но, к сожалению, те социальные институты, которые могли бы оказывать помощь в воспитании детей, не выполняют эти функции. С другой стороны, у нас появилась категория людей, хорошо зарабатывающих, которые, казалось бы, не обременены теми проблемами, о которых мы говорили выше. Но и у этой части населения, не всё так благополучно. Карьера, достижение высокого материального достатка, ставится во главу угла, а деторождение откладывается на длительный срок. В их ценностном мире установка на детей, крепкую семью не стоит на первом месте. Зачастую детей рожают не потому что в этом ощущается острая потребность, а потому что пришло время, иначе дальше уже будет поздно. Как мы уже сказали, произошли изменения на ценностном уровне, и никакие благополучные условия не заставят изменить потребность в детях. Безусловно, для большей части населения нашей страны, помощь со стороны государства является необходимым условием для поддержания и создания нормальных семей. Если государство провозглашает ориентацию на построение социального государства, и озабочена сложившейся демографической ситуацией, то несомненным её приоритетом должна стать молодая семья. Улучшение нормативно-правовой базы в области поддержки молодых семей, устранение проблем и противоречий в семейной политике, минимизация последствий занятости и безработицы, решение жилищной проблемы, стимулирование рождаемости – все это является основным приоритетным направлением государства в работе с молодыми людьми для обеспечения здорового общества и будущего нашей страны. Государство должно вложить немалые ресурсы для поддержки семьи, привлекая к этому и СМИ, которые создавали бы привлекательный семейный образ жизни для молодых людей.

Литература:

1. *Серякина Е.А. Неутешительная статистика разводов. Источник: http://razvodis.ru/otvety-na-voprosy/v-rossii-po-godam-tablica.html. Дата обращения. 25.01.2018*
2. *Статистика разводов в России: в чем причины расторжения брака. Источник: Развод и алименты © razvodis.ru. http://orazvodah.ru/razvod-v-raznyih-stranah/statistika.html. Дата обращения 25.01.2018*

Верещагина Анна Владимировна,
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Воспроизводство социального неравенства в семейной сфере в условиях современной российской реальности: причины и последствия

Источники и, соответственно, индикаторы социального неравенства дифференцируются по самым различным основаниям (экономическим, политическим, культурным и т.д.), но, для нас очевидно, что корни воспроизводства социального неравенства как механизма воссоздания всей гаммы социальных отношений и связей, отражающих сложившийся тип социальной организации с ее ценностными, поведенческими и мировоззренческими основаниями, находятся в институциональном пространстве семьи и семейных отношений. Эта убежденность основывается на неоспоримом тезисе о том, что институт семьи, являясь базовым социальным институтом общества, аккумулирует в себе весь спектр социальных отношений и ценностей, определяющих в конкретный период времени характер развития экономической, политической, культурной, демографической и других социальных сфер, и транслирует их через институциональные механизмы, связанные с реализацией, прежде всего, социализационной функции. В итоге, в обществе воспроизводятся именно те социальные отношения, которые выступают типичными для данного общества с его ментальными характеристиками, особенностями сложившегося социального порядка и функционирования базовых социальных институтов (образования, экономики, политики, культуры, религии и т.д.). В обществе с доминирующими маскулинными ценностями и установками через систему семейных отношений будет воспроизводиться соответствующий гендерный порядок и характер социальных отношений с выраженным гендерным неравенством. В обществе с доминирующими патерналистскими установками, системой неформальных связей и отношений как наиболее эффективных при решении социальных проблем, достижении социального успеха и т.д., через систему семейного воспитания и реализации семейных стратегий будет воспроизводиться авторитарный механизм организации социальных отношений. В обществе с явно выраженными показателями социального неравенства через семейные каналы будут автоматически воспроизводиться те социальные ожидания, настроения, механизмы адаптации и ее результаты, которые способствуют закреплению сложившейся системы социального неравенства, в российской реальности воспринимаемой как социально несправедливой, в которой существует критический разрыв между богатыми и бедными, а бедность приобрела парадоксальную окраску под названием «работающая бедность» [3, с. 29]. Объясняется это тем, что семья и ее воспроизводственный потенциал в контексте социализационной роли ограничены ценностно-

нормативной системой общества, его ментальными характеристиками, институциональной матрицей, условиями жизнедеятельности социума, т.е. семья не может транслировать в процессе социализации ценности справедливости, социального равенства и доверия, права как высшего регулятора общественных отношений, если таковые не выступают для социума нормативными и разделяемыми всем обществом. В этой связи современная российская семья может рассматриваться как площадка воспроизводства всей гаммы негативных явлений и процессов, отражающих несправедливый характер социального неравенства, в котором бедным семьям в условиях отсутствия равенства прав и шансов на успешную жизненную самореализацию ничего не остается, как воспроизводить бедность с соответствующими коннотациями в образе мыслей и жизни молодежи, не имеющей жизненных перспектив и, как результат, желания формировать позитивные жизненные проекты и образ своего будущего [4]. Ограниченная кризисными факторами функционирования системы социальной мобильности большая часть российской молодежи, адаптирующейся в ситуации стагнации экономического кризиса, становится источником консервации сложившейся системы социального неравенства и воспроизводит исторически сложившуюся матрицу поведения, в которой доминируют практики неформального типа, установки на выживание, неверие в социальную справедливость и в собственную значимость как субъекта общественных отношений и их изменения. Таким образом, социальное неравенство, выражающееся в современной России в ограничении для значительной части населения перспектив в реализации основных жизненных потребностей в сфере образования, труда, профессиональной, семейной, материальной самореализации, становится источником роста социальной напряженности, снижения социальной активности, ухода в микромиры и формирования траектории жизненных стратегий по типу «выживания». На этом фоне происходит снижение социального здоровья общества, жизненного тонуса молодежи, ее ценностная депривация и девиация, ухудшение социального самочувствия [2]. Одним словом, «запас прочности» российского общества, как пишут социологи, находится под серьезной угрозой, и немаловажную роль здесь играет нерешенность проблемы социального неравенства и бедности [1, с. 281]. Итак, в условиях несправедливой системы социального неравенства, сформировавшейся в России, и отсутствия механизмов ее изменения, вся институциональная система общества «работает» на воспроизводство этой системы, и институт семьи – не исключение.

Литература:

1. *Бедность и бедные в современной России / Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2014. 304 с.*
2. *Гафиатулина Н.Х., Самыгин С.И. Социальное здоровье студенческой молодежи в условиях кризиса социальной справедливости: вызовы и угрозы безопасности России // Инженерный вестник Дона. 2016. Т. 40. № 1 (40) [Электронный ресурс]. URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n1y2016 3524*

3. *Горшков М.К. Общественные неравенства как объект социологического анализа // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 20-31.*
4. *Чуева Н. А. Возрастная динамика жизненного проектирования // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 2. с. 284-293 [Электронный ресурс]. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/vozrastnaya-dinamika-zhiznennogo-proektirovaniya#ixzz3wiJJtCIt.*

Волкова Мария Владимировна,
МГУ им. Н.П. Огарева , Саранск, Россия

Обеспечение инклюзивной среды в Российской Федерации

Социальная справедливость считается мерой равенства жизни общества и всех его членов. Инклюзивная социальная среда - это среда, обеспечивающая равные возможности жизни, передвижения, доступности услуг и образования для всех людей. Таким образом, создание инклюзивной среды является одной из форм обеспечения социальной справедливости для маломобильных граждан, в том числе инвалидов. Необходимо отметить, что на законодательном уровне проблема обеспечения доступности социальной среды для инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья была поднята сравнительно недавно. В Указе Президента РФ от 2 октября 1992 г. № 1156 «О мерах по формированию доступной для инвалидов среды жизнедеятельности» и в Постановлении Правительства РФ от 25 марта 1993 г. № 245 с идентичным названием, ФЗ от 24 ноября 1995 года № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в РФ» было впервые упомянуто понятие «доступная среда», а так же ряд гарантий в отношении инвалидов, позволяющих обеспечить доступность социальной среды (доступность информационной среды, социальной инфраструктуры и проч.). Однако, масштабные изменения в области обеспечения доступности среды на практике стали происходить лишь в 2000-х гг., с принятием федеральной программы, а также одноименных региональных и муниципальных программ «Доступная среда» [1]. Изменения по обеспечению доступности социальной среды и санкции в случае несоблюдения норм были включены в Кодекс РФ об административных правонарушениях, Градостроительный Кодекс РФ, принят Свод правил СП 59.13330.2012 «СНиП 35-01-2001 и многие другие нормативно-правовые акты [3]. Вопреки сложившемуся в современном обществе мнению доступная/инклюзивная среда это не только установка пандусов, лифтов, кнопок вызова персонала аптек и магазинов. Это адаптивная среда, способная помогать любому человеку безопасно передвигаться по городу. Инклюзивная среда должна создаваться и учитывать потребности не только людей с ограниченными возможностями здоровья, но и детей, пожилых людей, беременных женщин, родителей с детьми и колясками [4]. Одновременно с этим доступная среда не должна создавать неудобства другим членам общества, а создание всех

приспособлений для неё должно быть оправданным и обеспечивать равные для всех условия [3]. Ещё одним из важнейших компонентов инклюзивной среды является расширение доступа к образованию, создание эффективного преподавания и обучения людей с ограниченными возможностями, вне зависимости от особенностей и потребностей обучающегося. В зависимости от вида подхода к обучению инклюзивное образование порождает ряд положительных явлений. Это положительно влияющая на детей социализация в коллективе детей со своими особенностями; учет разного уровня потребностей и нужд детей в зависимости от степени ограничений жизнедеятельности для создания доступной среды и поддерживающих услуг при организации целевого финансирования; совместная социализация здоровых детей и детей с ограниченными возможностями при принятии различных мер должны повысить солидарность и толерантность обычных детей и всего общества в целом по отношению к детям с ограниченными возможностями [2]. В настоящее время действует государственная программа РФ «Доступная среда» на 2011-2020 годы, целью которой являлось создание безбарьерной среды до 2016 года и её совершенствование в дальнейшем. 1 января 2016 года вступил в силу принятый в связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов ФЗ от 1 декабря 2014 года №419-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов в связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов», что повлекло внесение изменений в 25 законодательных актов, регулирующих отношения в приоритетных сферах жизнедеятельности. Работа по обеспечению доступной среды в РФ ведется по различным направлениям. Это разработка стандартов социального обслуживания, разработка стандартов помещений, транспорта, парковок, лестниц, пандусов для инвалидов и маломобильных категорий населения. Ведется работа по разработке программ образования для людей с ограниченными возможностями здоровья и обеспечения их занятости, включая предоставление услуг по социальному сопровождению. Сейчас результатами можно назвать введение ФГОС начального общего образования обучающихся с ОВЗ, адаптивных образовательных программ и разработка и включение в федеральный перечень учебников для детей с ОВЗ до 10 класса [5]. То, что создание инклюзивной среды привлекло внимание государства и общества на данный момент можно считать прогрессом в обеспечении социальной справедливости в отношении лиц с ограниченными возможностями и маломобильных людей.

Литература:

1. *Постановление Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2015 года N 1297Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Доступная среда" на 2011-2020 годы (с изменениями на 9 ноября 2017 года) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации «Консорциум Кодекс» – Электрон. текст. данные.*
2. *Формирование доступной среды — перспективное программно-целевое направление социальной защиты инвалидов в РМ / Кудаева Е. Г. Савинов Л. И., Свитин П. А., Соловьева Т. В. // Социальная работа с различными группами населения : теоретические и прикладные аспекты : материалы II Международной заочн. науч.-практ. конф. (Саранск, 21 ноября 2011 г.). - Саранск: Афанасьев В.С., 2011.- С. 189-192.*

3. *Министерство социальных отношений Челябинской области «Иллюстрированное справочное пособие «Основы формирования доступной среды для инвалидов». – 2014/*
4. *Руководство центров государственных услуг "Мои Документы" г. Москвы "Доступность среды для людей с инвалидностью и маломобильных групп населения" - // Портал госуслуг «Мои документы» – Электрон. текст. данные. – С 5-9.*
5. *Инвалиды. Безбарьерная среда: некоторые важные результаты и показатели 2016 года [электронный ресурс] // URL: http://m.government.ru/info/27282/ - официальный сайт Правительства РФ (дата обращения 11.01.2018 г.).*

Волкова Людмила Павловна,
ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», Тюмень, Россия
Любимова Елена Анатольевна
ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», Тюмень, Россия

Распределение домашнего труда: конфессиональный аспект

Тема распределения домашнего труда достаточно изучена. Однако отличие распределения домашнего труда в семье религиозной и светской не рассматривалось. Содержание дефиниции «домашний труд» стало предметом различных теоретических подходов. А.А. Клецин отмечает, что первоначально изучением домашнего труда интересовался марксизм [4]. В этом направлении домашний труд рассматривался как деятельность для поддержания в рабочем состоянии способности к труду работающих членов семьи, обеспечении процесса потребления благ, созданных наемным трудом. С позиции теории ресурсов для выполнения домашнего труда в основном не нужны ресурсы, связанные с особыми физическими, психологическими или квалификационными характеристиками исполнителя, а требуется наличие свободного времени для многих видов работ. В «новой домашней экономике» Г. Беккера семья выступает как производственная единица, создающая семейный капитал, ресурсами которого являются приобретаемые на рынке товары и услуги и время членов семьи. Ценность времени исчисляется альтернативными издержками, измеряющимися возможной ценой на выполнение домашних работ наемными рабочими. Домашний труд в этом подходе определяется как деятельность, преобразующая различные ресурсы в потребительские блага, необходимые для каждого члена семьи. Теория относительной производительности утверждает, что домашний труд выполняется членом семьи, чья производительность на рынке труда меньше (производительность измеряется величиной зарплаты и должностью, больше значит лучше). По мнению С.Ю. Барсуковой, домашний труд направлен на создание товаров и услуг исключительно для внутреннего потребления членов семьи, а не для рыночного обмена. Понятие домашняя работа включает такие виды трудовой деятельности: физическое воспроизводство членов домохозяйства, воспроизводство семьи в новом поколении и производственную составляющую домашнего труда [1]. Домашняя работа может структурироваться на категории: «поддержание» (ремонт, стирка,

уборка и др.) и «созидание» (трансформация продуктов и услуг, приобретаемых согласно запросам семьи). Домашний труд и досуг различается по следующему принципу: домашняя деятельность – труд, который может замещаться рыночным аналогом, а если нельзя, то это досуг. Уход за детьми относится к категории «труд», а занятия с детьми – «досуг», но у этого всего есть замены [1]. Домашний труд в интерпретации В.В. Радаева определяется как «труд по натуральному самообеспечению в городском домашнем хозяйстве, связанный с производством услуг, изготовлением продуктов питания и вещей в масштабах для нужд личного и семейного потребления» [6, с. 331]. Домашнее хозяйство - сфера занятости, где домочадцы обеспечивают личные потребности собственным трудом в виде натуральных продуктов и услуг, изначально не переводимых в денежную форму. Автор предлагает отличать домашний труд от досуга по критерию жизнеобеспечения: люди выбирают, как квалифицировать эти занятия, использовать их для нужд домохозяйства [5]. Далее рассмотрим некоторые характеристики религиозных семей. Н.В. Власихина выделяет понятие «религиозная семья» с двух позиций. Первая основана на понятии семьи как малой группы. Вторая – на понятии «религиозность». Религиозная семья – это основанная на браке или кровном родстве малая группа, в которой внутри- и межгрупповое взаимодействие опосредовано элементами той религии, к которой она принадлежит [3, с. 43]. Автор также выделяет основные характеристики протестантских семей [2, с. 299]: протестанты более готовы в равной степени брать на себя решение хозяйственно-бытовых проблем, а в светских (нерелигиозных) семьях женщины имеют больше ответственности в этой сфере. Мужчины-протестанты демонстрируют более патриархальные взгляды на социальную реализацию жен вне семьи, чем в светских. В эмоционально-терапевтической сфере протестанты - мужья и жены - активно занимают позицию эмоционального лидера, более инициативны в обеспечении семейной благоприятной атмосферы, чем в светских союзах. В протестантских союзах женщины чаще инициируют созидание общности интересов, совместных мероприятий, в сравнение с мужчинами. Таким образом, можно отметить, что в религиозных семьях ее члены более удовлетворены семейной жизнью, менее подвержены эмоциональному стрессу; родители реже наказывают своих детей (православные семьи; матери в исламских семьях) или, наоборот, проявляют повышенную жесткость (отцы в исламских семьях); религиозность повышает субъективное благополучие, оптимизирует социальное взаимодействие в семье; повышение религиозности в семье влияет на снижение количества разводов [3 с. 46]. Таким образом, изучение домашнего труда представляется актуальным, так как позволит понять, действительно ли принадлежность к определенной конфессии или ее отсутствие сказывается на выполнении домашних обязанностей в семье. Также позволит эмпирически проверить, долю конфликтов в религиозных семьях по поводу выполнения домашних обязанностей и добровольность их реализации в светских семьях.

Литература:

1. *Барсукова С.Ю. Сущность и функции домашней экономики, способы измерения домашнего труда. // Экономическая социология. 2003. № 12. С. 21-31.*
2. *Власихина Н.В. Особенности супружеских отношений в российских протестантских семьях. В сб.: Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей: векторы развития современной психологической науки материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С. 295-300.*
3. *Власихина Н.В. Семейные отношения в религиозных семьях: Современные исследования // Вектор науки ТГУ. 2017. №1 (39). С. 43-47.*
4. *Клецин А.А. Распределение домашних обязанностей между супругами: факты, проблемы, интерпретации. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Том VI. №2. С. 120-136.*
5. *Радаев В.В. Человек в домашнем хозяйстве. // Социологические исследования. 1997. №4. С. 64-72.*
6. *Радаев В.В. Экономическая социология. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ. 2005. С. 330-348.*

Гайфуллин Андрей Юрьевич,
Башкирский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН , Уфа, Россия

Дискриминация молодежи на рынке труда: социологический анализ

Одним из направлений изучения социальной справедливости является исследование особенностей положения на рынке труда разных социально-демографических групп. Особое внимание при исследовании рынка труда уделяется, прежде всего, молодежи [1; 2]. Актуальность изучения положения молодежи на рынке труда объясняется тем, что с одной стороны данная социально-демографическая группа традиционно считается наиболее активной, с другой стороны, молодежи сталкивается с определенными видами дискриминации на рынке труда, что вызывает социальную несправедливость. Для изучения положения молодежи в современных социально-экономических условиях в 2017 году было проведено социологическое исследование проблем молодежи Республики Башкортостан в возрасте от 14 до 30 лет. В рамках исследования рассматривались также вопросы дискриминации молодежи на рынке труда. Для того чтобы выяснить ощущают ли сами представители молодого поколения негативное отношение со стороны работодателей, был задан вопрос: «По Вашему мнению, подвергается ли молодежь дискриминации при приеме на работу?». Ответы распределились следующим образом: 44,4% респондентов отметили существование дискриминации молодежи в сфере трудоустройства, 13,7% считают, что дискриминация молодежи отсутствует, а 41,9% - затруднились с ответом. Таким образом, значительная часть молодых людей, либо сталкивалась, либо слышала о проблемах дискриминации молодежи в сфере трудоустройства. Данный факт может иметь серьезные последствия для будущего социально-экономического развития страны [3; 4; 5]. Молодежь является наиболее мобильной группой общества и в условиях отсутствия достойной работы готова достаточно легко сменить место жительства, ввиду

слабого влияния таких факторов, привязывающих к определенной территории как собственность, или семья [6; 7]. Решение проблемы требует анализа причин и факторов дискриминации молодежи в сфере занятости и трудоустройства. Ответы респондентов указывают на то, что молодежь ощущает свою незащищенность, даже имея работу. Дискриминация имеет место в распределении вознаграждения за сделанную работу – отметили 28% опрошенных. Хотя, стоит учитывать, что во многих случаях более низкие заработки молодых специалистов объясняются, в первую очередь, их более низкой квалификацией [8; 9]. К проблемам и потребностям молодежи не прислушиваются, поскольку молодые работники имеют меньше веса в организациях, а, следовательно, меньше прав, и возможностей отстаивать свои интересы (24%). Отсюда вытекают и более тяжелые условия труда (6,9%). Наибольшую тревогу, однако, вызывают ограничения, связанные с опытом работы, накладываемые требованиями, предъявляемыми работодателями при приеме на работу. Хотя эта проблема, озвученная в вопросе вариантом «молодых последними принимают и первыми увольняют» находится на третьем месте по частоте упоминаний (16,4%), последствия ее существования представляется наиболее опасными. Отдавая предпочтение работникам с опытом работы, работодатели реализуют стратегию минимизации рисков, избавляя себя от издержек связанных с обучением новых сотрудников [10; 11]. Результатом подобной недальновидной политики получения сиюминутных выгод, от снижения издержек может в перспективе стать кризис воспроизводства трудовых ресурсов, потому, что молодежь уже сейчас составляет основу миграционного оттока из страны [12]. Таким образом, в современных условиях социальная несправедливость в отношении молодежи отчетливо проявляется на рынке труда. Осознание неустойчивости, уязвимости собственной социальной позиции на рынке труда выражается в существовании у молодых людей специфических ожиданий в виде комплекса социальных страхов, связанных с возможностью остаться без работы. Роль этих страхов достаточно сложно оценить [13]. В странах со стабильной, динамично развивающейся экономикой угроза безработицы является естественным проявлением конкуренции и служит дополнительной мотивацией для профессионального самосовершенствования работников [14]. Россия относительно недавно встала на рельсы устойчивого экономического развития и поэтому институциональная структура экономики еще не может похвастать прозрачностью и понятностью правил на рынке труда, отсутствием дискриминации на рынке труда к различным социально-демографическим группам [15]. Значимость конкуренции как механизма ротации кадров на данном этапе вызывает некоторые сомнения, учитывая распространенность неформальных (личных, родственных) каналов трудоустройства. Таким образом, прозрачность и понятность института рынка труда может являться дополнительным конкурентным преимуществом региона, позволяя привлечь молодежь, рассчитывающей на свою профессиональную компетенцию больше, чем на родственные связи.

Литература:

1. *Martynova S.E., Dmitriev Y.G., Gajfullina M.M., and Totskaya Y.A. "Service" municipal administration as part of the development of youth entrepreneurship in Russia", Social Indicators Research, pp. 1-14, 2016.*
2. *Гайфуллин А.Ю. Профессиональные предпочтения молодежи на региональном рынке труда / Проблемы функционирования и развития территориальных социально-экономических систем: Материалы VII Всероссийской научно-практической internet-конференции. – Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2013. С. 217-220.*
3. *Гайфуллин А.Ю., Гайфуллина М.М. Методический подход к оценке социальной безопасности региона // Фундаментальные исследования. 2015. № 12-5. С. 1001-1006.*
4. *Гайфуллин А.Ю. Методический подход к оценке социальной устойчивости территориальных образований // Известия Уфимского научного центра РАН. 2016. № 1. С. 104-109.*
5. *Гайфуллина М.М. Оценка факторов, влияющих на устойчивое развитие территориального образования // Известия Уфимского научного центра РАН. 2016. № 2. С. 114-120.*
6. *Гайфуллин А.Ю., Рамазанова Р.Р. Формирование у современной студенческой молодежи ценностно-мотивационных ориентаций и установок на вступление в брак // Вестник ВЭГУ. 2012. №6 (62). С. 20-24.*
7. *Гайфуллин А.Ю. Ценностные ориентации современной молодежи: социологический анализ // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2018. №2. С. 30-33.*
8. *Гайфуллин А.Ю. Интеллектуально-профессиональный потенциал современной молодежи / Инновационные технологии в формировании молодежного потенциала современного общества: материалы Всероссийской научно-практической конференции, в 2 частях. – Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН*
9. *Гайфуллина М.М. Интегральный подход к оценке кадрового потенциала предприятия // Вестник ВЭГУ. 2015. № 4 (78). С. 22-33.*
10. *Маков В.М. Управление кадровым потенциалом предприятий топливно-энергетического комплекса / Современные технологии в нефтегазовом деле – 2016: сб. трудов международной научно-технической конференции, посвященной 60-летию филиала в 2 т. / отв. ред. В.Ш.*
11. *Хамитова Э.Ф., Гайфуллина М.М. Оценка конкурентоспособности молодых специалистов нефтяных компаний // Нефтегазовое дело. 2014. №12-1. С. 190-195.*
12. *Гайфуллин А.Ю., Куценко С.О. Ценностные ориентации и потенциал социального роста молодежи российского региона в современных условиях // Вестник ВЭГУ. – 2016.– №5 (85). – С. 24-31.*
13. *Гайфуллин А.Ю., Рыбалко Н.В. Социальная активность молодежи: оценка и пути повышения // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16. № 4. С. 1392-1396.*
14. *Гайфуллин А.Ю., Рыбалко Н.В. Диагностика развития политической активности молодежи // Вестник ВЭГУ. 2011. № 6. С. 12-18.*
15. *Галлямов Р.Р., Гайфуллин А.Ю. Женское предпринимательство как фактор социально-экономического развития российского региона: социологический анализ // Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России: материалы VII Всер*

Гайфуллина Марина Михайловна,

ФГБОУ ВО "Уфимский государственный нефтяной технический университет", Уфа, Россия

Дискриминации в сфере трудовых отношений как проявление социального неравенства в обществе

Проблема дискриминации в сфере трудовых отношений остается одной из наиболее актуальных на рынке труда, характеризуя в определенном виде социальное неравенство в обществе. Дискриминация в сфере трудовых отношений означает иное и менее благоприятное обращение с людьми из-за

присущих им характеристик, не имеющих отношения к их заслугам или требованиям к данной работе []1. К числу таких характеристик относятся: принадлежность людей к той иной расе, пол, возраст, исповедуемая религия, политические взгляды, национальная принадлежность, социальное происхождение и т.п. Основными формами проявления дискриминации в сфере трудовых отношений являются следующие. 1. Дискриминация в заработной плате. Зачастую наблюдаются ситуации, когда сотрудники компании, проработавшие в организации одинаковое время и имеющие идентичную квалификацию, имеют различный уровень заработной платы [1]. Такие случаи встречаются не только в рамках отрасли, но даже в рамках одной компании. 2. Дискриминация при приеме на работу и увольнении с работы. Проявляется данный вид дискриминации в предъявлении к сотрудникам требований, прямо не характеризующих эффективность и результативность их труда (пол, возраст, религия, место проживания, национальность). Также работники, обладающие вышеописанными дискриминационными признаками, в случае необходимости сокращения, раньше и чаще остальных лишаются рабочего места. Рассмотрим наиболее распространенные, хотя и зачастую скрытые требования, предъявляемые работодателями к потенциальным сотрудникам. Половая принадлежность. Повсеместно можно наблюдать стереотипы, что мужчины более пригодными не только для работы, требующей немалых физических усилий, но и для получения значимых должностей и занятия руководящих постов, в целом [3]. Расовая принадлежность. Дискриминация такого вида обусловлена неприязнью людей к цвету кожи, отличному от собственного, стереотипами о негативных человеческих качествах и, в большинстве случаев, наличии криминальных наклонностей у представителей иной расы. Дискриминация по возрастному признаку. Предусматривает необъективную оценку профессиональных качеств потенциального работника, связанную с его возрастом. Причем дискриминации одновременно подвержены представители, как старшей возрастной группы (от 40-45 лет), так и молодые специалисты (20-29 лет) [4; 5]. Так старшая возрастная группа подвергается дискриминации, связанной с падающей производительностью труда, приближением пенсионного возраста, а молодые специалисты «страдают» от недостатка опыта и практики в реальных условиях [6; 7]. Дискриминация по детородному возрасту/наличию маленьких детей. Такому виду дискриминации в большинстве своем подвержены женщины. Детородный возраст, в понимании работодателя, предполагает скорый выход сотрудницы в декрет, а значит, необходимость оплаты работы того, кто по факту отсутствует на рабочем месте. Женщины, имеющие маленьких детей, также вынуждены часто брать отгулы, больничные, что может негативно сказаться на ее производительности труда. Все перечисленные виды дискриминации при приеме на работу довольно распространены в России. Эта проблема идет не только от необъективного отношения работодателей к потенциальным сотрудникам, ее причина гораздо глубже: в сознании самих людей и предвзятом отношении к так называемым меньшинствам, обладающим

одним или несколькими вышеперечисленными признаками. 3. Дискриминация при продвижении по службе. Так сотрудникам, обладающим «нежелательными» качествами, гораздо сложнее построить успешную карьеру, продвинуться по служебной лестнице, занять руководящее положение. 4. Профессиональная сегрегация, проявляется в устойчивом разделении профессий и должностей между разными группами работников. Так, существуют традиционные мужские и женские профессии [8]. 5. Дискриминация в образовании и профессиональной подготовке [9; 10]. В Российской Федерации законодательно закреплено право человека на получение образования. Так получение престижной работы, возможность продвижения по службе в большей степени зависит от наличия у работника высшего образования, которое зачастую требует значительных финансовых затрат. Поэтому, можно говорить о фактической недоступности получения высшего образования для человека, не имеющего достаточного количества денежных средств [11]. Выявление и искоренение дискриминации в сфере трудовых отношений в России невозможно без активной государственной регулирующей политики в данной сфере. В числе приоритетных составляющих государственной политики в данной сфере должно быть следующее: - совершенствование законодательной базы, гарантирующей недопущение отказа в приеме на работу по любому из дискриминирующих признаков, в целях обеспечения социальной безопасности и социальной устойчивости территориальных образований [12; 13]; - совершенствование целевых программ сотрудничества вузов и компаний России, обеспечивающих максимально полное трудоустройство молодых специалистов [14]; - создание государством благоприятных условий для получения качественного образования по профессиям, отвечающим современным требованиям рынка труда [15]; - ликвидация правовой безграмотности граждан по вопросам дискриминации в сфере трудовых отношений. Реализация перечисленных мероприятий позволит в значительной степени сократить масштабы дискриминации в сфере трудовых отношений и повысить социальную справедливость в обществе.

Литература:

1. *Гайфуллина М.М. Оценка факторов, влияющих на устойчивое развитие территориального образования // Известия Уфимского научного центра РАН. 2016. № 2. С. 114-120.*
2. *Маков В.М. Управление кадровым потенциалом предприятий топливно-энергетического комплекса / Современные технологии в нефтегазовом деле – 2016: сб. трудов международной научно-технической конференции, посвященной 60-летию филиала. – Уфа: Издательство УГНТУ, 2016. – 460 с. С. 162-165.*
3. *Галлямов Р.Р., Гайфуллин А.Ю. Женское предпринимательство как фактор социально-экономического развития российского региона: социологический анализ // Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с Международным участием в 2-х частях. – Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2015. – С. 44-46.*
4. *Хамитова Э.Ф., Гайфуллина М.М. Оценка конкурентоспособности молодых специалистов нефтяных компаний // Нефтегазовое дело. 2014. №12-1. С. 190-195.*
5. *Гайфуллин А.Ю., Куценко С.О. Ценностные ориентации и потенциал социального роста молодежи российского региона в современных условиях // Вестник ВЭГУ. – 2016.– №5 (85). – С. 24-31.*

6. *Маков В.М. Оценка рисков при найме персонала нефтегазового предприятия // Вестник экономики и менеджмента. 2016. № 4 (5). С. 24-30.*
7. *Гайфуллина М.М., Маков В.М. Оценка рисков при найме персонала (на примере предприятий нефтегазового профиля) // Экономика и менеджмент систем управления. 2017. Т. 24. № 2.1. С. 121-127.*
8. *Martynova S.E., Dmitriev Y.G., Gajfullina M.M., and Totskaya Y.A. "Service" municipal administration as part of the development of youth entrepreneurship in Russia", Social Indicators Research, pp. 1-14, 2016.*
9. *Маков В.М. Повышение квалификации персонала нефтегазового предприятия как инструмент развития организации / В кн. Нефтегазопереработка-2015: Международная научно-практическая конференция (Уфа, 22 мая 2015 г.): Материалы конференции. - Уфа: Изд-во ГУП ИНХП РБ, 2015. С. 7-8*
10. *Гайфуллин А.Ю. Интеллектуально-профессиональный потенциал современной молодежи / Инновационные технологии в формировании молодежного потенциала современного общества: материалы Всероссийской научно-практической конференции, в 2 частях. – Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН*
11. *Гайфуллин А.Ю. Профессиональные предпочтения молодежи на региональном рынке труда / Проблемы функционирования и развития территориальных социально-экономических систем: Материалы VII Всероссийской научно-практической internet-конференции. – Уфа: ИСЭИ УНЦ*
12. *Гайфуллин А.Ю., Гайфуллина М.М. Методический подход к оценке социальной безопасности региона // Фундаментальные исследования. 2015. № 12-5. С. 1001-1006.*
13. *Гайфуллин А.Ю. Методический подход к оценке социальной устойчивости территориальных образований // Известия Уфимского научного центра РАН. 2016. № 1. С. 104-109.*
14. *Маков В.М. Управление кадровым потенциалом предприятий топливно-энергетического комплекса / Современные технологии в нефтегазовом деле – 2016: сб. трудов международной научно-технической конференции, посвященной 60-летию филиала в 2 т. / отв. ред. В.Ш. Му*
15. *Гайфуллина М.М. Интегральный подход к оценке кадрового потенциала предприятия // Вестник ВЭГУ. 2015. № 4 (78). С. 22-33.*

Гемеджи Евгения Марленовна,
РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Пособие на детей как форма социальной справедливости

Справедливость — понятие о должном, содержащее в себе требование соответствия деяния и воздаяния: в частности, соответствия прав и обязанностей, труда и вознаграждения, заслуг и их признания, преступления и наказания, соответствия роли различных социальных слоёв, групп и индивидов в жизни общества и их социального положения в нём. [1] По мнению Григорьевой Н. С., с справедливость относится к числу тех феноменов, в которых в сжатом виде отражаются экономические, политические, правовые, нравственные условия жизни и развития общества. [2] Исходя из этих позиций автор данной статьи берётся проанализировать недавние изменения в области государственной социальной политики в отношении семьи. В последний месяц большинство СМИ активно тиражировали новость об увеличении и создании новых выплат на беременность, роды, а так же, ежемесячное пособие для семей с детьми, родившимися с первого января 2018 года. Последнее из перечисленного, по мнению автора работы, является весьма интересным примером для анализа в

качестве формы проявления социальной справедливости. Согласно федеральному закону №418 “о ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей” от 28.12.2017г. вступившему в силу с 1.01.2018г. Российским семьям при рождении первого ребёнка с 1 января 2018 года выплачивается ежемесячное пособие в размере установленного в регионе прожиточного минимума для детей, что в среднем по России на 2018 год составляет порядка 10500 рублей.[3] Данное пособие выплачивается семье до достижения ребёнком полутора лет и при условии, что среднедушевой доход семьи не превышает полутора кратную величину прожиточного минимума в данном регионе Российской Федерации. При оценке данного факта в качестве формы проявления социальной справедливости возникает некоторая амбивалентность и заключается она в следующем. С одой стороны, данное пособие является обеспечением достаточных средств к существованию, хорошей материальной поддержкой для семей с детьми. Особенно в нынешних экономических и социальных условиях. В некоторой степени это даже своего рода гарантия обеспечения должного уровня жизни. Так же, исключается возможность использования данного пособия недобросовестными гражданами в качестве способа обогащения, так как пособие лишь действительно нуждающимся семьям: тем, чей доход на протяжении последних 12 месяцев не превысил 1,5 прожиточных минимума в месяц. Однако с другой стороны данный вид государственной материальной поддержки доступен лишь тем семьям, чьи дети рождены с 1 января 2018 года. А, например, те семьи, чьи дети рождены в 2017 году и так же еще не достигли полутора летнего возраста, на данное пособие претендовать не могут. Следовательно, такие семьи вынуждены, что называется, «выкручиваться» самостоятельно, либо выживать на более низком уровне и в более сложных материальных условиях. Таким образом, данная ситуация выступает ярким примером проявления субъективного характера такого явления, как социальная справедливость.

Литература:

1. *Данильян, О. Г. Современный словарь по общественным наукам. М.: Эксмо, 2005 г.*
2. *Григорьева, Н. С. Социальная справедливость: эволюция понятия и практики // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2008. № 6 (1).*
3. *[Электронный ресурс] posobie-expert.ru. Режим доступа: http://posobie-expert.ru/ezhemesyanye-posobiya/na-1-rebenka/*

Гран Индижат Набиевна,

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Демографические процессы и семейные ценности в современном Дагестане

В данном докладе будут рассмотрены демографические процессы республики Дагестан через призму института семьи как «ячейки общества».

Существует ряд теоретических подходов к изучению семьи: фамилизм, символический интеракционизм, функционализм, системный подход, биоэкологический и феминистический подходы[2]. По мнению автора, если учитывать особенности социокультурного развития республики Дагестан, то наиболее приемлемым в изучении ее демографических процессов является фамилистический подход. Известно, что в силу религиозно-этнических аспектов наиболее естественным базисом развития данной социальной общности является патриархальность, традиционализм. Фамилизм – это подход к изучению института семьи, в рамках которого определяющим при изучении семьи выступает аксиологический фактор. При этом выделяют ценности: детоцентричность (часто проявляющаяся в многодетности), патриархальность, традиционализм, консерватизм, и т.д.[3] Мнение о ценности фамилизма может оспариваться приверженцами постмодернистских теорий. Фамилизм рассматривает изменения в институте семьи за XX в. как вызывающее серьезные опасения отмирание, деградацию семьи. Мы можем заметить тенденцию последних исследований в психологии явлений, когда конфликты, возникающие в семье по причине вышеуказанных «прогрессивных» процессов, на длительное время травмируют психику индивидов. Становится очевидным и вырождение обществ (большое количество разводов, чрезмерно низкая рождаемость) с развитыми «прогрессивными» тенденциями в семье. На фоне развитых европейских стран с данными трендами видно уже и чисто «биологическое» преимущество традиционных обществ, где численность населения растет и начинает «перекрывать» стареющие западные общества. Итак, приведем демографические особенности развития республики Дагестан, значимые для характеристики института семьи в рамках фамилистского подхода. Удельный вес населения моложе трудоспособного возраста увеличивается. Это свидетельствует о тенденции увеличения темпов воспроизводства населения, что в рамках нашего подхода должен быть истолкован положительно. Начиная с 60-х годов темп роста населения снижался [4] на фоне роста благосостояния населения. Такая тенденция может быть объяснена через постепенный отход населения от традиций многодетной семьи. Однако в 2007 г. вместе с введением государством стимулирующих мер он снова стал увеличиваться. Несмотря на снижение показателей рождаемости, в Дагестане ее уровень гораздо выше среднероссийского при более низком уровне жизни населения. Это объясняется более сильными семейнымитрадициями в северокавказских республиках и связано с тем, что более 90% населения – мусульмане-сунниты. Но в последние годы наблюдается снижение количества браков на 1000 человек (с 8,1 в 2010 г. до 5,8 в 2016 г.)[5]. Такой спад объясняется сдвигами в мировоззрении дагестанской молодежи. По мнению автора, динамика миграционных процессов также свидетельствует об изменениях в мировоззрении дагестанцев. Так, в 2000-е превалировала внутрирегиональная миграция из горных районов в равнинные. В следующем десятилетии миграция стала ужемежрегиональной, т. е. в поисках лучших условий жизни люди стали вообще выезжать из родной республики[6]. Опыт

с середины XIX в. до наших дней показывает, что отток людей из своих горных общин (или аналогично из родной деревни) в город на заработки зачастую ведет к отрыву от родной семьи, общины и, как следствие, – к отрыву от традиционных патриархальных ценностей. Известно, что обстановка города располагает к развлечениям, множественным и в то же время слабым социальным связям, город дает свободу от физического труда и незаполненное время после рабочего дня. Чем дальше индивид находится от своей семьи, тем больше он подвержен влиянию «ценностей», противоположных тем традиционным моральным нормам, которые были заложены в него в процессе ранней социализации. Уязвимость личности перед деструктивным влиянием новой для нее социальной среды усиливается трудностями к ее адаптации к новым условиям, частым фактическим отчуждением от нового окружения, маргинализацией индивида. Важным здесь становится и фактор множественности и неустойчивости большинства социальных связей у жителя города. Известно, что в традиционном обществе «человека воспитывает община» – сообщество хорошо знакомых семей, которые живут в одной деревне всю или почти всю жизнь. В таком сообществе, в отличие от города, в индивиде видят в первую очередь представителя своей семьи, и моральная оценка его поведения переносится на репутацию его родных, прежде всего главы семейства. Кроме того, сельский образ жизни требует сплоченного коллективного труда семьи (а иногда и сразу нескольких семей), что нельзя сказать о городе. В свою очередь, часто именно совместный физический труд способствует укреплению внутрисемейных связей и создает необходимость заводить больше детей, заботясь о качестве воспитания будущих работников. Таким образом, если сравнивать с остальными российскими регионами, то в Дагестане более сильны традиционные семейные ценности. Однако население республики подвержено изменениям в видении семьи, о чем говорят статистика заключаемых браков, колебания в рождаемости и миграционные потоки в другие регионы РФ.

Литература:

1. *Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. – СПб. : ТОО ТК Петрополис, 1998.*
2. *Абдулманапов П. Г. Демографические основы формирования трудовых ресурсов в республике Дагестан // Региональные проблемы преобразования экономики. 2009. №4. С. 73*
3. *Абдулманапов П. Г. Трансформация демографических процессов в Республике Дагестан под влиянием демографической политики // Управление экономическими системами. 2015. № 2 (74). С.42*
4. *Абдулманапов П. Г. Трансформация демографических процессов в Республике Дагестан под влиянием демографической политики // Управление экономическими системами. 2015. № 2 (74). С.42*
5. *Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Дагестан (URL: http://dagstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/dagstat/ru/statistics/population*
6. *Абидов М. Х., Абдулманапов П. Г. Современная миграционная картина республики Дагестан //Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2. С. 46 – 53*

Грицких Надежда Викторовна,
ИГУ, Иркутск, Россия

Влияние агломерационных процессов на демографическую ситуацию городов Сибири

В России последние десятилетия все больше усиливается тенденция сближение (сращивания) крупных промышленных городов, и речь уже не идет о поглощение небольших провинциальных территорий или усилении урбанизационных процессов, все чаще говорится об агломерационных мероприятиях в городах различной направленности. Наиболее рельефно изучить данное явление можно в городах Иркутской агломерации, в состав которой входят региональный культурный исторический центр г. Иркутск и промышленные города Ангарск и Шелехов. Данное обстоятельство представляется одним из ключевых факторов, который позволяет сократить отток населения Иркутской области в западную часть страны и повысить инвестиционную привлекательность региона. Однако выявлены и прослеживаются существенные изменения социально-демографической ситуации в муниципальных образованиях Иркутской агломерации, что как следствие трансформирует систему кадровой координации и профессиональной направленности жителей представленных городов. Активные группы занятого населения адаптируются к агломерационным процессам посредством сочетания различных механизмов: перепрофилирование, социальное экспериментирование. Народонаселенческий аспект развития Иркутской агломерации возможен в двух сценариях. Первый и самый пессимистический сценарий рисует иную Сибирь, населённую более энергичными и многочисленными народами, к помощи которых в конце концов придётся прибегнуть, чтобы решить проблему освоения природных ресурсов Восточной Сибири. Однако иностранные народы принесут на территорию свои нормы жизни и поведения, и в конце концов это приведёт к частичной или полной утрате суверенитета на территории. Второй сценарий говорит о том, что депопуляция в стране неизбежна. Поэтому России в целом и Сибири в частности нужно учиться жить в соответствии с традициями как минимум полувекового демографического сжатия. Бессмысленно пытаться удержать всё пространство, придётся чем-то жертвовать ради сохранения целого. Удержаться в Сибири можно агломерацией, данный сценарий не гарантирует головокружительного успеха, но даёт шанс, в том числе и политическим элитам, на долголетие. Социологические исследования доказывают, что в числе главных детерминант демографии Иркутской области выступает кадровая проблема («кадровый голод»). Снижение уровня безработицы в городах региона связывается с маятниковой миграцией кадров из территориально прилегающих населенных пунктов области. В настоящее

время это характерно для ряда территорий центральной части области. Агломерация городов Иркутск, Ангарск и Шелехов решает проблемы «кадрового голода» градообразующих предприятий ОАО «Ангарская нефтехимическая компания»; ООО «СУАЛ-ПМ» филиал «ИркАЗ». Однако, в других городах области (особое место среди них занимают моногорода) наблюдается следующая картина: слабая экономическая база, отсталое технологическое оснащение, размещение на предприятиях низкорентабельных стадий производства (например, добыча и переработка сырья), которые приводят к диспропорции рабочих мест по возрастным и половых категориям, и как следствие дисбаланс социальной и производственной структуры. Анализ данных показывает, что в четверти из всех монопрофильных городов Иркутской области (а их по последним данным 14) ситуация в сфере занятости – критическая. Связано это с тем, что закрытие или сокращение градообразующего предприятия повлечет отток трудоспособного населения, а это, фактически, приведет к ликвидации самих городских поселений. Наиболее ярким примером такой ситуации является г. Байкальск, на сегодняшний день лишившийся предприятия и поддержки как с регионального, так и с федерального бюджетов. Следует сказать, что государство действительно содействует инновационному развитию градообразующих предприятий, однако, также очевидно, что на всех этой поддержки не хватает. Перспективным является привлечение коммерческих инвестиций, в том числе, и зарубежных. Однако здесь есть два существенных момента. Во-первых, так ли привлекательны для инвестиций градообразующие предприятия, на балансе которых находится значительная часть социально-коммунальных элементов городской структуры и которые вынуждены либо платить за трудоизбыточность, сдерживая безработицу, и понижая производительность труда, либо помогать уволенным работникам и мириться с перенаселенностью? Высокие издержки зачастую делают предприятия нерентабельными, а значит, инвестиционно непривлекательными. А во-вторых, роль исключительно начального звена длинной производственной цепочки, которую отводят иностранные инвесторы и потенциальные партнеры предприятиям сырьевой направленности, не устраивает российскую экономику. Таким образом, представляется, что развитие агломерации в Иркутской области необходимо для обеспечения механизмов осуществления социально-демографического равновесия, так как это будет способствовать формированию одного из крупных региональных центров, который впоследствии станет точкой притяжения различных ресурсов, зоной высокоорганизованной урбанистической жизненной среды, с возможным развитием постиндустриальной экономики. В первом приближении, агломерации способствует улучшению региональной демографической ситуации, создаст высокооплачиваемые рабочие места и сформирует более качественную производственную среду в регионе. Появление мощной агломерации создает благоприятные и прозрачные условия для инвестиционного позиционирования области на международной арене.

Грищенко Жанна Михайловна,
Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь
Щелкова Татьяна Викторовна
Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

Семья в границах логической конъюнкции «ожидаемого» и «ожидающего»

Социальные революции имеют очень характерную общую закономерность. Вдохновленные благородными идеями борьбы за социальную справедливость, они разрушают складывающуюся десятилетиями и даже веками традиционную гомологию пространственных структур. Даже в том случае, когда устойчивый характер гомогенного институционального образования способен по инерции сохранять свою целостность и функциональность в условиях достаточно неблагоприятных для его жизнеобеспечения. В своих попытках адаптации к этим изменившимся экстремальным условиям существования, отдельные элементы социальной структуры приобретают такие формы мимикрии, что порой сложно определить, то это или уже совсем не то? Приблизительно такая участь постигла современный институт семьи, который, надо признать, первым столкнулся со всей несправедливостью кардинальных социальных реконструкций в обществе. Факт ценности семьи для молодежи, причем с точки зрения ее вполне осмысленного признания, зафиксирован практически во всех ценностно-ориентированных социологических исследованиях. Мы попытались проверить данное утверждение путем сопоставления когнитивно означаемого в ценности семьи и теми смыслами, которые вкладывают в это понятие представители студенческой молодежи эпохи миллениума. Инструментально проблема решалась в рамках проведенного нами в 2017 году тестирования с элементами интервью студентов Белорусского государственного университета (N=150). Суждение «Крепкая семья - главный источник счастья» получило признание 70% протестированной группы студентов против 30% отвергших правомерность данного утверждения. Однако факт сопряженности этих результатов с количественными эквивалентами, полученными по ряду других, но гомогенных семейным ценностям смыслов, позволяет усомниться в справедливости данного вывода. В частности, тестовое суждение «Признаю лишь официальный брак с печатью в паспорте» получает согласие лишь у 40%, а «Главный смысл брака – рождение и воспитание детей» и того меньше – только у 34%. Очевидно, что современные паттерны поведения молодежи, связанные с популярностью «гражданского брака», исключающего груз взаимной ответственности (моральной и материальной), а также нежеланием обременять себя детьми, задают совершенно иную

модель брачных отношений, никак не вписывающуюся в традиционную ценностно-нормативную трактовку. Если углубиться в этот смысловой ряд суждений далее, то можно легко обозначить сценарный вектор дальнейшего развития событий в его более радикальном (с точки зрения отрицания традиционных подходов) варианте. Так, результаты тестирования выявили, что 22% ориентированы на брак, построенный исключительно на расчете – «Верю в брак, построенный на расчете», а 24% (практически четверть!) не планируют иметь детей («Дети – это слишком обременительно, лучше этого избежать»), что вполне созвучно риторике сторонников движения «Child Free». И даже воодушевляющая вера в любовь как смыслосозидающее жизненное кредо для 70% («Без любви жизнь теряет всякий смысл») омрачается согласием 56% с известным лингвистическим трендом, навязчиво транслируемым телевизионной рекламой: – «Не получилось с Машей, получится с Дашей!». Таким образом, понимаемая и принимаемая любовь в рамках полного равнодушия к объекту своих личных ситуативных предпочтений (сегодня с одним, завтра с другим партнером), вполне гармонична популярности среди студентов другого смыслового тренда – «Живи весело! Живи играючи!» (73% поддержки). Все эти, как и многие другие, смыслы нашей реальности сегодня не имеют ничего общего с той нормативной и традиционной для истоков православной духовной культуры трактовкой института семьи. И даже если оправдать полученные результаты выраженной эмоционально-иррациональной компонентой, присутствующей при оценке смыслового ряда теста, то нельзя забывать о том, что именно эмоциональная привлекательность как раз и формирует эффект запечатления (импринтинг), стимулируя эквивалентные ему образцы поведения, которые приобретают, к тому же, массовый характер. А то меньшинство студенческой аудитории (чуть более 30%), которое обнаруживает устойчивый характер приверженности семейным традициям, подвергается социальной и эмоциональной депривации в среде сверстников, автоматически зачисляясь в разряд девиантов. Последнее становится источником целой серии конфликтов: не только между сверстниками, (внутрипоколенческий), но и между родителями и детьми в тех семьях, которым удалось выдержать прессинг повсеместной деморализации и успешно реализовать компенсационную функцию в ситуации тотальной аномии в обществе. Качественная определенность обозначенного здесь сегмента молодежи поколения Z задает лишь один из возможных сценариев развития социального организма, пребывающего в режиме динамического хаоса и самоорганизации. Можно предположить, что спектр возможных сценариев этим не исчерпывается. Важно, какой из сценариев актуальной повседневности возьмет верх. Если тенденции, которые мы наблюдаем в среде современного студенчества, станут определяющими в судьбе страны (вполне закономерно, с учетом того, что именно студенчество поколения Z в ближайшее время пополнит ряды интеллектуальной элиты, встав у руля), то, надо признать, что нас ожидает не самое справедливое будущее.

Грудина Татьяна Николаевна,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Социальная несправедливость относительно многодетных семей: вызовы современнного мира

Данные различных социологических опросов [2,4] показывают, что наиболее популярной моделью семьи с точки зрения населения, является семья с двумя детьми. Одного ребенка большинство семей стремиться иметь при любых условиях, («один ребенок – это необходимо»), т.к. семья нормативно ассоциируется с наличием детей. Однако трех и более детей основная масса родителей под влиянием социальных норм малодетности не желает иметь даже при условиях, перекрывающих удовлетворение основных потребностей детей (питание, одежда, место для сна и игр/уроков, обучение и т.п.), у них просто нет потребности в таком числе детей («третий ребенок – лишний»)[3, С. 352]. По мнения населения со стороны государственных структур проблемам семьи уделяется недостаточное внимание и лишь 2% россиян ответили, что семейная политика государства их полностью устраивает [6]. Проведенный в прямом эфире программы «Открытая студия» опрос дал другую, еще более печальную статистику: половина опрошенных (49%) выразили отсутствие готовности быть многодетными родителями, даже при создании со стороны государства всех необходимых условий жизнедеятельности [7]. На основе анализа всероссийского исследования «Образ жизни многодетной семьи в России» [3], проведенного кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и других социологических источников [1,3,5] были выявлены специфические особенности функционирования многодетных семей в современном обществе. Прежде всего привлекает внимание то, что вокруг многодетных матерей по-прежнему продолжает существовать некоторая зона социального неодобрения, и даже отторжения. Многодетные семьи часто расцениваются как "социальные иждивенцы", хотя на практике льготы у них очень скромные[3,5]. Именно многодетные семьи подвержены в большей степени бедности, поскольку размеры детских пособий никак не соотносятся с уровнем жизни. Немногим семьям в настоящее время удается одновременно быть и многодетными, и социально благополучными. В современном обществе создание многодетной семьи есть некий процесс попадания в состояние бедности. С одной стороны, брак, семья и дети выступают особо значимыми среди других ценностей по мнению опрошенных[2,4,7], а с другой, мы видим крайнюю степень нежелания сохранить семейно-брачные отношения, если они чем-то перестают удовлетворять индивида. Согласно фамилистической парадигме, кризис семьи состоит в снижении ценности семейного образа жизни [1,2]. При этом все большую значимость приобретает одиночно-холостяцкий образ жизни с удобством независимости, сексуальных сожительств, альтернативных форм

семьи и брака, однодетности, добровольной бездетности и т.д. Возникновение нового типа бедности семей, когда профессионально занятые отец и мать не могут поддержать на уровне прожиточного минимума даже одного ребенка, является лишь фоном, а не причиной ухудшения семейного воспитания. Снижение ценности семейного образа жизни, массовый социальный отказ от воспитания нескольких (3-4-5 и более) детей в семье оказался фактором социальной нестабильности современного общества. Также, сложность существования многодетных семей заключается в отсутствии положительного к ним отношения со стороны окружения (родных, близких, соседей, коллег по работе и т.д.). К многодетным не относятся как к людям, которые делают достойное дело. Отсутствуют уважение, внимание, моральная поддержка. Важно, чтобы благополучная многодетная семья стала национальной идей и смыслом стабильного развития нашего государства не только на словах, но и в политических действиях, и в общественном сознании. Сегодня перед российским обществом стоит задача принятия решений по укреплению института семьи [1,3], устранению социальной несправедливости относительно многодетных семей, по разработке и реализации целенаправленных мер семейной политики как важнейших средств консолидации общества, уменьшения социальной напряженности на основе семейного образа жизни большинства граждан. Создание привлекательного образа семьи с тремя и более детьми, социально адаптированной и экономически состоятельной – весьма сложная задача и новый вызов для современного мира.

Литература:

1. *Антонов А. И. Кризис фамилистической цивилизации в XXI веке // Экономические стратегии. – 2016. – № 1. – С. 40–43.*
2. *Варламова С.Н., Носкова А.В., Седова Н.Н. Семья и дети в жизненных установках россиян // Социологические исследования – 2006. №11. URL: http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/307803.html*
3. *Лебедь О.Л. Образ жизни многодетных семей в России и задачи демографической политики. Фамилистические исследования. Т.2. Миллион мнений о семье и о себе. – М. : КДУ, 2009. – С. 350-356*
4. *Образ идеальной семьи. Источник данных: «ФОМнибус». URL: http://fom.ru/Rabota-i-dom/11024*
5. *Пациорковский В.В., Пациорковская В.В. Большая семья в демографической ситуации России. // Социологические исследования, 2009, № 3.- С.121-128.*
6. *Россияне не одобряют семейную политику государства //Исследовательский центр портала SuperJob.ru. URL: http://www.superjob.ru/community/life/13667/*
7. *Телерадиокомпания «Петербург». «Открытая студия», Вымираем? Эфир от 16 февраля 2011 года. URL: http://5-tv.ru/programs/broadcast/506186/*

Дарган Анна Александровна,
СКФУ, Ставрополь, Россия

Реализация социальной субъектности людей с инвалидностью в контексте изменений принципов социальной справедливости в обществе

В российской социологической науке в последние десятилетия актуализируется проблематика социальной интеграции и социальной мобильности людей с инвалидностью. Основное внимание ученых сосредоточено на получении социологических знаний, которые будут способствовать поиску и разработке механизмов и способов осуществления реальных социальных изменений в отношении людей с инвалидностью, их максимальной интеграции в обществе. Такой интерес к проблематике инвалидности в российском обществе обусловлен изменением социальной политики в отношении людей с инвалидностью, когда на смену медицинской модели, характеризующейся сегрегационным отношением к людям с психофизическими особенностями, пришла медико-социальная модель инвалидности. Трансформационные процессы неизбежно повлекли за собой изменения в содержании формальных принципов социальной справедливости по отношению к людям с инвалидностью, легимитизирующих занимаемое людьми с инвалидностью положение в социальной структуре общества, а также представлений по отношению к людям с инвалидностью на уровне повседневного сознания. Социальная справедливость – категория, получившая широкое распространение в социологии. Она выступает как объективно обусловленная уровнем материальной и духовной зрелости общества мера равенства и неравенства в жизненном положении различных социальных общностей и индивидов[1]. Люди с инвалидностью вследствие наличия тех или иных специфических особенностей, занимают определенную социальную нишу в обществе. И принципы социальной справедливости по отношению к проблематике инвалидности, различные для определенных этапов существования общества, определяют, в какой степени человек с инвалидностью может быть равен и свободен в системе общественных отношений. В различные этапы развития общества отношение к людям с инвалидностью, равно как и понимание того, что считается справедливым по отношению к ним, изменялось. На самых ранних этапах развития общества в отношении людей, которые вследствие тех или иных физических особенностей не могли приносить пользу обществу, действовал инфатицид - узаконенное убийство [2, С. 21]. В обществе инфатицид по отношению к немощным старикам и больным детям считался нормой, так как избавление от «обузы» позволяло членам сообщества выжить. В дальнейшим, с развитием общества, людям, имеющим физические или психические особенности, приписывался статус девиантов, и такое понимание инвалидности в обществе усиливало социальную стратификацию

и стигматизацию людей с инвалидностью, снижение их социальной значимости [3, С. 42]. В современном обществе все большую популярность приобретают идеи инклюзии, для которых характерен уход от стигматизации людей с инвалидностью и приписывания им статуса девиантов [3, С. 43]. Понимание трансформации содержания принципов социальной справедливости по отношению к людям с инвалидностью в контексте изменения степени их равенства и свободы в системе общественных отношений обуславливает актуальность рассмотрения проблематики реализации социальной субъектности людей с инвалидностью в обществе. Социальная субъектность проявляется через взаимодействие с другими субъектами общественных отношений. Само общество, как многофункциональная система, представляет собой своеобразное поле этого взаимодействия. Таким образом, изучение социальной субъектности людей с инвалидностью нельзя рассматривать вне контекста ее взаимосвязи с социальной интеграцией, которую в широком смысле можно трактовать как взаимодействие между субъектами действия. Социальная субъектность может быть интерпретирована как способность субъекта выступить в качестве творца социальной реальности, когда он способен сделать свой выбор в поле социальных отношений и реализовать его посредством своей социальной деятельности [3]. Для реализации социальной субъектности в поле социальных отношений необходимо наличие двух условий: 1. – способности к социальной деятельности; 2. – условий (возможностей) для ее осуществления [3]. Как показывают социологические исследования по проблематике инвалидности, возможности для осуществления социальной деятельности людьми с инвалидностью в системе общественных отношений в определенной степени ограничены, что определяется как объективными факторами, так и субъективными, в том числе теми принципами социальной справедливости (несправедливости), которые характерны для данного общества. В некоторых случаях человек с инвалидностью может быть поставлен в такие условия, что реализация его социальной субъектности ограничена, он не имеет возможности для самостоятельного конструирования своего жизненного пути и осуществления самостоятельного выбора в поле социальных отношений, в т.ч. влиять на окружающую действительность, планировать и реализовать стратегию своей жизнедеятельности.

Литература:

1. *Давидович В.Е. Социальная справедливость: идеал и принцип деятельности. – М., 1989.*
2. *Фирсов, М.В. История социальной работы в России: учеб. пособ. для студ. высш. учебн. завед. – М.: ВЛАДОС, 2001. – 256 с.*
3. *Алейник, Л.А. Институциональные барьеры и стратегии социальной мобильности людей с инвалидностью : дисс. ... канд. соц. наук. - Ставрополь, 2008. - 205 стр.*
4. *Луков Вал.А., Луков Вл.А. Методология тезариусного подхода: стратегия понимания // Знание. Понимание. Умение. №1. 2014. С.18-35.*

Довбыш Дарья Вадимовна,
ГБУЗ "НПЦ ПЗДП им. Г.Е. Сухаревой ДЗМ", Москва , Россия
Жорина Яна Юрьевна
ГБУЗ "НПЦ ПЗДП им. Г.Е. Сухаревой ДЗМ", Москва , Россия

Проблема стигматизации семьи в ситуации госпитализации ребенка в стационар психиатрической клиники

Термин “стигматизация”, как и проблема исследования клеймения психических заболеваний, в самой психиатрии и клинической психологии появился сравнительно недавно. Тем не менее, в социологии термин “стигма”, а также ряд схожих с ним понятий используется и исследуется в течение продолжительного времени. И. Гоффман, привнесший в психологию идею исследования стигмы, понимает ее как глубоко дискредитирующую установку в отношении пациентов и предполагает, что подвергшиеся стигматизации люди «сокращаются», «скукоживаются» от обычного, полноправного члена общества до отчужденного, изолированного субъекта. Стигматизация тут понимается в первую очередь как социальный конструкт, результат социального приписывания; это проекция на индивида или группу суждений о том, что является "недостойным", "неподходящим” [4].

Несмотря на очевидно высокий уровень распространения психических заболеваний - согласно данным ВОЗ, учитывающим индекс DALI (сочетающего годы жизни, утраченные из-за преждевременной смертности, и годы жизни, утраченные в связи с состояниями здоровья, не отвечающими критериям полного здоровья), 7,5% населения страдают от психических заболеваний - эффективных программ, направленных на снижение стигматизации, а также масштабных исследований феномена стигматизации практических не существует во всем мире. Тем не менее, имеющиеся пилотные исследования, а также большое количество накопленных данных наблюдений и самоотчетов, позволяет выделить несколько наиболее очевидных негативных эффектов стигмы: страх обращения за помощью, и, как следствие, упущенное время оказания помощи; фактически, стигма представляет собой замкнутый круг, провоцируя недостаток диагностики и исследования, что связано со снижением эффективности лечения, которое, в свою очередь, приводит к ухудшению состояния пациента,, связанному с нарастанием стигматизации. самостигматизация пациента: потеря того, что раньше было для человека важным и значимым, а также во многом служило основой для его самоидентификации, снижение собственной ценности под влиянием стигматизации со стороны общества. социальные последствия стигмы: потеря/невозможность найти работу, создать семью, получить образование; сужение круга общения; ухудшения качества предоставляемых медицинских услуг и тд. Исследование стигматизации в детской психиатрической клинике - отдельная проблема и, в целом, сравнительно

новая задача для российской действительности. Важно, что в условиях болезни ребенка подверженным стигматизации оказывается не только он сам, но и его родственники - родители, прародители, сиблинги. Свою специфику здесь будет иметь как процесс самостигматизации, так и стигма со стороны социальных институтов - школы, детского сада. К сожалению, негативный опыт общения с системой здравоохранения, страх клейма - “родитель больного ребенка”, переживание своей родительской вины и неполноценности, беспокойство за ребенка - “как сложится его жизнь с диагнозом”, большое количество мифов о детской психиатрии - все это препятствует своевременному обращению за помощью, снижает комплаентность семьи и отнимает большое количество эмоциональных и личностных ресурсов у семей. К примеру, наглядным подтверждением высокого уровня стигматизации в детской психиатрии является тот факт, что для родителей и подростков в рамках семейного психологического консультирования практически всегда оказываются важными для обсуждения такие вопросы: “Что говорить в школе, друзьям, если я не хочу, чтобы они знали, в какой больнице я (ребенок) лежал?”, “Можно ли сделать так, чтобы в дальнейшем ребенок не попал на учет к психиатру?”. Также, согласно нашим наблюдениям в рамках психологической работы, только узкий круг наиболее близких к семье людей знает о месте и причинах госпитализации ребенка; порой, даже ближайшие родственники (бабушки и дедушки, сестры и братья, один или оба родителя не знают о госпитализации ребенка в стационар психиатрической клиники). Актуальность внимания к проблеме стигматизации и самостигматизации именно в рамках детской психиатрии определяется как частотой проявления психических расстройств в раннем возрасте, так и особенной уязвимостью ребенка к влиянию среды, определяющей характер становления и развития и требующей максимально возможной гармонизации для снижения влияния первичных психотравмирующих и дезадаптирующих факторов, превенции вторично возникающих психопатологических расстройств [1]. К сожалению, согласно зарубежным данным, часть стигматизации имеет свои истоки именно в медицинских учреждениях. Так, Lefley’s (1987) обнаружил, что часть врачей сообщают о том, что их коллеги делают уничижительные комментарии о семьях людей, страдающих психическим заболеваниями [5]. Работы Mehta and Farina (1988), Burk and Sher (1990) показывают, что студенты медицинских колледжей и социальные работники также видят родственников пациентов психиатрических стационаров в негативном ключе [3, 6]. Angermeyer и коллеги (1987) [2] доказали, что часто сам тип и название учреждения, в которое госпитализирован человек и где ему поставили диагноз, репутация этого учреждения,, изолированность от общества, удаленность от города - все может увеличивать или уменьшать стигматизацию. Данные этих работ свидетельствуют, что работа по дестигматизации детских психических заболеваний должна начинаться именно в стенах больниц.

Литература:

1. *Корень Е. В. Психосоциальная реабилитация детей и подростков с психическими расстройствами в современных условиях //Социальная и клиническая психиатрия. – 2008. – Т. 18. – №. 4.*
2. *Angermeyer M. C., Link B. G., Majcher-Angermeyer A. Stigma perceived by patients attending modern treatment settings: Some unanticipated effects of community psychiatry reforms //Journal of Nervous and Mental Disease. – 1987.*
3. *Burk J. P., Sher K. J. Labeling the child of an alcoholic: negative stereotyping by mental health professionals and peers //Journal of Studies on Alcohol. – 1990. – Т. 51. – №. 2. – С. 156-163.*
4. *Goffman, E. Stigma: Notes on the management of spoiled identity. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, Inc. 1963.*
5. *Lefley H. P. Impact of mental illness in families of mental health professionals //Journal of Nervous and Mental Disease. – 1987.*
6. *Mehta S. I., Farina A. Associative stigma: Perceptions of the difficulties of college-aged children of stigmatized fathers //Journal of Social and Clinical Psychology. – 1988. – Т. 7. – №. 2-3. – С. 192-202.*
7. *Phelan J. C., Bromet E. J., Link B. G. Psychiatric illness and family stigma //Schizophrenia bulletin. – 1998. – Т. 24. – №. 1. – С. 115.*

Еремеев Максим Олегович,
ФГБОУ ВО РУТ (МИИТ), Москва, Россия
Сазонова Анна Львовна
ФГБОУ ВО РУТ (МИИТ), Москва, Россия

К вопросу о совершенствовании государственной региональной семейной политики (по результатам исследования)

Институт семьи в России (да и в мире) сегодня переживает глубокий кризис. «Средний показатель рождаемости по России – 10 чел. на 1 тыс. населения (для стран с аналогичным уровнем доходов – 17 чел.); …значительно выросло число мужчин и женщин, никогда не состоявших в браке; …более 10% супружеских пар не регистрируют отношения; …Резко снизился воспитательный потенциал семьи. Ежегодно вне брака рождается около 400 тыс. детей. Значительно ухудшилось здоровье подрастающего поколения. Около 70% семей воспитывают только одного ребенка. ...Сокращение рождаемости происходит на фоне социального сиротства и беспризорности. Число детей, оставшихся без попечения родителей, только по официальным данным, приближается к миллиону» [4, с.157-158]. Можно продолжать перечислять проблемы, характеризующие кризис. В связи с этим очевидна колоссальная роль научно обоснованной государственной социальной политики в отношении семьи [1, 3]. Обозначенная проблематика стала предметом исследования «Отношение молодежи московского региона к семье» (апрель-июнь 2017г.). Метод сбора информации – анкетный онлайн-опрос. Основные группы аналитических показателей: социально-демографическое положение, семейные ценности, репродуктивные установки, структура семейных проблем и проблемы молодой семьи, экономическая и психологическая готовность к созданию

семьи, оценка государственной семейной политики. Объект – молодёжь 3-х возрастных групп: 14-17 лет (6.1%), 18-24 (77.6%), 25-30 лет (16.3%). Всего опрошено 415 респондентов, примерно половина из них проживают в Москве, четверть в Московской области и еще четверть – в других регионах России. Около 60% опрошенных – учащиеся дневной формы обучения, в том числе – 37.1% студенты; около 30% – работающих. 9.4% состоят в официальном браке, 11% – в незарегистрированном. Имеют детей 3.8% респондентов. Большинство опрошенных (57.4%) считают себя еще не готовыми к созданию семьи экономически, а почти 40% – психологически. Исследованием зафиксирована заметная имущественная дифференциация в молодежной среде, особенно в сравнении подгрупп москвичи-провинциалы, которая детерминирует различия в ответах на вопросы анкеты, прежде всего касающиеся семейных стратегий. По данным исследования выявлен заметный разрыв между идеальным количеством детей («если бы позволяли материальные и другие условия») и ожидаемым («с учетом реальных жизненных обстоятельств»). В идеале более 2/3 респондентов хотели бы иметь двух-трех детей, а 5% опрошенных –3-х и более. С учетом же жизненных реалий большинство молодых людей планируют иметь лишь одного, максимум двоих детей и всего 1% –3-х. Более трех детей категорически никто из респондентов не хочет иметь, а 5.5% указали, что не хотят детей вообще. В качестве основных причин, препятствующих иметь желаемое количество детей, респонденты указали: материальные проблемы – 53.2% ; жилищные проблемы –39%; состояние здоровья –24.8%. В десятку наиболее острых проблем современной молодой семьи, вошли (в % от опрошенных): материальные трудности – 75.6, отсутствие собственного жилья –73.4, сложности с трудоустройством, боязнь потерять работу – 45.9, невозможность найти прилично оплачиваемую работу «по душе» – 339, рост цен– 30.5, невозможность реализации своего личностного потенциала – 21,конфликты в семье – 24.4, нехватка времени на детей, семью в целом– 22.7, алкоголизм, наркотическая зависимость кого-либо из членов семьи – 20.7, бездуховность общественной жизни –14.9. Не удивительно, что почти 90% респондентов считают, что семья сегодня нуждается в поддержке государства. Среди видов государственной поддержки названы: помощь в жилищных проблемах (61.4%); оказание бесплатной медицинской помощи (44%); помощь в трудоустройстве (44%); выплата компенсаций и пособий (27.4%). При оценке эффективности семейной политики (как региональной, так и федеральной) абсолютно преобладают отрицательные значения. Но, при этом, подавляющее большинство респондентов не информированы о федеральных и региональных социальных программах поддержки семей. Приведённые данные свидетельствуют о «слабых местах» государственной семейной политики, но они же определяют векторы её совершенствования. Хочется надеяться, что наше и подобные исследования помогут учитывать интересы молодежи различных регионов при разработке и реализации мероприятий государственной семейной политики [2, 5].

Литература:

1. *Антропова Ю. Ю. Государственная региональная семейная политика в современной России (на примере Свердловской области). Автореф. дис…докт. социол. наук. Российский государственный социальный университет. Москва, 2010.*
2. *Матвеева А.Л. Семья безработных с детьми как объект социальной защиты в России и Финляндии (социолого-управленческий аспект). Диссер. … канд. социол. наук. Московский государственный социальный университет. Москва, 2001.*
3. *Матвеева А.Л. Семья как развивающийся объект социальной защиты. В сборнике: Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы. Тезисы докладов II Всероссийского социологического конгресса. Москва, 2003. С. 91-92.*
4. *Сазонова А.Л. Семья и любовь в социальных практиках молодых москвичей. Социальная политика и социология. 2014. № 2 (103). С. 157-170.*
5. *Сазонова А.Л., Еремеев М.О. Представления московского студенчества о семье в XXI веке. В сборнике: Как наше слово отзовется: Гуманитарное образование в развитии российского социума и человека. Сб. материалов межд. научно-практической конференции / Гл. ред*

Еремеев Максим Олегович,
Студент, Москва, Россия

Проблема отношения государства и института семьи глазами московской молодежи на примере Москвы и Московской области

Институт семьи в России (да и в мире) сегодня переживает глубокий кризис. «Средний показатель рождаемости по России – 10 чел. на 1 тыс. населения (для стран с аналогичным уровнем доходов – 17 чел.), средняя смертность – 16 чел. на 1 тыс. населения; значительно выросло число мужчин и женщин, никогда не состоявших в браке; более 10% супружеских пар не регистрируют отношения; Резко снизился воспитательный потенциал семьи. Ежегодно вне брака рождается около 400 тыс. детей. Значительно ухудшилось здоровье подрастающего поколения. Около 70% семей воспитывают только одного ребенка. Сокращение рождаемости происходит на фоне социального сиротства и беспризорности. Число детей, оставшихся без попечения родителей, только по официальным данным, приближается к миллиону» [3, с.157-158]. Можно продолжать перечислять проблемы, характеризующие кризис. В связи с этим очевидна колоссальная роль научно обоснованной государственной социальной политики в отношении семьи. Обозначенная проблематика стала предметом исследования «Представления московской молодежи о семейной политике». Объект –молодёжь 3-х возрастных групп: 14-17 (6.1%), 18-24 (77.6%), 25-30 (16.3%). Метод сбора информации – анкетный онлайн-опрос. Основные группы аналитических показателей: семейное положение, «детность», желаемое и планируемое количество детей, структура семейных проблем, экономическая готовность к созданию семьи, оценка семейной политики, сфера деятельности, имущественное неравенство. Всего опрошено 415 респондентов. Половина из них (примерно) проживают в Москве, по четверти в Московской области и в других регионах России. Около 60% учащиеся дневной формы обучения, в т.ч. 37.1% студенты. Около 30% работающих. 9.4% состоят в официальном

браке, 11% – в незарегистрированном. Имеют детей 3.8%. Исследованием зафиксирован заметный разрыв между желаемым количеством детей («если бы позволяли материальные и другие условия») и планируемым («с учетом реальных жизненных обстоятельств»). В идеале более 2/3 респондентов хотели бы иметь двух-трех детей, а 5% –3-х и более. С учетом же жизненных реалий большинство опрошенных планируют иметь лишь одного, максимум двоих детей и всего 1% –3-х. Более трех детей категорически никто из респондентов не хочет иметь, а 5.5% указали, что не хотят детей вообще. Главные причины, препятствующие иметь желаемое количество детей: материальные проблемы – 53.2%; жилищные проблемы –39%; состояние здоровья –24.8%. В десятку наиболее острых проблем современной молодой семьи, вошли (в % от опрошенных): материальные трудности – 75.6, отсутствие собственного жилья –73.4, сложности с трудоустройством, боязнь потерять работу – 45.9, невозможность найти прилично оплачиваемую работу «по душе» – 339, рост цен– 30.5, невозможность реализации своего личностного потенциала –21,конфликты в семье – 24.4, нехватка времени на детей, семью в целом– 22.7, алкоголизм, наркотическая зависимость кого-либо из членов семьи –20.7, бездуховность общественной жизни –14.9. Не удивительно, что почти 90% респондентов считают, что семья сегодня нуждается в поддержке государства. Среди видов государственной поддержки названы: помощь в жилищных проблемах (61.4%); оказание бесплатной медицинской помощи (44%); помощь в трудоустройстве (44%); выплата компенсаций и пособий (27.4%). При оценке эффективности семейной политики (как региональной, так и федеральной) абсолютно преобладают отрицательные значения. Но, при этом, подавляющее большинство респондентов не информированы о федеральных и региональных социальных программах поддержки семей. Большинство опрошенных (57.4%) считают себя не готовыми ещё к созданию семьи экономически, а почти 40% – психологически.

Исследованием зафиксирована заметная имущественная дифференциация в молодежной среде, особенно в сравнении – москвичи-провинциалы, которая детерминирует, как показал корреляционный анализ, дифференциацию в ответах на вопросы анкеты, прежде всего касающихся жизненных стратегий (напр., планируемое количество детей).

Приведённые данные свидетельствуют о «слабых местах» государственной семейной политики, но они же определяют векторы её совершенствования. Хочется надеяться, что наше и подобные исследования помогут субъектам социальной политики в этом.

Литература:

1. *Матвеева А.Л. Семья как развивающийся объект социальной защиты. В сборнике: Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы. Тезисы докладов II Всероссийского социологического конгресса. Отв. ред.: И.П. Рязанцев. Москва, 2003. С. 91-92.*
2. *Сазонова А.Л., Сазонов А.А. Влияние факторов социального неравенства на представления о семье и семейные стратегии московского студенчества. В сборнике: Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21*

октября 2016 г.) [Электронный ресурс] Материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В.А.Мансуров. Москва, 2016. С. 3826-3837.

3. *Сазонова А.Л. Семья и любовь в социальных практиках молодых москвичей. Социальная политика и социология. 2014. № 2 (103). С. 157-170.*

4. *Сергеев Р.В. Семейные ценности студенческой молодежи юга России: социологический анализ. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. социол. наук. Майкоп, 2010.*

5. *Сазонова А.Л., Еремеев М.О. Представления московского студенчества о семье в XXI веке. В сборнике: Как наше слово отзовется: Гуманитарное образование в развитии российского социума и человека. Сборник материалов международной научно-практической конференц*

Ерзин Александр Игоревич,

Оренбургский государственный медицинский университет , Оренбург , Россия

Ковтуненко Анастасия Юрьевна

Оренбургский государственный медицинский университет , Оренбург , Россия

Структура благополучного старения у граждан России в контексте проблемы социальной справедливости

Благополучное старение является конструктом, нацеленным на описание позитивных психологических состояний, эмоций и поведения в пожилом возрасте. Традиционно большинство людей воспринимают старость как период жизни, имеющий исключительно негативные проявления. Но, очевидно, процесс старения протекает индивидуально у разных людей и зависит от многих факторов. В России экономический кризис, финансовая нестабильность, бедный доступ к медицинскому обслуживанию объективно способны делать жизнь пожилых людей довольно сложной физически и психологически. Тем не менее, даже в таких условиях некоторые пожилые люди продолжают активно бороться с проблемами, личностно расти, испытывать позитивные эмоции, заниматься любимым делом. Они чувствуют удовлетворенность их жизнью, иными словами, находятся в благополучном старении. Целью данного исследования было выяснение структуры благополучного старения пожилых людей в России, а также определение того, как некоторые социодемографические факторы влияют на удовлетворенность жизнью. Материалы и методы. Мы обследовали 140 человек в возрасте 55-90 лет, из них 72,9% женщины, 27,1% мужчины. Большинство участников (85,3%) принадлежали к славянской этничности. 42,9% респондентов являются жителями крупных городов (с населением 1 млн. человек и выше). 47,1% имеют высшее образование. Половина выборки пенсионеры, в то время как 48,6% продолжают работать. 52,9% человек женаты, 22,9% в разводе, 21.4% овдовели. 23,2% являются атеистами, при этом остальные участники религиозны в той или иной степени. Для оценки уровня благополучного старения мы использовали разработанный нами опросник (Ерзин, Геращенко, 2015). В предыдущих исследованиях он показал хорошие психометрические характеристики (α-Кронбаха = 0,711;

эмпирическая валидность р = 0,763). В этом исследовании α-Кронбаха = 0,91. Результаты и обсуждение. Описательные статистики показали, что в обследованной выборке наивысшими являются следующие компоненты благополучного старения: «Семья» (73,4), «Личностный рост и позитивные эмоции» (69,7), и «Работа и хобби» (65,42). Далее, относительно высокие показатели были выявлены по шкале «Социальное взаимодействие» (64,26). Ожидаемо низкими показателями стали шкалы «Здоровье» (60,86), «Финансовое благополучие» (52,55), «Удовлетворенность прожитой жизнью» (62,24). Все шкалы позитивно коррелируют с общим индексом благополучного старения (п≤0,01). Регрессионный анализ показал, что уровень благополучного старения обследованной выборки напрямую зависит от пола (0,334), при этом было выявлено обратное влияние возраста на благополучное старение (-0,254). Другие социодемографические параметры (образование, доход, религиозность, семейное положение) не оказывают сколь-либо значимого влияния на субъективное ощущение благополучия у пожилых. Можно сделать вывод о том, что большинство участников не достаточно удовлетворены их финансовым состоянием. Действительно, доход многих пенсионеров в нашей стране характерен для бедных людей. При этом, уровень дохода сам по себе не является значимым предиктором общего уровня благополучного старения. Многие люди продолжают быть в их профессии, даже на пенсии. Мужчины являются более активными социально и финансово. Это позволяет им дольше испытывать чувство благополучия. Доступ к медицинской помощи и ее качество являются не очень хорошими в России. Это определяет невысокие показатели ощущения физического благополучия. Недостатки в этой сфере могут быть компенсированы увеличением активности в других областях жизнедеятельности – социальных связях, семье, хобби. Это и делают многие российские люди, пытаясь оставаться счастливыми, преодолевая негативные составляющие процесса старения. Заключение. Данное исследование является первым шагом к масштабному изучению благополучного старения в нашей стране. Анализ показал, что наиболее важными сферами жизни для пожилых россиян являются семья, положительные эмоции, работа и хобби. Следующим этапом будет изучение роли некоторых психологических факторов (личностных черт, копинг, оптимизма, альтруизма, надежды, потока) в формировании чувства благополучия в пожилом возрасте. Далее мы выясним значение этих факторов для продолжительности жизни и долголетия.

Жиляева Марианна Сергеевна,
ФГБОУ ВО "Забайкальский государственный университет", Чита, Россия

Этнокультурный характер действительных проблем в разных социальных группах

При проведении психологического консультирования с целью более глубокого изучения и формулирования действительной проблемы клиентов – представителей различных социальных, в том числе этнокультурных групп проводилась комплексная диагностика, которая включала как метод наблюдения, традиционную беседу с клиентом, так и использование специальных методик, направленных на выявление этнокультурных особенностей причин возникновения проблемы. Для проведения исследования была выделена экспериментальная группа, из числа жителей Забайкальского края, которые обращались за психологической помощью. Формирование проводилось с применением квотной стратегии при рандомизированном отборе, из числа клиентов с которыми проводилось психологическое консультирование. Группа составила 44 человека (русские – 30 чел. (68.2 %), буряты – 10 чел. (22.7%), другие национальности – 4 чел. (9.1 %). Выявление этнофункциональных рассогласований элементов психики, как одной из возможных причин действительных проблем клиентов с которыми они обращаются в службу психологического консультирования, были соотнесены с результатами исследования по методике выявления этнофункциональных рассогласований В.В. Тимохина и А.В. Сухарева с основными их типами (расово-биологические, климато-географические, социокультурные) и особенностями их проявлений (знание родного языка, знание особенностей культуры своего народа, склонность к экзотическому выбору, соответствие выбора антропо – морфотипических особенностей при перекрестно-половом выборе). Для соотнесения выявленных типов этнофункциональных рассогласований и действительных проблем клиента для подтверждения предположения о том, что в поликультурной среде проблемы, с которыми приходится сталкиваться консультанту в процессе психологического консультирования, носят этнокультурный характер, нами были сопоставлены результаты исследования по методике выявления этнофункциональных рассогласований и Висбаденского опросника к методу позитивной психотерапии Н. Пезешкиана и Х. Дайденбаха. Наиболее часто встречающиеся действительные проблемы клиентов были сгруппированы в три блока: 1. Проблемы, связанные с традициями, с семьей, взаимоотношениями со старшими ее членами, родителями – традиционный блок. 2. Проблемы, связанные с профессиональным самоопределением, карьерой, взаимоотношениями в сфере профессиональной деятельности и социальным окружением – профессиональный блок. 3. Проблемы, связанные с личной жизнью, межличностными взаимоотношениями, любовью, интимностью, дружбой – межличностный блок. Кроме того были определены основные общие внешние проявления этих проблем (симптомы) на основе

классификации Р.С. Немова, по которым консультант сделать заключение о характере той или иной проблемы клиента. Исследование показало, что действительные проблемы клиентов первого блока носят этнокультурный характер. На завершающем этапе психологического консультирования, которое было построено с учетом этнокультурных особенностей, клиент проходил диагностику с использованием Висбаденского опросника к методу позитивной психотерапии и методики выявления этнофункциональных рассогласований, которая показала положительную динамику в преодолении проблем, вызванных этнофункциональными рассогласованиями. Определение действительных проблем клиента и связь их с этнофункциональными рассогласованиями отдельных элементов личности в ходе диагностических процедур психологического консультирования было проведено при помощи методики выявления этнофункциональных рассогласований, которая позволяет выделить основные составляющие, такие как этнокультурная осведомленность (Эк-1 декларируемая идентичность, Эк-2 возраст осознания совей национальной принадлежности, Эк-3 способ получения информации о своей национальной принадлежности), отношение к членству в этнокультурной группе (Эк-4), значимость принадлежности к этнокультурной группе (Эк-5), оценка значимости собственной этнокультурной группы (Эк-6), а также выявить этнокультурные и поведенческие компоненты: знание родного языка (Эк-7), знание особенностей культуры своего народа (Эк-8), склонность к экзотическому выбору продуктов питания и желаемого места проживания (Эк-9), соответствие антропо – морфотипического выбора при перекрестно-половом выборе (Эк-10). Анализируя данные проведенного исследования, отмечаем, что после проведения психологического консультирования с учетом этнокультурных особенностей клиента наблюдается следующая тенденция: у клиентов наблюдается положительная динамика по таким критериям как: отношение к членству в этнокультурной группе, значимость принадлежности к этнокультурной группе, оценка значимости собственной этнокультурной группы, знание родного языка, знание особенностей культуры своего народа, склонность к экзотическому выбору, соответствие антропо – морфотипического выбора при перекрестно-половом выборе (Эк-4 - Эк-10) в среднем на 14%. Выявленная динамика по нашему мнению отражает изменение отношения клиента к действительной проблеме, выявленной в ходе психологического консультирования, что положительно влияет на результат работы с клиентом по преодолению тех или иных затруднений за помощью в решении которых клиент обращался в службу психологического консультирования. При этом не зависимо от принадлежности клиента к той или иной социальной группе, в нашем исследовании – этнокультурной, действительные проблемы клиента носили этнокультурный характер.

Литература:

1. *Жиляева, Марианна Сергеевна. Стратегия развития этнокультурной компетентности будущих специалистов социальной сферы : моногр. / Жиляева Марианна Сергеевна, Коваль Нина Александровна. - Чита : ЗабГУ, 2013. - 194 с.*

2. *Немов Р.С. Практическая психология / Р.С. Немов. – Москва: ВЛАДОС, 2005. – 320с.*
3. *Сухарев А.В. Этнофункциональная психология: исследования, психотерапия / А.В. Сухарев. – Москва: ИЭА РАН, 2008. – 235 с.*

Жуйкова Кристина Владимировна,
МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Трудности в реализации права на семейное образование в России

Наша страна - одна из немногих, в которой у родителей есть законное право давать образование своим детям самостоятельно. Это право существует уже более 20 лет [1], но активно им стали пользоваться только в последние годы, в том числе после принятия федерального закона «Об образовании» в 2012 году [2]. Согласно новому закону, среднее образование может быть получено в организациях, осуществляющих образовательную деятельность и вне организаций (в форме семейного образования и самообразования). И во втором случае образовательные учреждения несут ответственность за организацию промежуточной и государственной итоговой аттестации. Юридическое регулирование семейного образования происходит на региональном и муниципальном уровне. Поэтому регламентирование взаимоотношений с образовательными учреждениями и соответственно предписаний к сдаче промежуточных аттестаций, а также выплат денежных компенсаций различается в субъектах РФ. Это в свою очередь зачастую ведет к сложностям во взаимодействии родителей, школ и органов местного самоуправления.

В рамках инициативного исследования, проведенного кафедрой социологии семьи и демографии МГУ имени М.В.Ломоносова «Семейно-домашнее обучение как модель образования будущего» (2017), одной из задач была оценка удовлетворенности родителей, практикующих данную форму образования, взаимодействием с образовательным учреждением, к которому они официально прикреплены. Несмотря на то, что более половины респондентов (54,2%) были удовлетворены взаимодействием со школами, подавляющее большинство (76,5 %) ответили, что воспользовались бы помощью центров поддержки и сопровождения семейного образования для решения следующих проблем: - получение юридической помощи, в том числе с получением материальной компенсации и льгот, а также консультации по вопросам взаимодействия со школой и проведения аттестаций; - развитие педагогических навыков родителей, их профподготовка; - получение информационной и методической помощи в вопросах организации учебного процесса (составление учебного плана, рекомендации по подготовке к единым итоговым экзаменам, диагностика знаний ребенка, консультации специалистов по семейному образованию и профессиональных педагогов по предметам, психологов); - предоставление помещений и оборудования (библиотеки, лаборатории и мастерские с

материалами), организация пространства для детей на семейном образовании; - проведение встреч, знакомств для общения с единомышленниками и обмена опытом, а также совместных мероприятий и событий, организация кружков и секций по разным направлениям. Также треть респондентов (33,9%) отметила, что имели проблемы при переходе на семейную форму образования. Эти данные указывают на то, что несмотря на наличие законодательно оформленной возможности самостоятельного обучения детей, на практике существует множество вопросов правового, методического и организационного характера, с которыми сталкивается большинство родителей, выбравших данную форму образования.

В последнее время появляется большое количество коммерческих организаций, оказывающих помощь в решении этих проблем, однако дальнейшей беспрепятственной реализации права на семейное образование способствовало бы составление единой правовой регламентирующей базы, что создало бы действенную практику получения семейного образования.

Литература:

1. *Федеральный закон «Об образовании» от 10.07.1992 N 3266-1 // URL: http://dokipedia.ru/document/5161859 (Дата обращения: 30.01.2018)*
2. *Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012 N 273-ФЗ URL: http://zakon-ob-obrazovanii.ru/ (Дата обращения: 30.01.2018)*

Журавлева Елена Константиновна,
ИСЭПН РАН, Москва, Россия
Русанова Нина Евгеньевна
ИСЭПН РАН, Москва, Россия

Многодетная семья в Москве: социально-демографические стереотипы и реальность

В системе современных общепринятых норм многодетная семья – явление девиантное [1, с. 357-367]. Как демографическая категория она характеризует высокую рождаемость [2, с. 478], поэтому в столичных центрах с их специфическим естественным движением населения, такие семьи вызывают особый интерес, в том числе в контексте стереотипов о безответственности, неблагополучии, малообеспеченности, стремления повысить социальные льготы, отказе от контрацепции из-за невежества или религиозных принципов. Применительно к Москве это актуально, поскольку по многим демографическим процессам столица играет роль социально-экономического «эталона» для населения. В связи с этим, в 2015-2016 гг. было проведено исследование социально-демографических особенностей московских семей с тремя и более детьми для выявления факторов влияния на многодетность и мотиваций повышенной рождаемости. Автором была составлена анкета (23 вопроса), по которой опрошено 439 матерей,

зарегистрированных в клубах многодетных родителей при управах Медведково, Алтуфьево, Сокольники, Люблино, Текстильщики, Ясенево, Хамовники, Якиманка, функционирующих под патронажем управлений социальной защиты Москвы и общественной организации «Рождество». Исследование показало, что: Каждая пятая опрошенная семья неполная либо один из родителей, чаще отец, неродной. Троих детей имеют 49,7% опрошенных семей, четверых - 27,3%, пятерых — 13,9%, шестерых и более - 9,1%. Многодетность складывается в результате рождения собственных детей или появления детей нового супруга от предыдущих браков - о приёмных детях сообщили 4,3% опрошенных. Лишь у 38% опрошенных текущий брак единственный, у 39,7% два брака, у 19% - три и более, а 3,3% никогда не состояли в официально зарегистрированном браке. 20,6% опрошенных официально не оформляют отношения, причем 10,5% считает себя состоящими в «незарегистрированном браке» с супругом-сожителем, а 10,1% - «не состоящими в браке», т. е. вообще без супруга. В официальных браках детность выше — в 89,5% из них по шесть и более детей, среди незарегистрированных таких 5,3%. Самая большая многодетность (пять и более детей) формируется в результате двух (62,5%) или трех (100%) браков. В сожительствах с незарегистрированным браком и считающих себя не состоящими в браке рождается не более троих детей (14,4% и 13,5%). У 60,8% опрошенных первый ребёнок появился в возрасте 18-24 лет, у 30,2% - 25-30 лет, 3,8% были несовершеннолетними, а 5,2% - старше 30 лет. Православные в 86,7% случаев регистрируют брак, в 6,2% - не регистрируют, 7,1% в браке не состоят; для мусульман эти показатели 75,0%, 25,0% и 0%, соответственно.

Большинство самых многодетных (шесть и более детей) - верующие (57,9%).

Желание иметь больше двух детей и согласие на это будущего супруга перед вступлением в брак было у 30,1% респонденток, у 39,2% пар это решение возникло в процессе семейной жизни. 27,3% респондентов стали многодетными в результате «случайной» беременности, повторного брака с супругом, имеющим детей и проч.

Наибольшее число детей, которое осознанно выбирают многодетные родители – трое (49,2%), остальные дети появляются «постепенно» и «по обстоятельствам». У половины опрошенных высшее образование, у трети - среднее профессиональное.

Исследование показало, что в условиях современного столичного города многодетные семьи не соответствуют наиболее распространенным стереотипам. Среди многодетных достаточно успешных, обеспеченных и хорошо образованных родителей, для которых желание иметь больше двоих детей не было изначальной сознательной стратегией семейной жизни, но сформировалось позже по личным причинам, часто складываясь в условиях сериальной моногамии.

От традиционной патриархальности, которую выбирает в качестве модели 42,6% опрошенных, а реализует 34,9%, многодетные семьи переходят

к эгалитарности (соответственно, 52,6% и 41,1% респондентов), что подтверждается институциональным многообразием фактических семейных отношений. Заключение брака даже в многодетных семьях не считается обязательной процедурой, что респонденты объясняют статусом одинокой матери, дающий больше материальной помощи от государства.

Религия остается фактором, способствующим многодетности, во многом потому, что поощряет полные семьи и официально зарегистрированные браки, ориентированные на самое большое число детей (рождаемость в семьях, родители которых считают себя верующими в разы больше, чем у атеистов и равнодушных к вере вместе взятых).

Согласно общепринятому мнению, наилучшими условиями для многодетной семьи являются крупные города с развитой инфраструктурой, доступным качественным образованием и здравоохранением, сильной семейной политикой, однако в условиях завышенных требований к социальным стандартам такая семья считается «несовременной», отсталой, проблемной. По словам респондентов, «общество не хочет замечать, понимать и разделять проблемы и трудности многодетной семьи, воспринимая нас как обузу, по сути, не придавая особой социальной значимости тому вкладу, который вносят многодетные родители в развитие нашего государства».

Литература:

1. *1. Антонов А.И. Многодетная семья в эру депопуляции // Фамилистические исследования. Т.2. Миллион мнений о семье и о себе. М.: КДУ, 2009.*
2. *Многодетная семья. Демографическая энциклопедия. / Редкол.: Ткаченко А.А., Аношкин А.В., Денисенко М.Б. и др. - М.: ООО «Издательство «Энциклопедия», 2013. - 944 с.*

Зарубина Юлия Николаевна,

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия

Гендерное равенство как одна из составляющих социальной справедливости

Гендерное равенство можно рассматривать как этическую, философскую, правовую и социально-политическую категорию, а также как составную часть социальной справедливости, поскольку в большинстве концепций социальной справедливости усматривается ее глубинная связь с понятием равенства. Социальная справедливость выступает как категория, с помощью которой характеризуется объективно обусловленная уровнем материальной и духовной зрелости общества мера равенства и неравенства в жизненном положении различных социальных общностей и индивидов [2]. В ноябре 2017 года спецвыпуск журнала «В мире науки» вышел под названием «Не женское это дело? Новые исследования пола и гендера в поисках

справедливости», что свидетельствует о крайней актуальности и злободневности проблем гендерной справедливости и гендерного равенства в современном обществе. Гендерное равенство как разновидность социального равенства, с одной стороны, повсеместно пропагандируется, с другой стороны, наличие дискриминации по половому признаку признаётся на самом высшем уровне. В сентябре 2000 года странами - членами ООН была принята «Декларация Тысячелетия», где равенство полов было определено в качестве одной из целей, которая должна быть достигнута глобальными усилиями. Под гендерным равенством следует понимать социальное равенство полов, обладание равным статусом, независимо от пола, и равными условиями для реализации прав и свобод человека. Гендерное равенство — это полная справедливость в распределении общественных благ и социальной ответственности между женщинами и мужчинами [1, с. 127]. Если обратиться к понятию гендер, то единого толкования данного термина в научной литературе не существует. Некоторые учёные подменяют словом «гендер» понятие пол, другие сводят гендер лишь к ожиданиям общества определённого поло-ролевого поведения, исполнения маскулинных и феминных ролей. Е. П. Ильин, проанализировав различные подходы к определению понятий «пол» и «гендер», делает вывод, что, если речь идет о биологических различиях между мужчинами и женщинами как индивидами, то целесообразно использовать термин пол, когда же говорят о психосоциальной, социокультурной роли мужчин и женщин как личностей, то лучше говорить о гендере, гендерных различиях [4, с.11]. Изучая концептуальные подходы экономических и властных отношений в семье, Д. Х. Ибрагимова указывает на то, что равенство или неравенство мужчин и женщин -давняя проблема, в которой выделяются три основных направления, различающихся по степени изученности в литературе: занятость на рынке; распределение домашних обязанностей; контроль над семейным бюджетом [3]. Проблемы гендерной дискриминации в сфере трудовых отношений давно известны и широко изучаются. Как следует из доклада The Global Gender Gap Report на Всемирном экономическом форуме мужчинам платят больше, чем женщинам, выполняющим тот же объём работы, даже в развитых странах. В среднем в мире заработная плата женщин составляет 81 % от заработка мужчин [5, с. 65]. Россия по уровню зарплатного неравенства между мужчинами и женщинами занимает 75-е место из 144. Его коэффициент у нас составляет 0,691. В США, для сравнения, он равен 0,722, в Германии — 0,766, в Великобритании — 0,752 [7]. Причём препятствия для женщин начинаются ещё на входе в экономику. Во всем мире существует значительный разрыв между женскими и мужскими трудовыми ресурсами, принимающими участие в трудовых отношениях. Такой разрыв достигает 53% на Среднем Востоке и в Африке [5, с. 65]. Даже при условии преодоления данного барьера женщины далеко не всегда оказываются конкурентоспособными на рынке труда. Они имеют меньший, чем мужчины, доступ к капиталу и кредитам, меньше возможностей для продвижения по карьерной лестнице и повышения зарплаты, испытывают дискриминацию при найме на работу.

Меньшие заработки и не всегда максимально высокая продуктивность женщин в профессиональной сфере связаны с необходимостью исполнения женщиной большого объёма домашней работы. Различие домашних ролей мужчин и женщин является исторически сложившейся и глубоко укоренившейся социальной нормой, которая существует во всех странах. К уже существующим видам гендерного неравенства в современном мире добавляется новая его форма, обусловленная вызовом времени, - цифровое неравенство. Компьютерная индустрия и информационные технологии - один из самых быстрорастущих секторов экономики, именно здесь появляется большое количество вакансий, которые требуется заполнить. На сегодняшний день среди ведущих специалистов в IT сфере число женщин составляет всего лишь 18% [6, с. 55]. И виной этому гендерные стереотипы, которые рисуют устойчивый образ программиста, как молодого человека, днями и ночами, сидящего за компьютером. А начинается гендерная стереотипизация ещё в школе, где считается, что занятия точными науками - мужская прерогатива, а девочкам более свойственно интересоваться гуманитарными науками и искусством. Привлечение женщин в сферу информационных технологий частично нивелирует гендерное неравенство и будет выгодно экономически. Осознание существования проблемы гендерного неравенства и необходимости её решения является важным шагом для дальнейшей интеграции общества, преодоления социальных барьеров и разногласий, более активного участия в социально-экономической жизни значительной части населения и достижения социальной справедливости.

Литература:

1. *Большой толковый социологический словарь. М.: АСТ, 2001. 494 с.*
2. *Дыльнова Т.В. Социальная справедливость и социальное неравенство в условиях современной России. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-spravedlivost-i-sotsialnoe (дата обращения 17.01.2018)*
3. *Ибрагимова Д. Х. Деньги, гендер, власть в домохозяйстве: концептуальные подходы. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dengi-gender-vlast-v-domohozyaystve-kontseptualnye-podhody (дата обращения 18.01.2018)*
4. *Ильин Е. П. Пол и гендер. Спб: Питер. 2010, 1250 с.*
5. *Мунос Буде А.М., Ревенга А. Женский труд // В мире науки. 2017, №11, с.62-69.*
6. *Сауджани Р. Код для девушек. // В мире науки. 2017, №11, с.52-56.*
7. *Скидка на пол: почему во всем мире женщины зарабатывают меньше мужчин. URL: https://secretmag.ru/trends/dorogie-zhenshiny.htm (дата обращения 18.01.2018)*

Калачева Олеся Сергеевна,
ФГБОУ ВПО НИ МГУ им. Н,П, Огарева, Саранск, Россия
Антипова Алёна Александровна
ФГБОУ ВПО НИ МГУ им. Н,П, Огарева, Саранск, Россия

Социальная поддержка молодой семьи в Республике Мордовия

Семья как социальный институт выступает важнейшим элементом общественного развития. Мировой исторический опыт свидетельствует, что семья в периоды любых потрясений и кризисов остается наиболее устойчивой социальной структурой. Поэтому идеология приоритета семьи, ее непреходящая ценность для жизни и развития общества закреплена во множестве нормативных актов в современных государствах, в том числе и в России. Одно из основных положений этих документов – укрепление и защита института семьи со стороны общества, разработка национальной семейной политики. В то же время при создании новой семьи возникает целый ряд проблем, таких как: совместимость характеров, планирование рождения ребенка, его воспитание, преодоление различных кризисов, недостаток материальных средств и др. Начальную стадию, то есть молодую семью, следует отнести к одному из важнейших этапов функционирования института семьи. На данном этапе происходят события, которые определяют ее дальнейшее развитие. Поэтому для благополучного существования молодой семьи государство должно прикладывать немалые усилия, проявляющиеся в различных формах социальной помощи, поддержки. Государственная социальная помощь в Федеральном законе от 17.01.1999 г. № 178-ФЗ (ред. от 01.07.2017) «О государственной социальной помощи» рассматривается как предоставление малоимущим семьям, малоимущим одиноко проживающим гражданам, а также иным категориям граждан социальных пособий, социальных доплат к пенсии, субсидий, социальных услуг и жизненно необходимых товаров [1]. Социальную поддержку можно рассматривать как одно из направлений семейной политики по обеспечению и поддержке автономности семьи и ее самообеспеченности. На федеральном уровне данная деятельность регулируется Федеральными законами № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» от 19.05.1995 г., № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29.12.2006 г. и др. На заседании Координационного совета 28 ноября 2017 г. Президент РФ В. В. Путин выделил 6 новых мер поддержки российских семей, среди которых продление срока программы материнского (семейного) капитала, ликвидация очередей в яслях, введение ежемесячной денежной выплаты при рождении первого ребенка и ряд др. В связи с этим является актуальным создание условий для сохранения и развития благополучной молодой семьи как субъекта социальной структуры российского общества, укрепления семейного образа жизни. В Республике

Мордовия активно реализуется одно из направлений молодежной политики – государственная поддержка молодой семьи в целях обеспечения охраны здоровья, улучшения социально-бытовых условий жизни, сохранения генофонда населения республики. В связи с этим молодым семьям предоставляются компенсации и льготы на обеспечение жильем, для ведения индивидуального хозяйства, осуществляется консультирование по проблемам семейной жизни. Для развития и поддержки молодой семьи в Республике Мордовия реализуется целый комплекс программ. Так, Республиканская целевая программа «Жилище» на 2015 – 2020 гг. (с изм. на 24.08.2017), предусматривает оказание государственной помощи в улучшении жилищных условий членам молодой семьи путем предоставления социальных выплат на приобретение жилья [3]. В соответствии с программой «Республиканский материнский (семейный) капитал в Саранске и РМ» до 31 декабря 2018 г. семьям и детям Пенсионный фонд РМ выдает государственные сертификаты в размере 453026 руб. в 2017 г. Эту сумму полностью или по частям можно направить по разрешенным государством направлениям [2]. В рамках программы «Государственная программа РМ «Социальная поддержка граждан» на 2014 – 2020 гг.» семьям с детьми предоставляются денежные выплаты, натуральная помощь, социальные услуги. Программа «Жилье для российской семьи» на 2014 – 2017 годы на территории РМ нацелена на обеспечение семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий, квартирами эконом-класса [4]. В Республике Мордовия также предусмотрены ряд мер социальной поддержки семей с детьми в случаях, когда они в ней особо нуждаются. Так, в 2000 г. в республике был принят Указ Главы РМ «О материальной поддержке малообеспеченных семей, имеющих детей», немного позднее в 2005 г. – Указ Главы РМ «О материальной поддержке многодетных и особо нуждающихся семей», во исполнение данного указа в РМ вышло Положение «О мерах по социальной поддержке многодетных семей в РМ», согласно которому многодетным семьям была установлена скидка в размере 30 % установленной платы за пользование отоплением, водой, канализацией, газом и электроэнергией, а для семей, проживающих в домах, не имеющих центрального отопления – от стоимости топлива, приобретаемого в пределах норм, установленных для продажи населению [5]. Таким образом, в настоящее время в Республике Мордовия сложилась определенная система социальной поддержки молодой семьи. Для дальнейшего развития и укрепления таких семей в республике необходимы ряд мер по совершенствованию семейной политики с целью создания благоприятных условий для молодой семьи; развития инфраструктуры обеспечения молодежной политики; функционирования на региональном уровне детских учреждений, специальных служб по поддержке молодой семьи, формированию психологической готовности членов семьи к освоению новых социальных ролей; создания информационного пространства, помогающего семье самостоятельно выбирать наиболее необходимые и подходящие формы помощи.

Литература:

1. *Федеральный закон «О государственной социальной помощи» от 17.07.1999 №178 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт информ.-правовой компании]. – [М., 2017] – [Режим доступа]. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6659/.*
2. *Закон РМ «О дополнительных мерах поддержки семей, имеющих детей, на территории Республики Мордовия» от 18.10.2011 № 66-3 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт информ.-правовой компании]. – [М., 2017] – [Режим доступа]. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6659/.*
3. *Постановление Правительства РМ «Об утверждении Республиканской целевой программы «Жилище» на 2015-2020 годы от 13.12.2010 № 487 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт информ.-правовой компании]. – [М., 2017] – [Режим доступа]. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6659/.*
4. *Постановление Правительства РМ «Об утверждении государственной программы Республики Мордовия» на 2014 – 2020 годы от 18.11.2013 № 504 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт информ.-правовой компании]. – [М., 2017]. – [Режим доступа]. –http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6659/*
5. *Социальная защита населения [Электронный ресурс] // Министерство регионального развития Российской Федерации : офиц. сайт. – Режим доступа : http://www.minregion.ru/WorkItems/ListDocs.aspx.*

Карасева Алёна Сергеевна,
Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва, Саранск, Россия

Семейно-демографическая политика в регионе как элемент государственного управления (на примере Республики Мордовия)

В последнее десятилетие обеспечение благополучного и защищенного детства стало одним из основных национальных приоритетов России. В посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации ставились задачи по разработке современной и эффективной государственной политики в области детства. По данным, представленным в Распоряжении Правительства Республики Мордовии «Об утверждении плана мероприятий (программы) по обеспечению семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Республике Мордовия»: в Мордовии за 2008 - 2012 гг. численность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, состоящих на учете в органах опеки и попечительства, снизилась на 14,3% и в настоящее время составляет 2677 детей; 494 из них находятся на воспитании в стационарных учреждениях. За этот же период на 8,3% уменьшилась доля детей, переданных под опеку и попечительство, на 18,6% - усыновленных. В то же время доля детей, воспитывающихся в приемных семьях, увеличилась на 23,8%. Всего в республике передано на воспитание в семьи 78,0% детей. Наиболее распространенной формой устройства в Республике Мордовия стала приемная семья [2]. Анализируя, при этом, данные за 2013-2015 гг. следует выделить следующие тенденции в развития семейных форм устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а именно, приемной семьи: 2013- 74%, 2014 - 77%, 2015 - 80%, 2016 - 82% [3].

В том числе, особое внимание в развитии и функционировании института приемного родительства в Республике Мордовия уделяется созданию служб психолого-педагогической помощи семье и детям, действующих на базе детских домов и школ-интернатов, по организации работы, связанной с восстановлением связей с биологическими родственниками воспитанников, подготовкой и передачей детей в замещающие семьи и дальнейшем сопровождении. С целью оказания психолого-педагогической помощи замещающим семьям в воспитании и защите прав детей, находящихся в семье, и пропаганды семейных форм устройства разработаны и изготовлены методические пособия для приемных родителей «Сегодня гость – завтра член семьи», «Дети в приемной семье», памятка для родителей «Кризисы в принимающих семьях», памятка «Правила эффективного общения родителей с детьми. Полезные советы и заповеди для родителей», «Памятка для родителей», «Памятка для приемных родителей», памятка «Управление поведением ребенка», программа «Приемная семья», листовки «Обращение к родителю, лишенному родительских прав», визитка Центра по устройству детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей на воспитание в семьи граждан. Изданы брошюры «Женщина призвана быть матерью», «В ожидании чуда…Советы для будущего папы», «О вреде курения беременной женщины» [1, 1104-1105]. Таким образом, исходя из основных направлений развития института приемной семьи в Республики Мордовия как элемента семейно-демографической политики в регионе, следует отметить следующие тенденции: 1 развития школ приемных родителей на территории республики; 2 применение обязательного психологического тестирования для кандидатов в опекуны, попечители, усыновители; 3 улучшение качества подготовки потенциальных замещающих родителей в целях исключения возврата детей из замещающих семей в учреждения интернатного типа; 4 создание системы профессионального сопровождения усыновителей, опекунов, попечителей, приемных родителей в период адаптации и на последующих этапах жизни ребенка.

Литература:

1. *Карасева А. С. Социальное сопровождение как инновационная технология социальной работы в практике с приемными семьями в Республике Мордовия / А. С. Карасева // Научные достижения и открытия современной молодёжи : сборник статей победителей международной научно-практической конференции. – Пенза : «Наука и Просвещение», 2017. – С. 1103-1105.*
2. *Распоряжение Правительства Республики Мордовия от 17 февраля 2014 года n 99-р «Об утверждении плана мероприятий (программы) по обеспечению семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Республике Мордовия» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://docs.cntd.ru/document/430623041. – Загл. с экрана*
3. *Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.gks.ru. – Загл. с экрана*

Карпова Вера Михайловна,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Демографическая политика сквозь призму многодетности

Обсуждение и исследования мер демографической политики, направленной на поддержание семей с детьми является актуальной и широко распространенной темой научных дискуссий в современной России. Речь идет как о разработке новых мер, так и об улучшении старых, о расширении и увеличении пособий и льгот уже не только в случае рождения второго и последующих, но и первого ребенка [1]. Однако, как было показано в рамках перспективных расчетов еще в начале века для достижения уровня простого замещения поколений (суммарный коэффициент рождаемости на уровне 2,1 ребенка на одну женщину) необходимо значительное повышение доли семей с тремя и более детьми [2]. Действительно, именно за счет таких семей, которые в современном российском законодательстве классифицируются как многодетные, хотя по сути таковыми не являются (истинная многодетность начинается с 5 детей) может быть достигнуто реальное увеличение показателей рождаемости достаточное для подержания хотя бы уровня простого замещения поколений и преодоления депопуляции. В связи с этим особую актуальность приобретают вопросы разработки мер поддержки именно многодетных семей, ориентация демографической политики на нужды этой, на данный момент весьма малочисленной (по данным микропереписи населения МПН 2015 доля семейных ячеек с тремя и более детьми среди всех семейных ячеек составила лишь 8,2% [3]), но столь важной для долгосрочного повышения рождаемости группы семей. В рамках социологического исследования, проведенного совместно кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, министерством здравоохранения республики Башкортостан и Институтом Социологии РАН в Уфе в 2015 году были опрошены представители многодетных семей, с целью выявить их образ жизни, ценностные ориентации, проблемы и способы их решения. Участниками исследования стали 325 респондентов, имеющие трех и более детей. В числе прочих вопросов участников исследования просили оценить перспективность различных мер демографической политики и поддержки многодетных семей. Здесь важно отметить, что именно многодетные родители могут дать адекватную оценку предлагаемых мер, так как они знакомы с реальными трудностями и нуждами этой группы населения, они разделяют их систему ценностей, которая, как было показано в различных исследованиях существенно отличается от ценностей малодетных семей[4]. Результаты опроса показали, что наиболее перспективными для многодетных родителей являются такие меры как: «совершенствование системы государственных семейных пособий» (средний балл по 5-ти балльной шкале 4,26),

«повышение доступности образования для членов многодетных семей» (4,23), «выплата после рождения третьего ребенка семейной зарплаты» (4,19) и «быстрое предоставление многодетным семьям отдельных квартир» (4,14). Любопытно, что среди традиционных тем о необходимости развития системы пособий, выплате семейной зарплаты и улучшения жилищных условий на втором месте по степени важности находится меры, направленные на повышение доступности образования для членов многодетных семей. Также среди набора утверждений, которые предлагались респондентам были два направленные на оценку отношения общества к многодетным. Так свыше половины опрошенных (55,4%) сказали, что мера направленная на «создание в обществе привлекательных образов многодетных семей» могла бы быть действенной для изменения положения многодетных семей, а также половина (50,5%) говорили о важности «преодоления негативного отношения к семьям с большим числом детей». Любопытно, что, говоря об актуальных проблемах многодетных семей, о том, что сильнее всего ухудшает их жизнь лишь 11,8% респондентов сказали о «негативном отношении окружающих к многодетным семьям». Такое казалось бы противоречие в ответах может объясняться тем, что несмотря на то, что актуальных и более насущных проблем в жизни многодетных довольно много и отношение окружающих не столь важно для них, в этом направлении еще нужно и можно много трудиться, чтобы образ многодетной семьи в общественном мнении стал по настоящему положительным и чтобы на многодетную мать смотрели как на женщину, вносящую свой вклад в преодоление демографического кризиса, а не как на досадную помеху и недостаточно интеллектуально развитую соотечественницу. Широкой общественности еще предстоит по достоинству оценить труд и вклад многодетных матерей в развитие современного общества.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976 - 2020 гг.)», проект № №18-011-01037.

Литература:

1. *Федеральный закон от 28 декабря 2017 года № 418-ФЗ "О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей". https://rg.ru/2017/12/29/fz418-site-dok.html*

2. *Антонов А. И., Борисов В. А. Динамика населения России в XXI В. И приоритеты демографической политики. - М. : Ключ-С, 2006*

3. *Данные микропереписи населения 2015 года http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html*

4. *Антонов А. И. Многодетная семья в эру депопуляции // Фамилистические исследования. Миллион мнений о семье и о себе. — Т. 2. — КДУ Москва, 2009*

Киселев Александр Георгиевич,
Журнал "Президентский контроль", Москва, РФ
Шилина Светлана Александровна
Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, РФ
Штельмухова Марина Александровна
Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, РФ

Проблемы отношения государственно-управленческих структур к институту семьи

Актуальность проблем отношения государственно-управленческих структур к семейно-демографическим вопросам не вызывает сомнений. Ведь институт семьи – один из фундаментальных социальных институтов, это «ячейка общества», а из таких ячеек и складывается основа государства. Постоянно воспроизводя новых членов социума, семья тем самым является основой обновления социальной структуры [13]. Проблемы семьи всегда в центре внимания, ведь этот социальный институт имеет первостепенное значение в воспроизводстве членов общества и социализации личности. Об этом свидетельствуют многочисленные публикации по проблемам семьи, демографии, образования [1, 2, 3, 14, 15]. Социальная политика государственно-управленческих структур – это один из индикаторов уровня жизни граждан и заботы правительства об их благосостоянии. Социальная политика характеризуется комплексом мероприятий, который направлен на решение социальных проблем большей части общества и предназначен для его жизнеобеспечения и нормального функционирования. Именно в этой сфере очень остро встают вопросы социальной справедливости / несправедливости [4, 5, 6, 7, 10]. Отметим в связи с вышесказанным важность тех мер, которые принимает и реализует государство в отношении института семьи. 28 ноября 2017 года на заседании Координационного совета при Президенте по реализации национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы Президента РФ В.В. Путин сказал: «Нужна активная работа и по снижению смертности, и по стимулированию рождаемости». «Нужно перезагрузить нашу политику демографического развития, - продолжил Президент. - На первом плане по поддержке стимулирования рождаемости - многодетные со скромными доходами, а также создание дополнительных стимулов для рождения вторых и третьих детей» [8, URL]. «Особое внимание - молодым семьям. Чаще всего их доходы совсем небольшие, и это часто сдерживает рождение детей» [8, URL]. Для поддержания семьи государство формирует семейную политику, которая включает в себя комплекс практических мер, дающих семьям и детям определенные социальные гарантии с целью функционирования семьи в интересах общества. Приведем в пример документы, направленные на

решение социальных проблем в области института семьи на региональном и федеральном уровнях. Это «Программа «Молодая семья» в Брянске и Брянской области в 2017 году» [11, URL], «Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 N 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 года» [12, URL]. Как видим, эти документы призваны улучшить положение семей, восстановить социальную справедливвость, направлены на поддержание семей с детьми. Для решения существующих проблем института семьи необходимо увеличить расходы на социальную поддержку семей, повысить эффективность их использования, совершенствовать законодательство по защите прав семьи, женщин, детей и молодежи [14, 9]. Переживая процессы собственного становления, молодая семья не всегда готова адаптироваться к изменяющейся среде, в отличие от уже устоявшихся семей, имеющих на это ресурсы. Таким образом, государственно-управленческим структурам необходимо проводить социальную политику, направленную на поддержку, возрождение семьи, традиционного семейного образа жизни, ее органически присущих социальных функций, то есть способствовать укреплению и становлению социального института молодой семьи как истока традиционной крепкой семьи.

Литература:

1. *Бедягин С.А. Витальная максима образа жизни / С.А. Бедягин, П.Н. Киричек // Регионология. 2014. № 1 (86). С. 99-108.*

2. *Киричек П.Н. Массмедиа и воспитание: санация информации / П.Н. Киричек // В сборнике: Ценностные ориентиры современной журналистики: сборник научных статей V Всероссийской научно-практической конференции. Пенза, 2017. С. 108-115.*

3. *Киричек П.Н. Социальная политика региональной общности в публичной сфере/ П.Н. Киричек, Г.Д. Золина // Культурная жизнь Юга России. 2014. № 3 (54). С. 46-50.*

4. *Киселев А.Г. Модели государственного реформирования сельского хозяйства: прошлое и настоящее / А.Г. Киселев, С.А. Шилина // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2017. – № 17 (4). – С. 481-490.*

5. *Ключникова Т.Н. Каналы социального взаимодействия государства и общества / Т.Н. Ключникова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2010. – № 3. – С. 88-92.*

6. *Комков Д.Е. Регионы в зоне демографического риска: минус-тенденции миграции и урбанизации / Д.Е. Комков, П.Н. Киричек // Регионология. – 2017. – № 1 (98). – С. 139-148.*

7. *Коркия Э.Д. Концепт экологической культуры: «пределы роста» или резервы для развития / Э.Д. Коркия, А.Р. Курбанов, А.К. Мамедов // Экология и промышленность России. 2017. № 6. С. 58-63.*

8. *Латухина К. Сегодняшние дети - завтрашняя Россия // Российская газета от 28.11.2017 [электронный ресурс] // Режим доступа: https://rg.ru/2017/11/28/ putin-obiavil-o-novyh-merah-podderzhki-semej.html [Дата обращения 30.11.2017]*

9. *Лифанова Т.Е. Формирование у студентов семейных ценностей с помощью психосемантического метода / Т.Е. Лифанова // Категория «социального» в современной педагогике и психологии. Материалы научно-практической конференции (заочной) с международным участием. Редколлегия сборника: А.Н. Ярыгин, А.А. Коростелев, О.И. Донина и др. - Ульяновск, 2013. - С. 385-389.*

10. *Нарбут Н.П. Ценностные ориентации студенческой молодежи в трансформирующемся обществе / Н.П. Нарбут, И.В. Троцук // // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2008. – № 4.*

11. *Программа «Молодая семья» в Брянске и Брянской области в 2017 году [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.ohome.ru/regions-list_pages-32.html [Дата обращения 24.11.2017]*

12. *Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 N 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 года» [Электронный ресурс]*

// Режим доступа: http://www.consultant.ru/ law/hotdocs/36787.html [Дата обращения 24.11.2017]
13. *Шилина С.А. Отражение социальной политики государства по укреплению института семьи в управленческом дискурсе (на основе социологического опроса) / С.А. Шилина, М.А. Штельмухова // Научный журнал «Дискурс». – 2017. – 8 (10). – С. 141-157.*
14. *Liadova A.V. The burnout among emergency physicians: evidence from Russia (sociological study). / A.V. Liadova, E.D. Korkiya, A.K. Mamedov, N.A. Panich // Man in India. 2017. T. 97. № 15. C. 495-507.*
15. *Vasilyev A.V. Conspicuous consumption as an attribute of socio-cultural decadence in Russia / A.V. Vasilyev, V.K. Kovalchuk, E.D. Korkiya, A.K. Mamedov // Man in India. 2017. T. 97. № 10. C. 399-414.*

Кишкин Максим Игоревич,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
Титова Мария Александровна
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Квазисемейная солидарность уличных сообществ (на примере сообщества граффити-райтеров)

В эпоху государственно-монополистического капитализма борьба государства с семьей как борьба централизующей воли с децентрализующими силами социальной природы привела к строгой институционализации семейных практик. Государственно-монополистический порядок тоталитарного общества лишил семью ее ключевой роли в управлении социальной сферой и по существу свел семейные практики к практикам воспроизводства населения и первичной социализации. Выхолощенная «семья» как ячейка воспроизводства государственно-монополистического капитализма оказалась лишь социальным «инкубатором», подключенным к системе всеобщего образования и системе централизованного идеологического «программирования». Неинституционализированные сообщества-грибницы («братства») возникают как живая социальная альтернатива потерявшей свою социальную силу «нормализованной» семье и самим своим существованием оспаривают монополизацию управления социальной сферой государством и институтом «огосударствленной» семьи. Одним из подобных неформальных сообществ-грибниц является сообщество граффити-райтеров. Механизмы солидарности, действующие в сообществах граффити-райтеров реализуются посредством особых социальных практик – коллективных ритуалов нанесения надписей и графических рисунков на различные поверхности в городе. Субкультура граффити – это визуальная антикультура, символически противопоставляющая себя нормативной вербализованной огосударствленной культуре официального города. Представители данной субкультуры ведут сложную социальную жизнь, структурированную особыми неписаными правилами социальной солидарности. Если официальный культурный диалог, межгосударственный обмен строятся на

понятии границы, предполагает коммерциализацию отношений, то субкультура граффити по существу не знает межгосударственных границ, ограничений собственности, соображений торговой выгоды. Данная субкультура носит транснациональный характер. Многие ее представители путешествуют по миру, переезжая из мегаполиса в мегаполис. Возможности интернет коммуникации позволяют им легко находить сообщества единомышленников не только в других городах, но и в других странах мира. Графическая активность представителей данной субкультуры предполагает в качестве своего условия метакоммуникативную солидарность глобального граффити-сообщества и во многом напоминает глобальный городской карнавал с присущими ему чертами смеховой культуры. Коммуникация в глобальном граффити-сообществе использует универсальный язык графики, не требующий специального перевода. Этот язык общедоступен и транснационален. Один из ключевых элементов данного языка – тег, графическое имя-маска участника глобального сообщества. Каждый новый актор глобального сообщества граффити-райтеров обзаводится собственным именем-тегом. Имя-тег играет роль визуального свидетельства, удостоверяет присутствие актора на глобальной сцене антикультуры, на глобальной сцене метакоммуникативной солидарности. Теги подобны карнавальным маскам, отключающим режим обыденного функционально-рационального поведения, упраздняющим формат индивидуальной ответственности, официальных вербальных значений, иерархий, культурных границ. Основным мотивирующим «двигателем» деятельности граффити-райтера является символическое признание или похвала, одобрение со стороны других участников неформального сообщества. Получение нового социального имени – один из элементов символического ритуала признания в сообществе. Имя-тег знаменует собой второе – символическое рождение в глобальной социальной среде граффити-райтеров. Теги – это активные графические знаки. Графические знаки действуют автоматически. Вербальное сообщение избирательно, оно требует знания определенных правил чтения, отсекая от коммуникации тех, кто неграмотен. Так, К.Леви-Строс во многих своих работах излагал гипотезу, по которой письменность может появиться только в иерархических обществах, где одна часть населения вынуждена обслуживать другую. При этом письменность часто применяется именно в целях обслуживания власть имущих [В.В.Иванов]. Графическая, невербальная коммуникация, напротив, демократична – она доступна всем, призывает к общению всех, кто настроен благожелательно. Графический знак требует лишь простого внимания к себе, готовности заметить его. Тех, кто готов заметить имя-тег, графическая коммуникация производит в ранг «посвященных», включает в неформальный «заговор», «сговор» участников неформального братства. Этот сговор обращается к тому простому, что есть в каждом. Простая, незатейливая речь глобального сообщества апеллирует к простым удовольствиям. Язык граффити-сообществ космополитичен и «снижен». Сниженная нецензурная лексика также служит средством индуцирования метасолидарности – она подкупает слушателя возможностью

получить бесплатное удовольствие [Фрейд]. В социокультурной действительности официального города место для бесплатного удовольствия остается лишь в мире антикультуры, не знающей иерархии, подчинения, доминирования и угнетения. С одной стороны, граффити-райтинг – это достаточно новая глобальная социальная практика, с другой – архаичная по сути. Перефразируя высказывания Д.С.Лихачева о смехе, можно сказать, что граффити «как бы возвращает миру его изначальную хаотичность», «отвергает неравенство социальных отношений и отвергает социальные законы, ведущие к этому неравенству, показывает их несправедливость и случайность».

Ковалева Олеся Михайловна,
Финансовый Университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

Гендерная дифференциация на примере динамики продолжительности жизни

В настоящее время одним из актуальных вопросов является гендерная дифференциация в различных областях жизни общества. Она отражает не только отличия в количественном составе возрастных или объединенных по иному социальному признаку групп, но и дает им качественную характеристику. В данной статье будет освещена ситуация, сложившаяся в текущей российской действительности, а именно гендерная дифференциация продолжительности жизни. Стоит отметить, что ни одно социальное явление нельзя рассматривать в отрыве от его динамики, предпосылок и возможных последствий. Динамику продолжительности жизни рационально рассматривать по данным Росстата, представленных с 1896 года, однако при этом нельзя игнорировать пробел в данных между 1927 и 1961 г.: в этот период данные не собирались. За эти 34 года средняя продолжительность жизни возросла на 25,82 года для населения в среднем по стране и в 1961–1962 гг. остановилась на отметке в 68,75 лет. По причине такого большого разрыва в данных в этой статье будет рассматриваться динамика только с 1961 по 2015 г. С 1961 по 2015 г. прослеживается тенденция увеличения средней продолжительности жизни с 68,75 до 71,39 соответственно. Отдельно стоит отметить нижний пик в данной динамике в 1995 г. В этот момент средняя продолжительность жизни составила всего 64,52 года. Этот показатель напрямую связан с нестабильной социо-экономической обстановкой в России в 1990-х гг. Переводя в проценты разницу между крайними замерами для большей наглядности, получим, что продолжительность жизни увеличилась только на 3,9%. Этот показатель позволяет нам отметить наметившуюся тенденцию к увеличению продолжительности жизни, однако мы вынуждены подчеркнуть, что значительного рывка здесь не произошло. Гораздо больший разрыв

наблюдается при сравнении продолжительности жизни мужчин и женщин. В среднем за указанный период разрыв составлял 12,6 лет, при средней продолжительности жизни мужчин в 64,9 лет. Это значительная разница. Причин сложившейся ситуации множество, однако мы считаем нужным остановиться на анализе рынка труда. Такой выбор связан со значимостью рабочей среды в жизни человека, занимающей большую часть буднего дня работающего на полную ставку человека. Рассмотрим гендерную дифференциацию по сферам занятости и количеству часов проведенных на работе. На основной работе 65,8% женщин и 65,3% мужчин заняты от 31 до 40 часов в неделю, по данным из сборника Росстата «Мужчины и женщины 2016». Гендерная дифференциация проявляется в том, что женщины предпочитают неполный рабочий день (22,9% у женщин против 15,1% у мужчин), а мужчины — проводить дополнительные часы за работой (11,3% у женщин и 19,5% у мужчин). Большая рабочая нагрузка влияет на продолжительность жизни, однако не может являться единственным фактором при рассмотрении трудовой сферы. Также необходимо рассмотреть основные сферы занятости, а соответственно условия и тяжесть труда в данной сфере. Интересно выделить наиболее феминизированные отрасли: здравоохранение, образование и сфера слуг. Мужчины же доминируют в таких областях, как строительство, добыча полезных ископаемых, транспорт. Выявляется закономерность между преобладанием определенного пола в конкретных секторах. Значительное количество мужчин занято в сферах, где от участников требуется физическая сила, а условия являются тяжелыми — на улице, вне городов. В сумме с большим количеством рабочих часов тяжелые условия работы и приводят к такой большой разнице в продолжительности жизни между мужчинами и женщинами в России. Специфика трудовой деятельности является не единственной причиной меньшей длительности жизни мужчин, но она очевидным образом оказывает свое влияние. Улучшение условий работы, которые в данный момент являются очень тяжелыми, будет способствовать увеличению длительности жизни мужчин. Длительность жизни, а особенно длительность здоровой жизни, является одним из основных доказательств высокого качества жизни населения в стране, которое в свою очередь напрямую связано с экономическим процветанием страны в целом.

Козлова Татьяна Захаровна,
ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Различия жизнедеятельности опекунских семей по регионам

Одной из острых проблем российского общества является социальное сиротство. По последним данным Федеральной службы государственной статистики России (2017г.) было выявлено и учтено детей и подростков,

оставшихся без попечения родителей, 71000 человек. Две трети из них – социальные сироты.

Это дети – сироты при живых родителях. У одних из них родители лишены родительских прав, других оставили матери в роддомах. .

Социальное сиротство формирует ущербность детей, как их личности, так и здоровья. Исследования отечественных психологов показали, что ребёнок, воспитанный в сиротском учреждении, имеет низкую самооценку, с трудом осознаёт свою идентичность. Он не имеет представления о положительной модели семьи и коллектива, хотя его жизнь проходит в окружении людей. По статистике, около половины выпускников детских домов пропадает для общества: одни становятся алкоголиками, другие ведут противоправную жизнь.

В связи с выполнением задач по улучшению демографической ситуации в стране, в России развивается институт замещающей семьи, т.е. семьи принявшей ребёнка-сироту на воспитание. Цель замещающей семьи – обеспечить успешную социализацию ребёнка, сформировать у него вторичную привязанность к приёмным родителям на месте исходной (вследствие разлуки с матерью). «Вторичной привязанностью» психологи называют отношения, развиваемые ребёнком с другими людьми.

Одна из форм замещающей семьи- опекунская.

Опекунами детей-сирот в большинстве случаев (80%) являются их бабушки. Это матери - родителей детей, которых государство лишило родительских прав.

Исследование современной опекунской семьи было одной из задач социологического исследования, который был организован и проведён автором этих тезисов в 2009 г. в восьми регионах России: Москва, Фрязино (Московская область), Нижний Новгород, Киров, Улан-Удэ, Иваново, Кинешма (Ивановская область), Чудово (Новгородская область). Цель исследования - выявить факторы формирования личности людей, лишённых родительских прав. Дети этих родителей - социальные сироты.[1] Объект исследования – опекуны, родители людей, лишённых родительских прав. Последние недоступны для исследования по разным причинам (сидят в тюрьме, ушли в секту и т.д.). Предмет исследования – “первичная” (кровная) семья, в которой формировались будущие родители детей-сирот, а также современная семья (опекун-ребёнок). Метод исследования – интервью с опекунами по единой методике “Формализованное интервью”, разработанной автором.

В результате анализа результатов исследования в различных регионах мы установили ряд особенностей жизнедеятельности опекунских семей, которые связаны, прежде всего, с тем, что экономическое обеспечение опекунских семей в регионах возложено на руководство региона.

Каково социально-экономическое положение опекунской семьи? Для опекуна предусмотрено ежемесячное пособие, которое выплачивается из средств бюджета субъекта РФ. Размер такого пособия определяется на уровне субъекта РФ.

Во время проведения нашего исследования в Москве это пособие составляло 10000 рублей, такой же размер пособия был во Фрязино (Московская обл.). В Нижнем Новгороде и Кирове –7000 рублей, в Иваново – 4000 рублей, т.е. кроме Москвы и Московской области, в других регионах выплаты опекунам были ниже.

В интервью респонденты (в городах с меньшей выплатой по сравнению с Москвой) говорили, что им не хватает денег для всестороннего развития внука («нужно купить компьютер», «отдать ребёнка в платную секцию» и т.д.). Некоторым опекунским семьям помогают их родственники. Иногда опекуны находят себе работу. Однако, в настоящее время почти половина респондентов не работает. Большинство из них пенсионеры, у некоторых из них слабое здоровье. Если опекун работает, то меньше времени уделяется воспитанию ребёнка.

Размер выделяемых материальных средств для опекунских семей в разных регионах отражается на организации работы с ними. Москва является образцом организации работы с опекунскими семьями. Ранее (2007 г.) нами было проведено исследование опекунских семей в Москве во всех десяти округах столицы[2]. В каждом районе (их несколько в округе) созданы отделы по работе с опекунскими семьями. Опекуны приходят в эти отделы и решают проблемы воспитания детей (в какую секцию устроить, в какой санаторий послать и др.) Из-за меньшего материального обеспечения по статье «Опекуны» в регионах (по сравнению с Москвой) существует нехватка кадров работы с опекунами. Отсутствие отделов в регионах по работе с опекунскими семьями несомненно сказывается на жизнедеятельности опекунских семьями не в лучшую сторону.

Всё выше написанное к вопросу о справедливости.

Литература:

1. *Т.З.Козлова. Люди, лишённые родительских прав; их социализация и жизненные траектории.-М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2015.*

2. *Т.З.Козлова. Опекунская семья. –М.: Аспект-Пресс, 2009.*

Козырев Геннадий Иванович,

РХТУ им. Д.И. Менделеева, Москва, Россия

Рефлексивный брак как фактор справедливости: плюсы и минусы

Современное общество является обществом повышенной рефлексивности, которая предполагает развитие и рост автономного мышления и приоритет личного выбора, в том числе и в брачно-семейных отношениях. Это, с одной стороны, позволяют молодым людям более полно выражать свои интересы и приоритеты, с другой – брать на себя ответственность за свои решения. Кроме того, если в традиционном обществе обязательным условием межполового единения является брак и

семья, то в современных представлениях для значительной части юношей и девушек любовь становится как бы самоцелью. Так, в ходе опроса 72,9% молодых людей в иерархии ценностей на первое место поставили «встретить любимого (любимую)» и только 38,9% - «создать семью» [1]. Но свобода выбора брачного партнера предполагает и свободу развода. Поэтому современные браки менее устойчивы. Так, если в СССР в 1960-е годы средняя продолжительность брака составляла 32 года, то в современной России примерно 10 лет [2]. При этом любовь является не единственным фактором создания семьи. По данным Monitoring. ru, на вопрос заданный россиянам в 2002 году «На чем держатся браки?», были получены следующие ответы: на любви – 28% от общего числа опрошенных; на детях – 19%; на деньгах – 17%: на привычке – 17%; на дружбе – 7%; на безысходности – 3%; другое – 9% респондентов [3]. Следовательно, факторы брачного состояния значительно многообразнее, нежели только любовь или расчет. Это подтверждают и результаты всероссийского опроса, проведенного ВЦИОМ 17-18 августа 2013 г. на тему «Идеальная семья по-русски»: - 25% респондентов считает, что идеальная семья – это та, где царит взаимопонимание и взаимоуважение; - 22% – благополучие и достаток; - 17% – семья, в которой есть мама, папа и дети, то есть полная семья; - для 13% идеальной является семья, в которой царит любовь; - 11% назвали «счастье каждого члена семьи»; - 8% полагают, что в образцовой семье обязательно должны быть дети; - такой фактор как верность супругов выбрали лишь 4% опрошенных; - здоровье членов семьи - 2%; - законность брака и отсутствие вредных привычек – по 1% [4]. Данные опроса ВЦИОМ показывают, что любовь в «чистом виде» оказалась по значимости лишь на 4 месте (13%). Зато такой «универсальный» фактор как «взаимопонимание и взаимоуважение» занял первое место (25%). А на втором месте оказался такой фактор как «благополучие и достаток» (22%). Царящая в семье любовь более важна для молодых респондентов (19%), нежели чем для пожилых (10%). Следовательно, любовь с годами имеет тенденцию угасать, замещаясь иными чувствами и отношениями, например, такими как взаимное уважение и/или сопереживание (забота). При этом благополучие в семье для женщин имеет большее значение, чем для мужчин (25% против 18%) [4]. По мнению К. Макаровой, установка на брак по расчету в значительно большей степени характеризует поведение современных российских женщин. Для них это определенная стратегия выживания и адаптации в современной нестабильной действительности. А мужчины в таких отношениях превращаются в предмет потребления [5]. И такие установки на брак характерны не только для российских женщин, что подтверждает следующий афоризм: «Успешный мужчина – это тот, кто зарабатывает больше, чем может потратить его женщина. Успешная женщина – это та, которая сможет найти такого мужчину» [6]. Но, если серьезно, то рефлексивный брак предполагает компромиссом между браком «по любви» и браком «по расчету». В основе такого семейного союза лежат взаимные симпатии, договорные отношения и взаимопонимание между супругами. О подобном семейном союзе еще в

конце 1980-тых гг. говорил французский социодемограф Л. Руссель. По его мнению, люди не перестанут влюбляться и в третьем тысячелетии. Но желание разрешить противоречия между любовными чувствами и рациональной деятельностью приведут к особой форме супружества, которую Руссель называет – «семья-клуб» (la famille-club). Смысл такой семьи состоит в том, что, супруги, не претендуя на великую и «вечную» любовь, ищут взаимопонимания и согласия, а в случае возникновения противоречий, решают их методом конструктивных переговоров и взаимных компромиссов. Ребенок в такой семье воспринимается, скорее, как партнер, а развод не означает окончательного разрыва отношений, а лишь их продолжение на ином уровне [7]. Рассудочный рефлексивный брак больше похож на свободный союз, нежели на институционализированную форму супружеских отношений. Это своего рода семейная ассоциация относительно свободных людей. Но для ее воплощения в жизнь необходимы такие составляющие как достаточно высокий уровень экономического развития общества, социальное государство, гарантирующее всем и каждому определенный социальный достаток и высокий уровень гражданской ответственности людей, вступающих в рассудочный рефлексивный брак.

Литература:

1. *Владин В.З., Капустин Д.З. Гармония брака. Минск: Па- радокс, 1999. - с. 84.*
2. *Продолжительность брака. URL: http://atlasmap.ru/index.php/countries/92450 (дата обращения: 26.01.2018).*
3. *Соцопрос: На чем держатся браки? // Аргументы и факты 2002 г. № 45. С. 2.*
4. *Идеальная семья по-русски. URL: http://fito-center.ru/obschestvo/18636-rezultaty-socoprosa-idealnaya-semya-po-russki-vciom.html (дата обращения: 29.03.2015).*
5. *Макарова К. Брак по расчетк: новая стратегия или возврат к патриархальной традиции? URL: http://tomb-raider6.narod.ru/lib/gg/gendernye_otnoshenija_v_sovremenn/brak_po_raschetu_novaja_strategij.html (дата обращения: 29.03.2015).*
6. *Пиз А. Почему мужчины хотят секса, а женщины любви / Алан и Барбара Пиз; [пер. с англ. Т. Новиковой]. – М.: Эксмо, 2013. С. 67.*
7. *Roussel L. La famine incertaine. Editions Odile Jacob. Paris, 1989.*

Колосова Елена Андреевна,

Московский городской психолого-педагогический университет, Москва, Россия

Потребительская социализация детей: социальная дифференциация

Целью потребительской социализации детей является приобретение навыков потребительского поведения и усвоения знаний об основных понятиях, характеризующих различные аспекты потребления. Дети проходят несколько стадий потребительской социализации [Аянян, 2015; Серых, Оргеева, 2014]. Перцептивная/предоперационная стадия (в возрасте 3-7). Дети на этом этапе фиксированы на своем непосредственном восприятии людей и объектов, а не на абстрактном или символическом мышлении.

Познавательная структура детей этой стадии еще слабо организована, речевые навыки еще только развиваются. Родители могут позволить детям этого возраста лишь небольшой потребительский выбор. Для дошкольного возраста основную роль в процессе потребительской социализации играет семья. Существуют несколько методов потребительской социализации в семье. В зависимости от степени участия родителей в процессе потребительской социализации выделяются следующие методы [Аянян, 2015]: инструментальный тренинг (это строгое инструктирование детей родителями или старшими в семье вести себя определенным образом); моделирование (неосознаваемое повторение человеком поведения старшего по возрасту человека, воспроизведение модели его потребительского поведения); посредничество родителей в восприятии детьми рекламы и атрибутов продукта (интерпретация коммуникативных сообщений). Именно семья является сегодня основным потребителем социальных услуг для детей, родители или иные официальные представители ребенка принимают осознанное добровольное решение о выборе из предложений на своеобразном рынке услуг учреждений и организаций культуры. В зависимости от степени самостоятельности потребительского поведения детей выделяют следующие методы потребительской социализации: наблюдение (обучение детей потребительскому поведению посредством визуального восприятия поведения других людей); совместное потребление услуг и товаров (совместные походы за покупками, на мероприятия и т.п. родителей и детей); прямой опыт (собственный опыт в качестве самостоятельного потребителя товаров и услуг). Аналитическая/конкретно-операционная стадия (в возрасте 8-11). Аналитический этап характеризуется переходом детей к использованию различных форм сравнения признаков объектов для определения отношения к ним и развитием аналитических способностей. У детей формируются более сложные способности применять логическое мышление к конкретным проблемам. На этой стадии социализации дети начинают развивать методы убеждения, которым они учатся у других детей для влияния на своих родителей. В младшем школьном возрасте увеличивается влияние сверстников и уменьшается родителей, как демонстрация независимости ребенка и соответствия нормам поведения группы сверстников, в которую он входит. Кроме того, на потребительскую социализацию младших школьников влияет количество доступных денег и характер проведения свободного времени. Чем меньше собственный доход ребенка (подарки, карманные деньги, деньги за работу по дому и т.п.), тем менее важно для него влияние сверстников и больше влияние родителей. Для тех детей, кто проводит досуг без участия взрослых, более выраженным фактором является влияние сверстников. Дети, которые проводят досуг в одиночестве подвержены серьезному влиянию СМИ, для более младших – телевизор, для более старших – интернет. Наиболее ярко проявляются гендерные особенности потребительской социализации в младшем школьном возрасте. Рефлексивная/формально-операционная стадия (в возрасте 12-15). На этой стадии развития дети приобретают способность понимать сложные

социальные контексты и смыслы, связанные с потреблением. У детей 12—15 лет способность к абстрактному мышлению и ассоциированию концепций и идей более полно сформирована. Дети имеют более значимые финансовые ресурсы и способности принимать решения по широкому спектру продуктов. Многие из детей этого возраста влияют на родительские покупки, но в большинстве случаев уже самостоятельно осуществляют свои. На материальное потребление подростков оказывает влияние семья, телевидение, а также коммуникации с ровесниками [Шадрина, 2009б]. С увеличением возраста повышается степень сопротивляемости рекламной информации и улучшается понимание маркетинговых стратегий (особенно в отношении цены). С 12 лет вполне полноценным является формирование ассоциативной сети памяти, что позволяет использовать полученную ранее информацию о товаре в последующих покупательских решениях [Шадрина, 2009а]. Основные виды источников доходов у подростков помимо карманных денег и подарков, включают также самостоятельно заработанные деньги. Для подростков характерна покупка продуктов, имеющих определенный социальный статус, однако все еще существует ограниченность подростков в средствах. При совершении покупок подросток начинает опираться и на собственное мнение. Потребительская социализация детей является важной частью общего процесса социализации в современном обществе. В процессе потребительской социализации происходит накоплении потребительского опыта и расширение потребительского репертуара по мере взросления ребенка. Особую роль на ранних стадиях потребления играет семья во многом определяющая потребительские привычки ребенка на будущее, определяющая границы потребительских возможностей с учетом финансового фундамента семьи, ее социального статуса и места проживания (село, малый город, большой город, мегаполис).

Литература:

1. *Аянян А. Н. Особенности потребительской социализации детей старшегодошкольного возраста (сравнительный анализ данных 2009 и 2014 гг.) // Мир психологии. №1, 2015. С. 122-132.*
2. *Серых А.Б., Оргеева М.Э. Потребительская социализация в контексте когнитивного развития ребенка // Вестник Воронежского государственного технического университета. №3-2. Т.10, 2014 С. 63-66.*
3. *Шадрина С.В. Потребительское поведение подростков: основные факторы влияния // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009 (а), Сер. 8, Вып. 2. С. 53-90.*
4. *Шадрина С.В. Исследование подростков как потребителей: основные этапы развития // Вестник РУДН, серия Экономика, 2009 (б), № 3. С. 92-100.*

Комарова Оксана Юрьевна,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева», Саранск, Россия

Социальное неравенство женщин на селе как предмет социального консультирования (на примере Республики Мордовия)

Современное сельское общество и протекающие в нём процессы ускорения темпов социальной мобильности, изменения базовых норм и ценностей, урбанизации, расширения ценностно-нормативных границ человеческого поведения, роста уровня социальной автономности личности ставят перед человеком целый ряд материальных, психологических, юридическим, медицинских, социально-психологических, социально-педагогических проблем. Перед сельским населением встает необходимость выбора способа решения проблемы из множества возможных вариантов. Некоторые проблемы удается успешно решить самостоятельно, либо с помощью близких людей, но в ряде случаев не хватает знаний, опыта, информации. Тогда человек вынужден прибегнуть к помощи специалиста, воспользоваться технологией социальной работы - получить консультацию [1, с. 188]. Спецификой деятельности социальных служб на селе, является то, что за помощью обращаются лица, попавшими в трудную жизненную ситуацию, нередко девиантные, маргинальные слои населения. К сожалению, в силу ряда причин в эту же группу сегодня попадает значительная часть женщин. По данным социально-экономического мониторинга в Республике Мордовия большинство клиентов социальных служб, это женщины (70,6 % в Большеберезниковском районе; 72,3 % в Атяшевском районе Республики Мордовия) [2, с. 17]. Например, на учете в ГКУ «Социальная защита населения по Атяшевскому району Республики Мордовия» по состоянию на 01.01.2017 г. в отделении социально-бытового обслуживания населения на дому состоит 159 человек, их них 120 женщин. В отделение срочной социальной помощи за 2017 г. уже поступило 367 устных обращений, из них от женщин, нуждающихся в консультативно-разъяснительной помощи - 198 обращений. Чаще всего за помощью и консультацией обращаются женщины с низким социальным статусом, имеющие не одну, а целый комплекс проблем. В современном сельском обществе некоторые женщины, вплоть до 30 лет не могут определить, какую профессию им выбрать, не имеют возможности вступить в брачные отношения и создать полноценную семью. В связи с этим, женщина может испытывать повышенное чувство дискомфорта, неудовлетворение от собственной жизни, рассогласование с самой собой. На протяжении долгого времени на селе, формировались и продолжают оставаться гендерные диспропорции в различных сферах жизнедеятельности, где женщине отводится второстепенная роль. Проблема

и в том, что существующие механизмы социальной политики пока не способны обеспечить равные шансы для женщин и мужчин во всех сферах жизни общества. Традиционно сложившиеся взгляды на женщину в большинстве своем рассматривают ее как личность «второго плана», слабую, беззащитную, не активную, занимающуюся домом и детьми, которые по нашему мнению, не могли не сказаться на ее социальном статусе в современном обществе. В социальной работе консультирование сельских женщин предполагает выявление женщин, нуждающихся в социально-консультативной помощи, а также консультирование по вопросам: профилактики различного рода социально-психологических отклонений; социально-бытового обслуживания; социальной защиты; заявлений и жалоб социального обслуживания; направления в государственные бюджетные стационарные учреждения социального обслуживания системы социальной защиты населения; действующего законодательства социальной защиты и социального обслуживания населения; по назначению и выплате денежных пособий, льгот и иных преимуществ. Все множество проблем, связанных с современной сельской женщиной, можно разделить на следующие группы: «социально-экономические (женская безработица, низкий уровень заработной платы и престижности профессии, проблемы трудоустройства, экономическая зависимость от мужчины, «двойная занятость»); социально-бытовые (отсутствие жилья, трудности обеспечения условий проживания женщин в домах-интернатах и пансионатах, одиноких пожилых женщин и инвалидов); семейные (воспитание детей, семейные конфликты и насилие, развод, трудности жизнедеятельности матерей детей-инвалидов, одиноких и несовершеннолетних матерей, многодетность при материальном неблагополучии, вдовство); социально-медицинские (проблемы здоровья женщин связанные с возрастом и инвалидностью, бездетность, осложненная беременность, женские заболевания, выхаживание грудных детей); социально-психологические (вынужденный отказ женщины от ряда социальных функций, ролей и статусов, одиночество, психологическое насилие, искажения гендерной идентичности и/или полового самосознания)» [3, с. 268-269]. Технология социального консультирования, позволяет квалифицированно посоветовать, помочь женщине, испытывающей различные проблемы, с целью ее социализации, восстановления и оптимизации социальных функций, выработки социальных норм общения [4, с. 111]. Таким образом, консультирование занимает важное место в структуре социальной помощи нуждающимся сельским женщинам, так как располагает огромным потенциалом использования для решения социальных проблем, смягчения и предотвращения социальной патологии. Каждое структурное подразделение социальной службы на селе, отличается спецификой профессионального воздействия и помощи женщинам, испытывающим различные социальные проблемы, направленных на разрешение проблем, на восстановление, сохранение или улучшение их социального статуса, а также на предупреждение повторного появления подобных трудностей и включает разные направления социальной работы.

Литература:

1. *Касаркина Е. Н. Сельские женщины как объект социального консультирования / Е. Н. Касаркина, О. Ю. Комарова // Современные технологии в мировом научном пространстве: сб. ст. Междунар. науч.-практич. конф. (20 ноября 2016 г., Казань). В 4 ч. Ч. 3. –Уфа : АЭТЕРНА, 2016. – С. 188-190.*
2. *Комплексная оценка работы учреждений социальной защиты населения Республики Мордовия: монография/ под ред. В. В. Конакова. - Саранск : Государственное казенное учреждение Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга», 2015. - 288 с.*
3. *Новикова Е. Н. Технологии социальной работы с женщинами // Технологии социальной работы : учебное пособие ; под общ. ред. проф. Л. И. Савинова. – Саранск :Афанасьев В. С., 2011. – С. 265-274.*
4. *Касаркина Е. Н. Ориентированность технологий социальной работы на женскую проблематику / Е. Н. Касаркина // Отечественный журнал социальной работы. – 2013. – № 4. – С. 110–115.*

Комарова Оксана Юрьевна,
АНО СОГ "Вера" г. Рузаевка, Саранск, Россия

Социальное неравенство как причина обращения сельских женщин за консультированием в социальную службу (на примере республики Мордовия)

В настоящее время в России, социальное консультирование как технология социальной работы используется специалистами практически всех учреждений и служб социальной защиты на селе. Спецификой деятельности сельских социальных служб, является то, что за помощью обращаются лица, попавшими в трудную жизненную ситуацию, нередко девиантные, маргинальные слои населения. К сожалению, в силу ряда причин в эту же группу сегодня попадает значительная часть сельских женщин, что дает основание определения их как особого и постоянного клиента. Современное сельское общество и протекающие в нём процессы ускорения темпов социальной мобильности, изменения базовых норм и ценностей, урбанизации, расширения ценностно-нормативных границ человеческого поведения, роста уровня социальной автономности личности ставят перед человеком целый ряд материальных, психологических, юридическим, медицинских, социально-психологических, социально-педагогических проблем. Перед сельским населением встает необходимость выбора способа решения проблемы из множества возможных вариантов. Некоторые проблемы удается успешно решить самостоятельно, либо с помощью близких людей, но в ряде случаев не хватает знаний, опыта, информации. Тогда человек вынужден прибегнуть к помощи специалиста, воспользоваться технологией социальной работы - получить консультацию [1, с. 188]. В настоящее время демографическая ситуация на селе характеризуется депопуляцией населения. Например, численность сельского населения Республики Мордовия неуклонно уменьшается: на 1 января 2014 г. она составляла 319,4 тыс. чел., или 39,3 % всего населения региона. По

сравнению с 1990 г. произошло сокращение на 97,2 тыс. чел., или 23,0 %. При этом в сельской местности смертность почти в 2,2 раза превышает рождаемость [2, с. 63]. Суммарный коэффициент рождаемости уменьшился с 1,87 на 1,36 ребенка на одну женщину репродуктивного возраста, и несмотря на некоторую положительную динамику (2000 г.) остается ниже уровня обеспечивающего простое воспроизводство населения [3, с. 5]. По данным социально-экономического мониторинга в Республике Мордовия большинство клиентов социальных служб, это женщины (70,6 % в Большеберезниковском районе; 72,3 % в Атяшевском районе Республики Мордовия) [4, с. 17]. Например, на учете в ГКУ «Социальная защита населения по Атяшевскому району Республики Мордовия» по состоянию на 01.01.2017 г. в отделении социально-бытового обслуживания населения на дому состоит 159 человек, их них 120 женщин. В отделение срочной социальной помощи за 2017 г. поступило 367 устных обращений, из них от женщин, нуждающихся в консультативно-разъяснительной помощи - 198 обращений. Чаще всего за помощью и консультацией обращаются женщины с низким социальным статусом, имеющие не одну, а целый комплекс проблем. Причиной обращаемости сельских женщин за консультацией в социальную службу являются последствия социального неравенства, выражающиеся в обладании неравными жизненными шансами и возможностями удовлетворения потребностей. Примеров много, так сельская женщина нуждается в консультировании по причине одинокого материнства. Иной пример, в современном сельском обществе некоторые женщины, вплоть до 30 лет не могут определить, какую профессию им выбрать, не имеют возможности вступить в брачные отношения и создать полноценную семью. В связи с этим, женщина может испытывать повышенное чувство дискомфорта, неудовлетворение от собственной жизни, рассогласование с самой собой. На протяжении долгого времени на селе, формировались и продолжают оставаться гендерные диспропорции в различных сферах жизнедеятельности, где женщине отводится второстепенная роль. Проблема и в том, что существующие механизмы социальной политики пока не способны обеспечить равные шансы для женщин и мужчин во всех сферах жизни общества. Традиционно сложившиеся взгляды на женщину в большинстве своем рассматривают ее как личность «второго плана», слабую, беззащитную, не активную, занимающуюся домом и детьми, которые по нашему мнению, не могли не сказаться на ее социальном статусе в современном обществе. В социальной работе консультирование сельских женщин предполагает: 1) выявление женщин, нуждающихся в социально-консультативной помощи; 2) консультативно-разъяснительной помощь по профилактике различного рода социально-психологических отклонений; 3) консультирование по вопросам социально-бытового обслуживания; 4) консультирование по вопросам социальной защиты; 5) консультирование по заявлениям и жалобам социального обслуживания; 6) консультирование по вопросам направления в государственные бюджетные стационарные учреждения социального обслуживания системы социальной защиты

населения; 7) консультирование по вопросам действующего законодательства по вопросам социальной защиты и социального обслуживания населения; 8) консультирование по назначению и выплате денежных пособий, льгот и иных преимуществ. Все множество проблем, связанных с современной сельской женщиной и социальным неравенством, можно разделить на следующие группы: «социально-экономические (женская безработица, низкий уровень заработной платы и престижности профессии, проблемы трудоустройства, экономическая зависимость от мужчины, «двойная занятость», экономические преступления, дискриминация по отношению к женщине); социально-бытовые (отсутствие жилья, трудности обеспечения условий проживания женщин в домах-интернатах и пансионатах, одиноких пожилых женщин и инвалидов);

Литература:

1. *Касаркина Е. Н. Ориентированность технологий социальной работы на женскую проблематику / Е. Н. Касаркина // Отечественный журнал социальной работы. – 2013. – № 4. – С. 110–115.*
2. *Касаркина Е. Н. Сельские женщины как объект социального консультирования / Е. Н. Касаркина, О. Ю. Комарова // Современные технологии в мировом научном пространстве: сб. ст. Междунар. науч.-практич. конф. (20 ноября 2016 г., Казань). В 4 ч. Ч. 3. –Уфа : АЭТЕРНА, 2016. – С. 188-190.*
3. *Комплексная оценка работы учреждений социальной защиты населения Республики Мордовия: монография/ под ред. В. В. Конакова. - Саранск : Государственное казенное учреждение Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга», 2015. - 288 с.*
4. *Новикова Е. Н. Технологии социальной работы с женщинами // Технологии социальной работы : учебное пособие ; под общ. ред. проф. Л. И. Савинова. – Саранск :Афанасьев В. С., 2011. – С. 265-274.*
5. *Потапова Л. Н. Малые формы хозяйствования в истории социально-экономического развития сельских территорий Республики Мордовия (1990 – 2014 гг.) / Л. Н. Потапова, С. В. Потапов // Финно-угорский мир. – 2015. - № 2. – С. 62 – 66.*
6. *Репродуктивные установки как фактор воспроизводства населения Республики Мордовия : аналитический доклад / под ред. В.В. Конакова. - Саранск : Государственное казенное учреждение Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга»,*

Коновалова Галина Михайловна,

Сергиево-Посадский музей-заповедник, Сергиев Посад, Московская обл., Россия

Основные направления и механизмы государственной социокультурной политики по устранению социальной несправедливости в отношении стареющего населения России

Основные направления государственной социокультурной политики по устранению социальной несправедливости в отношении стареющего населения России осуществляется по следующим основным направлениям[1]:
- усиление правовой защиты граждан пожилого, оказавшихся в трудных жизненных ситуациях или пострадавших от преступных деяний, создания

социальной адвокатуры и социальных судов; - обеспечение достойного уровня жизни пожилых людей посредством поддержания гарантированного прожиточного минимума и дохода, которые позволили бы им удовлетворять жизненные потребности, повышать качество жизни вне зависимости от принадлежности к какой-либо категории, региона проживания и других условий; - повышение статуса здоровья пожилых людей; - содействие повышению роли семьи в уходе за пожилыми людьми, экономическая, социальная и психологическая поддержка семей, предоставляющих уход престарелым родственникам, организация эффективного социального обслуживания одиноких пожилых людей; - содействие в обеспечении пожилых людей достойным жилищем в соответствии с минимальными государственными стандартами; - оптимизация сети и развитие материально-технической базы учреждений, обслуживающих пожилых людей в различных отраслях социальной сферы; - предоставление адресной социальной помощи лицам пожилого возраста, в первую: очередь одиноким гражданам и пожилым супружеским парам, утратившим способное к самообслуживанию, тяжело больным пожилым людям; - создание благоприятных условий для посильной трудовой занятости пожилых людей и обеспечение им гарантий в части удовлетворительных условий и оплаты труда; - стимулирование социального участия и поддержка социально ориентированных инициатив пожилых людей; - организация эффективной психологической помощи пожилым людям, включая подготовку смене социального статуса и выходу на пенсию; - обеспечение доступности пожилым людям информации о предпринимаемых мерах по улучшению их правового, экономического и социального положения, о деятельности органов исполнительной власти. В период до 2050 года предстоит всесторонне совершенствовать следующие механизмы реализации конкретных направлений государственной социокультурной политики по устранению социальной несправедливости, относящейся к пожилым людям как к особой социально-демографической группе и учитывающей основные формы их жизнедеятельности [1]: - обеспечение обоснованности принимаемых решений, федеральных и региональных целевых программ, направленных на поддержку граждан старшего поколения; - осуществление экспертизы законопроектов и проектов нормативных правовых актов на федеральном и региональном уровне на предмет их возможного воздействия и ожидаемых последствий для жизнедеятельности граждан старшего поколения; - упрочение правового механизма и экономических гарантий предоставления социальных и социально-медицинских услуг, обеспечения медицинской и лекарственной помощи, санитарно-эпидемиологического благополучия граждан старшего поколения; - осуществление нормотворческой деятельности по совершенствованию системы правовых гарантий благосостояния граждан старшего поколения, наряду с развитием новых социальных технологий поддержки семьи, в первую очередь многопоколенной; - осуществление переоценки на федеральном и региональном уровне действующего законодательства для незамедлительной

ликвидации в нем пробелов, используемых для совершения преступлений в отношении пожилых людей; - разработка и реализация программ правового просвещения, разъясняющих права граждан старшего поколения на государственную поддержку; - обеспечение, пожилым людям при наличии соответствующих показаний доступности всех форм медицинской помощи; - последовательное повышение реального содержания пенсий с учетом роста потребительских цен и динамики среднемесячной заработной платы в стране. Своевременное осуществление пенсионных выплат. Проведение пенсионной реформы в целях обеспечения финансовой устойчивости пенсионной системы; - развитие сети учреждений, оказывающих социальную помощь и предоставляющих социальные услуги пожилым людям; - внедрение инновационных моделей социального обслуживания в нестационарных и полустационарных учреждениях социального обслуживания; - обеспечение разработки и реализация на региональном и муниципальном уровне программ, предусматривающих строительство и реконструкцию обустроенного жилья для многопоколенных семей; - создание индустрии геродиетических продуктов, имеющих лечебно-профилактическое значение и оказывающих положительное влияние на стареющий организм; - разработка мероприятий, направленных на предоставление гражданам старшего поколения возможности для посильной занятости в государственном и негосударственном секторах экономики; - организация работы по поддержанию социально-культурной активности пожилого населения путем укрепления функциональных структур, ориентированных на обеспечение гражданам старшего поколения равных условий и возможностей для полноценной социально-культурной жизни; - осуществление мер, имеющих целью безопасность применения пожилыми людьми лекарственных средств, средств бытовой химии, удобство пожилых людей на улицах и в транспорте; - предупреждение недобросовестной рекламы и методов сбыта, основанных на эксплуатации проблем пожилых людей и их материальных ресурсов. - приобщение пожилого населения к средствам массовой коммуникации за счет специальных рубрик в печатных и электронных средствах массовой информации

Литература:

1. *Основные направления социально-экономической политики Правительства Российской Федерации на долгосрочную перспективу Электронный ресурс. Информационно-аналитический портал «Современная Россия». Режим доступа: www.nasledie.ru.*

Королева Светлана Викторовна,
РГСУ, Павловский Посад, Россия

Аспекты несправедливости в социально-педагогической работе с дезадаптированными детьми и подростками

В современном обществе уделяется большое внимание воспитанию детей. Этот процесс является перманентным и непрерывным. Воспитательные программы реализуются в различных социальных средах, одной из которых является среда детских оздоровительных учреждений. В таких учреждениях организуется детский досуг, творческое развитие, прививается опыт общения и т.д. Социальная справедливость требует, чтобы в детский отдых был доступен всем категориям детей – имеющих или не имеющих родителей, воспитывающихся в состоятельных или бедных семьях, являющихся дезадаптирваннми или социально адаптированными [1]. Несколько лет подряд детские оздоровительные лагеря работали с дезадаптированными детьми и подростками по программе «Дети улиц». Опытные сотрудники, обладающие большим педагогическим опытом, столкнулись с целым комплексом проблем, не являющихся типичными для детского оздоровительного учреждения. Пребывание детей в лагерях принесло неожиданный отрицательный эффект. На одной территории собрали детей и подростков, состоящих на учете в КДНиЗП, имеющих разнообразные формы девиантного поведения, которые они охотно демонстрировали и транслировали другим детям. Особые трудности в социально-педагогической работе вызвали такие категории дезадаптированных детей и подростков как: несовершеннолетние, осужденные условно за совершение правонарушений; дети – жертвы насилия; дети, демонстрирующие суицидальное поведение. Несовершеннолетние, осужденные условно за совершение правонарушений – достаточно сложная для пребывания и лагере категория детей. Информация об условном сроке несовершеннолетнего не являлась публичной, этих детей никак не выделяли, не маркировали и не сегрегировали, они находились в отрядах в соответствии с их возрастом. К сожалению, криминальный опыт, полученный несовершеннолетним, имеющим условный срок, в среде детей, состоящих на учете в КДНиЗП, является явным преимуществом, предметом гордости, и автоматически повышает статус ребенка. Такие дети, если их в отряде несколько, образуют свою закрытую группу, как правило, самостоятельно размещаются в одних комнатах, выделяя самого сильного лидера. Группа несовершеннолетних, имеющих условные сроки, транслируют опыт общения с сотрудниками полиции, возможности несоблюдения норм законов, особенности взаимодействия с криминальными элементами другим детям. Правила, принятые в лагере, отвергаются, режимные моменты игнорируются. Тюремные нормы для таких детей кажутся простыми и правильными, а при

условии, что они являются носителями этих норм – знания также транслируются другим детям с обязательным соблюдением этих правил. В речь детей постепенно внедряется тюремная лексика. Так, самого сильного лидера в закрытой группе называли «смотрящим», самое сильное оскорбление - «козел», самый бесспорный повод для драки - упоминание матери оппонента в негативном контексте. Еще одной, требующей особого внимания категорией детей стали дети – жертвы насилия. Эти дети выделялись не только своими психофизиологическими особенностями, но даже внешне: вне зависимости от погоды одевались очень тепло, застегивая наглухо куртки. Дети демонстрировали общие для психологического портрета жертвы особенности, делающие их малопривлекательными и даже опасными для общества: они пассивны, избегают общества сверстников, не имеют навыков общения в группе, не усваивают нормы социально-положительных отношений в общении с другими людьми. Легко решаются на применение насилия по отношению к младшим детям, провоцируют ситуации, требующие привлечения внимания к их жизненной ситуации.

Самыми опасными для пребывания в лагере являются дети с суицидальными наклонностями. В результате наблюдения за детьми, демонстрирующими суицидальное поведение можно выделить общие признаки, указывающие на наличие суицидальных намерений: признаки депрессии, замкнутость, вялость, апатичность, отсутствие интереса к происходящим событиям, пренебрежение к внешнему виду, низкая самооценка, отсутствие аппетита, нарушение сна, разговоры о самоубийстве, сообщение о конкретном образе самоубийства. Надо сказать, что чаще суицидальное поведение подростков – сознательная манипуляция взрослыми с целью достичь превосходства в конфликтной ситуации, а также вызвать сочувствие, жалость других взрослых людей, привлечь их своим поведением на свою сторону.

Мы понимаем, что демонстративно-шантажный вид суицида не менее опасен, чем истинный. Подросток не в состоянии оценить уровень угрозы для жизни и здоровья той формы суицидального поведения, к которому прибегают. Удавшиеся манипуляции, желание взрослых угодить ребенку, способному на такую реакцию, формируют у подростка модель поведения, реализуемую в случаях любой конфликтной ситуации. Такая модель поведения легко усваивается дезадаптированными детьми и подростками. Заметим, что практическая работа с дезаадаптированными детьми в детских оздоровительных учреждениях позволила сделать вывод, что обеспечение таким детям возможности пребывания в подобных учрждениях является требованием социальной справедливости. Но вместе с тем нужно понимать специфику данного контингента детей. Необходимо таким образом устраивать программу их пребывания в оздоровительных учреждениях, чтобы у дезадаптированных детей отсутствовала возможность трансляции имеющегося негативного социального опыта. Сама программа должна быть насыщена положительными социальными паттернами.

Литература:

1. *Королев И.В. профилактика социальных аддикций у несовершеннолетних: эмпирический опыт игротехнологий. – социальная политика и социология. 2017. т. 16. № 3 (122). с. 120-128.*

Котова Валерия Александровна,
НИУ "БелГУ", Белгород, Россия

Социальная несправедливость и отношение государственных структур и населения в отношении НКО для женщин, попавших в трудную жизненную ситуацию (на примере кризисных центров)

Несомненно, что на современном этапе развития, как российского, так и западного общества, одной из первоочередных проблемам является негативная деформация институтов супружества, родительства, материнства, отцовства и детства. Прежде всего, семья – источник воспитания, социализации, защиты, образования, обеспечения здоровьем, финансовыми и духовными ресурсами. Но, к сожалению, зачастую, семья не может выполнять все функции для формирования новой личности и нового поколения. На сегодняшний день продолжается рост неполных, неблагополучных семей, химически и аддиктивно зависимых родителей и детей, а также у молодого поколения отмечаются тенденции к более позднему вступлению в брак и отказ от продолжения рода. Особое внимание здесь и сейчас нужно уделять женщине, как одной из главных звеньев в построении институтов родительства и супружества, профилактике девиаций супружеских отношений, насилия в семье, проституции; увеличения количества матерей-одиночек, абортов, числа детей-рост сирот, безнадзорных и беспризорных детей и т.д. «Трудная жизненная ситуация – это обстоятельство или обстоятельства, которые ухудшают условия жизнедеятельности гражданина, и последствия которых он не может преодолеть самостоятельно»[2]. Исходя из этого определения следует, что для преодоления каких-либо препятствий гражданину требуется помощь. Таких трудных жизненных ситуаций существует бесконечное количество множеств, но женщина, оказавшаяся в подобном, не всегда может обратиться за профессиональной помощью. Можно выделить несколько основных причин, по которым женщины сталкиваются со сложностями в жизни – это асоциальное поведение (табак, алкоголь, наркотики), подвержение насилию, болезни, психологические травмы, потеря жилья, средств к существованию и документов, безработица, незапланированная беременность, смерть близких родственников, развод и т.д. По данным Росстата на 2016 год, число преступлений, связанных с насильственными действиями, совершенных в отношении женщины составило 49415 тыс. человек и это лишь малая часть засвидетельствованных случаев[8]. В действительности около 13 % женщин способны обратиться за помощью в проблеме домашнего насилия[7]. И

следует, что эти причины (чаще всего совокупность причин), подкрепленные страхом и недостаточной информированностью являются двигателем кризиса у женщин России в современном обществе. Женщины, испытывающие все эти трудности, не могут полноценно развивать и реализовывать себя в обществе. Для оказания должной реабилитации органы и учреждения системы социальной защиты населения, а также специализированные кризисные центры для женщин, предоставляют такую комплексную помощь как: правовая защита, психотерапевтическая помощь, помощь с трудоустройством, помощь с жильем, медицинская помощь, педагогическая помощь[9]. Однако, зачастую, деятельность таких организаций не исполняется в полной ее мере. Существуют самые различные проблемы осуществления эффективной работы кризисных центров для женщин – от недочетов внутренних процессов до отношения населения и власти к деятельности организации. Негативной тенденцией и явной социальной несправедливостью по отношению к социально ориентированным некоммерческим организациям, направленных на оказание услуг женщинам, попавшим в трудную жизненную ситуацию, можно считать недостаточную популярность «молодых» центров среди спонсоров, благотворителей, волонтеров и непосредственную поддержку муниципалитета, а также неоднозначное отношение общества к целям организаций (помощь женщинам с различными видами зависимостей, сохранение жизни их будущих детей и т.п.). Это подтверждается в результатах исследования центра «Сопричастность», который с января по июнь 2015 года изучал примеры социального партнерства в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Перми, Пскове и Саратове. Выявлены следующие результаты исследования: нежелание властей соучаствовать в социальном партнерстве, недоверие людей к проектам подобного рода, а также отсутствие информационного сопровождения со стороны СМИ. По словам главы центра «Сопричастность» Татьяны Бачинской, в ходе исследования были выявлены серьезные проблемы недопонимания между НКО, бизнесом и властью. Чиновники не до конца понимают все выгоды социального партнерства и поэтому не участвуют в нем, из-за чего и страдает деятельность подобных организаций и клиентов. Отсюда следует, что главными отрицательными факторами неравенства можно выделить нежелание со стороны населения и государственных структур поддерживать такие организации и будущее ассоциальных клиентов и их детей, отсюда и выявляется, что это - социальное неравенство, направленное не только на сами организации, женщин, но и на детей, которые не виноваты в том, что родители оказались в трудной жизненной ситуации.

Литература:

1. *Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Конституция Российской Федерации (с гимном России). – Москва: Проспект, 2016. – 32 с.*
2. *Федеральный закон от 17.07.1999 N 178-ФЗ (ред. от 01.07.2017) "О государственной социальной помощи" [Электронный ресурс]. – Режим доступа:*

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23735/856b6aa7481e4adff8c72e4d43400e82544de974/#dst198
3. *Арсентьева, О.Ю. Сущность и особенности социально-педагогической поддержки семьи // Казанский педагогический журнал. - 2011. - №3. С.129-135.*
4. *Быков А.К. Молодая семья как объект государственной семейной политики / А.К. Быков // Семья в России. 2008. № 2. С. 12-19.*
5. *Домашнее насилие в России и в мире: статистика и решение проблемы : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://ria.ru/society/20140708/1015147636.html*
6. *Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/#*
7. *Характеристика потребностей женщин, находящихся в трудной жизненной ситуации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bibliofond.ru/view.aspx?id=476103*
8. *Результаты исследования центра «Сопричастность»: анализ деятельности НКО в шести крупных городах: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iz.ru/news/589952*

Крошилин Сергей Викторович,
Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН.
Государственный социально-гуманитарный университет, Москва, Россия

Гендерные различия в отношении молодежи к вопросам семьи и брака

В настоящее время тема семьи и брака стала весьма актуальной для российского социума. Сегодня не только социологи, демографы, но и экономисты все чаще исследуют проблемы связанные с межличностными отношениями в семье [1,2]. Демографические вопросы в нашей стране выходят на первый план, так как отрицательная динамика рождаемости и не утешительные показатели смертности населения – становятся прямой угрозой не только для экономической безопасности нашей страны, но и с точки зрения уязвимости от внешних угроз (учитывая сложную международную обстановку) [3]. Президентские инициативы, которые в начале года были активно поддержаны Законодательной и Исполнительной властью, направлены на решение главной задачи – повышение рождаемости. Уже достаточно сделано и дан старт реализации нескольких программ с начала года в аспекте создания и поддержки семей: понижение ипотечной ставки (для решения главной проблемы для молодых – приобретение собственного жилья), повышение денежных пособий и выплат, расширение программы Материнского капитала (возможность вложить денежные средства не только в учебу старших детей и расширение жилплощади, но определение возможности ежемесячного использования частей материнского капитала на нужды новорожденного). Однако остается открытым достаточно сложный вопрос об отношении самих граждан к современному институту семьи и брака, особенно молодого поколения. Что думает современная молодежь по данной проблеме, какие генедерные стереотипы существуют в настоящее время – вот основные вопросы, которые необходимо решить для прояснения ситуации и принятия соответствующих управленческих решений и на государственном уровне, и на уровне местных властей (Материал

подготовлен при финансовой поддержке фонда РГНФ (РФФИ) Грант № 17-32-00005). Опрос молодежи по вопросам создания семьи и отношения к браку проводился в середине 2017 года на Юго-востоке Подмосковья. Были выбраны 6 городов и 10 населенных пунктов сельской местности. Структура и доля опрошенных была следующей: Коломна (24,2%), Луховицы (22,5%), Воскресенск (14,7%), Егорьевск (11,2%), Озеры (8,6%), Зарайск (6,4%), населенные пункты в сельской местности (12,4%). Из всех респондентов 7,5% находятся в официальном браке, признают свои отношения гражданским браком 3,4%, у 65,6% - есть любимый человек (с учетом, что почти 80% опрошенных считают, что необходимо жить с избранником/избранницей до вступления в брак). Таким образом, более 50 % из варианта «есть любимый человек» можно отнести к категории «сожители» состоящие в «в гражданском браке». Большинство опрошенных - 80,8% считают, что создавать семью (вступать в брак) нужно один раз и на всю жизнь. 7,5% - придерживаются противоположного мнения, 11,7% - затруднились с ответом. При этом 62,5% всех респондентов считают, что семья является необходимым условиям для достижения стабильности в жизни. Однако современное поколение считает, что если рождается ребенок вне брака (сожительство, гражданский брак), то это не является поводом для того, чтобы узаконить свои отношения. В таком случае, лишь треть мужчин (35,7%) согласны идти в ЗАГС, и 57,7% - женщин – считают необходимым узаконить свои отношения в сложившейся ситуации. 26,2% мужчин и 12,8% женщин – не смогли определиться, как им поступить. При этом 27,5% опрошенных считают, что официально зарегистрированный брак является более надежным. 72,5% - уверены, что от формы регистрации не зависит. Интересно отметить, что не один из респондентов не указал, что незарегистрированный («гражданский») брак более надежный, чем зарегистрированный. 7,8% опрошенных считают, что если семья создана, то развод это крайняя мера и неприемлемая. Причем более категоричны в данном вопросе женщины. Треть мужчин воспринимает развод, как нормальное явление, лишь 12,8% женщин согласны с ними. Абсолютное большинство опрошенных 80% - уверены, что свои чувства необходимо проверить еще до замужества. Интересно отметить, что ответ «Да» - давали чаще женщины 80,8%, чем мужчины (76,2%). Причины «популярности» гражданских браков в современном обществе: 80,8% женщин видят в таких отношениях возможность проверить чувства до вступления в официальные отношения, аналогичного мнения придерживаются лишь 54,8% мужчин. Половина опрошенных (обоих полов) видят в гражданском браке возможность избежать развода при непонимании. Треть женщин и 40% мужчин уверены, что это дает возможность избежать ответственность друг перед другом. 13,3% - всех опрошенных связываю популярность гражданских браков с недостаток финансовых средств. В России активно развиваются семьи состоящие только из матери и ребенка - без отца. Респондентам было преложено ответить на вопрос «Как вы думаете, если ребенок рождается в гражданском браке, то это влечет необходимость

зарегистрировать свои отношения официально?». Лишь 55,1% женщин и 38,1% мужчин дали утвердительный ответ. Четверть (24,4%) женщин и треть мужчин (31,0%) – считают, что можно «оставить все как есть» - то есть нет необходимости в регистрации брака. Опрашиваемые высказали более жесткую позицию по ранним бракам: 63,3% - отрицательно относятся к заключению брака до 18 лет; положительно – лишь 2,5%; нейтрально – 34,2% . Самым приемлемым возрастом для вступления в брак женщины считают 20-25 лет (71,8%), а мужчины 25-30 лет (57,1%). Лишь 2,6% женщин уверены, что это следует сделать до 20 лет. Почти 7% всех опрошенных затруднились дать ответ.

Литература:

1. *Медведева, Е.И. Значение семьи в воспроизводстве населения / Е.И. Медведева, С.В. Крошилин // Актуальные социально-экономические вопросы: проблемы и варианты решений: сборник материалов международной научно-практической конференции (19-20 апреля 2017 г. Россия, Коломна) / отв. ред. Ж.К. Леонова, ред.-сост. Е.И. Медведева, С.В. Крошотрилин. – Коломна: ГСГУ, 2017. – С. 107-119.*
2. *Медведева, Е.И. Российская семья и экономика страны [Электронный ресурс] / Е.И. Медведева, С.В. Крошилин // Социальное пространство. – 2017. – № 5. – Режим доступа: http://sa.vscc.ac.ru/article/2434*
3. *Медведева, Е.И. Экономические проблемы российской семьи / Е.И. Медведева, С.В. Крошилин // Глобальные социальные трансформации XX – начала XXI вв. (к 100-летию Русской революции) / Материалы научной конференции IX Ковалевские чтения 9-11 ноября 2017 года. / Отв. редактор: Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2017. С. 1466-1468.*

Кузикова Анастасия Николаевна,

Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

Гендерное неравенство в межнациональных семьях современного российского общества

В российском обществе фиксируются изменения значимости социального института семьи, обусловленные происходящими последние два десятилетия трансформациями всех сфер жизнедеятельности социума. Проблема функционирования межнациональной семьи имеет все возрастающую актуальность в современном обществе. Россия исторически сложилась и развивается как полиэтническое и поликонфессиональное государство, на территории которого проживает множество различных национальностей. Проблемы межнациональных отношений являются одними из самых сложных «зон исследования» [3]. Связано это с тем, что супруги, вступающие в такого рода брачный союз, являются представителями разных национальных групп, они воспроизводят различные национальные традиции, нормы, языки, самосознание, системы ценностных ориентаций, что может приводить к определенным трудностям во взаимоотношениях. Г.Т. Тавадов подчеркивает важность исследования того, как «изменения в социуме влияют на сферу межнациональной брачности, каковы социальные последствия таких браков» [4]. В межнациональных семьях наиболее ярко проявляются и

сохраняются культурно-психологические особенности различных национальных групп, их нормы, традиции, культура. Супруги в таких браках адаптируются под национальные особенности друг друга, изменяется их образ жизни, поведения, установки и представления [2]. Чаще всего такие изменения происходят в неравной форме по гендерному признаку. Женщинам в межнациональном браке в большей степени приходится адаптироваться под национальные особенности супруга. Автором было проведено исследование трансформации ценностных ориентаций современной межнациональной семьи [1]. В рамках данного исследования рассматривались различные типы межнационального брака на основе степени близости и разноплановости национальных характеристик брачных партнеров, а также возможных стратегий функционирования межнациональных семей. Были получены результаты, что в 64% трансформация ценностных ориентаций, при анализе интервью с представителями межнациональных семей, встречаются у женской половины межнациональных семей. В то же время, у мужской половины опрошенных, трансформация ценностных ориентаций встречается в 36%, причем данное преимущество сохраняется во всех типах межнационального брака. Полученные данные показали, что чаще всего подлежит смене религиозная принадлежность супруги, что свидетельствует так же и о том, что в русской культуре религия как ценность теряет свою значимость, представители русской национальности, в частности женщины, легко отказываются от своей национальной культуры, принимают национально-религиозные особенности своего брачного партнера; национальная идентичность супруга в межнациональном браке остается приоритетной. Данные изменения несут в свою очередь за собой так же последующую адаптацию супруги по вопросам воспитания детей, супружеских отношений, организации быта в рамках национальной культуры супруга. В ходе исследования были получены данные, что чаще претерпевают изменения следующие сферы функционирования межнациональной семьи: национальная специфика брачных партнеров, религиозная принадлежность, подход к воспитанию детей, национальная религиозная идентификация детей, особенности ведения быта, особенности супружеских отношений, гастрономические предпочтения, язык общения, взаимоотношения с семьей партнера. Так же, в ряде случаев женщинам приходится менять или прекращать свою профессиональную деятельность в связи с различными национальными нормами, предпочтениями супруга, отказываться от привычных форм организации досуга. Что же является одним из доминантных показателей гендерного неравенства в межнациональном браке? Для межнациональной семьи процесс воспитания ребенка и определение его национальной идентичности является одним из наиболее острых вопросов, поскольку, в отличие от мононациональных семей, в полинациональных семьях почти всегда присутствует элемент выбора языка, культуры, религии, национальности. На начальном этапе этот выбор определяется родителями, и, как правило, предпочтение отдается в сторону национальности, а также религиозной

принадлежности мужчины, что так же может символизировать о неравенстве в браке. Таким образом, можно выявить закономерность, что ценностные ориентации женщин более подвергнуты трансформации в межнациональном браке, что свидетельствует о том, что женщине приходиться в большей мере адаптироваться «под супруга», в том числе «под его национальную специфику». Что может означать наличие неравенства в межнациональном браке по гендерному признаку.

Литература:

1. *Кузикова А.Н. Трансформация ценностных ориентаций межнациональной семьи московского мегаполиса/ дисс. .../ М., 2018*
2. *Кузикова А.Н. Ценностные ориентации в современной межнациональной семье // Будущие социологи об актуальных проблемах современного общества Сборник студенческих статей. Кафедра социологии Российского государственного социального университета. М. 2016. С. 61-63*
3. *Мархинин В.В. Межэтнические браки: Состояние, динамика, проблемные ситуации / В.В. Мархинин, И.В. Удалова. М.: Знание, 2009*
4. *Тавадов Г.Т. Этнология: словарь-справочник / Г.Т. Тавадов // Социально-политический журн. М., 1998. С. 88*

Лебедева Анна Владимировна,

МГУ им. Н. П. Огарёва, Саранск, Россия

Семейные жизненные пути, определяющие социальный статус семьи с ребенком-инвалидом

Изменения, произошедшие в семейной социальной политике российского государства за последние десятилетия, способствовали тому, что в настоящее время происходит возвращение семье ответственности за решение важных для нее вопросов, которой она была лишена на протяжении длительного времени. Часть полномочий государство передает семье, оставляя за ней право решать проблемы (материальные, педагогические, психологические и т. д.), удовлетворять потребности ребенка-инвалида в самореализации, самоутверждении как полноценного человека, исходя из собственных ресурсов в интересах ребенка. Таким образом, семья становится ведущим субъектом жизненного пути ребенка-инвалида.

В силу этого актуальной проблемой в новых социально-экономических условиях становится выявление особенностей влияния семьи на жизненный путь ребенка-инвалида. Семья оказывает непосредственное влияние на жизненный путь путем формирования основных компонентов жизненного пути: установок, ценностных ориентаций, уровня притязаний, жизненных целей и планов. Все структурные элементы жизненного пути: события, практики и обстоятельства могут регулироваться, прогнозироваться, подвергаться определенному контролю со стороны семьи. Опосредованное влияние на жизненный путь ребенка-инвалида выражается в определении

стартовых возможностей ребенка через использование всех видов капитала, которым владеет семья.

Несмотря на расширение возможности выбора развивающей, образовательной и т. д. траекторий жизненного пути для ребенка-инвалида, совокупность внутренних и внешних ресурсов семьи, которые могли бы быть направлены на помощь ребенку, зачастую остается невостребованной. По нашему мнению, это связано с тем, что семья может выступать в качестве ограничивающего фактора, затрудняющего реализацию ребенком-инвалидом своих природных задатков и способностей [2, 137].

Выполняя функцию постоянной заботы, семья способствует тому, что ребенок попадает в полную зависимость нее, тем самым варианты его свободы в самореализации минимизируются. Члены семьи жалеют ребенка, оберегают его от проблем и делают многое за него. Они не стремятся развивать в ребенке ответственность, самостоятельность. Им кажется, что без их помощи ребенок не справится, поэтому многое делается за него. Ребенка предпочитают держать ребенка где-то в поле своего зрения. Данное влияние может варьироваться от обычной опеки до самопожертвования со стороны родителей. В этом случае семья центрирует свою жизнь вокруг ребенка, значительно обедняя и собственную жизнь, и жизнь ребенка. Воспитание ребенка рассматривается в такой ситуации как подвиг.

В случае, если позиция семьи по отношению к ребенку характеризуется гиперопекой, это приводит к ограничению возможностей ребенка, подавлению его активности и инициативы. По мере физического и психического взросления ребенка, некоторые семьи ожидают от него в том числе взросления социального. Но поскольку у ребенка не сформированы качества личности, необходимые для самостоятельного конструирования жизненного пути, не освоены соответствующие социальные роли, а жизненные цели ограничены, ожидания семьи не оправдываются.

Отличительной чертой данного типа семьи является подчинение потребностей всех членов семьи потребностям «особого ребенка», который рассматривается в качестве объекта приложения жизненных сил каждого члена семьи. Это влечет за собой формирование отношений зависимости, которые реализуют потребность взрослых в доминировании. В то же время ребенок, привыкая к постоянной контролирующей заботе, отказывается от права на самостоятельное регулирование жизненного пути. Это происходит в силу различных причин: неумения прогнозировать, определять и контролировать собственный жизненный путь, страха за возможные последствия своего жизненного выбора и т. д. При таком варианте влияния семья берет на себя конструирование не только подготовительного этапа жизненного пути ребенка, но и его дальнейшей жизни. Она определяет выбор профессии, направленность личной жизни, что существенно тормозит развитие субъектности ребенка-инвалида. Подавляя активность ребенка, семья во многом реализует собственные потребности, а не потребности ребенка-инвалида [2, 138].

Семья не стремится вовлекать ребенка в повседневную жизнь семьи, а всячески балует и оберегает его, поскольку в дальнейшем ему еще многое предстоит пережить. Влияние опеки отражается не только на характере отношений между членами семьи и больным ребенком, но и на процессе взаимодействия ребенка с другими субъектами его жизненного пути.

Родительство является основной социокультурной технологией сопровождения детей. Начиная, от самых молодых родителей и заканчивая «освобожденными родителями» - всем им нужно готовиться к выполнению новых семейных ролей [3, 111].

Литература:

1. *Камышова Е.В. Инвалидность ребенка как фактор риска для семейного благополучия: аспекты социальной работы: монография / Е.В. Камышова, О.А. Ульмова, Е.А. Чапаева. Саранск: Афанасьев В.С., 2013. – 80 с.*
2. *Миронова М. В. Семья как фактор, ограничивающий жизненный путь ребенка-инвалида / М. В. Миронова // Социальная безопасность и защита человека в условиях новой общественной реальности : сб. мат. междунар. науч.- практ. конф. (г. Пермь, Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 2 ноября 2011 г.) / под общ. ред. З. П. Замараевой, М. И. Григорьевой. – Пермь : Перм. гос. нац. иссл. ун-т., 2011. – С. 136-138.*
3. *Савинов Л.И. Родительство – основная социокультурная технология сопровождения детей // Известия академии педагогической и социальных наук. М.: Изд-во Моск. Психолого-социального инста, Изд-во НПО «МОДЭК», 2008. С. 108–112.*

Лебедь Ольга Леонидовна,

Первый МГМУ имени И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет), Москва, Россия

Социальная и личная ответственность за выбор семьи, здоровья, образа жизни

Небезразличие людей, членов общества к своему будущему, к тому где и как будут жить сами и их дети: в какой стране, в какой экономической ситуации, в какой культуре, да и будут ли вообще – вопрос не праздный в условиях нынешней демографической и социально-экономической ситуации. Отношение к наличию детей как нормативному признаку семьи, когда подразумевается, что «семья создается ради появления и воспитания в ней детей, иначе зачем?», деятельное сохранение в структуре системы ценностей россиян семьи и детей - может стать также крайне полезно для «демографической перезагрузки России». Бесспорно, это трудная задача – включение в систему жизненных ценностей россиян «будущее страны, Отечества, будущее ребенка в стране». Но если это даже не будет обозначено как идея для реализации, то в этом направлении и делаться ничего не будет. Если же идея витает в воздухе, озвучивается в нужном месте, в нужный час, то есть шанс на ее воплощение и реализацию. Так, произошло с идеей серьезного, «мотивирующего» вознаграждения семьи за рождение в ней второго или третьего ребенка. Сколько лет эта идея витала сначала в

кабинетах и умах ученых (социологов, демографов, экономистов), затем в рабочих группах по формированию и реализации демографической (вернее было бы сказать, семейно-демографической) политики разного ранга политиков и чиновников, прежде чем она стала реально осуществленной и осуществляемой программой «Материнского (семейного) капитала». Кстати, реализация этой программа способствовала значительному вливанию вторых и третьих рождений в общую численность рождений. Важно также понимать механизмы сопротивления запретам, готовности идти на траты (расходы, штрафы, налоги и проч.) ради СИЛЬНОГО желания иметь что-то. В данном случае имеется ввиду рождение второго и последующих детей при государственного запрете на данное действие в Китае. Когда семьи все равно рождали второго ребенка, несмотря на финансовые и социальные «санкции» со стороны государства. Это, кстати пересекается с усилением ценности жизни, ребенка, семьи в ситуации реальной угрозы потери члена семьи (например, при тяжелом, смертельно опасном заболевании ребенка или кого-либо из членов семьи). Ученым важно понимать механизмы выбора того или иного пути, а также способов, методов сплочения, объединения семьи, повышения ценности семейного образа жизни. Отметим, что печальным выводом из этих рассуждений является то, что «свобода личного выбора ставится выше существования нации, человечества. На это обратили внимание некоторые западные ученые, назвав этот феномен «эгоистическим социализмом», когда свобода выбора любого действия не сопровождается свободным принятием своей индивидуальной ответственности за сделанный выбор. Практикуемый в демократических странах (а теперь и в России) индивидуализм часто оборачивается …. перекладыванием ответственности за негативные последствия на все общество». [1, с.32] Например, выбирая нетрезвый образ жизни, люди методично разрушают свое здоровье. Когда же пристрастие к алкоголю разрушает здоровье, появляется зависимость, то нередко люди, страдающие алкоголизмом «уповают», а нередко требуют внимания к себе, лечебных процедур по всем системам организма. Феномен «эгоистического социализма заметен более всего в сфере репродуктивного поведения семьи. Конечно, люди вправе решать вступать или не вступать им в брак, рожать или не рожать детей, разводиться или нет. Но если «миллион обывателей имеют на это право (поскольку для индивида невозможно поставить в связь свои репродуктивные действия с тенденциями рождаемости на макро уровне), то специалисты и политики, перечеркивающие демографические интересы общества – нет. [1, с.33].

Заметим, что принуждение женщин к поголовной внесемейной занятости - равноценно политике ликвидации домашних хозяек как «класса», точнее – как социальной роли. Другое дело, что вынужденная занятость женщин под влиянием идеологии женской эмансипации может рассматриваться самими женщинами как акт доброй воли. Но точно также не следует отрицать тогда свободу выбора семейной карьеры теми многодетными женщинами, которые выбрали роль матери, няни, воспитателя, учителя своих собственных детей. По итогам первого полугодия 2017 года,

продолжительность жизни в России (2017 год. Росстат, официальный сайт) составила 72,4 года. [3] От чего зависит показатель? Все факторы, которые влияют на условия жизни, оказывают воздействие и на ее продолжительность. Принято выделять: социально-экономические условия; климатические условия; поведенческие факторы. Средняя продолжительность жизни женщин в России в 2017 году, по заявлению министра здравоохранения РФ, — 77,4 года. Мужчинам повезло меньше – 67,5 лет. ВОЗ называет основными причинами такого разрыва биологически и исторически обусловленные различия между мужчинами и женщинами. Они чаще в норме дают разницу примерно в 3-5 лет. Разрыв между продолжительностью жизни мужчин и женщин в России такой высокий за счет ряда факторов, негативно влияющих на здоровье представителей сильного пола – это: курение; низкая стрессоустойчивость; экстремальные нагрузки; нежелание заниматься своим здоровьем; и т.д.По последнему прогнозу Росстата продолжительность жизни к 2035 году вырастет от 73,8 до 78,3 года, По прогнозу ООН продолжительность жизни к 2050 году - в России до 76,8 (в мире — 77,6).[3]

Литература:

1. *Антонов А.И. , Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века, М. 2000, стр. 32- 35.*
2. *Демографические исследования, М. 2009, с. 138-147.*
3. *http://takovzakon.ru/muzhchiny-vs-zhenshhin-kak-menjalas-srednjaja-prodolzhitelnost-zhizni-v-rossii/*

Лихачева Светлана Николаевна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова, Могилев, Республика Беларусь

Молодая семья как объект социальной защиты

Проблемы изучения молодёжных семей в связи с ухудшением демографической ситуации в стране представляются достаточно сложными и актуальными. Большинство молодых людей в начале своей семейной жизни сталкиваются с проблемами, о которых они, возможно, раньше и слышали, но не думали, что им придётся их решать. Зачастую ограниченный бюджет, каким располагает молодая семья, требует особой тщательности ведения хозяйства. Слабая социальная готовность молодых людей к супружеству и семейной жизни, психологические перегрузки и повышенные требования к брачному партнеру нередко приводят к конфликтам, которые разъедают семейные устои. Национальный статистический комитет Республики Беларусь сообщает, что в 2016 году было заключено 64536 семейных союзов, но при этом 32628 семей распались. Белорусы, вступающие в брак, «повзрослели». Так, в 2016 году средний возраст вступления в первый брак у женщин составил 25,6 года, у мужчин - 27,8 года (для сравнения: в 2010-м у женщин - 24,4 года, у мужчин - 26,5 года). [1] Социальная защита

рассматривается как обеспечение наиболее благоприятных социально-экономических условий развития каждой молодой семьи, она должна способствовать становлению личности и ее полноценному участию в жизни общества. Стабильная благополучная семья может функционировать только при определённой подготовке молодых людей к совместной семейной жизни. Решение возникающих в молодой семье социальных проблем не может быть реализовано без социальной поддержки государства, организации социальной работы, деятельности социальных служб для молодёжи. Объектом социологического исследования стали молодые семьи, представленные супругами в возрасте от 18 до 31 года, отобранные по квотной выборке с учетом места проживания и социально-демографических характеристик. Выборка исследования составила 727 человек. В том числе 42% мужчин и 58% женщин, что связано с тем обстоятельством, что в нее включались неполные семьи, чаще «матери-одиночки», а также разведенные женщины, воспитывающие детей без мужа. Опрос проводился в Могилевской области. Как показало исследование с отказом в приеме на работу сталкивался каждый второй респондент, при этом причинами стали: отсутствие опыта работы для 34% (мужчины – 33,3%, женщины – 34,4%), молодой возраст для 14,4% (мужчины – 16,5%, женщины – 13,1%), наличие маленького ребенка для 10,7% (мужчины – 3,8%, женщины – 15,4%), отсутствие детей для 2,2% (мужчины – 0,3%, женщины – 3,4%). Таким образом напряженная ситуация на рынке труда для молодежи усугубляется ее социально-демографическим статусом, и, соответственно, сказывается на ее материальном положении и репродуктивном поведении. Молодые родители чаще, чем другие группы граждан сталкиваются с работой детских поликлиник и дошкольных учреждений. Полностью удовлетворены работой детских поликлиник 18,6% родителей, частично – 29,7%, не удовлетворены – 23,5%, затруднились ответить – 28,2%. . Среди конкретных замечаний по работе детских медицинских учреждений молодыми родителями были названы следующие: безразличное отношение персонала, отсутствие врачей узкой специализации, нехватка современного диагностического оборудования, очереди, недостаточная квалификация персонала, дорогие лекарства, дорогое медицинское обслуживание, не устраивает участковый врач, педиатр обслуживает большое количество детей, нет новых лекарств, слабые профилактические мероприятия, удаленность поликлиники от места жительства и др. Таким образом молодыми родителями поднимается достаточно широкий пласт разноплановых проблем, как локальных, так и в масштабах всей страны относительно организации медицинского обслуживания детей. Значительно меньше претензий молодыми родителями было высказано в отношении работы детских садов: только 4,4% полностью ею не удовлетворены и высказали следующие замечания: не устраивает отношение воспитателей к детям, слабая материальная база, низкая квалификация воспитателей, не устраивает питание, недостаточная подготовка к школе, большие очереди в детский сад, большие группы, поборы на текущие нужды, неудобный график работы и др. Такого рода

сложности сказываются на общем социальном самочувствии членов молодых семей. Мы поинтересовались у респондентов, как они оценивают свою жизнь. Абсолютно счастливым человеком себя считает 46,2%, скорее счастливым, чем не счастливым – 45,9%, скорее несчастным, чем счастливым 3,6%, жизнь такая, что жить не хочется у 3,7%. При этом полностью счастливых больше среди мужчин – 52,6% (среди женщин 42,0%). Уровень ощущения счастья заметно ниже у разведенных – 11,1% ответили, что их жизнь такая, что жить не хочется. Исследование показало, что, несмотря на имеющиеся трудности, молодая семья сохранила за собой ряд важных социальных функций, выполнение которых определяют потенциал развития всего общества. В зависимости от стартовых возможностей молодых семей, которые предоставляет государство, зависит состояние и развитие различных сфер общества, что доказывает необходимость особой концентрации внимания именно на данной категории населения.

Литература:

1. *Браки, разводы и общие коэффициенты брачности и разводимости // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/demografiya_2/g/braki-razvody-i-obschie-koeffitsienty-brachnosti-i-razvodimosti/ - Дата доступа : 29.01.2018.*

Лоскутова Ирина Мироновна,
Московский педагогический государственный университет (МПГУ), Москва, РФ

Некоторые проблемы социального неравенства в образовательном пространстве российской средней школы

Пока никто из исследователей не развивает мысль о том, что российское образовательное пространство на уровне средней школы (и дальше) жестко стратифицировано. Причем, эта тенденция только усиливается.

Люди из разных регионов и социальных групп выбирают разные типы образовательных учреждений и строят разные образовательные стратегии. Продолжает происходить рефеодализация образования, воспроизводство социального статуса родителей через систему образования.

Но из тезиса о стратификации образовательного пространства вытекает следующий вывод: учащиеся из разных сегментов образовательного пространства (по качеству образования и по социальному происхождению учащихся) ставят разные образовательные цели и ищут разных репетиторов. Тут можно говорить о стратификации услуг репетиторов по уровню запросов и уровню квалификации самих преподавателей.

И еще – даже один и тот же репетитор, пусть даже относящийся к высокому уровню квалификации, будет достигать разного уровня успехов

учеников, так как на выходе уровень подготовки учеников, даже сама готовность (психологическая и интеллектуальная) к занятиям на высоком уровне сложности зависит от выбора образовательного учреждения родителями ученика. То есть школы хорошего уровня дают возможности ученикам дальше достигать высоких результатов, а школы похуже – не дают. И дальше неважно, сколько денег потратят родители на репетиторов. Результат определяется не только квалификацией преподавателя, но и уровнем подготовки ученика на входе в ситуацию репетиторства. Здесь можно порассуждать о целях школьного обучения в смысле формирования мотивации, умения достигать цели и прилагать усилия…

Еще одна грань данной проблемы – школы плохо готовят к ЕГЭ, и это свидетельствует о кризисе, недостаточной эффективности реформ образования в РФ. Поэтому репетиторство только процветает! Даже престижные гимназии не дают родителям уверенности в уровне знаний, достаточном именно для сдачи ЕГЭ. Часть причин данного феномена связано с тем, что хорошая школа и не ставит задачи подготовки к ЕГЭ, они дают хорошее академическое образование. Но родители существуют в социальном пространстве и испытывают потребность в приобретении формальных образовательных символов своим детям, они уже не могут удовлетворить свои притязания этим хорошим качеством академической подготовки…..

Рынок услуг репетиторов позволяет нам сделать вывод о серьезных тратах родителей на процесс подготовки к сдаче ЕГЭ. Эти затраты продолжаются 2-3 года в среднем и для каждой семьи ведут к серьезным лишениям. Таким образом, возникает социальная напряженность.

Цены на услуги репетиторов в разных регионах различны. Я знаю, что в Нижнем Новгороде цена подготовки к ЕГЭ 300 руб в час. Но в любом регионе – это большие затраты для родителей!

И в заключении, парадокс – качество обучения в крупных городах лучше, чем в сельской местности и малых городах, это показывают те же исследования Константиновского, которое выделяет 8 кластеров школ по качеству образования. Однако именно в крупных городах репетиторство развито больше, так что тут опять налицо стратификация образовательного пространства, неравенство доступа к образовательным услугам жителей разных регионов, а также неравенство запросов и ожиданий агентов образовательного пространства из разных регионов.

Лушников Дмитрий Александрович,
Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

Неравенство в социальном опыте и поколенческих программах социализации как фактор риска и социальной дезорганизации

Действие механизмов социализации может способствовать дезадаптации индивида, если программа социализации индивида в группе существенно противоречит господствующей в обществе ценностно-нормативной системе или прямо отвергает ее. Адаптируясь в данной группе, данный индивид одновременно дезадаптируется для типизированной и конвенциональной окружающей социальной среды и с трудом инфильтруется в другие группы. Различие в этосе, обусловленное различием в социализации, как подчеркивал М. Вебер, проявлялось в неприятии и социальных конфликтах, дезорганизовавших мир традиционного «старого порядка» в Европе. Противопоставления или существенные отличия в ценностях, нормах, правилах, модусах поведения и т.д., задействованных в программе социализации наблюдаются в обществах с различными типами стратификационных систем и зачастую являются факторами относительной стабильности и самовоспроизводства социального порядка, но при смене способа хозяйствования, экономического уклада и, как следствия типа социальности данные отличия приобретают конфликтные характеристики. В середине XX века западные и отечественные социологи обратили внимание на прогрессирующее уменьшение роли семьи и семейного авторитета в процессе социализации. Функции социализации нового поколения перенимались другими институтами современного общества, в том числе появившимися и заявившими о себе в полную силу, только во второй половине XX века. Кризис современной семьи явился следствием модернизации и индустриализации западноевропейского и российского общества, аффективная и экономическая функции семьи, некогда слитые воедино, оказались разделены. При переходе от индивидуально-семейной формы общественного производства к общественно-индустриальной экономическая деятельность родителей вышла за пределы семьи и стала осуществляться, по преимуществу, в формальных организациях различных социальных институтов. Социализация детей в традиционных обществах происходила во временных и пространственных рамках хозяйственно-производственного процесса в семье, но данная модель первичной социализации в современном обществе ушла в прошлое. Пространственно-временные контакты в современной семье принципиально иные, социально-экономическая деятельность родителей вне семьи вынуждает их более жестко нормировать сегменты бюджета времени, отводимые на обучение и воспитание детей. Современные родители вынуждены делегировать эти

полномочия различным формальным социализирующим институтам и организациям, а также агентам вторичной социализации. Они «расплачиваются» своим авторитетом за рост авторитета формальных и неформальных социализирующих организаций, групп и агентов. Дефицит общения в семье современные подростки компенсируют во всевозможных неформальных первичных группах, роль которых в процессе социализации трудно недооценить. Рост девиаций в подростковой среде во многом связан с этой особенностью. Неформальные подростковые группы осуществляют собственные программы социализации, в которых наблюдается специфическая нормативность, зачастую девиантная с позиции доминирующей культуры. В современном обществе наблюдаются существенные социокультурные отличия между культурой «отцов» и культурой «детей», которые уже представляют собой некие субкультуры возрастных категорий, аутгруппы в восприятии представителей разных возрастов. Кардинальные изменения, дезорганизация или разрушение отдельных социальных организаций, социальных движений и групп в современном обществе может в первую очередь зависеть от смены поколений (работников, участников, адептов, членов группы), то есть от изменений в программах социализации. Так может изменяться после прихода нового поколения адептов не только тип религиозной организации, ее организационная структура, правила членства и внутригрупповая этика, но и религиозные идеи и представления, составляющие прежде неизменное ядро религиозной доктрины. Как утверждают П. Бергер и Т. Лукман, рефлексия и ревизия определенного социального порядка возникает вслед за возникновением у людей различий в социальном опыте. Данные различия, как и социальная критика в современном обществе генерируются с каждым подрастающим поколением. Социальная эволюция индустриального общества являет собой закономерность, состоящую в том, что опережающие темпы технических новаций и «культурный лаг» социокультурных институтов и общественного сознания детерминируют разрывы в ретрансляции культуры от поколения к поколению. Каждое новое поколение, проходит социализацию в отличных от старшего поколения условиях социокультурной среды и, пытаясь адаптироваться к новым, быстро меняющимся параметрам последней, вынуждено отказываться от нефункциональных в изменившемся обществе социальных и культурных институтов. Каждое новое поколение – это своеобразная угроза той модели социального порядка, которой придерживались их родители. Особенно явственна эта закономерность в трансформирующихся, транзитивных обществах, к коим относится и современное российское общество.

Ляликова Софья Викторовна,
МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Семейно-демографическая политика за рамками фамилистического образа жизни

Кризисное состояние института семьи, вызванное невыполнением репродуктивной функции, приводит к деформации, казавшейся ранее «нерушимой основы общества … сохраняя внешнюю оболочку» семья, «быстро утрачивает прежнее содержание» [3]. Распространение малодетности на сегодняшний день является общемировой тенденцией, характерной для большинства развитых и части развивающихся стран. Анализ динамики суммарного коэффициента рождаемости в России за последние шесть десятилетий показал, что, начиная с 1950-х годов, наблюдается стремительный спад среднего числа рождений на женщину репродуктивного возраста. Несмотря на позитивную динамику СКР, связанную с политикой материнского капитала к 2016 году значение коэффициента достигло порога в 1,76, что по-прежнему далеко от уровня простого воспроизводства населения (2,15). Достижение уровня замещения поколений в нашей стране возможно при распространении многодетности, по данным переписи населения 2010г. доля многодетных семей в России составила всего 7% от общего числа семей. Трехдетная семья в России должна стать нормой, отмечал в обращении к Федеральному собранию в 2012 г. В. Путин, именно этот ориентир должен был стать ключевым при разработке мер семейно-демографической политики. Однако, в силу объективных причин, связанных с развалом социальной сферы в 90-е годы демографическое положение в нашей стране снова обострилось. В период вступления в репродуктивный возраст населения, рожденного в 90-е годы (период «демографической ямы») президентом были обнародованы новые принципы политики стимулирования рождаемости. Основными из которых стали: продление программы материнского капитала, ежемесячная выплата при рождении первого ребенка, дополнительная программа ипотечного кредитования, а также разрешение вопросов, связанных с детскими поликлиниками, определением ребенка в ясли и детские сады. Вышеописанные преимущественно экономические меры поощрения рождаемости в современных условиях оказываются недостаточно эффективными. Их следует рассматривать как необходимую часть комплексного подхода семейно-демографической политики, ведущего к повышению рождаемости в нашей стране. Не следует забывать и о других более действенных социальных и психологических рычагах. Мало внимания уделяется формированию позитивного образа многодетных семей, их статус в обществе по-прежнему остается очень низким и ассоциируется у населения

с неблагополучными семьями, безответственностью родителей, бедностью и др. По данным ВЦИОМ [2] при ответе на вопрос «Что нужно сделать в первую очередь, чтобы в нашем обществе стало меньше бедных?» увеличилась доля респондентов, отметивших, что не следует поощрять многодетность. Одной из задач семейно-демографической политики должно стать повышение потребности в детях у населения. На основе социолого-демографического опроса супружеских пар Москвы с двумя детьми «Семья и дети-1978» и мониторинга образа жизни супружеских пар с разным числом детей – 2016, проведенных кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова для двухдетных респондентов Москвы и Московской области был рассчитан индекс степени удовлетворения потребности в детях. Оказалось, что 2016 г. характеризуется более высоким процентом супругов, полностью удовлетворивших имеющуюся потребность в двух детях (74%), в отличие от 1978 г. (34%). При соотнесении данного показателя с фактической детностью респондентов, можно заключить, что рождение третьего ребенка в данных семьях вдвое ниже, чем в 1978г. Под воздействием материнского капитала наибольший процент семей реализовал имеющуюся потребность в детях и переместился из категории «удовлетворенных частично» в группу «полностью удовлетворенных». Увеличить число рождений в данных условиях возможно лишь эффективно воздействуя на группы с неудовлетворенной потребностью в детях (15%), однако, согласно исследованиям [1], лишь четверть из них реализует потребность в третьем ребенке без относительно каких-либо условий и еще 7% при достижении таковых. Следовательно, чтобы способствовать повышению реализации потребности в детях и обзаведению большим числом детей государство должно более детально подойти к разработке мер семейно-демографической политики, не смешивать ее цели и задачи с политикой социальной, направленной на улучшение уровня жизни, использовать факторы не только экономического характера, уделив достаточное внимание вопросу повышения престижа семьи с тремя и более детьми.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976 - 2020 гг.)», проект № №18-011-01037.

Литература:

1. *Антонов А.И., Медков В.М. Второй ребенок. М.: Мысль. 1987.*

2. *Бедные в богатой стране. ВЦИОМ. 29 июля 2015. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115332 (дата обращения 26.01.2018)*

3. *Новоселова Е.Н. Реалии современного мегаполиса и новые тенденции изменения института семьи в России и в мире. Социология. 2014. № 1. С.66-78.*

Майорова-Щеглова Светлана Николаевна,
Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия

Проблематика несправедливости в исследованиях детства

Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ проекта № 16-06-00792. Является ли установленный социальный порядок в отношении детства справедливым? Как измерить справедливость/несправедливость действий взрослого мира? Какие меры можно предложить для установления справедливого мира между генерациями? С одной стороны, в понятие справедливости вкладывается аспект равенства и в этом случае каждый человек, независимо от его возраста, должен иметь равные свободы и права совместимого с подобными для других. Но и прошлое, и современное общество в своей основе имеют строгую возрастную иерархию, построенную на принципах эдалтизма. Под этим термином понимается приниженный статус детей по причине недостижения ими определенного возраста, «малолетства». Сегодня в зарубежной социальной науке чаще говорят об этом явлении с применением ярлыка дискриминации - притеснения детей и молодежи, основанное на позиции, что взрослые лучше юных и поэтому могут действовать без согласия последних. Предлагаем возможные векторы измерения эдалтизма: 1. Объем политической, экономической, культурной и социальной политики общества, ядром которого являются только интересы нынешнего взрослого поколения эдалтоцентризм - adult-centrism; 2. Масштаб преференций, льгот и возможностей (adult privilege), которые имеют люди только взрослого возраста; 3. Доля решений в отношении детей и молодежи, которые принимаются только с учетом мнения взрослых (взрослократия – adultarchy). На сегодня нет ясного решения, что может быть признано в качестве эталона справедливости в отношениях отцов и детей. Часто нововведения общества порождают новые аспекты несправедливости. Например, если власть принимает важное решение поддержки детства, но, с другой стороны, оно не подкрепляется необходимыми управленческими и контрольными технологиями. Или, ребенок-дошкольник, чтобы осуществить свое право бесплатного проезда в общественном транспорте, вынужден совершить принижающее достоинство действие (из детского интервью «пролезаем под турникетом как собачки»). Перейдем ко второй проблеме справедливости в исследованиях детства. В соответствии с принципом ответственности перед будущим (just savings principle) дети объявляются привилегированными членами общества и провозглашаются их преимущества. При данном ракурсе именно разработка и принятие специальных законов, защищающих детей, устанавливают справедливость в социуме. Тогда несправедливость соотносится с плохим обращением, злоупотреблением, пренебрежением со стороны родителей или должностным

преступлением, которое осталось безнаказанным либо санкционированным социальными, прежде всего правовыми институтами. Здесь и возникают серьезные противоречия, фиксируемые в рамках социологии детства, когда вторая тенденция вступает в определенной степени в конфликт с описанной выше первой. Так, требуют точного обоснования собственно меры по обеспечению безопасности ребенка (маркировка информационной продукции, введение «комендантского часа» на пребывание на улице без родителей и др.) и прямое наказание за несоблюдение этих норм поведения. Справедливо наказание родителей или самих повзрослевших детей за пристрастие юных к сайтам экстремистской или психо-асоциальной направленности? Получение прав на высказывание мнения с 11-летнего возраста о своей будущей судьбе при разводе не должно превратиться в обязанность и ответственность ребенка за решение суда и будущее семьи. Социология детства в прикладных исследованиях настроена на своеобразный аудит официальных ограничений, вводимые государством, на предмет их соответствия защитной функции и правомерности. И главное, что она сегодня использует - апробированный участвующий подход , при котором сами дети выступают напрямую выразителями своего мнения о справедливости/несправедливости своего положения в семье, институтах, обществе [3]. Очень важный момент, который может быть решен лишь в результате междисциплинарных исследований вместе с психологами – как установить грань реальности общественного мнения детей и психоэмоциональных установок негативизма, стремления к полной независимости от взрослых, присущих возрастным группам прежде всего подростков и юношества. И третий аспект уже касается собственно проблем равенства и заслуг внутри детской возрастной группы. Здесь методология и методика исследований сфокусирована на измерении неравенства отдельных групп детей : бедных, инвалидов, сирот, детей-мигрантов, сельских территорий и провинции[1; 4; 5]. Пример – темы на последнем социологическом конгрессе (Неравенство и бедность как предикторы делинквентности детей и подростков, Социальное неравенство в среде городских старших подростков и др.выступления). Наиболее остро звучат темы, связанные с инклюзией детей-инвалидов. Специализированная система коррекционного образования для детей – это дискриминационный способ исключения их из общей системы образования или же, наоборот, особая защитная справедливая технология социализации детей с ОВЗ? Отношение к самому определению справедливости четко проецируется на методологии и методике проведения исследований.

Литература:

1. *Бесчасная А.А. (б) Урбанистическое детство: социологический анализ. СПб.: Астерион, 2016. С. 125-126.*
2. *Детство XXI века в социогуманитарной перспективе: новые теории, явления и понятия: коллективная монография. / науч. ред. С.Н.Майорова-Щеглова –М.: РОС, 2017. 203 с. 1 CD ROM*

3. *Митрофанова С.Ю. Реализация принципов участвующего подхода в современной социологии детства // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2016. № 2 (36). С. 132-135.*
4. *Одинокова В.А., Захарова Ю.П., Русакова М.М. Опыт социологического опроса детей, живущих в детских домах // Петербургская социология сегодня. 2016. № 7. С. 116-142.*
5. *Филиппова А.Г., Ракитина Н.Э. Дети и город: проблема воспроизводства социального неравенства. Социология города. 2016. №2. С.58-71.*

Малахова Мария Юрьевна,
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Роль гендерных стереотипов в воспитании детей школьного возраста

Постановка вопроса о гендерных стереотипах в школьном воспитании, связанных с различиями способностей мальчиков и девочек, является актуальной как никогда. В наши дни остро встаёт вопрос об обучении подростков в школе, так как в последнее время специалисты различных областей заинтересованы в решении этих вопросов. Гендерные исследования заостряют своё внимание на изучении индивидуальных и общих черт в общественном поведении женщин и мужчин, на стереотипах и социальных ролях, которые являются типичными для них. По мнению научных исследователей, для того, чтобы сформировать у детей в школе уважительное отношение к сексуальному поведению и взаимодействию с одноклассниками, важно на практике поддерживать принятие ими самостоятельных решений, но они должным здравыми, подросток должен понимать, к чему может привести тот или иной поступок. Также ребёнок должен уметь самостоятельно решить ту или иную проблему и лишь в крайнем случае обратиться за помощью к взрослым. Дети, приходя в школу, обладают определенным запасом знаний о мире, но эти знания делятся на две группы в зависимости от того, мальчик это или девочка. В школьных учреждениях из-за чересчур низкой оплаты труда и не востребованности профессии учителя чаще всего воспитанием детей занимаются именно женщины, что обуславливает отсутствие у мальчиков практического ресурса сопоставить себя со взрослыми мужчинами и их моделью полоролевого поведения. В конце концов происходит огромная потеря ценностных ориентиров, которые им необходимо прививать на протяжении всего обучения. Половая принадлежность является основным моментом, благодаря которому строится развитие ребёнка и его отношение к обществу. В школе дети продолжают усваивать модели поведения мужчин и женщин, что позволяет им сформировать определенные личностные черты. Стоит отметить, что мозг в зависимости от пола развивается в различном темпе. Всем известен тот факт, что области левого полушария у девочек формируются намного быстрее, чем у мальчиков. Это приводит к выводу о том, что мальчики, мягко говоря, сдают свои позиции, уступают девочкам в развитии. Так, в статье «Понимание гендерных стереотипов в педагогике», по мнению Л.В.

Градусовой, однотипный способ обучения, не берет во внимание психологические различия, не указывает на дробление методов школьного воспитания по гендерному признаку. Этими тонкостями в наше время занимается гендерная педагогика. Главной ее задачей является социализация ребёнка и создание его личности во время обучения в школе. Проблема конкретно школьного воспитания остаётся актуально за счет консервативных взглядов педагогов на процесс обучения. Одни педагоги видят цель гендерного школьного воспитания в необходимости закрепления традиционных гендерных норм и правил поведения для мальчиков и девочек. Другие считают, что прежние гендерные стереотипы устарели и являются не актуальными в современном мире. Гендерная школьная педагогика должна быть нацелена на формирование культурного взаимопонимания полов на принципах равноправия. Не стоит принижать девочек в глазах мальчиков и наоборот. Ученые по-разному относятся к гендерному методу в школьном воспитании. Часть находит позитивные грани в раздельном обучении девочек и мальчиков, потому что раньше, как показывает практика, в женских и мужских лицеях, гимназиях и частных школах именно этот способ положительно влиял на дисциплину обучающихся, благодаря нему значительно повышалась внимание, успеваемость, сосредоточенность, усидчивость и работоспособность, поскольку именно такой подход освобождал детей от половых стереотипов. Основным аргументом преподавателей, генетиков и психологов – тех, кто поддерживает раздельное обучение в школе – выступает тот факт, что в психологическом и биологическом развитии девочки опережают мальчиков на один или два года, что отражается на их успеваемости. Поэтому для уравнения способностей школьников разных полов специалистами предлагается создание классов, в которых мальчики будут старше девочек на один или два года. Другие же придерживаются логики о том, что позитивные результаты можно получить и при совместном обучении мальчиков и девочек, но при этом стоит учитывать их личностные качества, которые будут способствовать формированию гендерного равенства, формированию их социальной лояльности, познанию норм взаимодействий между полами. Их основным аргументом является то, что далеко не большинство девочек от природы внимательные, спокойные, усидчивые и аккуратные, но также не все мальчики гиперактивные, агрессивные и неряшливые. К принципам гендерного воспитания относятся: 1) целенаправленный учет интересов девушек и юношей в образовательном процессе, осуществление образовательной деятельности на основе их гендерных особенностей и возможностей при обучении конкретной дисциплине; 2) обеспечение необходимых условий для реализации потенциала женской и мужской индивидуальности, личности, ее функционирования как субъекта гендерных отношений в процессе обучения; 3) недопущение дискриминации в способностях девушек и юношей при обучении той или иной дисциплине. Следовательно, разделение детей по половому признаку предрасположено обществом и является излишним.

Литература:

1. *Градусова, Л.В. Гендерная педагогика. – М.: Наука, 2011. – С. 3.*
2. *Ерофеева, Н.Ю. Гендерная педагогика: Учебное пособие. – Ижевск: ERGO, 2010. – С. 50 3. Зиннатуллина Гульнара Дилюсовна. Особенности гендерного воспитания в начальной школе// URL:/ http://открытыйурок.рф/статьи/628228/*
3. *Науменко Т.В. Гендерное воспитание младших школьников// URL:/https://solncesvet.ru/гендерное-воспитание-детей-младшего*
4. *Пестерева Е. Б. Понимание гендерных стереотипов в педагогике // Молодой ученый. — 2012. — №4. — С. 397-399.*

Малышко Ярослав Олегович,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Новый курс демографической политики Российской Федерации как фактор улучшения социального положения семей с детьми в обществе

В последнее время в России все чаще всплывает информация о составлении и реализации демографической политики на территории страны. Увеличение продолжительности жизни населения, сокращение уровня смертности, рост рождаемости, регулирование внутренней и внешней миграции, сохранение и укрепление здоровья населения, и улучшение на этой основе демографической ситуации в стране – главные задачи демографической политики России. Реализация данных целей весьма актуальна, так как наличие на территории страны большого количества человеческих ресурсов является движущей силой всеобщего прогресса государства. Можно сказать, что некоторые цели уже успешно достигаются, и, например, стабилизация численности населения к 2025 году до 145 млн. человек является уже достигнутой точкой, и на 2017 год в России числится 146 804 372 человек [4]. Безусловно, данную цифру удалось достигнуть также и за счет присоединения Крымского полуострова в состав России, численность которого составляет почти 2 млн человек. Таким образом, можно сказать, что страна успешно достигла численности населения в 145 млн человек на конец 2017 года (не считая численность населения после присоединения Крымского полуострова). Но ни о какой стабильности в данном числе говорить не приходится. Говоря о естественном приросте, по прогнозам Росстата, с 2018 года он будет продолжать уменьшаться. На протяжении 10 лет показатель естественного прироста должен уменьшится с -109,1 до -416,8. То есть почти в четыре раза! Население страны будет возрастать только за счет миграционного прироста, который из года в год в плоть до 2035 года должен будет расти. Но все равно миграционного прироста будет недостаточно и общий прирост населения начиная с 2020 года до 2033 должен быть отрицательным [2]. Следовательно, и общая численность населения будет падать, что не может положительно сказаться на позициях страны на мировой арене. Мы имеем право говорить также и о снижении смертности в стране. Но, обратив внимание на цифры

официальной статистики 2017 года, можно сделать вывод, что наряду с падением смертности резко снизилась рождаемость. За десять месяцев 2017 года в России родилось на 170 тыс. детей меньше, чем за аналогичный период предыдущего года. Во-вторых, в России естественная убыль населения. За январь—октябрь текущего года она составила минус 114,19 тыс. человек, в то время как за аналогичный период прошлого года был прирост в 20,3 тысячи человек [1]. Анализируя результаты демографической картины 2017 года, можно сделать вывод, что установленный ранее демографический курс был довольно успешным, но с годами изжил себя и необходимо было предпринять какие-либо меры. Чтобы исправить демографическую ситуацию в России в лучшую сторону, президент страны Владимир Владимирович Путин, заявил: «Нам необходимо принять комплекс мер, которые позволят стабилизировать, не допустить снижения численности населения России в предстоящее десятилетие. Для этого необходима активная и последовательная работа по всем направлениям: и по снижению смертности, и по стимулированию рождаемости. Фактически нужно перезагрузить нашу политику демографического развития» [3]. Увеличивать рождаемость в стране планируется за счет ежемесячных выплат при рождении первого ребенка. А семьям со вторым и третьим ребенком будет осуществляться помощь со стороны государства в выплате ипотеки. Стоит отметить, что материальная помощь будет оказываться, в первую очередь, нуждающимся семьям. Возможно, что данные меры помогут не только в улучшении демографической ситуации Российской Федерации, но и приведут, хоть и к небольшому, но устранению социального неравенства в стране, так как больше семей получат шанс приобрести свою личную квартиру с помощью государства. Новый вектор развития демографии страны позволит большинству семей, получающих материальные выгоды за счет рождения первого, второго и третьего ребенка, отождествлять себя с более высоким классом в обществе, в связи с возможность получать материальные выплаты и возможностью приобрести квартиру в ипотеку с более низкой кредитной ставкой. Но стоит заметить, что поддержка семей исключительно за счет материального фактора существенно не изменяет положение дел в рамках демографии страны и не поможет в улучшении качественных характеристик населения. Стоит помнить, что не только количество дает результат, но и качество. На наш взгляд, принятые меры в рамках развития демографического потенциала страны, безусловно, дадут результаты, но не долгосрочные. Будущие принятые меры должны охватывать не только материальную составляющую, но и возрождение духовного понимания семьи.

Литература:

1. *Естественное движение населения // Федеральная служба государственной статистики, 2017. - [Электронный ресурс]. – URL: https://docviewer.yandex.ru/?url=yabrowser%3A%2F%2F4DT1uXEPRrJRXlUFoewruHXAa1suS_rK5xE8JWN5Wns125tZiO23szmI4SM89k4lVLgloQYP8tjAodkF1zaYiRoVDUYd8eA3ihW2h_TP1U9bMHDE5MhQzMRLQ5qQffyQUEUs8gbjOYObKJUfuIeng%3D%3D%3Fsign%3DBLvalWJH*

Kf1jvZd2yTHNHoGNbtjeCxJsyYxJ4HlPNHI%3D&name=demo21.xls (Дата обращения: 2.02.2018).

2. *Изменение численности населения по вариантам прогноза // Федеральная служба государственной статистики, 2017. - [Электронный ресурс]. – URL: https://docviewer.yandex.ru/?url=yabrowser%3A%2F%2F4DT1uXEPRrJRXlUFoewruCRWrS4nHVZrrjqGVWZrGklzoCTw3TQJEjB2hAoGVwBliAADpIdjKqg0jvSYUk73fW0lgQc2oC2xIi0cwJd7hFFN_22jOthuoeUppgiF1xXO4QUXlOLskCzJFxR8hDDbg%3D%3D%3Fsign%3DXFpBSN64IN6XyC3tMyLILjlzroS0I5Tx0mhaUCZ9AM%3D&name=progn1.xls (Дата обращения: 2.02.2018).*

3. *Путин В.В. Заседание Координационного совета по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей, 2017. - [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/56228 (Дата обращения: 3.02.2018).*

4. *Численность населения // Федеральная служба государственной статистики, 2017. - [Электронный ресурс]. – URL: https://docviewer.yandex.ru/view/319291635/?*=BYz4iKRFUUr34qzlJRvExzs%2FAIx7InVybCI6InlhLWJyb3dzZXI6Ly80RFQxdVhFUFJySlJYbFVGb2V3cnVOX2lOdTYxdVNENF9TU3RYd05YRnhMd2lXTk5kRTQ5dVZXZnBFUV9nZ1lrNC1Hcnpna3M5c3cySnF1WmNMbXNKREVpdVlQenNXLVRWV2laS25XYkFrcFotbjRBZ1JqQ0xiOVAzZGM2Q0dvN2VxSFY3SzZxdkpCcmkzUEVwdm1sVXc9PT9zaWduPXJDTDhkQ01hazdkbjZYZTlSYWtmUlAtMkZzUGo0OEdneUkzWF9URnU5WjQ9IiwidGl0bGUiOiJkZW1vMTEueGxzIiwidWlkIjoiMzE5MjkxNjM1IiwieXUiOiIzNjU0NDc4MDcxNTAzNTAzMzA3Iiwibm9pZnJhbWUiOmZhbHNlLCJ0cyI6MTUxNzc3NTA3MDQ5MH0%3D (Дата обращения: 2.02.2018).*

Медведева Елена Ильинична,

Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН.
Государственный социально-гуманитарный университет, Москва, Россия

Структура семьи и современные проблемы неравенства в доходах

Необходимость модернизации института семьи в российском обществе продиктовано объективной необходимостью и социальными, демографическими и экономическими трансформациями в современном социуме. В последние годы демографические проблемы стали все более активно обсуждаться не только в научных, но и в политических кругах. Опасности связанные с демографическими угрозами в нашей стране выходят на первый план [1]. Старение населения (нагрузка на работающих), снижение рождаемости, отрицательная динамика естественного прироста, негативные показатели смертности – все это заставляет по иному взглянуть на проблемы семьи как основного института, который «гарантирует» не только продолжение рода, но несет в себе большую воспитательную нагрузку [2]. Сложная политическая обстановка в мире и череда экономических кризисов оказывают негативное воздействие на «желание» молодого поколения «завести семью». Значительное увеличение числа разводов в последние два года и сокращения числа зарегистрированных браков в большей степени обусловлены экономическими трудностями. По данным РОССТАТа, в 2016 году на 15% уменьшилось число зарегистрированных браков, что, очевидно, приводит к снижению рождаемости [3]. Даже если доходы являются не прямой причиной отказа от заключения семейного союза, то очень часто оказывают косвенное воздействие на принятие решения. В определенной степени это касается и количества детей в уже существующих семьях. В

данном материале приведены результаты исследования, осуществленного при финансовой поддержке фонда РГНФ (РФФИ) Грант № 17-32-00005. Как известно, основная функция семьи – это репродуктивная или воспроизводственная: рождение детей как продолжение человеческого рода. В России практически всегда были большие многодетные семьи, но ситуация изменилась. В настоящее время более половины российских семей – однодетные или вообще без детей. Согласно статистическим данным [4] о семейных ячейках с детьми, сейчас в нашей стране доминируют семьи с одним ребенком - 67,4%. Чуть больше четверти имеют двух детей (26,8%). 5,8% - семей имеют 3 и более. Региональная особенность Московской области заключается в том, что наблюдается еще большее доминирование семей с одним ребенком – 73,2%, что почти на 6% больше, чем в целом по России. 23,6% семей в Подмосковье с двумя детьми и лишь 3,2% с тремя и более. Это обусловлено в большей степени урбанизаций Московской области и близостью к Москве [4]. Важно понять, что именно является причиной отказа от рождения детей: процессы урбанизации, стремление индивидов к городскому образу жизни, или другие причины. В городах в большей степени наблюдается массовая занятость женщин, в том числе в производственной сфере; улучшение культуры людей, увеличение личных потребностей. Значительную роль играет и асимметрия в доходах на каждого члена семьи при большем количестве детей. По данным статистики доля малоимущих домашних хозяйств с детьми в возрасте до 16 (18) лет в общей численности малоимущих домашних хозяйств в 2016 году практически не изменилась (по отношению к 2012 году) и составила 62,4%. Чуть сократилась доля домашних хозяйств с одним ребенком – 29,7%, увеличилась – с двумя детьми до 23,8% и с тремя и более до 8,8% по сравнению с 2012 годом. Почти треть (29,7%) в 2016 году из числа малоимущих домашних хозяйств с детьми в возрасте до 16(18) лет в общей численности малоимущих домашних хозяйств – это семьи с одним ребенком, что почти на 4 процента меньше чем в 2012 году. Доля малоимущих семей с двумя детьми увеличилась на 2,5% в 2016 году по сравнению с 2012 годом; с тремя детьми увеличение составило 1,3% в соответствующих годах [5]. Вообще доля малоимущих российских семей в общей численности домашних хозяйств в 2015 году составила 9,0%, то есть почти каждая десятая семья испытывает значительные трудности с точки зрения финансового обеспечения. Причем каждая третья семья (33,6%) с детьми в возрасте до 3 лет – малоимущая, так же, как и каждая пятая семья (21,5% в 2015 году) с детьми в возрасте до 18 лет [5]. Причем по сравнению с 2013 годом малоимущих семей стало больше в полтора раза. Очевидно, что большинство домашних хозяйств (семей) в России не удовлетворены своим финансовым положением. Каждая пятая семья в России испытывает значительные затруднения при покупке одежды и оплате жилищно-коммунальных услуг, 45% семей - не могут позволить себе покупку товаров длительного пользования. 1,2% домашних хозяйств (12 их 100) не хватает денег даже на еду. Причем наличие детей лишь усугубляет ситуацию. 3,7% семей в которых 3 и более детей «не хватает денег даже на еду»; 27,3% таких

семей не могут покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги [5]. Особое значение в решение данной сложной задачи остается за государством, за развитием институтов, связанных с семьей и самого института семьи. Повышение благосостояния и уровня жизни российской семьи не может быть достигнуто без комплексной государственной политики. Семья – важнейшее звено стимулирующее социально-экономическое развитие общества и ее изучение весьма актуально в нынешних условиях [2]. Любые инициативы, даже со стороны Президента, должны быть поддержаны не только законодательной и исполнительной властью, но и социумом. От менталитета, воспитания и готовности участвовать в модернизации института брака, от приемлемости традиций семейных отношений и от финансовых возможностей нашего общества – зависит решение данной проблемы.

Литература:

1. *Медведева, Е.И. Российские регионы: демографическая динамика и инновационная активность / Е.И. Медведева, В.Г. Доброхлеб, С.В. Крошилин // Экономический журнал. -М.: РГГУ, Каллиграф, 2013, №4 (32), С.88-107.*
2. *Медведева, Е.И. Российская семья и экономика страны [Электронный ресурс] / Е.И. Медведева, С.В. Крошилин // Социальное пространство. – 2017. – № 5. – Режим доступа: http://sa.vscc.ac.ru/article/2434.*
3. *Данные РОССТАТа. Демография. Браки и разводы / Росстат. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo31.xls и http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo32.xls / (дата обращения 10.10.2017).*
4. *Данные РОССТАТа. Структура семейных ячеек по числу детей моложе 18 лет / Росстат. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/family/6-18.xlsx / (дата обращения 10.10.2017).*
5. *Данные РОССТАТа. Население. Семья, материнство и детство. [Электронный ресурс] // РОССТАТ. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/ (дата обращения 18.09.2017)*

Митрофанова Светлана Юрьевна,

Самарский национальный исследовательский университет им. С.П.Королева, Самара, Россия

Традиционные и современные трактовки процесса социализации детей: (не)справедливость определения статуса детей в обществе

Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ (грант № 16-06-00792а, Детство в социогуманитарной перспективе: тезаурус 2016 –2018)

Долгое время социологи изучали детей как тех, кто находятся в процессе становления, обучения взрослым ролям.

Т.Парсонс [13] и Ш.Айзенштадт [11], анализируя проблемы преемственности поколений, обозначили подрастающее поколение как «объект социализации» взрослых, а «проявления недовольства, социального

протеста и т.д. рассматриваются как формы девиантного, отклоняющегося от нормы поведения» [6, с.113].

Ш.Айзенштадт подчеркивает, что все дети должны быть социализированы прежде, чем они могут достигнуть полного статуса взрослого, подрастающему поколению необходимо найти себя в социальных институтах, разделить чувство субординации [5,с.174-175].

К.Дэвисом писал, что «самые важные функции для общества человек выполняет, будучи взрослым, а не в детском возрасте. Следовательно, отношение общества к ребенку является главным образом подготовительным, а его оценка – в основном, потенциальной [10].

Дж.Гарбарино утверждает, что «в эпоху современности быть ребенком, значит быть защищенным от экономического, политического и сексуальных влияний; детство – это время, когда придается огромное значение личным интересам, и сводятся к минимуму интересы общественные» [12]. К.Дэвис и Дж.Гарбарино расходятся во мнениях в том, что если К.Дэвис делает акцент на нуждах общества, то Дж.Гарбарино отдает приоритет потребностям ребенка. Однако, они вместе разделяют мнение о том, что дети не принадлежат к обществу и являются объектом общественного воздействия: они должны быть подготовлены к полноценной деятельности в рамках общественной системы, и их готовят к этому, в этом есть смысл процесса социализации детей.

В «традиционных» трактовках процесса социализации дети предстают как «мальки», заброшенные в искусственный водоем взрослого сообщества. Семья и школа выступают теми основными социальными институтами, которые оформляют взросление детей в этом «водоеме» и обеспечивают интернализацию ими его ценностей и правил. Представленные интерпретации процесса социализации обеспечили социологам, на наш взгляд, два основных патерналистических ракурса на детей. Первый - изучать, как протекает их социализация «в норме»: как происходит усвоение ими норм взрослого сообщества. Второй - исследовать детей с позиции девиантности: как угрозы устоявшимся нормам и ценностям взрослых и как жертв их насилия: физического, сексуального, психического и др. Причем второй ракурс представлен значительно чаще, чем первый. Такая «традиционная» трактовка процесса социализации не нарушает идеи генеративного порядка, идеи неравномерности распределения общественных ресурсов на основании возраста. Дети в этом контексте предстают как те, кто полностью зависим в своем существовании от взрослого сообщества, находятся под его полным контролем и заботой. Взрослые принимают решения за детей, когда говорят от их имени. Вопрос в следующем: справедливо ли такое исключение детей из общественной жизни? Лишая детей собственно социальности, действительно ли взрослые исходят из их интересов, или взрослое сообщество таким способом закрывает путь к справедливому распределению общественных ресурсов?

Современные исследователи детства ставят под сомнение такие патерналистические интерпретации процесса социализации детей. У.Корсаро

предлагает понимать социализацию как «интерпретативное воспроизводство» [8], акцентируя внимание на участии самих детей в культурном производстве и социальных изменениях. Социализация - это репродуктивный и интерпретативный процесс, где каждый ребенок не просто ассимилирует взрослую внешнюю культуру, но он/она делают вклад в ее воспроизводство через обсуждения со взрослым и через креативную культуру производства с другими группами детей [9, с. 89].

Такая трактовка социализации исходит из признания субъектности, активности, социальной компетентности детства, утверждения в качестве значимой способности участвовать детей в общественной жизни. Дети предстают как активные, компетентные социальные акторы со своими собственными правами, а не те, кто находятся в процессе становления взрослыми или «не взрослые». Они составляют значимую часть социальной структуры общества [14]. Изучать их правомерно именно с этих позиций, рассматривая специфику индивидуального детства с учетом гендерного, сексуального, этнического, религиозного, классового, территориального и других измерений в контексте конкретной социальной и исторической ситуации. Через призму современного подхода к социализации детей как процесса интерпретативного воспроизводства, на наш взгляд, правомерно исследование новых явлений и практик современного детства. Например, таких как, потребительская социализация детей [1; 4], гламуризация детства [2], значение информационных технологий в социализации современных детей [4], трансформации современного поколенческого порядка в обществе [7] и других.

Литература:

1. *Колосова Е.А. Потребительская социализация детей и подростков: возрастные особенности // Вестник РГГУ. 2017. №2 (8). с. 74-79.*
2. *Майорова-Щеглова С.Н. Глава 9. Гламуризация детства как новый паттерн городского детства / Детство XXI века в социогуманитарной перспективе: новые теории, явления и понятия: Коллективная монография /научн. ред. С.Н.Майорова-Щеглова – М.: РОС , 2017. – 204 с.1 CD ROM. С. 158-170*
3. *Митрофанова С.Ю., Штифанова Е.А. Роль информационных технологий и гаджетов в социализации детей // Экономика и социология. 2015. № 1. С. 18-24.*
4. *Митрофанова С.Ю. Глава 7. Новая роль нового поколения / Детство XXI века в социогуманитарной перспективе: новые теории, явления и понятия: Коллективная монография /научн. ред. С.Н.Майорова-Щеглова – М.: РОС , 2017. – 204 с.1 CD ROM. С. 122-139.*
5. *Омельченко Е.Л. Молодежные культуры и субкультуры - М.: ИС РАН., 2000. – 264с.*
6. *Социология молодежи - СПб.: Изд-во С-Петербургского ун-та, 1996. – 460с.*
7. *Чудинова В.П. Глава 4. Поколения начала XXI века: новые подходы к изучению/ Детство XXI века в социогуманитарной перспективе: новые теории, явления и понятия: Коллективная монография /научн. ред. С.Н.Майорова-Щеглова – М.: РОС , 2017. – 204 с.1 CD ROM. С.*
8. *Corsaro W.A. Interpretive reproduction in chidren's role play // Childhood. 1993. № 1. P.64-74.*
9. *Cojocaru D. Challenges of childhood social research// Revista de cercetare si intervenstie sociala. 2009. Vol. 26. P. 87-98.*
10. *Davis K. The Child and Social Structure // Journal of Educational Sociology. - 1940. - Vol.14. - №. 4. - Pp. 217-229.*
11. *Eisenstadt S. From Generation to Generation. - N.Y.: Glencoe, 1956.*
12. *Garbarino J. Can American Families Afford the Luxury of Children? / Child Welfare. – 1986. - Vol.65 (2).*
13. *Parsons T. Youth in the Context of American Society // Daedalus. 1962. Vol.91.*

14. *Qvortrup J. Childhood as a social phenomenon. Budapest, Viena: European Centre for Social Welfare Policy and Research, 1991. – 39p.*

Михайлова Эльвира Андреевна,
Арктический государственный университет, Якутск, Россия
Винокурова Ульяна Алексеевна
Арктический государственный университет, Якутск, Россия
Заровняев Степан Иннокентьевич
ФГНБУ им. М.Г.Софронова, Якутск, Россия

Сельские скотоводческие семьи Якутии и несправедливость

Уникальность сельской семьи состоит в её способности отражать социально-экономические проблемы общества, адаптируясь к ним, без явного ухода от семейной идеологии. Сельская семья ориентирована на исполнение социальных функций в силу своего традиционного характера и, следовательно, её ценности остаются традиционными - дом, дети, подворье и т. д. Социальные реформы на селе повлияли на институт семьи в противоположных направлениях: с одной стороны, они весьма заметно стимулируют его возврат к традициям, а с другой, с не меньшей силой подталкивают к модернизации в рыночном духе. Данное противоречие в жизни сельской скотоводческой семьи слабо изучено социологами. Кто она – сельская скотоводческая семья? Какие проблемы стоят сейчас перед нею?В Якутии традиционно сельская семья была связана со скотоводством, корова была не только кормилицей семьи, но и стержнем духовного комплекса воззрений якутов. С социокультурной точки зрения местные виды скота являются источником культурного наследия: обычаи, знания, мифы, система взглядов, артефакты, эстетические предпочтения и культурный ландшафт «сонастроены» с животноводческой культурой.Культурная значимость скота определяется не только его экономическими характеристиками, но и как основа, формирующая особенности освоения ландшафта местности, систему социального обеспечения и социальной мобильности детей сельской семьи. Сегодня скотоводство является наиболее значимой отраслью молочного и мясного животноводства в сельской Якутии. Разведение крупного рогатого скота (КРС) поддерживается сельскими семьями преимущественно стремлением следовать и сохранять традиционный образ и уклад жизни на селе, несмотря на существующую социальную несправедливость по отношению к сельской скотоводческой семье.Несправедливость проявляется прежде всего в недостаточности экономической поддержки сельской скотоводческой семьи. Сегодня падение общественной оценки сельскохозяйственного труда, социальная несправедливость в сложившейся оценке сельскохозяйственного труда усугубляется сильной внутриотраслевой дифференциацией размеров заработной платы. Установленные закупочные цены на молоко и мясо с личных подворий исходят из сложившейся практики низкой оплаты сельскохозяйственного труда, что еще зачастую

усугубляется задержками выплат за сданные продукты животноводства подсобного хозяйства семей – молока и мяса. Миграционная убыль сельского населения сопровождается уменьшением количества скота на селе: в 2016 году поголовье скота снизилось на 0,4%, в 2015 году - на 2,0% . Государственная поддержка, направляемая на производство молока и мяса, способствовала увеличению численности скота только в организованных формах хозяйствования и повышению продуктивности коров. Данные меры поддержки нацелены на поддержку крупных производственных сельскохозяйственных кооперативов, минуя сельские скотоводческие семьи. Якутия находится в зоне рискованного земледелия, а это в свою очередь находит отражение на скотоводстве. Вопрос закрепления пастбищ за скотоводческими семьями также нуждается в законодательном регулировании, чтобы не допустить несправедливых волюнтаристских решений местного самоуправления. Системы колхозов и совхозов поменяли практику традиционного выпаса скота, и скотоводство стало более промышленным, а многие традиции землепользования исчезли. В советское время политика коллективизации вынуждала сельские семьи, расставшись со скотом и родовыми угодьями, переезжать из своих домов и сообществ в укрупненные села, поселки, административные центры со школами, садами, клубами, магазинами и информационными сетями. И, как следствие, третье поколение сельских семей оказалось оторванным от скотоводческого образа жизни, хотя не имеют больших возможностей вертикальной социальной мобильности, чем их родители в советское время. Село, скот и семья в Якутии тесно переплетены огромным «снопом» проблем, начиная от миграции в города, безработицы, мужской алкоголизации до понимания негативных социальных последствий разрушения традиционного образа жизни сельской скотоводческой семьи. В 2001 году Государственное Собрание (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) приняло закон «О сохранении и использовании генофонда якутского скота». Закон придал якутскому скоту статус вымирающего вида и регулирует вопросы осеменения, регистрации и разведения скота, финансовой поддержки, направленной на общественные и частные фермы разведения якутского скота. В 2018 году в данный закон вновь были внесены нормы, разрешающие разведение якутского скота в частных хозяйствах, что является несомненной положительной динамикой в деле сохранения и увеличения поголовья якутского скота. Следует отметить, что разрешение свободного разведения якутского скота сельскими семьями достигнуто благодаря активности членов общественной организации «Торут баай», созданной в 2015 году для защиты и популяризации разведения якутского скота, а также поддержке народной газеты «Кыым», ставшей трибуной защитников якутского скота.Следует развивать новые формы скотоводческой деятельности сельских семей, сочетающих локальные скотоводческие культуры с современными технологиями повышения качества жизни сельской семьи.В будущем, будет очень важно найти способы облегчить тяжелый труд, связанный с содержанием крупнорогатого скота.

Литература:

1. *Шафранская Ч.Я. Сельская семья в трансформирующемся обществе (на материалах Республики Татарстан): автореф. дис. … канд. социол. наук. Казань, 2005. 27 с.*
2. *ОТЧЕТ ПРАВИТЕЛЬСТВА РС(Я) «Об итогах социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) за 2016 год и основных задачах на 2017 год (с изменениями на 27 июля 2017 года) (в ред. постановления Правительства Республики Саха (Якутия) от 27.07.2017 N 261*
3. *Sakha Ynaga .Cattle of the Yakuts/Leo Granberg,Katrina Soini and Juha Kantanen;Finnish Academy of Science and Letters Annales Academiae Scientiarum Fennicae.-Helsinki.*
4. *Винокурова У.А., Заровняев С.И., Михайлова Э.А. Правовое регулирование и использование генофонда аборигенного якутского скота в Республике Саха (Якутия) //. Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 9А. С. 158-170.*

Немова Ольга Алексеевна,
Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, Нижний Новгород, Россия
Пакина Татьяна Александровна
Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, Нижний Новгород, Россия

Семья в условиях нарастания прекариатизации российского социума

Прекариатизация российского социума представляет собой новый социальный феномен, который требует своего научного осмысления. Впервые понятие "прекариат" употребили французские социологи в 80-е годы XX века, говоря о временных или сезонных рабочих. В научный оборот данный термин был введен Пьером Бурдье. Популяризировал термин "прекариат" британский ученый экономист Гай Стэндинг. Дословно слово "прекариат" происходит от английского слова precarious, которое означает «неустойчивый, ненадежный, угрожающий». Отличительными признаками прекариата является отсутствие гарантий стабильной занятости и наличия постоянного рабочего места, охраны труда и здоровья, постоянного заработка и карьерного роста, а также представительства, способного защитить их интересы. Положение прекариата крайне незавидное. Если придерживаться пирамиды потребностей А. Маслоу, то удел прекариата – это первый уровень, т.е. исключительно удовлетворение физиологических потребностей. Об удовлетворении второго уровня потребностей (наличие социальных гарантий) им приходится только мечтать. Отсюда вытекают проблемы связанные с построением долгосрочных перспективных планов. Как можно заводить ребенка, если у тебя нет стабильного жилья, работы, дохода? У прекариата фактически нет свободного времени и понятия "частная жизнь". Для многих дом стал местом работы, а офис – домом. Гай Стэндинг в частности пишет: "Дом перестал быть местом, где вы отдыхаете душой, поскольку все больше и больше людей, особенно входящих в прекариат, живут в одиночестве, с родителями либо с соседями, которые могут довольно быстро меняться. Во всем мире все больше людей, для которых дом – это продолжение офиса. И хотя этот феномен не так уж

сильно бросается в глаза, но стоит отметить, что все, что раньше связывалось с домом, все чаще переносится на работу" [6]. Данный процесс получил названия доместикации о чем пишет в своих работах В.П. Козырьков [1]. Доместикация захватила современные трудовые отношения. "Во многих современных офисах – продолжает Гай Стэндинг – служащие могут прийти рано утром на работу в повседневной либо спортивной одежде, принять душ и в течение первого "рабочего" часа приводить себя в порядок. Это неявная льгота салариата. Служащие хранят в офисе одежду, ставят на рабочие столы фотографии близких и безделушки, напоминающие о доме, а иногда даже детям поиграть в помещении, так, "чтобы не мешать папе или маме", что, разумеется, невозможно. Во второй половине дня, после обеда, служащие могут вздремнуть – "для повышения работоспособности" – притом, что сон все время связывается с домом. А слушать на работе музыку, включив медиаплеер, давно уже стало нормой"[6]. Гай Стэндинг справедливо заметил, что рост прекариата является угрозой стабильного развития общества. Это касается не только проблем экономико-политического характера: ежегодное недополучение налогов и сборов, наличие низкой легальной политической активности и т.д., но и семейно-демографического характера. В условиях отсутствия жилья, стабильной работы, позитивных социальных перспектив невозможным представляется планирование семьи и рождение детей. Таким образом, прекариатизация общества вступает в противоречие с такими долгосрочными проектами как семья, рождение детей и т.д. Прекариатизация общественного сознания опасна еще и тем, что люди, доведенные до отчаянья, не имеющие будущего, стабильности, являются прекрасной почвой для взращивания самых экстремистских идей. Используя нехитрые способы манипулирования общественным сознанием можно стравливать одну часть прекариата с другой. В целом, прекариатизация российского социума – это настораживающей факт, требующий дальнейшего научного осознания и продуктивного осмысления, так как от этого зависит будущее состояние семейно-брачной сферы, демографии и т.д.

Литература:

1. *Козырьков В.П. Частная жизнь личности и приватизация культуры / URL: http://docplayer.ru/399378-Chastnaya-zhizn-lichnosti-i-privatizaciya-kultury.html (Дата обращения: 31.01.17).*
2. *Немова О.А., Козырьков В.П., Медведева Т.Ю., Танеева Г.М.Частная жизнь семьи: в поиске гармонии и смысла // Коллективная монография / под общ. ред. О.А. Немовой. — Н. Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2017. — 162 с.*
3. *Немова, О.А. Пакина, Т.А. Проблемы социализации молодежи в условиях социально-экономической неопределенности / О.А. Немова, Т.А. Пакина // Вестник государственного университета управления. М., 2010. - С.31-32.*
4. *Немова, О.А., Свадьбина Т.В. Семейное воспитание в условиях общества потребления / О.А. Немова, Т.В. Свадьбина // Социология, 20013, №3.- С.35-42;*
5. *Свадьбина, Т.В., Немова, О.А. Пакина, Т.А, / Современный трафик: причин, разновидности, последствия, профилактика // Т.В. Свадьбина, О.А., Немова, Т.А. Пакина // Социологические исследования, 2014, №2, С.43-48;*
6. *Стэндинг Гай Прекариат: новый опасный класс. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.*
7. *Nemova O.A., Retivina V.V., Kutepova L.I., Vinnikova I.S., Kuznetsova E.A. SOCIOCULTURAL MECHANISMS OF INTERGENERATIONAL VALUES AND MINDSET TRANSLATION IN MODERN FAMILY DEVELOPMENT AND GENERATIONAL CHANGE // International Journal of Environmental and Scie*

Новоселова Елена Николаевна,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Неравенство в продолжительности жизни: региональные аспекты

Одним из ключевых демографических показателей, подобно лакмусовой бумаге отражающим качество жизни населения, уровень социального неравенства и социально-экономического развития страны является ожидаемая продолжительность жизни. Согласно оценкам ООН ожидаемая продолжительность жизни в целом по миру в 2010-2015 годах составляет около 70,79 лет, т.е. с середины прошлого века она увеличилась более чем на 20 лет [1]. Однако уровень неравенства в продолжительности жизни в мире по-прежнему огромен, если сравнивать между собой развитые и наименее развитые страны мира, то разница в продолжительности жизни составит почти 35 лет, так, например, в некоторых Африканских республиках этот показатель равен 50 годам, в то время как в Японии все ближе приближается к 85 [1]. Продолжительность жизни россиянина по данным на 2016 год составляет 71,87 года, при этом, продолжительность жизни российских женщин в 2016 г. достигла своего исторического максимума - 77,06 года, тогда как продолжительность жизни мужчин составила - 66,5 года, таким образом, Россия занимает по разным оценкам 111 - 125-е место в мире по ожидаемой продолжительности жизни [2] наряду с КНДР, Бангладеш, Непалом, Монголией, Узбекистаном, Фиджи, Филиппинами. По этому показателю наша страна отстает не только от более развитых стран, но и от государств, с похожим уровнем развития экономики. Продолжительность жизни зависит от сочетания целого ряда факторов: биологических, социальных, причиной же ее изменения могут быть экономические, политические, социальные реформы, изменение идеологии общества и др. [3] Помимо большого отставания нашей страны от развитых стран по показателю ожидаемой продолжительность жизни в России можно наблюдать также существенные региональные различия, достигающие по состоянию на 2016 год 16,6 лет. Причин таких различий множество, от культурно-исторических особенностей до природно-климатических и социально-экономических условий жизни [4]. Подобное неравенство регионов существует во всех странах мира, но особенно велико оно в крупных странах догоняющего развития. На 2016 год самые высокие показатели ожидаемой продолжительности жизни зафиксированы в Ингушетии (80,8 года), Дагестане (77,2 года) и Москве (77 лет). В целом первое место среди федеральных округов, согласно данным Росстата, занимает Северо-Кавказский федеральный округ (75 лет), однако полнота учета регистрации умерших в округе нередко вызывает вопросы, особенно когда речь идет о младенческой смертности, таким образом, по всей

видимости Москва, по этому показателю, впереди России всей. Самый же низкий показатель ОПЖ в Республике Тыва – 64,2 года. Основными причинами здесь являются: огромные масштабы бедности в регионе, уровень развития здравоохранения и доступности медицинской помощи, чрезвычайно высокая заболеваемость (например, активным туберкулезом порог эпидемии, которого превышен почти 4 раза, а общая заболеваемость превышает среднероссийский показатель почти в три раза и остается самым высоким по РФ), алкоголизация населения и т.д. Можно ли сократить это региональное неравенство в продолжительности жизни в России? Это просто жизненно необходимо. В противном случае мы продолжим терять миллионы жизней, в большинстве своем, мужчин в самых продуктивных возрастах, т.к. разница в ОЖП мужчин и женщин в России более 10 лет. Справедливости ради надо отметить, что региональные различия уже сокращаются, к чему ведет рост ожидаемой продолжительности жизни, так, в 2005 году различия между наименьшим и наибольшим значением ожидаемой продолжительности жизни составили 24 года, сегодня это 16 лет. Однако пропасть между Москвой и Тывой по-прежнему огромна и ее необходимо уменьшать, причем именно за счет роста продолжительности жизни отстающих регионов, в которых она практически стоит на месте, т.к. какой-либо основы для роста просто нет.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976 - 2020 гг.)», проект № №18-011-01037.

Литература:

1. *World Population Prospects 2017 // https://esa.un.org/unpd/wpp/DataQuery/*
2. *См. об этом: United Nations Development Programme. Human Development Reports // http://hdr.undp.org/en; Звездина Н.В., Иванова Л.В. Ожидаемая продолжительность жизни в России и факторы, влияющие на нее // Вопросы статистики, 2015 №7.*
3. *Подробнее об этом: Звездина Н.В., Иванова Л.В. Ожидаемая продолжительность жизни в России и факторы, влияющие на нее // Вопросы статистики, 2015 №7.*
4. *Данилова И.А. Межрегиональное неравенство в продолжительности жизни в России и его составляющие по возрасту и причинам смерти // Электронный научный журнал «Социальные аспекты здоровья населения» / http://vestnik.mednet.ru/content/view/916/27/lang,ru/*

Орлова Инна Степановна,
Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Россия

Государственная поддержка малоимущих категорий населения в России в контексте снижения социальной несправедливости.

Проблема бедности остается одной из острейших социальных проблем современного российского общества. В настоящее время в России доходы ниже прожиточного минимума имеют 21,1 миллиона человек, это 15% от общего состава населения. Основную проблему представляет социально-демографический аспект российской бедности, поскольку две трети бедных составляют семьи с детьми. Каждый пятый ребенок живет в бедной семье.[1]

Можно также отметить наметившуюся на данном этапе социально-экономического развития тенденцию снижения доходов россиян. Так, реальные денежные доходы в 2017 г. по сравнению с 2016 г. снизились на 1,7%,, в декабре 2017 г. по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года на 1,8%. Это самый низкий показатель за последние шесть лет [2]

Осуществление государственной поддержки малоимущих категорий населения, в первую очередь, семей с несовершеннолетними детьми, повышение их доходов, общее снижение масштабов бедности являются приоритетным направлением государственной социальной политики России, как социального государства. Однако, в настоящее время в реализации этого направления имеется ряд вопросов методологического, правового, организационного характера, которые требуют дальнейшего осмысления Социальная поддержка малоимущих категорий населения по российскому законодательству является организационным и финансовым полномочием государственной власти субъектов РФ. Именно региональные органы государственной власти в настоящее время играют определяющую роль в формировании и проведении государственной политики социальной поддержки малоимущих категорий граждан. В то же время, российские регионы по своему социально-экономическому положению имеют значительную дифференциацию и, соответственно, разную возможность, как в осуществлении социальной поддержки, так и минимизации ситуации с бедностью на своей территории. Сегодня уровень социальной поддержки малоимущих семей в мегаполисах, малых городах средней полосы России, населенных пунктах сельской местности кардинально различаются, как по видам, так и по объемам предоставляемой помощи. Такое положение затрудняет реализацию единой государственной социальной политики в этой области на всей территории России. В этой связи, сложившуюся практику социальной поддержки малоимущих семей можно рассматривать, как социально несправедливую. Проблему социальной поддержки малоимущих

категорий населения составляет и тот факт, что в российском обществе еще не изжит патерналистский менталитет. У ряда граждан отсутствует понимание необходимости индивидуальной ответственности за благосостояние своей семьи, как и стремление самостоятельно решать возникающие трудные жизненные ситуации, они пассивно ждут решения своих проблем от государства.

В течение последних лет социальная поддержка малоимущих категорий была ориентирована, главным образом, на оперативное адресное решение их жизненных проблем, но такой подход не дает долгосрочного эффекта, поскольку не нацелен на профилактику повторений кризисных ситуаций в дальнейшем. Повышение эффективности данного направления мы связываем с внедрением в практику активных программ социальной поддержки, сочетающих государственную поддержку с мотивацией членов малоимущих семей к активной деятельности с целью самостоятельного обеспечения личного благосостояния и поддержания необходимого уровня жизни. Примером такой поддержки является технология социального контракта, представляющего собой договор о взаимных обязательствах между получателем адресной социальной помощи и органом государственной власти. [3] Технология социального контракта уже внедрена в части регионов нашей страны и демонстрирует позитивный опыт вывода из кризиса многих малоимущих семей

Организация социальной поддержки малоимущих категорий граждан является актуальной, многоаспектной проблемой, исследование которой, имеет, несомненно, теоретическую и практическую значимость.

Литература:

1. *Омбудсмен: Каждый пятый ребенок в РФ живет в семье с низким доходом – https://rg.ru/2017/10/10*
2. *Уровень жизни:: Федеральная служба государственной..статистики. gks.ru›wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat…level/*
3. *Социальный контракт: от заключения до исполнения: Учебно-методическое пособие / Е.И. Холостова, Г.И. Климантова. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2012. – 164 с*

Осипова Мария Егоровна,

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Россия

Винокурова Ульяна Алексеевна

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Россия

Роль женщин-автолюбителей в продвижении идей мира и справедливости

В соответствии со статистическими данными Forbes [4], сегодня около 80% решений о поездках принимаются женщинами. Женщины являются

двигателями туристической отрасли мировой экономики. Они больше зарабатывают, больше тратят, а значит обладают наибольшим экономическим потенциалом для туристической индустрии. На фоне увеличивающейся автомобилизации женской половины населения и стирания границ между государствами особое внимание требует осмысление роли женщины в продвижении гуманитарных ценностей. Гендерную обусловленность формирования личности водителя отмечают Сидони Смит [5], Эндрю Такер [6]. Исследователи утверждают, что перемещения женщин в пространстве носят воплощенный характер, сопряженный комплексом социальных, культурных и исторических предпосылок. Автором статьи рассмотрена деятельность организованного движения женщин-автолюбителей в Республике Саха (Якутия) – якутских автоледи, которые преодолевают на автомобилях тысячи километров бездорожья с целью привлечения внимания общественности к социально значимым проблемам. Особенность предмета исследования отличается тем, что якутский народ в настоящее время населяет территорию, равную 3 млн. кв. км., обозначенную на карте как Республика Саха (Якутия). Якутский культурный след обнаруживается далеко за современными границами Якутии. Якуты характеризовались в предыдущие века как народ-глобализатор, вступающий в активное торговое и культурное взаимодействие с соседними народами, исповедуя философию мира и согласия. Поэтому в картине мира саха коннотации слов «дорога», «путешествие», «движение», «пространство» имеют позитивный смысл. Тяга к перемещению по кормящему ландшафту – культурная особенность народа саха, который за календарный год перекочевывал всей семьей четыре раза, стремясь обеспечить лучшими кормами своих домашних животных на протяжении четырех сезонов года. Образ мобильного путешественника овеян стереотипами лучших качеств человека. Создание транспортной инфраструктуры в пространстве Якутии способствовало усилению тяги к путешествиям, и продвижению якутских ценностей в глокальное и глобальное пространство. Тяга к перемене мест, открытию новых воображаемых и физических пространств стала основой для самоорганизации женских инициатив. Якутские женщины, традиционно считавшееся стабильным ядром семьи, создали новую социальную страту – объединение автоледи. Первые автоледи Якутии 4 марта 1999 года накануне международного женского дня состоялся первый женский автопробег по маршруту Якутск-Томмот-Якутск. В автопробеге приняли участие 36 женщин из г. Якутска. Целью автопробега была материальная помощь воспитанникам Томмотского детского дома. После этого памятного автопробега в апреле 1999 года женщинами-автолюбителями была зарегистрирована первая общественная организация «Леди за рулем», обусловив тем самым начало институционализации особой социальной страты. Кругосветное путешествие С 3 февраля по 24 апреля 2003 года впервые в мире была совершена женская кругосветная автоэкспедиция, посвященная 370-летию вхождения Якутии в состав России и 40-летию полета в космос первой женщины. Под эгидой международной

неправительственной организации северных регионов «Северный форум» в длительное путешествие отправились пятеро хрупких женщин, все – матери и жены, в возрасте от 35 до 45 лет. В течение 80 дней автолюбительницы из Якутии сквозь 50-градусные морозы, бездорожье, стремительные автобаны смогли проехать 27 479 километров через 9 государств с целью объединить усилия людей мира в решении экологических, экономических и социальных особенностей жизни Арктики и Севера, а также вовлечь женщин разных стран в решение проблем по установлению в обществе мира и справедливости. Заключение Позиционирование женщин в качестве путешественников позволило социально исключенным членам общества перебраться из маргиналов в лидеров мнений. Сегодня якутские женщины провозглашают не только традиционные духовные и моральные ценности своего народа, но и идеи мирового масштаба – гуманизм, открытость, справедливость. Путешествие приобретает сакральный характер шествия, объединяя в единое целое «пространство-место-движение», когда путешественник чувствует себя проповедником изначальных ценностей и причастным свою принадлежность любой территории. Это является основой для достижения межкультурного диалога в условиях глобализации общества. Притом, приспособленные жить в крайне трудных для передвижения ландшафтных условиях, для якутских женщин мало значимо такое качество маршрута путешествия как «проходимость пути». Особая роль и статус женщины в продвижении гуманитарных ценностей в современном обществе - это те ключевые вопросы, которые остро стоят на общественно-политической повестке дня.

Литература:

1. *Баишева Л.М. Кругосветное путешествие якутских автоледи / Лена Баишева. – Якутск: Салама, 2013. – 220 с.*
2. *Винокурова У.А. Якутские ценности в начале XXI века [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2017, № 3. URL: https://nit.tuva.asia/nit/article/view/727 дата обращения: 22.01.2018 г.).*
3. *Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования / В.Л. Серошевский –. М.: 1993. – 751 с. 4. Forbes [Электронный ресурс]. URL:*
4. *Forbes [Электронный ресурс]. URL: https://www.forbes.com/sites/ceciliarodriguez/2014/04/21/paris-one-girls-guide-to-leveraging-womens-travel-spend/#5cd01f63d967 (дата обращения: 20.01.2018).*
5. *Smith S. Moving lives: Twentieth-Century Women's Travel Writing. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2001.*
6. *Thacker A. Traffic, gender, modernism. Sociological Review Monograph Series: Against Automobility, edited by Steffen Bohm, Campbell Jones, Chris Land and Matthew Paterson. October 2006, volume 54, Issue Supplement.*

Палибина Александра Сергеевна,
НИ МГУ им. Н.П. Огарёва, Саранск, Россия

Государственная семейно-демографическая политика как фактор социальной стабильности в обществе

Семья является основным социальным институтом общества, что неоднократно подчеркивается в международных документах: семья является естественной и основной ячейкой общества (ст. 16 Всеобщей декларации прав человека); семья является основной ячейкой общества и естественной средой для роста и благополучия всех ее членов (ст. 4 Декларации социального прогресса и развития). Именно в семье происходят основные демографические процессы, которые являются одним из показателей социальной стабильности общества. Поэтому важным является государственная поддержка семьи. Так, в целях укрепления российской семьи, улучшения ее социального положения, возрождения и сохранения духовно-нравственных традиций семейных отношений в России принята Концепция демографической политики до 2025 года. Для достижения указных целей Концепцией предусмотрены несколько первоочередных задач, а именно: создание дополнительных механизмов государственной поддержки неполных и многодетных семей; предоставление льготного ипотечного кредитования для приобретения жилья; развитие консультативной и психологической поддержки семьи и ее членов; пропаганда семейных ценностей; развитие системы специализированной помощи детям, в том числе оставшихся без попечения родителей и пр.

Поставленные задачи в Концепции позволяют сделать вывод о тесной взаимосвязи основных демографических процессов и стабильного функционирования социального института семьи. Условием эффективной реализации семейно-демографической политики является ее максимальная приближенность к семье, позволяющая адресно оказывать социальную поддержку отдельным членам семьи. По мнению ряда исследователей, средством приближенности семейно-демографической политики является ее реализация на муниципальном уровне, который позволяет учитывать специфику социально-экономического развития того или иного муниципалитета, в том числе и национально-этнические традиции территории [2]. Одной из форм реализации семейно-демографической политики является функционирование системы социальной защиты семьи. По мнению Л. И. Савинова, социальная защита семьи представляет собой диалектическую взаимосвязь между социально одобряемым гуманизмом и социально одобряемой деятельностью, направленной на самозащиту семьи [3, с. 165]. Гарантом социальной защиты семьи выступает Конституция РФ, в которой отмечается, что семья находиться под защитой государства. Кроме того, в особых мерах социальной защиты нуждаются неблагополучные семьи,

семьи, находящиеся в социально опасном положении и испытывающие негативное влияние со стороны различных сфер жизнедеятельности. Субъектами реализации государственной семейно-демографической политики являются государственные социальные службы и организации (комплексные центры, социальная защита, департаменты по социальной политики, центры социальных выплат и пр.), благотворительные и некоммерческие организации, в том числе религиозные и пр. Так, в частности в Республике Мордовия функционирует Государственное бюджетное учреждение «Комплексный центр социального обслуживания по г.о. Саранск», целью деятельности которого является максимальная социальная поддержка семей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Данная цель достигается посредством содействия в предоставлении материальной и натуральной помощи, социального патронажа неблагополучных и находящихся в социально опасном положении семей, осуществления медико-социальной реабилитации и санаторно-курортного лечения. В структуре Комплексного центра действует служба социальной помощи семье, деятельность которой направлена на комплексное обслуживание нуждающихся в помощи семей, путем оказания разнообразной социальной помощи: социально-экономической, социально-психологической, социально-педагогической, юридической и иной. Направления деятельности службы социальной помощи семье достаточно разнообразны: от профилактических мероприятий до анализа уровня социального обслуживания семей в городе и внесению предложений по организации сферы социальных услуг семье.

Важным субъектом социальной защиты семьи в настоящее время являются некоммерческие и социально ориентированные некоммерческие организации, в том числе и религиозные. Спектр их деятельности достаточно широк. В отличие от государственных структур, данные организации в значительно меньшей степени «бюрократизированы», что позволяет оперативно и эффективно решать проблемы семьи. В настоящее время некоммерческие организации выступают в качестве своеобразного связующего звена между государством и обществом, участвуя в разнообразных социальных преобразованиях [1]. Среди религиозных организаций в системе социальной защиты семьи особое место занимает православная церковь со своим уникальным функциональным набором методов и технологий оказания помощи. Православная церковь оказывает помощь семье по двум направлениям: духовное и практическое. Первое направление включает в себя создание благоприятной эмоциональной атмосферы в семье, в том числе и моральную поддержку членов семьи. Второе ориентировано, в первую очередь, на те семьи, которые имеют социальные проблемы. Таким образом, государственная семейная политика направлена на создание достойного уровня жизни современной российской семьи, стимулирование рождаемости, достижение устойчивого семейного благополучия, что, несомненно, является важным фактором сохранения социальной стабильности в обществе.

Литература:

1. *Палибина А. С. Некоммерческие организации в системе социального обслуживания населения / А. С. Палибина, Е. Г. Панькова, Т. В. Соловьева, Д. А. Бистяйкина // Дискуссия. - 2017. - № 10 (84). - С. 55-59.*
2. *Панькова Е. Г. Муниципальная политика по улучшению социально-экономического положения семьи / Е. Г. Панькова, А. С. Палибина, Д. А. Бистяйкина, Т. В. Соловьева // Дискуссия. - 2017. - № 2 (76). - С. 62-70.*
3. *Савинов Л. И. Социокультурная детерминация социальной защиты семьи / Л. И. Савинов // Социальная политика и социология. - 2017. - Т. 16. - № 2. - С. 164-171.*

Пермякова Татьяна Владимировна,
ФГАОУ ВО "Российский государственный профессионально-педагогический университет, Екатеринбург, Российская Федерация
Чикурова Александра Андреевна
ФГАОУ ВО "Российский государственный профессионально-педагогический университет, Екатеринбург, Российская Федерация

Отношения с социальной микросредой как проблема многодетной семьи

Одной из наиболее острых демографических проблем в современной России является преобладание малодетной семьи, не обеспечивающей необходимого уровня воспроизводства населения. Всего в России насчитывается около 17285,9 тыс. семей с детьми. Типичная российская семья — однодетная. Только 27 % семей имеют двух детей, 4% имеет трех детей и лишь 1% - 4 и более ребенка [3]. Таким образом, многодетные семьи составляют лишь 5% всех семей с детьми. Среди исследователей нет единого мнения по поводу того, какую семью следует считать многодетной. Так, социологи чаще всего многодетной называют семью, в которой пять или более детей, но в практике социальной работы многодетной считаются семьи, имеющих трех и более детей в возрасте до 16 лет, а также в возрасте до 18 лет, если они обучаются в образовательных учреждениях, реализующих общеобразовательные программы. Таким образом, социологические критерии не совпадают с практикой социальной работы, однако при проведении эмпирических социологических исследований в качестве объекта чаще всего выступает семья с тремя детьми. Многодетная семья имеет как свои специфические проблемы, так и те, которые свойственны любой другой семье (малодетной, неполной). Она переносит все «болезни» стандартной семьи, однако в ней они протекают значительно тяжелее. В этом заключается одна из самых важных ее особенностей. Среди проблем, с которыми сталкиваются многодетные семьи, наиболее острыми считаются материальная, жилищная, отношения с социальной микросредой, проблемы здоровья, проблемы в сфере образования, проблемы взаимоотношений в семье, правовая неосведомленность. Отношение общества к многодетной семье, достаточно неоднозначное и противоречивое, а иногда и несправедливое, находит наиболее яркое выражение во взаимоотношениях с

ближайшим социальным окружением. Многодетные семьи зачастую формируют круг своего общения, испытывая дискомфорт в общении, установлении контакта с окружением. Непростыми являются взаимоотношения многодетных родителей с коллегами. По результатам исследований, только 25% многодетных женщин полагают, что коллеги относятся к ним хорошо, более 30% оценивают это отношение как безразличное, а 14% – как отрицательное. Для мужчин эти цифры составляют соответственно 42, 28 и 7% [4, с. 127]. Окружающие люди в профессиональной среде и родственники многодетных семей не всегда одобряют многодетность, вследствие чего многодетные родители отмечают отсутствие доброжелательного отношения к своей семье. Дети из многодетных семей сталкиваются с негативным отношением, трудностями в общении и несовпадениями интересов со сверстниками [1, с. 98]. Данная проблема обусловлена изменениями, происходящими в обществе. Отношение к многодетной семье существенно изменилось в нашей стране за последние два века. В дореволюционной России многодетность, особенно в крестьянских семьях, составляющих подавляющее большинство населения, была залогом стабильности, крепкого большого хозяйства, процветания, довольства. Большая детская смертность побуждала женщину рожать как можно чаще, обычно за весь детородный период, прожитый совместно с мужем, у здоровой женщины рождалось от 8 до 11 детей. В настоящее время многодетность является сложным и противоречивым феноменом и по отношению к общепринятым нормам и нравам, по мнению А.И. Антонова, выступает явлением исключительным и девиантным [2]. С одной стороны, образ жизни многодетных семей воспринимается как неблагополучный, связанный со всевозможными трудностями и ущемлениями, бедственным положением, нехваткой родительской любви и внимания, различными материальными лишениями. С другой стороны – многодетность ассоциируется со сплоченностью, взаимопомощью и доброжелательной атмосферой дружбы, чувствами ответственности, уважения, трудовой дисциплиной и самостоятельностью. Следовательно, образ многодетности в сознании россиян вряд ли можно считать безоговорочно радужным: такие семьи ассоциируются как со счастливой, полнокровной семейной жизнью, ее радостями, но чаще – с нищетой, беспросветностью, лишениями. Можно утверждать, что имеет место дисбаланс между значимостью многодетной семьи в контексте демографических проблем России и ее имиджем, фактическим отношением к многодетной семье в социуме, ее положением и статусом. Этот дисбаланс сдерживает мотивацию рождения нескольких детей у молодых супругов, желающих иметь многодетную семью, что блокирует повышение рождаемости в стране. Таким образом, для нормального функционирования многодетной семьи ей требуется поддержка со стороны общества, позитивное отношение к ней как на макро-, так и на микроуровне.

Литература:

1. *Андреева Т.В. Семейная психология / Т.В. Андреева. СПб.: Речь, 2004. 244 с.*
2. *Антонов А.И. Многодетная семья в эру депопуляции (результаты всероссийского исследования многодетных матерей) [Электронный ресурс] / А.И. Антонов. Режим доступа: http://demographia.ru/articles_N/index.html?idArt=1473*
3. *Женщины и мужчины России - 2016 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_50/Main.htm*
4. *Павленок П.Д. Технологии социальной работы с различными группами населения: учебное пособие / П.Д. Павленок, М.Я. Руднева. М.: ИНФРА-М, 2009. 272 с.*

Проказина Наталья Васильевна,
среднерусский институт управления - филиал РАНХиГС, Орел, Российская Федерация
Перевозкин Леонид Михайлович
среднерусский институт управления - филиал РАНХиГС, Орел, Российская Федерация

Развитие брачных структур и семейная политика

Брачное состояние – особая структурная характеристика населения, отражающая итоги изменения процесса формирования брачности по состоянию на определенный момент времени. На брачное состояние населения оказывают влияние возрастно-половая структура населения, возраст вступления в брак, уровень рождаемости в прошлом, а также социально-экономические и культурные факторы (нормы социального поведения и последствия экономических кризисов, социальных и политических потрясений). Современное влияние этих факторов не в полной мере обеспечивает социально-демографическое развитие регионов, что проявляется, в частности, на формировании среднего размера семейной ячейки: по данным 2010 года средний размер семейной ячейки в России сформировался на уровне 2,7 человек; более высокое значение этого показателя было зафиксировано в Северо-Кавказском федеральном округе (равное 3,3), а более низкое (на уровне 2,6) – в Северо-Западном и Центральном федеральных округах [1]. Возможность изучения брачного состояния основана, прежде всего, на материалах переписей населения [2]. Результаты анализа свидетельствуют, что за период между двумя последними переписями (2002 и 2010 годы) количество и мужчин, и женщин никогда в браке не состоявших уменьшилось (мужчин с 251 до 244 на 1000 человек в возрасте 16 лет и старше, женщин - с 175 до 165 человек). Зафиксировано также уменьшение числа и мужчин и женщин, состоящих в браке (мужчин с 627 до 613 на 1000 человек в возрасте 16 лет и старше, женщин - с 526 до 508) [3]. Важным показателем при оценке процессов изменения брачного состояния является также возраст вступления в брак. Модальный возраст женихов фиксировался в России в возрастной группе 18-

24 года, однако в 2004 году он переместился в группу 25-34 лет. Среди невест этот показатель фиксировался в группе 18-24 года, но после 2013 года он также переместился в группу 25-34 лет [4]. Это может негативно сказаться на уровне рождаемости, поскольку наблюдающийся в последние годы рост рождаемости связан, преимущественно с более высокой рождаемостью в прошлом веке Важным показателем брачности является средний возраст вступления в первый брак, поскольку он коррелирует с началом процесса деторождения. В России в последние годы средний возраст вступления в брак у женщин и у мужчин возрастал. В 2011 году у мужчин он был равен 27,4 года, у женщин 25 лет [5]. Средний возраст вступления в брак в 2016 году среди мужчин увеличился до 31,5 года, у женщин – до 27,6 лет. В России, таким образом, проявляются тенденции, присущие западно-европейским странам. Общий коэффициент брачности (используемый для характеристики интенсивности процесса) в начале 21 века повышался с некоторыми колебаниями, увеличившись до 8,8% в 2007 году (после снижения в 2008 году до 8,3%) и до 9,2% в 2011 году. Затем в 2012 году он, как и в 2009-2010 годах, снизился до 8,5%, а в 2016 году - до 6,7% . Вместе с тем, изменение брачного возраста женихов и невест пока не сопровождается снижением уровня рождаемости: начиная с 2001 года число родившихся в расчете на 1000 человек населения имело тенденцию к росту (с 9 в 2001 году до 12,9 в 2016 году) [6]. Общий коэффициент разводимости с конца 1970-х до начала 1990-х годов оставался стабильным (на уровне около 4%). К середине 1990-х годов он немного увеличился (до 4,5% в 1995 году), но затем снизился. В последующие годы возобновился рост коэффициента разводимости. В 2002 году общий коэффициент разводимости (5,9‰) достиг наибольшего значения. В последние годы наблюдались колебательные изменения: в 2010 году значение коэффициента разводимости снизилось до 4,5‰, в 2011 году он немного увеличился (до 4,7‰), но в 2012 году вновь снизился до 4,5% , в 2016 году – до 4,1‰ [7]. Общий коэффициент неустойчивости брака (отношение числа разводов и браков), достигнув своего максимального значения в 2002 году (равного 0,831), затем имел тенденцию к снижению до 2011 года (до 0,511), сменившуюся опять на рост и достигнув в 2016 году значения 0,612. Таким образом, можно констатировать, что на современном этапе развития российского общества наблюдается разнонаправленная трансформация социального института семьи. Очевидно, это потребовало повышенного внимания государства к процессам формирования семейных отношений: Правительство Российской Федерации своим распоряжением от 25 августа 2014 г. № 1618-р утвердило «Концепцию государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года», взаимосвязанную с «Концепцией демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года».

Литература:

1. *http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol6/pub-06-13.pdf*
2. *http://www.perepis-2010.ru/news/l1.jpg*
3. *Социально-демографический портрет России. По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года. С. 29.*
4. *. http://www.gks.ru/bgd/regl/B17_16/IssWWW.exe/Stg/3.4.xls*
5. *Демографический еженедельник «Демоскоп Weekly» Института демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», № 545–546, 4-17 марта 2013 г., http: //demoskope.ru/*
6. *http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo21.xls*
7. *Демографический еженедельник «Демоскоп Weekly» Института демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», № 541–542, 4-17 февраля 2013 г., http: //demoskope.ru/*

Рахматуллина Зиля Борисовна,
Башкирский государственный университе, Уфа, РФ

Проблемы пожилых и поиск путей решения

Как известно, социальная поддержка тесно связана с соблюдением прав и свобод человека и традиционно направлена на поддержание достойного уровня жизни для всех категорий населения, включая и пожилых людей. В нашей стране доля пожилых (женщины старше 55, мужчины старше 60 лет) вплотную приблизилась к 25% (24,9% в 2017 году) и, по среднему демографическому прогнозу Росстата, достигнет к 2025 году 27% — более 40 млн. человек [1]. По результатам исследования ВЦИОМ, пожилые люди среди своих основных проблем выделяют бедность и низкую пенсию, что было заявлено 59% опрошенных. На втором месте — проблемы со здоровьем (45%). Помимо этого 25% россиян считают, что люди старшего поколения страдают от одиночества, 24% опрошенных отметили «ощущение ненужности», которое возникает у пожилых, а 18% — о неуважительном отношении со стороны молодежи. Все эти факторы были названы основными проблемами по итогам опроса не только всех возрастных категорий, но и людей старше 60 лет [2]. Финансовое положение пожилых подрывает и сокращение региональными бюджетами программ адресной социальной поддержки населения. «Все регионы — а большинство выплат осуществляется за счет региональных бюджетов — встали на путь сокращения расходов на социальные выплаты населению, где возможно», — отмечает директор Центра анализа доходов и уровня жизни Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Лилия Овчарова [3]. Так, в Республике Башкортостан на эти цели из бюджета республики за I полугодие 2017 года израсходовано 2,2 млрд. рублей, где проживает более 950 тыс. людей старшего возраста, из них 470 тыс. ветеранов. Кроме того, получение социальных услуг на дому является самой востребованной формой обслуживания у них: с 2010 года ежегодный рост получателей услуг на дому в республике составляет в среднем 12%. В связи с этим за последние 3-4 года нагрузка на одного социального работника возросла на 62%, с 8 до 13 обслуживаемых человек [4]. К услугам относится

доставка продуктов питания, воды (в сельской местности), лекарств, уборка квартир, приготовление пищи, общение с подопечным и др. Учитывая мировую и общероссийскую тенденцию старения населения, нетрудно предположить, что численность пожилых людей, нуждающихся в получении таких услуг, будет увеличиваться с каждым годом. Нуждаемость пожилых людей в социальной помощи обусловлена, как видим, низким уровнем жизни и социальной незащищенностью, причем социальный статус пожилых людей в нашей стране не соответствует общемировым нормам и стандартам, а именно ограничен набор социальных ролей и форм активности, доступных пожилым, сужены рамки их образа жизни. Выбор социально санкционированных возможностей в сферах жизнеобеспечения, коммуникации и рекреации лица третьего возраста имеют ограниченный диапазон. К этому следует добавить, что объективные данные о состоянии их здоровья не дают достаточных оснований для оптимистических прогнозов относительно возможностей пожилых людей собственными силами поддерживать свою самостоятельность в течение позднего периода жизни [5]. В июле 2017 года президент РФ В.В. Путин встретился с представителями социально ориентированных НКО, благотворительных фондов, волонтерского движения и социальными предпринимателями. По итогам встречи Минздраву и Минтруду совместно с органами исполнительной власти субъектов РФ было поручено разработать «комплекс мер по созданию системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами». В числе таких мер были названы сбалансированное социальное обслуживание, медицинская помощь на дому, медицинская помощь в полустационарной и стационарной форме с привлечением патронажной службы и сиделок, а также меры по поддержке семейного ухода. Эти же ведомства, а также Минфин и Минэкономики должны обеспечить реализацию пилотного проекта, который стартует в нынешнем году [1]. Оценивая сложившуюся в стране ситуацию, член Совета при правительстве РФ по вопросам попечительства в социальной сфере и руководитель фонда “Старость в радость” Елизавета Олескина говорит, что у нас нет в общепринятом в мире понимании системы долговременного ухода за пожилыми людьми и всеми, кто в нем нуждается, есть лишь разрозненные элементы. В России, по ее мнению, нет единых стандартов ухода, нет нормальной типизации потребности в уходе, отсутствует приемлемая маршрутизация людей между учреждениями, очень плохо обстоит дело с обучением персонала. «Сейчас у нас любой человек может попасть в больницу, будет выписан из нее в лежачем состоянии, и социальные службы узнают о нем только через несколько недель или вообще не узнают,— добавила она.— В результате человек не получит никакого ухода, а отсутствие ухода после проведения дорогостоящей операции помешает его выздоровлению, потому что нет налаженной системы дальнейшего ведения такого больного» [1]. Учитывая многообразие и сложность социально-экономических, психологических проблем пожилых людей (одиночество, болезни, бедность и т.д.), прогнозные предположения о сохранении

сложившихся тенденций требуют проведения адекватных мероприятий, принципиальных решений и целенаправленных действий в интересах граждан старших возрастных групп по поддержанию их социальной защищенности, созданию условий для реализации личностного потенциала в старости.

Литература:

1. *Старикам ищут место //Коммерсантъ: https://www.kommersant.ru/doc/3430055 (дата обращения 17.01.2018)*
2. *Пожилые люди России назвали свои главные проблемы //РБК: https://www.rbc.ru/society/06/10/2017/59d71ba29a794779b25168e2 (дата обращения 18.01.2018)*
3. *Число бедных россиян выросло за год почти на 3 млн. человек //РБК: http://www.rbc.ru/society/08/09/2015/55ef00b09a79476296ba24b3 (дата обращения 2.02.2018)*
4. *Выступление заместителя министра труда и социальной защиты населения Республики Башкортостан Т. Б. Глуховой на заседании Коллегии министерства по подведению итогов социально-экономического развития за 1 полугодие 2017 года 4 августа 2017 г. // Сайт Минтруда РБ: http://www.mintrudrb.ru/press/reports/16824/ (дата обращения 4.02.2018)*
5. *См.: Рахматуллина З.Б. К вопросу здоровья и уровня жизни пожилых граждан// X Международная научная конференция «Сорокинские чтения» «Здоровье российского общества в XXI веке: социологические, психологические и медицинские аспекты». Сборник материалов. Эле*

Рахматуллина Зиля Борисовна,
Башкирский государственный университет, Уфа, Россия
Королева Нина Леонидовна
Башкирский государственный университет, Уфа, Россия

Социальное неравенство и воспитание детей в семье

Прежде чем рассматривать вопросы социального неравенства и воспитание детей, обратимся к понятию социальной справедливости, поскольку эти понятия связаны между собой. Определение справедливости, которое обычно дают различные словари отталкивается от того, что справедливость - понятие о должном; при этом она связывается с концепцией равенства, с получением каждым того, чего он заслуживает [3]. Необходимо отметить, что в социальных науках « социальная справедливость» и « социальная несправедливость» имеют множественную трактовку, что затрудняет научных диалог, сопоставление результатов научных исследований. «Чистые» экономисты используют понятие социальной справедливости в контексте равномерности распределения доходов и оценки уровня благосостояния в целом. Социологи говорят о субъективном восприятии того или иного положения как эффективного. В философии существует понятие глобальной справедливости [1]. Вместе с тем на практике социальная несправедливость обычно связывается с такими проблемами, как помощь незащищенным группам населения (многодетные, неполные семьи, инвалиды и т.д.) С позиции семейного воспитания особую

значимость приобретает способность социального неравенства разделять членов общества не только по их вертикальной иерархии, но и распространять свое действие с одного поколения на другое, закрепляя неравные стартовые возможности жизненных достижений последующих поколений. Исследователями выделяются наиболее значимые сферы социальной жизни, в рамках которых особенно остро проявляется влияние социального неравенства на процесс воспитания детей в семье. Наиболее очевидными признаками социального неравенства в ситуации осуществления семьей функции воспитания детей признаются различия материального и культурного уровня семейных групп или, так называемого, семейного капитала. Термин «семейный капитал» возник в контексте понятия «социальный капитал», введенного французским социологом П.Бурдье.[2] Согласно его трактовке это понятие представляет собой социальные отношения, дающие индивидам возможность доступа к ресурсам общества в условиях их количественной и качественной ограниченности. Одной из базовых составляющих социального капитала семей традиционно принимается уровень жизни. Успешное функционирование семьи как воспитательного института обусловлено, прежде всего, наличием у нее соответствующих ресурсов в денежном и натуральном выражении, позволяющих супругам-родителям поддерживать необходимый жизненный стандарт.[5] По свидетельству официальной статистики, в 2016 году 22,0% всех российских детей до 16 лет проживали в семьях с денежными доходами ниже прожиточного минимума. Преобладающее большинство малоимущих (62,4%) и крайне бедных (68,7%) семей в России имеет несовершеннолетних детей. Отмечается также тенденция нарастания численности малоимущих семей с несовершеннолетними детьми в последние годы: от 59,7% в 2011 г. до 62,4% в 2016г.[4] Воспитательные возможности таких семей значительно уступают семьям с более высоким уровнем жизни. В каких именно направлениях происходит деформация воспитательного процесса малообеспеченных семей можно проследить на данных Росстата за 2016 год о наличии/отсутствии в российских семьях условий для полноценного развития детей. Статистика подтверждает: в 74% семей дети не имеют объективных условий для занятия спортом, 24% не имеют снаряжения для активного отдыха, 22% никогда не празднуют свой день рождения, 9% не имеют дома места для выполнения домашних заданий, 5% не имеют книг, соответствующих возрасту[4]. Таким образом, по причине недостаточности социальных ресурсов, в этих семьях отсутствует стремление к повышению своего социального статуса, к жизненным достижениям. У детей происходит осознание своих низких стартовых возможностей. Как видим, духовный и социальный капитал, передаваемый родителями детям, значительно повышает самооценку детей и шансы последних на жизненный успех. Более того, в малообеспеченных семьях ограничивается удовлетворение не только когнитивных, но и чисто физиологических потребностей ребенка. С увеличением количества детей повышается доля расходов на покупку продуктов питания. В 2015 году расходы на питание в семьях с одним

ребенком составили 31,6% от объема расходов семейного бюджета. Тот же показатель для семей с тремя детьми и больше составил 35,3% [4].Из приведенных выше статистических данных следует, что в условиях неравенства возможностей российские семьи с ограниченным социальным капиталом неизбежно сталкиваются с проблемами содержания и воспитания детей. Возникает противоречие между государственной политикой поддержки российских семей, с одной стороны, и отсутствием условий для практической реализации этих задач, с другой. Таким образом, социальная справедливость выступает, как категория, с помощью которой характеризуется объективно обусловленная уровнем материальной и духовной зрелости общества мера равенства и неравенства в жизненном положении различных социальных групп, в том числе и семей. Социальная справедливость, как одна из проблем социального неравенства влияет на процесс воспитания детей в семье.

Литература:

1. *Бархатов В.И. Плетнев Д.А. Противоречия социальной справедливости и несправедливости в современном мире //Вестник Челябинского государственного университета. - №12,2015.*
2. *Дементьева И.Ф. Социальное неравенство как негативный фактор семейного воспитания: статистический анализ // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость .2016.*
3. *Мареева С.В. Справедливое общество в представлениях россиян// Журнал институциональных исследований. - № 2, 2015.*
4. *Российский статистический ежегодник. М.: Росстат, 2016.*
5. *Рахматуллина З.Б., Рамазанова А.Р. Гендерные стереотипы и семейные взаимоотношения// Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке Материалы научной конференции к 100-летию Русского социологического общества имени М.*

Сазонова Анна Львовна,
ФГБОУ ВО РУТ (МИИТ), Москва, Россия
Сазонов Александр Александрович
ФГБОУ ВО РУТ (МИИТ), Москва, Россия

Социальное неравенство в сфере брачно-семейных отношений

В сфере брачно-семейных отношений факторы социального неравенства проявляются, пожалуй, более рельефно, чем в других сферах человеческого бытия, выступая важнейшей детерминантой семейного поведения, семейных девиаций, выбора брачного партнёра и формирования семейных жизненных стратегий. Наибольший «вес» среди факторов социальной дифференциации имеет материальное неравенство, которое в социологических концепциях связывается, в первую очередь, с бедностью, обуславливающей неравные возможности доступа к материальным и духовным ценностям, достижения высокого уровня благополучия в жизни, полноты реализации своего потенциала [1, 4]. Еще одним фактором

социального неравенства являются территориально-региональные различия, связанные с неравномерностью в уровне развития регионов страны, во многом определяющих образ и стиль жизни живущих там людей, уровень и качество образования, специфику занятости и миграции, масштабы и качество социальных программ и т.п. [3]

Также значимым является другой вид неравенства, обусловленный типом семьи респондентов. Новые формы семьи и брака, распространяющиеся в последние десятилетия, не могут в полной мере реализовывать воспроизводственные функции, как по отношению к обществу, так и по отношению к своим членам. В результате – под угрозой существования находится сама социальная система общества [5]. Проиллюстрируем наши тезисы эмпирическими данными, основанными на результатах двух исследований, проведённых под руководством авторов: «Представления московского студенчества о семье» (апрель-июнь 2016г., 448 респондентов) и «Отношение молодежи московского региона к семье» (апрель-июнь 2017г., 415 респондентов). Метод сбора информации – анкетный онлайн-опрос. Основные группы аналитических показателей: социально-демографическое положение, семейные ценности, репродуктивные установки, структура семейных проблем и проблемы молодой семьи, экономическая и психологическая готовность к созданию семьи, оценка государственной семейной политики. Рейтинг наиболее острых проблем молодой семьи в обоих исследованиях возглавляют: «материальные трудности» (71.8% в 2016г. и 75.6% в 2017г.) и «жилищные проблемы» (68.3% и 73.4%) . Первую отметило (оба раза) 100% респондентов из групп «нищие», «бедные», «нуждающиеся», примерно по ¾ - из группы «среднеобеспеченных» и лишь по 2 респондента из группы «высоко обеспеченные» (всего в группе 26 респондентов в 2016 и 22 - в 2017г.). Региональное неравенство выражается в том, что среди москвичей – меньше всего бедных и очень бедных и больше высоко обеснеченных. Соответственно, у них более позитивные показатели почти по всему комплексу волнующих проблем. «Сложности с трудоустройством, боязнь потерять работу» волнуют более половины опрошенных из первых 2-х групп, около 40- 45% из 3-й и 4-й, но никого из группы «высоко обеспеченных». Провинциалы указывали на неё в 2-2.2 раза чаще жителей московской агломерации. На «невозможность реализации своего личностного потенциала» указали примерно половина респондентов и в 2016 и в 2017г. из первых 3-х групп, дифференцированных по имущественному признаку, но 11,5% - из 4-й и 5-й в 2016г. и менее 8% в 2017г. Также большой разрыв мнений об актуальности проблемы зафиксирован в «региональных» группах (Москва, Московская область, другие регионы России). Если среди москвичей и жителей Подмосковья её отметило не более 23%, то среди «провинциалов» – более половины. Ещё больший разрыв наблюдается при сравнении групп, выделенных по критерию «тип семьи». Так, например, эта проблема волнует практически всех респондентов, выросших в семье «с матерью-одиночкой». От группы к группе (нищие-…-высоко обеспеченные)

примерно вдвое уменьшается число людей озабоченных проблемой «алкоголизм, наркотическая зависимость кого-либо из членов семьи». Вдвое реже отмечали её респонденты из полных семей, по сравнению с выросшими в неполных. Групповая дифференциация по имущественному признаку, по типу семьи, региональная прямо детерминирует ответы на вопросы связанные с «недоступностью качественного медицинского обслуживания»; «недоступностью качественного образования»; о желаемом количестве детей «с учетом реальных жизненных обстоятельств»; мотивах вступления в брак и выбора супруга; значимости ценностей «семья», «любовь». Например, в подгруппе беднейших и самых обеспеченных выбор супруга и мотивы вступления в брак обусловлены преимущественно утилитарными мотивами (уровень благосостояния будущего спутника жизни, желание с помощью брака получить какие-то выгоды, решить свои проблемы, получить прописку/ гражданство, повысить свой статус). На основании данных наших и близких по проблематике исследований можно утверждать что неравенство – имущественное, региональное, обусловленное типом семьи – является существенным фактором, детерминирующим отношения в брачно-семейной сфере. Ввиду несомненной важности и актуальности проблемы семьи для современной России, нашему обществу, прежде всего субъектам власти, необходимо кардинально пересмотреть основы социальной политики [2]. Главной задачей её должно стать обеспечение более или менее равных стартовых возможностей молодым людям для реализации своего социального (в том числе семейного) потенциала в: получении качественного образования, медицинской помощи, доступа к ценностям культуры, приобретении своего жилья, профессиональной карьере, а также правовой и социальной защищённости.

Литература:

1. *Возьмитель А.А., Михайлова Л.И., Носкова А.В., Сазонов А.А., Яковлева М.Н. Социальные проблемы кризисного общества. Монография / Под ред. Л. И. Михайловой. Москва, 2011.*
2. *Матвеева А.Л. Семья как развивающийся объект социальной защиты. В сборнике: Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы. Тезисы докладов II Всероссийского социологического конгресса. Москва, 2003. С. 91-92.*
3. *Сазонова А.Л., Сазонов А.А. Влияние факторов социального неравенства на представления о семье и семейные стратегии московского студенчества. В сборнике: Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость. Материалы V Всероссийского социологического конгресса. Москва, 2016. С. 3826-3837.*
4. *Сазонов А. А., Сазонова А.Л.Семейный потенциал молодых москвичей в условиях социокультурной неоднородности мегаполиса. //МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2015. Т. 6. № 3-1 (23). С.162-170.*
5. *Сазонова А.Л. Любовь как демографический фактор. В сборнике: Управление социальными изменениями в нестабильных условиях. Материалы Всероссийской научной конференции. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Электронное издание. 2016. С.*

Салмина Анна Андревна,
НИ МГУ им. Н. П. Огарева, Саранск, Россия
Доронина Анастасия Алексеевна
НИ МГУ им. Н. П. Огарева, Саранск, Россия

Семейно – демографическая дифференциация и социальная несправедливость относительно многодетных семей в разных регионах Российской Федерации

Социальный институт – это исторически сложившаяся устойчивая форма организации совместной деятельности людей, выполняющих определенные функции в обществе, главная из которых – удовлетворение конкретных социальных потребностей. Таким важнейшим социальным институтом является семья. Семья – основанная на единой общесемейной деятельности общность людей, связанных узами супружества – родительства – родства, и тем самым осуществляющая воспроизводство населения и преемственность семейных поколений, а также социализацию детей и поддержание существования членов семьи. Институт семьи играет важнейшую роль в жизни и развитии государства. По мнению А. Г. Харчева семья осуществляет следующие функции: – репродуктивная, т. е. биологическое воспроизводство населения; – воспитательная – социализация молодого поколения; – регенеративная – передача статуса, имущества, социального положения; – хозяйственно – бытовая – поддержание физического здоровья членов общества, уход за детьми и престарелыми членами семьи; – экономическая – получение материальных средств одних членов семьи для других, экономическая поддержка несовершеннолетних и нетрудоспособных членов общества; – сфера первичного социального контроля – регламентация ответственности и обязательств в отношениях между супругами, родителями и детьми, представителями старшего и среднего поколений; – духовного общения – развитие личностей членов семьи; – сексуально – эротическая – удовлетворение сексуальных потребностей супругов, сексуальный контроль; – социально – статусная – предоставление определенного социального статуса членам семьи, воспроизводство социальной структуры; – досуговая – организация рационального досуга, взаимообогащение интересов; – эмоциональная – получение эмоциональной поддержки, эмоциональная стабилизация индивидов и их психологическая терапия; – рекреативная – функция восстановления психологического здоровья, достижения психологического комфорта. Одним из приоритетных направлений социальной политики в России является социальная защита семьи, материнства, отцовства и детства. Существует множество государственных учреждений, которые помогают семье осуществлять ее функции (ЗАГСы, центры планирования семьи, женские консультации, родильные дома). Однако помимо оказания

содействия, со стороны государства наблюдается некоторая дифференциация семей. С одной стороны, она носит положительные характер, которая помогает оказывать конкретную помощь той или иной семье, оказавшейся в трудной жизненной ситуации. Это, например, деление семей на полные / неполные, многодетные / бездетные и т.д. У каждой из этих перечисленных семей существуют свои, специфические проблемы, что позволяет более точным и полным образом оказать им помощь. Для яркого примера приведем многодетную семью. В последнее время наблюдается снижение их количества, что серьезно сказывается и на семейно – демографической ситуации как конкретного региона, так и все России в целом. Для многодетных типичны жилищные проблемы, финансовые, в таких семьях, как правило, рано начинают работать дети. В связи с этим государство разрабатывает различные программы для многодетных семей, как федерального, так и регионального уровней, направленные на помощь с жильем, различные финансовые выплаты. В то же время, когда государство делит семьи на полные / неполные, многодетные / бездетные и т.д., в некотором роде он накладывает на них клеймо или табу. Особенно это заметно, если посмотреть на школьников. Например, в некоторых регионах дети из малообеспеченных семей имеют льготы на бесплатное питание в школьных столовых. Мало того, дети из малообеспеченных семей питаются одним образом, а из обычных, другим. В связи с чем происходит дифференциация детей, а вместе с тем и семей, что в дальнейшем накладывает отпечаток. В качестве яркого примера можно привести Республику Мордовию, в школах которой дети из малообеспеченных семей пользуются данной льготой. Или же семьи, в которых есть приемные дети. В той же, детской среде, опять идет столкновение того, что кто-то родной, кто-то не родной. С другой стороны, можно посмотреть на то, как государство оказывает финансовую помощь семьям. То, что она оказывается, это, конечно же, большая помощь со стороны государства. Но то, в каких размерах она оказывается разным семьям говорит нам опять об их дифференциации. Мало того, одним и тем же категориям семей в разных регионах Российской Федерации оказывается разная материальная поддержка по одному и тому же вопросу. Например, в Республике Мордовия, многодетным семьям предоставляются ежемесячные денежные выплаты в размере 240 рублей на каждого ребенка в семьях со среднедушевым доходом, размер которого не превышает величину прожиточного минимума, в Ростовской области – 389 рублей. Вроде бы, разница не большая, но в Ростовской области предоставление данных выплат не зависит от доходов семьи, в чем как раз и проявляется основное различие единовременных денежных выплат в данных регионах. Большая разница заметна между размерами региональных материнских капиталов, так в Нижегородской области с 1 января 2017 года размер регионального материнского капитала составляет 100000 рублей, в Свердловской области 126 405 рублей (для семей, в которых родились одновременно трое и более детей – 186 606 рублей), в Хабаровском крае – 212 000 рублей, а в Республике Мордовия –

125 270 рублей, при рождении третьего ребенка, 150 324 рублей, при рождении

Литература:

1. *Антонов А. И. Социология семьи. Учебник / А. И. Антонов. – 2 – е изд. перераб. и доп. – М. : Инфра. – 2012. – 640 с.*
2. *Харчев А. Г. Брак и семья в СССР / А. Г. Харчев. – 2 – е изд., перераб. и доп. – М. : Изд – во Мысль. – 1979 г. – 367 с.*
3. *Семьеведение. Теория и практика: учебник для академического бакалавриата / под ред. О. Г. Прохоровой, Е. И. Холостовой. — 2 – е изд., перераб. и доп. — М. : Изд – во Юрайт. – 2017. — 379 с.*

Селезнева Лариса Михайловна,

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Гендерное равенство и неравенство в семье

К числу наиболее актуальных проблем современности относится проблема гендерного равенства, преодоления устоявшихся культурных дискриминационных стереотипов.

Гендерное равенство - это равный доступ женщин и мужчин к экономическим ресурсам и равноценность «женских» и «мужских» профессий, ролей в обществе; равное отношение общества к вкладу мужчин и женщин в экономическое и демографическое развитие. Развитие гендерного равенства в этом смысле можно рассматривать как средство увеличения возможностей для развития и свободы выбора. Свобода выбора осуществляется, в частности, в отношении выбора конкретных стратегий поведения во всех сферах жизнедеятельности - работа, семья, личное развитие в течение разных стадий жизненного цикла.

Гендерное неравенство - характеристика социального устройства, согласно которой различные социальные группы (в данном случае - мужчины и женщины) обладают устойчивыми различиями и вытекающими из них неравными возможностями в обществе. Понятие гендерное неравенство особенно активно используется в социологии для исследования проблем разделения труда, асимметрии занятости, образования продолжительности жизни, положения мужчин и женщин в семье. Равенство - неравенство мужчин и женщин – проблема в зависимости от социально-исторического периода приобретала разное значение. Суть ее значения всегда оставалась неизменной: можно ли признать естественным желание женщины реализовывать себя вне семьи, согласиться, что женщина обладает для этого способностями, равноценными способностям мужчины, и нужно ли предоставить ей право на равных основаниях с мужчинами участвовать в общественной жизни.

Сторонники мужского превосходства над женщинами обосновывают свою позицию, ссылаясь на идею "естественного предназначения" полов и традиционную, патриархальную модель гендерного распределения ролей: они утверждают, что призвание и место женщины - это семья, а призвание и место мужчины - это работа, и не следует изменять такой порядок вещей. Гендер – совокупность социальных ожиданий (представлений) относительно личностных и поведенческих особенностей мужчин и женщин. Гендер означает не физические различия между мужчиной и женщиной, а социально формируемые культурно-характерологические идеалы (черты), определяющие мужественность (маскулинности) и женственности (фемининность). Первая обычно ассоциируется с агрессивностью, способностью логически мыслить, чувством превосходства, а вторая – с тонкой интуицией, эмоциональной выразительностью, покорностью. Мужественность и женственность, т.е. гендерные различия, проявляются в том, как люди исполняют свои гендерные роли. "Мужественность" и "женственность" получили категориальный статус и рассматриваются в качестве прототипов для описания реальных мужчин и женщин. Поэтому исследование мужественности и женственности неразрывно связано с изучением мужского и женского поведения. Формирование гендера происходит с самого рождения и продолжается на протяжении всей жизни человека. С мальчиками и девочками родители обращаются совершенно по-разному, даже если они уверены, что не делают никаких различий.

В процессе социализации семья (родители и другие родственники), система образования (воспитатели дошкольных учреждений, учителя), культура в целом (книги и средства массовой информации, театр, кино и пр.) внедряют в сознание детей гендерные нормы, формируют определенные правила поведения и создают представления о «настоящем мужчине» и «настоящей женщине». Внедренные в сознание индивидов гендерные нормы поддерживаются культурными механизмами, например, через гендерные стереотипы в СМИ. Основной гендерный стереотип массового сознания - это «дело женщины - домашнее хозяйство и воспитание детей» - так называемая теория трех «К» (Kinder, Kuche, Kirche - дети, кухня и церковь). Повышенное внимание к женщине привело во многом к улучшению их положения. Достижение гендерного равенства требует от мужчин и женщин совместных поисков решения, с тем, чтобы поощрять взаимное уважение и доверие друг к другу. Соблюдение равенства прав и свобод между полами приведет к новому витку развития общества.

Литература:

1. *Лыткина Т. Распределение власти в семье как фактор стратегий занятости и организации домохозяйства. (Рубеж Альманах Социальных Исследований, № 16-17) http://socnet.narod.ru/Rubez/archieve-frame.htm&text*
2. *Мезенцева Е. Гендерное разделение домашнего труда: основные тенденции и вопросы экономической оценки. // Гендерное неравенство в современной России сквозь призму статистики. М., Эдиториал УРСС, 2004, сс. 279-315.*
3. *Секевич В. Есть ли в мире страны, преодолевшие гендерное неравенство? Демоскоп, №563-564, 19 августа - 1 сентября 2013.*

4. *Селезнева Л.М. Гендерный аспект в семейной политике. Материалы Всероссийского социологического конгресса. Тезисы докладов и выступлений. ИС РАН, РОС. Москва, 21-24 октября 2008 г. Электронное издание. ISBN 978-5-89697-158-0*
5. *Силласте Г.Г. Гендерная социология и российская реальность М., Инфра - М, - 2016*

Синельников Александр Борисович,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Правомерность неравенства между браком и сожительством

Многие люди предпочитают браку сожительство, чтобы в случае разрыва бывшие партнеры не отсудили у них жилье, как это часто бывает после развода. Недавно была предложена поправка в Семейный Кодекс, чтобы имущество, нажитое парами, прожившими вместе без регистрации 5 лет, подлежало разделу. Это приравнивает сожительство к браку [1]. Но люди, не оформившие брак, чтобы государство не вмешивалось в их жизнь, не должны требовать от него защиты своих прав, кроме права детей на алименты.

В прошлом бездетность, развод, сожительство и рождение детей вне брака считались нарушениями социальных норм. Но т.н. «модернизация семьи» [2, с. 18] принесла право на выбор между браком, разводом, сожительством и безбрачием, сохранением или прерыванием беременности [3, с. 75-77], рождением детей и бездетностью [4], созданием семьи и одиночеством [5]. Люди, решившие никогда не иметь детей [6], якобы ни в чем не уступают семьям с детьми, сожительство равноценно браку [7], одинокие матери воспитывают детей не хуже, чем оба родителя [8], т.е. детям не нужен отец. При этом супруги с детьми, которые всегда были большинством и вносили основной вклад в рождаемость, компенсируя бездетность или малодетность семей других типов и одиноких людей, станут меньшинством, из-за чего общество вымрет. Но для сторонников парадигмы модернизации семьи «после нас хоть потоп». Они считают, что кризис переживает не институт брака [2, с. 21-22], а лишь законный брак «на всю жизнь». На смену ему пришли сожительства, которые длятся до тех пор, пока «чувства не иссякнут». Не важно, что после этого дети будут расти без отца [8] или с отчимом [2, с. 20] даже если отец не пил, не бросал семью и заботился о них. Сторонники этой парадигмы утверждают, что после развода люди, как правило, вступают в брак или в неформальный «партнерский союз». По их мнению, между тем и другим нет принципиальных различий [9, с. 115]. Обоснованность подобных мнений проверялась автором этой статьи по базе данных RLMS-HSE-2016 - «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ», проведенного в 2016 г. Национальным исследовательским университетом "Высшая школа экономики" и ООО «Демоскоп» при участии Института социологии РАН и Центра народонаселения Университета Северной Каролины [10]. Данные

этого опроса (вероятностная стратифицированная многоступенчатая территориальная выборка, 15306 респондентов) показали, что цели брака (счастье, избавление от одиночества, рождение детей) в сожительстве достигаются реже, чем в супружестве. Среди замужних женщин 40-49 лет лишь 3% никогда не имели детей, среди сожительниц того же возраста – 13%. У многих из них есть дети только от бывших мужей, но не от нынешних партнеров.

Сожительство – это нечто среднее между одиночеством и супружеством. Не всегда можно считать это промежуточное положение временным этапом на пути к законному браку. По данным выборочного наблюдения репродуктивных планов населения, проведенного Росстатом в 2012 г. (4910 мужчин 18-60 лет и 5144 женщин в 30 субъектах РФ), даже при рождении детей лишь 44,6% мужчин и 45,1% женщин, состоящих в «незарегистрированном браке» собираются обязательно его зарегистрировать [11, таблицы 9 и 10]. Не подтвердилось и мнение о почти полной «компенсации» разводов новыми браками и партнерскими союзами. По данным RLMS-HSE-2016, в законном повторном браке состоят около 40% среди мужчин и 30% среди женщин 18-49 лет, у которых прекратился первый зарегистрированный брак. Еще примерно 30% мужчин и немногим более 20% женщин, переживших развод или вдовство, живут с сожителями. Треть мужчин и половина женщин, имеющих такой опыт, не создают новую семью (с регистрацией или без) либо она тоже распадается. Если люди все чаще разводятся и все реже вступают в брак, предпочитая сожительство, то этот ведет не к модернизации семьи, а к ее разрушению как социального института, обеспечивающего воспроизводство населения и правильное воспитание новых поколений. Наделение сожителей статусом супругов понизит статус брака до уровня сожительства. В 1926 г. Кодекс законов о браке, семье и опеке приравнял сожительство к браку. Но и брак, даже с общими детьми, расторгался в ЗАГСе по немотивированному заявлению одного из супругов, без какой-либо вины, без согласия, да и без ведома другого, которому постфактум сообщали по почте о разводе. В том же порядке сожители расторгали в ЗАГСах «браки», которые вообще не были оформлены. В 1944 г. государство вновь стало признавать лишь зарегистрированные браки и ввело судебную процедуру развода, чтобы создать в народе ответственное отношение к семье. Эти правила были смягчены в 1965, 1969 и 1995 гг. в отношении развода и установления отцовства на внебрачных детей, но не сожительства. Неравенство между браком и сожительством вполне правомерно и его не надо устранять. Вместо этого следует внести поправку в Семейный Кодекс о том, что заключение брачного договора о совместной или раздельной собственности супругов на жилье и другое имущество, которое они приобретут уже в браке, – это не право (как при действующем законодательстве), а обязанность новобрачных. Брак с договором лучше сожительства без обязательств. Люди не будут стыдиться предлагать своим невестам заключить договор (без него не

зарегистрируют брак), и не откажутся от брака – договор защитит их будущую собственность.

Браков станет больше, а сожительств – меньше.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976 - 2020 гг.)», проект № №18-011-01037

Литература:

1. *Голованов Р. Сожительство хотят приравнять к официальным бракам // Комсомольская правда. Федеральный выпуск, 22.01. 2018. URL: https://www.kp.ru/daily/26784/3818344/(дата обращения 23.01.2018).*
2. *Синельников А.Б. Трансформация типа семьи и проблема свободы личности // Социальная и демографическая политика. № 2. 2006. С. 18-29.*
3. *Борисов В., Синельников А., Архангельский В. Аборты и планирование семьи в России: правовые и нравственные аспекты // Вопросы статистики. 1997. № 3. С. 75-78.*
4. *Вишневский А. «Семья эволюирует…» // Иностранная литература. 2011. №5. С. 256-264.*
5. *Klinenberg E. Going Solo. The Extraordinary Rise and Surprising Appeal of Living Alone. New York: Penguin Books, 2012. – 273 P.*
6. *Новоселова Е. Н. Добровольная бездетность как угроза демографической безопасности России // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2012. № 1. С. 99–110.*
7. *Шпаковская Л.Л. Политика институциализации и практики приватизации семейной жизни: партнерство и брак в России // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10. №2. С. 309-322.*
8. *Гурко Т.А., Орлова Н.А. Развитие личности подростков в различных типах семей // Социологические исследования. 2011. № 10. С. 99 – 108.*
9. *Захаров С.В. Трансформация брачно-партнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской. М., 2007. С. 75-126.*
10. *База данных обследования RLMS-HSE-2016: URL: https://www.hse.ru/rlms/spss (дата обращения 23.01.2018).*
11. *Аналитический отчет по итогам выборочного наблюдения репродуктивных планов населения в 2012 году (опубликовано 24.01.2013 г.). URL: http://www.gks.ru/free_doc/2012/demo/orp.doc, (дата обращения: 26.01.2018).*

Синельников Евгений Сергеевич,
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Социальное предпринимательство как инструмент снижения социального неравенства в России

Явление социального предпринимательства в современном мире все больше внедряется во все сферы жизни общества. Это объясняется тем, что социальное предпринимательство представляет собой инновационную деятельность предприятий, направленную на решение или смягчение социальных проблем на основе самоокупаемости и финансовой устойчивости. Ставя перед собой первичной целью не экономическую прибыль, а

содействие в решении социальных проблем, такие предприятия становятся надежными партнерами государства в решении задач социально-экономической политики, в том числе и в вопросах снижения уровня социального неравенства. Значимый вклад в изучение социального предпринимательства внесли такие зарубежные и отечественные исследователи как К. Альтер, Г. Диз, Н.И. Зверева, Р.Л. Мартин, А. Московская, М.Б. Орлов, С. Осберг и др. Социальное предпринимательство характеризуется также следующими основными признаками: социальное воздействие, наличие инноваций, масштабируемость и тиражируемость, предпринимательский подход [1, с. 12]. Социальное неравенство же представляет собой форму дифференциации, при которой отдельные индивиды, социальные группы, слои, классы находятся на разных уровнях доступа к удовлетворению различных потребностей. Чтобы разобраться, как социальное предпринимательство может снизить уровень социального неравенства, необходимо, как минимум, рассмотреть два аспекта. Во-первых, с экономической точки зрения социальное неравенство, прежде всего, означает неравенство в уровне получаемого дохода, или же соотношение бедных и богатых. Благодаря увеличению субъектов социального предпринимательства как представителей малого и среднего бизнеса повышается уровень самозанятости. Предприниматели, открывшие свои социальные предприятия, активно включаются в экономическую жизнь общества и собственными силами способны регулировать свой доход. Кроме того, открытие социального предприятия означает появление на рынке труда новых рабочих мест, что в свою очередь решает проблему безработицы и способствует повышению уровня доходов среди населения. Таким образом, открытие собственного дела способствует реализации цели и задач политики занятости, а также способствует улучшению экономического благополучия населения, что в свою очередь влияет на снижение уровня социального неравенства. Во-вторых, деятельность субъектов социального предпринимательства связана с развитием социальной инфраструктуры. В настоящее время социальное предпринимательство активно развивается в таких сферах как здравоохранение, образование и воспитание, опека и попечительство, культура, спорт и т.д. Особое внимание следует уделить тому, что деятельность социальных предприятий, прежде всего, направлена на удовлетворение потребностей социально уязвимых категорий населения и их включение в активную жизнь общества. К таким категориям относятся люди с ограниченными возможностями, люди пенсионного возраста, дети-сироты, неполные семьи, безработные граждане и т.д. Такая специфика деятельности социальных предприятий способствует уравниванию доступа различных категорий населения к удовлетворению потребностей и тем самым снижает уровень социального неравенства. Преградой на пути эффективного развития социального предпринимательства в России является отсутствие законодательного закрепления данного явления. По информации, представленной в различных источниках, законопроект о социальном предпринимательстве находится на стадии разработки и может быть принят

уже в ближайшее время. Принятие закона позволит точно определить границы и специфические особенности социального предпринимательства, что будет способствовать более успешному решению социальных проблем, улучшению социально-экономического благополучия населения. Таким образом, социальное предпринимательство выступает одним из способов снижения уровня социального неравенства в российском обществе и представляет большой исследовательский интерес.

Литература:

1. *Зверева, Н. И. От идеи к успешному социальному бизнесу: курс лекций по социальному предпринимательству / Н. И. Зверева, Е. Н. Бесшапошникова. – Москва: Зеленая книга, 2015. – 632 с.*

Смирнова Ольга Александровна,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия
Евсеева Лидия Ивановна
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

Отражение неравенства в гендерных образах маркетинговых коммуникаций

Истории последних дней о сексуальных домогательствах к женщинам-актрисам, все чаще поднимают вопрос о гендерном равенстве во всех представительствах, бизнесе и семье. Истории женщин разного цвета кожи, разного воспитания и вероисповедания, их проблемы и ограничения очень остро обсуждалась в 2017 году: карьерный рост женщин - в Сан-Франциско, проблема женской неграмотности - в Дели, проблема уличных домогательств - в Найроби, и тема сексизма в спорте - в Рио. Все это подталкивает женщин активнее бороться за свои права, решая актуальные для них проблемы. Отдельное внимание стоит уделить анализу женских образов в маркетинговых коммуникациях. Исследования и наблюдения демонстрируют, что женщины в рекламе представлены однообразно с четким набором функций и социальных ролей. В современном маркетинге выделяются три самых популярных изображения: женщина как часть интерьера (кухня, детская) и женщина-сексуальный объект. В последнее время все чаще появляется третий образ - современной деловой женщины.

Первый тип ставит женщину в жесткие рамки "хозяйка-жена-мать". Женщины в рекламе наводят порядок в доме, готовят, заботятся о детях, а также следят за своим внешним видом. В некоторых роликах они соревнуются друг с другом и дают советы, раскрывая секреты "семейного счастья". Обычные рекламные сюжеты: мать кормит мужа и детей, жена стирает вещи мужчины и наводит порядок в доме, не забывая поддерживать

приличный внешний вид. Эти роли приписаны женщинам традиционно, хотя в нашем мире женщина способна проявить гораздо больше способностей и возможностей во многих сферах общественной жизни, а последние тенденции борьбы женщин за равные права приводят к противоположному результату. В рекламе XXI века торговые гиганты стремятся показать мужчину партнером женщины в ведении дома и ухода за детьми, опосредовано закрепляя образ традиционной классической семьи.

Второй тип всячески демонстрирует женское тело и отдельные его части. Зачастую изображение эротизировано и не имеет для того оснований, что превращает женщину в еще один объект потребления. Однако в современном обществе не считается секс-табу и обнажённая женская грудь уже не является сексуальным призывом, её просто воспринимают как часть тела по типу открытого лба, бельё стало атрибутом комфорта. Отказ от гендерных стереотипов — это самая главная угроза благополучию бизнеса нижнего белья. [1]. Сегодня еще помощью женского тела продают алкоголь, еду, смартфоны, шоколад, кофе, автомобили. Полагается, что мужчина приобретает не только машину, но и условно покупает красивую женщину, что ее рекламирует. Случай с рекламой КАСКО от "Альфа Страхования" ассоциирует женщин с самой машиной (что позволяет купить/продать/застраховать не сам автомобиль, а его человеческую репрезентацию). Данная реклама предполагает потенциальным покупателем именно мужчину, женщины гораздо реже покупают дорогие автомобили, о чем свидетельствуют эксперты ООН (только 3% собственности в мире принадлежит женщинам).

Сами создатели такого рода реклам осознают и не скрывают факт использования женского тела в качестве товара-приманки. Сексуальный инстинкт, по их мнению, является двигателем торговли. Однако, любое стереотипное или унизительное изображение женщин является дискриминацией и противоречит конвенции ООН «о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин»[2]. Соответственно, такого рода реклама нарушает законодательно подкрепленную норму равноправия, чем вносит правки в современный маркетинг и рекламу. Феминизм вносит свои правки и всё чаще можно наблюдать в рекламных роликах компанию из девушки и юноши, которые совместно выбирают еду, смартфоны, шоколад и кофе.

Третий тип репрезентации женщин появился относительно недавно и пока не имеет четкой сферы применения. С одной стороны, современная деловая женщина появляется как лицо различных социально-ответственных компаний, желающих показать себя с прогрессивной стороны. С другой, та же женщина предстает перед зрителем как еще один потребитель повседневных товаров (от крема до продуктов питания), чем мало отличается от первого типа образов. Маркетинг в интернете становиться шире, интернет позволяет охватить весь процесс коммуникаций с потребителем: привлечь внимание, проинформировать, повлиять на выбор, вовлечь во взаимодействие, продать [3, С. 197].

Трансляция таких клише серьезно ограничивает женщин в реальности, диктуя им определенную манеру поведения. Воспроизведение такого рода рамок из рекламы в маркетинге ограничивает и уменьшает шансы реальных прав женщин, что не нравится борцам за равные права. Таким образом, «новые технологии коммуникации способны трансформировать общество», хотя сами по себе не являются независимыми от восприятия людей [4].

Выходы из данной ситуации помогут обеспечить изменения в репрезентации женщин в рекламе. Все чаще героини представляются не только в частной жизни (дом, семья), но и в публичной (работа, спорт, социальная активность). Все больше роликов изображают женщину за рулем собственного дорогого автомобиля, а мужчину за домашними делами. Данные сюжеты существенно расширяют имеющийся набор ролей как женщин, так и мужчин, что позволит реальным людям чувствовать себя свободнее. Избавление от стереотипных ограничений напрямую демонстрирует демократизацию современного общества и постепенно выравнивает внутренний дисбаланс [5].

Литература:

1. *Смирнова О.А. Экономические тенденции и влияние феминизма в маркетинге /Наука. Промышленность. Образование. Культура. Формирование духовно-нравственного и физического здоровья нации Материалы X съезда Петровской академии наук и искусств. 2017. С. 169-177.*
2. *Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин [Электронный ресурс] // Фонд Андрея Рылькова – URL: http://rylkov-fond.org/files/2012/08/%BD.pdf - (дата обращения: 29.03.2017)*
3. *Тростинская И.Р. Тенденции развития рынка интернет-рекламы в России/ Технологии PR и рекламы в современном обществе: материалы XII Всероссийской научно–практической конференции с международным участием, 18 апреля 2017 г. Санкт-Петербург / под ред. И. Р. Тростинской. СПб.: Изд–во Политехн. ун–та, 2017. С. 195-198.*
4. *Обухова Ю.О., Евсеева Л.И., Танова А.Г. Новые технологии коммуникации в восприятии современного человека //Теория и практика общественного развития. 2017. № 12. С. 43-47. DOI: 10.24158/tipor.2017.12.9*
5. *Феминизм добрался до рекламы [Электронный ресурс] // marketing.by – URL: http://marketing.by/analitika/feminizm-dobralsya-do-reklamy/ (дата обращения: 29.03.2017)*

Смолева Елена Олеговна,

Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Российская Федерация

Калачикова Ольга Николаевна

Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Российская Федерация

Проблемы организации социальной помощи многодетным семьям: социологическое исследование

Многодетные семьи в России причисляются к категориям, на поддержку которых направлена социальная политика государства. По причине высокой иждивенческой нагрузки семьи с несовершеннолетними

детьми относятся к малоимущим слоям населения. Ученые отмечают изменение отношения населения страны к «бедным» от жалости и сопереживания в 1990-е годы до безразличия и осуждения в 2000-е [2: 677]. А ведь социальные трудности многодетной семьи связаны не только с материальными проблемами, неравенством, социальной стратификацией, но и с социальными стереотипами, несовершенством социальных институтов и организацией деятельности учреждений социальной помощи [4: 548]. В рамках гранта РФН № 16018-00078 «Механизмы преодоления ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения для активизации процессов модернизации регионального сообщества» нами проведено исследование общественного мнения населения Северо-Западного федерального округа в отношении эксклюзии многодетных семей. Методы: анкетирование (выборка квотная, сегментированная по полу, возрасту, типу населенного пункта; объем выборки – 3100 чел.), фокус-группы (участники – многодетные родители с различным социальным положением). В статье представлена часть исследования, касающаяся проблем организации социальной помощи многодетным семьям. Социологический опрос показал, что в глазах общества многодетные семьи являются социально уязвимыми категориями, чья трудная жизненная ситуация связана в первую очередь с материальными проблемами. Семьи, с одной стороны, ждут помощи от государства в ТЖС, а с другой – понимают, что надеяться на государство нельзя и надо действовать самостоятельно в поисках выхода из проблемной ситуации, так как многодетные родители наравне с другими социально уязвимыми категориями (инвалиды, пенсионеры) сталкиваются с отсутствием механизмов, позволяющих преодолеть ущемление прав социально уязвимых групп населения в трудовой сфере (отметили 28% респондентов) или с их малой эффективностью (44%) [3: 17]. В ходе фокус-групп были выявлены проблемы организации социальной помощи: - многочисленность различных льгот и пособий, в которых трудно разобраться получателям пособий; - маленький размер пособия на ребенка, который не повышался с 1994 г.; - низкие пороговые значения доходов семьи для отказа в назначении пособия; - бюрократизм и некомпетентность сотрудников органов социальной защиты при оформлении различных льгот. Приведем мнения многодетных родителей. Елена (6 детей): «Старший сын поступает в техникум, выплаты пособия как многодетной матери приостановили. Говорят, зачем вам бегать туда-сюда и дважды приносить справки, мы вам потом начислим. Сразу за 3 месяца заплатим. А мне сейчас детей в школу собирать надо». Александра (4 детей): «Я должна подтверждать каждый год справками, чтобы получить 1400 рублей за 4-х детей. В МФЦ десять человек сидят, чтобы каждый год оформить это пособие. Пусть до 2000 рублей увеличат, а не 345 рублей».

Исследователи уже не раз обращали внимание на проблемы управления социальными службами: бюрократизация, превалирование бумажной работы, слабая регламентация труда социального работника, низкая профессиональная квалификация [1:103]. В отношении со стороны

работников социальных служб многодетные матери отметили наличие негативного стереотипа, который чаще всего связан с финансовыми аспектами. Алла (4 детей): «С точки зрения поддержки материальной обратись в МФЦ – безразличие и некомпетентность специалистов». Ирина (3 ребенка): «Бывает, что обратишься за помощью к государству, но у меня это все пойдет на детей, а приравнивают к безответственным родителям. Говорят мне: “Ты идешь за третьим, чтобы тебе все помогали. Ты ходишь и просишь”. Вот такой негатив». Конечно, категория многодетных семей неоднородна по своим стратегиям выхода из ТЖС. Одни семьи активно решают свои проблемы, другие постоянно говорят о своих проблемах и просят помощи у государства и общественных организаций, о чем говорят и сами многодетные родители. Ирина (3 детей): «Если бы была действительно адресная помощь, и отслеживали тех, кому она нужна. Но есть семьи, которые постоянно просят. Социальные иждивенцы». Есть семьи, которые отделяют себя и от других многодетных семей, и от представителей социальных служб, но на это у них имеются свои причины. Елена (3 детей): «Есть многодетные семьи, с которыми большинство механизмов не работает, потому что семьи не выходят на контакт, не допускают к себе социальных работников. Боязнь, что могут найти какого-то “червячка” и забрать детей. Эти семьи остаются наедине со своими проблемами». Для решения выявленных проблем необходимо осуществить ряд мероприятий нормативно-правового и организационного характера. Нам кажутся эффективными предложения многодетных семей, а именно: - унифицировать процесс ежегодного обновления документов и создать единый реестр всех многодетных семей региона; - ввести в штат учреждений и органов социальной защиты специалиста по правам многодетных родителей; - в многофункциональных центрах предоставления государственных услуг выделить отдельный день для приема многодетных семей; - сформировать пакет льгот, предоставляемых многодетным родителям. Мы предлагаем также в деятельность учреждений социальной сферы ввести тренинги для помогающих специалистов по преодолению дискриминационных установок в отношении клиентов.

Литература:

1. *Романов П., Ярская-Смирнова Е. Идеология социальной политики и практика социального обслуживания в период либеральных реформ // Социальная политика в современной России: реформы и повседневность / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: ЦСПГИ, Вариант, 2008. С.80-105.*
2. *Слободенюк Е.Д. Отношение к бедным в современной России как маркер изменяющегося понимания справедливости / материалы VI международной социологической Грушинской конференции «Жизнь исследования после исследования: как сделать результаты понятными и полезными», 16-17 марта 2016 г. / отв. ред. А.В. Кулешова. – М.:АО «ВЦИОМ», 2016. С. 677-680.*
3. *Смолева Е.О. Многодетные и одинокие матери: стереотипы и социальная уязвимость //Женщина в российском обществе, 2017. № 4. С. 14-25.*
4. *Шмидт В. Междисциплинарный подход к проблеме социальной эксклюзии // Журнал исследований социальной политики, 2004. Т. 2. № 4. С. 547-566.*

Сорокин Геннадий Геннадьевич,
Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

Межпоколенческое образование как форма диалога молодёжи и пожилых людей

Проблема социальной справедливости в контексте обеспечения достойных условий жизнедеятельности пожилых людей, повышения социального статуса старшего поколения, оказывается неразрывно связанной с проблемой установления межпоколенческого диалога в обществе. В современной России характер взаимодействия представителей различных поколений всё чаще описывается исследователями в терминах, означающих нарастание конфронтации и увеличение социальной дистанции (“конфликт”, “раскол”, “разрыв”, “ресентимент” и т.д.). Отмечается, что, из чисто семейного противостояния, проблемы межпоколенческой интеракции все больше переносятся в сферу социальных отношений на макроуровне. Учёными называются различные причины межпоколеннческого конфликта: от стремления молодёжи занять главенствующие позиции в обществе (Т. Парсонс, Ж. Мандель, Л. Фойер) до гедонизма и лености, свойственных молодому поколению (К. Лоренц). Но нельзя не обратить внимание на одно очевидное обстоятельство. В современном российском обществе фактически отсутствуют сферы, предполагающие контакт представителей данных генераций. У молодёжи и стариков просто нет возможности понять, “чем живёт и чем дышит” каждое поколение. Когда-то естественное взаимодействие генераций осуществлялось в семейной сфере, но приобретя свою современную нуклеарную форму, семья утратила функцию связи поколений. В Советском Союзе с задачей установления и поддержки межпоколенческого диалога вполне успешно справлялся институт образования. Достаточно вспомнить советские буквари, изобилующие картинками со сценами общения “детей” и “внуков”, тимуровское движение, регулярные встречи студентов и школьников с ветеранами. С уходом из отечественного образования советской идеологии исчез и, возможно, последний повод для бесконфликтного взаимодействия молодёжи и старшего поколения. Одной из сфер бесконфликтного взаимодействия представителей молодого и старшего поколений могло бы стать образование. Исследования последних лет показывают, что образование занимает высокий ранг в шкале жизненных ценностей обеих рассматриваемых генераций, что позволяет рассматривать данную жизненную ценность в качестве интегральной – базовой для установления межпоколенческого диалога. Наличие у сферы образования большого потенциала сближения поколений подтверждается опытом реализации специализированных образовательных проектов для пожилых людей. Неотъемлемым составляющим программ образования лиц третьего возраста является взаимодействие представителей различных

генераций. Достаточно часто проекты геронтообразования реализуются на базе “традиционных” образовательных учреждений (школ, колледжей, вузов и т.п.). В такой ситуации влияние образовательных мероприятий на процесс сближения поколений подкрепляется фактором непосредственного взаимодействия слушателей с молодыми учащимися. Причём для молодёжи эта интеракция также чрезвычайно полезна. Процесс уменьшения социальной дистанции между генерациями оказывается в данном случае двусторонним. Наличие у геронтообразования потенциала сближения поколений отмечалось ещё организаторами первых специализированных образовательных проектов. Установление межпоколенческого диалога можно по праву назвать одной из главных миссий современного геронтообразования. Данное направление работы всё более отчётливо проявляется в практике работы специализированных образовательных проектов. Одним из способов сближения генераций средствами образования в современных условиях становятся идея и практика межпоколенческого образования (обучения). Данным понятием обозначаются образовательные мероприятия, в ходе которых одно поколение узнает о другом поколении, представители двух или более генераций знакомятся друг с другом, учатся вместе и добывают новые знания вместе на основе взаимности, взаимного обучения через деятельность. Межпоколенческие образовательные программы нацелены не только на то, чтобы передать аудитории информацию по общей теме, они, в первую очередь, призваны научить слушателей устанавливать связи с представителями других поколений.

В России сегодня на базе учреждений геронтообразования реализуется всё больше программ межпоколенческого обучения. Наши исследования выявили присутствие в отечественных программах образования пожилых достаточно много курсов, нацеленных на развитие слушателей как субъектов межпоколенческого диалога. На них учащиеся осваивают психологические и педагогические приёмы общения с представителями более молодых генераций, получают информацию об особенностях жизни, интересах, проблемах молодёжи. Также были выявлены отдельные курсы, ориентированные на совместное обучение представителей различных поколений и проекты, в которых пожилые люди передавали свой опыт молодёжи или оказывали конкретную помощь (например, помогали ухаживать за детьми). Организаторы данных курсов отмечают у учащихся формирование позитивного отношения к представителям другого поколения. Итак, практически единственной сферой бесконфликтной интеракции стариков и молодёжи сегодня является образование. Данное обстоятельство, а также опыт реализации программ межпоколенческого обучения позволяет дать высокую оценку потенциалу сближения поколений, заложенному в специализированных образовательных программах для пожилых людей.

Сущенко Ольга Александровна,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Стремление к статусно-ролевому равенству в незарегистрированных партнерствах

За последнее столетие социальные роли женщины претерпели достаточно сильные, если не сказать кардинальные изменения, произошел выход женщины во внешнюю сферу деятельности, на сцену общественно - политической жизни. Повсеместное распространение демократических ценностей поставило на повестку дня вопрос о равенстве полов, или так называемой гендерной симметрии - состоянии, при котором принцип равных прав и возможностей для женщин и мужчин действует не только в сфере производства и управления, но и в личных взаимоотношениях [3]. Такое раскрепощение связано с изменениями в социальной структуре общества. На смену большим патриархальным семьям и родам в качестве первичной социальной единицы общества приходят индивиды, принимающие многие решения самостоятельно. Сегодня вступать в брак и рожать после тридцати — привычное явление. Социологи говорят о том, что это следствие трансформации института семьи и брака, кризиса ценностных ориентаций. Психологи объясняют это тем, что современный человек до 30 лет еще достаточно инфантилен. Он долго ищет себя, получает образование, выстраивает карьеру, и потом уже задумывается о семье. Но в то же время никто не отменял физиологические потребности, потребность в поддержке, заботе, принятии и т.д. И то, что молодые люди не задумываются до определенного момента о создании семьи или не решаются зарегистрировать отношения в ЗАГСе, совсем не означает, что этот период в жизни они проводят в одиночестве. Примерно 60% молодых людей перед тем, как вступить в официальный брак и создать новую семью, вступают в незарегистрированное партнерство, или сожительство. В чем же принципиальное отличие брака и сожительства с точки зрения структурного подхода и социального неравенства полов? Брак – это социальный институт, представляющий собой один из важнейших элементов социальной структуры, оказывающей мощное влияние на поведение людей. В этом контексте ключевым вопросом является степень свободы индивида, живущего в обществе. Структуралистские объяснительные модели делают акцент на детерминированности поведения людей социальными структурами вообще и браком в частности. Субъективистские (волюнтаристские) объяснительные модели акцентируют внимание на свободе выбора индивида по отношению к давящим на него структурам. А если представить, что два человека не хотят встраиваться в это структуру, но хотят удовлетворять свои потребности с минимальными вложениями и потерями? Далеко не каждый сексуальный

союз является браком. Различие между этими понятиями приблизительно сопоставимо с различиями между индивидуальными формами поведения и элементами социальной структуры. Два и более индивидов могут называть свои отношения как угодно, в том числе «браком», но этого еще недостаточно, чтобы они стали браком в социологическом смысле слова. Лишь сексуальный союз, признанный обществом, получает статус брака, то есть вписывается в существующую социальную структуру. В большинстве случаев в России первый опыт сожительства оказывается преамбулой к супружеству. Однако молодежь выстраивает более разнообразные матримониальные стратегии. Для нее незарегистрированное партнерство все чаще становится самостоятельным институтом, альтернативой официальному союзу. В таких отношениях люди чувствуют себя гораздо свободнее, не стремятся жертвовать карьерой и саморазвитием, потому что полноценной семьи как таковой не образовалось. А сознание современного человека все еще держит в себе вековую память о том, что традиционный брак — это некий патриархальный уклад. В наше время, когда женщина стала самодостаточной единицей, получила возможность строить карьеру и обеспечивать свои нужды, имеет друзей, хобби, может без осуждения общественным мнением родить ребенка вне брака, она часто задает себе вопрос «а нужно ли торопиться с регистрацией брака?». Как ни странно, в нашу эпоху растущих возможностей сама форма брака накладывает на женщину больше ограничений, чем на мужчину, поэтому постепенно брак как самоцель теряет свою ценность. Тысячелетиями существовали лишь две формы построения взаимоотношений в семье — патриархат и матриархат. Сейчас уже говорят о третьей — биархате [2]. На сегодняшний день широко распространена концепция биархата как отсутствие доминирования одного из партнеров. Под эту концепцию хорошо подходит западная эгалитарная модель, которая, вероятно, будет продолжать утверждаться и распространяться. Складывается парадоксальная ситуация. С одной стороны, подавляющая часть женщин не желает исполнять роль исключительно “профессиональной домохозяйки, воспитателя в семье” и нигде не работать. Особенно категорическую позицию занимают те, кто имеет высшее образование, а процент таких женщин растет. Они не только стремятся подниматься по карьерной лестнице, общаться с коллегами по работе, но также иметь собственные деньги, быть экономически независимыми от партнеров. С другой стороны, карьера занимает у россиянок лишь пятую позицию на шкале представлений о счастье. Согласно данным опросов, проведенных О. Здравомысловой, лишь 11,9% хотели бы занимать руководящую должность, тогда как свыше 70% высказались категорически против [1]. Женщины чаще прибегают к так называемым “комбинированным стратегиям” жизненного пути, при которых сначала женщина уделяет большую часть времени работе, а в дальнейшем акцент смещается в сторону семьи [4]. При таком подходе наиболее удобным форматом взаимоотношений представляется сожительство.

Литература:

1. *Бабаева Л.В. Женщины России в условиях социального перелома: работа, политика, повседневная жизнь // Российский общественный научный фонд. Научные доклады 34. М., 1996. С. 114.*
2. *Баранова О.М. Биархат в системе современного структурирования пола // Философия в современном мире: диалог мировоззрений: Материалы VI Российского философского конгресса (Нижний Новгород, 27-30 июня 2012 г.). В 3 томах. Т. I. — Н. Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, 2012. — 565 с.*
3. *Тюрина И.О. Гендерные аспекты занятости и управления // Социологические исследования, 2002. № 11. С 135-142.*
4. *Чирикова А.Е. Женщина во главе фирмы. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998. С. 32.*

Тимофеева Алина Дмитриевна,
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Женская роль в Исламе: традиции и социальная справедливость

В различных обществах и цивилизациях, на разных исторических этапах, отношение к женщинам носило своеобразный характер: права женщин ущемляли, по сравнению с мужчиной женщина не занимала подобающего места, чаще всего она представала как слабое бесправное существо. Подобное отношение то ослабевало, то усугублялось, но, к сожалению, невозможно отрицать, что в той или иной форме оно присутствовало всегда и везде, лишь иногда меняя свой характер на различных отрезках истории. До эпохи Ислама женщины практически не имели никаких социальных ролей в обществе. Из истории известно, что арабы в доисламскую эпоху закапывали живьем новорожденных девочек, дабы избавить семью от такой напасти, как ребенок женского пола. Женщина в то время – это товар, который можно купить и продать. Если она покидала отцовский дом, то полностью лишалась свободы. Женщина должна была молчать, ее мнение не имело никакого значения. У некоторых народов, в случае смерти своего мужа, женщина должна была стать женой кого-либо из его родственников. Она не имела права вернуться в дом своих родителей, так как считалась собственностью семьи мужа. Исходя из выше сказанного, можно понять, что ни о каком уважении к ней не могло быть и речи. На то время Ислам полностью изменил структуру арабского общества, реформировал гендерные роли, благодаря ему у женщин появились права. Семейная жизнь – область, которой в системе ислама придается очень серьезное значение, и данный факт осознается подавляющим большинством мусульман во всем мире. Ислам отдает руководящую роль в семье мужчине, так как он в большинстве случаев обладает большей эмоциональной и физической стойкостью и силой. По данной причине на мужчину возложена ответственность за содержание и поддержку женщин. Женщина в Исламе – друг и помощник мужа. Она ответственна за дела семьи и воспитание детей.

Жена должна подчиняться мужу, ослушаться его она имеет право, только если он требует от нее непокорности Аллаху. Мусульманка обязана исполнять следующие требования исламского поведения: 1. Требования к внешнему виду: а) Одежда должна покрывать все тело, оголять можно лишь лицо и кисти рук. б) Одежда должна быть свободной и непрозрачной. в) Женщина не имеет право носить мужскую одежду (например, брюки). 2. Взор женщины должен быть опущен. Стеснение – лучшее ее украшение. 3. Кокетство недопустимо, оно присуще лишь легкомысленным женщинам. 4. Мусульманка не должна привлекать мужское внимания украшениями и благовониями. В период джахилийи женщины пристукивали ногами о землю, для того, чтобы привлечь внимание мужчин звоном браслетов на своих лодыжках. Это запрещено Кораном, так как цель – соблазнение мужчин. То же самое предписано в отношении ярких цветов и благовоний, предназначенных для привлечения внимания посторонних мужчин. Ислам существенно изменил женский статус в обществе на тот исторический период. Ранее бесправные, женщины обрели относительную свободу действий, смогли получать образование, при желании работать. Но, в наше время, права мусульманских женщин значительно ограничены, по сравнению с правами женщин других вероисповеданий.

Литература:

1. *Взгляд запада и востока на правовой статус женщины в ислам - https://elibrary.ru/item.asp?id=26110678*
2. *Женщина в Исламе - ttps://ru.wikipedia.org/wiki/Женщина_в_исламе 4. Ислам для всех! - http://www.islam.com.ua/socialynye-problemy/ahlyak-nravstvennosty/20850-normy-povedeniya-musulmanskoj-zhenshchiny*
3. *Реферат: Женщина и Ислам - http://www.bestreferat.ru/referat-41416.html*

Трояновская Алина Дмитриевна,

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

Любимова Елена Анатольевна

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

Характеристика основных проявлений гендерного неравенства в современном российском обществе

В сфере социально-экономических и политико-культурных отношений на рубеже XX-XXI вв. сформировались новые проблемы, связанные с гендерным неравенством между мужчинами и женщинами. Проблема различий между полами является актуальной в современных условиях глобализации, когда в обществе существуют противоречия между широкими возможностями получения образования для обоих полов и диспропорциями на рынке труда, меньшей оплатой труда женщин по сравнению с мужчинами, подтверждаемых статистическими данными. Истоки изучения социального неравенства лежат в работах известных социологов, таких как Э. Дюркгейм,

К. Маркс, М. Вебер, П. Сорокин, Т. Парсон и др. К примеру, основой социального неравенства по Э. Дюркгейму является различный уровень способностей, таланта и личностных качеств у людей, а также необходимость поощрения лучших в своей сфере, которые приносят большую пользу социуму [3, с. 73]. Проанализируем проявления гендерного неравенства в нескольких сферах общественной жизни. Вопросы женской дискриминации стали появляться все чаще в работах современных социологов. Главный вопрос – социальное положение женщины в трудовых отношениях, ее законные права, трудовой потенциал и роль в современном российском обществе. Ученые рассматривают гендерный разрыв в оплате труда через призму трех подходов: концепция человеческого капитала, гендерное профессиональное распределение по отраслевому, должностному, профессиональному признаку, прямая дискриминация женщин относительно оплаты труда [1]. Приведенные подходы предлагают несколько объясняющих факторов, из-за которых существует разница оплаты труда. В основном, это связано с асимметрией занятости по гендерному признаку и средним уровнем оплаты труда. Обращаясь к другим исследованиям в той же сфере видна схожая картина. Авторы статьи отмечают, что «мужчины более активны по сравнению с женщинами в связи с меньшей конкурентоспособностью женщина рынке труда из-за сложившегося стереотипа работодателей относительно женской занятости» [2, с. 42]. Критичной и нуждающейся в изучении является проблема гендерного неравенства в политической сфере. Ученые отмечают, что статус женщины-политика в структуре современного общества необходим для реализации вопросов социальной направленности в деятельности органов государственной власти. «Управленческая структура нашего государства имеет довольно узкие и ограниченные интересы, ориентированные в большинстве своем на личные потребности, а также она характеризуется неподготовленностью к исполнению важных целей, направленных на национальное развитие» [4, с. 158]. Критичным показателем в России является преобладание мужчин в политической элите. Исследователи отмечают, что присутствие женщин в управлении влияет на положительное продвижение социально – ориентированной политики. Интересным явлением в существующем информационно-коммуникационном пространстве является проявление как феминных, так и маскулинных качеств у людей вне зависимости от гендера. Только слияние признаков и качеств феминности и маскулинности способствует успешному построению политической карьеры. В свою очередь, тесная связь между политическим режимом и экономическим укладом оказывает прямое воздействие на культуру общества. Говоря о сфере образования, можно отметить, что оно является основным фактором, оказывающим положительное воздействие на уровень экономической активности женщин. Причем, женский уровень высшего образования значительно выше, чем у мужчин. Однако, несмотря на высокую квалифицированность, женщины получают заработную плату на 30% меньше по сравнению с мужчинами [2, с.42]. Таким образом, женская занятость

нуждается в особом внимании, исходя из ее специфических биолого-физиологических особенностей и социальной нагрузки, связанной со стабилизации демографической ситуации в России, обеспечением необходимого уровня рождаемости. Пристального внимания требует вопрос социальной дискриминации женщин в трудовой сфере, как одной из наиболее уязвимых категорий населения. При этом не следует забывать об отмеченных фактах дискриминации по отношению к мужчинам. Важно, чтобы и мужчины и женщины стремились к сотрудничеству в сфере труда, а государство создавало условия для уменьшения негативных факторов, которые накладывает гендерная роль. Выделенные аспекты проявления гендерного неравенства нуждаются в дополнительном, регулярном мониторинге, результаты которого могут быть применены в совершенствовании законодательной базы РФ, в деятельности неправительственных организаций и общественных объединений, способствующих реализации трудовой и предпринимательской инициативы граждан.

Литература:

1. *Кесаев, У.С. Гендерный разрыв в оплате труда в России [Электронный ресурс] / У.С. Кесаев, Д.Н. Самойленко, В.Ю. Климов // Nauka-rastudent.ru. – 2017. – №2. – С. 1-10. Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=28427016*
2. *Кирилушкина, И.А. Проблемы гендернего неравенства в сфере труда [Электронный ресурс] / И.А. Кирилушкина, Л.А. Отставнова, О.С. Алексеева // Внедрение результатов инновационных разработок: проблемы и перспективы. – 2017. – С. 41-45. Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=29832516.*
3. *Полутова, М.А. Гендерное неравенство как социальная проблема [Электронный ресурс] / М.А. Полутова // Теория и практика управления человеческими ресурсами. – 2017. – С. 72-76. Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=30535746.*
4. *Сушко, В.А. Гендерное неравенство в российской политической элите [Электронный ресурс] / В.А. Сушко // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – № 1-3 (55). – С. 157–159. Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=28116775*

Тышкевич Виктория Петровна,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
Потанина Юлия Аркадьевна,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Меры по смягчению последствий демографического старения в регионах с депрессивной экономикой (на примере Ивановской области)

Регионы с «депрессивной» экономикой - более развитые в прошлом образования, по отдельным отраслевым показателям занимавшие даже лидирующие позиции в российской экономике. Однако после экономического спада в 1990-х годах в связи с прекращением поддержки предприятий, некоторые регионы так и не смогли восстановить своих прежних позиций. По расчетам экспертов Высшей школы экономики на базе «индекса региональной экономической активности», в 2016г. в 85% «депрессивных» регионов производилось свыше 70% ВРП России. В

старопромышленных образованиях с депрессивной экономикой Центрального федерального округа демографическое старение населения затронуло активную рабочую силу, традиционный уклад жизни и экономику, что вызывает необходимость учета его последствий (в частности, для земельных отношений и здравоохранения). В силу географического положения, климатических, экологических и исторических условий эти регионы, где, по данным ПФР, в 2016 г. проживало 26,5% российских пенсионеров (11, 426 млн. чел.), имеют благоприятную среду проживания для лиц данной категории и нуждаются в развитии своего потенциала для смягчения последствий старения.

По численности лиц старших возрастов ЦФО отражает влияние одного крупного мегаполиса - Москвы. 43% лиц старших возрастов ЦФО в 2016г. получали пенсионные пособия всего в двух субъектах - Москве (2 992 809 чел.) и Московской области (1 968 350 чел.), и доля таковых постоянно росла. Более высокий размер пенсий позволяет использовать данное преимущество столичным пенсионерам, которые имеют возможность сменить фактическое место проживания (например, при переезде в сельскую местность), не меняя адреса регистрации.

Направление, скорость и глубина колебаний численности пенсионеров в ходе современных рыночных преобразований зависят также от постоянных изменений в условиях выплаты пенсий категориям населения. Эта ситуация приводит к необходимости адаптации лиц старших возрастов к преобразованиям патриархального и весьма предсказуемого ранее уклада жизни, к дальнейшему расслоению общества.

По своим масштабам показатели старения в ЦФО вполне сопоставимы с показателями развитых стран, однако характерной чертой этого процесса здесь является необходимость учета социальных условий воспроизводства рабочей силы. Преимущественное перекладывание расходов на население в ходе реформы здравоохранения в результате уменьшения государственных гарантий отражается на косвенном росте демографической нагрузки трудоспособного населения лицами старших возрастов. Основываясь на формальных критериях расчета демографической нагрузки, представляется затруднительным охарактеризовать и оценить финансово-экономические и социально обусловленные последствия старения для семьи.

Если рассматривать процесс создания программ для пожилых людей от формирования государственных гарантий с учетом политических реалий, реализации трансфертов с участием посредников и механизмов предоставления конечного продукта - услуг социального обеспечения и защиты пожилому населению, то можно констатировать, что снижению конкурентоспособности и эффективности таких программ способствует большая доля транзакционных издержек, которые увеличивают их стоимость на одного пенсионера. Это ведет к снижению конкурентоспособности социального сектора и содействует его отрицательному влиянию на экономический рост страны. Управление процессами старения должно осуществляться на основе принципов, которые в равной мере имеют

отношение ко всем уровням и звеньям структуры управления – индивидам, предприятиям, отраслевым объединениям, территориальным органам.

Показатель старения населения или доля пожилых людей в численности населения территориальных образований округа показывает постоянный рост за период 1990-2017гг. Показатели старения мужчин и женщин (в городе и на селе) свидетельствуют о значительных половых различиях (размер и динамика) этой характеристики (превышение и рост «женской» составляющей). Для населения с выраженным процессом постарения характерны преобладание хронических заболеваний, более высокий уровень общей смертности. Наличие и соблюдение государственных гарантий играет большую роль для поддержания здоровья пожилого населения. Одним из региональных стимулов для профилактики старения населения, как представляется, может быть принятие специальных мер, способствующих увеличению прожиточного минимума в тех регионах ЦФО, которые успешно работают в этой области. В условиях старения насущным становится поиск механизмов стимулирования региональных властей и рыночных структур в качественном соблюдении государственных гарантий, снижении транзакционных издержек. С учетом региональной дифференциации старения и социально-экономического положения образований, это может быть увязано и с уровнем финансирования здравоохранения в регионах, что позволит улучшить качество медицинских услуг.

Литература:

1. *Депрессивные регионы: поводов ждать скорого завершения рецессии в России нет. Дата обращения 23.02.2018 https://www.finam.ru/analysis/forecasts/na-dolyu-depressivnyx-regionov-prixoditsya-pochti-80-vrp-rossii-20160916-12030/*

Утулов Владимир Андреевич,
Конгресс-Отель "Дон-Плаза", Ростов-на-Дону, Россия

Демографическое поведение молодежи в условиях социальной несправедливости

В рамках социологической науки социальная справедливость подразумевает под собой меру социальной адекватности нормативных предписаний, которая детерминирует благоприятный для стабильного развития общества уровень существования. В случае если социальные предписания, функционирующие в обществе, становятся объективно неадекватными, или лишь воспринимаются таковыми субъективно, то это неминуемо приведет к разнообразному деструктивному поведению индивидов или социальных групп. Последствия социальной несправедливости на макроуровне выливаются в социальные конфликты, субкультурную дифференциацию, а также размытие социальных связей и социального контроля. Несправедливость на макроуровне трансформируется

в микроуровень и оказывается в поведенческой и ментальной направленности общих реакций и поступков людей. Следовательно, несправедливость на макроуровне общественной организации обусловливает отклонения в поведении конкретных людей на микроуровне организации общества. Таким образом, социальная несправедливость является одним из фактором демографического поведения молодежи. Демографическое поведение – это система действий и отношений, опосредующих демографические поступки и явления. Ученые выделяют четыре типа демографического поведения: матримониальное, репродуктивное, самосохранительное и миграционное. Контекст социальной несправедливости непосредственно оказывает отрицательное влияние на каждый из этих типов демографического поведения. Так, согласно данным государственной статистики, а также многочисленным социологическим исследованиям, в России, начиная с 90-х годов неуклонно снижается уровень брачности. Растет число незарегистрированных союзов. В ходе проведенных глубинных интервью исследователям удалось выявить причины такого поведения. Во-первых, имеет место деаксиологизация брака, его обесценивание. Это связано с падением «престижа» государства в глазах молодежи, которая не хочет «формализовать» свои взаимоотношения. С другой стороны, исследователи наблюдают акселерацию ценности карьеры. Для все большего числа молодых женщин эта сфера жизни становится на первый план, и они не хотят «несправедливого» ограничения в профессиональном развитии обязанностями, которые налагают на них вступление в новые социальные роли. Наконец, в игру вступают действительно объективные обстоятельства – жилищный вопрос. Эти проблемы неминуемо ведут к снижению активности во второй области демографического поведения – в репродуктивной. По статистике, большинство рождений первого ребенка приходится в браке. Можно закономерно предположить, что снижение числа официальных браков ведет к снижению числа рождений. Но и рождение ребенка само по себе – всегда обусловлено финансовыми обстоятельствами. В разных регионах России траты, приходящиеся на перинатальный период, могут колебаться от 50 до 200 тысяч рублей. К сожалению, право на материнский капитал (453026 руб.) возникает только с рождением второго ребенка. В нынешних экономических реалиях эта сумма, к сожалению, не может способствовать улучшению жилищных условий большинства семей. Лишь в недавнем времени Государственная Дума приняла Федеральный закон N 418-ФЗ "О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей", предполагающий осуществление выплат пособий молодым семьям, родившим первого ребенка после 2018 года в размере 10523 рублей (в 2018 г.) на протяжении полутора лет его жизни. Также, по инициативе Президента для молодых семей разработают специальные условия по ипотечным программам. С другой стороны, сама программа материнского капитала имеет в некоторой степени несправедливый характер. Так, многие исследователи выяснили, что на программу материнского капитала «реагируют в основном

малообеспеченные граждане, не планирующие покупать квартиру или вкладывать средства в образование ребенка». Это утверждение было особенно справедливо к первой волне реализации программы, когда ею широко воспользовались люмпенизированные слои общества. «Социальная несправедливость» значительным образом сказывается и на миграционном поведении молодежи. Проблема миграционного оттока уже давно вышла за рамки демографического дискурса, превратившись в разряд политической. Речь идет об эмиграции молодежи, высококвалифицированных специалистов и молодых ученых. Анализ, проведенный учеными на основе базы Scopus, показал, что более 50 % публикаций российской научной диаспоры идут из США. При этом наиболее цитируемые российские учёные также работают в США — на их долю приходится 44 % всех ссылок. Наконец, фактор социальной несправедливости оказывает сиьное влияние и на самосохранительное поведение молодежи. Маргинальные социальные группы, будучи не в состоянии поддерживать устойчивые социальные связи с другими группами, обладают повышенным риском социальной депривации, ведущей к саморазрушению. Таким образом, ученые сходятся во мнении, что социальная несправедливость непосредственным образом оказывает влияние на демографическое поведение молодежи. Малоизученным является вопрос о влиянии на самосохранительное поведение. Государству необходимо разработать единый стратегический комплекс мер, направленный на увеличение объективной социальной справедливости и снижение субъективной оценки социальной несправедливости с тем, чтобы улучшить социально-демографическую ситуацию в стране.

Литература:

1. *Артемова А.С. Социальная несправедливость в отношени власти и общества // Научный журнал «Дискурс» - 2017 – 5 (7) Социологические науки, С. 81 – 83*
2. *Завражин С.А. Иллюзия несправедливости как источник деструктивности // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования - 2014 – 4 (28), с. 81 – 83*
3. *В. Н. Архангельский. Влияние субъективной оценки уровня жизни на репродуктивное поведение // Уровень жизни населения регионов России, 2011, № 8, С. 36 – 41*
4. *А. В. Верещагина. Трансформация института семьи и демографические процессы в современном обществе // автореферат на соискание учёной степени д.с.н. - Р/нД, 2009*
5. *Т.А. Гурко. Репродуктивные планы супругов и влияющие на них факторы // Социс, 2014, № 9, С. 77 – 85*
6. *С. Г. Максимова, О. Е. Ноянзина, М. М. Максимова. Демографическая безопасность и репродкутивное поведение молодёжи в современных социально-экономических условиях // Вестник Алтайского государственного аграрного университета, 2014, № 11 (121), С. 168 – 174*
7. *П. С. Корчагина, О. Н. Калачикова. Самосохранительное поведение как фактор формирования здоровья населения // Вопросы территориального развития, № 2(2), 2013, С. 1 – 10*
8. *Ж. В. Чернова. Специфика гендерных отношений молодых взрослых // Социологические исследования, 2012, №7, С. 118 – 127*

Харитонова Ольга Александровна,
НИ МГУ им.Н.П.Огарёва, Саранск, Россия

Ребенок-инвалид - полноценный член общества

Семья, ближайшее окружение ребенка-инвалида — главное звено в системе его воспитания, социализации, удовлетворения потребностей, обучения, профориентации. Семьи, имеющие детей с ограниченными возможностями здоровья, имеют сходные проблемы и затруднения.

Семья, воспитывающая ребенка- инвалида, в первую очередь должна реализовывать воспитательную функцию. Процесс воспитания является одним из наиболее важных аспектов в системе семейных взаимоотношений. В неполной семье процесс воспитания часто нарушен, в связи с чем, у ребенка формируется чувство неполноценности [3].

Роль семьи для ребенка с ограниченными возможностями здоровья неизмеримо растет. В связи с его особым образом жизни на семью ложится основное бремя ухода, воспитания и образования таких детей, что неизбежно сопровождается повышенными материальными затратами, психологическими и эмоциональными перегрузками.

Воспитательная тактика в семье по отношению к ребенку с ограниченными возможностями должна быть точно такой же, как и в воспитании здорового ребенка. Постоянное акцентирование внимания на его «особенностях» - реальный путь к формированию зависимой, неустойчивой, не целеустремленной личности, пассивно воспринимающей все жизненные обстоятельства и не способной преодолевать трудности.Нередко родителям недостает физических и моральных сил. Все они нуждаются в психологической помощи, потребности поделится с другими своими сомнениями и трудностями. Члены гармоничных семей, в большинстве своем, не замыкаются рамками отношений только между собой, а имеют друзей, у них есть свои интересы, любимые занятия. Эти связи являются источником психологической поддержки при возникновении тех или иных семейных проблем. У детей, как и у взрослых, также появляются друзья вне семьи, дети с ранних лет приобщаются к любимым занятиям, растут уверенными в себе, у них проявляется более рельефно чувство собственного достоинства, возникает более широкий и устойчивый диапазон интересов. К сожалению, у многих родителей существует тенденция сужения круга знакомств. Они пытаются «уйти» от своих проблем, постоянно испытывают психологическое напряжение, чувство безысходности, подозрительность и недоверие к другим людям, они замыкаются в себе. Таким родителям необходима «психологическая разрядка», необходимо на короткое время отвлечься от семейных проблем, провести его вне семьи, после чего может наступить определенное облегчение, вернуть уверенность в своих силах и мир предстанет в более привлекательном свете. Семьи, которые воспитывают

ребенка-инвалида, попадают в разряд семей группы риска. Диагноз ребенка прикрепляется как ярлык, который способствует негласной, но реально существующей социальной изоляции инвалидов в обществе. Медицинский диагноз создает установку на неизбежность тяжелого положения ребенка, его неизменность и необратимость.

В современном российском социуме наиболее явно подвергаются эксклюзии дети-инвалиды и их семьи. Эксклюзия проявляется здесь в стремлении оградить их от общества, что, на практике приводит к отторжению обществом этих людей [1,С.138].

Для каждых родителей представление о будущем своего ребенка является расплывчатым. Как ребенок закончит школу, сможет ли он адаптироваться в обществе, сможет ли реализовать себя, сможет ли продолжить ли свой род, сможет ли обеспечить себя в будущем? Это самые распространенные вопросы родителей ребенка- инвалида, которые стоят перед ними.

Родители стараются реже показываться с ребенком в людных местах, стесняясь его инвалидности, лишают его возможности общаться со здоровыми детьми. В конечном итоге, семья с ребенком-инвалидом остается наедине со своей бедой, считая, что уже ничто не может изменить их жизнь и жизнь их ребенка.

Из-за того, что дети-инвалиды и их семьи в нашей стране не получают должного внимания, их жизнь зачастую становится серой и однообразной, а экономические всплески и падения на уровне государства достаточно сильно отражаются на их финансовом, а также психологическом положении и состоянии.

Каждая семья, подспудно или нет, живет с чувством вины или мыслью о несправедливости по отношению к своему больному ребенку. Люди с сильными и здоровыми моральными и духовными принципами не бросают своих особенных детей и берут все заботы на себя. Но среди них немало и тех, кто оставляет своих и без того страдающих детей. У каждого из них личные причины, но ни одна из них не может оправдать такой поступок. Для каждой семьи рождение ребенка с особенностями развития является шоком. В результате женщины берут весь удар на себя, чувствуя вину. А мужчины наоборот отстраняются, не желая взваливать на себя эту ношу и подсознательно не принимая тот факт, что это их семя воспроизвело на свет такого необычного ребенка. В результате мужчина бросает свою семью, а женщина начинает зацикливаться на ребенке. Ее личная жизнь сводится к нулю, отчего развиваются нервно-психические расстройства. Пытаясь совместить уход и работу, мамы начинают заниматься не тем, чем им бы хотелось, а тем, что удобно и подходит по графику и месту расположения [4].

Поведение семьи воспитывающей ребенка инвалида, как правило, можно разделить на аскетичное, при котором они ребенку уделяют крайне мало внимания, и чрезмерное, когда родители, руководствующиеся чувством вины, начинают всячески угождать своему «бедному» чаду.

Литература:

1. *Донкан И. М. Социальная адаптация детей с отклонениями в развитии и семей, имеющих детей-инвалидов: проблема эксклюзии /И. М. Донкан// Власть и управление на Востоке России. - 2008. - № 4(45). - С. 137 – 145*
2. *Отношение к инвалидам - правовая дискриминация национального масштаба / Сайт для инвалидов «Дверь в мир».-[Электронныц ресурс].-Режим досутпа: https://doorinworld.ru/stati/765-otnoshenie-k-invalidam-pravovaya-diskriminacziya-naczionalnogo-masshtaba*
3. *Проблемы воспитания детей в неполных семьях // Молодежный научный форум: гуманитарные науки: электр. сб. ст. по материалам XII студ. междунар. заочной науч.-практ. конф. — М. : «МЦНО». — 2014 —№ 5(12) / [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — url: https://nauchforum.ru/archive/mnf_humanities/5(12).pdf*
4. *Ткачева В. В. Технологии психологического изучения семей, воспитывающих детей с отклонениями в развитии / В. В. Ткачева. – М. : АСТ, 2007. – 318 с.*

Цинченко Галина Михайловна,
Северозападный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия
Романова Анастасия Вячеславовна
Северозападный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия

Социальная несправедливость по отношению к детям из многодетных семей

В течение 1980-1990-х годов в европейских странах и в России происходили масштабные социально-демографические и экономические изменения. Такие перемены можно охарактеризовать уменьшением рождаемости, которое влечёт слабое обеспечение простого воспроизводства населения, увеличение численности пожилого населения, рост количества иждивенцев[1]. Также отмечалось преобразование модели брака, статуса женщины и семейных обязательств, появились проблемы совмещения занятости и семьи, движения к гендерному равенству, что привело впоследствии к изменению взгляда на семейную политику в целом. Учитывая существующую трансформацию семейных отношений и некоторое ослабление родственных связей, которые можно отнести к нынешнему обществу, семья как таковая остаётся для россиян главным сосредоточением помощи поддержки в тяжёлых жизненных ситуациях. По отношению к семьям, имеющим избыточную иждивенческую нагрузку, например, в виде наличия трёх и более несовершеннолетних детей, оказание такой поддержки считается практически обязанностью. Учитывая тот факт, что среднедушевой доход напрямую зависит от числа иждивенцев в семье, можно отметить, что количественное значение иждивенческой нагрузки определяет отношение семьи к низко-, средне- или высокодоходной группе. С одной стороны, возможность достижения высоких доходов и потребительских стандартов оказывает положительное влияние на возможность семьи реализовать её социальные и демографические функции, включая репродуктивное

поведение. С другой стороны, часть семей, живущих за чертой относительной бедности, испытывает напряженность, связанную с предположительно низкими социальными перспективами и сложностью достижения желаемого семейного потенциала. Такой эффект социальной напряжённости имеет сходство с тяжелой депрессией, при которой теряется значение и смысл жизни для членов семьи [2]. Всё вышеперечисленное в совокупности с лимитированием трат на здоровье, получением образования детьми и ограничение других потребностей снижает качество семейного потенциала и эффективность его труда взрослых членов семьи. Почти все многодетные семьи, имеющие излишнюю иждивенческую нагрузку, то есть имеющие троих и более несовершеннолетних детей, ассоциируются с малообеспеченностью, низким уровнем доходов, в целом с неблагополучием, потому что, как правило, мать в такой семье не работает, осуществляя домашний уход и воспитание детей, а отец не всегда имеет возможность обеспечить семье нормальные условия существования. Несомненно, многодетная семья имеет и свои достоинства – дети рано приобщаются к труду, ведению домашнего хозяйства, привыкают быть ответственными, но также в многодетных семьях есть риски отсутствия возможностей для полноценной учёбы, для разностороннего образования детей, снижения возможности духовного и культурного развития ребёнка. Престиж высшего образования высок во всех социальных группах, например, таких уязвимых, как многодетная семья. Зачастую школьники по своему желанию или по настоянию родителей планируют поступать после окончания 11-го класса в ВУЗы или после окончания 9-го класса в учебные заведения среднего профессионального образования. Проблема неравенства доступности высшего образования для многодетных семей определяется следующими характеристиками. На выбор и предпочтение учебного заведения высшего профессионального образования влияет состав семьи, полученные знания в школе, наличие членов семьи с высшим образованием, сфера деятельности родителей, место жительства семьи и его географические особенности, и в большей степени экономическое положение семьи. Наличие разрыва между полученными знаниями в школе и уровнем подготовки, которая требуется к поступлению в ВУЗ, сказывается на показателях истинной доступности высшего образования. Уязвимыми становятся те семьи, которые не имеют доступа к дополнительным знаниям. Из-за своей занятости родители из многодетных семей не всегда имеют возможность оплачивать подготовительные курсы и репетиторство, это предполагает наличие больших семейных затрат на каждого ребёнка, так как такие курсы являются необходимыми для повышения шансов поступления [3]. В случае получения негативной либо слабой отметки единого государственного экзамена при выпуске из школы пропадает возможность бесплатного обучения ребёнка и получения стипендии, как дополнительной меры поддержки, что сразу наносит сильный урон бюджету семьи и возможно отменяет поступление ребенка в вуз на платную форму обучения, так как в некоторых вузах средняя стоимость года обучения на очной форме достигает 160 тысяч рублей [4]. В

неблагополучных многодетных семьях слабая оснащенность компьютерной техникой, местом для работы ребенка значительно ограничивает возможности детей не только в получении знаний дома, но и в выполнении ими домашних заданий. Наличие возможности получения высшего образования детьми из многодетных семей определяется тем, какую школу оканчивает ребёнок. Также влияет откладывание поиска информации до дня открытых дверей, который зачастую проходит раз в год. Нехватка времени на изучение информации об учебном заведении уменьшает возможность узнать больше о выборе дальнейшей профессии ребёнка, а также отодвигает конечный выбор учебного заведения на последние недели учебного года, что влияет на качество и выбранной профессии и заинтересованность ею ребёнком.

Литература:

1. *Захаров С.В. Перспективы рождаемости в России: второй демографический переход // Отечественные записки. 2005. № 3. С. 124–140*
2. *Кирута А.Я., Шевяков А.Ю. Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи. Москва: Изд-во М-Студио, 2009.*
3. *Официальная статистика. Семейная политика детствосбережения [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood (дата обращения 01.02.2018)*
4. *Куда пойти учиться, чтобы завтра получить хорошую работу // Российская газета. URL: https://rg.ru/2017/10/25/kakie-vuzy-pozvoliat-poluchit-horoshuiu-rabotu-posle-vypuska.html (дата обращения 01.02.2018)*

Цинченко Галина Михайловна,

Северо-Западный институт управления РАНХ и ГС при Президенте РФ, Санкт-Перербург, Россия

Социальное положение семей, воспитывающих детей-инвалидов

Инвалидность представляет собой социальный феномен, избежать которого не в состоянии ни одно общество. В Российской Федерации, как и во всем мире, наблюдается тенденция увеличения численности детей-инвалидов. По данным Росстата на 01 января 2017 года в Российской Федерации их число составило 636 000 человек, что на 2,99% больше по сравнению с аналогичным периодом 2016 года (617 000 человек) и на 11,95% больше, чем 5 лет назад, в 2012 г. (560 000 человек) [1]. Возможности общества в борьбе с инвалидностью определяются не только степенью понимания проблемы как таковой, но и существующими экономическими ресурсами. Кроме того, масштаб инвалидности зависит от множества факторов: состояния здоровья нации, развития системы здравоохранения, социально-экономического развития, состояния экологической среды, политических и исторических причин. В настоящее время в России создана целостная система социальной поддержки в отношении детей-инвалидов с

включением в нее различных социальных институтов. Однако на практике механизм управления вопросами социальной политики по поддержке детей с функциональными ограничениями реализуется недостаточно эффективно и нуждается в совершенствовании. В современной управленческой науке еще нет системного видения проблем семей с детьми-инвалидами не только как объекта социальной политики, но и как его активного участника. Наличие ограничений физического / психического здоровья детей-инвалидов приводит к их социальной исключенности. С целью компенсации последствий инвалидности для личности, семьи и общества, социальная политика должна быть направлена на минимизацию влияния негативных факторов, вызванных наличием инвалидности, в различных областях жизнедеятельности. Большое значение имеет системный подход к личности ребенка-инвалида, учитывающий комплекс его проблем, образ мышления и поведения, индивидуальные потребности и интересы. В современных условиях управление социальной политикой в отношении детей-инвалидов выходит за пределы сугубо медицинской проблемы. Эта проблема – комплексная, затрагивающая все стороны жизни такого ребенка и его семьи, и предполагающая системное взаимодействие всего социального окружения, а также активное использование имеющихся направлений помощи и мер реабилитации. Таким образом, в отношении семей с детьми-инвалидами необходимо создание как комплексной системы социальной политики на федеральном уровне, так и специфической на уровне субъектов Российской Федерации, а также рациональное управление ей. Политика государства в отношении семьи, в том числе и семьи с ребенком-инвалидом, вплоть до конца 80-х годов XX века не являлась предметом специального научного анализа. Новый этап в развитии научных взглядов в данной области относится к началу 90-х годов. Он связан с осознанием роли семьи в современном обществе, необходимостью осуществления целенаправленной государственной семейной политики [2,С.88]. В последние годы были предприняты меры по совершенствованию законодательных норм, регулирующих положение детей с ограниченными возможностями здоровья, что привело к определенным результатам. Вместе с тем, анализ социальной политики в отношении детей-инвалидов, дает основание сделать вывод о том, что социальная защита семей, воспитывающих детей-инвалидов, остается недостаточно рациональной. В частности, немаловажное значение имеет тот факт, что в социальном обеспечении не учитываются показатели дифференциации и ранжирования семей по социально-демографическим характеристикам, обусловливающим их индивидуальный потенциал. В результате значительная доля семей, имеющих детей-инвалидов с тяжелыми ограничениями жизнедеятельности, остается практически в экономической и социокультурной изоляции. 1) Наличие в семье ребенка-инвалида имеет определяющее значение в ее социальном статусе. Основным идентификатором социального положения и образа жизни семей, воспитывающих детей-инвалидов, является общее поле проблем, связанных с наличием ребенка-инвалида. На это указывает возрастающее количество

неполных семей, более низкий уровень материальной обеспеченности, трудности получения общего и профессионального образования ребенком-инвалидом, ограниченный выбор профессии как родителей, обусловленный необходимостью ухода за ребенком-инвалидом, так и самого ребенка, ввиду наличия ограничений жизнедеятельности и другие; 2) образ жизни семей с детьми-инвалидами характеризуется экономической зависимостью, социокультурной изолированностью, отсутствием конкретных жизненных планов на перспективу; 3) организация мероприятий, направленных на укрепление традиционных ценностей семьи, продвижение идей сознательного и ответственного материнства и отцовства, положительно сказывается на формировании позитивных установок семей с детьми, в том числе семей с детьми-инвалидами, и способствует повышению качества их жизни; 4) система государственной политики по поддержке детей-инвалидов, имеет недостаточно комплексный, системный характер, и нуждается в совершенствовании как на федеральном, так и на региональном уровнях; 5) проведение в субъектах Российской Федерации исследований социально-экономического положения семей, в том числе семей с детьми-инвалидами, является эффективным мероприятием, способным выявить основные актуальные потребности различных категорий семей.

Литература:

1. *Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // http://www.gks.ru/ (дата обращения 23.12.2017г.)*
2. *Лаврененко И.М Государственная социальная политика Российской Федерации: дис. д-ра ист. наук. – М.: Аспект Пресс, 2013.*

Цыплакова Ольга Геннадьевна,

РГПУ им.А.И.Герцена, Санкт-Петербург, РФ

Социальная эксклюзия молодежи как механизм воспроизводства неравенства в современном обществе

Социальная эксклюзия характера для постиндустриального общества, где на место вертикальной стратификации приходит дифференциация на «инсайдеров» и «аутсайдеров», и где акцент в преодолении неравенства делается не на перераспределении доходов, а на обеспечении равенства доступа к основным механизмам интеграции. Для целостного понимания современных процессов в стратификации общества обратимся к понятию социального пространства в координатах «центр – периферия». Общество можно представить как социальное пространство, ядро которого составляют люди, обладающие максимумом прав, возможностью распоряжаться социально значимыми ресурсами, носители высоких социальных статусов, манифестирующие господствующую культуру. Вокруг ядра располагается полупериферия – люди, занимающие средние и нижние уровни социальной

иерархии. Они, внутри системы, обладают правами, но оказываются дискриминируемыми в части реализации некоторых прав. Именно они испытывают на себе, что такое «стеклянный потолок», «фигуры умолчания», «неформальный контроль». И наконец – периферия. Люди, находящиеся в этой области социального пространства, испытывают на себе множественную дискриминацию, отстранены от процессов общественной жизни. Их можно отнести к группе исключенных. [1] Именно эта модель общества, описывающая феномен эксклюзии (исключенности), и основанная на «процессе маргинализации, связанной с ограниченным доступом к социетальным институтам интеграции»,[2] на наш взгляд, наиболее адекватно способна описать процессы дискриминации, маргинализации различных социальных слоев и групп, и в том числе и молодежи. На молодежи лежит важнейшая функция социального воспроизводства, а в условиях трансформирующегося общества молодежь более других социальных групп находится под угрозой маргинализации. То есть через молодежь маргинализированные модели поведения, так или иначе, проникают в социальные институты, в свою очередь, трансформируя социальные связи общества. Получается своеобразная положительная обратная связь. В момент взросления и формирования личностных и ценностных ориентиров, молодежь подвергается разрушительному воздействию различных факторов риска и пытается адаптироваться к ним. С возрастом она, поднимаясь по социальной лестнице, воспроизводит рискогенные, экстремальные и маргинальные модели социального поведения, с которыми сталкивалась в юные годы. Маргинализация молодежи обязательно отразится на всей социальной структуре, когда новое поколение начнет вступать в зрелый возраст. И трансформация социума будет определяться именно теми факторами, которые и влияли на молодежь. Если молодежь в свое время не доучилась, то мы получим массу малоквалифицированных специалистов. Если молодежи была не интересна наука, то через годы мы получим колоссальный научный провал, разрыв в воспроизводстве научных школ, деградацию научных сил страны. Если у молодежи не сформировалось патриотическое чувство, то получим людей, не готовых защищать свои национальные интересы, культурные и исторические ценности, людей утративших свою идентичность. Но было бы ошибкой полагать, что молодежь только жертва негативных тенденций, только объект, на который воздействуют социальные процессы и явления, установившиеся в мире взрослых. Нет, молодежь - это активная социальная сила. Это социальная группа, в которой зреют свои, отличные от других возрастов ценности и модели поведения. В истории 20 века мы видели множество примеров, когда молодежь выступала не просто катализатором социальных процессов, но и движущей силой социальных изменений. Это и «красный май» 1968 года, и «революция цветов», породившая мощную антивоенную волну. С тех пор молодежь стала объектом пристального изучения. Специалисты отслеживают молодежную динамику. Выявляются поколенческие особенности. Поколения просто маркируются для

обозначения их специфических черт. Так, например, можно вспомнить о поколении «хиппи»; поколении «яппи», молодых прагматиков 80-х ориентированных на успех; поколении «икс», молодежь 90-х, утративших ценности, идеалы, и демонстрировавшие тревожность и апатию; также выделяются поколения «Y» и «Z» и так далее. Развитие молодежи считается важнейшим направлением в сфере инвестиций в социальный и человеческий капитал. В России, к сожалению, молодежь до сих пор остается второстепенным элементом текущей общественной политической и культурной жизни. Множество различных центральных и региональных молодежных организаций, патронируемых государством или иными структурами, служат скорее для иллюстрации конкретных общественно-политических проектов, инициируемых властями, чем для действительной интеграции молодежи в социальное пространство. Таким образом, актуальность исследования процессов дискриминации и маргинализации молодежи обусловлена тем, что позволяет лучше понять процессы воспроизводства социального неравенства, характерные для современного общества, и, возможно, изменить ситуацию к лучшему.

Литература:

1. *Тихонова Н.Е. Феномен социальной эксклюзии в условиях России // Мир России. 2003. № 1. С. 36-84.*
2. *Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность // Общественные науки и современность. 2001. №2. С. 158-166.*

Черепанова Мария Ивановна,
ФБГОУ ВО "АлтГУ", Барнаул, Россия

Региональное неравенство: проблемы демографического развития приграничных территорий Сибири.

Демографические проблемы приграничных регионов СФО обусловлены тем, что, несмотря, на некоторую незначительную положительную динамику к росту населения с 2012 в целом по России, исследуемые в статье территории СФО продолжают тенденцию к депопуляции, значительным потерям населения, главным образом, за счет миграции, а также роста смертности населения. В статье представлены обобщенные результаты социологических исследований 2009-2015 г.г., выявляющих основные детерминанты, провоцирующие рост антивитальных, саморазрушительных практик Автором изучен фрагмент массива данных следующих регионов: Алтайский край, Красноярский край, Новосибирская область, республика Бурятия. Во всех представленных территориях дифференцированный, но в разной степени низкий социально-экономический уровень развития общества, что является базовой основой для распространения рисков деструктивного, в том числе аутоагрессивного

поведения, что доказано в современных теориях социальной интеграции. Одним из главных факторов риска в изучаемых территориях СФО является высокий уровень безработицы, который на треть выше, чем в среднем по России [1; 2]. Результаты исследования подтвердили наличие линейной зависимости уровня суицидальной активности населения от количества безработных в регионе. Кроме того, существенным фактором риска снижения ценности жизни и самосохранительных резервов населения, является длительность безработицы. Так, выявлена статистически значимая связь допустимости суицидов у респондентов р. Бурятия, Новосибирской области в зависимости от длительности безработицы (p=0.001). Анализ социально-демографических показателей у населения, длительно являющихся безработными позволил выделить различные возрастные группы риска, среди которых преобладают мужчины зрелого трудоспособного возраста [3; 4]. На примере населения Красноярского края показано, как уровень тревоги, связанный с опасением потерять работу способен повысить толерантное отношение к суициду [3, с.503]. Удовлетворенность профессиональной деятельностью вносит значительный, иногда решающий вклад в общую удовлетворенность жизнью, создает основу для ощущения благополучия. Среди жителей СФО, полностью удовлетворены работой и карьерой менее половины респондентов. Среди главных факторов, снижающих удовлетворенность карьерой - недовольство заработной платой; отсутствие карьерного роста и пр. Большинство представителей населения считают, что они достойны более высокого социального положения. Выявлено, что забота о материальном достатке постоянно или часто не дает покоя 40 % населения, которые в это же время испытывают большие перегрузки, усталость в процессе работы. Все эти причины обусловливают неуверенность в завтрашнем дне, повышают настроения социального пессимизма, снижают общую удовлетворенность своей жизнью, усиливают риск антивитальных практик. Согласно данным опроса, можно констатировать, что денег хватает только на продукты питания и оплату коммунальных услуг - у пятой части сибиряков, а денег не хватает даже на продукты питания, постоянно приходится брать в долг - отметили 4% населения. Каждый третий представитель сибирского приграничья не уверен в завтрашнем дне. Данные тенденции стимулируют рост шансов попасть в группу суицидального риска (p=0.01). Для большей части выборки представителей населения СФО (85 %) характерно состояние социальной фрустрации, заключающееся в том, что желаемое и заслуженное социальное положение не соответствует реальному, действительному. Частое ощущение социальной фрустрации вызывает самый большой процент допустимости суицидов при определенных условиях, (p=0,000). Четверть опрошенных респондентов СФО прогнозирует ухудшение своего материального положения. Наиболее неблагоприятная ситуация зафиксирована в р. Бурятия. Около половины населения р. Бурятия оценивают свои материальные перспективы как негативные или неопределенные, что отражает невозможность оценить и прогнозировать

свое будущее. Выявленные тенденции усиливаются ощущением нестабильности, не безопасности жизнедеятельности в данном регионе. Подобные прогнозы население делает на основании оценки своего реального материального положения. Согласно представленным данным только для трети респондентов СФО характерен социальный оптимизм относительно своего ближайшего будущего. Остальные опрошенные не видят значительных изменений или опасаются ухудшений своего материального благосостояния, что является основой их социального пессимизма. Анализ рейтинга показателей низкой удовлетворенности населения СФО различными аспектами своей жизни, выявил, что от 10% до 50 % жителей не довольны разными аспектами своей жизни, которые составляют в целом основные условия существования личности в современном обществе. Кроме того, четверть респондентов в СФО не довольна в целом своей жизнью, и это наиболее опасная в суицидогенном отношении группа. Для данной группы может быть характерно ощущение жизненного тупика, кризиса, других негативных переживаний. Слабо реализуются все составляющие профессиональной деятельности, карьеры, такие как, условия труда, оплата труда, возможности профессионального роста, безопасность труда и др.

Литература:

1. *Вишневский, А. Г. Сбережение народа или депопуляция России? [Текст]: докл. к XI Междунар. науч. конф. Государственного университета - Высшей школы экономики по проблемам развития экономики и общества, Москва, 6-8 апреля 2010 г. / А. Г. Вишневский ; Гос. ун-т - Высшая школа экономики. - М. : Изд. дом Государственного университета — Высшей школы экономики,2010. - 82 с.*
2. *Официальный сайт Госкомстата. [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Заглавие с экрана. – Режим доступа: www.gks.ru/ дата обращения к документу 28.01.18.*
3. *Черепанова М.И. Субъективные оценки социального благополучия населения Красноярского края, как индикаторы суицидального риска// Мир науки, культуры, образования. 2012. № 2 (33). С. 502-504.*
4. *Демографические проблемы Сибири. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.baikal-media.ru/news/comments/23104/ дата обращения к документу 28.01.18.*

Шахматова Надежда Владимировна,

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия

Домашний труд в современной молодой городской семье: гендерный срез социальной несправедливости

Вопросы исследования домашнего труда являлись фокусом исследования ученых-обществоведов не один десяток лет. Домашний труд является неотъемлемой частью семейных отношений, а также важнейшей частью социально-структурного пространства жизни современного общества. Однако, воспроизводство домашнего труда, его вклад в развития и функционирование общественных институтов полностью неоценен. Между тем рост значимости домашнего труда, формы и организации его

распределения влияют не только на внутреннюю жизнь семьи, но и на ценностно-содержательные и структурные особенности развития общества с позиций социальной несправедливости. Тем более, что растущая активность женщин в сфере оплачиваемого труда все же не изменяет традиционного неравного и несправедливого распределения домашней работы в семье между мужем и женой, что и является предпосылкой проблемы гендерного неравенства в повседневности. В современно виде, домашний труд – это деятельность членов семьи в рамках собственного дома, с целью улучшения качества жизни и выполнение ряда действий для внутрисемейного потребления. Что касается молодых семей, то домашний труд влияет на характер семейных отношений, так как с его помощью можно увидеть процесс самореализации членов малой группы. Исходя из этого в 2016 году по данной тематике в городе Саратове было проведено социологическое исследование методом анкетирования. Было опрошено 400 человек (200 семейных пар), отобранных по полу, возрасту и району проживания. Опрос показал, что традиционный уклад гендерных ролей в ведении домохозяйства преуспевает в современных городских семьях. Однако, в настоящее время всё больше распространяется эгалитарный тип семейных отношений, где оба молодых супруга одинаково участвуют в домашних делах. В целом, такие факторы свидетельствуют о наличии тенденций к усвоению более равноправных внутрисемейных отношений в сфере ведения домохозяйства. Было установлено, что наиболее равномерное распределение домашних обязанностей происходит в семьях, где молодые супруги придерживаются эгалитарных взглядов, а также в тех семьях, в которых мужья имеют высокий уровень образования. Также было выявлено сочетание двух типов семьи – традиционный и эгалитарный. Такое смешение позволяет мужчине зарабатывать больше средств на содержание их семьи, женщина, в свою очередь из-за меньшей профессиональной занятости больше занимается домашними делами. Тем не менее, как показал опрос, женщины в 13 раз больше тратят времени на домашние дела, чем мужчины. В выходной от работы день женщины тратят от 125 до 470 минут на ведение домохозяйства, мужчине – от 30 до 315 минут. Если сравнить минимальные показатели мужчины и женщины (30 и 125), то преимущество будет у женщин – в 4 раза больше, максимальная же занятость в 1,5 раза больше у женщин, нежели у мужчин. Из полученных данных следует, что особенностями гендерного разделения в сфере домашнего труда являются сложившиеся установки в родительских семьях молодых супругов и изначальное внутрисемейное распределение ролей, которые устанавливалось при объедении своего быта. Распределение домашних обязанностей происходит неравномерно, несмотря на то, что сами респондентки говорят о равенстве в своих парах. Безусловно, современные молодые мужчины помогают своим женам в быту, однако после исследования бюджетов времени, становится ясно, что женщина всё же больше уделяет внимания ведению домашнего хозяйства. Результаты проведенного исследования показывают, что почти всем видам домашних работ в исследуемых молодых городских семьях свойственна серьезная

гендерная несправедливость. Женщина выполняет ~ в 1,5-2 раза больше работ по дому, нежели мужчина. Гендерное разделение домашнего труда в семье - это процесс, в котором домашние работы делятся на женские и мужские, но женский вклад в ведение домашней работы является наибольшим. 5 мужчин из 8 могут самостоятельно приготовить завтрак / ужин, или систематически помогают своим супругам в плане приготовления еды, в уборке квартиры. Данные свидетельствуют, что наиболее значимыми факторами, которые влияют на гендерное разделение домашнего труда в молодой семье оказались: экономический (финансовый вклад супругов в бюджет семьи), время занятости в профессиональной сфере деятельности, степень образования и степень традиционности родительских взглядов на распределение мужских и женских ролей. Результаты исследования свидетельствуют о смешении традиционного и эгалитарного типа семей, где молодые люди заявляют о равноправии, однако преобладание женского домашнего труда в приватной сфере остается по традиции неизменным, что нарушает принцип социальной справедливости.

Шохзодамухаммадова Фотима Умедовна,
Тульский государственный университет, Тула, Россия
Мартынова Татьяна Михайловна
Тульский государственный университет, Тула, Россия

Положение таджикской женщины в обществе и семье

Споры и дискуссии о равноправии женщин и мужчин имеют древнюю историю, существовали правительства и государства, лишавшие женщин элементарных прав. Во времена Советского Союза в Таджикистане женщине отводилось достойное место, она была защищена законом наравне с мужчинами. За сравнительно короткий период женщины и девушки не только были охвачены обязательным общим образованием, но и активно участвовали в общественной жизни. С распадом СССР произошла поляризация в отношении женщин в разных слоях общества и в разных сферах жизни. XXI век - это время, когда мировое сообщество декларирует равноправие женщины с мужчиной и её равные с ним социальные возможности, этот процесс оказывает влияние и на Таджикистан [1]. В настоящее время в Республике Таджикистан гендерные вопросы считаются актуальными. За последние годы численность населения Таджикистана вырастает и появляются новые проблемы среди женщин и мужчин. Основными проблемами в Таджикистане являются: миграция, развод, бедность, насилия над женщинами, различные недопонимания в семьях и т. д. По решению этих проблем в настоящее время созданы общественные и международные организации, которые усиленно работают в этом

направлении. Сегодня, в новый период истории развития Таджикистана, статус женщин и отношение к ним в обществе нуждаются в новом осмыслении, в том числе и в средствах массовой информации. В годы независимости Таджикистана роли женщины в обществе стало уделяться больше внимания, и это не случайно, ибо женщины составляют 52% населения республики. Женщины являются гарантом развития общества на пути к независимости в общественно-политической, социальной и культурной сферах жизни. Благодаря поддержке государства и международных организаций, а также реальному партнерству между государственными органами и женскими организациями, в республике наметились позитивные тенденции в представительстве женщин на разных уровнях и их участии в принятии политических решений [1]. В плане социального развития в Таджикистане ежегодно проводятся новые президентские реформы, касающихся образования женщин. В основном проблема гендера включает в себе плохое отношение мужчин к женщинам. Почти что никогда не встречается у нас мужчина, подвергшейся насилию от женщин. Поэтому все международные организации, которые работают в этой области, в основном работают с женщинами, попавшиеся в трудную жизненную ситуацию. Конституция Республики Таджикистан и другие законодательные акты являются гарантом равноправия мужчин и женщин и обеспечивают активное участии женщин в общественно-политической, социальной и культурной жизни страны. Правительством Таджикистана для повышения статуса и роли женщин были приняты особо важные законодательные документы. Таджикистан ратифицировал международную конвенцию о равноправии мужчин и женщин. Изменение системы сложившихся традиционных духовно-нравственных ценностей в обществе, привлечение общественности к проблемам равноправия мужчин и женщин требует от сотрудников телевидения и других средств массовой информации глубоких знаний, выявления и видения сути тендерной проблемы. Одной из важных проблем современного общества является воспитание молодёжи, которой правительство республики Таджикистан с момента приобретения независимости уделяет особое внимание, и в этом направлении ключевая роль принадлежит обществу, семье и в особенности женщине-матери. Как и другие средства информации, телевидение уделяет особое внимание воспитанию подрастающего поколения. Что касается религии, в Коране, кроме некоторых особых аятов, все остальные касаются в целом всех людей, то есть не разделяют права женщин и мужчин, наоборот, в них роль женщины ставит её выше других членов общества. К сожалению, не имея хорошего представления об Исламе, некоторые из родителей своих дочерей, под предлогом различных причин, лишают обучения в школах или же выдают их замуж несовершеннолетними. В Таджикистане в течение многих лет эти вопросы вновь становятся предметом серьезного обсуждения, и на страницах прессы на радио и телевидении по этому поводу много пишут, говорят, но не всегда эти речи действуют на родителей [2]. Мы пришли к выводу, если некоторые не разрешают своим дочерям учиться до конца, это

приводит к тому, что в молодом возрасте они выходят замуж, не зная своих правах и обязанностей. И в итоге все это приводит к тому, что эти женщины попадают в трудных жизненных ситуациях как: развод, малообеспеченность, насилие и т.д. Для решения этих проблем мы предлагаем, что СМИ в первую очередь больше внимания должны уделять этой темы. Социальные работники должны ознакомить школьников обоих полов со своими правами. Родителей тоже необходимо информировать, к каким последствиям могут привести необразованность их детей и незнание прав человека.

Литература:

1. *Умарова Г. Освещение гендерных проблем в программе "Оила" телевидения Таджикистана. Душанбе, 2012.*
2. *Проблемы женщины в телевизионных программах // Вестник Таджикского национального университета. 2011. № 12(70). С. 393-396 (на тадж яз.).*
3. *Республика Таджикистан. Конституция. Статьи 34, 29, 39. Душанбе. Приняты 6 ноября 1994 года.*

Шульгина Елена Викторовна,
ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Дети наркоманов: к вопросу о социальной справедливости

Проблема наркомании в современном российском обществе, к сожалению, не утрачивает своей актуальности по сей день. Наркопотребители не только причиняют вред своему физическому и психическому здоровью, но и представляют реальную угрозу окружающим. Особую опасность лица, употребляющие наркотические вещества, представляют для совместно проживающих с ними детей. Влияние наркотиков носит крайне деструктивный характер на отношения внутри семьи, подрывая все основы ее нормального функционирования. [Данная работа выполнена в рамках проекта «Новая наркоситуация в России. Роль «контролируемого» потребления в распространении психоактивных веществ в различных группах населения» (грант РФФИ № 16-03-00616).] Дети, имеющие хотя бы одного наркозависимого родителя, попадают в группу риска. Они лишены нормальных жизненных условий, страдают от отсутствия полноценного питания, элементарной гигиены, внимания и заботы своих родителей. Такие дети имеют проблемы с социализацией, им сложно влиться в коллектив, наладить взаимоотношения с окружающими. Зависимость от наркотиков вытесняет все остальные интересы, потребности, заботы. Для получения очередной дозы вещества наркоманы готовы даже толкнуть собственных детей на совершение преступления, заставляя их воровать, заниматься проституцией. Такие условия существования влекут за собой тяжелые последствия. Пребывание в постоянном состоянии невротизации ведет к формированию психически нездоровой личности с нарушенными социальными возможностями и потребностями. Есть ли шанс у детей, чьи

родители – люди, страдающие наркотической зависимостью, стать полноценными членами современного общества? Сегодня социальная несправедливость проявляется в контексте недостаточности существующих социальных мер по обеспечению нормальных условий жизни таких детей.

В настоящее время государство занимается созданием и поддержкой различных организаций и программ, нацеленных на борьбу с незаконным оборотом наркотических средств и их употреблением, однако существующий уровень наркотизации общества показывает недостаточную эффективность предпринимаемых мер. В связи с высокой латентностью явления наркомании существующая статистика не отражает реальной картины положения дел. Статистические отчеты фиксируют лишь данные о количестве лиц, стоящих на учете в наркологических диспансерах и правоохранительных органах, не охватывая всю широту проблемы. На уровне государственной важности необходимо создание четкой детально разработанной программы деятельности по профилактике и борьбе с наркопотреблением, начиная с воспитательно-образовательных учреждений, а также продуманной системы мер по социальной реабилитации зависимых.

Не менее важно сосредоточить усилия на организации и развитии социальной работы в сфере наркологии, заниматься подготовкой новых кадров специалистов, чья профессиональная деятельность будет одновременно охватывать формы работы по оказанию наркологической помощи и социальной защиты населения. Необходимо также сформировать систему мобильных групп социальных работников, занимающихся выявлением на подконтрольной территории несовершеннолетних, находящихся в «группе риска», и выполняющих роль посредников между ними и местными органами власти. Помимо организации государственных мер важно повышать уровень социальной ответственности, контроля со стороны общества. Нередко окружающие, зная о ненадлежащем обращении с детьми в семье наркозависимых, не предпринимают должных мер по причине равнодушия или страха. Однако своевременное обращение в органы опеки и попечительства, в правоохранительные органы может спасти жизнь и здоровье детей, оказавшихся в подобной ситуации. Таким образом, необходимо пропагандировать в обществе информацию о том, что проявление внимательности и активной социальной позиции может помочь детям, чьи родители страдают от наркотической зависимости, обрести нормальные жизненные условия и стать полноценными членами общества. Подводя итог, следует еще раз подчеркнуть, что наркомания влечет за собой масштабные последствия деструктивного характера. Наркомания подрывает все основы семьи, является частой причиной лишения родительских прав и расторжения браков. Наличие у ребенка хотя бы одного родителя, страдающего наркотической зависимостью, ставит под угрозу его жизнь и здоровье, лишает возможности полноценной социализации и формирования личности, повышает риск проявлений антиобщественного поведения. Актуальность данной проблемы в современном российском обществе влечет за собой необходимость выработки эффективных социальных мер по защите

и обеспечению нормальных условий жизни детей, чьи родители являются наркоманами.

Литература:

1. *Дети наркоманов: их здоровье, качества личности и будущее [Электронный ресурс]. URL: http://alcostad.ru/deti-narkomanov/ (дата обращения: 18.01.2018)*
2. *Заберите ребенка у наркоманов!/Официальный сайт Уполномоченного по правам ребенка в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс]. URL: http://www.spbdeti.org/id1459 (дата обращения: 15.01.2018)*
3. *Лицом к смерти. Личный опыт преодоления наркозависимости.../ Миссионерско-апологетический проект "К Истине" [Электронный ресурс]. URL: http://www.k-istine.ru/drag/drag_popov.htm (дата обращения: 17.01.2018)*
4. *Родители наркоманы - что делать?/Точка Отсчета Служба медицинской и психологической помощи [Электронный ресурс]. URL: https://centrreabilitacii.ru/blog/roditeli-narkomany-chto-delat/ (дата обращения: 15.01.2018)*

Юрьева Людмила Александровна,
Брянский филиал МПСУ, Брянск, Россия

Социально-психологический анализ проблемы разведенных семей

Неполная семья, образовавшаяся после развода, представляет фактор риска для развития личности. Отсутствие отца в семье может стать причиной формирования у ребенка искаженной Я - концепции, низкой самооценки и самопринятия, низкого или завышенного уровня притязаний, неадекватной полоролевой идентификации, высокого уровня тревожности, предрасположенности к неврозам, страхам, застенчивости и тревожности в отношениях со сверстниками, чувству неуверенности и личностной недостаточности, наконец, вызвать трудности при создании собственной семьи. Вместе с тем подобный мрачный прогноз далеко не всегда становится реальностью. Позиция отца и матери, их умение сотрудничать после развода в значительной степени определяют благополучие развития ребенка в неполной семье. Родителю, проживающему отдельно, необходимо предоставить возможность равноправного участия в воспитании и полноценного общения и сотрудничества с ребенком. Ограничениями для такого общения могут быть лишь асоциальное поведение родителя, склонность к алкоголизму, высокая конфликтность, действия, представляющие угрозу физической, личностной и психологической безопасности ребенка [1]. Жизнь и условия воспитания ребенка без отца имеют явную специфику и существенно отличаются от жизни ребенка в полной семье. Даже если мать старается восполнить отсутствие отца и делает вес возможное, чтобы соединить в себе обоих родителей, она в принципе не может реализовать одновременно обе родительские позиции - материнскую и отцовскую. По данным И.С. Кона, дети, выросшие без отца, часто имеют пониженный уровень притязаний, у них выше уровень тревожности, чаще встречаются невротические симптомы, мальчики с трудом общаются со

сверстниками, хуже усваивают истинно мужские роли, но гипертрофируют некоторые мужские черты: грубость, драчливость. Часто ребенок начинает бунтовать против крайней зависимости от матери, либо вырастает пассивным, вялым, физически слабым [2]. Ребенок без отца страдает также от недостатка авторитета, дисциплины и порядка, которые в нормальных условиях олицетворяются отцом. Ребенок, растущий, главным образом, без отцовского авторитета, бывает часто недисциплинированным, несоциальным, агрессивным в отношении взрослых и детей. Очень важным в неполной материнской семье может явиться отсутствие уверенности и устойчивости в социальном включении, так как профессия отца представляет обычно реальную и символическую базу экономического обеспечения семьи, а ее основательность является порукой уверенности [4]. Когда родители разводятся, то сложившиеся негативные отношения между родителями становятся препятствием к полноценному участию отца (как правило) в воспитании детей. Для подростков семейная драма является процессом наиболее разрушительным. Только каждая пятая разведенная мать оценивает положительную роль регулярных контактов отца и детей. Девушки-подростки, лишившиеся в детские годы отца в связи с его уходом из семьи, сохранили к нему критическое отношение: либо они чувствовали, что он их бросил, либо переняли отрицательное отношение к нему от матери. Особенности их адаптации во многом зависели от того, каким в их представлении остался отец [3]. Отсутствие отца и интересующей информации о нем сказывается на воспитании ребенка самым неблагоприятным образом. Но возможны и другие варианты. Ученые отмечают, что ребенок, воспитывающийся одинокой матерью, как правило, взрослеет быстрее, чем ребенок, растущий в полной семье. Но быстрое взросление возможно только у тех детей, чьи психические потребности в первых трех кругах (потребность в заботе, в учении и в эмоциональном самоутверждении) на соответствующих этапах развития ребенка нашли полное удовлетворение. Потребность в социальной ориентации становится проблематичной [5]. Таким образом, развод родителей одинаково тяжело воспринимается как самими взрослыми, так и детьми. Часто взрослые не контролируют свои переживания, тем самым меняется их отношение к детям. Развод вызывает у детей сильные переживания. Следовательно, родителем необходимо более серьезно подходить к разрыву своих отношений и учитывать степень их влияния на ребенка. Поэтому взрослым необходимо учитывать те обстоятельства, которые сказываются на психическом развитии ребенка в подобной ситуации.

Литература:

1. *Гончарова, Т. Неблагополучные семьи и работа с ними / Т.Гончарова //Народное образование. – 2012. - №6. –С.161-168.*
2. *Кон, И. С. В поисках себя. Личность и ее самосознание /И.С. Кон. – М.: Просвещение, 2014.– 287с.*
3. *Савонько, Е. И. Возрастные особенности соотношения ориентации на самооценку и на оценку другими людьми / Е. И. Савонько //Изучение мотивации поведения подростков. – М., 2012.– с.45 //http://psychology.net.ru/ (дата обращения 10.03.17)*

4. *Психологические особенности общения в подростковом возрасте /Ред. Е.Е.Лукошина // Социально-педагогическая работа. - № 12. - 2015. – 43с.*
5. *Фигдор, Г. Дети разведенных родителей: между травмой и надеждой /Г.Фигдор. - М.: Наука, 2015.- 376 с.*

СЕКЦИЯ 5. СОЦИАЛЬНАЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК: МЕТОДОЛОГИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аверин Юрий Петрович,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Ценностный порядок в российском обществе

Социальный порядок является ключевым понятием при теоретическом анализе общества как социальной системы. Устойчивое воспроизводство социального порядка является необходимм условием для обеспечения устойчивого существования и развития общества. Социальный порядок характеризует все структурные и функциональные основания общества, обеспечивающие его существование. Одним из видов социального порядка является социокультурный порядок как содержание значений, ценностей, традиций членов общества [1, с. 63-68]. В любой общественной системе действуют два противоположных начала – «созидающее» и «разрущающее» порядок [2,3]. Масштаб изменений в обществе зависит от степени присутствия в нём «разрушающих» социальный порядок процессов. Они есть свидетельство несоответствия порядка в обществе должному порядку с точки зрения интересов людей и сигнализируют о необходимости изменений в нем. Если преобладают разрушающие социальный порядок процессы, то взаимодействие людей приобретает все более случайный характер. Оно уже слабо определяется установленными правилами, ценностями, нормами, способами доступа к ресурсам и становится хаотичным. Ценностный порядок является основой самовоспроизводства и саморазвития общества. От структуры ценностей индивидов зависит оценка ими социальных явлений, их цели, к достижению которых надо стремиться и средства достижения целей [4, с. 462-463]. Ценностный социальный порядок - это такое отношение между людьми, которое характеризуется относительно устойчивой согласующейся структурой ценностей, благодаря которой в обществе существуют сходные оценки по поводу тех или иных явлений, целей их развития и средств их достижения. Разрушение ценностного порядка означает рассогласование ценностной струкутры людей. В проведенном в 2012 году под руководством автора социологическом исследовании анализировалась согласованность ценностной структуры взрослого населения России. Ставились задачи, во-первых, определить степень её согласованности в тот момент, когда экономическое положение российского населения достигло наилучшего состояния по сравнению с предыдущими годами. Во-вторых, под воздействием каких факторов ценностная структура «созидается» или «разрушается». Среди этих факторов рассматривались

социально-демографические параметры населения. Исследование финансировалось социологическим факультетом МГУ имени М.В. Ломоносова. Было опрошено 1500 человек в 22 регионах Российской Федерации. В настоящее время определяющим для существования России как самостоятельного государства является отношение населения к ней как к ценности, и в большей степени, с точки зрения её деятельного проявления. Рассогласованность ценностного отношения к России формирует соответствующую несогласованность, противоречивость действий по отношению к её интересам. В исследовании рассматривались две составляющие деятельного проявления ценностного отношения к России: готовность защищать её от внешнего нападения и готовность её экономически обустраивать. Готовность защищать Россию с оружием в руках, если на неё будет совершено нападение, является терминальным деятельным проявлением ценностного отношения к России. Такая готовность характерна примерно для 76% россиян. Защитников России в три раза больше по сравнению с не желающими её защищать с оружием в руках. Данное соотношение характеризует преобладание созидателей ценностного порядка, хотя существует заметное рассогласование в отношении к России как ценности с точки зрения данного параметра. Данное соотношение примерно одинаково для всех возрастных групп россиян, т.е. возрастные различия практически не влияют на состояние терминального деятельного проявления ценностного отношения к России. Крайним деятельным проявлением не признания России как терминальной ценности является желание её покинуть, если на Россию совершат нападение. Среди группы россиян, у которых существует данное желание, заметны возрастные различия. Сильнее проявляется данное желание среди россиян в возрасте от 18 до 24 лет. В целом группа таких людей составляет примерно 3,5% всего деятельного населения России. Готовность оставаться в России и добиваться того, чтобы россияне имели достойный заработок и высокий уровень жизни, является еще одним деятельным проявлением ценностного отношения к России, которое выступает как инструментальная ценность. Такая готовность характерна примерно для 85% россиян. Работников для России в шесть раз больше по сравнению с не желающими работать в ней. Возрастные различия влияют на деятельное проявление данного ценностного отношения к России. Количество россиян в возрасте от 18 до 44 лет, которые не готовы оставаться в России и экономически обустраивать её, составляет примерно 20%, а по отношению к деятельному населению в целом примерно 9%. Таким образом, разрушение ценностного порядка на деятельном уровне по отношению к России как терминальной ценности небольшое и оно сильнее проявляется среди россиян в возрасте от 18 до 24 лет. Разрушение данного порядка по отношению к России как инструментальной ценности выше и оно охватывает все наиболее деятельные возрастные группы российского населения.

Литература:

1. *Гидденс Э. Элементы теории структурации/ Современная социальная теория : Бурдье, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995.*

2. *Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986; Николас Г., Пригожин И. Познание сложного. Введение. М. 1990.*
3. *Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с Пригожиным// Вопросы философии. 1992, №12.*
4. *Философский Энциклопедический Словарь. Т. 5. М.: Изд-во «Советскя энциклопедия», 1970.*

Антипьев Константин Анатольевич,
Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия

Работающие бедные как показатель состояния российской экономики

В последнее несколько лет, всё более часто мы слышим, в том числе из уст руководителей страны и регионов, о специфическом явлении нашего общества, - работающих бедных. Работающие бедные представляют собой стратификационную группу, представители которой имеют работу, но имеют низкий уровень жизни. Причём в работающие бедные попадают не только лица занятые неквалифицированным или малоквалифицированным трудом, а и лица, обладающие высокой квалификацией. Работающая бедность, является одним из показателей нездорового состояния экономики государства, при котором сочетается одновременно и очень низкая официальная безработица, и низкий уровень жизни существенной части работающих граждан. Вице-премьер российского Правительства Ольга Голодец отметила на неделях российского бизнеса в марте 2017 года, что «…та бедность, которая в стране есть и фиксируется, - это бедность работающего населения. Это уникальное явление в социальной сфере - работающие бедные» [1]. Таким образом, наличие этой группы признано на высшем уровне. Вице-премьер видит варианты решения этой проблемы в виде повышения минимального размера оплаты труда, повышение прожиточного минимума. Основным индикатором границы бедности официально, по-прежнему считается прожиточный минимум. В Пермском крае, например, по состоянию на 3-й квартал 2017 года он составляет 10098 рублей [2]. Однако даже выход за пределы данного значения, не позволяет человеку выбраться за пределы бедности. Дополнительную нагрузку даёт инфляция, хотя по заявлениям властей её темпы постоянно падают. Но, при этом, на те товары и услуги, которые потребляют работающие бедные, падение темпов инфляции незаметно. Это стоимость услуг ЖКХ, стоимость продовольственных товаров, цен на бензин. Тем самым, происходит не сокращение количества бедных, а их увеличение, то есть не снимется остроту проблемы, а лишь усугубляется. Каким образом можно описать социальный портрет работающего бедного? Во-первых, это человек, живущий в сельской местности, малом или среднем городе. В этих территориях рабочие места создавались гораздо меньшими темпами, чем в крупных городах, а зачастую и, наоборот, утрачивались. Возможность нахождения новой работы после увольнения невысока, поэтому работодатели готовы платить лишь

небольшую заработную плату, зная, что работнику уходить просто некуда. Во-вторых, это человек, не имеющий сбережений. Исключение здесь могут составить работающие пенсионеры, откладывающие часть своего дохода на «чёрный день». Сберегательные стратегии россиян, вот уже несколько лет как сменились стратегиями выживания, а где-то они и всегда были таковыми, так как есть территории, которые не заметили улучшения качества жизни в 2000-е годы. При этом, часть работающих бедных, не имея сбережений, имеют кредитные обязательства, что усугубляет их положение. В – третьих, работающий бедный, как правило, уже перешагнул за 40-летний возраст, что затрудняет его переезд, переквалификацию, смену профессиональных ориентиров. В-четвёртых, большая доля работающих бедных, не относит себя к таковым, так как их социальное окружение достаточно однородно, имеет подобный же уровень жизни. В-пятых, единственным источником дохода большинства работающих бедных является заработная плата, пенсия. Дополнительных доходов, имущества, способного приносит прибыль у них нет. Политически эта группа фактически индифферентна, ведь она имеет работу, соответственно пусть низкий, но устойчивый доход, что не позволяет ей пополнять ряды лиц, выступающих против власти.

Существенная доля ответственности за широкое распространения такого явления как работающие бедные, лежит на государстве. Государство во многом регулирует рынок труда, кроме того, многие работающие бедные работают на государство. К сожалению, в современных условиях, не видно перспектив сокращения количества работающих бедных, за счёт увеличения их доходов. Какие видятся пути сокращения работающей бедности? Прежде всего, это стимулирование создания высококвалифицированных новых рабочих мест в тех отраслях, где это возможно. Существенную роль мог бы сыграть отказ от части иностранной рабочей силы, как правило, выполняющей работы невысокой квалификации. Но, это вопрос политический, поэтому такое решение не выглядит реалистичным. В современных условиях, когда выход из кризиса затягивается, а граждане испытывают снижение покупательной способности, расширение группы работающих бедных за счёт других групп наиболее вероятно. Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта РФФИ №17-13-59001/17-ОГОН от 23.05.2017 г.

Литература:

1. *Голодец: в РФ есть уникальное явление - работающие бедные. URL: http://tass.ru/ekonomika/4093093 (дата обращения: 11.01.2018)*

2. *Постановление Правительства Пермского края № 888-п от 01.11.2017 / СПС «Консультант Плюс»*

Арабидзе Ираклий Теймуразович,
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Российская Федерация

Некоторые факторы возникновения проблемы социальной адаптации лиц, уволенных с военной слдужбы

Политические и социально-экономические преобразования, имевшие место в нашей стране после распада СССР, затронули многие институты отечественной политической системы. Изменились государственная власть и политическая элита, фактически возродились частная собственность и институты гражданского общества. Принципиально изменился социальный контракт, и власть стала рассматривать организованных граждан в качестве одного из своих основных контрагентов. В начале XXI века Российская Федерация, в правовом отношении являясь правопреемницей СССР и в политическом – демократическим государством, постепенно строит национальное, правовое и социальное государство. Этот вывод в полной мере распространяется на один из важнейших государственных институтов – Вооруженные Силы Российской Федерации. Фактически изменились отношения между государством в лице Министерства обороны РФ и военнослужащими – ее гражданами «в погонах». Был изменен порядок прохождения военной службы (появилась служба по контракту), социального и материального обеспечения действующих и бывших военнослужащих. Изменение способа комплектования значительно снизило потребности в военнослужащих по призыву. Фактически в России значительно сократилась численность личного состава российских Вооруженных Сил и ФОИВ, в которых предусмотрена военная служба, причем, по большей части, за счет офицеров. Люди, отдавшие не один десяток лет военной карьере, были уволены из рядов Вооруженных Сил РФ. Поэтому современные органы государственной власти и местного самоуправления вынуждены считаться со значительным притоком на рынок труда бывших российских военнослужащих. Эти военнослужащие приходят на российский рынок труда зачастую не подготовленными, без нужной профессии и фактически социально не адаптированными. При этом Минобороны и другие федеральные органы исполнительной власти, как правило, не считают себя обязанными трудоустраивать увольняемых в запас военнослужащих, либо качественно готовить их к выходу на рынок труда. Все это приводит к некоторой проблеме социальной несправедливости по отношению к людям, прошедшим военную службу, прослужившим долгое время в рядах вооруженных сил Российской Федерации со стороны государства. Актуальность данной проблемы обусловлена несколькими факторами: 1. Продолжающимся реформированием ВС РФ и сокращением личного состава в федеральных органах исполнительной власти (ФОИВ), в которых предусмотрена военная служба. Реформы в российской армии и иных ФОИВ проходят и по сегодняшний день. Ежегодно в нашей стране увольняется

немалое количество военнослужащих, вынужденных после окончания военной службы самостоятельно решать многие вопросы экономического и социального характера. 2. В настоящее время в Российской Федерации насчитывается большое количество ветеранов военной службы, инвалидов боевых действий, военных пенсионеров, участников военных конфликтов. Это достаточно большая по численности социальная группа, требующая особого подхода со стороны органов государственной власти при переходе от военной к гражданской жизнедеятельности и постоянного внимания в последующем. 3. Невыполнение со стороны органов государственной власти взятых на себя обязательств перед лицами, прошедшими военную службу, вполне может обострить социально-политическую обстановку, особенно в городах. Нередки случаи, когда права военных пенсионеров, ветеранов военной службы, граждан, прошедших срочную и контрактую службу, нарушаются. Нарушения происходят как при обеспечении их жильем, так и при предоставлении положенных по закону прав и гарантий на льготное медицинское обслуживание, санаторно-курортное обеспечение, профессиональную переподготовку. Кроме того, в Правительстве РФ в последнее время активно обсуждается вопрос сокращения доходов работающих пенсионеров. 4. Несовершенство и своего рода сложность, запутанность отечественной законодательной базы по социальному обеспечению и адаптации граждан, прошедших военную службу, также осложняет социально-политическую обстановку в России. Существует большое количество всевозможных законов, постановлений на федеральном и региональном уровне, в которых так или иначе освещен какой-либо аспект социальной защиты, адаптации бывших военных (жилищное обеспечение, профессиональная переподготовка, медицинское обслуживание и.т.д.). Однако эти нормативно-правовые акты зачастую противоречат друг другу, а частое внесение в них поправок, отменяющих или дополняющих какие-либо отдельные пункты, усложняет процесс их выполнения органами исполнительной власти и отдельными ведомствами, что негативным образом сказывается на процессе социальной адаптации граждан, уволенных с военной службы. 5. Большое количество «военных пенсионеров», их социальное самочувствие очень сильно влияют на содержание предвыборных кампаний и информационной политической повестки дня. Однако в России ни пенсионеры, ни тем более военные пенсионеры не имеют своей политической организации, отстаивающей их права на государственном уровне, помогающей военным пенсионерам реализовывать свои потребности и интересы.

Арпентьева Мариям Равильевна,
Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского, Калуга, Россия

Правовое и нравственное измерения справедливости

Жизнь и судьба государства – это жизнь, отражающая взаимодействие нравственных и правовых механизмов регулирования отношений в сообществе. Расцвет государственной власти как расцвет власти права, иерархии, подавление отклонений с помощью жестоких репрессий и уничтожения интимно-личностной, приватной сферы жизни людей, может пониматься как достижение государством состояния тотального контроля над общественными процессами. Нравственные аспекты этих процессов государством и обществом при этом, как правило, игнорируются. Власть стремится стать властью «по наследству», узурпировать властные функции навечно. Отношения государства асимметричны, доминируют вертикальные связи, горизонтальные (отношения взаимопомощи и т.д.) нарушены и игнорируются. Не случайно поэтому, что такие государства и состояния государств существуют недолго: государство и поддерживающее государственный произвол общества коллапсируют, уничтожают сами себя. Расцвет государства может быть понят и иначе: государство-церковь, живущее по нравственным законам, принимающее «отклонения» как повод духовного и физического совместного совершенствования людей.

Однако, де факто, современные государства и наука в целом не стремятся в массе своей обращать внимание на нравственные аспекты жизнедеятельности: сциентизм по-прежнему пронизывает науку и практику, разрушая саму возможность «вмешательства» в «объективную реальность» становящихся все более бесчеловечными отношений людей обществ, общества и государства, общества и бизнеса, такого «субъективного» фактора, как нравственность. Нравственность изучается как любой другой научный феномен, а также в качестве некоего «артефакта», влияющего на результаты научных исследований. Весьма часто правовая культура научного исследования и понимание науки как бизнеса заслоняют нравственную культуру и понимание науки как практики самосовершенствования человечества. Правовое пространство - один из компонентов социального пространства, в котором с помощью норм права устанавливается и поддерживается стабильность в обществе, правопорядок и законность. Нравственное или моральное пространство – еще один компонент социального пространства, в котором с помощью норм морали устанавливается и поддерживается стабильность в обществе, ценности жизни и гармония. В становлении и развитии правового государства, по мнению юристов, ведущее значение имеет укрепление законности и правопорядка, предполагающее безусловное подчинение его субъектов правовому закону: верховенство правового закона во всех сферах жизни общества. Однако, право основано на нравственных нормах и, без них, практически невозможно.

Правовое пространство, имея в основе такие критерии как свобода, равенство, справедливость, объективно должно определять устойчивость и стабильность социальных отношений. Но в реальности, при отсутствии нравственной основы, правовое пространство многих цивилизованных стран опирается на полностью оторванный от этих критериев «закон». Перечисленные выше и иные гуманистические ориентиры правового пространства предполагают, что человек, общество и государство развивают в себе способность и потребность к уважению права как необходимого регулятора общественной жизни, к уважению своих и чужих прав и свобод. Однако помимо прав, человек и общество, а также государство нуждаются в уважении обязанностей людей и групп по отношению к себе и друг к другу. Кроме того, и права, и обязанности должны быть основаны на нравственных принципах. Однако, правоохранительные и даже правозащитные организации всего мира так или иначе активно злоупотребляют поверхностными «правами» и «свободами», игнорируя нравственные, глубоко человеческие основы взаимоотношений. Другой модус – модус защиты достоинства и чести, то есть нравственных принципов жизни, - реализуется в весьма небольшом количестве стран. Что касается деления регулирующих принципов жизни на правовые и нравственные, то в истории человечества люди вполне обходились без норм правовых, если были нормы нравственные [3; 4]. Не удивительно, что право как навязанная, лишняя система регуляции отношений людей и групп, «трудноопределима». Так, что и на сегодняшний день по-прежнему справедливы слова И. Канта, что «юристы и до сих пор ищут дефиницию для своего понятия права» [1]. Также интересно наблюдать сложности в определении тех преступлений, которые постоянно осуществляются государственными «машинами»: последние, например, постоянно путают «геополитические интересы» и фашизм, «свободу слова», «обеспечение безопасности» и отсутствие права на личное пространство, пытки и «условия содержания» и т.д. и т.п. а история восстановительного правосудия вообще превратилась в фарс там, где оно было «перелицовано» для нужды разрушения семейных связей и тотального отсечения людей от права определять в своей жизни хотя бы что то важное. Людям остался лишь весьма богатый выбор низкокачественных, вредящих нравственному, психическому и физическому здоровью, продуктов потребления и развлечений: мир «хлеба и зрелищ» активно уничтожает нравственное пространство, а за ним и весь мир. Этики и моралисты современности также до сих пор «ищут» дефиниции морали и нравственности, пытаясь соотнести ее с интересами доминирующих классов, забывая, что интересы последних никоим образом с моралью и нравственностью не связаны. Нельзя найти что-то там, где его нет. Но лишь там, где оно есть: нравственные ориентиры.

Литература:

1. *Кант И. Критика чистого разума. - М.: Мысль, 1994. - 591 с.*
2. *Кристи Н. Приемлемое количество преступлений. — Варшава: Польское объединение правового образования, 2004. - 182 с. - С. 83-84.*
3. *Монтескье Ш. Избранные произведения. - М.: Госполитиздат, 1955.- 803 с.*
4. *Мухина В.С. Пожизненно заключенные // Развитие личности. 2002 – 2009. 187 с.*

Багапова Венера Няимовна,
НИ МГУ Н. П. Огарёва, Саранск, Россия

Социологический анализ мер социальной поддержки ветеранов Великой Отечественной войны

Одним из важных показателей социальной справедливости в обществе является доступный и одинаковый уровень социальных благ, в том числе социальной защиты и помощи. Ветераны Великой Отечественной войны – это особая категория населения, нуждающейся в специальных мерах социальной поддержки. По мнению ряда исследователей изучение системы социальной поддержки ветеранов войны представляется важным для определения изменений межпоколенческих связей, роли и места ветеранов в изменяющемся мире [3]. Основным фактором, формирующим систему социальной поддержки ветеранов войны, является нормативно-правовая база. Это связано с тем, что именно содержание законодательных актов способствует определению направлений, выявлению новы форм, технологий, специфики мер социальной поддержки ветеранов войны [2]. Ключевым нормативно-правовым актом, регулирующим вопросы социальной поддержки ветеранов Великой Отечественной войны, является Федеральный закон № 5 от 12.01.1995 г. «О ветеранах». С принятием данного закона впервые была создана единая социально-экономическая и социально-правовая система поддержки ветеранов войны. Закон выделяет пять категорий ветеранов Великой Отечественной войны, каждой из которых гарантируется свой определенный набор социальных услуг, а именно: участники Великой Отечественной войны, инвалиды Великой Отечественной войны, жители блокадного Ленинграда, узники фашистских лагерей, труженики тыла. Именно такой дифференцированный подход позволяет повысить адресность мер социальной поддержки. Закон обеспечивает создание условий, необходимых для достойной жизнедеятельности ветеранов в современном обществе. В настоящее время можно выделить следующие направления социальной поддержки ветеранов Великой Отечественной войны: - ежемесячные денежные выплаты, - пенсионное обеспечение, - медицинское обслуживание, - жилищное обеспечение, - социально-бытовое обслуживание, - льготное обеспечение. Система социальной поддержки граждан в форме ежемесячной денежной выплаты начала формироваться в 2004 г., когда произошли изменения в законодательстве с принятием Федерального закона № 122 от 22.08.2004 г. «О монетизации льгот», сущность которого сводится к замене льгот в натуральной форме на денежные компенсации. Кроме того, ежемесячные денежные выплаты имеют разный размер для различных категорий ветеранов войны. Так, например, размер ежемесячной денежной выплаты инвалидам войны, участникам войны, ставшие инвалидами, в 2017 г. составлял 5054,11 руб.; участникам

войны – 3790,57 руб.; ветеранам боевых действий, лицам, награжденные знаком «Жителю блокадного Ленинграда» - 2780,74 руб. При этом, труженикам тыла ежемесячные денежные выплаты назначаются на региональном уровне. Социальная поддержка в жилищно-коммунальной сфере реализуется в форме предоставления жилых помещений и льгот по оплате коммунальных услуг. Впервые о массовом улучшении жилищных условий ветеранов войны было заявлено в 2008 г. с принятием Указа Президента РФ № 714 от 07.05.2008 г. «Об обеспечении жильем ветеранов Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.». Однако прописанные меры в данном акте имеют противоречивый характер. Так, ветераны, вставшие на учет до 1 января 2005 г., обеспечиваются жильем в соответствии с положениями указанного закона, а вставшие на учет после 1 января 2005 г. согласно жилищному законодательству Российской Федерации. Введение в действие нового Федерального закона № 442 от 28.12.2013 г. «Об основах социального обслуживания в Российской Федерации» вывело на новый уровень систему социального обслуживания ветеранов войны. Впервые на законодательном уровне были введены новые формы социального обслуживания, в частности, социальное сопровождение, которое непосредственно связано с изучаемой нами категорией. Социальное сопровождение включает содействие в получении помощи медицинского, психологического, экономического, правового, социального характера. В этом случае включается механизм межведомственного взаимодействия, в рамках которого решаются проблемы получателей социальных услуг [1]. Сегодня выделяют следующие формы социального обслуживания ветеранов Великой Отечественной войны: социальное обслуживание на дому; полустационарное; стационарное; срочное социальное обслуживание; социально-консультационная помощь. Как показывает практика, ветераны войны пользуются всеми вышеперечисленными формами социального обслуживания.

Обобщая анализ мер социальной поддержки ветеранов Великой Отечественной войны, необходимо отметить, что социально-бытовое обслуживание, материальное обеспечение, предоставление жилищных льгот, санаторно-курортное и лекарственно-медицинское обслуживание являются приоритетными направлениями. Однако вопрос о социально-психологической поддержке ветеранов по-прежнему остается открытым. На наш взгляд, ее решение могут осуществлять не только государственные социальные службы, но и религиозные и общественные организации. По оценке исследователей, религиозные и общественные организации занимаю свое уникальное место в системе социальной защиты, при этом в отличие от государственных структур, быстрее реагируют на ту или иную проблему, оказываемые социальные услуги максимально приближены к их получателям [4; 5]. Социальная защита ветеранов Великой Отечественной войны – это общегосударственная задача, способствующая сохранению социальной справедливости в обществе.

Литература:

1. *Абузярова Д. А. Социальная защита участников и инвалидов Великой Отечественной войны в регионе: социологический анализ / Д. А. Абузярова // Регионология. – 2008. - № 3. – С. 216-222.*
2. *Абузярова Д. А. Социологический анализ нормативно-правовых основ социальной защиты ветеранов Великой Отечественной войны в современной России / Д. А. Абузярова // Вестник Мордовского университета. – 2010. - № 2. – С. 161-166.*
3. *Абузярова Д. А. Трансформация системы социальной защиты ветеранов Великой Отечественной войны : дис. ... канд. социол. наук / Д. А. Абузярова. – Саранск; МГУ им. Н.П. Огарёва, г. Саранск, 205 с.*
4. *Палибина А. С. Некоммерческие организации в системе социального обслуживания населения/ А. С. Палибина, Е. Г. Панькова, Т. В. Соловьева, Д. А. Бистяйкина // Дискуссия. – 2017. - №10. – С. 55-59.*
5. *Палибина А. С. Православная церковь в системе субъектов социальной поддержки современной семьи в России / А. С. Палибина // Отечественный журнал социальной работы. – 2013. - №4. – С. 106-109.*

Банникова Ирина Ивановна,
АлтГУ, Барнаул, Россия

Социальное неравенство как фактор девиантного поведения

Хорошо известно, что для регулирования поведения в обществе существуют социальные нормы, которые фиксируют в себе существующую систему ценностей в конкретном социуме. Однако не все люди ведут себя в соответствии с общепринятыми нормами, в каждом обществе можно найти тех, кто эти нормы нарушает. В современном мире количество нарушителей (девиантов) стало предельно высоким, угрожающим человеческому роду. Эта проблема приобрела значительные масштабы и в современном российском обществе. Вследствие глобальных изменений в России, начавшихся в конце XX в., подверглись разрушению сложившиеся основы жизни, системы ценностей и идеалы, на которых выросли многие поколения. Произошедшая переоценка ценностей привела к падению значимости норм и появлению ценностно-нормативной неопределеннности. В результате проведенных в стране реформ произошло искоренение традиционных форм социального контроля, профилактики девиантного поведения и системы воспитания. Все это привело к вплеску негативных девиантных проявлений. Столь различные по своему содержанию девиантные проявления (алкоголизм, наркомания, суицид и т.д), конечно же, не могут иметь какой-то единой порождающей их причины. Развитию негативных форм девиантного поведения в обществе способствует целый комплекс обстоятельств и условий как социального, экономического, так и физиологического, психологического характера. Большинство теорий объясняют девиантность нарушением социальной справедливости, то есть выделяют источником и причиной девиантного поведения социальную несправедливость. Рассматривая связь между данными явлениями, обнаруживается следующая закономерность: чем ниже уровень социальной справедливости, тем выше уровень девиантности.

Различные виды девиантного поведения являются выражением осознанного или стихийного протеста против существующей в обществе несправедливости [1]. Как писал И. Кант, «ничто не возмущает нас больше, чем несправедливость; все другие виды зла, которые приходится нам терпеть, ничто по сравнению с ней» [2, с.201]. Явление социальной несправедливости не разрывно связано с социальным неравенством, заключающемся в неравных социальных возможностях, в неодинаковом доступе к таким социальным благам, как деньги, престиж, власть. Утверждение о том, что социальное неравенство является глобальной причиной появления девиантности, имеет в научной среде большое количество сторонников и подкреплено многочисленными теориями, среди которых можно выделить марксистскую теорию, теорию неравных возможностей, теорию аномии, теории конфликта и др. [3,4]. Неодинаковое положение социальных слоев, классов и групп в системе общественных отношений обусловливает социально-экономическое неравенство, различия в реальных возможностях удовлетворить свои потребности. Главным в генезисе девиантного поведения является не уровень удовлетворенности тех или иных потребностей, а именно степень различия, «разрыва» в возможностях их удовлетворения для различных социальных групп. Осознание индивидом этого «разрыва» приходит лишь в сравнении. На это в свое время обратил внимание П.Сорокин: «Бедность или благоденствие одного человека измеряется не тем, чем он обладает в данный момент, а тем, что у него было ранее и в сравнении с остальными членами общества…. Человек, увидев роскошные одежды и фешенебельные апартаменты, чувствует себя плохо одетым и бездомным, хотя с разумной точки зрения он одет вполне прилично и имеет приличные жилищные условия» [5, с.273] Зависть, неудовлетворенность, появляющиеся на почве социального неравенства, в сочетании с недостатками, издержками воспитания и социального развития личности принимают в конечном итоге форму различных девиаций. Поэтому все более тревожным и девиантогенным представляется наблюдающееся с конца XX в. углубление степени социально-экономического неравенства в обществе.

Литература:

1. *Айдинян Р.М., Шипунова Т.В. Социальная справедливость и девиантность //Рубеж: альманах социальных исследований. - Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 1999. № 13-14.*
2. *Кант И. Сочинения в шести томах. Том 2. М., 1964, 510 с.*
3. *Гилинский Я.И., Афанасьев В.С. Социология девиантного (отклоняющегося) поведения: Учебное пособие. СПб., 1993. 151 с.*
4. *Гулянихин В.Н., Сухинин А.В. Проблема девиаций в контексте социологических теорий // Вестник Волгоградского государственного университета. 2012. № 2 (17). С. 52-56.*
5. *Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов: Пер. с англ. М. Политиздат, 1992. 543 с.*

Бегинина Ирина Александровна,
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия

Социальная справедливость в контексте национальной и религиозной конфликтогенности в Саратовском регионе

Социальная справедливость в таком полиэтническом регионе, каким является Саратовская область, неразрывно вязана с адекватностью межнациональных и межконфессиональных отношений. Представители разных народов, различных культур в силу объективно обусловленных различий национального мировосприятия по-разному реагируют на одни и те же воздействия. Широко распространенное игнорирование этого самоочевидного факта драматически снижает эффективность не только государственного, но и корпоративного управления, подрывая тем самым конкурентоспособность соответствующих обществ, в том числе современного российского. Исходя из этого, в октябре 2017 года был проведен социологический опрос методом анкетирования с целью выявления особенностей межэтнических отношений в регионе. Объем квотно – стратифицированной выборки составил 1305 человек. 85% опрошенных - русские по национальности. Представители других, типичных для поволжья национальностей представлены в меньшей степени, что репрезентативно отражает параметры генеральной совокупности. Верующими себя назвали 54,5% респондентов, преимущественно – православные. 16,2% исповедуют ислам, по 1 % иудаизм, буддизм, протестантизм. Самый высокий уровень идентичности жителей саратовского региона - семейный. 78,2% определяют себя через призму своей семьи и близкого окружения. Гражданская идентичность проявлена чуть меньше семейной, однако также определяет позиции большинства. 63,3% идентифицируют себя с гражданами России и 60,2% - россиянами. Землячество также проявлено в идентификационных позициях (48,3%). В шестерку по наибольшей степени выраженности вошли также правовая (40%), национальная (39,1%) и поколенческая (38,4%) идентичности. В значительной степени близость с членами трудового коллектива ощущают 36,3% респондентов, людьми одного уровня достатка 30%. В число наименее проявленных вошли профессиональная, религиозная, ценностная, мировоззренческая и политическая идентичности. Как показали результаты опроса, уровень национальной толерантности населения саратовского региона достаточно высок. Уровень принятия человека иной национальности высок, независимо от размера социальной дистанции. При этом, чем меньше дистанция, тем выше толерантность. Так, более 60% опрошенных всегда готовы принять человека другой национальности в качестве близкого друга, более 50% в качестве матери или отца своих детей. Тех, кто ни при каких условиях не готов принимать человека иной

национальности на разных уровнях дистанцированности, по результатам опроса оказалось не более 12%. Уровень религиозной толерантности населения саратовского региона также высок. В качестве близкого друга человека иной веры готовы всегда принять 57,7% опрошенных. У 13,6% опрошенных супруги являются представителями другой национальности, у 11,3% иной веры. В родственном кругу у 36,6% опрошенных есть представители иной национальности, у 25,1% иной веры. Среди друзей у 72,4%, коллег (71,7) и соседей (67,6%) встречаются представители другой национальности. Более 60% опрошенных имеют представителей иной веры среди друзей, коллег и соседей.

Более 70% опрошенных не сталкивались с ситуациями, при которых были бы нарушены национальные права их лично или их знакомых. О подобных случаях вспомнили 20% респондентов. 13,8% слышали от знакомых, 2,8% упоминали близких и 4,1% сами лично оказывались в ситуации национальной дискриминации. По описаниям самих респондентов, выражалось это в форме оскорблений или насмешек, сложностями при приеме на работу, игнорированием, не принятием в коллективе, избиениями. Более 85% опрошенных жителей саратовского региона за последний год не участвовали и не наблюдали конфликтных ситуаций, вызванных национальными разногласиями. Лично участвовали чуть более 1% респондентов, 8,7% наблюдали и 4,6% слышали о подобных ситуациях от знакомых. Респонденты, которые описывали суть конфликтных ситуаций, чаще говорили о форме одежды или бытовых разногласиях, как поводах конфликта. Большая часть респондентов отмечали проявления социальной несправедливости (было отказано в получении желаемой работы, сложности при поступлении в Вуз, или отказ в продаже какого – либо товара). Данные ситуации находятся в рамках правового, институционального поля с достаточно жесткими регулируемыми нормами и потому могут быть объективными, не связанными с этнорелигиозными характеристиками. Однако субъективно на эмоциональном уровне эти проявления трактовались как проявления негативного отношения по национальному или религиозному признаку. Вместе с тем, такие прямые формы негативного отношения, как оскорбительные насмешки, угрозы физической расправой, или применение физического насилия, действительно, отражают межнациональную напряженность. Количественное выражение этого явления на территории саратовской области не является тенденционным. 5,4% доля упоминаний о физическом насилии, около 9% - угрозы и чуть больше 13% - оскорбления и насмешки. Религиозные разногласия в конфликтных ситуациях проявлены в еще меньшей степени. Чуть больше 7% опрошенных знают о подобных случаях. Поводами в таких конфликтах чаще были религиозные ритуалы или нетерпимое отношение к представителям иной веры одной из сторон конфликта. Все вышеприведенные данные свидетельствуют о низком уровне, как национальной, так и религиозной конфликтогенности в саратовском регионе.

Бинеева Наталья Камильевна,
ЮФУ, Ростов-на-Дону, Россия

Идея социальной справедливости в контексте актуальных проблем российского общества в представлениях жителей Ростовской области

Контекстуальность социологического исследования, проведённого в 2017 году в Ростовской области (с использованием методики ФНИСЦ РАН, объем выборки 851 респондентов), характеризовалась ситуацией продолжающегося социально-экономического кризиса, который затронул и жителей исследуемого региона. В 2014-2017 гг. отмечалось снижение реальных доходов населения области, сокращение числа работников на предприятиях основных сфер занятости, рост безработицы. Осознание и признание социально-экономического кризиса как фона повседневной реальности, определило характер проблем, актуализируемых жителями Ростовской области. В первую очередь это проблемы экономического характера: рост цен, инфляция и снижение реальных доходов (66,1%), низкие пенсии (34,9%), безработица (36,2%). На втором месте коррупция и взяточничество (40,8%), широко обсуждаемые как на правительственном, так и «низовом» уровне, явления современного общества. На третьем - проблемы политической направленности (международные угрозы, терроризм, отчуждение власти от общества). На последнем - проблемы нравственности, духовного состояния общества и социальной активности населения. Приоритетность экономических проблем в представлениях респондентов определяет и способы их решения (экономические, правовые, политические), которые связаны с реализацией идеи социальной справедливости, так остро переживаемой российским обществом. Обеспечение социальной справедливости жители Ростовской области связывают с реализацией мер по «увеличению бюджетного финансирования системы образования и здравоохранения» - 47,7%, с «избранием В.В. Путина президентом на новый срок в 2018 году» - 40,9%, и с «введением прогрессивного налога на сверхдоходы» - 38,8%. Такой вариант решения проблем общества как введение прогрессивного налога отчасти соотносится с запросом российского общества на социальную справедливость: практически четверть (24,6%) респондентов выбрали в качестве идеи, которую они разделяют - идею «социальной справедливости». Эта идея близка людям больше остальных: из числа предложенных вариантов она опережает идею «патриотизма» (10,9%), националистических идей -»Россия для русских» (8,9%) и идею гражданственности - идея «развития гражданского общества» близка только 7,1% , а идея «свобод и прав человека» только 9,4% респондентов. Только идея «сильной державы» привлекает несколько больше респондентов - около трети (30,6%), что соответствует политической риторике российской политической системы и транслирующим ее федеральным средствам

массовой информации. Третья желательная мера решения актуальных проблем, по мнению жителей Ростовской области, тесно связана с проблемой социальной справедливости в отношении не только наемных работников бюджетной сферы, но и улучшения качества услуг, предоставляемых системой образования и здравоохранения. Помимо этого в качестве возможных мер жителями области рассматриваются «модернизация производства», «снижения нагрузки и давления на бизнес», в некоторой степени «обновление российской власти» и «освоение опустевших территорий страны». В меньшей степени по мнению населения Ростовской области способны решать проблемы страны органы законодательной власти и РПЦ. Актуальность идеи социальной справедливости косвенно подтверждается представлениями людей о признаках демократичности общества. Из всех предложенных вариантов, определяющих демократический политический режим, именно позиции «равенство всех перед законом» (77,3%), «независимость суда» (41,8%) и «небольшая разница в уровне доходов людей» (36,5%) получили максимальное количество голосов респондентов. Для сравнения -»возможность высказывать свободно свои политические взгляды» является необходимым условием демократического общества только для 15,4% . Как и ряд других политических прав, которые важны для незначительного количества людей (право на забастовку -7,1%, право выбирать между несколькими партиями - 5,0% и т.д.). Жителей области практически не беспокоят (а речь идет именно о субъективном восприятии, а не об отсутствии проблем в данной области как таковых) те аспекты социальной жизни, в которых центром является нравственное, интеллектуальное, деятельностное состояние индивида, его жизненная позиция, способность и готовность брать ответственность за происходящие в обществе события. Таким образом, все чаще возникающий запрос на социальную справедливость в российском обществе свидетельствует о доминировании тех видов неравенства, которые нарушают чувство справедливости людей, противоречат им и не обладают общественной легитимацией.

Бородкина Ольга Ивановна,
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

Доступность медицинских услуг для международных мигрантов как проявление социальной справедливости

Введение. В последние годы в России наблюдается рост международной миграции. По данным Федеральной службы государственной статистики на 19.05.2017 миграционный приток в Россию за счет населения зарубежных стран в 2015 году составил 173254 чел., а в 2016 году — 200490 чел.[2]. Доступность для международных мигрантов

необходимых медицинских услуг является не только одним из ключевых условий интеграции мигрантов, но и важнейшим элементом реализации прав человека и социальной справедливости; поэтому исследование данного аспекта международной миграции имеет не только теоретическое, но и социально- политическое значение. Цель и методы исследования. В 2016-2017 гг. в рамках реализации проекта «Социальные риски международных молодых мигрантов в современной России» были изучены факторы, влияющие на доступ мигрантов к услугам здравоохранения, а также преобладающие модели получения медицинской помощи международными мигрантами. Помимо анализа статистических данных и российского законодательства по вопросам медицинского обслуживания международных мигрантов, были проанализированы результаты тридцати фокус-групп с мигрантами, проведенных в десяти российских городах (Санкт-Петербург, Москва, Екатеринбург, Пермь, Нижний Новгород, Волгоград, Ростов-на-Дону, Краснодар, Иркутск, Владивосток), и пятнадцати экспертных интервью. Участниками фокус-групп были преимущественно мигрантами в возрасте до 35 лет из Таджикистана, Кыргызстана, Казахстана, Украины. В качестве экспертов были опрошены руководители и сотрудники государственных и негосударственных некоммерческих организаций, оказывающие медицинские, социальные или юридические услуги мигрантам. Результаты исследований. Российское законодательство, регулирующее доступ мигрантов к медицинскому обслуживанию, предполагает, что скорая неотложная помощь предоставляется бесплатно иностранным гражданам, независимо от их правового статуса. Но после устранения угрозы жизни, объем, виды и условия оказания медицинской помощи регулируются в зависимости от статуса мигранта, от страны исхода, и от вида имеющегося у него полиса медицинского страхования. На практике оказывается, что значительная часть мигрантов не в состоянии получить необходимую медицинскую помощь. Медицинская страховка, которую приобретают трудовые мигранты при оформлении трудового патента, как правило, является самой бюджетной и покрывает очень ограниченный перечень услуг, который по-сути сводится к неотложной медицинской помощи, предоставляемой и при отсутствии медицинской страховки [3]. Сами мигранты рассматривают добровольное медицинское страхование как дополнительные финансовые расходы, которые стараются свести к минимуму, а не как возможность получения качественной медицинской помощи. Мигранты из стран Евразийского экономического союза (Казахстан, Беларусь, Армения и Кыргызстан), имеющие постоянный или временный вид на жительство, имеют доступ к бесплатному медицинскому обслуживанию наравне с гражданами России через систему обязательного медицинского страхования. Однако, как показывают результаты фокус-групп, многие мигранты — граждане этих стран, находящиеся на территории России на законных основаниях, не знают об этих условиях и не оформляют полис ОМС [1,830]. Среди международных мигрантов широко распространены неформальные методы поиска и получения медицинской помощи. В случае

необходимости получения медицинской помощи, большинство из них предпочитают обращаться к врачам своей национальности; таким врачам мигранты больше доверяют, и стоимость услуг в этих случаях обычно ниже, чем в других медицинских учреждениях. Кроме того, эксперты отмечали, что международные мигранты практически полностью исключены из системы профилактики ВИЧ/СПИДа, что создает угрозу инфицирования не только самих мигрантов, но и местного населения [4]. Результаты фокус-групп и экспертных интервью наглядно демонстрируют, что значительная часть международных мигрантов и члены их семей не в состоянии получить медицинскую помощь, в которой они нуждаются, что является нарушением принципов социальной справедливости.

Заключение.

В настоящее время в России международные мигранты являются одной из наиболее уязвимых групп с точки зрения получения медицинской помощи, поскольку имеют ограниченный набор доступных медицинских услуг. Данные исследования свидетельствуют о том, что основным препятствием для медицинского обслуживания международных мигрантов в России является нелегальный статус значительной части трудовых мигрантов. Кроме того, работодатели не заинтересованы в охране здоровья мигрантов и не способствуют приобретению ими медицинской страховки. В России большинство международных мигрантов обращаются за медицинской помощью только в крайних случаях; значительная часть мигрантов практикует самолечение или отказывается от лечения из-за невозможности его оплатить. Реформирование системы здравоохранения должно учитывать потребности и возможности международных мигрантов в медицинских услугах и профилактических мерах (например, по профилактике ВИЧ/СПИДа, туберкулеза и других социально-опасных заболеваний). Вопрос доступности медицинских услуг для международных мигрантов требует рассмотрения не только с медицинской точки зрения, но и в более широком контексте социальной справедливости, которая предполагает право человека на жизнь и охрану здоровья.

*Исследование выполнено в СПбГУ при поддержке РНФ (проект №16-18-10092)

Волкова Лариса Витальевна,
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Москва, Россия

Проблемы (не)справедливости в управлении образованием и их влияние на настроения педагогического сообщества

Социальная справедливость в целом понимается как требование соответствия между реальной значимостью индивидов и социальных групп и их социальным положением (возможностями и ограничениями, правами и обязанностями, трудом и вознаграждением и т. д.). [1,2,3,4,5,6,7,8]

Несоответствие в этом соотношении рассматривается как несправедливость. [9,10,11,12,13] Начиная с 2015 г. автор проводит изучение настроений педагогического сообщества методом глубинного неструктурированного интервью. Эмпирической основой работы стало обобщение более 100 интервью, проведенного автором с педагогами школ и вузов Москвы, Петербурга, республики Башкортостан и других регионов Центрального, Северо-Западного, Приволжского и Южного федеральных округов. Представления педагогического сообщества о (не)справедливости можно выстроить по трем «осям», соответственно субъектам, с которыми эта несправедливость связана. Первая ось: педагогическое сообщество – государственные структуры, определяющие и реализующие политику в сфере образования. Несправедливым здесь представляется, прежде всего, трактовка образования как коммерческой услуги, главная цель которой – прибыль, выступающая базовым критерием качества образования. Кроме этого, негативные эмоции вызывают фактическое свертывание самоуправления образовательных учреждений, неоправданная во многих случаях стандартизация и регламентация всех процессов, даже самых незначительных, и вытекающая из этого избыточная формализация образовательного процесса, ведущая, по мнению большинства респондентов, к выхолащиванию творческой составляющей. Действительно, сущностью эпохи постмодерна выступают разнообразие, эклектичность, нелинейность и свобода самовыражения. Политика же государства в образовании (не только в России, но и во всех странах, так или иначе причастных к Болонскому процессу) направлена де-факто в сторону усиления авторитарности в управлении на всех уровнях, отказу от плюрализма и дискуссий о стратегии развития системы образования.

Вторая ось несправедливости выстраивается в направлении администрации и управленческого персонала образовательных учреждений. Здесь несправедливыми называются многие аспекты, начиная с неоправданного разрыва в доходах и заканчивая пренебрежением к интересам и мнению рядовых сотрудников и руководителей низшего звена. Также отмечалось повышение зарплаты за счет сокращения штатов, что ведет к существенным перегрузкам и снижению качества работы. Значительные нарекания вызывает раздувание управленческого аппарата и создание новых бюрократических структур, с одновременным сокращением учебно-вспомогательного персонала, обслуживающего педагогов. Приведем несколько фрагментов из интервью. «За последние двадцать лет ситуация с учебно-вспомогательным персоналом стала просто катастрофичной. Численность его сократилась в разы, зарплата – тоже. Оставшиеся работники либо физически не справляются, либо за такие деньги работать совершенно не собираются. В результате почти все, что раньше было работой вспомогательного персонала, сегодня автоматически переложено на преподавателей. Половина критериев «эффективного контракта» для преподавателей – это рутинная работа делопроизводителя. А ею нагружают высококвалифицированного специалиста, который должен заниматься

учебной, методической и научной работой». «Почему взаимодействие с отделами и службами университета превращается в пытку? Приходится по пять раз переделывать каждую бумагу, бегая из отдела в отдел и получая отказы из-за инициалов не позади, а впереди фамилии. Или потому, что вместо точек должны стоять запятые. Я, доцент университета, должна метаться из корпуса в корпус и с этажа на этаж для того, чтобы работники общего отдела, отдела кадров или УМУ свысока кинули мне обратно принесенную бумагу со словами: «Неправильно, надо переделать». К третьей оси относится соотношение прав преподавателей и обучающихся. Если права школьников и студентов действительно гарантированы и защищаются разными институтами, то преподавателям не гарантирована даже защита от хамства отдельных учеников. Ставить двойки нельзя – это «показатель низкого качества твоей работы», отчислить нельзя – сократится бюджет (подушевое финансирование). Премия платится по итогам анкетирования учащихся, оценивающих компетентность, преподавательские способности, актуальность излагаемого материала. Не столько понимая, сколько ощущая такую ситуацию, некоторые учащиеся злоупотребляют своими правами, и педагоги ощущают себя фактически бесправными и бессильными в сложных и конфликтных ситуациях. Обобщение полученных материалов показывает, что большая часть представлений о несправедливости относится к фактору статуса, который связывается в сознании людей не столько с материальными аспектами, сколько с соотношением прав и обязанностей, возможностью влиять на происходящее и отношением с властными и управленческими структурами. А поскольку реформирование образования во многом зависит от педагогического корпуса, становятся более понятными причины хронической пробуксовки реформ и их низкая эффективность. Идеи социальной (не)справедливости становятся непосредственным двигателем/тормозом социального прогресса. Как писал в свое время Михаил Маяцкий: «Болонская реформа необдуманна, бессмысленна и вредна, но, к счастью, она буксует. Право ее саботировать — это, кажется, всё, что осталось от когдатошней университетской свободы». [14]

Литература:

1. *Григорьева Н.С. Социальная справедливость: эволюция понятия и практики ... Проблемы современного государственного управления в России. Материалы научного семинара / Под ред. В.И. Якунина. Выпуск No 5(19). Социальный гуманизм» versus «социальная справедливость. М.: Научный эксперт, 2008. — 96 с. С. 29-47.*
2. *Ролз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск, 1995. 507 с.*
3. *Вершинина И. А., Мартыненко Т. С. Неравенство в современном мире: обзор международных докладов // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2016. № 3. С. 74–91.*
4. *Вершинина И. А. Социальное неравенство в современных городах: перспективы урбанистической революции // Социология города. 2017. № 2. С. 5–19.*
5. *Добринская Д. Е. “Реальные утопии” в социологической теории Э.О. Райта // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2014. № 4. С. 44–59.*
6. *Лавринович Е.В. Трансформация образа восприятия конфликта как метод управления. - Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, 1999. 25 с.*
7. *Лядова А.В. Детерминанты конфликта в системе «врач-пациент» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 12. С.100-110.*

8. *Курбанов А. Р. Манифестация исторической памяти в политической практике // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2016. № 1. С. 200-214.*
9. *Мартыненко Т. С. Высшее образование в цифровую эпоху: проблемы и перспективы // Инженерное образование и вызовы культуры в XXI веке: Материалы II-ой Международной научно-методической конференции Наука, образование, молодежь в современном мире (Москва, 19 мая 2017 г.). Ч. 1. ISBN 978-5-91961-224-7. Издательский центр РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина Москва, 2017. С. 68–72.*
10. *Балычева М.Б. Стратегическая образовательная технология и формирование предметной компетенции. // Гуманитарные науки и профессионализация знаний. // Всероссийская научно-методическая конференция, посвященная 85-летию РГУ нефти и газа имени И.М. Губкина. –*
11. *Юдина М.Е. Реализуем ли гуманитарный идеал научного знания в техническом вузе? // Университет в глобальном мире: новый статус и миссия. - Сборник материалов XI Международной научной конференции. – М. - МГУ имени М.В. Ломоносова – 2017 - С. 304-306.*
12. *Филатова М.Н., Вершинина И.А., Волкова Л.В., Гусейнова Ф.Д., Симон М.Е. Обратная связь с субъектами образовательного процесса 2012-2014 гг // Результаты социологических исследований. - Москва, 2015.*
13. *Смирнова О.М. Социально-философские аспекты манипулирования общественным сознанием с помощью PR-технологий. В сборнике: Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы материалы II Всероссийского социологического конгресса:*
14. *Маяцкий М. От Болоньи до Болоньи, или тупиковый процесс // Журнал "Пушкин", 2009, N2. Электронный ресурс URL: http://www.russ.ru/pushkin/Pushkin-N2-za-2009-god Дата обращения 03.01.2018.*

Галанова Алла-Анна Викторовна,
ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия

Взаимосвязь и взаимообусловленность молодежной девиантности и деликвентности и социальной несправедливости

Стремительные изменения в социальной жизни общества, происходящие не только в России, но и за рубежом, характеризуются трансформацией ранее существовавших представлений о морали, нравственности, нормах поведения, социальном престиже и т.п., что, в конечном итоге, приводит к отсутствию конкретных социальных перспектив и возрастанию социальных рисков. В контексте данного тезиса молодежь является самой уязвимой категорией, максимально чувствительной к различного рода социальным коллизиям. Для современного состояния социума используются различные определения: кризисное, нестабильное, динамичное, непредсказуемое и т.д. Однако при всех различиях и многообразии определений, можно твердо говорить об обществе социальной несправедливости, характеризующимся нестабильностью, неустойчивостью и неравновесием. Одним из индикаторов неравновесного состояния общества является девиация. Во все времена общество пыталось подавлять и устранять нежелательные формы человеческой жизнедеятельности и их носителей. Методы и средства определялись социально-экономическими отношениями, общественным сознанием, интересами правящей элиты. Проблемы «социального зла» всегда привлекали интерес ученых и практиков [2]. Поиск мотивов возникновения у индивида девиантных проявлений спровоцировал

возникновение различных подходов к определению причин девиантного поведения. Доминирующим подходом является биологический, согласно которому отклоняющееся поведение напрямую связано с биологическим складом индивида: девиация – это, своего рода, неизбежность, данность, скорректировать которую невозможно [1]. Согласно культурологическому подходу, девиации – это результат социокультурного конфликта между нормами доминантной культуры и отдельно взятыми субкультурами. Социологический подход к определению причин девиантного поведения сформирован с учетом специфики социальной реальности, окружающей индивида. Иными словами, девиантной может стать любая личность, если создать для неё соответствующие деструктивные социальные условия. В рамках социологического подхода уместно говорить о девиации как продукте социальной несправедливости. При нарушении фундаментальных установок, направленных на обеспечение социальной справедливости, стремительно возрастают тенденции к социальному исключению, социальному отчуждению и, как следствие, происходит массовое нарушение всех видов социальных норм. Хотя изучение девиантного поведения имеет длительную историю, анализ его проявлений в условиях современного российского общества довольно ограничен – подавляющее число практических социологических исследований затрагивают тему девиаций в подростковой среде, практически игнорируя такую социально-демографическую группу как молодежь, чей возраст варьируется от 18 до 30 лет [3]. Девиации во взрослом возрасте приобретают более острый характер. Проблемное поле девиантного поведения подростков, как правило, включает в себя элементы аддиктивного поведения: табакокурения, алкогольной зависимости и употребления веществ, расширяющих сознание. На базах общеобразовательных и коррекционных школ, а также ССУЗов и ВУЗов с девиантными и аддиктивными подростками проводится профилактическая и коррекционная работа. Человек, покинувший стены образовательного учреждения, где социальные педагоги, психологи и профессорско-преподавательский состав гипотетически могли скорректировать его отклоняющееся поведение, фактически остается без помощи, поскольку обращение к психологам-консультантам в современной России и по сей день является непопулярным. Кроме того, переживания социальной изоляции и эмоциональной депривации, порождающих чувство безысходности и тотальной беспомощности, во взрослом возрасте протекают более интенсивно. Результатом подобного рода деструктивных переживаний становится крайнее проявление девиантности – деликвентность. Принципиальное отличие между девиантным и деликвентным поведением можно сформулировать следующим образом: всякое проявление деликвентного поведения является отклоняющимся, но не каждая девиация является преступлением. Согласно последним опубликованным данным Федеральной службы государственной статистики, в 2015 году за противоправные деяния были осуждены 320,3 тыс. человек в возрасте от 18 до 30 лет. Из них, за преступления против собственности осуждены 162 тыс.

(из них кражи – 105,9 тыс.), за убийство - 3,4 тыс., за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью 10,1 тыс., за изнасилование - 1,6 тыс., за незаконные действия и нарушение правил обращения с наркотическими средствами и психотропными веществами - 55,7 тыс. человек [4]. В 2015 году картина половозрастного состава осужденных выглядела следующим образом. В возрасте 18-24 лет осуждено 20,7% от общего числа осужденных в этом году; в возрасте 25-29 лет осуждено 19,9%. 40,6% осужденных – практически половина всех осужденных – представлены молодыми людьми [4]. Таким образом, такие явления как социальная несправедливость, девиантность и деликвентность являются взаимообусловленными, взаимосвязанными и взаимодополняющими, что, в конечном итоге, актуализирует проблемы, связанные с превенцией и коррекцией аномального отклоняющегося поведения индивидов.

Литература:

1. *Галанова А.-А.В. Психосоциальные технологии диагностики и коррекции девиантного поведения подростков// Социальная работа в XXI веке: проблемы и перспективы: сборник статей / под общ. ред. А.А. Власовой. – Ярославль: Аверс Плюс, 2017. – С. 10.*
2. *Мациевский Н. С. Девиантное поведение современного человека / Н.С. Мациевский // Трансформация научных парадигм и коммуникативные практики в информационном социуме. – 2012. – С. 142.*
3. *Постановление ВС РФ от 03.06.1993 N 5090-1 «Об Основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации»*
4. *Российский статистический ежегодник. 2016: Стат.сб./Росстат. - Р76 М., 2016 – С. 262.*

Грабельных Татьяна Ивановна,

ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», Иркутск, Россия

«Социальная несправедливость» как социологическая категория

В XXI веке под влиянием интеграционных и дезинтеграционных процессов, новых трансформационных изменений социальные вызовы и угрозы ускорили формирование нового «русла» в развитии современных обществ, выражающегося как вызов социальной справедливости. При анализе и интерпретации диалектики переходов «социальная справедливость» / «социальная несправедливость» с целью определения методологических основ на сегодняшний день акцент делается на вторую категорию. Конструирование социальной реальности в условиях новых вызовов процессу «развития» отныне требует нового концептуального определения понятия «социальная несправедливость».

Полагаем, что понятие «социальная несправедливость» как социологическая категория служит для обозначения природы и композиции субъект-субъектных и субъект-объектных отношений и взаимодействий, при которых один субъект (объект) попадает в «тотальную» зависимость от другого субъекта, который наделен властными или другими полномочиями, в результате чего первый субъект укрепляет, а второй - утрачивает статусные позиции. Проявлением такого взаимодействия являются: а) неравенство

возможностей; б) закрытость границ взаимодействия; в) разные пределы и точки роста для субъектов; г) демонстрация привилегированности; д) пределы возможностей позиционирования субъекта в социальном пространстве; е) неустойчивость социального статуса субъекта в социальном пространстве; ж) большая подверженность социальным угрозам, вызовам и рискам, как следствие, нарастание неустойчивости социального статуса; з) обострение проблем «иметь» или «быть»; и) ощущение «Своего» и «Чужого» по получаемым благам и вознаграждениям, символическому капиталу; к) углубление социальной дифференциации, в значительной степени имущественной; л) несправедливое распределение продуктов и услуг, как следствие, потеря ресурсных возможностей и др.

При таком понимании категория «социальная несправедливость» служит для обозначения состояния общества как общества «всеобщего» риска и / или как общества, порождающего дефицит и ограничения. Социальная несправедливость во многом отражает принцип неравномерного распределения и перераспределения социального капитала, демонстрацию возможностей доступа к экономическому, политическому, социальному и культурному капиталу и пользованию им. Нарастание социальных угроз, вызовов и рисков закономерно приводит к нарастанию социальной несправедливости в отношении: 1) места субъекта в социальном пространстве; 2) доступности общественных благ, услуг, продуктов и др.; 3) распределения позиций, отношений, капиталов; 4) признания заслуг; 5) мнений и оценок «необходимости себя» и своей субъектности.

Приведем пример. О важности проведения социологических исследований феномена социальной несправедливости свидетельствует такая категория как *качество жизни населения*. Одной из наиболее важных его характеристик выступает способность к воспроизводству, способность образовывать и сохранять семьи, уровень образования и квалификации. В этой связи вопросом государственной важности для России на данном этапе определен прирост населения как гарант демографической безопасности страны. Увеличение рождаемости выступает одним из главных приоритетов развития российского государства. Немаловажное значение при этом имеет такой фактор, как уровень социального комфорта для рождаемости. Как известно, действующее законодательство предусматривает возможность государственной регистрации рождения по месту жительства родителей, либо медицинской организации, в которой состоялись роды. Приходится констатировать, что не во всех муниципальных образованиях Иркутской области имеют место родовспомогательные учреждения. Тысячи людей вынуждены прибывать в г. Иркутск для родовспоможения, что увеличивает нагрузку и на медицинские учреждения. Кроме того, установленная маршрутизация привела не только к оттоку медицинских кадров из сельских роддомов, но и к увеличению осложнений. По итогам «Национального рейтинга рождаемости в субъектах Российской Федерации – 2017», проведенного в рамках совместного исследования Федерального проекта «Трезвая Россия» и Экспертно-аналитического центра при Общественной

палате Российской Федерации, Иркутская область заняла предпоследнее место из всех регионов Российской Федерации по такому критерию как «Уровень социального комфорта для рождаемости» (84 из 85) наряду с г. Москва (83 место) и Чеченской Республикой (85 место) [1]. Очевидно, что повышение уровня социального комфорта для рождаемости в Иркутской области, как и в других регионах Российской Федерации, требует большой совместной работы федеральных и региональных властей, общественных структур и общественных организаций по повышению качества жизни населения. В этом направлении Общественной палатой Иркутской области проводится системная работа. При этом требуется проведение и научного контроля, должна быть разработана соответствующая методология исследования.

Представляется, что изучение феномена «социальной несправедливости» должно стать одним из приоритетных направлений исследования состояния и тенденций развития российского общества.

Литература:

1. *«Национальный рейтинг рождаемости в субъектах Российской Федерации-2017» // Общественная палата Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.oprf.ru/press/news/2017/newsitem/38695. – Заглавие с экрана. – (Дата обращения: 20.04.2017).*

Грошева Ирина Александровна,
НОУ ВО "Московский институт государственного управления и права", Тюменский филиал, Тюмень, Россия
Грошев Игорь Львович
Тюменское высшее военно-инженерное командное училище им. маршала инженерных войск А.И. Прошлякова, Тюмень, Россия

Виды справедливости в общественном мнении

Изучение проблем социального неравенства и социальной справедливости на фоне усиливающихся кризисных явлений в обществе приобрело особую значимость. Этому способствовали: эскалация вооруженных конфликтов, политическая нестабильность, активизация вынужденной миграции, рост безработицы и, соответственно, бедности. Наблюдается прямо пропорциональная зависимость: чем выше социальное неравенство, тем чаще население апеллирует к социальной справедливости. Дж. Роулз в своей работе «Теория справедливости» обратил внимание на многомерность дефиниции «справедливость». Например, справедливость как честность позволяет оценить социальную систему с позиций равного гражданства и различных уровней доходов и богатства, а дискриминация в юридическом процессе, подкуп судей и коррупция могут быть обозначены «справедливость как правильность», гарантии справедливости для всех – «равная справедливость» [1]. Обращение к архиву данных исследований

Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) позволяет проследить динамику представлений россиян о неравенстве и справедливости (N=1600 в каждом исследовании). Так в 2007 г. население полагало, что социальная справедливость – это «социальное равенство, равноправие, законность для всех, защита прав граждан, честность» (19%); «благополучие народа, достойные зарплаты и пенсии у простых людей, доступное жильё» (13%). В ответах наблюдались последствия травмы изменений (в терминах П. Штомпки) социального строя в виде ностальгии по уравнительной системе, справедливость ушла в сферу равноправия и законности, т.е. трактовалась как «правильная» [2]. Стремление к «правильной» и «равной» справедливости в 2009 г. только усилилось и заключалось в равенстве всех перед законом (32%), «… чтобы уровень жизни всех был бы примерно одинаковым, не было ни богатых, ни бедных» (20%), «…в том, чтобы каждый мог бы достичь того, на что способен» (17%) [3]. В 2010 г., по мнению граждан, российское общество должно было объединиться под следующими лозунгами: стабильность (49%), законность и порядок (44%), сильная держава (35%), социальная защита населения (32%), равенство и справедливость (26%), богатство и процветание (24%). [4]. В.Л. Римский неоднократно в своих исследованиях отмечал, что стремление к «правильной» справедливости большинства граждан и предпринимателей была связана с тем, что в судебных разбирательствах она либо отсутствовала, либо реализовалась с помощью коррупционных действий. Как следствие, при низком уровне справедливости наблюдалось неэффективное развитие экономики [5□. Поскольку в обществе постоянно существовала потребность в справедливости, росло чувство незащищённости от произвола власти, в социальной среде активизировался поиск так называемых «заменителей доверия», и в результате была создана питательная среда для формирования коррупции, основой которой и является несправедливость. По мнению П. Штомпки, коррупция, распространяясь в обществе, даёт обманчивое ощущение порядка, определённого контроля над хаотической средой [6, с. 358]. Социальное самочувствие респондентов показало их адаптацию к сложившейся социально-экономической обстановке, выявило уровень тревожности и социальных ожиданий, что отразилось в результатах опросов Фонда «Общественное мнение», проведённых 2007 и в 2011 годах. Большинство респондентов были уверены, что российское общество устроено несправедливо по сравнению с западным (в 2007 г. – 68 %, в 2011 году – 61%) и менее справедливо, чем советское общество в 70-е – 80-е годы (в 2007 – 50 %, в 2011 – 52 %) (N = 1500) □7□. Согласно данным, полученным ВЦИОМ в 2013 г., в понимание справедливости, близкое большинству россиян (58 %), входили: «сильное государство», «национальные интересы», «порядок». Демократия, солидарность и свобода ассоциировались со справедливостью лишь у 27 % респондентов, жителей в основном крупных городов (40 %). Для 36 % россиян справедливость – это равенство всех перед законом [8]. С 2007 г. по 2013 г. в российском обществе постепенно был осуществлён переход от уравнительной к распределительной

справедливости в рамках «правильной». В рамках подготовки V Всероссийского социологического конгресса (ВСК-V) (Екатеринбург, 19-21 октября 2016.) в апреле-мае 2016 г. был проведён всероссийский опрос студенческой молодёжи «Студенчество о социальном неравенстве и социальной справедливости» (N = 3964) с целью выявления представлений о неравенстве и социальной справедливости в российском обществе. В результате большинство студентов отметили, что российское общество нельзя назвать справедливым. Лидирующие чувства – раздражение (26,1 %), отчаяние (24,5 %) и горечь (20,3 %) [9, с. 62]. В ряду индикаторов справедливого общества оказались: равный доступ к образованию, медицинскому обслуживанию, снижение поляризации доходов [9, с. 65], что соответствует стремлению к «честной» и «равной» справедливости (в терминах Дж. Роулза). По мнению авторов статьи, в обществе целесообразно предпринять комплекс мер, соответствующих следующим принципам: экономической самостоятельности и состоятельности; гарантированного личного капитала; совладения результатами хозяйственной деятельности; гражданского контроля; дебюрократизации. Реализация названных принципов может способствовать формированию справедливого общества во всех его проявлениях.

Литература:

1. *Роулз Джон. Теория справедливости. М.: Издательство ЛКИ, 2010. (The Theory of Justice. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1971.) [Электронный ресурс]. URL: http://kant.narod.ru/rawls.htm (дата обращения: 18.01. 2018).*

2. *Архив социологических данных исследований ВЦИОМ с 1992 года. [Электронный ресурс]. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=434&q_id=34770&date=24.06.2007 (дата обращения: 14.10.2017).*

3. *Архив социологических данных исследований ВЦИОМ с 1992 года. [Электронный ресурс]. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=598&q_id=43341&date=05.04.2009 (дата обращения: 14.10.2017).*

4. *Архив социологических данных исследований ВЦИОМ с 1992 года. [Электронный ресурс]. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=662&q_id=47755&date=06.03.2010 (дата обращения: 14.10.2017).*

5. *Римский В.Л. Справедливость: социальный запрос и политический ответ в современной России. [Электронный ресурс]. URL: https://grans.hse.ru/data/2012/03/23/1264652416/Justice_Rim_120320.pdf (дата обращения: 18.01.2018).*

6. *Штомпка П. Доверие – основа общества / Петр Штомпка: пер. с пол. Н.В. Морозовой. М.: Логос, 2012. 440 с.*

7. *Справедливость не торжествует // Фонд «Общественное мнение». Опубликовано на сайте 25 ноября 2011 года. [Электронный ресурс]. URL: http://fom.ru/obshchestvo/10263 (дата обращения: 14.10.2017).*

8. *Социальная справедливость: как мы её понимаем // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2346. [Электронный ресурс]. URL: http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114297 (дата обращения: 14.10.2017).*

9. *Мансуров В.А., Черныш М.Ф. Социальная справедливость: теоретический и эмпирический аспекты // Студенчество России о социальном неравенстве и социальной справедливости: сборник научных статей / под общ. ред. Ю. Р. Вишневского. – Москва: Российское общество социологов; Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. С. 10-96.*

Долгополов Кирилл Андреевич,
Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт", Невинномыск, Россия

Справедливость и несправедливость как функциональный инвариант института назначения наказания: стратификационный аспект.

Назначение наказания является уголовно-правовым институтом, в рамках которого производится выбор конкретной меры наказания для лица, совершившего преступление, установление размеров и сроков наказаний. Именно в рамках этого института сходится оценка конкретных противоправных деяний со стороны формальных норм права и человеческого представления о справедливости или же несправедливости возмездия со стороны всех сторон процесса и, в конечном итоге, того или иного регионального сообщества или общества в целом. Поэтому назначение наказания является институтом, в наибольшей степени подвергающимся критике со стороны гражданского общества, несущим имманентный потенциал социального конфликта. Функциональная вариативность выбора размеров и сроков избираемых наказаний априори вызывает критику и рефлексию, производит критичность во всей социальной системе. Несмотря на институцию нормативно-правовых норм, формальных процедур и практик, гражданское общество склонно обвинять агентов данного института в волюнтаризме и излишней автономности, конвертирующийся в неформальные коррупционные практики и мотивы, а вынесенные решения представлять в дискуссионном ключе, как некий продукт возможного коррупционного сговора. Таким образом, устанавливаемая законом большая степень свободы и независимости судейского корпуса оборачивается перманентной критикой его решений и упреками в ангажированности. Различия в восприятия справедливости/несправедливости наказания в социальной структуре исследовались еще на заре возникновения и институционализации социологии в рамках классовой теории и позже, в рамках теории социальной стратификации. Объективный характер дифференциации наказания относительно различных социальных классов и слоев достаточно подробно представлен в марксистских, неомарксистских концепциях и в теории стигматизации (как явление «коллективной стигматизации»). Следовательно, одним из важнейших вызовов и возможностей социологического подхода в изучении назначения наказания является исследование дифференциации в восприятии и оценке меры, размеров и сроков наказания у различных социальных слоев в стратификационной модели современного российского общества.

Загородний Валентин Дмитриевич,
Иркутск, Российская Федерация

Неравенство стартовых возможностей в молодежной среде как проблема формирования символического капитала молодежи (на примере Иркутской области)

Молодежь в современном мире является самой активной социальной группой, которая с одной стороны крайне не стабильна, а с другой стороны ищет эту стабильность при помощи тех или иных инструментов. Не стоит забывать, что молодежь является неким социальным катализатором определённых проблем, соответственно, для создания стабильного справедливого государства необходимо обращать внимание на развитие молодежи, на ее возможности и капиталы. Символический капитал, как совокупность статусных характеристик человека, является в современном обществе неотъемлемой частью его жизнедеятельности, на основе которого строится поведение человека и его выстраивание отношений с другими людьми или общностями, соответственно, для подавляющего большинства количество и качество данного капитала находятся в приоритете. Особую роль он играет в жизнедеятельности молодежи в формировании мировоззрения, в планировании дальнейшей жизни, в выборе профессии, хобби, окружения, соответственно, для корректировки этих позиций необходимо создавать/улучшать инструменты, при помощи которых молодежь сможет конструктивно адекватно формировать свой символический капитал. В современных реалиях символический капитал не экономическая единица, а социальная, культурная, политическая, психологическая и эстетическая, поэтому можно утверждать об его значимости для современного человека. Постоянный рост появлений различных ниш, в которых возможно присвоение символического капитала, делает его универсальным видом капитала, на этом строится успешность карьеры, семейной и общественной жизни, личным взаимоотношения, именно поэтому он важен для молодежи, которая находится в переходном периоде, осваивая новые социальные роли (студент, работник, гражданин, родитель и т.д.). Борьба за данный вид капитала с каждым готом становится сложнее, ведь молодежь борется не только с представителями своего социальной группы, но и с внешними проблема, одной из которых является неравенство стартовых возможностей, выходящее из социальной стратификации российского общества. Разные стартовые возможности и закрытость вертикального социального лифта – это проблемы, которые являются следствие сильного расслоения общества в России. Проблемы социального неравенства и разных стартовых возможностей характерны для любого государства в мире, но интенсивность их проявления индивидуальны. Существует закономерность, чем больше среднего класса в государстве, тем

меньше проявляется две вышеописанные проблемы. Естественно, переходя в реалии России, где средний класс практически отсутствует, молодежи сложно бороться с данными проблемами, естественно формирование/присвоение символического капитала будет невозможным или затруднено. На формирование символического капитала человека влияет множество различных факторов, которые можно разделить на два типа: внутренние и внешние. Внутренние факторы это те, которые исходят от самого человека и на которые в той или иной степени сам человек может повлиять. Если говорить об основных факторах формирования символического капитала молодежи, то к внутренним факторам можно отнести психические, физические, этнические в узком смысле (национальность человека), религиозные (принадлежность к какой-нибудь конфессии) и др. Внешние факторы подразумевают влияние окружающего мира на самого человека, на его способность и возможность формирования данного капитала. К ним можно отнести социальные, культурно-этнические, экономические, политические и семейные факторы. Социальная стратификация российского общества и неравенство стартовых возможностей относится к социальным факторам (внешние) формирования символического капитала молодежи. Для изучения вопроса символического капитала и проблем его формирования было проведено пилотажное социологическое исследования в рамках научно-исследовательской работы «Условия и основные тенденции формирования символического капитала молодежи в иркутской области: инновационный проект по разработке эффективных инструментов стимулирования молодежи в достижении статусных возможностей». В ходе исследования в первую очередь необходимо было понять значимость символического капитала в жизнедеятельности молодежи и проранжировать основные проблемы, связанны с его присвоением. Исходя из исследования, можно сказать, что проблемы социального неравенства и разницы стартовые возможности являются актуальными и проблемными вопросами для молодежной среды. Минимизация негативного влияния описанных проблем способствует увеличению количество и качество формируемого символического капитала. Соответственно, данная проблема нуждается в более глубоком междисциплинарном исследовании, а власть должна обращать внимание и учитывать данную проблему при принятии управленческих решений.

Зеленев Илья Александрович,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Социальная (не)справедливость и макропсихологическая ситуация в современной России

Социальная справедливость – основополагающий конструкт ценностно-нормативной системы общества – «…сохраняет стабильность и порядок в социальной системе, регулируя межличностные отношения во всех социальных подсистемах, способствует тому, чтобы каждая из социальных подсистем выполняла свои функции по отношению к обществу в целом» [3, с.13]. Принцип воздаяния индивидам и социальным группам по их заслугам перед обществом – сущностная основа социальной справедливости. Данный принцип по-своему проявляется в экономике, политике, культуре [см. там же]. Современное социокультурное пространство буквально пронизано идеей справедливости (социальной, гражданской, политической и т.д.). «Формулировки и даже намеки на идею справедливости стали в обществе своеобразными кодами доверия, одобрения, поддержки, гражданской и общечеловеческой обязанности следовать ей» [1, с.7]. В нынешней социогуманитарной науке появилась необходимость многопланового рассмотрения всех факторов, влияющих на происходящее в обществе. Изучение его психологического состояния во взаимосвязи с различными социальными и экономическими процессами – относится к области макропсихологии. Данная относительно новая наука изучает психологические процессы, релевантные обществу в целом. [8]. Эмпирические данные свидетельствуют о тревожной картине сочетания сегодня в России: крайней интолерантности, низкой субъективной оценки уровня дохода своей семьи, пессимистичности настроений – с недоверием большинству других людей. На этом фоне, незначительную положительную динамику у нас по трем последним характеристикам – при росте интолерантности в последние годы – можно интерпретировать как некоторую консолидацию большинства, при готовности к дискриминации меньшинства – по признаку инаковости [4]. Неутешительным оказывается и сравнение выраженности симптомов депрессии у россиян и жителей других европейских стран. Психологическое состояние наших соотечественников вызывает серьезную обеспокоенность: из 28 оцениваемых стран – полученный для России ранг=26 (чем выше показатель "депрессивности" страны – тем больше величина ее ранга и соответственно, у граждан – больше выраженность симптомов депрессии) [5]. Социальные психологи отмечают, что вхождение категории «доверие» в научную парадигму объясняется осознанием остроты социальной проблемы утраты доверия в современном обществе [2]. В социологии доверие является одним из основных индикаторов социального капитала. Социальный капитал – это

потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, формируемый в межличностных отношениях, это то, что облегчает индивидуальные или коллективные действия, генерирует сети отношений, взаимности, доверия и социальные нормы [10]. По П.Бурдье, социальный капитал используется человеком для повышения своего статуса; отражает социальные связи индивида; зависит от размера сети связей и от объема экономического, культурного или символического капитала, которым обладает человек. Основополагающие компоненты культурного капитала – это образовательные квалификации, «богатство» в форме знания или идей [9]. Определенный интерес вызывает взаимосвязь доверия и уровня образования индивида. Как уже отмечалось, по уровню межличностного доверия Россия стабильно входит в число «скорее неблагополучных» европейских стран. Проведённый анализ показал, что в большинстве стран Европы – имеет место адекватный характер социального взаимодействия, при котором уровень образования респондента коррелирует с его доверием другим людям. Оказалось, что в нашей стране отсутствует взаимосвязь между доверием и уровнем образования человека, что может свидетельствовать о нарушении процесса взаимной конвертации социального и культурного капиталов. Отсутствие связи между наличием высшего образования и социальным капиталом может объясняться специфической моделью приращения этого капитала. Таким образом, можно предположить, что в современной России наличие высшего образования не способствует повышению успешности социального взаимодействия, в отличие от ситуации, складывающейся в большинстве европейских стран. Видимо, в российских реалиях оказались востребованными иные качества. В условиях клановости, протекционизма и коррупции формируется такая модель приращения социального капитала, когда накопление доверия в конкретных социальных группах ведет к снижению уровня доверия (как основного индикатора социального капитала) в обществе в целом. Вероятно, в описанной модели обладание высшим образованием (как основополагающим компонентом культурного капитала) не дает существенных преимуществ [6]. Известно, что «в социальной структуре справедливость способствует достижению социальной интеграции на основе легитимных форм неравенства, которые не перекрывают каналы социальной мобильности, обеспечивают динамическое равновесие социальной структуры» [3, с.14]. Высокая выраженность депрессивной симптоматики у россиян может объясняться особенностями восприятия социального окружения (недоверие, интолерантность) – и наоборот (своего рода «замкнутый круг депрессии»); а также может быть связана с характером социального взаимодействия в нашем обществе сегодня и со специфичностью модели приращения социального капитала в России. Подобная модель негативно влияет на социальную мобильность большей части населения и создает «эффект выученной беспомощности» [7], при котором индивиду кажутся бессмысленными и невозможными попытки изменить свою жизнь к лучшему.

Литература:

1. *Адамьянц Т.З. Интенциональные нюансы идеи справедливости в современном социокультурном пространстве // Справедливое общество – основа общественного здоровья / Сборник научных статей / ред. В.Н. Аргунова. СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2017. С.6-12.*
2. *Антоненко И.В. Социально-психологическое содержание доверия // Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / отв. ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсиянова. М.: НИУ ВШЭ, 2013. С.111-135.*
3. *Аргунова В.Н. Трансформация социальной справедливости в России: от советского периода к современному // Справедливое общество – основа общественного здоровья / Сборник научных статей / ред. В.Н. Аргунова. СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2017. С.13-16.*
4. *Зеленев И.А. Макропсихологическая ситуация и толерантность/интолерантность в России и других европейских странах // Вопросы психологии. 2015. № 6. С.68–83.*
5. *Зеленев И.А. Синдром депрессии в России и других европейских странах / X Международная научная конференция «Сорокинские чтения» «Здоровье российского общества в XXI веке: социологические, психологические и медицинские аспекты». Сборник материалов. Электро*
6. *Зеленев И.А., Прохода В.А. Доверие и уровень образования жителей европейских стран и России // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 2 (87). С.109-117.*
7. *Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер, 1998.*
8. *Юревич А.В., Ушаков Д.В., Цапенко И.П. Количественная оценка макропсихологического состояния современного российского общества [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2009. № 2(4). URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 16.11.2017).*
9. *Bourdieu P. The forms of capital // Handbook of theory and research for sociology of Education. Ed. by J. Richardson. New York: Greenwood Press, 1986. P. 241–258.*
10. *Coleman J. Social Capital in the Creation of Human Capital // The American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94. P. 95–120.*

Зубова Оксана Геннадьевна,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Методологические проблемы исследования социальной несправедливости методом фокус-групп.

Актуальной проблемой современной социологии и смежных социально-гуманитарных наук становится изучение социальной несправедливости как неотъемлемого явления в жизни современного российского общества. Социальная несправедливость воспроизводится в многообразных социальных отношениях, связанных с дифференцированной социальной структурой, проблемами доступа и распределения ресурсов, соотносится со структурой общественного сознания и индивидуальными ценностными установками личности [1]. Дилемма социальной справедливости и несправедливости тесно соприкасается с проблемами общественного консенсуса и конфликта, а также установками личности на пассивность или активность, в том числе, связанную с участием в общественной деятельности. Таким образом, социальная несправедливость может рассматриваться через повседневные практики фактически, выступать как элемент аксиологических размышлений и представлений, а также выделяться как компонент массового сознания. Кроме того, можно определить разные уровни в изучении социальной несправедливости, при

этом особую группу составляет международная, глобальная социальная несправедливость и связанная с ней проблема социального порядка. Анализ научных работ, предметом которых являются аспекты изучения социальной несправедливости и социального порядка, позволил выявить следующие особенности. Во-первых, социальная несправедливость часто рассматривается не как автономный объект изучения, а в качестве антипода социальной справедливости. При этом не учитывается ее многофакторность, собственное отличное содержание и источники. Во-вторых, возникает необходимость четкого разграничения научного подхода к исследованию с идеологическими и мировоззренческими целями и задачами. В-третьих, так как социальная несправедливость выступает объектом изучения смежных дисциплин, необходимо рассмотрение категории как социологической, при этом не исключая нормативно-правовой, философский и психологический подходы. Наконец, необходимо преодолеть лишь фрагментарное отображение элементов теоретико-познавательной модели исследования социальной несправедливости в современном российском обществе. В контексте изучения феноменов массового сознания, остается мало исследуемыми следующие противоречия: между существующими принципами социальной справедливости и их реализацией в повседневном бытие; между иррациональными и рациональными представлениями о социальной несправедливости в общественном мнении различных групп населения; между социальной справедливостью и несправедливостью для различных сфер жизнедеятельности общества в настоящем, прошлом, будущем. Эти противоречия формируют проблемное поле в современной социологии для эмпирического изучения и дальнейшего теоретического осмысления дефиниции и проявлений социальной несправедливости для индивидуального и общественного сознания, в том числе связанных с протестными настроениями, повседневным самочувствием разных групп населения, остротой вызова функционирующим социальным институтам и устоявшимся общественным практикам. Важность проблемы социальной справедливости определяется историческим и социокультурным факторами, связанными с особой ментальностью русского народа и сформированными архетипами общественного сознания [3]. С целью выявления реальных практик, порождающих социальную несправедливость и обуславливающих ее факторов, необходимо формирование эффективной методологии социологического исследования, связанной с изучением проблемы на разных уровнях количественными и качественными методами с вероятностью последующих управленческих внедрений и инновационных решений. Фокус-групповое исследование является наиболее распространенным качественным методом. Его преимущество связанно с возможностью во взаимодействии участников формировать эффективные модели решения поставленных практических задач в сфере управления, а также способствовать более углубленному пониманию проблемы социальной несправедливости, связанной с социальным самочувствием, представлениями и страхами массового сознания. Для этого недостаточно применения только

традиционных форм в проведении фокус-группового исследования, а необходимо апробирование и дальнейшее использование различных проективных методик. Это повышает эффективность фокус-группового исследования и позволяет получить описание и объяснение социальной несправедливости для дальнейшего количественного изучения. Существуют различные классификации проективных методик [2]. Можно выделить вербальные и невербальные ассоциации, процедуры завершения, процедуры конструкции, экспрессивные методики, ранжирование. Наиболее эффективными для изучения социальной несправедливости может стать выстраивание свободных и направленных ассоциативных рядов; техника персонификации, заключающаяся в представлении изучаемого явления в образе человека; процедура составления коллажа из иллюстративных журналов; методика идентификации фотографий; завершение предложений или рисунков; мини-дебаты как вариация ролевой игры. Проективные методики в случае их правильного использования могут повысить эффективность проведения фокус-группы, но они должны быть тщательно отобраны в соответствии с целями, дизайном и логикой исследования.

Литература:

1. *Каменская М.В. Социальная несправедливость: сущность и индикаторы проявления // Учёные записки РГСУ. 2008. № 4. С. 163-168.*
2. *Мельникова О. Т. Фокус-группы: методы, методология, модерирование. — М.: Аспект Пресс, 2007.*
3. *Севастьянов А.М. Социальная несправедливость в отношениях власти и общества: опыт социологического измерения // Социология власти. 2012. № 1. С. 159-166.*

Иванова Татьяна Николаевна,

Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия

Взаимосвязь экологической справедливости с состоянием социального порядка в регионах: социо-экономические аспекты

Работа выполнена в рамках гранта РФФИ проект № 17-46-630560 «Концептуальная инновационная модель социо-эколого-экономической системы Самарского региона»

Правительство Российской Федерации объявило 2017 год – Годом экологии. Это связано с обеспокоенностью Правительства РФ ухудшением экологической ситуации в стране. Определение тематики года имеет важную цель – привлечение общественности к проблемам загрязнения окружающей среды, сохранения биологического разнообразия, а также обеспечения экологической безопасности. Экологический кризис в современной России носит особенно острый характер, поскольку переход к рыночным отношениям, породившим сложные формы взаимоотношений общества и природы, лишь усугубил экологическую обстановку. [1] Экологические проблемы чрезвычайно актуальны для Самарской области. В рейтинге российских регионов,

составленном по критериям состояния окружающей среды в 2017 году, Самарская область занимает 38 место из 86.

Для их решения необходимо теоретическое обоснование и разработка инновационной региональной концептуальной модели эколого-экономической системы. Данные, полученные при помощи социологических исследований, позволяют наиболее полно и содержательно планировать развитие инновационной эколого-экономической системы общества в ближайшем будущем, раскрывать состав, структуру и границы инновационной системы эколого-экономических взаимодействий человека и общества. Изучение экологических проблем, оценка эффективности методов их решения стала предметом социологического исследования, проведенного в 2017 году кафедрой «Социология» Тольяттинского государственного университета. Было опрошено 754 респондентов, которые проживают в 35 населенных пунктах Самарской области. Половина респондентов проживают в городах Самарской области, а другая половина – в сельской местности. Две пятых опрошенных женаты (замужем), треть – холосты. 42% респондентов окончили ВУЗы, 15% респондентов получают высшее образование в настоящее время. Таким образом, 57% участников опроса имеют высшее образование. 28% респондентов окончили колледжи, техникумы. 9% опрошенных имеют среднее образование, а 5% – неоконченное среднее. Половина участников опроса (54%) определяют материальное положение семьи как среднее. Пятая часть респондентов считают, что материальное положение семей является «выше среднего». Только 5% респондентов определяют материальное положение семей как «отличное». 18% участников пороса утверждают, что уровень материального благосостояния «ниже среднего», а 4% опрошенных живут в очень трудных материальных условиях. Респондентам было предложено указать наиболее актуальные экологические проблемы в мире. В рейтинге мировых экологических проблем, построенном на основе анализа результатов анкетирования, первое место занимает загрязнение воздуха. Этот вариант ответа был отмечен 48% участников опроса. Чуть меньшее количество опрошенных выделяет загрязнение питьевых источников воды (45%), данный вариант ответа находится на втором месте. Свалки мусора и отсутствие эффективных технологий их переработки в качестве актуальной мировой проблемы отмечены в анкетах почти двух пятых участников опроса, что соответствует третьему месту рейтинга. 35% респондентов выделяют химическое и радиационное отравление территории. Данный вариант ответа занимает четвертое место в рейтинге. Таким образом, первые четыре места в рейтинге мировых экологических проблем, отмеченных участниками анкетирования, занимают проблемы, связанные с влиянием современной цивилизации на окружающую среду. Отсутствие эффективного экологического законодательства в качестве мировой экологической проблемы отмечают 22% участников опроса. Эта проблема находится на пятом месте рейтинга. Шестое-седьмое места рейтинга занимают проблемы, связанные с последствиями загрязнения окружающей среды: изменение климата, вырубка лесов. Вымирание редких

животных выделено в качестве мировой экологической проблемы 19% респондентов. 18% участников опроса отмечают экологическую неграмотность населения. Данные виды проблем занимают, соответственно, восьмое и девятое место в рейтинге. Увеличение численности бездомных животных беспокоит 12% участников опроса, что соответствует десятому месту рейтинга. Лестные и торфяные пожары выделены в 11% анкет. Этот вариант ответа находится на одиннадцатом месте. Замыкают рейтинг проблемы осушения водоемов и браконьерства. Данные позиции отмечают менее десятой части участников опроса, они занимают, соответственно, двенадцатое и тринадцатое места рейтинга. Можно сделать вывод, что примерно половина участников анкетирования среди мировых экологических проблем выделяют промышленное загрязнение воздуха, воды, земли. Эти варианты ответов занимают с первого по четвертое места рейтинга. Примерно пятая часть респондентов выделяет изменение климата, вырубку лесов, вымирание редких животных. Чуть меньшее количество участников опроса выделяет несовершенство экологического законодательства, экологическую безграмотность населения. Таким образом, проблемы, связанные с экологическим законодательством, экологическим просвещением, участники опроса отмечают примерно в два раза реже, чем нанесение непосредственного ущерба окружающей среде.

Литература:

1. *Савирова Т.Ю. Основные направления экологического воспитания и просвещения населения Самарской области // Актуальные проблемы науки, экономики и образования XXI века». 2012. с. 217-222. (1)*
2. *Богданова И.В. Экологическая справедливость в регионах и роль биопластиков в ее становлении // «Региональное развитие: электронный научно-практический журнал» E-ISSN 2410-1672 http://regrazvitie.ru Выпуск № 5(9), 2015 http://regrazvitie.ru/2015/07/ URL статьи: ttps://regrazvitie.ru/ekologicheskaya-spravedlivost-v-regionah-i-rol-bioplastikov-v-ee-stanovlenii/ (Дата обращения: 11.12.2017г.)*

Иванова Лариса Юрьевна,

Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, РФ

Экологические риски для здоровья как проявления социальной несправедливости

Представления различных субъектов о социальной справедливости и несправедливости развиваются под влиянием рефлексии собственного положения в общественном пространстве с точки зрения своих интересов, интересов других субъектов и общества в целом. Объектом оценки на шкале справедливо-несправедливо становятся различные аспекты качества жизни людей и социальных групп. В первую очередь это сложившаяся система распределения общественного богатства, важной составляющей которого

являются природные ресурсы. Темпы потребления последних в мире нарастают, превышая возможности возобновляемых ресурсов к самовосстановлению. Техногенная цивилизация стала фактором ухудшения состояния окружающей среды. Неблагоприятные экологические условия негативно влияют на здоровье населения. Серьезной проблемой является уровень антропогенного загрязнения атмосферного воздуха, наземных и подземных вод, почвы. Международное агентство по изучению рака подчеркивает, что воздух, которым мы дышим, все в большей степени загрязняется смесями канцерогенных веществ [1]. По оценкам Всемирной организации здравоохранения, загрязнение воздуха является причиной 7 миллионов смертей в год [2], в 2012 г. примерно 12,6 миллиона человек умерли, потому что жили или работали в нездоровых условиях [3]. В материалах ООН отмечается, что малоимущие слои населения в разных странах более других подвергаются вредному воздействию токсичных отходов [4]. Чистый воздух, вода, качественные продукты питания – это ресурсы необходимые для сохранения здоровья и обеспечения комфортных условий жизни человека. Люди в массе своей желают улучшения экологической ситуации и в тоже время являются причиной ее деградации, используя, например, материалы, которые не разлагаются естественным путем, а их утилизация не организована. Владельцы промышленных и сельскохозяйственных предприятий, загрязняющих окружающую среду, заинтересованы в снижении требований к выбросам и сбросам отходов своих производств, т.к. для повышения уровня очистки, поступающих во внешнюю среду отходов, необходимы дополнительные вложения в очистные сооружения, что приводит к удорожанию выпускаемой продукции. В Российской Федерации конституционно закреплено (ст. 42) право каждого «на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением» [5]. Российские ученые, начиная с 60-х годов прошлого века, активно изучают влияние загрязнения окружающей среды на здоровье человека. Связь повышения заболеваемости населения, в первую очередь детей и подростков, с экологической ситуацией установленный факт. В регионах накоплен большой материал по этой проблеме. В экономике России огромная роль принадлежит добывающему комплексу. Добыча и первичная переработка полезных ископаемых – наиболее экологически грязные отрасли производства. Есть территории, где предполагается, извлекать и/или перерабатывать новые ресурсы. Жители активно сопротивляются, в первую очередь, опасаясь за собственное здоровье и здоровье своих близких, активисты беспокоятся о сохранении природных комплексов и биоценозов. Специалисты объясняют незначительное количество обращений россиян в суды за компенсациями по поводу вреда, нанесенного здоровью отрицательным воздействием окружающей среды в результате хозяйственной или иной деятельности, трудностью доказательства этого факта, а также тем, что в этой сфере не проработано законодательства. Предлагается принять специальный

Федеральный закон «О возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью граждан экологическими правонарушениями», в котором был бы подробно прописан порядок и способы возмещения экологического вреда жизни и здоровью граждан. Проект такого закона предложен еще в 1997 г. [6] Обращаемость в суды зависит от качества законов, судебной системы и от правовой культуры граждан. Проработка и принятие вышеупомянутого закона имеет особое значение для социально незащищенных категорий населения, т.к. у них меньше возможностей по сравнению с обеспеченными слоями заниматься лечением и профилактикой заболеваний, вызываемых воздействием на человеческий организм выбросов и сбросов вредных веществ, меньше возможностей переменить место жительства, восстановить и укрепить свое здоровье и здоровье своих детей в санаториях и на курортах, меньше возможностей покупать лекарства

Литература:

1. *Загрязнение наружного воздуха ведет к росту раковых заболеваний URL: http://ecoportal.su/news.php?id=74267 [Дата посещения 4.02.2018]*
2. *Ассамблея ООН по окружающей среде и ее решения по охране атмосферного воздуха. 2014 // URL: http://www.unido-russia.ru/archive/num_14/art14_6/*
3. *Воздействие факторов окружающей среды на здоровье // URL: http://ekois.net/voz-vozdejstvie-faktorov-okruzhayushhej-sredy-na-zdorove/ [Дата посещения 4.02.2018].*
4. *Токсичные отходы могут привести к болезни и смерти миллиардов людей // Центр новостей ООН // http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=28561#.Wnb_2GfWjyA [Дата посещения 4.02.2018].*
5. *Конституция Российской Федерации // http://constitutionrf.ru/rzd-1/gl-2/st-42-krf [Дата посещения 4.02.2018].*
6. *Анисимов А. П., Каюшникова Ю. Е. Возмещение вреда, причиненного здоровью человека экологическим правонарушением. Текст научной статьи по специальности «государство и право». Юридические науки URL^ https://uchebnik.online/ekologicheskoe-pravo-rf/vozmesche*

Ивахненко Галина Александровна,

ФГБУН Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, россия

Проблемы здоровьесбережения в российской средней школе как проявление социальной несправедливости

По данным Всероссийской диспансеризации за последние десять лет резко выросло количество детей школьного возраста с хронической патологией. Так, среди учащихся начальной школы число хроников увеличилось в 1,4 раза, среди подростков – в 2,1 раза [1].

Причинами ухудшения здоровья школьников ученые считают несоблюдение физиолого – гигиенических требований к процессу обучения, усложнение образовательного процесса в школе, различные нарушения в его организации и др. Эти и аналогичные факторы по их мнению следует рассматривать как проявление социальной несправедливости по отношению к российским детям. Исследователи и педагоги полагают, что для изменения

ситуации необходимо совершенствовать и развивать здоровьесберегающие технологии (ЗТ), которые помогут сохранить и укрепить физиологическое, психологическое и социальное здоровье учеников средней школы.

С целью определить приоритетные среди ученых точки зрения на сущность различных видов ЗТ и на их функционирование в образовательном пространстве российской школы был проведен содержательный анализ 35 различных научных документов по этой проблеме.

1. Медико – гигиенические технологии.

По данным специалистов в последние годы наметилось значительное снижение числа абсолютно здоровых детей. Их осталось не более 10-12 %. Обозначился стремительный рост числа функциональных нарушений и хронических заболеваний (50-60% школьников). В ряде документов обращается внимание на рост числа детей - инвалидов.

В качестве мер, способствующих улучшению здоровья школьников, специалисты предлагают охрану и укрепление психологического здоровья учащихся (предупреждение стрессов, распространение вредных привычек, зависимостей и др.), снятие учебных перегрузок, организацию правильного питания школьников, организацию их физической активности, профилактику гиподинамии. Необходимой мерой признается усиление административного контроля за тем, что бы медицинские кабинеты школ своевременно организовывали проведение прививок учащимся, оказывали им консультативную и неотложную помощь, проводили мероприятия по санитарно-гигиеническому просвещению учащихся и педагогов. Указывается на необходимость создавать в школах стоматологические, физиотерапевтические и др. медицинские кабинеты для оказания каждодневной помощи и детям, и педагогическому коллективу, проводить занятия лечебной физкультурой, организовывать фитобары и др.

2. Физкультурно- оздоровительные технологии. В качестве наиболее приемлемых путей оптимизации физической активности детей в школе и профилактики развития у них гиподинамии ученые и педагоги называют увеличение числа часов, отводящихся на занятия физкультурой; изменение содержания уроков по физической культуре; использование физкультминуток и проведение подвижных перемен; проведение занятий для детей с ограничениями по здоровью; обучение учителей - предметников технологиям, уменьшающим гиподинамию и способствующим снятию у школьников мышечных зажимов; предоставление школьникам возможности заниматься в спортзале, бассейне и на спортивных площадках во внеурочное время

3. Экологичекие здоровьесберегающие технологии. Ресурсы этой области здоровьсбережения в российских школах, по мнению ученых и специалистов в области педагогики, пока явно не дооценены и слабо задействованы. В школах это – и обустройство пришкольных территорий, и зеленые растения в классах, рекреациях, и живой уголок, и участие в природоохранных мероприятиях .

4.Технологии обеспечения безопасности жизнедеятельности. В литературе авторы единогласно высказывают мнение, что ежедневное функционирование современной школы без этих технологий невозможно. Грамотность учащихся по этим вопросам обеспечивается изучением курса ОБЖ, педагогов – курса «Безопасность жизнедеятельности». За обеспечение безопасности условий пребывание детей в школе отвечает ее директор, а реализуют этот процесс инженерно – техническая служба, специалисты по гражданской обороне, охрана школы, пожарная инспекция и др.

5.Здоровьесберегающие образовательные технологии. По общему мнению авторов ЗОТ должны представлять собой программы или курсы по обучению детей грамотной заботе о своем здоровье, формированию культуры здоровья учащихся и мотивации их к ведению здорового образа жизни, предупреждению вредных привычек. Конкретными примерами таких курсов называются уроки ОБЖ и валеологии. Эти технологии должны также предусматривать проведение организационно - воспитательной работы со школьниками после уроков и просвещение их родителей.

6. Социально – адаптирующие и личностно - развивающие технологии.

В эту группу авторами включаются разнообразные социально-психологические тренинги. Сюда же некоторые исследователи относят использование игровых технологий, обучающих программ, оригинальных заданий и задач, введение в урок исторических экскурсов и отступлений, которые позволяют детям снять эмоциональное напряжение

7.Лечебно-оздоровительные технологии. ЛОТ в научных документах в большинстве случаев рассматриваются как разновидность физкультурно – оздоровительных технологий, поскольку предполагают прежде всего использование лечебной физкультуры, воздействие которой направлено на восстановление здоровья детей школьного возраста.

Литература:

1. *Протопопов В.А. Управление здоровьесберегающим образовательным пространством современной школы.-Волгоград:Учитель,2014-С.3*

Кислицына Ольга Анатольевна,
ИЭ РАН, Москва, Россия

Восприятие несправедливости неравенства в доступе к услугам здравоохранения и детерминирующие его факторы

Обеспечение равного доступа к медицинскому обслуживанию является основной задачей систем здравоохранения во многих странах. Однако исследования свидетельствуют о существовании значительного социально-экономического неравенства в доступе к услугам здравоохранения (лица с более высоким социально-экономическим статусом (СЭС) с большей вероятностью получают медицинскую помощь лучшего качества, по сравнению с пациентами с более низким уровнем СЭС). Доход является

основным определяющим фактором доступа к медицинским услугам. И хотя неравенство в области здравоохранения, связанное с доходом, является глобальным явлением, мало, что известно об общественном отношении к такому неравенству. Цель работы состоит в том, чтобы, во-первых, оценить степень восприятия россиянами несправедливости неравенства, связанного с доходом, в доступе к услугам здравоохранения, и сравнить его с другими странами; во-вторых, выявить факторы, связанные с восприятием несправедливости неравенства и готовности внести свой вклад в улучшение системы здравоохранения для всех. В качестве информационной базы исследования использовались данные Международной программой социальных исследований (International social survey program (ISSP)), раунда, проведенного в 2011 г. в 32 странах и охватившего в общей сложности около 55 тыс. чел. в возрасте 18 лет и старше, из которых были отобраны респонденты, проживающие в России (1511 чел.). Статистический анализ проведен с помощью многомерных моделей логистической регрессии. Информация о восприятии несправедливости неравенства в доступе к услугам здравоохранения и готовности внести свой вклад в улучшение системы здравоохранения была получена в рамках вопросов: «Насколько справедливо или несправедливо то, что что люди с более высокими доходами могут позволить себе более качественное медицинское обслуживание, чем люди с более низкими доходами?» и «В какой степени Вы желали бы платить более высокие налоги для улучшения уровня медицинского обслуживания для всех людей в стране?». В качестве независимых переменных были использованы: пол, возраст, образование, самооценка СЭС, статус занятости, самооценка здоровья, наличие медицинской страховки и восприятие качества ее покрытия, наличие детей до 18 лет, идеология (политические предпочтения). Установлено, что значительная часть россиян (67,7%) полагает несправедливым то, что лица с более высокими доходами могут позволить себе более качественное медицинское обслуживание, чем люди с более низкими доходами, что является аналогичным явлением по сравнению с другими странами (в среднем 61,7%), но при этом не хочет вносить свой вклад в улучшение уровня медицинского обслуживания для всех людей в стране (71,2%) (в среднем 46,7%). Установлено, что с большей вероятностью воспринимают несправедливость неравенства в доступе к услугам здравоохранения лица, имеющие низкий СЭС, плохое здоровье, воспринимающие покрытие обязательного медицинского страхования как плохое, имеющие детей до 18 лет. Этот результат можно объяснить теорией собственных интересов, согласно которой те, кто нуждается в выгодах от конкретной политики или рискуют стать бенефициарами, с большей вероятностью будут поддерживать эту политику (т.е. эгалитарную политику в области здравоохранения). Идеологические убеждения оказались также тесно связаны с восприятием несправедливости - с большей вероятностью полагает несправедливым то, что лица с более высокими доходами могут позволить себе более качественное медицинское обслуживание, чем люди с более низкими доходами, те, кто придерживается левых политических

убеждений. Доказано, что восприятие несправедливости неравенства в доступе к услугам здравоохранения и желание платить повышенные налоги на улучшение уровня медицинского обслуживания для всех людей в стране определяются немного разными факторами. С меньшей вероятностью согласны внести свой вклад в улучшение медицинского обслуживания пожилые, лица, имеющие плохое здоровье, низкое образование, низкий СЭС, неработающие, т.е. те, кто с большей вероятностью обладает экономической уязвимостью. Таким образом, большая часть россиян полагает несправедливым то, что лица с более высокими доходами могут позволить себе более качественное медицинское обслуживание, чем люди с более низкими доходами, но при этом не хочет вносить свой вклад в улучшение здравоохранения для всех людей. Дальнейший уход государства из здравоохранения и расширение платности медицинских услуг может столкнуться с ростом недовольства населения. Исследования показывают, что восприятие несправедливости неравенства может оказать негативное влияние на доверие к системе здравоохранения, а также использование и качество медицинской помощи. Т.к. восприятие несправедливости особенно выражено среди обездоленных людей с плохим здоровьем, потеря доверия к системе здравоохранения среди этих людей может привести к дальнейшему увеличение неравенства в использовании и качестве услуг здравоохранения и росту социально-экономического неравенства в состоянии здоровья россиян.

Клименко Людмила Владиславовна,
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
Посухова Оксана Юрьевна
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Прекариатизация труда и протестные настроения социально-ориентированных профессиональных групп в российском обществе

В процессах интеграции общества и обеспечения социального порядка через воспроизводство и трансляцию нормативных ценностных установок и моделей поведения большую роль играет профессиональная деятельность социально-ориентированных профессий (учителей и врачей) [1]. Череда экономических кризисов в России вызвала рост безработицы, ухудшение ситуации с соблюдением прав работников, когда не исполняются социальные обязательства, увеличивается трудовая нагрузка без роста зарплаты. Данные процессы вызывают феномен прекариатизации труда, который понимается как деформация/кризис трудовых отношений, выражающийся в возникновении многочисленных групп работников с ущемленными социально-трудовыми правами и уязвимостью, ненадежностью социального положения [2,3]. Коллективом ученых ЮФУ было проведено прикладное социологическое исследование среди врачей и учителей российских мегаполисов. Весной-летом 2017 г. по стандартизированной анкете было

опрошено 948 школьных учителей в Москве, 618 - в Ростове-на-Дону и 488 – в Казани. В медицинских учреждениях было опрошено 468 врачей в Москве и 402 – в Казани. Все респонденты работают в бюджетных организациях. Материалы массового опроса городских педагогов показали, что в столице и крупном провинциальном городе степень прекариатизации труда различная. В Москве от 36% до 46% педагогов указывают на рост трудовой нагрузки. Тогда как в Ростове-на-Дону от 64% до 76%, а в Казани от 65% до 81% учителей фиксируют увеличение объема выполняемой ими работы. Московские и казанские педагоги чаще всего отмечают рост работы по подготовке и проведению уроков и увеличение нагрузки по внеурочной работе. Ростовские учителя чаще указывают на значительный рост административной нагрузки, заполнение разного рода отчетности. Школьных учителей больше всего беспокоят риски увеличения трудовой нагрузки без роста заработной платы (суммарный процент вариантов «очень беспокоит» и «скорее беспокоит» составляет 71% - в Москве, 84% - в Ростове-на-Дону, 73% - в Казани) и потери работы (78% : 62% : 49% соответственно). Обеспокоены опрошенные учителя рисками сокращения или задержки зарплаты (58% : 48% : 41%). Еще 55% московских, 41% ростовских и 35% казанских педагогов опасаются вынужденного перехода на неполную рабочую занятость. В сфере здравоохранения наблюдается ситуация, когда московские врачи на порядок сильнее обеспокоены рисками прекариатизации, чем казанские медики, а также сегмент опрошенных педагогов в целом. Больше всего с точки зрения докторов увеличился объем служебных обязанностей, выполняемых задач (80% - в первой группе и 67% - во второй). Рост административной нагрузки, заполнения отчетности отмечают 57% московских врачей и 78% – казанских. Большее число московских докторов, чем казанских респондентов, отмечают рост трудовой нагрузки, которая не связана с их должностными обязанностями (66% против 46%). Подавляющее большинство опрошенных врачей двух городов, опасаются роста трудовой нагрузки без увеличения оплаты труда (суммарный процент вариантов «очень беспокоит» и «скорее беспокоит» составляет 95% в первой группе и 63% - во второй). Рисками потери работы обеспокоены еще 89% московских и 57% казанских врачей. Перспективы сокращений или задержки заработной платы вызывает опасения у 89% докторов в столице РФ и вдвое меньше врачей в Казани (43%). А также риски перехода на неполный рабочий день/ неделю беспокоят ещё две трети респондентов первой группы и вдвое меньшее число опрошенных – во второй. Опрошенные учителя и врачи в случае нарушения их трудовых прав занимают скорее пассивную позицию. Ничего не будут предпринимать от 49% до 64% опрошенных всех групп. На этом фоне педагоги чаще всего ориентированы на обращение с жалобами в органы власти (от 59% до 61% респондентов в трех городах). Не готовы участвовать в политических акциях, обращаться в судебные органы, средства массовой информации от 63% до 91% школьных учителей из разных городов. Московские доктора демонстрируют большую готовность отстаивать свои права по сравнению с

врачами из Казани. Обращаться в органы власти в случае нарушения их трудовых прав нацелены 74% московских докторов против 32% казанских специалистов. Выражают готовность участвовать в деятельности общественных организаций по защите своих прав 57% опрошенных первой группы против 31% - второй. В отношении других форм защиты своих прав (СМИ, политические акции, суд) показатель готовности их использовать не превышает 45%. Таким образом, можно говорить о негативном влиянии процессов прекариатизации, когда среди городских учителей и врачей фиксируется значимый уровень тревожности по поводу инкорпорированных ценностей – стабильной работы, стабильного заработка, уверенности в будущем.

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда проект № 16-18-10306.

Литература:

1. *Клименко Л.В., Посухова О.Ю. Социетальные аспекты профессиональной идентичности социально ориентированных групп в российском обществе // Общество и экономика. 2017. № 3-4. - С. 176-183.*

2. *Klimenko L.V., Posukhova O.Y. Signs and Scope of Precarization of Labor Relations in Modern Russia // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Volume 11. Issue 18. P. 11061-11072.*

3. *Клименко Л.В., Посухова О.Ю. Гендерные аспекты прекариатизации труда в российском обществе// Женщина в российском обществе. 2017. №1.*

Ковригина Галина Дмитриевна,
Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия

Социальная справедливость в менталитете жителей малых городов

Менталитет позволяет особым образом воспринимать окружающую реальность, анализировать социокультурные и экономико-политические, демографические и иные сферы жизни через устоявшиеся и характерные для определённой местности установки и представления. Благодаря менталитету обеспечивается определенное социокультурное единство жителей локальной территории. Изучение социокультурной ментальности жителей малых городов определяет особое пространство взаимодействия, которое уникально и неповторимо в каждый момент времени. Оно может стать точкой опоры для консолидации всей страны или моментом формирования социальной дезинтеграции и апатии, общественной девиации и дезадаптации как на локальных территориях, так и в целом в стране [1,2,3]. Особенно остро это воспринимается при анализе социальной справедливости общественных процессов, социальных взаимодействий и социального воспроизводства. В исследовании принимали участие жители Иркутской и Кемеровской

областей, а также жители Красноярского края в 2017 году. Всего в исследовании приняло участи 2400 человек в возрасте от 18 до 75 лет. Все они проживают в малых гороха 5 и более лет. Ценности территориальной идентичности, которые формируют основу менталитета, выражены достаточно сильно во всех изучаемых территориях. Важность принадлежности к определенной территории и установление связей с ней формирует базовую установку для всех рассматриваемых жителей малых городов. При этом, примерно такое же количество жителей малых городов хотели бы уехать из своего города. Те, кто хотел бы остаться, опираются на социальную идентичность и чувство сопричастности. Те, кто хотел бы остаться, опираются на экономическую и социально-профессиональную неудовлетворенность. Таким образом, если повысится экономическая и социальная удовлетворенность, мы сможем говорить о том, что жители малых городов в целом довольны своей жизнью и не хотели бы что-либо менять и считают это достаточно справедливым. Более того, 20% затруднившихся с ответом входят как раз в ту группу людей, на кого можно влиять через реализуемые в регионе программы поддержки семьи, трудоустройства, развития инфраструктуры и так далее. Еще одной чертой ментальности выступает «ограниченность вертикальной мобильности». Могут построить хорошую карьеру в своем городе 15% жителей малых городов Иркутской области, 10% Кемеровской области и 20% жителей Красноярского края. От 65% до 75% жителей малых городов рассматриваемых субъектов РФ не могут рассчитывать на достойную карьеру. Могут достойно зарабатывать и обеспечивать свою семью 20% жителей малых городов Иркутской области, 15% Кемеровской области и 25% жителей малых городов Красноярского края. Ограниченность вертикальной мобильности приводит к противопоставлению жителей малых городов и крупных, особенно к противопоставлению с жителями Москвы. Эта тенденция является негативным сигналом социального раскола и дезинтеграции, когда жители городов считают, что у жителей столицы другие возможности и проблемы, которые недоступны им и наоборот. Выраженность традиционных черт русской культуры (коллективизм и патернализм). Жители малых городов в большинстве своем предпочитают не принимать решения самостоятельно и опираются на мнение большинства, а не на свое видение проблемы или ситуации. Опора на решение коллектива или человека, который возьмет на себя ответственность, определяет жизненные ориентиры и установки населения, как быть и что делать зависит не от контекста, а от того, на кого можно переложить ответственность за свою жизнь, за жизнь своей семьи, за жизнь соседей и горожан на кого-то, является весомой чертой сибирской ментальности. Большинство жителей малых городов живут традиционным укладом: уважают и ценят власть (80-85%), верят в Бога (65-70%), семью воспринимают как самый важный и ценный институт (75-85%). Это то, что консолидирует жителей Сибири в единую группу. Можно говорить о политических потрясениях или экономических санкциях, они, безусловно, влияют на повседневную жизнь

сибиряков, но внутренние ориентиры, связывающие их в единую социокультурную общность, строятся не на сиюминутной политике или экономике, а на глубинных связях и ориентирах, связывающих всех в единое пространство. Социокультурная солидарность формируется на базе уникальных, характерных для определённой территории черт, связывающих жителей в единое социальное поле. Укрепление данного поля, ведет к усилению интеграции, расшатывание – наоборот, к дезинтеграции. Таким образом, задача местных органов власти – выявить мобилизующий потенциал развития данных территорий и разработать механизмы его усиления и развития. Восприятие справедливости в ментальности жителей малых городов достаточно сложное и объемное явление. Данное исследование позволило выявить лишь общие черты, характерные для трех рассматриваемых территорий Сибири. Поэтому, необходимо дальнейшее детальное изучение данного процесса. Но уже сегодня можно говорить о том, что существуют следующие уникальные черты:

1. Ценности территориальной идентичности формируют основу менталитета.
2. Ограниченность вертикальной мобильности.
3. Выраженность традиционных черт русской культуры (коллективизм и патернализм).
4. Особое отношение к таким социальным институтам как власть, религия и семья.

Литература:

1. *Полюшкевич О.А. Место благодарности в социокультурном воспроизводстве общества // Социально-демографические процессы в XXI веке: кризис, вызовы, стратегии безопасности. Сборник научных трудов. Иркутск, 2017. С. 241-245.*
2. *Полюшкевич О.А. Философия благодарности // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. № 1. С. 67-74.*
3. *Субботина Н.Д. Естественные и социальные составляющие эмпатии и альтруизма // Гуманитарный вектор. 2011. №2 (26). С.58-66.*

Ковзиридзе Манана Акиевна,

Российский университет транспорта (РУТ), Москва, Россия

Положение людей с ограниченными возможностями и инвалидов в России

Проблемы профессиональной реабилитации и обеспечения занятости инвалидов обострили такие проблемы, как неизменно наблюдающееся сужение экономических возможностей занятости инвалидов и происходящее принятие нормативных документов, расширяющих права и возможности инвалидов на рынке труда. Цель моей работы проанализировать социально-экономическую сторону проблемы в нашей стране. Важно указать на то, что по сравнению с другими социальными группами лиц, являющихся неконкурентоспособными на рынке труда (не обладающие профессией, не

имеющие высшего образования и др.), инвалиды испытывают наибольшие сложности в процессе реализации равного права на труд, гарантированного всем гражданам Российской Федерации. Нерешенные проблемы трудоустройства инвалидов снижают качество их жизни, а также влекут серьезные угрозы маргинализации населения. Говоря о положении инвалидов в современной России, важно отметить, что по данным Минздравсоцразвития ежегодно количество фактических инвалидов увеличивается на 1 млн. человек, Если за 1970 г. инвалидность получили 346 тыс. человек, то за 1995 г. на учет поставлено 1,3 млн. новых инвалидов. В 2005 г., когда было зарегистрировано 1,8 млн. лиц с ограниченными возможностями, произошел настоящий бум. С тех пор в России ежегодно около 1 млн. человек получают статус инвалида. По состоянию на 1 января 2017г. согласно сведениям о работающих инвалидах, состоящих на учёте в системе пенсионного фонда Российской Федерации, число работающих инвалидов в России составило 12259 млн. чел. Снижение численности работающих инвалидов по сравнению с 1 января 2016 года обусловлено вступлением в силу Федерального закона от 29.12.2015 года № 385-ФЗ «О приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации, внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и особенностях увеличения страховой пенсии, фиксированной выплаты к страховой пенсии и социальных пенсий», предусматривающих реиндексацию пенсий работающим пенсионерам [1]. Одиннадцать с половиной миллионов – численность инвалидов в России по данным Федерального реестра инвалидов по состоянию на 1.12.2017г. [3]. Важно указать на то, что только половина инвалидов знает и пользуется льготами по приобретению лекарств. Другими льготами по инвалидности пользуются еще меньше имеющих на них права граждан. Но даже нынешняя сравнительно оптимистическая оценка не устраивает Минздравсоцразвития. По мнению ведомства, данная проблема уже перешла в категорию «национальная безопасность». Потратив в 2006–2010 гг. около 4 млрд. руб. на федеральную целевую программу по социальной поддержке инвалидов, ведомство подготовило новую концепцию совершенствования государственной системы по реабилитации лиц с ограниченными возможностями [2]. Важно указать, что до настоящего времени пока заметно помогала социализации инвалидов только одна государственная мера: компаниям, где работали инвалиды, полагались налоговые льготы, а потому лицам с ограниченными возможностями легче было найти работу. Проблема в том, что предприниматели нередко злоупотребляли этой практикой для «оптимизации налогообложения». В результате в последнее время часть льгот фактически исчезла, а после 2015 г. льготы по ЕСН исчезли полностью. Находить работу инвалидам стало сложнее. Бездумное проведение политики, фактически направленной на выдавливание инвалидов с рынка труда и препятствующей их трудоустройству, привело к тому, что за последние пятнадцать лет потеряли работу как минимум 5,5 млн. инвалидов. Одновременно в результате этого бюджеты различного уровня потерял как

минимум 5,5 млн. налогоплательщиков. Именно поэтому, надо учитывать, что профессиональное обучение инвалидов, а также создание рабочих мест для их трудоустройства, не только представляет интерес для самих инвалидов, но и экономически выгодно государству. Ситуация, которая складывается на рынке труда сегодня приближается к критической. Прежде всего, из-за демографической проблемы. Численность инвалидов работоспособного возраста продолжает расти [1]. По данным выборочного обследования рабочей силы; в процентах: в возрасте 35 – 39 лет (самый активный в трудовом смысле возраст) в 2017г. 9, 9% всего трудоспособного населения РФ. Согласно тому же источнику инвалидность граждан в возрасте 35 – 39 лет составила в 2014 – 9,7%. Однако, несмотря на повышение уровня жизни это проблема не только России, но и всего мира. При этом в большинстве стран научились с этим справляться и принимать людей с ограниченными возможностями как полноценных членов общества. И, напоследок, давайте задумаемся над следующей фразой: в Европе инвалиды - это «люди с повышенными потребностями», а в России - это «люди с ограниченными возможностями». Только в наших руках изменить эту ситуацию. Проблема численности инвалидов это, действительно, комплексная проблема, которая требует соответственно комплексного решения в сфере здравоохранения и социальной политики. В правительстве это считается не столько медицинской проблемой, сколько социально-экономической. Соответственно меры по снижению численности инвалидов предлагаются в основном административные, главным образом, это совершенствование законодательства в области учета и повышения качества медицинской экспертизы. Заметим, что в государстве, таким образом, возникает противоречие между социальной справедливостью и эффективностью.

Литература:

1. *http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/ - Федеральная служба государственной статистики*
2. *http://www.minzdravsoc.ru/ - Министерство здравоохранения и социального развития Российской Федерации*
3. *https://sfri.ru/ - Федеральный реестр инвалидов*
4. *http://www.pfrf.ru/ - пенсионный фонд Российской Федерации*

Козлов Владимир Александрович,
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия
Шахматова Надежда Владимировна
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия

Религиозность молодежи в ракурсе социальной справедливости

В наши дни роль и значение религии в жизни современного общества существенно возрастает. Все большее внимание уделяется религиозному мировоззрению молодой личности. Религия играет важную консолидирующую роль в социуме. Именно к ней прибегают многие молодые россияне в поисках успокоения и социальной справедливости. В июле-августе 2017 года методом анкетирования было проведено исследование, посвященное изучению религиозности молодежи города Саратова. N=720 человек. Критерии отбора по вероятностной выборке – пол, возраст, район проживания. Опрос показал, что основными ценностями молодежи являются семья, друзья, любовь. Религия не входит в тройку важнейших жизненных ценностей. При этом религия входит пятерку самых распространенных ценностей, что говорит о ее значительной роли в жизни молодежи, однако религия уступает четвертое место такой ценности как работа, что связано с прагматизмом современной молодежи. Самым распространенным мнением молодежи стало отождествление религии и веры в бога (47,6%). На втором месте по распространенности стало абстрактное утверждение, что религия для них «все» (15,4%). 12,6% считают ее «незаменимой частью жизни». 8,4% - связывают с религией свои «надежды». Около 5% считают ее просто традицией.

Мотивы обращения молодежи к религии носят преимущественно индивидуальный характер, причем по своей природе они не равнозначны и нередко отчетливо не осознаются самим верующими. Самым распространенным мотивом среди респондентов является психотерапевтический, связанный с потребностями в забвении, очищении, спасении души, утешении, облегчении душевных переживаний, как реакции на социальную несправедливость миропорядка или окружающих. Следующий по распространенности нравственный мотив. К нему можно отнести моральные и нравственные нормы повседневной жизни; искания смысла жизни. К последнему мотиву «на всякий случай» относятся колеблющиеся молодые саратовцы, которые в религии ничего существенного не обретают, но и особо ничего не теряют. Следовательно, религия служит носителем общечеловеческих ценностей, формирует мировоззрение, массовой сознание и удовлетворяет духовные потребности. Опрос позволил выделить среди молодежи 4 типа молодых верующих: практики (сознательные верующие) - они принадлежат к живой части общины,

проявляют постоянную активность и практикуют свою веру регулярно и убежденно; ортодоксы - для которых вера, как аксиома, привычна с самого детства, и которые видят рациональный и справедливый смысл в религиозных учениях; фанаты - которые полностью погружены в религию, в собственные религиозные установки, как важнейшая «неотъемлемая часть жизни» и способ решения всех проблем; традиционалисты - которые в жизни привыкли значительно больше полагаться на опыт нежели на анализ ситуации, религия для них просто очень важная традиция, дань культурной, исторической традиций своего народа. 41% опрошенных относят себя к категории людей, которые совершают религиозные обряды, при этом для каждого пятого представителя молодежи, соблюдение религиозных обрядов помогает избежать несчастья и способствует справедливому успеху в делах. Не совершали религиозные обряды 36% респондентов, затруднились ответить 23%. Что касаемо религиозных праздников, то наиболее популярными религиозными праздниками у мусульман являются Ураза-Байрам, Курбан-Байрам, а у православных это Рождество и Пасха. При этом численность религиозных молодых людей ниже, численности отмечающих праздники, это свидетельствует о том, что празднование религиозных дат выступает в качестве укоренившейся традиции. Посещение «священных мест» не являются устойчивыми и периодичными, характеризуются случайностью. У значительной части молодых людей вообще отсутствует подобного рода религиозное поведение. Посещали хотя бы один раз «священные места» 76% всех опрошенных, но систематичность посещения «Священных мест» присуще менее 6% молодежи. Следовательно, религиозное поведение современной саратовской молодежи не соответствует ее религиозной самоидентификации. На уровень религиозности молодежи значимо влияют социально - демографические характеристики. Так у респондентов мужского пола основными ценностями выступает семья, друзья работа, при этом религия занимает пятое место. Женщины, в отличие от мужчин, придают религии большую значимость, ставя ее на четвертое место. Религия определяется респондентами как вера в существования высших сил, то есть вера в Бога, независимо от каких-либо социально-демографических характеристик. При этом мужчины имеют более четкое и разнообразное представление понятия «религия». Мотивы обращения молодежи к вере разнообразны. Так среди мотивов религиозности, которые осознаются верующими, преобладают внешние для религии побуждения и потребности (традиция, нравственные и познавательные потребности), но при этом с возрастом смысл религии меняется. Самая молодая категория опрошенных ориентирована на моральные и нравственные нормы социальной справедливости повседневной жизни. молодые саратовцы в возрасте 25-29 чаще ориентируются на психотерапевтические мотивы (искупление вины, очищение души).

Коленникова Нина Дмитриевна,
НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Формы дифференциации занятого населения России по экономическому статусу

Как известно, социальное неравенство проявляется на различных уровнях и имеет разные формы. В данной работе мы рассмотрим формы дифференциации по экономическому статусу среди занятого населения России. Экономический статус предполагается рассматривать как интегральную единицу анализа, включающую ряд характеристик. При таком понимании статуса мы будем придерживаться рамок неовеберианской традиции. Исходя из её логики, экономический статус будет проявляться в ряде объективных, количественно измеряемых индикаторов. Придерживаясь в рамках этой традиции принципов градационного подхода, мы сможем также рассмотреть специфику и динамику экономического статуса среди представителей различных профессиональных и образовательных групп. В рамках данной работы для построения шкалы экономического статуса занятого населения в качестве основных индикаторов мы использовали следующие переменные: доход, наличие недвижимости и наличие сбережений. Каждому индикатору нами присваивались определённые значения. Так, доход предполагал отнесение респондента в одну из групп по доходам относительно региональной медианы. Если ежемесячный индивидуальный доход в месяц у респондента составлял от 0 до 0,75 медиан доходного распределения в своем регионе, то он получал 0 баллов (использование региональной, а не страновой медианы было связано с существующим неравенством в доходах населения внутри отдельных регионов, и с тем, что статус индивида в столь огромной и неоднородной стране как Россия в большей степени определяется его местом в структуре регионального сообщества). За доход в диапазоне от 0,76 до 2 медиан ему присваивался 1 балл, и, наконец, если доход респондента превышал 2 медианы, он получал 2 балла. Следующий использованный нами показатель экономического статуса – наличие сбережений. Если респондент отвечал, что за последние 30 дней он откладывал сбережения, то ему присуждался один балл. Третий показатель отражал наличие у респондента в собственности недвижимости, помимо занимаемого жилья – если у респондента имелось дополнительное жилье (квартира) и / или дача / садовый домик, то ему присуждался один балл. Таким образом, нами была составлена пятиступенчатая шкала, позволяющая, хотя и достаточно грубо, но все же зафиксировать объективные показатели экономического статуса работающего населения страны. В качестве эмпирической базы исследования были использованы данные репрезентативной части 24-й волны ежегодного опроса РМЭЗ – НИУ ВШЭ, проходившей в октябре 2015–январе 2016 гг.

Численность подмассива работающих россиян, ставших объектом нашего исследования, составила в этой волне 5230 человек. Согласно результатам проведённого анализа можно заключить, что в настоящее время среди массовых слоёв работающего населения страны существует глубокая дифференциация по экономическому статусу, которая не совпадает с дифференциацией по доходу, обычно приковывающей к себе основное внимание исследователей. Однако экономический статус – это сложная интегральная характеристика, несводимая только лишь к доходу и имеющая целый ряд как материальных, так и нематериальных аспектов, в том числе включающая специфику места работника на рынке труда. Вследствие этого, при подробном анализе экономического статуса обнаруживаются более глубокие корни экономического неравенства, чем просто неравенство доходов. Сконструированная шкала экономического статуса позволила установить масштабы дифференциации массовых слоев занятого населения России по их экономическому статусу и характер их распределения в соответствии с его показателями. При этом выяснилось, что в современном российском обществе существует чёткая «норма» экономического статуса, которой на нашей шкале соответствует значение в 1 балл. Эту норму можно охарактеризовать как «жизнь от зарплаты до зарплаты» без наличия дополнительных экономических ресурсов (дополнительной недвижимости или сбережений). В качестве факторов, влияющих на распределение экономических статусов, были рассмотрены образование и профессиональная принадлежность. Проведенный анализ позволил показать, что эти факторы не оказывают решающего влияния на показатели экономического статуса, хотя определённая связь между ними существует. Рассмотрение тенденций распределения экономических статусов в разных возрастных группах показало, что для большинства занятого населения в современном российском обществе до наступления среднего возраста (35-44 года) характерна тенденция повышения вероятности улучшения своего экономического статуса. Однако с переходом в старшие возрастные группы повышаются риски его ухудшения, причем это относится и к тем, чей экономический статус превышает общероссийскую «норму» и кого можно рассматривать как представителей наиболее благополучных слоёв.

Кривошеев Владимир Вениаминович

ФГБОУ ВО Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия

"Соломенные опросы" в новых условиях: как фиксировать социальное в электронном обществе

Как только не называют современное общество: информационное, электронное, цифровое, экранное. Правда, чаще всего эти прилагательные прибавляют к понятию "культура". Но сути это не меняет. То, что происходит в связи с массовым распространением интернета, глобальным

включением современного человека в социальные сети, on line-процедуры кардинальным образом изменили культуру, а значит и само общество, поскольку доступ к информации, ее обработка, доставка действительно привели к новому качеству социальных процессов и явлений.

В этой связи закономерно, на наш взгляд, возникает вопрос о том, что с необходимостью должны произойти и изменения в самом социальном познании. Речь, прежде всего, идет о социологии, которая не только призвана своего рода приноровится ко всем этим изменениям, но и предложить некие новые методологические подходы к анализу социальной реальности, изыскать и использовать такие методы фиксации процессов и явлений общественной жизни, которые позволяли бы адекватно оценивать их.

Что касается эмпирической социологии, то нельзя сказать, что никаких перемен в ней не происходит. Достаточно сказать, например, что сейчас все больше можно слышать о работе с BigData [1]. На VI социологической грушинской конференции четыре секции были посвящены интернету, исследованиям с помощью мобильных устройств и, разумеется, работе с BigData [2]. И все же, как представляется, ответ на вызовы цифрового общества, массового сетевого общения людей все еще в значительной мере остаются без ответа. И прежде всего потому, что прорыва в части репрезентативности конкретных исследований пока не происходит.

Но дело даже не только в этом. Не секрет, что многие электронные издания запрашивают точку зрения пользователей по тем или иным актуальным проблемам социальной жизни как в стране, так и за рубежом. Делается это, к сожалению, судя по всему, без привлечения социологов. Вот небольшая иллюстрация к сказанному. Региональное интернет издание Klops.ru под заголовком "Опрос "Клопс": большинство калининградцев негативно оценивает сложившуюся в стране ситуацию" опубликовало заметку: "Большинство читателей "Клопс" оценивает сложившуюся сегодня в стране ситуацию как плохую. Об этом говорят результаты опроса на официальной странице издания "ВКонтакте". Всего проголосовало 3826 человек. Выяснилось, что 28% оценивают ситуацию в стране как плохую, почти треть - как очень плохую. Только каждый пятый отметил, что дела в стране идут скорее хорошо, и менее 7% полагают, что ситуация хорошая. При этом по всей России почти треть респондентов уверена, что ситуация в стране сегодня хорошая. И только каждый пятый думает, что дела в целом идут плохо"[3]. На этом основании делается вывод, что жители Калининградской области более критично, чем все остальные россияне, оценивают ситуацию в стране. При этом как-то забывается, что сравнение двух результатов опросов некорректно: данные по России даются со ссылкой на ВЦИОМ, который как всегда проводил исследование по репрезентативной выборке, а газета воспользовалась итогами опроса в социальной сети. Понятно, что такие эти итоги ни в коей мере не могли быть представительными. Получается, что "соломенный" опрос сопоставили с репрезентативным. Это лишь один пример, к нему, естественно, нельзя

свести все происходящее с интернет-опросами. Но и он позволяет сделать определенные выводы.

Но ситуация усугубляется еще и тем, что те, кто проводит интернет-опросы с помощью электронных изданий не удосуживается правильно формулировать вопросы, а главное – шкалировать ответы. Интернет-издание "Взгляд.ру" спрашивает, к примеру: "Соцсети все активнее выступают в защиту собаки, послужившей подопытным животным во время эксперимента с "жидкостным дыханием". Чьи интересы кажутся в данном случае вам более важными? " Надо дать один из двух вариантов ответов: "собаки"; "ученых, которые ставят данный эксперимент"[4]. Оставим за скобками суждение о том, что, оказывается, что у животных могут быть интересы. Весьма спорной представляется постановка вопроса о ранжировании важности науки и "интересов" подопытного животного, которое осталось живым и здоровым. Но и предложенные варианты ответов также вызывают сомнения.

Ситуация в данный момент предстает в следующем виде: интернет-издания не обращаются к социологам, и поэтому некорректно ставят исследовательские задачи, неверно формулируют проблемы изчения социальной реальности, а социологи в свою очередь в большинстве своем используют лишь традиционные методы съема социальной информации. А это не позволяет в полной мере оперативно отслеживать динамичные социальные процессы. В этой связи, во-первых, представляется исключительно насущной своеобразная встреча социологов и сетевых ресурсов, а, во-вторых, возвращение на этом, новом этапе развития социологического знания к "соломенным" опросам. Когда-то они давали возможность определить некие самые общие тенденции развития социальных процессов, зафиксировать самые важные явления общественной жизни [5]. Вероятно, и сейчас, пока недостаточно полно отработаны способы обеспечения репрезентативности эмпирических исследований, в какой-то мере можно опираться и такие методы, позволяющие в целом неплохо определить основные тенденции развития современного информационного или электронного общества.

Литература:

1. *Волков В., Скугаревский Д., Титаев К.Проблемы и перспективы исследований на основе BigData (на примере социологии права) // Социологические исследования. 2016. №1.С.48-58.*
2. *Материалы VI международной социологической Грушинской конференции «Жизнь исследования после исследования: как сделать результаты понятными и полезными», 16—17 марта 2016 г. / отв. ред. А.В. Кулешова.М.:АО «ВЦИОМ»,2016.—1710 с.[Электронный ресурс]. Режим доступа. https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2016/vi_grusha_tezisy3.pdf*
3. *https://old.klops.ru/news/obschestvo/167473-opros-klops*
4. *https://vz.ru*
5. *Докторов Б. От соломенных опросов к постгэллаповским опросным методам. М., Радуга, 2013. 72* с.

Кузеванова Ангелина Леонидовна,
Волгоградский институт управления - филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Волгоград , Россия
Князев Никита Михайлович
Волгоградский институт управления - филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Волгоград , Россия

«Переживание» социальной несправедливости в контексте социального самочувствия ветеранов боевых действий: социологический анализ

Социальное самочувствие является комплексной и сложной системой, взаимодействующей со многими процессами и механизмами сознательной деятельности личности, которые влияют на процесс его формирования [1, с. 46; 2, с. 143]. «Переживание» социальной несправедливости относится к эмоционально-когнитивной составляющей социального самочувствия, отражающей определенную психологизированность изучаемого феномена. Проблематика социальной несправедливости в контексте социального самочувствия ветеранов боевых действий, работающих в Управлении МВД России по г. Волгограду, изучалась на основе данных социологического исследования, проведенного авторами с применением метода анкетирования в октябре-ноябре 2015 года (N=100, тип выборки – сплошная), а также на базе материалов глубинных интервью с 15 ветеранами боевых действий. Основной проблемой, которая волнует опрошенных ветеранов боевых действий и формирует ощущение социальной несправедливости, является проблема роста цен, которую отметили 53,1% респондентов, что говорит о насущном вопросе материального обеспечения изучаемой социальной группы. «Лично меня на данный момент беспокоит то, что постоянно растут цены на продукты питания, одежду, да на все растут цены, но почему-то зарплаты не растут, пенсии тоже, хотя о пенсии даже говорить не хочется – это не деньги» (32 года, старший лейтенант). Распределение ответов на вопрос о необходимости социальной помощи показало, что для 59,2% ветеранов этот вид помощи необходим. По данным нашего опроса, 68,8% респондентов нуждаются в улучшении жилищных условий, вторым по значимости оказался вариант ответа «материальная помощь» – 59,4%, на третьем месте оказался вариант ответа «медицинская помощь» - 14,1%. Многие из участников опроса не имеют собственного жилья, что обостряет и усиливает ощущение социальной несправедливости. “Еще ни один ветеран боевых действий в Волгоградской области не получил квартиру за счет федерального бюджета после 2005 года, если до 2005 года не написал заявление, то ничего не получаешь” (45 лет, подполковник). Распределение ответов на вопрос «Обеспечиваете ли вы в полной мере свою семью?» показывает, что 70,4%, опрошенных дали отрицательный ответ, и только 29,6% ответили на этот вопрос положительно. Данный факт крайне негативно сказывается на социальном самочувствии ветеранов. «Мы просто

не проживем на одну мою зарплату и пенсию. У меня двое детей и родители, которым тоже надо помогать. Если моя жена не будет работать, то мы не проживем на деньги, которые я зарабатываю. Когда задумываюсь об этом, начинаю сомневаться в правильности выбранной профессии. А то, что мы воевал, всеми уже давно забыто» (49 лет, старший лейтенант). Респонденты, ответившие, что способны обеспечить семью, отмечают, что заслуги государства в этом нет. «Семью обеспечиваю, но опять же, все это лично моими силами, поддержки от государства нет» (45 лет, подполковник). Степень поддержки ветеранов боевых действий со стороны государства является важнейшим показателем при изучении социального самочувствия данной группы. Официально ветераны боевых действий являются социально защищенной группой, которая поддерживается государством на разных уровнях, но на практике ситуация складывается не лучшим образом, провоцируя актуализацию чувства социальной несправедливости. Отвечая на вопросы анкеты, большинство респондентов отметили, что их лишь частично устраивает политика государства в отношении ветеранов боевых действий, а каждый пятый из опрошенных отрицательно оценивает усилия государственных органов в реализации этой политики. «Не устраивает! В городах федерального значения все льготы действуют, проезд для ветеранов бесплатный, и налог на машину не платят и ЖКХ, в общем, все льготы там действуют. Статус Москвы и Питера ставится выше, чем регионов. Но так ведь не должно быть! Законы для всех равны» (42 года, майор). В анкету исследования был введен вопрос «Оказывается ли помощь ветеранам боевых действий, в соответствии с законодательным актом, принятым государством?». Анализ полученной социологической информации показал, что, по мнению половины опрошенных, помощь оказывается частично, еще 18,3% отметили, что помощь не оказывается вовсе, и лишь 9,3% выразили уверенность, что поддержка осуществляется в полном объеме. «Не соответствует никакая помощь действительности. На бумагах написано много, но на самом деле, даже чтобы получить земельный участок, это очень проблематично. И даже если дают земельный участок, то дают там, где он вообще не востребован, он и ни к чему этот участок, это все так… формально» (35 лет, младший лейтенант). Данные глубинных интервью показывают, что многие ветераны получают лишь часть тех льгот, которые предусмотрены законодательством. «Это даже помощью назвать трудно, дают 2500 тысячи рублей, и это они называют помощью? Сейчас основные трудности связаны с деньгами, мне не нужны путевки в санаторий» (41 год, прапорщик) Таким образом, анализ собранной социологической информации убедительно свидетельствует о том, что эмоционально-когнитивная составляющая социального самочувствия волгоградских ветеранов боевых действий отражает наличие у этой группы сформировавшегося чувства социальной несправедливости, порожденного отсутствием эффективно реализуемой государственной политики поддержки и помощи участникам военных операций в зоне боевых действий.

Литература:

1. *Михайлова Л.И. Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социологические исследования. - 2010. - № 3 - С. 45-50.*
2. *Крупец Я.Н. Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности // Социологические исследования. - 2003. - № 4. – С. 143-144.*

Кушу Арсен Моссович,
Вооруженные силы РФ, Краснодар, Россия

Корпоративная идеология и социальная несправедливость

Корпоративная идеология и социальная несправедливость Современный мир характеризуется все большей сложностью и противоречивостью. Усиливающиеся процессы глобализации, накладывающиеся на постиндустриальные тенденции, сами по себе представляют собой значительный комплекс вызовов современным обществам. В этом плане особое внимание заслуживают тенденции социального расслоения, которые, хотя и в разной степени, затрагивают все страны, вовлеченные в мировой рынок. Это представляется логичным, так как процессы единения мира (глобализация) проходят на базе либерального капитализма, логика которого есть логика социальной поляризации, как убедительно доказывают сторонники марксизма [6]. Для капиталистической глобализации куда более подходящей является неолиберальная модель, которая в 70-80-х годах вытеснила более социально ориентированную кейнсианскую. Итогом стали беспрецедентнаясоциально-экономической поляризации в мировых масштабах. Так, по данным на 2006 г. 10% богатейших жителей мира владели 85% богатства планеты, в то время как нижние 50% располагали только 1%[7, 66]. Кроме того, глобализация меняет функциональную сущность национального государства, институты которого оказываются все более не способны обеспечить хотя бы видимость тенденций к социальному выравниванию, а стало быть к социальной справедливости. Итогом становится деформация государственной национальной идентичности, что наглядно свидетельствуют данные социологических исследований [5]. Результатом разрушения прежних самоопределений становится социальнаяаномизация, своего рода ценностный вакуум, требующий заполнения. Возможностями такого заполнения обладает корпорация, формирующая социальную идентичность индивидов и социальных групп, вовлеченных в корпоративное производство. Этому есть серьезные основания – с объективистской точки зрения корпорации представляют собой масштабные структуры, зачастую выходящие на международный уровень (транснациональные корпорации), а в субъективном плане корпорации выступают активными производителями и трансляторами особого мировоззрения – корпоративной идеологии.

Корпоративизм достаточно многофункционален, он подчинен задачам идейной интеграции рабочего коллектива, а так же может рассматриваться в качестве средства классовой борьбы. Ряд исследователей (М. Делягин) подчеркивают неизбежность формирования корпоративного сознанияввиду нарастанияинформационного массива, который индивидуальное сознание самостоятельно переработать не в силах. В этих условиях надличностное (корпоративное) сознание представляет собой своего рода «предохранительный клапан, встроенный стабилизатор», защищающий от огромных информационных объемов. В итоге формируется менее ответственная и односторонне развитая личность[4, 137],что облегчает задачу идеологического манипулирования. Корпоративизм как идеология является системой представлений, определяющих отношение работников данной компании какк ней самой, так и к внешним социальным обстоятельствам в целом. Специфические механизмы корпоративной интеграции стремятся к формированию внутренней солидарности, адаптирующей компанию к окружающим условиям, способствуя ее активности и долголетию[3].Для транслирования корпоративной идеологии применяются различные способы теоретического и практического плана.В ходе них навязываетсябезусловно позитивный образконкретной фирмы, где «нет места для противоречия между личностью и компанией. Между ними существует полное моральное единство»[1, 27]. В то же время, руководство компании, навязывая корпоративизм, одновременно нацелено на ослабление классового сознания. Последнее скорее оппонирует корпоративизму, поскольку предполагает антагонизм в данном случае руководства и рядового персонала. Ряд распространенных мер, призванных объективно ослабить формирование устойчивых групп (заемный труд, подчинение профсоюзов) среди рабочего персонала, наталкивается на ответные меры со стороны последнего (альтернативные профсоюзы)[2]. При определенных успехах конечная победа корпоративизма над классовым сознанием вряд ли возможна в принципе, так как тому создают непреодолимое препятствие объективные факторы. Речь идет об усиливающемся расслоении внутри самих корпораций, которые, будучи нацелены исключительно на прибыль, сохраняют свою капиталистическую классовую природу. На основании вышеизложенного считаем возможным предложить следующие заключения.

1) Логика развития глобализационных процессов приводит к усилению социально-экономического расслоения, а следовательно к социальной несправедливости, в свою очередь способствующей тенденциям деформирования прежних групповых идентичностей. В контексте этого корпорация, зачастую выступающая как своего рода замещение прежних групповых структур, расширяет возможности формирования у персонала групповой (корпоративной) идентичности, посредством идеологии корпоративизма.

2) Непреодолимым препятствием для полного господства корпоративной идентичности в крупных компаниях является их жесткая иерархическая структура и социально-экономическое расслоение. Это

объективно ведет к неизбежности внутренних антагонизмов и классовым самоопределениям, в целом препятствуя субъективному единству работников предприятия.

Литература:

1. *Арапов А.В. Формирование корпоративной культуры и ее значение для управления компанией // Экономика, предпринимательство и право- 2013 - № 1 (18) - С.26-30 .*

.

Лихачев Николай Егорович,
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова, Могилев, Республика Беларусь

Проживание в сельской местности как фактор риска в справедливом получении социальных благ

Аграрная сфера общества – жизненно важная отрасль, от состояния которой зависит социальная стабильность государства, жизненный уровень населения, продовольственная безопасность страны и др. Но сельская местность представляет собой также территорию обитания для значительной части населения, которое живет по специфическим правилам и устоям аграрного расселения, имеет свои социально-экономические интересы. Сельские поселения Беларуси, в том числе и Могилевской области, переживают трудные времена, обусловленные сокращением численности сельского населения, миграцией молодежи в города, падением престижа аграрного труда, ухудшением качества трудовых ресурсов и др. Несмотря на наличие комплекса современных проблем, сельские поселения выполняют ряд важнейших социальных функций. Как значимая подсистема социально-экономической жизни она обеспечивает проживание значительной части населения, решает продовольственные и сырьевые потребности общества, сохраняет нравственно-духовные основы и культурные традиции, воспроизводит и сохраняет человеческий капитал, обеспечивает экологическую безопасность и др. Эмпирическую базу исследования составили результаты социологических интервью 414 жителей различных типов сельских поселений Могилевской области; аудиторный опрос 197 студентов средних специальных и высших учебных заведений сельскохозяйственного профиля. Город и село представляют собой существенно отличающиеся друг от друга поселения и общности, это в первую очередь, отличия качественного и структурного планов, но не менее важны и количественные. Классик социологической мысли Макс Вебер определил совокупность следующих различий между селом и городом: количественный признак, размер селения и его планировка, характер соседских связей (личный или обезличенный), характер и структура занятости населения, производственная специализация, степень развития торговли, наличие или отсутствие постоянного товарообмена, концентрация

государственного аппарата и т.д. [1, с.335] Немало мер предпринято в направлении удержания населения в селах и созданию в селе условий, близких к городским. В частности строительство и развитие агрогородков, внедрение в них социальных стандартов. Сравнивая современную сельскую жизнь с той, которой она была 20 лет назад, 51,0% сельчан говорят о ее улучшении; 14,7% полагают, что она осталась без изменений; 28,5% – что ухудшилась. Очень показательны ответы на вопрос: «На какое место жительство Вы ориентируете или будете ориентировать своих детей (внуков)?». Только 10,4% жителей села считают, что по такому принципиальному вопросу их дети должны принимать решение самостоятельно. В других случаях чаще всего сельчане ориентируют или намерены ориентировать своих детей на переезд в крупный город (48,1%) или в райцентр (14,1%), т.е. на проживание не в сельской местности. Ориентируют своих детей на проживание в средненаселенном селе или малой деревне 11,4% жителей села, на проживание в агрогородке – 16,9%. Для разработки подобной системы мер важно установить факторы, оказывающие влияние на желание населения проживать в сельской местности, и те которые напротив вызывают стремление переехать из села в город. Как свидетельствуют ответы самих сельчан, в большей мере способствуют удержанию населения следующие причины: привычка жить в селе - 45,9%; спокойная жизнь - 38,6%; возможность ведения приусадебного хозяйства - 31,4%; близость к природе - 24,2%; экологическая обстановка - 21,0%; меньше денежных расходов - 13,8%; сплоченность населения - 8,0%; близость к культурным традициям народа - 2,9%. Чем привлекают население города? Результаты интервью сельчан свидетельствуют о том, что причиной тому являются: больший выбор рабочих мест в городе - 45,7%; более высокий уровень жизни в городах - 39,6%; больше возможностей для образования - 37,0%; не нравится сельский образ жизни - 33,6%; больше возможностей для досуга - 28,3%; лучший уровень развития медицины - 20,0%. Отсюда следует главный вывод – городская среда привлекает население более широкими возможностями, в первую очередь, возможностями трудоустройства и выбора сферы деятельности. В селе выбор рабочих мест гораздо более ограничен, основной сферой занятости населения является сельское хозяйство. Нередко люди трудоустраиваются сюда не по призванию, а ввиду отсутствия выбора. Это обуславливает мотивационный вакуум. Сельскохозяйственное производство обладает значительной спецификой (циклический характер производства, зависимость от природных и погодных условий), что обуславливает неравномерность производства и тяжелые условия труда. В настоящее время в агропромышленном комплексе уровень заработной платы является более низким по сравнению с другими отраслями производства, а значит у сельского населения ниже уровень благосостояния, нежели в среднем по городам (причем не только материального благосостояния, но и социального, связанного с развитием социальной инфраструктуры). Последнее обстоятельство является еще одним фактором, который вызывает у сельского населения желание переехать в

город. Таким образом, чаще всего в ряду таких факторов оказываются те, которые связаны с городской, а не сельской жизнью, т.е. люди, будучи нацеленными на переезд в город, зачастую стремятся к тем возможностям, которые они могут получить в городе, а не «бегут» от обстоятельств и сложностей сельской жизни.

Литература:

1. *Вебер, М. История хозяйства. Город / Пер. с нем. под ред. И. Гревса. - М., 2001.*

Лынник Олег Владимирович,
БашГУ, Уфа, Россия
Рахматуллина Зиля Борисовна
БашГУ, Уфа, Россия

Взаимосвязь социальной несправедливости с состоянием социального порядка

Социальное государство, провозглашающее равные права и возможности для своих граждан, с неизбежностью призвано формировать такие взаимоотношения в обществе, которые соответствуют представлениям о социальной справедливости. Обратимся к содержанию данного понятия. Сложность его определения связана с тем, что социальная справедливость – одна из наиболее значимых общечеловеческих ценностей, и поэтому сопряжена с ментальным и эмоционально-нравственным восприятием. Согласно энциклопедическому словарю педагога, социальная справедливость – это социально-политическая категория, которая выражается в отношении трудовых усилий и вознаграждения за них либо же наказания, а также роль человека в жизнедеятельности и его статуса в обществе [1]. Несоответствие в отношениях «трудовые усилия – вознаграждение /наказание» или «роль человека – его статус» рождает социальную несправедливость. Социальная несправедливость – это не только научная категория, но, в первую очередь, эмоционально окрашенное восприятие социальной действительности. Этим объясняется то, что самые разные слои и группы в обществе могут испытывать чувство социальной несправедливости: малоимущие и богатые, сельские жители и горожане, молодежь и пенсионеры и т.д. Социальный же порядок – это философско-социологическое понятие, которое отражает совокупность процессов и изменений, присущих социуму, отражающихся в поведении и взаимодействии индивидов и на функционировании социальной системы в целом [2]. Самым близким по отношению к социальному порядку понятием выступает нормативный порядок. Он представляет собой систему правил и разделяемых ожиданий, которые регулируют частные социальные ситуации. Общей категорией в социальной справедливости и социальном порядке выступают отношения в обществе. Регулировать отношения в обществе должно государство, как основной социальный институт.

Общественное и государственное устройство в нашей стране в настоящее время далеко от состояния стабильности в силу тех процессов, которые «развернули» историю России в направлении рыночной экономики. Рыночная экономика призвана мотивировать предпринимательскую деятельность, но в то же время не обеспечивает социальной справедливости. Государство может быть сильным и социальным только при устойчиво развивающейся экономике, потому что только в этом случае оно может влиять на сокращение разрыва в заработных платах и доходах различных слоев населения, поднимать уровень и качество жизни, влиять на изменение цен, противостоять коррупции, обеспечивать социальную защиту гражданам, нуждающимся в помощи. Важнейшим социальным последствием перехода к рыночной экономике стала новая стратификация российского общества. По мнению Т. И. Заславской, 7% от всего населения страны занимает верхний слой, в который входят крупные предприниматели и субъекты политических реформ. 20% составляет средний слой, состоящий из мелких предпринимателей. 8% и 5% - это нижний слой и социальное дно. Но самым большим слоем является базовый слой (интеллигенция, технический персонал, рабочие и работники массовых профессий в сфере торговли и сервиса) – около 60%. Именно данный слой, видя уровень жизни верхнего слоя и ощущая социальную несправедливость, имеет достаточно знаний и средств для выражения социального протеста. Социальный протест – это протест, направленный против социального неравенства, проблем, существующих в обществе. Зачастую он носит экономический характер, но имеет свойство перерастать в протест политический. Социальная психология усматривает причины социальных протестов не столько в реальном положении дел в государстве, сколько в восприятии обществом существующих проблем. В информационную эпоху формирование восприятия у потребителей информации существенно облегчается использованием различных технологий, имеющих целью создать виртуальную реальность, способную подготовить протестные акции. Начиная с 2011 года существует практика протестов через социальную сеть, или молчаливых протестов. Драматичность ситуации состоит в том, что свобода и стремление к самовыражению в виртуальном пространстве, не подкрепленные необходимыми в реальной жизни коммуникативными навыками и социальной зрелостью, дополненные навязанной предвзятостью в оценках событий и фактов, могут привести к печальным последствиям. Ярким примером можно считать волну антикоррупционных митингов 26 марта 2017 года. Пикеты прошли в 82-х городах России, при этом большинство из них не было согласовано с администрациями. Это является прямым нарушением "Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ. По итогу указанных акций, 26 марта только в Москве было задержано 1030 человек [3]. Несомненно, что социальный протест можно считать следствием ощущения социальной несправедливости, а несанкционированные действия, направленные на политизацию и радикализацию общественной активности, нарушают

нормативно-правовой порядок и влекут за собой парализацию функционирования общественных систем. Таким образом, социальная несправедливость напрямую влияет на состояние социального порядка, разрушая его. Тем не менее, общественный протест является фактором, побуждающим государственную власть и существующие общественные институты активнее направлять свою деятельность на улучшение материального и духовного состояния граждан страны.

Литература:

1. *Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога).— Екатеринбург. В.С. Безрукова. 2000. [Электронный ресурс] // URL: https://www.psyoffice.ru/6-1010-socialnaja-spravedlivost.htm (дата обращения 20.01.2018).*
2. *Новейший философский словарь. — Минск: Книжный Дом. А. А. Грицанов. 1999. [Электронный ресурс] // URL: http://www.e-reading. by/chapter. php/ 149350/1137/Gricanov_-_Noveiishiii_filosofskiii_slovar%27.html (дата обращения 20.01.2018).*
3. *Дело 26 марта. ОВД-Инфо [Электронный ресурс] // URL: https://ovdinfo.org/story/delo-26-marta (дата обращения 20.01.2018).*

Малышев Константин Борисович,
ВоГУ, Вологда, Россия
Малышева Ольга Александровна
ВИПЭ, Вологда, Россия
Асташов Владимир Николаевич
ВоГУ, Вологда, Россия

Опыт измерения социальных установок студенческой молодежи к мигрантам

Опыт измерения социальных установок студенческой молодежи к мигрантам К.Б. Малышев, В.Н. Асташов, О.А. Малышева

Мигранты становятся все более заметной, хотя и неустойчивой социальной группой, оказывающей влияние не только на рынок труда, но и на социальную ситуацию в российском обществе. Об этом свидетельствуют как данные государственной статистики, так и социологические опросы населения. С увеличением количества мигрантов коренное население постепенно начинает менять свои взгляды и оценки с позитивных или нейтральных на негативные по отношению к поселившимся рядом с ними «чужакам», удовлетворение социально-культурных и экономических потребностей которых требует от государства выделения дополнительных дефицитных социальных и экономических ресурсов. Наиболее заметен рост негативного отношения к мигрантам среди молодёжи. «Число молодых респондентов, считающих влияние мигрантов на культуру России разрушительным, более чем в два раза больше, чем тех, кто оценивает это влияние положительно» [1, с.273].

Отношение населения к мигрантам формируется под воздействием различных факторов условий жизни и изменений, происходящих в массовом

сознании. Выстраивая своё отношение к мигрантам, молодёжь более других социальных групп подвержена влиянию ксенофобских настроений, что нельзя не учитывать органам государственного управления при разработке и реализации молодёжной политики. Поэтому так важно иметь эффективные методологические инструменты для диагностики и мониторинга динамики социальных изменений в молодёжной среде, в том числе измерения установок к мигрантам.

Исследуя установки студенческой молодежи к мигрантам, авторы исходили из понимания установки как готовности действовать определённым способом с теми или иными социальными объектами на основе устоявшихся взглядов и сформировавшегося к ним отношения. Мигрант – это лицо, которое меняет место жительства в государстве или переезжает на постоянное место жительства в другое государство по причине национально-правовой, экономической, политической нестабильности. В исследовании приняли участие студенты четырех вузов Вологодской области: Вологодский государственный университет (ВоГУ), Вологодский институт права и экономики (ВИПЭ), Вологодская государственная молочно-хозяйственная академия (ВГМХА), Череповецкий государственный университет (ЧГУ). Общее количество испытуемых составило 690 человек, в том числе 150 человек (ВоГУ), 120 человек (ВИПЭ), 120 человек (ВГМХА), 300 человек (ЧГУ). Анкетный опрос проходил в сентябре – октябре 2017 года.

На первом этапе исследования была разработана базисная метрическая модель проявления социальной установки личности к мигрантам. Для решения этой задачи был использован многомерный типологический подход на основе принципа семантической близости, что позволяет осуществлять сопоставление множества характеристик объекта или понятия с характеристиками другого множества, являющегося эталонным типологическим семантическим базисом [2]. Базис – это множество элементов, обладающих полнотой и порядком [3]. Отношение к мигрантам рассматривалось как «положительное», «отрицательное» и «безразличное». Установки имеют три измерения: аффективное, когнитивное и поведенческое. Оценка каждого суждения проводилась с использованием симметрической пятибальной шкалы от -2 до +2: -2 (не согласен), -1 (скорее не согласен, чем согласен), 0 (неопределенный случай), +1 (скорее согласен, чем не согласен), +2 (согласен), которые в итоге соответствуют положительным оценкам: 1, 2, 3, 4, 5. В итоге мы получаем уровни выраженности этих типов «установки»: (3-4) - это низкий уровень, (5-9) – это средний уровень, (10-15) – это высокий уровень. На основе данной модели были сформулированы 36 суждений об отношении к мигрантам, которые оценивали респонденты. Были получены следующие результаты измерения социальных установок студентов вузов Вологодской области к мигрантам. В целом по выборке: позитивное отношение - 15,5%; безразличное отношение - 72,5%; отрицательное отношение - 12,0%. Распределение оценок в зависимости от пола, возраста и школы, где обучались респонденты до поступления в вуз (городская или сельская) выглядит следующим образом. Женщины: позитивное - 28,8%;

безразличное - 43%; отрицательное - 15,8%. Мужчины: позитивное - 23,0%; безразличное - 59,8%; отрицательное - 17,3%. Возраст 18-20 лет: позитивное - 17,3%;, безразличное - 66,5%;, отрицательное -11,5%. 21-25 лет: позитивное - 11,5%, безразличное -64,0%; отрицательное - 24,5%. 26-30 лет: позитивное - 10,3%; безразличное - 83,0%; отрицательное - 6,8%. Выпускники городских школ: позитивное - 30,0%; безразличное - 45,8%; отрицательное - 7,3%. Выпускники сельских школ: позитивное - 37,3%; безразличное - 51,3%; отрицательное - 32,3%. Выпускники поселковых школ: позитивное - 19,8%; безразличное - 54,8%; отрицательное - 25,5%. Опыт измерения установок показал эффективность измерительной способности разработанной анкеты. Работа выполнена в ВоГУ в 2017 году при поддержке РГНФ (грант № 17-03-00335).

Литература:

1. *Мастикова, Н.С. Динамика отношения российской молодёжи к мигрантам // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып.15 / Отв. Ред. М.К. Горшков. – М.: Новый Хронограф, 2017. - 568 с.*
2. *Малышев, К.Б. Многомерная типологизация психологической информации / К.Б. Малышев. - Вологда: ВоГУ, 2016. - 167 с.*
3. *Ганзен, В.А. Системные описания в психологии / В.А. Ганзен. - Л.: ЛГУ, 1984. - 176 с.*

Масалков Игорь Константинович,

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Изучение социальной несправедливости как вызов российской социологии

Понятие «социальная справедливость» является философской категорией. Уделяемое ей пристальное внимание на протяжении многих веков свидетельствует об эволюции человеческой мысли и социальных систем. Главным образом, это объясняется стремлением жить в справедливом обществе, допуская при этом, что несправедливость всегда имела место. Мыслители еще с далеких времен античности поднимали вопрос о всеобщей справедливости независимо от конкретного типа человеческого сообщества. Концепция социальной справедливости явилась частью социальной доктрины как Ислама, так и католической Церкви, что отмечается в нескольких энцикликах, включая Rerum Novarum. С позиции современности понятие «справедливость» безусловно имеет культурную составляющую, меняющуюся в зависимости от обычаев, традиций, социальных структур и коллективных представлений, что затрудняет создание емкой и полной его дефиниции. Более того, социальная справедливость также является понятием, которое меняется со временем, и то, что социально справедливо сегодня, может стать несправедливым, если контекст изменится. Поэтому его разработка требует подхода, сочетающего философию, теологию, экономику, этику и политическое право. В

философии справедливость как индивидуальный или коллективный идеал была предметом многих теорий, соотносивших ее с другими понятиями, такими как свобода, равенство, социальный мир. Справедливость в своем нравственном смысле утверждает легитимность, а справедливость в юридическом смысле подводит нас к пониманию законности. Главными формами неравенств являются неустранимое в принципе неравенство имущественное и статусное. Например, в экономической сфере производства и распределения благ между людьми социальная несправедливость формулировались в рассуждениях П. Сорокина понятным языком: несправедливым будет - равное вознаграждение за неравный труд и неравное вознаграждение за равный труд [4]. Процесс становления несправедливого имущественного и статусного расслоения в отдельно взятой стране может растягиваться во времени на несколько десятилетий или даже веков, а потому не замечается современниками, что не снимает ответственность с социологов. Сама возможность достижения идеальной справедливости подвергалась критике многими мыслителями. Ж.-Ж. Руссо отвергает идею реальной справедливости: в своих трактатах он объясняет, что общества только и совершают «издевательство» над справедливостью[3]. Близко к этой точке зрения Ницше считает, что справедливость является следствием рабского менталитета массы слабых и их негодования против сильного[2]. К началу XXI-го века утвердилась внутренне противоречивая западноевропейская концепция справедливости, в рамках которой мы так и не получаем четкого ответа на вопрос: Справедливость она подразумевается в отношении отдельного индивида или общества в целом, кто в каждом случае определяет нормы справедливости? Согласно этой концепции, наиболее полно представленной в работе либерала Д. Роулза [6] социально справедливым является такой порядок жизнедеятельности людей и общества, который: 1. гарантирует базовые свободы для всех; 2. соблюдает принцип воздаяния по заслугам; 3. устанавливает «справедливое» равенство возможностей; 4. содействует сохранению и развитию интеграции людей в обществе; 5. сохраняет единственные неравенства, которые приносят пользу наиболее обездоленным. Россияне живут сегодня в системе, основанной на накоплении капитала. В ситуации второй за последние десять лет волны экономического кризиса и в контексте глобализации и рационализации систем менеджмента все большее число соотечественников оказывается на обочине жизни. Испытывающее колоссальные диспропорции в доходах и соблюдении прав человека российское общество нуждается в качественном диагнозе и терпеливом самоизлечении. Социология призвана помочь обыкновенному человеку рационально осмыслить свое место в хаосе общественных процессов. Но и общественные элиты, властвующие и стремящиеся к власти, должны уяснить природу болезни общества, понять, что это болезнь всех и каждого, включая тех, из кого состоят сами эти элиты. Это справедливо и в отношении исследователей-социологов. Врачеватель должен исцелиться сам, а для этого — предложить методы, позволяющие понять характер состояния общества, больших групп и малых элит,

индивидов и самих себя. Решению этих задач может способствовать методология клинической социологии, опирающаяся на качественную методологию. Использование методов погружения в субъективность позволяет получать свидетельства от людей, которые испытали социальную несправедливость, чтобы использовать их в наших исследованиях и, а это самое главное, доносить до общественного сознания причинно-следственные связи пространств социального страдания. Примеры исправление несправедливости на семейном уровне уже были прописаны классиками. К их числу можно отнести «Очерк о даре» М. Мосса [1] и «Синдром предков» А.А. Шутценбергер[5]. Другим блистательным примером исправление исторической несправедливости было в 1992 г. — в год пятисотлетия исхода евреев из страны — признание королем Испании Хуан-Карлос ошибки изгнания иудеев и просьба, обращенная к евреям, простить за причиненное зло. Закрывать глаза на социальную несправедливость - готовиться к революционным брожениям, поэтому одной из главных стоящих перед социологией задач является поворот к взаимодействию с гражданским обществом.

Литература:

1. *Мосс М. Очерк о даре // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / Пер. с фр. А.Б. Гофмана. М., 1996.*
2. *Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / Пер.с нем. Е.Герцык и др.—М.: Культурная Революция, 2005.*
3. *Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. - М.: "КАНОН-пресс", "Кучково поле", 1998.*
4. *Сорокин П.А. "Человек. Цивилизация. Общество".- М., Изд-во политической литературы, 1992.*
5. *Шутценбергер А.А. Синдром предков. Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциограммы / Пер. с франц. И.К. Масалкова. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2001.*
6. *Rawls J. Théorie de la justice.- trad. par Catherine Audard, Paris, Seuil, 1987.*

Миронова Светлана Викторовна,

Алтайский государственный медицинский университет, Барнаул, Россия

Тимченко Наталья Станиславовна

Алтайский государственный медицинский университет, Барнаул, Россия

Адаптационные процессы в современном медицинском образовании: справедливость ожиданий иностранных студентов

Двадцать первый век сопряжен с усилением миграционных процессов. Миграция становится неотъемлемой частью современного мира. Особую значимость и положительную динамику в нем приобретает учебная миграция. Данная тенденция характеризует миграционное поведение людей в мировом масштабе. В настоящее время количество иностранных студентов в общей численности обучающихся в российских вузах также неуклонно

увеличивается. Сегодняшние иностранные студенты это потенциальные будущие соотечественники. Российская высшая медицинская школа является механизмом воспроизводства медицинской профессии, в которую через несколько лет придут профессионалы со своей особой культурной идентичностью. Это еще в большей степени актуализирует проблему социокультурной адаптации иностранных студентов, выводя ее за узкие рамки приспособления исключительно к образовательному процессу и необходимости изучения в более широком контексте. Социокультурная адаптация представляет собой процесс и результат активного приспособления этнических групп (и отдельных индивидов - их представителей) к условиям другой социокультурной среды. При успешном завершении адаптации принимаются ее ценности, традиции, нормы и стандарты поведения как свои собственные и совершаются действия в соответствии с ними [1]. Иностранные студенты, приезжая в другую страну, вынуждены адаптироваться, усваивая культурные образцы и нормы для успешного функционирования в новой социокультурной ситуации. Прежние образцы и модели поведения, привычные для их культуры не всегда могут быть применимы в новой среде, поэтому требуется время и определенные усилия со стороны студента по преодолению трудностей адаптации и вхождения в новую социокультурную среду. Проведенный в 2016 г. социологический опрос 306 студентов-иностранцев АГМУ позволил сформировать представление об их установках и социальных ожиданиях, выявить проблемы процесса адаптации для последующего конструктивного их решения в управленческом и организационном плане. Больше половины иностранных студентов представляют республику Казахстан(53,5%); вторая по численности группа — это граждане Таджикистана(37,7%). Эффективность социокультурной адаптации студентов определяется их желанием/нежеланием остаться и продолжать обучение в выбранном вузе. Причины, по которым студенты хотят уехать или желают остаться и продолжать обучение могут быть разные, чаще всего они связаны с низкими адаптационными возможностями студента, снижающими их включенность в новую социокультурную ситуацию, что определяющим образом влияет на дальнейший выбор. Большинство респондентов выразили желание остаться и продолжать обучение. Свое намерение они объясняют тем, что здесь они гораздо способнее, чем дома (66,7%), здесь они учатся по желаемой специальности (88,9%). Данная группа респондентов продемонстрировала более высокие адаптационные возможности. Практически 70% представляли жизнь в России такой, какой она и оказалась, они перед отъездом были проинформированы о жизни в России, что свидетельствует о положительном отношении и принятии новой социокультурной ситуации. Другая часть респондентов (10%) высказались о желании уехать домой в связи с трудностями адаптации и недостаточностью знаний, чтобы учиться в вузе. В данной группе респонденты продемонстрировали меньший уровень информированности о жизни в России. Это повлияло на их вхождение в новую социокультурную среду, настроенность на расширение социальных

связей. В зависимости от этих позиций можно говорить о разных моделях социокультурной адаптации. Это, в свою очередь, определяет справедливость/несправедливость ожиданий студентов, приехавших обучаться в Россию, оправданность их надежд на получение российского высшего образования. Сложности адаптации связаны, в первую очередь, с недостаточным знанием русского языка, что отмечает каждый пятый респондент. Эта проблема больше присуща студентам из Таджикистана, где присутствие в культурном пространстве русского языка заметно меньше, чем в соседнем Казахстане. Негативные этнические стереотипы со стороны одногруппников или преподавателей отметили 8,1% иностранных студентов, 5,2% респондентов тревожит незнакомая, чужая культура. Все остальные сложности адаптации (насыщенная программа обучения, незнакомый город, самостоятельный образ жизни и связанные с этим бытовые тяготы) не имеют социокультурной обусловленности. На основе этого в систему адаптации иностранных студентов целесообразно включить организацию курсов по интенсивному изучению русского языка как иностранного, активизировать работу кураторов и структур вуза по активному вовлечению иностранных студентов в общественную и культурную жизнь вуза. Большинство респондентов (65,8%), несмотря на сложности и возникающие проблемы, ответственность за происходящее связывают с собой, со своими усилиями и способностями. Они полагают, что их ожидания справедливы (94,5%), что свидетельствует об оправданности их надежд на получение российского высшего образования. Проведенное исследование подтверждает инструментальные возможности социологии в анализе адаптационных процессов в современном российском медицинском образовании.

Литература:

1. *Южанин М.А. О социокультурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу // Социс. 2007. № 5. С. 70-77.*

Михайлов Валерий Алексеевич,
Тверской государственный университет, Тверь, РФ

Социальное неравенство в современной России (мнения и оценки студенческой молодежи)

В настоящее время проблема социального неравенства перестает быть темой дискуссий исключительно экспертной среды. Постепенно данная проблема центробежно смещается из периферии общероссийского медиа-пространства и устремляется в эпицентр уже публичной политики. В связи с этим встает задача повсеместной тематизации наиболее острых вопросов этой проблемы, в том числе в отношении отдельных регионов Российской Федерации, особенно – наиболее активной части населения. В апреле-мае 2017 года Лабораторией социальных исследований Тверского государственного университета было проведено социологическое

исследование с целью выяснения господствующего мнения и характерного отношения студентов к социальному неравенству. Было опрошено 354 студента различных курсов и разных факультетов двух основных вузов Тверской области – Тверского государственного университета и Тверского государственного технического университета. По результатам опроса можно сделать следующие основные выводы: 1. Все без исключения респонденты (100%) осознают, что в настоящее время в России существует феномен социального неравенства (в той или иной форме). 2. Из этих форм на первое место респондентами поставлено неравенство бедных и богатых (около 90% опрошенных отметили именно этот вариант ответа при возможности выбрать несколько вариантов ответа). На втором месте расположился неравный доступ к социальным благам (63%). Третья наиболее заметная форма социального неравенства для опрошенных – неравенство предоставленных возможностей (29%) 3. В качестве главенствующих причин существующего в России социального неравенства в качестве наиболее значимых были определены следующие социальные процессы (по степени значимости): низкий уровень доходов, несправедливое распределение доходов, характер проводимой в стране социальной политики, высокий уровень инфляции и т.д. 4. Если переходить от когнитивного уровня общественного мнения к чувственно-эмоциональному, то следует отметить тот знаменательный факт, что более двух третей (67%) опрошенных студентов осознают социальное неравенство как отрицательный социальный феномен и при этом испытывают чувство несправедливости разной степени интенсивности и разного уровня протестного потенциала. Надо отметить, что целых 14% респондентов не увидели в этом явлении ничего отрицательного, хотя и не смогли выявить также ничего положительного (демонстрация нейтрального, а может быть и аморфного отношения к социальному неравенству). Последнее, что следует здесь отметить, это то, что не нашлось ни одного респондента, который бы расценил социальное неравенство как исключительно положительный феномен. 5. Большинство респондентов (67%) согласились с тем, что в целях снижения социальной напряженности необходимо проводить политику снижения существующего уровня социального неравенства. Лишь 1% респондентов заявили, что этого, скорее, в существующих условиях делать не нужно. Вполне вероятно, что на данный расклад повлияли ценностные устремления студентов: в рейтинге ценностного ряда богатство поставлено на первое место (29% респондентов), далее следуют – власть (26%), трудолюбие (25%), честность (19%) и т.п. Показательно также то, что относительно отношения к «богатству» мнения респондентов распределились следующим образом: 28% респондентов относятся к данному явлению достаточно отрицательно, но 56% нейтрально и 14% положительно. 6. Для точного описания оценочных суждений студентов в отношении социального неравенства важным является не только общее отношение студенческой молодежи к данному социальному феномену, но и соответствующие представления о допустимом уровне социального неравенства. Оказалось, что наибольшее количество респондентов выбирают

в качестве максимально допустимого разрыва между богатыми и бедными параметр «не более чем в 2-3 раза». 7. Для анализа поведенческих характеристик общественного мнения студенческой массы было интересно посмотреть, каково общее социальное самочувствие студентов и с какой социальной стратой они себя и своих ближайших родственников соотносят. Оказалось, что 57% респондентов в целом довольны своим положением в обществе и при этом большинство респондентов посчитало, что они находятся точно в таком же социально-экономическом положении, как и другие люди. Естественно, важным является не только наличное состояние, но и проективные установки опрашиваемых студентов. В этом отношении оказалось, что половина респондентов (51%) посчитала вполне возможным в будущем улучшение своего нынешнего материального положения. Следует отметить и тот факт, что хотя достаточно большое количество респондентов (33%) выказали некоторую неуверенность, смогут ли они улучшить свое положение, тем не менее, в итоге эти студенты склонились к положительному ответу на поставленный вопрос. Таким образом, у студенческой молодежи восприятие окружающего мира окрашено в достаточно оптимистические тона и в целом снижает вероятность протестных настроений. 8. Показательным и эвристичным явился анализ таблиц сопряженности. Например, отношение к богатству и бедности оказалось напрямую зависимым от уровня дохода респондента и его семьи, а также от степени удовлетворенности своим социальным статусом.

Михайлов Сергей Валерьевич,
Тверской государственный университет, Тверь, РФ
Михайлова Оксана Дмитриевна
УВД, Тверь, РФ

Социальная несправедливость в системе здравоохранения (на примере сестринского персонала)

Главной целью деятельности государства в области здравоохранения является формирование устойчивой системы, способной обеспечить доступность медицинской помощи и высокое качество медицинских услуг. При этом весьма важную роль в осуществлении этой цели должен играть сестринский персонал, так как медсестры являются самой многочисленной группой в профессиональной структуре медицинских работников России. Однако в настоящее время, медицинские сестры не играют заметной роли в формировании социальной политики в сфере здравоохранения. Реализация программы развития сестринского дела в Российской Федерации до 2020 года, кроме всего прочего, подразумевает создание достойных условий труда и социальной защищенности специалистов сестринского дела и повышение

престижа профессии специалистов сестринского дела, ибо в качестве основных проблем в современном российском сестринском деле выступают дефицит сестринских кадров, низкий престиж профессии медицинских сестер, неэффективность управления деятельностью медицинских организаций. В настоящее время реализация потенциала данного элемента системы российского здравоохранения находится под угрозой. Связано это, прежде всего, с крайне низким уровнем оплаты труда работников, а также отсутствием единой универсальной системы оплаты, крайне дифференцированной структурой доходов работников в коммерческих и некоммерческих медицинских организациях. Данные проблемы коррелируют с основными проблемами, присущими всей системе российского здравоохранения: неудовлетворенность персонала действующей системой оплаты труда в государственных бюджетных учреждениях здравоохранения; работа в учреждениях здравоохранения предъявляет высокие требования к здоровью медицинского персонала учреждения: высокая физическая нагрузка и выносливость; высокая психологическая составляющая – постоянный контакт с людьми разного возраста, пола и характера, сопровождающийся обилием стрессовых ситуаций; частое формирование синдромов профессиональной хронической усталости и эмоционального выгорания; постоянная ответственность медицинского персонала за здоровье и жизнь пациентов; необходимость немедленного принятия решений, сопровождающаяся высокой степенью риска; отсутствие системы качества в управлении учреждением. Ниже упомянутая проблематика рассматривается на примере Государственного бюджетного учреждения Тверской области «Областная клиническая больница» (ГБУЗ ТО «ОКБ»), где наибольший удельный вес в структуре персонала принадлежит среднему медицинскому персоналу:2014 г. – 541 человек или 40,83% от общей структуры всего кадрового состава больницы; 2015 г. – 541 человек или 39,92% от общей структуры; 2016 г. – 562 человека или 38,84% от общей структуры. Отмечается рост среднего медицинского персонала, не имеющего категории или имеющего вторую категорию, что связано с привлечением молодых специалистов. Система оплаты труда работников устанавливается с учетом базовых окладов (базовых должностных окладов, базовых ставок заработной платы) по 4-м профессиональным квалификационным группам; выплат компенсационного характера; выплат стимулирующего характера; выплат социального характера; создания фонда стимулирования. При этом размер заработной платы обеспечивается за счет работы по совместительству. К тому же система не вполне учитывает качество оказываемой медицинской помощи; конкретный вклад отдельного работника в общие результаты; напряженность и сложность труда специалистов в области медицины. Так, в системе оплаты труда старших медсестер учреждения наблюдается явное несоответствие в уровне заработной платы. В оплате труда сестринского персонала не учитываются критерии качества их работы. В ходе проведения глубинных интервью с представителями медицинского персонала ГБУЗ ТО «ОКБ» (в частности, в отношении уровня и характера оплаты труда) были

выявлены следующие весовые коэффициенты критериев оценки качества труда сестринского персонала:

Критерии	Весовые коэффициенты
1. Организация рабочего места, сохранность имущества	0,1
2. Качественное и своевременное выполнение врачебных назначений	0,1
3. Четкое и грамотное ведение медицинской документации	0,2
4. Интенсивность и сложность выполненной работы, универсальность медсестры	0,3
5. Отсутствие жалоб со стороны пациента, его родственников, сотрудников отделения, администрации больницы	0,1
6. Отсутствие нарушений правил получения, учета и хранения медикаментов и расходных материалов	0,1
7. Отсутствие нарушений правил по охране труда и технике безопасности и санитарно-эпидемиологического режима -	0,05
8. Отсутствие нарушений правил по охране труда и технике безопасности	0,05
Итого:	1,0

Представляется, что последующие исследования позволят снизить уровень неравенства в оплате труда работников медицинских учреждений и выполнить основные целевые установки Программы развития сестринского дела в Российской Федерации до 2020 года.

Моисеева Елена Алексеевна,
Снежная королева, Самара, Россия
Кочеткова Наталья Викторовна
Самарский Государственный Экономический Университет, Самара, Россия

Карьера и карьерные предпочтения выпускников вузов на современном рынке труда

В современных условиях вопросы конкурентоспособности, трудоустройства и развития карьеры молодежи приобретают особую актуальность. Россия лидирует по доле поступающих на программы бакалавриата и специалитета. По данным Росстата, соотношение зачисляемых в вузы и численности молодежи в возрасте 17 лет возросло в 2000 - 2013 годов с 50% до 89%. Интерес к профессиональной карьере как объекту исследования формируется в индустриальном обществе, в условиях стремительно развивающегося производства и растущих экономических потребностей общества. Понятие «профессиональная карьера»

использовалось в деятельности профессиональных ориентаций в значении должностного роста, то есть сменой должности в конкретной организации. В теории управления персоналом карьера - это результат осознанной позиции и поведения человека в области трудовой деятельности, связанный с должностным или профессиональным ростом. В других источниках, карьера – это цепь событий, которая составляет жизнь, последовательность профессиональных занятий и других жизненных ролей, которые вместе выражают приверженность человека действовать в соответствии с его обобщенной моделью саморазвития. Карьеру, то есть траекторию своего движения человек строит сам, согласуя все со своими собственными целями, желаниями и установками. Так же под карьерой можно понимать продвижение в какой-либо сфере деятельности; достижение популярности, славы, выгоды; обозначение рода занятий, профессии. Сейчас вместо слова «карьера» часто используется словосочетание «социальный лифт». Интерпретация феномена карьеры осуществлялась с использованием объективных признаков, характеризующих положение индивида в организационной структуре предприятия (профессиональным статусом). Карьера трактовалась как линейно-последовательное перемещение внутри одной организации (внутриорганизационный тип карьеры) или между несколькими (организационный тип карьеры). Проблема готовности к успешному трудоустройству не исчерпывается формированием у студентов определенных, пусть даже весьма значимых, знаний о трудоустройстве. Итогом сопровождения карьеры в ВУЗ должно стать формирование карьерных компетенций выпускников, умение принимать решения при возникновении проблем занятости, формирование гибких жизненных и профессиональных стратегий, формирование и осознание собственной профессиональной позиции, выстраивание индивидуальной модели профессионального становления, подготовка к выходу на рынок труда. В ноябре 2014 года ведущая российская компания в сфере интернет-рекрутмента «HeadHunte» провела исследование по вопросу карьерных предпочтений выпускников российских вузов. В опросе приняло участие 6700 выпускников вузов. И вот, какие результаты были получены. Служба исследований HeadHunter выяснила, что вертикальная карьера интересует работников сильнее, нежели профессиональное развитие в рамках одной должности. Опрошенные уверяли, что в первом случае можно зарабатывать куда больше, нежели во втором (48%). Развитие «вверх» дает возможность раскрыть свои таланты, реализовать притязания (34%) и с успехом решать более важные задачи (37%). То есть неважно, в какой профессиональной сфере вы работаете, главное чтобы было куда расти, а именно рост от простого работника до «большого» начальника. Было выяснено, что выпускники российских вузов для реализации своих карьерных предпочтений выбирают крупные брендовые компании (российские и зарубежные), в которых присутствует стабильная заработная плата, и в которых соблюдается трудовой кодекс. В таких компаниях, по мнению респондентов, есть больше возможностей для общения и изучения бизнес-

процессов, которые лучше отлажены. Так же респонденты считают, что построить карьеру они смогут в таких профессиональных областях, как банки, инвестиции, лизинг (62%); маркетинг, реклама и PR (55%); продажи (54%), юридическая деятельность (48%); бухгалтерия, управленческий учет, финансы предприятия (46%); строительство, недвижимость и производство (44%). И по 40% респондентов выделили такие профессиональные сферы, как автомобильный бизнес, транспорт и логистика, закупки, информационные технологии и ресторанный или гостиничный бизнес. Таким образом, можно сделать вывод о том, что самые перспективные выпускники российских вузов мечтают о карьере в международных брендовых компаниях, банках и инвестиционных компаниях, а так же считают, что смогут продвинуться по карьерной лестнице в сфере маркетинга и рекламы. Будущие специалисты ставят во главу угла не профессиональный рост, а просто рост, неважно в какой именно профессиональной сфере он будет. А так же мечтают о финансовой независимости.

Литература:

1. *Литаш Е. А., Кочеткова Н. В. Социологический анализ гендерных аспектов построения профессиональной карьеры. // В сборнике: Социальное поведение молодежи в интернете: новые тренды в эпоху глобализации. материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. 2015. с. 390-395.*
2. *Маусов Н. Н., Безделов Д. А. Управление карьерой: Учеб. пособие. М.: РЭА, 2009. С. 26-27.*
3. *Панкратова И. А. Образ карьеры как регулятор будущего профессионального карьерного пути / Сборник статей: Человек в меняющемся мире: пути конструктивного развития. Т.2. Ростов-на-Дону: РГПУ, 2012.*
4. *Ткач Д. А. Профессиональная карьера современной молодежи: Дис. канд. социол. наук : 22.00.03 Саратов, 2014*
5. *Сотникова С. И. Управление карьерой: учебное пособие. М.: Инфра-М, 2011, с. 22*
6. *Войко Р. А. Профессиональное становление личности студента в высшей школы // Современные Исследования Социальных Проблем (Электронный Научный Журнал). – 2012. №4.*
7. *Жданович А. А. Отношение студентов к профессиональной карьере // Психологический журнал. – 2005. – № 4. – С. 37 – 43.*
8. *Цариценцева О. П. Карьерные ориентации современной молодежи: теория, эксперимент, тренинг (монография) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2010. – № 6 – С. 73-74.*

Мотина Анна Владимировна,

ФГБОУ ВО "Алтайский Государственный Университет", Барнаул, Россия

Социальный стереотип как отражение принципов социальной справедливости и несправедливости общественного устройства

Особую актуальность в современной социо-гуманитарной науке имеет проблема соотношения социальной справедливости и несправедливости в российском обществе. Проявляясь на различных уровнях и в самых разнообразных сферах жизнедеятельности, она, так или иначе, воздействует как на каждого члена социума в отдельности, так и на всю социальную систему в целом. Являясь социально-философской категорией, социальная

справедливость с одной стороны отражает конкретные экономические, политические, правовые и иные условия жизни, потребности и интересы общества, класса, нации, социальной общности, личности, тенденции развития с точки зрения их совершенности и согласованности с интересами государства, различных социальных групп, потребностями общественного прогресса. Помимо этого, данная категория обобщает принципы и нормы взаимоотношений общества и личности, государства и гражданина, взаимодействия элементов социальной структуры, обеспечивающих создание необходимых условий для удовлетворения потребностей людей [1, с. 184]. Сущностью социальной несправедливости в данном контексте является отражение противоречий и несовершенности механизмов реализации справедливости в обществе. Существует множество форм отражения принципов социальной справедливости и несправедливости в современном социуме, среди которых наиболее исследованным на протяжении многих лет остается право. Сравнительно новым направлением исследования является анализ социальных стереотипов как формы отражения и закрепления принципов изучаемой дихотомии, что подтверждают некоторые исследователи [2, с. 20]. Исследование проблемы стереотипов и стереотипизации общества является одной из наиболее актуальных тем в современных условиях. Проблемное поле понятия «стереотип» является довольно широким, его изучением занимаются такие науки как социология, психология, культурология, антропология и многие другие. Понятие «стереотип», являясь междисциплинарным, имеет огромное количество определений, содержание которых варьируется в зависимости от предметной области и научной дисциплины, изучающей данное понятие. В социологической мысли категория «стереотип» впервые была введена в научный оборот У. Липпманом в работе «Общественное мнение». По мнению данного ученого, под стереотипом стоит понимать «создаваемые культурой образы людей из других групп, которые призваны объяснить их поведение и дать им оценку» [3, с. 126]. В современной научной мысли сложилось несколько иное содержание данного понятия. Сегодня стереотип – это упрощенный, эмоционально окрашенный, схематизированный образ социального объекта, обладающий способностью к самовоспроизводству, модернизации и устойчивости, складывающийся в процессе социализации индивида. Являясь прямым отражением общественного сознания, стереотип аккумулирует в себе существующие общественные отношения, давая им эмоциональную оценку с точки зрения их соответствия принципам социальной справедливости или несправедливости, доминирующим в обществе в данный момент. Через призму существующих в обществе стереотипов относительно той или иной общности можно отследить их статус в иерархизированной социальной системе и понять, насколько это положение является справедливым или несправедливым в глазах социума. Стереотипизированные образы различных общностей, в том числе и профессиональных, отражают существующие в обществе экономические, политические, правовые и иные условия жизни, потребности и интересы

людей, тенденции развития и противоречия с точки зрения их совершенности, согласованности с интересами государства и различных социальных групп. Совокупность всего этого и представляет собой социальную справедливость и несправедливость в наиболее широком смысле данных категорий.

В качестве примера, подтверждающего отражение в стереотипах принципов социальной справедливости и несправедливости, можно рассмотреть стереотипизированный образ профессии учителя. В рамках проведенного нами исследования было выявлено, что информационное поле, сложившееся вокруг данной профессии, наполнено стереотипами, утверждающими несправедливость положения данного профессионального сообщества. Большинство опрошенных, в том числе и студенты, получающие данную специальность, разделяют стереотипы о низкой заработной плате и небольшом престиже профессии. Стереотипы о данной профессии утверждают, что учителя не любят детей, работают почти круглосуточно, вынуждены подрабатывать репетиторством. Подобные предубеждения указывают на несправедливость положения данной профессиональной общности в сложившейся системе общественного устройства и дают возможность для поиска новых путей преодоления сложившейся ситуации. Таким образом, социальные стереотипы являются отражением разделяемых в обществе принципов социальной справедливости и несправедливости. Их дальнейший анализ даст платформу для более глубокого изучения роли стереотипизации в процессе закрепления принципов общественного устройства, основанного на изучаемой дихотомии.

Литература:

1. *Козлов М.И. Социальная справедливость в контексте русской традиции: монография. - Архангельск: Изд-во КИРА, 2010. – 201с.*
2. *Попов Е.А. Культура и духовная жизнь человека и общества в системе современного социологического знания и в условиях российско-азаитского поликультурного взаимодействия: монография. - Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013. - 202 с.*
3. *Лимпан У. Общественное мнение – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384с.*

Мохнаткина Ксения Владимировна,

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия

Взаимосвязь экономической и эмоциональной депривации россиян

Депривация - глобальная социальная проблема, тесно связанная с социальной справедливостью и имеющая много сходных черт во всем мире. Она отражает неспособность в той или иной степени большинства населения поддерживать определенный приемлемый уровень жизни. Российская повседневность как устоявшаяся действительность, несмотря на влияние глобального финансово-экономического кризиса, мало в чем претерпела

существенные изменения сравнительно с докризисным периодом. Значительная доля населения ощутила горечь потерь, тем не менее, привычные условия жизнедеятельности для основной массы россиян остались прежними. Таким образом, усиление депривации, во всех ее формах интегрировалось в ткань повседневной жизни россиян. Остановимся на взаимосвязи экономической и эмоциональной депривации россиян.

В 2015-2016 годах было проведено социологическое исследование степени депривированности россиян. В ходе исследования по комплексной квотной стратифицированной, территориальной выборке было опрошено 850 респондентов. Значительная часть опрошенных проживает в Башкирии (27,3%). 16,9% - в Саратовской области, по 15,5% обитают в Ульяновской области в Татарстане. 12,4% респондентов живет в Ростовской, 6,9% в Мурманской, 5,3% в Ленинградской, 0,1% в Самарской областях. Экономическая депривация - это вынужденное полное или частичное ограничение потребления материальных благ и услуг, необходимых для удовлетворения основных потребностей личности. Она проистекает из неравномерного распределения доходов в обществе. Наиболее эффективным инструментом ее измерения выступает уровень потребительских возможностей семьи. Эмоциональная депривация проявляется, прежде всего, в чувстве социальной несправедливости, отчаяния, отчуждения, тревожности, проистекающих из объективных состояний депривации (например, экономической). Это ощущение социальной несправедливости возникает при рассогласовании у индивида или группы значимой системы ценностей, в соответствии с которой они могли бы строить свою жизнь и их внутренним самоощущением. Следствием этого могут стать повседневные практики, не соответствующие социальным ожиданиям «нормального» поведения, различного рода негативные девиации. Уровень субъективной депривации измерялся через индикаторы самооценки и тревожности, которые предполагали 4 позиции: нет, это не так; пожалуй, так; верно; совершенно верно. Анализ средних величин и стандартного отклонения показали, что невысокий уровень удовлетворенности россиян своей жизнью сопрягается с еще меньшим уровнем тревожности по этому поводу. Корреляционный анализ наиболее значимых эмоциональных состояний под влиянием степени депривированности через индикаторы потребительских возможностей показал, что среди нищих, у которых не хватает денег даже на питание, доминантным настроением является достаточно низкий уровень тревожности (34,4% при среднем показателе 28,7). Сходная ситуация и у бедной категории населения, хотя здесь выше уровень абсолютной нетревожности (45,9%), хотя у них средств хватает только на питание, покупка одежды вызывает затруднения. Можно предположить, что каждый третий из категории нищих и 45% из категории бедных занимают пассивную позицию и постепенно начали свыкаться со своим положением, не испытывая по этому поводу особой тревоги. Однако данные четко показывают, как по мере усиления депривации растет уровень тревожности россиян. Пороговым критерием здесь выступает малообеспеченность, когда доходов хватает на питание и

одежду, но на покупку вещей длительного пользования приходится брать займ. Именно, начиная с этой категории, показатель разной степени тревожности перестает доминировать, что, вероятно, косвенно свидетельствует об относительной стабилизации этих групп населения и увеличении их зоны комфортности, успокоенности. Интересно, что показатель небольшой тревожности богатых людей в 1,5 раза выше, чем у других категорий населения (41,7% при среднем показателе 28,7%). Также тревожное состояние в определенной степени испытывают и 13,7% состоятельных категорий населения, которым затруднительна покупка действительно дорогих вещей (например автомобиля). Это наглядно иллюстрирует относительный характер их депривации, лишь отчасти связанной с факторами экономической депривации, или стремлением упрочить свое положение, быть не хуже других в своем кругу. Несколько иная ситуация и с индикатором озабоченности. Выявлено 2 тренда нарастании озабоченности. Первый тренд связан с повышением уровня депривации. Чем выше уровень депривации, тем больше озабоченности испытывают респонденты. Однако присутствует и другой тренд, когда, начиная с категории срединных россиян, которые могут без труда покупать вещи длительного пользования, наблюдается рост озабоченности (хотя по другим поводам) пропорционально росту потребительских возможностей. Степень оптимизма населения с различным уровнем экономической депривированности замерялся через степень согласия с утверждением наличия надежды на будущее. Каждый пятый потерял надежду на улучшение своего положения в общества. Однако остальные в той или иной мере еще не растеряли до конца своего оптимизма. Корреляционный анализ показал сильную степень взаимозависимости уровня оптимизма с потребительскими возможностями (коэффициент корреляции Спирмена 0,523 при приблизительной значимости 0,001).

Намруева Людмила Васильевна,
Калмыцкий научный центр, Элиста, РФ

Развитие ЛПХ (по итогам исследования 2017 г. в республике Калмыкия)

Аграрные реформы в постсоветской России были сопряжены с резким падением уровня материального благосостояния сельского населения, отсутствием социальной стабильности, справедливости. В этот период селяне устремились к подсобному производству как способу выживания в сложных социально-экономических условиях. В настоящее время личные хозяйства населения являются ведущим сектором аграрной экономики республики. Если на 1 января 1996 г. в них содержалось 33,6 % крупного рогатого скота, 22,4 % овец и коз от всей численности этого вида животных, то через двадцать лет, в 2016 г., в хозяйствах населения имеется 44,8 % крупного

рогатого скота, 40,4 % овец и коз [1, 70]. Эти данные свидетельствуют, как значительно увеличилось поголовье в личных подсобных хозяйствах. Если в 2000 г., в них производилось 3,3 % растениеводческой продукции, то в 2016 г. – уже 8,1 %. В личных хозяйствах населения производится более 60 % животноводческой продукции (в 2000 г. – 64,8 %, в 2016 г. – 61,9 %) [1, 78]. Как видим, ЛПХ, став основными производителями сельскохозяйственной продукции, доминируют на потребительном рынке животноводческой продукции. С начала аграрных преобразований основой выживания для большинства сельских жителей стало выращивание домашнего скота в личных подворьях. Семьи благодаря регулярной продаже мяса, что явилось для них основным источником дохода, решали многие жизненные проблемы (поступление в вуз, проведение свадеб, приобретение жилья и др.) [2]. В статье рассмотрены отдельные результаты опроса, проведенного автором в сельских районах республики летом 2017 г. (N=385). Распределение по гендерному и этническому признакам выглядит следующим образом: мужчины составляют 51,6 %, женщины – 48,4 %; калмыки представляют большинство выборочной совокупности – 77,2 %, русские – 15 %, представители других этнических групп – 7,8 %. Нами анализируется мнение представителей двух основных этнических групп в республике – калмыков и русских. Степень товарности является одним из показателей индивидуальных хозяйств. Т. Г. Нефедова из ИГ РАН определяет товарность следующим образом: «Если хозяйство продавало более половины того, что производит, оно квалифицировалось как товарное, если менее половины — как малотоварное. Если же все потреблялось в семье, а продажи были эпизодическими, то такое хозяйство относилось к нетоварным» [3]. Данные, полученные в ходе опроса, позволяют дифференцировать хозяйства населения по материальному признаку. Так, 17,3 % респондентов, живущих в селах, продают более половины того, что производят, поэтому хозяйства этих опрошенных отнесем к товарным, материально благополучным. Товарность хозяйств в селах (17,3 %) гораздо выше, чем в райцентрах (7,0 %). В зависимости от этнической принадлежности респондентов наблюдается следующее: хозяйствам калмыков (16,4 %) более присуща ориентация на рынок, нежели хозяйствам русских (6,1 %). В гендерном разрезе также имеется большая разница: 23 % мужчин и 7 % женщин имеют возможность продавать более половины того, что производят в своем подворье. В целом, товарными являются примерно 12-15 % хозяйств. Личное поголовье, традиционно являвшееся показателем благополучия и высокого материального положения, стало также средством урегулирования отношений с другими социальными институтами, основой социальной мобильности членов семьи (получение образования, продвижение по карьерной лестнице и др.). Небольшое количество ответов о продаже менее половины произведенной продукции свидетельствует о малотоварности хозяйств (4 %). Семьи, имеющие небольшое поголовье скота, продают его лишь в случае крайней необходимости, поэтому они недостаточно обеспечены. Мнение респондентов независимо от гендерной, этнической,

территориальной принадлежности особо не различается. Около трети опрошенных (32 %) отметили, что потребляют продукцию в семье, продают ее лишь в небольшом количестве. Респондентов-калмыков (35,2 %), имеющих такое хозяйство, почти в два раза больше, чем респондентов-русских, владеющих низкотоварным подворьем (18,2 %). Продажа небольшого количества излишков продукции в определенной мере позволяет решить многие финансовые проблемы семьи. Целью ведения ЛПХ этими семьями становится обеспечение выживания, в первую очередь увеличение поступлений в семейный бюджет. Более половины участвовавших в анкетном опросе (50 %) указали, что произведенную продукцию потребляют только в семье. Этот ответ позволяет нам утверждать, что большинство хозяйств населения являются нетоварными. В большей степени это характерно для хозяйств респондентов-русских (71,4 %), чем для хозяйств респондентов-калмыков (42,7 %). Таким образом, для значительной части сельских семей собственное подворье является главным, порой единственным источником доходов. За счет личного хозяйства сельские семьи удовлетворяют потребности в мясо-молочных продуктах, картофеле и овощах. Население в личных подсобных хозяйствах, крестьянских (фермерских) хозяйствах увеличивает поголовье скота, тем самым решая проблемы материального благополучия семьи и развивая аграрную экономику республики. Для дальнейшего развития хозяйств сельского населения необходимо их поддерживать на государственном уровне, предоставляя льготные кредиты, решая множество острых социальных проблем (безработица, низкие доходы, слабая инфраструктура).

Литература:

1. *Калмыкия в цифрах: Краткий статистический сборник. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Калмыкия. Элиста, 2016. 153 с.*
2. *Намруева Л. В. Роль личных подсобных хозяйств в развитии аграрного сектора Калмыкии (по материалам 2000-2010-х гг.) // Полевые исследования КалмНЦ РАН. Элиста, 2016. С. 192-204.*
3. *Нефедова Т. Г. Три уклада современного сельского хозяйства России: специфика и взаимодействие // Вестник Евразии. Acta Eurasica. 2002. № 1 (16).*

Нестеров Артём Юрьевич,

МГТУ им. К.Г. Разумовского, Москва, Россия

Пенитенциарная ресоциализация несовершеннолетних осуждённых: пути и методы адаптации в учреждениях ФСИН России

Сегодня одной из значимых проблем российского государства стала проблема преступ-ности молодёжи в целом, что во многом связано с реформированием самой политической и экономической жизни общества,

рыночным характером отношений. Всё это заставляет заду-маться о перспективах развития государства во всех сферах научной жизни, т.к. педагогика, социология, юриспруденция и т.д. Также можно отметить и то, что среди преступлений, совершаемых несовершеннолетними, велика доля тяжких корыстных и корыстно-насильственных преступлений. Нередко им присущи также черты вандализма, чрезмерной жестокости. Большое количество этих пре-ступлений совершаются в соучастии (чаще всего в форме соисполнительства), особенно в группе (около 50%), что также отвечает специфике психологии подростков. Примерно каждое третье преступление совершается ими совместно со взрослыми [Башкатов: 2013, с.21]. Понятие преступности несовершеннолетних неоднозначно. Исследователи не пришли к единому мнению данного понятия, поэтому в криминологии существуют разные точки зрения. Множество значений возникает вследствие того, что преступность несовершеннолетних стоит особняков и в законодательстве. В УК РФ (1996) выделен отдельно раздел V, посвященный уголовной ответственности несовершеннолетних [УИК РФ]. Преступность несовершеннолетних охватывает определенный возраст (14 – 18 лет), кон-кретную территорию и промежуток времени. Именно эти критерии и отличают преступность несовершеннолетних от взрослых преступлений [Алексеева: 2016, с.1]. Т.о., проблема роста преступности и криминализации российского общества среди несовершеннолетних сегодня стоит наиболее актуальной. Традиционно остро стоит проблема несовершеннолетнего осуждённого, его жизни в обществе до и после отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы. Также можно отметить и то, что безразличное отношение к проблемам лиц, осужденных к лишению свободы, которое существовало долгое время (начиная со времён ГУЛАГа), сейчас уже мало кого устраивает, однако в России в настоящее время предпринимается явно недостаточно решительных мер к изменению этой ситуации [6. С. 122]. Но и сегодня не смотря на то, что современное российское общество стало более гуман-ным и толерантным, несовершеннолетние осуждённые, отбывавшие наказания в местах лишения свободы, воспринимаются обществом как отверженные (общество воспринимает данных ребят, как индивидов, способных только всё крушить на своём пути. Если ты был в местах лишения свободы, значит ты уже испорченный человек. Нет от тебя ни какой пользы для общества. Ты просто мешаешь развитию общества, так отвечают многие респонденты в ходе нашего социологического исследования в 2014 – 2018 гг. Так, 84,7% респондентов убежденного в том, что из несовершеннолетних осуждённых, отбывавших уголовное наказание в «ВК» ФСИН России нет и не будет ни какой пользы, они уже не исправимы (из этой категории респондентов более 70% убеждены в том, что они после освобождения из «ВК» вновь совершат преступления и вернуться в места лишения свободы). И, только 9,8% респондентов убеждены, что данный опыт, полученный в последствии осуждения и нахождения в местах лишения свободы, исправит подростка. 5,5% респондентов затруднились отвечать на данный вопрос, по их мнению,

это очень сложно сегодня утверждать (прогнозировать) о том, и чём их ожидает, а также под утверждение и прогнозирование ставиться вопрос обоюдоострый, а именно, Кем они станут после освобождения? Попадут они вновь в криминальную среду? [Мы не знаем, в какой семье они воспитывались…, куда они вернуться после освобождения из колонии…, какие условия их ожидают в постпенитенциарный период?]. Успешная адаптация несовершеннолетних осуждённых в постпенитенциарный период, естественно выражается не только в трудностях с нахождением официальной работы, созданием семьи, приобретения собственного жилища, но и в общем, негативном отношении к таким лицам как со стороны служащих государственных (муниципальных) органов исполнительной власти, например, отдела труда и занятости, так и со стороны простых граждан. Как правило, основную группу лиц, нуждающихся в социальной адаптации в постпени-тенциарный период, образуют лица, несовершеннолетние осуждённые, освободившиеся из «ВК» ФСИН России, по нашему мнению сегодня, да и вообще оказывать содействие в соци-альной адаптации после освобождения из пенитенциарного учреждения в первую очередь нужно в интересах самого подростка-осуждённого, т.о., придерживая данный приоритет будут блюститься и сами интересы российского общества, а именно данные подростки не встанут вновь на путь преступления, тем самым искорениться сама сущность рецидивных противоправных действий, совершаемых несовершеннолетним осуждённым в отношения государства, общества и индивида в целом [7. С. 163]. Определяя такое понятие как пенитенциарная ресоциализация несовершеннолетних осуждённых, отбывших и отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы в учреждениях ФСИН России – это в первую очередь сознательное восстановление (исправление) несовершеннолетнего осужденного в социальном и правовом статусе полноправного члена современного российского общества, а также возвращение его к самостоятельной общепринятой социально-нормативной жизни в обществе. Для достижение данного эффекта конечно можно с большой долей вероятность утверждать то, что лишение свободы несовершеннолетних осуждённых , является одной из актуальных.

Литература:

1. *Антонян, Ю.М. Некоторые проблемы ресоциализации ранее судимых лиц/ Проблемы борьбы с рецидивной преступностью. - М. – 1980. С.68–70.*
2. *Алексеева Е.А. Преступность несовершеннолетних: причины и проблемы [Электронный ресурс] / режим доступа: http://ext.spb.ru/site/6317-2014-11-02-19-26-25.pdf / (дата обращения: 01.02.2018).*
3. *Башкатов, И.Л. Психология групп несовершеннолетних правонарушителей. М.: Норма, 2013. – 54 с.*
4. *Иванов, В.Ф. Малько ,А.В., Рыбак, М.С. Правовое стимулирование исправления осужденных к лишению свободы в современных условиях // Государство и право. - 2010. - № 8. С.100–107.*
5. *Никифоров, В.С. К вопросу об изучении эффективности уголовно- правовых мер борьбы с преступностью. М. - 2013. С.65–69.*
6. *Перминов, О. Уголовно-исполнительное право, - М.: Былина. - 1999. – 238 с.*
7. *Пищелко, А.В. Психолого-педагогические основы ресоциализации личности осуж-денных, - М.: Домодедово, - 2012, - 250 с.*

8. *Рыбак, М.С. Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики. – Саратов, 2001. С.163 - 188.*
9. *Селивёрстов, В.И. Шмаров, И.В. Цель - исправление // Человек и закон. - 2013-№ 9. С.44–51.*
10. *Шмаров, И.В. Комарицкий, С.И. Социальные аспекты предупреждения рецидивной преступности / Рецидивная преступность: правовые и социальные проблемы - М. 2012. С.7–18.*

Никитина Бэла Анатольевна,
Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия

Экологическая справедливость в сфере обращения с отходами в представлениях современных студентов

Разнообразие форм экологических конфликтов зачастую скрывает их экономическую сущность - экологические экстерналии, т.е. затраты, которые вынуждены оплачивать «третьи лица» в связи с осуществлением хозяйственной деятельности каким-либо субъектом в интересах потребителей его продукции. Для преодоления подобного рода экологической несправедливости необходима интернализация экологических экстерналий, т.е. осуществленных затрат на сторону, которая и привела к их появлению. Однако экономический подход к устранению экологической несправедливости имеет серьезные изъяны, поскольку в теореме Р. Коуза для безупречной работы рынка с экологическими конфликтами требуется однозначная идентификация условий нанесения экологического ущерба: необходимо не только корректно идентифицировать загрязнителя, но и безупречно определять степень его ответственности, а также эквивалент нанесенного ущерба [1]. Достаточно сложно однозначно распределить ответственность в ситуации, когда ущерб является результатом деятельности сразу нескольких акторов, особенно когда пострадавшие сами отчасти ответственны за возникновение проблемы. Именно так это и происходит в случае загрязнения среды твердыми коммунальными отходами (далее – ТКО), в появлении которых виновны как производители, так и потребители товаров. Здесь очень важно провести демаркационную линию, поскольку производители и потребители – это «классы», а номинальные группы, распадающиеся на страты с различным социальным и человеческим капиталом, позволяющим им в разной степени определять степень своего экологического благополучия. Так, теория экологического расизма Д.Пеллоу четко указывает на то, что именно наименее социально защищенные слои населения будут иметь не только худшие условия проживания, но менее высокий уровень требований к состоянию среды, могут быть менее избирательными по критерию эко-дружественности при выборе товаров [2]. Поэтому даже в ситуации явного негативного влияния ТКО на экологическое благополучие данных социальных групп, их представители могут игнорировать собственное влияние на проблему, хотя с другой стороны, вероятно и то, что они чаще неосознанно используют принципы европейской

концепции 9-R [3], нацеленной на удлинение жизненного цикла товаров, в целях экономии бюджета. Итак, существует ли в обществе понимание того, что вклад разных социальных групп в обсуждаемую проблему и масштаб ее влияния на качество жизни этих групп различен? Существует ли у россиян осознание ответственности за складывающуюся ситуацию как в морально-этическом, так и в практическом измерении? Изучая этот вопрос, в качестве эмпирической базы исследования мы использовали эссе студентов самарских вузов специальностей «социология» и «менеджмент» на тему «Кто, как и чем должен помогать жертвам мусорного бедствия в современном обществе?» (103 работы). Постановка вопроса требовала определения использованных метафор, что было реализовано следующим образом: «мусорное бедствие» интерпретировалось как наличие неорганизованных свалок в пригородных зонах, вывалов мусора на природе, переполнение мусорных контейнеров во дворах и урн на улицах, а также «мусоросжигательные заводы». «Жертвами мусорного бедствия» названы, «российские граждане», «горожане» и «население в целом», проживающие рядом со свалками, а также жители домов/подъездов расположенных вблизи от мусорных площадок. В качестве акторов, способных решить проблему, студенты чаще всего называют само население («мы сами», «современные люди»), которое должно перестать покупать «слишком много ненужных товаров», «выкидывать вещи слишком быстро и легко». На втором месте по частоте упоминаний находятся органы власти (как муниципальные, так и федеральные), которые должны организовать правильный вывоз отходов и организацию обращения с ТКО. Производители товаров в эссе фактически не фигурируют, как и НКО, однако более трети ответов указывают на учебные заведения, как субъекты формирования эко-культуры населения, что и призвано помочь «в решении проблемы с мусором». Для улучшения ситуации студенты рекомендовали преимущественно изменить поведение населения в рамках бытовых практик. Под «правильным поведением» подразумевается следование уже существующим нормам. Предложения инноваций были лишь в единичных случаях, они также были ориентированы на индивидуальное потребительское поведение и выбор. В 35% ответов можно было выделить код «превосходство зарубежных практик», на которые следует ориентироваться, в основном упоминался раздельный сбор ТКО, никаких конкретных предложений в ответах предложено не было. Бросается в глаза полное отсутствие рекомендаций политического характера, т.е. не рассматриваются возможности участия в публичных политических мероприятиях, иные формы взаимодействия с органами власти с повышения эффективности управления сферой обращения с ТКО. В целом можно сказать, что представления студентов далеки от структурированного видения ситуации в сфере проблем обращения с ТКО, представления о наличии противоречия между интересами различных социальных групп отсутствует, так же как и осознание существования экологической несправедливости в отношении к определенным социальным группам. Неудивительно, что размытыми являются и представления о существовании некоторой моральной

экологической ответственности, а также формах поведения, адекватных мере осознания своего вклада в существование обсуждаемой экологической проблемы.

Литература:

1. *Коулман Д.С.Экономическая социология с точки зрения теории рационального выбора // Экономическая социология. Электронный журнал. 2004. Том 5. № 3. с.35-44.*
2. *Pellow D. Garbage wars: the struggle for environmental justice in Chicago. The MIT Press, 2002, 246 p.*
3. *Никуличев Ю.В. Управление отходами. Опыт Европейского союза. Аналитический обзор / РАН. ИНИОН. Центр научно-информационного исследования глобальных и региональных проблем. Отделение проблем европейской безопасности. М., 2017.*

Осеев Александр Александрович,

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Социальная справедливость и динамика социального неравенства с позиции различий в уровнях доходах российских граждан

Проблема социальной справедливости в социально-экономической сфере (принципов распределения общественного богатства, уровня жизни населения и пр.) и социального неравенства — остается одной из самых острых и злободневных в современной России. 1. Известно, что социальное неравенство – специфическая форма социальной дифференциации, при которой отдельные индивиды, социальные группы, слои, классы находятся на разных ступенях вертикальной социальной иерархии, обладают неравными жизненными шансами и возможностями удовлетворения потребностей. Под неравенством понимается неодинаковый доступ больших социальных групп людей (страт, слоев, сословий, каст, классов) к экономическим ресурсам, социальным благам и политической – власти. Неравенство существует во всех обществах. Основными механизмами социального неравенства являются отношения собственности, власти (господства и подчинения), социального (то есть социально закрепленного и иерархизированного) разделения труда, а также неконтролируемая, стихийная социальная дифференциация. Для измерения неравенства используют два показателя — богатство (запас активов) и доход (поток денежных поступлений в единицу времени). 2. Исследования показывают, что проблема социального неравенства — остается одна из самых острых и злободневных в современной России. Особенностью социальной структуры российского общества является сильная социальная поляризация — разделение населения на бедных и богатых при отсутствии значительного среднего слоя, выступающего основой экономически стабильного и развитого государства. Сильное социальное расслоение, характерное для современного российского общества, воспроизводит систему неравенства и несправедливости, в которой возможности самостоятельной жизненной

самореализации и повышения социального статуса ограниченны для достаточно большой части населения России[5].2.1. Так еще в 2011 г[3] достоянием широкой публики стал доклад Global Wealth Report, подготовленный швейцарским банком Credit Suisse. Исследование, проводившееся с середины 2011 года по середину 2012 года, показало, что имущественное неравенство в России являлось самым высоким в мире, за исключением малых народов Карибского бассейна. По данным, полученным авторами исследования, в России на долю миллиардеров (около 100 человек) приходилось порядка 30% от общего благосостояния россиян, тогда как в мировом масштабе на долю миллиардеров приходилось менее 2% от общего благосостояния.К 2017 году разделение на богатых и бедных приобрело новые масштабы. 2.2. В 2016 году Россия заняла первое место по росту числа долларовых миллионеров [6]. В России по-прежнему складывается ситуация, при которой бедные беднеют, а богатые — богатеют. 2011 г. Согласно официальным данным Росстата, а также оценкам МВФ и Всемирного Банка, по состоянию на конец 2011г. индекс Джини превышал отметку в 0,42, в результате чего Россия разместилась на «почётном» 52 месте в мире между Кот-Дивуаром (0,415), Сенегалом (41,3), Бурунди (0,424) и Кенией (0,425). Притом что ещё в 2000г. значение индекса Джини составляло менее 0,395, в 1995г. – 0,387, а в конце 1980-х годов не поднималось выше 0,28 пунктов. 29 марта 2013 г. Президент России Владимир Путин назвал «запредельным» уровень социального расслоения по доходам (15-16), сложившийся на сегодня в России [2]. 2.3. К 2017 году ситуация продолжала ухудшаться: показатель (по состоянию на январь 2017 года) децильного коэффициента в России на уровне 15—17 более чем в полтора раза превышал максимально допустимые. В России, как отмечали исследователи [1], ситуация с имущественным расслоением не намного лучше той, что была в царской 100 лет назад. По данным Росстата, на февраль 2015 года децильный коэффициент составлял 16,8. За последние два года он вряд ли существенно изменился. Ведь средние доходы россиян продолжали падать, зато доходы самых богатых наших соотечественников по крайней мере со второй половины 2016 года вновь стали расти. Известно, что в 2016 году РФ заняла первое место по росту числа долларовых миллионеров. Число долларовых миллионеров в России по итогам 2016 года выросло на 19,7% и составило 182 тыс. человек, говорится в исследовании World Wealth Report 2017 международной консалтинговой компании Capgemini [6]. Показатель децильного коэффициента в России на уровне 15—17 более чем в полтора раза превышает максимально допустимые значения, рекомендованные ООН, находясь на уровне слаборазвитых стран Юго-Восточной Азии и «банановых республик» Африки. По неофициальным оценкам, с учетом скрытых доходов (у нас теперь могут не публиковать официальную отчетность даже крупнейшие госкомпании — в частности, правительство разрешило так поступать «Роснефтегазу»), прибылей от незаконной предпринимательской деятельности, а также коррупционных откатов разрыв в доходах между беднейшими и богатейшими россиянами вполне может достигать и 40—50

раз. Что касается собственно бедности, она проявляется не только в том, что по состоянию на декабрь 2017 г. почти 20 млн - это 13-13,5% россиян, живущих на доходы ниже прожиточного минимума [4], но и в месте страны в мировой экономике. По ВВП на душу населения за 2015 год Россия занимала 66-е место с показателем 9 054 доллара на человека. Это меньше, чем в Казахстане, Суринаме, Панаме, Ливане — странах, которые трудно отнести к мировым лидерам по любым показателям [1].

Литература:

1. *Бедные русские против богатой России [Электронный ресурс] URL: Банки.ру banki.ru›news/columnists/?id=9477560 (дата обращения 16.01.2018).*
2. *interfax.ru, 29 марта 2013 г*
3. *Конюхов О. Социальное расслоение в России ставит рекорды. 24.10.2012. [Электронный ресурс] URL: rodon.org›society-121024145302 (дата обращения: 13.09.2013.)*
4. *Минтруд назвал число, живущих за чертой бедности. [Электронный ресурс] URL: 360tv.ru›Новости›Деньги›Живут за чертой бедности (дата обращения 16.01.2018.)*
5. *Осеев А.А. Социальное неравенство как глобальная проблема современности»: VШ Международная научная конференция «Сорокинские чтения» -2013»: Сборник тезисов. М.: Издательство ООО «МАКС Пресс», 2013. – С. 195-197.*
6. *РФ заняла первое место в мире по росту числа долларовых миллионеров. [Электронный ресурс] URL: rosbalt.ru›business/2017/09/28/1649379.html (дата обращения: 16.01.2018.)*

Ошроев Рубен Германович,

Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Нальчик, РФ

Поляризация общества как следствие и источник социальной несправедливости. Региональный срез общемировых тенденций.

Относительно последних десятилетий развития Кабардино-Балкарии и Северного Кавказа в целом в экспертном сообществе существует мнение, согласно которому идущие здесь процессы определялись до настоящего времени формами стихийного приспособления местного населения к условиям государственного распада и экономического кризиса и активностью внешних сил в большей степени, чем целенаправленной и долгосрочной политикой российского государства. Экономический и политический кризисы, возникшие после распада СССР, стали моральным и личностным кризисом для многих молодых людей начала 90-х годов. Наметившееся в это время социальное расслоение общества, принесшее одним богатство, другим материальные лишения, вызывало в обществе чувство разочарования и отчаяния, утраты жизненной перспективы. Состояние безысходности и отчаяния нашло проявление в различных формах антисоциального поведения. Наиболее остро данные процессы отразились на молодом поколении: резко обострилась проблема занятости; ухудшились материально-бытовое положение и доступ к образованию; произошла кардинальная трансформация духовных и нравственных ценностей, что проявилось в усилении криминализации, различных форм девиантного

поведения (алкоголизм, наркомания, проституция и т.п.). Эти процессы в достаточно полной мере отразились на формировании первого поколения новой Кабардино-Балкарии. Социальное отчуждение проявилось в апатии, безразличии к политической жизни общества, в позиции «стороннего наблюдателя». Такая «размытость», неопределенность, отчуждение от основных нормативных ценностей привела к созданию различных форм «субкультуры». У современной молодежи оказались несколько вариантов взаимодействия с существующей действительностью: приспособиться к ней, уйти от неё в виртуальное пространство либо субкультуру (это путь называется эскапизм, от англ. toescape – устраниться, покинуть), либо протест и нигилизм, зачастую приводившие к экстремистским проявлениям. В свете рассмотрения этих негативных тенденций достаточно категоричными представляются взгляды известного кавказоведа А.А. Ярлыкапова относительно факторов экстремизма и терроризма в Дагестане, которые, можно полагать, имеют место и в других республиках Северного Кавказа. В своей работе «Ислам на Кавказе и его влияние на конфликтность в регионе и России» он пишет, что молодые люди на своих плечах испытывают практически все пороки общества, особенно чудовищную по масштабам коррупцию. Завершение обучения в школе и сдача экзаменов сопровождается взятками, которые затем сопровождают молодого человека в годы обучения в вузе: немалые деньги нужны при поступлении в вуз, а затем каждый зачет и экзамен также имеют свою цену. Окончание обучения и последующее поступление на работу также требуют денег. Молодой человек, даже поступив на работу, понимает, что, во-первых, если кто-то даст взятку больше, чем он, его пребывание на этом месте может закончиться увольнением, а во-вторых, сынки богатых и влиятельных людей уже заняли все более-менее престижные ниши. Ему, даже если он талантлив и потрясающе работоспособен, крайне трудно выбиться в люди. Аналогичный взгляд на проблему позволил О.М. Цветкову сформулировать тезис о том, что нерешенность актуальных социальных проблем – коррупция, безработица, слабые социальные гарантии и др. – вновь и вновь будут воспроизводить локальные варианты мусульманского «диссидентства», стремящегося уйти из-под жесткой опеки «официального» традиционного ислама. Конечно, – пишет кавказовед В. Бобровников, – нужно принимать в расчет криминализацию общества. Вместе с тем, следует учитывать и то, что политика просто надоела обывателям (в том числе и мусульманам), о чем говорят хотя бы пустующие избирательные урны на выборах. Этнолог и антрополог В.А. Тишков разделяет и расширяет представления экспертов по вопросу о том, что в силу слабой политической активности населения, вызванной как социальной апатией, так и непривлекательностью для большинства программ и идеологии основных политических партий, протестный потенциал молодежи проявился в КБР в распространении религиозного экстремизма (вплоть до вооруженного выступления – событий октября 2005 г. в Нальчике). При этом он делает оговорку: факторы и причины событий октября 2005 года разнообразны, но определенная связь их

с экономической, социальной и идеологическими сферами имеется. Вряд ли здесь стоит отдельно останавливаться на том, каким образом контрастность в уровне и качестве жизни населения влияет на формирование протестных настроений, и каким образом они имеют свойство переходить в экстремизм и терроризм. Этот фактор был изучен Фондом перспективных исследований «Бастион». Исследования, проведенные на Северном Кавказе его сотрудниками показали, что наибольший потенциал социальной напряжённости в регионе накоплен в ценностной паре: равенство возможностей (справедливость) и неравенство возможностей как фактическая норма жизни. Дело в том, что либеральные реформы, казалось бы, долженствующие опираться на рационально-мотивированную активность «снизу» и горизонтальные отношения в социуме, изначально (с 90-х годов) строились «сверху» и на редкость императивно, как мессианское деяние; фактически строились в «превращенных формах». Соответственно и плоды этих реформ изобиловали превращенными формами.

Парамонова Светлана Павловна,
Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Российская Ферерация

Фаворитизм в коллективе -фактор риска нарушения справедливости

Основная закономерность Фаворитизм – вечен, фавориты – случайны.

Институт фаворитизма, оповседневнен. Будучи вплетён в каждый акт человеческих взаимодействий он воспринимается в обществе, как неизбежный порядок взаимоотношений и большого протеста в социальных общностях не вызывает до тех пор пока фаворит «не перегибает палку». Тогда вступает в действие правило «высоко летал, да низко упал». Как только ослабевает связка лидер-фаворит, действия фаворита вызывают бурную реакцию отторжения. Закономерностью является распределение функций: за лидером, как правило, профессиональных функций, а за фаворитом социальных, регулирующих иерархию в коллективе (сообществе). Фаворит выступает как интегратор социальных отношений. Такое распределение направляющих и исполнительных функций (профессиональных и гуманитарных) характерно как на макро, мезо и микроуровне анализа: внутри государств, так в социальном поле институтов государства и habitus,е каждого члена коллектива. Если принять во внимание территориальное неравенство регионов Российской Федерации, то в ключе ролевой концепции личности, отверженными считают себя респонденты Алтайского края, маргинальными – в зоне Урала. Наиболее благополучными и поддерживаемыми президентом в научно-технических центрах ВПК

России и в процветающих, принадлежащих иностранным владельцам, торговых комплексах Москва-Сити. Механизм фаворитизма виден в ситуации борьбы за власть. Временщики всегда держали и держат в страхе властвующих особ, создавая или «раскрывая» заговоры против персоны. Фавориты нередко были орудием религиозных и светских идеологических групп и партий. Лидеры считают фаворитов «серыми кардиналами», управляющими миром. Фавориты играли негативную роль и в истории генетики, кибернетики, автоматизированных комплексов управления, а в 1990 в смене режима управления и социально-экономического устройства страны. Действие института фаворитизма – небезобидный процесс в развитии общества. Легитимность фаворитизма проявляется, по М. Хальбваксу в том, что логичное для одной группы, является неприемлемым и возмутительным для другой. За скрытой логикой каждой группы находится своего рода рациональный инстинкт. Стихийность и случайность – две сестры, которые вскармливают фаворитизм. Ожидание обещанных улучшений уровня жизни от реформ, ни устойчивости, ни поддержки студентов восьми исследованных вузов не получили. Методом социологического исследования «Отношение к фаворитизму» явился анкетный опрос, охватываемый период 2003 г.; 2012 г. Исследование включало четыре региона Российской Федерации. N=1580. В обсчете данных использовался пакет программ SPSS.

Пасовец Юлия Михайловна,
ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», Курск, Россия

Возрастная дискриминация в социально-трудовой сфере трансформирующегося общества: к переосмыслению современной российской реальности

На современном этапе общественного развития проблема возрастной дискриминации, или эйджизма, связанная с предубеждением и неоправданно негативным поведением в отношении лиц определенного возраста, сохраняет свою актуальность в силу необходимости обеспечения равных прав и возможностей для всех социальных категорий населения вне зависимости от каких-либо социальных и демографических различий [3; 4; 5]. Следует отметить, что наличие возрастной дискриминации в обществах разного типа, с разным уровнем социально-экономического развития и социокультурной спецификой фиксируется результатами ряда зарубежных и отечественных исследований. При этом уделяется внимание анализу этой проблемы в отдельных сферах общественной жизни (в сферах занятости и труда; здоровья и общественного здравоохранения и др.) [1; 2; 5]. С учетом этого можно полагать, что в конкретных социально-экономических и социокультурных условиях для лиц определенного возраста проблема

дискриминации их прав будет иметь значение только в одной или нескольких сферах общества. Вместе с тем в других сферах жизнедеятельности представители этой возрастной когорты не будут испытывать каких-либо ущемлений или ограничений своих прав. В связи с этим представляется важным подчеркнуть необходимость рассмотрения возрастной дискриминации через призму ее проявлений в отдельных сферах жизнедеятельности. В условиях продолжающейся социальной трансформации современного российского общества вызывает исследовательский интерес проблема возрастной дискриминации в сфере труда.

На наш взгляд, в сфере трудовой деятельности особое деструктивное значение имеет ущемление или ограничение прав и возможностей работников в карьерном росте. Основываясь на понимании карьеры как сочетании профессионального развития и должностного продвижения, в этом плане мы считаем возможным выделить несколько проявлений дискриминации в сфере труда: – ограничение или отсутствие возможностей для профессионального совершенствования, развития в профессии; – принуждение к выполнению неквалифицированной работы или работы, требующей более низкой квалификации, чем имеющаяся у работника; – отказ от повышения работника в должности без объективных причин при наличии соответствующей свободной вакансии в организации. При этом первые два из них характеризуют дискриминацию в сегменте профессиональной карьеры, третье – должностного роста. Обращение к результатам социологического опроса, проведенного нами среди населения Курской области по репрезентативной выборке (N=500 человек; 2014 г.), позволяет провести анализ отдельных проявлений дискриминации в сфере труда внутри возрастных когорт работников по найму (без самозанятых, предпринимателей). Здесь уточним, что возрастные когорты мы рассматриваем через поколенческий срез общества, выделяя следующие возрастные когорты (поколения): молодежь (в возрасте 18–29 лет), среднее поколение (30–49 лет), старшее поколение (50 лет и старше). Как показывают результаты массового опроса, каждый десятый наемный работник из числа молодежи (11,1% от числа всех молодых работников по найму) считает, что в организации / предприятии по месту его работы ему не дают развиваться в профессии, ограничивают его профессиональное развитие. Между тем это проявление трудовой дискриминации практически не застрагивает среднее и старшее поколения работников по найму: среди лиц среднего возраста, занятых по найму, лишь 5,7% говорят об этом ограничении их трудовых возможностей; среди наемных работников старше 50 лет его вообще никто не отметил. Однако в отличие от наемных работников молодого и среднего возраста для представителей старшего поколения работников по найму имеет значение такое проявление трудовой дискриминации, как удержание на неквалифицированной работе. Около десятой части «возрастных» работников по найму (8,8% от числа всех работников по найму старшей возрастной категории) отмечают, что по месту работы их удерживают на

неквалифицированной работе или работе с более низкой квалификацией, чем та, которой они обладают. Что касается отказа от должностного повышения без объективных причин, то это проявление дискриминации в сфере труда, по мнению респондентов, затрагивает все возрастные категории наемных работников. Так, среди занятых по найму 16,7% молодежи, 12,3% лиц среднего возраста и 14,0% представителей старшего поколения считают, что им необоснованно не дают более высокую должность в организации / предприятии по месту их работы. Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов относительно проблемы дискриминации возрастных групп в сфере трудовых отношений: 1) о множественности проявлений дискриминации в сфере труда; 2) об обусловленности проявлений возрастной дискриминации в трудовой сфере социокультурными особенностями конкретного общества; 3) о значимости проблемы дискриминации в сфере труда для разных возрастных когорт (поколений) в современном российском обществе, что обязывает говорить о ней, прежде всего, как о проблеме трудовой (а не возрастной) дискриминации; 4) об актуальности (остроте) отдельных проявлений трудовой дискриминации для каждой из возрастных когорт (поколения) работников.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Молодежь в системе социально-трудовых отношений транзитивного общества» № 17-33-01001 а2

Литература:

1. *Васильева Т.А. Борьба с дискриминацией по признаку возраста как необходимая составляющая современной социальной политики // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2013. – № 1. – С. 191–214.*

2. *Галаева Е., Россикова Ю. Заработная плата и занятость: проблемы дискриминации // Общество и экономика. – 2016. – № 3. – С. 112–125.*

3. *Пасовец Ю.М. К вопросу об особенностях социального статуса молодежи в обществе // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. – Пермь: Изд-во Пермского национального исследовательского политехнического ун-та, 2017. – С. 202–209.*

4. *Пасовец Ю.М. Представители «третьего возраста», или «the Young Old», в современном российском обществе: возможности к продолжению трудовой деятельности после достижения пенсионного возраста // Жизнь исследования после исследования: как сделать результаты понятными и полезными / отв. ред. А.В. Кулешова. – М.: АО «ВЦИОМ», 2016. – С. 1102–1105.*

5. *Хоткина З.А. «Нормальный трудовой потенциал» и дискриминация по возрасту // Народонаселение. – 2013. – № 3 (61). – С. 27–37.*

Петрова Лариса Евгеньевна,
Екатеринбургская академия современного искусства, Екатеринбург, Россия
Кузьмин Константин Викторович
Уральский государственный медицинский университет, Екатеринбург, Россия
Бурлуцкая Мария Георгиевна
Уральский государственный медицинский университет, Екатеринбург, Россия

Осведомленность об услугах в сфере культуры и социальной защиты как индикатор социальной справедливости

Социальная справедливость, будучи распространенным общественным идеалом, подобна горизонту – достичь его, как и полной социальной справедливости, невозможно. Цель социальных исследователей – анализ практики реализации установки на социальную справедливость в актуальном обществе. И делается это применительно к основным составляющим – равенство всех граждан перед законом, обеспечение гарантий жизнедеятельности человека, высокий уровень социальной защищённости. Есть много индикаторов, измеряющих реализацию принципа социальной справедливости. По нашему мнению, осведомленность и оценка услуг в таких важнейших сферах жизнедеятельности человека, как культура и социальная защита, имеют большое значение. Социальная справедливость – это равные шансы на достижение успеха, благополучия, меры общественного богатства в условиях социальной дифференциации. Для сферы культуры этот механизм работает так – производит тексты в широком смысле этого термина, тексты влияют на наше понимание мира, формируют мировоззрение, оно влияет на наше поведение. Поэтому если и когда ребенок из семьи с низким стартом включается в культуру, его жизненные шансы повышаются. Если и когда человек, проводящий свободное время перед центральным каналом ТВ, узнает о доступной возможности посетить выставку, это явно расширяет спектр усваиваемых им текстов, а значит – он иным образом понимает мир. В сфере социальной защиты достижение социальной справедливости может происходить только там и тогда, где и когда представитель уязвимой группы знает о тех возможностях, которые ему предоставляет государство. С этого момента его шансы на обеспечение разных видов жизнедеятельности повышаются. Осведомленность как индикатор социальной справедливости легко измеряем, распространен в множестве исследований. Высокая осведомленность означает, что в обществе запущен механизм реализации социальной справедливости. Осведомлен – значит включен в эту систему, дальше – ответственность самого человека. Таким образом, реализация принципа справедливости обеспечивается на макроуровне государством, а в повседневности – самим гражданином, исходя из его человеческого капитала

и потенциала социальной справедливости в актуальном обществе. На примере двух исследовательских проектов мы убедились в том, что осведомленность граждан об услугах в сфере культуры и социальной защиты существенно дифференцирована. Так, в ноябре 2017 года было проведено телефонное стандартизированное интервью с представителями домохозяйств Екатеринбурга по случайной вероятностной выборке из базы сотовых телефонов, n= 600 чел. 18 +, проживающих в Екатеринбурге. Был задан вопрос «С 14 сентября по 12 ноября этого года в Екатеринбурге проходила 4 Уральская индустриальная биеннале современного искусства. Проходила она в бывшем здании Приборостроительного завода на Горького, 17. Как вы можете охарактеризовать свое участие в этом событии?». Указанная биеннале – событие, значимое не только в городе, но в России и в мире. Площадки проекта посетили более 40 тысяч человек. Но результаты опроса указывают на весьма низкую осведомленность о нем екатеринбуржцев – 54% опрошенных впервые услышали об этом во время опроса, 27% - слышали, видели, но не обращали внимания, 18% знали о биеннале, читали о выставке, но не посещали ее, и лишь 2% посетили выставку. Важно, что более информированы о биеннале женщины, молодежь, высокодоходные группы. Другой кейс – исследование потребностей инвалидов (детей-инвалидов) во временном обеспечении техническими средствами реабилитации, которое было проведено в Свердловской области в ноябре – декабре 2017 года методом телефонного интервью и анкетирования, N=800. На территории области работают 69 социальных пунктов проката, в которых можно бесплатно на срок до полугода взять напрокат огромное число полезных предметов для социальной реабилитации и абилитации как инвалидов, так и людей, временно потерявших трудоспособность. Большинство инвалидов и законных представителей детей-инвалидов ответили, что приобрели имеющиеся в данный момент у них ТСР самостоятельно (60%); ответили, что взяли на прокат во временное пользование только 3% опрошенных. Исследование многократно подтвердило вывод о высокой значимости проблемы социальной дифференциации граждан, нуждающихся в ТСР. Так, в более крупных населенных пунктах люди реже обращаются в пункты проката ТСР (22%) по сравнению с жителями средних (31% жителей обращались в пункты проката ТСР), малых городов (51%) и ПГТ и селах (54%). На значимость различий между пользователями ТСР в разных населенных пунктах указывает и тот факт, что в малых городах, селах и ПГТ почти тотальная удовлетворенность и ассортиментом, и качеством ТСР в пунктах проката, в то время как в крупных и средних городах это только, соответственно, 66 и 70%. Сказываются и запросы жителей разных населенных пунктов, и разный уровень жизни, и разные требования к качеству жизни. Итак, движение к социальной справедливости как общественному идеалу основано на раскрытии индивидуального потенциала доступа к социальным благам, а он начинается с информирования на персональном уровне. Пока информацией как ресурсом обладают те группы,

которые уже имеют высокий ресурсный потенциал. А это означает, что они увеличивают свой человеческий капитал, а остальные – нет.

Погосян Вардгес Григорьевич,
Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

Социокультурный детерминизм и параметры порядка

Объективное существование многообразных форм общественных образований даёт возможность предположить поливариантность социально-исторического процесса и обосновывает феномен цивилизации, определяемой как сложившуюся исторически уникальную систему, обладающую имманентными свойствами саморазвития и саморегуляции, как форму справедливого мироустройства и алгоритм выживания в конкретных климатогеографических и геополитических условиях. Доказанный практикой жизни и утвердившийся в науке постулат [1] является, однако, предметом активных дискуссий в российском социуме в ходе общественной полемики о путях институциональной перестройки возникшего и функционирующего на коммунитарных основаниях общества на субсидиарный лад. Непрекращающиеся попытки в сферах государственного строительства, экономике, медицине, образовании и т.д. интериоризировать либерально-рыночную парадигму в российскую действительность, выстроенную на совершенно иных аксиологических основаниях, актуализирует необходимость очередной ревизии методологических подходов к проблеме саморегуляции общества, поддержания его функциональности и сохранения интегральной целостности в условиях происходящих социальных изменений, связанных со сменой технологического уклада и разнонаправленных глобальных тенденций. Сопровождающая процесс институциональных трансформаций социальная энтропия обращает к анализу условий и механизмов социального порядка, поддерживающих его элементов и происходящих в нём изменений. Исторически сложившиеся общества не тождественны и различаются социокультурными основаниями со своеобразием коэволюционной самоорганизации, а параметры порядка имеют привязку к конкретному обществу, то есть не являются универсальными; равно как и социальные нормативные и ценностные регуляторы различны в каждом обществе, а набор их уникален в каждом конкретном случае. Детерминация особенностей путей эволюции складывающимися при возникновении общества первичными типами социальных форм, которые соответствуют специфике среды ареала, самодостаточность локального развития и уникальности форм конкретных обществ, взаимосвязь исторической стадиальности культурных систем с их онтологической дискретностью и ценностно-нормативной уникальностью отмечены многочисленными исследователями, работающими в рамках

паттерна Path Dependence. Выявленные П. Сорокиным закономерности развития общества в период трансформации с сопутствующей дезинтеграцией нормативных систем [2] подтвердил опыт либеральных реформ 90-х годов XX века на постсоветском пространстве. Аномичность общества, нарушения в работе лифтов социальной мобильности и механизмов обратной отрицательной связи приводит к уменьшению адаптивных свойств системы. Количество поступившей информации, оставленной без соответствующей реакции, без должного реагирования в виде модернизационных действий, возрастает, растёт и степень возмущения системы, что, и приводит к негативным социальным последствиям. Модернизация является адекватной адаптивной рефлексией, необходимым действием, поддерживающим относительную гомеостатическую стабильность, при этом частичная коррекция параметров не затрагивает системообразующие структуры [3]. Несоответствие реципируемых новаций имманентным свойствам реальных обществ наносит ущерб, внутрисистемные коррекции же конструктивного плана, не противоречащие имманентным свойствам обществ, оптимизируют внутренние процессы, максимизируют продуктивность функционирования, экологическую комфортность и скорость развития. Социокультурная составляющая конкретного общества как системообразующий компонент обусловливает существование комплекса устойчивых институциональных констант, компенсирующих негативное воздействие и риски природно-климатического характера и геополитической среды. Во всех исторических фазах своего взаимодействия с внешним миром культуры-реципиенты сохраняют свой самобытный характер, а конструктивные внутрисистемные трансформации происходят в пределах существующего порядка, не уничтожая его основ, несущих институциональных структур. Содержание конструктивных трансформационных процессов на основании теории устойчивых институциональных структур (констант цивилизационной матрицы), определяется как стабильные социальные связи, которые дискретно изменяются, но сохраняют свою функциональность. Развитие социальной системы нетелеологично и поливариантно, но возможен не любой хаотично-непредсказуемый путь эволюции системы, поскольку определяющие число степеней свободы параметры порядка задают ограничения путей развития. Спектр альтернатив общественного развития детерминирован рамками амплитуды, обуславливаемой социокультурным компонентом, определяющим инвариантные признаки конкретного общества, независящие от пространственно-временных форм его существования. Социокультурная специфика оказывает влияние на вектор развития общества, определяя способы использования модернизационных заимствований и характер социальных изменений, вызываемых как логикой внутрисистемного развития, так и инновационными заимствованиями или другими формами экзогенного причинного воздействия, становясь доминантным в точках бифуркации [4]. Вероятность катастрофических социальных последствий в результате разрушения существующих параметров порядка в ходе радикальных

преобразований актуализирует необходимость взвешенного подхода в социальном управлении к институциональному переустройству в рамках модернизационных программ.

Литература:

1. *Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; [пер. с англ. Т. Велимеева]. – М.: Издательство АСТ, 2017. – 576 с.*
2. *Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ., вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. – М.: Академический проект, 2017. – 964 с.*
3. *Погосян В.Г. Модернизация в дискурсе исторической социологии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2009. № 4. – С. 81-96.*
4. *Погосян В.Г. Инвариантные компоненты социальных систем как естественное ограничение институционального творчества // Социальная политика и социология. 2017, Т.16. № 3 (122). – С. 163-170.*

Полежаева Любовь Вадимовна,

Частная практика, Днепр, Украина

Экспериментальное исследование дифференциации восприятия социальной справедливости (на выборке врачей)

Веками понятия социальной (не)справедливости было не социальным, а идеологическим. Его толкование шло не снизу (от народа), а сверху. В информационную эпоху данная традиция не может восприниматься иначе, как атавизм. Современные люди не хотят принимать доктрины, спущенные сверху, реализуя собственные. Что представляют собой эти собственные взгляды на социальную не(справедливость) мы попытались выяснить в данном исследовании. На I этапе был задан открытый вопрос: «Что такое социальная справедливость?» Ответы не отличались разнообразием и после исключения вариативности авторских изложений, означали: «Когда каждый получает то, что заслужил». Следующий вопрос был таким: «Кто определяет, что заслужил человек?» При ответе на него появилась дихотомия, а именно: 1) большинство (от 80 до 90%) считают, что должны быть «умные и справедливые законы», соответствие которым будут определять компетентные органы; 2) меньшинство (от 10 до 20%) - что современный социальный рынок «отрегулирует» социальную справедливость сам, надо ему не мешать. Хотя, определенные правила должны быть заданы и быть обязательными для всех. Далее мы предложили респондентам следующую инструкцию: «Если в Вашей стране каждому гражданину предложат заключить договор с обществом. Что Вы можете дать обществу и что хотите за это взамен?» Многочисленная группа (А) дала следующий ответ: «Я готов наняться на работу, соответствующую моим умениям и образованию, с достойной зарплатой, удобным графиком и месторасположением, чтобы преимущества работы были значительнее ее недостатков. Готов дополнительно поучиться (в основном бесплатно) в течение непродолжительного времени». Взамен в настоящем респонденты желали

получить достойные условия работы, а в будущем – обеспеченную старость с пакетом социальных гарантий. Респонденты из малочисленной группы (Б) заявили, что они хотят делать то, что они умеют и продавать свой товар или услугу на рыночных условиях конкретным людям или обществу. Просят, чтобы общество им не мешало. За все то, что захотят иметь от общества, готовы заплатить по рыночным правилам. Далее в каждой из групп мы выбрали респондентов по профессиональному признаку. В данном материале остановимся на группе врачей. Итак, врач из группы А не желает иметь свой частный прием и хочет работать в клинике скорее государственной, чем частной. Недостатками такой работы он называет небольшой заработок, независящий от себя график работы, окружающий некомпетентный или недружественный персонал, без права его замены. Компенсацию недостатков видит через принцип: «Пациент врача голодным не оставит». Малочисленная группа Б с определенного момента подразделяется еще, но вначале, каждый доктор из группы Б хочет иметь собственную практику. В качестве отрицательных сторон называется невозможность самостоятельного приобретения современного оборудования и удорожания услуг из-за расходов на рекламу, т.к. имеет место проблема с привлечением пациентов. Далее, примерно половина докторов (группа Б1) признает, что вынуждена отказаться от частной практики или заменить ее работой в коммерческой клинике (по возможности зарубежной). Другая половина (группа Б2) реализует свои амбиции путем продолжения работы в государственной клинике на 0,25 – 0,5 ставки, привлекая тем самым к себе пациентов и, по договоренности с конкретными лицами, используя в частных целях ее оборудование, подобным образом удешевляя свою услугу. Эксперимент проводился авторским методом бесконтактного аудита с элементами метода экспертного опроса. Анализ динамики индивидуального ролевого сценария показал, что у исполнителей появилась своя структура, адаптированная к личным интересам. Она отличается от общественной, мы называем это мутацией социальной роли. В сценариях ролей-мутантов, заложены: декларация соответствия требованиям макроуровня, внешнее соблюдение требований мезоуровня при внутреннем стремлении удовлетворения требований собственного микроуровня. Респонденты группы А сингулярными характеристиками не обладали. Респонденты группы Б - обладали. Напомним, что сингулярными мы предложили называть характеристики, которые возникают у человека при исполнении конкретной социальной роли, закрепляются в структуре его индивидуальности, начинают мигрировать из одной социальной роли в другую, даже при наличии их несоответствия новому ролевому сценарию и могут привести к изменению ролевого сценария, или даже функции роли в целом. Изучение явления сингулярности личности, вызванного социумом в постиндустриальную эпоху, проводится нами давно и многоаспектно.(1-9). Но впервые экспериментально зафиксирована дифференциация сингулярности. Причем пока непонятно может ли это быть результатом развития самого явления сингулярности в филогенезе. Резюмируя вышеизложенное в контексте проблемы социальной

не(справедливости), отметим, что - респонденты группы Б1 не допустили мутации социальной роли и сделали попытку заменить неудачного посредника между ними и пациентом с традиционного отечественного гослечебного учреждения на что-то более успешное. Готовы продавать обществу свои услуги на рыночных условиях, будут склоняться к более выгодным предложениям; - респонденты групп А и Б2 допустили мутацию социальной роли с той разницей, что в группе Б2 поставили во главу угла принцип самосоздания условий для работы, в группе А - пассивную дозированную реализацию социального сценария на комфортных для себя условиях.

Литература:

1. *Полежаева Л.В. Квантово-волновая теория личности.// Тенденции развития современной психологической науки – М., ИПРАН,. 2007, Часть 1, С. 278-280*
2. *Полежаева Л.В. Личность как субъектно-ролевое единство.// Материалы VI Международной научно-практической конференции «Личность в межкультурном пространстве». М., РУДН, 2010, Часть II. – С.197-204.*
3. *Полежаева Л.В. Особенности влияния социальной роли на развитие личности.// Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора А.В.Петровского «Социальная психология малых групп» М., МГППУ, 2011. – С.296-299.*
4. *Полежаева Л.В. Особенности современного влияния на личность национальных и этнических стереотипов на примере выпускников РУДН: Материалы V Международной научно-практической конференции «Личность в межкультурном пространстве» М., РУДН, 2009.*
5. *Полежаева Л.В. О социально-психологических феноменах в виртуальных ученических группах// Социальная психология в образовательном пространстве. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (24–25 октября 2017 г.).*
6. *Полежаева Л.В. Развитие сингулярности личности как возможность нивелирования негативных последствий социального неравенства.// Материалы VIII Международной научной конференции «Сорокинские чтения» М., МГУ, 2013. – С.1237-1240*
7. *Полежаева Л.В. Современная динамика содержания социальной роли девианта и девиантного поведения на постсоветском пространстве.// Материалы VI Всероссийской научной конференции «Сорокинские чтения» М., МГУ, 2010. – С.1237-1240.*
8. *Полежаева Л.В. Филогенез социальной роли // Эволюционная и сравнительная психология в России: традиции и перспективы/ Под редакцией А.Н. Харитонова. – М.:Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 296-303.*
9. *Полежаева Л.В. Формирование самомотивации к обучению как результат общего онтогенетического развития личности // Материалы Международной научной конференции «Деятельностная теория учения: современное состояние и перспективы». М., МГУ, 2014. С.126-128.*

Полюшкевич Оксана Александровна,

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Борьба между правосудием и справедливостью в общественном сознании россиян

Традиционно, правосудие (или законность) – означает формальное применение закона. Закон часто может противоречить справедливости, а история и современность предлагают множество примеров, позволяющих в этом убедиться. Современная ситуация в нашей стране может стать хорошим примером данного явления. Методами изучения выступили: анкетный опрос,

интервью и фокус-группы. Всероссийский опрос, выборка1600 человек, в возрасте от 18 до 75 лет, 60% женщины и 40% мужчины, имеющих различный социальный статус. Опрос проводился во всех федеральных округах РФ. В общественном сознании россиян доминирует идея правосудия (законности) отличающемся от справедливости. Социальные страхи порождают нежелание замечать преступления, даже если человек стал его свидетелем. Респонденты будут обращаться в правоохранительные органы в исключительных случаях, если жертва их родственник или они сами, то вероятность обращения выше в три раза, если это незнакомый человек – то вероятность резко снижается. Это не позволяет говорить о доверии к системе правосудия, а скорее говорит о готовности преодолевать «трудности» и «барьеры», которые возникают при взаимодействии в данной области с представителями власти. Более того, наиболее частым поводом для обращения в правоохранительные органы является убийство (25%) и изнасилование (23%). Представители власти и бизнеса, также как и сотрудники правовых структур, менее активны в официальных обращениях к правоохранительным органам, предпочитают решать проблемы альтернативными способами, не ожидая ни соблюдения закона, ни справедливости в свой адрес от правовых структур. Более активны и надеются на помощь правоохранительных органов работники бюджетной сферы, но и они не питают лишних иллюзий в отношении торжества закона и справедливости. На когнитивном уровне, все респонденты говорят о том, что за все преступления необходимо наказывать, что закон должен быть применим ко всем одинаково. Но на аффективном уровне, возникает возможность двойных стандартов, в одних случаях – необходимо обращаться, а в других – нет, так как есть понимание, что обращение ничего не даст, кроме траты времени и нервов. Более того, на деятельностном уровне, реально обращаться в правоохранительные органы готовы единицы, но не потому, что преследуют соблюдение закона, а потому что «так принято» и «так должно быть». Идеальные представления об уголовно-правовой системе строятся на справедливых представлениях о праве. Но реальные, опираются не на законность, а на страх и не доверие, происходит не опора на закон, а надежда его обойти, помимо этого действует принцип каждый сам за себя. Более того, в обществе не знают законов и своих прав и обязанностей и не опираются на них. Присутствуют номинальные знания, но не навыки их применения в той или иной ситуации. Более удручающей является ситуация, что потребности в знании не возникает, так как нет уверенности в том, что они смогут их применить. Накогнитивном уровне происходит разрыв социальных представлений. Есть идеальное пространство – где закон вершина порядка, и реальное пространство – где регулируют отношения не нормативные акты, а «связи» и «знакомства», «деньги» и «социальное положение». В результате возникают иллюзорные образы «правильного» и «должного», основанные на альтернативных стратегиях защиты прав человека или группы людей. Граждане надеются на справедливость, но считают, что она не возможна, реальна только в фильмах. Более того, закон и

справедливость зачастую противопоставляют друг другу, а не соединяют воедино. Выявлена положительная взаимосвязь, когда говорят о фильмах, где главные герои представители правоохранительных органов и отрицательная взаимосвязь с повседневной практикой в реальной жизни, т.е. придуманный мир не совпадает с реальным. Нормативный идеал адвоката, прокурора, судьи – формируемый и культивируемый в СМИ, декларируемый в рамках профессиональной этики, преподаваемой в университетах, разрушается в рамках повседневной практики представителей правовых органов уголовного производства с одной стороны и представлений обывателей, с другой стороны. Все рассмотренные нами социальные группы принимают как должное – нормативные образы, но на практике говорят об их нереальности. Противопоставление закона и справедливости показывает нарушение основного принципа гражданского общества, в котором одно вытекает из другого. Противопоставление их, и более того, не получение защиты (ни по закону, ни по справедливости) провоцирует социальную дезинтеграцию и аномию. Мы видим, что объективные, рациональные знания о законах у населения отсутствуют. Отсутствует и потребность их приобретения, так как нет понимания, где и как это можно применить. Законы существуют для «приличия», «так принято», но веры в то, что они для всех едины и одинаково судят – нет. На аффективном уровне присутствует раздражение, гнев, негодование, что не способствует эмоциональному подъему и поддержке социально-правовых изменений в обществе. Реальные действия при возникновении нарушения прав человека нацелены на уход от ситуации, смирение, и никак не желание отстоять свои права и интересы через правоохранительные органы.

Прокопьева Мария Владимировна,
МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Социальная справедливость как фактор интеграции мигрантов в современной России

Проблема социальной справедливости является одной из наиболее актуальных и в то же время наиболее сложных проблем современной России. Так, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, 81% россиян убеждены в значимости данной ценности для развития и процветания России. Кроме того, почти половина опрошенных считают, что именно социальная справедливость может стать основой благополучия населения страны. Эти данные определяют значимость данной ценности в обществе. Но вместе с тем они раскрывают важную проблему, связанную с неопределенностью трактовки социальной справедливости различными группами населения. Это подтверждают и исследования ФОМ. Так, объяснить значение данного феномена смогли только 67% опрошенных. Из низ 34% связывают понятие социальной справедливости с нравственностью

и ответственностью за поступки («это честные отношения между людьми»). При этом только 7% определяют справедливость через терминологию законности («выполнение законов», «закон должен быть для всех») или равноправия. Важно так же отметить, что 68% граждан убеждены, что современное российское общество устроено менее справедливо, чем советское, 47% - чем западное. Почти половина опрошенных (45%) также отмечают, что за последний год регулярно ощущают несправедливость. Особую актуальность тематика трактовки социальной справедливости приобретает в рамках такого полиэтнического и многонационального государства, как Россия. Однако научного и аналитического осмысления данная проблема так и не получила. В этой связи было проведено учебное кабинетное исследование, направленное на сбор, изучение, систематизацию и анализ вторичной информации о трактовке понятия социальная справедливость различными народами. Особый акцент в исследовании был сделан на изучении мнений жителей стран бывших советских республик, Вьетнама и Китая. Кроме того, были проанализированы источники социальной несправедливости к мигрантам в современной России. Так, результате исследования было выявлено, что в основе понятия социальная справедливость заложены два основополагающих принципа: равенство возможностей и противодействие социокультурной изоляции. Равенство возможностей предполагает, что жизненные достижения должны определяться не расой или происхождением, а усилиями и способностями. При этом для успешной интеграции мигранта необходимо обеспечить его включение в социо-культурную среду. Кроме того, было определено, что основными источниками социальной несправедливости выступают экономическая (в т.ч. трудовая), правовая и культурная сферы. Как свидетельствуют результаты исследований Фонда ИНДЕМ, в российских судах практически не соблюдается равенство граждан перед законом, поскольку коренные жители всегда имеют в них больше прав, им суды больше доверяют, чем позициям мигрантов. Кроме того, из результатов исследований ВЦИОМ видно, что работодатели предпочитают нанимать мигрантов только на те должности, которые не требуют высокой квалификации (заработные платы мигрантов существенно ниже, чем у коренных жителей). Сами же мигранты отмечают, что их основные проблемы связаны с социо-культурной изоляцией: испытывают трудности в изучении языка и культуры, а также подвергаются давлению со стороны коренных жителей. Все эти проблемы не позволяют сформировать прочных социальных связей и стать полноценным жителем российского общества. Таким образом, принципы социальной справедливости способны стать ключевым фактором эффективной интеграции мигрантов.

Литература:

1. *Карнаш Г.Ю. Социальная справедливость: философские концепции и российская действительность. М., 2011*
2. *Мареева С. В. Справедливость и неравенство в общественном сознании россиян // Журнал институциональных исследований. — 2015. — Т. 7. — № 2.*

Попова Ольга Николаевна,
филиал ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет» в г. Апатиты, г. Апатиты Мурманской области, Россия
Попов Андрей Андреевич
филиал ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет» в г. Апатиты, г. Апатиты Мурманской области, Россия

Факторы миграционных установок населения Кольского Севера: к вопросу о постановке проблемы справедливой миграционной политики

История освоения территорий Крайнего Севера в Советское время была тесно связана с нехваткой трудовых ресурсов. С целью привлечения населения на Север государство реализовывало принцип справедливости через развитую систему льгот и компенсаций издержек, связанных с проживанием в неблагоприятных условиях Севера. Принятые меры миграционной и социальной политики позволили повысить интерес населения страны и, прежде всего, молодежи, к жизни и работе на Севере. На сегодняшний день «благоприятное для экономических связей географическое положение, дополняемое наличием крупного научно-технического потенциала, определяет важное стратегическое и геополитическое значение региона в национальном и мировом масштабе. В структуре экономики Мурманской области преобладают крупные вертикально интегрированные корпорации, интересы которых сосредоточены на разработке природных ресурсов или их первичной переработке» [1]. Однако, по данным Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области на протяжении нескольких последних десятилетий (начиная с 1990-х годов) для районов Крайнего Севера характерна устойчивая тенденция сокращения численности населения, прежде всего, за счет миграционной убыли [2]. С целью изучения качества жизни населения Мурманской области преподавателями и студентами Кольского филиала Петрозаводского государственного университета в г. Апатиты в 2016 году было проведено социологическое исследование, одной из задач которого являлось изучение миграционных установок населения региона. Объектом исследования являлись жители Мурманской области в возрасте от 18 лет и старше. Объем выборочной совокупности составил 702 чел. При сборе данных был использован метод личного стандартизированного интервью. В результате были выявлены группы респондентов с различными миграционными намерениями: с положительной миграционной установкой (планирующие переехать в другой регион) - 16 %, с отрицательной миграционной установкой (планирующие оставаться и дальше жить на Севере) — 52 % и «потенциальные мигранты» (те, кто пока точно не определился в своих намерениях) — 26 %. Анализ социально-демографического статуса

респондентов по выделенным трем группам выявил схожесть респондентов по следующим характеристикам: это мужчины и женщины, с рождения проживающие в Мурманской области, с высшим и средним профессиональным образованием, со схожим среднемесячным уровнем семейного дохода. Однако, средний возраст и семейный статус респондентов различны по выделенным трем группам. Среди тех, кто планирует покинуть регион, а также среди «потенциальных» мигрантов преобладают жители в возрасте 35-36 лет, не состоящие в браке и не имеющие детей. В то время как большинство респондентов, средний возраст которых составил 46 лет, состоящих в браке и имеющих детей, не планируют переезжать в другой регион. Также обращает на себя внимание различие в профессиональном статусе респондентов. Во всех трех группах половина опрошенных — это респонденты, имеющие работу. Однако, среди тех, кто планирует остаться в регионе, треть составили пенсионеры. В то время как среди респондентов с положительными миграционными намерениями почти треть — это учащаяся молодежь (студенты). Среди тех, кто еще не определился со своими миграционными намерениями, каждый четвертый — безработный.

Анализ причин положительных миграционных намерений выявил две основные группы факторов: природно-климатические (суровый холодный климат, короткое лето, полярная ночь) - 62% и социально-экономические (низкий уровень жизни, экономическая бесперспективность, безработица) — 19%.

Социально-психологический фактор можно отметить, как фактор, сдерживающий миграцию (отрицательных миграционных установок). Это, прежде всего, отношение к Северу, как к малой родине (36%) и тесные родственные и дружеские связи (17 %). Также каждый десятый респондент отметил, что для него важна стабильность (прежде всего, наличие стабильного заработка и собственного жилья, которые он имеет на Севере). Отдельно стоит отметить, что 15 % опрошенных планируют остаться на Севере в связи с пожилым возрастом и по причине отсутствия возможностей для переезда в другой регион (нет финансовых возможностей или некуда ехать). Можно предположить, что северные льготы мало привлекают жителей Мурманской области, поскольку они не компенсируют финансовые затраты, связанные с условиями жизни на Севере. Сравнительный анализ оценок работающего населения среднемесячного дохода на одного члена своей семьи (24 800 руб.) и их представлений о необходимом минимальном доходе (38 000 руб.) показал превышение последнего в 1,5 раза. Большинство респондентов с положительными миграционными намерениями планируют переезд в районы Центрального федерального округа (37 %), другие города (прежде всего, в г. Санкт-Петербург) и регионы Северо-Западного федерального округа (21 %) а также Южного федерального округа (21 %).

В сложившейся ситуации необходимы дополнительные меры социальной и миграционной политики по закреплению населения (прежде всего, молодежи) на территории региона и социально-экономическому стимулированию с целью компенсации неблагоприятных факторов

жизнедеятельности в сложных природно-климатических условиях Крайнего Севера. А также дальнейшее социологическое изучение оценок жителей Мурманской области эффективности основных направлений и мер миграционной политики региона.

Литература:

1. *Иванова М.В., Клюкина Э.С. Современные предпосылки будущего арктических трудовых ресурсов // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. No 6. С. 180—198. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.08.*
2. *Статистический ежегодник, 2016: /Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области / Мурманскстат, 2017. – 223 с.*

Прончев Геннадий Борисович,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
Гончарова Инна Владимировна
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
Прончев Константин Геннадьевич
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Техно-социальные системы Интернета как инструмент устранения социальной несправедливости для инвалидов по зрению

Объективно существующие физические ограничения инвалидов по зрению приводят к ограниченности социальных возможностей данной категории граждан, как следствие – к социальной несправедливости. По оценке ВОЗ число инвалидов по зрению в мире достигает 285 миллионов, включая 39 миллионов слепых людей [1]. Для людей с полной или частичной потерей зрения инвалидность означает невозможность воспринимать информацию через визуальный канал. Как следствие, их коммуникационные возможности сильно ограничены [2]. В предыдущих наших работах сообщалось, что использование современных техно-социальных систем Интернета для пользователей с ограниченными возможностями по зрению расширяет их социальное пространство [3], позволяет решать различные социальные вопросы (работа, оплата ЖКХ, запись к врачу и т.д.), поднимать свой уровень образования, уделять внимание различным сферам искусства и культуры [4]. В работе [5] обсуждались практические шаги в Российской Федерации для устранения социальной несправедливости данной категории граждан в плане доступа к информации и осуществлений информационных коммуникаций. Приводились примеры использования существующих техно-социальных систем для инвалидов по зрению. Данная работа посвящена анализу возможностей техно-социальных систем Интернета как инструмента устранения социальной несправедливости для инвалидов по зрению при использовании банковских услуг. В качестве страны исследования была выбрана Великобритания, как страна с наиболее развитым банковским

сектором. Исследовались 56 официальных банковских Интернет-ресурсов. Среди выбранных оказалось 10 банков с крупнейшим капиталом, 20 – коммерческих банков, 5 – банковских предприятий розничных групп, британские розничные банковские бренды, принадлежащие иностранным банкам – 21 (в том числе 1 филиал российского банка) [6]. По определенным требованиям, соотносящимся с нормами для людей с ограниченными возможностями по зрению, для оценки сайтов банковской системы Великобритании использовалась оценочная 11-балльная шкала [6]. При этом применялся метод простой визуализации – «да/нет». При наличии на Интернет-ресурсе указанного параметра принималось значение «1», в противном случае – «0». Все сайты британских банков совместимы с существующими пользовательскими приложениями и браузерами. Через настройки браузера можно перейти к версии для слабовидящих. Сочетание клавиш позволяет увеличить текст или перейти к работе в браузерах с использованием клавиатуры. Таким образом, минимально достигнутое количество первичных баллов всеми сайтами банков – 1, по критерию «совместимость с браузерами и приложениями». Распределение показателей по всем параметрам показало, что основная часть разработчиков и руководителей сервисных служб банков придерживались условия удовлетворения минимальных потребностей слабовидящих пользователей. Так, 1 – 2 балла набрали 59% исследованных банковских Интернет-ресурсов, 3 – 5 баллов набрали 16,2% банковских Интернет-ресурсов. Максимальное количество баллов по 11-бальной шкале достигает 9 баллов. Данное количество баллов, в основном, присвоено банкам, поддерживающим стандарты WCAG 2.0. Эти банки не использует гиперссылки «альтернативная версия сайта», «увеличение шрифта», «контрастность», «аудиоаналог», т.к. структура сайта и его наполнение обеспечивают полный доступ людям с ограниченными возможностями по зрению, использующими соответствующее оборудование. Проведенные исследования показали, что банковский сектор Великобритании заинтересован в привлечении слабовидящих клиентов, когда получаемые выгоды могут полностью компенсировать произведенные затраты. При этом, большинство банковских Интернет-ресурсов имеют минимальный уровень доступности, в особенности банки с иностранным капиталом. Напротив, крупные банки, с большим количеством филиалов, обеспечивают на своих сайтах полный доступ к банковским услугам. Ведущую роль в этом процессе оказывает фактор государственной поддержки инвалидов, а также сформированный институт общественного мнения. Однако, недостаточная изученность влияния банковского сектора на создание безбарьерной среды при помощи современных техно-социальных систем оказывает отрицательное влияние на данный процесс. Для более эффективных форм организации деятельности, работу по адаптации техно-социальных систем необходимо вести постоянно, в тесном сотрудничестве с компаниями-разработчиками стандартов, экспертами и общественными организациями помощи инвалидов. Это позволит не только оперативно реагировать на возникающие внешние

изменения, но и создать результативную организационно-функциональную модель диагностики и анализа.

Литература:

1. *Статистика инвалидов в мире / Интернет-ресурс. Режим доступа http://vawilon.ru/statistika-invalidov-v-mire. 30.01.2018.*
2. *Муравьев В.И., Прончев Г.Б., Прончева Н.Г. Современные Интернет-технологии как средство сглаживания социального неравенства в контексте взаимоотношений гражданского общества с государством // Образование и право. 2013. № 12(52). С. 77 – 85.*
3. *Гончарова И.В., Прончев Г.Б., Прончев К.Г. Виртуальные среды как инструмент расширения социального пространства людей с ограниченными возможностями по зрению / Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР: материалы Второй всерос. научно-практич. конф. с междунар. участием, Владивосток, 7 –8 декабря 2016 г. / Отв. ред. И.Г. Кузина. — Владивосток: Дальневосточный федеральный университет. 2016. С. 575 – 578.*
4. *Гончарова И.В., Прончев Г.Б. О поддержке людей с ограниченными возможностями по зрению в современном российском обществе // Политика и общество. 2016. № 11. С. 1479 – 1485.*
5. *Pronchev G.B., Goncharova I.V., Elishev S.O., Khodakova N.P. Accessibility of Virtual Social Environments for the Visually Impaired as a Means for Leveling Out Social Inequality in Russia // Man in India. 2017. 97(16). 107 – 116.*
6. *Гончарова И.В., Прончев Г.Б., Прончев К.Г. Сетевые банковские услуги в Великобритании как безбарьерная среда для инвалидов по зрению // Образование и право. 2017. № 9. С. 269 – 281.*

Прончева Надежда Геннадьевна,

Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН, Москва, Россия

Прончев Геннадий Борисович

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Монахов Данила Никитич

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Современные информационно-коммуникационные технологии как источник социальной несправедливости в российском обществе

В наших предыдущих работах анализировались возможности современных информационно-коммуникационных технологий для сглаживания социального неравенства и устранения социальной несправедливости в российском обществе. Отмечалось, что для этих целей в России современные Интернет-технологии успешно применяются для нужд государственного управления [1], во взаимодействии различных государственных служб и гражданского общества [2], социальной работе с населением [3]. С развитием информационно-коммуникационных технологий открываются уникальные возможности для организации учебного процесса, в результате чего мотивация обучаемых и эффективность обучения повышаются [4]; для создания безбарьерной среды инвалидам по зрению, в результате чего они могут участвовать в социально-экономической жизни наравне со здоровыми [5]. Однако, Интернет является не только средством сглаживания существующей социальной несправедливости, но и

источником новых его видов. Очевидно, что большинство из них будет связано с невозможностью определенной социальной группы по какой-то причине воспользоваться преимуществами, которые предоставляют современные информационно-коммуникационные технологии. В данной работе будут проанализированы возможные причины социальной несправедливости, вызванные развитием информационно-коммуникационных технологий и способы их устранения. 1. Отсутствие физического доступа к информационно-коммуникационным технологиям. Причиной этого может быть, например, финансовое положение, территориальная удаленность социальной группы. Очевидно, что с развитием материально-технической базы эта причина должна быть устранена. 2. Отсутствие необходимых информационных компетенций (недостаток образования). Например, во время обучения взрослого поколения многие технологии еще не существовали. Сюда же относится имеющееся гендерное неравенство, связанное с существующем в настоящее время различием в гендерной подготовке в области информационно-коммуникационных технологий [6]. Способ решения очевиден: выравнивать уровень компетентности. Для молодежи необходим одинаково высокий уровень подготовки независимо от учебного заведения, для старшего поколения – организация дополнительного образования. 3. Невозможность использования информационно-коммуникационных технологий по физиологическим особенностям, например, инвалидам. Вероятно, с дальнейшем развитием информационно-коммуникационных технологий эта причина будет устраняться. Следует заметить, что для решения этой проблемы необходимо также готовить специальных учителей-тьюторов, которые будут заниматься обучением самих инвалидов [7]. 4. Невозможность использования информационно-коммуникационных технологий по причине злого умысла (информационная безопасность), например, по причине блокировки необходимой информации злоумышленниками в Интернете. Данная проблема остается актуальной со времени появления информационно-коммуникационных технологий. Без специальных мер со стороны государства нейтрализовать эту причину социальной несправедливости невозможно. Для устранения социальной несправедливости, вызванной развитием информационно-коммуникационных технологий в России использует различные методы: устанавливают точки доступа к информационно-коммуникационным технологиям в публичных местах (библиотеках, учебных заведениях, государственных учреждениях, парках, метро и т.д.); проводят информационное просвещение граждан, что предусмотрено Государственной Программой Российской Федерации «Информационное общество (2011 – 2020 годы); обучают пожилых пользователей в ряде Вузов, согласно ГП РФ «О развитии системы дополнительного образования пожилых людей»: обучают информационным технологиям инвалидов согласно ГП Российской Федерации «Доступная среда» на 2011 - 2015 годы, Закону «О социальной защите инвалидов в РФ» и социальным программам на уровне регионов,

целью которых является обучение информационным технологиям инвалидов для их последующего трудоустройства. Тем не менее, социальная несправедливость, вызванная развитием информационно-коммуникационных технологий в России существует. Необходимо искать новые механизм для ее устранения. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант 16-01-00306-а).

Литература:

1. *Прончев Г.Б., Муравьев В.И. Социальные сети в условиях перехода России к инновационному развитию // Труд и социальные отношения, 2012, № 2, С. 64 – 73.*
2. *Муравьев В.И., Прончев Г.Б., Прончева Н. Г. Современные Интернет-технологии как средство сглаживания социального неравенства в контексте взаимоотношений гражданского общества с государством // Образование и право. 2013. № 12(52). С. 77 – 85.*
3. *Монахов Д.Н., Прончев Г. Б. Сетевые технологии и облачные сервисы как средства достижения цифрового равенства среди граждан России // Представительная власть - XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2015. № 1-2. С. 67 – 70.*
4. *Прончев Г.Б., Кузьменков Д.А., Прончева Н.Г. Социальная педагогическая сеть Совет // Педагогическая информатика. 2015. № 1. С. 81 – 89.*
5. *Гончарова И.В., Прончев Г.Б., Прончев К.Г. Сетевые банковские услуги в Великобритании как безбарьерная среда для инвалидов по зрению // Образование и право. 2017. № 9. С. 269 – 281.*
6. *The global gender gap report 2017. The World Economic Forum. Geneva. Switzerland. 361 p. Режим доступа: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2017.pdf. 25.01.2017.*
7. *Прончев Г.Б., Гончарова И.В. Об обучении инвалидов по зрению работе с современными информационно-коммуникационными технологиями // Право и образование. 2016. № 5. С. 58 – 64.*
8. *Прончев Г.Б., Монахов Д.Н., Лонцов В.В. Безопасность виртуальных социальных сред в информационном обществе // Пространство и Время. 2013. № 4(14). С. 231 – 236.*

Пруель Николай Александрович,
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
Меньшикова Галина Александровна
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

Режимные сравнения как метод политического оценивания (на примере оценки социального благополучия)

По мере формирования области знания, идентифицируемой как Public Administration и изучающей особенности современного государственного управления с целью его совершенствования и демократизации, возникла естественная необходимость сравнивать не только процессы, происходящие в странах, но и механизмы, их регулирующие. За рубежом такие сравнения получили большое распространение, в нашей стране их используют крайне редко [1]. Исследователь Eric Brahm [2] идентифицирует период становления режимной теории 70-ыми годами XX в., называя в качестве ее основоположника Gerard R.G [3].

В качестве классического приведем определение Krasner St. D: «Режим это явные или неявные принципы, нормы, правила, процедуры принятия решений, вокруг которых ожидания акторов направляются в заданную

область международных отношений» [4, с.8]. Применительно к тематике Сорокинских чтений актуализируем внимание на потенциале метода для оценивания социального благополучия, которое рассматривается в мировой науке как наиболее значимый параметр развития страны (важнее ВВП). [5, с.28]. Формирование матрицы оценивания к настоящему времени прошло три этапа. Первый этап рассматривают как становление социально-ориентированных (Wellfare) государств, т.е. таких, которые выполняют функцию социальной защиты населения. Первые типологии государств были составлены в 1958 году (Richard Titmuss), а Esping-Andersen (1990) предложила три его основных модели: либеральную, консервативную и социальную демократию. Второй этап предполагает переоценку роли социального фактора, выявив его базовое проявление – Well-being как основную задачу государства. Этот переход датируют 2011, когда был составлен доклад ОЭСР «How's life?», который учтя рекомендации специалистов Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J-P, решил главную проблему – доказал возможность достижении одновременно экономического прогресса и повышения уровня жизни населении [6]

Дальнейшее развитие имело место на конференции "Rio-20" (2015) 'Future –we-want", в ходе которой от пассивного мониторинга перешли к регулированию социальной политики. На нем был разработан план из 17 показателей, которых хотелось бы достичь к 2030 году, разбитых на 169 подпунктов и 232 индикатора. Пока на фоне обязательного мониторинга составляются ежегодные отчеты, включающие изменения. Опишем кратко результаты последнего [6], выделив в нем три блока: общие параметры социального благополучия и характеристики социального неравенства. Третий блок – оценку социальной политики – из-за отсутствия места опускаем.

1. Оценка благополучия осуществляется по методикам ОЭСР двумя путями: по выявлению кластерной принадлежности, т.е. по отнесению к кластеру с хорошими, средними или низкими показателями, а также по количественным параметрам каждого показателя. РФ попала в первый кластер по показателям: занятости, уровню образования, возможности высказаться в органах власти. Она занимает среднюю позицию по развитости профессиональных навыков взрослого населения, познавательным способностям подростков, участию в выборах и качеству воздуха. В целом доминируют низкие оценки, которыми оцениваются: продолжительность жизни и уровень здоровья, качество воды, доступность жилья, безопасность. По двум показателям оценивание не приведено: по продолжительности отдыха и общей оценки удовлетворенности жизнью. Показатели среднедушевого годового дохода населения стран ОЭСР составляют от 31 до 330 тыс. долл., а среднегодовые доходы работающих – 44 тыс. долл. Средний уровень безработицы – 2%. В среднем на 1 человека приходится 1,8 комнат. Каждый восьмой работник работает больше 50 часов в неделю. Ожидаемая продолжительность жизни превышает 80 лет, но только 69% опрощенных утверждают, что у них хорошее здоровье. Почти ¾ людей имеет образование

выше среднего профессионального. 89% имеют друга или члена семьи, кто поможет в случае беды. В выборах участвовали 2/3 населения. 80% удовлетворены качеством воды, 2/3 не боятся гулять по ночам. Уровень самоубийств – 3, 6 на 100.000. В целом при 10 бальной шкале субъективная оценка удовлетворенности жизнью составляет 7,3 балла.

2. Показатели роста неравенства стали предметом активного изучения в силу их роста, прежде всего, по объективным причинам: кризису и его последствиям, глобализации и цифроизации. На конференции по стабильности (2015г.) был выдвинут лозунг “leave no one behind”. При этом общепризнано, что неравенство – удел отсталых стран и экономик.

Неравенство – многогранное понятие, поскольку его видов и форм проявления много. Выделяют неравенство в доходах, которое предопределяет неравенство в медицинской помощи и уровне доступного образования. Различают вертикальное (в целом в обществу) и горизонтальное неравенство (между группами, по полу, возрасту…), а также депривацию. Для характеристики первой применяют сравнения по группам населения, для второй – коэффициент Джини. Низкий уровень неравенства характерен для северных стран. США, Эстония, Латвия, Мексика, Израиль, Чили, имеют высокое неравенство в доходах, а также качестве образования и здравоохранения. В Италии - высокое неравенство в доходах. Самый высокий показатель Джини в Мексике, США, Чили и Турции (8-7), низкий – в Дании, Словакии, Словении – 4. Таким образом, режимные сравнения – новый, но эффективный метод, показывающий качество государственного управления по регулированию социальных процессов

Литература:

1. *Меньшикова Г.А. Уразгалиев В.Ш. Режим как метод сравнения институциональных матриц государственного устройства (на примере реализации мер по социально защите), см. «От социальных прав к социальному праву (VII Пашковские чтения)». СПб, 2017, с. 127-135*
2. *Brahm Eric., International Regimes, 2005 https://beyondintractability.org/node/940#sthash.t881nRcg.dpbs. Посл. просмотр 21.01. 2018*
3. *Gerard R.G. International Responses to Technology – Concepts and Trends, International Organization, 29 (3), p. 557-583*
4. *Krasner St. D Structural Courses and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables, 1982*
5. *Better policies for better lives, report OECD, 2017, http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/ecConomics/how-s-life-2017_how_life-2017-en#.WmIw0ahl_IU#page1*
6. *Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J-P., Report on the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress, 2009*

Ремнев Артем Александрович,
Сибирский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «РАНХиГС при Президенте Российской Федерации», Новосибирск, Россия

Социальная несправедливость в культурной политике

Современное общество достаточно проблематично развивается. Понятие «культурная политика» — это «система координат» для тех, кто принимает решения или совершает действия, так или иначе оказывающие влияние на культурную жизнь. Понимание данного понятия на государственном и обывательском уровне необходимо для реализации целей и задач культурной политики. Необходимо, чтобы в Основах был представлен полный спектр её основных принципов и целей, сформулированных с учётом основных проблем в сфере культуры и направленных на их решение. Основы государственной культурной политики должны способствовать формированию в России максимально благоприятных и комфортных условий для творчества и развития искусств. Уровень культуры общества определяется не только накопленным количеством объектов и произведений культуры, но и качеством сегодняшней духовно-нравственной атмосферы [1]. Россия многонациональная страна. Многонациональный характер населения России делает весьма актуальными вопросы веротерпимости и бесконфликтного сосуществования на одной территории народов с различными историко-культурными традициями. Но сегодня существует перекос в трансляции и воспроизводстве национальных ценностей разных народов РФ. Одной из ключевых задач является ликвидация неравенства в обеспечении доступа российских граждан к культурным ценностям всей страны. Государственная культурная политика является эффективной составляющей внешней политики страны. Защита национальных интересов обеспечивается, в том числе, и методами «культурной дипломатии», путем продвижения за рубеж наших культурных ценностей и идеалов [2]. Важно продвигать достижений российской культуры в мировом культурном пространстве. Необходимо своевременно, достаточно и прозрачно финансировать культурную сферу, что увы, сегодня не происходит. Необходим механизм, позволяющий объединить финансовые усилия государства, частных жертвователей, инвесторов и самих организаций культуры. Возможно, стоит возрождать традиции русского меценатства.

Литература:

1. *Антонова Л.Л., Полюшкевич О.А. Социокультурная солидарность и национальная безопасность России // В мире научных открытий. 2013. № 5.1 (41). С. 231-248.*
2. *Колесников В.А., Полюшкевич О.А. От советского к российскому: социокультурные изменения общества // Дискуссия. 2013. № 2 (32). С. 60-63.*

Римский Владимир Львович,
Фонд развития исследовательских программ "Информатика для демократии" (Фонд ИНДЕМ), Москва, Россия

Сословная организация современной России как фактор социальной справедливости и несправедливости

В течение 2013-2015 годов осуществлялся исследовательский проект Фонда ИНДЕМ «Справедливость в представлениях и практике граждан и власти в России» [3, 4, 5]. Методами проведения этого исследования были настольный анализ ранее проведённых исследований, полуформализованные интервью с экспертами, фокус-группы и массовый анкетный опрос с гражданами, а также анализ публичного дискурса концепта «справедливость» в средствах массовой коммуникации. Осмысление автором выявленных в этом исследовании закономерностей привели к выводу о том, что и понимания справедливости и несправедливости, и соответствующие им социальные практики в современной России во многом определяются сословной организацией общества и государства. Сословие, как известно, можно понимать как социальную группу, обладающую закрепленными в обычае или законе и передаваемыми по наследству правами и обязанностями. Для сословной организации общества, обычно включающей несколько сословий, характерна их иерархия, выраженная в неравенстве их положения и привилегий, их прав и обязанностей по отношению к государству. В современном российском обществе не все и не всегда права и обязанности передаются по наследству, стало возможным переходить из одного сословия в другое, например, по результатам получения образования, с помощью женитьбы или замужества, иногда с использованием конкурсных процедур и т.п. И, тем не менее, в современной России, как и в средние века, ««сословность» во многом определяет бытовую культуру, психологию и представления о «должном» устройстве общества, что также оказывает влияние на политические взгляды человека» [1, 69]. Сословную организацию российского общества и государства на большом эмпирическом материале описывает в своих работах С.Г. Кордонский [2]. Он выделяет сословия по их положению в иерархической системе организации общества, определяющей права, обязанности и привилегии сословий в отношении их служения государству. В современной России, как и в советский период, доминирует именно такая сословная социальная структура общества, как продолжение досоветской традиции, использованной ещё советским правительством. Оно, как известно, уничтожило старые имперские сословия – дворянство, духовенство, крестьянство, купечество и мещанство – но для устойчивости системы управления обществом сформировало новые: группы номенклатуры, партийного и хозяйственного руководства разных уровней, подчинённых им служащих, не входивших в номенклатуру, и другие. В сословном обществе

доходы и уровень благосостояния определяются не трудом, а служением государству: они тем выше, чем выше значимость такого служения. По результатам проведённого исследования в современной России именно критерий служения государству является важнейшим для определения справедливости и несправедливости в социальном поведении и в его последствиях. Например, и чиновники, и граждане, как правило, признают справедливым воздаяние гражданам по заслугам, т.е. по их вкладам в общественно значимые дела и проекты, понимаемые практически всеми как заслуги перед государством. Признание заслуг, например, общественными или некоммерческими организациями в нашем обществе считается малозначимым. Но при этом, будучи включёнными в современные экономические отношения наши граждане склонны считать справедливым воздаяние индивиду по заслугам без учёта его социальной позиции, а чиновники всегда такое воздаяние определяют в строгом соответствии с его социальной позицией – чем выше должность, тем выше должно быть воздаяние. Различия в применениях критериев справедливости у чиновников и граждан с трудом рефлексируются и теми, и другими, в интервью они никогда не обосновываются сословным структурированием общества. И поскольку уровень рефлексии сословности в пониманиях и практиках справедливости и несправедливости крайне низок, в обозримом будущем сословность будет оставаться значимым их фактором.

Литература:

1. *Волков С. В. К вопросу о социальном делении общества РФ // Отечественные записки, № 1, 2012. – С. 65-71.*

2. *Кордонский С. Г. Сословная структура постсоветской России. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. – 216 с.*

3. *Римский В.Л. Как понимают и как оценивают реальные практики справедливости российские граждане // Материалы VI международной социологической Грушинской конференции «Жизнь исследования после исследования: как сделать результаты понятными и полезными», 16-17 марта 2016 г. / отв. ред. А.В. Кулешова. – М.:АО «ВЦИОМ», 2016. – 1710 с. – С. 657-660.*

4. *Римский В.Л. Мечты о справедливости и представления о возможностях их реализации в современной России // Образы будущего России: желаемое – возможное – необходимое. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 8-9 июня 2016 г. / Под общ. ред. А.Б. Ананченко; Московский педагогический государственный университет. Институт истории и политики. – М., 2016. – С. 128-136.*

5. *Римский В.Л. Понимания и практики справедливости в российском обществе // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург , 19-21 октября 2016 года) [Электронный ресурс] Материалы V Всероссийского социологического к*

Сарыглар Сылдысмаа Артуровна,
ФГБОУ ВО "Алтайский государственный университет", Барнаул, Россия
Черепанова Мария Ивановна
ФГБОУ ВО "Алтайский государственный университет", Барнаул, Россия

Социальная несправедливость и миграционные вызовы

Проблема миграции занимает центральные позиции в международной политике, что обусловлено ежегодным ростом миграционного потока в развитых странах мира. Непостоянность и непредсказуемость феномена миграции требует постоянного его изучения: совершенствование законодательной системы, непрерывный контроль внутренней и внешней миграции, проведение опросов населения, мигрантов, как качественных, так и количественных исследований и т.д., что позволяет прослеживать динамику данного явления и разрабатывать рекомендации и предложения по усовершенствованию управленческой системы [1]. Говоря о проблеме миграции, неизбежно сталкиваешься с вопросами о социальной несправедливости. Мигранты, с одной стороны, выступают как «жертвы» социальной несправедливости, так как большинство из них становятся мигрантами в силу жизненных обстоятельств, неравенства в обществе, другой стороны – миграция является одним из факторов появления и развития в обществе социальной несправедливости. Под социальной несправедливостью понимается неравенство между индивидами, классами, группами, проявляющееся в неравных возможностях для удовлетворения своих потребностей. Неравенство в области миграции рассматривают с позиции трех ее уровней: 1. глобальный общемировой уровень, когда социально-экономическое, культурное положение стран создают различия между представителями тех или иных стран; 2. мезоуровень, связанный с адаптацией мигрантов в новой среде и преодолением межнациональных, коммуникативных и социальных барьеров; 3. микроуровень, связанный с самореализацией мигрантов на рабочем месте [2]. Основываясь на данной типологии уровней, проведем анализ данных социологического опроса мигрантов, проведенного в 2017 году в Алтайском крае, и попытаемся выявить особенности проявления социальной несправедливости и миграционных процессов. В социологическом исследовании по изучению особенностей стратегий и практик миграционного поведения мигрантов из стран СНГ (Содружества Независимых Государств) приняли участие 217 мигрантов. На территорию края в большей степени иммигрируют граждане Казахстана. Распределение ответов респондентов на вопрос «Гражданином какой страны Вы являетесь официально (по паспорту)?» показывает, что среди мигрантов преобладают граждане Казахстана (31,8%), Узбекистана (19,8%), Таджикистана (18,4%) и других стран. Общеизвестно, что основной причиной трудовой миграции является социально-экономическое положение страны [3]. Люди вынуждены искать рабочие места и возможность

зарабатывать на жизнь в других странах, регионах и городах. Как показывают результаты исследования, причиной приезда именно в Алтайский край большинство респондентов называют наличие родственников, знакомых, друзей, также наличие работы (ждали на работу). Некоторая часть отмечают, что в Алтайском крае легче найти работу, им нравятся природные условия и Алтайский край находится недалеко от их дома. Главной целью пребывания мигрантов в России, Алтайском крае, является трудовая деятельность (52%), на втором месте – получение образования (29%), а также путешествие, туризм (4%), посещение родственников (4%) и другие. Для выявления особенностей адаптации мигрантов в новой среде и состояния межнациональных отношений респондентам были заданы ряд вопросов. На вопрос «Возможно ли, на Ваш взгляд, взаимопонимание и сотрудничество между коренными жителями страны приезжими, мигрантами?» большинство мигрантов ответило, что взаимопонимание и сотрудничество между коренными жителями и приезжими возможно (56,1%), либо, пожалуй, возможно (20,6%) и в чем-то возможно, в чем-то нет (18,7%). Большинство респондентов ответили, что их взаимоотношения с работодателями благожелательные и уважительные (52,9%), а отношения с местным населением дружелюбные (44,7%). Респондентам также были заданы вопросы, отражающие характер интеграции и аккультурации мигрантов в российском обществе. Так, по результатам исследования интеграцию и аккультурацию мигрантов в Алтайском крае можно оценить как положительную, т.к., большинство мигрантов считают, что представители их этнической группы должны придерживаться своих культурных традиций, так и русских (73,5%). Несмотря на положительные тенденции, около трети опрошенных ответили, что они должны сохранять только свои культурные традиции и не усваивать русские (22,8%). Стремление мигрантов к благоприятной интеграции и аккультурации в российском обществе подтверждается также тем, что большинство респондентов считают важным владеть как своим родным (этническим), так и русским языками (73,1%). Основываясь на данных результатах, можно констатировать, что на мезоуровне мигранты, приезжающие на территорию Алтайского края, редко сталкиваются с проявлениями социальной несправедливости. Проблема социальной несправедливости и миграционных процессов действительно одна из острых вопросов международной политики и является одной из центральных тем не только в социологии. И рассмотреть ее в рамках одной статьи, одного исследования невозможно. Как говорилось выше, непостоянный и непредсказуемый характер миграционных процессов требуют постоянного изучения. О месте и роли социального неравенства на микроуровне, а также другие аспекты миграционных процессов и социальной несправедливости будут рассмотрены далее в других работах.

Литература:

1. *МаксимоваС.Г., НоянзинаО. Е., Омельченко Д.А., ГончароваН.П.Состояние сферы межнациональных отношений в оценках населения приграничных регионов России //*

Материалы VII международной социологической Грушинской конференции «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях», 15–16 марта 2017 г. / отв. ред. А. В. Кулешова. – М. : АО «ВЦИОМ», 2017. – С. 1058-1063.

2. *Руденко А.А. Социальное (не)равенство и (не)справедливость в представлениях петербургских работников и трудовых мигрантов // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. 2012. №2. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-ne-ravenstvo-i-ne-spravedlivost-v-predstavleniyah-peterburgskih-rabotnikov-i-trudovyh-migrantov (дата обращения: 04.02.2018).*

3. *Черепанова М.И., Сарыглар С.А., Горбунова А.А. Транзитный баланс Алтайского края: развитие или рост социальной напряженности // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве: сборник материалов международной научной конференции / отв. ред. С.Г. Максимова. – Вып. 5. – Ч. 1. – Барнаул: «Новый формат», 2017. – С. 151-157*

Свинухова Юлия Николаевна,
ИСЭИ УФИЦ РАН, Уфа, Россия

Социальная несправедливость как источник формирования конфликтного потенциала

Общество пронизано и естественно организовано определенным иерархическим порядком. Кроме этого, в общественном сознании некоторые виды неравенств могут носить легитимный характер и восприниматься толерантно, как нормальное общественное явление, положительно влияя при этом на социальное и экономическое развитие. Например, дифференциация в оплате труда сотрудников в зависимости от квалификации и результатов труда. Также, в частности, по данным исследования Института социологии РАН [1], в систему толерантных видов социальных неравенств, для российского общества, входят такие их бытовые виды как: неравенство жилищных условий, возможность получить более качественное образование при наличии средств, неравенство в размерах пенсий. Таким образом, не все виды социальных неравенств считаются в российском обществе одинаково социально несправедливыми и соответственно не несут значительного потенциала напряженности и конфликта. Чаще всего, наиболее острым проявлением социальной несправедливости, несущим в себе источник и существенный потенциал роста напряженности и повышения конфликтного потенциала, считается социальное неравенство, основанное на дифференциации доходов, отношениях собственности и неравенстве социально-профессиональных статусов, престиже профессий. В России острота вопроса социальной поляризации высока. Многие исследователи в контексте проблемы говорят о России именно как о чрезмерно биполярном социуме, где неравенство, социальные дистанции носят форму социальных разрывов и отчуждения. Уровень доходов и социально-профессиональный статус, являясь важнейшими факторами социального неравенства, одновременно дифференцируют и потребительское поведение, предпочтения и ценностно-нормативные установки противоположных групп. Данная

биполярность, как неравенство выступает источником высокого конфликтного потенциала. По данным социологических исследований, именно масштабы, чрезмерная глубина дифференциации доходов населения и неравенство в распределении частной собственности вызывают существенный протест среди россиян. Об этом свидетельствуют данные масштабных исследований социального неравенства в России, проведенных Институтом социологии РАН в 2006г. и Фондом общественного мнения в 2017г. [1], [2]. Следует отметить, что социально несправедливым выступает не неравенство доходов как таковое, а протест вызывает именно глубина разрывов в доходах. Таким образом, социально несправедливым, по мнению россиян, включая и собственно высокодоходную группу населения, выступает сложившийся уровень дифференциаций доходов, обуславливающий отношения богатства и бедности. Данная ситуация является социально несправедливой и несет потенциальные опасности экономическому и социальному развитию общества.

Однако, социальные неравенства, несущие конфликтный потенциал в обществе, не сводятся только к неравенству доходов. Механизм воспроизводства социальной несправедливости и как следствие роста конфликтного потенциала лежит в плоскости взаимоотношений труда и капитала. Речь идет, во-первых, об управлении и механизмах формирования фондов оплаты труда на предприятиях. Нужно отметить, что неслучайно, в упомянутых выше социологических исследованиях [1], [2], выявлено несоответствие социально-профессионального статуса людей уровню их социальных притязаний. Респонденты довольно часто отмечали, что их труд, оплачивается гораздо ниже, чем заслуживает. Формируется проблема «работающих бедных», когда в оплате труда работников не находит отражение реальная цена их труда. Такая ситуация в сфере отношений труда и капитала, когда в заработной плате не находят реального отражения заслуги и профессиональный статус, квалификация, нагрузки и реальный трудовой вклад, результаты труда, а дифференциация работников по уровню оплаты формируется не в зависимости от этого, а в зависимости от субъективных условий предприятия, формы собственности и отрасли, ведет к росту социальных недовольств и обострению конфликтного потенциала. Наиболее полную систему типовых ситуаций социальной несправедливости в экономических отношениях приводит Д.С. Петросян [3]. О. Муштук вскрывает в своей работе, также основные истоки социальной несправедливости и роста конфликтного потенциала в современном российском обществе [4]. Несоблюдение социальных гарантий в сфере труда, неблагоприятные условия труда, различные виды дискриминации при приеме на работу и повышении квалификации, рост увольнений и безработицы ведут к нарушению принципа социальной справедливости в экономических отношениях и обостряют социальную напряженность. Таким образом, значительный конфликтный потенциал в современном российском обществе закладывает и ситуация в сфере отношений труда и капитала, включая вопросы охраны и условий труда, не отвечающие признакам социально-

ориентированного рынка. В связи с этим, нам представляется целесообразным ввести в систему оценки социального развития региона показатели конфликтного потенциала и удовлетворенности трудом. Исследование выполнено в рамках государственного задания ИСЭИ УФИЦ РАН по теме: «Социализация экономической системы, формирующая новые траектории социального развития» (№ гос. регистрации АААА-А17-117021310208-8).

Литература:

1. *1. Социальное неравенство в социологическом измерении. Аналитический доклад. – М., 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.isras.ru/analytical_report_Social_inequality.html*
2. *Костина М.В. О справедливости и несправедливости в российском обществе [Текст] / М.В. Костина // Политическое просвещение. – 2017. – № 3(98). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.politpros.com/journal/read/?ID=6390&journal=211*
3. *Петросян Д.С. Критерии экономической эффективности и социальной справедливости при выборе стратегии поведения экономическим агентом. [Текст] / Д.С. Петросян // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Экономические науки. – 2012. – № 4(6). – с.25-32.*
4. *Муштук О.З. Конфликтный потенциал современной России. [Текст] / О.З. Муштук // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. – 2010. – № 6(245). – с.5-14.*

Скуденков Владимир Алексеевич,

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Уровень притязаний жителей городов: справедливые условия и реальные перспективы

Город создает пространство, формирует атмосферу и реализует жизненные стратегии своих жителей. В рамках его формируются условия для возникновения и развития уникальной культуры и повседневного пространства жителей. Городское пространство выступает средой формирования притязаний человека. Уровень притязаний – это уровень трудностей целей выбираемых субъектом. На уровень притязаний влияет среда, где и как они формируются. Крупные города – создают больше возможностей и перспектив социального развития, малые города – наоборот, ограничивают возможности, как отдельных людей, так и целых поколений [1]. У нас в обществе есть понятие «моральное право», есть категория «мое-чужое», но самое главное, у нас есть понимание «могу». «Могу» лежит за территорией обыденного смысла. Если обыденный смысл формируется на уровне обычного потребления (хочу есть, спать и т.д.), то могу лежит за пределами перцепции. Это краеугольный камень сознания. Все, что выходит за пределы перцепции является частью личности. Только выход за пределы ощущений и потребностей, формирует понятие «человек разумный» и формирует личностный смысл [2,3]. Поэтому, исследование уровня притязаний с точки зрения возможностей личности является одним из фундаментов понимания личностных конструкций. Притязания – желаемый

уровень удовлетворения потребностей, детерминирующий поведение. На него влияют ситуация, успехи и неудачи. Если он достигнут, то, скорее всего, не превращается в мотив. Исследование проходило в Иркутской области в 2017 году. Респондентами были жители разных крупных городов. В опросе приняло 2400 человек, из них 1400 женщины и 1000 мужчин. Все в возрасте от 18 до 65 лет. Жители малых городов считают деньги благом. Жители крупных городов очень негативно оценивают нищету. Жители малых городов считают, что богачам или повезло, или они получили богатство нечестным путем – именно поэтому образ миллионера, как правило, сопровождает легкий налет стыда. Многие даже не хотели бы стать по-настоящему богатыми, боясь общественного осуждения. Жители крупных городов же полагают, что хотя наличие денег не гарантирует счастья, оно определяет жизнь более комфортной и предполагает долголетие. Жители малых городов считают эгоизм пороком. Жители крупных городов полагают, что эгоизм – добродетель. Жители крупных городов пытаются сделать себя счастливее, они не притворяются, будто способны спасти планету. «Я помогу детям-сиротам сначала тем, что не сделаю своего ребенка одним из них», – говорят жители крупных городов. Такой сугубо эгоистичный подход вызывает раздражение у жителей малых городов. Они не понимают (или не признают), что человек сначала должен позаботиться о себе, а уж затем помогать другим. Жители малых городов верят в лотереи. Жители крупных городов верят в свои силы. Пока жители малых городов молятся на то, чтобы выиграл их счастливый номер или они получат премию или 13 зарплату, жители крупных городов решают проблемы и зарабатывают на этом деньги. Жители малых городов ждут, пока до него снизойдет начальник, правительство, случай или Бог. Они и не замечают, как в ожидании проходит вся их жизнь. Жители малых городов стремятся получить образование. Жители крупных городов люди ищут особых знаний. Жители малых городов более ориентированы на прошлое. Жители крупных городов ориентированы на будущее. Жители крупных городов живут ради претворения своих идей в жизнь (в том числе и материальных притязаний), проецировали их, равно как и свои цели, на неизвестное будущее. Жители малых городов часто полагают, что их лучшие годы уже позади, что часто влечет к появлению депрессии и нежеланию даже попытаться что-либо изменить, восприятие того что есть как должное, в т.ч. и материальное и экономическое положение. Жители малых городов смотрят на деньги через призму эмоций. Жители крупных городов люди думают о деньгах логически. Жители малых городов бояться потерять уровень комфорта и смотрят на деньги только как на средство поддержания нынешнего уровня жизни. Жители крупных городов смотрят на деньги холодно и отстраненно, рассуждают о них логически. Они отлично знают цену деньгам, но рассматривают их как критически важный инструмент, предоставляющий новые возможности, не более того. Жители малых городов зарабатывают деньги, делая то, что им не нравится или то, что умеют, то к чему привыкли. Жители крупных городов в большей степени делают только то, что любят, хотят. Жители крупных городов сделали из

того что любят источник для своих доходов. У жителей малых городов эта схема не работает, они вынуждены делать то, что от них хочет начальник, государство и т.д. Они с детства приучены к тому, что «им нужна работа, чтобы зарабатывать деньги» и что «заработать можно только выполняя физический или интеллектуальный труд» – выбраться из этой ментальной ловушки непросто. Жители малых городов устанавливают низкую планку, боясь разочароваться. Жители крупных городов ставят недостижимые цели. Жители малых городов стремятся жить не по средствам. Жители крупных городов стараются тратить меньше, чем могли бы. Жители малых городов учат своих детей выживать. Жители крупных городов учат своих детей, как жить. Таким образом, социальная справедливость и справедливые условия, по мнению жителей малых и крупных городов, не одинаковы, формируется свое уникальное пространство социального воспроизводства и увы, конструируются все более жесткие механизмы социальной дифференциации.

Литература:

1. *Антонова Л.Л., Полюшкевич О.А. Социокультурная безопасность и консолидация общества // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 12. С. 39.*
2. *Полюшкевич О.А. Социокультурные условия солидарности // Актуальные проблемы российского общества в контексте новых вызовов современности. Материалы научно-практической интернет-конференции. – Вологда, ИСЭРТ РАН, 2017. - С. 120-124.*
3. *Полюшкевич О.А. «Свои» и «чужие»: социокультурные маркеры // Дискуссия. – 2011. – №5 (13). – С. 84-89.*

Сокол Адольф Фроимович,

ИНАРНИзраильская независимая академия развития науки, Беэр- Шева, Израиль

Шурупова Раиса Викторовна

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет), Москва, Россия

Некоторые психологические механизмы искажений оценки справедливости в медицинской практике

Современная, медицина характеризуется многогранностью, многофункциональностью, высоким технологическим уровнем и дороговизной. Эти особенности медицины в значительной степени изменили отношения между медициной и ее « потребителями», между врачом и пациентом, между руководством здравоохранения и врачами. Чем выше и сложнее происходит технологизация медицины, тем в большей мере происходит ее коммерциализация. Нередко клиническая целесообразность приносится в жертву экономическим расчетам.

Неудивительно в связи с этим, что оценка справедливости в сфере практической медицины претерпевает существенные изменения.

В настоящем сообщении предпринята попытка проанализировать оценки справедливости в реальной клинической практике с позиций современной психологии. Сообщение основано главным образом на концепции лауреата Нобелевской премии виднейшего психолога Даниэля Канемана[1] и лауреата Нобелевской премии экономиста Ричарда Талера [2].

Прежде всего, кратко остановимся на двух режимах мыслительной деятельности человека, которые условно определяются как Система 1 и Система 2 [1].

Система 1 срабатывает автоматически, человек не чувствует потребности в каком-либо усилии. Особенности Системы 1 определяются врожденными качествами человека, его образованностью, длительной тренировкой. Некоторые особенности Системы 1 являются источником ошибок и искажений (искажения – ошибки, совершаемые по шаблону):

1) Систему 1 нельзя исключить;

2) Система 2 нередко отвечает не на заданный вопрос, а на более легкий;

3) Система 1 слабо разбирается в статистике и логике;

4) Система 1 не склонна к сомнениям.

Система 1 обращается к Системе 2, если у нее нет ответа на заданный вопрос.

Система 2 основана на внимании для обеспечения сложных мыслительных усилий и сложных вычислений. Система 2 характеризуется следующими особенностями: 1) способностью программировать память «на следование инструкциям, не соответствующим привычной реакции» [1,с.51-52]; 2) сравнивать объекты по разным параметрам; 3) осознанно определять предпочтительное решение.

Как справедливо указывает Д. Канеман [1], статистические факты ничему не учат. Человека впечатляют отдельные реальные случаи. В связи с этим остановимся на оценке справедливости в отдельных ситуациях практической медицины и здравоохранения.

В университетскую клинику (Израиль) был приглашен на договорных началах профессор, крупный специалист в области кардиохирургии. Его зарплата как минимум вдвое превышала зарплату самых высокооплачиваемых врачей медицинского Центра, которые (врачи) втайне считали такую ситуацию несправедливой. Между тем, их оценка несправедливости принятого решения была ошибочной. Д.Канеман и его соавтор А. Тверски разработали теорию перспектив [1], в соответствии с которой при оценке сравниваемых событий важна точка отсчета. Приведем, прежде всего, пример из [1]. Два человека в отдельности являются обладателями 5 млн долларов. С позиций доминировавшей в экономике теории полезности оценка их капитала одинакова. Однако верная оценка возможна только с учетом точки отсчета. Обладатель А получил 5млн

присоединив 4 млн к одному миллиону. Обладатель Б имел 9 млн и потерял 4 млн долларов. Первый торжествует, второй угнетен.

Вернемся к нашему примеру. Врачи в качестве точки отсчета определили максимальную зарплату высококвалифицированных врачей Центра. Неоправданная и якобы чрезмерная зарплата профессора стала даже предметом обсуждения в СМИ.

Следовало, однако, учесть, что профессор был приглашен из частного медицинского Центра, в котором его недельный заработок превышал месячный оклад в клинике. Другими словами, он материально не выиграл, а проиграл. Мы не обсуждаем мотивы его перехода на работу в университетскую клинику (самоутверждение, повышение престижности и др.). Точкой отсчета является реальное уменьшение зарплаты приглашенного специалиста. Неверный выбор точки отсчета привел к неверной оценке несправедливости обсуждаемой ситуации.

В Израиле доминирует страховая медицина. Каждый житель обязан вносить ежемесячный страховой взнос, размер которого определяется уровнем дохода. В этом, кстати, сказывается социальная справедливость. При госпитализации человек получает высококвалифицированную помощь в счет пожизненного страхования. Однако многие уверены, например, что сложная хирургическая операция и послеоперационный уход проведены бесплатно. Типичная когнитивная иллюзия, вызванная особенностями Системы 1.

Следующий пример. В клинике в течение короткого времени наблюдались три случая анафилактического шока после введения антибиотиков. Все больные выздоровели. Однако при клиническом и административном разборе все усилия были направлены на поиски возможной вины врачей. Следует, однако, помнить, что врачи имеют дело с вероятностными событиями, в том числе с вероятностью случайных событий. В данном случае произошли случайно три однородных события. Система 1 способна находить ассоциативную когерентность (взаимосвязь) событий даже там, где этой связи нет. Поэтому обвинение врачей в происшествии, от которого никто не застрахован, было несправедливым.

Характерной особенностью современного больного является широкая информированность в области медицины в связи с доступностью Интернета. В Интернете содержится информация как правильная, так и искаженная, неверная, иногда попросту опасная.

Литература:

1. *Канеман Д. Думай медленно…Решай быстро (пер. с англ.).- Москва.: АСТ, 2015.- 653 с.*
2. *Талер Р. Новая поведенческая экономика (пер. с англ.).- Москва.: ЭКСМО, 2018.- 384 с.*

Сон Марина Евгеньевна,
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
Пашков Михаил Владимирович
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

Реализация компетентностного подхода на факультете социологии СПбГУ

Сегодня рынок труда бросает нам огромное количество вызовов, одним из которых является подготовка конкурентоспособных специалистов. Это сильнейший вызов XXI века, на который в первую очередь следует отреагировать системе высшего образования. Согласно Федеральному закону от 29 декабря 2012 г. №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее ФЗ «Об образовании») образование является не только целенаправленным процессом воспитания и обучения, но также и «совокупностью приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности» [4]. Использование термина «компетенция» неслучайно и связано с вхождением России в Болонский процесс, что сделало приоритетным освоение компетентностного подхода. Всеобщий переход к двухуровневой системе повлек за собой серьезные изменения всей парадигмы отечественной высшей школы, обусловил преобразования как в структурных и технических вопросах, так и в содержании образования, в организации образовательного процесса. Очевидно, что теперь необходимо полное понимание компетенций и призвания многоступенчатой системы высшего образования в формировании социально, культурно и профессионально компетентного выпускника. Санкт-Петербургский государственный университет, являясь одним из ведущих вузов страны, представляет учебный план основной образовательной программы высшего образования бакалавриата «Социология» как компетентностно-ориентированный [2]. В нем четко прописаны общекультурные (ОК), профессиональные (ПК) и компетенции профиля (КП), которые должны быть сформированы у студентов в результате освоения основной образовательной программы. Стоит напомнить, что Статья 28 ФЗ «Об образовании» закрепляет за образовательной организацией обязанность обеспечить в полном объеме реализацию образовательной программы, соответствие качества подготовки обучающихся установленным требованиям, а значит, и освоение компетенций студентами-бакалаврами. Однако реализуются ли декларируемые образовательной программой компетенции на самом деле? Результаты проведенного опроса на факультете социологии СПбГУ заставляют задуматься об эффективности реализации заявленной задачи. Вначале отметим, что учебный план, реализуемый на факультете социологии СПбГУ, заявляет 12 общекультурных, 16 профессиональных и по 10

компетенций у каждого профиля социологического образования [2]. Рассмотрим отношение бакалавров к реализации профессиональных компетенций, указанных в образовательной программе факультета. Среди бакалавров 2-4 курсов наблюдается тенденция неосвоенности компетенций. Только 24% подтверждают приобретение компетенций, связанных с применением количественной и качественной методологии в социологических исследованиях; 9% освоили компетенцию публичной презентации и межкультурной коммуникации с учетом специфики взаимодействия в полиэтнической среде; 6% неуверенно, хотя и используют современные информационные технологии для анализа социально-значимых проблем современного общества. Подчеркивается, что большая часть освоенных компетенций развита на начальном уровне и требует углубления в процессе обучения и практики. Что касается вопроса о формировании компетенций, то решение этой задачи студенты связывают в первую очередь с университетскими занятиями (лекции, семинары), а также с самостоятельным изучением литературы, образовательными онлайн-платформами, работой «в поле», помощью научного руководителя. Говоря об учебных курсах, студенты единогласны в том, что не все преподаваемые на факультете профильные дисциплины сформировали хотя бы какие-нибудь профессиональные компетенции. 31% бакалавров считает, что менее трети учебных курсов по специальности способствовали приобретению компетенций. Это может свидетельствовать о том, что задача компетентностного подхода – привести профессиональное образование в соответствие с потребностями рынка труда, запросами личности и общества – выполняется не в полной мере. Потребности современного рынка требуют от выпускника вуза не столько знаний, сколько умений, навыков и компетенций, которые бы обеспечили поддержание важности и необходимости высшего образования за стенами вуза. На данном этапе решение этой задачи высшим профессиональным образованием затрудняется целым рядом проблем, например: низкой адаптированностью высшего образования к быстро изменяющимся условиям рынка труда, преобладанием социально пассивных выпускников учебных заведений и др. Можно предположить, что для решения этих и других проблем высшего образования, и предназначен компетентностно-ориентированный подход, однако процесс его реализации требует больших усилий и дальнейшего совершенствования методики преподавания.

Литература:

1. *Байденко В. И. Болонский процесс: проблемы, опыт, решения. Изд. 2-е, испр. и доп. - М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2006. - 111 с.*
2. *Приказ от 09.11.2017 № 11031/1 «О новой редакции компетентностно-ориентированного плана» URL:https://bb.spbu.ru/bbcswebdav/institution/Образование/Бакалавриат/СВ.5056._Социология/2015/15_5056_1.pdf (дата обращения: 30.01.18)*
3. *Соснин Н. В. Содержание обучения в компетентностной модели ВПО (К освоению ФГОС ВПО): монография / Н. В. Соснин. – Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2011. – 242 с.*

4. *Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» URL: https://минобрнауки.рф/документы/2974/файл/1543/12.12.29-ФЗ_Об_образовании_в_Российской_Федерации.pdf (дата обращения: 30.01.18)*

Сотников Евгений Андреевич,
Студент, Барнаул, Россия

Влияние информационных технологий на социальный порядок

Необходимость перехода к информационному обществу тесно связана с изменением характера воздействия научно - технического прогресса на жизнь людей. В конце XX века скорость смены технологических укладов в производстве, технологиях предоставления продукции и услуг и управлении этими процессами существенно увеличилась. Если в начале и даже в середине века такие смены происходили в периоды времени, значительно превышающие длительность жизни одного - двух поколений, то сегодня смена технологического уклада происходит за более короткий срок. Одним из важнейших показателей изменения образа жизни во второй половине нашего века является развитие и использование новых информационно-коммуникационных технологий во всех областях социальной жизни и деятельности, уровень производства и потребления обществом информационных продуктов и услуг. Очевидны изменение отношения к информации и расширение возможностей получения и применения информации для усиления человеческого потенциала и его развития во многих направлениях. Все вышесказанное определяет возникновение и необходимость решения сложной общественно значимой задачи - создание социально-психологической модели поведения члена информационного общества, выявления «точек» и методов воздействий, которые обеспечат нормальную адаптацию и комфортное существование человека в условиях информационного общества, уменьшат противоречия между поколениями. Представляется, что наиболее действенным образом такое воздействие оказывает система образования, которая должна приучать ребенка, подростка и взрослого к необходимости постоянных изменений в образе жизни, к восприятию, следованию и сохранению национальных традиций и культурного наследства своей страны. Смена информационных технологий влияет не только на сферу образования (появление новых дисциплин и использование технических средств в процессе обучения). Изменения технологий никогда не проходит бесследно и для самого общества. Новые информационные технологии трансформировали и трудовой процесс, введя новые формы социального и технического разделения труда. Вначале механизация, потом автоматизация трансформировали человеческий труд в течение десятилетий, всегда вызывая сходные дебаты вокруг проблем потери работы, деквалификации и переквалификации, производительности и отчуждения, управленческого контроля и автономии рабочих.

Автоматизация, которая достигла своего полного значения только с развертыванием информационной технологии, увеличила важность вклада человеческого мозга в трудовой процесс. Хотя автоматизированные машины, а позднее компьютеры, действительно были использованы для превращения рабочих во второсортных роботов, это является не неизбежным следствием технологии, а результатом социальной организации труда, которая препятствовала полному использованию производительной мощности, создаваемой новыми технологиями. Чем шире и глубже становится распространение передовой информационной технологии на фабриках и в офисах, тем больше потребность в автономном образованном работнике. В течение 1980 - х годов новые технологии преобразовали мир средств массовой информации. Газеты пишутся, издаются и печатаются на расстоянии, что позволяет издавать одновременно выпуски одной и той же газеты, приспособленные к нуждам нескольких крупных регионов. Сверх портативные радиоприемники и магнитофоны сделали возможным создать по выбору музыкальную аудио - атмосферу, при этом люди, особенно подростки, могут отгородиться звуковыми стенами от внешнего мира. Организованные на радио ток-шоу заполняют время по дороге из пригородов на работу и обратно, время людей с гибким рабочим днем. Кассетные видеомагнитофоны заполонили весь мир, стали во многих развивающихся странах главной альтернативой скучному официальному телевещанию. Кинофильмы выжили в форме видеокассет. Музыкальное видео, составляющее свыше 25% всего производства видеокассет, стало новой культурой, формирующей образное мышление целого поколения молодежи, и уже изменило музыкальную индустрию. Возможность записывать телевизионные программы и просматривать их в удобное время изменила привычки телевизионной аудитории, что усилило стремление зрителей к выборочному просмотру, противодействуя тем путям наименьшего сопротивления. Люди стали записывать события собственной жизни, от отпусков до семейных праздников, видеокассеты потеснили семейные фотоальбомы. Но самым решающим событием стало увеличение числа телевизионных каналов, ведущее к их растущей разнообразности. Развитие кабельного телевидения наряду с развитием прямого спутникового вещания необычайно расширили спектр передач и ограничили структуры власти по части государственного контроля коммуникаций вообще и телевидения в частности. За этим последовало взрывное увеличение числа кабельных телепрограмм и программ спутникового телевидения. Вскоре сформировались новые сети, бросившие вызов уже созданным, и европейские правительства потеряли контроль над большей частью телевещания. Влияние такого быстрого увеличения предложения телепрограмм на аудиторию было глубоким во всех отношениях. Это говорит о переходе от массового общества к «сегментированному обществу». Это результат новых коммуникационных технологий, сосредоточенных на диверсифицированной, специализированной информации так, что аудитория

становится все более сегментированной по идеологиям, ценностям, вкусам и стилям жизни.

Стегний Василий Николаевич,
Пермский национальный исследовательский политехнический университет, кафедра социологии и политологии, Пермь, Российская Федерация

Социальная несправедливость как социологическая категория

В интерпретации содержания исследуемых категорий выделяют ненаучный, эмпирический и научный походы. В данном случае остановимся только на научном, который основан на социальных тенденциях, законах общественного развития. С научной точки зрения то, что связано социальным прогрессом общества, личности, видимо, следует относить к социальной справедливости, а то, что противостоит данному развитию, разрушает его, видимо, относится к социальной несправедливости. В этой связи интересной является концепция пределов роста Д. Медоуза [1, с. 15-355]. В основе социальной несправедливости лежат глобальные противоречия и проблемы:

– угроза термоядерной мировой войны;
– усиление диспропорции в развитии между странами «богатыми» и «бедными», регрессивное развитие на планете ряда народов;
– загрязнение окружающей среды;
– проблема голода, недостаточной обеспеченности продуктами питания в ряде стран; гуманитарные катастрофы;
– отсутствие или крайне низкий уровень медицины, здравоохранения, образования, социального обеспечения и социальной защиты определенных групп населения; отсутствие или крайне низкий уровень жилищно-бытовых условий.

На планете 2,5 млрд. человек не имеют еще электричества и т.д. Эти тенденции и ряд других являются свидетельством социальной несправедливости в планетарном масштабе. Глобальные противоречия сами по себе уже не разрешаются. Стихийное развитие общества в планетарном масштабе по Д. Медоузу, в конце XX века достигло пределов своего роста и стало опасным. Необходимо искать новый тип общественных отношений, который бы позволил перейти к разрешению противоречия между социальной несправедливостью и социальной справедливостью и перейти к такому типу социальной справедливости, который бы в центр развития общества поставил человека, его гармоническое развитие. Вектор развития общества, в котором решались бы глобальные противоречия и проблемы современного мира, с цивилизационной точки зрения в основном определился. Это переход общества от доиндустриальной стадии к индустриальной, а затем к постиндустриальной, обществу инновационно-

информационному, знаниевому, сетевому и т.д. Чтобы перейти в постиндустриальную стадию требуется новая социально-экономическая система. Сегодняшняя капиталистическая англо-саксонская модель, сделавшая западную цивилизация самой высокоразвитой в мире, исчерпала себя и находится в кризисе. С переходом в постиндустриальную стадию она не решает ее противоречий и проблем, тем самым усиливает социальную несправедливость. Ключ к новой социально-экономической модели общества будет в руках тех, кто найдет этот ключ, к разрешению основного его противоречия эффективности экономического развития общества и социальной защиты личности. Конечно такая модель должна опираться на основные тенденции современного мира [2, с. 16-176], прогнозы на новое тысячелетие [3, с. 16-176]. Категории социальная справедливость и социальная несправедливость являются вертикальным срезом всех сфер общества. Имеют конкретно-историческое содержание в социальном пространстве и социальном времени. Их содержание меняется по мере смены типов цивилизаций и формаций. Общество это не хаотичный набор свойств, оно не может дрейфовать куда попало и как попало, его развитие носит закономерный характер. Каждая сфера жизнедеятельности опирается на социальные законы, а к несправедливости относится то, что нарушает действие этих законов. Основные факторы, разграничивающие эти процессы, находятся, прежде всего, в материальном положении человека. Люди в обществе поделены на большие группы, из которых одна, находясь в привилегированном положении в способе производства имеет возможность присваивать продукт труда другой группы. Основная граница между ними проходит по следующим критериям: 1) место в системе общественное производства; 2) отношение к средствам производства; 3) форма организации труда; 4) принцип и размер получаемого дохода. Для сглаживания этих различий в обществе функционирует социальная политика, которая реализуется через социальную защиту, социальное обеспечение, социальное обслуживание тех социальных групп, которые нуждаются в социальной поддержке как со стороны государства, так и общественных организаций через различного рода льготы, пособия, доплаты, гранты и т.д.

Характеризуя соотношение исследуемых категорий, следует особо подчеркнуть их правовой характер. Исходя из конституции в обществе имеется целая система правовых законов, кодексов, указов, норм, стандартов, которые делят человеческую деятельность на правовую справедливую и неправовую несправедливую, за что предусмотрены определенные меры наказания. Чтобы определить социальную справедливость и несправедливость в правовом плане необходимо учитывать интересы всех социальных групп в обществе. К определению анализируемых категорий следует подходить и с субъективной стороны, места их и роли в современном сознании личности.

Литература:

1. *Медоуз Д.Х. Пределы роста: 30 лет спустя: пер. с англ. С.С. Оганесян / Под ред. Н.П. Тарасовой. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2013. – 358 с.*

2. *Нейсбит Дж. Мегатренды: пер. с англ. – М.: АСТ: Ермак, 2013. – 380 с.*
3. *Тил Н. Прогнозы на новое тысячелетие: пер. с англ. Ю. Шведова. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1999. – 340 с.*

Столярская Евгения Викторовна,
Белорусский государственный университет, кафедра психологии, Минск, Беларусь

Самореализация как личностный механизм преодоления социальной несправедливости

Самореализация – тот концепт, который изначально не рассматривался в контексте проблем социальной несправедливость, как и социальных проблем в целом. Скорее, напротив, самореализация и самоактуализация рассматривались едва ли не исключительно в рамках изучения личности, и не связывались с более широким научным и социальным контекстом [1]. Если мы все же попробуем вписать самореализацию в контекст проблемы социальной несправедливости, то, вероятно, первый аспект, который станет видимым для исследователей – это то, что в ситуации социальной несправедливости возможности самореализации для членов определенных социальных групп будут ограничиваться. Иными словами, в системе «социальная несправедливость – самореализация» именно первое понятие, характеризующее социальные условия, оказывает влияние на второе понятие, характеризующее личностную ситуацию развития. Но в системе понятий «социальная несправедливость – самореализация» существует еще как минимум один вариант их взаимодействия, важный для социально-гуманитарных дисциплин. Это ситуация, когда самореализация становится личностным механизмом преодоления социальной несправедливости. Воплощая в социальной деятельности имеющиеся у него знания и опыт, человек становится социальным субъектом, который меняет не только свою экзистенциальную ситуацию, но и социальную ситуацию вокруг себя. Самореализующийся человек активно строит свою жизнь, и при этом он может выходить за рамки несправедливых «стартовых» условий развития. Разумеется, мы не считаем самореализацию «универсальным средством» в борьбе с социальной несправедливостью. Это было бы слишком упрощенным видением данной исключительно сложной проблемы. Тем более что мы сейчас умышленно пропустили много важнейших сторон взаимодействия рассматриваемых понятий, например, ограничения в доступе к знаниям в ситуации социальной несправедливости, что впоследствии уменьшит возможности самореализации, и др.

Нас в этом вопросе интересует, на данный момент, скорее методологический аспект. А именно – важность рассмотрения самореализации как мультидисциплинарного понятия, в котором личностный потенциал и активность рассматриваются в контексте социальных изменений,

как один из факторов этих изменений. Что позволяет нам утверждать не просто возможность, но необходимость и эффективность мультидисциплинарного подхода к рассмотрению понятия самореализации? Анализ подходов к рассмотрению самореализации в различных гуманитарных дисциплинах (психологии, социологии, педагогике) позволил выделить ряд общих положений, разделяемых авторами данных подходов [2]. Центральным понятием, объединяющим теоретические и эмпирические конструкты исследователей самореализации, является личность – социальный индивид, возникающий в процессе усвоения социального опыта (социализация) и воплощения данного опыта в практику социальной жизни (самореализация). Базовым положением, разделяемым большинством авторов, является положение о способности личности к саморазвитию в деятельности, в которой, с одной стороны, реализуются накопленные ей знания, умения и навыки, с другой стороны, формируются специфические личностные новообразования (мотивы, потребности, личностные черты, установки). Разделяемой исследовательской стратегией является анализ тех форм деятельности, в которых воплощается социальный опыт субъекта и психологических характеристик, отражающих, по мнению исследователя, результаты самореализации как личностного развития. Это, с одной стороны, позволяет говорить о том, что специфика анализируемого понятия задает известную общность исследовательских подходов, реализуемых в рамках различных научных дисциплин. Но, с другой стороны, эти положения дают нам возможность утверждать, что самореализация личности является мультидисциплинарным понятием, глубокое изучение которого предполагает включение в исследовательскую программу теоретико-методологических и эмпирических научных конструктов, разработанных в различных дисциплинах, в частности, в социологии и психологии. Будучи использованными совместно, они позволяют изучить самореализацию как социально-личностный процесс, происходящий одновременно как во внешнем, так и во внутреннем планах, и зафиксировать как социальные, так и личностные ее (самореализации) результаты.

Что же может дать использование мультидисциплинарного понятия самореализации применительно к анализу проблемы социального неравенства? – Как было сказано выше, самореализация может рассматриваться как личностный механизм преодоления социального неравенства путем активного изменения своей социальной ситуации и преодоления негативных «стартовых» условий развития. Тогда помощь людям (психологическое консультирование, социальная поддержка, экономическая поддержка) в их поиске возможных форм и путей самореализации может рассматриваться как еще один способ борьбы с социальной несправедливостью. Разумеется, сказанное ни в какой степени не умаляет важности социальных и экономических механизмов борьбы с социальной несправедливостью. Однако в сложных социально-экономических условиях, когда данные механизмы могут действовать не всегда эффективно, использование и личностных механизмов, как

представляется, позволит сделать борьбу против социальной несправедливости более успешной.

Литература:

1. *1. Леонтьев, Д.А. Самоактуализация как движущая сила личностного развития: историко-критический анализ / Д.А. Леонтьев // Современная психология мотивации: сб. ст. / редкол. Д.А. Леонтьев [и др.]. – М.: Смысл, 2002. – С. 13 – 46.*
2. *Столярская, Е.В. Проблема самореализации личности в психологии, педагогике и социологии // Е.В. Столярская. – Труд. Профсоюзы. Общество. – 2015, №2. – С. 95 – 98.*

Сушко Валентина Афанасьевна,

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Методологические проблемы исследования социальной несправедливости и характера её влияния на состояние социального порядка в российском обществе

Социальная справедливость относится к числу социальных явлений, сопутствующих человечеству на протяжении всей его истории. Еще древние люди сталкивались с проблемой поиска компромисса между индивидуальным и коллективным интересами, вырабатывая наиболее приемлемые формы, поведения посредством моральных запретов и предписаний. По мере усложнения социальных связей эта задача становится все более насущной и не простой. Все сферы совместной жизнедеятельности людей — экономическая, политико-правовая, социальная, культурная — имеют свою логику развития, тем не менее они объединены общей центральной идеей — социальной справедливостью. Внимание к социальной справедливости обостряется в то время, когда общество сопровождают социальные потрясения, когда рушится сложившийся социальный порядок. В стабильные, относительно спокойные времена о ней забывают, и не потому, что она не существует, а как раз наоборот, потому что она реально действует, сохраняя общественное согласие. Степень реализации социальной справедливости выступает условием стабильности социальной системы. С особой остротой вопрос о содержании социальной справедливости стоит в современном российском обществе, переживающем период глубоких перемен во всех сферах общественной жизни. Трансформация формальных и неформальных институтов неизбежно повлекла за собой как изменения в содержании формальных принципов социальной справедливости, призванной обеспечить легитимацию социального устройства, так и представлений на уровне повседневного сознания. В этой связи чрезвычайно важно не только зафиксировать эти изменения, но и выявить степень их институционализации, ведущие тенденции и перспективы. В настоящее время отсутствует знание о том, как кризисные явления в экономической сфере влияют на изменение состояния ощущаемого качества жизни в российском обществе, и, как это изменение воздействует на состояние

социального порядка в нем. Полученное на основе обобщения полученных эмпирических данных знание с использованием сравнительного анализа позволит выявить закономерности и механизмы взаимосвязи исследуемых явлений. В условиях ограниченности материальных ресурсов, полученные эмпирические данные дадут возможность определить те «болезненные» составляющие ощущаемого качества жизни, целенаправленное изменение состояния которых позволит обеспечить воспроизводство устойчивого социального порядка в российском обществе. Для социологического исследования содержания и структуры социального порядка целесообразным представляется использование синергетической модели описания социальной действительности, которая объясняет существование и развитие общества как целостной социальной системы через анализ происходящих в нем процессов взаимодействия между людьми. Социальный порядок - это такое отношение между людьми, которое характеризуется относительно устойчивым и согласующимся ходом их действий в процессе достижения значимого результата или цели. Выявление закономерностей воспроизводства социального порядка в обществе под воздействием изменяющегося экономического положения населения и ощущаемого качества жизни является важной научной задачей, решение которой позволит принимать обоснованные управленческие решения по совершенствованию социального порядка в российском обществе. Сравнительный анализ эмпирических данных, полученных годах в условиях подъема российской экономики и в посткризисный период, позволит выявить закономерности влияния изменений в экономическом положении российского населения на состояние ощущаемого качества жизни и его воздействия на состояние социального порядка. При этом полученные эмпирические данные имеют также прикладную значимость. В условиях ограниченности материальных ресурсов они дадут возможность определить те «болезненные» составляющие ощущаемого качества жизни, целенаправленное изменение состояния которых позволит обеспечить воспроизводство устойчивого социального порядка в российском обществе. Объективное экономическое положение российского населения оказывает не прямое воздействие на воспроизводство социального порядка в российском обществе, а через посредство ощущаемого качества жизни. При этом характер этого воздействия обусловлен социальными характеристиками населения и особенностями отдельных составляющих качества жизни. В научной литературе не разработана концептуальная модель исследования данной проблемы. Новизна решения данной проблемы заключается в использовании интегральной концептуальной модели социологического исследования качества жизни и социального порядка, в которой объединяются объективные составляющие качества жизни, рассматриваемые в рамках социально-экономической концепции, и его ролевого субъективного наполнения, рассматриваемые в рамках концепции «ощущаемого» качества жизни, с составляющими процесса воспроизводства социального порядка в обществе в рамках синергетического подхода, «размывание» или «создание»

которых характеризует его состояние. Объединение данных составляющих в рамках единой концептуальной модели социологического исследования позволяет выявить те состояния параметров качества жизни российского населения, которые вызывают у индивидов «болезненные ощущения» и влияют на воспроизводство социального порядка в российском обществе.

Сычева Екатерина Юрьевна,
Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, РФ
Поленок Станислав Игоревич
Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, РФ

Результаты исследования социальной несправедливости как последствия миграционных процессов

Миграционные процессы, происходящие в современном мире, характеризуются рядом особенностей. Во-первых, идет отток населения из сельской местности в промышленные центры через такой социальный лифт, как получение высшего образования. После приобретения той или иной специальности человек не возвращается в родную деревню, а остаётся в городе, зачастую работая совершенно в другой сфере, чем та, которая обозначена в дипломе об окончании вуза. Во-вторых, перемещение людей в поисках работы из страны в страну стало обычным явлением, причем важно отметить: прибытие мигранта в экономически развитую страну не предполагает автоматического попадания на работу, очень часто прибывшие живут на различные социальные пособия (вспоминается в этой связи вызвавшая бурю возмущений россиян социальная помощь украинцам, которые массово устремились из своей страны в Россию в 2014 году. Тогда заговорили о вопиющей социальной несправедливости: приоритет украинцам перед россиянами при приеме на работу, в обеспечении жильём, в выдаче / получении пособий был так очевиден, а отношение со стороны мигрантов такое пренебрежительное, что россияне были возмущены). В-третьих, проблемы миграции влияют на всё общество в целом (см., например, ряд публикаций [6, 7, 8, 9, 10]). Для исследования социальных проблем [15, 14, 12, 5], описания и объяснения социальной несправедливости с эмпирической точки зрения используют различные методы. Мы обратились к качественным исследованиям, в которых получение результатов достигается не путем определения количества и обработки данных средствами статистики. Качественное исследование предполагает специфичную исследовательскую стратегию со своей логикой и последовательностью действий на всех этапах от формулировки исходных посылок до анализа и интерпретации данных. При качественном подходе в области теории речь идет о необходимости

выработки понятий и построения теоретических схем, сохраняющих взаимно однозначное соответствие с обыденными представлениями действующих индивидов в социальном мире. В области методологии ставятся задачи выработки методов, делающих возможными обнаружение и фиксацию тончайших оттенков субъективных значений, лежащих в основе человеческой деятельности. Мы провели вторичный анализ эмпирических данных, полученных с помощью такого качественного метода, как фрейм-анализ [13]. Один из видов миграции трудовая. На рубеже 20-21 вв. она превратилась в важную, даже неотъемлемую составляющую мировой экономики, оказывая огромное влияние на переустройство рынков труда и создание новых моделей занятости [11, 4, 3, 1]. В экономически более развитых (в сравнении с РФ) государствах наблюдается постоянный спрос на неквалифицированный и низко оплачиваемый труд, который встраивается, как правило, в неформальные и теневые секторы экономики. Это зачастую трансформируется в нелегальные формы трудовой миграции. Трудовая деятельность россиянок в ночных клубах Северо-Восточной Азии (hostess) – это «легальный бизнес, порождающий нелегальную деятельность (sex-услуги), которую следует отнести уже к сфере теневой экономики. У девушек, реализовывавших стратегию «hostess плюс проституция», происходит трансформация ценностной шкалы, они возвращаются в Россию с измененной психикой, уверенные, что при определенных обстоятельствах и условиях (ночные клубы Северо-Восточной Азии) проституция является такой же обычной работой, как продавец или бухгалтер» [13]. Как нам представляется, такое положение дел порождено именно социальной несправедливостью, когда женщине достается либо низкооплачиваемая работа, не требующая высокой квалификации, либо в сфере «теневой» экономики. Подобный опыт трудовой миграции «трансформирует мировоззрение женщин, изменяя их морально-этические, психологические установки, правила и нормы поведения, то есть налицо институциональные изменения. В исследовании предпринята попытка проанализировать данный процесс» [13]. На стадии анализа данных, полученных в ходе исследования, основной аналитической техникой являлся фрейм-анализ. В связи с тем, что контекст интервью был формально задан, учитывались следующие составляющие: подбор слов, неответ на определенные вопросы, построение синтаксических конструкций, высказывание собственного мнения, слова-сигналы, служащие для раздела темы вопроса и дополнительной темы, индикаторы иллокутивной силы речевого акта. Всё это даёт ту или иную социологическую информацию, служит показателями различных стратегий. Помимо вышесказанного, был осуществлен дифференциальный анализ текстов интервью для описания структуры фреймов, маркирующих данный тип дискурса (по Т. ван Дейку) [2]. Осуществлялась классификация всех индикаторов, и из них конструировались фреймовые «терминалы» нижних уровней. В качестве фреймов выделялись основные «проблемные комплексы» интервью, которым в структуре дискурса респонденты приписывали различные субфреймы (признаки, смыслы) и правила перехода

от одного фрейма к другому. Это помогло определить стратегии «теневого поведения» в сфере миграционного бизнеса. При интерпретации данных анализа выяснилось, что результат экономической деятельности того или иного субъекта будет зависеть от его модели поведения и обстоятельств, в которых такая модель реализуется. Итак, исследование социальной несправедливости/справедливости социологическими методами очень важно с точки зрения не только методологии, но и социальной практики.

Литература:

1. *Киричек П.Н. Визуальный психодисбаланс в межкультурной коммуникации / П.Н. Киричек // В сборнике: Визуальная коммуникация в социокультурной динамике. Сборник статей международной научно-практической конференции. – 2015. – С. 74-80.*
2. *Киричек П.Н. Массмедийный дискурс этнополитической коммуникации / П.Н. Киричек // Коммуникология. – 2016. – Т. 4. – № 1. – С. 29-41.*
3. *Киричек П.Н. Молох глобализации и духовные интенции российской молодёжи / П.Н. Киричек // В сборнике: Русский универсум в условиях глобализации. Сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции. Научный редактор: Е.В. Валеева; Ответственный редактор: С.В. Напалков; Арзамасский филиал НГГУ; Фонд «Русский мир». 2016. С. 139-148.*
4. *Киричек П.Н. Правовое поле социальной политики: вектор изменений / Система ценностей современного общества. 2014. № 33.*
5. *Киселев А.Г. Модели государственного реформирования сельского хозяйства: прошлое и настоящее / А.Г. Киселев, С.А. Шилина // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2017. – № 17 (4). – С. 481-490.*
6. *Киселев А.Г. Социальный ракурс сохранения самобытности языка и культуры переселенцев / А.Г. Киселев, С.А. Шилина // Единая российская нация: проблемы формирования её идентичности: сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции (25*
7. *Киселев А.Г. Социокультурные аспекты фольклора как способа сохранения самобытности переселенцев из Украины в Мордовию / А.Г. Киселев, С.А. Шилина // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – № 11-3. – С. 473-478.*
8. *Киселев А.Г. Социокультурный аспект сохранения самобытности переселенцев в Россию / А.Г. Киселев, С.А. Шилина //Международная научно-практическая конференция «Русский язык как основа межкультурного диалога славянских народов на территориях приграничных с*
9. *Киселев А.Г. Социолингвистические аспекты языковой ситуации в среде переселенцев/ А.Г. Киселев, С.А. Шилина // Уральский научный вестник. – 2016. – Т. 11. – № 1. – С. 3-11.*
10. *Киселев А.Г. Суржик как репрезентация языковой личности переселенцев из Украины в Мордовию / А.Г. Киселев, С.А. Шилина // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – № 10-1. – С. 150-153.*
11. *Комков Д.Е. Регионы в зоне демографического риска: минус-тенденции миграции и урбанизации / Д.Е. Комков, П.Н. Киричек // Регионология. – 2017. – № 1 (98). – С. 139-148.*
12. *Коркия Э.Д. Концепт экологической культуры: «пределы роста» или резервы для развития / Э.Д. Коркия, А.Р. Курбанов, А.К. Мамедов // Экология и промышленность России. 2017. № 6. С. 58-63.*
13. *Фетисова Е.Н. Женская трудовая миграция как фактор социального преобразования (опыт качественного исследования) // Экономическая социология. Т. 9. № 1. Январь 2008 [электронный ресурс] // Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskaya-trudovay*
14. *Liadova A.V. The burnout among emergency physicians: evidence from Russia (sociological study). / A.V. Liadova, E.D. Korkiya, A.K. Mamedov, N.A. Panich // Man in India. 2017. T. 97. № 15. C. 495-507.*
15. *Vasilyev A.V. Conspicuous consumption as an attribute of socio-cultural decadence in Russia / A.V. Vasilyev, V.K. Kovalchuk, E.D. Korkiya, A.K. Mamedov // Man in India. 2017. T. 97. № 10. C. 399-414.*

Талмачинская Марина Сергеевна,
ФГБОУ ВПО Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
Панкова Галина Александровна
ФГБОУ ВПО Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

Формирование здоровьесберегающих компетенций у молодёжи

В современном мире по-прежнему остаётся актуальной проблема формирования здорового образа жизни (ЗОЖ) у молодёжи. Основой национальной политики каждого государства является стремление воспитать здоровое будущее поколение. Президент нашей страны, В.В. Путин, неоднократно в своих выступлениях и посланиях Федеральному Собранию РФ определял одним из приоритетов внутренней политики – заботу о здоровье населения. Формирование ценности ЗОЖ начинается с рождения ребёнка и происходит в процессе его воспитания сначала семьёй, потом другими социальными и общественными институтами. Поэтому вопрос формирования здоровьесберегающей компетентности всё чаще поднимается в рамках научных конференций, образовательного пространства и общественно-политического поля. Так что же понимается под понятием «здоровьесберегающая компетенция»? Здоровьесберегающая компетенция – это знание и соблюдение норм ЗОЖ, знание об опасности вредных привычек; знание по соблюдению правил личной гигиены, владение грамотными знаниями о безопасности жизнедеятельности и половых отношениях; и, что немало важно, это саморазвитие молодого человека на физическом, духовном, эмоциональном, интеллектуальном уровнях [2, с. 21]. Структура здоровьесберегающей компетенции включает: •знание о структуре и содержании термина «здоровье»; •знание о воспитании в себе здоровьесберегающих качеств; •знание о пагубных влияниях алкоголя, никотина, психоактивных веществ, стрессов на здоровье молодёжи; •знание о влиянии питания, его режима на состояние организма молодого человека; •умение оценивать состояние своего здоровья и здоровья окружающих; •понимание важности знаний о здоровьесберегающей компетенции для других людей. На рубеже веков в моду вошло быть здоровым. Словно подтверждая справедливость выбранного курса, государство внедряет новые программы по оздоровлению нации. Вновь возрождаются нормы ГТО, а компетенции здоровьесбережения активно внедряются в учебный процесс. Большое значение придаётся урокам физкультуры в системе общего или специального образования, формированию у молодых людей потребности вести ЗОЖ. Также внедряются знания, позволяющие прогнозировать и контролировать результат какой-либо деятельности, создаются условия для достижения конкретных целей, опираясь на приобретённый опыт [4].

Возникают новые виды спорта (фитнес, пилатес, аэробика, силовые тренировки), которые позволяют добиваться большей эффективности при меньшей нагрузке благодаря высокому уровню плотности тренировок. Если на уроках физкультуры педагоги добиваются необходимого эффекта, выполняя при этом свою главную функцию – сохранение и укрепление здоровья учащихся, то на остальных предметах большинство педагогов не могут определиться с местом здоровьесберегающих компетенций в рамках основной программы образования, несмотря на понимание остроты поставленной проблемы. Всё чаще мы можем наблюдать, что учащиеся в процессе образовательной деятельности «теряют» последнее здоровье, имея при этом итак невысокие показатели здоровья [3]. В процессе образовательной деятельности важно недопущение перегрузки молодёжи. Необходимо определять оптимальный объём учебной информации, способов её предоставления, учитывая интеллектуальные, физические и физиологические особенности и индивидуальные способности каждого участника образовательного процесса; предусматривать такие виды деятельности, которые бы снимали усталость и напряжение. В занятия желательно включать физкультминутки, методы релаксации, снимающие напряжение, дающие небольшой отдых, вызывающие положительные эмоции и хорошее настроение. Создание здоровьесберегающей среды и спокойной, доброжелательной, психологически комфортной обстановки также положительно влияет на работоспособность учащихся на занятиях. Это всё складывается, прежде всего, из свежести восприятия, которая вытекает из своевременно переключённой формы учебной активности. Важным направлением в деятельности каждого педагога должно являться воспитание у учащихся мотивации на здоровьесбережение, осознание ценности ЗОЖ [1, с. 377]. С данной целью целесообразно включение в занятия специальных приёмов, компонентов ортобиотики. Ортобиотика является сравнительно новой наукой о самосбережении здоровья, включающей в себя рассмотрение рекомендаций по практическому овладению принципами личного ортобиоза, способствующего сохранению физического и душевного здоровья человека, активной деятельности и радости мироощущения на протяжении всей жизни. Важнейшими условиями ортобиоза являются: трудовая деятельность, достаточное количество сна, преобладание положительных эмоций, рациональное питание, отсутствие вредных привычек, соблюдение режима, закаливание, достаточная ежедневная двигательная активность. Ортобиоз – это ведение рационального образа жизни; основное условие долголетней трудоспособности человека. Исходя из вышесказанного, в молодом возрасте по причине физиологических и физических возможностей сохранение здоровья не актуализируется, молодые люди склонны к иллюзии, что они будут сильны и здоровы всегда. Поэтому необходимо разрабатывать технологии формирования здоровьесберегающих компетенций именно в молодёжном возрасте, чтобы к 35 годам и старше максимально сохранить имеющееся здоровье, а также иметь навык поддержания и сохранения здоровья. Таким образом, здоровьесберегающая компетенция станет

благоприятным фактором поддержания повышенного уровня здоровья и качества жизни населения страны.

Литература:

1. *Борисов А.А., Сыромятникова Л.И., Борисова Л.П. / Ежемесячный научный журнал «Молодой учёный» №6 (41) / 2012. «Реализация здоровьеформирующих образовательных технологий в области педагогического образования» стр. 375-377*
2. *Зимняя И.А. Компетентностный подход. Теоретико-методологический аспект / Высшее образование сегодня. М., 2006. № 8. С. 20-26*
3. *Пентюхин В.И. Диссертация «Педагогическая технология формирования здоровьесберегающих компетенций будущих учителей физической культуры» Самара, 2010. 228 с.*
4. *Смирнов Н.К. «Здоровьесберегающие образовательные технологии в современной школе» Методическое пособие. М.: АПК и ПРО, 2002. - 121с.*

Тамразян Нелли Артуровна,

Алтайский Государственный Университет, Барнаул, Россия

Основные направления социальной поддержки родителей, программы ранней помощи в России и зарубежом.

Программы ранней помощи или раннего вмешательства (от английского «early intervention») оформились и получили широкое распространение в странах Скандинавии, Западной Европы и США в результате изменения отношения общества к детям с особыми потребностями и их родителям, развития психологии, социальной работы, медицины и принятия необходимых правовых и законодательных актов, регламентирующих государственную политику в отношении детей с ограниченными возможностями. Еще 30–40 лет назад основным местом пребывания детей с нарушениями в развитии были учреждения, куда родителям рекомендовалось передавать ребенка, так как считалось, что такие учреждения избавляют родителей от тяжкого бремени заботы и воспитания «необучаемых» детей. Приводились аргументы, что учреждение полезно для детей: там ребенок получает опыт совместного пребывания со сверстниками, а также необходимые лечение и уход. Забота о детях в закрытых учреждениях характеризовалась исключительно медицинской направленностью, игнорированием потребностей развития. Внимание общественных и профессиональных организаций к системе сегрегации послужило началом деинституализации – процесса закрытия крупных учреждений для детей с особыми потребностями, который сопровождался развитием альтернативных системе сегрегации программ обслуживания ребенка и его родителей. Были получены экспериментальные данные, свидетельствующие о наибольшей эффективности своевременного начала обслуживания – сразу же после выявления проблемы или определения диагноза ребенка, приводящего к отставанию в развитии. В сфере ранней помощи было разработано несколько универсальных образовательных

программ, получивших широкую известность, некоторые переведены на русский язык и используются в практике ранней помощи.

Каждая из них имеет в своем составе диагностический блок, состоящий из нескольких разделов, соответствующих выделяемым областям развития. Разделы содержат перечень пунктов, описывающих конкретное поведение и признаки нарушений в развитии ребенка. В современном российском обществе создание программ ранней помощи началось с 1992 г., когда в Санкт-Петербурге была открыта Служба ранней помощи в системе дошкольного образования. При организации Службы был использован опыт подобных программ за рубежом, в частности модели лекотек и абилитационных центров Швеции и программ раннего вмешательства США, и в дальнейшем – собственный опыт теоретического обобщения каждодневной работы с детьми и их родителями в Службе в течение многих лет. Распространяясь в образовательных и медицинских учреждениях, программы ранней помощи могут и уже начали развиваться и в домах ребенка, где по-прежнему живет большое количество детей младенческого и раннего возраста с особыми потребностями.[1] Программа ранней помощи объединяет междисциплинарные терапевтические, образовательные и социально-психологические службы, которые направлены не только на развитие детей, но и на организацию взаимодействия родителей с профессионалами и общественными организациями, распространение информации о детях с особыми потребностями в обществе. Службы и программы ранней помощи создаются для детей от рождения до трех лет с особыми потребностями, вызванными медицинскими, биологическими и социальными факторами с целью содействия оптимальному развитию и адаптации детей в обществе. К медицинским факторам относятся установленные врожденные или приобретенные нарушения, приводящие к определенному ограничению функционирования ребенка и отставанию в развитии. К биологическим факторам относятся состояния, которые приводят или могут приводить к некоторому (временному или постоянному) ограничению функционирования ребенка и к отставанию в развитии. К социальным факторам относятся экономические, социально-бытовые, эмоционально-психологические и (или) другие факторы окружающей среды, неблагоприятно влияющие на психическое развитие и здоровье ребенка. В программах ранней помощи обслуживаются дети: а) у которых обнаружено критическое отставание в развитии в одной из следующих областей: познавательное развитие, развитие движения, языка и речи, самообслуживания, социальное и эмоциональное развитие; б) которые живут в физических или психических условиях высокой вероятности задержки в развитии. В последнем случае могут быть выделены дети до трех лет, проживающие в условиях сегрегации в домах ребенка, усыновленные или взятые под опеку в семью из домов ребенка. До недавнего времени эта группа детей не получала необходимую психолого-педагогическую помощь. Признавая решающее влияние матери, отца и других близких на развитие ребенка, службы ранней помощи направляют основное внимание на работу с

семьей. Таким образом, вместо работы один на один с ребенком сотрудники программы ранней помощи стремятся перейти к работе не только с ребенком, но и с людьми из его ближайшего окружения.[2] Как и зарубежные программы раннего вмешательства, представленная выше программа ранней помощи, организованная в Санкт-Петербурге в учреждении образования, предоставляет родителям младенцев с особыми потребностями столь необходимую им помощь и поддержку в воспитании, развитии и социальной адаптации ребенка.

Литература:

1. *Маллер А.Р. Помощь детям с недостатками развития : кн. для родителей. М. : Аркти, 2006.*
2. *Стребелева Е.А., Мишина Г.А. Педагогическое сопро- вождение семьи, воспитывающей ребенка раннего воз- раста с отклонениями в развитии : пособие для педагога-дефектолога и родителей. М. : Парадигма, 2015.*

Трескин Петр Андреевич,

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Условия развития некоммерческого сектора в РФ: справедливость или беззаконие

Общественные организации решают проблемы различных социальных групп, находящихся в сложной ситуации. Они создают условия для развития альтернативных моментов решения сложных ситуаций, выступают связующим звеном между бизнесом, властью и народом. Они обладают колоссальным весом при формировании социального капитала и гражданского общества. Социальный капитал формируется из разных источников, зависит от личной активности и предшествующего опыта, сети социальных связей и взаимодействия с органами власти и бизнеса, т.е. умение строить и развивать социальные сети (П.А. Трескин [2,3]). Говоря в терминологии Фукуямы – это процесс социального доверия, который строится на основе общественной включенности организации и ее лидеров в общественное воспроизводство. Социальный капитал выступает ресурсом общественной организации, который позволяет ей заявлять о себе в социуме и достигать поставленных целей путем выстроенной системы взаимоотношений (О.А. Полюшкевич [1]). Иными словами, социальный капитал – это инструмент формирования практик социального взаимодействия, направленного на решение социальных проблем. Исследование проходило в Прибайкалье и Забайкалье (в Иркутской (ИО) и Читинской (ЧО) областях, а также в Республике Бурятия (РБ). В нем приняли участие 30 экспертов, по 10 в каждом регионе, занимающие ведущие места в общественном секторе рассматриваемых регионов (руководили НКО, представители общественной палаты, социально активные граждане и т.д.). Экспертам предлагался ряд вопросов в открытой форме и бланк оценки

развития гражданского общества в виде оценки активности некоммерческих предприятий в форме оценки «структуры», «среды», «ценностей» и «воздействия». Каждый показатель оценивался экспертами по 10-бальной шкале (где 10 – наилучшее значение, 0 - наихудшее), затем выводилась средняя характеристика. Оценка активности некоммерческих предприятий достаточно неоднородна. Ценности высоко оцениваются экспертами во всех изучаемых регионах. Ценности раскрывают ту идеологическую и мировоззренческую основу некоммерческой организации, ту идею, которая лежала в основе ее создания. Структура предполагает четкое формальное регулирование своей деятельности как внутри организации, так и за ее пределами. Структура наиболее развита в Иркутской области. Среда раскрывает специфику функционирования в том или ином пространстве, развитость коммуникаций и умение выстроить необходимый формат и уровень взаимоотношений для достижения поставленных целей. Среда наиболее развита в Республике Бурятия. Воздействие – это оценка эффектов деятельности для изменений той или иной проблемной ситуации, которая стала одной из задач функционирования некоммерческой организации. В Читинской области наиболее высоко оценивают воздействие. Это говорит о том, что каждому региону надо работать над элементами эффективной комплексной активной работы, которая позволит стабильно и последовательно решать поставленные задачи. Перекос в ту или иную сторону, показывает неэффективность деятельности некоммерческой организации. Эксперты обозначили непростой этап перехода финансирования некоммерческих организаций от зарубежных фондов к отечественным программам. Источники финансирования для 70% некоммерческих организаций до 2012 года были зарубежными. Введение ограничений действий «иностранных агентов» повлекло за собой качественную трансформацию формы и стиля работы большинства российских НКО. Эксперты далеко не однозначно оценивают изменение политики власти. Все эксперты сходятся на том, что несколько источников дохода – идеальная модель для современной НКО. Но, увы, далеко не все могут себе это позволить, и не получая деньги из грантов президента вынуждены закрываться. Хотя и указывают на существенные плюсы для идеологической составляющей функционирования всего государственного аппарата. Меняются модели, формы и условия функционирования организаций. Эксперты, выделяя сложности функционирования некоммерческих организаций, говорят о неготовности власти идти на встречу некоммерческим организациям, но при этом готовы отчитываться этими социальными проектами. Интересный момент прослеживается и в том, что для всех работников некоммерческих организаций рассматриваемых субъектов РФ, социальный капитал организации складывается из активной и продуктивной деятельности в социальной среде, рассматривается одновременно и как способ самореализации и личностного роста. Иными словами, человеческий капитал сотрудников некоммерческих организаций напрямую связан с социальным капиталом данной организации. Таким

образом, некоммерческие организации занимают весомый вклад в развитие регионального социума, но деятельность властей явно не достаточна, для наиболее эффективного использования данного ресурса и потенциала в пользу региона. Существуют трудности выстраивания финансирования деятельности некоммерческой организации, сложности формального и неформального характера при взаимодействии НКО с органами власти разного уровня, но в тоже время отмечается увеличение доли активных граждан участвующих в социальных проектах некоммерческих организаций, что в целом изменяет уровень гражданской и социальной активности населения.

Литература:

1. *Полюшкевич О.А. Социальная солидарность в условиях политического консенсуса // Политический консенсус в XXI веке: противодействие идеологии терроризма и обеспечение безопасности сборник научных трудов. Иркутск, 2017. С. 189-195.*
2. *Трескин П.А. Общественные организации как социальный капитал региона / П.А. Трескин // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. – №64. – С. 263-277.*
3. *Трескин П.А. Межсекторное взаимодействие некоммерческих организаций Байкальского региона / П.А. Трескин // Вестник ТОГУ. – 2017. – №4. – С. 345-354.*

Федоровский Александр Петрович,

АНО ВО "Северо-Кавказский социальный институт", Ставрополь, Россия

Мацко Оксана Витальевна

АНО ВО "Северо-Кавказский социальный институт", Ставрополь, Россия

Социальная справедливость как концепт и феномен эмпирической действительности

Компаративистика современного научного дискурса и конкретно-эмпирической реальности выявляет давно уже наметившееся, и имеющее тенденцию к усилению, расхождение между теоретической концептуализацией проблематики социальной справедливости и ее присутствием в общественной жизни. Кроме того, разночтения в самом профессиональном сообществе относительно того, что следует считать социально справедливым, отнюдь не способствуют достижению искомой нормативности в рамках управленческих и социальных практик, поскольку не ясны параметры этих нормативов. Относительный консенсус мы можем наблюдать исключительно на уровне самых общих деклараций в духе рассуждений о необходимости стремления к всеобщему благу. Известно, что 7 статья Конституции РФ прямо определяет статус нашего государства как социального, то есть такого образования, «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [1, С.7]. На высшем законодательном уроне государство гарантирует своим гражданам социальную защиту, материальную поддержку на всех этапах их жизни, особенно тех, которые несут в себе повышенные риски. Очевидно, что в целом взятые на себя государством обязательства

выполняются и гарантируемый им минимум наши сограждане получают. Однако при этом возникает вопрос: можно ли считать возникшее status quo общественного бытия социально справедливым? Сама постановка данного вопроса, не говоря уже о его способах его решения, способна вывести исследователя далеко за рамки «чистого» академизма, а о его остроте напоминает действующий в настоящее время законодательный запрет на «разжигание социальной розни». Прежде чем найти ответ на поставленный выше вопрос следует определить критерии социальной справедливости. Для одних социальная справедливость может ассоциироваться с абсолютным патернализмом, тогда как для других несправедливым видится государственная поддержка того, что они склонны считать «социальным иждивенчеством». Первые не признают справедливым сосредоточение 90% национального богатства в руках 10% россиян, тогда как вторые видят в таком распределении закономерный результат предприимчивости и таланта меньшинства [2]. Социология, как и иные социально-гуманитарные науки, для формирования своей позиции по тем или иным вопросам опираются анализа эмпирической действительности, следуя принципу «практика – критерий истины». Однако подобный подход оказывается иррелевантным когда речь заходит об экспликации понятия социальной справедливости на основе имеющихся у нас эмпирических моделей. Ни советский период, ни наступившая за ним эпоха капитализма не дают нам модель, хоть сколь-нибудь соответствующую идеалу социальной справедливости. То же самое можно сказать и современной ситуации, несущей в себе отпечатки как былого патернализма, так и асоциальности стадии «первоначального накопления капитала». «При этом, - отмечают М.К. Горшков и Н.Н. Седова, - современное российское общество, развиваясь под влиянием глобальных экономических, политических, социальных и культурных трендов, имеет в анамнезе недавнее советское прошлое с его гипертрофированной регулирующей ролью государства и последующие этапы развития, ознаменованные отказом от государственного диктата вплоть до полного устранения от участия в решении злободневных проблем» [3,С.6]. Возникла парадоксальная ситуация при которой тема социальной справедливости осознанно табуируется на официальном институциональном уровне, депроблематизируется наукой или конъюнктурно используется политическими силами. Очевидно, что ни первое, ни второе, ни третье не способствуют не только решению проблемы, но и простому ее пониманию. Не беря на себя смелость, предложить подобное решение, тем не менее, можно попытаться обозначить основные направления такового. Думается, что сделать это следует, сформулировав самые общие критерии составления оценки социальной справедливости. К последним, на наш взгляд, могут быть отнесены: - социальное самочувствие абсолютного большинства населения; - степень поддержка им экономического и социально-политического курса; - согласие с результатами электорального процесса; - наличие консенсуса по основополагающим вопросам жизнедеятельности государства; - включенность граждан в формирование госбюджета; - доступность

качественных социальных услуг, включающих образование, здравоохранение и рекреативную сферу; - материальное благосостояние граждан в сравнении с общемировыми показателями, наличие собственности; - социально-экономическая поляризация общества; - эффективность «социальных лифтов»; - инклюзивность информационно-коммуникативного пространства.

Литература:

1. *Конституция Российской Федерации*
2. *Кувшинова О. На долю 10% россиян приходится почти 90% национального богатства // Ведомости. 23 ноября 2016*
3. *Горшков М.К., Седова Н.Н. «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // Социс. - № 12. – 2015.*

Халявкин Александр Викторович,

Институт биохимической физики РАН и ФИЦ ИУ РАН, Москва, Россия

Социальная (не)справедливость – как она реализуется на уровне клеточных сообществ организма и в человеческих обществах

Давно отмечено, что зачастую справедливость заключается не в том, чтобы ко всем относиться одинаково, а в том, чтобы к каждому относиться по-разному, в соответствии с конкретными обстоятельствами. И человеческим обществам не грех бы поучиться у Природы, взяв, в качестве примера, неравномерное, но биологически целесообразное распределение энергетических ресурсов и пластического материала между различными клетками и системами многоклеточного организма.

Например, организм человека, состоит из сотен миллиардов клеток. Они подразделяются примерно на две сотни различных клеточных типов, которые, в свою очередь, составляют десятки тканей, органов и физиологических систем организма. На самых ранних этапах развития организма клеток мало, они практически одинаковы, как и условия их существования. Путем многократных клеточных делений и дифференциации в различные типы клеток, образующие ткани и органы, организм растет, развивается и достигает зрелого состояния. При этом клетки мозга, доля которого в общей массе тела составляет всего лишь 2%, использует 20% энергии, потребляемой организмом. В этом и состоит биологическая целесообразность такой (не)справедливости, позволяющая особям, обладающим развитым мозгом, своевременно и адекватно реагировать на большинство требований, которые предъявляет окружающая среда (неорганической, биологической и социальной природы). При этом до сих пор остается не выясненным вопрос почему, после такого сложного процесса морфогенеза, организм не способен найти решение гораздо более простой проблемы – сохранить во времени то, что уже сформировано. В реальности это не происходит и после достижения зрелости тело человека начинает постепенно увядать – то есть стареть. Однако есть веские основания полагать, что такой исход во многом зависит от условий существования и его можно

избежать. Если это так, то тогда есть некоторая несправедливость в неиспользовании такой потенциальной возможности. Согласно Всеобщей декларации прав человека, принятой 10 декабря 1948 г., каждый человек имеет право на жизнь, свободу, гражданство, труд, отдых, образование, свободу мысли, совести, передвижения и целый ряд других прав и свобод. Не все они пока в полной мере доступны для каждого жителя планеты Земля. Однако их реальность, необходимость и потенциальная достижимость, при выполнении соответствующих условий, не подвергается сомнению. Значительно сложнее с еще не декларированными правами человека на реализацию тех своих природных способностей, которые пока не выявлены современной наукой. В данном случае речь идет о потенциальной способности человеческого организма не стареть, которую и человек и общество не использует из-за ряда обстоятельств. В ряде статей, имеющихся на ресурсе www.researchgate.net/profile/Alexander_Khalyavkin , показано, что фатальная неизбежность старения следует из ряда постулатов, весьма уязвимых для критики. В то же время совокупность накопленных данных свидетельствует об отсутствии фундаментальных причин, препятствующих индивиду быть устроенным таким образом, чтобы не стареть. Среди примитивных организмов есть немало нестареющих. Однако и они начинают стареть в неоптимальных условиях. Ведь эффективность процессов самовосстановления, препятствующих старению, зависит не только от структурно-функциональных особенностей организма, но, опосредованно, и от условий, в которых протекает их жизнедеятельность. Поэтому полное самообновление должно иметь место лишь во вполне определенном для каждого вида диапазоне изменений совокупности внешних условий и реакций организма на них. Есть все основания полагать, что эта же причина лежит в основе старения человека и некоторых других сложных организмов. Во-первых, факты показывают, что, вопреки принятому мнению, клеточные линии, составляющие организм человека, могут не стареть. Во-вторых, доказано, что темп старения людей может быть не только различным (в зависимости от внешних условий и образа жизни), но и точно таким же, каким бы он был у потенциально нестареющих индивидов, которые, тем не менее, испытывают старение из-за функционирования в неадекватных условиях жизнедеятельности, в разной степени препятствующих полному самообновлению всех структур организма. В-третьих, нестареющие существа отмечены не только среди примитивных организмов, но и среди более сложно устроенных позвоночных и даже млекопитающих (напр., африканский грызун голый землекоп). Анализ складывающихся тенденций показывает, что ход цивилизации в целом все дальше уводит нас от условий, в которых реализуются так называемые нестареющие режимы жизнедеятельности. Это ускоряет темп старения и сокращает рекордные сроки жизни. Однако параллельно, из-за снижения смертности главным образом в среднем и молодом возрастах, средняя продолжительность жизни людей постепенно нарастает. Сочетание достигнутого в ходе цивилизации низкого уровня смертности с адекватными условиями, способствующими

полному самоподдержанию организма, "остановит" биологический возраст человека на уровне 25-30 лет при многократном увеличении средних сроков жизни. Пока еще есть время для подготовки к реальности, которая может изменить жизнь наших потомков в недалеком будущем. Поэтому до реализации открывающихся перед человечеством возможностей крайне необходимо тщательно предусмотреть все глобальные последствия и создать оптимальные сценарии будущего мира, в который органично вписался бы Человек нестареющий – Homo ageless.

Хазиев Зия Анварович,
Уфимский государственный авиационный технический университет, Уфа, Россия

О проблематичности идеи социальной справедливости

Идея социальной справедливости появляется, когда мы говорим о правах и свободе человека [1, 397-399] или когда имеем в виду проблему распределения в обществе благ. В последнем случае – при установлении справедливого или несправедливого распределения благ и критики этого распределения – мы позволяем себе оценивание затраченных человеком усилий и времени. Мы утверждаем: одно дело, скажем, работа дирижера оркестра и другое дело – труд дворника; и мы не сомневаемся в том, что усилия и время дирижера оркестра должны оцениваться выше, чем труд дворника. Это, мы считаем, справедливо. Почему мы так считаем? У нас имеется соответствующее обоснование: усилия дворника просты и механичны, это неквалифицированный труд, а дирижер оркестра – это высококвалифицированный труд, и далеко не каждый способен дирижировать оркестром. Таким образом, производя оценивание, нам даже не всегда важно знать величину затрат усилий и времени, важным, оказывается, то, насколько воспроизводимы эти усилия и время. Когда мы что-то можем воспроизвести, – пусть не так качественно, как оригинал, и не в том же объеме, пусть не сами, а при посредстве специальной техники, пусть не в действительности, а в воображении и искаженно, – то мы это действие, это что-то, по-своему представляем. А легковоспроизводимое кажется нам вдобавок понятным [2, 239-243]. Усилия дворника, обесцениваемые в силу своей простоты и механичности, превращаются в низкооплачиваемую работу, а усилия дирижера оркестра в силу своей трудновоспроизводимости оцениваются более высоко. Мы полагаем, что это и правильно, и справедливо. Но труд дворника не есть такое уж понятное дело. Эту мысль мне хочется проиллюстрировать собственным наблюдением. Это было весной, когда местами еще лежал снег, почерневший от таяния. На тротуарах и дорогах обнажился асфальт. На улице стояла сырость. Я увидел старого дворника. Он расчищал снежные сугробы, растаскивая снег по оголившимся участкам. В руках у него была широкая лопата. Он подхватывал ею тяжелые

комья липкого снега и нес на проталины. Тело его изламывалось под тяжестью ноши, ноги заворачивались одна за другую, одно колено при ходьбе сгибалось больше другой. Дворник, чуть прихрамывая, неспешно выполнял свою работу. Во всем его виде чувствовалась тяжесть труда. Лицо его было напряженным, взгляд застывшим. Он прошел десять шагов с этим застывшим взглядом, затем освободился от ноши, набросив снег на асфальт. Я смотрел на его морщинистое лицо, на застывший взгляд и думал: «Где он сейчас? Куда он провалился? Что видит его взор? Где в эти мгновения пребывает его разум?» По всей видимости, он был не там, где находился я. Этот человек за работой был мне совершенно непонятен. Если бы я его вдруг окликнул, заставил бы обратить на себя его взор, то он, наверное, сделал бы что-нибудь обычное, человеческое, и тогда я мог бы с уверенностью утверждать, что этот человек в одном со мною пространстве, в одном мире, он там же, где и я, но в миг напряженного труда, когда он шел с застывшим взглядом, я о нем этого утверждать не могу. Мы говорим: «Человек полностью погружен в работу», и это высказывание, на самом деле, тоже неясное. Дворник, мне показалось, будто находился в какой-то дали или в какой-то фундаментальной глубине. Это наблюдение убеждает меня в том, что даже неквалифицированный труд не есть понятный, всецело представляемый объект. И сравнение его с каким-либо другим видом труда – и оценивание его по достоинству – не есть элементарная, легко производимая операция. Следовательно, решение вопроса о справедливости или несправедливости распределения в обществе благ зиждется на положениях, истинность которых находится под сомнением. Мы оцениваем деятельность человека и говорим о справедливом вознаграждении, и в то же время эта деятельность не является всецело представляемой. Конечно, всё сказанное здесь не означает, что применение идеи социальной справедливости не приведет ни к чему хорошему, однако нам стоит помнить о том, что движение мысли, прибегающее к этой идее, должно быть особенно осторожным, – поскольку понятие социальной справедливости можно сравнить с тонким льдом, по которому мы ступаем и который может легко проломиться под нашими стопами.

Литература:

1. *Неганов Ф.М., Хазиев З.А. О некоторых пространственных аспектах мифа, техники и права // Евразийский юридический журнал, № 3, 2016*
2. *Неганов Ф.М., Хазиев З.А. Истины открытия и истины подтверждения: сравнительный анализ // Евразийский юридический журнал, № 6, 2016*

Чикарова Галина Игоревна,
Южный Федеральный Университет, Ростов-на-Дону, Россия

Социальная несправедливость как фактор деформации профессиональной идентичности современных учителей

Переход к рыночным отношениям привел к реструктуризации всех сфер жизнедеятельности индивида в современном российском обществе и стал причиной радикального изменения социального положения большей части населения страны. Что в свою очередь привело к усилению показателей неравенства по основным характеристикам уровня жизнедеятельности: доход, здоровье, образование. В таких условиях происходит обострение вопроса о социальной справедливости, являющейся принципом организации и поддержания социальной системы. Так как она, реагируя на институциональные изменения, позволяет легитимировать существующее общественное устройство и придает социальную значимость группам индивидов, нуждающимся в содействии из вне.[2] Распространение в последние годы тенденции прекариатизации трудовых отношений способствует обострению сложившейся ранее социальной несправедливости. Особо уязвимыми при этом оказываются социально-ориентированные профессиональные сообщества. Так как в таких условиях восприятие работниками значимости собственной профессиональной реализации, основанное на существующем понимании социальных ценностей, связанных с их профессией, во многом может не соответствовать существующим механизмам социального регулирования.[1] Цель данной работы рассмотреть социальную несправедливость как фактор деформации профессиональной идентичности учителей. Для решения поставленной цели был проведен анализ результатов социологического исследования учителей, проведенного в 2017г в г. Ростове-на-Дону, включающего в себя опрос и глубинное интервью. Вся выборка количественного исследования составила 618 респондентов, глубинное интервью было проведено с 7 учителями. Основные жизненные показатели были оценены учителями как удовлетворительные или близкие к этому значению. Так, по результатам опроса уровень удовлетворенности здоровьем составил 3,5 из 5 возможных баллов, жилищем — 3,3, достатком — 2,8. Среди основных проблем, вызванных прекариатизацией трудовой деятельности, особую тревогу со стороны учителей вызывает рост трудовой нагрузке без увеличения зарплаты. Данный риск беспокоит 49,8% респондентов. Также 36,6% опрошенных обеспокоены вероятностью потерять работу. В ходе исследования было выявлено, что при сравнении своего социально-экономического статуса и уровня социально-трудовой защищенности с другими категориями населения, в том числе представителями бюджетной сферы, респонденты относили свою профессиональную группу к социально-незащищенному профессиональному

сообществу: « Ну да мы идем в ногу с медиками. Да. Те же незащищенные слои.» (Наталья, 42 года, Ростов-на-Дону), а также указывали на наличие экономической дифференциации среди представителей всей бюджетной сферы «Если брать там в сравнении с, там скажем, сотрудниками каких-то властных структур, ну меньше зарабатываем. Если брать, там скажем, например, с сотрудниками архивной отрасли, то намного больше» (Николай, 40 лет, Ростов-на-Дону). Важно отметить, что для учителей характерна пассивность в отстаивании своих прав. Согласно полученным результатам 38,9% респондентов не будет ничего делать в случаи нарушения их трудовых прав. Меньше половины респондентов готово обращаться в органы государственной власти (41,1%) и участвовать в общественных организациях (40,9%). Чуть больше четверти участников исследования (26,7%) готовы отстаивать свои права в суде и только 12% обращаться в СМИ. Во многом такая позиция объясняется отсутствием простых и эффективных механизмов взаимодействия властных структур и общества. Так респонденты на вопрос о том, рассчитывают ли они на помощь государства отмечали, что «Нет, абсолютно не рассчитываю, потому что наше государство для того, чтобы помочь создаст 34 дополнительных трудностей … это сопряжено со сбором огромного количества бумаг, как бы их перетаскиванием из одной инстанции в другую, и зачастую проще потратить это время на зарабатывание денег...» (Николай, 40 лет, Ростов-на-Дону). С другой стороны, в ходе исследования было выявлено, что учителя убеждены в высокой доле собственной ответственности в решении своих трудностей: «Ключевой особенностью социальной безопасности учителя является то, что именно он является основным субъектом ее обеспечения...» (женщина, 31 год, Ростов-на-Дону) и жертвенной позицией социального служения учителя в обществе. Так позиция ничего не буду делать в случаи нарушения прав комментировалась респондентами как: «Я — терпеливый человек...» (Елизавета, 36 лет, Ростов-на-Дону) и «... Профессия налагает обязательства, которые ты должен делать совершенно альтруистично, не надеясь ни на зарплату, ни на почести, премии» (Лариса, 52 года, Ростов-на-Дону). Таким образом, в современных условиях социальная несправедливость, проявляющаяся в низком уровне социально-экономического благополучия важнейшей для общества профессиональной группы — учителей, является фактором способным деформировать профессиональную идентичность школьных педагогов. Несмотря на высокий уровень самосознательности в выборе данной профессии и альтруистических мотивов профессионального служения, низкий уровень оплаты труда и отсутствие социальных льгот и гарантий трудовой занятости со стороны государства все же порождают сомнения в ценности профессионального труда и способны негативно сказываться на процессе становления профессиональной идентичности современных учителей. Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда проект №16-18-10306

Литература:

1. *Вольчик В.В., Посухова О.Ю. Прекариат и профессиональная идентичность в контексте институциональных изменений // TERRA ECONOMICUS. — 2016. — Т. 14., №2.*
2. *Остахнович В.О. Основные научные принципы изучения социальной справедливости в российской общественной мысли // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2013.*

Шайманова Елена Николаевна,
МГТУ имени Баумана, Москва, Россия

Проектная лаборатория социальных исследований

Выход на междисциплинарную парадигму - одна из ведущих тенденций в развитии социальных и гуманитарных науках. Создание проекта как переход науки из “дисциплинарной” в “проблемно ориентированную”. В связи с этим интересно рассмотреть попытки реализации такого подхода. Осень 2017 года была запущена “Лаборатория социальных исследований SSL”. Лаборатория - образовательный проект с привлечением академических экспертов из российских и зарубежных ВУЗов. Участникам предлагается на выбор два трека: исследовательский и проектный. Исследовательский - для проведения прикладных исследований, акцент делается на научной работе. Проектный - для формирования проектного решения на основе исследовательских данных и реализации проектов. Школа направлена на поддержку студентов, аспирантов и молодых специалистов. И если исследовательский трек предполагает большее участие социологов, то проектный приглашает к формированию междисциплинарных команд.

Темой лаборатории 2018 года заявлена социальная мобильность в трех направлениях: моногорода, неблагоприятные районы и сложные школы. Лаборатория сфокусирована на проведении прикладных исследований и создании проектных решений. В каждом направлении предполагается работать над кейсами от партнеров школы. На сегодняшний момент заявлены три партнера: Дирекция образовательных программ - Департамент Культуры города Москвы, Martela - компания на международном рынке мебели для школ и социальных объектов, Qiwi - платёжный сервис в России и странах СНГ. От партнеров ожидается помощь в исследовании, прототипировании решения и тестировании прототипа.

На сегодняшний день проведен отбор участников проекта. Для участия необходимо было пройти вступительное задание. Для исследовательского трека - написание аналитического эссе, которое ляжет в основу будущего эмпирического или теоретического исследования. Для проектного - на основании данных из вторичных источников предложить два решения с реалистичным планом воплощения в течение трех лет по теме социальной мобильности в одном из направлений. Таким образом оценивался уровень подготовки будущего участника, и создавались условия для предварительного погружения в тематику.

Работа в 2018г будет построена в три этапа:

1) Исследовательская работа (февраль-апрель). Постановка задачи в работе с экспертами и партнерами.

2) Тестирование решения в полевых условиях (апрель-май). Если на первом этапе исследовательский и проектный трек работают по разным программам обучения, то на втором этапе исследовательские наработки станут основой проектных решений.

3) Финальный этап - презентация.

Пока рано делать выводы, Лаборатория социальных исследований только запускается. Но стоит отметить, что проведенные осенью 2017г проектные мастер-классы с мировыми экспертами в рамках запуска Лаборатории, уже объединили в междисциплинарные команды студентов и молодых специалистов для решения проблем социальной несправедливости. Это может быть свидетельством как актуальности темы, так и актуальности формата работы.

Щербина Наталья Михайловна,
Институт экономики НАН, Минск, Беларусь

Методологические подходы к оценке бедности: основные и дополняющие концепции

Методологические подходы к оценке бедности: основные и дополняющие концепции Наиболее распространены три основных подхода к оценке уровня бедности: определение абсолютной, относительной и субъективной бедности. Абсолютная бедность оценивается по соответствию доходов населения установленному прожиточному минимуму. Оценка относительной бедности основывается на сопоставлении доходов или расходов групп населения с медианными значениями. Концепция субъективной бедности основывается на оценках населения своего материального положения и предполагает установление черты бедности в соответствии с субъективными предположениями населения о необходимом объеме материальных ресурсов для удовлетворения своих потребностей. Стандарты потребления устанавливаются субъективно в соответствии с индивидуальными стратегиями респондентов и меняются в зависимости от уровня доходов, демографических характеристик, образовательного уровня респондентов. Величина бюджета прожиточного минимума, как правило, не соответствуют оценкам респондентами минимального приемлемого образа жизни, поэтому субъективная бедность превышает показатели как относительной, так и абсолютной бедности. Субъективные оценки бедности отражают субъективное понимание респондентами необходимого уровня доходов и могут быть не связаны с реальным достигнутым уровнем благосостояния. Концепция субъективной бедности носит исследовательский

характер, позволяет оценить не столько экономические, сколько социальные факторы, мотивационные установки, которые могут сыграть значимую роль в реализации экономического потенциала общества. В настоящее в научной практике активно используются дополняющие концепции абсолютной, относительной и субъективной бедности подходы, основанные на социологических оценках доступа/лишения населения к материальным и нематериальным благам. Депривационный подход к оценке бедности (бедность по лишениям) основывается на выделении группы бедных домохозяйств (населения), ограниченных в доступе к тем или иным потребительским благам, что не позволяет данной группе поддерживать минимально приемлемый по качественным характеристикам образ жизни. Значительные расхождения между показателями бедности по доходам (абсолютной и относительной) и бедности по лишениям характерны для многих постсоветских стран, поскольку в группе бедных по доходам зачастую оказываются те, кто имеет невысокий официальный доход при этом не испытывает ограничений в доступе к благам. В отличие от бедности по доходам (абсолютной и относительной), бедность по лишениям сложнее измерять и оценивать. Депривационный подход позволяет определять глубину гуманитарных проблем, так как данная концепция исследует недостаточность потребления (и/или непотребление) товаров и услуг первой необходимости. Помимо количественных показателей бедности важной характеристикой является профиль бедности, показывающий, какие группы населения отличаются повышенным риском и глубиной бедности и кто составляет большинство бедного населения. Оценка профиля бедности осуществляется посредствам анализа совокупности демографических и социально-экономических характеристик бедного населения: возраст, пол, семейное положение, уровень образования, профессиональный статус, национальность, место проживания, доход. Определения профиля бедности позволяет выявить население, в наибольшей степени подверженное риску по бедности, а также наиболее многочисленные группы бедного населения. Изучение групп населения, в наибольшей степени подверженных риску бедности, необходимо для выявления факторов и причин бедности, что позволит разрабатывать и реализовывать целевые программы и эффективные мероприятия по поддержке наиболее уязвимых групп и преодолению бедности. Можно выделять социальный и экономический профиль бедности. Социальная бедность характерна для домохозяйств, несущих высокую иждивенческую нагрузку (семьи с двумя и более детьми, неполные семьи, семьи с инвалидами), домохозяйства, состоящие из пенсионеров (особенно одиноких пенсионеров). Социальная бедность как правило охватывает длительный период жизненного цикла домохозяйства, выход из группы риска по социальной бедности возможен для семей с детьми по мере взросления последних и неполных семей в связи с изменением семейного положения. Для домохозяйств, в составе которых есть взрослые инвалиды или дети-инвалиды, а также домохозяйств, состоящих из одиноких пенсионеров, риск бедности сохраняется на протяжении всего жизненного

цикла данного типа домохозяйства. Меры поддержки социально уязвимых групп населения формируются исходя из необходимости компенсации недополученных доходов в связи с той или иной трудной жизненной ситуацией (социальные пенсии и пособия, государственная адресная социальная помощь, продовольственные, жилищные субсидии и др.).

Экономическая бедность охватывает меньший период жизненного цикла индивида и связана в первую очередь с экономической ситуацией в стране. В периоды кризисов рост безработицы, снижение реальных доходов населения приводят к росту количества бедных не только в странах с переходной экономикой, но и в экономически развитых странах. Группу риска по экономической бедности в странах везде составляет трудоспособное население в трудоспособном возрасте, которое в силу низкой конкурентоспособности на рынке труда и низкой трудовой мобильности в периоды кризисов столкнулось с потерей работы и доходов.

Щукина Нина Петровна,
Самарский государственный медицинский университет, Самара, Россия

Факторы ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него

В данном тексте акцент сделан на анализе мнений экспертов и лиц, отбывших уголовное наказание, о факторах ресоциализации бывших осужденных . При сравнении обозначенных выше мнений использованы результаты экспертного опроса, проведенного в 6-ти муниципальных образованиях Самарской области, и анкетирования бывших осужденных .

Мы воспользовались классификацией выявленных факторов, даваемой по отношение к объекту исследования, что соответствует, во-первых, рефлексивной методологии, лежащей в основе реализуемого проекта [1, с. 547], во-вторых, данная классификация напрашивается, скажем так, самим эмпирическим материалом, собранным нами. Результаты анализа факторов, способствующих и препятствующих ресоциализации бывших осужденных, свидетельствуют о том, что и в первом, и во втором случае акцент бывшими осужденными делается на сравнительно небольшом наборе факторов, как внешних, так и внутренних. В случае с внешними факторами, способствующими ресоциализации, доминируют «родня», «друзья», «работа», «вера в нас»; в случае с внешними факторами, препятствующими этой ресоциализации доминируют «трудно устроиться на работу», «негативное отношение к бывшим осужденным», «власть». Как видим, в обоих случаях респонденты ведут речь о близких людях. Так, говоря о «родне» как факторе, способствующем ресоциализации, респонденты пишут: «только родня», «жена», «чтоб не предавали родные» и т.п. Наряду с этим при обращении к факторам, препятствующим ресоциализации, они же

называют также родню, но, правда, уже как близких с «плохой репутацией». Или «вера в нас» - наиважнейший фактор, способствующий ресоциализации. Среди факторов, препятствующих ресоциализации, также есть «негативное отношение к бывшим осужденным». Если вера в нас описывается как «понимание и внимание людей», то фактор негативного отношения описывается как «недоверие», «никому не нужны» и т.п. Та же картина наблюдается и в случае с внутренними факторами, как способствующими, так и препятствующими ресоциализации изучаемой общности: назван фактор «сам». Описывается он как «правильное поведение», «стремление наладит жизнь», «голова на плечах» в случае с факторами, способствующими ресоциализации; и «больше не веришь в честность», «нет желания», «тупость и лень», «безграмотность» и т.п., - в случае с факторами, препятствующими ресоциализации. В силу сказанного, можно предположить, что и у субъектов внешней среды, и у самих респондентов имеются немалые ресурсы для повышения результативности проводимой в отношении изучаемой общности политики. Что касается такой политики, то необходимость ее совершенствования актуализируется в текстах экспертов, поставивших на первые места среди факторов, препятствующих ресоциализации бывших осужденных следующие: «отсутствие мотивации самого бывшего осужденного к возвращению в общество»; «отсутствие работы у бывшего осужденного»; «отсутствие внятной государственной политики в области адаптации» лиц, отбывших уголовное наказание.

Иначе говоря, проблема повышения результативности политики, проводимой в отношении изучаемой общности, связывается экспертами с необходимостью внятной государственной политики в области адаптации данной общности. Обратим внимание и на другое: большое разнообразие выявленных с помощью экспертов факторов, препятствующих ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него: на экспертных площадках их названо от 21до 36. Подчеркнем значимость и факторов, оказавшихся в меньшинстве. Классификация позволяет выявить типичное, но при этом вне внимания остается уникальное. Но, как постулировал в свое время Н. Бердяев: «Правда и истина может быть в меньшинстве...и даже всегда она бывает в меньшинстве» [1, с.73-74]. Словом, представляется важным обратить внимание на мнения экспертов и о таких факторах, препятствующих ресоциализации изучаемой общности, как «ощущение безнаказанности при повторных правонарушениях», «крайне низкое количество центров социальной адаптации», «отсутствие комплексного подхода к ресоциализации бывших осужденных». Данные факторы получили максимальные баллы, но количество поданных за них голосов оказалось малым. В числе таких же факторов в случае с бывшими осужденными - «нехватка знаний», с одной стороны, и «много факторов, как и у других», с другой; что актуализирует тему методологических оснований разрабатываемой нами дорожной карты: в частности, об актуализации каких ресурсов будем вести речь, прежде всего? Эксперты и бывшие осужденные «под разными соусами» ведут речь о значимости мотивации изучаемой

общности к «нормальной жизни», о «желания исправить себя» как базовом внутреннем факторе. При этом и в случае с экспертами, и в случае с респондентами от изучаемой общности, акцент делается на разнообразии внешних факторов ресоциализации изучаемой общности.

Резюмируя сказанное выше, подчеркнем необходимость разработки комплексной программы реабилитации бывших осужденных с акцентом на проблеме мотивации данной общности к включению в жизнь общества в качестве сограждан. Реализация же этой программы будет эффективной в случае рассмотрения ее не как улицы с односторонним движением.

Литература:

1. *1. Гоулднер А.У. Наступающий кризис западной социологии. СПб.: Наука, 2003. 575 с.*
2. *Бердяев Н. Философия неравенства. М.: Институт русской цивилизации, 2012. 624 с.*

Юдина Мария Александровна,
ИСЭПН РАН, Москва, Россия

Социальное неравенство в эпоху четвертой промышленной революции

Наступающая четвертая промышленная революция базируется на серии взаимозависимых технологических прорывов сразу во множестве областей (ИКТ, нано-, биотехнологии, когнитивные науки и др.) и влечет масштабные социально-экономические преобразования. ИКТ распространяют свою специфическую, гибкую сетевую логику, не только на технические объекты, но и на любые социальные взаимоотношения. Предстоит большая работа по выработке социологических методов оценки перехода к обществу нового типа. Одним из таких методов может стать реляционный (сетевой) подход, который изучает сравнительное неравенство между людьми, их позициями и ресурсами. Выделяются категориальные пары, которые воспроизводятся механизмами социального закрытия, эксплуатации и контроля. Неравенство становится системной характеристикой общества. Последователи реляционного подхода считают, что неравенство по доступности технологий и уровню развития навыков их использования, станет стратегически значимым в сетевом обществе, основанном на комбинации социальных и медиа-сетей. Включение и исключение из комбинации обеих сетей может стать мощным фактором структурного неравенства. Несмотря на постепенное увеличение доступности технологий растет неравенство в навыках их использования и мотивации пользователей, непосредственно связанное уровнем образования и профессии, половозрастной структурой. Один из активных последователей реляционного подхода, Ян Ван Дейк прогнозирует высокий уровень неравенства в сетевом обществе. Узкая прослойка элиты составит лишь 15% - это жители развитых стран с высокими доходами, образованием и плотным переплетением социальных и медиа сетей. Большинство (от 50 до 60%) будет

иметь более слабые социальные и медиа связи, хуже доступ и ниже уровень полезных в работе навыков. При этом в наихудшем положении окажутся люди без подключения, изолированные от социальных и медиа-сетей. К ним Ван Дейк относит низшие социальные слои, безработных (особенно пожилых), этнические меньшинства и большую группу мигрантов. [1] Специалисты Всемирного банка, исследующие «цифровые дивиденды», то есть преимущества, выгоды, получаемые индивидами и обществами от использования ИКТ, также уверены, что одной лишь доступности технологий для потребителей недостаточно. Нужно совершенствовать законодательное регулирование и подотчетность институтов, способствовать конкуренции между компаниями, развивать у населения необходимые в новой экономике навыки [2]. В противном случае технологии не принесут заметных улучшений, а отставание от лидеров будет нарастать. Одной из первых успешных попыток оценить общий уровень социально-технологического развития в России можно считать «Индекс готовности к будущему» [3]. Это совместный проект ВЦИОМ и Международного дискуссионного клуба «ВАЛДАЙ». Значимым преимуществом индекса является сочетание количественных и качественных показателей по всем десяти выработанным направлениям: технологии, экономика, образование, наука, общество, культура и коммуникации, ресурсы и экология, суверенитет и безопасность, система управления, международное влияние. Заметно некоторое преобладание количественных показателей: по каждой из 10 сфер экспертное мнение запрашивалось только по двум параметрам, тогда как индексов учитывалось по 6-7 штук на направление. В индексе по сфере «технологии» экспертов просили оценить цифровую грамотность населения и «ориентацию государства на развитие высокотехнологичного и инновационного производства». Россия оказалась на 12 месте с показателем 0,41 (вместе количественные и качественные оценки). Интересно, что конвергентная природа наступающей четвертой промышленной революции авторами учитывалась – авторы индекса готовности к будущему выделили в числе значимых тенденций ассоциирование инноваций с нецифровыми, в основном с медицинскими и биотехнологиями. Развитие нецифровых технологий и уровень их внедрения эксперты назвали показателем технологической развитости страны. Особо следует отметить достоинства нового индекса в сфере «общество». В числе экспертных оценок впервые оценивается вовлеченность в «сетевую социальность», подразумевающую сочетание использования новых медиа и разнообразной сетевой активности (покупки, удаленная работа и прочее). Также оценивалась и доступность высокотехнологичной медицины – важный показатель в условиях перехода к четвертой промышленной революции. При всей значимости технологий авторы индекса подчеркивают, что в обществе будущего человек – на первом месте. Результат России в данной сфере с учетом указанных новых аспектов и «классических» (социальное неравенство и пр.) – 0,39. Результат РФ по итоговому индексу готовности к будущему – 0,34. Это тревожный сигнал, особенно в условиях перехода к новой промышленной революции.

Социально-экономическое неравенство получило новое цифровое измерение, которое подчеркивает значимость социальных связей, интеллектуального, мотивационного и шире – человеческого капитала с благосостоянием индивидов и социальных групп в сетевом обществе. Необходимо последовательно готовиться к изменениям, чтобы получить от новых технологий максимальную пользу. В этом могут помочь методы социального вовлечения населения в процесс разработки и использования технологий, построение инновационной культуры, основанной на этических и гуманистических принципах (технологии во благо всех граждан).

Литература:

1. *The Digital Divide The Internet and Social Inequality in International Perspective Edited by Massimo Ragnedda, Glenn W. Muschert © 2013 – Routledge*
2. *World Bank. 2016. World Development Report 2016: Digital Dividends. Washington, DC: World Bank. doi:10.1596/978-1-4648-0671-1. License: Creative Commons Attribution CC BY 3.0 IGO*
3. *Индекс готовности к будущему. Совместный проект международного дискуссионного клуба «Валдай» и ВЦИОМ, октябрь 2017*

Юрьева Виктория Викторовна,

ФГБОУ ВО "Брянский государственный технический университет", Брянск, Россия

Социальные стратификационные системы и социальное неравенство в фокусе исторического развития

Человеческое общество на протяжении своего исторического развития видоизменялось и расслаивалось на различные социальные уровни, видоизменялись позиция и ценности человеческого рода от одного исторического периода к другому. Рассмотрим основные эпохи развития социума и проследим динамику социальных страт, социальную мобильность индивидов разных периодов и уровень социального неравенства [1]. Согласно формационному подходу, который был разработан в 70-х годах XXвека Д. Беллом, общество по ходу исторического развития можно разделить на четыре эпохи: доисторическая эпоха, доиндустриальное общество, индустриальное и постиндустриальное. Каждая эпоха имеет свои особенности распределения социальных ролей, стратификационная система общества также подвижна и зависит от многих факторов (способом общественного производства, развитости социальных институтов, уровня социального неравенства и другие) [2]. Первобытное общество характеризуется элементарными социальными отношениями и ролями, разделение социума происходит по гендерному признаку, по возрасту и физической подготовке. Социальные институты находятся в зачатке, и свое развитие получат уже в более позднее время. Деятельность общины направлена на выживание (продолжение рода, поддержание огня, добывание пищи). Социальное одобрение получали физически развитие, крепкие

индивиды, способные приносить благо общине, а больные и инвалиды исключались из общины, чем были обречены на смерть. Развитие социальных институтов привело к образованию государств и исторические вехи моно также разделить на основные социальные исторические системы: кастовая, рабовладельческая, сословная, классовая. Кастовая концепция человеческого социума свойственна в первую очередь традиционной Индии и, в целом, данная стратификационная система актуальная и по сей день. В Древнеиндийском социуме отчетливо и точно разделялись социальные страты согласно ритуально-церковному аспекту и делилась на четыре иерархически неравные и замкнутые части. Кастовое различие обусловливается не финансовыми или общественно-политическими условиями, а сформировавшимися в социальном сознании суждении о различных степенях ритуально-церковной элиты. Рабовладельческая стратификационная концепция появилась в ходе развития индивидуального имущества. Общественное различие, характерное ей, расслаивало социум на состоятельных и нищих. Богатая, знатная часть общества относилась к рабовладельцам, остальная часть делилась на свободных и на самую низшую ступень общества – рабов. Владелец имел совершенное господство над невольником, он мог принудить к конкретной службе, подвергнуть суровым наказаниям, пыткам. Притом такое социальное неравенство регламентировалось традициями и законами. Невольник не обладал никакими правами на собственную жизнь. Однако постепенно рост недовольства «вольных» и «невольных» увеличивался, и к концу XIX века подобное неравенство практически в полном объеме было ликвидировано. Сословная стратификационная концепция сформировалась в Европе и России в период феодализма. Социум согласно данной концепции расслаивается на платы, как правило, на три категории: священство, знать и обычное население (народ). Правящая элита передает право возглавлять государство по наследству и в настоящее время в ряде Западных государств сохранилась данная стратификационная концепция. Классовая концепция абсолютно отличается от всех предыдущих стратификационных концепций тем, что индивид не закреплен ни за какой социальной стратой и обладает, чего не было прежде – социальной мобильность и может повысить свой уровень образования, материального благополучия. В данном социуме создается характерный круг интересов, воззрений на экономическую, политическую, культурную ситуацию страны[3]. В любом государстве общественно-стратификационные движения, в особенности в постиндустриальной формации, развертываются и проходят, как правило, согласно единым социологическим закономерностям, однако, исходя из того, в какой исторической ситуации развивался и формировался социум выделяются свои характерные особенности.

Литература:

1. *Верещагина, А.В. Социология в схемах и таблицах / А.В. Верещагина, М.А. Васьков, С.И. Самыгин. – Ростов н/Д: Феникс, 2015. – 156 с.*

2. *Кравченко, А.И. Социология: Хрестоматия для вузов – 2-е изд. – М.: Академический Проект, Фонд «Мир», 2004. – 736 с.*
3. *Степашко, Л.А. Философия и история образования: учебное пособие дл студентов высших учебных заведений. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: МПСИ: Флинта, 2003 – 320 с.*

СЕКЦИЯ 6. ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ В СОЦИОЛОГИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Баженов Анатолий Матвеевич,
ТулГУ, Тула, Россия

Барри Бузан об ответственности государства за проводимую внешнюю политику

Барри Бузан — один из ведущих английских специалистов в международных отношениях. В творчестве ученого значительное место занимает тема, связанная с внешней политикой современного Китая. Анализ названной проблемы представлен в статье «Возможен ли «мирный подъем» Китая в условиях современного мира?» [1]. Учитывая возросшую роль Китая в современном мире, необходимо внимательно относиться к его внешней политике. Кроме того, в течение последних лет в мировой политике проявляются опасные тенденции. В этих условиях нужна ответственная внешняя политика всех государств, в том числе Китая. Это базовая предпосылка для поддержания международного порядка, основанного на мире, свободе и устойчивом развитии. Б. Бузан отмечает, что вопрос сегодня заключается в том, будет ли продолжение динамичного развития Китая в рамках той же парадигмы, которая существовала на протяжении последних тридцати лет, или в настоящее время обстоятельства побуждают пересмотреть старую политику. Британский автор приводит мнение Циня, который называет три возможные позиции Китая по отношению к международному обществу: ревизионистскую, обособленную и статус-кво. Очевидно, что позицию Китая уже нельзя назвать изолированной (индифферентной) и выбирать следует из двух имеющихся вариантов – ревизионизм или статус-кво. Для получения более детальной картины категорию ревизионизма можно разделить на три следующие модели: революционную, ортодоксальную и реформистскую. В системе английской школы подобная дифференциация позволяет более четко определить, что в ревизионизме важную роль играют два различных фактора: во-первых, уровень удовлетворенности страны своим статусом в международном обществе, а во-вторых, ее принятие или отрицание институтов, которые образуют международное общество. Как выглядит нынешняя позиция Китая в общепланетарном международном обществе с учетом перечисленных признаков? Страна пребывает на этапе подъема, и поэтому она по определению не может быть довольна своим настоящим положением. Например, несмотря на наличие постоянного членства в Совете Безопасности ООН, Китай не является членом привилегированного клуба «Группы семи».

Китай не устраивают некоторые структуры международного общества, ориентированного на западные ценности. Так, он настойчиво поддерживает плюралистические институты совместного существования: суверенитет, невмешательство во внутренние дела, защиту национальных интересов, территориальную целостность, антигегемонию и соблюдение баланса сил, дипломатию, международное право. В то же время Китай категорически отрицает либеральные политические солидаристские ценности, связанные с защитой прав человека и демократией и в определенной степени с защитой окружающей среды, а также не соглашается с принципами однополюсного мира и гегемонии, поддерживая идею управления в рамках многополярного мира с участием всех великих держав. Важен также вопрос и о характере следования Китая принципам рыночной экономики. Иначе говоря, готово ли коммунистическое правительство действительно поддерживать саму идею рынка или эта поддержка представляет собой не более чем голый расчет? Революционный ревизионизм отрицает самые важные институты международного общества по идеологическим соображениям. Он стремится либо выйти из них, либо стать новым лидером, который будет ставить под сомнение главное нормативное содержание международного общества и стремиться нарушить как укоренившийся порядок, так и саму форму международного общества. Совершенно очевидно, что Китай соответствовал этому определению в период правления Мао Цзэдуна, но не отвечает ему сегодня. Ортодоксальный ревизионизм отмечает, что государство в целом довольно действующей институциональной структурой и идеологическим содержанием международного общества, но в отличие от державы, заинтересованной в сохранении статус-кво, не удовлетворено своим местом в этой системе. В конечном итоге это положение соответствует позиции Китая. Поводом для беспокойства является тот факт, что Китай по-прежнему оспаривает некоторые из этих институтов или занимает по отношению к ним неоднозначную позицию. Реформистский ревизионизм соглашается принять некоторые институты международного общества в политических целях и ради собственной выгоды, в то же время такое государство отказывается от других институтов либо настаивает на их реформировании, а также стремится к изменению собственного статуса. Это определение наилучшим образом отражает позицию Китая по отношению к современному международному обществу. Б. Бузан пишет: «Китай не только отрицает принципы демократии, но с недоверием относится к мировому сообществу и глобальному гражданскому обществу, состоящему преимущественно из представителей западного мира, с которыми у него не слишком успешно складываются отношения (в первую очередь, в связи с проблемой Тибета) [2]. Ученый в своей статье уделяет внимание особенностям культуры Китая. По его мнению, на фоне политики «реформ и открытости» в Китае наблюдается тенденция к крайне эгоцентричному восприятию собственного состояния. Развитие Китая ослабляет возможности для защиты прав человека и ведет к формированию недемократической великой державы, которая может встать на путь национализма и агрессии. Таким образом, ответственная, взвешенная

внешняя политика современного Китая может быть во многом гарантом международного порядка, основанного на мире, свободе, устойчивом развитии.

Литература:

1. . *Бузан Б. Возможен ли «мирный подъем» Китая в условиях современного мира? // Современная наука о международных отношениях за рубежом: Хрестоматия в трех томах / Под общ. ред. И.С. Иванова. М.: НП РСМД, 2015. Т. 1.*
2. *Там же. С. 827.*

Бирюкова Татьяна Николаевна,
СПбПУ, ГИ, РСО, Санкт-Петербург, РФ
Никонорова Елизавета Александровна
ЧДОУ, Санкт-Петербург, РФ

Соотношение справедливости и эффективности в социальном государстве на основе взаимосвязи функционального, рационального и гуманистического подходов в социальном управлении

Справедливость и несправедливость как социально-философские понятия трудно верифицируемы. Определения их многовариантны, полиаспектны, альтернативны. Но субъективно-объективный характер законов, действующих в области социологического знания, предполагает наличие не только качественных характеристик описания понятий, но и аргументации, выражающейся в выявлении четко определенных критериев. В результате процесса исследования проблем справедливости в истории мировой социально-экономической мысли, политических и правовых учений учеными были сделаны наиболее важные, имеющие актуальное методологическое значение, выводы и предложения, возможно, не бесспорные, но дающие импульс для их научного обсуждения. На протяжении всей истории развития человечества одним из важных социальных институтов, определяющих значимость критериев, основные подходы к механизму реализации социальной справедливости было и остается государство. Актуальной задачей государства, особенно в годы рыночных реформ, является деятельность по поддержанию справедливости в обществе и целостности социальной системы, ее оптимальному функционированию для реализации социальных прав граждан. В отличие от концептуального определения социального государства в сегодняшней реальности российского общества выявлен ряд фактов, не отвечающих его критериям. Государство пока только пытается стать социально ответственным за создание общественных благ, а его социальные гарантии, в основном, сведены к минимальным пособиям слабым слоям населения. К позитивным тенденциям в социальном управлении можно отнести то, что сам выбор социальной модели - уже свершившийся факт, который осознается

во всей глубине поставленных проблем и в необходимости разработки системы социальных индикаторов, минимальных социальных стандартов в целом по РФ и региональным субъектам. Организация социального управления для реализации принципа справедливости, осуществляемая системой уровней управления, будет эффективна только в том случае, если все уровни действуют в единстве целей и средств, если последовательно структурированы полномочия и обязанности по каждому уровню, учтены системность и комплексность социальной политики. Несмотря на различия специфики уровней социального управления, на каждом из них должны, прежде всего, ставиться гуманистические социальные приоритеты. В условиях регионального неравенства необходимо утверждение федеративных и конфедеративных начал в отношении центра и регионов. Иерархический принцип влияет не только на формы разделения труда, признание формальных правил и норм, но и, в определенной степени, обусловливает личную взаимозависимость индивидов - субъектов управления друг от друга. В отличие от узкого понимания функциональности и рационализма в управленческой деятельности, в социальном управлении необходим синтез основных подходов, влияющий на выбор общего направления действия, включающий комплекс теоретических концепций и практических методов, приемов, способствующих эффективности социального результата. Предложение о широком применении гуманистического подхода в практике социального управления обосновано тем, что данный подход на современном этапе стал безальтернативным выбором общества, он должен быть положен в основу государственной доктрины совершенствования социального управления, которую необходимо принять в форме федерального закона; это связано с объективной потребностью выработки новой модели российского управления. Гуманистический подход предполагает, в качестве справедливого, отношение к любому человеку, его благу, интересам, как к высшей ценности социального управления, что должно отражаться в его целях, организации, средствах, содержании. Привлечение к исследованию философских, экономических, социологических теорий, где гуманистические ценности справедливости управления всегда имели место, будет способствовать теоретико-методологической обоснованности и достоверности результатов и выводов, составлению логически стройной картины. Анализ критериев справедливости показал необходимость учета национальной склонности к манихейству, крайним принципам; эти черты в процессе управления всегда мешали поиску компромисса в преодолении раскола общества. Гуманистический подход в менеджменте предлагает новую идеологию управления, способствующую достижению консенсуса, обеспечению продвижения к национальному согласию, что является своевременным (при соотнесении с общественными проблемами России в условиях достижения докризисного уровня развития). Анализ принципов функционализма в теории и практике социального управления выявил универсальную связь, включающую, кроме функциональных требований, гуманистические

критерии справедливости в успешности: личностные качества, систему ценностей, ответственность. Важным является акцентирование трех основных гуманистических векторов функционального подхода: ориентация на конкретные задачи общества, на конкретные лица, на отношения внимания, доверия, поощрения. Только тогда модель социальных отношений (партнерство) способна к достижению согласия в обществе, чего нельзя добиться только функционально-авторитарными методами. Позитивные черты рационального подхода не противоречат гуманистическому подходу и должны быть востребованы в социальном управлении. Принципы рациональной стратегии справедливого социального управления отвечают объективности существующих реалий: управленческая цель не теряется из виду.

Литература:

1. *Бирюкова Т.Н., Никонорова Е.А. Аксиологические истоки гуманистического подхода в социальном управлении./Коммуникативные стратегии информационного общества : Труды IX Междунар. науч.-теор. конф. 26-27 октября 2017 г. – СПб. - Изд-во Политехн. ун-та, 2017. – 384 с.*
2. *Бирюкова Т.Н. Необходимость сочетания функционализма и гуманизма в методах реализации управленческих функций социального государства. / СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2015. – 411 с. С.3-9.*

Ванеева Полина Дмитриевна,

ЮРГПУ (НПИ) имени М.И. Платова, Новочеркасск, Россия

"Успех зависит от скорости адаптации к новому"

Процессы международной академической мобильности студенческой молодежи включают разнообразные аспекты, в числе которых – преодоление чувства страха перед новыми условиями жизнедеятельности, рисков и несправедливости со стороны принимающего сообщества в оценках личностных черт и академических способностей. На основе собственного опыта работы с иностранными студентами в техническом университете и академической стажировки в иностранном государстве можно выделить ряд проблем, с которыми сталкивается большинство иностранных студентов, обучающиеся в российских вузах и которые вызывают у них чувство агрессии, несправедливости при общении с молодыми людьми иной культуры. Во-первых, студент попадает в несвойственную ему микро- и макросреду, он мало информирован о политической, экономической и социальной системах, о культурных традициях, о нормах и обычаях этой страны, всей системы образования. Во-вторых, в процессе адаптации к новой среде происходит этап социализации личности студента к новым социально-культурным отношениям и адаптации к природным, климатическим условиям, другому режиму питанию. Этот этап можно охарактеризовать как этап ресоциализации, поскольку иностранные студенты - это зрелые

личности, прошедшие этап социализации в другой культурной среде и уже имеющие свою жизненную позицию, свои индивидуальные особенности, а также особенности национально-психологические, личностные, этнические, психофизиологические и т.д. В-третьих, в процессе вхождения в новую иноязычную среду студент сталкивается с неадекватной психической и физической нагрузкой, т.к. происходят значительные изменения вследствие попадания в новую среду, организму необходимо адаптироваться к новым условиям окружающей среды, этот аспект можно назвать экологической адаптацией. На самом начальном этапе вхождения в новую среду студент оказывается в состоянии стресса сродни шоковому состоянию, наиболее глубокому ощущению чувства несправедливости, что детерминировано переизбытком поступающей извне информации, эмоциональной перегрузки, отсутствием поведенческих стратегий адаптации на бытовом уровне. Кроме этого, существенными оказываются и этнопсихологические различия. Следует подчеркнуть, что для определения оптимальных технологий социально-психологического сопровождения работы с иностранными студентами важно опираться на комплексный подход с учетом разработок ряда дисциплин: социологии, психологии, биологии, этносоциологии, лингвистики. Процесс адаптации, как сложный биологический и социально-психологический процесс, реализуется всякий раз, когда в системе «организм-среда» возникают значимые изменения, происходит формирование нового гомеостатического состояния, которое позволяет достигать максимальной эффективности физиологических функций и поведенческих реакций. Поскольку организм и среда находятся в динамическом равновесии, а их соотношения меняются постоянно, и, следовательно, также постоянно должен осуществляется процесс адаптации. Учитывая, что период пребывания иностранных студентов в России колеблется от двух недель до нескольких лет, то можно понять важность и необходимость постоянного контроля за процессом адаптации, который включает в себя множество аспектов, наиболее важными из которых являются: приспособление к новой социокультурной среде, приспособление к новым климатическим условиям, времени, к новой образовательной системе, к новому языку общения, к интернациональному характеру учебных групп и потоков, приспособление к культуре новой страны и т.д. Путем включенного наблюдения удалось обнаружить влияние социального статуса прибывающих иностранных студентов на эффективность процесса адаптации. В первые несколько недель особое напряжение испытывают студенты из материально плохо обеспеченных семей и те, кто привык к чрезмерной опеке со стороны родителей. Они находятся в состоянии стресса: жалуются на потерю аппетита, усталость, вялость, бессонницу, плохое настроение и раздражительность. Кроме бытовых, каждый иностранный студент испытывал языковые трудности, которые сказываются при покупке вещей или продуктов питания. Объяснение жестами и ошибки в учреждениях сервиса и торговли вызывают смех и удивление, а порой носят неприличный характер, что очень огорчает и смущает иностранцев. Смена климата также

является сильным раздражителем для человека, она вызывает расстройство сна, головную боль, обостряет хронические заболевания. Если такое случается, учебный процесс отодвигается на второй план. Адаптация студента-иностранца к новой образовательной среде обуславливается группами факторов, зависящих как от студентов, так и от преподавателей, которые должны быть компетентными в предмете, владеть языком общения и обладать определенными личными качествами. Студенты-иностранцы болезненно переживают непонимание, а тем более конфликты с преподавателями. По их мнению, самым идеальным «ускорителем» адаптации является создание атмосферы «доброго дома», где каждый студент-иностранец «нашел бы себя», а также интернациональный состав учебной группы.

Васецкий Николай Александрович,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Деградация однополярного мира: неравенство в международных отношениях

Однополярность в международных отношениях сегодня заряжена на потенциальную мировую дезинтеграцию. Модель глобализации и мировой интеграции, которую выстроил Запад на принципах неолиберализма, оказалась неустойчивой и негибкой для развития мирового социума.

В растущей несовместимости проявляется цивилизационная дезинтеграция под влиянием неолиберальных ценностей и смыслов Западно-христианской цивилизации, который входят в конфликт и столкновения с ценностями и смыслами других мировых цивилизаций, в частности – Восточно-христианской православной и Восточно-буддийской цивилизациями.

Запад использует набор средств и методов для поддержании однополярности, который остается неизменным на протяжении последних двух столетий: военные базы, мировые деньги, НАТО, либеральные СМИ, институты глобального управления.

Россия на Генеральной ассамблеи ООН (2015 г.) предложила иную модель мирового устройства – многополярную интеграцию. Это – гармонизация глобальных проектов; переход к интеграции интеграций; отказ от закрытых интеграционных объединений; гармонизация интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического и Европейского союза; привлечение к реализации проекта многополярного мира (интеграции) действующие интеграционные комплексы и объединения универсального и регионального масштабов (ООН, ВТО, G-20, ШОС, БРИКС, ЕС, СНГ и др.).

Литература:

3. *В.В.Жириновский, В.И.Добреньков, Н.А. Васецкий. Социология мировой интеграции. – М., академический проект – 2017.*

4. *В.В.Жириновский, Н.А. Васецкий. Социология мировой политики. – Москва – И-во ЛДПР – 2014.*
5. *В.И.Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. – том 3 – Москва – 1982 – с.323*

Васильева Милена Валериевна,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Санкционная политика как нарушение принципов социальной справедливости в международных отношениях

В связи с напряженной социально-экономической ситуацией в России и попытками российского правительства изменить в числе наиболее общественно значимых и обсуждаемых тем стали проблемы социальной политики. В ситуации санкционной политики в научной среде к публичной дискуссии все более и более выносятся проблемные вопросы реализации социальной политики на основе современных популярных и передовых теорий социальной справедливости и равенства граждан, разработанные в рамках отечественной и зарубежной экономической, политической, философской, социологической и этической мысли [6]. Социальная справедливость занимает особое и центральное место среди ценностей. Ее теоретическая интерпретация включает логическое осмысление ряда категорий, таких как: что есть благо для общества, к чему стоит стремиться, какова при этом роль государства, насколько соблюдены право, соотношения его и гражданского общества [5]. При выработке и принятии тех или иных законов оценивается степень общественного резонанса, который вызовет то или иное действие со стороны власти в социальной сфере. Или насколько права и законы соответствуют и соотносятся с реалиями социальной справедливости, поскольку от таких серьезных решений зависит как общественно-политическая стабильность, так и экономическая эффективность. Как одна из мер принуждения для обеспечения международно-правовых норм вводятся международно-правовые санкции. В соответствии с международным правом санкции применяются самими государствами в индивидуальном порядке или коллективно, также между народными организациями [8]. В противовес действует тенденция по ограничению санкций, применяемых государствами, и расширению мер, принимаемых международными организациями, главным образом Организацией Объединенных Наций(ООН). На современном этапе санкции США и стран ЕС используют в качестве инструмента, с помощью которого легче оказывать давление на принятие политических решений в России и ее поведение на международной арене при отстаивании национальных интересов. Экономические санкции – это инструмент для изменения поведения страны по ряду конкретных причин и для достижения политических целей, а также проведения политик по нанесению ущерба экономике России. Нельзя не обратить внимание, что в экономических

санкциях неразрывно фигурируют политические и экономические решения, которые стремятся проводить под законным правовым обоснованием [2]. Отсутствие центрального аппарата принуждения, который побуждает суверенных субъектов соблюдать нормы международного права, является ключевой особенностью и недостатком механизма функционирования современного международного права [1]. Средства принуждения сосредоточенны в руках самих государств, которые применяют их в индивидуальном порядке или же коллективно. Применяемые США и странами ЕС односторонние санкций для обеспечения своих интересов, не учитывают интересы и нужды других членов международного сообщества и противоречат международным принципам и нормам. На это неоднократно указывало политическое руководство России. Все это описывает собой политику, которую после окончания холодной войны США реализуют в жизнь против ряда стран [4]. США активно использует данную стратегию, являясь горячим сторонником односторонних экономических и политических санкций, имеющих цель достичь нужных результатов во внешней политике. Обращаясь к статистическим данным, можно подсчитать все санкции, введенные после первой мировой войны: 183 экономические санкции, среди которых 140 были объявлены США. В промежутке между 1993-1996 гг. США было введено более 60 односторонних санкций против 35 стран мира, в которых сосредотачивалось 42% населения земного шара. США можно назвать абсолютным, бесспорным чемпионом по введению и применению санкций. Введенные санкции США стали предметом споров, в основном из-за своего экстерриториального характера. По мнению большинства стран, такие санкции нарушают их суверенитет как независимых государств [3]. Сейчас экономические санкции представляются инструментом для решения вопросов касаемо интересов одной страны, таким образом нося недружественный и насильственный характер, нарушая при этом международные соглашения. Если рассмотреть формулировки в международном праве, то можно четко увидеть, что экономические санкции представляются как средство по оказанию давления на страну-нарушителя с целью принудить е вернуться к соблюдению своих обязательств [7]. Реализуемая возможность применения санкций используется в одностороннем порядке, тем самым нарушая хрупкий баланс политических интересов. Особенно актуально это в ситуации, в которой более сильные страны все чаще используют санкции как рычаг давления на решения и действия развивающихся стран [9]. В современной мировой практике мы можем видеть, что для достижения определенных политических целей используется косвенное влияние на решение страны через воздействие на ее другие сферы: экономическую, социальную, культурную (спорт), а также через воздействие на конкретных физических лиц (санкции по отношению к России в связи с присоединением Крыма). Результаты исследований показывают, что антироссийские санкции имеют для страны как негативные, так и позитивные последствия, которых больше. Одним из наиболее важным является рост востребованности в обществе на реализацию права граждан на

равенство и справедливость принимаемых управленческих решений на политическом уровне.

Литература:

1. *Валева Т. Э. Страны Центрально-Восточной Европы в санкционной войне запада против России: политические позиции и экономические последствия. – М.: Ин-т экономики РАН, 2015. – 50 с.*
2. *Государственное управление в условиях кризиса и санкционных ограничений: отечественный и зарубежный опыт: монография / О.В. Гаман-Голутвина, Ю.В. Гимазова, А.Г. Гуринович и др.; под общей редакцией Е.В. Охотского. – М.: МГИМО-Ун-т, 2017. – 889 с.*
3. *Кешнер М.В. К вопросу о проектах повышения эффективности международных санкций // Право и политика. 2014. № 1. С. 104-107.*
4. *Милованов А.Ф. Обеспечение экономической безопасности предприятий реального сектора экономики в условиях санкций: монография. – Нижний Новгород: Дятловы горы, 2016. – 87 с.*
5. *Назаренко С.В. Государственно-частное партнерство как социальный контроль в развитии финансовой активности / Транспортное дело России. 2017. № 1. С. 28-30.*
6. *Оборский А.Ю., Кривенко А.М. К вопросу о сущности и структуре военной организации России / Научно-информационный журнал Армия и общество. 2012. № 2 (30). С. 119-125.*
7. *Проблемы экономической безопасности России в условиях геополитического кризиса и санкционного давления западных стран: коллективная монография / Выпряжкина И. Б., Выпряжкин Б. С., Евдокимов С. Ю. и др.; под редакцией Гребеник В.В. – М.: Науч. консультант,*
8. *Экономические вызовы западных санкций против России: общие и особенные черты: монография / Альпидовская М.Л., Арефьев П.В., Блинов А.О. и др.; под ред. М.Л. Альпидовской. - Краснодар: Изд-во НИИ экономики ЮФО, 2016. – 183 с.*
9. *Экономические санкции: финансовый крах или новые возможности для России: труды XVI Чаяновских чтений (Москва, 17 марта 2016 г.) / редкол.: Н. И. Архипова и др. – М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2016. – 264 с.*

Гринь Максим Валентинович,

ФГБОУ ВО "Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина", Краснодар, Россия

Неолиберальный проект как фактор социальной несправедливости: мировой и национальный уровни

Закономерно, что всплеск идеологии социализма, объявляющей целью социальную справедливость, приходится на эпоху Нового времени, когда стал доминировать капиталистический способ производства, логика которого предполагает социальную поляризацию. Вторая половина XX столетия характеризовалась доминированием кейнсианской модели в политэкономии западных стран, что привело к феноменам «государства всеобщего благоденствия» и заметным тенденциям к социальному выравниванию [8]. Тем не менее, элитные группы сумели взять реванш в 70-80-е годы, когда в силу ряда причин кейнсианская модель стала вытесняться неолиберальной. Суть неолиберализма выражается как «базовое предпочтение рынка государству, причем рынок понимается в качестве средства решения проблем и достижения целей человеческой жизни» [5, 28]. Его философские основания представлены в работах Ф. Хайека, К. Поппера, М. Фридмана и др.

и сводятся к абсолютизации индивидуализма, основанного прежде всего на экономической свободе, за чем следует утверждение рыночных отношений, как естественной склонности человечества, независимо от культурно-национальной принадлежности.

Реализация подобной модели оказалась возможной, главным образом, ввиду позиции заинтересованного субъекта – лидирующих социальных групп национального и мирового масштаба. Все более открытая экономика подтолкнула в 70-е годы к сближению производительный и финансовый капиталы, до того противостоящих и конкурирующих друг с другом. Возрастает влияние топ-менеджмента, сначала лоббирующего политические решения на самом высоком уровне, а затем связавшего себя с политическими структурами еще более прочными узами, вплоть до взаимной кадровой ротации [7]. В итоге небольшому числу коммерческих и политических деятелей удавалось аккумулировать огромные личные состояния, при этом контролируя значительные сегменты экономики. Тем самым тенденции к социальному выравниваю сменились новым углублением социального неравенства [3; 5; 8]. Процессы социально-экономической поляризации имеют место и на международном уровне. Глобальное накопление капитала, сопровождающееся кризисом, а затем и крахом социалистической системы, усилило либерализацию мировых хозяйственных отношений. В 1976—1978 годах утвердилась Ямайская международная валютная система, предопределившая полную либерализацию политики валютных курсов и валютного регулирования. В результате еще сильнее возросла национальная зависимость от глобальных финансовых центров (МВФ, ВТО), а избавившиеся от колониализма развивающиеся страны стали попадать в новую, уже долговую кабалу от Запада. При этом кредиты предоставлялись только при условии проведения неолиберальных структурных реформ в соответствии с положениями Вашингтонского консенсуса, принятого в 1989г. Этот международный документ содержит 10 рекомендаций по реформированию национальных экономик в исключительно неолиберальном ключе – жесткая фискальная политика; снижение предельных ставок налогов, но расширение налогооблагаемой базы; свободный обменный курс национальной валюты; либерализация внешней торговли; снижение ограничений для иностранных инвестиций, приватизация; дерегулирование экономики и др. [2, 87]. Реализация неолиберального проекта имеет одиозные итоги. К концу первого десятилетия XXI в. 2% граждан планеты обладали половиной всего богатства мира, тогда как беднейшая половина человечества (нижние 50%) имели в своем распоряжении только 1%.[7, 66]. В условиях грандиозных информационно-технических возможностей половина жителей Земли не знакома с телефонным аппаратом, а в одном Лондоне пользователей Интернета больше, чем во всей Африке [4, 95]. Таким образом очевидно, что в качестве фактора социальной несправедливости неолиберализм действует на национальном и глобальном уровнях, взаимодополняющих друг друга. На уровне национальной общественной системы происходит восстановление разрыва между

экономическими лидерами и социальным большинством, сократившимся в пору доминирования кейнсианства. Данная проблема касается всех стран, вовлеченных в мировой рынок, но значительно более острые последствия несет незападным обществам. На глобальном уровне усиливается тенденция закрепления и увеличения экономического превосходства западных стран. Реализация неолиберального проекта предполагает консолидацию правящих групп на национальном и на международном уровнях, породив феномен «суперкласса» (термин Д. Роткпофа). Этот процесс базируется на сближении государственных и экономических структур (принцип «вращающейся двери») [7], а также установлении жестких глобальных правил игры. Это определяет компрадорскую перспективу для элит развивающихся стран, имеющих классовую заинтересованность в неолиберализме и подвергающих забвению национальные интересы. В результате в общественных науках методология классового подхода применяется к глобальному уровню [1;3], а в идеологии некоторых социалистических партий встречается смешение классовой и национальной риторик, не создающее впечатления эклектичности.

Литература:

1. *Арин О.А. Мир без России / О.Арин – М.: Эксмо Алгоритм, 2002. – 480 с.*
2. *Арсеенко А. Что такое неолиберализм в контексте современных «экономикс» и экономики / Социология: теория, методы, маркетинг. 2011, №2 – С. 78-106.*
3. *Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал./ А.Бузгалин, А.Колагнов – М.: УРСС, - 2004.- 400 с.*
4. *Еляков А.Д. Информационный тип социального неравенства – Социологические исследования, 2004, № 8 – С. 95-101.*
5. *Крауч К. Странная не-смерть неолиберализма. М.: Изд.дом «Дело», 2012 – 276 с.*
6. *Программа Коммунистической партии Российской Федерации[электронный ресурс] URL: https://kprf.ru/party/program, дата обращения 27. 09. 2015.*
7. *Роткопф Д. Суперкласс. Те, кто правит миром / Д. Роткопф – М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2010. – 475 с.*
8. *Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М., 2007. -288с.*

Доброхотов Леонид Николаевич,

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Проблема социальной несправедливости в межпартийной политической борьбе в США

Социальные проблемы превратились в решающий фактор межпартийной борьбы в США и общей полемики в обществе в период президентской кампании 2016 года – прежде всего в выступлениях самых самых ярких политиков - претендовавшего на власть кандидата от республиканцев Дональда Трампа и претендента на пост кандидата от демократов независимого сенатора от штата Вермонт социалиста Берни Сандерса. Исходя из логики предвыборной борьбы было неудивительно, что эти два политика с диаметрально противоположных полюсов политического поля апеллировали к одним и тем же социально бедствующим слоям американского населения, в своих предвыборных (а потом и послевыборных) выступлениях обличая несправедливости существующей социальной

системы и предлагая радикальные (хотя чаще всего противоположные) меры по их искоренению.

Приводимые ими цифры и факты потрясали аудитории, перед которыми они выступали. Но прежде всего: как это смотрится глазами социологов?

Для многих специалистов в Америке социальная поляна в стране выглядит так: высший класс (менее 1% населения), положение которого прежде всего определяется полученным наследством; низший высший класс (2%) – настойчивые, предприимчивые и удачливые выходцы из среднего класса; высший средний класс (12% населения), средний класс (32%); рабочий класс (38%); высший низший класс (9%) и низший класс (7%). Как будет видно из хода предвыборной борьбы, кандидаты на пост президента обращались прежде всего к «своим» категориям избирателей исходя из стратификации американского общества. Сандерс – к среднему классу и молодежи; Трамп – к таким противоположным классовым стратам, как богатые и самые богатые, с одной стороны, и к рабочему, прежде всего неквалифицированному рабочему классу, ветеранам, обездоленным белым слоям населения, с другой.

Питирим Сорокин полагал: главная причина неравенства – неравномерное распределение прав, обязанностей и привилегий в обществе. Таким образом, он правомерно связывал в неразрывное целое проблему неравенства и проблему социальной справедливости (от себя добавим – в принципе неразрешимые в условиях капитализма) [Сорокин, 1992, 2005].

Отношение американцев к проблеме социального неравенства в значительной мере зависит от идеологических, партийных симпатий и уровня личного благосостояния. Среди сторонников демократов 80% требуют повысить роль государства в справедливом распределении доходов. Среди поклонников республиканцев таковых лишь треть. Подобные настроения были в полной мере учтены и Трампом, и Сандерсом.

Даже из вышесказанного (а сказано было далеко не все о глубине социального кризиса в США) понятно и то, почему на поверхность политической жизни Америки «вдруг» выскочили такие «несистемщики», как Берни Сандерс у демократов и миллиардер Дональд Трамп у республиканцев хоть и справа, но также подвергающий сокрушительной критике сложившееся в стране положение, характеризуя его как критическое.

Так полагает и большинство американцев. «Нью-Йорк таймс» в мае прошлого года писала о том, что 66% опрошенных газетой считают проблему социального неравенства главной для США. Именно отсюда народный запрос на социализм, который уловил тот же Сандерс.

А вот что сказал Трамп в своей ключевой предвыборной речи в Геттисберге, штат Пенсильвания:

Почти каждый четвертый американец в самом трудоспособном возрасте не имеет работы. В каждом пятом домохозяйстве никто не работает. 45 миллионов американцев получают продовольственные талоны, а 47 миллионов живут в бедности. Страдают небогатые горожане, страдают

афроамериканские и латиноамериканские общины – мы обманули их надежды.

Мы ввязываемся в военные авантюры за рубежом. Наши войны тянутся до бесконечности — потому что люди, которые их ведут, не могут их выиграть. Они не умеют выигрывать войны. Тем временем, у нас в стране наши героические ветераны умирают, не дождавшись медицинской помощи. Перемены не могут исходить изнутри сломанной системы — а наша система сломана. Тот факт, что Вашингтон и вашингтонский истеблишмент так стараются остановить нашу кампанию, лишь доказывает, что наша кампания – знамение тех перемен, которые бывают только раз в жизни. Эта система абсолютно неработоспособна и основана на мошенничестве…» [Речь Дональда Трампа в Геттисберге, штат Пенсильвания 22 октября 2016 года].

Уже став президентом, в своем обращении к конгрессу Трамп напомнил, что в настоящий момент 43 млн американцев живут за чертой бедности. 94 млн американцев безработные, более 43 млн людей живут в бедности и более 43 млн живут на талонах на питание. Один из пяти трудоспособных человек не работает.

За последние восемь лет администрация настолько сильно увеличила госдолг страны, насколько не смогли все предыдущие президенты.

«Мы должны перезапустить двигатель нашей экономики», — сказал президент США.

В ходе того выступления Трамп подчеркнул важность создания новых рабочих мест в США и отметил, что многие компании готовы вкладывать миллиарды долларов в американскую экономику, создавая десятки тысяч рабочих мест [President Trump addresses Joint Session of Congress]

Посмотрим, что получается у Трампа из этих его благих намерений. Да, за счет прежде всего жестких мер по ограничению иммиграции, резкому увеличению оборонных расходов, возвращению многих производств в США, ему удалось создать много дополнительных рабочих мест, обеспечить высокие темпы прироста ВВП, и в этом смысле оправдать ожидания многих своих избирателей. Но как и ожидалось, это было сделано, вопреки его обещаниям, за счет дальнейшего увеличения государственного долга страны, что делает еще более вероятной возможность финансовой катастрофы США.

Литература:

1. *Богатые и бедные – вчера и сегодня. Пресс-выпуск ВЦИОМ № 2878, 13.07.2015 (http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115317 дата обращения 17.08.2015).*
2. *Вебер М. Работы по социологии, религии и культуре / АН СССР, ИНИОН, Вып. 2. — М.:1991.*
3. *Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994.*
4. *Нелегальная эмиграция в цифрах и фигурах. Статистика нелегальной эмиграции в США. Глобалист, 28.07.2010 (http://www.viewsoneconomy.com/archive/302 дата обращения 17.08.2015).*
5. *Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество (Серия «Мыслители XX века). М., Политиздат, 1992*
6. *Сорокин П.А. Социологические теории современности. М.: ИНИОН, 1992*
7. *Сорокин П.А. Социальная мобильность. М., ACADEMIA, 2005*
8. *Справедлива ли система распределения льгот? Официальный сайт Фонда Общественное мнение, 7.08.2015 (http://fom.ru/Obraz-zhizni/12266 дата обращения 17.08.2015)*
9. *Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс: Ад Маргинем Пресс; Москва; 2014*
10. *Тощенко Ж.Т. Прекариат – новый социальный класс. «Социологические исследования» № 6, 2015*
11. *Фантомная американская экономика. Вести экономика. 16.06.2015*

12. (http://www.vestifinance.ru/articles/58696 дата обращения 17.08.2015)
13. Atkinson Antony B. Inequality, What Can Be Done? Harvard University Press, 2015
14. Barber Benjamin R. Strong Democracy: Participatory Politics for a New Age. University of California Press, 1984.
15. Fussel Paull. Class: A Guide Through the American Status System. Touchstone. New York: Summit Books, 1983
16. Krugman Paul. The Insecure American. The New York Times, May 29, 2015.
17. Ohlemacher Stephen. Things to know about Social Security as program turns 80: Is it time for another overhaul? Associated Press, August 14, 2015
18. Porter Eduardo. Income Inequality Is Costing the U.S. on Social Issues. The New York Times, April 28, 2015.
19. Porter Eduardo. What the Debate on Inequality Is Missing. The New York Times, May 5, 2015
20. Rothman Robert A. Inequality and Stratification: Race, Class and Gender. Prentice Hall, 1998).
21. Scheiber Noam and Sussman Dalia. Inequality Troubles Americans Across Party Lines, Times/CBS Poll Finds. The New York Times, June 3, 2015
22. Somashekhar Sandhya, Lowery Wesley, Alexander Keith L. 601 people shot dead by police this year. The Washington Post, Aug. 8, 2015
23. Stiglitz Joseph E.. The Great Divide. W.W.Norton & Company, 2015
24. Речь Дональда Трампа в Геттисберге, штат Пенсильвания (22 октября 2016 года) https://inosmi.ru/politic/20161023/238066206.html
25. Bernie Sanders's Speech on Democratic Socialism in the United States Nov 19, 2015, http://www.vox.com/2015/11/19/9762028/bernie-sanders-democratic-socialism
26. President Trump Addresses Joint Session of Congress February 28, 2017 http://www.foxnews.com/live-coverage/trump-congress-speech

Жилейкина Екатерина Юрьевна,
ВИУ РАНХиГС, Волгоград, РФ

К вопросу о причинах ввода советских войск в Афганистан и оценке социальных и экономических последствий

Вопрос оказания «интернациональной помощи» в 1979 году Афганистану в последние годы оказывается в фокусе исследовательского внимания. Это связано с тем, что и XXI век не обходится без политических столкновений, а учет уроков прошлого может помочь избежать ошибок в настоящем и будущем. Обращаясь к события прошлого, отметим, что узкий круг членов Политбюро ЦК КПСС, принимающий решения по особо важным вопросам, собрался в кабинете Л.И.Брежнева в первой половине дня 8 декабря 1979 года, для принятия решения по Афганистану. На заседании присутствовали председатель КГБ КПСС Ю.В.Андропов, министр иностранных дел А.А.Громыко, министр обороны Д.Ф.Устинов, главный идеолог партии М.А.Суслов и начальник генштаба, маршал Н.В.Огарков, выступающий против ввода войск («Мы восстановим против себя весь восточный исламизм и политически проиграем во всем мире» [4]). Также стоит отметить, что на заседании не присутствовал председатель Совета Министров А.Н. Косыгин, реально оценивающий состояние экономики и нецелесообразность данного решения, выступающий категорически против ввода советских войск в Афганистан. Дальнейшая хронология ключевых событий, имеющих значение для рассмотрения данной темы, выглядит

следующим образом: 12.12.1979 – принято и подписано окончательное решение Политбюро ЦК КПСС. 25.12.1979 – ограниченный контингент Советского Союза пересек Советско-афганскую границу для оказания интернациональной помощи дружескому народу Афганистана. 14.04.1988 – подписание Женевских соглашений правительствами Пакистана и Афганистана при участии США и СССР в качестве гарантов. 15.02.1989 – последний советский солдат покинул территорию Афганистана. И, таким образом, положен конец гражданской войны Афганистана с участием СССР. Генерал-полковник Громов Б.В. отмечал: «За моей спиной не осталось ни одного военнослужащего 40-й армии» [5]. После вывода советских войск мнения простых жителей Советского Союза, партийных лидеров, представителей прессы и научных кругов разделились. Одни считали, что ввод советских войск – это идеологические догмы и стремление спасти социалистический путь развития Афганистана, другие защищали идеи национальной безопасности Советского Союза 3 июня 1979 год президент США Дж. Картер подписал директиву об оказании тайной помощи афганским моджахедам, т.е. на 6 месяцев раньше ввода ограниченного контингента в Афганистан. Таким образом, на «плацдарме» Афганистана столкнулись интересы двух сверхдержав СССР и США. Советское руководство опасалось усиления влияния США и НАТО вблизи собственных границ. Однако, вопрос о существовании реальной угрозы на тот момент до сих пор остается без ответа. 12 декабря 1979 года Ю.В. Андроповым доложено , о скором размещении американских ракет средней дальности «Першинг-2» и «Круз» у южных границ СССР. Анализируя исторические источники можно заметить, что в 1979-1980 годы Америка была надломлена после войны с Вьетнама и потерей влияния в Иране. В то же время Афганистан являлся нестабильной страной, почти распавшейся с часто сменяющимися правителями. Таким образом, вероятность того, что американские дипломаты решись бы на размещение ракет в данной обстановке очень мала. Американский дипломат З. Бзежинский считает, что США преследовали иную цель, которую в те времена не смогли разгадать в Кремле. В подтверждение приведем фрагмент из интервью со З. Бжезинским , Советником по национальной безопасности при президенте Джимми Картере в «Ле нувель обсервате»(Франция), 1998, 15-21 января. [4] «К:.. Но, возможно, Вы сами желали советского вступления в войну и надеялись спровоцировать его? Бжезинский: Мы не подталкивали русских к вмешательству, но мы сознательно повысили вероятность того, что это произойдет. К: И Вы никогда не раскаиваетесь в своей поддержке исламских фундаменталистов, в снабжении оружием и советниками будущих террористов? Бжезинский: Что наиболее важно для мировой истории? Талибы или развал Советской империи? Несколько возбужденных мусульман или освобождение Центральной Европы и конец холодной войны?» Как можно заметить, из интервью вытекает одна из причин, которая могла спровоцировать ввод советских войск в Афганистан. Это борьба с зарождавшимся международным терроризмом, массовым распространением

опиума и переносом вооруженной борьбы в среднеазиатские республики Советского Союза. Один из участников афганской войны генерал-лейтенант Л.Я. Рохлин считал, что «самое большее, что необходимо было сделать, — это перекрыть границы Афганистана и взять под контроль основные маршруты доставки оружия и из Пакистана и Ирана... Я убежден, что вмешиваться в дела афганцев нам не следовало» [2]. СССР не следовало участвовать во внутриполитическом конфликте Афганистана, тем более поддерживать одну из воюющих сторон. Таким образом, Афганистан стал «горячей точкой» «холодной войны». Можно сказать, что это хороший урок для современных политиков, который очень дорого обошелся Советскому союзу в прошлом. История России пополнилась примером, когда политические амбиции стали выше разума и четкого расчета. Советское руководство совершило ошибку, приняв политическое решение на применение вооруженных сил без участия военных специалистов и учета всего спектра факторов. Авантюра, которая унесла тысячи жизней и вывела на финишную прямую развал СССР. Тема «Афганистан 1979 » интересна и ее стоит изучать потому, что осталось еще много вопросов, на которых нет ответа сегодня.

Литература:

1. *Авторов коллектив .Афган. Территория войны.-Москва.:АСТ, 2014.-2.*
2. *Свободная пресса. В.Рыльский . Как СССР начинал войну в Афганистане . [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://svpressa.ru/*
3. *Солдаты России. Г.Удовиченко [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://soldatru.ru*
4. *Интервью со Збигневом Бжезинским , Советником по национальной безопасности при президенте Джимми Картере в «Ле нувель обсервате»(Франция),1998, 15-21 января, с.76.*
5. *В.Селиверстов.Афганситан:чужая война и наша боль [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.colors.ru*

Иванова Наталия Геннадьевна,

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Социальная несправедливость – главная причина «утечки мозгов»

Не случайно название конференции: «Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира». Еще Платон [1] и Аристотель [2] ставили социальную несправедливость прежде социальной справедливости, подчеркивая значимость этого явления. Это понятие терпит оценочную нагрузку, воспринимается, в основном негативно. Но социальная несправедливость – двигатель человечества. Социолог Эмиль Дюркгейм называл главной причиной неравенства необходимость поощрять лучших. Ведь, если мы не будем этого делать, человечество вымрет, как вид. Социальная несправедливость – следствие естественного эволюционного отбора среди людей. Это делает наш вид сильным и способным к выживанию в действующих условиях, а также способным состязаться с другими

животными, делает нас венцом эволюции. Если бы не социальная несправедливость, которая на деле является справедливостью с точки зрения биологии, нас ожидала бы стагнация и закат человечества. Но с другой стороны, человечество находится на таком этапе совершенства, когда может позволить себе заботу о слабых и не способных. Сильнейшие из нас проявляют благородство и могут заботиться о нуждающихся. И нуждающиеся тянутся к ним. Эти процессы принимают системный характер. Возьмем, например, миграцию. Первые миграции человека начались около двух миллионов лет назад. [3] Мы берем самое начало, чтобы наглядно показать, чем оборачиваются миграции для стран-доноров. Мигрировали тогда из Африки на другие континенты. Сегодня по данным ООН Африканские страны – это наименее развитые страны (34 страны). [4] Эти страны характеризуют такие показатели, как:

- низкий уровень дохода, рассчитываемого как приблизительное среднее значение валового внутреннего продукта на душу населения за три года (менее 750 долл. США для включения в перечень, свыше 900 долл. США для исключения из перечня);
- слабость людских ресурсов, рассчитывается с использованием сложного расширенного индекса реального качества жизни (РИРКЖ) на основе показателей:

a) питания;

b) здоровья;

c) образования; и

d) грамотности взрослого населения; и

- показатель экономической уязвимости, рассчитываемый с использованием сложного индекса экономической уязвимости (ИЭУ).

Сегодня Россия столкнулась с проблемой утечки мозгов. Всемирный банк считает социальную несправедливость главной её причиной. [5] Она порождается насилием одних стран над другими. Мы должны остановить этот процесс любыми средствами, иначе нас ждет незавидная участь стран-доноров. За первые десятилетия Новейшей истории Отечества, из-за «утечки мозгов» был нанесен огромный урон научному потенциалу нации, который определяется прежде всего количеством и качеством специалистов. [6] Потери страны исчисляются триллионами. [7] Поэтому сегодня возрастает важность возмещения утраченного и повышения актуального научного потенциала страны. Пока тенденции не утешительны: намерение заниматься научной работой среди студентов ведущих вузов (МГУ) снижается от года к году. [8] С ростом научного потенциала связана эффективность производства и социальное развитие России, увеличение удельного веса наукоемкой продукции в структуре ВВП (диверсификация экономики), улучшение условий для обеспечения простого и расширенного воспроизводства интенсивного типа. То есть, постепенное приближение России к странам-лидерам (странам-реципиентам всех видов капиталов, в том числе и образовательного).

Литература:

1. *Платон. Государство [Текст]. - Москва : Русайнс, 2017. - 323 с*
2. *Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. – М.: Мысль, 1983. – 830 с*
3. *Ранние миграции человека URL:https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/676092 (Дата обращения: 31.01.18)*
4. *Организация объединенных наций и наименее развитые страны http://www.un.org/ru/development/ldc/list.shtml (Дата обращения: 31.01.18)*
5. *Asrul Hadi Abdullah Sani "Social injustice main cause of country's brain drain, says World Bank" URL: https://web.archive.org/web/20110501064248/http://www.themalaysianinsider.com/malaysia/article/social-injustice-main-cause-of-countrys-brain-drain-say*
6. *Кравченко А. И. Социология: Учеб. для вузов / А.И. Кравченко. - 4. изд. - М. : Акад. Проект, 2002. - 507, [1] с.*
7. *Россия потеряла от "утечки мозгов" $1 трлн URL: http://www.silicontaiga.ru/home.asp?artId=1449 (Дата обращения: 31.01.18)*
8. *Судас Л. Г., Юрасова М. В. Быть или не быть учёным?! // Государственное управление. Электронный вестник (Электронный журнал). — 2013. — № 41. — С. 260–278.*

Костин Анатолий Иванович,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Глобальное лидерство в условиях стратегической неопределенности: дилеммы социального и политического неравенства

Первые десятилетия XX1 века продемонстрировали, что мир начал радикально меняться. Распространение модели современной цивилизации по всему миру подрывает разрыв в могуществе и власти между центром и периферией. Ныне период централизованного глобализма подходит к концу. Подъем развивающихся экономик и в особенности Китая - стал символом этого процесса. Итогом этого процесса станет завершение эпохи западной гегемонии, которая длилась со второй четверти XIX в. до первой четверти XXI в. Мир переходит от централизованного глобализма к периоду децентрализованного глобализма. Доминировать в современном мире одной сверхдержаве или связанной с ней державам становится уже трудно. По мнению ряда специалистов эта тенденция будет продолжена и ядро системы будет расширяться и становиться менее западным. Децентрализованный глобализм создает основы для новых международных отношений, весьма отличных от глобального порядка "центр - периферия" двух прошлых столетий. Например, в мире децентрализованного глобализма вероятно будет несколько великих держав и много региональных держав, не станет сверхдержав. Следует зафиксировать различие между понятиями мирового и глобального лидерства. В условиях кризиса мировой цивилизации глобальный лидер призван возглавить выход из этого кризиса. Однако де факто претендовать на этот статус пока не может ни одно государство и ни один коллективный субъект. Мировые лидеры в отдельных сферах общественного развития могут быть найдены, и они существуют. Они разнятся лишь в зависимости от тех или иных исследовательских подходов.

Главный идеологический вопрос, определявший геополитику XX в., состоял в поиске альтернативы капитализму. Однако после краха государственного социализма и известного перехода Китая и России на путь рыночного развития коренной идеологический вопрос ближайших десятилетий может звучать иначе: «Какой тип капитализма обеспечит устойчивое процветание и как управлять отношениями между различными типами капиталистического управления?». Например, по особенностям управления выделяются четыре основных типа капитализма: либерально-демократический, социал-демократический, конкурентно-авторитарный и государственно-бюрократический[1]. В формирующемся децентрализованном мире главной движущей силой международных отношений являются противоречия между Севером и Югом, необходимость решать проблемы глобального экологического кризиса и характер взаимодействия между конкурирующими формами капиталистического мира. Весьма актуальным становится вопрос, сможет ли децентрализованный мировой порядок создать необходимый уровень устойчивого развития, чтобы решать глобальные и общие мировые проблемы. Сейчас многие развивающиеся страны выбирают для себя различные модели контролируемого государством капитализма, что становится еще более актуальным в период экономических кризисов. Власть в этом зарождающемся мировом порядке имеет своим источником владение ресурсами (энергетическими, товарными, благоприятным географическим положением), а не только знанием или другими нематериальными факторами производства. В результате торговые правила и нормы будут меняться и соответствовать возникающему порядку, который иногда называют «ресурсным национализмом». Наиболее опасным вариантом развития событий является геополитическая дестабилизация мировой периферии как последствие экономического и в целом международного кризиса.

Кризис современной системы международных отношений проявляется и в кризисе института глобального лидерства. В начале 21 века стало очевидным, что США, сохраняя значительную мощь и оставаясь центром притяжения для многих государств, не являются общепризнанным глобальным лидером, но сохраняют мировое первенство в военной и научно-технической сферах, в экономике, массовой культуре. Но сегодня и Евросоюз в целом, и страны БРИКС пока не могут по объективным показателям претендовать на роль коллективного глобального лидера. Нарастающая стратегическая неопределенность усложняет политический процесс, требует формирования инновационного политического лидерства. Субъекты, акторы и участники глобального политического процесса учатся действовать в изменяющихся и слабо предсказуемых обстоятельствах[2]. Инновационное политическое лидерство предполагает, во-первых, формирования инновационного подхода, то есть внедрение новых способов мышления и действий в условиях отсутствия информации или в условиях непредсказуемости; во-вторых, необходимо формирование инновационной политической культуры лидеров в условиях, когда все политические ресурсы

сокращены и стеснены. Постоянное возрастание глобальных угроз весьма остро ставят задачу изменения существующих тенденций мирового развития. В этой связи возлагаются надежды на внедрение альтернативной модели развития, в которой будут отсутствовать многие негативные тенденции. Однако внедрить такую модель за обозримый период времени крайне трудно, так как слишком велика инерционность нынешней мировой системы.

Литература:

1. *Buzan B., Lawson G. Capitalism and the emergent world order // Intern, af-fairs. -L., 2014. - Vol. 90, N 1. - P. 71-91.*
2. *Leadership and Global Governance. United Nations University. Tokyo, New York. 1999.*
3. *Внешняя политика России в условиях глобальной неопределенности: монография / под ред. П.А. Цыганкова, Москва, Изд-во Русайнс. 2015.*
4. *Кризис цивилизации в контексте политических процессов XX1 века. Под ред. А.И. Костина. Москва, Изд. Моск. ун-та. 2016.*
5. *Лавров С. В. Настоящее и будущее глобальной политики // Россия в глобальной политике. 2007. Т. 5. № 2.*
6. *Костин А. И., Изотов В. С. Интеграционные системы в парадигме гло-балистики: обновление исследовательских подходов // Вестник Мос-ковского университета. Серия 12. Политические науки. — 2015. — № 2.*

Кочетков Владимир Викторович,

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Справедливые и несправедливые войны в международных отношениях

Война имеет важнейшее значение для международных отношений. По словам Р. Арона, международные отношения совершаются в тени войны [1]. Международные си-стемы и мировые порядки возникают по результатам войн. Согласно «теории наложения» («Überlagerung») Л. Гумпловича [2], все государства появляются из завоевания одним эт-носом другого. Государства не только появляются из войны, но и для войны: ведь глав-ной функцией государства является защита суверенитета и безопасности. Большую часть своей истории человечество воевало. Между 3600 г. до н.э. и 1980-ми гг. было только 292 года без войн, а в период 1945-1978 гг. было не больше 26 дней, чтобы где-то на планете не шла война. В конце 1970-х гг. в среднем в день начиналось двенадцать войн [3, 139]. Именно война дала толчок развитию международного права. В первых трудах по юри-стов-международников обсуждались главным образом Jus ad Bellum - право на объявле-ние войны, а также Jus in Bello - право на ведение войны [4, 350]. Концепция справедливой войны берет свое начало в схоластической традиции средневекового христианства св. Фомы Аквинского. Он выделил три принципа: 1) Спра-ведливое основание. Война должна быть направлена на устранение зла: например, защи-тить общество от агрессии или наказать тех, кто причиняет зло. 2) Достаточные полно-мочия. Справедливого основания для войны еще недостаточно. Должно быть что-то, что легитимирует применение военной силы. Государство может призывать

своих граждан к защите, но карать другое государство и его народ оно не имеет права. 3) Благие намере-ния. Если первые два принципа являются правовыми, то третий относится к внутренним, моральным установкам: например, непричинение вреда невиновному. Военные обычаи запрещают преднамеренное убийство безоружных и беззащит-ных солдат и гражданских лиц, тем самым официально закрепив такую базовую мораль-ную идею в качестве принципа «иммунитета некомбатантов» [5]. Если признать, что убийство гражданских лиц и нонкомбатантов (например, военнопленных) неправильно, значит ли это, что убийство солдат в бою правильно? Согласно обычаю войны, из-за сво-его воюющего состояния солдаты не могут быть отнесены к категории «невиновные», и по этой самой причине причинение смерти солдатам не классифицируется как убийство. Но некоторые ученые ставят под сомнение такой взгляд на «невиновность», утверждая, что солдат-призывников несправедливо бросают в бой их начальники. Такие солдаты становятся «невиновными нападающими», чьи смерти в бою также несправедливы, как и смерти некомбатантов. В XXI веке концепция справедливой войны претерпела изменения. Соглашаясь с классической теорией в том, что оборона государств от иностранной агрессии является основой этики справедливой войны, современные политические теоретики считают до-пустимыми гуманитарную интервенцию и превентивную войну. Несмотря на то, что международное право, и особенно Устав ООН, запрещает гуманитарную интервенцию, поскольку такое вмешательство нарушает принцип государственного суверенитета, од-нако М. Уолцер считает, что с суверенитетом нужно считаться только тогда, когда госу-дарство защищает права своих граждан [6]. Таким образом, суверенитет здесь рассматри-вается не только через призму государственной ответственности перед собственным населением, но и через понятие обороны. Государство может защищаться от агрессии (но не от оправданного гуманитарного вмешательства), поскольку оно обеспечивает поря-док, при котором его граждане пользуются своими правами и осуществляют общее соци-альное взаимодействие. Концепция справедливой войны имеет много общего с политическим реализмом, например, обе эти теории ставят во главу угла государство. Однако есть и существенные различия. С точки зрения политического реализма, каждое государство имеет право на самосохранение, а это значит, что война может быть справедливой с обеих сторон, пото-му что даже агрессор может бороться за сохранение своей независимости. Этот «патрио-тический релятивизм» утверждает, что каждая сторона полагает свой casus belli справед-ливым [7]. В концепции же справедливой войны одна сторона – агрессор, а другая – обо-роняющаяся. Агрессор – преступник, которому правомерно сопротивляется обороняю-щаяся сторона. Агрессор не всегда наносит первый удар, ибо агрессия может быть осу-ществлена без применения силы. Поскольку, с точки зрения политического реализма, государство вольно делать все, что считает необходимым, чтобы отразить угрозы его без-опасности, то оно может вести превентивную войну против сильного и агрессивного со-седа. Различие между упреждением и

предупреждением является относительным и зави-сит от непредвиденных обстоятельств. В случаях чрезвычайной ситуации, ядерного сдерживания или атак террористов, подобных 11 сентября, ограниченная превентивная война является не только законной, но и справедливой, несмотря на то, что это попрание идеи о непричинении смерти невиновным. Аргумент, что моральные ограничения могут не учитываться в чрезвычайных си-туациях, часто выдвигаются для оправдания несправедливости в качестве ответа на тер-роризм. Из этого вытекают аргументы о необходимости выбора «меньшего зла» в войне с терроризмом, которые стали активно педалироваться на Западе после событий 11 сен-тября [8]. Были возобновлены споры о легализации пыток в ситуации «тикающей бом-бы» [9, 10].

Литература:

1. *Aron R. Paix et guerre entre les nations. Paris, 1962.*
2. *Гумплович Л. Социология и политика. М.: Изд-во В. Бонч-Бруевича, 1895.*
3. *Дробот Г.А. Мировая политика как феномен глобального мира: Учебное пособие — 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Юрайт, 2013. — 503 с.*
4. *Цыганков П.А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2008.*
5. *Primoratz I. Civilian Immunity in War. Oxford, 2007.*
6. *Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations. New York, 1977.*
7. *Tuck R. The Rights of War and Peace: Political Thought and the International Order from Grotius to Kant. Oxford, 1999.*
8. *Ignatieff M. The Lesser Evil: Political Ethics in an Age of Evil. Princeton, 2004.*
9. *Brecher B. Torture and the Ticking Bomb. Madlen, 2007.*
10. *Ramraj V. (ed.) Emergencies and the Limits of Legality. Cambridge, 2008.*

Кравченко Елизавета Андреевна,
ВИУ РАНХиГС, Волгоград, Россия

Адаптация иностранных сотрудников-мигрантов к национальным особенностям бизнес-структур

Переход на новое рабочее место зачастую вызывает стресс, ведь индивид должен ознакомиться с организационной структурой, корпоративной культурой, неформальными правилами и нормами, действующими в компании. Исследования рекрутингового агентства Penny Lane Personnel показали, что влияние при переходе на новое место оказывают следующие стрессообразующие факторы: изучение текущей рабочей ситуации (47%), понимание особенностей корпоративной культуры компании (21%), ориентация в новом офисе и адаптация к рабочему месту (по 9%), знакомство с коллективом и привыкание к новому маршруту (по 7%) [3]. Для сокращения процесса акклиматизации на новом рабочем месте и помощи сотруднику достижения максимальной эффективности в кратчайшие сроки, руководству компании следует обратить внимание на современные методы адаптации персонала. Адаптация - это ознакомление человека с новой организацией и изменение его поведения в соответствии с

требованиями и правилами организационной культуры [5, с.62]. Меры по адаптации сотрудников способствуют снижению текучести кадров, повышению лояльности и сплочению коллектива. При этом, процесс адаптации может быть значительно осложнен, в случаях приема на работу иностранного гражданина в национальную или полиэтничную международную компанию. Также подчеркнем, что в результате процессов всемирной глобализации, увеличения числа транснациональных корпораций, возникает понимание необходимости учета национальных особенностей в управлении человеческими ресурсами. Так, неправильно организованная работа в международном коллективе часто проявляется в снижении эффективности всей компании, а, следовательно, и ее прибыли [4]. Соответственно, возникает необходимость применения кросс-культурного менеджмента и разработки новых методов адаптации, учитывающих различия культур и национальные особенности иностранных работников. Необходимость использования данной концепции доказана в работах Г.Хофстеде, Н. Дж. Холдена. Концепция кросс-культурного менеджмента предполагает внедрение гибких методов управления сотрудниками, представителями различных национальных культур, а также исследование причин возникновения межкультурных конфликтов, их разрешение, выявление закономерностей поведения работников, характерных национальной деловой культуре [6]. Для достижения максимальной эффективности организации важно принять ряд мер для адаптации иностранного работника именно к корпоративной культуре, характерной для страны, в которой располагается организация. В различных государствах деловая культура имеет свои особенности. Так, например, в Америке приветствуется инициатива, идеи обсуждаются открыто, но сотрудники должны соблюдать субординацию. Для американцев характерен дух соревнований, а одним из главных качеств является умение общаться. Во Франции организации характеризуются жесткой иерархией с централизованным управленческим аппаратом. Дружеские контакты не приветствуются, обязательны рукопожатия при встрече и прощании, более того, зачастую сотрудники обращаются не просто по имени, а с указанием должности. Для работников Германии характерны пунктуальность, аккуратность, а также выполнение своих функций четко в соответствии с прописанными правилами. Немцы не приветствуют конкуренцию, к коллегам обращаются на «Вы». Подобные особенности должны быть доведены до иностранного работника, пришедшего в организацию. Поэтому, на наш взгляд, в «папку нового сотрудника» (справочник, включающий основные сведения и регламентирующие документы, облегчающие понимание требований к работнику [5, с.69]), транснациональным организациям необходимо включить памятки о национальных особенностях взаимодействия коллег в организации для избежания конфликтов и недопонимания, минимизации давления, вызванного культурным шоком. Важно отметить, что обычно применяются стандартные методы адаптации персонала, направленные на привыкание сотрудников к новому рабочему

месту и коллегам, такие как прикрепление наставников, командный тренинг. Однако в отношении иностранных работников данные методы должны быть дополнены методами, облегчающими их адаптацию к стране. Одной из трудностей адаптации иностранных сотрудников является привыкание к новому образу жизни и поиск жилья. Так, для того, чтобы у сотрудников из других стран была возможность найти жилье, крупным компаниям следует иметь корпоративные квартиры или договора с риелторами, сдающими жилплощади в аренду. Иностранные сотрудники могут жить в корпоративных квартирах или в квартирах в аренду, оплачиваемых организацией, на протяжении 1-2 месяцев, пока не найдут подходящее жилье. Также, адаптации иностранных сотрудников и привязанности их к организации, способствует возможность для их семей приспособление к новой жизни в стране. Многие работники переезжают вместе с супругой/супругом и детьми. Для их привыкания организации следует помочь работникам найти членам семьи и самому работнику, если необходимо, курсы государственного языка, а также, устроить детей в детский сад или школу. Таким образом, ознакомление иностранных работников с национальными особенностями функционирования организации может способствовать повышению производительности труда, предотвращению локальных межнациональных конфликтов, адаптации сотрудников к жизни в новой стране, а также к культуре и менталитету не только новой организации, но и иностранного государства в целом, содействуя благоприятному развитию международного партнерства.

Литература:

1. *Hofstede, G. (1991). Cultures Consequences. Sage Publications, 325 p.*
2. *Hofstede, G., Hofstede, G.J., Minkov M. (2010). Cultures and organizations: Software of the mind. New York: McGraw-Hill, 576 p.*
3. *HRMaximum Первый день - первые трудности // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://hrmaximum.ru/news/the_first_day_-_the_first_difficulties/page_2/ (дата обращения: 30.01.18)*
4. *Бессонова М.А. Особенности адаптации многонационального персонала в компании // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2016. № 11 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ekonomika.snauka.ru/2016/11/12929 (дата обращения: 28.01.18)*
5. *Ленская И.Ю., Шиндряева И.В., Ширяева В.А. Управление персоналом организации: конспекты лекций. Учебное пособие – М.: Мир науки, 2017. Режим доступа: http://izd-mn.com/PDF/06MNNPU17.pdf (дата обращения: 28.01.18)*
6. *Холден Н. Дж. Кросс-культурный менеджмент. Концепция когнитивного менеджмента [Текст]: учеб. пособие. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. - 384 с.*

Минкина Нелли Абрамовна,

НИЦ "Строительство", Москва, Россия

Наука как социально-ответственный феномен

Современная эпоха ставит по-новому проблему ответственности тех, кто профессионально занят сохранением и приращением знаний. Хотя наука

как особый компонент социальной системы может быть рассмотрена в ее целостных, институциональных образованиях, однако, когда речь идет о социальной ответственности науки, проблему обычно сводят к социальной ответственности ученых, отождествляя тем самым науку с совокупностью людей, ею занимающихся. Когда говорят об ответственности ученых, то речь, как правило, идет об ответственности за результаты труда, чистоту эксперимента, научную добросовестность, об ответственности за использование этих достижений, за содержание научных открытий. Проблема ответственности науки встает тогда, когда ее достижения начинают использоваться в разрушительных целях, когда возникает опасность, что научные решения не гарантируют положительного социального результата. История показывает, что реально проблема ответственности науки перед обществом и человечеством встала с покорением атома. Именно в этот период и в самосознании науки, и в самосознании общества она начинает выступать в качестве особого субъекта ответственности. В литературе многократно описано потрясение совести ученых физиков, детище которых мгновенно уничтожило сотни тысяч мирных жителей, в том числе женщин и детей. Набат Хиросимы и Нагасаки вызвал у ученых чувство вины за антигуманное использование их открытий, сознание коллективной ответственности за социальные последствия научных открытий. Дальнейшие открытия в физике, исследования в области социальной биологии, генной инженерии т.п. поставили проблему социальной ответственности науки со всей остротой. В последнее время актуальным становится анализ тех поистине глобальных угроз, которые несет людям компьютерная техника. Специалисты подчеркивают, что компьютеры вводят человека в новый мир – мир с принципиально иным течением времени. И дело не только в том, что здесь счет идет на наносекунды, главное состоит в том, что компьютерное время имеет особую структуру, а именно, выступает не как непрерывный процесс, а серия дискретных фрагментов, которые соответствуют отдельным командам, составляющим программу. Как показывают расчеты, огромные скорости преобразования информации, происходящие в особом электронно-логическом пространстве, выводят функционирование компьютеров из-под контроля человека. В сверхсложных детерминированных компьютерных системах могут возникать случайные процессы, когда время течет по-особому, а именно, по отношению к астрономическому его течение проходит намного быстрей. В математическом обеспечении такого рода программ причинная связь носит вероятностный характер, вероятность сбоя значительно повышается.

В постановке же вопроса, когда ответственность науки сводится к ответственности ученых, ею занимающихся, имплицитно содержится отрицательный ответ на вопрос о том, возможно ли исследование науки, рассматриваемой в качестве элемента целостной системы (общества), как социально-ответственного образования. И дело не только в том, что такой ответ является в теоретическом отношении далеко не бесспорным, а в том,

что он практически несостоятелен. Сегодня ученые все более ясно осознают, что они призваны нести ответственность за коллективные и общие следствия своей деятельности. Опыт истории показывает, что рассмотрение тех элементов целостных социальных образований, в которых наиболее полно проявляется специфика этих образований, с точки зрения их исторической ответственности не только возможно, но и необходимо. Достаточно вспомнить об ответственности религии и церкви в Средневековье или политики и гитлеровской государственности, чтобы подтвердить этот тезис. Наука во всех ее подразделениях, во всех фундаментальных и прикладных своих результатах должна стать необходимым компонентом развития социальной системы. Взаимоотношение науки и общества не может сводиться к тому, что будет возрастать ее роль в жизни общества. Актуальным становится выяснение исторической ответственности науки, и в особенности общественных и гуманитарных наук, за анализ развития общества. Ведь именно в той мере, в какой наука способна приводить общество в соответствие с конкретными изменениями социальных, а также природных условий его функционирования и развития, она превращает общество в самоорганизующуюся систему. Из сказанного вытекает вывод, что многочисленные обвинения в адрес общественных наук имеют под собой определенные основания. Естественно возникает вопрос: могла ли общественная наука у нас в стране, во-первых, дать теоретическую модель того реального общества, в условиях которого большевики провозгласили начало строительства коммунизма, и, во-вторых, выбрать оптимальные методы реализации этой теории, пути социальных преобразований, согласующиеся не только с революционной, но и общечеловеческой моралью. Думается, что при ответе на этот вопрос нужно исходить из того, что общество с необходимостью порождает именно такой элемент, в котором оно нуждается, и именно в той форме, в какой оно способно породить этот элемент. Наука может сделать лишь то, к чему оно готово. Наша общественная наука была именно такой, в какой общество нуждалось Могла ли наша общественная наука адекватно описать социальную ситуацию? Думаю, что да. Во-первых, если бы не пыталась представить марксизм в качестве шаблона, под который подгонялась действительность.

Нистарова Анна Александровна,
Московский городской университет управления Правительства Москвы, Москва, Россия

К вопросу о морально-нравственном измерении международных отношений

В годы глобальной взаимозависимости все большее внимание уделяется не столько стандартным вопросам мироустройства, сколько

вопросам справедливости и несправедливости всей системы международных отношений. Однако на каких представлениях должны базироваться современные принципы организации международного взаимодействия с учетом сегодняшних реалий, чтобы стать условно «справедливыми для всех» и создать альтернативную систему международных отношений, однозначно определить не представляется возможным. Главная трудность заключается в попытке западного мира распространить свои цивилизационные ценности на мир незападный, что приводит к глубокой конфронтации на мировой сцене. Проблема заключается в попытке универсализации широко распространенных на Западе понятий «демократии» и «прав человека», «свободы» и «права на свободу мнения и самовыражения», и многих других с учетом ставших уже традиционными концепций «богатый Север – бедный Юг», «центр – периферия». Возможно ли вообще говорить о равенстве в мире, принимая в расчет неравномерность и несоразмерность распределения природных и человеческих ресурсов на земном шаре, отсутствие или наличие войн и затяжных конфликтов в государствах, степень экономического развития государств и регионов, наличие или отсутствие соответствующих политических режимов, возможность или невозможность получить высококлассное образование в отдельных странах и др.? Такая идея утопична по своей сути, однако некоторые поползновения в данном направлении все же совершались экспертами. Первые попытки введения в международный контекст идеи мирового правительства и общемирового сообщества были предприняты в рамках либерально-идеалистической парадигмы политическими реалистами, впрочем, надежды на правовое урегулирование международных отношений посредством подписания многочисленных договоров и соглашений, а также создания многоформатных международных организаций не увенчались успехом – проблема лежала намного глубже: в этнических и культурно-цивилизационных корнях. Так, в XX веке для трансляции своих ценностей и установок в мировое пространство современные государства зачастую вступают в ожесточенную схватку, представляющую собой не просто цивилизационное, но геоэкономическое и геополитическое противостояние, используя при этом весь спектр инструментов давления: политические и дипломатические методы воздействия, сокращение персонала посольств, экономические санкции, информационная война, вооруженное столкновение, отказ в допуске на спортивные соревнования, ограничение свободы передвижения капиталов и платежей, ограничение свободы передвижения граждан и политической элиты через границы и др. На современном этапе развития глобализационных процессов подобные меры, приводящие к изоляции и «истощению» антагонистических незападных государств, являются разрушительными как для двустороннего диалога, так и для всего мирового сообщества. Учитывая вышесказанное, на первый план выходит потребность в определении доли ответственности за принимаемые на международном уровне решения, которые становятся новейшими векторами развития всей мировой арены и приводят к существенному перераспределению ролей на

мировой сцене. В данной связи в научных кругах уже давно открыт этический дискурс, тем не менее, конкретного понимания по текущим вопросам в мировом пространстве до сих пор не найдено. Принимая к сведению междисциплинарный характер проблемы, вопросы этического измерения международных отношений и мировой политики, а также вопросы закрепления на правовом уровне термина «международная мораль» с качественно проработанным определением, должны, на наш взгляд, быть зафиксированы в основополагающих международных документах, принимаемых всеми субъектами международных отношений, чтобы впоследствии иметь возможность приобрести форму правовой культуры в мировом масштабе. В основе любого мировосприятия всегда лежит конфликт человека с окружающим миром, который обостряется культурно-цивилизационными различиями на мировой сцене, объединить же людей может понимание значимости цивилизационной идентичности и сохранения мультикультурализма в мире, а также стремления к соблюдению международных морально-нравственных императивов. В последние годы, например, участились случаи апелляции к главнейшей ценности в планетарном масштабе – ценности человеческой жизни. Духовные и цивилизационные ценности всегда лежали в основе мировоззрения любого этноса и нации, строить политические системы и системы международных отношений без их учета не представляется возможным и по сей день, а принимая во внимание степень глобального политического, экономического и информационного проникновения в жизнь современного гражданина, важно внести в качестве общепризнанных традиции мультикультурализма в морально-нравственное измерение международных отношений.

Литература:

1. *Дугин А.Г. Теория многополярного мира. – М.: Евразийское движение, 2013. – 532 с.*
2. *Мегатренды: основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке: Учебник / Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. – М.: ЗАО Издтельство «Аспект Пресс», 2013. – 448 с.*
3. *Мировая политика: теория, методология, прикладной анализ / отв. ред. А.А. Кокошин, А.Д. Богатуров. – М.: КомКнига, 2005. – 432 с.*
4. *Nistarova A.A. Международная этика и проблемы мирового сообщества // Наука и общество. – Лондон: SCIEURO, 2016. – № 3-1. – С. 166-176. – Режим доступа: http://scieuro.com/wp-content/uploads/2017/01/166-176.pdf (дата обращения: 30.01.2018).*
5. *Современная мировая политика: прикладной анализ / отв. ред. А.Д. Богатуров. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 592 с.*
6. *Тойнби А.Дж. Постижение истории. – М.: Айрис-Пресс, 2010. – 640 с.*
7. *Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2016. – 640 с.*

Перфильева Милена Егоровна,

Федеральное агентство по делам молодежи, Москва, Россия

Ответственность развитых стран за становление развивающихся стран

В современное время мир является единой глобальной системой, в которой любое государство не может существовать отдельно от других

государств и вынуждено учитывать мнение и реакции других государств даже при формировании внутренний политики. Событие, происходящее на одном конце Земли, с большой вероятностью повлияет на положение на другом конце. Стабильность нашей планеты и развитие мирового сообщества зависит от поведения государств, находящихся на разных уровнях социально-экономического развития. Как установил Иммануил Валлерстайн, одни страны формируют ядро – развитые страны, другие представляют собой периферию и полупериферию – развивающиеся страны. Это является структурным неравенством в международных отношениях. Данное положение вещей обусловила предшествующая многолетняя история. Современные развитые государства ранее зачастую были колониальными империями, которые охватывали огромные территории и множество народов. С целью удержания власти колониальные державы репрессировали местных жителей, борющихся за независимость своих стран. Исторические процессы привели к подрыву доверия между развитыми и развивающимися странами в настоящее время. Так, многие страны Юго-Восточной Азии по-прежнему не доверяют Японии, страны Индокитая – Франции, а лидеры Никарагуа, Венесуэлы и Боливии, обвиняют развитые страны в неоколониализме и не идут на сотрудничество даже ради решения собственных проблем. Кроме того, Европа и США в XIX – пер. пол. XX в. во время своей индустриализации мало заботились об окружающей среде и экологии: портили планету вредными выбросами десятки лет. Теперь, когда стали экологическое состояние планеты стало угрожающим, развитые страны требуют от развивающихся, которые еще не прошли стадию индустриализации, соблюдать экологические нормы и применять дорогостоящие «зеленые технологии», что означает дополнительные издержки для небогатых развивающихся стран. В данном случае оправданно недовольство представителей развивающихся стран ограничениями, которые на них пытаются наложить. Отсюда возникает необходимость развитым странам взять на себя ответственность за обеспечение устойчивого развития развивающихся стран, иначе нашей планете грозит экологическая катастрофа. С другой стороны, воздействие оказывается дипломатическими учреждениями, как-то: ООН, АСЕАН, МЕРКОСУР, НАФТА, ШОС и др. На встречах организаций обсуждаются глобальные проблемы, организация взаимодействия между странами и проблемы развивающихся стран.

Существует сеть транснациональных некоммерческих организаций (Amnesty International, Greenpeace, Red Cross), которые занимаются привлечением внимания официальных правительств к решению глобальных проблем во всех уголках Земли. Они формируют общественное мнение в пользу сотрудничества и помощи развивающимся странам, особенно по вопросам защиты прав и свобод человека и экологическим кризисам. Идеальным решением представляется взаимовыгодное сотрудничество между развитыми и развивающимися странами. Развитые страны обладают технологиями, знаниями и инвестициями, развивающиеся - трудовыми и природными ресурсами. Развитым странам следует по льготным условиям

обеспечивать фильтры для промышленных предприятий развивающихся стран, создавать фонды по организации предотвращения и борьбы с последствиями стихийных бедствий, помогать правительствам бедных стран проводить вакцинацию населения от эпидемий и принимать другие возможные меры по решению глобальных проблем. В обмен на эту помощь развивающиеся страны включают в повестку дня борьбу с глобальными проблемами, принимают на себя ряд обязательств по реализации принятых программ и оказывают полное содействие развитым в их деятельности. Также современными формами поддержки развивающихся стран являются внедрение передовых технологий в разных сферах, инвестиции и интеллектуальная помощь в разработке реформ, при чем реформы должны быть подходящими для конкретной страны. Эффективно сохранять стабильность в планетарном масштабе можно только совместными усилиями всех стран мира при содействии наднациональных органов власти и транснациональных корпораций. Существует ряд факторов, ограничивающих ответственность развитых стран, что отрицательно воздействует на мировую ситуацию: 1) исторические конфликты и память народов 2) неравенство партнеров, когда требуется равенство 3) разный уровень развития порождает разные интересы, которые сложно совместить 4) сложность устойчивого развития из-за нестабильности режимов в развивающихся странах 5) незаинтересованность развитых стран в развитии стран второго порядка. Возможностями для повышения ответственности развитых стран являются:

1) развитая сеть дипломатических учреждений и контактов
2) глобальное гражданское общество
3) повышения уровня образования лидеров развивающихся стран
4) взаимовыгодное сотрудничество с использованием потенциала обеих сторон Естественный выход лежит в использовании возможностей и нивелировании или обхождении ограничений.

Глобализация неоднозначна: она ускоряет трансформацию авторитарных государств в государства с демократическими началами, создает благоприятные условия для сотрудничества, вовлекает развивающиеся страны в процессы мировой экономики. С другой стороны, развивающиеся страны становятся все более зависимы от развитых, что негативно сказывается на их внутригосударственных процессах.

Подпорина Надежда Евгеньевна,
ГАПОУ СО "Самарский государственный колледж, Самара, Россия

Свобода предпринимательства – ответ на санкции

Новая экономическая реальность, связанная с введением США и ЕС опосредованных политическими обстоятельствами антироссийских экономических санкций, а также с принятием Россией ответных защитных

мер, происходящих на фоне замедления экономического роста в стране и снижения стоимости экспортируемых товаров, придают вопросам создания конкурентоспособной экономики, импортозамещения и стимулирования внутреннего спроса и потребления особую актуальность. Западные санкции, таким образом создали благоприятную среду для свободы предпринимательской деятельности в России. Президент России Владимир Путин считает свободу бизнеса лучшим ответом на санкции Запада, введенные в отношении России. С таким мнением он выступил на пленарном заседании юбилейного съезда «Деловой России» в Москве. В своём выступлении он высоко оценил роль общественной организации и сделал несколько важных заявлений в адрес отечественного бизнеса «Важно, что у нас общее понимание национальных приоритетов и общий подход. Он заключается в том, чтобы предоставить бизнесу максимум свободы, была запущена Национальная предпринимательская инициатива. Благодаря ей удалось снять многие административные барьеры для бизнеса, был изменен законодательный и управленческий подход.

Движение «Деловая Россия» объединяет предпринимателей, которые работают преимущественно в несырьевом секторе: в машиностроении и лёгкой промышленности, сельском хозяйстве и в сфере информационных технологий. Проекты участников ориентированы на российский рынок, на обеспечение людей качественными и доступными товарами и услугами. По инициативе организации в стране были приняты многие меры по созданию комфортной бизнес-среды, выработана идея национальной предпринимательской инициативы – системной работы по улучшению условий предпринимательской деятельности, которую Правительство Российской Федерации проводит вместе с представителями делового сообщества и экспертами. Из-за санкций Россия потеряла многих торговых партнеров, но это лишь стимул искать новых. Среди стран, с которыми России стоило бы укрепить дружеские связи с которыми уже есть соглашения - Саудовская Аравия, с которыми есть договоренность об инфраструктурных и сельскохозяйственных проектах на $10 млрд. Это и Бахрейн, который выступает соинвестором почти всех проектов РФПИ.

Также России стоит внимательнее присмотреться к таким странам, как Корея, Катар, Кувейт, Индия, Египет, советует эксперт из ВШЭ. Что касается направлений, то это инфраструктурные проекты, энергетика и энергоэффективность, сельское хозяйство и земледелие, новые финансовые продукты.

Кроме того, санкции стали серьезным поводом пересмотреть подход к предпринимательскому климату в стране, поскольку положение среднего класса резко ухудшилось, говорят во ВШЭ. Развитию бизнеса не способствуют ни налоговая нагрузка, ни излишнее регулирование, не административные барьеры.

О том, что новых налогов вводить не будут до 2018 года, власти говорят постоянно. Как и о необходимости снизить количество проверок бизнеса. Предоставляя свободу предпринимательства, государство

подразумевает, что экономическая деятельность субъектов рынка будет вестись разумно и честно.

При этом деятельность одного бизнесмена не должна ограничивать свободу предпринимательства других субъектов рыночных отношений. Это условие должно выполняться даже тогда, когда законодательно не предусмотрен прямой запрет на использование конкретного инструмента

Пугачев Михаил Дмитриевич,
Алтайский Государственный Университет, Барнаул, Россия
Сиротина Татьяна Викторовна
Алтайский Государственный Университет, Барнаул, Россия

Опыт реализации доступной среды для инвалидов в России и за рубежом

Сегодня в России согласно данным Федеральной службы государственной статистики РФ проживают 12 751 тыс. человек с инвалидностью. Однако в обществе все еще складывается обманчивое впечатление, что инвалидов в России нет. Во многом данная ситуация обусловлена отсутствием доступной среды. Термин «доступная среда» является более узким по отношению к «универсальному дизайну». Понятие «универсального дизайна» было впервые введено в употребление американским архитектором на коляске Роном Мейсом в 1985 г. Под его руководством были сформулированы 7 принципов универсального дизайна: (1) равенство в использовании людьми с разными физическими возможностями; (2) дизайн должен соответствовать множеству разнообразных индивидуальных предпочтений и способностей; (3) доступность любому пользователю независимо от опыта, знаний, языковых навыков и уровня концентрации в данный момент; (4) информация должна легко восприниматься независимо от условий окружающей среды и особенностей восприятия пользователя; (5) сведение к минимуму опасности или негативных последствий случайных или непреднамеренных ошибочных действий; (6) потребитель должен максимально эффективно и комфортно пользоваться окружающей средой; (7) габариты и конфигурация пространства должны быть удобны для подхода, доступа, манипуляций и использования любым человеком независимо от его роста, фигуры или степени подвижности [2, с. 83]. В 2011 г. началась реализация Федеральной целевой программы «Доступная среда». Целью программы является «создание правовых, экономических и институциональных условий, способствующих интеграции инвалидов в общество и повышению уровня их жизни». Программа включает в себя несколько этапов: (1) 2011 2012 годы; (2) 2013 2015 годы; (3) 2016 2018 годы; (4) 2019 2020 годы. В 2016 г. для реализации целей ФЦП «Доступная среда» выделено 47 миллиардов рублей [1]. В большинстве западных стран инвалиды интегрированы в

общество. «Для того, чтобы человек с ограниченными физическими возможностями не чувствовал себя ущемленным, мог самостоятельно выходить из дома, делать покупки, гулять и дышать свежим воздухом, даже заниматься спортом в меру доступного, все продумано до мелочей. Всюду пандусы, будь то жилой дом, супермаркет или любое другое учреждение. У тротуаров на перекрестке скошен бордюр, чтобы можно было съехать на коляске... Вы не найдете многоквартирного дома без лифта, а также не найдете с таким лифтом, в который не поместится коляска. Если же лифта все же нет в силу малоэтажности, то помимо лестницы предусмотрен пандус для коляски. В тех общественных местах, где двери открываются вручную, рядом непременно есть еще одна с кнопкой как у дверного звонка на соседней стене, но на расстоянии вытянутой руки, доступном для сидящего человека. Подкатил инвалид на своем транспортном средстве, нажал, и именно эта дверь откроется автоматически» [3]. В России люди с физическими нарушениями чаще всего сидят дома и только единицы решают сломать стереотипы и жить полноценной жизнью. Прошло уже 5 лет как реализуется программа «Доступная среда», но до полноценной жизни инвалидам в России еще очень далеко. При строительстве новых зданий стараются учитывать нужды инвалидов, ставят лифт и пандус согласно требованиям ГОСТа. У этих зданий широкие двери, в которые может заехать инвалидная коляска. Но большинство учреждений здравоохранения, образования, культуры, социальной сферы до сих пор находятся в старых, советского образца, зданиях. Эти здания нуждаются в реконструкции и переоборудовании, что требует больших средств, которых часто не хватает. Общественный транспорт нуждается в подъёмниках. Железнодорожный транспорт уже имеет некоторые успехи в реализации доступной среды для инвалидов. В частности, появились вагоны, в которых есть одно оборудованное купе. Это купе предназначено для инвалидов, с подъёмом коляски в вагон помогает специальный подъёмник, проем расширен. Однако проблема состоит в том, что в этот вагон еще нужно попасть. В большинстве вагонов дверные проемы очень узкие и без помощи постороннего человека колясочник не сможет продвинуться. Старые дома и лестницы тоже являются большой проблемой для инвалидов. Чтобы дойти до магазина или аптеки нужно уметь преодолеть высокие пороги и бордюры, разбитый асфальт, забраться по пандусу с наклоном 45 градусов и выше, если он вообще есть. Чаще всего предприниматели и чиновники не стараются сделать пандус согласно нормативам, важнее, чтобы на бумаге он был, а как он сделан, совсем не важно. Какие только пандусы не делают в России: узкие, с высоким наклоном, без перил. Учреждение становится доступным на бумаге, а по факту нет. Еще одной проблемой для свободного перемещения по улице является подземные переходы. Интересен опыт западных стран в этой области. В Великобритании в переходы инвалид-колясочник может самостоятельно спуститься и подняться. В России подземные переходы и метро недоступны для людей с ограниченными возможностями. Ситуация с автомобилями и парковками для инвалидов также требует внимания. Во

Франции люди с проблемами опорно-двигательного аппарата получают от государства автомобиль и парковочное место. Даже если все парковки заняты, ни один француз не займет парковочное место инвалида из-за огромного штрафа. В России же за парковочными местами никто не следит и штраф, закрепленный на законодательном уровне настолько мал, что он ни для кого не угроза.

Литература:

1. *Государственная программа Российской Федерации «Доступная среда» на 2011 – 2020 годы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://www.rosmintrud.ru/ministry/programms/3/0*
2. *Догадина О.В., Сиротина Т.В. Универсальный дизайн: история и современность // Теория и практика социальной работы: история и современность : сбор. науч. трудов. –Барнаул, 2014. – С. 83.*
3. *«КАК ОТНОСЯТСЯ К ИНВАЛИДАМ ЗА РУБЕЖОМ»? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.liveinternet.ru/users/4455035/post279072497*

Рахманов Азат Борисович,

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Территориальное распределение капиталистических классов в России и других странах мира

Важной характеристикой капиталистических классов любой страны является их территориальное распределение, т.е. размещение в городах соответствующей страны. В первую очередь имеет большое значение, степень концентрации в ведущих городах. Под ведущим городом страны здесь подразумевается город, обладающий, по крайней мере, двумя из трех признаков: во-первых, столичный статус, во-вторых, статус самого населенного города и, в-третьих, статус города с наибольшим количеством проживающей здесь бизнес-элиты (долларовых миллиардеров и миллионеров). Ведущий город – это центр экономической, социальной и культурной жизни, это главный командный пункт управления страной и (в случае больших стран) один из пунктов управления миром. Ведущий городами России, США, Германии, Франции, Китая, Турции, Бразилии, Индии и Австралии являются Москва, Нью-Йорк, Берлин, Париж, Пекин, Стамбул, Сан-Паулу, Мумбаи и Сидней соответственно. Как видим, довольно часто ведущий город – это не столица страны. Согласно нашему анализу рейтингов миллиардеров, в Москве в 2016-2017 проживало 86,76% миллиардеров и 51,67% миллионеров страны. Более высокие показатели только в Бангкоке, Стамбуле и Сеуле. В отличие от этого в большинстве ведущих городов наиболее важных стран мира уровень концентрации бизнес-элиты был намного ниже. В Нью-Йорке находилось 15,93% миллиардеров и 7,73% миллионеров, Берлине – 3,51% и 4,23%, Париже – 72,00% и 38,15%, Лондоне – 58,43% и 44,48%, Пекине – 18,73% и 16,97%, Токио – 59,52% и 24,00%, Мумбаи – 42,00% и 17,44%, Сан-Паулу – 51,16% и

41,67%, Джакарте – 58,82% миллиардеров и 54,75% миллионеров [1, 69]. Где проживают супербогачи в России, помимо ее ведущего города? Российские миллиардеры, помимо Москвы, жили в 9 российских городах: в Казани – 4 миллиардера, в Санкт-Петербурге – 3, Екатеринбурге – 2, Краснодаре, Верхней Пышме, Сургуте, Магнитогорске, Иркутске и Соликамске – по 1 миллиардеру [2, 79]. Как видим, второй столицей миллиардеров России является Казань, а не Санкт-Петербург, как можно было бы подумать, что объясняет многое в отношениях федерального центра и Татарстана. Для России характерна очень высокая концентрация высшего слоя капиталистического класса. Случай нашей страны особенно примечателен в силу того, что она является самой большой по территории страной в мире. Гиперконцентрация бизнес-элиты в столице России является безусловным недостатком, поскольку детерминирует значительные социально-экономические различия между Москвой и остальной территорией страны, способствует созданию эффекта «двух Россий». Москва – это почти первый мир, а провинция – почти третий. «Московоцентричность» нашей бизнес-элиты способствует ее квазиколониальному отношению к стране в целом, рассмотрению ею всех других регионов РФ и, следовательно, подавляющего большинства населения страны как объекта для эксплуатации, что, безусловно, не способствует долгосрочным интересам страны. Преуспевание Москвы и прозябание подавляющего большинства других городов и регионов является одной из важных форм социальной несправедливости и острейших социальных проблем России. Оптимальным является более равномерное территориальное распределение капиталистического класса, как в большинстве других стран мира. Будучи рассредоточенной по территории страны, а не сверхсконцентрированной в одном месте, бизнес-элита страны волей-неволей способствует развитию всей территории государства и не превращает столицу или какой-либо другой ведущий город в высокопривилегированную территорию, вознесенную над другими регионами.

Литература:

1. *Рахманов А.Б. Капиталистические классы ведущих стран мира: сравнительный анализ // ЭКО. 2017. №10.*
2. *Рахманов А.Б. Миллиардеры и миллионеры Балтийского региона: сравнительный анализ национальных бизнес-элит // Балтийский регион. 2017. №4.*

Старчикова Маргарита Валерьевна,
Алтайский государственный медицинский университет, Барнаул, Россия
Васильева Анастасия Сергеевна
Студент, "Алтайский государственный технический университет" им. И.И. Ползунова, Барнаул, Россия

Диссенсус в урегулировании социального конфликта

Конфликты играют не последнюю роль в социальной жизни общества. Проявление противоречий между какими-либо социальными общностями является социальным конфликтом. Он может быть как скрытым, так и явным, но в его основе всегда находится отсутствие договоренности между двумя или более сторонами. Причинами возникновения конфликта могут послужить несовместимые интересы, потребности и ценности. Главными социальными причинами для конфликта могут послужить, например социальное неравенство или культурная разнородность. Но важно отметить, что не каждое противоречие перерастает в конфликтную ситуацию[1, с. 67]. Конфликты охватывают все сферы жизни людей, можно сказать, что конфликт является одним из видов взаимодействия людей друг с другом. Каждый конкретный конфликт имеет собственные субъективные и объективные составляющие. Разрешение конфликта возможно лишь при решении всех противоречий, а не только важных аспектов. Сложно предвидеть все многообразие конфликтных ситуаций, которые преподносит нам жизнь. Поэтому и в решении конфликтов многое должно решаться на месте и не перерастать в нечто глобальное. В жизни общества у социального конфликта есть две стороны. С одной стороны, благодаря конфликту общество не стоит на месте, оно развивается, достигаются определенные согласия, договоренности, находятся компромиссы. С другой стороны, последствия конфликта для общества непредсказуемы и не возможно предугадать, положительные или отрицательные последствия он оставит после себя[2, с. 23 - 34]. Одним из важнейших условий для разрешения конфликта является современное и точное выявление существенных противоречий, интересов и целей. Другим, важным условием является взаимная заинтересованность в преодолении противоречий на основе признания интересов противоположной стороны. Одним из лучших методов решения конфликтной ситуации, считаются переговоры, так же эффективным считается участие в переговорах третьих лиц. Самым лучшим итогом разрешения конфликта, является достижение какого-либо согласия по тем проблемам, которые вызвали противоречия и борьбу у субъектов этого конфликта, но это бывает не всегда возможно [3, с. 60]. Очень часто остается много не разрешенных диссенсусов. Понятие диссенсус означает сильные недопонимания между оппонентами и не нахождение общей точки соприкосновения, на которой мог бы совершиться консенсус.

Рассматриваться диссенсус может и в широком и в узком смысле этого слова. В более узком понимании диссенсус рассматривают как отсутствие соглашения между противоборствующими сторонами. Это явление является обратным консенсусу. Но так же, диссенсус не исключает возможность примирения оппонентов. В широком смысле, диссенсус означает, что возможно решать определенные проблемы, не дожидаясь единого подхода ко всем имеющимся вопросам и тотального согласия всех участников конфликта. В этом смысле диссенсус можно воспринимать как форму стабилизации конфликта [4, с. 90]. Диссенсус может быть: - Явным - между субъектами конфликта нет общего согласия по поводу важнейших и основополагающих вопросов. - Скрытым – при не глубоком взгляде все происходит, как при консенсусе есть согласие почти во всех относительно важных и принципиальных вопросах, но есть так же и не договоренность по каким-то не серьезным и не особенно важным вопросам. Однако эти не серьезные договоренности могут скрывать под собой достаточно серьезные разногласия. На практике значимость диссенсуса состоит в раскрытии и решении проблем, разделяющих людей. Для того, что бы переговоры прошли успешно при явном диссенсусе, его важно, прежде всего, понять и искоренить. Строить общение исходя из необходимости постепенного решения всех возникающих вопросов, важных для участников этого конфликта. Не стоит пренебрегать решением каких- то мелких вопросов, которые, как кажется, не приносят большого значения в урегулировании конфликта. Затем переходят к наиболее сложным и серьезным вопросам. И если в данный промежуток времени эти вопросы не удается решить, то можно воспользоваться тактикой «отложенных решений». Так же случаются такие конфликты, в которых нет принципиально важных разногласий по основным вопросам, то диссенсус может послужить основой для компромисса или консенсуса. В переговорном процессе выявляется мера уступок, выгоды обеих сторон. Мирное соглашение по всем основным вопросам может быть достигнуто и между оппонентами, находящимися в диссенсусе друг с другом по частным вопросам. Но все же и в том и другом случае завершение конфликта могут остаться объективные причины для его продолжения или для начала нового конфликта. Вновь возникающие или обостряющиеся конфликты могут помочь более объективно взглянуть и оценить суть преодоленных и оставшихся противоречий. Новый этап конфликтного взаимодействия может произойти на новом уровне и при других обстоятельствах. Диссенсус, как метод эффективного урегулирования конфликта применяется в тех случаях, когда невозможен компромисс или консенсус по всем вопросам. Когда противоположные стороны готовы заняться новым поиском скрытых потребностей, интересов и альтернативных решений. Он показывает все явные и скрытые точки соприкосновения, которые отражают близкие подходы к урегулированию или завершению конфликта. Так же в процессе переговоров определяются основные принципы, на основании которых возможно достичь соглашения [5, с. 12-13].

Литература:

1. *Абакумова И.В. // Вопросы психологии. – 2003. - №3. – 129 с.*
2. *Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Современная социальная психология, Теоретические ориентации. – М,: МГУ, 1978. – 269 с.*
3. *Донцов А.И., Емельянов Е.Н., Иванов И.А. Социальная психология современного коллектива. – М.: Наука, 1987. – 213 с .*
4. *Аронсон Э. Социальная психология. Психологические законы поведения человека в социуме. – М.: Прайм-Еврознак, 2002 – 558 с.*
5. *Парыгин Б.Д. основы социально- психологической теории. – М.: Мысль, 1971. – 350 с.*

Столетов Олег Владимирович,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Проблема формирования многостороннего подхода к политическому урегулированию вооруженного конфликта в Сирии

На фоне прошедшего в Сочи в конце января 2018 года Конгресса сирийского национального диалога (КСНД), поддержанного Россией, Ираном, Турцией и ООН, проблема формирования ответственного многостороннего международного подхода к политическому урегулированию вооруженного конфликта в Сирии продолжает оставаться крайне актуальной. В числе факторов, негативно влияющих на выработку такого подхода, следует назвать: сохранение террористической угрозы со стороны различных вооруженных группировок на территории Сирии; продолжение применения в одностороннем порядке вооруженных сил державами, вовлеченными в военные действия на территории Сирии, для решения собственных геополитических задач; целенаправленная дискредитация ключевых участников сирийского урегулирования (России и Ирана) со стороны США; неприятие президента Сирии Б. Асада в качестве легитимного главы государства со стороны США, их союзников, ряда оппозиционных сирийских организаций и Турции. Сложность нахождения в ходе переговорного процесса инклюзивного многостороннего подхода к политическому урегулированию в Сирии усугубляется фрагментацией государственности в этой стране. Наиболее существенным вызовом для сохранения Сирии в качестве единого государства стало провозглашение в марте 2016 года федеративного региона на территории страны – Демократической федерации Северной Сирии. В сентябре 2017 года на территории самопровозглашенной федерации были проведены первые муниципальные выборы. В декабре 2017 года сирийские организации курдов заявили о том, что в случае получения приглашения готовы принять участие в КСНД в Сочи лишь как представители от провозглашенного ими квазигосударственного образования. После начала Турцией 20 января 2018 года военной операции против вооруженных формирований сирийских курдов в районе Африн на северо-западе Сирии влиятельная оппозиционная Б. Асаду сила в Сирии – прокурдская партия «Демократический союз»,

официально признанная в Турции террористической организацией, отказалась от участия в КСНД. Параллельно с международными попытками в формате женевских и астанинских переговоров найти политическое решение для Сирии происходит продолжение санкционного давление на официальное руководство этой страны. В апреле 2017 года США ввели санкции против 271 сотрудника сирийского научно-исследовательского центра в ответ на якобы проведенную по указанию официального руководства Сирии химическую атаку с использованием зарина в Хан-Шейхуне. В мае 2017 года Евросоюз принял решение о продлении санкций против правительства Сирии на очередной срок – до 1 июня 2018 года. Россия и Иран не только подвергаются санкционному давлению со стороны США и их союзников, но и позиционируются в качестве государств, представляющих угрозу международной безопасности. Подобная политика Соединенных Штатов создает дополнительные точки напряжения, чреватые перерастанием сирийского конфликта в полномасштабное межгосударственное военное противостояние. Так, ответом Ирана на очередные американские санкции стало принятие парламентом страны в августе 2017 года плана противодействия, предусматривающего расширение финансирования ракетной программы и зарубежных военных операций Корпуса стражей исламской революции. Сформулированная в Оборонной стратегии США 2018 года позиция по поводу приоритетности угроз международной безопасности позволяет говорить о проблематичности перспективы многосторонней консолидации в вопросе сирийского урегулирования на основе противостояния международному терроризму: «Отныне не терроризм, а стратегическое соперничество между странами является главной проблемой для национальной безопасности США» [1]. Российские войска на территории Сирии, уже после объявления президентом В.В. Путиным 6 декабря 2017 года о полном разгроме «Исламского государства» в этой стране, продолжают сталкиваться с военно-террористической угрозой. 31 декабря 2017 года российская военная база Хмеймим подверглась минометному обстрелу, в ходе которого двое российских военных погибли. В ночь с 5 на 6 января 2018 года террористы, используя ударные БПЛА, попытались атаковать авиабазу Хмеймим и пункт материально-технического обеспечения ВМФ России в Тартусе. Впоследствии, 3 февраля 2018 года, в сирийской провинции Идлиб террористами был сбит российский самолет Су-25, пилот которого погиб. Подобные инциденты препятствуют деэскалации сирийского конфликта, трансформации последнего в процесс политического урегулирования, создают дополнительные сложности для выстраивания интенсивного диалога по линии общественной дипломатии. Текущая динамика сирийского конфликта хорошо демонстрирует уровень международной разобщенности и остроту геополитической конкуренции в современном мире. Сохраняющиеся столь длительное время нежелание и неспособность международного сообщества прийти к приемлемому компромиссу по вопросу будущего Сирии позволяет говорить о сохранении тенденции региональной политико-военной турбулентности. Многомерная

межгосударственная политика санкций и контрсанкций, получающая все большее распространение в мире на фоне нерешенных политических конфликтов, свидетельствует о нарастании несправедливости в существующем мироустройстве, последовательно подрывающей основы национально-государственной и социально-экономической устойчивости в странах, подвергшихся агрессии и давлению извне.

Литература:

1. *Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America. – https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf*

Субочева Оксана Николаевна,

МГТУ им.Н.Э.Баумана, Москва, Россия

Международная справедливость в глобализирующемся мире

Ценность социальной справедливости как сложившегося в конкретной социальной ситуации равенства и сохраняющегося неравенства между людьми актуальна для любого общества. Проблема достижения оптимального (наилучшего из возможных) соотношения распределения материальных и нематериальных благ среди представителей социальных классов и слоев, социально-демографических групп, жителей различных стран становится все более очевидной в глобализирующемся мире. Несправедливость в международных отношениях, проявляющаяся в богатстве и доминировании одних стран, подчиненности, нищете и голоде населения других, обусловлено во многом искусственным сдерживанием технологического, экономического, торгового развития. По мнению политологов и юристов, международная, глобальная справедливость - это некие соглашения, которые ограничивают государства в возможностях и пределах доступных действий по отношению к другому государству, а ее поддержание возможно при выполнении соглашений, имеющих обязательную силу, которая обеспечивается особым международным порядком побуждения и принуждения к выполнению норм [1]. Однако в условиях узурпации международной власти несколькими странами, побуждение и принуждение других стран к выполнению норм может привести и приводит к прямо противоположному результату – росту международной несправедливости. Если вспомнить социальную теорию К. Поппера, в которой он рассматривает особенности открытого и закрытого обществ, то применительно к современным международным отношениям можно использовать термин «принудительно закрытые общества», т.е. государства, развитие которых в различных областях искусственно сдерживается международными санкциями. В результате существенно снижается их технологический, экономический, торговый потенциал. В

условиях глобализирующегося мира, предполагающего интеграцию и взаимозависимость государств, «выпадение» какой-либо страны из мировой экономики приводит к ослаблению внешнеэкономических связей, технологической отсталости, ухудшению качества жизни населения, замедлению решения глобальных проблем современности в целом.

В таком тревожном контексте усиливается политическое противостояние, которое может привести как к локальным вооруженным конфликтам, так и гибридным войнам. В этой связи возрастает регулятивная функция организаций, ответственных за соблюдение норм и правил поведения субъектов в системе международных отношений. Однако международные социальные институты, в основном созданные после окончания Второй мировой войны для укрепления международной безопасности и поддержания мира, по мнению ученых, в настоящее время сталкиваются с нарастающими вызовами воспроизводства несправедливости. Так, анализируя деятельность ООН, стремящейся руководствоваться ценностями гуманистического поведения, эксперты обращают внимание на декларативность ряда документов[2], принятых за последнее десятилетие. В частности, 30 испано-язычных общественных организаций-наблюдателей выразили обеспокоенность нерешенными вопросами защиты прав человека в случае транснационального бизнеса. Они отметили, что создание механизмов отдано на откуп национальным правительствам, которые часто не заинтересованы в защите прав человека в случаях их нарушения транснациональными корпорациями[3]. Таким образом, международной безопасности угрожают не только военные конфликты, но и неэффективные действия национальных правительств или международных корпораций, ведущие к социальным потрясениям.

Другой важной проблемой, обостряющей несправедливость в мировой политике, является навязывание десуверенизации. Анализируя постклассическую версию либерально-идеалистической парадигмы в западной теории международных отношений, сформировавшуюся в 90-х годах прошлого века, П.А.Цыганков отмечает ее направленность на «эрозию национально-государственного суверенитета» в эпоху глобализации и замену его «широкими международными объединениями, формирующимся на основе единого свободного рынка, общих нравственных ценностей и универсальных правовых норм» [4]. М.В. Солянова, рассматривая другую концепцию, «согласованной безопасности», отмечает, что агрессивное продвижение идеи демократизации провоцируют нетерпимое отношение к любым нарушениям формирующегося демократического мирового порядка, предусматривающих как методы мирного принуждения, так и военные операции силами ООН, НАТО и др. региональных организаций безопасности для пресечения нарушений демократии[5]. Национальный суверенитет стран, не разделяющих идеи всеобщей демократизации, оказывается под угрозой, причем ограничение суверенитета одних государств идет одновременно с укреплением суверенитета ведущих мировых держав - инициаторов этого процесса. Как справедливо отмечает Э.Г.Соловьев, противоречие между

тенденциями к суверенизации и десуверенизации государств будет служить перманентным источником международной напряженности[6], и, в конечном итоге, приведет к обратному результату. Защитной реакцией стран на принудительную десуверенизацию станет необходимость отстаивания и укрепления собственного национального суверенитета в международных отношениях.

Литература:

1. *Курбатова И.В. Проблемы справедливости в мировой политике. - Актуальные вопросы современных общественных наук / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. №3. Екатеринбург, 2016, 78 с.*
2. *Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека. Режим доступа: http://www.business-humanrights.org/media/documents/ruggie/ruggie-guiding-princi-ples-russian-21-mar-2011.pdf.(дата обращения 23.01.2018)*
3. *Мониторинг и измерение социальной несправедливости: исследование опыта ООН. Режим доступа:https://studwood.ru/775785/sotsiologiya/monitoring_i_izmerenie_sotsialnoy_nespravedlivosti_issledovanie_opyta_organizatsii_obedinennyh_natsiy(дата обращения : 25.01.2018)*
4. *Цыганков П.А.Теория международных отношений: Хрестоматия /Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. – М.: Гардарики, 2002. – 400 с.*
5. *Солянова М.В. Россия и Америка в XXI веке. Электронный научный журнал. №3, 2014, Режим доступа:http://www.rusus.ru/(дата обращения : 26.01.2018)*
6. *Соловьев Э.Г. Проблемы трансформации международных правил игры в контексте эволюции концепции суверенитета.- Россия и мир: анатомия современных процессов: Сборник статей /Под ред. Е.А. Нарочницкой – М.: Международные отношения, 2014,680 с.*

Сычева Екатерина Юрьевна,

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, РФ

Задойко Анастасия Вячеславовна

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, РФ

Вооруженные конфликты, экономические санкции как проявление несправедливости в международных отношениях

Читая историю, можно понять, что в любое время оружие было и будет главным в решении конфликтов, а это с неизбежностью приводит к войне. Актуальность обращения к социальной справедливости в социологии международных отношений не вызывает сомнений. Об этом сказано во многих публикациях, в том числе [3, 4, 6, 7, 11, 12]. Сколько бы ни проповедовали гуманисты и пацифисты противоестественность и бесчеловечность войн, вооружённые конфликты продолжаются. При этом некоторые «ловкие коммерсанты делают на войнах неплохой бизнес: торговля оружием, поставки продовольствия, предоставление убежища и другие сопутствующие услуги» [13]. Мы игнорируем плачевный опыт наших предков. Общество как будто специально закрывает себе глаза и уши, чтобы снова наткнуться на старые грабли. XXI век считается веком информационных технологий [10, 1, 2], но, увы, это, с нашей точки зрения,

не так. Это военно-политический век. Он войдёт в историю как напоминание и предостережение о последствиях войны. Произошли конфликты в Северном Ливане, Сомалийская война, революция в Тунисе, гражданская война в Ливии, восстание в Бахрейне, гражданская война в Сирии, на Украине, в Ираке. Конечно, главной причиной войн и конфликтов являются противоречия между странами и внутри стран. Также страшно то, что есть ядерное оружие. Оно может стереть целую страну с лица Земли и привести к ужасным последствиям. Так, на протяжении нескольких лет длится конфликт между Северной и Южной Кореей. Но в прошлом году Ким Чен Ын начал военные испытания ядерного оружия. 2017 год оказался напряжённым. Северная Корея грозилась США и Южной Корее «ядерными силами». Япония, Южная Корея и США смогли благополучно перейти в 2018 год без кровопролитий. Что касается России и США, то это два больших государства, можно сказать, братья, которые не могут понять друг друга и постоянно соревнуются, чтобы показать, кто лучше, кто сильнее. Между Россией и США холодная война. США старается Россию уличить в чём-то плохом. К примеру, комиссия WADA постоянно обвиняет российских спортсменов в принятии допинга, из-за чего отстраняет наших лучших спортсменов от Олимпийских игр. Российские спортсмены, не замешанные в употреблении допинга, смогут выступить под нейтральным флагом, сообщает из Лозанны корреспондент Русской службы Би-би-си Юри Вендик. Это первое в истории отстранение от Олимпиады страны за допинг. Оно означает, что «на Олимпиаде-2018 не будет российского флага и гимна, а российские спортсмены, чистоту которых подтвердит Всемирное антидопинговое агентство и международные федерации соответствующих видов спорта, смогут выступить в Пхенчхане в нейтральной форме» [14]. Бизнес приходит на смену войне. В настоящий момент войны из разряда вооружённых конфликтов нередко переходят в экономическую плоскость. Экономические санкции – это одно из действенных орудий, которыми пользуются развитые государства. Дело в том, что большинство цивилизованных стран в относительно короткие сроки успело наладить разветвлённые и прочные экономические связи. Пока не все готовы признать, но большинство экономических развитых государств зависит друг от друга. «Времена изолированности миновали и, учитывая выгоду, которую получают бизнесмены от международного сотрудничества, вскоре, возможно, станет вполне очевидным, что вести совместный бизнес куда прибыльнее, чем ввязываться в локальные вооружённые стычки» [13]. К примеру, вводятся санкции против России. Украинский конфликт является удобным формальным поводом для ограничения (устранения) конкуренции со стороны российских компаний на мировом и прежде всего - европейском рынке, так как транснациональные компании стран развитых экономик не заинтересованы в (перспективном) уменьшении своей доли и росте конкуренции на мировом рынке. Ввели санкции в нефтяной отрасли, что позволяет выдавить российские нефтяные компании с европейского рынка и позволяет американским и британским компаниям занять их место и

рыночную долю. В отношении Газпрома в ближайшие годы санкции применены вряд ли будут, ввиду отсутствия технической возможности альтернативных поставок газа в ЕС в настоящее время. Но «поскольку для американских и британских компаний рынок Европы выглядит крайне перспективным, то налагаемые санкции в настоящее время будут направлены на все перспективные проекты Газпрома, как внутри России, так и за её пределами» [15]. Необходимо признать, что каждому развивающемуся государству всегда требуется обширная территория, рабочий обслуживающий персонал, источники лёгких денег. Каждая нация в определённый момент своей истории предъявляет права на независимость. Поэтому о полном прекращении войн пока и речи не идёт [13], что вызывает сожаление у прогрессивно мыслящих людей, обеспокоенных выживанием планеты Земля и стремящихся к межкультурному, экономическому и другим взаимодействиям стран мира [8, 5, 9], к справедливому разрешению конфликтов.

Литература:

1. *Бедягин С.А. Витальная максима образа жизни / С.А. Бедягин, П.Н. Киричек // Регионология. 2014. № 1 (86). С. 99-108.*
2. *Киричек П.Н. Массмедиа и воспитание: санация информации // В сборнике: Ценностные ориентиры современной журналистики: сборник научных статей V Всероссийской научно-практической конференции. Пенза, 2017. С. 108-115.*
3. *Киричек П.Н. Массмедийный дискурс этнополитической коммуникации / П.Н. Киричек // Коммуникология. – 2016. – Т. 4. – № 1. – С. 29-41.*
4. *Киричек П.Н. Молох глобализации и духовные интенции российской молодёжи / В сборнике: Русский универсум в условиях глобализации. Сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции. Научный редактор: Е.В. Валеева; Ответственный редактор: С.В. Напалков; Арзамасский филиал НГГУ; Фонд «Русский мир». 2016. С. 139-148.*
5. *Киселев А.Г. Модели государственного реформирования сельского хозяйства: прошлое и настоящее / А.Г. Киселев, С.А. Шилина // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2017. – № 17 (4). – С. 481-490.*
6. *Комков Д.Е. Регионы в зоне демографического риска: минус-тенденции миграции и урбанизации / Д.Е. Комков, П.Н. Киричек // Регионология. – 2017. – № 1 (98). – С. 139-148.*
7. *Коркия Э.Д. Концепт экологической культуры: «пределы роста» или резервы для развития / Э.Д. Коркия, А.Р. Курбанов, А.К. Мамедов // Экология и промышленность России. 2017. № 6. С. 58-63.*
8. *Пузанова Ж.В. Представления о современном мире граждан Беларуси, России и Украины: методические аспекты социологического исследования (на примере студентов РУДН) / Ж.В. Пузанова, Т.И. Ларина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социо*
9. *Шилин А.М. Современное состояние духовной культуры, эксплицированное языковыми средствами в управленческом дискурсе / А.М. Шилин, С.А. Шилина // В сборнике: Традиционная культура на территории Российско-Белорусского пограничья: историко-этнографический и лингвокультурологический аспекты: Материалы XIV международной научно-практической конференции (г. Новозыбков, Брянская область. 14-15 ноября 2012 г.). / Под ред. С.Н. Стародубец, В.В. Мищенко, В.Н. Пустовойтова, Ю.А. Шевцовой, О.В. Белугиной. – Брянск: РИО БГУ, 2012. – 473 с. – С. 451-455.*
10. *Шилина С.А. Коммуникативно-стилистический код как средство усиления волюнтативного вектора управленческого дискурса // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2014. Т. 20. С. 4616-4620.*
11. *Liadova A.V. The burnout among emergency physicians: evidence from Russia (sociological study). / A.V. Liadova, E.D. Korkiya, A.K. Mamedov, N.A. Panich // Man in India. 2017. Т. 97. № 15. С. 495-507.*
12. *Vasilyev A.V. Conspicuous consumption as an attribute of socio-cultural decadence in Russia / A.V. Vasilyev, V.K. Kovalchuk, E.D. Korkiya, A.K. Mamedov // Man in India. 2017. Т. 97. № 10. С. 399-414.*

13. *Андерсон Д. Бизнес – это война. 5 сент. 2017 г. [электронный ресурс] // Режим доступа: http://7books.ru/ readbook/biznes-yeto-voyna-donald-anderson/*
14. *Юри Вендик. Сборную России отстранили от зимней Олимпиады-2018. 5 декабря 2017. Русские новости [электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.bbc.com /russian/news-42238663*
15. *Информационный Центр Мировой Экономики. 2013-2018. Экономические санкции против России [РФ]: причины, анализ, списки, последствия [электронный ресурс] // Режим доступа: http:// weic.info/ekonomicheskie_stati/ekonomicheskie_ sankcii_protiv_ rossii_rf_prich*

Терновая Людмила Олеговна,
МАДИ, Москва, Россия

Влияние идей социальной справедливости во внутренней политике США на внешнеполитическую повестку

Глобализация придала проблеме социальной справедливости новую глубину. В связи с тем, что лидером глобализации выступали Соединенные Штаты Америки, идеи социальной справедливости в мировом масштабе несли отпечаток внутриполитических американских подходов к внешней политике. Выделяются три группы лиц, принимающих решения, связанных с трансляцией понимания социальной справедливости в США в мир: президенты, представители крупного бизнеса, эксперты. Пост главы государства связан с высокой ответственностью за принимаемые решения. Роман Ф. Нибела «Ночь в Кэмп Дэвиде» повествует, как президент США сходит с ума, чуть не вызвав ядерную войну. [1] Трудно найти государственного деятеля, который бы не использовал инструментарий социальной справедливости в политической риторике, но прямых обращений к этому понятию немного. Излюбленной формулой Т. Рузвельта, чья политика назвалась «Справедливый курс», было справедливое отношение к каждому человеку. [2, с. 509] Эти идеи он переносил на внешнеполитическое поле, выражая их в отношении к иммигрантам, прилагая усилия по урегулированию международных конфликтов. Внутренняя политика Г.С. Трумэна, также наименованная «Справедливый курс», отражала стремление к экономическому прогрессу, социальной справедливости, обеспечению занятости, государственного медицинского страхования, федеральной помощи образованию. Во внешней политике Доктрина Трумэна преподносилась как стремление установить в Греции социальную справедливость.[3] Новое видение социальной справедливости для США и всего мира было продемонстрировано Б. Обамой, выступившим с президентской инициативой за экономический рост и социальную справедливость. Его пребывание во главе государства утвердило линию по превращению одного из столпов социальной справедливости — равенства — в равенство возможностей. Во внешней политике оказалось, что эта формула легко оборачивается неравенством. Соединение внутренней и внешней политики с целью борьбы с социальной несправедливостью обнаруживается

у представителей американского бизнеса, входящих во власть или оказывающих влияние на политические решения. Предпринимательский опыт Р. Макнамары формировался в компании Ford Motor. Будучи министром обороны, он издал директиву, направленную на установление социальной справедливости, считал нецелесообразным увеличение численности американских войск во Вьетнаме.[4] Работая во Всемирном банке, предпринял усилия по борьбе с эпидемией так называемой речной слепоты в беднейших странах Африки. Превращение крупных компаний в транснациональные, выступающие одновременно акторами глобальной экономики и мировой политики, требует анализа, как в этих организациях следуют задачам социальной справедливости. Исследование программ таких корпораций, как Mobil, Texaco, General Electric, AT&T, Compaq, банк TCB, выявило новый уровень заботы о людях, исходящий из того, что сотрудникам компаний присуще чувство справедливости и стремление к тому, чтобы все достигли успеха. [5] Можно предположить, что новые стандарты организации труда в ТНК будут транслироваться иным предприятиям, расширяя спектр действий социальной справедливости. Но на практике происходит усиление конкуренции, а с ним и стремление получить максимальный эффект, не улучшив условия труда, не повысив оплату. Третья группа проводников идей социальной справедливости от внутренней политике к внешней представлена экспертами. Журналом Foreign Policy составляется рейтинг ведущих интеллектуалов современного мира (The Global Thinkers). В рейтинг 2017 г. вошли «глобальные ретрансляторы — законодатели, технократы, комедианты, адвокаты, предприниматели, режиссеры, президенты, провокаторы, политические заключенные, исследователи, стратеги и провидцы».[6] Включение в него людей сцены, опередивших в нем государственных деятелей, говорит, что мир спектакля позволяет трактовать любые проблемы с точки зрения многообразия не реальности, а художественных образов.

Такой подход к социальной справедливости свидетельствует о продолжающейся эрозии содержания данного понятия, и без того довольно зыбкого. Вместе с тем, справедливость выступает в международном праве как его неотъемлемое свойство и предназначение, утверждая себя в качестве нормы, соглашения или решения. У международных акторов могут быть разные мнения о сути права, но представления о справедливости остаются идеалом истины для международного сообщества, сохраняя смысл античного афоризма, что справедливость есть постоянная и неизменная воля каждому воздавать по заслугам.

Литература:

1. *Нибел Ф. Ночь в Кэмп Дэвиде. М.: Паровая типолитография А.А. Лапудева, 2016. 381 с.*
2. *Brands H.W. TR. The Last Romantic. N.Y.: Basic Books, 1997. 928 p.*
3. *Речь Трумэна на заседании Конгресса 12 марта 1947 г. — «Доктрина Трумэна» // URL: http://www.coldwar.ru/truman/doctrine.php.*
4. *Макнамара Р. Вглядываясь в прошлое. Трагедия и уроки Вьетнама. М.: «Ладомир», 2004. 409 с.*
5. *Катценбах Дж. Истинные лидеры преобразований // URL:http://www.vestnikmckinsey.ru.*

6. *GlobalThinkers2017//URL: https://gt.foreignpolicy.com/2017/?b38e3451bc=*

Тюриков Александр Георгиевич,
Финансовый университет при правительстве РФ, Москва, РФ

Справедливость, легитимность, доверие в международных отношениях

Кризис между Западом и Россией приобретает значение «центрального конфликта» - аттрактора, вокруг которого группируется различные вопросы международных отношений, не имеющие к нему прямого отношения. Ситуация характеризуется ощущением тупика. В подоплёке кризиса лежат фундаментальные различия по широкому кругу вопросов. Это позволяет интерпретировать кризис в терминах справедливости в международных отношениях. Дж.Ролз и М.Сэндел [3, 6] под справедливостью понимают устройство мира, при котором минимизировано влияние различий на доступ к участию в благах и отношениях между людьми. Самая вопиющая несправедливость заключается в том, что «допускает влияние факторов, которые произвольны с моральной точки зрения, на доли, получающиеся в результате распределения» [6, с. 182]. «Исходная ситуация» Дж.Ролза предполагает договаривающихся об устройстве мира индивидов, которые абстрагированы от всего, что образует «мир человека» за исключением знания, что «общество подвержено обстоятельствам справедливости». Таким абстрактным индивидам априори не о чем договариваться, кроме минимизации рисков: всё, о чём они могли бы разговаривать, находится «за занавесом неведения» (Дж.Ролз). Только вот способны ли «индивиды в пробирке» вообще ставить проблему справедливости, подразумевается ли справедливость тем, о чём они договариваются? Продуктивнее сформулированное П.Сорокиным понимание «исходной ситуации». «Ему [человеку] было сказано: “Человек должен жить в обществах и приспособляться к общественному бытию, устанавливая прочные формы взаимоотношений друг с другом. Но в то же время он сам и его поведение должны непрерывно эволюционировать и сменять одни шаблоны другими. Разума ему не дается. Если нужен он ему, то пусть создает его, как умеет. Если сумеет приспособиться и эволюционировать — будет жить, не сумеет — погибнет”. И человек решает это уравнение, жертвуя миллионами себе подобных и оставляя на каждой пяди своего пути моря крови …» [5, с. 300]. Преимущества «исходной ситуации» П.Сорокина:

1) Люди, решающие проблему справедливости, не абстрагированы от «мира людей» (верований, ценностей, убеждений, прочных отношений и т.п.). Они решают проблему справедливости такими, какие они исторически есть.

2) «Исходная ситуация» воспроизводится каждый раз, когда люди сталкиваются с «дефицитом разума» перед лицом новых вызовов. В такой

ситуации люди занимаются, прежде всего, легитимацией различий (а не их элиминацией).

Поэтому именно «должные шаблоны поведения ... являются нормой и мерой «справедливости», долженствование есть синоним справедливости» [5, с. 163]. Понятно, что должное эквивалентно легитимному. В сорокинской «исходной ситуации» справедливость взаимосвязана с доверием. «Доверие … возникает, когда существует взаимное добровольное решение стать более уязвимым друг для друга ... Стороны рискуют и тем самым сообщают друг другу о том, что им можно доверять» [1]. Легитимированные различия выводятся из «зоны риска» постольку, поскольку люди доверяют друг другу и не воспринимают уязвимости как риски. Что происходит сегодня? Россия и Запад обвиняют друг друга в вероломстве, коварстве, лжи, и этим вопрос справедливости априори снимается с повестки их взаимоотношений. В.В.Путин говорит: «самая большая ошибка нашей страны в том, что мы слишком много доверились вам, а … вы восприняли это доверие как слабость и воспользовались им». (Валдайский клуб, 2017). Со стороны Запада показательна статья С.Сестановича, в которой он обобщает претензии к В.Путину: «имя Путина сегодня настолько тесно ассоциируется с ложью, что мы даже не думаем о том, чтобы ее объяснить … Позиция Путина зависит [только] от того, удастся ли скрыть правду» [4]. Более того, аналогичные претензии распространяются едва ли не на всех россиян, интерпретируются как наша «национальная особенность». Обвинения в вероломстве означают дефляцию всех возможных договоров и пр. А значит единственное, что следует делать - избегать уязвимости, минимизировать риски. И вот мы стоим уже перед лицом сорокинской исходной ситуации: «разума ему [нам] не дается …». Общество утратило «меру справедливости» в отношениях друг с другом. Каков выход? Есть ли решение? Или опять будут пролиты «моря крови» и миллионы будут принесены в поисках новых формул справедливости и доверия, и их легитимации? Прежде всего, нужно восполнить «дефицит разума», который характеризует «исходную ситуацию». Для этого свою роль в разрешении кризиса должны сыграть «интеллектуалы». От интеллектуалов, во-первых, требуются исследования, результаты которых послужат легитимации различий. Во-вторых, интеллектуалы способны инициировать процессы «коллективного социоанализа» (П.Бурде). «Осуществление этого коллективного социоанализа … может реализоваться лишь ценой длительной работы каждого над собой и над всеми другими, и только всей группой в целом. Важно создавать дискуссионные органы …, где все … будут формулировать и осмысливать коллективно … проблемы, которые могут быть общими …, но могут также их разделять и ставить в оппозицию друг к другу.

Литература:

1. *Алексеенкова Е.С. Хаос и игра без правил: о современном кризисе доверия в отношениях России и Запада. - «ПОЛИТИЯ» № 1 (76) 2015) [Электронный ресурс] politeia.ru/content/arhiv-zhurnala/1-2015/*

2. *Социоанализ Пьера Бурдье. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. — 288 с.*
3. *Ролз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск, Изд-во Новосиб. ун-та, 1955. – 536 с.*
4. *Stephen Sestanovich. Behind Vladimir Putin's Trouble With the Truth. - The Wall Street Journal, США. [Электронный ресурс], blogs.wsj.com/washwire/2016/10/02/behind-vladimir-putins-trouble-with-the-truth/, Oct 2, 2016*
5. *Сорокин, П.А.. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. — М.: Астрель, 2006. — 618 с.*
6. *Сэндел М. Справедливость. Как поступать правильно? — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. — 352 с.*

Циватый Вячеслав Григорьевич,
Институт всемирной истории НАН Украины, Киев, Украина

Глобальная институциональная архитектура и глобальные институты регулирования социальных асимметрий в международных отношениях (концепты «справедливость» и «несправедливость»): исторический и международно-политический дискурсы

В начале XXI века учёные, политики и дипломаты разных государств осуществили попытку комплексной оценки эффективности действующей системы глобального управления с целью разработки путей её дальнейшего совершенствования и устранения диссонансности концептов «справедливость» и «несправедливость» в системе международных отношений. Исторические события XVI-XVIII веков послужили истоками данного явления [1, с. 269-280]. Глобализация, вынуждая правительства делиться своими полномочиями с другими институтами, сохраняет и даже усиливает их роль как наивысшего правового, политико-дипломатического и экономического авторитета. Переход от традиционной к новой институциональной модели государственного регулирования международных отношений начался ещё в 1940-х гг., когда была образована ООН с системой международных правительственных организаций в областях, которые в середине XX в. были наиболее интернационализированными и требовали коллективного регулирования. Роль ООН как моста между государствоцентричным и полицентричным мирами диктует необходимость её функционально-структурного реформирования с целью адекватного отображения глобального перераспределения сил и урегулирования диссонантности концептов «справедливость» и «несправедливость» в социальном мироустройстве [2, с. 26-29]. Будучи объективно обусловленным процессом, глобализация существенно корректирует национальные и международные стратегии, наполняет деятельность микро- и макроэкономических структур качественно новым содержанием. В ассиметричных условиях развития корпораций, государств и международно интегрированных регионов формируются новейшие условия глобальной конкуренции и создаётся, соответственно, новейший политико-

дипломатический инструментарий по урегулированию вооружённых конфликтов и несправедливых противоречий глобализированного мира. Среди глобальных институтов регулирования социальных асимметрий (справедливость/несправедливость) ведущую роль играет на сегодня именно ООН, которая изначально была предназначена для обеспечения широкого политического сотрудничества стран с целью поддержания мира и безопасности, содействия экономическому и социальному прогрессу всех народов, устранению социальных противоречий мироустройства. Не случайно именно ООН является наиболее представительным форумом для межгосударственных дискуссий по решению актуальных социальных проблем человечества и поддержанию социальной безопасности государств. Вообще сам факт основания ООН послужил институциональным фундаментом и катализатором активной деятельности правительств государств в деле разработки и принятия национальных и международных нормативных актов, регламентирующих минимальные социальные стандарты в странах, соблюдения базовых прав и свобод человека вообще, социального равенства людей, что, бесспорно, стало первым шагом к социализации глобальной международно-политической и экономической среды. К сожалению, втянутые в водоворот глобальных взаимосвязей страны в большинстве своём не способны отстаивать свою национально-государственную идентичность, попадая под воздействие силового поля тех или иных крупных государств или макрорегионов. Наряду с межгосударственным, всё больше актуализируется диалог межцивилизационный, теоретическая подоплёка которого формировалась в рамках двух полярных подходов – общего «примирения» в соответствии с концепцией Ф. Фукуямы и раскола и столкновения цивилизаций согласно прогнозам С. Хантингтона. При этом нынешние локальные конфликты и войны, международный терроризм имеют видимые и невидимые не только социально-экономические, но и религиозно-этические межцивилизационные истоки, и последствия их будут носить глобальный характер [3, p. 26-29]. Современные глобальные институты регулирования социальных асимметрий используют диверсифицированный инструментарий разнообразных рычагов влияния на социально-экономическое положение граждан разных стран со стороны как национальных правительств, так и региональных и мировых институций. Наиболее авторитетными среди них, несомненно, в XXI веке являются подразделения ООН и структурные фонды ЕС. Что касается институциональных механизмов социализации глобальной экономики, то наиболее прогрессивными из них можно назвать Общую декларацию прав человека, Глобальную стратегию устойчивого развития, Декларацию и программы Целей развития тысячелетия, международные конвенции МОТ, Европейскую социальную хартию, Европейский кодекс социального обеспечения и Лиссабонскую стратегию. Многолетнее функционирование указанных институтов дало возможность решить ряд острейших социальных проблем, в частности, касающихся распространению высоких социальных стандартов из развитой зоны мира на остальные страны, правовой и

социальной защиты иммигрантов, региональной унификации уровней доходов определённых социальных групп и категорий и др. Тем не менее, в сегодняшнем полицентричном мире, современные институты регулирования социальных асимметрий нуждаются в существенной организационно-функциональной реорганизации. Комплекс будущих мероприятий окажет содействие дальнейшему развитию глобальных институтов социального регулирования и обеспечит более слаженную межгосударственную координацию общих действий, направленных на эффективное реагирование на вызовы глобальной среды, угрозы для современного мироустройства и несправедливости в международных отношениях новой институциональной архитектуры мира.

Литература:

1. *Циватый В.Г. Институционально-исторические традиции политико-дипломатических систем и дипломатии: социологический аспект // Социология дипломатии: Гипотеза, структура и тематические исследования: Монография / Милан Язбец, Вячеслав Циватый и др. – Киев: Дипломатическая академия Украины при МИД Украины, 2015. – С. 269-280.*
2. *Ціватий В.Г. Поліцентричність сучасного світоустрою: мегатренд XXI століття: (інституційний контекст) / В. Ціватий, О. Громико // Зовнішні справи. – 2014. – № 8. – С. 26-29.*
3. *International Relations. Edited by Stephen McGlinchey. – Bristol, England, 2017. – Part I: DIPLOMACY. – P. 26-36.*

Цыганков Павел Афанасьевич,

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Проблема (не)справедливости в международных отношениях

«Справедливость» - одно из ключевых понятий, наиболее употребимых и вместе с тем наиболее противоречивых в теории и практике международных отношений. Действительно, различные стороны его содержания дополняют друг друга не только с точки зрения расширения и уточнения его смысла, но и в плане несовпадения с реальным взаимодействием государств, культур и цивилизаций. В в реальном взаимодействии этот смысл как бы превращается в свою противоположность. Так, «справедливые международные отношения» выглядят недостижимыми в свете столкновения *этики* убеждения и этики ответственности, о котором писал Макс Вебер (1). В *юридическом плане* они нереализуемы в контексте противоречащих другу другу положений *Устава ООН* о праве наций на самоопределение и неприкосновенности государственных границ. Шесть принципов справедливой причины войны (jus ad bellum) и двенадцать критериев ее справедливого ведения (jus in bello), которые составляют основу *международного гуманитарного права* никогда и никем не выполнялись в полном объеме. Еще в большей мере это касается социетального измерения: нормы *права прав человека* очевидно и откровенно инструментализируются государствами для достижения своих целей. Складывается впечатление, что

международные отношения вообще несовместимы с понятием справедливости, что они несправедливы по своему существу. И это действительно так, если исходить из критериев одинаковой свободы, равенства возможностей и необходимой солидарности (или критерия различия), о которых говорит Дж. Роулз (2). Эти критерии не поддаются простому перенесению их на международную сферу, как к тому призывает Роулз и его сторонники. Народы не могут построить общую «вавилонскую башню» – она разрушается, ибо их разделяет не только несовпадение языков, но и соперничество интересов, целей и ценностей государств, культур и цивилизаций. Государства – главные действующие лица международной политики – лишены общего верховного регулирующего органа с правом на легитимное насилие, подобного тому, которое они имеют в сфере внутриобщественных отношений. В силу этого они озабочены собственной, в том числе физической, безопасностью и не испытывают полного доверия друг к другу. Они лишены равенства возможностей: формально, т.е. в юридическом смысле, все государства равны, но на деле они обладают нераными ресурсами, поэтому некоторые из них «равны более чем другие». Конечно, объективный интерес в справедливости, применительно к международным отношениям, существует. Более того, по мере роста взаимозависимости и обострения глобальных проблем (исчерпаемость ресурсов, сохранение природной среды, экономика, демография, распространение насилия…), обостряется и проблема ответственности государств не только в пространстве суверенитета, но и перед человечеством в целом. Однако как только эта проблема применяется к конкретной политической ситуации, на передний план выступают разногласия в среде доминирующих держав относительно средств урегулирования международных конфликтов, происходят односторонние изменения ими правил игры с целью укрепления собственных позиций, отказ от самоограничений, несогласованный отход от достигнутых ранее соглашений и т.п. Ярким примером подобного рода являются отказ США от подписания Конвенции о полном запрете противопехотных мин, от ратификации Конвенции о запрете кассетного оружия, от ратификации Киотского протокола – и все это под тем предлогом, что условия данных соглашений чересчур болезненно отразятся на их интересах. В эту же логику вписываются заявления и поведение Д. Трампа, в частности, о первостепенности Америки, о выходе из Парижского соглашения по климату и т.п. Поэтому главные вопросы справедливости в сфере международных отношений касаются не путей и средств достижения неких «абсолютных» и поэтому недостижимых критериев. Разные лидеры имеют разные представления об основных элементах состава справедливости, толкуют их по своему, с позиций собственных интересов (экономический рост, благосостояние нации, военное могущество, социально-политическая стабильность, престиж). И, как правило, они не заблуждаются относительно стремления своих партнеров к справедливости. Оценки лидерами государств международных отношений с позиций справедливости или несправедливости

адресованы, главным образом, общественному мнению «у себя дома» и за рубежом. Их функция в том, чтобы служить в качестве сильного оружия против потенциальных и реальных политических соперников и экономических конкурентов на мировой арене. Главными же являются другие вопросы. Это вопросы о том, в каком отношении находится вышеуказанная ответственность государств с фактическим неравенством их возможностей, и как ее осуществить? История и современная практика международных отношений показывает бесперспективность и опасность реализации справедливости на пути одностороннего диктата с позиций «морального превосходства» и изъятия суверенитета. Если этика ответственности и этика убеждения, как замечал М. Вебер, действительно не исключают полностью другу друга, а представляют собой «взаимодополнения, которые лишь совместно составляют подлинного человека, того, кто *может* иметь 'призвание к политике'» (1, 705), тогда справедливость представляет собой не некую абстрактную или абсолютную цель, а конкретный и постоянный процесс. Абсолютной справедливости, как и абсолютной безопасности, не существует. Она достижима лишь на пути согласования и компромиссов относительно интересов, отказа от иерархического подхода к ценностям и идеалам. Иначе говоря, на пути признания различий и диалога по поводу их уважения в реальной международной политике во все более взаимозависимом мире, в котором неумеренные и неосторожные действия чреваты возрастающим риском для всех.

Литература:

1. *Вебер М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер. Избранные произведения – М.: Прогресс, 1990. – С.644-706.*

2. *Rawls J. The Law of Peoples / On Human Rights. The Oxford Amnesty Lectures. 1993 – 262 p.*

Черникова Анна Андреевна,

Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

Миграция и социальная справеделивость

В то время как глобализация является важным компонентом накопления опыта за несколько тысячелетий, самое последнее явление экономической, социальной и политической деятельности, взаимодействие и зависимость которых характеризуют современный результат последних нескольких десятилетий. Эта нынешняя волна глобализации в частности, спровоцировала различные миграционные модели различных групп лиц из многих развивающихся и менее развитых стран. Действительно, плавное движение высококвалифицированных специалистов представляет особый интерес для изучения воздействия миграции на внутренне состояние принимающей страны. Эти модели движения, продолжают отличать нашу нынешнюю эру глобализации от предыдущих, и требуют большего внимания

и релевантности к будущему глобальному обществу и экономике. Таким образом, в данной статье акцент делается на воздействие миграции на социальную справедливость в современных либеральных обществах. Почему же тогда мы рассматриваем именно группу высококвалифицированных мигрантов? Я приведу две основные причины моего интереса к относительно мобильной, высококвалифицированной элите мигрантов а) данные мигранты вносят значительный вклад в развитие принимающей страны б) значительное число указанных мигрантов не возвращаются на родину. Моя основная задача-попытаться понять, насколько уникальна характеристика такой группы и как она затрагивает цели и принципы социальной справедливости, и в частности, влияние на экономическое равенство как в своих странах, так и в принимающих. Но сначала необходимо определить наши представления о социальной справедливости. Справедливость — основа общества, она предполагает уважение достоинства его членов и обеспечение безопасности и неприкосновенности личности. Справедливость имеет различные аспекты: правовые, судебные, социальные, экономические. Справедливость — гарантия прав и свобод человека, в случае признания виновным, каждый член обществ имеет право на справедливое судебное разбирательство, гуманное обращение, исправление и социальное перевоспитание. Социальная справедливость предполагает удовлетворение потребностей человека, справедливое распределение материальных ресурсов, доступ к таким услугам как здравоохранение и образование, создание равных возможностей, социальную защиту и обеспечение. Социальная справедливость основное средство защиты, условие для развития общества и человечества в целом. В так называемых принимающих странах влияние высококвалифицированных мигрантов на социальную справедливость неоднозначна. В то время как образование и экономические мотивы мигрирующих лиц, их возрастающие тенденции к мобильности и возможность их возвращения в родные страны. Это, без сомнения, продуктивные, возможно даже необходимые лица, которые вносят значительный вклад в принимающее общество.

Чистяков Максим Сергеевич,
Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир, РФ
Лачинина Татьяна Александровна
Российская инженерная академия, Владимир, РФ

Социальная несправедливость как последствие глобализационных процессов общества потребления

Глобальные геополитические и геоэкономические трансформационные сдвиги, формируют иной баланс сил в новых условиях. Мы являемся свидетелями возрождения полицентричного мира [1,269]. Современный этап

развития общемировой цивилизации можно охарактеризовать как социально-культурную деградацию общества материального гиперпотребления. Предполагается, что т.н. феномен потребления имеет основу в «фетишизации потребления стандартных бытовых товаров и услуг в ущерб развитию духовных и интеллектуальных интересов граждан» [2]. К медийным факторам и технологиям современных коммуникаций процесса нарастающего потребления в последнее время существенную ролевую нишу занимает глобализация. Глобализация подразумевает общецивилизационное признание неизбежности мировой интеграции множества государств, народов, наций и культур в единый ареал принятия решений и управления. Принятие озвученных постулатов может способствовать усилению негативных социальных процессов. Анализ теории и методологии глобализационных процессов в отечественных и зарубежных научных источниках свидетельствует, что кроме позитивных факторов, таких как трансфер технологий, знаний, капитала, товаров и услуг, выстраивания информационных потоков, глобализация ведет и к негативным последствиям, например, к трансграничному и межстрановому перетоку заболеваний, экономической обремененности, стиранию границ для национальной (этнической) преступности, ведущее к её трансформации и усилению международной преступности Синергия глобального общества потребления и эгоистической природы человека может привести к усилению социально-экономического расслоения человечества в мировых масштабах на фоне единого политического, экономического, социокультурного, информационного пространства и снижения доступа к распределению ресурсов. В экономически развитых государствах нет однозначного понимания и, соответственно, отношения к глобальным трансформационным изменениям. Так, например, если представители США и Великобритании считают данную тенденцию благом для всего человечества, то ученые таких стран, как Франция, Германия, Япония являются их визави, воспринимают данный процесс чрезвычайно настороженно. «Приводятся данные, что от глобализации в конечном итоге выиграет лишь 14,5% живущих в западном мире, в то время как остальные страны, и в первую очередь развивающиеся, наоборот, проигрывают» [3].

Особую важность это приобретает, если учесть, что тенденция постоянного роста уровня потребления провоцирует расслоение в обществе в аспекте возможного распределения благ и ресурсов. Как следствие, расслоение, это может проявиться в возрастании потенциала агрессии – к внешней среде и внутреннему окружению в частности. Отдельного внимания заслуживает господство и монополизация власти отдельных классов и групп в антагонистическом обществе, владеющих основной долей общественного богатства. Данное обстоятельство будет являться фактором проекции в условиях глобализации на эволюционную составляющую мирового общественного развития. Эгоистическая природа человека остается ингибитором процесса глобального совершенствования и благополучия. «Альтруистическое поведение выгодно человеческому сообществу. Как

показали научные исследования, сообщество является устойчивым, если в нем присутствует около 10 % альтруистов» [4,136]. Нарушение данного баланса (в ту или иную сторону) приводит к появлению процессов диссонанса в процессах общественного развития.

Ценности и правила поведения в социуме, зафиксированные с целью самосохранения, воспринимаются и принимаются не всеми членами сообщества. Сущность большинства людей испытывает психологические потрясения и сложные эмоциональные реакции при встраивании каких-либо внешних ограничений и контроля в процесс удовлетворения индивидуально-собственнических потребностей. Как подчеркивают психологи, деструктивные эмоциональные потрясения влекут за собой деформацию личности, психозы, агрессивное поведение, что в масштабах «толпы» приводит к протестным движениям и столкновениям, актам неповиновения, в т.ч. государственному строю и власти. Особую значимость данное обстоятельство приобретает в условиях роста виктимности государства к «цветным революциям». Современные исследования в области внешнеполитического взаимодействия рассматривают модели и технологии информационного и психологического воздействия на течение конфликтных явлений и кризисных процессов, в т.ч. на международной политической арене. В данном случае имеются в виду технологии управления в условиях кризисных и негативных проявлений турбулентной внешней среды, контролируемой силой извне. Сюда же следует отнести психологические факторы воздействия на принятие значимых политических решений [5, 397]. Данный факт подтверждается многочисленными архивными данными об исторических событиях социальных взрывов и потрясений при нивелировании или ослаблении государственного контрольного функционала. Краткое рассмотрение «проблемного поля» процесса глобализации указывает на то, что рациональное объединение общества имеет как позитивные стороны, так и содержат в себе определенный потенциал угроз, в основном для членов «новой модели общественного развития» – для тех, кто не попал в ряды «избранных» формируемого «сильного конгломерата».

Литература:

1. *Чистяков М.С. Глобальный системный кризис в формировании процесса реиндустриализации и выбора модели общественного развития // Глобальные процессы и новые форматы многостороннего сотрудничества: сборник научных трудов участников конференции / под редакцией И.В. Ильина. – М., МООСИПНН Н.Д. Кондратьева, 2016. – 282 с. ISBN 978-5-901640-26-5.*
2. *Васильчук Ю.А. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под. ред. В.С. Степина. Т. 3. М.: Мысль,2010.*
3. *Малышев Д. Постиндустриальный мир и процессы глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2000. №3. С. 93.*
4. *Краснов В.В. Предпосылки построения интегрального сообщества // Век глобализации, 2015. №1. С. 130-141.*
5. *Чистяков М.С. Социальная напряженность как искусственная форма политического манипулирования // Революция и современность: материалы научно-практической конференции 3 марта 2017 г. / отв. ред. А.Г. Аннин, Р.В. Евстифеев. – Владимир: Владимирский фил*

Шляхова Регина Алексеевна,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Внешняя политика США после «Холодной войны» на международной арене: возможность объективной оценки со стороны российской социологической науки

На сегодняшний день в политических и социальных науках остро стоит вопрос о роли США в мировой политике и на международной арене. Большинство исследований по данной проблеме базируются на рассмотрении внешней политики Соединенных Штатов после окончания «холодной войны». Можно отметить тенденцию, что большая их часть критически относятся к положению США в настоящее время как к стране с веду-щей культурой и экономикой, которая подавляет другие страны мира. По-этому мнение о США как о «мировом судье» или же «мировом конструкторе», «чье видение международного развития является единственно правильным, а главное - «бесценным» для будущего благополучия мира» не является ведущим среди российского научного сообщества. Конечно, нельзя сказать, что трудно найти тех ученых, которые не представляют США как «империю» в XXI веке. В современной социальной политике существует 2 позиции: представление США как мирового лидера, «империи» и отрицание гегемонии Америки на мировой арене как таковой. Так, А. И. Уткин в своих многочисленных работах доказывает, что заявления лидеров Америки о «расширении демократии в мире» и увеличении числа «стран с рыночной экономикой» скрывают эгоистичные национальные интересы и курс на установление глобальной гегемонии. [4] [5] Но в последние годы позиция по данному вопросу все чаще носит противоположное мнение. К примеру, Ю. П. Давыдов отмечает, что вряд ли США можно отнести к категории империй, поскольку это - «демократическое государство, способствующее распространению в мире демократических ценностей» [1,11-12], что полностью отражает вторую позицию по характеру внешней политики Америки в мире. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в настоящее время «Америка, скорее, пытается стать гегемоном - самым мощным государством, с помощью силы утверждающим свое право на исключительность, стремящимся принудить своих союзников и партнеров к сотрудничеству, чем собственным примером подвигнуть их на вклад в дело укрепления международной безопасности». [2] Как отмечают многие ученые, за последние 15-20 лет США мало удалось убедить мировое сообщество в своих намерениях соответствовать интересам всех стран, и что ее внешняя политика основана исключительно на заботе о всем мире, а не на национальных интересах Америки и ее политических лидеров, что, по убеждению российского ученого П. Т. Подлесного отличает

«гегемона» от «лидера», которым Америка вполне может быть с учетом развитости ее политики, экономики и культуры в целом. [3] Так, можно сделать вывод, что справедливости и объективности в оценки роли и характера внешней политики США на международной арене достичь очень трудно, но, безусловно, необходимо, что будет способствовать дальнейшим исследованиям в области политических и социальных наук не только представителями российской науки, но и учеными всего мира.

Литература:

1. *Давыдов, Ю. П. США: меняющееся видение меняющихся угроз // США - Канада: экономика, политика, культура. 2004. № 10. С. 3-22.*
2. *Косов А. П. Российские исследователи о внешней политике США после окончания «холодной войны» //Журнал международного права и международных отношений. 2007 - № 2 [Электронный ресурс] URL: http://evolutio.info/content/view/1173/188/*
3. *Политика США в меняющемся мире / отв. ред. П. Т. Подлесный. М.: Наука, 2004.*
4. *Уткин, А. И. Мир в XXI веке // США — Канада: экономика, политика, идеология. 2000. № 4. С. 3-23.*
5. *Уткин, А. И. Мировой порядок XXI века. М.: Эксмо, 2002.*

СЕКЦИЯ 7. СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО: СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Алексеева Галина Гаврильевна,
ФГБОУ ВО "Чурапчинский государственный институт физической культуры и спорта", село Чурапча, РФ
Винокурова Ульяна Алексеевна
ФГАОУ ВО Северо-восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, РФ

Волонтер как актор социальной справедливости

Человечество в течение всей своей истории не знает такого общественного строя, в котором отторгались бы идеи добровольной и бескорыстной помощи. Под бескорыстной помощью, оказываемой человеком или группой людей, понимается деятельность, не преследующая целей извлечения прибыли, получения оплаты или продвижения в карьере. Она может принимать различные формы: от взаимопомощи до совместных усилий тысяч людей, направленных на ликвидацию последствий от стихийных бедствий или урегулирование конфликтных ситуаций[1]. Добровольчество (волонтёрство) в культуре народов России присуще в разных формах, и в зависимости от ценностей и терминологии господствующей идеологии называлось по-разному: сёстры милосердия, тимуровское движение и др. Современные формы волонтерства стали развиваться в конце 80-х годов прошлого века, когда в стране создалась социальная напряженность проблем транзитного общества. Трансформирующаяся экономическая система рыночных отношений, отказывающихся от социальных благ советской власти, порождает социальную стратификацию, люмперизацию уязвимых слоев населения, людей, остающихся вне органов социального призрения. Поэтому важнейшей задачей социальной политики является забота о том, чтобы формы неравенства не превышали некие «нормальные» пределы, выход за которые грозит конфликтами и дезинтеграцией общества. Создание новой системы социальной политики и социального обеспечения потребовало значительного времени для правового регулирования, разработки соответствующих целевых программ и определения механизмов их реализации. Для достижения социального консенсуса, при котором только и возможно преодоление экономического и политического кризиса, необходима интеграция совместных усилий всех социальных слоев [2]. В период недостаточности государственных программ социальной защиты общество обнаруживает способность к самомобилизации индигенных ресурсов взаимопомощи. Одним из таких механизмов стало добровольчество.

Появилась востребованная группа людей – добровольцы (волонтеры). Волонтеры – это акторы социальной справедливости. Социальная справедливость выступает как ценность, определяющая уровень духовной зрелости общества, выявляющая меру равенства и неравенства в структуре общества различных социальных общностей и индивидов. В 2017 году нами разработана анкета «Волонтер Якутии» и опрошено 216 жителей Республики Саха (Якутия) в возрасте от 14 до 75 лет (мужчины-49,1%, женщины-50,9%). В качестве респондентов выбраны люди, имеющие опыт волонтёрства, а также люди, занимающиеся общественной деятельностью по добровольному обслуживанию политических, социальных, спортивных, экологических, педагогических, культурных, профессиональных интересов населения республики. Опрос выявил, что волонтеры вне зависимости от возраста считают, что доброволец (волонтер) – это человек, бескорыстно делающий добро, исходя из своих убеждений взаимопомощи людей (71,8%). Факторы мотивации волонтерской деятельности близки к ценностям помогающих профессий. Большинство респондентов стремятся утвердить волонтерским трудом свое желание улучшить качество жизни других (89%),приумножить добро в обществе (88%), проявить альтруизм (88%). Многие опытные волонтеры подтвердили, что, занимаясь волонтерством, получают жизненный опыт (89%), добровольческий труд способствует личностному росту (81%), волонтерский труд предоставляет возможность взглянуть по-новому на жизнь, людей и работу (81%), воплощение явления взаимопомощи в природе в общественных отношениях (83%), желание быть причастным к общему делу (84%), повышение профессионализма путем применения знаний на практике (76%), желание улучшить свои коммуникативные навыки (77%). Мнения опрошенных почти поровну разделились на вариантах ответов о воплощении морали вероисповедания (47%) и традиционных ценностей народов Якутии (62%). Нами рассмотрены пять основных видов волонтерства, каждый вид имеет свою особенности: социальное – помощь незащищенным категориям – детям сиротам, пожилым, инвалидам, людям попавшим в трудную жизненную ситуацию; педагогическое – психолого-педагогическая поддержка семье, испытывающей в силе неполноты или временных трудностей проблем в воспитании детей; спортивные волонтеры формируют имидж территории, где проводятся масштабные спортивные мероприятия; экологическое – помощь в сохранении памятников природы, окружающей среды; культурно-просветительское – помощь в работе музеев, в проведении благотворительных акций, концертов. Наше исследование выявило, что волонтеры, прежде всего занимающиеся социальными, педагогическими видами волонтерства (виды социальной помощи детям, инвалидам, пожилым) являются людьми с ярко проявленным стремлением к установлению социальной справедливости. Ведь социальная справедливость – это фактор социальной безопасности страны. Следовательно, волонтеры вносят свой вклад в национальную безопасность страны. 6 декабря 2017 года Президент Российской Федерации В.В.Путин издал Указ ««О проведении в Российской Федерации Года добровольца (волонтёра)», где обозначены

механизмы поддержки волонтерского движения в виде разработки и утверждения плана основных мероприятий по проведению года на уровне субъектов РФ. Следовательно, в России начинает формироваться институт добровольчества как один из видов деятельности гражданского общества, сочетающего общественно-государственные формы достижения социальной справедливости.

Литература:

1. *Ерёмин Д.А., Попова С.В., Тулина Н.В. ВОЛОНТЁРСТВО – ВАЖНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ СРЕДИ МОЛОДЁЖИ // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки: электр. сб. ст. по мат. XXVIII междунар. студ. науч.-практ. конф. № 9 (27). URL: https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/9(27).pdf (дата обращения: 30.01.2018)*
2. *Макаров В. Е. Социальная справедливость как фактор обеспечения социальной безопасности // Ученые записки РГСУ. 2010. №7. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-spravedlivost-kak-faktor-obespecheniya-sotsialnoy-bezopasnosti (дата обращения: 31.01.2018). КиберЛенинка: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-spravedlivost-kak-faktor-obespecheniya-sotsialnoy-bezopasnosti*

Андрос Ирина Александровна,

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Государственно-частное партнерство как направление повышения эффективности социального государства (опыт социологического исследования)

Специфика концепции государственно-частного партнёрства (ГЧП) состоит в том, что государственные и частные субъекты объединяются для реализации совместных проектов, имеющих общенациональное значение. Данная форма взаимодействия между государственными органами и бизнесом позволяет преодолеть экономическое противоречие, когда стратегически важные объекты не могут быть переданы в частную собственность, но государственный бюджет не в состоянии обеспечить их финансирование в должном объеме. Соблюдение баланса интересов участвующих сторон, на основе их взаимного учета, разрешает социальное противоречие ГЧП. Совместные действия представителей государственных и предпринимательских структур должны происходить в рамках условий, обеспечивающих стабильность в обществе. Представлены результаты экспертного опроса, проведенного в 2016–2017 годах в Минске и Минском районе. Он включает в себя полустандартизированный опрос (180 чел.), в т.ч. – 51 углубленное интервью с руководителями негосударственных микро- и малых предприятий. К новой форме взаимодействия государства и частного бизнеса – государственно-частному партнерству – опрошенные руководители микро- и малых предприятий относятся в целом положительно: «позитивно» – 22,2%; «скорее позитивно, чем негативно» – 43,3%; скорее негативно, чем позитивно отнеслись к ГЧП 21,7%; однозначно отрицательно высказались 7,8%; затруднились ответить 5,0%. Проведенный экспертный опрос позволил выделить возможные риски и барьеры в реализации

программ ГЧП в Беларуси. Наибольшие опасения вызвали отсутствие эффективной системы государственных гарантий (49,4%), неравноправие участников в проектах ГЧП (44,4%), отсутствие эффективной государственной поддержки (41,7%), чрезмерный контроль со стороны государства (35,0%), несовершенство республиканского законодательства по предпринимательству, в т.ч. по ГЧП (28,9%). Очевидно, что именно эти внешние факторы будут значительно сковывать инициативу частников участвовать в программах ГЧП. Посетовали эксперты (27,2%) и на низкий уровень квалификации и компетенции государственных служащих, в то время как низкий уровень квалификации и компетенции предпринимателей рассматривается как самый низкий риск (8,3%) для выполнения ГЧП проектов. Отдельную группу составляют финансовые сложности для предпринимателей: проблемы обеспечения предпринимателей кредитными ресурсами (26,1%), существующая система налогообложения предпринимателей (25,0%), отсутствие системы эффективных мер, противостоящих монополизации рынка и недобросовестной конкуренции (20,6%). Проблемы системного и идеологического характера не столь важны: недостаточный уровень развития инфраструктуры рынка (15,6%), отсутствие идеологии партнерства (12,2%), отсутствие стратегического целеориентированного подхода к планированию (11,7%). Если в России, по мнению экспертов, основным барьером развития партнерства между государством и бизнесом является низкий уровень компетенций государственных служащих [1], то в Беларуси опрошенные представители малого предпринимательства хотя и выделяют такую проблему, тем не менее, она выступает скорее как следствие проводимой государственной политики, а не первопричина. То есть, государственная политико-управленческая деятельность в Беларуси сформировала строго контролируемую институциональную среду, которая подавляет реформаторскую деятельность властей. Существующая государственная кадровая система, во многом копирующая советский образец, ведет к ситуации, когда в государственных структурах «кадры не решают ничего». Следовательно, реализацией новых направлений в экономике, в том числе проектов ГЧП, занимаются и будут в перспективе заниматься скорее не реформаторы, а исполнители старой формации. И к этой ситуации народ приучен. Поэтому у предпринимателей нет заинтересованности принимать участие в стратегическом планировании проектов в рамках ГЧП, т.к. эту функцию выполняет и будет выполнять государство. Аналогичная ситуация наблюдается и в России [1, С. 114]. По мнению экспертов, в первую очередь именно контракты (26,1%) как административный договор, заключаемый между государством (органом местного самоуправления) и частной фирмой на осуществление общественно необходимых и полезных видов деятельности, а также аренда в форме лизинга (22,8%) – в данном случае лизингополучатель всегда имеет право выкупить государственное или муниципальное имущество – получат наибольшее распространение в Минске и республике в целом. Эти две формы ГЧП рассматриваются предпринимателями как наиболее правильные

и прозрачные формы взаимодействия государства и бизнеса. Поскольку для социально ответственного предпринимательства главным ожидаемым результатом становится, наравне с получением прибыли, социальная поддержка его действий, то для участия представителей бизнеса в ГЧП государство должно создать стимулирующие условия не только экономического, юридического, но и социального характера. В свою очередь, предпринимателям необходимо рассматривать ГЧП как еще одну реальную возможность интеграции своих интересов в структуру общественных интересов в целостной системе социально-экономических отношений.

Литература:

1. *Кузина, О.Е. Барьеры развития государственно-частного партнерства в России: социальный анализ / О.Е. Кузина // Социологический журнал. – 2011. – Том. 0. – № 3. – С. 88–116.*

Аносов Сергей Сергеевич,
Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия

Волонтерское движение как справедливое развитие общества

Волонтерское движение – это исторически сложившееся сообщество, направленное на решение гуманистических задач современного общества. Волонтерское движение выступает активной гражданской силой, регулирующей социальную активность и социальную консолидацию различных социальных групп и институтов общественного развития. Оно формирует определенную систему взглядов на жизнь отдельного человека и общества в целом, позволяющих управлять социальным самочувствием, социальной активностью и социальной эмпатией всего общества. Условия возникновения волонтерского движения могут быть разными, но цель и конечная реализация одна – это формирование общества, в котором граждане будут нацелены не на личную выгоду, а на формирование общего блага и благополучия [1]. Волонтерская деятельность обеспечивается функционированием некоммерческих, религиозных организаций, корпоративных бизнес-программах, национальных спортивных или культурных мероприятиях и так далее. Отдельным блоком стоят детские, юношеские и молодежные волонтерские сообщества и программы, регулирующие социальную активность общества на определенной локальной территории. В социальном плане, волонтерская деятельность предполагает, что человек тратит свое личное время и иные ресурсы тратит на благо других людей и общества в целом. Волонтерская деятельность позволяет расширить качество социальных услуг при минимальных финансовых затратах со стороны организаций и институтов, но благодаря личной воле и вовлеченности, социальной активности и социальному служению отдельных людей. С другой стороны компенсируется потребность людей в удовлетворении потребностей совести, направленную на развития личности

добровольца. Особая роль принадлежит религиозному фактору в развитии волонтерской деятельности, которая базируется на альтруистическом, бескорыстном служении обществу, выполнении «Долга перед Богом». Благодаря волонтерской деятельности компенсируется выполнение (оказание) социальных услуг государством и бизнесом, когда они мало рентабельны, но необходимы для социального сплочения и социальной консолидации различных групп населения. Как показывает мировой опыт, расширение занятости добровольцев происходит в кризисные моменты развития экономики, так называемая «неоплачиваемая занятость» через заключение договоров с добровольцами помогает стабилизировать социально-экономическое поведение населения. В начале 90-х годов – волонтерское движение стало ресурсом для выживания с теми, кто оказался в схожих условиях (социальных, экономических, культурных). Например, помощь россиянам оказавшихся на территории стран СНГ, адаптация мигрантов в принимающем обществе, помощь людям потерявшим работу или жилье и так далее. Это привнесло новый смысл в волонтерскую деятельность [2,3]. Сегодня это перерастает в новую форму и формулу жизни – служение как система мировоззрения. Помощь другому, потому что ты можешь помочь, а не потому что это надо делать. Это качественно меняет социальные и ролевые позиции всех участников взаимодействия. Наделяет каждого новым статусом и придает новые смыслы и символы для социальной реализации. Волонтерская деятельность может быть как индивидуальной, так и групповой, организованной или неорганизованной. Неорганизованное волонтерство – это случайная помощь, не имеющая системного характера. Она строится на разовой помощи соседям или друзьям, значительно реже незнакомым людям, которая строится на бескорыстном желании помочь. Неорганизованное волонтерство чаще выступает индивидуальной формой личной активности. Организованное волонтерство осуществляется на регулярной основе, имеет четкие мотивы и цели, консолидирует определенную группу участников, как правило, регламентирует форму и вид помощи, контролирует качество предоставления волонтерских услуг и т.д. Признаки волонтерской деятельности:

1) Осуществляется добровольно, без приказа и принуждения сверху.
2) Направлена на решение социально значимых и актуальных проблем отдельной группы или всего общества.
3) Имеет большой сектор выбора волонтерской деятельности;
4) Имеет цель принесения пользы и блага обществу или отдельным его членам;
5) Не имеет возрастных, профессиональных, образовательных, религиозных или каких-либо еще ограничений.

Таким образом, волонтерское движение выступает справедливым ресурсом и одновременно этапом развития общества.

Литература:

1. *Аносов С.С. Особенности гражданских инициатив в городах Иркутской области // Урбанистика. — 2017. - № 4*

2. *Полюшкевич О.А. Условия солидарности: правосудие или справедливость? // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Иркутский государственный университет. 2017. С. 41-51*
3. *Полюшкевич О.А. Идеологические ресурсы социокультурной солидарности // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 64. С. 217-230..*

Антипов Алексей Николаевич,
ФКУ НИИ ФСИН России, Москва, Россия

Некоторые проблемы эффективности социальной справедливости

Не однозначность понятия социальная справедливость, соответственно, её понимание и восприятие, предопределяет кардинально различные подходы к ней, которые зависят от многих факторов, в частности лиц её определяющих и оценивающих, состояния внутренней и внешней среды, рассматриваемых субъектов, потенциального и реального состояния общества и государства, сочетания желаемого и возможного. Сформулируем тезисы по обозначенной теме, которые будут изложены в аспекте постановки проблемы, приглашения к дискуссии, констатации сложившегося положения дел. Тезис первый. Учитывая то, что социальная справедливость и эффективность имеют оценочный характер, то для их понимания, определения возможного негативного и(или) позитивного развития необходима действенная система критериев и показателей. Тезис второй. Действенная система критериев и показателей оценки отличается от существующей, которая основывается на абсолютных или относительных показателях. Это обусловлено, во-первых, стремлением должностных лиц отчитаться о проделанной работе, показать реализацию намеченных программ и планов, во-вторых, необходимостью констатации позитивного развития (например, рост какого-либо показателя на N процентов), в-третьих, сложившейся практикой представления результатов деятельности (например, индексация на уровне инфляции) и т.п. В данном аспекте необходимо заметить, что данная система в определенных случаях не срабатывает, в других – представляется не совсем корректной (например, возврат надбавок к пенсии), в-третьих – не обеспечивает ожидаемое (например, не соответствие росту цен потребительской корзины). Сложившееся положение дел стало возможным, в том числе вследствие устаревшей системы критериев и показателей, не понимания объективной реальности, отсутствия корреляции с иными индикаторами общественной жизни. Тезис третий. Число и направленность закрепленных льгот и гарантий не соответствует потребности и возможности государства и общества. Социальную справедливость можно рассматривать как неудовлетворенность человека жизнью. Успешный человек о справедливости вряд ли задумывается. Есть категории людей, которые действительно нуждаются как в социальной

помощи, так юридической и финансовой. Есть категории людей, которые в эффективной социальной справедливости видят возможность получения неких льгот, прикрыть свое нежелание что-либо делать, чего-либо достигать. Тезис четвертый. Анализ сформировавшихся концепций (уравнительной, распределительной, либеральной) показывает существующие недостатки, обусловленные как самой сущностью социальной справедливости, так и усиливающимся расслоением общества. Концептуально социальная справедливость это возможность каждого человека обладать равным правом в отношении наиболее обширной системы основных свобод, совместимой с подобными свободами для всех остальных людей. Остальное – это некие способы и варианты, приводящие к еще большей дифференциации людей. Преследуя цели достижения социальной справедливости, мы иногда способствуем дальнейшему удалению от нее. Тезис пятый. Наблюдается отсутствие комплексного и координированного подходов к пониманию и определению проблемы социальной справедливости. Тезис шестой. Правовая основа данного направления деятельности требует актуализации. Имеется множество нормативных правовых актов, которые, к сожалению, лишь формально можно рассматривать в качестве правовой основы социальной политики государства, закрепляющих критерии достижения социальной справедливости и т.д. При этом некоторые нормы требуют дополнительного осмысления в аспекте баланса социальной справедливости и, возможно, пересмотра. Например, в аспекте постановки вопроса, обращаем внимание, что в УК РФ нарушение права на свободу совести и вероисповеданий является уголовно-наказуемым деянием. Возникает вопрос – а права атеистов, в контексте рассматриваемого вопроса, не подлежат защите? Как же решение вопроса социальной справедливости? Тезис седьмой. Требует актуализации механизм достижения социальной справедливости. Например, в ч. 2 ст. 43 УК РФ регламентировано, что наказание применяется, в том числе в целях восстановления социальной справедливости. Логично предположить, что социальная справедливость должна быть восстановлена в первую очередь в отношении потерпевшего. Однако некоторые ученые и практики, общественные деятели говорят о необходимости соблюдения социальной справедливости в первую очередь в отношении правонарушителя. Возможно поэтому, особенно в последнее время, активизировались процессы, направленные на гуманизацию отбывания лишения свободы. О восстановлении социальной справедливости в отношении нарушенных прав и законных интересов законопослушных лиц, почему то упоминается без определения механизма её достижения. Тезис восьмой. Неэффективность социальной справедливости усиливает расслоение общества, искусственно создавая привилегии одним и не создавая их другим, тем самым дискредитируется государство, подрывается уровень доверия к государственным структурам. Тезис девятый. Объективно обусловлено, что от эффективности достижения социальной справедливости зависит уровень развития общества и государства, состояние безопасности.

Литература:

1. *Антипов А.Н. Справедливость, как средство обеспечения безопасности в обществе // История государства и права. № 6. 03/2015. С. 9-13.*

Аргунова Вера Николаевна,
Вятский государственный университет, Киров, Россия
Бояринцева Светлана Владимировна
АНО НИЦ, Самара , Россия

Влияние чувства несправедливости на здоровье населения

По данным социологов большая часть населения страны считает сложившееся общественное устройство в России несправедливым. Существующее распределение частной собственности и доходов не является легитимным в глазах респондентов независимо от их уровня жизни и динамики личного благополучия [1,2]. Отсутствие в обществе согласия в отношении справедливости распределения собственности, доходов, власти выступают дестабилизирующим фактором, свидетельствуют о структурных сбоях в социальных подсистемах и всей социальной системе в целом.

Чувство справедливости/несправедливости является неотъемлемой частью справедливости как ценности. В качестве ценности справедливость входит в жизненный мир личности, определяет взаимоотношения с другими людьми и обществом. Справедливость может быть понята через определенное соотношение равенства и свободы индивидов в системе общественных отношений. Социальная справедливость не является постоянной величиной, а колеблется между двумя полюсами: коллективностью и индивидуальностью. Выбор соотношения коллективности и индивидуальности – объективный, институционально обусловленный процесс, он зависит от характера базовых институтов в том или ином обществе. В российской социокультурной традиции преобладает тенденция к равенству, а в западной традиции – индивидуальной свободы[3]. Навязываемая в последние десятилетия западная модель социальной справедливости с приоритетом индивидуальной свободы отторгается большинством населения. Доля сторонников социального равенства в последние 15 лет стабильно составляла около 2/3 населения, в то время как общество индивидуальной свободы поддерживала 1/3. Социологи отмечают, что люди не склонны к уравниловке; они признают справедливым неравенство по доходам в тех случаях, если человек больше трудится, если имеется более высокий уровень образования. Кроме того, чувство несправедливости вызывает отсутствие социальных перспектив, невозможность улучшить свое материальное и социальное положение собственными усилиями. Примечательно, что респонденты в этих случаях

говорили не столько о себе лично, сколько о неравенстве, от которого страдает все общество. [1, С.113-115] Чувство несправедливости, переживаемое людьми, негативно сказывается не только на социально-политической обстановке, но и на здоровье людей. Здоровье человека является его природно-экзистенциальной сущностью, определяется глубоко переживаемыми ощущениями, взаимодействием с окружающей средой. Проблематика здоровье-болезнь требует рассмотрения человека как целостного единства физического, психологического и духовного бытия. Эти три структуры функционируют всегда совместно. Нарушения в одной из них негативно влияет на целостность жизни человека, т.е. на здоровье и всю жизнедеятельность[4]. Переживаемое человеком чувство несправедливости относится к духовной сфере его жизни, формирует негативный эмоциональный фон. Эмоциональное возбуждение охватывает практически все органы и ткани организма и наряду с первичными эмоциями формируются социально обусловленные эмоции, которые опосредуются нормами общественной среды, личным опытом человека. Для большинства членов нашего общества норму жизни составляют отрицательно окрашенные эмоциональные состояния, к которым можно отнести печаль, меланхолию, тревогу, депрессию, страх, панику[5]. Общепризнанным статистическим показателем, позволяющим интегрально оценить нравственное и физическое здоровье нации и степень его деградации, служит общая смертность населения. Как показало наше исследование, динамика смертности населения России определяется текущей социально-политической обстановкой в стране [6]. Наличие прямого влияния восприятия общественных отношений как несправедливых на здоровье населения настоятельно требует оптимальных способов решения этой проблемы, практической психологической помощи населению. По мнению кандидата психологических наук С.М. Пеуновой, начинать надо с самого человека и института семьи. Психологи могут помочь стать человеку гармоничной личностью, научиться быть счастливым с самим собой и гармоничным с миром. Для этого надо уметь независимо мыслить, контролировать свои мысли, чувства и, при этом, оставаться верным самим себе. Чтобы уменьшить стрессовое воздействие среды, человек должен владеть текущей ситуацией, быть готовым к возможным событиям и уметь предвидеть их ход. Значительную роль играют волевые качества, благодаря которым индивид способен переключать свое сознание с переживания неблагоприятного состояния на регуляцию деятельности. Большую роль в преодолении стрессового состояния играет формирование у человека чувства личной ответственности за свою жизнь, а также уверенность в себе и самопринятие [5].

Разработанная и реализуемая в течение более 20 лет С.М. Пеуновой Программа неспецифической профилактики социально-стрессовых расстройств, включает оригинальные методики психологического консультирования, позволяющие повысить эффективность обучения населения навыкам саморегуляции на когнитивно-эмоциональном и поведенческом уровне. Полученные навыки самоанализа и саморегуляции

являются существенным компонентом адаптивного потенциала личности. Эти навыки обеспечивают возможность дальнейшего развития личности в направлении большей устойчивости к стрессу и обеспечения желаемого уровня субъективного качества жизни.

Литература:

1. *Мареева С.В. Справедливость и неравенство в общественном сознании россиян // Журнал институциональных изменений. 2015. №2.*
2. *О чем мечтаю россияне: идеал и реальность / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М., 2013.*
3. *Аргунова В.Н. Социальная справедливость: ценностно-институциональный анализ. Иваново, 2004*
4. *Попельский К. Социально-культурная перспектива здоровья и болезни // Справедливое общество – основа общественного здоровья. СПб., 2017*
5. *Пеунова С.М. Конфликтное общество, стрессы и человек // Справедливое общество – основа общественного здоровья. СПб., 2017*
6. *Аргунова В.Н., Бояринцева С.В. Методика количественного анализа социальной атмосферы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. №2*

Арутюнян Армен Сергеевич,
ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Несправедливые неравенства в современной России

Проблема «социальной справедливости» связывается с факторами объективного и субъективного порядка. Объективным фактором является то, что переход от планово-административной экономики к рыночной привел к резкому росту экономического неравенства. В 1990 – 1991 годах на долю 10% наиболее богатых граждан приходилось менее 25% национального дохода, то к 1996 году этот показатель вырос до 45%, а доля доходов «бедной» половины населения опустилась с 30 до 10%. В настоящее время на долю бедных (50%) приходится 17% национального дохода [1]. Субъективным фактором является то, что возможности продвижения интересов социальных групп, как субъектов социально-экономической жизни, всецело связаны с имущественным и экономическим цензом населения. Итогом эгалитарных реформ 90-х стала резкая статусно-функциональная дифференциация социальных групп. «Россия отличается самым высоким уровнем регионального неравенства, особенно в сферах образования и здравоохранения. Разрыв по этим сферам составляет 20–25 раз» [2; 166]. Неравенство регионального сообщества определятся палитрой социальных интересов групп, влияющих на процесс выработки решений. Под региональным сообществом понимается локальное неформальное объединение людей (например сообщество госслужащих, научное, бюрократическое, криминальное, бизнес-сообщество и др.), имеющие общие цели, интересы, ценности, общие ресурсы, а также язык общения [3; 57, 59].

Согласно данным исследования, проведенного в дотационных регионах (Ивановская область, Воронежская область, Ростовская и Волгоградская

области) и регионах-донорах (Ярославская область, Калужская область, Московская и Самарская области) [4], в продвижении своих интересов преуспевают группы, представляющие интересы государства и бизнеса. Тип исследования – поисковое, реализованное методом экспертного опроса (N=110), профиль экспертов – социальная и экономическая политика. Отбор регионов-участников осуществлялся согласно критерию их дотируемости [5]. В дотационных регионах выделяются: представители государственной власти – 79,2%, представители крупного бизнеса, представители малого и среднего бизнеса – 66%, представители силовых структур – 52,8%, а также наемные работники – 5,7%. В регионах-донорах это: представители государственной власти – 61,5%, представители крупного бизнеса – 53,8%, представители силовых структур – 34,6%, представители малого и среднего бизнеса – 30,8%, наемные работники – 17,3%. «Зеркальное» доминирование представителей государственной власти и крупного бизнеса в обоих типах регионов сигнализирует о лоббистской подоплеке. 76,4% экспертов регионов отмечает, что в регионе (дотационный/донор) развит лоббизм интересов, что косвенно свидетельствует о «наличии возможной аффилированности между лоббистскими группами на коммерческом и государственном уровне» [6].

Экспертами обоих типов регионов отмечается «очень глубокое» имущественное (62,4%) и экономическое (57,8%) неравенство. Фактически это не только констатация главенства коммерческих интересов над общественными, но и по сути, демонстрация минимального участия в выработке решений таких наиболее многочисленных социальных групп, как студенты и пенсионеры. В регионах-донорах активность студентов в продвижении интересов (11,5%) значительно выше, нежели чем в дотационных регионах (5,7%) Участие пенсионеров в продвижении интересов в дотационных регионах фиксируется на уровне 3,8%, а в регионах-донорах вовсе отсутствует.

Проблема социальной справедливости связывается с корпоративизацией социального пространства регионов и монополизацией рычагов влияния со стороны преуспевающих социальных групп. В качестве индикаторов выступают угрозы отмечаемые экспертами. Их можно разделить на две группы рисков: общие и направленные. К общим рискам дотационных регионов, так и регионов-доноров, относятся: обеднение населения – 67,3%, повышение цен – 64,5%, социальное недовольство населения стоимостью услуг в сфере ЖКХ – 59,8%, угроза расширения масштабов безработицы – 46,7%, а также усиление коммерциализации сферы медицинских услуг – 42,1%. В случае с направленными рисками, речь идет об угрозах, чей характер всецело связан со спецификой социальных групп. Косвенной реакцией, на минимальное участие студентов в продвижении интересов, является фиксация распространения в регионах угроз выражения молодежного недовольства. В регионах-донорах угроза выражения молодежного недовольства составляет 25,5%, что значительно выше, нежели чем в дотационных регионах 8,9%. Существует угроза проведения несанкционированных митингов в регионах-донорах (29,4%) и дотационных

регионах (25%). Однако, если в первом случае характерно участие младших возрастных групп, то в случае с несанкционированными митингами, возможно участие различных социальных и возрастных групп. По нашему мнению, участие в несанкционированных митингах есть реакция населения на угрозу расширения масштабов безработицы (46,7%). Несмотря на то, что официальный уровень безработицы по субъектам РФ в 2016г. составил 5,5% [7], социологи выделяют несколько иную картину. Согласно данным Института социологии РАН в 2014-2015г. 7% потеряли работу, а 40% не смогли найти новую работу [8]. Проблема «социальной справедливости» – это не только субъективные представления населения касательно справедливого распределения благ и ресурсов, социального положения, но и с объективные проблемы, возникающие при продвижении интересов.

Литература:

1. *Эксперты признали неравенство в России сопоставимым с 1905 годом [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.rbc.ru/economics/16/12/2017/5a33e2fc9a79471b6d846e24*
2. *Осинский И.И. Добрынина М.И. Социальное неравенство и социальная справедливость. // Вестник БГУ. Педагогика, филология, философия. 2016. №6. С.166-169.*
3. *Локосов В.В. Российское общество: трансформация целей, интересов, ценностей. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2006. – 208 с.*
4. *Исследование выполнено в рамках реализации НИР по теме «Социально-политические проблемы согласования страт современного гражданского общества в регионах Российской Федерации» (Утверждено Заместителем Председателя Правительства Российской Федерации от 07.03.2017 №1508п-П17).*
5. *Распределение дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации на 2016 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=76041*
6. *Арутюнян А.С. «Бюджетный федерализм» как фактор усиления влияния лоббистских групп. // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал. 2017. №5 (64). С.10 – 15.*
7. *Социологи обнаружили высокую устойчивость среднего класса к кризису [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.rbc.ru/society/29/02/2016/56d3a2ed9a79476e5d88ed18*
8. *Трудовые ресурсы [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/#*

Афонин Юрий Алексеевич,

Казахстанский университет инновационных и телекоммуникационных систем, Астана, Казахста

Добреньков Владимир Иванович

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Концептуально-доктринальные проблемы социальной несправедливости в России и пути их преодоления

У магистрали, ведущей Россию в будущее, нет поворотов к социалистической системе. Но она не лежит и на путях поглощения ее капиталистической системой. В глобальном конфликте между системой и жизненным миром человека Россия должна решительно встать на сторону последнего [1]. В России средняя заработная плата в разы ниже пособия по

безработице в развитых странах. А показатель почасовой оплаты труда даже не принят на законодательном уровне. Показатель минимального размера оплаты труда (МРОТ) значительно ниже 3 долл. Фракция “Справедливой России”, например, предложила установить показатель минимальной почасовой оплаты на уровне 100 руб. (около 1,7 долл.). Мировое сообщество в лице соответствующих организаций ООН давно признало, что часовая зарплата ниже 3 долл. является недопустимой. Она выталкивает работника за красную черту жизнедеятельности, за которой идет разрушение трудового потенциала экономики. Экономика должна быть нравственной, т.е. социально ориентированной. Доминирование экономической составляющей привело в России к резкому имущественному расслоению общества, к снижению уровня и качества жизни. А это имеет следствием рост социальной напряженности, подтверждением чего служит индекс децильности, характеризующий разницу в уровнях жизни самых бедных и самых богатых, а также показывающий степень расслоения общества. При допустимом 7-кратном пороговом значении данный индекс в России в настоящий момент составляет около 17, а в СССР равнялся 7 [2]. То есть сейчас он превышает критический уровень для социальной стабильности и экономики безопасности. Это подтверждается индексом Джини или кривой Лоренца. Индекс Джини измеряет неравномерность распределения богатства в обществе. Если он равен 100, то все богатство страны принадлежит одному человеку. Этот коэффициент также измеряет доходное неравенство домашних хозяйств. Если в СССР он составлял 0,26, то сейчас приблизился к 0,5. Скорость нарастания индекса Джини отражает рост степени социальной несправедливости в обществе. Это, в свою очередь, демотивирует людей на высокопроизводительный труд согласно теории справедливости Адамса и теории ожиданий справедливого вознаграждения Врума. Подтверждением сказанного является тот факт, что производительность труда в России в 4 раза ниже европейской и американской. Это наводит на мысль: мы плохо работаем, потому что плохо живем из-за несправедливого перераспределения общественных благ. Вот почему нужна социальная доктрина - как эффективный механизм формирования социально ориентированного рынка, обеспечивающего народосбережение в России и высокое качество нашей жизни [3]. Социальная доктрина могла бы касаться национальных природных богатств - нефти, газа, полезных ископаемых, леса, земли и т.д. То, что от Бога, должно принадлежать всем. Поэтому целесообразно ввести механизм национальной ренты на национальное богатство. Он мог бы реализовываться как национальный дивиденд на использование доходов от природных ресурсов и национального имущества, например, в виде бюджетной ипотеки, бюджетного жилья для десятков миллионов учителей, врачей, преподавателей и ученых. Такая социальная доктрина позволила бы сделать ощутимый крен в пользу политики мира и справедливости. В 1946 г. Альфредом Мюлльером-Армаком был сформулирован термин “социально-рыночная экономика”. Социально-рыночная экономика так же, как и рыночная экономика, организована на основе рыночной саморегуляции, но

отличается тем, что в этой форме экономики более сильные обязаны поддерживать более слабых. Данный тип хозяйственной системы, сложившийся в государствах Западной Европы, прежде всего в Германии, Швеции, Финляндии, отличается высоким уровнем экономического и социального благосостояния граждан и характеризуется набором социально-экономических институтов, которые направляют все элементы системы на поддержание социальной справедливости, защищенности населения, обеспечения высокого уровня и качества жизни большей части населения [4].Для России моделью социального управления могла бы стать система на основе принципов корпоративного управления. Это позволило бы реализовать следующую систему общественных отношений: - придание гражданам статуса собственников-совладельцев; - создание организационной структуры собственников-совладельцев; - развертывание механизмов реализации экономических отношений на основе принципов корпоративного управления; - освоение методов включения интеллектуальной собственности в механизмы функционирования управления на региональном и муниципальном уровнях; - справедливый подход всех граждан к общественным фондам потребления. Представленный комплекс концептуальных принципов и социально-экономических механизмов социального управления на разных уровнях общественно-политической и административной поддержки, на взгляд авторов, может не только изменить представление об использовании национальных богатств, но и выделить стратегические приоритеты в комплексной общественной и государственной поддержке граждан России.

Литература:

1. *1. Добреньков В.И. Проблемы социального развития России в XXI веке // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 11. С. 132-146.*
2. *Афонин Ю.А., Добреньков В.И. Социальное государство как основа устойчивого развития общества // Актуальные проблемы социологии, менеджмента, маркетинга : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. 2017. С. 7-14.*
3. *Афонин Ю.А., Добреньков В.И. Концептуальные основы разработки и реализации механизмов развития социальной сферы социального государства // Актуальные проблемы социологии, менеджмента, маркетинга : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. 2017. С. 85-94.*
4. *Афонин Ю.А., Добреньков В.И. Предприниматели как основа среднего слоя населения: социологический и управленческий анализ // Изв. Сарат. ун-та. Серия “Социология. Политология”. 2017. Т. 17, №1. С. 18-24.*

Байков Николай Михайлович,
Дальневосточный иснститут управления-филиал РАНХ и ГС, Хабаровск, Россия

Социальная справедливость как функция государственной политики: дальневосточный ракурс

Одним из основных элементов гражданского общества, которое оказывает существенное влияние на проявление различных форм активности гражданами - это их представления о «социальной справедливости». В большинстве своем оно определяется обществом как социальное равенство в получении дохода, равная ответственность всех перед законом и судом, равные возможности получения образования, медицинской и социальной помощи. С этих позиции социологическое понимание социальной справедливости/несправедливости имеет одно из ключевых значений в структуре ценностных ориентаций человека, его менталитета. Несоответствие социальной реальности ментальному представлению большинства о социальной справедливости в наибольшей мере отчуждает население от политического класса, представителей бизнеса и государственной власти [1].Это придает социологическому анализу практическую значимость и делает его востребованным в госуправлении. Вопрос о содержании социальной справедливости актуализирован в современном российском обществе. Очевидно, что любое реформирование может быть успешным и эффективным лишь в том случае, если оно реализует не только общественные интересы людей, живущих на той или иной территории, но и максимально учитывает их повседневные нужды и заботы, стремление к достойной жизни. Самым важным и единственно оправданным критерием реформирования общества может выступать лишь адекватная идея социальной справедливости [2]. С этих позиций, Дальний Восток России, как особая, геополитически значимая природно-ресурсная «кладовая» страны, но малонаселенная и уязвимая по условиям жизнедеятельности территория, представляет уникальные возможности для социологического анализа роли государства в обеспечении феномена «справедливости».

В 1990-х - начале 2000-х гг. государство пыталось реализовать меры социально-экономического характера по развития макрорегиона. Основным документом, регулирующим государственную политику в отношении дальневосточного региона, долгое время оставалась федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996-2005 гг.», которая неоднократно продлевалась, но не давала сдвигов в его социально-экономическом положении. Социальные проблемы населения региона фактически игнорировались ввиду хронического недофинансирования, что повлекло за собой его масштабный

отток, так называемый «западный дрейф» и сокращению его численности более чем на 20%, т.е. с 8,1 млн. (1991 г.) до 6,1 млн. чел. (2017 г.). Однако с начала 2017 года власти с оптимизмом стали заявлять, что тенденции переломлены, люди стали меньше уезжать с Дальнего Востока [3]. Свидетельством этому служат и полные оптимизма результаты опроса ВЦИОМ, свидетельствующие о позитивном настрое россиян по отношению к макрорегиону [4]. Между тем по данным Росстата, население ДФО на 1 января 2017 года уменьшилось на 12 290 чел. за год и миграционные показатели перестали давать основания для оптимистичных ожиданий [5].

Новая роль государства по подъему Дальнего Востока стала утверждаться после провозглашения его развития в качестве национального приоритета (В.В. Путин). Для исполнения этих поручений был разработан комплекс инновационных инструментов ускоренного развития макрорегиона, создано несколько органов власти, в ведении которых сейчас находится дальневосточная политика. В целях привлечения инвесторов для Дальнего Востока сформированы новые преференциальные режимы («ТОСЭРы», «Свободные порты», «Дальневосточный гектар» и др.).

Однако к созданию условий для улучшения жизни людей, что совершенно необходимо, государственная власть только приступает. В этих целях федеральные органы власти и организации, являющиеся ответственными исполнителями 29 госпрограмм, обязаны сформировать в них «дальневосточные разделы» по опережающему развитию территорий. При этом финансирование каждого «дальневосточного раздела» должно быть в объеме не менее 5,5% от объема финансирования госпрограммы. Государство признает, что Дальний Восток отстает от центральной части России по медицинскому обслуживанию, образованию, культуре, спорту и другим показателям качества жизни. Однако эта задача решается федеральными структурами достаточно болезненно в силу объективных и субъективных факторов [6]. Это подтверждают и результаты опросов населения Хабаровского края. Так, доля жителей, отмечающих улучшение своей жизни, снизилась с 34,7% (2014 г.) до 26,8% (2017 г). Лишь статистически незначительная часть опрошенных оценивает свою жизнь «без особых материальных забот»; каждый третий - «жизнь более или менее приличной, а покупки большинства товаров не вызывают трудностей»; до половины - «живут от зарплаты до зарплаты, когда денег хватает лишь на питание и самое необходимое». В целом, неудовлетворенность положением дел в городских округах и муниципальных районах Хабаровского края выражает половина жителей Хабаровского края. Таким образом, социально экономическая политика государства по подъему Дальнего Востока нуждается в комплексном решении жизненно важных проблем, в первую очередь, постоянного населения, а не только потенциальных или реальных трудовых мигрантов. В приоритете государственных мер поддержки особенно нуждается дальневосточная молодежь - потенциал будущего региона.

Литература:

1. *Бойков В.Э. Социально-политические ценностные ориентации россиян: содержание и возможности реализации // Социологические исследования. – 2010. - №6. – с.27-35.*
2. *Аргунова В. Н. Социальная справедливость: социологический анализ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/sotsialnaya-spravedlivost-sotsiologicheskii-analiz*
3. *Щербаков Д. Отток населения выходит из-под объяснении. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.eastrussia.ru/material/ottok-naseleniya-vykhodit-iz-pod-obyasneniya/*
4. *Оценка восприятия Дальнего Востока жителями Российской Федерации и уровня развития человеческого капитала в регионах Дальнего Востока. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://docplayer.ru/59634336-Ocenka-vospriyatiya-dalnego-vostoka-zhitelyami-rossiyskoy-federacii-i-urovnya-razvitiya-chelovecheskogo-kapitala-v-regionah-dalnego-vostoka.html*
5. *Миграционная убыль населения Дальнего Востока вновь возросла – РАНХиГС. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://habarov.today/2017-09-15/migratsionnaya-ubil-naseleniya-dalnego-vostoka-vnov-vozrosla--ranhigs*
6. *Трутнев попросит Путина дать директивную команду на выделение денег для Дальнего Востока[Электронный ресурс]. Режим доступа: https://habarov.today/2018-02-02/trutnev-poprosit-putina-dat-direktivnuyu-komandu-na-videlenie-deneg-dlya-dalnego-vostoka*

Байша Наталья Сергеевна,
ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет» , Волгоград, Россия

К вопросу о достижении экологической справедливости в условиях современного общества

В статье обосновывается точка зрения рассматривать существующие экологические риски с двух позиций: как создание опасной для здоровья населения экоситуации и как препятствие для достижения равных возможностей для всех членов общества при использовании природных ресурсов. С позиции экономической науки окружающая природная среда является общественным (потребительским) благом, которое может быть использовано людьми в различных целях в соответствии с природоохранным законодательством [1, С. 7]. Однако экологические блага в разных регионах страны распределены, как правило, неравномерно, о чем свидетельствуют результаты экологического рейтинга регионов России, проведенного в 2016-2017 гг. (рейтинг составлялся с помощью оценивания отношения к экологическим проблемам властей и общества, уровня экологического образования, внедрения природоохранных технологий на предприятиях и пр.) общероссийской общественной организацией "Зеленый патруль". В рамках данного исследования было выявлено, что Москва, Санкт-Петербург, Тамбовская область, Республика Алтай и Алтайский край являются экологически чистыми регионами России. «Зоной экологического бедствия» эксперты вышеуказанной организации объявили Красноярск, «где функционирует один из крупнейших в мире алюминиевых заводов» [2]. Следует отметить, что при отсутствии финансовых ресурсов индивиды не имеют возможности выбирать наиболее экологически безопасные условия

для организации повседневной жизни, поскольку стабильная трудовая занятость, наличие социального статуса и положения в том городском сообществе, в котором они проживают, обеспечивают им лишь условные преимущества для жизнедеятельности, и переезд в более крупные и экологически безопасные регионы, изменение места жительства и работы, для многих жителей, является практически невозможным. Справедливости ради, необходимо подчеркнуть, что чаще всего именно на территориях крупных городских пространств (например, в Москве, Санкт-Петербурге) «многое делается для улучшения качества атмосферного воздуха, благоустройства территорий» [2] (располагаются парки, скверы, сады, озелененные территории и пр.), и часть населения, находящаяся в сложной и крайне сложной экономической ситуации, проживающая, в основном, в небольших городах не имеет открытого доступа к вышеперечисленным экологическим благам. Таким образом, отсутствие равномерного распределения, прежде всего, экономических благ между различными социально-территориальными группами воздействует на их выбор образа жизни и на выбор наиболее благополучных условий окружающей природной среды. Равномерное распределение общественных благ тесно связано с понятием «справедливость». Исходя из определения социальной справедливости, которая, в свою очередь, выступает «интегрирующим началом, укрепляет солидарные связи в обществе, способствует достижению общественного согласия» [3, С. 250], отметим, что для достижения стабильного функционирования социальной системы необходимо, в частности, учитывать ценность экологической справедливости, воздействующей на социальное самочувствие людей. При недооценке важности достижения экологического равенства жителей различных городских пространств возрастает риск социальной напряженности из-за недостатка признания со стороны государства. Так называемый недостаток проявляется по причине неравномерного способа разделения государственными и региональными органами власти финансовых ресурсов для улучшения качества экосистемы (внедрение современных технологий, обеспечивающих улучшение качества воздуха, а также развитие экологических проектов, направленных на благоустройство территорий) различных территориальных образований, а не только конкретных крупных городов России (в Москве, в Санкт-Петербурге). Отметим, что экологическая справедливость, в свою очередь, предполагает «увеличение степени участия публики в политическом процессе, доступ меньшинств и населения с низким доходом к информации экологического характера, предоставление всем группам прав на самостоятельный выбор образа жизни и т. д.» [4, С. 118]. Подводя общий итог вышесказанному, можно заключить, что экологические риски, которые, по большей степени, зарождались по мере развития промышленной революции в XX веке и в настоящее время в условиях развития современного общества, рассматриваются в ракурсе актуальных проблемных вопросов. Идеи западных ученых, в частности У.Бека, заставляют обратить внимание на особенности сдерживания и

"справедливое" распределение тягостных последствий развития капитализма [5, С. 164], среди которых следует особым образом выделить экологические риски. Исходя из данного положения, важно отметить, что использование комплекса мер по снижению уровня развития рисковых ситуаций, например, таких как внедрение инновационного оборудования для поддержания экологически безопасных условий в ходе техно-экономического развития (использование промышленными производствами современных технологий по очистке воды и пр.), компенсация экологических опасностей на базе различных территориальных образований страны (использование государством соответствующей системы мер по ликвидации несанкционированных мусорных свалок /полигонов/ и пр.) позволит увеличить шансы в достижении экологической справедливости между различными социально-территориальными группами.

Литература:

1. *Балашенко, С. А. Экологическое право / С. А. Балашенко, Т. И. Макарова, В. Е. Лизгаро. - Минск : «Вышэйшая школа», 2016. - 383 с.*
2. *Названы самые чистые и грязные регионы России – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ria.ru/ecology_news/20170309/1489598409.html – 13.01.18. – Загл. с экрана.*
3. *Анисимов, А. С., Агеева, М. А. Понятие справедливости в современной социологии // «Сервис в России и за рубежом». - 2012. - С. 249-259.*
4. *Сычев, А. А. Экологическая справедливость: распределение, признание, участие / А. А. Сычев // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. — 2014. — № 4 (134). — С. 113-124.*
5. *Бек, У. От индустриального общества к обществу риска // THESIS. - 1994. - Вып. 5. - С. 161-168.*

Бейсенбин Кайрат Аманжолович,

Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия

Проблемы утверждения социальной справедливости в условиях современной России

С распадом СССР и конституционным провозглашением западных принципов демократии высокую актуальность в Российской Федерации приобретает проблема дегуманизации общественных отношений. Удивительным феноменом для постсоветской России становится то, что антигуманистические общественные отношения, которые с самых древних времен соотносились с порочным образом жизни, теперь соотносятся с демократическими правами человека и надежно охраняются правовой системой государства. Так, результатом либерализации экономических отношений стала легализация ростовщической деятельности, что по своей сути, дискредитирует гуманистические основания понятий «труд» и «деньги». В условиях легализации ростовщичества, находившего свое справедливое осуждение еще в Шумерской цивилизации, «труд» обесценивается и ничем не отличается от «наживы». При этом, «деньги» уже не могут быть

эквивалентом труда и превращаются в самый эффективный инструмент эксплуатации чужого труда. В свою очередь, в Российской Федерации продолжают активно развиваться множество негативных тенденций, ставших следствием легализации видов деятельности, связанных с использованием в целях «наживы» института права частной собственности. Безусловно, возможность легкого обогащения за счет присвоения какого-либо имущества и эксплуатации его полезных свойств привлекает в настоящее время большое число людей. Вне всяких сомнений, и в данном случае следует говорить о дискредитации гуманистической сущности понятия «труд», а также о неизбежных негативных последствиях, часто, криминального характера, причиной которых является недостаточно высокий уровень духовно-нравственного развития общества. Так, многие родственники ведут непримиримую борьбу за квадратные метры, квартирные рейдеры и черные риелторы ведут криминальную охоту за одинокими собственниками дорогого имущества. Нередкими в современных условиях стали рейдерские захваты чужого бизнеса с участием государственных структур. В современной России концептуальные основы формирования и развития общественных отношений в полной мере соотносятся с принципами западной модели построения демократического государства. Однако, либеральные представления о социальной справедливости не могут соотноситься с подлинными гуманистическими воззрениями о сущности данного понятия. Демократическо-капиталистическое обустройство общественной жизни неизбежно порождает социальную несправедливость, которая проявляется через множество своих признаков. В первую очередь, в данном контексте следует отметить то обстоятельство, что принцип социальной справедливости не может быть реализован в системе общественных отношений, если положения Основного закона государства и трудового законодательства не дают четких разъяснений относительно толкования понятия «труд». Обязательным условием при этом является принципиальное разграничение понятий «труд» и «нажива». Важнейшей составляющей определения сущностных характеристик социальной справедливости является нравственное и юридическое обоснование толкования понятия «труд», а также обоснование отношения каждого человека к труду. Безусловно, такого рода обоснование в контексте западных ценностей, искажающих традиционные нравственные принципы, способствует деградации гуманистических представлений о социальной справедливости и росту социальной напряженности. К признакам, отражающим сущность общественных отношений в постсоветской России, и сразу приобретшим устойчивый характер, следует также отнести обнищание трудящихся и обогащение узкой группы лиц, промышляющих «наживой». Безусловно, финансово-экономические элиты, в целях обеспечения правовых гарантий собственной безопасности, стремятся к узурпации политической власти. Следствием такой узурпации и приспособления правовой системы государства к интересам финансово-экономических элит, стали: присвоение доходов от эксплуатации природных ресурсов; устойчиво низкий МРОТ и

нищенский прожиточный минимум, в условиях самого богатого своими природными ресурсами государства (а иначе кто пойдет за кредитом?); отсутствие четких разъяснений в подзаконных нормативно-правовых актах конституционного положения о социальном государстве, в частности, об «условиях, обеспечивающих достойную жизнь человека» и т. д. Таким образом, в сложившихся условиях, необходимо говорить о критическом осмыслении нравственных и научных оснований западных принципов демократии, а также о целесообразности разработки новых концептуальных положений формирования и развития общественных отношений в Российской Федерации, которые опираются на подлинные гуманистические ценности и традиционные представления о социальной справедливости.

Литература:

1. *Бейсенбин К. А. Политико-правовые и нравственные основы формирования гражданского общества в Российской Федерации. Монография. – Смоленск. Смоленская городская типография. 2016. – 376 с.*
2. *Белявский В. А. Потомки Эа-илута-бани. - «Вестник древней истории», 1968, № 1, С. 98-110*
3. *Ирина Иванова. «Черные риелторы» из Смоленской области похищали и убивали людей ради квартир. // Информагентство «О чем говорит Смоленск» (16.01.2017, 10:30) // URL: https://smolensk-i.ru/society/chernyie-rieltoryi-iz-smolenskoy-oblasti-pohishhali-i-ubivali-lyudey-radi-kvartir_183939 (дата обращения: 23.01.2018)*
4. *Бизнес-омбудсмен Титов заявил о признаках рейдерского захвата фабрики «Меньшевик» // Информационное агентство России ТАСС (12.01.2018, 20:44) // URL: http://tass.ru/proisshestviya/4871095 (дата обращения: 23.01.2018).*
5. *Статья 7 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.02.2014 №2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Офи*
6. *Нечаева И.В. Условия и факторы формирования предпринимательского потенциала сельского социума // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2016. Т.16. № 1. С. 28-33.*
7. *Великий П.П., Бочарова Е.В. Динамика формирования многоканальности источников выживания сельской семьи// Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2014. т.14, вып. 1.*

Васильев Владимир Петрович,

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Оптимизация функций социального государства

Оптимизация роли государства в регулировании социальных процессов является дискуссионной проблемой. Координаты таких дискуссий многообразны. Теоретически это проблема минимального государства или полного обобществления, индивидуализма или патернализма в социальном развитии. В социальной политике – сокращение социальных расходов или их перераспределение и концентрация на наиболее значимых с точки зрения общества направлениях. Государство и его аппарат с момента

эволюционного возникновения как института «естественного права» выполняли функции социальной организации. В историческом развитии у государства появлялись новые механизмы и отдельные институты решения социальных вопросов. Под воздействием новых экономических и социальных реальностей вырабатывались новые направления воздействия государства на социальные отношения. Во второй половине XIX века под воздействием промышленной революции и европейских политических революций середины века сначала теоретически, а затем и в социальной практике стали вырастать формы и механизмы социального государства. Их новизна сводиться к двум обстоятельствам. Во-первых, к провозглашению равенства всех граждан перед законом, начала формирования правового государства. Во-вторых, формирование института социального страхования, положившего начало принципам социального партнерства и реальной финансовой помощи при наступлении страхового случая [1]. В середине XX века была разработана более широкая концептуальная программа социального рыночного хозяйства. Возникнув под воздействием военных разрушений экономики и необходимости выстраивания рыночных отношений, социальное рыночное хозяйство сочетает в определенном соотношении принципы личной свободы и инициативы, рыночной конкуренции и экономического роста, полной занятости и индивидуальной помощи [2].

Теория социального рыночного хозяйства значительно расширяет подход к анализу взаимодействия государства, социальных слоев общества и рыночных принципов. Суть концепции заключается в координации рынка, государства и социальных групп, избежание социального конфликта в обществе на основе противоречий между личной свободой, социальным обеспечением и экономическим ростом. Одной из проблем современной России является противоречие между экономическим ростам и расслоением населения по доходам. Более 15 лет наблюдается обратная зависимость между темпами роста и значениями коэффициента дифференциации (неравенства по доходам). Экономический рост ведет к поляризации населения, в период рецессии наблюдается обратная картина [3]. Для социальной политики важно выявить причины и механизмы этого явления. Можно предположить, что в период экономического роста опережающим темпом росли доходы высоких слоях собственников в топливно-энергетической сфере, торговле и в области финансово-посреднической деятельности. Вместе с тем статистические данные вызывают сомнения и не всегда подтверждаются субъективными оценками граждан в ходе социологических исследований. Статистика доходов населения основана на интегрировании расходов домохозяйств с использованием метода их субъективной дооценки органами статистики. Диапазон статистических наблюдений по выборочным обследованиям домохозяйств слишком узок, девятый дециль начинается с 700000 руб. в месяц. Намного более точные данные можно получить лишь по налоговой статистики, которая пока отсутствует. В распределительных отношениях вопрос об оптимизации

социальных расходов ставится с позиций сокращения социальных расходов или, как вариант, переходу от контингентной к адресной поддержке населения [4].

Представляется, что концептуальным может быть иной вариант – выведение слоя крайне бедных домохозяйств, глубиной бедности в 2 раза ниже критерия бедности, и трансформация другой части бедного населения по доходам в средний слой общества. В этом контексте необходим анализ причин бедности и направления денежных средств на их устранение. В связи с этим возникает более сложный вопрос об оптимизации расходов консолидированного вопроса и устранения деформаций, связанных прежде всего со значительной их долей на содержание государственного аппарата и других расходах исполнительной власти. Вместе с тем в социальную гармонизацию различных слоев общества должно вносить вклад не только государство. Общественную справедливость для целей социальной динамики должны вносить не только государство, но и бизнес, и семья. Во взаимодействии треугольника государство-бизнес-семья необходима ответственность, ее признание и реализация на постоянной основе. Социальное государство становиться эффективным и одновременно справедливым, когда растет не только ВВП, достигая его потенциальных значений и выходя за пределы кривой производственных возможностей, но и социальный капитал в его вертикальных и горизонтальных значениях.

Литература:

1. *Штейн Л. История социального движения Франции с 1789 года. Пер. со 2-го нем. изд. Т.1. Основное понятие общества и социальная история Французской революции до 1830 г. Спб.: Тип. А.М. Котомица, 1872. С. XXVIII*
2. *Мюллер-Армак А. Принципы социального рыночного хозяйства // Социальное рыночное хозяйство: концепция, практический опыт и перспективы применения в России Под ред. Р. М. Нуреева. — М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2007.*
3. *Российский статистический ежегодник. М.; 2017, http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#*
4. *Доклад. Об основных направлениях повышения эффективности расходов федерального бюджета. Министерство финансов Российской Федерации, 2015 г.*

Васильева Дарья Евгеньевна,

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Проблема социальной справедливости в современном социальном российском государстве

В обществе, основанном на гуманизме, равноправии и солидарности, справедливость – это соответствие между ролью человека в обществе и его социальным положением, правами и обязанностями. В таком обществе труд человека всегда достойно вознаграждается, а главная цель государства – забота о людях. В существующих законах реализуется принцип – каждый

индивид трудится ради всех, и все трудятся во благо каждого. В этом истоки социальной ответственности государства за всех своих граждан. Исходя из этого, справедливость в социальном государстве основана на базовых принципах: первый – равенство всех людей перед законом; второй – обеспечение гарантий жизнедеятельности гражданина; третий – высокий уровень защищенности. Так, современное социальное государство: а) обеспечивает работой каждого трудоспособного гражданина; б) предоставляет возможность заработать достойную заработную плату; в) дает свободный доступ граждан к образованию, медицине, культуре. Однако, при этом, современному российскому обществу характерна дифференциация условий жизни и профессионально-трудовой деятельности граждан. В связи с этим, государство нередко вмешивается в общественную жизнедеятельность с целью предоставления равных изначальных возможностей для всех граждан и в различных сферах их труда, быта, досуга и т.п. [2]. Практико-ориентированный теоретико-методологический подход в интерпретации социальной справедливости фиксирует альтернативные мнения относительно ее сущности. Их спектр образуют взгляды: элементарный – все граждане должны получать равные блага; роулсианский – должна быть такая дифференциация доходов, при которой неравенство способствует достижению более высокого уровня жизни и беднейших слоев населения; утилитарный – большую часть благ получают те граждане, которые приносят большую пользу обществу; рыночный – справедливость устанавливает «невидимая рука» рынка. Они относительно коррелируют с четырьмя типами современных государств максимально реализующее – функции социальной защиты, здравоохранения и образования; функции социальных услуг и активной социальной политики; функции всеобщего благоденствия и ответственности за уровень благосостояния людей, способы по достижению равенства, оказание социальной помощи, масштабное перераспределение доходов; функции обеспечения достойного уровня жизни населения. Важно понимать, что социальное государство – это государство, которое служит интересам граждан и общества в целом. Оно обеспечивает активную социальную политику, направленную на осуществление принципов социальной справедливости, прав и свобод людей, урегулирование конфликтов. Современное социальное государство борется с безработицей, охраняет семью, повышает уровень жизни, предоставляет льготы, регулирует цены и налоги для перераспределения ресурсов [1]. Оно стремится создать каждому человеку хорошие условия для жизни, реализации своих способностей, обеспечивает социальную защищенность. Не все государства можно отнести к социальным, потому что не все они достигли высокого уровня жизни. К социальным государствам относят страны, в которых прожиточным минимум составляет около 8 тысяч долларов на человека в год. Они всегда стремятся устранить социальное неравенство и вмешиваются в разные сферы жизни гражданина, в трудовые и имущественные отношения. В социальном государстве солидаризируются представители различных народностей и наций, социальных групп и

общностей в единое гражданское общество. Исходной целью является обеспечение защиты интересов всех без исключения социальных субъектов общества. Признание законных интересов, свобод и прав индивида как человека, и как гражданина является в нем наиболее значимой ценностью [3]. Социальная справедливость как исток единства абсолютно любого государства должна своевременно находить отклик социальной среды человека на происходящие с ним и в обществе изменения, а также вырабатывать новые, более прогрессивные идеи и технологии для своего развития. Участники социально-политических процессов, отстаивая идеи справедливости, предпринимают различные альтернативные варианты примирения других, предупреждения и разрешения конфликтов, согласования ожиданий и притязаний, требований и ограничений разного рода действий людей. Их цель – повысить уровень взаимопонимания и совместимости – сплоченности социальной группы, солидарности социальной общности, согласия в обществе [4]. Реальное состояние современного российского государства, которое является согласно Конституции РФ – социальным, наглядно демонстрируют относительно успешно, хотя далеко не противоречиво, реализуемые функции, такие как: 1) защита социально слабых категорий населения; 2) опека здоровья людей; 3) устранение социального неравенства с помощью перераспределения доходов между разными социальными слоями; 4) стимулирование благотворительной деятельности; 5) спонсорство для научных исследований; 6) устранение безработицы; 7) обеспечение мира и согласия в обществе. Итак, социальная справедливость – это и принцип, контролирующий отношения между членами общества и, прежде всего, способствующий социальному согласию и солидарности. Чем выше ее уровень в обществе, тем устойчивее поддерживается социальный порядок и социальное равенство людей в обществе. Социальная справедливость – это и равномерное распределение некоторых, базовых благ в государстве, это не оценка поступков людей, а отражение реального состояния жизнедеятельности населения.

Литература:

1. *Кафтан В.В., Оборский А.Ю. Социальные технологии дегероизации сознания российского общества / Научно-информационный журнал Армия и общество. 2012. № 1 (29). С. 17-22.*
2. *Клишас А.А. Социальное государство: монография. – М.: Международные отношения, 2017. – 269 с.*
3. *Назаренко С.В. Социальный контроль в пресечении нарушений прав интеллектуальной собственности / Экономика. Бизнес. Банки. 2017. Т. 7. С. 134-140.*
4. *Сафонов К.Б. Гуманизация отношений в системе «человек – организация» в условиях современного трансформирующегося общества: монография. – Воронеж: Научная книга, 2017. - 291 с.*

Васильева Елена Геральдовна,
Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

Социальный рынок и стратегии эффективной социальной политики: за и против.

Современные особенности социальной политики связаны с целым рядом инноваций, задаваемых стратегией эффективного управления. Ключевыми целевыми ориентирами данной стратегии выступают формирование сервисного государства и развитие рынка социальных услуг, которые определяют новое понимания роли и функций государства в реализации задач социальной политики. Новые моменты связаны, прежде всего, с изменением базовых моделей политики социальной справедливости и традиционной концепции государства всеобщего благоденствия в направлении политики государственной социальной поддержки нуждающихся и концепции социального рынка. В постсоветский период можно выделить три этапа реформирования социальной сферы и управления социальной политикой: период 1992 – 1999 гг., связанный с регионализацией социального управления и фактическим отсутствием системной социальной политики; период 2000 – 2009 гг., имеющий переходное значение и характеризующийся формированием «новых институциональных практик» государственного социального управления на федеральном и региональном уровнях, а также переходом к сбалансированной и эффективной социальной политике государства в социальной сфере; период с 2010 г. и по наст.вр., когда, с одной стороны, сформировалась базовая институциональная система (модель) социальной политики государства, а, с другой стороны, обозначилась необходимость структурной дифференциации государственных и негосударственных институтов (элементов) социального управления в целях ее эффективной реализации. Характеризуя процесс в концептуальном аспекте, необходимо подчеркнуть, что за прошедший период произошло и кардинальное видоизменение базовых категорий легитимации социальной сферы: от нормативно-идеалистических постулатов социальной справедливости, которые задают в большей мере политическую, и, по преимуществу, конфликтологическую, перспективу оценки социальной политики – к социально-экономическим критериям, которые определяются универсальными критериями рациональности и эффективности управления, а также требованиями бизнес-управления. Так, в 90-е гг. в социальной политике совмещались две системы оценок: с одной стороны, реальная социальная политика строилась на основе компенсационно-распределительного подхода, не предполагала целевого разграничения социальных трансфертов, субсидий и льгот (т.е. исходила из «простых» принципов социальной справедливости), а, с другой стороны, в условиях недостаточности социальных бюджетов, она фактически исходила из

парадигмы антикризисного управления и ситуативного распределения ресурсов для «снятия» наиболее острых социальных проблем. В период 2004 - 2010гг. начинает формироваться системный подход к управлению социальной сферой, отвечающей реалиям глобального рынка и обеспечивающей эффективное (опережающее) решение возникающих социальных проблем. При этом реформа институтов социальной сферы, с одной стороны, задается принципами сбалансированной социальной политики (что соответствует идеалу государства всеобщего благоденствия), а, с другой стороны, все более начинает определяться принципами рационального управления и эффективного менеджмента (что, в свою очередь, связано с масштабной административной реформой системы государственного управления в соответствии с идеалом сервисного государства). В современных условиях принцип эффективной социальной политики трансформируется с учетом концепции социального рынка. Исходя из этого, стратегия социального реформирования определяется, в первую очередь, принципом оптимального использования общественных ресурсов на основе продвижения результативных социальных технологий взаимодействия государственных и негосударственных структур и поддержки институциональных инноваций, обеспечивающих решение социальных проблем на основе негосударственных источников финансирования. Это предполагает, во-первых, создание и обеспечение деятельности социального рынка как основного институционального механизма реализации социальных услуг, и, следовательно, поиск новых форматов и технологий эффективного взаимодействия основных субъектов социальной политики, прежде всего, профессиональных организаций и учреждений социальной сферы – «производителей» услуг, институтов-стейкхолдеров и институтов-регуляторов социального рынка, а также организаций-собственников / владельцев / распорядителей социальных ресурсов (финансовых, организационных, информационных, волонтерских и др.) и организаций-исполнителей (бенефициаров). Во-вторых, это предполагает переход от «социального сервисного государства» к «социальному рыночному государству», использование элементов рыночного регулирования в государственном управлении социальной сферой, т.е. изменение роли государства в данной сфере.

Вознесенский Игорь Сергеевич,
МАДИ, Москва, Россия

Путь от организационной справедливости к социальной через организацию труда

Историю человечества можно рассматривать как расширяющуюся дорогу к обществу, в котором одной из основных ценностей выступает

социальная справедливость. В каждую эпоху ее идеи получали собственное выражение, проявлявшееся в нравственных нормах, включавших трудовую этику. С развитием производства возникала потребность соединения экономической эффективности и трудовой морали. Зарождение теории справедливости связывается с теорией утилитаризма (И. Бентам, Г. Сиджвик, А. Пигу), согласно которой справедливость достигается путем распространения на социум принципа рационального выбора для индивидуума и объединения желаний отдельных членов общества в общую цель. С иной позиции рассматривается связь экономики и социальной справедливости в концепции интуитивизма. Дж. Ролз понимает справедливость как честность. [1] В прагматической теории делается упор на обосновании справедливости требований участники конфликтов. [2] Предметом трансцендентальной теории справедливости выступает идеальное справедливое социальное устройство. [3] Современными авторами анализируются механизмы создания национального богатства и его справедливое социальное распределение, дается интерпретация места и роли идеи справедливости в период крупных общественных трансформаций. [4; 5] Эти подходы проявились в развитии теории организации труда, которая, в частности, включала идеи организационной справедливости. Данное понятие отражает восприятие работниками характера отношения к ним организации как справедливого или несправедливого. Недостаток организационной справедливости оборачивается низкой производительностью труда, отсутствием удовлетворенности работой и приверженности организации. Разновидности организационной справедливости — дистрибутивная, процедурная и справедливость взаимодействия — направлены на формирование коллективизма внутри организации, рост трудовой и социальной удовлетворенности. [6] Поскольку в социальной сфере происходит поддержание определенных социальных параметров, то организационная справедливость ведет к сохранению самой социальной сферы и ее развитию в контексте социальной справедливости. [7; 8] Содействие в организации дистрибутивной справедливости способствует росту удовлетворенности персонала работой, снижению уровня конфликтности, большей вовлеченности сотрудников не только в трудовой процесс, но все, связанное с организацией. Велико значение цели и мотивации участников процесса, способности выносить эффективное решение, характера их взаимодействий. Цель может быть групповой, а может — индивидуальной, часто связанной с сохранением или изменением положения работника в коллективе. Результатами соблюдения норм справедливости в работе организации могут быть не только создание благоприятного морального климата, но и вполне ощутимые экономические параметры. Возрастает эффективность труда, что становится следствием повышения самооценки работников и их персональной эффективности. Усиление кооперации сотрудников положительно сказывается на качестве выполняемой ими работы. Вовлеченность сотрудников в процесс принятия решений уменьшает риски несправедливости данной процедуры и

способствует усилению их групповой идентификации, связи себя с организацией, в которой они работают. Снижение угрозы эмоционального выгорания и стресса ведет к уменьшению числа работников, склонных к профессиональному выгоранию. Высокая оценка справедливости процедуры принятия решения соответствует столь же высокой степени удовлетворенности работой. Это благоприятно сказывается как на моральном, так и на физическом здоровье сотрудников. Правильная, отвечающая духу времени организация труда открывает путь от организационной справедливости к социальной. Усиливая идентификацию сотрудников как членов определенной экономической структуры, различные виды организационной справедливости способствуют более осознанному отношению к труду, которое может выражаться и в удовлетворенности работой, и в намерениях ее сменить. Чем больше нарушений проявлений организационной справедливости присутствует в деятельности предприятия, тем сильнее эти нарушения влияют на характер труда, создавая своеобразный кумулятивный эффект, способный разрушить сложившуюся систему трудовых и межличностных взаимодействий. В этой связи внутри организации от ее руководителей требуется формирование навыков справедливого управления. Усиление регулятивной роли организационной справедливости обеспечивает перспективы развития модели социального государства и преодоления социального неравенства.

Литература:

1. *[1] Ролз Дж. Теория справедливости. М.: Ленанд, 2017. 535 с.*

2. *[2] Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 576 с.*

3. *[3] Сен А. Идея справедливости. М.: Издательство Института Гайдара, Либеральная Миссия, 2016. 520 с.*

4. *[4] Проблемы социальной справедливости в зеркале современной экономической теории / Л. Ермакова, Н. Коновалов, А. Лещинская, Д. Москвин, Н. Наумова, Ф. БинШток. М.: Едиториал УРСС, 2002. 192 с.*

5. *[5] Социальная справедливость в современном мире: сборник статей / Ин-т «Справедливый Мир», Рос. ассоц. полит. науки, Ин-т социологии РАН; редкол.: Л.И. Никовская (отв. ред.), В.Н. Шевченко, В.Н. Якимец. М.: Ключ-С, 2017. 446 с.*

6. *[6] Хусейнхони М. Место организационной справедливости и ее влияние на поведение сотрудников организаций (организационная справедливость – шаг к социальной справедливости) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 5(27). С. 330 – 334.*

7. *[7] Бишток Ф.И., Ермакова А.И., Наумова Н.Ф. и др. Проблема социальной справедливости в зеркале современной экономической теории. М.: URSS. 2002. 192 с.*

8. *[8] Гулевич О.А. Справедливость в организации: условия и последствия // Организационная психология. 2012. Т. 2. № 1. С. 58 – 70.*

Вялых Никита Андреевич,
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, РФ

Несправедливые социальные различия в сфере потребления медицинской помощи как объект социологического изучения

Статья подготовлена в рамках реализации гранта Президента РФ № МК-4089.2018.6 «Социальная сущность и механизмы дифференциации потребления медицинской помощи в российском обществе». За последние два с лишним десятилетия реформирования здравоохранения в России наметились определенные положительные тенденции: незначительно, но увеличивается ожидаемая продолжительность жизни населения, в медицинские организации регионов России поставляется современное диагностическое и лечебное оборудование, происходит экстенсивное развитие первичного звена оказания медицинской помощи, внедряются стационарзамещающие технологии лечения, открываются центры высокотехнологичной медицинской помощи, апробируются новые информационные технологии взаимодействия пациентов и медицинских организаций. В то же время статистические и социологические данные регистрируют значительные социальные барьеры в возможностях потребления своевременной и адекватной медицинской помощи и, как следствие, происходит усиление негативного фона восприятия российским обществом профессионального сектора медицины. Противоречие между институциональными нормами, которые регламентируют потребление медицинской помощи, и реальными потребностями и возможностями российского общества приводит к формированию и воспроизводству поведенческих практик, которые на сегодняшний момент едва ли можно назвать позитивными, т. е. способствующими положительной динамике здоровья отдельного человека, большинства социальных групп и социума в целом. В российском обществе еще не сформирована идеология здоровья и культура потребления медицинской помощи. Эти, как минимум, два фактора способствуют возникновению нового типа социального неравенства – неравенства пациентов и потенциальных потребителей медицинской помощи. Особое значение эта проблема приобретает в мегаполисах. Чем масштабнее социально-территориальная общность, тем сложнее ее социальная структура и интенсивнее процесс социальной дифференциации городского социума. Традиционно объектом социологических исследований являются именно несправедливые социальные различия, при которых представители разных социальных страт имеют неодинаковые шансы получить адекватную медицинским потребностям профессиональную помощь. Обычно под несправедливыми понимают социально-экономические, половозрастные, профессиональные, территориальные неравенства в доступе к медицинской помощи [1]. Однако надо иметь ввиду, что доступность медицинской

помощи параметризируется не только конфигурацией объективно заданных условий ее оказания, но и сложившимися моделями поведения людей как потенциальных потребителей. Они формируются в результате интернализации институционально заданных формальных и неформальных норм и интерпретации актором проблемной ситуации на основе личного опыта взаимодействия с медицинскими организациями института здравоохранения. Потребление медицинской помощи характеризуется рядом особенностей: необходимостью принятия решения в условиях неопределенности и риска; выраженной эмоциональной окраской поведения актора; внезапностью возникновения потребности и невозможностью ее сиюминутного удовлетворения; альтернативностью и гибкостью стратегии и тактики поведения; социокультурной детерминированностью субъективного восприятия статуса здоровья; неизбежностью преодоления экстернальных и интернальных барьеров либо пассивного к ним приспособления. Таким образом, не только социально-статусные, но и социокультурные различия приводят к вторичному стратификационному делению населения в сфере потребления медицинской помощи, поскольку индивиды, занимающие близкие позиции в социальном пространстве, производят схожие поведенческие практики. Следовательно, не все различия в доступе к медицинской помощи можно однозначно редуцировать к несправедливым неравенствам, ибо потребление медицинской помощи – специфический вид самосохранительной активности, который носит как рефлексивный (преимущественно), так и аффективный характер, может конструироваться спонтанно под влиянием ситуативных факторов, либо быть результатом реализации стратегии потребления – предварительного мыслительного установления актором последовательности действий для достижения желаемого состояния и получения достоверной информации о статусе здоровья [2]. На институциональном уровне социальное неравенство в доступе к медицинской помощи формируется не столько в поле клинической медицины среди пациентов, сколько на «входе» в него и герметизируется различными социально-экономическими условиями жизни, культурной и хозяйственной спецификой многообразных социально-территориальных общностей и социальных групп. Очевидно, что неравенство потребителей медицинской помощи воспроизводится из-за социальных аномалий, представляющих собой наблюдаемые последствия дисфункции национальной системы здравоохранения. Однако именно поведение актора в ситуации недуга (заболевания) играет, на наш взгляд, решающую роль в формировании порога доступности медицинской помощи, условно разделяя справедливые и несправедливые различия в сфере здравоохранения.

Литература:

1. *Амлаев К.Р., Курбатов А.В. Современное состояние проблемы неравенства в здоровье (обзор) // Профилактическая медицина. 2012. № 1. С. 10–15.*
2. *Вялых Н.А. Модальные модели социального поведения потребителей медицинской помощи в российском обществе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 40. С. 232-243.*

Гареева Ирина Анатольевна,
ТОГУ, Хабаровск, Россия

Социальная справедливость системы здравоохранения

На современном этапе развитии общества вопросы социальной справедливости и несправедливости в современных системах здравоохранения чрезвычайно актуальны. Реальное распределение общественных ресурсов в зависимости от потребностей всегда сталкивалось с проблемой несправедливости. Система здравоохранения сама по себе не в состоянии обеспечить достижение равенства, поскольку неравенство в здоровье граждан страны, в большей мере, зависит от политического устройства, социальной политики, социального благополучия. Социальная справедливость в стране во многом зависит от экономики и социальной политики. Для граждан старшего поколения современной России, понятие социальной справедливости носило буквальное, наполненное смыслом понятие. Для многих, это сопоставлялось с определением «бесплатный». В условиях рыночных отношений у разных социальных групп складывается различное представление о социальной справедливости. Справедливой называют такую систему отношений, которая объективно соответствует интересам большей части общества и воспринимаются как справедливые. Критериями, определяющими справедливость (либо несправедливость) в обществе могут быть: - наличие прав граждан; -наличие социальных гарантий для населения со стороны государства; - наличие обязательств со стороны государства по отношению к тем или иным группам населения (детям, пожилым, инвалидам и др.); - наличие стандартов, как в распределении ресурсов, так и в доступности и качестве услуг и особенно социально значимых. Социально значимые услуги обеспечиваются через социальные обязательства государства. Это социальные гарантии и права, которые законодательно зафиксированы. При этом государственные обязательства должны быть подкреплены механизмом обеспечения прав и ресурсно обеспечены. Граждане страны могут объективно оценить справедливость или несправедливость той или иной социальной системы лишь в случае возникновения потребности в социальных услугах и их удовлетворения. Право граждан на медицинскую помощь закреплено в Конституции РФ. Гражданин РФ может получить медицинскую услугу, имея полис обязательного медицинского страхования. Обязательное медицинское страхование (ОМС) обеспечивает минимальный набор медицинских услуг. Можно ли при таком подходе здравоохранение, как социально значимую систему, рассматривать как справедливую? Медицинская услуга должна соответствовать стандарту. Стандарт - это мера реального распределения ресурсов, при определенных условиях и потребностях. Однако, конституционные гарантии до сих пор не только не обеспечены необходимыми финансовыми ресурсами, но и технологиями на их получение. Технологии обеспечения прав граждан на медицинские услуги становятся все

более сложными не по содержанию, а по степени доступности и понимания для населения. Так, если в медицинском учреждении не предоставляется медицинская услуга в рамках программы обязательного медицинского страхования, пациенты вынуждены получать эту услугу платно или отказаться от обследования, так как самостоятельно не могут решить свои проблемы из-за отсутствия элементарной возможности оплатить обследование или лечение. В системе здравоохранении справедливость имеет особое значение и выражение. Социальная справедливость в здравоохранении – это равные возможности граждан на получение необходимых услуг или лекарств, в соответствии с потребностью, и пропорциональные расходы на их финансирование. Система здравоохранения основана на следующих социальных принципах: «богатый платит за бедного, здоровый за больного». В соответствии с этими принципами в обществе происходит перераспределение ресурсов от более благополучных групп населения (богатых и здоровых) к менее благополучным (бедным и больным). Однако, эти принципы не позволяют устранить имеющиеся несправедливости в современной системе здравоохранения. Потребность в медицинских услугах будет реализована, лишь в рамках программы ОМС. Более обеспеченные группы населения могут позволить более 70% возможностей современных достижений медицины, в то время, как менее обеспеченные всего лишь 1,7%. Справедливость состоит в том, что гражданин по праву и в реальности может получить необходимые услуги в соответствии со своей индивидуальной потребностью. Здравоохранения является одной из тех социальных систем, которые ярко иллюстрируют степень социальной справедливости в обществе. Однако, по данным ВЦИОМ, оценивая эффективность российского здравоохранения недоступность медицинской помощи отметили 37% опрошенных, 31% россиян были вынуждены платить за медицинские услуги и 30% оплачивали лекарства, которые полагались им бесплатно. Положительную оценку деятельности системы здравоохранения дали только 9% респондентов, 52% оценили отрицательно, 37% оценили как «удовлетворительно». Социологические исследования, подтверждают, что справедливость/несправедливость российской системы здравоохранения находятся в пограничном состоянии. Индикаторами определяющими справедливость/несправедливость системы здравоохранения могут быть индексы социального самочувствия, индекс общественных настроений, индекс социальных ожиданий .

Таким образом, несправедливая система организации здравоохранения означает, что свобода вести здоровую жизнь и обладать хорошим здоровьем несправедливо распределяется между обществами и внутри каждого общества.

Говоров Андрей Евгеньевич,
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

Спортивное судейство в России: практика несправедливости

Справедливость – исключительно социальное понятие, так как термин находит своё применение только во взаимодействиях социальных явлений (будь то индивиды, группы, институты или государства). Справедливость социальна всегда, в том числе и потому, что сама «идея справедливости» родились раньше самой «справедливости»: после осознания группой лиц неразумного или неправомерного распределения материальных или нематериальных благ. Поэтому справедливость – идея макроуровня, так как может быть замечена лишь на надыиндивидуальном уровне, в межгрупповом, межинституциональном взаимодействии. К тому же, справедливость – это междисциплинарное понятие. Она выступает как качество, приписываемое отношениям, возникшим в процессе деятельности между несколькими социальными образованиями, лишь при анализе результатов данной деятельности. Следовательно, для исследования справедливости желателен трансдисциплинарный подход, который позволяет суммировать опыт нескольких смежных дисциплин для достижения наиболее полного описания изучаемого явления, так как данное явление попадает под влияние не только социологических факторов, но и психологических, экономических и т.д. Исключительно логичной рамкой, предоставляющей возможность такого всестороннего изучения справедливости и её проявлений, выступает теория социальных институтов. Наличие стабильных, справедливых форм организации общественной жизни – социальных институтов – является основой полноценного функционирования общества. Справедливость – это обязательное качество социального института, без которого невозможен общественный прогресс. Не случайно Джон Ролз, известный американский философ, в своей работе «Теория справедливости» с первых страниц связывает два представленных выше понятия: «справедливость» и «социальный институт»: «Законы и институты, как бы они ни были эффективны и хорошо устроены, – пишет Дж. Ролз, – должны быть ликвидированы или реформированы, если они несправедливы» [Ролз, 2010, 17]. Особый интерес в социологии вызывает изучение справедливости в современном спорте. И больше всех, с точки зрения социолога, в спорте несправедливость ощущает особая, уникальная социальная группа, которая не только обеспечивает функционирование института спорта, но и непосредственно отвечает за реализацию принципа справедливости – спортивные судьи. Каждое спортивное мероприятие подразумевает наличие спортивного судьи – профессионала, который обеспечивает соблюдение Правил соревнования. Однако в России ни один спортивный судья не имеет трудового договора, то есть судьи юридически не закреплены в институте

спорта, де-юре они не являются профессионалами и не могут рассчитывать ни на пенсию, ни на минимальную правовую защиту. В данном случае фактическое отсутствие представителей профессии «спортивный судья» в России, является признаком дисфункции социального института спорта, который не обеспечивает собственных работников первичными социальными гарантиями. А в наше время, когда уместно говорить о доминирующей роли экономических факторов, которые обеспечивают и направляют развитие современного мира, именно правовая защищенность работников оказывается первичной социальной гарантией, которую социальный институт обязан предоставить своим представителям. В настоящее время спортивное судейство в России – это, в некоторой степени, балласт, который тормозит развитие спорта в нашей стране. Для примера, рассмотрим футбол, так как в данном, самом популярном виде спорта, ситуация представляется наиболее несправедливой: самый высокооплачиваемый футболист Российской Футбольной Премьер-Лиги получает в 95 раз больше, чем самый оплачиваемый арбитр (информация из открытых источников). Однако несправедливость заключается не в размере оплаты, а в её особенности: судья может рассчитывать на заработок, только если получит назначение на матч и отработает его. Футболисты получают деньги не только за игры, но и за подготовку к ним. В связи с чем, судьи, в ожидании получения назначения, вынуждены искать дополнительные источники заработка, так как необходимо постоянно поддерживать физическую форму, соблюдать правильное питание и, банально, содержать себя и семью. В РФПЛ более 400 футболистов, на которых приходится 19 главных арбитров, т.е. стать арбитром РФПЛ не только экономически менее выгодно, чем футболистом, но и в 20 раз сложнее. Резюмируя, стоит отметить, что, с точки зрения теории социологии, неспособность института спорта обеспечить спортивных судей адекватными условиями работы – одна из главных причин неудовлетворительных результатов российских спортсменов на международном уровне, так как эти результаты являются следствием проблем оснований института спорта в нашей стране. За последние двенадцать Олимпиад сборная команда России из лидера общего медального зачёта превратилась в команду, занимающую 4-5 места. Ослабление российского спорта – это тенденция, которую нужно остановить превентивными мерами. И первая из них – поддержка спортивных судей, которые оказались несправедливо забытыми в эпоху коммерциализации спорта. До тех пор, пока спортивные судьи не окажутся юридически закреплены за социальным институтом спорта, прогресса в спорте в нашей стране не будет, так как об эффективном функционировании института можно говорить только тогда, когда все его обязательные участники имеют правовую защищенность.

Литература:

1. *Ролз Д. Теория справедливости. – URSS, 2010.*

Григорьева Наталия Сергеевна,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Равенство/ неравенство в современном мире: возможности и ограничения социального государства.

Осенью 2016 года состоялась презентация Всемирного доклада по социальным наукам (World Social Science Report 2016, Challenging Inequalities – Pathways to a Just World), который был посвящен теме неравенства в современном мире. В преамбуле к докладу Генеральный директор ЮНЕСКО Ирина Бокова подчеркнула, что «… Доклад является сигналом предупреждения. Устранение пробелов в социологических исследованиях по вопросам неравенства имеет важнейшее значение для достижения сквозной цели Повестки дня на период до 2030 года». Авторы доклада объясняют новый виток роста неравенства доминированием неолиберальной парадигмы в западных странах в конце XX века. После падения Восточного блока, неолиберальные взгляды распространилась и на эти страны, создав тем самым возможности «просачивания» бедности для уязвимых слоев населения, увеличивая неравенства внутри стран. Особую озабоченность авторов доклада вызывает тот факт, что за последние годы зафиксировано увеличение неравенства в странах с низким уровнем неравенства доходов, как например, Швеция. И в связи с этим возникает закономерный вопрос – может ли современное социальное государство обеспечить социальное равенство и социальную справедливость?

Изменения, происходящие в современном социальном государстве, связаны с комбинацией трех групп факторов, которые определяют основные тенденции его развития. Это: глобализация, демография, инновационные вызовы. Не вдаваясь глубоко в возможности существования и развития социального государства в условиях глобализации, отметим, что наиболее полная оценка социальных последствий глобализации, как представляется, была дана в аналитическом докладе комиссии МОТ по социальным аспектам глобализации (2004). В нем отмечалось, что глобализация открыла двери для многих социальных благ. Но вместе с тем «некоторые преимущества глобализации слишком далеки, в то время как ее угрозы вполне реальны». В качестве этих угроз рассматриваются проблемы безопасности, социальной изоляции и социального неравенства. Основные проблемы современной демография связываются исследователями с процессами старения населения и интенсификацией миграционных потоков. Согласно прогнозам в 2045-2050 году средняя продолжительность жизни в мире составит 75 лет против 47 лет в 1950-55годах, а число детей, рожденных женщиной в течение жизни, составит - 2,0 (а в некоторых странах не дотянет и до этого показателя) против 5. Что касается миграции, то она приобрела качественно иные масштабы. Проблема в том, что европейские страны уже не могут, с прежней

эффективностью, пользоваться принятыми адаптационными формам, поддерживая приемлемый уровень жизни населения. Что касается инновационных вызовов, то социальные технологии, при помощи которых создаются и материализуются нововведения, вызывающие качественные изменения в различных сферах жизнедеятельности, направлены, прежде всего, на рациональное использование материальных, экономических и социальных ресурсов. В структуре этих технологий выделяют два вида деятельности: инновационную диагностику и социологическое изучение нововведений. Первая служит инструментом для анализа, диагноза и прогноза развития конкретного нововведения. Второе рассматривает динамику общественного мнения по отношению к инновациям. В Докладе выявлены семь видов неравенств, и их конфигурации: экономические, политические, социальные, культурные, экологические, пространственные и основанные на знаниях. Задача состоит в том, чтобы выстроить возможные тренды управления неравенствами, начиная с национального уровня и до глобального. Вопрос, который беспокоит ни одно поколение исследователей, заключается не в том, может ли человечество полностью освободиться от неравенства, а в том, насколько оправданы неравенства, существующие в разных типах обществ. Каковы приемлемые уровни неравенства в отдельных сферах общественной жизни? Что может (должно) сделать правительство, чтобы минимизировать неравенства? Каким образом можно уровнять шансы людей на достойную жизнь, соответствующую их способностям и устремлениям?

Чтобы ответить на эти вопросы необходимо выйти за рамки только экономического неравенства, и рассмотреть взаимодействия между различными измерениями неравенств (поэтому в докладе о них почти всегда говорится во множественном числе), а также обеспечить междисциплинарный подход в изучении неравенств. И прежде всего, усилить роль социальных наук в изучении неравенств. Доклад также призывает к расширению сотрудничества в рамках различных дисциплин и областей исследований с целью разработки более эффективной политики в интересах построения более инклюзивных обществ. Это, безусловно, будет способствовать новому качеству задач социального государства применительно к решению проблем социальных неравенств.

Гриценко Александра Геннадьевна,
Курский государственный университет, Курск, Россия

Проблемы и перспективы формирования доступной социальной среды для людей с ОВЗ

В новом тысячелетии социологи как отечественные, так и зарубежные все чаще обращаются к проблемам людей с ОВЗ и как следствие к формированию доступной социальной среды для них. На данный момент в

данной сфере государственной и общественной деятельности существует множество проблем и подвижек в их решении. Ряд ученых, таких как Е.Р. Смирнова-Ярская, Е.И. Холостова и многие другие отечественные исследователи, выделяют следующие характеристики такой социальной прослойки в российском обществе как люди с ОВЗ: занятость, удовлетворенность своей деятельностью, стратегия экономического поведения, социальным капиталом, широтой социальных связей, степенью удовлетворенности различными сторонами своей жизнедеятельности [4; с. 112]. Рассматривая процесс построения в России доступной социальной среды для людей с ОВЗ необходимо, для начала, определить их круг и основные направления их решения. Современные исследователи данных проблем чаще все выделяют следующие основные группы проблем, требующие решения при построении доступной социальной среды для людей с ограниченными возможностями здоровья: организация «безбарьерной» в физическом плане среды, для людей, относящихся к маломобильной категории граждан, которая позволила бы перемещаться как внутри своего жилья, так и в местах общественного посещения, транспорте наравне с условно здоровыми гражданами; повышение уровня просвещенности общества в вопросах инвалидности и устранения барьеров во взаимоотношениях с другими людьми; обеспечение, людей с ограниченными возможностями здоровья необходимыми средствами реабилитация, которые помогают заместить или скомпенсировать отсутствующие, или утраченные функции; внедрение в образовательную сферу инклюзивных форм образования, с целью уравнивания прав всех членов общества на образование и воспитание в социуме принципов гуманности и толерантности; решение проблем трудоустройства, граждан, имеющих ограниченные возможности здоровья; устранение психологических барьеров для инвалидов их ближайшего окружения в социальной сфере [1; с. 13]. В последнее время Российское государство стало обращать более пристальное внимание на проблемы людей с ОВЗ, а также стремиться их решить законодательным путем. Начиная с 2000 года правительством Российской Федерации разрабатываются различные программы государственной поддержки инвалидов, решения их проблем в различных областях их жизнедеятельности: вносятся существенные поправки в законодательство, направленное на социальную защиту данной категории граждан; утверждена и активно претворяется в жизнь программа «Доступная среда», которая реализуется как на общегосударственном, так и на региональном уровнях; разрабатываются и претворяются в жизнь различные программы трудоустройства людей с ограниченными возможностями здоровья; внедряются в российскую образовательную систему принципы инклюзивного образования; растет число служб, оказывающих помощь семьям, воспитывающим детей-инвалидов; разрабатываются и претворяются в жизнь различные средства технической реабилитации инвалидов. При этом, современные российские исследователи, проводя мониторинг мнения людей с ОВЗ, касательно реализации всех этих средств поддержки, реабилитации, социализации на

местах получают следующие результаты: несмотря на все меры, предпринимаемые государством с целью повышения качества жизни людей с ОВЗ, при оценке данной категорией граждан уровня государственной помощи, «96 % респондентов заявили о недостаточной поддержке государства и местных властей» [3; с. 46]. При этом 95% опрошенных отметили, что за последние годы не заметили изменения отношения социума к ним. Следовательно, необходимо всячески воздействовать на местные органы, для того, чтобы реализовать поставленные благоприятные задачи для людей с ограниченными возможностями здоровья и маломобильной группы населения. Отдельного внимания заслуживает степень доступности для людей с ОВЗ общественного транспорта и государственных учреждений, имеющих общественное назначение: 96% респондентов отметили, что для людей с ограниченными возможностями здоровья в транспорте и в различных учреждениях, в том числе внепроизводственных нет условий для комфортного существования. Также современные исследователи проблем формирования доступной социальной среды для людей с ОВЗ отмечают, что люди с ограниченными возможностями здоровья, сталкиваясь ежедневно с отсутствием безбарьерной среды, имеют конкретные предложения по решению данных проблем. Однако, все опрошенные люди с ОВЗ отметили, что «их никто не спрашивает, как улучшить их качество жизни» [2; с. 734]. Получается разрыв между представлениями людей с ОВЗ о возможных качественных изменениях в их жизни и представлениями людей, которые никогда не сталкивались с подобными проблемами и, зачастую, знают о вышеперечисленных проблемах из книг и документов. Таким образом, государственные начинания в области построения доступной социальной среды для людей с ОВЗ являются положительной тенденцией и вселяют надежду на положительные изменения в данном вопросу в обозримом будущем. Однако, все начинания в решении данного вопроса натыкаются в своей реализации на две основных проблемы: традиционный менталитет российского человека по отношению к людям с ограниченными возможностями здоровья и проблемы практический реализации данных государственных проектов на местах, которые зависят от людей, их претворяющих и уровня финансирования программ.

Литература:

1. *Вечканова И.Г. Доступная среда города для реабилитации детей с ОВЗ в проектах социального партнерства Фребелевского общества педагогов Санкт-Петербурга. // Специальное образование. – 2016. – №3. – С. 13.*
2. *Исхакова Н.Р., Сафиуллина Н.З., Исхакова Л.М. Анализ социальных проблем людей с ограниченными возможностями здоровья // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №12 (часть 4). – С. 734.*
3. *Панченкова М.В., Васильковская М.И. «Доступная среда» в учреждениях культуры как социально-культурная реабилитация посетителей с ограниченными возможностями здоровья. // «COGNITIO RERUM». – 2017. – №3. – С. 46.*
4. *Смирнова-Ярская Е.Р. Инвалидность и семья: ресурсы и барьеры повседневной жизни. Государственная семейная политика. – М.: МГСУ, 2004. – С. 112.*

Дартау Людмила Арнольдовна,
Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, Москва, Россия

Государственная деятельность по совместному (персонифицированному) с населением управлению здоровьем: технология для решения проблемы социальной несправедливости в здоровье

Как известно, Конституции большинства развитых стран включают охрану здоровья населения в виде отдельных статей, а затем по ходу развития дополняют ее рядом нормативно-правовых документов разного административного уровня. В России одним из таких документов является Указ Президента Российской Федерации от 17.12.1997 № 130 «Концепция национальной безопасности Российской Федерации», которая определяет здоровье населения основой национальной безопасности и основой развития научно-технической базы промышленности страны. В этой связи тема социальной несправедливости в сфере здоровья не только не теряет актуальности, но и продолжает парадоксальным образом нарастать по мере развития и применения высокотехнологичного лечения и социально-экономического роста конкретной страны в целом [1]. В первом случае это связано с тем, что применение высоких технологий (как правило, дорогостоящих) позволяет предотвратить смертельный исход при условии своевременной доставки пациента в стационар, что само по себе требует наличия определенных служб и инфраструктуры. Пациенты при этом либо остаются на том же уровне здоровья, на котором произошел кризис (ДТП, инфаркт, инсульт и пр.), либо переходят в категорию инвалидов, ухудшая статистику здравоохранения в целом. Во втором, доступность большинству населения огромного выбора продуктов питания, обеспечивающих биологическое выживание, но в большинстве случаев снижающих потенциал долголетия конкретного индивида за счет преждевременного развития хронических неинфекционных заболеваний и приводящих к упомянутым в первом случае кризисам. Будучи неимущественной, неотчуждаемой собственностью индивида (как объекта живой природы) здоровье – уникальное во всех отношениях явление. Устойчивое развитие человеческой цивилизации (ВОЗ, 1981) включает укрепление здоровья конкретного человека, которое способствует социально-экономическому развитию общества [2]. В свою очередь, социально-экономическое развитие должно использоваться для повышения человеческого ресурса общества в целом. С точки зрения теоретико-управленческого подхода (ТУ-подхода – разработка ИПУ РАН) «Феномен здоровья есть результат управления, а человек его главный и всегда первый регулятор». Автономно стать субъектом управления собственным здоровьем человеку не позволяет его же статус объекта живой природы, поскольку при рождении он обладает лишь набором рефлексов, инстинктов и способностью к адаптации. Как следствие, в

социуме не существуют (и не могут возникнуть) общественные взаимоотношения по поводу здоровья «здорового» человека. Знания о здоровье есть достояние «большого организма» (БО) – человечества в целом, как следствие развития цивилизации. В рамках ТУ-подхода управление индивидуальным здоровьем возможно лишь на системной основе. По утверждению ВОЗ (1999) «здоровье портится там, где люди живут, работают и учатся» [3]. Как следствие, вторым субъектом управления здоровьем становится местная власть, работодатели и администрация учреждений образования. С правовой точки зрения для создания замкнутого контура управления здоровьем конкретного человека потребуется юридически оформленное согласие самого человека и представителя перечисленных выше структур, обладающего по отношению к этому человеку административным ресурсом: властью и средствами (для работника это может быть «Дополнительное соглашение к трудовому договору») [4]. В результате предлагаемых действий прогнозируется нормализация отношений в области системы здравоохранения и гармонизация общественных взаимоотношений в социуме в целом.

Литература:

1. *Дартау Л.А. Государственное управление здоровьем и качеством жизни. Ч.1.Объект, субъекты, обязанности и ответственность //Проблемы управления. – 2015; №2: С. 52–59.*
2. *Здоровье для всех к 2000 году – глобальная стратегия / Документ ВОЗ WHA34/5. – 1981. – С. 28.*
3. *Основы политики достижения здоровья для всех в Европейском регионе ВОЗ // Европейская серия по достижению здоровья для всех. – 1999. – № 6. – 310 с.*
4. *Дартау Л.А. Государственное управление здоровьем и качеством жизни. Ч.2. Организационно-правовая технология. //Проблемы управления. – 2015; №3: С. 40–48.*

Деханова Наталья Геннадьевна,

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Социальная справедливость как цель социальной политики государства

Выбор основного вектора направления социальной политики зависит не только и не столько от экономических показателей, позволяющих реализовать более или менее щедрые модели социальной политики, высоких социальных стандартов (уровня ВВП по ППС, темпов роста национальной экономики, величины государственного долга), сколько от системы координат, которая принята за основу, от того, что считается справедливым и допустимым в данном обществе, от общественного согласия по базовым вопросам, связанным с социальным неравенством и социальными правами. В данной связи сразу необходимо оговориться, что понятие справедливости носит относительный, контекстуальный характер, и хотя парные категории «справедливое – несправедливое» существовали на всех этапах развития человечества, они имели разное содержательное наполнение, обусловленное

различным социально-историческим контекстом[1,с.130]. Несмотря на то, что в условиях глобализации межстрановые различия в понимании справедливого и несправедливого постепенно стираются, на сегодняшний день они всё же существуют. Сложность интерпретации категории справедливость заключается и в многоаспектности её понимания. Однако, несмотря на эту многоаспектность и изменчивость, существуют определённые константы, позволяющие сделать вывод о том, что в любом обществе есть определённое согласие по некоторым базовым вопросам о том, что справедливо, а что нет. Так, например, в числе основных критериев, определяющих меру справедливости в том или обществе, является неравенство, которое считается в этом обществе избыточным. То есть в данном случае речь идёт не о полном уничтожении неравенства, а о том, насколько оправданы и допустимы неравенства, характерные для разных обществ. Дж. Роулз, так, например, формулирует два общих принципа справедливости: «…каждый человек должен иметь равные права в отношении наиболее обширной схемы равных основных свобод совместимых с подобными схемами свобод для других. Второй принцип: социальные и экономические неравенства должны быть устроены так, чтобы: (а) от них можно было бы разумно ожидать преимуществ для всех, и (б) доступ к положениям и должностям был бы открыт всем» [3, с.35-60]. Равенство, как известно, может иметь различные значения: и равенство перед законом, и равенство возможностей (проблема неравного жизненного старта), равенство результатов. Неравенства, воспринимаемые как несправедливые, нашими согражданами относятся к первым двум группам неравенств. Так, согласно данным исследования, проведенным Институтом социологии РАН, к числу факторов, выделенные большинством респондентов в качестве несправедливых относятся: сильная дифференциация доходов (82%), доступность медицинской помощи (59%), жилищные условия (60%), доступ к хорошим рабочим местам (50%) и доступ к образованию (40%) [2, с.65-74]. Более того, как показывают исследования, проведённые Организацией экономического сотрудничества и развития, существует чёткая корреляция между социальной дифференциацией и экономическим ростом. Эффективность социальной политики в данной связи проявляется в минимизации уровня избыточного социального неравенства. Таким образом, формирование той или иной модели социальной политики – это всегда результат сложного взаимодействия между человеческими, экономическими, институциональными и политическими факторами. Институциональная организация общества определяет механизмы создания, фиксации, накопления и удержания социально-экономических преимуществ. Экономический рост является необходимым, но недостаточным условием успешного решения социальных проблем и повышения уровня жизни большинства населения. Крайне важны принципы, положенные в основу правил распределения эффектов от экономического роста, когда одни группы населения заведомо получают значительно больше, чем другие. Весь мировой опыт показывает: без активной государственной

перераспределительной и социальной политики экономический рост не приводит к снижению масштабов бедности и неравенства.

Помимо полемики относительно того, какая модель социального государства является наиболее эффективной и отвечающей современным реалиям, нет в научной среде и единства относительно общего вектора развития, а именно: происходит ли сближение различных моделей социальной политики (конвергенция) или наоборот они всё дальше расходятся друг от друга. Мы придерживаемся той точки зрения, что в мире скорее можно наблюдать процесс дивергенции, а не конвергенции моделей соцобеспечения современных социальных государств; даже несмотря на то, что последние десятилетия, прошедшие под флагом глобализации, характеризуются чрезвычайно интенсивной политической и экономической интеграцией ряда стран, созданием наднациональных структур и т.д. Однако, унификации, сближения моделей социальной политики не происходит.

Литература:

1. *Деханов С.А., Деханова Н.Г. О некоторых междисциплинарных аспектах понимания категории справедливости // Социально-политические науки, 2016, № 2. С. 128-132.*
2. *Мареева С.В. Монетарные и немонетарные неравенства в жизни россиян //Социологические исследования. 2016. № 10. С. 65-74.*
3. *Ролз Дж. Справедливость как честность//Справедливость как честность. Логос, 1 (52), 2006. С. 35-61.*

Доронина Виктория Руслановна,
ЖД Астория, Екатеринбург, Россия
Банных Галина Алексеевна
УрФУ, Екатеринбург, Россия

Электронные государственные услуги и цифровое неравенство: основные проблемы информационного и социального развития

Тема электронные государственные услуги и цифровое неравенство является весьма актуальной. Так как от эффективного предоставления государственных услуг и снижения цифрового разрыва зависит качество и результат оказываемых государственных услуг. Информационное общество отражает сегодня проблемы социальных отношений: имея огромный внутренний демократический потенциал, позволяя сделать открытым для граждан любое государственное учреждение или частную компанию благодаря обнародованию разнообразных сведений и организации доступа к ним, это общество, как и традиционные, оказалось неоднородным, поделенным на страты, на богатых и бедных [1, с. 104]. Только бедность и богатство в новом обществе измеряются уже по информационному или цифровому критерию. Информационная или цифровая бедность была учтена как новое измерение неравенства в программе развития ООН в 1997 году. С тех пор проблемы информационного неравенства ставились в работах П.

Дракера, М. Желены, М. Кастельса и др, его российская специфика рассматривалась А.В. Коротковым, Д.В. Пименовой, Ж.А. Денисовой, С.В. Бондаренко и др. До сих пор, однако, нет единого термина, характеризующего это понятие - «цифровой барьер», «цифровое неравенство», «цифровое разделение», «цифровой разрыв», «цифровая пропасть», «дигитальная яма», «дигитальный разрыв», «цифровой занавес» [1, с. 32]. В Российской Федерации «принудительный» переход к Электронному Правительству и процессу оказания электронных услуг вынужденно привел к существенному расслоению населения по критерию доступности информации и собственно доступу к услугам. Отсюда вытекает цифровое неравенство, которое рассматривается, как ограничение возможностей социальной группы из-за отсутствия у неё доступа к современным средствам коммуникации [1, с. 43]. Цифровое неравенство - глобальная проблема не только и не столько отдельных людей, но целых стран и регионов. Цифровое неравенство приводит к негативным последствиям в социально-экономическом развитии государства. Для устранения цифрового неравенства важно сбалансированное институциональное управление, системный подход к объединению усилий органов бизнеса, граждан и органов государственной власти [2, с. 45]. В настоящее время перед органами государственной власти регионов Росси, которые задействованы в системе оказания услуг в электронном виде, стоит одна и та же проблема: оптимизация методов управления электронным правительством. Оптимизация должна привести к эффективности и доступности услуг для большей части населения, а, следовательно, к снижению цифрового неравенства. Решение данной проблемы скажется положительным образом на уровне благосостояния общества, так как это будет обусловлено обратной связью инновационного развития. Электронное правительство - это комплексная социально-экономическая система, предназначенная для реализации полномочий органов государственной власти, и оказания услуг гражданам с помощью максимально эффективного использования преимуществ цифровых данных [3, с. 15]. Ключевыми направлениями в развитии Э-Правительства можно считать следующие:

1. Государственные информационные системы, обеспечивающие взаимодействие с населением (например, ГИС «ЖКХ»; ГИС «Территориальное планирование»; ГИС «Похоронно-погребальная деятельность»;
2. Государственные автоматизированные системы, обеспечивающие деятельность госорганов (ГАС «Управление», ГАС «Выборы», системы электронного документооборота);
3. Системы ведения учета – Электронный реестр лицензий; Единый реестр финансового обеспечения; Единый реестр залогового имущества; Единый архив оцифрованных и электронных документов; Реестр всех объектов социальной инфраструктуры;

4. Информационные системы, обеспечивающие оказание государственных и муниципальных услуг - Федеральный реестр государственных и муниципальных усл

Литература:

1. *Афлетунова Г. Э. Информационное неравенство // Научное сообщество студентов XXI столетия. 2015. № 30. С. 5-6.*
2. *Банных Г. А., Костина С. В. Информационное неравенство населения Свердловской области в современный период // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость Материалы V Всероссийского социологического конгресса. Российское общество социологов. 2016. С. 21-28.*
3. *Дятлов С.А. Электронное правительство как организационная форма реализации интеллектуально-информационного капитала на макроуровне // Экономика образования. 2016. № 3. С. 56-63.*
4. *Новый рейтинг ООН развития электронного правительства [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.iis.ru/content/view/795/91/ (дата обращения: 26.01.2018).*

Дорошенко Марина Витальевна,

Брендинговое агентство "Style you", Москва, Россия

Учет пенсионных стратегий граждан при реформировании пенсионной системы: справедливость или необходимость

Все большую популярность набирает сегодня персонифицированный подход, который, однако, очень слабо учтен в рамках пенсионной системы. Общество сегодня находится в состоянии перехода от иерархических структур к сетевым, и это предполагает изменение правил существования социальных институтов, в том числе и пенсий. В социологии тема пенсий развита, на наш взгляд, недостаточно. Чему способствует целый ряд причин, в том числе и уровень пенсионной грамотности самих социологов. Однако, пенсионное поведение может быть названо одним из видов финансового поведения, которое, в свою очередь, является видом экономического поведения. Социологи часто прибегают к изучению закономерностей и типологизации экономического поведения, но не уделяют должного внимания пенсионным стратегиям населения. А стоит понимать, что в среднем человек проводит треть своей жизни на пенсии. И то, каким будут качество и уровень его жизни зависит в первую очередь от него самого, от того, какую стратегию действий для себя он выберет Пенсионные стратегии складываются из действий, имеющих влияние в перспективе на то, каким будет уровень жизни человека, после его выхода на пенсию. Пенсионное поведение, как и любая другая форма поведения человека меняется во времени в зависимости от различных факторов. Следовательно, и пенсионные стратегии, как средство приспособления к существующей внешней ситуации, определяющейся витками пенсионной реформы, изменяются. Существующие тенденции в области стратегий пенсионного поведения изучают и фиксируют множество различных организаций, в том

числе социологических. По данным исследований Национального агентства финансовых исследований (далее – НАФИ), в 2016 г. большинство населения (70% опрошенных) возлагают ответственность за достойную пенсию на государство. Половина опрошенных (49% опрошенных) планируют продолжить работать после достижения пенсионного возраста. Имеют сбережения в качестве источника дохода на пенсии также не мало – каждый третий (39% опрошенных). [3] В исследовании 2007 г. НАФИ выделяет три вида пенсионных стратегий населения трудоспособного возраста. Основанием для выделения стратегий является способ, которым люди планируют обеспечивать себе дополнительный доход на пенсии: - «трудовую», такая стратегия направлена на продолжение трудовой деятельности после достижения пенсионного возраста – 67%; - «финансовую», согласно которой люди планируют жить на собственные сбережения (сберегательная стратегия), на средства от участия в корпоративных или частных пенсионных программах, а также от продажи или сдачи в аренду недвижимости – 11%; - «ориентированную на помощь со стороны детей и благотворительных ассоциаций» – 15%. [4] Помимо НАФИ, активно проводит исследования, связанные с пенсионными стратегиями Фонд общественного мнения (далее – ФОМ). В исследовании 2012 г. выделяют следующие типы пенсионных стратегий: - «пенсионную» (рассчитывают только на государственную пенсию) – 69% от опрошенных; - «традиционную» (планы по продолжению работы, расчет на помощь родственников, на доходы от подсобного хозяйства) – 51% от опрошенных; - «инвестиционную» (планы на личные сбережения, на негосударственную пенсию, на доходы от бизнеса) – 35% от опрошенных; - «имущественную» (рассчитывают на доходы от ценных бумаг, сдачи имущества в аренду или продажи имущества) – 11% от опрошенных; - «жилищную» (доход от обмена жилья на меньшее, от обратной ипотеки) – 2% от опрошенных. [5] Еще в 2012 г. прогнозировалось, что пенсионные стратегии будут становиться все более индивидуальными. Основанием для выделения 4 типов пенсионных стратегий специалисты РАНХиГС называют преобладающий источник средств к существованию после прекращения индивидом активной трудовой деятельности: - государственная пенсия; - частные пенсионные накопления, включающие корпоративные накопительные программы; - вложения в недвижимость (характерные для москвичей со средним достатком); - вложение в семью, которая в дальнейшем станет опорой. Важным является замечание, что ни одна из предложенных стратегий не является надежной сама по себе, поэтому предлагается диверсифицировать источники дохода. Под стратегией в таком случае подразумевается именно комбинация этих 4 типов доходов, стратегии у каждого индивидуальные, т.к. зависят от ситуаций. [2] Существуют также качественные исследования пенсионных стратегий и моделей поведения молодежи. Авторы исследования, проведенного в 2015 г. методами фокусированных и глубинных интервью, утверждают, что существуют т.н.: - «патерналистские» (определяющиеся как пассивная пенсионная стратегия в надежде на государственную пенсию) - и

«партнерские» (направленные на инвестиции, однако не в пенсионную систему, а в традиционные источники инвестирования: вклады, ценные бумаги, недвижимость и проч.) ориентации молодежи на формирование будущей пенсии. [1] Россия, согласно Конституции является социальным государством, а значит, обеспечивать достойный уровень пенсий – это одна из приоритетных ее задач. Индивидуальный подход, основанный на выявлении пенсионной стратегии и предложение на ее основании востребованных услуг является, на наш взгляд, одной из важнейших составляющих модернизации пенсионной системы.

Литература:

1. *Власова О.И., Костина Н.Б. Пенсионные планы молодого поколения россиян: государственный патернализм или субъектное партнерство? // Вопросы управления. 2015. №6 (18) С.211-217.*
2. *Владимир Мау: Пенсия как личный выбор [Электронный ресурс] / Ведомости. – 2012. – 03 августа. − М. : Бизнес Ньюс Медиа, 2012. − Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/ 2012/08/03/pensiya_i _my свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 26.04.2017).*
3. *Кто должен обеспечить спокойную жизнь на пенсии [Электронный ресурс] / Аналитический центр НАФИ. М., 2016. Режим доступа: http://nafi.ru/analytics/kto-dolzhen-obespechit-spokoynuyu-zhizn-na-pensii/, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 20.04.2017).*
4. *На что рассчитывают жить россияне после выхода на пенсию? [Электронный ресурс] / Аналитический центр НАФИ. М., 2016. Режим доступа: http://nafi.ru/analytics/na-chto-rasschityvayut-zhit-rossiyane-posle-vykhoda-na-pensiyu/, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 20.04.2017).*
5. *Пенсионные стратегии россиян [Электронный ресурс] / Фонд Общественное Мнение // Доминанты. Поле мнений. – 2011. – 31 марта. – М., 2011. Режим доступа: http://bd.fom.ru/pdf/d13psr11.pdf, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 23.04.2017).*

Дружинин Глеб Викторович,

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Справедливость правосудия в России

Проблемы справедливости встают на повестку дня, когда возникает необходимость в общественной оценке деятельности соответствующих институтов. Таким образом, постановка проблемы справедливости ставит вопрос о соответствии конкретных общественных установлений некоторым общезначимым социальным и моральным принципам - именно в этом смысле идея справедливости выступает как регулятивная идея. При этом характер требуемого соответствия зависит от конкретных исторических условий и специфики данного общества. Поэтому для выяснения тех условий, которые необходимы для правосудия в истинном смысле этого слова, для достижения максимально возможного соответствия правовых установлений моральным нормам, для реализации в судебной практике идеи справедливости и связанных с ней, как это было показано выше, идей соразмерности, равенства, законности, истинности и др., мы обратимся к происходящему сегодня процессу совершенствования правового регулирования жизни российского

общества. Одним из важнейших составляющих этого процесса является реформа судебной системы. С конца 80-х годов в научной и публицистической литературе высказывается требование повышения роли суда в жизни общества. Полноценное решение этой проблемы однако невозможно без построения развитого гражданского общества. В Советском Союзе гражданское общество было практически ликвидировано в конце 20-х годов. Государство расширило свою сферу влияния вплоть до семейных отношений, жестко регламентировало гражданские отношения, добилось отчуждения граждан от многих интересов, потребностей связанных с признанием человека его свобод, собственности. Естественные права человека отрицались на государственном уровне. В юридическом плане отрицание естественных прав человека опиралось на позитивистскую доктрину, которая признает правом то, что закреплено законом, в политическом - на классовую идеологию. Под влиянием классовой идеологии одни права, которые существовали ранее в гражданском обществе, были "отброшены", то есть не получили признания государственной власти и, следовательно, не подлежали судебной защите. К ним можно отнести естественные права, права церкви фидуциарные права, основанные на доверии и защищаемые моральными средствами. Другие претерпели существенную коррекцию под влиянием идеологии: право гражданства, публичное право, право на владение имуществом, право на наследство, право на иммунитет от привлечения к исполнению публичных обязанностей, право собственности, право на судебную защиту и др. В обязанности правосудия вменялось внедрение единства законности, проведение в жизнь судебными методами государственной воли, которая закреплялась в узаконениях новой власти [1]. Правосудие было сориентировано на новые правозглашенные властью классовые ценности и не разделяло тезиса о том, что основной задачей правосудия является обеспечение каждому его права как меры свободы, которое одобрено обычаем, нравственными воззрениями, традициями культурой, идеями справедливости. Кроме того, отсутствовали нормальные товарно-денежные, рыночные отношения и различные формы обмена, роль договора, гражданских сделок в условиях дефицита и материальной необеспеченности отдельных социальных слоев в жизни общества сводилась к минимуму, немыслимо было сильное правосудие, поскольку оно не имело под собой материальной, правовой опоры. Неразвитость гражданских отношений вела к инфляции правосудия как органа, призванного защищать право [2]. Таким образом в концепции судебной реформы нашли свое отражение переосмысление задач правосудия и его роли в общественной жизни в свете идей справедливости и прав человека. В правовом государстве, равно как в государстве стремящемся стать таковым и основанном на принципе разделения властей, роль суда и его статус исключительно велики, ибо он, по существу является главным гарантом соблюдения права и его выразителем. По Конституции суд, который раньше был всего лишь одним из многочисленных государственных органов, не игравших важной роли, превратился в носителя судебной власти,

который в пределах своей компетенции самостоятелен от власти законодательной и исполнительной, входит в систему сдержек и противовесов и обеспечивает защиту прав граждан и юридических лиц, в том числе и от решений и от действий законодательной и исполнительной властей. Признание высокой значимости социальной и моральной оценки существующих законов и повышение роли правосудия в правотворчестве имеет важное значение для реализации принципа соразмерности преступления (проступка) и наказания (взыскания), что связанно с традиционным для идеи справедливости стремлением к соответствию между деянием и воздаянием. По мнению авторов учебника "Общая теория права", принцип соразмерности предполагает, что наказание не должно быть слишком жестоким, не должно противоречить принятом в данном обществе социальным ценностям; каждый запрет должен быть воспринят общественным правосознанием, запретов не должно быть слишком много и они не должны сопровождаться слишком строгими санкциями. Здесь от справедливости судебного решения, от его моральной оправданности зависит его воспитательное воздействие. Это становится особенно актуальным в свете сформулированной в Концепции судебной реформы задачи превращения юстиции из карательной в правоохранительную.

Литература:

1. *Полюшкевич О.А. Условия солидарности: правосудие или справедливость? / О. А. Полюшкевич // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции/ отв.ред. О.А. Кармадонов, О.А. Полюшкевич. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017. – С. 41-51.*
2. *Скуденков В. А. Взаимосвязь культуры и социального статуса: стратегии манипулирования личностью на примере России в условиях переходного периода / В. А. Скуденков // Материалы III Всерос. науч. интернет-конф. "Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе" / под общ. ред. О. А. Кармадонова, О. А. Полюшкевич. - Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2011. - С. 87-95.*

Евсеев Владимир Владимирович,
Санкт-Петербургский Политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия
Волкова Людмила Михайловна
Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации, Санкт-Петербург, Россия

Социальное здоровье в условиях трансформирующейся модели социального государства

В настоящее время актуализируется проблема повышения параметров социального здоровья. Личностный потенциал человека, масштабы использования «запасов» его психофизического и духовного «богатства», тренды социального здоровья влияют на направленность модернизации

общества и перспективы упрочения идеалов социального государства. Уровень развития активного креативного долголетия поколения рассматриваются сегодня в ряду ведущих критериев социального прогресса и параметров социального государства. Следует учитывать, что социальное здоровье тесно связано с идеей приоритета ценностей человеческой жизни во всех сферах общества. Об изменениях уровня здоровья общества свидетельствуют тренды девиантных форм поведения (алкоголь, токсикомания, наркотики, детская беспризорность и др.), увеличение числа психопатологий, снижение общих показателей индивидуального здоровья людей. Отношение к здоровью как ценности выступает как сторона процесса социализации, в котором находят выражение как целенаправленные, так и стихийные социальные факторы [1, С.119]. Ритм жизни, постоянная потребность в обновлении знаний, навыков, эмоционально-психологические нагрузки, расширение контактов социальных сетей требует адекватной готовности к масштабным переменам. Обзор публикаций по проблеме социального здоровья обращает внимание на теоретического исследования: - осмысление здоровья как социального явления; - анализ отношения населения к социальному здоровью. Научно-теоретическая база была заложены в работах Э. Дюркгейма, который выявил зависимость поведения индивида и процессов жизнедеятельности общества, а также в исследованиях таких социальных проблем как отдых, формирование ЗОЖ, физическое воспитание защита окружающей среды и др. Важным фактором поддержки здоровья выступает социальный капитал, измеряемый с помощью подтвержденных исследовательской практикой индикаторов, а именно, мерой включенности человека в разнообразные социальные сети и возможностями получения в затруднительных жизненных обстоятельствах помощи со стороны других субъектов социальных взаимодействий [2, С.88-89].

На рубеже XX-XXI вв. ощущался масштабный уход государства из социально-культурной сферы. Эти процессы ограничили доступность потребления услуг социальных институтов, от которых зависит социальное здоровье общества. Как факт – утверждается т.н. стратегия выживания, формируемая для большинства российских граждан в диапазоне «справедливости/несправедливости». в качестве определяющей жизненной стратегии вынуждены избрать так называемую стратегию выживания, а это в свою очередь, безусловно, накладывает отпечаток на уровень их физического, психического и нравственного здоровья и, в конечном итоге, формирует социальные ориентиры Существенное снижение потенциала здоровья нации потребовало пересмотра стратегии развития трансформирующегося общества. Безусловно, в последние годы вместе с положительными изменениями в экономике наблюдаются и некоторые обнадеживающие моменты в создании условий для формирования среды здоровьесбережения. Действительно назрела ситуация, когда необходимо принимать радикальные меры по качественному улучшению состояния здоровья населения, формированию новых ценностных ориентиров молодёжи (в том числе, неприятия вредных

привычек). Общество и государство должно располагать полноценным средством, обеспечивающими подготовленность людей к благополучной и полноценной жизни в современных условиях. Этим средством выступает, наряду с другими, физическая культура Физическое воспитание, самостоятельные занятия физкультурой и спортом могут дать в первую очередь такие ценности, как крепкое здоровье, развитие способностей, необходимых человеку в различных сферах деятельности, полноценный активный отдых [3]. Для достижения оптимального морально-физического состояния и создания собственной здоровьесберегающей среды, помимо использования различных форм физической активности (занятия спортом, прогулки, походы выходного дня, фитнес и т.д.), потребуются усилия по созданию: благоприятного пространства социального окружения, качество рекреационных ресурсов, отказ от вредных привычек, рациональные параметры образа жизни, здоровое питание и др. По данным ВОЗ, нездоровое питание и недостаточная физическая активность — основные факторы риска для здоровья во всем мире. Так, например, по данным ВОЗ употребление табака является ведущей причиной смертности в мире: ежегодно умирают более 7 миллионов человек [4]. Сейчас уже не нужно доказывать, что, занимаясь физическими упражнениями или увлекаясь спортивными состязаниями, мы тем самым поддерживаем и укрепляем здоровье. Данные занятия можно рассматривать как профилактику неинфекционных заболеваний и вредных привычек, для расширения диапазона адаптации, усиления защитных функций организма [5]. Таким образом, новый технико-технологический уклад дает возможность изменения общественных условий здоровья и требует постоянного закрепления позитивной социально-экономической динамики изменений, оказывающих влияние на реализацию стратегии поддержания и улучшения социального здоровья.

Литература:

1. *Поздеева Е.Г. Социальные детерминанты здоровья студенческой молодежи // Стратегические направления реформирования вузовской системы физической культуры: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 14 июня 2017 г. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. С. 116-121.*
2. *Русинова Н.Л., Панова И.В., Сафронов В.В. Здоровье и социальный капитал (опыт исследования в Санкт-Петербурге) //Социс. 2010. №1. С.87-100.*
3. *Волкова Л.М., Евсеев В.В., Половников П.В. Физическая культура студентов: состояние и пути совершенствования. Монография. [Текст] СПб.: СПбГПУ, 2013. 153 с.*
4. *Доклад ВОЗ: масштабы спасающих жизни мер борьбы против табака за последнее десятилетие значительно увеличились 19 июля 2017 г.: //http://www.who.int/mediacentre /news/releases/2017/tobacco-report/ru/ (Дата обращения 30 июля 2017).*
5. *Евсеев В.В. Использование спорта в создании среды здоровьесбережения человека// Глобальные социальные трансформации XX – начала XXI вв. (к 100-летию Русской революции) Материалы научной конференции XI Ковалевские чтения. Отв. редактор: Ю.В. Асочаков. И*

Журавлев Геннадий Терентьевич,
Российская академия предпринимательства, Москва, РФ

Депривация и справедливость

1. Депривация— одна из интегральных, действенных форм потери социальной устойчивости субъекта, нарушение устойчивости социальной системы Социологический энциклопедический словарь определяет депривацию как «социальный процесс сокращения и/или лишения возможностей удовлетворения основных жизненных потребностей индивидов или групп» [1. С. 68].

2. Депривация выступает одной из форм несправедливости. Все факторы, которые определяют формы, виды и интенсивность депривации, можно разделить на объективные и субъективные. Объективные факторы являются свойствами социальной действительности. Например, безработные не имеют стабильных доходов, поэтому не имеют доступа к многим материальным и духовным благам. В России в 2016 г. было 4.243.000 безработных, или 5,5%. Среди мужчин 2.269.000, а среди женщин 1.975.000 человек [2, 109].

3. Мы живем в информационном обществе, в обществе, базирующемся на экономике знаний, поэтому приобретение знаний, потребление информации приобретают важное значение. В 1998 г. родились 1.283.292 человек, а в 2016 г выпушено организациями, осуществляющими образовательную деятельность по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры 1.161.100 человек [2, 197]. Как видно, 122.192 не имели доступа к информации и знаниям.

4. Субъективные факторы зависят от субъекта управления обществом или от субъекта, принимающего решение в личном плане (например, поступать в вуз или не поступать, читать "Капитал" или не читать). Иногда приходится слышать от преподавателей вузов, что студенты очень мало читают книг по изучаемой специальности, или не читают вовсе. Это работает один из субъективных факторов; студент сам решает платить деньги за приобретаемые знания или за диплом. Что касается студентов, то на такого рода вопросы они отвечают, что им приходится зарабатывать на оплату учебы, так что на учебу нет времени. Другие студенты могут дать философский ответ - общество не нуждается в знаниях и в квалифицированных специалистах. Складывается парадоксальная ситуация: в целом в мире и в стране растет ценность информации и знпния, а в голове отдельного индивида деформированная модель приобретения знаний, которая обусловливает поведение студента. Некоторая часть индивидов не находит такое положение справедливым.

5. Таким образом, формируется причудливое сочетание депривации, концепции справедливости, мотивации поведения, интересов индивидов,

малых групп и больших социальных слоев. Затем все это отражается в правовых, нравственных и иных социальных институтах. Можно ли эту сложную конструкцию выразить в эмпирических показателях? Можно и необходимо, но для этого следует создать эмпирически проверяемые и измеряемые индикаторы

Литература:

1. *Социологический энциклопедический словарь: на русском, английском, немецком, французском и чешском языках / Редактор-координатор академик РАН Г.В. Осипов. — М.: Изд-во НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА М), 2000. — 488 с.68*
2. *Статистический ежегодниек 2017. - М. 2017.*

Журвлева Ирина Владимировна,
ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
Лакомова Нина Васильевна
ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Российская система здравоохранения как фактор неравенства

Социальная справедливость в сфере здравоохранения является пока недостижимой. Российское здравоохранение характеризуется сегодня растущим неравенством в здоровье населения, проживающего на различных территориях и принадлежащих к разным социально-экономическим группам. Это происходит, несмотря на активную законотворческую деятельность в сфере здоровья, на некоторое увеличение расходов консолидированного бюджета на здравоохранение, которые в процентном отношении составили 3,6% к ВВП в 2016 г (правда, аналогичные показатели в европейских странах и США – 8–9%). [1] Увеличение доли платных услуг в сфере здравоохранения в сочетании с обнищанием большей части населения и отсутствием у россиян сформированной потребности в здоровье обусловливает нынешний уровень общественного здоровья. Сравнительный анализ заболеваемости различных возрастных групп населения России показал, что за период с 2005 по 2016 годы заболеваемость у населения в целом с диагнозом, установленным впервые в жизни, возросла на 5,6%, у детей от 0 до 14 лет − на 3,3%, а у подростков 15−17 лет – на 23,2%, т.е. темпы заболеваемости подростков оказались в 4,1 раз выше, чем у населения в целом.[1,2] Неэффективность системы здравоохранения привела к необходимости её реформирования. В 2010 году был начат очередной этап модернизации российского здравоохранения, но уже в 2015 году Счетная палата РФ раскритиковала реформу здравоохранения, отметив, что «доступность медпомощи сократилась, а объем платных медуслуг вырос почти на четверть.…В 2014 году увеличилось количество умерших в стационарах на 3,7 процента, 17,5 тысяч населенных пунктов в России не имеют медицинской инфраструктуры» [3]. Сегодня две трети россиян (65%)

оценивают качество медицинских услуг в государственных больницах и поликлиниках, в целом, как низкое. Видимо, не случайно доля обращавшихся к врачам (в последние полгода) за период 2006 -2015 гг. сократилась с 48% до 29%. Хотя здоровее население за это время не стало. Не увеличилась популярность и профилактики. За двадцатилетний период (1994-2014 гг.) посещаемость врача с профилактической целью (в течение 3-х месяцев перед опросом) почти не изменилась, оставшись на уровне 19%. И это несмотря на постоянные официальные заявления о важности профилактики.[4] Приведенные данные свидетельствуют о непростых отношениях россиянина с системой здравоохранения. Причины этого, по мнению специалистов, следующие: 1) здравоохранение практически занимается только лечением больных; 2) увеличилась доля платных услуг, рассматривающих пациента в качестве источника дохода; 3) резко усилилось неравенство в возможностях получения медицинской помощи населением, значительная доля которого является социально незащищенной; 4) очевидна слабость профилактического сектора системы здравоохранения при низкой санитарно-гигиенической культуре населения [5,6]. Эффективность медицинской профилактики зависит от грамотности населения в вопросах здоровья. Именно поэтому ВОЗ назвала проблему повышения санитарно-гигиенической грамотности в числе наиболее актуальных в настоящее время. Грамотность населения в вопросах здоровья способствует формированию соответствующих установок и мотивов для ведения здорового образа жизни, приобретения важных навыков, умений в сфере здоровья и формирования ответственности за собственное здоровье. Достижение грамотности в сфере здоровья могло бы обеспечить введение систематического образования по предмету «Здоровье», начиная с дошкольных учреждений и заканчивая вузом. Повышение санитарно-гигиенической культуры населения привело бы к снижению заболеваемости, уменьшению травматизма, более активному участию населения в профилактических мероприятиях и экологических акциях. Достаточно распространенным является мнение о том, что обучать навыкам здоровья должна семья. Проблема в том, как воспитать грамотных родителей. Эффективнее всего было бы осуществить это в общеобразовательной школе путем систематического обучения. Есть все основания полагать, что именно направление, связанное с обучением заботе о здоровье, больше всего способно нивелировать существующие неравенства в здоровье.

Литература:

1. *Здравоохранение в России 2017, URL http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/zdrav17.pdf (дата обращения 14.01.2018)*
2. *Российский статистический ежегодник 2016: URL http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078(дата обращения 14.01.2018)*
3. *Счетная палата раскритиковала реформу системы здравоохранения URL https://lenta.ru/news/2015/04/14/medicine/ (дата обращения 17.05.2016)*
4. *Доступность и качество российского здравоохранения: оценки пациентов. Пресс-выпуск № 2919, 2015 г. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115370 (дата обращения: 04.07.2016)*
5. *Кислицына О.А. Неравенство в распределении доходов и здоровья в современной России. М., РИЦ ИСЭПН. 2005*

6. *Комаров Ю.М. Общественное здравоохранение: прошлое, настоящее и будущее. 2008. URL:http://viperson.ru/articles/yuriy-komarov-obschestvennoe-zdravoohranenie-v-rossii-proshloe-nastoyaschee-i-buduschee (дата обращения 01.02.2018)*

Журов Иван Владимирович,
ГБОУ Школа № 887, Москва, Россия

Принцип справедливости в концепции социального государства ХДС/ХСС: проблемы и перспективы реализации в XXI в.

Понятию справедливости в программах ХДС/ХСС отводится немало место. В одном из ключевых пунктов программы ХДС "Свобода и безопасность", принятой в 2007 г., говорится, что "основой справедливости является равенство всех людей с их данными Богом достоинством и свободой. Справедливость сохраняет это достоинство и свободу. Справедливость требует обходиться с равным – равным образом и с неравным – неравным образом". [4; с. 9] Этот принцип рассматривается неоконсервативным блоком в качестве вектора, определяющего социальную активность государства в вопросах регулирования рынка труда, стимулирования спроса, совершенствования трудового права, а также в строительстве системы социального страхования.

За последнее десятилетие границы социальной политики значительно расширились и большая часть населения ФРГ стала ее адресатами. Одной из главных тем стал вопрос об усовершенствовании социальной справедливости. Немецкий социолог Х. Шельски еще в середине 70-х гг. обратил внимание, что сохранение свободы личности и усовершенствование социальной справедливости невозможно развивать одновременно. По его мнению, одному из этих направлений так или иначе придется отдать приоритет. Если же рассматривать социальную политику в долгосрочной перспективе, продолжает Шельски, то длительная помощь социально слабым индивидам неуклонно приведет к господству "опекаемых", которые оказываются в материальной и психологической зависимости от акторов данной политики. [3; S. 90] В этом, по его словам, таится опасность самому фундаменту демократии. Эта проблема не потеряла своей актуальности и в начале XXI в.

Справедливость и свобода являются фундаментальными ценностями не только христианско-демократического понимания социальной политики, но и предполагают сам вектор ее реализации. В одной из программ ХСС прямо указывается, что "свобода, солидарность и субсидиарность являются организационными принципами демократического правового социального государства". [1] Между тем, идеологи немецкого неоконсерватизма подвергали жесткой критике идею социальной справедливости. К одним из них относится Г.-К. Кальтенбруннер, который утверждал, что "абсолютная социальная справедливость несовместима с принципами свободной демократии". По его словам, "она (социальная справедливость - И.Ж.)

обладает тоталитарной логикой, которая включает саморазрушение демократического строя". [2; S. 115]

Стоит отметить, что в целом концепция социального государства у ХДС к концу XX в. претерпела видимые трансформации, стала намного шире, но в ее фундаментальной основе по-прежнему лежат также принципы социального рыночного хозяйства и социальной справедливости. В трактовке основного стержня социального рыночного хозяйства лидеры ХДС не отступают от тех определений, которые были заложены десятилетиями ранее. Они подчеркивают, что "социальная рыночная экономика исходит из отдельного человека как творения Божьего, чье достоинство является неприкосновенным. Она является порядком, в котором свобода, солидарность и справедливость востребуют и дополняют друг друга".[4; С. 33] В качестве основных задач данной формы рыночного хозяйства провозглашаются нацеленность на успех, достижение социальной справедливости, развитие конкуренции и солидарности, воспитание личной ответственности гражданина за себя и, не менее важным, выделяется создание эффективного механизма социального обеспечения.

Без внимания не остается и государство, наделенное определенными социальными обязанностями. К таковым, например, относятся оказание поддержки гражданину в развитии его собственных сил и создание таких жизненных условий, при которых каждый человек готов сам отвечать за свою жизнь. При этом указывается нацеленность ХДС формировать социальное государство не только более разумным с экономической точки зрения, но также и более человечным. Основное внимание акцентируется на том, что социально-государственные задачи не должны быть подчинены мнимому упрощенному решению с помощью управления и техники и выполнение этих задач должно быть приближено к гражданам.

В конституции ФРГ провозглашается социальным государством. ХДС/ХСС в своей политике следует этому основополагающему принципу и уделяют большое внимание главным механизмам осуществления социальной политики с учетом социально-экономических изменений и влияния глобализации. Достижение справедливости ставится в качестве приоритетной задачи развития социального государства в XXI в., но с оговоркой, что "абсолютная справедливость недостижима".

Литература:

1. *Grundsatzprogamm der CSU. - München, 1976.*
2. *Handbuch zur Detschen Nation/Hrsg. von B. Willms. - Bde. 1-3. - Tübengen etc.: Hohenrain, 1986-1988. - T. 2.*
3. *Schelsky H. Der selbständige u. der betreute Mensch: Polit. Schriften u. Kommentare. - Sttutgart: Seewald, 1976. - 488 S.*
4. *Свобода и безопасность. Принципы для Германии [Электронный ресурс] // URL: http://www.kas.de/upload/themen/programmatik_der_cdu/programme/2007_Hannover_Freiheit-und-Sicherheit_russisch.pdf (дата обращения: 03.02.2018).*

Засядьвовк Галина Владимировна,
Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Солидарность мигрантов: принципы (не)справедливого восприятия

Многочисленные этнографические исследования показывают, что солидарность не всегда сопутствует миграционной активности. В одних условиях мигранты “растворяются” в местном населении, не обременяя себя ответственностью за судьбы земляков, в других - строят стратегию выживания на взаимной поддержке и компактном проживании [1]. Попробуем систематизировать факторы, обусловливающие мигрантскую солидаризацию. Прежде всего, это дискриминация на рынке труда, конфронтация с местными жителями, ущемление политических прав и прочие атрибуты принижения и угнетения. Конечно, все эти приметы легко различимы на российских просторах. Чего стоит хотя бы одиозный институт прописки, буквально “вытесняющий” мигрантов в неправовое пространство, где нарушение трудовых прав, пожалуй норма, нежели досадное недоразумение. Помимо неприятия принимающей стороной, важную роль играет степень культурной и лингвистической дистанции между мигрантами и аборигенами. Если мигранты способны “раствориться” в местной среде, то шансы возникновения в их рядах групповой солидарности значительно снижаются. Впрочем, не будем забывать, что лингвистические и культурные вариации старожилами расцениваются в терминах “многообразия” реальной действительности, тогда как различия с “пришлыми” - в духе “чуждости” и “инакости”, отчего совместная жизнь делается дискомфортной [2]. Разделяющая культурная дистанция (и при отсутствии лингвистических трудностей) фиксируется у нас все отчетливее. Даже по отношению к приезжающим русским как рефрен звучат фразы: “русские узбеки”, “онемеченные русские”, “казахстанские русские”. К тому же, в обыденном сознании оставляют след отличительные особенности трудовой этики мигрантов. Например, у приехавших из среднеазиатских и закавказских республик более лояльное отношение к “торгашеству”, им свойственны иные гендерные стереотипы “мужских” и “женских” видов деятельности. Не меньшую весомость солидаристкому потенциалу создает возможность возвращения домой. Если социально-экономические и политические условия на родине мигрантов склоняют рассчитывать на такое, то мигранты при достижении критической массы адаптационных сложностей, понятно, готовы выбрать соответствующую стратегию. В современной России надежду возвратиться сохраняют либо неисправимые оптимисты, либо радикальные утописты. По преимуществу люди понимают невозможность этого. Не в счет участники маятникового мигрирования, жизнь которых построена на движении “туда-сюда” и вряд ли адекватно выражается словом “возвращение”. Это подрабатывающие на российских просторах украинцы,

таджики, молдаване, решающие проблемы внутренних экономик за счет трудовой миграции. Потенциальные “возвращенцы” представлены, как правило, чеченцами, ожидающими окончания военных действий. Но основную часть миграционного потока составляют те, кому дорога назад пока заказана. Во многом мигрантскую солидарность определяют национальные и культурные традиции, привнесенные с родных мест. Она может проявляться как сознательное их акцентирование в чуждом окружении [3]. Когда же национально-культурное своеобразие не достаточно выражено, плохо осознаваемо, то компенсаторную функцию выполняют стереотипы восприятия мигрантов, которые демонстрирует принимающая сторона. Иначе говоря, конфронтация с местным населением не только усиливает, но и порождает чувство национальной идентичности[4]. Весьма болезненное отношение россиян к “нашествию” инородцев способно углубить осмысляемость своей самобытности представителями даже тех народностей, которые “в состоянии покоя” ее не осознавали. Мигранты, не имеющие опоры в национальных традициях, чрезвычайно сильно зависят от того, что “местные думают о нас”, т.е. выводят свою национальную идентичность через “считывание” стереотипов принимающей стороны. В таком случае национальная идентичность не транслируется, а становится заново, впитывая стереотипы того окружения, в которое погружены ее носители. Российская среда представляет собой плотный сгусток представлений и суждений о той или иной национальности. Имеется ввиду сложная система мифотворчества, посвященного национальным особенностям. Восприятие национальностей россиянами четко маркировано оценочными компонентами. Это создает культурное поле для конструирования национальной идентичности иммигрантов посредством либо подтверждения бытующих стереотипных воззрений, либо опротестовывания их, либо (коль неустойчивы собственные самооценки) подпадания под их влияние. Как бы там ни было, наличие культурнойпредвзятости оппонирующей стороны - важный фактор, оформляющий национальную идентичность и солидарность. Перечисленные наиболее значимые условия зарождения и утверждения групповой солидарности будто бы позволяют констатировать благоприятную атмосферу для ее развития у российских мигрантов. Они зажаты системой бюрократических дознаний, их культурологическая (нередко и лингвистическая) специфика определенно выражена (т.е. способна раздражать своей “инакостью”), шансы и планы на возвращение в родные пенаты по существу отсутствуют, а бытующие стереотипы принимающей стороны дают богатые возможности для выстраивания национальных идентичностей. По всем законам жанра российские иммигранты должны являть собой чудеса солидаризации. Их выживание, а оно “уходит” корнями в неформальную экономику, в качестве базового элемента предполагает потенциал солидаристских действий.

Литература:

1. *Завьялов А.В. Социальная адаптация мигрантов в контексте современной миграционной политики России / А.В. Завьялов // Научное мнение. – 2016. – № 13. – С. 50-58*

2. *Завьялов А.В. Социальная адаптация украинских иммигрантов : моно-графия / А.В. Завьялов. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017. – 179 с.*
3. *Ким А.С., Полюшкевич О.А. Роль диаспоры в организации некоммерческой деятельности мигрантов / О.А. Полюшкевич, А.С. Ким // Культура и взрыв: социальные смыслы в эпоху перемен: материалы Всероссийской научно-практической интернет-конференции. – Иркутск, Изд-во ИГУ. – 2017. – С. 7-10.*
4. *Полюшкевич О.А. Территориальная идентичность мигрантов в принимающем обществе / О.А. Полюшкевич // Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой: В 2 т. Т 2. – Н.Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2017 – С. 527-531.*

Зиброва Ольга Анатольевна,
Русский музей, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Мультимедийные технологии как обеспечительный фактор доступности культурного наследия: на пути к социальному государству.

Доступ к культурному наследию, наряду с эгалитарностью образования, высоким уровнем благосостояния, является одним из ключевых понятий социального государства. В эпоху опережающего развития компьютерных технологий зачастую именно благодаря сети Интернет самые широкие слои населения, в том числе и наименее защищенные, получили возможность использования огромного пласта электронных ресурсов. Часть этого виртуального информационного пространства принадлежит научной и образовательной сфере, в частности музеям и библиотекам. Развитие мультимедийных технологий в данных областях на территории Российской Федерации во многом стало возможно благодаря деятельности «АДИТ». Ассоциация была учреждена в мае 1996 г. Само предложение о ее создании было озвучено на состоявшейся тогда же месяцем ранее конференции «Компьютеризация в музеях» и уже вскоре президиум ICOM России придал ей статус комиссии по проблемам музейной информатики [1]. В сфере компетенции специалистов АДИТ находится целый спектр задач, от разработки программного обеспечения и стандартов баз данных до выработки механизмов применения их на практике. Проведение ежегодных конференций и семинаров позволяет анализировать существующие проблемы в данной области, вырабатывать пути их решения. В настоящее время АДИТ объединяет более ста организаций со всех уголков России и продолжает активную деятельность по созданию и реализации профильных обучающих программ для будущих кадров. Усилия ассоциации, направленные на сведение разрозненных баз данных музеев в единую коммуникационную среду, позволяют не только вывести на принципиально новый уровень сферы образования и туризма, но и способствуют сохранению самих памятников культуры. В настоящее время можно говорить о том, что многие коллекции произведений искусства, книг и рукописных архивов оцифрованы и доступны в электронном виде. Вместе с тем мало создать собственно ресурсы, важно обеспечить к ним свободный доступ всех

категорий граждан. Так, библиотеки расширяют привычные функции «книгохранилищ» и все чаще свои рядовые сервисы, такие, как бронирование литературы, выдача и продление читательских абонементов, дополняют предоставлением выхода в интернет. И хотя ряд учреждений беспочвенно рассматривает данную услугу как платную, обосновывая ее необходимостью возмещения расходов за «использование рабочего места или сетевого траффика» [2], в большинстве библиотек электронные информационные ресурсы остаются бесплатными, а тарифы установлены лишь за использование почтовых серверов, сканирование, распечатку файлов и т.д. Казалось бы, получить бесплатный доступ к интернет-ресурсам в районных библиотеках может сейчас любой желающий, но так ли это на самом деле? До сих пор далеко не все подобные учреждения имеют доступ к сети вследствии отсутствия технических возможностей и финансирования. Особенно актуальна данная проблема стоит в регионах [3]. Развитая сеть библиотек, имеющих многочисленные районные филиалы, делает их доступными в первую очередь для социально незащищенных слоев населения. Так, в целях трудоустройства безработных сюда поступает пресса об открытых вакансиях, оказывается, в рамках функционирования т.н. центра правовой информации, бесплатная юридическая помощь и т.д. Также к услугам определенных групп читателей, прежде всего маломобильных граждан: инвалидов и лиц пожилого возраста, предлагается социальный абонемент - индивидуальный подбор литературы с доставкой на дом. Оборудование библиотек ноутбуками открывает перед такими людьми новые возможности. Расширение функций библиотек сделало возможным не только проведение на их площадках творческих встреч, направленных на помощь ветеранам акций «Спеши делать добро», «Не оставим без внимания», но даже посещение музеев. Так, свои двери перед читателями распахнул «Виртуальный филиал» Русского музея. Данный проект, реализуемый с 2003 г., представляет собой масштабный информационно-образовательный центр, дающий всестороннее представление о крупнейшей сокровищнице отечественного искусства. Посетители филиала могут ознакомиться не только с постоянной экспозицией, но и побывать на временных выставках, услышать рассказы о любимых полотнах, записаться на лекции, анонсы которых представлены на сайте. В настоящее время можно говорить о сближении общественных пространств библиотек и музеев, что во многом отражает процессы глобализации. Тем не менее, активно включаясь в мировое информационное пространство, данные институты сохраняют свою идентичность. Диалог музеев и библиотек представляется важным и своевременным. Дальнейшее развитие данных институтов, их взаимосотрудничество будут способствовать поддержанию интереса к отечественному культурному наследию, сделают его еще более доступным для всех категорий граждан.

Литература:

1. *Дремайлов А.В., Лагутин А.Б. АДИТ. От компьютеризации музеев к информационному менеджменту. Электронный ресурс. – Режим доступа: http://www.future.museum.ru/part01/010603.htm, свободный. – Загл. с экрана.*
2. *Горячев С.А. Платные услуги в библиотечной среде: из опыта работы общедоступных библиотек. Методические консультации. Электронный ресурс. – Режим доступа: https://www.fessl.ru/docs-downloads/NMO/MKGOR08.pdf, свободный. – Загл. с экрана.*
3. *Как районные библиотеки подключают к интернету. Электронный ресурс. – Режим доступа: https://vn.ru/news-kak-rayonnye-biblioteki-podklyuchayut-k-internetu/, свободный. – Загл. с экрана.*

Зиновьева Елена Борисовна,
РАНХиГС, Москва, Россия

Функции и дисфункции средств массовой информации в процессе развития общества

Средства массовой информации как социальный институт, претерпевают определенные изменения. История их становления и развития связана с динамичными техническими и социальными преобразованиями. Активно развивающиеся информационные и мультимедийные технологии предоставляют аудитории возможность получения любой новости в удобное для нее время. Способный воздействовать на большие группы людей, институт масс-медиа, берет на себя ответственность за трансляцию той или иной информации, тем самым играя особую роль в современном развитии общества. СМИ становятся средством борьбы за популярность и лояльность населения, за пропаганду политических идей. Эти и другие факторы возложили на СМИ ответственность за выполнение не только информационной, но и социально-преобразовательной функции. Сегодня средства массовой информации характеризуются широким распространением, доступностью и способностью удовлетворять разнообразные информационные потребности членов общества, что значительно расширяет сферу их влияния. Важная роль заключается в их способности к быстрому реагированию на актуальные явления и процессы, происходящие в обществе, а также трансляции в обществе идей, норм и ценностей. Основной задачей СМИ как социального института является регулирование и удовлетворение потребностей общества за счет формирования соответствующей информационной среды. С этой точки зрения современные СМИ являются мощным механизмом консолидации или деконсолидации гражданского общества, поскольку они охватывают все слои населения без исключения, осуществляя ряд общезначимых функций. Их роль заключается в том, что они регулируют отношения между гражданами и государством, влияют на ход событий, жизни людей, удовлетворяют всю систему разнообразных интересов социума. СМИ также гарантируют политическую и социальную стабильность, выражают настроение масс и

активно участвуют в формировании общественного мнения по всем актуальным вопросам. Одной из основных функций СМИ в современном обществе является влияние на институт власти, в частности на социальную политику государства. В то же время они играют важную роль, восполняя общественную потребность в информации, а также в осуществлении социальной коммуникацию, связывающей между собой различные части социума. Являясь посредником в обмене информации между индивидами и социальными институтами, СМИ создают особую коммуникативную среду, которая влияет на трансформацию традиционных ценностей и формирование новых форм социального взаимодействия в обществе. Таким образом, средства массовой информации могут выступать и субъектом деформации связей, норм и правил поведения. Благодаря искажению информации, с помощью изменения контекста ее трансляции, средства массовой информации могут пропагандировать насилие, секс, корысть и вседозволенность. Героями могут становиться люди, пренебрегающие нравственными правилами ради того, чтобы добиться от жизни всех благ. Меняющееся отношение к нормам нравственности влечет за собой разрушение нормативного порядка, которое ведет в кризисной ситуации к деформации социальных институтов. Возникает противоречие, с одной стороны СМИ удовлетворяют потребности граждан быть информированными относительно состояния общественных дел, выполняя важную функцию общественной коммуникации. С другой стороны воздействуют на общество, используя пропагандистские и манипулятивные средства, оказывая дестабилизирующее негативное действие. В связи с этим необходимо исследовать влияние средств массовой информации с точки зрения перспектив развития социального государства и проанализировать их роль в триаде государство – СМИ – общество. Анализируя развитие социального государства, где власть знаний и информации становится главной в управлении людьми, следует подчеркнуть социальный характер информации, ее значение в демократических преобразованиях страны. Говоря о политическом плюрализме, необходимости диалога власти с массами, а также организации эффективной коммуникации между властью, социальными институтами и аудиторией, следует выделить ту функцию СМИ, где свобода прессы сочетается с ее ответственностью перед обществом, а также задачами отражения общих интересов, интеграции общества, цивилизованного разрешения возникающих конфликтов. Функции СМИ заключаются в разъяснении гражданам общих целей и способствованию формирования общезначимых ценностей, представлению различных точек зрения, отражения мнений и позиций общественных групп. Речь идет о свободе информационной деятельности и позитивной роли СМИ, но в то же время – об опасности манипулятивных технологий, которые применяются в этом процессе.

Зинченко Анастасия Сергеевна,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Адресная социальная поддержка пенсионеров в г. Москве

Согласно конституции Россия является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. (ст.7., п.1.) Важнейшей функцией социального государства является социальная защита населения. Сегодня в России система социальной защиты населения включает в себя такие компоненты как: социальное обеспечение; социальное страхование; социальная помощь (поддержка) [5]. Возросшая потребность в усилении адресности предоставления социальных услуг обусловлена в первую очередь экономически нестабильной ситуацией в стране и в мире. Повышение цен на продукты и товары первой необходимости и неиндексируемая пенсия приводят к финансовым трудностям жителей. Ежегодно увеличивается количество пенсионеров, следовательно, возрастает нагрузка как на трудоспособных граждан, так и на государство в целом. Ставится вопрос о рациональности распределения денежных средств в системе социальной защиты. Все вышеперечисленные факторы ключевым образом влияют на направление социальной политики в Российской Федерации и в г. Москве, в частности, определяют тенденции и направления развития и подтверждают необходимость усиления адресности предоставления социальной поддержки. Система социальной защиты столицы, безусловно, является лидером субъектов Российской Федерации как по масштабам охвата населения денежными выплатами, так и по видам обеспечения. В России по данным Росстата на 2016 год насчитывалась 43 177 000 пенсионеров, ежегодно пенсионеров становится больше примерно на один миллион человек [1]. В 2016 году в Москве проживало 1,11 млн. пенсионеров, 75 % из них- пенсионеры по возрасту, 229 тыс. -лица трудоспособного возраста, 25,6 тыс. - дети-инвалиды [2]. Правительство города Москвы проводит активную социальную политику, предоставляет меры социальной поддержки практически каждому 3-му жителю города. Ежегодно разрабатывается, принимается и реализуется Комплексная программа мер социальной защиты жителей Москвы. Адресная социальная поддержка- относительно новое направление социальной политики, оно заключается в поддержании наиболее нуждающихся граждан. Сейчас правительство Москвы нацелено на повышение адресности предоставляемых социальных услуг. Каждый регион Российской Федерации предоставляет те виды помощи, которые необходимы жителям. Так, в Москве реализуется государственная программа «Социальная поддержка жителей города Москвы на 2012-2018 годы», в 2017 году на реализацию программы было выделено 391,1 млрд руб. из бюджета города Москвы [3]. В последние годы значительно увеличились объемы

предоставляемой адресной социальной помощи через учреждения социальной защиты города Москвы. Адресная социальная помощь предоставляется: материальная, предоставление товаров длительного пользования (бытовая техника, средства технической реабилитации и др.), продовольственная, вещевая, санитарно-гигиеническая помощь, оплата дорогостоящих операций и лекарственных средств. Кроме того, территориальные центры социального обслуживания предоставляют широкий спектр таких социальных услуг как: обучение компьютерной грамотности, проведение различных кружков, мастер-классов, спортивных мероприятий, которые способствуют интеграции пенсионеров в активную социально-досуговую деятельность. Для того, чтобы разобраться в том, кому именно может и будет предоставляться адресная социальная помощь, необходимо обратиться к действующему законодательству, которое гласит, что адресная помощь оказывается исключительно гражданам, официально признанными малоимущими. Несмотря на то что адресность признается условием повышения продуктивности мер социальной защиты, распространение этого принципа пока нешироко. Так, расходы консолидированного бюджета РФ и бюджетов государственных внебюджетных фондов на адресные социальные выплаты в 2015 г. составили лишь 0,41 % ВВП [4]. Развитие адресных программ помощи нуждающимся тормозится отсутствием действенного способа мониторинга и отбора получателей. Распространение адресных программ социальной защиты блокируется использованием архаичных методов контроля нуждаемости, без применения новых технологий, что увеличивает административные расходы [4]. Отсутствует механизм информационного обеспечения потенциальных получателей. В настоящее время, на наш взгляд, целесообразно использование новых информационных технологий для проверки нуждаемости при оказании адресной социальной помощи. Дискуссионным так же является вопрос о том, кого считать нуждающимся: тех граждан, чей доход не превышает прожиточный минимум или тех, кто находится в группе риска. Таким образом, на сегодняшний день, мы видим, что адресная социальная поддержка в городе Москве развивается, существуют барьеры развития, однако, ведутся работы по усовершенствованию механизма предоставления помощи, определения степени нуждаемости и мы можем говорить о том, что социальная политика города направлена именно на повышение адресности предоставления социальных услуг.

Литература:

1. *Федеральная служба государственной статистики (Росстат). М., 2017. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat (дата обращения: 24.12.2017)*
2. *Официальный сайт Мэра Москвы. М, 2018. URL: https://www.mos.ru/city/progress/programs/cat/99120/item/136120/year/2016/ (дата обращения: 20.01.2018)*
3. *Правительство Москвы. Департамент труда и социальной защиты населения города Москвы http://www.dszn.ru/ (дата обращения: 24.12.2017)*
4. *Малева Т. М., Авраамова Е. М. Альтернативы развития социальной защиты населения // The Journal of Social Policy Studies. 2017. Т. 15, № 4. С. 559-572. URL: https://jsps.hse.ru/article/view/7324 (дата обращения: 20.01.2018)*

5. *Тяпкина Т.Ю. Особенности пенсионной системы в современной России В сборнике: Профессионализм и творчество в социальной работе сборник научных статей. Москва, 2016. С. 120-125.*

Иванов Олег Иванович,
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

На пути к справедливости в отношении здоровья населения России

Проблема сокращения неравенств, достижения справедливости в здоровье привлекает внимание многих ученых и общественных деятелей. Например, в США сложилось социальное движение за социальные равенства, социальную справедливость в здоровье. Этим вопросам посвящена, в частности, книга, «Общности в действии: пути к справедливости в отношении здоровья». В этой книге приводится много сведений о социальной обусловленности состояния здоровья населения США и ставится задача мобилизовать потенциал общностей для достижения большей справедливости в здоровье граждан США. Авторами справедливость в здоровье определяются следующим образом: «Справедливость в отношении здоровья – положение, в котором каждый человек имеет возможность достичь полного потенциала здоровья и никто не находится в невыгодном положения для достижения этого потенциала в силу своего социального положения или каких-либо других социально определенных обстоятельств» («Health equity - The state in which everyone has the opportunity to attain full health potential and no one is disadvantaged from achieving this potential because of social position or any other socially defined circumstance»).[1,32] Полагают, что потенциал здоровья определяется способностью заботиться о своем собственном здоровье и здоровье других, способностью принимать решения и контролировать свою собственную жизнь, а также обеспечивать создание обществом, членом которого является тот или иной человек, условий, обеспечивающих достижение здоровья всеми членами этого общества. Нередко потенциал здоровья населения или потенциал общественного здоровья определяют как меру количества и качества здоровья людей и его резервов, накопленных обществом. На наш взгляд, определение потенциала здоровья в терминах здоровья и (или) его резервов вряд ли можно признать достаточным. Полагаем, что более перспективно трактовать потенциал здоровья населения в терминах деятельности, а именно практических действий людей и общностей правильно использовать разнообразные практики укрепления и сохранения здоровья. Субъекты потенциала здоровья должны обладать развитыми потребностями, способностями и готовностями находить и применять эти практики. Поэтому потенциал здоровья недостаточно трактовать только в терминах способностей, наряду с этим понятием целесообразно использовать понятия «потребности» и «готовности». Для характеристики потенциала здоровья как составной

компоненты единого человеческого потенциала мы будем применять эти три понятия.[2] Полагаем, что новым и важнейшим предметом изучения и практической деятельности должны стать вопросы формирования и развития систем потребностей, способностей и готовностей индивидов и общностей правильно использовать разнообразные практики укрепления и сохранения здоровья. В этих процессах необходимо объединить собственную активность носителей потенциала здоровья (индивидов и общностей) и институциональной среды его формирования и развития. В самом общем виде под институциональной средой потенциала здоровья мы понимаем нормы-правила и опирающиеся на них устойчивые практики, которые могут оказывать эуфункциональное или дисфункциональное воздействие на формирование и развитие потенциала здоровья, на системы потребностей, способностей и готовностей индивидов и общностей использовать разнообразные практики укрепления и сохранения здоровья. Воздействия институциональной среды на формирование и развитие потенциала здоровья эуфункциональны, когда они способствуют повышению его качества, организованности и устойчивости. Когда эти воздействия снижают качество потенциала или деформируют его, они дисфункциональны. В наибольшей степени на потенциал здоровья населения и на его отдельные компоненты могут воздействовать институты здравоохранения и образования. При анализе этих институтов целесообразно: -оценить существующие в них нормы-правила и опирающиеся на них устойчивые практики на предмет их соответствия задачам формирования и развития потенциала здоровья и систем потребностей, способностей и готовностей индивидов и общностей правильно использовать разнообразные практики укрепления и сохранения здоровья; -в случае неполного соответствия норм и практик указанным задачам предложить их корректировку; - предложить новые нормы-правила и опирающиеся на них устойчивые практики, которые могут способствовать эффективному формированию и развитию систем потребностей, способностей и готовностей индивидов и общностей использовать разнообразные практики укрепления и сохранения здоровья. И западные и отечественные ученые единодушно подчеркивают, что социально-экономический статус индивида оказывается значимым фактором в социальных неравенствах в здоровье. В то же время, по нашему мнению, значение этого и других социальных факторов можно снизить, если носители потенциала здоровья будут иметь развитые потребности, способности и готовности использовать разнообразные практики укрепления и сохранения здоровья. И институциональная среда потенциала здоровья должна способствовать их формированию и использованию. В этом случае следует ожидать, что социальные неравенства в здоровье уменьшаться.

Литература:

1. .*Communities in Action: Pathways to Health Equity. Committee on Community-Based Solutions to Promote Health Equity in the United States James N. Weinstein, Amy Geller, Yamrot Negussie, and Alina Baciu, Editors Board on Population Health and Public Health Practice Health and Medicine Division National Academy of Sciences. Washington.*

2. *Иванов О.И. Человеческий потенциал (формирование ,развитие ,использование).. — Санкт-Петербург: Скифия-принт, 2013. — 336 С.*

Ирмашева Ирина Юрьевна,
Уфа, Россия

Россия как социальное государство

Один из важных принципов социального государства закреплен в законодательстве Российской Федерации. В Конституции РФ прописано: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В РФ охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты». [1] То есть социальная политика в социальном государстве устанавливает общее понимание социального государства, определяет его задачи, цели, направления, которые смогут обеспечить благосостояние страны и развитие общества. Правительство должно гарантировать своему населению последующие условия для жизни: право любого трудоспособного лица получать доход в виде заработной платы; оказание помощи людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию в качестве социальной поддержки; обеспечение достойного уровня жизни; гарантии минимального наименьшего объема заработной платы и прожиточного минимума; другие виды социальной поддержки населения. Россия работая в социально – экономическом направлении, делает упор на: независимость с финансовой стороны; права человека и демократию труда; становление и рост экономической результативности и социального рыночного хозяйства; социальная справедливость и общественное единство социума; формирование концепции общественного партнерства; содействие абсолютно всех людей в управлении муниципальными и социальными процессами; обязанность страны за положение и формирование результативной социальной политики, сосредоточенной на предоставлении достойного существования и демократии в правах людей. В настоящее время можно пронаблюдать ратификацию некоторых принципов социального государства. Благодаря создающимся принципам социального государства, которые продолжают проходить становление на данном этапе, разрабатывается социальная политика. Стратегии социальной политики заключаются в её развитии и функционировании. Социальная политика нацелена на создание нормальных условий для жизнедеятельности общества. Непосредственно данная сфера работает над следующими направлениями:

обеспечение качества жизни, функционирование системы социальной защиты, реализация демографической политической деятельности (увеличение продолжительности жизни и снижение смертности) [2]; поддержка и увеличение количества жилья для людей, а также улучшение его комфортабельности; формирование общественного хозяйства, автотранспорта [3]; политика в направлении улучшения уровня и качества жизни; создание и реализация направлений социального страхования и социального обеспечения; предоставление природоохранной защищенности государства; увеличение значимости качества всеобщего и высококлассного образования и т.д. [4] Но, наблюдая картину современного мира появляется возможность сделать некие выводы о реализации социальной политики. Затруднительно назвать социальную сферу на данный момент эффективной. В обстоятельствах длительного экономического упадка общественная поддержка страны сейчас никак не обеспечивает достойную жизнедеятельность, как зафиксировано в Конституции РФ. Можно наблюдать такие проблемы как нищета, рост преступности и безработицы и многие другие социальные проблемы. Большое количество мер так и не дают кардинального дифференциирования. Закрепление РФ законодательно социальным государством никак не производят его таковым. С целью осуществления законодательных положений соответствующих Конституции РФ необходимы слаженные взаимодействия всех ветвей власти государства и социальных организаций. К тому же, чтобы достичь эффективности выполнения социальной политики необходимы доработки в законотворческой сфере. К примеру, кандидат экономических наук В.М. Анисимов утверждает, что на данный момент имеются законы, положения, нормативно - правовые акты отдельных направлений социальной политики, но отсутствует какой-либо общий и единый закон, в котором могли бы прописываться четкие понятия социальной политики. [5] В желании сформировать в России социальное государство невозможно выпускать из виду основы интернациональных эталонов справделивости и независимость личности. Например, первенствующими принципами будут являться - равенство всех граждан перед законом, гендерное равенство, демократия в труде и образовании. [6] Правительство должно гарантировать их в абсолютном размере. Социальное государство в России – это достигаемая цель, если работать над эффективностью реализации механизмов, которые включены в социальную политику.

Литература:

1. *Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) правках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6ФКЗ, от 30.12.2008 № 7ФКЗ, от 05.02.2014 № 2ФКЗ, от 21.07.2014 № 11ФКЗ).*
2. *Государственная программа Российской Федерации «Развитие здравоохранения». Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 294.*
3. *Государственная программа Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации»*

4. *Распоряжение Правительства РФ от 30 декабря 2012г. №2620р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки».*
5. *Анисимов В.М. Социальное государство в России – выбор времени.Основные проблемы социального развития России // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ.–2004.– № 15 (235).*
6. *Попова Л. Е. Указ. соч. С. 245.*

Ирмашева Ирина Юрьевна,
Уфа, РФ
Рахматуллина Зиля Борисовна
Уфа, РФ

Социальное государство как феномен единого развития эффективности и справедливости

Существование страны в целом невозможно без особых проводимых во всех сферах стратегий, именуемых политикой. Политика, в свою очередь, в зависимости от своей принадлежности и для более эффективного её проведения подразделяется на секторы. Одним из важнейших секторов внутренней политики является социальная политика, которая отвечает за благополучие населения. Социальная политика — это политика в области социального развития и социального обеспечения [2]; комплекс мер, проводимых субъектами государства; мероприятия, которые направленны на повышение качества и уровня жизни уязвимых слоев населения; область исследования проблем, которые касаются особенностей политики, включающих исторические, финансовые, общественно- политические, социоправовые и социологические стороны, а кроме того экспертизу причинно-следственных взаимосвязей в области общественных проблем. [3] В частности, Конституция Российской Федерации 1993 года в статье 7 гласит: «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». [4] В социальном государстве главенствующий принцип это равноправие. Все люди равны перед законом и ровно настолько же все люди имеют право на благополучие. В свою очередь равноправие и благополучие зависят от эффективности и справедливости проводимой политикой. Социальная справедливость – основная задача социального государства, которая заключается в равенстве всех граждан перед законом, высокий уровень социальной безопасности, обеспечение социально- гарантированной жизнедеятельности человека. [1] Эффективность – соотношение между достигнутым результатом и использованными ресурсами. [6] Понятия «социальная справедливость» и «экономическая эффективность» на протяжении долго времени рассматривались учеными. Особенно множество взглядов скопилось о взаимосвязи данных понятий. Согласно взгляду М. Пеннингтона,

общекультурная сущность индивидуума обязательно применяет воздействие на его отношение к распределительным нормам. Более того, в процессе непрерывного взаимодействия индивиды регулярно проявляют воздействие друг на друга. Таким образом, их представление «справедливости» способно подвергаться изменениям в процессе взаимодействий. [5] Мнение Якобсона Л.И. на тему о справедливости и эффективности звучит следующим образом: «Желание справедливости не является обязательным в плане отстаивания как можно наибольшего равенства и неограниченного перераспределения прибыли в выгоду менее обеспеченных членов общества. Для большого количества индивидов и социальных групп свойственны подобные понятия о справедливости, в соответствии с которыми на первый план выдвигается независимость экономической деятельности и обеспеченность защиты прав собственности. Они считают, что не является правильным, если берет себе большую часть прибыли с целью перераспределения. Несмотря на это, сложившиеся в социуме представления о справедливости требуют отклонения предельной прибыли индивидов от предельных производительностей, зависящих от факторов производства. Возникает спор между принципами экономической эффективности и справедливости. Так как, как отмечалось выше, такие отклонения не являются благоприятствующими экономическому и оптимальному расходу ресурсов. Было закреплено практически, что если социум преднамеренно проходит аналогичные отклонения, то совершается это, как правило, только для сохранения благополучия или повышения качества жизни малоимущих. Поэтому разногласие обретает конфигурацию выбора между эффективностью и справедливостью.»[7] Большое количество научных взглядов о едином существовании социальной справедливости и экономической эффективности расходятся. Многие ученые утверждают, что социальная справедливость будет ущемлена из-за того, что экономическая эффективность не может существовать без выгоды. При этом получается и обратный эффект : по той же причине и социальная справедливость будет наносить вред экономической эффективности. Стоит отметить, что социальная справедливость - это основополагающий принцип социальной политики. Эффективность же является понятием, которое охватывает ряд задач социальной политики. Эффективность отвечает за стимулирование экономического роста, усиление трудовой мотивации, обеспечение должного уровня жизни и др. Таким образом, эффективность и справедливость имеют тесное взаимовлияние на друг друга. Экономическая эффективность влияет на оснащение социальной политики, а социальная справедливость, обеспечивая социальные гарантии, создает мотивацию труда, которая в свою очередь влияет на развитие экономики.

Литература:

1. *Афанасьев В.С. Баглай М.В., Беляев А.П. и др.Социальный менеджмент Учебник. — М.: Интел-синтез, 2000. — 384 с.*
2. *Гулина М. А. Словарь-справочник по социальной работе / Переводчик Николай Марчук. — Питер, 2008. — 400 с.*

3. *Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь = Collins Dictionary Sociology / Переводчик Николай Марчук. — Вече, АСТ, 2001. — Т. 1. А — О. — 544 с.*
4. *Конституция Российской федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с учетом поправок внесенных законами РФ и поправках Конституции РФ от 05.02.2014 № 2-ФКЗ)*
5. *Ролз Дж. Теория справедливости / Пер. с анг. В. В. Целищева. Новосибирск: Издательство Новосибирского Университета, 1995. — 510 с.*
6. *Самуэльсон П., Нордхаус У. Экономика. — М.: Вильямс, 2014. — С. 55. — 1360 с.*
7. *Якобсон Л. И. Социальная политика: коридоры возможностей // Общественные науки и современность, 2006.*

Калинникова Марина Викторовна,
Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия
Шматова Светлана Сергеевна
ГУЗСГП №19, Саратов, Россия

Качество медицинских услуг как гарантия социальной справедливости (на примере больных туберкулезом)

В современном российском обществе наблюдается развитие девиантных стратегий поведения населения при необходимости получения ими медицинской помощи, что возможно, связано с чувством социальной несправедливости возникающей при неудовлетворённости оказываемыми медицинскими услугами или социально-экономической политикой государства. Данное обстоятельство приводит к обращению за медицинской помощью на поздних стадиях заболеваний, к развитию системы самолечения, при котором люди сами ставят себе диагноз и назначают лечение. Однако всегда ли неудовлетворенность пациентов качеством оказанной медицинской помощи является обоснованной, не предъявляют ли они завышенных требований к социальным и медицинским организациям и так ли мала роль государства в заботе о здоровье своих граждан? Для выяснения данного вопроса, было проведено авторское социологическое исследование группы больных туберкулезом. Поскольку туберкулез относится к социально значимым заболеваниям, то именно лечение таких больных требует привлечения значительных государственных средств и укрепления материально-технической базы учреждений здравоохранения. Методом анкетирования было опрошено 850 человек, находящихся на стационарном лечении по поводу активного туберкулеза в больницах города Саратова. Из них 65,3% составляли мужчины и 34,7% женщины. Основная масса заболевших (51%) – это люди трудоспособного возраста от 30 до 50 лет. Около половины (46,3%) опрошенных больных проживает в городе и имеет удовлетворительные жилищные условия. Большинство (65%) относят себя к среднему классу, 18,7% к низшему, 10% не относят себя ни к какому слою, 5,2% считают, что находятся между средним и высшим слоями общества и около 1% респондентов относят себя к высшему слою общества. На вопрос о

состоянии семейного бюджета 43,6% сказали, что доходов хватает на питание и одежду, но на покупку вещей длительного пользования приходится брать кредит. 20,6% опрошенных считают, что денег хватает только на питание, а покупка одежды вызывает затруднения. Затруднительна покупка действительно дорогих вещей, например, автомобиля для 6,5%. Могут без труда покупать вещи длительного пользования 6,1% респондентов. Около 3 % не имеют материальных затруднений и 12,4% опрошенных ответили, что едва сводят концы с концами, денег не хватает даже на питание. Больше половины респондентов либо не имеют работы (52%), либо имеют временную работу (1,7%). Только 28,7% респондентов имеют постоянную работу. Среди работающих, значительная часть работает в строительстве (24,4%), 13% работают в сфере обслуживания или промышленности, 11% заняты сельским хозяйством или работой на транспорте, 10,5% в сфере торговли и общественного питания. Такое распределение по профессиям способствует распространению инфекции. Таким образом, у наших респондентов, людей больных туберкулезом, самоидентификация с определенным слоем общества не соответствует реальному положению вещей, у этих людей практически нет возможности улучшить свои жизненные условиях, поэтому в лечении болезни им приходится полностью полагаться на социальные льготы, предоставляемые государством Всем больным, проходящим лечение по поводу туберкулеза, был задан вопрос: «Принимает ли участие государство в решении проблем семей, имеющих больных туберкулезом?». При этом 45% опрошенных ответили, что государство принимает участие в решении проблем семей, имеющих больных туберкулезом лишь в малой степени, 28 % ответили, что государство участвует в решении проблем больных туберкулезом, 27% ответили, что не принимает. В то же время респондентам был задан вопрос: «Какими видами льгот и социальный помощи вы пользуетесь?» выяснилось, что 60% опрошенных бесплатно получают противотуберкулезные средства, 17% находятся на длительном больничном листе, 11% была установлена инвалидность, 7% пользовались возможностью поехать в специализированных санаторий. При этом почти треть опрошенных считает, что они никакой помощи от государства не получают. При ответе на вопрос о возможности респондента и его семьи прожить без социальный льгот со стороны государства 6% ответили, что они в опеке государства не нуждаются, 27% подтвердили, что льгот от государства не получают, 31% считают, что без льгот прожить совершенно не возможно, 35% ответили, что это возможно, но будет очень сложно. Таким образом, на примере людей больных туберкулезом мы видим, что российское население зачастую не достаточно объективно в оценке качества предоставляемых государством медицинских услуг. Возможно это связано с низкой здоровьесберегающей культурой людей, возможно с недостаточной информированностью населения относительно реальных затрат, которые несет государство по выявлению, лечению и профилактике социально значимых заболеваний. Следовательно, здравоохранительным учреждениям имеет смысл предоставлять населению

больше информации относительно льгот и социальных гарантий, которыми они могут пользоваться и использовать для этого все возможные средства массовой информации. Так как прозрачность действий властей послужит основой формирования качественной системы оказания медицинской помощи в стране и снять чувство социальной несправедливости в обществе.

Кобяк Олег Витальевич,
Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
Шифрин Александр Евгеньевич
Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
Филимончик Елена Владимировна
Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

«Стратегия и структура следуют за культурой» [1, с. 390]: современные тенденции в развитии социального государства

В 2016 году состоялся полувековой юбилей современной теории экономики культуры. В 1966 году Вильям Баумоль и Вильям Боуэн опубликовали свой труд, ставший классическим произведением [2]. Их книга оказала чрезвычайно большое влияние на развитие сферы культуры. Именно в этой работе впервые был выполнен научный анализ экономики искусства. Благодаря высокой научной значимости и удачному стечению обстоятельств на момент выхода книги, она стала фактическим катализатором смены парадигм, что привело в конечном итоге к признанию экономики культуры в качестве объекта, включенного в предмет экономической науки, и, как следствие, положило начало позиционированию сферы культуры и искусства в качестве самостоятельной области экономической деятельности. В процессе последующих исследований, проводимых под эгидой ЮНЕСКО, продолжалась разработка инновационных методик сбора и анализа информации о деятельности «креативно-культурной сферы», за которой официально закрепилась аббревиатура CCI (Culture Creative Industry). За последние 50 лет сформировался исключительно высокий социально-экономический статус сферы культуры. Во многом благодаря этому в среднесрочной стратегии ЮНЕСКО на 2014–2021 гг. отмечено: «Одной из сил, содействующих устойчивому развитию, миру и экономическому прогрессу, все чаще признается культура. В своих многогранных преломлениях она скрепляет общества и нации. Появление творческой экономики свидетельствует о значимости культуры для экономического и социального благосостояния стран.» [3, с.9]. Получающая широкое распространение виртуализация коммуникативных и образовательных практик серьезно актуализирует задачу наполнения новых форм общения и способов потребления информации, которые уже стали привычными для современной молодежи, ценностно значимым и социально необходимым для обеспечения преемственности поколений содержанием. Кроме этого в

новейшей истории суверенной Беларуси происходит целенаправленное усиление геополитического тренда в развитии республики как центрального европейского государства – удобной и безопасной площадки для организации и проведения событий (мероприятий) евразийского и общемирового масштабов. Указанные тенденции обусловливают необходимость грамотного научного сопровождения данных процессов. Сильнейшим фактором, значение которого в формировании общественного сознания из года в год возрастает, являются мультимедийные технологии. В области культурного наследия квалифицированное включение этого инструмента позволяет формировать социально востребованный (в терминологии Макса Вебера – ценностно-рациональный) тип социального поведения. Именно этот тип, основанный на культурных ценностях, наиболее устойчив в отношении разного рода манипуляций и поэтому чрезвычайно важен в деле обеспечения мира, стабильности и гражданского согласия. На примере социологического исследования, проведенного среди студентов Белорусского национального технического университета в 2017 году (методом анкетирования опрошено 848 человек) выявлено, что среди сторонников ценностно-рационального типа социального действия (по отношению к развитию собственного дела) большая часть (53,7%) склонялись к оценке предпринимательства как механизма общественного развития и решения социальных проблем. Аналогичная совокупная доля других типов – 45,5%. Также выявлены отличия в оценке качеств предприимчивого человека, которые отмечают представители ценностно-рационального типа социального действия п сравнению с остальными. Первые в большей степени указывают на «коммуникативность и умение ладить с людьми» (58,5%) и «ответственное поведение» (26,4%). Остальные – 54,6% и 23,4%, соответственно. Таким образом, мы можем декларировать, что ценностно-рациональный тип социального действия является основополагающим и в наибольшей мере желательным в системе социально-экономических отношений для развития социального государства.

Литература:

1. *Беа, Ф.К. Экономика предприятия: Пер. с нем. / Ф.К. Беа, Э. Дихтл, М. Швайтцер. – М.: ИНФРА-М, 1999.*
2. *Baumol W.J., Bowen W.G. Performing Arts: The Economic Dilemma. The Twentieth Century Fund. New York, 1966.*
3. *Среднесрочная стратегия ЮНЕСКО. 2014–2021 гг. Документ 37 С/4. Париж, 2014 г. Электронный ресурс: http://www.unesco.ru/ru/227860.pdf.*

Ковалевская Елена Викторовна,
Российский университет транспорта, Москва, Российская Федерация

Социальная справедливость в информационном обществе

О социальной справедливости люди думали и рассуждали всегда. В научной литературе понятие социальной справедливости было одним из главных почти во всех гуманистических учениях о человеке и обществе. Размышляя о социальной справедливости, ученые поднимали вопросы о должном устройстве общества, должном государственном управлении, о должном отношении к человеку, о той морали, которая должна господствовать, стать нормой жизни каждого человека, которая должна была крепить солидарность между людьми. Одним из первых рассуждал о справедливости Платон, который пытался согласовать индивидуальную добродетель и общественную справедливость. Позже в западноевропейской мысли появились утопические концепции справедливых государств, которые предложили Т.Мор, Кампанелла, К.А.Сен-Симон. Идеи справедливости, которые предлагали философы, были объединены общим представлением о том, что справедливо и хорошо то, что укрепляет государство. Европейские гуманисты представление о справедливости отождествляли с законом и порядком, вследствие чего они считали, что жить справедливо, означало, что надо было жить согласно закону, который устанавливало государство. В государстве, защищающем собственность, вопрос о равенстве не ставился. В современном информационном обществе проблема социальной справедливости становится все актуальнее и острее. Определяющей, характерной чертой информационного общества считается ведущая роль науки и образования, от которых зависит качество жизни каждого человека в современном обществе. Хорошее образование можно получить, имея доступ к соответствующим источникам информации. Сегодня государства могут достичь необходимого уровня развития и обеспечить достойный уровень жизни своим гражданам, если в стране успешно используют передовой опыт и современные достижения науки, если развиваются, совершенствуются, внедряются информационные, коммуникационные технологии и инновации в области технологий, техники управления и организации труда. В то же время, достижения в области науки и образования сегодня, как никогда ранее, зависят от уровня развития информационных и коммуникационных технологий, которые внедряются и используются во всех секторах экономики, в общественной и личной жизни людей. Возможность доступа к информации сегодня неразрывно связана с этими технологиями. У кого есть возможность приобретать современные технические новинки и оплачивать услуги телефонной и интернет-связи, у того есть и возможность получать необходимую информацию. Особой чертой нашего времени является то, что у современного человека есть возможность практически всегда быть в курсе

всех событий, которые происходят в мире и в обществе. В современном мире каждый человек, обладающий необходимыми техническими средствами, имеет возможность иметь доступ к информации, начиная информации о событиях в мире, о культуре, развлечениях, о научных открытиях, до информации, которая относится к повседневной, бытовой и личной жизни людей. Одной из положительных возможностей нашего времени можно считать то, что облегчен доступ к разного рода справочной информации. Сегодня совсем не обязательно ехать в те организации, в услугах которых человек нуждается. Например, с помощью интернета можно записаться к врачу, получить разные справочные услуги, узнать о репертуаре театра или о выставках в музеях и заказать входной билет заранее, чтобы не терять время на очереди. Конечно, это очень удобно и хорошо для тех, кто может освоить современные технологии и получить такого рода услуги. В невыгодном положении остаются те люди, которые не освоились с современным информационным пространством, или те, кто ограничен в материальных средствах и не может постоянно оплачивать такие услуги, те чей доход не позволяет им делать дополнительные траты. Как правило, это пожилые люди, которым бывает сложно освоить современные технологии. Информационное пространство и качество предоставляемой информации расширилось настолько, что это стало порождать и новые проблемы, о которых люди раньше не подозревали. С одной стороны, доступ к электронной информации необходим, и очень хорошо, когда он есть. С другой стороны, такая возможно с должным качеством пока доступна не во всех регионах. В наиболее выгодном положении оказываются жители крупных городов, а в сельской местности доступ к интернету, услугам мобильной связи и мобильному интернету пока еще не на должном уровне. Еще один аспект современного интернет-потребления – это явное преобладание интереса к развлекательной информации. Российские мобильные операторы стремятся не просто обеспечить людей услугами связи, а предоставить им возможность скачивать фильмы, музыку, вести видеотрансляцию в социальных сетях, для того, чтобы стимулировать потребителей этих услуг потреблять больше такого контента и как можно чаще пользоваться услугами такого сервера. Свои затраты на строительство дополнительных сетей для привлечения новых клиентов операторы покрывают за счет увеличения стоимости тарифов мобильной связи. Таким образом, возможность и качество получаемой информации ставится в зависимость от материального достатка людей, от возможности купить смартфон или планшет, чтобы получить доступ к дополнительным возможностям интернет-связи. В то же время, эти средства связи порой перегружают своих пользователей ненужной информацией, которая отнимает у людей время, но часто не приносит реальной пользы.

Ковальчук Валерий Константинович
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Проблема социальной несправедливости в современном российском селе: социологический анализ

В течение XX века российское село не раз подвергалось серьёзным социально-экономическим трансформациям, отражавшимся на его развитии. Смена экономической формации в первой половине XX века привела к сокращению численности сельского населения и росту городов, что является закономерным процессом развития индустриального общества. При этом изменился социально-экономический уклад жизни на селе, выразившийся в создании крупных хозяйственных комплексов – совхозов, колхозов и т.д., кроме того в 60-70-ые гг. прошлого века шел интенсивный процесс укрупнения сельских поселений и сокращение мелких поселков [1, С. 241].

Политика советской власти была направлена на нивелирование различий между городом и деревней. При этом изменение формы хозяйствования на селе проходило в условиях репрессивной политики 30-ых гг. и отличалось определённой степенью несправедливости в отношении крестьянства, однако ко второй половине XX века процесс перехода к коллективному ведению хозяйства был завершен. Обеспечение сельских жителей социальной инфраструктурой и занятостью позволяло контролировать миграцию трудоспособного населения в города и обеспечивать относительно справедливый процесс товарообмена между городом и деревней.

После 1991 года произошло очередное изменение общественно-экономической формации, сильно ударившее по гражданам России, в особенности по жителям села. Экономические реформы 90-ых создали почву для возникновения устойчивой, застойной, бедности, что, по мнению самих сельских жителей, является основным фактором несправедливости в современном российском обществе [2, С. 73 – 74]. Переход к частной собственности и рыночным отношениям, породил проблему безработицы, являющуюся основным фактором развития социально-психологического стресса и неуверенности в завтрашнем дне [2, С. 69]. Падение уровня жизни и рост безработицы в сельской местности во многом связаны с деиндустриализацией экономики России. Сокращение промышленности и упадок сельского хозяйства лишили рабочих мест и средств к существованию массу людей, что послужило причиной активной внутренней миграции в крупные населённые пункты. Таким образом, возникла проблема обезлюдения сельских поселений, усугубляющаяся естественной убылью населения. Следовательно, перекос в социально-экономической политике российского государства привел к неравномерному распределению занятости по отраслям экономики.

Другим фактором несправедливости является низкая заработная плата занятых в сельскохозяйственной деятельности, находящаяся на уровне или

ниже прожиточного минимума. Низкие доходы отражаются на уровне потребления, физическом и морально-психологическом состоянии людей. Кроме того, существенной проблемой является деградация и сокращение социокультурной инфраструктуры в сельской местности и разрыв транспортных связей между сёлами расположенными на дальних расстояниях. Так с 1991 по 2003 год село лишилось 49% детских садов, 27,5% начальных и средних школ, 38% участковых больниц и 25% клубов [2, С. 72], процесс их сокращения продолжается до сих пор, а без развитой инфраструктуры полноценное развитие современного человека невозможно, особенно в сельской местности. Данное обстоятельство также порождает чувство несправедливости у сельских жителей, оказавшихся заложниками социально-экономических реформ 90-ых, отрицательные последствия которых до сих пор не преодолены.

Кроме того, стоит выделить такой фактор, как самостоятельная оценка своего социально-экономического положения жителями села. Социологические опросы 2000-ых гг. отражают массовое недовольство граждан своим социально-экономическим положением. Так, по данным Центра всероссийского мониторинга социально-трудовой сферы села, проводившего социологическое исследование в 2004 г., 42,6% респондентов считают, что их жизнь ухудшилась после 1991 года, 25,5% считают, что их жизнь сильно ухудшилась, значительное улучшение жизни испытали лишь 6,9% опрошенных [2, С. 73]. Кроме того, ощущение несправедливости происходящих социально-экономических процессов на селе приводит к росту алкоголизации и другим формам девиантного поведения. В начале XXI века ситуация ухудшилась из-за экономического кризиса 2008 года. Продолжился спад производства, снизился жизненный уровень значительной части населения, ускорился рост инфляции, продолжился рост безработицы и сокращение численности сельского населения [3, С. 7].

Таким образом, несправедливость сельские жители видят, прежде всего, в действии социально-экономических факторов, отрицательно влияющих на их жизнь после реформ 90-ых годов. Другим источником порождающим чувство несправедливости является политика власти допускающей падение уровня жизни российского села до критических показателей. Также несправедливым считается распределение доходов и благ в пользу городов, а также создание развитой инфраструктуры исключительно в тех регионах, где существуют зоны экономического роста. Зависимость от коньюнктуры рынка обрекает села расположенные в непривлекательных для ведения бизнеса регионах на дальнейшую деградацию и обезлюживание, что также вызывает у сельчан чувство несправедливости от сложившегося положения.

Литература:

1. *Экономическая и социальная география России: география отраслей народного хозяйства России. Учебник для вузов / Под ред. В.Л. Бабурина, М.П. Ратановой. – М.: Книжный дом «Либроком», 2013, 516 с.*
2. *Бондаренко Л.В. Сельская Россия XXI века (социальный аспект») // Социологические исследования. – 2005. – № 11. – С. 69 – 76.*

3. *Белокрылова О.С. Динамика социально-трудовой сферы села в условиях мирового кризиса (По результатам мониторинга ростовского регионального отделения центра всеросссийского мониторинга социально-трудовой сферы села) // Journal of Economic Regulation («Вопросы регулирования экономики»). – Т. 1. – № 1. – 2010, С. 5 – 16.*

Когай Евгения Анатольевна,
Курский государственный университет, Курск, Россия

О стратегическом управлении развитием региона

Ведущей задачей социального государства является создание условий достойной жизни и свободного развития человека. Вместе с тем решение данной задачи на практике наталкивается на значительные препятствия. Одно из них – отсутствие концептуально обоснованных целей, научно выверенных моделей жизнеустройства. Такие модели могут быть предложены в новых стратегиях развития страны в целом, а также стратегиях развития регионов и макрорегионов.

При этом важно иметь ввиду, что социально-экономические и культурные проблемы развития каждого региона нельзя решить лишь через органы управления отдельных регионов, без их координации друг с другом, с соседними регионами и постоянной увязки их интересов с возможностями федерального центра и социальными запросами населения. Их решение предполагает совершенствование региональной политики на макроуровне с применением механизма регионального стратегирования, под которым понимается процесс прогнозирования и управления формированием будущего региона. Как показывают многочисленные социологические и экономические исследования, существенный недостаток разработанных в федеральных округах и регионах стратегий социального развития состоит в их формализме и имитационном характере. Как справедливо отмечают белгородские социологи В.П. Бабинцев, Д.В. Давтян, В.А. Титова, О.Н. Юркова [1; 2; 3], современная ситуация в регионах характеризуется редукцией смыслов управленческой деятельности, демонстрацией ограниченности целерационального поведения, утверждением адхократического отношения к реальности, подменой реальных действий документооборотом. В регионах, как правило, не отлажена или отсутствует институциональная инфраструктура разработки и реализации региональных стратегий социального развития, не реализуется субъектная роль органов местного самоуправления как участников стратегического планирования. Помимо того, в региональном стратегировании в большинстве своем не участвуют сами граждане, общественные объединения и коммерческие организации. Тем самым очевидно, что система стратегического управления развитием регионов России требует разработки соответствующих социальных механизмов, дальнейшего совершенствования.

Следует при этом подчеркнуть, что разработка качественных управленческих решений в органах государственной власти и местного самоуправления, их эффективная реализация выступают необходимыми предпосылками стабильного и успешного развития региона, повышения уровня и качества жизни населения. Фокусирование внимания на проблемах социокультурного развития регионов Центрального Черноземья показывает, что во всех регионах данного макрорегиона разрабатываются и реализуются стратегии социально-экономического регионального развития, учитывающие как преимущества, так и проблемные места регионов. В большинстве таких стратегий обозначены инновационные ориентиры их реализации. Однако деятельность государственных органов по достижению этих ориентиров осуществляется в большинстве регионов в условиях перманентного финансового дефицита. А у органов муниципального самоуправления в подавляющем большинстве своем вообще нет должных организационных и финансовых ресурсов для формирования и реализации планов и программ социально-экономического развития муниципальных образований, осуществления капитальных вложений и бюджетных инвестиций в развитие экономики территорий. Соответственно в таких условиях крайне затруднительным становится планирование управленческих решений, деятельность органов власти осуществляется ad hoc, ситуативно и совершенно не эффективно.

Проведенные в регионах Центрального Черноземья полевые социологические исследования показывают, что модернизационные процессы здесь осуществляются крайне медленно из-за нехватки ресурсного обеспечения, недостаточной востребованности социокультурного потенциала макрорегиона, а также ориентации управленческих структур не на стратегические цели и задачи, а на решение преимущественно текущих проблем. Реализация «регионального стратегирования», концептуально выстроенного и обеспеченного соответствующими механизмами и ресурсами реализации, на наш взгляд, может способствовать повышению реформационного, социально-инновационного и адаптационного потенциалов модернизации, обеспечить существенное возрастание эффективности управленческой деятельности. Разработку механизма реализации стратегий важно нацеливать при этом на максимальное вовлечение в межсекторное партнерство органов управления, представителей бизнеса и общественности. Отметим также, что в современной геополитической ситуации происходит усиление взаимозависимости регионов, при этом действия каждого из них затрагивают интересы других регионов и региональных систем. Соответственно в данной ситуации одним из приоритетов региональной социальной политики должно стать обеспечение эффективности стратегического управления развитием макрорегиона (в нашем случае – Центрального Черноземья). Оно может быть достигнуто через повышение качества использования социокультурного и экономического пространства, а также через поиск инновационных форм его организации. Тем самым очевидной становится необходимость разработки

новых концептуальных оснований стратегического управления устойчивым развитием макрорегиона. Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках проекта 18-011-00739 «Социокультурные основания стратегического планирования развития российского макрорегиона (на примере Центрального Черноземья).

Литература:

1. *Бабинцев В.П. Власть и общество в «провинциальном» регионе: специфика взаимодействия // Власть, 2017. № 3. С. 34-41.*
2. *Бабинцев В.П., Давтян В.Г. Гражданский контроль в практике местного самоуправления: социокультурный аспект // Власть. 2016. № 2. С. 29-34.*
3. *Бабинцев В.П., Юркова О.Н. Неформальные практики в муниципальном управлении // Среднерусский вестник общественных наук. Т. 11. 2016. № 2. С. 79-85.*

Колесникова Ольга Николаевна,

ФГБОУ ВО "Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Социальная политика социального государства: аспекты взаимодействия и развития

Особым типом современного государства, в котором обеспечивается высокий уровень социальной защищенности всех граждан посредством активной деятельности государства по регулированию социальной, экономической и других сфер жизнедеятельности общества, установлению в нем социальной справедливости и солидарности является социальное государство. Оно регламентирует уровень сближения целей и отношений государственных институтов и общества. Социальное государство поводит социальную политику как систему государственных мер для обеспечения благосостояния и развития населения, повышения уровня и качества его жизни. Важнейший закон политики – при достижении цели не навреди тому социальному целому, включая внутреннюю природу человека, и окружающую среду, в рамках которой совершается политическая деятельность, иначе, может наступить возмездие. Это означает, что необходимо осуществлять социальную политику в рамках общечеловеческих моральных норм и правил, данных социальных условий, а так же природных возможностей. О необходимости появления рациональной социальной политики писал в своих трудах П.А. Сорокин. Так, он указывал: «социальная политика подобна прикладной медицине, должна быть системой рецептуры, указывающей точные средства для борьбы с социально-психическими болезнями, для рациональных реформ во всех областях общественной жизни (в экономической, политической, правовой, религиозной, научной, педагогической и т.д.) для наилучшего использования социально-психической энергии. Она должна быть опытной системой индивидуальной и общественной этики как теории должного поведения» [1]. С точки зрения концептуальной формулировки сущностных базовых основ, уяснения

структуры и направленности, взаимодействия и взаимовлияния с другими направлениями политики социальная политика наиболее сложная и трудная. Современное понимание основ социального развития исходит из того, что социальная политика должна быть направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В связи с этим, важным является охрана труда и здоровья людей, установление гарантированного минимального размера оплаты труда, обеспечение государственной поддержки семьи, материнства и детства, инвалидов и пожилых людей, развитие системы социальных служб, установление государственных пенсий и иных гарантий социальной защиты. Поэтому Ж.Т. Тощенко определяет подход к концепции социальной политики – от человека до общества в целом. Он считает, что перед социальной политикой на современном этапе стоят следующие задачи: обеспечение условий средств личного – каждого человека - устройство своей жизни, соответствующей общественным и индивидуальным представлениям о благополучии; комплекс научно обоснованных мер по обеспечению достойной жизни ближайшего окружения человека – семьи и близких; поддержка стремления человека к полнокровному и полноценному функционированию той социальной группы, к которой он принадлежит. Интересы человека смыкаются с интересами всего человеческого рода. Забота об общем благе - результат эффективного функционирования общества [2]. Социальная политика один из главных инструментов для реализации идей социального государства. Взаимосвязь проявляется в том насколько глубоко и полно государство проводит социальную политику и в какой степени социальная политика выражает интересы и потребности его граждан. Рассматривая социальную политику как сложное, структурированное, интегральное явление, искусство соединения человеческих интересов и государства целесообразно определять её в широком и узком смыслах. В широком она охватывает решения и мероприятия, которые затрагивают все стороны жизни членов общества, включая обеспечение товарами, жильем, услугами социальной инфраструктуры, рабочими местами, приемлемыми денежными доходами, благоприятными экологическими условиями и т.д. В узком - содержание социальной политики исчерпывается чисто социальными решениями и мероприятиями, связанными с поддержанием слоев общества, которые в силу своего специфического положения не в состоянии играть активную роль в условиях рыночных отношений (дети, пенсионеры, инвалиды, работники госбюджетных организаций), то есть это перераспределение на основе действующего законодательства финансовых ресурсов между различными группами населения, отраслями экономики с использованием механизмов государственной налоговой и бюджетной систем[3] . Каждое государство проводит свою социальную политику учитывает настоящее благосостояние социума, экономическое положение страны, цели, которые следует достигнуть на данном этапе и др. Развитие социальной политики России тесно связано с историческими особенностями и национальными традициями, менталитетом российского народа и др.

Инструменты социальной политики выбираются на основе экономического развития государства, предпосылок к экономическому росту, состояния экономики на данный момент. - Таким образом, государство становится социальным лишь тогда, когда реально действуют принципы социальной политики. Назначение ее заключается в достижении результатов и целей, связанных с улучшением социального и материального благосостояния граждан, повышением качества жизни людей и достижением в государстве общественно-политической стабильности, недопущением возникновения в нем очагов недовольства, протестного поведения населения.

Литература:

1. *Сорокин П.А. Система социологии. М., 1993. Т. 1, 2. 563 с.*
2. *Тощенко Ж.Т., Харченко С.В. Социальное настроение. М.,1996. 196 с.*
3. *Колесникова О.Н. Формирование системы социальной защиты населения в регионе экологического неблагополучия в 1990-е гг. (сравнительный анализ Алтайского края и Восточно-Казахстанской области) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. соц. наук (22.00.04)/ Колесникова Ольга Николаевна, - Барнаул, 2000.-23с.*

Комилова Замира Абдувалиевна,

Программа Европейского Союза по поддержке развития человеческого потенциала, Душанбе, Таджикистан

Социально исключенные группы в Таджикистане: миф или реальность?

Издавна общество устанавливало способы категоризации людей и дополняло его критериями соответствия к той или иной категории [1], приводившая к их исключённости. Радикальные изменения, происходящие в мире с начала XX столетия, связанные с конфликтами, индустриализацией, демографическими изменениями, а также хрупкостью экономики и системы социальной защиты стран привели к социальной нестабильности и ослаблению семейных связей, способствующие социальному отчуждению определенных групп населения. До недавнего времени понятие социальная исключённость применялось по отношению к безработным людям. В последнее время понятие расширяется: к категории исключенных относят самые различные группы: бездомных, зависимых от наркотиков и алкоголя, мигрантов, жертв торговли людьми и насилий, брошенных семей, «вторых жен», этнических меньшинств и прочих. Таким образом, «социальная исключённость» подразумевает состояние индивида неспособного полностью участвовать в экономической, социальной, политической и культурной жизни, а также процесс ведущий и сохраняющий такое состояние [2].

Изменения общества и отсутствие социальной стабильности создают факторы, способствующие ухудшению условий жизни населения и увеличению групп риска, приводящие к их уязвимости, а затем к исключению. Неодинаковое положение социальных групп в системе

общественных отношений, в структуре общества обусловливает и социально-экономическое неравенство, различия в возможностях удовлетворить свои потребности, наличие доступа к ресурсам общества. Одним из системообразующих факторов современного общества является его структуризация по критерию «включенность/исключенность». Понятие «исключение» появилось во французской социологии в конце XX столетия, как характеристика лиц, оказавшихся на обочине экономического прогресса [3]. Работа Р. Ленуара (1974) показала, что «исключение» приобретает характер не индивидуальной неудачи, неприспособленности некоторых «исключенных», а социального феномена, истоки которого лежат в принципах функционирования современного общества, затрагивая все большее количество людей [4]. В Таджикистане отсутствуют официально утвержденные исключенные группы населения. Однако, заняв по уровню бедности населения первое место среди стран СНГ (30.3%), то к исключенным группам можно отнести значительную часть населения страны. Прежде всего – сельское население (73.6%), имеющее большие показатели многодетности и одиноких женщин, а также женщин - возглавляющих домохозяйства [5]. Согласно данным Обследования по социальному отчуждению (ОСО-2012) каждый четвертый респондент, отметил что жизнь стала настолько сложной, что он не может найти выход. Так, 6.9% респондентов назвали себя исключенными. При этом, не наблюдается различий в данных между мужчинами и женщинами, а также в разных возрастных группах. Небольшая разница существует между городским (8.7%) и сельским населением (6.0%) [6]. Постороннего человека встречающегося впервые, зачастую судят по внешнему виду. В большинстве случаев, первоначальная реакция – это отнесение человека к заранее установленной категории исходя из признаков внешнего облика, способствующая предвзятому отношению. Наибольшее число респондентов (ОСО-2009) отметило, что предвзятое отношение к ним имело место на работе или в школе (24.2%). Следующими по значимости является предвзятое отношение незнакомых людей в общественном месте (18,5%) и родственников (15.6%). Возраст (14.2%), этническая или расовая принадлежность (11.8%) и пол (10.0%) являются причинами такого отношения [6]. Без сомнения, одной из проблем таджикского социума являются бытующие стереотипы о второстепенной роли женщины в семье и обществе. Из этих стереотипов вытекают многочисленные формы бытового насилия – от физических до психологических. Поскольку большинство таджикских женщин экономически не самостоятельны и зависят от мужа, они вынуждены терпеть с его стороны насилие и ограничение своих свобод. Примечательно, что при этом многие женщины проявляют само-дискриминацию, оправдывая нанесение побоев. По данным Агентства по статистике при Президенте РТ, 60% опрошенных женщин сказали, что «муж имеет право бить жену, если она спорит, уходит из дома, не предупредив его, или не смотрит за детьми» [7]. Кроме того, многие женщины считают, что муж имеет право ограничивать их доступ к образованию, трудоустройству, требовать от них

подотчетности и подчиненности. Таким образом, сами женщины воспринимают домашнее насилие как норму. Так, 18,8% женщин в возрасте 15-49 лет когда-либо испытывали физическое насилие со стороны супруга [5]. Несмотря на совершенствование социальной политики социальная защита исключенных групп до сих пор является серьезной проблемой Таджикистана. Действующая система социальной защиты дает возможность только выжить физически, но не предоставляет возможностей исключенным группам развивать свой потенциал [6]. Увеличивающая численность исключенных групп, остро нуждающегося в социальной защите, требует адресного подхода и внедрения комплексных мер, направленных на стимулирование и расширение их прав и возможностей.

Следовательно, исключенность приводит к недоиспользованию человеческого потенциала страны и замедлению экономического роста. В современных условиях приоритет социального государства отдается развитию человеческого капитала, а неготовность индивида решить первостепенные проблемы, способствует его исключенности.

Литература:

1. *Goffman, E., Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. London: Penguin Group, 1963.*
2. *Identifying Social inclusion and Exclusion, United Nations, 2016*
3. *Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. Т.II. Специальный выпуск: Современная французская социология, 1999. С. 140-156.*
4. *Lenoir R. Les exclus, un français sur dix. Paris: Seuil, 1974.*
5. *Таджикистан в цифрах, Агентство по статистике при Призиденте Республики Таджикистан, 2017*
6. *Проблемы социального отчуждения и развитие человеческого потенциала Республики Таджикистан: коллективная монография./Под ред. Р.М.Бабаджанова. – Душанбе: 2012. ООО "Фарзин 2012" – 168 стр.*
7. *Таджикистан: Медико-демографическое исследование 2012 года. Агентство по статистике при Президенте РТ. - Режим доступа: https://dhsprogram.com/pubs/pdf/SR203/SR203.RUS.pdf (02.05.2017), стр. 12.*

Кочкина Елена Викторовна,

Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Москва, Россия

Социально-экономическое неравенство в России: генезис и риторика

Россия является социальным государством, что закреплено в статье 7 Конституции. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года [1] среди целевых ориентиров были выделены следующие: - высокие стандарты благосостояния человека (ВВП на душу населения - 30 тыс. долл. США; средний уровень обеспеченности жильем - 100 кв. м на среднестатистическую семью). - социальное благополучие и согласие, институты экономической свободы и справедливости, развитие социальных институтов и социальная политика (создание в России общества равных возможностей; уровень абсолютной

бедности 6 – 7% и относительной – 15%; дифференциация населения по уровню доходов - 12 раз; охват бедного населения государственными социальными программами – 100%; рост удельного веса детей-инвалидов, получивших реабилитационные услуги в специализированных учреждениях для детей с ограниченными возможностями, в общем количестве детей-инвалидов до 50 - 60 процентов; решение в 2012 - 2015 годах проблемы беспризорности; решение к 2012 году проблемы обеспечения детей дошкольного возраста услугами дошкольного содержания и воспитания; полного удовлетворения потребности в постоянном постороннем уходе для пожилых граждан; преобладание семейных форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей; достижение уровня занятости инвалидов до 40 процентов от общего числа инвалидов; охвата детей в программами дополнительного образования до 70 и более процентов в 2010 - 2015 годах; формирование эффективной системы институтов, обеспечивающих поддержку и содействие социальной адаптации граждан, попавших в сложную жизненную ситуацию или находящихся в социально опасном положении). Однако, в реальности, российскую систему государственного управления в сфере распределительных отношений последние 25 лет можно метафорически охарактеризовать как цуцванг. С одной стороны федеральный бюджет не может обеспечить достаточных средств для оказания помощи и защиты бедным и нуждающимся граждан (матрица показателей с негативной динамикой включает до двухсот показателей). Поэтому в целях сокращения числа получателей помощи от государства каждый год вводятся новые уточненные критерии и требования «нуждаемости», «измерения бедности», уточняются ПМ и МРОТ, индексируются или замораживаются почти тысяча разнородных выплат и пособий, сокращаются категории граждан и пр. И всегда находится такой показатель или индикатор, который оказывается позитивным. С другой стороны, налоговая, семейная и политика в сфере оплаты труда, межбюджетных отношений [2] приводят к тому, что слой бедного и маргинального населения воспроизводится уже во втором поколении и фактически скоро удвоится, большинство качественных характеристик воспроизводства населения имеют скорее негативную динамику (за редким исключением отдельных показателей). Тем не менее структура и генезис формирования социального неравенства в России за период с 1991 года хорошо описан в фундаментальной науке. Еще десятилетие назад, было доказано, что сложившаяся структура избыточного социально-экономического неравенства оказывается тормозом для экономических процессов в России [3], и торпедирует сферу социального обеспечения, демографического воспроизводства и национальной безопасности как в среднесрочной, так и долгосрочной перспективе.

Состояние глубокого неравенства в России возникло не внезапно, в «одночасье». Под влиянием экономических процессов, начиная с периода 1990-х годов и по настоящее время произошла резкая дифференциации доходов населения, возникает интенсивная динамика: коэффициент фондов

за последние 30 лет увеличился в 5 раз [4]. Исследователи ИСЭПН РАН исходя из имеющихся данных описали и подробно проанализировали основные причины и генезис социального неравенства [5] – это высокая поляризация собственности , слабая судебная защита интересов наемных работников и фактический уход государства от принципов справедливости в сфере регулирования труда работников, при начислении и выплате заработной платы. Не выполняет государство и функцию гаранта при сборе налогов (государство не может проиграть корпорациям! без последующего исчезновения), отсутствие контроля за источниками сверх-доходов населения, «анти-семейная» система налогообложения с плоской шкалой НДФЛ.

Таким образом, мы наблюдаем амбивалентность конституционной риторики и социальной-экономической политики государства в пост-советский период. Действующая система законотворческого процесса в сфере социальной политики и разработки законопроектов социального блока ориентирована на законопроекты, выдвигаемые, исключительно одним из субъектов законодательной инициативы - Правительством РФ (за редким исключением, когда социальные законопроекты выдвигаются Президентом России) (статистический массив анализа включал 30 тыс. законопроектов базы АСОЗД Федерального Собрания РФ за период 1993-2017 гг.)[6]. Ситуация стала несколько меняться в связи с принятием в 2014 году закона о стратегическом планировании. Последние два года в рамках разработки Стратегии-2035 Минэкономразвития России проводит общественные консультации. Таким образом, «одноканальность» в разработке социальной политики несколько смягчается. Однако, вопрос о разработке и включении показателей социального развития в Стратегию социально-экономического развития Российской Федерации остается открытым.

Литература:

1. *Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 N 1662-р (ред. от 10.02.2017) <О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года> (вместе с "Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года")*
2. *Кочкина Е.В. Реформирование межбюджетных отношений в целях устойчивого социально-экономического развития субъектов РФ. Москва. 2014 г. – 136 с.*
3. *Шевяков А.Ю., Кирюта А.Я. Неравенство доходов как объект публичной политики /Социальное неравенство и публичная политика. Ред. Медведев В.А., Горшков М.К., Красин Ю.А. – М.: Культурная революция, 2007*
4. *Римашевская Н.М. Социальные проблемы в современной России и пути их решения/ Сборник материалов научно-практической конференции «Доходы, расходы и сбережения населения России: тенденции и перспективы» (25 сентября 2014 г.). ИСЭПН РАН, М. – 2014, с. 13-19*
5. *Кочкина Е.В. Семейное налогообложение vs. неравенства в России //Материалы III международной научно-практической конференции «Доходы, расходы и сбережения населения России: тенденции и перспективы». ИСЭПН РАН, М. – 2018, в печати.*
6. *Кочкина Е.В. Использование права законодательной инициативы при разработке законов в социальной сфере (1996-2012 гг.)// Журнал «Народонаселение», №1, 2013 г., с.98-105*

Краснов Алексей Юрьевич,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Социальная справедливость и профессиональная структура социального государства

Социальная справедливость – категория, связанная с культурой, этикой, моралью, правом, политикой, экономикой, во все времена волновавшая общество как уравнительное и распределительное начало, как воздаяние по делам и значимости людей. Ее корни тянутся из римского права, где она определяется как «постоянная и неуклонная воля воздавать каждому его право». Ее можно мыслить как ценность, как чувство совести и равновесия, направленное на поддержание стабильности; как благо, подкрепленное предельным смыслом существования человека и встречающееся в различных учениях [1,5,6]; как идею, связанную с соразмерным перераспределением общественного богатства и ограниченного ресурса. Она связанна с темой социального неравенства и построением социального государства [2,3,4]. На понимание социальной справедливости влияет социологическая парадигма, палитра левых или либеральных взглядов исследователей, их социальное положение. В любом обществе всегда есть имущие, которым посчастливилось быть причастным к успешным социальным структурам, иметь доступ к ресурсам, и зачастую они имеют неоправданно много. Неимущие же всегда имеют ощутимо недостаточно, что и представляет сущность социальной несправедливости и недовольства большинства. Социальная справедливость тесно связана с трудовыми позициями в социально-профессиональной структуре, так как труд всегда являлся и является источником любого богатства, развития и процветания. Очевидно, что любой, кто честно трудится, развивает общество, культуру, создает прибавочный продукт, блага, технологии должен справедливо вознаграждаться. Главным противоречием в социальном государстве видится создание, присвоение, удержание и перераспределение ресурсов между представителями различных профессий, а также вопросы мотивации, конкуренции и эффективности функционирования структур. Современные технологии постиндустриального общества создали новые ценности поколений и полов, бюрократии и предпринимателей. Современность предстала в виде либерально-демократического, капиталистического, информационного, урбанизированного, общества потребления, обличенного в форму национального государства, опирающегося на систему права, защищающего частную собственность, использующего открытия и изобретения, тесно связанные с информационными и технологиями, которые посредством мобильности позволяют быстро распространять образцы культуры, порождая социальные изменения. Важным аспектом стала рационализация, индивидуализация и феминизация труда. Появилось

огромное количество профессий, связанных с информационными технологиями, вытесняющих с нового рынка на периферию профессиональной структуры традиционные занятия. Современные общества существуют в формате национального государства, а, следовательно, социальная справедливость просто невозможна без сильной и последовательной социальной политики, определенной и выполняемой его органами. Даже ООН понимает под социальной справедливостью «честное и сострадательное распределение плодов экономического роста». Говоря о социальной справедливости в России, необходимо указать на тех, кто после развала СССР успел захватить ресурсы и тех, кто не успел, не смог или не захотел участвовать в захвате, присвоении и перераспределении по сущности чужого для себя национального богатства. В России уже около 25 лет продолжается процесс социального расслоения. За это время выросло новое поколение. Следует выделить ряд мер, связанных со справедливостью и построением социального государства в России. Для этого, так или иначе, было бы:

1. Справедливо пересмотреть результаты залоговых аукционов и приватизации 90-х годов.

2. Справедливо и методично перераспределять общественное богатство в изменившейся структуре, так как доля сверхбогатства, сосредоточенного в руках небольшого числа миллионеров и миллиардеров порождает социальную напряженность в обществе.

3. Справедливо оценивать и корректировать оплату труда топ-менеджеров в частных фирмах и крупных корпорациях.

4. Ввести справедливую прогрессивную шкалу налогообложения, так как плоская шкала подоходного налога в 13% несправедлива по своей сути и является основным недостатком капитализма в России.

5. Справедливо и реально поддерживать семьи с несколькими детьми, чьи жизненные шансы весьма ограничены, что ставит под угрозу человеческий потенциал будущего России.

6. Принять справедливые законы, ограничивающие владение сверхбогатством, перераспределяющие сверхприбыли, вывод ресурсов, а также специальный дифференцированный налог на наследство.

7. Культивировать социальную солидарность, без которой невозможна никакая справедливость. Если человек не рассматривает общество, в котором живет, как нечто свое родное, общее, у него никогда не возникнет это чувство.

8. Обеспечить справедливые и равные стартовые возможности для всех граждан России в изменяющейся социальной и профессиональной структуре.

Решением проблемы социальной справедливости в России должно стать построение реального социального государства, а не декларируемого, где у граждан есть равные права, возможности, гарантии и относительно равные жизненные шансы. Социальная справедливость с социально-философской точки зрения - это признак цивилизованности общества [7,8]:

чем оно цивилизованнее, тем относительно ниже в нем социальное неравенство, а, следовательно, выше уровень социальной справедливости.

Литература:

1. *Алексеева Т.А. Справедливость: Морально-политическая философия Дж. Роулса. М.: Наука, 1992;*
2. *Дашкевич В.В. Развитие идеи социального государства. / В.В. Дашкевич // Гуманитарные и социальные науки. - 2010. - №4. - С. 204-210.*
3. *Завьялов В. Развитие социального государства в России. / В. Завьялов. // Обозреватель. - 2008. - №7. - С. 15-22.*
4. *Затонский В.А. Социальная государственность: понятийно-правовое осмысление. / В.А. Затонский // Современное право. - 2006. - №4. - С. 18.*
5. *Кашников Б.Н. Либеральные теории справедливости и политическая практика России. Вел. Новгород, 2004. С. 35.*
6. *Канарш Г.Ю. Социальная справедливость с позиций натурализма и волюнтаризма // Знание. Понимание. Умение. - 2005. - № 1. С. 102-110.*
7. *Каргалова М.В. Социальное государство - неотъемлемая часть современной цивилизации. / Сборник «Социальное государство: концепция и сущность». - М.: ИЕ РАН - издательство «Огни». - 2004. - С. 14.*
8. *Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, изд-во НГУ, 1995.*

Кузьмина Арина Дмитриевна,

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

Развитие тенденции стареющего населения и модернизация пенсионной системы.

В России старение населения до сих пор воспринимается, прежде всего, как угроза стабильности пенсионной системы и тормоз экономического развития, вызывает радикальные изменения в демографической, социальной структуре общества, в системах производства, распределения и потребления, влияет, в конечном счете, на положение всех социальных групп и слоев. В связи с увеличением доли пожилых людей в российской экономической литературе большое внимание уделяют вопросу об изменении возраста выхода на пенсию. Большинство авторов склоняются к тому, что старение населения и ограниченные бюджетные возможности пенсионных систем делают его повышение неизбежным. Правительство РФ предлагает два решения данной проблемы: повышение возраста выхода на пенсию и повышение пенсионных отчислений трудоспособных граждан. ФОМ провел специальное исследование на тему: «Пенсионный возраст и доходы на пенсии» от 12.11.2015, где по изучаемой проблеме были получены следующие данные: большинство опрошенных респондентов (65%) считает, что выходить мужчинам на пенсию в 60 лет это самое оптимальное время, большинство отметило (62%), что самый оптимальный возраст выхода на пенсию женщин 55 лет, также 75% считают, что женщины должны выходить на пенсию раньше мужчин. На вопрос «Какой из трех способов решения этой проблемы вы сочли бы наиболее приемлемым: сократить размер пенсий, повысить пенсионный возраст или повысить отчисления в пенсионную систему с зарплат работающих?», 51% респондентов выбрал вариант

«повышение отчислений в пенсионную систему», 34% затруднились ответить, 13% выбрали «повысить пенсионный возраст», а остальные понизить пенсии. Эти ответы были подкреплены следующими мнениями: «Нельзя снижать пенсии, они и так маленькие», «Нельзя повышать пенсионный возраст, многие болеют, не доживают до пенсии», «Многие пенсионеры продолжают работать, они работоспособны», «Нужно обязать работодателей платить официальную зарплату, все должны делать пенсионные отчисления» и др [2]. Официальный выход на пенсию кардинально меняет место человека в обществе, его социальный статус, возможности, уровень доходов, образ жизни и состояние здоровья. Резкое снижение уровня жизни, маленькие пенсий, платность медицинского обслуживания, без сомнений ухудшили положение российских пенсионеров, сделав их одним из самых социально незащищенных слоев населения. Вынужденные адаптироваться к новым условиям очень многие пенсионеры, несмотря на возраст, стремятся вновь трудоустроиться на посильную для них работу, чтобы улучшить свое материальное положение. Одним из предложений по устранению этой социальной несправедливости является – повышение возраста выхода на пенсию. Ключевым аргументом сторонников реализации данной меры в нашей стране служит то, что во многих развитых странах возраст выхода на пенсию более высокий, чем в России. Рассмотрим этот аргумент подробнее. Для сравнения возьмем несколько разных стран как с относительно молодым населением (Польша, продолжительность жизни – 76 года, возраст выхода на пенсию – 67/67), так и с самым старым (Италия, продолжительность жизни – 82 года, возраст выхода на пенсию – 66/66), а также давно стареющие страны с относительно высокой рождаемостью (Швеция, продолжительность жизни – 82 года, возраст выхода на пенсию – 65/65) [1]. Действительно, в большинстве сравниваемых стран «нормальный» (не минимальный или льготный) возраст выхода на пенсию в настоящее время заметно выше, чем в России (продолжительность жизни – 71 года, возраст выхода на пенсию – 60/55), и во многих из них планируется его повысить в дальнейшем. Сейчас у мужчин он ниже российского только в Индии (продолжительность жизни – 66 года, возраст выхода на пенсию – 58/58), а у женщин он и там выше, чем в России, хотя известно, что продолжительность жизни женщин гораздо выше, чем у мужчин и во многих странах их пенсионный возраст не уступает пенсионному возрасту мужчин. Вся медицина нацелена на увеличение продолжительность жизни людей и улучшения состояния их здоровья, а также подвижности в зрелом возрасте. По прогнозам ученых средняя продолжительность жизни населения будет неуклонно возрастать, и в силу того, что условия жизни становятся постепенно лучше, и потому, что стремление жить дольше свойственно людям. Из этого вытекает острая необходимость срочной подготовки к «безболезненному» принятию обществом, экономикой результатов социально-экономических изменений в нашей стране, а также происходящих изменений в мировой демографической структуре. Главной задачей этой подготовки станет создание эффективной системы кардинального

обновления профессиональных знаний, переобучения и использования дополнительных высококвалифицированных трудовых ресурсов с большим практическим опытом, имеющих, несмотря на свой возраст, здоровье, для прохождения нормальной вузовской переподготовки и продолжения трудовой активности. Ведь принятие этой меры во многом неоднозначно, во-первых, рынок труда для пожилых людей в России развит слабо, во-вторых, катастрофически мало мест в детских садах, поэтому дабы помочь детям, родители после выхода на пенсию нянчатся с внуками, в-третьих, плохо развиты услуги по социальному обслуживанию. Иначе говоря, уже сегодня необходимо начинать создавать (точнее - учиться создавать) инфраструктуру существенно более длительной трудовой жизни людей.

Литература:

1. *Вишневский А.Г., Васин С.А., Рамонов А.В. Возраст выхода на пенсию и продолжительность жизни [Электронный ресурс] // URL: http://www.perspektivy.info/misl/cenn/vozrast_vyhoda_na_pensiju_i_prodolzhitelnost_zhizni_2016-12-17.htm (дата обращения: 25.01.18)*
2. *ФОМ [Электронный ресурс] // URL: http://fom.ru/Ekonomika/12339 (дата обращения: 21.01.18)*

Кутепова Наталия Ивановна,

Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", Москва, Россия

Государственный патернализм в практике социального государства: отечественный и зарубежный опыт

Без государственного патернализма невозможна реализация принципа справедливости – основного принципа социального государства. Но формы, в которых проявляется патернализм, специфичны для разных стран.

Если проанализировать этапы становления социального государства в ведущих странах мира: от Бисмарка, заложившего фундамент системы социального страхования, к системе социального обеспечения, наконец, к социальной защите, включающей систему отраслей социальной инфраструктуры, - то можно проследить, как социальная политика превращалась в приоритет для экономической политики государства, как укреплялась забота государства обо всех гражданах. Именно в этом – в опеке старших над младшими, в отеческой заботе - и состоит подлинный смысл самого понятия «патернализм». При этом развитие социальной сферы все в большей степени становилось необходимым условием научно-технического прогресса, экономического роста.

Этот опыт, а еще больше наш отечественный опыт опровергают постулаты об экономической невозможности и политической нецелесообразности всеобщего государственного патернализма, утверждения о том, что высокий уровень социальной защищенности препятствует повышению эффективности экономики, приводит к падению стимулов к

труду (в частности многочисленными исследованиями, в том числе проведенными в США, доказано, что повышение степени социальной защищенности, гарантии стабильной занятости в большей степени формируют мотивацию к творческому, интеллектуальному труду, чем материальные стимулы.

Для России особенно характерно соответствие патернализма в социальной политике системе ценностей, психологическим установкам (во многом свойственным традиционному обществу) значительной части населения, разделяющей принципы солидарности, взаимопомощи, коллективизма.

Эти установки позволили в 90-е годы прошлого века в условиях резкого спада избежать массовых увольнений работников. Социологические опросы предпринимателей в различных регионах на предприятиях с разными формами собственности показали, что предприниматели, избегая массовых увольнений, руководствовались разными мотивами: сочувствием к положению работников, уважением к их заслугам, необходимостью сохранить трудовой коллектив для будущего подъема. Не было массовых увольнений и в 2009 г., несмотря на отсутствие административных запретов на увольнения по экономическим причинам.

Социологические обследования, проводившиеся в 90-е годы, показали, что не исчезли установки, присущие традиционному обществу. Например, у многих категорий работников по-прежнему сохранялись весьма скромные представления об обеспеченности, относительно умеренные потребности. Вследствие этого эффект дохода, то есть достижение определенного достатка, при котором работник все больше начинает ценить свободное от работы время, для многих категорий рабочей силы на российском рынке труда наступает при довольно скромных заработках (в сравнении с заработками работников соответствующих профессий и квалификаций в странах с развитой рыночной экономикой).

Относительная слабость материальных стимулов в предложении труда для отдельных групп предопределяет иррациональные, с точки зрения теории рынка, мотивы формирования предложения труда.

В условиях, когда для большинства работающих заработная плата не выполняет ни воспроизводственной, ни стимулирующей функции, проявлением патерналистских установок стал труд многих категорий занятых, прежде всего специалистов высокого класса (инженеров, конструкторов, ученых, врачей, квалифицированных рабочих), продолжающих, несмотря на материальные лишения и падение престижа научного, педагогического труда, труда квалифицированного рабочего, работать практически в режиме гражданского подвига.

Доминирование прежних базовых ценностей, подтвердили исследования, проведенные Институтом комплексных социальных исследований и Институтом социологии РАН 2007 г. Они показали, что основной социальной установкой подавляющего большинства является не

общество индивидуальной свободы с присущим ему социальным расслоением, а общество, в котором соблюдается социальное равенство.

Те же тенденции подтвердили недавние исследования Института социологии РАН: общественный запрос на справедливость, понимаемую как равенство возможностей, жизненных шансов, неприятие большинством несправедливого общества.

Итак, неприятие государственного патернализма, его искаженная трактовка – это не только игнорирование зарубежного опыта стран с развитой рыночной экономикой, относимых к числу социальных государств, но и отказ от изучения и использования отечественного опыта, в том числе постсоветского. Именно установки значительной части населения, разделяющей принципы солидарности, взаимопомощи, коллективизма, помогли в 90-е годы прошлого века предотвратить полное разрушение производственного потенциала страны. Будущее динамичное развитие общества невозможно без преодоления социальных контрастов, «новой нищеты», то есть без государственного патернализма.

Лебедева Людмила Геннадьевна,
Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия

Социальная (не)справедливость и (не)равенство в дискурсе преемственности поколений россиян

Российское общество находится перед необходимостью выбора дальнейшего пути развития или в либерально-рыночном, или этатистско-дирижистском русле, или в каком-то «среднем», «смешанном» варианте. В связи с этим предстоит осмысливать и решать многие вопросы, среди которых – соотношение и взаимосвязь социальной (не)справедливости и социального (не)равенства, государства и гражданского общества, государственного и рыночного регулирования, традиционных (консервативных) и модернистских элементов в дальнейшем развитии общества, взаимодействия и преемственности (диалога и конфликта) поколений. Решать эти вопросы (важные сами по себе) необходимо не только по отдельности, но и в комплексе, во взаимосвязи друг с другом. При этом неизбежен и вопрос о «центре тяжести» в этом комплексе вопросов. Видимо, центр тяжести зависит от «набора» поставленных вопросов и от дискурса их рассмотрения. В данном случае предметом анализа избрана проблема социальной (не)справедливости и социального (не)равенства в политике государства в дискурсе преемственности российских поколений советской и постсоветской эпох. Как известно, представления о социальной (не)справедливости присутствуют у всех народов и при этом довольно схожи. Социальная справедливость, таким образом, входит в круг социально-культурных универсалий человечества [1, с. 95]. Но несомненно, что

представления о социальной (не)справедливости несут на себе отпечаток конкретного социума в конкретных социально-исторических условиях. Проблема социальной (не)справедливости в связке со свободой и (не)равенством в современном обществе проявляет всё новые грани и смыслы, вызывая новые споры. Важные аспекты этой проблемы основательно проанализировал Ф.А. фон Хайек, размышляя о свободе и тоталитаризме, о справедливости и равенстве, о рыночном (либерально-капиталистическом) и плановом (государственно-социалистическом) регулировании экономики в дискурсе индивидуализма и коллективизма [8; 9]. Размышления Ф.А. фон Хайека, однако, не бесспорны. Так, с одной стороны, по признанию самого Ф.А. фон Хайека, он пришёл к выводу, что «термин «социальная справедливость» лишен всякого смысла» [9, с. 167]. С другой стороны, Ф.А. фон Хайек признавал, что ещё для античных авторов, чьи идеи составляют основу современного идеала свободы, «общественная польза и справедливость были одним и тем же» [9, с. 170]. Российское общество оказывает сопротивление классическому либерализму, ставящему под сомнение смысл социальной справедливости. Россияне продолжают связывать правильное (справедливое) устройство общества с социальной справедливостью, с равными правами для всех, с сильным государством, заботящимся о своих гражданах [3, с. 154]. Российское общество противится крайностям либерализма с его отрицанием социальной справедливости. Россиянам ближе позиция, сформулированная Джоном Ролзом: законы и институты, даже при их эффективности и успешном устройстве, «должны быть реформированы или ликвидированы, если они несправедливы» [5, §1]. Думается, одним из объяснений уничижительного отношения идеологов крайнего либерализма к социальной справедливости является преувеличение прагматических аспектов в их научной позиции. Так, по признанию американского учёного Д. Тросби, проблемы справедливости (справедливого распределения) играют второстепенную роль в мышлении множества экономистов, если вообще их беспокоят. Экономическая наука в западном мире по преимуществу занята вопросами эффективности экономики и «гораздо меньше озабочена вопросами равенства или справедливости в работе экономических систем» [7, с. 9]. Российские социологи, опираясь на общественное мнение, всё настойчивее ставят вопрос о необходимости «преодоления рыночного прагматизма в его крайних формах, создающих критическую массу конфликтности в нашем обществе» [2, с. 927]. При этом чрезмерное социальное неравенство людей, прежде всего, в доходах, оценивается в общественном мнении (сознании) россиян как несправедливое [4, с. 19]. Признание необходимости социальной справедливости в прямой связи с равенством возможностей без громадного неравенства доходов является важным элементом идентичности россиян разных поколений [3, с. 157]. Поэтому социальная справедливость для сограждан всех поколений должна быть естественным ориентиром в политике российского государства как реализация на деле социальности государства [10, с. 38]. По оценке некоторых учёных, в ближайшем будущем российская общественная система

вступит в фазу трансгрессии (соответственно, перехода в новое качество), и появится новая структура для нового социального порядка, основанного на новых критериях социальной справедливости [6, с. 870]. Идея о появлении новых критериев социальной справедливости заслуживает поддержки, но она требует определённой конкретизации в русле диалектической связи и преемственности российских поколений. Необходим, в целом, переход от представлений о социальной справедливости и равенстве, о социалистическом государстве советской эпохи к представлениям о социальной справедливости и равенстве, о социальном государстве в постсоветскую эпоху. Утверждение на практике современного социального государства (как конституционного требования) и «смешанной экономики» с регулированием параметров социального (не)равенства в оптимальных размерах является закономерным и необходимым для реализации в России идеи социальной справедливости, справедливого общественного устройства.

Литература:

1. *Вебер А.Б. Социальная справедливость и развитие // Свободная мысль. 2015. № 5. С. 95-108.*
2. *Возьмитель А.А. Социальная справедливость в советской и постсоветской России // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года) [Электронный ресурс]. Материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В.А. Мансуров. Электрон. дан. М.: Российское общество социологов, 2016. С. 918-928.*
3. *«Идеальное общество» в мечтах людей в России и в Китае: [монография] / [М.К. Горшков и др.]; отв. ред. М.К. Горшков, П.М. Козырева, Ли Пэйлинь, Н.Е. Тихонова; Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф, 2016. 424 с.*
4. *Мареева С.В. Справедливое общество в представлениях россиян // Общественные науки и современность. 2013. № 5. С. 16-26.*
5. *Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. 821 с.*
6. *Струк Е.Н. Социальная справедливость в состоянии социального предела современного общества // В сборнике: Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость: Материалы V Всероссийского социологического конгресса. Российское общество*
7. *Тросби Д. Экономика и культура / пер. с англ. И. Кушнаревой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 256 с.*
8. *Хайек Ф.А. фон. Дорога к рабству: Пер. с англ. / Предисл. Н.Я. Петракова. М.: Экономика, 1992.*
9. *Хайек Ф.А. фон. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева под ред. А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2006. 644 с.*
10. *Lebedeva L. The welfare state as a value in the discourse of the succession of generations // Slovak international scientific journal. 2017. № 12 (12). P. 36-38.*

Левина Екатерина Андреевна,
студент, Москва, Россия

Социальное государство: справедливость и эффективность. Стратегическое планирование реализации принципов социального государства.

Данная тема очень актуальна на сегодняшний день. Люди всего мира стремятся к равноправию и повышению социальных и экономических гарантов, для улучшения условий существования. Если правильно спланировать и реализовать принципы социального государства, то можно заметно улучшить экономическое положение населения России. Социальное государство- государство, в котором политика направлена на перераспределение материальных благ в соответствии принципа социальной справедливости[1], где блага распределяются равномерно между гражданами и благодаря этому происходит устранение конфликтов среди населения, повышается заинтересованность людей в помощи нуждающимся. Рассмотрим основные принципы социального государства и их стратегическое планирование[2]. 1.Экономическая свобода человека. Данный принцип позволяет гражданам придерживаться совокупности конституционных прав, которые определяют юридические возможности человека в экономической сфере. Человек волен сам выбирать сферу наемного труда и предпринимательства, но граждане должны понимать, что сферы деятельности должны развиваться равномерно, чтобы не происходило «застоя» в одних сферах и перенасыщения в других [2]. Так же для сбалансированного развития экономики России в целом, регионы страны должны развиваться динамично и предоставлять рабочие места для реализации потенциала молодого населения. Для улучшения данного принципа, можно применить следующие методы стратегического планирования: - проводить свод анализ о востребованности профессий; - развивать регионы России и дать понять молодежи, что они должны принимать участие в развитии своего родного края; - снизить миграцию из регионов (предоставить программы помощи молодому населению, сниженные цены на жилье, социальные льготы). 2.Доверие к регулирующий роли рынка. Государство с помощью цен, тарифов, налогов, субсидий и других средств должно постоянно следить за состоянием экономики и социальной жизни населения, за недопущением полной коммерциализации отраслей социальной сферы и принимать действенные меры для развития эффективного социального рыночного хозяйства[3]. Благодаря следующим мерам можно повысить доверие к рынку: - государство должно оказывать поддержку отраслям, которые обеспечивают население товарами и услугами; - следует разработать нормативно-правовую базу социальных нормативов. 3.Развитие и экономическая эффективность социального рыночного

хозяйства. Данный принцип призывает к созданию механизма государственного надзора за действием рыночных сил. Чувство взаимопомощи у людей развито сильно и на этом государство может обеспечить достойную социальную политику. Для развития данного принципа следует применить следующие действия: - устранить допущенную раздробленность населения из-за принятия некорректных реформ; - ввести преобразования, которые положительно скажутся на материальном положении граждан; 4.Принцип социальной справедливости и солидарности общества. Обеспечивается на основе развития акционерной собственности, а так же перераспределения налогов от богатых к бедным, помощь трудоспособного населения, людям, которые являются недееспособными. Для полного функционирования данного принципа, нужно соблюдать следующие пункты: - нужно устранить допущенную государством в ходе реформ раздробленность по социальным признакам население, в случае, если население подумает, что государство не может изменить сложившуюся ситуацию, граждане пойдут на политические изменения, которые в дальнейшем принесут улучшение социальных условий; - устранение правовым путем конфликтов, которые способны внести дисбаланс в социальную жизнь общества; - развитие и укрепление социального партнерства; 5.Принцип гендерного равенства женщин и мужчин. Данный принцип обеспечивает равенство мужчин и женщин в равной оплате труда за одинаковый труд, представительство в органах государственной власти . Для повышения эффективности данного принципа стоит учитывать: - биологические особенности женщин, которые нужно учитывать при приеме на работу; - прививать с детства принцип равенства мужчин и женщин, чтобы в дальнейшем избежать таких социальных конфликтов как насилие, унижение и издевательство над женским полом; - сделать все профессии пригодными для женщин. 6.Принцип участия работников в управлении производством и распределении, в общественной и государственной жизни, развитие системы тарифной автономии и социального партнерства[3]. Для реализации данного принципа государство должно быть полностью демократичным и социальным: - нужно привести нормативно-правовую базу в полное соответствие с целями, принципами и требованиями социального государства; - нужно добиться взаимопонимания между работодателями, работниками и государством; - создание профсоюзов; - влияние профсоюзов на наемного работника и членов его семьи. Социальное государство призвано законодательно создавать условия для экономическ5ой свободы населения. В наших с Вами руках сделать так, что бы население нашей страны было сплоченным, ни в чем не нуждающимся и процветающим.

Литература:

1. *Кочеткова Л.Н. Социальное государство: опыт философского исследования // Учебное пособие. 2016. С. 44-47.*
2. *Синюков В.Н. Обеспечение прав и свобод человека в современном мире// Учебное пособие. 2017. С. 10-14.*
3. *Сулакшин С.С. Государственная экономическая политика России// Учебное пособие. 2013. С. 32-36*

Лукьянов Кирилл Юрьевич,
Социологическая лаборатория региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО "Иркутский государственный университет", Иркутск, Россия

Проблемы эгалитарности системы дополнительного образования детей

Проблема доступности и равенства в образовании по-прежнему остается актуальной. На современном этапе общественного развития обучение приобрело массовый характер, школа и другие образовательные структуры - реальные социальные институты, выступающие инструментом социальной мобильности. Тенденции касаются и системы дополнительного образования детей. Программа доступности дополнительного образования активно обсуждается и регламентируется законодательством. Указом Президента Российской Федерации №599 от 7 мая 2012 г. «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» перед страной была поставлена цель: к 2020 году вовлечь 70-75% детей в возрасте от 5 до 18 лет в занятия по дополнительным образовательным программам. Так, эгалитарная педагогика обеспечивает равные возможности в образовании для всех и его единообразие.

С одной стороны, процесс весьма обоснованный и представляющий возможность вариативности обучения. Также стоит понимать, что современная ситуация в системе допобразования отличается от системы во времена советского образа жизни. Дополнительное образование становится социокультурной практикой неформального образования. С другой стороны, появление образовательных структур негосударственного сектора зачастую представляют собой профанирование таких задач допобразования как развитие личности и приобретение социального опыта. Множественные подвальные детские клубы по интересам, частные кружки, «школы интеллектуального развития» создают иллюзию всезнания («обучение всех всему»). При этом, происходит переходит к функциям сферы услуг. По данным различных исследований, родители при выборе часто отдают предпочтение обеспечению психологического комфорта ребенка, нежели его развитию. Проблемы внеурочной занятости в частных и негосударственных учреждениях сохраняют и обостряют вопрос дифференциации образования. Финансово более обеспеченные участники образовательных отношений имеют возможность пользоваться, с их точки зрения, более «качественными» (дорогими) услугами допобразования.

Помимо этого, постепенно включение детей в систему допобразования становится социальной обязанностью родителей. Образовательная система

все больше несет на себе признаки конвейерной организации труда (по О. Тоффлеру): «детский сад-школа+допобразование, внеурочная деятельность-учреждение профессионального образования». С точки зрения концепций «человеческого капитала», это процесс накопления колоссального социального опыта и личностных навыков. В то же время, имеет место исключение психологизма, нивилирование уникальной личности ребенка. Спецификой выбора направления дополнительного образования является заметный вес такого фактора, как интерес (способности) самих родителей в определенной области или нераскрытость детских талантов.

Таким образом, эгалитарность дополнительного образования ввиду роста негосударственного сектора в этой сфере обеспечивает унификацию жизненного опыта. Цель такой политики - выравнивание по результатам, т.е. вовлеченность большинства детей в систему дополнительного образования, а не по качеству.

Магомедов Керем Османович,
РАНХиГС, Москва, Россия

Справедливость как социальный фактор в обеспечении эффективности работы государственных гражданских служащих

Для анализа современных процессов в сфере государственного управления России категория «справедливость» в ее конкретно-социальном выражении имеет особое значение. Как социально-философская категория, справедливость отражает качественную сторону состояния морально-правового и социально-политического сознания и применима и для исследования сущностных аспектов конкретно-исторической личности субъекта жизнедеятельности (системы его ценностей, ориентационных моделей поведения, мотивационных структур и т.п.), и для анализа состояния общественной системы, распространенности тех или иных общественных норм и ценностей, взаимоотношений между индивидами, взаимодействия различных межиндивидуальных и межгрупповых интересов. Применение этой категории для анализа реальных процессов и явлений переводит ее в предметную область социологии, которая и наполняет её конкретным содержанием. В этом своем качестве справедливость рассматривается как определенный социальный принцип общественных отношений, имеющий совершенно определенный уровень реализации в конкретном обществе. Принцип социальной справедливости должен обладать свойством универсальности, т.е. охватывать все сферы общественной жизни, иначе выборочное его применение не дает устойчивых характеристик. В частности, для решения современных задач реформирования и развития системы государственного управления и государственной гражданской службы, в первую очередь, это условие имеет огромное значение. Рассматривать

проблему социальной справедливости применительно к сфере государственного управления нужно по следующим структурным основаниям: 1. установление и практическая реализация принципа социальной справедливости применительно к совокупности разнообразных социальных отношений и взаимодействий в сфере государственного управления (включая взаимодействие государства и общества, или, более предметно, государственных органов и государственных гражданских служащих с населением, социальными группами, гражданами и т.д.); 2. формирование в системе государственного управления, в институте государственной гражданской службы механизма реализации социальной справедливости как необходимого условия функционирования социально-субъектного носителей властных и управленческих полномочий государства – государственных гражданских служащих и их личностного развития в соответствии с потребностями общества в эффективном государственном управлении. Справедливость как социальный фактор в системе государственной власти и управления может рассматриваться только в единстве социальных свойств своего проявления, так как справедливость в сфере государственного управления реализуется посредством комплекса внутренних и внешних (в плане функционирования института государственной гражданской службы) отношений и взаимодействий, осуществляемых социальными субъектами государственного управления – государственными гражданскими служащими. В социально-субъектной среде государственной гражданской службы формируется нравственное ядро обеспечения справедливости, на базе которого воспроизводится социально-институциональная платформа «справедливой власти». Служебная деятельность государственных служащих регулируется не только правовыми нормами, регулирующими функционирование государственной службы как государственно-управленческого института, но и социально-институциональными компонентами, к которым можно отнести нравственные основы государственной службы и этические нормы служебного поведения государственных служащих. Поэтому нравственные аспекты служения государству и обществу в российской традиции всегда занимали особое место. Именно это во многом определяет важность такого социального фактора, как справедливость (реализуемая в системе государственного управления) в обеспечении эффективности работы государственных гражданских служащих. Проводимые социологической группой ИГСУ РАНХиГС в режиме социологического мониторинга исследования проблем государственного управления в России показывают, что острота проблемы нравственности в среде государственных служащих довольно велика: в 2017 году существование такой проблемы с признанием той, или иной меры ее остроты отметило подавляющее большинство респондентов (82,1% из них) и экспертов (88,6%); в исследовании 2009 года среди респондентов 83,8% признали наличие данной проблемы. Это говорит о том, что проблему нравственности в среде государственных гражданских служащих, длительное время сохраняющую свою актуальность, необходимо

всесторонне изучать и учитывать ее наличие в структуре более общей проблемы обеспечения справедливого государственного управления, в том числе, с участием общества. Например, данные исследования 2017 года показывают, что значительная часть и респондентов, и экспертов (по 2/5 в каждой категории) выделяют общесоциальную природу этой проблемы, и еще почти столько же из них указывают на ее комбинированный характер – равная степень значимости и для государственной службы, и для общества в целом. Примечательно, что узкопрофессиональной проблему нравственности в среде государственных служащих считает явное меньшинство участников исследования. Это свидетельствует о том, что эффективно регулировать вопросы нравственности в системе государственной службы, которые влияют на соблюдение принципа справедливости в государственном управлении, можно только с участием общественных структур и с применением социально-нормирующего воздействия институтов общества.

Манина Валерия Алексеевна,
ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный аграрный университет", Оренбург, Российская Федерация
Василевская Елена Александровна
СФ ГАОУ ВО МГПУ, Самара, Россия

Формирование социально-психологического капитала как условие эффективного социального государства

Одной из главных принципов социального государства является принцип социальной справедливости, который включает в себя не только равенство всех граждан перед законом, но и высокий уровень социальной защищенности и достижение каждым членом общества достойного уровня жизни. Данные позиции невозможно реализовать без формирования человеческого, а точнее социально-психологического капитала.

Понятие «капитал», в настоящее время, вызывает особый интерес у психологов, поскольку оно, как отмечает А.Н. Татарко, «по своей сути психологично». Следует отметить, что большинство исследований, посвященных понятию «социальный капитал», относятся к социологии (Г.В. Градосельская, И. Мачеринскене, Р. Минкуте-Генриксон и др.) и «интеллектуальный капитал» к экономике (В.В. Радаев, М.В. Курбатова, Г.В. Рожков и др.). С учетом данного обстоятельства, изучение капитала в рамках психологии может оказаться весьма важным. С середины XX в. понятие «капитал» приобрело междисциплинарный статус в силу того, что оно довольно хорошо отвечает необходимости всестороннего анализа различных факторов (в том числе и социально- психологических) эффективности экономики. В настоящее время в терминологический аппарат современных

социальных и гуманитарных наук довольно прочно вошли понятия, обозначающие различные формы капитала: «человеческий капитал», «интеллектуальный капитал», «культурный капитал», «социальный капитал», «психологический капитал». Некоторые из вышеперечисленных форм капитала операционализированы, т.е. для их измерения разработаны различные виды инструментария [2]. Для того, чтобы рассмотреть понятие «социально-психологический капитал», хотелось бы подробнее остановиться на понятиях «социальный капитал», «интеллектуальный капитал», «психологический капитал».

При изучении интеллектуального капитала, с одной стороны рассматривается запасы знаний, с другой стороны – потоки знаний и их направленность. Считается, что информации об имеющемся запасе знаний недостаточно, точнее, только самих знаний недостаточно, чтобы создать какую-либо ценность. Знания еще должны свободно циркулировать по организации, должен быть свободный обмен знаниями [3]. Так, с позиции социальной психологии, социальный капитал представляет собой единство объективных отношений и субъективного отношения к этим отношениям. Ценность социальных связей для личности и превращает их в социальный капитал в психологическом значении. Таким образом, ценностью могут быть не только материальные вещи. Отношения сами по себе могут являться ценностью и поэтому являться ресурсом [4]. Авторы приходят к заключению, что социальный капитал может выступать и как атрибут отдельного индивида, любой группы (организации), и как продукт взаимодействия людей в том или ином обществе на макроуровне [5]. Понятие психологического капитала появилось внутри направления позитивной психологии. Данное понятие в основном обозначается как «позитивный психологический капитал». Психологический капитал – это индивидуально-личностные характеристики, позволяющие преодолеть психологические трудности и повысить производительность. На первый взгляд понятие социально-психологический капитал, выглядит как синтез социального и психологического капитала. Но это не так, социально-психологический капитал то самостоятельное явление, которое в большей степени базируется на социальном капитале, но при этом включает в себя и психологические конструкты. Социально- психологический капитал – это сбалансированный ресурс социально- психологических отношений личности к обществу в целом и к своему непосредственному окружению, основанный, прежде всего, на доверии, который способствует взаимной поддержке [1]. И если психологический капитал локализован в человеке, а социальный – в отношениях между людьми, природа социально-психологического капитала личности иная, хотя это тоже индивидуальный ресурс. Социально-психологический капитал связывает людей с обществом и ближайшим окружением. Благодаря этому ресурсу человек может не только получать поддержку, но и оказывать ее. Социально-психологический капитал дает людям психологическое чувство общности, которое уже в дальнейшем позволяет формироваться социальному капиталу. Если основным

результатом действия интеллектуального и социального капиталов на социальном уровне является экономический прогресс, например, рост ВВП (Knack, Keefer, 1997; Coates, Heckelman, 2003), то мы можем предположить, что основным эффектом социально-психологического капитала будут гармоничные отношения с обществом в целом и непосредственным окружением, приводящие в конечном итоге к субъективному благополучию личности, доверию к окружающим людям, внутренней свободе, способности включатся в тот или иной институт — и все эти константы находят свое отображение в концепции социально-психологического капитала. Таким образом, не только социальный, интеллектуальный, психологический, но и социально-психологический капитал — неотъемлемое условие, один из ключевых элементов социального государства, безусловно, оптимизирующий его формирование и существование. Несмотря на то, что сегодня некоторые ученые критикуют и отрицают эмпирическую ценность данного конструкта, неопровержимым является факт, что высокий уровень социально-психологического капитала — это движущая сила настоящего социального государства.

Литература:

1. *Сасаки, М. Доверие в современной России/ М. Сасаки, Ю. Латов, Г. Ромашкина, В. Давыденко // Вопросы экономики. – 2010. – № 2. – С. 83-102.*
2. *Татарко А.Н. Социально – психологический капитал личности в поликультурном обществе [Текст]: автореф. дис. ... докт. психол. наук/А.Н. Татарко. – Москва, 2015. - 42 с.*
3. *Kale S. Fuzzy intellectual capital index for construction firms // Journal of Construction Engineering & Management. 2009. V. 135. Iss. 6. P. 508–517.*
4. *Нестик Т.А. Социальный капитал организации: социально- психологический анализ. Ч. II // Психологический журнал. 2009. Т. 30. No 2. С. 29–42.*
5. *Свенцицкий А. Л., Почебут Л.Г., Килошенко М.И., Кузнецова И.В., Марарица Л.В., Казанцева Т.В. Социальный капитал и его формирование: социально-психологический подход // Вестник Санкт-Петербургского Университета. 2004. Сер. 12. Вып. 3. Ч. II. С. 140–149*
6. *Avey J. B., Reichard R. J., Luthans F., Mhatre K. H. Meta-analysis of the impact of positive psychological capital on employee attitudes, behaviours, and performance // Human Resource Development Quarterly. 2011. V. 22. N 2. P. 127–152.*

Мараев Батыхан Хусейнович,
ИГСУ РАНХиГС, Москва, Россия

Мотивация на справедливость в деятельности государственных гражданских служащих

Существенный недостаток российских органов государственной власти и управления заключается в недооценке потенциала мотивационных методов повышения эффективности деятельности государственных гражданских служащих. Еще слабо изучены особенности, специфические задачи и реальные потребности в мотивации работников сферы государственного управления. Очень часто для мотивации государственных гражданских служащих применяется ограниченное количество методов, учитывающих, в

основном, материальные стимулы. Существует масса проблем в реализации стимулов профессионального и должностного развития, хотя именно эти ориентиры присутствуют в профессиональных ожиданиях государственных гражданских служащих. Тем не менее, мотивация эффективной деятельности государственных гражданских служащих уже давно стала одной из главных задач в обеспечении функционирования государственных органов. Цели и задачи мотивации государственных гражданских служащих базируются на общих принципах и методах этой работы, но содержат в себе и особенный компонент, определяемый множеством факторов, прежде всего, функциональными характеристиками государственной гражданской службы. Это обуславливает необходимость выработки соответствующих теоретических и прикладных подходов в решении проблем эффективной мотивации государственных гражданских служащих. Поэтому, актуальным становится изучение современных условий и факторов мотивации государственных гражданских служащих, применимых в системе государственной гражданской службы социально-управленческих технологий мотивации, обоснования необходимых методов и процедур. Нужно также, на основе тщательного и разностороннего анализа, выделение наиболее значимых направлений мотивации эффективной деятельности государственных гражданских служащих и перспектив развития этой работы с кадрами государственных органов. Справедливость в государственном управлении можно отнести к наиболее значимым социальным ожиданиям граждан, и для них она реализуется (или не реализуется) не только в рамках общей государственной экономической и социальной политике, но и, что особенно важно, в прямых социальных взаимодействиях с представителями государственной власти – государственными гражданскими служащими. В этих взаимодействиях формируется субъективное мнение граждан о справедливости власти как в конкретном для них случае (по существу значимой для них проблемы), так и в целом. Это определяет важность мотивации государственных гражданских служащих на справедливость в осуществлении предусмотренных их должностью государственных полномочий. И такая мотивация должна предусматривать ориентацию профессионального развития государственных гражданских служащих с учетом комплексных задач социально-психологического совершенствования своих качеств, в которые включена и справедливость. Справедливость как результат деятельности государственного гражданского служащего может быть достигнут только в том случае, если справедливость является для него ценностью, интериоризированной в системе диспозиций личности и проявляющейся в его индивидуальных качествах. Однако, социологические исследования проблем государственной службы РФ, проводимые социологической группой ИГСУ РАНХиГС (рук. проф. Магомедов К.О., ноябрь 2016 – февраль 2017 г., N=1297 респондентов-граждан в 21 субъекте РФ) показывают, что в общественном мнении справедливость среди присущих государственным служащим качеств находится далеко не на первом месте (1,78 балла по 3-х балльной шкале оценок); пока российские

чиновники научились проявлять в большей мере уважение к законам (2,07 балла) и принципиальность (2,02 балла), что уже неплохо в свете долговременного процесса реформирования сферы государственного управления в России. Поэтому активизация мотивации государственных гражданских служащих на справедливость должна стать приоритетной в продолжении этого процесса. Но здесь государственные органы сталкиваются с тем, что необходимо не только мотивировать государственных гражданских служащих и более эффективно использовать их профессиональный потенциал, но и грамотно и результативно управлять эти процессом. Однако в последние годы отчетливо проявилась проблема обеспечения государственных органов профессиональными управленцами, способными успешно руководить профессиональной деятельностью государственных гражданских служащих. При этом значительно снизилась эффективность деятельности работников управленческого труда в государственных органах, их социальная и творческая активность под воздействием неэффективной системы мотивации и других факторов (политических, экономико-правовых, организационно-технологических и др.). В этой связи возникает необходимость совершенствования всей системы мотивации в государственных органах как функции управления эффективной деятельностью государственных гражданских служащих, в единстве социального и профессионального компонента, в том числе, и его управленческого звена.

Медведева Наталия Владимировна,
РГСУ, Москва, РФ

Развитие социального партнерства власти и местного сообщества в условиях социальной несправедливости

Одним из основных элементов устойчивого развития территории является интеграция общества в решение социально-экономических проблем. Однако в современных российских условиях происходит нарастание социальной несправедливости во взаимоотношениях власти и местного сообщества. Об этом свидетельствуют многочисленные протестные акции, митинги, а также рост количества жалоб и обращений в органы власти со стороны населения. В настоящее время взаимоотношение между органами власти и населением являются еще не достаточно прозрачными. Это подтверждают данные многочисленных социологических опросов. В частности, согласно данным опроса ФОМ, посвященному выявлению условий активизации гражданского участия в малых и средних городах России, более половины граждан не довольны деятельностью городских органов власти. При этом деятельность местных властей оценивается респондентами более позитивно, если ими допускается возможность влияния

на чиновников. Согласно данным опроса 53% респондентов считают, что жители могут повлиять на органы власти, 85% респондентов с одобрением относятся к людям, которые занимаются общественной деятельностью, а 56% жителей относят себя к людям, готовым объединяться с другими, чтобы отстаивать свои права, 49% опрошенных чувствуют ответственность за происходящее в городе. Кроме того, проблема усугубляется тем, что процесс укрупнения муниципалитетов (преобразования сельских и городских поселений в городские округа) приводит к централизации и бюрократизации власти с усилением регионального влияния, в результате которого происходит ограничение доступа граждан к местному самоуправлению. По данным Общественной Палаты РФ, в 2016 году на муниципальной карте страны стало на 72 муниципалитета меньше, за пять месяцев 2017 года исчезло еще 193. Низкая вовлеченность населения в решение местных дел способствует росту недоверия к органам местной власти. В результате возникает противоречие, заключающееся в том, что с одной стороны, местное сообщество осознает потребность и необходимость участия в местном самоуправлении, а с другой – органы власти не воспринимают общественность как партнеров в реализации ими муниципальной политики и, соответственно, не готовы взаимодействовать с ними по наиболее важным вопросам развития муниципального образования. Во многом это обусловлено недоверием как со стороны как местной власти, так и населения, что приводит к формированию и развитию социальной несправедливости и росту социальной напряженности. В последнее время социальная несправедливость становится важным фактором в жизни местного сообщества. В процессе жизнедеятельности муниципального образования существует сложная система взаимодействий и взаимосвязей между населением и местными органами. Эффективное местное самоуправление – это реальная возможность населения воздействовать на процесс управления, непосредственно участвовать в нем. Международный опыт организации муниципального управления демонстрирует следующую зависимость: чем больше граждане вовлечены в процесс принятия решений на местном уровне, чем больше они удовлетворены качеством диалога в локальном сообществе. И соответственно взаимодействие с органами власти вышестоящего уровня становится более продуктивным. В связи с этим, органы местного самоуправления должны в своей деятельности учитывать в первую очередь потребности и интересы населения, проживающего на территории муниципального образования. Только в этом случае возможно развитие социального партнерства на муниципальном уровне как одного из инструментов комплексного развития территории. При этом центром данного взаимодействия становятся именно органы местного самоуправления, обладающие определенными полномочиями и способные поддерживать условия функционирования данной системы. Деятельность местных сообществ заключается в представлении и реализации своих интересов. В первую очередь данная деятельность проявляется во взаимодействии с органами местного самоуправления. При этом возникает

проблема выявления и предъявления органам муниципальной власти интересов и запросов со стороны населения, от имени которого эта власть осуществляет свою деятельность. Таким образом, высокий уровень доверия между властью и обществом является одним из условий успешной модернизации общества, реформирования системы местного самоуправления и социально-экономического развития муниципального образования. Кроме того, от поддержки местного населения во многом зависит снижение социальной напряженности и социальной несправедливости на муниципальном уровне.

Мельников Сергей Леонидович,
Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, РФ
Воронов Кирилл Алексеевич
Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, РФ
Рожкова Евгения Владимировна
Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, РФ

Дисфункции институтов социального государства

В современном обществе наблюдается реорганизация функций фундаментальных институтов общества [1, 3, 4, 5, 6]. Обратимся к такому фундаментальному институту, как семья [9, 12, 13]. В западных европейских странах с 80 годов двадцатого века распространяется движение «чайлдфри», сегодня оно набирает обороты и в России. Западные социологи полагают (и нельзя с ними не согласиться), что этот феномен является следствием глобальных трансформаций социальных институтов. Мы же добавим от себя: с нашей точки зрения, в движении «чайлдфри» проявляется дисфункция такого фундаментального института, как семья. Ведь без детей семья называется семьёй условно. В России в целом и в исследовательской среде в частности чайлдфри воспринимается как альтернатива и угроза ценностям традиционной семьи. Данное движение заключается в добровольном отказе от деторождения теми, кто находится в репродуктивном возрасте. Для выявления причин такого положения вещей в современном обществе было проведено социологическое исследование методом фокус-группы, в результате которого были выявлены мотивы приобщения к культуре чайлдфри. Во-первых, респонденты считают, что «дети – это бесполезная трата времени и денег». Во-вторых, наличие ребенка влияет «на расшатывание нервной системы». В-третьих, это отсутствие ответственности. В-четвертых, это возможность общаться с людьми, которые разделяют сходную точку зрения. Большинство респондентов отметило, что со стороны

близких и родных информанты встречают непонимание и непринятие факта их принадлежности к движению чайлдфри, что позволяет выдвинуть гипотезу о негативном восприятии большинством российских граждан идеологии чайлдфри. Среди ответов респондентов встретилось также и такие ответы, что родители относятся нейтрально к данному факту, мотивируя подобное отношение следующим образом: «Это временное увлечение, следование моде». В поисках причины приобщения к чайлдфри было выдвинуто предположение, что на формирование мировоззрения последователей движения оказала влияние их семья. Однако информанты явных проблем в своих семьях не обозначали. Все участники фокус-группы согласились с тем, что семья в жизни многих людей занимает важное место, поскольку именно в рамках семьи человек знакомится с миром, проходит первые ступени социализации. Участники также сошлись во мнении, что у каждого человека есть свое представление об идеальной семье. Идеальной является та семья, где царят бескорыстие, взаимопонимание, общность интересов, взаимная поддержка, где есть дети. Однако следует отметить, что, по мнению респондентов, появлению в семье ребенка должны предшествовать такие благоприятные факторы, как наличие свободного времени, психологическая готовность, соответствующее потребностям социальное положение, благоприятная ситуация в стране, материальные условия. Отношение участников фокус-группы к движение чайлдфри было различным. Одни назвали движение «адекватным», так как многие «сознательно приходят к данному пониманию своей жизни, и это их личное дело». Другие высказались следующим образом: они относятся к движению нейтрально, а в некоторых аспектах положительно, так как чайлдфри «спасает планету от перенаселения». Если рассматривать влияние феномена движения чайлдфри на социальный институт семьи в целом, то можно привести следующее мнение одного из респондентов, отражающее более или менее общее представление всех участников фокус-группы: в нашей стране, как и в США, «произойдет разделение на приверженцев традиционной семьи и идей чайлдфри». Однако феномен «не окажет значительного влияния на институт семьи», так как приверженцев чайлдфри всегда будет меньше, чем последователей традиционных семейных ценностей. Как считает большинство респондентов, участвовавших в фокус–группе, чайлдфри – это только определенный этап в развитии социума, течение в молодежной среде, а не мода. Также респонденты высказали мнение, что чайлдфри в России мало распространено, так как наши отечественные семейные ценности более устойчивы среди народа, чем в других государствах, а при создании семьи планирование рождения детей пока еще норма для молодого поколения. Можно сделать вывод, что хотя движение чайлдфри в нашей стране наблюдается, но оно распространено мало. Эта идеология заимствованная, не отечественная. Но при условии дальнейшего подражания западной модели развития возможен в России рост числа последователей чайлдфри. Проблемы движения чайлдфри пока еще мало исследованы, но имеют все же широкий социальный резонанс, о котором, в частности, свидетельствуют ответы

респондентов проведенного исследования. Следует отметить, что обсуждение данного движения не оставило в стороне ни одного информанта. В ходе фокусированного интервью было выявлено, что основными категориями мировоззрения приверженцев чайлдфри являются такие ценности, как личная свобода, а также карьера, путешествия, хобби, то есть выявлена ориентация не на семью, а на развитие собственной личности. Как нам представляется, такое положение дел обусловлено возрастающей индивидуализацией личности в современном социуме, а также с другими проблемами современного мира [2, 7, 8, 10, 11, 14, 15].

Литература:

1. *Анисимова С.Г. Введение в теорию аномии: категориально-позитивный анализ: монография / С.Г. Анисимова, А.К. Мамедов ; Евразийский фонд социальных исслед. М., 2010.*
2. *Киричек П.Н. Массмедиа и воспитание: санация информации / П.Н. Киричек // В сборнике: Ценностные ориентиры современной журналистики: сборник научных статей V Всероссийской научно-практической конференции. Пенза, 2017. С. 108-115.*
3. *Киричек П.Н. Правовое поле социальной политики: вектор изменений / П.Н. Киричек //Система ценностей современного общества. 2014. № 33.*
4. *Киричек П.Н. Социокультурные основы государственного управления / П.Н. Киричек // Международный научно-исследовательский журнал. 2014. № 3-3 (22). С. 110-113.*
5. *Киричек П.Н. Социальная политика региональной общности в публичной сфере/ П.Н. Киричек, Г.Д. Золина // Культурная жизнь Юга России. 2014. № 3 (54). С. 46-50.*
6. *Киселев А.Г. Модели государственного реформирования сельского хозяйства: прошлое и настоящее / А.Г. Киселев, С.А. Шилина // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2017. – № 17 (4). – С. 481-490.*
7. *Ключникова Т.Н. Каналы социального взаимодействия государства и общества / Т.Н. Ключникова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2010. – № 3. – С. 88-92.*
8. *Ключникова Т.Н. Факторы развития социальной активности российской молодежи / Т.Н. Ключникова // Социологический альманах. Материалы VI Орловских социологических чтений. 2016. Выпуск 8. С. 202-204.*
9. *Комков Д.Е. Регионы в зоне демографического риска: минус-тенденции миграции и урбанизации / Д.Е. Комков, П.Н. Киричек // Регионология. – 2017. – № 1 (98). – С. 139-148.*
10. *Коркия Э.Д. Концепт экологической культуры: «пределы роста» или резервы для развития / Э.Д. Коркия, А.Р. Курбанов, А.К. Мамедов // Экология и промышленность России. 2017. № 6. С. 58-63.*
11. *Липай Т.П., Мамедов А.К. Социальная стигматизация: социокультурные аспекты // Труд и социальные отношения. 2008. № 11. С. 43-52.*
12. *Липай Т.П., Мамедов А.К. Стигматизация как социальный феномен (методология исследования) // Актуальные инновационные исследования: наука и практика. 2011. № 1.*
13. *Шилина С.А. Отражение социальной политики государства по укреплению института семьи в управленческом дискурсе (на основе социологического опроса) / С.А. Шилина, М.А. Штельмухова // Научный журнал «Дискурс». – 2017. 8 (10). С. 141-157.*
14. *Liadova A.V. The burnout among emergency physicians: evidence from Russia (sociological study). / A.V. Liadova, E.D. Korkiya, A.K. Mamedov, N.A. Panich // Man in India. 2017. T. 97. № 15. C. 495-507.*
15. *Vasilyev A.V. Conspicuous consumption as an attribute of socio-cultural decadence in Russia / A.V. Vasilyev, V.K. Kovalchuk, E.D. Korkiya, A.K. Mamedov // Man in India. 2017. T. 97. № 10. C. 399-414.*

Мигунова Юлия Владимировна,
Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия

Современное государство в аспекте проблем социализации экономики

По мнению исследователей, ключевой функцией современного государства является его социальная функция, способствующая снятию либо смягчению социальных противоречий с помощью цивилизованных средств их разрешения. Многие современные государства позиционируют себя как социальные, подразумевая под этим заботу о своем населении. Между тем основу социальности государства составляет уровень развития его экономической системы, а следовательно, и материальное благополучие населения страны. До недавнего времени степень социальности государства измерялась его способностью обеспечивать достойные условия жизни граждан с помощью мер социальной защиты, выплаты пенсий, пособий, предоставления льгот, дотаций и т.д. Данные меры характеризуют патерналистское социальное государство, т.е. социальная поддержка определённых категорий населения обеспечивалась через органы государственной власти. Современная парадигма социального государства проявляется через создание условий для включения полностью либо частично трудоспособного населения в трудовую деятельность. Таким образом, основу постиндустриального социального государства составляет принцип вовлечения трудоспособных граждан в трудовую сферу, данная закономерность определяет вектор социально-экономического развития общества [1]. Современное социальное государство тесно связано с феноменом социализации экономической системы. Это сочетание представляет собой переход на новый уровень общественной жизни, воплощённой в экономике инноваций, основу которой, помимо материальных ресурсов, составляет человеческий капитал. Следовательно, человек, его компетенции, способность к труду, являются решающими факторами развития социально-экономических систем, поскольку личность выступает источником инноваций [2]. Поэтому переход к экономике знаний требует создания условий для становления личности как носителя человеческого капитала, создателя новых знаний, технологий. Таким образом, социальная направленность государства определяет уровень социально-экономического развития отдельных организаций и общества в целом [3], [4]. Важным элементом социализации экономической системы является удовлетворение постоянно возрастающих социальных потребностей населения. Они выступают ключевым звеном в социальной ориентации экономики, т.к. детерминируют новый этап жизни общества, связанный с повышением роли и значения социальной сферы в экономическом развитии государства. Поскольку центральное положение в новой социально-

экономической модели общества занимает человек, это влечёт качественные сдвиги в системе потребностей, структуре спроса и потребления, образе и качестве жизни, условиях жизнедеятельности. В общем процессе социализации экономики, её социальной ориентированности роль государства особенно высока. Складывается особый тип социально-трансфертного государства, социальные расходы которого, разными темпами и в различные периоды, увеличиваются в абсолютном и относительном выражении. В настоящее время на социальные нужды в развитых странах расходуется от одной четверти до половины валового внутреннего продукта, также увеличиваются затраты на социальную инфраструктуру. По мнению исследователей, социальные инвестиции растут быстрее, чем инвестиции в материально-вещественные элементы капитала. Все это усиливает тенденции к социализации экономики на постиндустриальной стадии социально-экономического развития. Социализация экономики предполагает изменение траектории от сугубо государственных интересов к интересам человека, его потребностям [5], [6]. Любое демократическое государство предполагает свободное существование каждой личности, возможности максимальной реализации её способностей, удовлетворения потребностей, формирующихся в социуме. На основе инновационного развития социальная экономика выступает как средство наилучшего использования человеческого капитала в целях государства, в то же время удовлетворяя социальные потребности населения. Роль государства в этом процессе является определяющей, поэтому отношения социальных групп в таком государстве должно определять социальное партнёрство [7]. Таким образом складываются равноправные правовые отношения между государством и гражданами, т.е. государство обеспечивает высокий уровень жизни населения, а граждане в свою очередь создают материальные блага для себя и всего общества в целом, тем самым приумножая своё материальное благосостояние и обогащая государство. Возникающий паритет интересов государства и его граждан обеспечивается правовыми условиями функционирования социальной экономики, детерминирующей гармоничное соотношение общегосударственных и личных интересов. Исследование выполнено в рамках государственного задания Института социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН по теме: «Социализация экономической системы, формирующая новые траектории социального развития» (№ гос. регистрации АААА-А17-117021310208-8).

Литература:

1. *Родионова О.В. Проблемы развития теории и практики современного социального государства // Lex Russica. 2015. № 1. С. 28-40.*
2. *Мигунова Ю.В. Социальный потенциал молодёжи в инновационном обществе // Региональная экономика: взгляд молодых: Сборник научных трудов молодых ученых и специалистов. Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2014. С. 167-173.*
3. *Быченко Ю.Г., Логинова Л.В. Социализация экономики в России: проблемы и перспективы // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2009. Т. 1. № 1 (37). С. 262-272.*
4. *Шагиева Л.А. Сущность и структура социального потенциала общества // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 4. С. 1391-1394.*

5. *Экономический словарь: справочник / под ред. А.И. Архипова. М.: Проспект, 2010. 672 с.*
6. *Научные изыскания в сфере социально-экономических и гуманитарных наук: Междисциплинарный подход и генезис знаний: Коллективная монография / под ред. С.В. Домниной, О.А. Подкопаева. Самара: ООО «Поволжская научная корпорация», 2017. 570 с.*
7. *Матвеев М.М. Необходимость социализации рыночной экономики // Экономика, предпринимательство и право. 2011. № 7. С. 3-11.*

Милецкий Владимир Петрович,
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

Этапы становления социального государства в современной России в контексте социальной справедливости

Как известно, в 1980-е годы была сформирована и до самой кончины Советского государства функционировала автократическая модель социального государства, в котором роль политического гаранта исполняла КПСС. После кончины советского социализма и демонтажа союзного государства в декабре 1991 г. была также ликвидирована и вышеназванная модель. В России началась известная «Гайдарошокотерапия» и современная постсоветская модернизация. В этих условиях одной и ключевых задач суверенной России по воле народного большинства, выраженной на референдуме 12 декабря 1993 г. и закрепленной в новой Конституции, стало формирование национальной модели справедливого социального государства. Однако за прошедшие годы в полной мере не сформированы не только само такое государство, но даже его системно-формационные основания и другие предпосылки. Дело в том, что адекватной формационной основой государства благосостояния, выступает супертехнотронная система постиндустриального типа, складывающаяся на переходе к посткапитализму в качестве системно-формационного каркаса социального государства. Подсистемами такого общества являются многосекторное социальное рыночное хозяйство, основанное на информационно-технологическом способе производства, развитая социальная сфера и демократическая политическая система. Если системно-формационные основания выступают необходимыми исходными предпосылками становления социального государства, то достаточными условиями для этого являются сферальные и структурные предпосылки. Сферальными предпосылками выступают многосекторное социальное рыночное хозяйство, основанное на информационно-технологическом способе производства, развитая социальная сфера и демократическая политическая система. К структурным предпосылкам относится правовое демократическое государство, в рамках которого обеспечиваются собственно социальные права и свободы человека, а также многие другие институциональные, процессуальные и иные структурные составляющие социального государства. Последнее в этом отношении представляет собой макроинститут политико-правовой

организации и функциональной деятельности социальных субъектов и институтов государственной, муниципальной и корпоративно-политической власти, обеспечивающий социальные права человека и реализацию социальных интересов всех основных групп населения посредством разработки и осуществления социальной политики, базирующуюся на принципах социальной справедливости, солидаризма, партнерства, выравнивания и осуществляющий регулирование всех компонентов социальной сферы общества в целях повышения благосостояния населения, уровня и качества жизни людей. На основании вышеназванных предпосылок складываются и начинают функционировать все основные компоненты социального государства как системного образования. К ним относятся социальные субъекты и институты государственной, муниципальной и корпоративной-политической власти, нормативно-правовые установления (основной закон социального государства, социальный кодекс и многие другие нормативные правовые акты), доктринальные и политико-культурные компоненты, наконец, полный политико-управленческий цикл разработки и реализации активной социальной политики, связанной с неуклонным следованием требованиям социальной справедливости на практике. Наличие такого системного содержания выступает достаточным условием для эффективного функционирования социального государства на практике в любой стране, включая современную Россию, в которой оно ещё только формируется. Становление и формирование российской модели социального государства началось без малого четверть века тому назад после введения в действия Конституции. В этом процессе уместно выделять два основных этапа. На первом – Ельцинском - этапе (1990-е годы) лишь декларировалась приверженность ценностям социальной справедливости, но фактически создавалась несовместимая с нею формационная система криминально-олигархического капитализма.

На втором – Путинском - этапе (2000-е годы) началась системная модернизация полученной в наследство общественно-экономической формации, в рамках которой происходило формирование формационных, сферальных и структурных основ и компонентов российской модели справедливого социального государства. Значительную роль здесь сыграли майские (2012 г.) Указы Президента России В.В. Путина, исполнение которых в регионах и на местах подчас сопровождается настоящим саботажем чиновников и коррумпированной бюрократии, не нуждающейся ни в какой национальной модели справедливого социального государства.

Минакова Светлана Сергеевна,
МГППУ, Москва, Россия

Социальная политика в России в области поддержки занятости инвалидов

В соответствии с Конституцией РФ Россия – социальное государство. Оно осуществляет политику в сфере социальной защиты населения в рамках Федерального закона «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» от 10 декабря 1995 г. № 195-ФЗ. Инвалиды – социальноуязвимая категория граждан. Целью государственной политики в отношении данной категории является обеспечение инвалидам равных с другими гражданами возможностей в реализации гражданских, экономических, политических и других прав и свобод. Несмотря на развитие законодательства о защите занятости инвалидов и разработку мер, направленных на их вовлечение в жизнь общества, инвалиды остаются слабозащищенной группой населения на рынке труда. [3] Условно государственные меры по поддержке занятости инвалидов можно разделить на 2 группы: интеграционные меры - нацеленные на интеграцию инвалидов в рынок труда, развитие их трудового потенциала и стимулирующие спрос на труд инвалидов у работодателей; компенсирующие меры – нацеленные на поддержку уровня жизни инвалидов, компенсацию их положения в обществе из-за здоровья. [6] В СССР социальная политика в области защиты прав инвалидов рассматривалась с точки зрения медицинского подхода: инвалидность понималась как дисфункция организма, которая требует медицинской помощи. Инвалидов содержали в специализированных учреждениях, что приводило к изоляции этой группы граждан. С 1990-х гг. в России начался переход от «медицинской» модели инвалидности к социальной. [2] Принципы социальной модели подразумевают использование интеграционных мер - адаптацию общественной жизни и экономики под нужды этой категории населения. Был принят первый для страны единый закон, регулирующий права инвалидов - Закон СССР «Об основных началах социальной защищенности инвалидов в СССР» (1990) – это попытка привести защиту прав инвалидов в соответствие с международными стандартами ООН 1980–1990 гг. «Логическим продолжением» этого закона стал Федеральный закон от 24.11.1995 N 181 «О социальной защите инвалидов» . Его достоинством было включение положения о приобретении инвалидности, реабилитации, доступе к образованию, трудоустройстве и пр. В связи с тем, что гиперинфляция способствовала обесцениванию пособий, в 1993 г. получили распространение неденежные льготы - Указ Президента РФ от 2 октября 1992 г. N 115 «О дополнительных мерах государственной поддержки инвалидов»). С 1996 г. инвалидам, которые нуждаются в улучшении жилищных условий,

предоставлялась жилая площадь в определённом установленном порядке. [1] В 1996 г. Была введена федеральная программа реабилитации инвалидов, включающая в себя профессиональную ориентацию, обучение и образование, содействие в трудоустройстве, производственную адаптацию. Перечисленные меры способствовали выходу инвалидов на открытый рынок труда. Также с 1996 г. был существенно расширен перечень мер, направленных на поддержку и стимулирование спроса на труд инвалидов: введены обязательные налоговые льготы, установлены квоты на трудоустройство инвалидов и плата за их невыполнение. С января 2002 г. вступили в силу Федеральный закон «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» и Федеральный закон «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации», которые предусматривали 3 вида пенсий по инвалидности: трудовую, государственную и социальную. В 2005 г. произошла реформа предоставления социальных льгот, которая подразумевала под собой равный доступ к соцуслугам льготным группам граждан, целью которой было обеспечение устойчивого финансирования льгот. Она вызвала негативную реакцию у инвалидов. Для обеспечения доступности к физическому окружению, транспорту, информации и связи, а также к другим объектам и услугам, открытым или предоставляемым для населения в рамках Государственной программы «Доступная среда», с 2011 г. в России реализуются меры по устранению барьеров доступа к приоритетным объектам и услугам для инвалидов. [9] С 2013 г. была расширена система квотирования рабочих мест на предприятиях для инвалидов, что позволило трудоустроить дополнительные 300 тыс. рабочих мест с целью социализации инвалидов. Последние пять лет законодательное регулирование защиты прав инвалидов было направлено на адаптацию общественной среды к потребностям инвалидов и изменение отношения общества к данной категории граждан, что принято в ряде развитых стран Европы. Однако денежные выплаты по инвалидности в 2000-е гг. оказывала негативное влияние на занятость инвалидов – льготы и пенсии по инвалидности рассматривались ими как альтернатива занятости и снижали мотивацию к труду. Также система социальной защиты инвалидов в России развивалась на основе нормативной базы ООН, где документы носили рекомендательный характер, а российские социальные институты имели слабый характер контроля их исполнения, что способствовало сохранению незащищенности инвалидов в России. [7] Нехватка имеющихся статистических данных, к сожалению, позволяют лишь приблизительно оценить уровень занятости инвалидов на сегодняшний день и государственные меры поддержки этой группы, что тормозит современную социальную политику, направленную на данную льготную категорию. Чтобы системно подойти к данной проблеме и грамотно выработать меры по поддержке занятости инвалидов, необходима прямая пропорциональная зависимость между интеграцией инвалидов в рынок труда и компенсацией их положения в обществе.

Литература:

1. *Козлова В. Н. Трудовая занятость инвалидов: социально-экономический аспект // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2011*
2. *Демьянова Анна Владимировна Меры государственной поддержки занятости инвалидов в России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2015*
3. *Комиссаров Николай Николаевич Государственная политика в сфере реализации и защиты трудовых прав инвалидов // Universum: экономика и юриспруденция. 2015*
4. *Сидоренко Г.Ю., Самохвалова С.М. Трудоустройство и занятость инвалидов как одна из социальных проблем // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2012*
5. *Горина Татьяна Ивановна, Кефели Валентина Борисовна Социально-трудовая адаптация инвалидов в современном обществе // Теория и практика общественного развития. 2013*
6. *Жаворонков Р.Н. Проблемы правового регулирования квотирования рабочих мест для инвалидов // Вестник ОмЮА. 2014*
7. *Славгородская Марина Владимировна Профессиональное самоопределение и занятость лиц с ограниченными возможностями здоровья: проблемы и перспективы // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2013*
8. *Гладышева Алла Викторовна Направления совершенствования занятости носителей трудового ресурса, имеющих ограничения к трудовой деятельности // Социально-экономические явления и процессы. 2012*
9. *Исмиева Замира Муьминовна, Ашуралиева Дженнет Руслановна, Дахдуева Камила Дахдугаджиевна Современные проблемы трудоустройства инвалидов // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. 2013*
10. *Федеральный закон «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» от 10.12.1995 г. № 195-ФЗ.*
11. *Федеральный закон «О социальной защите инвалидов» от 24.11.1995 N 181*
12. *Указ Президента РФ от 2 октября 1992 г. N 115 «О дополнительных мерах государственной поддержки инвалидов»*

Моченов Валерий Петрович,
Российский государственный университет физической культуры. спорта, молодежи и туризма, Москва, Россия

Стратегия оздоровления населения в концепции социального государства

Теоретик социального государства Лоренц фон Штейн считал, что государство обязано способствовать экономическому и общественному прогрессу всех своих граждан, ибо развитие одного выступает условием развития другого, и именно в этом смысле можно говорить о социальном государстве[1]. Практика построения социального государства показывает, что главной задачей в этом направлении является создание эффективного механизма перераспределения материальных ресурсов от тех, кто может самостоятельно зарабатывать деньги к тем, кто по объективным причинам не способен это делать (дети, учащаяся молодежь, инвалиды, безработные, пожилые люди). В каждом государстве такие механизмы имеют свою национальную специфику, учитывающую культурные традиции, менталитет народа, социально-экономические условия и т. д. Но главным остается формирование общественного сознания вокруг идеи достойной жизни для каждого гражданина, вне зависимости от жизненных обстоятельств.

В социальном государстве воплощается в жизнь идея социальной справедливости, когда все граждане страны имеют возможность за счет своей социальной активности повысить уровень благосостояния и, ориентируясь на гуманистические ценности, могут раскрыть свой потенциал.

Общим для всех стран, вставших на путь построения социального государства, является выработка и реализация долгосрочной стратегии повышения здоровья и трудоспособности граждан своей страны. Стратегия оздоровления населения носит комплексный характер и затрагивает вопросы создания благоприятной экологической среды обитания, обеспечения безопасными продуктами питания, борьбы с табакокурением, алкоголизмом, наркоманией, улучшения условий труда, быта и отдыха, повышения физической активности граждан, создания эффективной системы медицинской помощи, формирования у населения моды на здоровый образ жизни. Важное место в этой комплексной стратегии занимает формирование здорового образа жизни путем приобщения населения к активным занятиям спортом и физическими упражнениями. Многочисленные исследования показывают, что увеличение количества систематически занимающихся спортом и физическими упражнениями способствует сокращению заболеваемости, снижению распространения вредных привычек, повышению работоспособности, увеличению продолжительности жизни населения. С экономической точки зрения вложение в профилактику заболеваний, спортивную инфраструктуру, пропаганду здорового образа жизни приблизительно в десять раз превосходит затраты на лечение болезней.

Во многих странах мира, реализующих концепцию социального государства, вопросам оздоровления населения путем приобщения людей к активным занятиям физическими упражнениями и спортом уделяется повышенное внимание. Именно поэтому сегодня широко распространяется движение за здоровый образ жизни и растет сеть фитнес-клубов. В нашей стране фитнес-индустрия за 25 лет своего существования прошла большой путь. Фитнес-центры и фитнес-клубы в 90-е годы прошлого столетия были доступны только богатым слоям населения. Сегодня положение коренным образом изменилось. Фитнес становится демократичным, он охватывает практически все слои общества. На фитнес-индустрию работает современное производство тренажерной техники, в рамках проводимых «конвенций» (форумов) вырабатываются новые теоретико-методологические подходы к современному пониманию здоровья, идет интенсивный процесс подготовки профессиональных кадров по фитнесу, осваиваются новые методики и оздоровительные технологии на базе разных культурных традиций (Индии, Китая, Японии, Тибета и т. д.), в средствах массовой информации формируется спрос на фитнес. Меняется вектор профилактики заболеваний: от медицинской профилактики, как предупреждения конкретных заболеваний, к социальной профилактике, как созданию барьеров для любых болезней через повышение иммунитета и устранения причин возникновения болезней [2]. Концептуально идея социального государства способствует росту социальной ответственности за свое здоровье. Каждый человек должен

понимать, что здоровье – это его личностный ресурс, обеспечивающий ему успешную и благополучную жизнь в обществе. Государство создает благоприятные условия для активного вовлечения всех слоев населения к активному образу жизни, обеспечивает доступность граждан к занятиям спортом и физическими упражнениями. Так, в Российской Федерации на правительственном уровне принята (постановление Правительства Российской Федерации от 21 января 2015 года, № 30) Федеральная целевая программа «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2016-2020 годы». Главной целью этой программы является создание современной спортивной инфраструктуры, обеспечивающей широкое вовлечение населения страны к активным занятиям физической культурой и спортом. Фитнес-индустрия выполняет в стратегии оздоровления населения важнейшие функции повышения физических кондиций граждан, социализации и ре-социализации отдельных слоев населения, приобщения к ценностям здорового образа жизни, продления творческого долголетия. В совокупности с другими составляющими компонентами оздоровления населения фитнес-индустрия содействует переходу современного общества в новое качество – в общество социальной справедливости.

Литература:

1. *Милецкий, В. П. Социальное государство: эволюция идей, сущность и перспективы становления в современной России // Политические процессы в России в сравнительном измерении / под ред. М. А. Василика, Л. В. Сморгунова. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. – с. 82.*
2. *Моченов В. П., Швецова Л.Н. Фитнес как новая стратегия укрепления здоровья и профилактики заболеваний//X Международная научная конференция «Сорокинские чтения» « Здоровье российского общества в XXI веке: социологические, психологические и медицинские аспекты. М., 2016. С.353-355 .*

Назаренко Сергей Владимирович,

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Доверие и справедливость: принципы социального контроля в финансово-экономической сфере современного общества

Современная финансово-экономическая сфера общества все более становится «цифровой». Информационно-коммуникационные технологии максимально расширяют возможности в получении, оценке и реакции (санкции) на действия участников финансово-экономических взаимодействий. Если ранее, вследствие отсутствия или ограниченности информации реакция общественности отсутствовала либо запаздывала, то сейчас практически сведена к минимуму закрытость сведений о деятельности

граждан, особенно в вопросах их финансово-экономического поведения [2]. Устойчиво развивающийся тренд объединения относительно разрозненных информационных баз в Единый банк данных уже изменил поведение россиян. Если в 2017 г. около 40% населения страны получили государственные услуги в электронном виде, то к концу 2018 г. их количество ожидается не менее 70%. При чем, 44 государственные услуги будут оказываться в многофункциональных центрах страны на основе экстерриториального принципа, то есть независимо от места регистрации гражданина. МВД и МЧС, Минфин и Минюст, Пенсионный фонд и Федеральная налоговая служба, Росреестр и Росстат, Федеральная служба страхования и Федеральная таможенная служба, Федеральная служба судебных приставов и Федеральное медико-биологическое агентство, Россельхознадзор и Росводресурсы, Роспотребнадзор и Росимущество, Ространснадзор и Ростехнадзор, Роструд и Росздавнадзор все более адаптируют свои информационные базы под единый федеральный информационный ресурс сведений о населении страны, что позволит по уникальному неизменяемому номеру гражданина при необходимости собрать о нем значительный объем информации, причем, преимущественно только в объективных социальных показателях [4]. Функционирование банковской системы страны, в том числе деятельность 17 бюро кредитных историй, за последние три десятилетия радикально изменили финансовое поведение россиян, в таких его формах как кредитное и долговое, сберегательное и инвестиционное, страховое и налоговое, доверительное и рисковое и т.п. [3]. Предъявляемые банками и иными финансовыми организациями достаточно жесткие институциональные требования к клиентам себя оправдывают, так как не позволяют им быть втянутым в «воронку» поведения банкрота, взяточника, налогового оппортуниста, коррупционера и т.п., то есть финансовой девиантности. Следует признать, что к сожалению, такие «жесткие» модели основаны на отсутствии или минимальном уровне доверия между участниками взаимодействия – с одной стороны, субъектом и объектом управления, а с другой – агентом и контрагентом контроля [1]. Из четырех возможных технологий управления и контроля финансового поведения клиентов банками ранее преимущественно использовалась первая, основанная на прямых методах управления и жестких санкциях контроля. Иногда, вторая – на прямых методах управления и мягких санкциях контроля, или третьей – на косвенных методах управления и жестких санкциях контроля. В настоящее время преимущественным является не ретроспективный, а проспективный контроль, основанный на четвертой технологии – косвенных методах управления и мягких санкциях контроля. В сущности, это создание реальных условий и среды, в которых обеспечивается гражданину разумная доступность к благам, возможность к удовлетворению своих потребностей, реализации интересов и целей, решению актуальных задач. Более того, заблаговременно он опосредованно (через информирование о негативном опыте других) предупреждается о социальной нежелательности совершения относительно незначительных девиантных

действий. Во-первых, о них в эпоху тотальной информатизации и реального или виртуального сетевого взаимодействия будет рано или поздно известно, а во-вторых, они могут являются объективными техническими, но выполняющими социальные функции ограничителями последующих активных финансово-экономических действий. Возможности современных информационно-коммуникационных технологий позволяют посредством информационной, технологической и социокультурной систем контроля не только минимизировать отклонения в финансово-экономической сфере, но и обеспечить соблюдение справедливости во взаимоотношениях между людьми. Если наличие хорошей кредитной и долговой, сберегательной и инвестиционной, страховой и налоговой, доверительной и рисковой личной истории гражданина все более является залогом и показателем его финансово-экономической успешности, то находящиеся в информационных базах данных разного уровня сведения о девиациях минимизируют социальные, финансово-экономические, политико-правовые и иные его возможности. Однако, этим формируются предпосылки к востребованности рискового поведения, которое является отклоняющимся от осторожного поведения личности. Именно поэтому, изначально в обществе функционируют и развиваются в диалектическом единстве две подсистемы – социализации и социального контроля, которые формируя исправляют и исправляя формируют личность человека, его нормативное и отклоняющееся поведение. В их механизме заложены принципы доверия и справедливости. Результаты анализа их реализации в финансово-экономической практике социальных отношений позволяют констатировать: во-первых, чем выше доверие агента контроля к контрагенту, тем ниже уровень и границы социального контроля; чем объективнее (социотехнологичнее) социальный контроль, тем справедливее социальные отношения, лояльнее ожидания и требования друг к другу, эффективнее профессионально-трудовая деятельность.

Литература:

1. *Назаренко С.В. Современный тренд социального контроля и управления: теоретическая интерпретация / Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 16-34.*
2. *Оборский А.Ю. Охрана интеллектуальной собственности: история и современное состояние / Экономика. Бизнес. Банки. 2017. Т. 6. С. 20-26.*
3. *Государственный реестр бюро кредитных историй. [Электронный ресурс] // Центральный Банк Российской Федерации. URL: https://www.cbr.ru/ckki/?PrtId=restr (Дата обращения: 30.01.2018).*
4. *Распоряжение Правительства РФ от 19.01.2018 г. № 43-р. [Электронный ресурс] // Правительство Российской Федерации. URL: http://static.government.ru/media/files/q83XLFTSV54mBAyxBcF2tfz5Ab8LHSTa.pdf (Дата обращения: 30.01.2018).*

Наумов Сергей Иванович,
Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

Справедливость, беспристрастность и толерантность в деятельности полицейского

Справедливость является моральным началом человеческого бытия, которое интегрируется в личностное сознание, начиная с раннего детства, в процессе формирования поведения индивида в обществе. Справедливость можно толковать как соответствие между деятельностью людей и их социальным положением, трудом и получением различных благ, правонарушением и ответственностью. К проявлениям справедливости относится такой законодательный базис, как равенство прав и свобод граждан, равенство всех перед правосудием и т.д. Каждый, совершивший преступление, должен наказываться, а тот, кто не нарушал правовые нормы, не должен быть осуждён. Поэтому основная задача правоохранительных органов, с одной стороны – неотвратимость наказания для тех, кто преступил черту законности. И, с другой, недопустимость несправедливого преследования невиновных. В Федеральном законе РФ «О полиции» (Глава вторая) есть статья седьмая «Беспристрастность», где указано, что «полиция защищает права, свободы и законные интересы человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, …». Помимо этого, сотрудник ОВД «должен проявлять уважение к национальным обычаям и традициям граждан, учитывать культурные и иные особенности различных этнических и социальных групп, религиозных организаций, способствовать межнациональному и межконфессиональному согласию» [1]. Совершенно очевидно, что концепт беспристрастности, безусловно, интегрирует в себе базовые принципы справедливости, но также и другой, не менее важной категории – толерантности. Анализируя соотношение понятий беспристрастности, справедливости и толерантности (или терпимости) применительно к правоохранительной деятельности, неизбежно возникает вопрос: может ли сотрудник правопорядка быть терпимым к нарушениям законодательства, искажающим представление о правосудии и совершаемым, например, его родственниками, друзьями или знакомым. Измениться ли при таких условиях отношение к незнакомому преступнику? Чтобы получить ответ на такой вопрос, мы провели опросное исследование. Эмпирическую базу составили материалы интервью «Влияние толерантности и справедливости на межэтническое взаимодействия в работе полицейских», проведенного среди представителей младшего начальствующего состава ОВД из различных регионов России, проходящих первоначальную подготовку в Нижегородской академии МВД России (n = 104). В результате полученных данных, можно прийти к следующим заключениям. Большинство опрашиваемых силовиков указали, что понимают

и осознают важность соблюдения в своей практике таких понятий, как «справедливое», «беспристрастное» и «толерантное» отношение к людям и готовы следовать ему на практике. Однако около 11 % респондентов признались, что отнеслись бы снисходительно, терпимо к знакомым или друзьям, если те совершили бы какие-либо противозаконные действия, не влекущие уголовной ответственности, и продолжили бы поддерживать с ними дружеские контакты. А если стража порядка будут связывать родственные отношения с нарушителем, то к вниманию изучаемый признак приниматься тем более не будет. Напротив, приблизительно 16 % ответивших могли бы поспособствовать уходу такого родственника от штрафных санкций. Если же его поступок подлежит уголовному преследованию, то лишь 1 % лиц, из числа высказавшихся, попытался бы помочь избежать судимости. Кроме того, было установлено, что этническая принадлежность совершившего административный проступок или преступление не повлияют на принимаемое сотрудником решение у 95% должностных лиц. Таким образом, преобладающее большинство рядовых и сержантов осознают важность соблюдения принципов службы в Министерстве, и в случаях обращения к ним людей из близкого круга общения за помощью, влекущей к избеганию уголовного наказания, ставят личную ответственность и приоритет государственной деятельности выше дружеской симпатии. В целом, сотрудники понимают, каким образом концепты справедливости, беспристрастности и толерантности соотносится между собой.

Литература:

1. *Федеральный закон от 7.02.2011г. №3-ФЗ «О полиции» (с последними изменениями и дополнениями).*

Нечаева Ирина Владимировна,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт аграрных проблем РАН (ИАгП РАН), Саратов, Российская Федерация

Сельский социум: вызовы социальной справедливости

Социальная справедливость всегда являлась основополагающим условием функционирования социумов, неким определителем их состояния и перспектив. Но основная ее функция состоит в определении социального благополучия их членов. Сельскую местность уже традиционно считают социальным пространством с дефицитом социальной справедливости. С ликвидацией государственного колхозно-совхозного сегмента хозяйствования, большая часть сельчан, трудившаяся на этих предприятиях, социум в целом лишились стабильности существования. С уходом государства из экономического пространства его роль продолжала минимизироваться и в социальной сфере[1]. Социально-инфраструктурные

объекты, которые функционировали благодаря местному сельскохозяйственному предприятию и государственному участию стремительно деградировали, существенно затруднив доступ сельчан к медицинскому, образовательному, социально-бытовому обслуживанию Закономерно, что в период с начала 90-х гг. конца века и до начального периода 21 века сельские респондентов остро реагировали на несправедливую социальную ситуацию в аграрном секторе. Трудолюбие составляющее основу сельской жизни является иммунитетом от социальных болезней иждивенчества, поэтому, наибольший рейтинг социальных благ крайне необходимых сельчанам набрало требование права на работу и ее оплату по трудовому вкладу (66,7%). Традиционную стратегию, которую всегда использовали сельчане для повышения своего достатка (расширение ЛПХ, продажа продукции ЛПХ) и которая составила 26% общего массива респондентов перекрыл лейтмотив требования социальной справедливости (32,3% сельчан считало, что нужно требовать справедливой оплаты труда у государства) [2]. Социально самочувствие сельчан в тот период основном характеризовалось чувством крайнего беспокойства за свое будущее, будущее своих близких — 45,7% [3]. Однако полностью устраниться из жизни сельского пространства государству невозможно и, в настоящий период, идет активный поиск форм взаимодействия с сельским пространством. Наблюдается некоторое наращивание государственного присутствия, которое идет по вектору усиления института местного самоуправления, усиления финансирования инфраструктурных объектов. Но основное направление государственной аграрной политики сейчас в основном строится на финансовом стимулировании фермерской деятельности. Согласно поведенческому подходу стимулируя данный вид деятельности можно добиться создания когорты инициативных и обеспеченных индивидов, которая частично возьмет на себя часть социальных функций, а также функции контрагента, взаимодействующего с государственными структурами.

Однако данный вид деятельности, равно как и коллективные сельскохозяйственные предприятия не могут предоставить рабочее место каждому желающему. И даже при наличии рабочих мест уровень заработной платы на современных коллективно-долевых предприятиях такой, что вынужденно выталкивает часть активного сельского населения на заработки в города. Для данного явления возник даже термин - «неоотходники», сельчане работающие в крупных городах вахтовым методом.

В современный период реальное влияние государства на положение дел в аграрном секторе минимально и может проявляться лишь косвенно — посредством, например, демографических акций, фермерских программ и т.п. Современная диверсификация аграрного пространства, которая распространяет идею многофукциональности села приводит к тому, что сельскохозяйственным производством становится занято все меньшее количество людей [4, С. 16]. Поэтому обостренное чувство необходимости социальной справедливости в настоящий период затушевывается и

преодолевается каждым самостоятельно — одна часть сельчан апатично переживает создавшееся положение, другая, - чаще молодая и активная устремляется на поиск ниш работы в городах. В сельском социуме растет и укрепляется мнение, что создавать собственное благополучие можно только самостоятельно, без надежды на патронат государства. Феномен социальной справедливости по отношению к селу в целом слабо осмысливается в социологическом измерении, лишь небольшая когорта исследователей сельской социологии анализирует данные проблемы, намечая векторы основных тенденций и перспектив социального движения сельского социума и его контрагентов. В настоящий период ими констатируется: утрата основных дореформенных черт дореформенного социума, существенное видоизменение социального пространства, ментальных установок и притязаний социальной справедливости, в комплексе ведущие к исчезновению села как социокультурного феномена. Главные вызовы состоят в том, что в селах обострено чувство, что с глобальной массой людей обошлись несправедливо - люди теряют опору в своем социальном пространстве, их жизненные стратегии носят все более индивидуалистичный характер. В общем массиве респондентов у 57% горожан и у 50% сельчан выявлено стремление жить в стабильном социуме[5, С. 28], а в жизненных ценностях сельчан наглядно проявляется насущное желание обрести социальную устойчивость и уверенность в будущем.

Литература:

1. *Бочарова Е.В. Социальный потенциал работников сельскохозяйственных предприятий старших возрастных групп. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2016. Т.16. №2. С. 148-153.*
2. *Результаты социологического исследования «Российское крестьянство в условиях аграрной реформы» ИАгП РАН. Саратовская область. Квотная выборка. 2002 г. N= 457.*
3. *Результаты социологического исследования «Российское крестьянство в условиях нестабильности» ИАгП РАН. Саратовская область. Квотная выборка. 2010 г. N= 332.*
4. *Семенов С.Н., Бочарова Е.В. Совершенствование системы стратегического управления приоритетами развития социального потенциала АПК на основе функционально-структурного метода и социального таргетирования Региональные агросистемы: экономика и социология. 2016. №1 (1). С.16.*
5. *Смыслы сельской жизни (опыт социологического анализа) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. 2016. С. 28.*

Никитина Дарья Олеговна,

СЗИУ РАНХиГС , Санкт-Петербург, Россия

Дисфункции институтов в социальном государстве

Статья 7 Конституции Российской Федерации указывает, что Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [2]. Любое государство можно представить как одно большое общество. А элементы, которые обеспечивают устойчивость

социальных связей и отношений в обществе, называются социальными инстутами. Обычно рассматриваются функции и главные черты социальных институтов, но в данной работе речь пойдет о дисфункциях социальных институтов в социальном государстве. Для начала необходимо обозначить, что подразумевается под дисфункцией, институтом и социальным государством. Так как речь идет о социальном государстве, то и в работе будут рассматриваться дисфункции социальных институтов. Дисфункция социального института – нарушение нормального взаимодействия социального иститута с социальной средой, в качестве которой выступает общество[1]. Под социальным государством понимается демократическое правовое государство, проводящее справедливую социальную политику и в силу этого поддерживаемое населением. Если социальные институты играют важную роль в обществе и государстве, нельзя недооценивать их важность. Необходимо следить и вовремя исправлять работу социальных институтов и их функции. Есть две основные формы, когда функции института перестают работать корректно: постепеннное нарушение функционирования и мгновенное нарушение функционирования[3; 45]. В работе отражены некоторые из дисфункций самых крупных и важных социальных институтов.

1) Дисфункции в институте семьи[4; 20]. Дисфункцией данного института – нарушение и снижение его эффективности в результате негативных факторов, таких как появление и распространение социальных проблем в обществе (например, изменение демографическиой ситуации, изменение возрастного состава населения и т.д.). Институт семьи является одним из самых важных, поэтому некорректное функционирование влияет на институт образования, социализации личности.

2) Дисфункции в институте науки и образования. Как было отмечено выше, прямое влияние на данный институт имеет состояние института семьи. Но и наблдюдается обратная связь: если есть прооблемы в институте образования, то нарушается процесс социализации, снижается уровень образования. Кроме этого, экономическая нестабильность и любые изменения в экономике напрямую влияют на финансирование данного института. Недостаточное развитие образовательной системы пагубно влияет на институт науки и экономики.

3) Дисфункции в институте религии. Данный институт, как и институт семьи, играет большую роль в социализации личности, имеет функцию передачи культурных и мировоззренческих традиций. Любые изменения в социальном процессе (положительные или отрицательные) отражаются на «популярности или непопулярности» той или иной религии. Дисфункция религии может привести к замещению данного института на любой другой, чаще всего на институт экономики, что в корне меняет отношение людей к институту религии, он перестает играть важную роль.

Мы рассмотрели некоторые из дисфункций основных социальных институтов. В функционировании каждого социального института можно найти дисфункции. Главное, вовремя их найти и постараться не допускать,

так как иначе работа социальных институтов будет некорректна, что пагубно отразится на обществе и государстве в целом.

Литература:

1. *Большой социологический словарь. Режим доступа: https://gufo.me/dict/social_dict*
2. *Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. (в ред. от 30.12.2014 г.) // Российская газета. 1993.25 декабря.*
3. *Плотников В.В. Деструкция и дисфункция социальных институтов: анализ жизнеспособности государственной системы // Теория и практика общественного развития. 2014. № 21. С. 44-46.*
4. *Плотников В.В. Дисфункциональный кризис социальных институтов и локальная угроза национальной безопасности // Теория и практика общественного развития. 2014. № 19. С. 19-22.*

Николаева Алла Алексеевна,

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия

Социальное партнерство как механизм достижения справедливости в социально-трудовой сфере

Социальное партнерство играет важную роль в сфере труда. Это механизм достижения некого равновесия между работниками и работодателями, органами государственный власти, а также местного самоуправления, задачей которого является справедливое урегулирование конфликтных ситуаций в процессе производственной деятельности и непосредственное создание единого мнения и позиции, для того, чтобы каждый работодатель мог получать прибыль, а работник имел возможность достойно существовать и обеспечить себя необходимым.

Следует отметить, что в России существуют неразрешённые проблемы в сфере труда и трудовых отношений, приводящие к возрастанию социальных противоречий. Довольно часто встречаются такие явные нарушения трудового законодательства, как наличие неоформленных работников, отсутствие выплаты компенсации за дополнительную работу, несвоевременное перечисление отпускных пособий. Существуют также многочисленные нарушения прав беременных женщин, например, незаконное увольнение, отказ от выплаты пособий по беременности, что является недопустимым. Ведущим принципом разрешения и урегулирования данных проблем субъектами социальной политики является социальное партнёрство. Поначалу может возникнуть ощущение, что все положения, являющиеся обязательными для успешного функционирования социального партнерства в Российской Федерации уже имеются, например, такие как: существование свободных рыночных отношений, наличие необходимой законодательной базы для развития социального партнёрства, наличие профсоюзов. Также можно отметить, что государство провозгласило свои

намерения выступления непосредственным посредником в отношениях между трудящимися и их работодателями. Но по сей день, в России остаются проблемы в сфере социального партнёрства, требующие разрешения. Одной из основных, на наш взгляд, является некорректность реформ, проводимых в социальной сфере, а именно в области трудовых отношений. Социальные изменения, в первую очередь, направлены на перераспределение бюджета страны, выплату пенсий, сбор налоговых средств, выплату пособий по безработице и т. д., а не оказывают помощь в продвижении российского производства и появлении новых рабочих мест. Упущения, связанные с качеством трудовых отношений в социальных изменениях, приведут к отсутствию перераспределителя. Об этом свидетельствует финансовая обстановка, сложившаяся в РФ. Прежде чем добиваться развитого социального партнёрства, необходимо наладить систему трудовых отношений в целом. Отсутствие должного порядка и справедливого распределения в трудовой сфере замедляет формирование среднего класса, основой которого в развитых странах мира, являются наёмные работники, обладающие высокой квалификацией. Благодаря продуктивному труду рабочего класса, они являются более успешными, и заработная плата, которую они получают, в разы превышает доходы работников РФ. Само существование среднего класса является гарантией стабильной ситуации в политической, экономической и социальной сфере жизни общества, а также непосредственного развития области отношений социального партнёрства. Ещё одним препятствием к совершенствованию системы социального партнёрства выступает низкий уровень квалификации трудящихся, как самих работников, так и их работодателей. На данный момент, в России около 60 миллионов человек имеют необходимость в профессиональной переподготовке. Из этого следует, что и действующая система образования нуждается в реформировании. Современное российское общество на данном этапе своего развития характеризуется следующим: человек очень далек от власти и социума, население недовольно жизнью, преобладает низкий уровень экономической, политической и правовой культуры. Люди, обладающие специальными навыками в сфере трудовых отношений, делают акцент на том, что большинство трудовых разногласий в России происходят из-за отсутствия правовой грамотности, примером этому является устройство на работу или наоборот увольнение, оплата труда или отпускные пособия [1.]. Кроме того, профсоюзные организации не всегда должным образом выполняют свои прямые обязанности. В ходе проведения опроса, социологи выявили, что всего лишь 8% трудящихся считают, что профсоюзы «что-то делают», в трети организаций их и вовсе нет [2]. Происходит значительное уменьшение количества профсоюзных организаций, и их репутация тоже находится на очень низком уровне. По статистическим данным, численность сократилась на 10 миллионов членов [3]. Но несмотря ни на что, роль профсоюзных организаций остается неизменной, они в первую очередь обязаны защищать интересы нанятых работников. В России растет понимание того, что ни в коем случае нельзя проводить реформирование

общества без повышения активности населения, а также без осуществления мощной социальной политики. В первые годы, когда были проведены экономические изменения, большинство работодателей посчитало нужным отказаться от вкладывания денежных средств в систему социального обеспечения работников, что впоследствии привело к весьма плачевным результатам, и на данный момент многие управленцы сделали соответствующие выводы и стараются больше не делать таких недопустимых ошибок. Делая вывод можно отметить, что необходимо повышать роль социального партнёрства в системе трудовых отношений, а для этого, в свою очередь, нужен целостный и системный подход в улучшении, преобразовании всех сфер общественной жизни.

Литература:

1. *Радостева М.В. Социальное партнерство в сфере образования на современном этапе // Научный журнал Дискурс. 2017. № 9 (11). С. 60-70.*
2. *Сафонова А.О., Какадий И.И. Технология разрешения межличностных конфликтов в управленческой деятельности // Научный журнал Дискурс. 2017. № 3 (5). С. 103-110.*
3. *Савченко И.А. Теоретико-правовые основы системы социальной защиты в России // Научно-аналитический журнал "Наука и практика" Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2017. № 3 (27). С. 26-35.*

Николайченко Ольга Викторовна,

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия

Социальная и правовая справедливость в обязанностях суда: от истоков к современности

В стремительно развивающемся законодательстве стран можно увидеть две противоположных тенденции. Первая - связана ориентацией права в сторону нравственности, выявлению его особенностей, о соразмерности интересов субъектов правоотношений с противоположными интересами и роли суда в достижении «баланса» в праве. Вторая тенденция носит противоположный характер и особенно очевидна в правоприменительной деятельности судебных органов. Это - приоритет формального подхода, «когда люди перестают понимать какую истину и справедливость им следует отыскивать, за какую истину и справедливость им необходимо бороться» [1; 9], а обращаются в суд без размышлений о способах достижения справедливости под эгоистичным лозунгом «бери от жизни все, что можно». Со стороны судейского сообщества формализм заключается в поиске некоего заранее подготовленного шаблона без живого интереса к судьбам людей и оценке обстоятельств без мотивации в поиске истины, о чем свидетельствуют тексты судебных постановлений, все чаще отличающиеся фрагментарностью, неопределенностью выводов. Для любого суда всех инстанций достижение справедливых результатов судебного разбирательства должно выступать необходимым условием их эффективной деятельности, что подтверждает

общий тезис, сформулированный доктринальным знанием «власти свойственно движение следом за деньгами, а правосудие должно следовать только за справедливостью» [2; 28]. Поскольку без социальной справедливости, представления о которой, безусловно, у всех субъектов, в том числе и судей, разные, нельзя говорить о правовой справедливости и наоборот. Социальная справедливость имеет давнюю историю и детерминирована социально-историческими, экономическими и духовно-нравственными ценностями. Первые представления о социальной справедливости заложены в концепции идеального государства Платона, суть которой сводилась к следующему: «справедливость, укорененная в душе, становится основой душевного здоровья человека и вместе с тем необходимой предпосылкой законодательства...» [3, 123]. Позднее, его современник Аристотель разграничил право и справедливость. Называя справедливость правдой, философ утверждал, что она не соответствует букве формального закона, который не может предусмотреть все случаи жизни. Следовательно, когда закон неудовлетворителен, его нужно править посредством справедливости. Суд не должен применять подобные установки законодателя, так как они несут вред ближнему [4, 133]. Правосудие Древнего Рима, сконцентрированное на гражданских, религиозных и художественных ценностях, связывалось исключительно с понятием справедливости, которое стало основой деятельности суда. Преторы, давая указания судьям, требовали соблюдения ими формулы блага и справедливости [5, 135]. В эпоху средневековья был установлен контроль над свободой убеждений и оценки доказательств. В школе глоссаторов в XII-XIII вв. приходят к выводу, что следует выполнять указания закона и воздерживаться от свободы усмотрения судей [6, 27]. Примечательно, что особая роль в достижении принципа справедливости уделялась обязанности суда ее выявить, на что обращалось внимание еще в Судебнике Ивана Грозного 1550 г. В Соборном Уложении 1649 г. обязанность суда отыскать справедливость и установить истину по делу отражала формальную сторону судопроизводства. Указанные акты сыграли значительную роль в формировании современных представлений о справедливости: - исходящих из формального подхода, т.е. основывающуюся на идее «законной» или «формальной» справедливости, на понимании справедливости как соответствия закону; - подчеркивающих материальный момент, т.е. идея справедливости существует сама по себе, независимо от положительных законодательно-исторических установлений, преимущественно от субъективных установок личности. Условность в разграничении справедливости на формальную и материальную предопределена тем, что индивид не существует сам по себе, в отрыве от общегосударственного правосознания и религиозно-нравственных установок, действующих в определенной местности. «Справедливость» как правовая категория не противопоставляется закону в широком смысле этого слова, а действует параллельно с ним, что подтверждают международные акты и прецедентная практика Европейского Суда по правам человека. Руководствуясь здравым

смыслом и своим житейским опытом, суд критически оценивает доказательства, представленные заявителем для защиты своего нарушенного права. Если представление и исследование доказательств подчиняется законам, заранее установленному порядку, имеющему юридическую силу, то оценка доказательств - справедливостью. «Справедливость» как правовой принцип. Российский законодатель, последовательно модернизируя законодательство, возводит справедливость ранг правовых принципов, о чем свидетельствует п. 1.3 Концепции единого ГПК РФ [14]. Закрепление справедливости в качестве принципа своевременно в целях воспитательного воздействия в формировании правосознания и правовой культуры у субъектов правоотношений. Опыт отправления правосудия в общественном сознании не должен связываться исключительно с привычной законностью, порой чрезмерно формальной и бездушной. Поэтому идея справедливости, возведенная в ранг принципов, по-прежнему останется единственным мерилом объема обязанностей суда как властного участника процессуальных правоотношений.

Литература:

1. *Сорокин В.В. Понятие и сущность права в духовной культуре России. М., 2007. 456 с.*
2. *Фурсов Д.А., Харламова И.В. Теория правосудия. М., 2009. Т. 1*
3. *Бугай Д.В. «Справедливость» в платоновских диалогах: «Апология сократа» и «Критон» // Вопросы философии. 2013. № 1. С. 123-134.*
4. *Кечекьян С.Ф. Учение Аристотеля о государстве и праве. М.-Л., 1947. 218 с.*
5. *Гринберг Л.Г. Понятие справедливости в домарксистской общественно-политической и правовой мысли // Правоведение. № 2. 1964. № С. 135-139.*
6. *Нерсесянц В.С. Философия права. М., 1997. 656 с.*
7. *Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, одобренная решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству Государственной Думы Федерального Собрания РФ № 124 / Вступ. слово П.В.*

Новиков Алексей икторович,

Финансовый университет при Правительстве РФ, Департамент социологии, Москва, Российская Федерация

Социальная несправедливость в условиях российской реальности

Совсем недавно сложившуюся в мировой экономике и политике ситуацию неопределенности и высокой волатильности с предложением все это просто принять без каких-либо оправданий и сожалений и работать в новых условиях сложившейся реальности, принимая как данность не только замедление темпов социально-экономического развития, но и снижение качества жизни населения страны объясняли неологизмом «новая нормальность» (New Normal)

В США в качестве важного практического результата уточнения политики выхода из кризиса стало признание нормы безработицы в качестве целевого ориентира при осуществлении программы количественного

смягчения (кризиса) во всех трех ее проявлениях и использование политики сверхдешевых денег, когда, например, остается неизменным целевой ориентир по инфляции в размере не более 2% роста в год. В ЕС эту проблему решают институциональными мерами, сопровождающими инновационное развитие, направленное на экономический рост . [1]. В России кризисные явления затронули интересы всех без исключения представителей нашего общества, кроме тех 4%, кто не задумывается о своих расходах, при этом существует тенденция увеличения количества бедного населения в стране. Осуществление социально-экономических преобразований в современных условиях в достаточной степени зависит от проводимой государственной властью социально-экономической политики, выражаемой в процессе федерального бюджетирования. [2, 32]. Согласно Экспертному заключению ФГБУН «Институт экономики Российской Академии наук» на проект федерального бюджета РФ 2018-2020 годы, подготовленного группой независимых экспертов, в настоящее время речь должна идти не столько об исправлении отдельных цифр и пропорций, сколько о коренном изменении бюджетной и в целом экономической концепции развития:

- необходимо увеличение бюджетных расходов даже за счет роста дефицита бюджета с 4% к ВРП к 2020 г. до 5–7%, с условием, что это обеспечит необходимые темпы экономического роста;
- необходимо предусмотреть темпы прироста ВВП к 2020 г. 3–4%, имея в виду целью достижение темпов экономического роста к 2023–2025 гг. 5 –6%., при этом все другие экономические задачи, в том числе в области повышения уровня жизни, могут быть решены только в результате ускорения темпов роста ВВП;
- приоритетной задачей является повышение уровня жизни населения, отражаемого в росте реальных денежных доходов граждан, борьбы с бедностью населения, развитии социальной инфраструктуры, формировании адресной (индивидуализированной) системы социальной поддержки населения. [3].

Реализация рекомендаций Института экономики РАН позволила бы создать базовые условия для развития и роста российской экономики и снижения социальной несправедливости в российском обществе, однако в принятом бюджете на 2018-2020 год большинство из этих рекомендаций так и не было учтено.

Литература:

1. *Europe 2020. A Strategy for Smart, Sustainable and Inclusive growth. [Электронный ресурс] URL: http://www.ec.europa.eu/europe2020/europe-2020-in-a-nutshell/fl agship-initiatives/index_en.htm (дата обращения: 20.11.2017).*
2. *Рязанов В. Т. Время для новой индустриализации: перспективы России // Экономист. 2013. № 8. С. 3–32.*
3. *Экспертное заключение ФГБУН «Институт экономики Российской Академии наук» на проект федерального бюджета РФ 2018-2020 годы [Электронный ресурс] URL: http://komitet-bn.km.duma.gov.ru/274618*

Новикова Светлана Сергеевна,
РГСУ, Москва, Россия

Здравоохранение в современной России: от медицинской помощи к рыночным услугам

Дискуссии об эффективности/неэффективности социального государства длятся с самого начала появления этого словосочетания в 1850 г. в работе Лоренца фон Штейна «Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich von 1789 bis auf unsere Tage» (3 тома) [7]. Суть этого словосочетания была и остается в принципах перераспределения ресурсов (доходов, благ и т.д.) в пользу всех (большинства) сограждан государства. Исторически эти принципы сначала воспринимались критически, затем (особенно после революции в России в 1917 г.) всё более благосклонно, и в 60-х годах XX века они стали доминирующими в экономически развитых странах, получив определение «социально ориентированной экономики» (ФРГ), «скандинавского социализма» или «развитого социализма» (СССР). Научная и идеологическая полемика о противостоянии экономики и социальной сферы продолжалась, но de facto приоритет отдавался справедливости в лице социального государства, включая её базовые компоненты – бесплатное образование и медицинское обслуживание. И не случайно Российская Федерация по Конституции 1993 года декларируется как социальное государство. Однако за последнее десятилетие ситуация о приоритете социального государства и, соответственно, справедливости в мировом сообществе и в нашей стране стала ставиться под радикальное сомнение. Резко участились критические оценки социального государства и его атрибутивных качеств, например таких, как эффективность общества всеобщего благоденствия, расширение среднего класса, обязательность предоставления равных возможностей для граждан. Социальная нагрузка на государство (обременение экономики) якобы становится непосильной вследствие старения населения и других причин. В результате в сентябре 2013 г. король Нидерландов Виллем Александр констатировал, что социальному государству пришёл конец. Одновременно появился ряд фундаментальных научных работ, которые подтверждали этот вывод. К их числу следует отнести изданную в 2013 г. книгу французского социолога Томаса Пикетти «Капитал в XXI веке» [6], его работу с двумя соавторами изданную в 2017 г. «От Советов до олигархов: неравенство и собственность в России 1905-2016 гг.» [5], а также Юбилейный доклад Римского клуба "Старый Мир обречен. Новый Мир неизбежен!" (2017) [3]. Экономическое и социальное вновь стало враждебным друг другу, причем теперь явно в пользу экономического. Обычно этот кульбит связывают с доминированием в последние десятилетия идей неолиберализма, которые переходят от пропаганды тотальной конкуренции к мальтузианским построениям

выживания сильнейшего. В современной России идет реализация этих идей и, как следствие, сворачивание социального государства. Ярким примером тому служит ситуация с реформированием системы здравоохранения. Существуют объективные (правда, созданные субъективными управленческими решениями) причины широкого недовольства населения медицинским обслуживанием: многолетнее недофинансирование здравоохранения, устаревшее оборудование, сокращение сети медицинских организаций, оказывающих первичную медико-санитарную помощь, дефицит квалифицированных кадров. В результате, даже в благополучной Москве в 2017 г. 37% горожан отмечали, что у них снизились возможности получать необходимую медпомощь, и лишь 1% ощутили их увеличение [4. С.254]. Отсюда уровень ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) населения ниже, чем в латиноамериканских странах, а среди трудоспособного населения ниже, чем в большинстве африканских стран. Но одна из главных причин низкого качества здравоохранения – его избыточная коммерциализация. По этому показателю современная Россия опережает все экономически развитые и большинство развивающихся стран. По оценке Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), базовым показателем эффективности здравоохранения (т.е. доступности и качества медицинских услуг) служит доля личных средств граждан, которые оплачивают эти услуги. Выбрана и предельно критическая (пороговая) величина этого показателя – 20% от общего объема финансирования здравоохранения. Подсчитаны вероятные негативные последствия превышения этой величины, причем не только для здоровья населения, но и уровня его жизни. В большинстве стран динамика этого показателя положительная. Например, в 1995-2013 гг. в Китае доля средств населения на здравоохранение снизилась с 46 до 34%, в Бразилии – с 39 до 30%. В России шла диаметрально противоположная тенденция и за этот период данный показатель возрос с 17 до 48% [2]. Если учесть огромные теневые выплаты населения в системе здравоохранения, можно признать «поражение» социального государства в этой системе, и соответственно, фактический отказ от норм бесплатного медицинского обслуживания. Об этом же говорит тенденция увеличения в 2010-2016 гг. в 3,5 раза количества медицинских организаций негосударственной формы собственности при известной оптимизации (читай сокращении) государственных организаций [1]. При сохранении такого уровня коммерциализации здравоохранения российское общество ожидает крайне скромные места в мировых рейтингах по ОПЖ и тем более по самому главному сегодня показателю – ожидаемой продолжительности здоровой жизни (ОПЗЖ), а также продолжение демографического кризиса и рост неравенства в получении медицинского обслуживания. Вероятно, надо пересмотреть сложившееся пренебрежение к социальной сфере в угоду экономической и вернуться к принципам и ценностям социального государства.

Литература:

1. *О правовом регулировании участия медицинских организаций различных форм собственности в реализации территориальных программ государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи [Электронный ресурс] // Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации. Круглый стол. 30 ноября 2017. - URL: http://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/88421/ (дата обращения: 28.01.2018).*
2. *Расходы на здравоохранение [Электронный ресурс]. - URL: https://zhartun.me/2015/10/health.html (дата обращения: 25.01.2018).*
3. *Римский клуб, юбилейный доклад. Вердикт: "Старый Мир обречен. Новый Мир неизбежен!" [Электронный ресурс]. - URL: https://www.planet-kob.ru/articles/6832 (дата обращения: 20.01.2018).*
4. *Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М.: Весь Мир, 2018. - 312 с.*
5. *Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia 1905-2016 [Электронный ресурс]. July 2017. - URL: http://piketty.pse.ens.fr/files/NPZ2017WIDworld.pdf (дата обращения: 22.01.2018).*
6. *Piketty T. Capital in the Twenty-First Century [Электронный ресурс]. - URL: https://www.litmir.me/br/?b=273479 (дата обращения: 10.01.2018).*
7. *Stein, L. von. Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich von 1789 bis auf unsere Tage. - Verlag von Otto Wigand, Leipzig, 1850. - Bd. I-III; Русский перевод: Штейн, Л. фон. История социального движения Франции с 1789 г. – СПб.: Тип. А. М. Котомина,*

Панкратова Мая Александровна,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Социальные факторы устойчивого развития

Концепция устойчивого развития получила своё начало благодаря работам Римского клуба, в частности доклада Д. Медоуза «Пределы роста», определившего основные направления возникающих угроз в отношениях между природой и человеком. Свой вклад в формирования экосоциальных теорий внесли такие учёные как В.И. Вернадский в своей теории о ноосфере, Р. Парк, ставший основоположником экологии человека, У. Бек, поднявший вопрос о влияние экологических рисков на социальную жизнь общества и другие. В начале 70-х годов, с развитием производства и роста потребления возникают значительные экологические кризисы, ставящие под вопросом положительные стороны научно-технического прогресса. Оказалось, бездумная трата ресурсов, основанная лишь на экономических выгодах, эффективна только в краткосрочный период. В долгосрочной перспективе появились серьёзные проблемы, связанные не только с истощением ресурсов, социальными трудностями, но и плохой экологией, которая в свою очередь оказывает негативное влияние и на обыденную жизнь населения, его здоровье. Особенность концепции устойчивого развития заключается в том, что она подчёркивает важность гармоничного сочетания трёх сфер: экономической, социальной и экологической. Они не должны рассматриваться в отрыве друг от друга, а так же неправильно выделять и считать приоритетным одно из этих направлений. «Устойчивое развитие – это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени,

но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности».[1] По сути, формирование концепции стало шагом для переосмысления деятельности человечества и принятия совершенно нового вектора его развития. И особенностью этого шага стало усиленное направление на решение проблем социального фактора. Кроме того экологические проблемы впервые в истории стали признаваться всеобъемлющими и привели к принятию мер на международном уровне. Так в 2015 году ООН опубликовало одобренный мировыми лидерами документ «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года».[2] Было поставлено 17 основных целей, которые будут способствовать устойчивому развитию человечества и исцелению планеты. Цели устойчивого развития в большей степени способны охарактеризовать концепцию, отметить те моменты, которые в ней являются приоритетными, затрагивают важнейшие социальные факторы концепции. Под социальными факторами следует понимать явления и процессы, являющиеся причиной для каких-либо социальных изменений, оказывающих влияние на остальные сферы деятельности. Одним из социальных факторов является сокращение неравенства и нищеты. Оно концентрируется не только на внутреннем социальном неравенстве, но и на внешнем, между развитыми и развивающимися странами. Важной проблемой неравенства является социальное положение в обществе, на которое может влиять не только уровень дохода, но и гендерная принадлежность. Концепция стремиться к улучшению положения женщин в обществе, это не только наделение их равными правами, но и жёсткая правовая защита от любых форм насилия. Кроме того, большое внимание уделяется и равному доступу населения к образованию, а так же улучшению его качества. Страны должны способствовать получению необходимых навыков и квалификаций для получения дальнейшей возможности иметь достойную работу. Такая работа должна удовлетворять не только интересы экономические, но и должна быть обеспечена социальная защита труда, разработанная на законодательном уровне. Уже сейчас многие крупные компании стремятся к формированию у себя социальной ответственности, ведут активно волонтёрскую деятельность и постепенно переходят к новым формам отчётности, где главным является не только финансовые результаты, а ещё и социальные программы, корпоративная политика, экологически чистое производство и т.д. Улучшение во всех этих составляющих устойчивого развития влияет на качество жизни населения. Качество жизни, представляет собой социально-экономический показатель, потому что помимо материальных благ, необходимых для удовлетворения потребностей человека, включает и такие социальные нужды, как чистота окружающей среды, личная и национальная безопасность, свобода человека, здоровье и т.д Более высокое качество жизни гарантирует формирование здорового общества, ведь появляется доступ к чистой воде, а так же к хорошему медицинскому обеспечению. Способствует развитию экологически чистых технологий, так как у людей возрастает возможность покупать товары с включённой стоимостью

экопроизводств. Таким образом, социальные факторы играют важную роль в формировании концепции устойчивого развития, необходимо развивать социологический взгляд на эту проблему. Всё три составляющих, безусловно, взаимосвязаны, однако чисто экономический подход или естественнонаучный не в силах отдельно от социологии достичь тех целей, которые мир обязался выполнить.

Литература:

1. *Брундтланд Г.Х. Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР). Пер. с англ./Под ред. и с послесл. С. А. Евтеева и Р. А. Перелета – М.: Прогресс, 1989*
2. *Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года / Генеральная Ассамблея ООН [Электронный ресурс] URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/291/92/PDF/N1529192.pdf?OpenElement (дата обращения: 16.01.2018)*

Панькова Елена Геннадьевна,

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Н.П. ОГАРЁВА» , Саранск, Россия

Соловьева Татьяна Владимировна

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Н.П.ОГАРЁВА» , Саранск, Россия

Бистяйкина Динара Асымовна

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Н.П.ОГАРЁВА» , Саранск, Россия

Направления семейной политики на муниципальном уровне (на примере г.о. Саранск)

Основой любого цивилизованного общества является семья. Защита и укрепление семьи, предоставление социальных гарантий наиболее социально-уязвимым ее членам, сохранение традиций, культивирование семейных ценностей составляют основополагающие начала семейной политики в России.

Одним из условий повышения эффективности семейной политики является более полный учет потребностей разных типов семей, «приближение» семейной политики к конкретным людям. Наиболее близок к жизни людей муниципальный уровень власти. Муниципальная социальная политика (в том числе и семейная) по своей сути - система целей, задач и

механизмов их реализации, направленных на обеспечение населения социальными услугами, на содержание и развитие социальной сферы муниципального образования. Ее содержание - поддержка семей, проживающих на территории муниципалитета. Городской округ Саранск - муниципальное образование и административно-территориальная единица (город республиканского значения), столица Республики Мордовия (РМ). По состоянию на 1 января 2017 года численность населения в г.о. Саранск составила 344 841 человек (русские составляют 71,0 % населения, мордва – 21,0 %, татары – 5,0 %). Насчитывается 130 919 семей, 57 572 детей в возрасте от 0-17 лет [1]. Осуществление социальной политики, которая направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, является одной из основ конституционного строя республики. Расходы на социальную сферу, образование и культуру составляют более половины республиканского и местного бюджета г.о. Саранск. Основным методом реализации социальной политики на муниципальном уровне является программно-целевой. В настоящее время на территории г.о. Саранска действуют 27 муниципальных социальных программ. Муниципальные социальные программы предполагают реализацию системы мер в отношении семьи в различных областях и сферах жизнедеятельности, например: «Обеспечение жилыми помещениями детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей в г.о. Саранск на 2014-2016 годы», «Доступная среда в городском округе Саранск на 2016-2018 годы», «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту в г.о. Саранск», «Обеспечение жильем молодых семей г.о. Саранск», «Социальная поддержка граждан г.о. Саранск», «Развитие физической культуры, спорта и здорового образа жизни населения г.о. Саранск на 2015-2017 годы» [2] и др. Семейная политика в г.о. Саранск направлена на укрепление, развитие и защиту института семьи как фундаментальной основы общества, сохранение и восстановление традиционных семейных ценностей, повышение социальной роли семьи в жизни общества и стратегии развития г.о. Саранск, Мордовии, России. На муниципальном уровне объектом внимания и защиты являются разные типы семей (семьи с детьми, в том числе с детьми-инвалидами и с детьми, оставшимися без попечения родителей, многодетные, кризисные, неблагополучные семьи, семьи ветеранов, семьи малообеспеченные и проч.). По решению социальных проблем всех этих категорий семей предусмотрено проведение комплекса мер (сбор статистической информации о нуждающихся в помощи, предоставление мер поддержки в соответствии с законодательством РФ и РМ, реализация муниципальных социальных проектов и программ, мониторинг эффективности проводимых мер и проч.). Основными направлениями работы в области семейной политики в г.о. Саранск являются: - осуществление мер по улучшению социально-экономического положения семьи; - повышение ценности семейного образа жизни, духовно-нравственных традиций; - воспитательная и культурно-образовательная деятельность; - развитие жизнеохранительных функций

семьи: развитие спорта, массового спорта и физической культуры; - организация работы с замещающими семьями; - развитие социальных инициатив и механизмов социального партнерства в поддержку семье и детям; - работа по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; - реализация социальных проектов, реализуемых СМИ; - предоставление психологической помощи семье и детям [3]; - реализация программ обеспечения занятости и государственной поддержки малого и среднего предпринимательства (в том числе в отношении родителей, имеющих малолетних детей и детей-инвалидов, многодетных родителей); - внедрение новых форм и видов социального обслуживания и информационного обеспечения населения, в.т. различных категорий семей; - оказание помощи в приобретении жилья; - повышение качества и доступности социальных услуг; - расширение спектра предоставляемых социальных услуг; - разработка проектов, направленных на поддержку семьи, с целью привлечения дополнительных средств; - развитие инновационных технологий социального обслуживания. Таким образом, муниципальная семейная политика в г.о. Саранск направлена на создание условий высокого уровня и качества жизни современной семьи, достижение устойчивого семейного благополучия, стимулирование рождаемости, создание удобной социальной инфраструктуры, решение жилищных проблем.

Литература:

1. *Официальная статистика / Население [Электронный ресурс] URL: http://mrd.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/mrd/ru/statistics/population/*
2. *Официальный сайт Администрации городского округа Саранск. Муниципальные целевые программы [Электронный ресурс] URL: http://adm-saransk.ru/socecor/munprog/index.php?sphrase_id=49654*
3. *Муниципальная политика по улучшению социально-экономического положения семьи /Д. А. Бистяйкина, Т. В. Соловьева, А. С. Палибина, Е. Г. Панькова. - Дискуссия. - 2017. - № 2 (76). - С. 62-70.*

Панькова Елена Геннадьевна,
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева , Саранск, Россия
Биксалеев Раис Харисович
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева , Саранск, Россия
Багапова Венера Няимовна
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева , Саранск, Россия

Системный подход в социальной работе с лицами пожилого возраста в Республике Мордовия (на основе эмпирического исследования)

В системе социальной защиты населения нашего региона одним из основных субъектов, осуществляющих практическую социальную работу с лицами пожилого возраста в г. Саранске, является Комплексный центр социального обслуживания. Ряд исследователей региональной системы социальной защиты пожилых граждан отмечают, что устоявшейся тенденцией последних десятилетий в развитии и совершенствовании социальной работы является применение системного подхода к теории и практике [1; 2; 3]. Нами было проведено эмпирическое исследование на базе ГБУ РМ «КЦСО по г.о. Саранск» в форме опроса экспертов. Было опрошено 20 специалистов. Критериями при отборе экспертов выступили: наличие высшего профессионального образования по специальности или направлению подготовки «Социальная работа», наличие стажа и опыта социальной работы с пожилыми людьми (не менее 3-х лет). Большинство экспертов считают использование системного подхода неотъемлемой частью в целом современной социальной работы с пожилыми людьми и важным в собственной работе. Судя по ответам экспертов, системный подход широко используется в социальной работе с лицами пожилого возраста. Следующий вопрос нашей анкеты был направлен на осмысление экспертами современного опыта и сложившейся системы социальной работы, на выявление того, какие характеристики системного подхода находят отражение в современной социальной работе с пожилыми людьми. Эксперты отметили, прежде всего, следующие наиболее важные характеристики:

- наличие четко прослеживаемой структуры, программ, принципов управления, социальных технологий и способностей системы к саморазвитию и самоограничению – 60 %;
- определенный порядок взаимодействия органов и учреждений социального обслуживания, межведомственная взаимосвязь – 75 %;
- последовательные и обоснованные действия всех учреждений социального обслуживания на определенной территории, организационная деятельность учреждений – 55 %;

- фиксированный способ устройства региональной упорядоченной совокупности учреждений независимо от форм собственности – 40 %;
- финансово-экономическое, материально-техническое обеспечение – 40 %;
- научно-методическое и кадровое сопровождение деятельности учреждений и предприятий социального обслуживания – 50 %;
- уровень сформированности (разумной достаточности) нормативно-правового поля, создающего необходимые условия для становления и развития социальных служб в России – 75 %,
- в качестве варианта «иное» экспертами была отмечена такая характеристика системного подхода, как «предоставление полного комплекса социальных услуг» - 80 %.

По мнению наших экспертов, в современной социальной работе наиболее четко находят отражение такие характеристики системного подхода, как предоставление полного комплекса социальных услуг; определенный порядок взаимодействия органов и учреждений социального обслуживания, межведомственная взаимосвязь; уровень сформированности (разумной достаточности) нормативно-правового поля, создающего необходимые условия для становления и развития социальных служб в России. Значительно меньший процент экспертов отметили финансово-экономическое, материально-техническое обеспечение и фиксированный способ устройства региональной упорядоченной совокупности учреждений независимо от форм собственности. На наш взгляд, эти два последних момента связаны: - во-первых, в целом с низким уровнем финансирования системы социальной защиты, в т.ч. и пожилых людей; - во-вторых, с предпринимаемыми в последнее время (не всегда удачными) попытками реформирования учреждений социальной защиты, в т.ч. и ГБУ РМ «КЦСО по г.о. Саранск»). Также хотелось бы отметить, что варианта ответа «предоставление полного комплекса социальных услуг» в готовых вариантах ответов в анкете не было, однако эксперты в качестве варианта «иное» в подавляющем большинстве отметили именно это, что подтверждает их профессионализм и наличие практического опыта. Таким образом, как следует из ответов экспертов, в оценке результативности социальной работы с пожилыми людьми также используется системный подход – оценка результативности предполагает участие вышестоящих структур (Министерства социальной защиты населения РМ), представителей самого учреждения (администраторов и сотрудников), а также самих клиентов социальных служб . Подводя итог опроса экспертов, можно сделать ряд выводов относительно использования системного подхода в социальной работе с пожилыми людьми и его результативности: - системный подход широко применяется в социальной работе с лицами пожилого возраста, а использование основополагающих принципов и методов, идей и выводов теории систем является одной из устоявшихся тенденций функционирования и развития социальной работы в целом и с пожилыми людьми, в частности; - системный подход используется во всех основных видах деятельности в

социальной работе с пожилыми людьми, т.е. является неотъемлемой частью современной социальной работы с данной категорией нуждающихся в социальной защите; - в современной социальной работе наиболее четко находят отражение такие характеристики системного подхода, как предоставление полного комплекса социальных услуг; определенный порядок взаимодействия органов и учреждений социального обслуживания, межведомственная взаимосвязь; уровень сформированности нормативно-правового поля, создающего необходимые условия для становления и развития социальных служб в России.

Литература:

1. *Панькова Е. Г., Палибина А. С., Соловьева Т. В., Бистяйкина Д. А. Муниципальная политика по улучшению социально-экономического положения семьи // Дискуссия – 2017. - № 2. – С.62-71*
2. *Бистяйкина Д.А. Трансформация системы социальной защиты ветеранов великой Отечественной войны Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования №2 (22), 2013г. С. 83-95.*
3. *Абузярова Д. А. Трансформация системы социальной защиты ветеранов Великой Отечественной войны : автореф. диссер. на соискание … канд. социол. наук. – Саранск, 2010. – 22 с.*

Пасовец Юлия Михайловна,

ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», Курск, Россия

Экономические факторы социального неравенства населения в российском макрорегионе (на материалах Центрального Черноземья)

Проблематика социального неравенства населения и поиска эффективных способов его преодоления входит в спектр наиболее актуальных направлений исследований в области социально-экономического знания [1]. В условиях современного российского общества, отличающегося существенной пространственной асимметрией [5], социальная стратификация населения имеет как общие, как и специфические для отдельных региональных сообществ характеристики [2; 6]. В силу этого анализ социального неравенства населения необходимо осуществлять как в общероссийском, так и в региональном и макрорегиональном масштабе [3; 4]. В этом плане представляется важным отметить роль экономических факторов социального неравенства населения, связанных с дифференциацией денежных доходов населения, и проанализировать их динамику за последние годы на примере такого российского макрорегиона, как Центральное Черноземье. Считаем возможным рассматривать Центральное Черноземье, как макрорегион включающий регионы Центрально-Черноземного экономического района: Белгородскую, Воронежскую, Курскую, Липецкую, Тамбовскую области, а также Орловскую область как отличающуюся общностью истории с Курским краем, имеющую тесные социокультурные и экономические связи с перечисленными регионами. В этом плане, прежде всего, следует обратить внимание на динамику денежных доходов населения

макрорегиона. Так, в 2000-е гг. в регионах Центрального Черноземья наблюдается некоторый рост доходов населения в реальном выражении. Вместе с тем этот процесс не имел стабильной нарастающей динамики, поскольку испытал на себе воздействие существенных макроэкономических факторов, таких как снижение производства и определенное сокращение занятости в результате мирового финансового кризиса, начавшегося в 2008 г. Это привело к сокращению реальной начисленной заработной платы работников организаций и в целом реальных денежных доходов населения [7, с. 162]. С 2010-х гг. ситуация с реальными денежными доходами населения стабилизируется, и начинается постепенное увеличение всех показателей этой категории доходов населения [8; с. 158]. Однако с 2015 г. в регионах Центрального Черноземья, как и в России в целом и Центральном федеральном округе, отмечается снижение реальных денежных доходов населения [9, с. 236, 238, 240]. На протяжении 2000–2016 гг. во всех регионах Центрального Черноземья среднедушевые денежные доходы населения были ниже их значений для Центрального федерального округа и России в целом. К 2016 г. только в Белгородской и Воронежской областях эти доходы (29579 рублей и 29569 рублей в месяц соответственно) несколько приблизились к общероссийскому показателю (30744 рублей в месяц), а в отношении остальных регионов разница оказывается более существенной [9, с. 242]. При этом в регионах Центрального Черноземья средний размер ежемесячной пенсии меньше среднемесячного размера заработной платы работников организаций приблизительно в 1,5 раза [9, с. 244, 258]. Как показывает распределение общего объема денежных доходов по 20-процентным группам населения в 2016 г., в регионах Центрального Черноземья верхние по доходам 20,0 % населения получают около половины всех денежных доходов (от 43,7 % в Орловской области до 46,7 % в Воронежской области). При этом на 80,0 % населения приходится вторая половина всех доходов [9, с. 272]. Эта разница обусловливает и значительную поляризованность регионального сообщества: для отдельных регионов Центрального Черноземья коэффициент Джини находится в интервале 0,371–0,408, что несколько ниже общероссийского показателя (0,412) [9, с. 272]. Последнее показывает меньшую степень поляризованности региональных сообществ в рамках Центрального Черноземья по сравнению с российским обществом в целом. Также по отношению к России в целом в регионах Центрального Черноземья наблюдается и меньшая разница в доходах между самыми высокодоходной и низкодоходной группами населения. Это фиксируется коэффициентом фондов, отражающим соотношение в средних уровнях доходов в первой 10-процентной группе населения (с самыми низкими доходами) и десятой 10-процентной группе населения (с самыми высокими доходами). В 2016 г. для областей данного макрорегиона России разница в доходах между наиболее доходной группой и самой низкодоходной группой населения составляет от 12,4 раз в Курской области до 15,1 раз в Воронежской области [9, с. 272]. Таким образом, ключевую роль в углублении социального неравенства населения в регионах Центрального Черноземья на протяжении последних

двадцати лет играют экономические факторы, связанные с усилением дифференциации денежных доходов между группами населения и концентрацией основной массы доходов в высокодоходной группе населения. Влияние этих факторов привело к формированию в макрорегионе контрастного профиля социально-экономической стратификации населения, при котором наблюдаются сосредоточение большей части доходов у пятой части населения и значимая поляризованность регионального сообщества. Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Социокультурные основания стратегического планирования развития российского макрорегиона (на примере Центрального Черноземья)» № 18-011-00739

Литература:

1. *Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы: коллективный научный труд / сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н.И. Лапин. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2016. – 360 с.*
2. *Беляева Л.А. Материальное неравенство в России. Реальность и тенденции // Социологические исследования. – 2007. – № 11. – С. 29–41.*
3. *Пасовец Ю.М. Имущественная стратификация населения России и ее регионов // Регионология. – 2011. – Т. 77. – № 4. – С. 202–210.*
4. *Пасовец Ю.М. К вопросу о региональном измерении современного российского общества // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2017. – № 1. – С. 90–94.*
5. *Пасовец Ю.М. Пространственная асимметрия российского общества: социально-экономическое неравенство и социокультурная дифференциация регионов // Философские науки. – 2016. – № 4. – С. 58–69.*
6. *Региональные особенности уровня и качества жизни / Учреждение Рос. акад. наук Ин-т социал.-эконом. проблем народонаселения РАН. – М.: ООО «М-Студио», 2012. – 392 с.*
7. *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – 996 с.*
8. *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – 990 с.*
9. *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сб. / Росстат. - М., 2017. - 1402 с.*

Поздеева Елена Геннадиевна,

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

Справедливость и доверие - координаты построения будущего

Современное общество в режиме высокой скорости изменений сохраняет важнейшие социальные ориентиры, которые вытекают из его социальной природы, служат импульсом для совершенствования и задают систему координат, в рамках которой происходит структурирование и институционализация социального пространства. Важнейшими координатами были и остаются справедливость и доверие, взаимосвязь

которых и существование в связке требует нового взгляда в рамках меняющегося социально-экономического уклада. Актуальность рассмотрения их воздействия обусловлено еще и тем, что доверие сегодня оказывается более чувствительным к дрейфу общества в режиме развития информационного типа, оно изменяется и реконфигурируется в соответствии с системными изменениями и с учетом трансформации роли субъекта, в то время как справедливость остается доминантным аттрактором, сохраняется в качестве элемента, пронизывающего все изменения и определяющего ценностно-смысловой аспект движения к желаемому будущему. Необходимо отметить, что достижение социальной справедливости и обеспечение социальных гарантий наряду с повышением уровня жизни заботит современных россиян больше всего: по данным опросов Левада-центра справедливостью озабочены 17% и уровнем жизни - 25% населения) [1]. Однако, экспертное сообщество, например, в лице представителей Общероссийского гражданского форума (ОГФ), на первое место ставит демократизацию и развитие правового государства (29%) и лишь на втором месте оказывается рост уровня благосостояния, социальная справедливость и социальная защита (18%). Очевидно, что проблема целей проводимых преобразований и приоритетных направлений государственной политики является наиболее значимой зоной расхождения мнений между экспертным сообществом и населением в целом, и на фоне этого обнаруживается неясность картины будущего. Понятие справедливости носит исторический характер, исходным моментом в социальном запросе на справедливость было равенство в обладании жизненными ресурсами и основополагающими правами. На этапе капитализма справедливость концентрируется вокруг различий в социальном статусе. Понятие справедливости включает в себя соответствие между правами и обязанностями человека, правомерностью его места и роли в жизни общества или коллектива, значимостью трудовой и общественной деятельности индивидов и соответствующим ее вознаграждением. Несоответствие этих соотношений рассматривается как несправедливость [2, С 41]. Еще А. Смит считал справедливость основой общественного устройства. Современный взгляд на справедливость выражен в поздних работах Дж. Ролза, который в противовес утилитаризму поставил честность в основу справедливости. Ролз рассматривает честность применительно к рыночной ситуации, в которой все участники отдают приоритет правилам, а не результату действия. Справедливость Ролза вытекает из двух универсальных правил: все имеют равные права на основные свободы и неравенство допустимо тогда, когда оно выгодно каждому. Справедливость может быть выражена в виде комплекса трех идей: свободы, равенства и вознаграждения за деятельность ради общего блага [3]. Актуальность такого подхода определена тем, что справедливость характеризует социальную систему с позиций равенства гражданства, но различий в уровне дохода и богатства. Д. Готиер в основе справедливости видит предрасположенность индивида к сотрудничеству с другими. Справедливость воплощается индивидом в том, что он выбирает

оптимальный для себя вариант действия и ожидает этого от других, что роднит принцип справедливости с рациональным выбором и акцентирует экономического субъекта в персоне участника отношений [4,С.215]. Предрасположенность к сотрудничеству актуально и для развития отношений доверия, которые служат опорой для общества повышенного риска. В новых научных подходах к справедливости и доверию развивается синтез экономического рационального поведения с моральным основанием. Затянувшийся этап реформирования российского общества отмечен актуализацией запроса на справедливость. Нельзя не учитывать, что потребность в заботе и регулировании общественной жизни с позиций принципа справедливости заложена в чертах социально-антропологического типа россиянина, в его прежней ипостаси «человека советского», сущность и специфику которого раскрыл Ю.А. Левада [5, С.504]. Однако мобилизационный потенциал запроса на социальную справедливость уже в течение ряда лет оценивается как недостаточный [6]. Причинами является то, что он главным образом адресован государству, что стремление к справедливости не сопряжено с общественной солидарностью, готовностью побороться за эту справедливость, и в низком уровне доверия. Доверие в течение срока реформ претерпело много заметных трансформаций, показав свои динамичные свойства. Оно сместилось в малый социальный круг, вытеснило на периферию институты (государство, здравоохранение, церковь), а также обнаружило высокий уровень зависимости от СМИ (за последние два года резко возросло доверие полиции, которая стала активным героем медиа-пространства). Новым поворотом в радиусе доверия является формирование и развитие доверия к техническим устройствам, возникшее в результате стремительного вхождения в нашу жизнь технических средств – заменителей и посредников [7]. Геометрическая картина доверия изменяется структурно, в ней личностным сетевым связям отведено уже не первое место с учетом растущего влияния социотехнических систем.

Литература:

1. *Волков Д., Гончаров С. Образ будущего в представлении экспертного сообщества общероссийского гражданского форума. [Электронный ресурс]. https://www.levada.ru/2017/12/08/obraz-budushhego-v-predstavlenii-ekspertnogo-soobshhestva-ogf/ (Дата обращения 15.01.2018)*
2. *Денисов В.В. Справедливость как социокультурный феномен //Философия и общество, 2011, №3. С.38-53.*
3. *Ролз Дж. Справедливость как честность. [Электронный ресурс]. http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2663 (Дата обращения 19.01.2018)*
4. *Веселов Ю.В. Доверие и справедливость: Моральные основания современного экономического общества: Научное издание/ Ю.В. Веселов. – М.: Аспект Пресс, 2011 - 231с.*
5. *Левада Ю.А. Время перемен. Предмет и позиция исследователя. М.: Новое литературное обозрение, 2016 - 871с.*
6. *Руденкин В.Н. Социальная справедливость - мечта или фактор консолидации общества?//Вестник Уральского института экономики, управления и права, 2013, С 63-69. [Электронный ресурс] https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-spravedlivost-mechta-ili-fa*
7. *Поздеева Е.Г. Доверие в социотехническом пространстве как фактор формирования новых систем/ European Scientific Conference: сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. В 3 ч. Ч. 2. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». – 2018. – 2*

Полтавская Мария Борисовна,
ФГАОУ ВО "Волгоградский государственный университет", Волгоград, Россия

Социальная экономика и проблема измерения «третьего сектора»

Понятие «социальная экономика» вызывает множество споров в научных кругах, не имеет однозначного определения. Социальная экономика связана с теорией социального рыночного хозяйства, в основе которой лежит неолиберальная идеология. Термин «социальное рыночное хозяйство» был введен А. Мюллер-Армаком, его идеи нашли развитие в практической модели социального рыночного хозяйства Л. Эрхарда. Вопросы оценки эффективности «третьего сектора», поиска его индикаторов исключительно актуальны. «Третий сектор» включает некоммерческие неправительственные организации, неформальные сообщества и группы, а также отдельных гражданских активистов. Третий сектор, по словам Л.Саламона, это «сумеречная зона», неизведанное социальное пространство вне рынка, государства и домохозяйства. Границы этого сектора задаются на основе множества факторов, например, таких как источники поступлений прибыли в организации, доход, определение организации в налоговом законодательстве, ценностные ориентаций, правовой статус, активность добровольцев и другие [1]. Пересмотр концепции третьего сектора связан с необходимостью учитывать разнообразные формы социально значимой активности, например, гражданские инициативы, проекты социальных предпринимателей и другое [2]. Концептуализируя данный сектор, некоторые исследователи используют термины «социальная экономика», «солидарная экономика», «социальное предпринимательство», относя это к некому общему полю «SE» исследований [3]. Так, «SE field» включает Social Economy, Social Enterprise, Social Entrepreneurship, Solidarity Economy. В США измерением вклада третьего сектора в экономику занимается университет Джона Хопкинса [4], создан сайт с интерактивной базой данных о некоммерческом секторе США, который позволяет помещать эти данные в контекст, сравнивая различные сектора [5]. В рамках проекта Third Sector Impact Project (TSI), финансируемого Европейской комиссией, были проведены исследования третьего сектора, направленные на определение его сферы охвата и оценку его воздействия. Было разработано определение третьего сектора, которое вошло в новый справочник ООН по измерению некоммерческого воздействия (UN Handbook on measuring nonprofit impact). Справочник расширяет сферу охвата третьего сектора, предлагая учитывать деятельность добровольцев и домашних хозяйств, то есть пересмотреть системы национальных счетов (System of National Accounts) с учетом более широкой концепции «третьего сектора», которая включает некоторые из вновь созданных организаций так называемой «социальной экономики» и

«социального предпринимательства», которые до сих пор не были включены в официальные статистические процедуры. Выделяются следующие причины пересмотра системы измерений экономических данных третьего сектора [6]: Во-первых, это пересмотр в 2008 г. системы национальных счетов (System of National Accounts - SNA), представляющей собой согласованный, последовательный и комплексный набор макроэкономических показателей, которые характеризуют экономическую деятельность государства. Набор этих показателей согласовывается на международном уровне в виде единых определений, классификаций и правил учета. Новый Справочник ООН по НКО (UN NPI Handbook) будет служить руководством для стран в сборе данных по третьему сектору. Вторая причина пересмотра критериев измерения третьего сектора связана с появлением в 2011 г. Руководства Международной организации труда по измерению добровольческой работы [7]. В новый Справочник ООН будут включены руководящие принципы, опубликованные ILO Manual для измерения экономического эффекта добровольчества в секторе НКО, включая измерение прямого волонтерства. Третья причина связана с пересмотром в 2008 г. международной стандартной отраслевой классификации всех видов экономической деятельности (International Standard Industrial Classification of All Economic Activities - ISIC Rev.4), который значительно расширил число областей, в которых работают НКО. В новом UN NPI Handbook будет обновлена международная классификация некоммерческих организаций. В-четвертых, это связано с целями устойчивого развития ООН. В новом Справочнике ООН по НКО будут представлены рекомендации для стран, которые хотят выйти за рамки производства базовых оценок сектора НКО, чтобы измерить объем производства, результаты и влияние некоммерческих организаций и других организаций третьего сектора, поскольку они связаны с достижением Целей устойчивого развития ООН. В-пятых, пересмотр вызван возрастающим интересом со стороны статистики, социологического сообщества, политиков, частных инвесторов к гибридным организациям “related” institutional units. Указанные организации могут принимать различные организационные формы, такие как кооперативы, общества взаимного страхования, социальные предприятия, некоммерческие и благотворительные корпорации, а также неформально организованные виды деятельности. Таким образом, в новом Справочнике ООН по НКО (UN NPI Handbook) будет сделан существенный прогресс, достигнутый в последние годы в разработке концептуальных рамок для определения и отчетности о вкладе организаций третьего сектора в экономику. *Работа выполнена в рамках научного проекта № 17-13-34010 «Ресурсный потенциал некоммерческих организаций в сфере социального предпринимательства» при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области

Литература:

1. *Salamon L.M., Sokolowski S. Beyond Nonprofits: Re-conceptualizing the Third Sector // Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 2016. Vol. 27. No. 4. p. 1515–1545.*

2. *Viterna J., Clough E., Clarke K. Reclaiming the «Third Sector» from «Civil Society». Sociology of Development. 2015. No.1 (1). p. 173-207*
3. *Teasdale, S. What's in a name? The construction of social enterprise, TSRC Working Paper 46, 2010. Birmingham and Southampton: Third Sector Research Centre. [Электронный ресурс] http://epapers.bham.ac.uk/781/ Дата обращения 23.01.2017*
4. *Центр исследований гражданского общества университета Джона Хопкинса осуществляет проект Nonprofit Economic Data (NED), результатом которого стало создание интерактивной базы данных о некоммерческом секторе США, которая включает данные о размере, составе, распределении и динамике некоммерческой занятости в различных штатах и в США в целом. Данные собираются в результате ежеквартальной переписи занятости и заработной платы (Quarterly Census of Employment and Wages (QCEW) на основе базы данных Бюро статистики труда Министерства труда США (Bureau of Labor Statistics' (BLS)*
5. *Nonprofit works. An Interactive Database on the U.S. Nonprofit Economy [Электронный ресурс] http://ccss.jhu.edu/nonprofit-works/about/ Дата обращения 28.01.2018*
6. *The UN Nonprofit Handbook Project (UNHB) [Электронный ресурс] http://ccss.jhu.edu/research-projects/un-nonprofit-handbook/ Дата обращения 28.01.2018*
7. *Volunteer Measurement Project (VMP) [Электронный ресурс] http://ccss.jhu.edu/research-projects/vmp/ Дата обращения 28.01.2018*

Пономарёва Наталья Дмитриевна,
Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, Набережные Челны, Россия

Идея социальной справедливости как инвариант социально-гуманитарных практик: рефлексия из современной России

Идея справедливости есть атрибутивный сознанию рефлексирующего человека мыслеобраз. Меняются социальные конфигурации (варианты), как-то политический строй, государственная система, культурные предпочтения, однако, при этом остаётся инвариант – озабоченность социальным уравниванием (справедливостью). Теоретические проекты по восстановлению либо воцарению самой идеи социальной справедливости, вызывающей озабоченность рефлексирующих людей во все времена, широко известны [3]. Можно упомянуть и относительно новые в гуманитарном пространстве учения – агатологию и иренологию, способные по своему осветить идею социальной справедливости и находящиеся в причинно-следственной связи. Так, благо (по Аристотелю цель этики), - это то, что признаётся разумом, оно относительно объективно. Воцарение (укоренение) идеи социальной справедливости, рассматриваемой с точки зрения её благой миссии, может стать основой социального паритета, а, значит, избегания войн как крайнего средства решения социально-политических проблем. Недавние события контекста МОК - РФ - Пхёнчхан подтверждают: спорт - сублимация войны. Не обойтись здесь без Аристотеля: «….справедливость, как кажется, есть равенство, и так оно и есть, но только не для всех, а для равных; и неравенство также представляется справедливостью, и так оно и есть на самом деле, но опять-таки не для всех, а лишь для неравных» [4]. Разложение уважения к самой идее социальной справедливости увязывается

россиянами соответствующих возрастов с переформатированием социума страны с советского на российский, а экономики – с плановой (социалистической) на рыночную (капиталистическую). Потому аномия, утвердившаяся в современном российском социуме, лёгко объяснима - была вызвана к жизни новая мораль. Мораль социалистическая, основанная на идее всестороннего равенства столь резко канула в Лету, что вызвала у многих мировоззренческий шок вкупе с когнитивным диссонансом. Необходимая социальной структуре пластичность обернулась этической гутаперчивостью - неспособностью противиться обстоятельствам, подчинением им. Обобщая же, заметим: сытость следствием получила человеческую чёрствость. Дж. Ролз теоретически постулировал: «общество устроено правильно, когда его институты максимизируют чистый баланс удовлетворения. Принцип выбора для одного человека распространяется на выбор для группы людей. Социальная справедливость - это принцип рационального благоразумия в применении к совокупной концепции благосостояния группы» [6, с.34]. Как же с этим обстоят дела в современной России, свидетельства попрания прав граждан которой в изобилии предлагаются как СМИ, так и СМК? Так, в РФ наблюдаются [4]: - чрезмерная поляризация богатства и бедности; - распределение общественных должностей не по заслуге, а по иным критериям (личная преданность, родственные связи, взятка); - отсутствие принципа равенства в частном обмене вообще и экономическом, в частности; - несоблюдение принципа пропорциональности в воздаянии, в частности в наказании преступников; - отсутствие добродетельных государственных мужей, пекущихся об общественной справедливости более, чем о своём личном благе. Возможным утешением в данной связи может послужить перечень правил жизни, выработанный Биллом Гейтсом, первое из которых: «жизнь несправедлива – свыкнись с этим фактом» [1]. Его призыв можно расценить как популяризацию стоического восприятия действительности, предлагающего человеку не задаваться вопросами типа «за что мне это?», а сосредоточиться на вопросе «для чего мне это?». По-видимому, для осознания, что отношения взаимопомощи и сотрудничества в общественной жизни онтологизируют принципы построения социального государства, базис которого - социальная справедливость. Значит, «дорожная карта» по воплощению идеи социальной справедливости в действительности должна также содержать концептуальную систему солидарологии и социальных отношений [2]. Столкновение дескрипции (как есть) и прескрепции (как должно быть) обозначается сопоставлением российских «несправедливостей» с атрибутами социального государства, (фундамент которого - принцип социальной справедливости), предполагающий [5]:

- гарантии для каждого человека на труд в соответствии с его способностями и квалификацией, на оплату труда в зависимости от его качества и количества;

- возможность самообеспечения и повышения своего благосостояния;

- создание, в идеале, равных стартовых возможностей всем членам общества через систему воспитания, образования и социальной поддержки;

- переход от политического и правового равноправия граждан к их социальному равноправию;

- обеспечение силами государственных и общественных институтов приемлемого уровня жизни для слабых слоев и отдельных граждан, не имеющих возможности трудиться и самостоятельно поддерживать свой жизненный уровень.

Получается, что социальным государством РФ является только de jure.

Справедливость с точки зрения социума и индивидуального сознания провоцирует достаточное количество дилемм: имманентна или трансцендентна человеку и обществу справедливость, а не сама её идея? Явность (эвидентность) или латентность ей свойственна? Между тем вспомним Декарта, завещавшего: уточняйте понятия, и вы избавите мир от половины заблуждений. И современным россиянам не пристало множить заблуждения, отказываясь от притязаний на справедливость, как в теоретическом, так и практическом её воплощении.

Литература:

1. *Билл Гейтс – правила жизни, о которых нельзя забывать//Русская газета в Атланте. - [Электронный ресурс]. - URL: http://russiahousenews.info/other-story-news/bill-geyts-pravila-zhizni. (дата обращения: 25.01.2018)*
2. *Гринин Л.Е. Х.А. Барлыбаев. Солидарология. Философия солидарности//Вопросы философии. – 2017. - №11. - С. 219-223.*
3. *Канарш Г.Ю. Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация.- М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2011. - 236 с. – [Электронный ресурс]. - URL: http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/2011/monographs/Kanarsh_Social_Justice_2011.pdf (дата обращения: 25.01.2018)*
4. *Кашников Б.Н. Концепция общей справедливости Аристотеля: Опыт реконструкции. [Электронный ресурс]. - URL: http://iph.ras.ru/elib/EM2_6.html (дата обращения: 25.01.2018)*
5. *Новая философская энциклопедия. Социальное государство. – [Электронный ресурс]. - URL: https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASHad66b0624897b321e87aad. (дата обращения: 25.01.2018)*
6. *Ролз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск, Издательство Новосибирского Университета, 1995. – 297 с.*

Попов Максим Юрьевич,

ИСН ИГУ, Иркутск, Россия

Социологический анализ популизма как специфический формы развития социального государства.

Социальное государство, как идея, в современном научном и политическом дискурсе признается неотъемлемой частью развития общества, сложно представить развитое государство которое не выдвигает одной из основных задач всеобщее благоденствие. Упоминание о социальном

государстве содержится в конституциях и других высших законодательных актах многих стран. Теория государства всеобщего благоденствия предполагает, что социальные гарантии обеспечиваются путём государственного регулирования экономики (прежде всего, крупного бизнеса) и налоговой политикой [1]. В процессе политической борьбы выдвижение идей социального государства, партией, общественным движением или политиком всегда получает самую широкую поддержку. Как в элитарной среде, так и в обществе.

Согласно теории символьного интеракционизма любое взаимодействие осуществляется посредством символов, а любая концепция является системой устоявшихся символов. Социальное государство как концепция, тоже состоит из набора идей: материальные блага, справедливое распределение, социальная справедливость, уровень жизни, помощь нуждающимся, борьба с безработицей и т. д. Все эти идеи, имеют четкий образ, как в обществе, так и у его отдельных членов. Ввиду наличия у этих идей четкого образа, можно рассматривать их как символы. Следовательно, социальное государство как концепция представляет собой систему символов.

Значимость идеи социального государства так велика в современном политическом дискурсе, что концепция социального государства и ее части, дали новый виток развития популизма на Западе, так как популизм не способен самостоятельно выдвигать последовательных и широкомасштабных программ по решению важных политических вопросов. Что неизбежно ведет к обнаружению нами связей популизма с «целостными» или «тотальными» идеологиями, которые восприимчивы к политическому контексту, и потому способны приобщаться к популистским конструкциям [2]. В современном политическом дискурсе, такой теорией зачастую становится концепция социального государства. Основной причиной этого является то, что важной частью популистского дискурса выступает противопоставление по принципу «свой - чужой», где наиболее часто используется символьное разделение «народ - элита», в котором популист выступает как «поборник справедливости, выразитель народного гнева, человек из народа, которому элита мешает жить хорошо». Символы, из которых состоит идея социального государства, прекрасно вписываются в антагонистическую модель популистов: «народ - элита», где материальные блага нужно справедливо перераспределить в пользу народа, уровень жизни простых людей плох по причине высокого уровня жизни элит и т. д. Концепция социального государства, является важной частью развития общества, её аспекты на основе опыта ряда стран имеют в основном позитивный результат, и действительно меняют жизнь к лучшему. Что неизбежно ведет к популяризации этой концепции, и становлению важной частью глобальной повестки дня. Следствием этой популярности и политической актуальности, становится своеобразное «донорство» идей и концепций в форме символьного взаимодействия для современного популизма. Популизм, не являясь самостоятельной идеологией, выдергивает наиболее актуальные символы из контекста цельных идеологии. Поэтому важной задачей для

социологов и политологов, становится анализ процесса взаимодействия популизма и концепции социального государства, в том числе и на уровне символа. Правильно проанализировав эту проблему, можно будет классифицировать политические элиты, по признаку вовлеченности в этот процесс.

Литература:

1. *Габрелян, Э.В. О правовом и социальном государстве / Э.В. Габрелян // Российская юстиция. – 2011. – № 5. – С. 32 – 34.*
2. *Мусихин Г. И. Популизм: структурная характеристика политики или «ущербная идеология»? //Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2009. – №. 4.*

Прохода Владимир Анатольевич,

1. МГУ имени М.В. Ломоносова; 2. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Оценка россиянами национальной системы социального обеспечения

Публикация базируется на данных восьмой волны межстранового сравнительного социологического исследования «Европейское Социальное Исследование» (ESS), проведенного в 2016 г. «ESS» - проект, в рамках которого с 2002 г. проводится многолетнее сравнительное изучение установок, взглядов, ценностей и поведения населения европейских стран. В каждой стране опрашивались респонденты в возрасте 15 лет и старше, по национальной репрезентативной случайной выборке. В России опрос проведен ЦЕССИ (Институт сравнительных социальных исследований) в октябре 2016 г. - январе 2017 года, размер выборки - 2430 респондентов. Право человека на социальное обеспечение признается на официальном уровне и закреплено в важнейших международных правовых актах [1; 2]. На национальном уровне право российских граждан на социальное обеспечение конкретизируется в Конституции РФ. При этом единое общепринятое определение социального обеспечения отсутствует. В настоящей работе под социальным обеспечением понимается форма выражения социальной политики государства, направленной на материальное обеспечение определенных категорий граждан из средств госбюджета и специальных внебюджетных фондов в случае наступления событий, признаваемых государством социально значимыми, с целью выравнивания социального положения этих граждан по сравнению с остальными членами общества [3,13-14]. В контексте социальной справедливости последнее приобретает особую значимость, поскольку результаты «ESS» показывают - большинство жителей европейских стран убеждены, что справедливым можно считать только такое общество, где различия между людьми в уровне жизни невелики. Социальное обеспечение многоаспектное явление, которое может принимать различные формы и виды - пенсии, пособия, компенсационные

выплаты, социальные услуги и др. [4]. Для выявления оценки населением системы социального обеспечения респондентам задавалась серия вопросов. В числе прочих, опрошенных просили оценить материальное положение пенсионеров и безработных в стране - от 0 баллов (очень плохое положение) до 10 баллов (очень хорошее положение). Применительно к пенсионерам средний балл составил всего 2,54 балла. Иными словами абсолютное большинство россиян констатирует крайне низкий уровень благосостояния пенсионеров. Отметим, что в России по сравнению с другими странами – участницами проекта фиксируется минимальный показатель. Для сравнения средний балл в Норвегии – 6,51 балла, в Нидерландах – 6,21, в Швейцарии – 6,2, в Австрии – 6 баллов. Ближе остальных европейских стран к России оказались: Исландия (3,45 балла); Польша (3,49); Словения (3,52); Чехия (3,73). При этом российские пенсионеры как субъект социального обеспечения демонстрируют более негативную оценку (среднее значение - 2,2 балла), по сравнению с остальными россиянами (2,66). Видимо, сказывается возможность оценки на собственном опыте. В тоже время в ряде европейских стран (Швейцария, Германия, Франция, Великобритания, Ирландия, Швеция) респонденты, находящиеся на пенсии, оценивают материальное положение пенсионеров страны лучше, чем остальное население, что дает основания положительно характеризовать национальные системы социального обеспечения. Материальное положение безработных россиян респонденты оценивают крайне негативно (2,36 балла). Как и в случае с пенсионерами, в России по сравнению с другими странами - участницами «ESS» фиксируется минимальный показатель. Так, в Австрии средний балл, характеризующий материальное положение безработных превышает середину шкалы и составляет 5,43 балла, в Норвегии – 5,28, Бельгии – 5,16, Швейцарии – 5,13 балла. В ближайшем окружении России оказались постсоциалистические страны – Эстония (3,21 балла), Польша (3,2), Словения (3,03). Оценка материального положения российских безработных респондентами, констатировавшими, что в предшествующие опросу семь дней были без работы и активно ее искали, еще критичнее – 1,96 балла (остальные россияне – 2,37). В ходе исследования опрошенных также просили высказать степень согласия с утверждениями, характеризующими национальные социальные пособия, льготы и услуги. Проведенный факторный анализ позволил выявить фактор, условно названный «эффективность социального обеспечения». С высокими факторными нагрузками в него оказались включены переменные: 1. национальные социальные пособия, льготы и услуги сдерживают рост бедности; 2. национальные социальные пособия, льготы и услуги способствуют преодолению неравенства. Далее страны – участницы проекта были ранжированы в порядке возрастания их среднего значения по полученному фактору – чем ниже в представлении населения эффективность национальной системы социального обеспечения, тем больше ранг страны. В импровизированном рейтинге Россия оказалась на последнем месте. Пессимизм в оценке особенно характерен для заинтересованных категорий

россиян – пенсионеров и безработных. Интересно, что в большинстве европейских стран, чем выше уровень образования респондентов, тем оптимистичнее оценка эффективности системы социального обеспечения и только в России и Польше наоборот. Первые позиции в рейтинге занимают Австрия, Норвегия, Бельгия, Финляндия. В группу аутсайдеров вместе с Россией составили Эстония, Польша, Чехия. Таким образом, можно констатировать, что в представлении россиян национальная система социального обеспечения плохо справляется с возложенными на нее функциями и поэтому получает низкие оценки населения.

Литература:

1. *Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948). Статья 22 [Электронный ресурс]. URL: http://base.garant.ru/10135532/ (дата обращения: 23.01.2018).*
2. *Европейская социальная хартия (принята в г. Страсбурге 03.05.1996). Статья 12. Право на социальное обеспечение [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120807/ (дата обращения: 23.01.2018).*
3. *Право социального обеспечения / Под ред. К.Н. Гусова. М.: ПБОЮЛ Грачев С.М., 2001. – 328 с.*
4. *Радонова А.В. Основные формы социального обеспечения и социальной защиты населения // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 3 (25). С. 202-204.*

Пружинин Александр Николаевич,
Иркутск, Россия

Значение образования в развитии человеческого капитала России

В условиях инновационной экономики, ведущей к развитому постиндустриальному обществу, основополагающей целью власти становится формирование человеческого капитала как источника ускоренного роста ВВП. Исследования З.А. Васильевой, Н.Н. Ярушкина, Е.М. Самородовой, Г.А. Филонова показывают, что расходы государства на социальную сферу (здравоохранение, образование, наука) до 45-50% к ВВП вызывают резкое увеличение показателей ВВП, справедливо и обратное – сокращение расходов до 25-35% вызывает снижение экономического роста ВВП [3]. Согласно исследованиям, в США, вклад в развитие человеческого капитала обеспечивает прирост общественной производительности от 26% до 55%, в то время как в оборудование, лишь 20% [5]. По данным индекса человеческого развития (ИЧР) на 2015 г. Россия занимает 49 место с общим индексом 0,804, суммарные расходы на социальную сферу относительно % к ВВП – 47,55 [8]. Для сравнения, индекс США и Канады – 0,902 (10 место), расходы на социальную сферу 58,2; 66,75 соответственно. Индекс Германии – 0,926 (4 место) расходы 70,6. Япония – 0,903 (17 место), расходы 65,15 [1]. Следовательно, как и было уже сказано, главным приоритетом властей становится развитие человеческого капитала через инфраструктуру субъекта: образовательные, медицинские услуги, а также безопасные условия жизни. И

здесь встает вопрос регионального развития, как одного из условий роста общего ИЧР России. На 2017 г. ИЧР только 4-х регионов имеет индекс от 0,902 (очень высокий), выше чем у Польши или Чехии, в то время как 9 беднейших регионов находятся в интервале между 0,766 и 0,813, что сопоставимо со странами третьего мира. Некоторые регионы «среднего звена» 0,800-0,899 компенсируют недостаточность развитости инфраструктуры (образования, здравоохранения) чрезмерно высоким уровнем доходов от экспорта сырья [7]. Неразвитость инфраструктуры региона ведет к низкому уровню ВВП и как следствие невысокому уровню потребительских доходов, невозможности развития сферы товаров и услуг. По оценкам специалистов, за последние 15 лет, из России уехало более 20 тыс. кандидатов и докторов наук, что только за 5-6 лет оценивается в 200 млрд. дол. убытка. Иными словами, большинство регионов России не способны выполнять свои социальные функции в развитии человеческого капитала. Ко всему прочему им нечем удержать абитуриентов от миграции: молодежь в возрасте от 17-21 года поступает в наиболее популярные ВУЗы Москвы, Санкт-Петербурга, Самары, Новосибирска и Красноярска, лишая свои регионы возможности формировать социальный капитал [4]. Главным источником развития инновационной экономики и основой постиндустриального общества, является наука. Она источник инновационного потенциала, который, в свою очередь обеспечивает появление новых рынков, рост производительности труда, улучшение качества жизни в целом, и прирост ВРП [6]. Невозможность большей части регионов иметь инновационный потенциал такого рода, основательно уменьшает их шансы на полноценное социально-экономическое развитие и социокультурное воспроизводство. Российское образование недостаточно финансируется. Ко всему прочему, образовательные центры получают большую часть бюджетных средств, и ВУЗы имеют неравные условия для развития, следовательно, не способны давать более высокий уровень человеческого капитала. Нехватка финансирования провоцирует коммерциализацию вузов, что вызывает снижение качества образования. Таким образом формируется образование второго сорта, предназначенное для низкооплачиваемого населения, не способного оплатить более высокий уровень образовательных услуг. В противовес этому, создается группа элитных университетов и школ для более платежеспособного населения, что дополняется неравенством возможности повышения квалификации [2]. И как следствие происходит дифференциация доходов, замыкающая круг. Стагнация развития региона. Как показывает исторический опыт, потребление природных ресурсов и принцип «сырьевых» регионов – тупиковый путь развития. Полноценное финансирование государства в развитие человеческого капитала резко стимулирует социально-экономическое развитие страны или региона, формируя тем самым инновационный потенциал, обеспечивавший стабильный прирост ВРП и ВВП. Основой инновационного потенциала является образование, но неравномерность инвестиций государства в образовательные центры, а также

социальную сферу регионов, замедляет рост человеческого капитала в РФ. Для дальнейшего формирования России, как социального государства, требуется создать равные возможности развития регионов, повысить качество образовательных услуг, увеличивая инвестиции в сферу образования. Если данные условия будут соблюдены, то рост человеческого капитала может быть невероятно высоким, поскольку каждый регион имеет свои климатические, культурные и исторические особенности, которые индивидуально отражаясь на менталитете населения, ставят разные задачи развития. Предположительно в таком случае научный и инновационный потенциал России сможет развиваться существенно качественней.

Литература:

1. *Ахинов Г.А. Сравнительный анализ бюджетного финансирования социальных услуг // Вестник УГАЭС. Наука. Образование. Экономика. 2012. № 1 (1). С. 71-77.*
2. *Беленкова О.А. Роль антропологического фактора управления в формировании человеческого капитала общественного производства // Вестник Башкирского университета 2014. №4 (19).*
3. *Васильева З.А. Формирование модели экономического роста региона // Вестник СГАУ имени академика М.Ф. Решетнева. 2013. №4*
4. *Кашницкий И.С. Межрегиональная миграция молодежи в России: комплексный анализ демографической статистика // Вопросы образования. 2016. №3.*
5. *Самородова Е.М. Место и роль человеческого капитала в постиндустриальной экономике // Территория науки. 2013. №2. С. 201-209.*
6. *Суслова О.М. Человеческий капитал как критерий социального неравенства постиндустриального общества // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. №4*
7. *ИРЧП субъектов РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://goo.gl/DcmdH7 (дата обращения: 10.01.2018)*
8. *Список стран по ИРЧП [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://goo.gl/4dJQcq (дата обращения: 14.01.2018)*

Пустовалова Елена Валерьевна,

ФГБОУ ВО "Алтайский государственный университет", Барнаул, Российская Федерация

Справедливость как критерий эффективности социального государства

В современном мире, вероятно, не найдется ни одного политического режима, в задачи которого не входило бы построение или поддержание социального государства. Это может провозглашаться на уровне идеологического тезиса, иметь под собой реальные проекты и программы или уже функционировать как стабильная, социально ориентированная система социальной поддержки населения. На каком бы уровне решения этой задачи не находилось государство, ему необходимо осуществлять мониторинг результатов своей деятельности. Одним из важнейших его аспектов является, очевидно, общественная оценка эффективности деятельности государства. В качестве одного из критериев выступает справедливость как принцип распределения социальных благ, помощи и поддержки государства. Т.Б. Острая в своей статье «Социальное государство

как инструмент достижения социальной справедливости» отмечает следующее: «Современное понимание социальной справедливости связано с предоставлением равных стартовых возможностей, социальных гарантий всем членам общества, обеспечением равной оплаты за равный труд, предотвращением дискриминации кого бы то ни было, необходимостью поддержки депривированных слоев и групп населения» [2, с. 238]. Однако, применение данного критерия вызывает определенные сложности. Будем исходить из аристотелевского истолкования понятия «справедливость», определяемого как соответствие воздаяния деянию. Оно отражает комплекс проблем, которые могут возникнуть при использовании этого понятия в качестве распределяющего принципа. Прежде всего, следует обратить внимание на его очевидную субъективность. Очень сложно найти меру соответствия деяния и воздаяния, при которой представления о ней у воздающего и принимающего воздаяние совпадают. Таким образом, государство перед внедрением тех или иных социальных программ, очевидно, должно выяснять у населения уровень его ожиданий от применения мер социальной поддержки. Еще один немаловажный аспект использования справедливости в качестве критерия эффективности – это его этический характер. Применение нравственной оценки чревато отсутствием четких границ, определяющих, где заканчивается справедливость и наступает несправедливое распределение социальных благ и преференций. «Нравственное воздействие недостаточно, оно не может гарантировать благополучие людей и их безопасность, поскольку нравственные нормы не носят всеобщий и принудительный характер. К тому же, нравственные нормы носят условный и относительный характер…» [1, с. 31]. Опора на принцип справедливости может снизить роль права как регулятора общественных отношений, что, вероятно, осложнит использование правовых механизмов, сопровождающих государственные социальные проекты. А это, в свою очередь, может способствовать возникновению злоупотреблений властью, развитию коррупции и т.д. Кроме того, для достижения одобрения обществом социальных проектов государства, необходимо обеспечить открытость и прозрачность принимаемых им мер. Сегодня государство предоставляет такую возможность, когда организует общественное обсуждение, используя в качестве площадки возможности сети Интернет. Но, и этого не всегда бывает достаточно для достижения оценки результата как справедливого. Все эти проблемы указывают на то, что применять принцип справедливости в качестве критерия эффективности социального государства следует очень осторожно и ограниченно. Очевидно, было бы корректно использовать при этом правовые инструменты и социологические исследования, которые предоставили бы наряду с моральной оценкой, объективную картину социальной деятельности государства.

Литература:

1. *Исмаилов Н.О. Взаимосвязь права и нравственности в контексте справедливости / Н.О. Исмаилов // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Регионоведение:*

философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. - 2014. - Вып. 1. - С. 28-34.
2. *Острая Т.Б. Социальное государство как инструмент достижения социальной справедливости / Т.Б. Острая // Известия Томского политехнического университета. 2006. Т. 309. № 2. – С. 238-241.*

Радионова Светлана Павловна,
Санкт-Петербург, Россия

Человеческий потенциал как основной потенциал развития инновационной экономики

Понятие «потенциал» часто трактуется как «сила, мощь, возможность» [1] для достижения стратегических целей. Известный экономист Немчинов В.С. рассматривал категорию потенциала как главное содержание планирования экономического развития и акцентировал внимание на обеспечении необходимых изменений этих потенциалов расширенного воспроизводства, что является важнейшей задачей экономической политики [2]. Говоря о человеческом потенциале в условиях формирования инновационной экономики, обычно всё сводят к экономической категории «человеческий капитал», который в узком смысле означает – образование, а в широком смысле включает образование, науку, информацию, здоровье, культуру и искусство. В последнее время в состав человеческого капитала добавляют инвестиции в составляющие, обеспечивающие формирование гражданского общества и развитие институциональных услуг [3]. Эксперты Всемирного банка оперируют понятием «человеческие ресурсы», которое объединяет ценность простого труда, человеческого капитала и социального капитала, определяя социальный капитал как «сплав личностных и институциональных отношений между людьми, определяющий, почему разным обществам в разной степени удается преобразовывать ресурсы, находящиеся в их распоряжении, в устойчивое благосостояние» [4]. Выделение социального капитала в отдельную составляющую, хотя и трудно измеримую, имеет смысл с точки зрения рыночной российской экономики, которая характеризуется переходом к новому качеству экономического роста и экономического развития на основе инноваций. В этих условиях возможно вмешательство государства как важнейшего регулятора и стимулятора инновационного бизнеса при выборе направлений развития, влияя на формирование социальной ответственности бизнеса перед обществом. За 25 лет рыночных реформ государство утратило лидерские позиции в регулировании инновационной деятельности крупного бизнеса, который все больше вовлекается в спекулятивные операции на фондовом рынке, участвует в посреднических торговых операциях и др., не желая участвовать в реализации долгосрочных инновационных проектов. Государству в ходе рыночной трансформации изменения институциональной среды, надо

больше внимания уделять малому и среднему инновационному бизнесу, которому нужна государственная поддержка в обеспечении интеграционных процессов по освоению элементов нового технологического уклада и встраиванию отдельных проектов малого и среднего бизнеса в программы инновационного развития экономики. Главные проблемы, которые возникают при осуществлении инновационных преобразований связаны с использованием человеческого и социального капитала. Сложность заключается не в зависимости российской экономики от развитых импортирующих стран (технологическая, финансовая, техническая и др.), это преодолимо, учитывая ресурсы страны, образовательный уровень населения, имеющийся научный потенциал. Главная причина заключается в отсутствии исторического опыта строительства гражданского общества, среды, в которой будут осуществляться сложные и противоречивые инновационные преобразования. Перед нашим обществом «фактически стоит задача исторического творчества», человек должен поверить в себя, научиться самостоятельно мыслить, безответственный мир превратить в ответственный и это есть «реальная потребность общества, развития его экономики, культуры, множественного национального состава, всех его оригинальных сил» [5]. Для экономических исследований важно знать, «содействуют ли преобладающие в обществе желания созданию сильной и справедливой личности…это отправной пункт экономической науки» [6]. Это особенно важно в настоящий период, поскольку приоритетом инновационного развития выступает опережающий рост нематериальных активов (патенты, лицензии, программное обеспечение, ноу-хау и др.) по сравнению с материальными. Значительную часть капитала, который обеспечивает этот рост составляют знания, которые находятся в частной собственности, неотделимы от человека. Выделение в самостоятельную категорию социального капитала требует осмысления социальных явлений в совокупности с материальными и производственными явлениями, а сделанные полезные обобщения «должны быть соотнесены с данной формой цивилизации и с данной стадией общественного развития» [6]. Понятие человеческого потенциала, которое закладывается в новую социально-экономическую модель развития должно раскрываться по принципу «не осуществление возможностей, заложенных в самом человеке, а возможностей, которые ждут человека, способного реализовать их», в ином случае человек лишь «проектирует свой мир» [7].

Литература:

1. *Экономический словарь /Под ред. А.Н. Азрилияна. 2-е изд. доп. и перераб. М.: Институт новой экономики, 2002. С. 1280*
2. *Немчинов В.С. Экономико-математические методы и модели//М.: Соцэкгиз, 1962. С. 159*
3. *Корчагин Ю.А. Российский человеческий капитал: фактор развития или деградации?//Воронеж: ЦИРЭ, 2005*
4. *Соболева И.В. Парадоксы измерения человеческого капитала//Вопросы экономики. 2009. №9. С. 51-70*
5. *Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация// СПб.: Азбука. Азбука-Аттикус, 2011. С.288*
6. *Маршал.А. Принципы экономической науки, т.1., М.: Изд-во «Прогресс», 1993 – 26л./*
7. *Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник: пер. с англ. и нем. //М.: Прогресс. 1990. С.368*

Рахматуллина Зиля Борисовна,
Башкирский государственный университет, Уфа, Россия
Кильсенбаев Эмиль Рафисович
Филиал ГКУ РЦСПН по Уфимскому району, Уфа, Россия

Социальная работа как важное условие социальной справедливости

В настоящее время понятие социальной справедливости включает в себя требование соответствия между практической ролью индивидов и их социальным статусом. В самом общем значении понятие «справедливость» предполагает определенное соответствие между трудом и вознаграждением за него, преступлением и наказанием, заслугами людей и их признанием обществом [1, С. 152-153]. В целом понятие «социальная справедливость» является важной качественной характеристикой социальной деятельности, отражая ее соответствие критериям социального прогресса. Ценность социальной справедливости заключатся в том, что она способствует консолидации общества, стабилизации общественных отношений и социальному прогрессу [2, С. 250]. Только справедливое общество может обеспечить социальные условия, достаточные для защиты социально уязвимых групп, для преодоления и смягчения возможных жизненных трудностей, возникающих в процессе жизнедеятельности людей, и поддержания гражданской солидарности. Для обеспечения справедливых общественных условий необходимы как беспристрастность процедурных решений в государственно-административной сфере («процедурная справедливость»), так и равное обращение государственных субъектов со всеми социальными агентами («формальная справедливость») [3]. Ключевым элементом политики функционального воплощения социальной справедливости является система социальной защиты, подкрепленная идеологией достойной жизни и свободного развития граждан, институциональными гарантиями прав частной собственности сторон и принципов свободы контракта и системами налогообложения. Реализация социальных функций системы социальной защиты и социальной работы имеет своей целью реализацию принципа социальной справедливости [5]. Можно выделить следующие требования и условия реализации социальной справедливости в современной России: – недопущение чрезмерного разрыва в уровне доходов наиболее обеспеченных и наименее обеспеченных слоев населения; – создание равных возможностей для всех граждан для реализации ими своих способностей; – равная оплата за равное количество и качество труда; – равенство всех граждан перед законом и судом; – введение различных форм бесплатного, за счет государства, образования и бесплатной медицинской помощи; – забота государства о детях и нетрудоспособных; – активная социальная политика государства, направленная на соблюдение

требований социальной справедливости [2, С. 254]. Одним из непременных условий реализации социальной справедливости в современной России является социальная работа, становящаяся одним из необходимых, а в некоторых направлениях – одним из главных ее субъектов. Принципы и стандарты социальной работы, как правило, сведены в национальные и международные профессионально-этические кодексы. В них формулируются программные цели и долговременные ценности социальной работы, определяющие параметры деятельности конкретных субъектов – государственных органов, общественных организаций, благотворительных фондов, профессиональной группы социальных работников. Одним из основополагающих принципов социальной работы, как следует из документов Международной федерации социальных работников, является социальная справедливость. Социальная работа по своей сущности является деятельностью, направленной на восстановление социальной справедливости и социального равенства: благодаря усилиям специалиста клиенту становятся доступными многие блага и услуги, должности и положения, которые были недостижимы собственными усилиями индивида. Его возможности восстанавливаются, усиливаются или компенсируются, что позволяет реализовать имеющийся творческий потенциал, достигать в деятельности социально значимого результата и на этом основании обоснованно рассчитывать на получение соответствующего воздаяния и признания своих действительных заслуг обществом [2., С. 254-255]. Социальная работа содействует реализации прав человека. В некоторых случаях, когда восстановление возможностей личности до среднего или хотя бы социально приемлемого уровня невозможно по объективным причинам (например, в связи с состоянием здоровья человека), справедливость может выступать в форме так называемого «пропорционального равенства», основанного на признании безусловной, не зависящей от способностей и возможностей ценности человека. Этот принцип позволяет людям, объективно не имеющим возможности участвовать в деятельности общества (например, инвалидам с детства), вести социально приемлемый образ жизни, получая от общества необходимую им часть благ и услуг [4].

Литература:

1. *Лыгина М.А. Принцип справедливости как аксиологический приоритет социальной работы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2010. - № 137. – С. 151-162.*
2. *Медведева Г.П., Исаичева Е.И. Социальная справедливость и ее место в современной российской социальной работе // Социальная политика и социология. – 2013. - № 3-1 (94). – С. 247-257.*
3. *См.: Рахматуллина З.Б. К вопросу здоровья и уровня жизни пожилых граждан // В сборнике: X Международная научная конференция "Сорокинские чтения" "Здоровье российского общества в XXI веке: социологические, психологические и медицинские аспекты" Сборник материалов. Электронное издание. – 2016. – С. 399-401.*
4. *См.: Рахматуллина З.Б. Социальная программа по обучению пожилых компьютерной грамотности как форма социальной защиты // В сборнике: Математические методы и модели в исследовании государственных и корпоративных финансов и финансовых рынков Сборник материалов Всероссийской молодежной научно-практической конференции. – 2015. – С. 116-119.*

5. *См.: Рахматуллина З.Б., Аминев М.М. К вопросу реализации прав студентов // Евразийский юридический журнал. – 2017. - № 1 (104). – С. 305-306.*

Рыбакова Марина Владимировна,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Становление социального государства в Таджикистане: проблемы и приоритеты развития.

Формирование социального государства в Республике Таджикистан имеет сложную и противоречивую историю со множеством экономических, политических и культурных особенностей. Затяжной социальный и политический кризис, сложившийся в республике после распада СССР привел к гражданской войне и появлению, экономических, политических социально-нравственных проблем. Население страны опустилось в бездну нищеты, ему были не доступны даже предметы первой необходимости. ВВП Таджикистана за 1992-1996 гг. уменьшилось более чем в 3 раза, показатели отраслей реальной экономики – в 2-10 раз, рост инфляции составил несколько тысяч процентов. Необходимость решения множества проблем привело к принятию стратегических программ по достижению политической, экономической и социальной стабильности. Были приняты: Национальная стратегия развития на период до 2015 года и Стратегия снижения бедности на 2007-2009 годы. Реализация стратегических программ позволила снизить уровень бедности, он составил 31% в 2015 году снизившись с 53% в 2007 году, и уровень крайней бедности снизился с 20% в 2012 году до 16,8% в 2014 году. [1]. Постепенное экономическое развитие общества способствовало социально-политической стабильности, что повлекло выполнение принципов социального государства, декларируемого в статье 1 Конституции Республики Таджикистан [2]. Новый период становления социального государства отражается в “Национальной стратегии развития РТ до 2030 гг.” [3] и других нормативных программах и стратегий РТ. Возникла острая необходимость в развитии социальной политики и системы социальной защиты населения для обеспечения развития человеческого капитала.

Модель социального государства в Таджикистане основывается на принципах социального партнерства между государством, неправительственными организациями, благотворительными фондами. Она должна обеспечивать социальный консенсус, учет интересов и потребностей различных социальных слоев и групп общества. Социальные программы и система социальной защиты населения финансируется государством и находятся на стадии реформирования и институционального изменения. В экономически сложных условиях необходимо совершенствование системы

социальной защиты населения в целом и уязвимых групп населения, которое предполагает создание эффективной и благоприятной макроэкономической, институциональной и нормативно-правовой среды для социального развития; создание устойчивой пенсионной системы; разработка механизмов финансирования социальных услуг с учетом не только государственного, но и организационно-корпоративного участия; осуществление системных преобразований в здравоохранении и эффективности медико-санитарных услуг; региональную стандартизацию социальных услуг; адресность и определение приоритетов оказания помощи; создание эффективных методик проведения мониторинга и оценки социальных услуг; использование методики определения малообеспеченности и создание информационных баз данных семей. С целью определения приоритетов и выявления необходимости и доступности социальных услуг для жителей, включая уязвимые группы районов Кубодиен и Шахристон, было проведено социологическое исследование в рамках программы ЕС по поддержке развития человеческого потенциала II на тему «Определение потребностей сообщества в социальных услугах Республики Таджикистан». В опросе приняли участие 762 человека в возрасте от 25-50. (Выборка квотная, представлены все группы населения, рассчитывалась по джамоатам). В исследовании использовались качественные (интервью) и количественные (опрос) методы. В качестве социальных услуг рассматривались: доступность различного уровня образования от дошкольного, до профессионально-технического; а также доступность медицинских пунктов и дневных центров по уходу, обучению, реабилитации уязвимых групп населения. Образование и обучение является важнейшей социальной услугой, необходимой для развития человеческого потенциала, благосостояния страны и общества в целом, способное решать основные проблемы для развития инклюзивного интегрированного общества. В Кубодиене важность услуги «дошкольное образование» отметили 83,1% жителей, но доступно оно только для 40,5% населения. Для всех уязвимых социальных групп дошкольное образование оказывается недоступным. В районе существует высокий спрос и малочисленность детских дошкольных учреждений, что объясняет высокую потребность сообщества в дошкольных учреждениях. Важность обязательного общего образования подчеркнули 86,7% жителей района, но доступно и достаточно оно только для 61,2% населения джамоатов. Общее образование оказывается более доступным, чем дошкольное, несмотря на необходимость капитального ремонта в школах, нехватки учебников, учителей и большого количества человек в классах (34-36чел). Необходимость профессионально технического образования подчеркнули 87,1% населения района, но доступно и достаточно оно только для 28,0% респондентов. Сельскохозяйственная направленность районов обуславливает необходимость создания профессиональных сельскохозяйственных учреждений и профильных агрономических курсов.

В условиях острого дефицита ресурсов при решение острых проблем сообщества необходимо учитывать определение приоритетных направлений

с использованием комплексного подхода, поскольку степень взаимосвязи и взаимозависимости социальных проблем очень высока, что позволит создать необходимые условия и устойчивую базу для развития общества в целом.

Литература:

1. *Обзор реализации Национальной Стратегии развития Республики Таджикистан на период до 2015 года. URL: www.medt.tj (дата обращения 25.01.2018)*
2. *Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г.: текст с изм. и доп. на 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.president.tj/ru/taxonomy/term/5/112 (Дата обращения: 01.02.2018)*
3. *Национальная Стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года URL: www.medt.tj (дата обращения 19.12.2017)*

Савченко Ирина Алексеевна,

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия

Фактор справедливости в повышении эффективности социальной политики в отношении малоимущих в современной России

Для осуществления эффективной социальной политики в отношении малообеспеченных групп населения важно понимать их социально-психологические характеристики, в том числе представления о справедливости. На основе анализа результатов социологических исследований, статистических и иных данных, их можно сформулировать их следующим образом. Согласно данным исследований, малообеспеченный слой населения представлен семьей с 2-3 пенсионерами и малолетними детьми с большой иждивенческой нагрузкой, у которых недостаточно ресурсов, чтобы обеспечить себе запас жизненной, материальной, социальной прочности [2]. Таким гражданам присущ фатализм: они убеждены в том, что их материальное положение никак нельзя изменить. Исходя из своего психологического настроя, у людей пропадает мотивация к трудовой или иной деятельности, а также карьерному росту и развитию. Экономическая пассивность малообеспеченных групп населения вызвана отсутствием рационального распределения доходов. Получаемые малообеспеченными гражданами кредиты в основном потребительские и направляются чаще всего на приобретение бытовой техники, среди которой наблюдаются компьютеры и мобильные телефоны, которые считаются признаком обеспеченности и «продвинутости». Телевидение и интернет пестрят статьями, фотографиями известных людей, политиков, они также красочно описывают их доходы, количество недвижимости, стоимости их домой и т.д. Граждане, видя подобное, начинают соизмерять жизнь тех людей и свою, тем самым осознавая, что они никогда не добьются такого образа жизни. Люди перестают ценить то, что у них есть, они просто хотят иметь много денег, но при этом, многие из них не знают, как это сделать, тем

самым не делая ничего, а многие пытаются заработать деньги нечестными и противозаконными путями, в том числе воровство, мошенничество, грабежи. Ни к чему хорошему это не приводит. Для значительной доли малообеспеченных групп населения свойственна высокая степень недоверия к государству. Огромное влияние на подобные настроения оказывают высказывания действующих представителей органов власти. Например, ставшее крылатым высказывание действующего премьер-министра России Дмитрия Медведева в ответ на жалобу крымской пенсионерки: «денег нет, но вы держитесь». Подобные реплики никак не способствуют возникновению доверия к государству и веры в то, что оно сможет его защитить. Недоверие к государству также формируется предубеждениями граждан о том, что заработать хорошие средства в современной России возможно только через незаконную деятельность, черный бизнес, а также хорошими связями. К сожалению, такие предубеждения также складываются из публикаций СМИ и деятельности государственных структур. Данный факт хорошо иллюстрируется событиями вокруг уголовного дела фигурантки Евгении Васильевой в деле о хищениях, о мошенничестве в ОАО «Оборонсервис». Общественность видела, в каких условиях отбывала «наказание» Васильева, проведя в колонии всего 34 дня. Разделение следствия и судопроизводства на два уровня — «элитное» и «для всего остального народа» — бьет по авторитету судебно-правоохранительной системы и подрывает у граждан страны веру в справедливость []. Под воздействием подобных событий человеческая пассивность увеличивается: граждане понимают, что они – не элита, что у них нет богатых родственников, связей, что они не могут выдержать конкуренции, что в нашем государстве справедливости нет, что человек не сможет хорошо заработать с помощью своих знаний, умений, навыков. К сожалению, число граждан с подобными взглядами становится все больше. Кроме того, растущее неравенство усугубляется формирующимися стереотипами. Чем ниже у человека социальной статус, тем хуже он воспринимается в обществе, тем хуже к нему отношение. В основе стереотипизации малообеспеченных групп населения лежат убеждения общественности в том, что малообеспеченные группы населения – это люди, по своей воли ставшие такими. Большинство граждан уверены в том, что малообеспеченные группы населения, в большинстве своем, являются людьми, имеющими алкогольные, наркотические зависимости, которые впустую тратят выделенный на них государственный бюджет. Общественность относится к ним с презрением, полагает, что малообеспеченные граждане страны не работают, живут в грязи, занимаются грабежами, преступлениями и т.д. Подобная стереотипизацая сложилась, в основном, благодаря СМИ, которые освещают лишь малую часть малообеспеченных слоев населения, которые уже сами не могут наладить свою жизнь, которым нужна государственная помощь не только в форме социальной защиты и поддержки со стороны государства, но и социальных мер, которые помогут таким людям понять, на что нужно тратить выделенные на них деньги, на что не нужно. Стереотип влияет на общее

отношение к малообеспеченным слоям населения в обществе, порождает негативное, отрицательное, пренебрежительно отношение, что, безусловно, отражается на том, как эти люди воспринимают себя, свою жизнь, на их психическое, а, впоследствии и физическое здоровье. Таким образом, социальные характеристики малообеспеченных слоев населения в современной России никак не способствуют развитию социальной политики, а также поддержанию ее на стабильно высоком уровне. Все это сказывается на социальной сфере в общем, а также качестве жизни малообеспеченных групп населения, общественной атмосферы вокруг них и отношения граждан России к ним.

Литература:

1. *Николаева А.А. Управление проектами в социальной сфере // Актуальные проблемы современной психологии и педагогики Сборник научных статей. Под общей редакцией К.Г. Караханян. Нефтекамск, 2017. С. 92-103.*
2. *Яныкина А.П., Какадий И.И. Развитие высшего образования в России: современные подходы и тенденции // Аллея науки. 2017. Т. 3. № -9. С. 437-441.*

Сагитова Валерия Олеговна,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Необходимость модернизации системы социального обслуживания пожилых людей, проживающих в домах-интернатах, как одной из важнейших сторон социальной защиты населения, государственной социальной политики

За последние десятилетия происходит трансформация общества, которая вносит качественные изменения во все сферы общественной жизни, знание социологии вполне может помочь повлиять на социальные процессы и изменять их в нужном направлении. Старение населения - это глобальный многомерный процесс, охвативший в XXI веке все мировое общество. Всем известно о том, что при всем этом, по оценкам демографов, население развитых стран будет, в конце концов, продолжать стареть нарастающими темпами. Как известно, одним из направлений гуманизации любого современного общества является проявление внимания к старшему поколению, причём не только в плане решения их материальных проблем, но и в поддержании их душевного комфорта, психологической и социальной активности. В настоящее время пенсионеры представляют огромную и разнородную социальную группу, поскольку темпы старения и утраты трудоспособности очень индивидуальны. Следует отметить, что сложившийся в конце XX века институт общественного обслуживания пенсионеров нуждается в трансформации, которая связана с переходом от обычных форм помощи к современным формам предоставления услуг, позволяющим повысить социальный статус пенсионеров и вернуть их связи с обществом, с одной стороны, и к наиболее высококачественному

обслуживанию на крайних шагах жизни - с иной. Сегодня уже не исключение, а тенденция - повышение числа одиноко живущих пенсионеров. Одиночество на фоне современного развития общества является одной из самых больших проблем для человека, сказала Матвиенко. Пожилые люди нуждаются не столько в деньгах, сколько во внимании, отметила она[1]. Серьезные различия между старшим и молодым поколениями предполагают сокращение контактов между ними. Процесс разъединения может быть инициирован как самим пожилым человеком, так и другими лицами, например, родственниками или представителями социальных служб. Это находит свое отражение в создании специализированных домов престарелых или интернатов для пожилых людей, где они, как правило, живут изолированно от других, более молодых поколений. На определенном этапе перед человеком встает вопрос: где провести остаток жизни, в кругу родных или в специальном учреждении. Согласно рейтингу стран мира по показателю качества жизни пожилых людей на основании результатов исследования HelpAge International [2], Россия занимает лишь 65-ое место, что свидетельствует о том, что положение пожилых людей в РФ составляет лишь 41,8% от идеального. Это говорит о том, что социальным службам Российской Федерации есть, над чем работать, ведь сегодня в российских домах престарелых проводят годы тысячи стариков. Состояние государственных учреждений такого типа оставляет желать лучшего, так как их финансирование по-прежнему отстает от имеющихся нужд и потребностей. Попасть в подобное учреждение нелегко: необходимо собрать множество документов и дождаться своей очереди, которая часто растягивается на годы. В таких домах-пансионатах проживают лица, не имеющие родственников, или порвавшие с ними отношения. На их содержание идет 75% пенсии. С учетом размера средней пенсии на содержание каждого пожилого человека уходит около 8-9 тысяч рублей. Минимальный необходимый уход, медицинское обслуживание и определенный набор развлечений здесь гарантирован. Сегодня в государственных домах престарелых стараются навести порядок, но не хватает денег и квалифицированного персонала [3]. С 1 января 2015 года вступил в силу Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2013 г. N 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [4]. Этот закон дает возможность гражданам РФ, нуждающимся в социальных услугах, получить эти услуги в любом, в том числе частном, учреждении социального обслуживания. В будущем в России на уровне министерства может появиться структура для организации помощи одиноким пожилым людям, считает председатель Совета Федерации Валентина Матвиенко[1]. Сегодня отношение к домам престарелых у российской общественности неоднозначное, в связи с чем актуальность всестороннего исследования данной темы велика, поскольку изучение негативных стереотипов о домах престарелых и интернатах, а также разрешение проблем в их деятельности, напрямую зависит от осведомлённости общества, которое сможет поменять отношение к

восприятию данной проблемы. Невостребованность участия престарелых граждан в жизни социума делает их более одинокими и несчастными. Поэтому в целях повышения уровня и качества жизни пожилых людей в домах престарелых необходимо развивать и улучшать систему социального обслуживания пожилых людей, проживающих в домах-интернатах, как одну из необходимых, важных сторон социальной защиты населения, государственной социальной политики. Остро встает необходимость разработки новых прогрессивных форм домов-интернатов для пожилых людей с целью обеспечения жизни в них на уровне стандартов современного общества; при разработке специальных программ, позволяющим продолжать указанной категории граждан вести активную жизнь, проживая в домах-интернатах, необходимо учитывать этнические, возрастные, конфессиональные и другие факторы, а также использовать СМИ для формирования в обществе необходимости заботы о пожилых людей, в том числе, и проживающих в домах-интернатах.

Литература:

1. *Электронное периодическое издание «Ведомости» (Vedomosti)/ Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2018/02/02/749821-matvienko-ministerstva-odinochestva/*
2. *Рейтинг стран мира по показателю качества жизни пожилых людей. Гуманитарная энциклопедия // Центр гуманитарных технологий. [Электронный ресурс]. URL: http://www.helpage.org/global-agewatch/population-ageing-data/global-rankings-table/*
3. *Дом-пансионат для пожилых и инвалидов «Павловский» / Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: http://greenhome-spb.ru/*
4. *Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». Официальные сетевые ресурсы Президента России. [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/*

Седлецкий Александр Викторович,

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Роль креативного класса в формировании социального государства

Для современного общества характерны значительные изменения в экономической, политической, социальной и духовной средах. В условиях современного постиндустриального общества, важнейшим фактором производства, экономического роста и благополучия становятся знания и инновационная деятельность. Данным изменениям сопутствуют появление новых социальных групп и слоев, с присущими им укладом жизни, нормами, системами регулирования [1,с.15]. Одним из таких новых социальных слоев является «креативный класс», решающим фактором появления которого является реализация потребности общества в креативной деятельности. Значение «креативного класса» проявляется в том, что он становится движущей силой современной общественной жизни. С появлением данного класса связаны многие изменения в общественной структуре. Это изменение

привычек и устоявшихся социальных традиций, трансформация традиционных методов и технологий работы, изменение ценностных установок в социальной среде [3,с.20]. В данный класс входят сообщества профессионалов, заинтересованных в реализации творческого потенциала, в получении инновационного результата, часто в рамках проектной и непостоянной деятельности. Целью деятельности «креативного класса» является создание качественно новых форм и моделей для широкого использования и распространения. Основным признаком «креативного класса» является творческая мотивация, которая влияет на жизненные стратегии, определяет жизненный выбор и оценку жизненных шансов. Особенностями мотивации к инновационного поведения становятся: повышение значимости ценности рабочего времени и творчества, повышение роли географического положения в сплочении креативных работников, повышение социальной мобильности [5,с.140]. Как отмечает Ю.Г. Волков, в отличие от творчества, которое определяется как индивидуальный дар, способность творить произведения искусства, быть пророком в обществе, пользоваться общественным авторитетом и в то же время возвышаться над общественными коллизиями, креативность означает всестороннюю включенность в общественную жизнь и осознание своей роли и места в обществе. [1,с.15]. Второй отличительный признак «креативного класса» заключается в связи «креативного класса» с инновационными сферами экономики и общественной жизни. Третий признак связан с престижем, авторитетом как статусным признаком. Четвертый признак основывается на профессионализме и социальной инициативности «креативного класса» [2,с.64]. Б.С. Клементьев полагает, что структура креативного класса имеет неоднородный характер. В ней можно выделить «суперкреативное ядро». К данной социальной группе относятся люди, занимающиеся созданием новых технологий, идей и методов. Значимую долю креативного класса занимают представители творческих профессий в науке и инженерии, финансовой, правовой системе, медицине, дизайне и архитектуре, медицине и здравоохранении, а также в сфере высоких технологий [3,с.20]. По мнению Ю. Г.Волкова, потребности данного класса связаны переформатировании социального пространства, ликвидации перегородок между различными видами социальной активности. Тем не менее, креативный класс не всегда в состоянии выражать свои интересы через существующие социальные структуры [1,с.15].

Для того, чтобы интегрироваться для осуществления универсальных социальных целей, быть субъектом инновационного развития, креативный класс нуждается в таких идеологических ценностях, которые бы создавали условия идентификации, направляли бы энергию креативных личностей на совместные цели социальной модернизации. По мнению Р. Флориды, к таким ценностям можно отнести: креативность, стремление к перманентному образованию и самообразованию, разнообразие в социокультурных порядках а также ценность времени для саморазвития. Необходимо сформировать новую систему социальных гарантий и совокупность мер организационной

поддержки для создания социально устойчивой рабочей среды креативной экономики. Креативные работники должны иметь свою систему медицинского обслуживания и страхования на случай потери трудоспособности. Данная система должна делать инвестиции в людей и предоставлять им возможность развивать и полностью реализовывать свои таланты и способности. Общественный договор креативной эпохи должен учитывать право работника на самовыражение, а также обеспечивать обучение и воспитание для его реализации [6,с.361].

Главной задачей нашего времени состоит в формировании таких институциональных структур, которые бы способствовании созданию нового социально-экономического порядка и направили бы энергию креативного класса на общественное развитие и создание благоприятных условий жизни для всех людей. Нужны новые институты, которые помогли бы в полной мере использовать экономические факторы, решить проблему социальной несправедливости, классового расслоения и заставить работать социально-экономическою систему на современное общество [4]. Не обязательно кардинально менять движущие факторы экономического развития, но общество нуждается в формировании нового общественного договора. Нужно переориентировать экономику на инновации, а общество на открытость и разнообразие. Все это создаст предпосылки создания такого общества, которое отражает потребности, задачи и возможности креативной эпохи.

Литература:

1. *Волков Ю. Г. Интересы креативного класса в общественной жизни российского общества // Власть. 2013. №1. С. 15*
2. *Волков Ю. Г. Креативный класс в российском обществе: тенденции и перспективы гуманистической идеологии // Власть. 2012. №1. С.64*
3. *Клементьев Б.С. Феномен креативного класса в социальном пространстве // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2012. №3. С.20*
4. *Кошарная Г.Б. Мотивация современных российских предпринимателей// Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 4 (36). С. 146-154.*
5. *Седлецкий А.В. Особенности мотивации инновационного поведения в постиндустриальном обществе// Управление реформированием социально-экономического развития предприятий, отраслей, регионов. Сборник научных статей VI Международной научно-практической конфере*
6. *Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые создают будущее. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 384*

Солнышкина Марина Георгиевна,
ГБОУ ВО МО "Университет"Дубна", Дубна, Россия

Трудоустройство выпускников социальной работы по специальности как показатель качества образовательной деятельности: риски социальной несправедливости

Министерство образования и науки России в мониторинге качества управления вузами применяет критерии «трудоустройство» и «трудоустройство по специальности», тем самым требуя подтвердить действенность управления, эффективность маркетинговой политики и использования бюджетных средств. Оно фактически устанавливает новые цели и пороговые показатели эффективности образовательной деятельности [1].

В отношении социальной работы при оценке показателей качества образовательной деятельности по критерию «трудоустройство по специальности» возникают риски социальной несправедливости, связанные с особенностями ее институционализации, соотношениями справедливости и эффективности, дисфункциями институтов социального государства. За 25 лет социальная работа из «помогающей» профессии («специалист в сфере социальных проблем» - код группы занятий 2446) институционализировалась в важнейший фактор социального развития. Вместе с тем, становление социальной работы сталкивается с трудностями институционального характера: низкой заработной платой и низким статусом работников данной сферы; рутинизацией труда, убивающей творчество и профессионализм; гендерными стереотипами [2].

Трудоустройство выпускников должно осуществляться в соответствии с профессиональными стандартами (в социальной работе их разработка еще далеко не закончена). В профессиональных стандартах по социальному обслуживанию выделены следующие группы занятий: специалисты в сфере социальных проблем (2446), социальные работники (3460), руководители подразделений (служб), не вошедшие в другие группы (1239), отнесенные к видам экономической деятельности: предоставление социальных услуг (85.3), деятельность в области обязательного социального обеспечения (75.30), государственное управление социальными программами (75.12). В настоящее время ориентиром образовательного процесса становятся профессиональные стандарты [3], а трудоустройство выпускников социальной работы осуществляется как в традиционных областях социальной работы – коды групп занятий 3460, 3443, 2359, так и организациях социального сервиса и социальной сферы, коммерческих предприятиях – работа с персоналом, клиентами, реализации социальных программ, подготовки и развития персонала, специалистов органов государственной власти, социального администрирования и информирования (предоставление информации по

просьбе клиентов; встречу и прием посетителей; опрос респондентов, опрос претендентов на услуги) – коды и группы занятий: 422, 2423, 2425, 2424. Трудоустройство выпускников определяется характеристиками их занятости. Модернизационные тренды в социальной сфере вызвали определенные изменения в структуре востребованности выпускников социальной работы: выявилась тенденция расширения трудоустройства в организациях социального сервиса и социальной сферы, коммерческих предприятиях, отраслях социального администрирования и информирования. Изменения в структуре трудоустройства в течение последних двух лет (2015-2016 г.г.) объясняются реорганизацией, слиянием, переформатизацией и оптимизацией служб социального обслуживания населения. Общероссийский классификатор видов деятельности (в последней редакции – 2017 г.) содержит функции социальной работы в следующих разделах: ОКВЭД Раздел Q — Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг, ОКВЭД Раздел 0 — Государственное управление, обеспечение военной безопасности, социальное обеспечение; ОКВЭД Раздел S — деятельность общественных организаций, предоставление прочих персональных услуг т. Д [4]. Данную классификацию нельзя считать исчерпывающей и совершенной, она разрозненна и не охватывает многие виды социальных услуг, а перечисленные документы в своих классификациях не всегда корректны. В настоящее время единого законодательного документа, регламентирующего список профессий, на которые распространяется название «Социальна работа» не существует. Данный фактор также привносит неопределенность в трактовку ситуации занятости выпускников по критерию «трудоустройства по специальности». Сложилась ситуация риска социальной несправедливости, проявляющаяся в распределении, перераспределении материальных благ и ресурсов, сложностью учета качественных и количественных характеристик занятости, доминировании субъективных оценок ситуации в условиях трудностей институционализации социальной работы и неопределенности критериев в условиях разрозненности российских классификаторов социальных услуг. Таким образом, используемый в мониторинге критерий «трудоустройство по специальности» как инструмент маркетингового управления в отношении выпускников по направлению «социальная работа» показывает целесообразность его применения в перспективном, стратегическом, расширительном подходе к социальной работе с учетом множественности групп занятий, усложнения структуры трудоустройства и развития социальных сервисов.

Литература:

1. *Зверева Л.Г. Развитие рыночной политики и маркетинговое управление вузом по критерию «трудоустройство выпускников»: Дис. ... канд. экономич. наук. Краснодар. 2015. - 163 с.*
2. *Солнышкина М.Г. Профессиональный стандарт как основа формирования практико-ориентированных технологий в современном социальном образовании (на примере дисциплины «Социальная квалиметрия, оценка качества и стандартизация социальных услуг/Электронный ресурс]//Научные труды Московского гуманитарного университета, 2016,– Электрон. журн. – URL: http:// journals.mosgu.ru/ trudy /article*
3. *Сельченок А.Н. Профессионализация социальной работы в России (на примере специалистов по социальной работе)// Теория и практика общественного развития. 2013. Вып.10. URL:*

http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2013/selchenok.pdf (дата обращения: 17.12.2017)
4. *Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (ОКВЭД). URL:https://zachestnyibiznes.ru/lp/okved*

Соловьев Аркадий Константинович,
Пенсионный фонд Российской Федерации, Москва, Россия

Проблема бедности пенсионеров в условиях страховой пенсионной реформы: социальная несправедливость в экономическом измерении

Переход на страховые принципы государственной системы пенсионного обеспечения означает не только создание условий для учета индивидуальных прав каждого гражданина на собственную пенсию, но и значительное усиление дифференциации доходов различных категорий пенсионеров исходя из степени их участия в легальных трудовых отношениях в трудоспособный период жизни. В 2017 г. соотношение средней страховой пенсии с ПМП составило 155%, а ее соотношение со средней зарплатой в экономике – 34,2%. К 2030 г. эти показатели снизятся соответственно до 144% и до 26%.

Анализ рисков реализации государственных обязательств перед пенсионерами показывает, что причина современных и будущих проблем пенсионной системы заключается в том, что в современных условиях она полностью интегрирована в экономику, и все ее социальные параметры и зависят от уровня развития экономических отношений в обществе. Демографические факторы (продолжительность жизни, гендерная структура, динамика рождаемости) и политика могут выступать только как ограничители для реализации экономических отношений участников пенсионной системы [1]. В теории пенсионного страхования критериями дифференциации прав пенсионеров на индивидуальный размер пенсии являются индивидуальная зарплата и трудовой стаж. Указанные параметры хотя и нормируются страховщиком (государством), но в полной мере зависят от самого застрахованного лица, и должны стимулировать его к увеличению своих пенсионных прав. Другие параметры государственной страховой пенсионной программы – размер тарифа, льготы и ограничения для участников пенсионной системы (как страхователям, так и застрахованным лицам) зависят только от страховщика. Расчеты необходимой продолжительности трудового стажа для формирования пенсионных прав для получения страховой пенсии в размере, адекватном современным представлениям об уровне жизни среднестатистического пенсионера (2,5 ПМП) в течение всего периода дожития показывают существенные отклонения от прогнозируемых макроэкономических и демографических параметров. Особенно наглядно проблема, связанная с сокращением продолжительности периода формирования пенсионных прав, проявляется

при сравнении фактической продолжительности стажа на общих основаниях до и после страховой реформы 2002 г.: более четырех лет, и это при том, что продолжительность стажа при назначении пенсии по инвалидности и по случаю потери кормильца практически не изменилась. Аналогичная тенденция продолжает сохраняться и до настоящего времени. Следует подчеркнуть, что дефицит пенсионных прав наиболее сильно сказывается на застрахованных лицах младших пенсионных возрастов 16-25 лет практически без гендерных различий. В то время как в старших возрастах доля численности застрахованных лиц трудоспособного возраста, не формирующих пенсионные права, начиная с 2002 г., составляет 12-13%, причем со значительным превышением у мужчин. Рост хронической незанятости наиболее негативно сказывается не только на объемах пенсионных прав застрахованных лиц, но и на сокращении страховых доходов пенсионного бюджета. Численность застрахованных лиц трудоспособного возраста, не формировавших пенсионные права в отчетном году (т.е. величина текущей незанятости), возросла с 19 млн. чел. в 2002 г. до 31 млн. чел. в 2017 г., или на 62,5%. Доля незанятых застрахованных лиц трудоспособного возраста увеличилась за 10 лет с 25,6% до 35,3%. Кроме того, из общего числа застрахованных лиц трудоспособного возраста около 14,4 млн. за период с 2002 по 2011 гг. официально не были заняты и не уплачивали взносы. Их доля в численности зарегистрированных в СПУ лиц этого возраста составила 16,4%. Без учета неработающих получателей трудовой пенсии по инвалидности численность лиц трудоспособного возраста, не имеющих страхового стажа с 2002 г. (т.е. незанятых в течение полного 10-летнего периода), составила в расчете на 2017 г. 12,7 млн. чел. [2]. Очевидно, что данная категория застрахованных лиц в оставшееся до пенсионного возраста время не успеют выработать необходимый стаж и станут получателями социальных пенсий по государственному пенсионному обеспечению спустя 5 лет после достижения общеустановленного пенсионного возраста. В долгосрочной перспективе это приведет к росту числа бедных пенсионеров, которые потребуют целевого финансирования за счет средств федерального бюджета [3]. Решение стратегической задачи – долгосрочной сбалансированности и устойчивости пенсионной системы может быть достигнуто только при осуществлении комплекса мероприятий как в самой пенсионной системе (параметрической настройке ее нестраховых сегментов), так и внешних – макроэкономических факторов функционирования пенсионной системы. При этом главное направление «предотвращения демографической угрозы старения» для роста нагрузки на федеральный бюджет заключается не сокращении численности пенсионеров и секвестировании их пенсионных прав различными методами, а в создании объективных условий на рынке труда для реализации трудовых прав граждан на занятость и, соответственно, на зарабатывание собственных пенсионных прав в солидарной страховой пенсионной системе.

Литература:

1. *Соловьев А.К. Проблемы эффективности пенсионной системы России в условиях реформы // Мир новой экономики. – 2014. – № 4. – С. 39-50.*
2. *Соловьев А.К. «Актуарный анализ влияния неформальной занятости для формирования пенсионных прав застрахованных лиц» // Проблемы рыночной экономики №2, 2017, С. 4-19*
3. *Малева Т.М. Человек в солидарной пенсионной системе // Экономическая политика. – 2014. – № 2. – С.55-84.*

Субочев Николай Сергеевич, Ефимова Дарья Александровна
ФГБОУ ВО "Волгоградский институт управления-филиал РАНХиГС", Волгоград, Россия

Социальная ответственность предприятия как форма реализации социальной справедливости

1. В условиях формирования постиндустриального общества и роста конкуренции на рынке труда в отечественную науку и управленческую практику внедряется множество новых понятий и концепций. В частности, в области социологии и кадрового менеджмента активно обсуждается проблематика корпоративной социальной ответственности и социальной справедливости. Однако эти феномены, как правило, рассматриваются отдельно, независимо друг от друга. Во многом это объясняется их объективной сложностью и недостаточной изученностью. И корпоративная социальная ответственность, и социальная справедливость имеют сложную структуру, выполняют разнообразные функции, значение которых в жизнедеятельности крупных организаций и персонала неуклонно возрастает.

2. Корпоративная социальная ответственность представляет собой многоаспектное явление, включающее как предусмотренные действующим законодательством обязанности, так и систему добровольно принятых обязательств компании в социальной, экономической, экологической сферах, в деловой этике бизнеса, его взаимодействии с обществом, государством, местным сообществом, деловыми партнерами, клиентами, акционерами и персоналом компаний. Корпоративную социальную ответственность целесообразно подразделить на две сферы – внутреннюю и внешнюю. Внутренняя социальная ответственность включает выполнение принятых руководством социальных обязательств перед персоналом и реализуется в таких формах, как обеспечение безопасности труда, достойной и своевременной заработной платы и бонусов; дополнительное медицинское и социальное страхование; помощь сотрудникам и их семьям в трудных жизненных ситуациях; различные программы обучения, переподготовки и переквалификации сотрудников и иные социальные программы.

3. Внешняя корпоративная социальная ответственность – это выполнение взятых предприятием обязательств перед жителями территории

его дислокации, которые реализуется во взаимодействии с местными, региональными и федеральными органами власти, средствами массовой информации, некоммерческими организациями и общественными формированиями. В этой сфере социальная ответственность выражается в таких формах, как благотворительность, социальные инвестиции в образование, здравоохранение и культуру, благоустройство окружающей среды, проведение других общественно-полезных мероприятий.

4. Корпоративную социальную справедливость следует, на наш взгляд, определять как должное соотношение между трудовым вкладом и вознаграждением персонала, между проступком и наказанием нарушителей норм и правил трудового поведения. В данном контексте социальная справедливость выступает как реализация принципа гуманизма в управлении, который означает сочетание уважения и требовательности к персоналу. Гуманизм как принцип управления персоналом предприятия является частью управленческой культуры организации, пополняет её ценностный арсенал и тем самым повышает привлекательность предприятия среди действующих и потенциальных сотрудников. Вследствие этого снижается текучесть кадров, привлекаются лучшие специалисты, обеспечиваются лояльность персонала, благоприятный имидж и репутация среди населения и партнеров компании, что является мощным фактором устойчивого развития предприятия. Одним из индикаторов соблюдения данного принципа является согласованное, непротиворечивое взаимодействие формальной и неформальной структур организации.[1]

5. При рассмотрении корпоративной социальной ответственности как формы реализации социальной справедливости следует обратить особое внимание на два приоритетных параметра: во-первых, объемы выделения финансовых, материально-технических и человеческих ресурсов на внешнюю и внутреннюю сферы социальной ответственности и, во-вторых, распределение фонда оплаты труда среди управленческого и исполнительного персонала компании. В условиях устойчивого развития предприятия социальная справедливость во внешней сфере должна заключаться в наращивании своего участия в жизнедеятельности муниципалитета и региона, а в период экономического кризиса – в вынужденном ограничении либо свертывании инвестирования социальных проектов в целях обеспечения социальной справедливости на предприятии.

6. Во внутренней сфере корпоративной социальной ответственности важно не допускать несправедливого распределения прибыли между руководителями и подчиненными, а также владельцами и акционерами, с одной стороны, и действующим персоналом, с другой. Особенно остро подобный дисбаланс воспринимается персоналом в условиях экономических кризисов и свидетельствуют о социальной безответственности собственника и менеджмента компании.

Литература:

1. *Субочева О.Н. Проявления социального неравенства в формальной и неформальной структуре современной производственной организации.* – Социальные движения,

коллективные действия в условиях социального неравенства. *Сборник материалов Круглого стола. МГТЭУ. Москва, 2016. С. 104-108.*

Таджибова Лариса Низамиевна,
Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации, Санкт-Петербург, Россия

Роль института социального партнерства в реализации принципа справедливости

Понятия «социальное государство» и «справедливость» тесно взаимосвязаны. Развитие социального государства предполагает реализацию принципа справедливости в общественных отношениях. Уровень достижения справедливости является показателем эффективности функционирования государственных институтов, свидетельствует о развитии социального государства. Социальная справедливость – это ценность, регулирующая различные сферы общественных отношений. Важнейшая функция социальной справедливости – выявление и согласование противоречивых интересов общественных групп, обеспечение удовлетворения их потребностей в процессе распределения благ и ресурсов. Обеспечение социальной справедливости является необходимым условием преодоления кризисных процессов и достижения стабильности общества, его поступательного развития. Сфера трудовых отношений является важнейшей сферой реализации принципа социальной справедливости. Противоречие интересов участников трудовых отношений определяет формирование общественной потребности в развитии эффективного механизма регулирования трудовых отношений, направленного на достижение конструктивного взаимодействия их субъектов. Таким механизмом выступает социальное партнерство – система взаимодействий участников трудовых отношений, направленная на выявление и согласование их интересов. Социальное партнерство можно рассматривать как общественный институт, обеспечивающий регулирование взаимодействий участников производственной деятельности (работодателей, наемных работников, их представителей), направленных на повышение степени согласования и реализации их интересов по актуальным вопросам трудовых отношений. Непосредственным содержанием социального партнерства является система взаимодействий субъектов трудовых отношений с целью своевременного учета и повышения степени согласованности их интересов. Таким образом, функционирование института социального партнерства обеспечивает реализацию принципа справедливости в трудовых отношениях. Институт социального партнерства призван выполнять функцию регулирования коллективных взаимодействий в сфере трудовых отношений. Целью функционирования института социального партнерства, определяющей его

общественную значимость, является смягчение социальных противоречий в сфере труда, возникающих вследствие противоположности социально-экономических интересов работодателей и наемных работников. Функционирование института социального партнерства также направлено на обеспечение равноправного участия наемных работников, работодателей и государства в разработке, принятии и реализации социально-экономической и трудовой политики, основанной на оптимальном балансе реализации интересов сторон. Институциональная структура социального партнерства включает в себя следующие элементы: формально-правовые и административные нормы, устанавливаемые и контролируемые государством; социокультурные нормы, контролируемые гражданским обществом; социальные роли, функции и позиции участников социально-трудовых отношений; институционализированные социальные практики. В систему субъектов института социального партнерства входят социальные, социально-профессиональные, социально-территориальные группы, слои, общности. Объектом социального партнерства является положение социальных групп в социально-экономической, социально-профессиональной структуре общества, качество и уровень их жизни, их потребности и интересы. На уровне предприятия структура субъектов социального партнерства имеет следующий вид: трудовой коллектив и образующие его социальные группы; собственник и администрация предприятия; отраслевые органы управления; федеральные и муниципальные органы власти; субъекты, представляющие и защищающие интересы трудового коллектива (профсоюз и др.). Предметом социального партнерства в трудовой сфере являются отношения по поводу производства и воспроизводства рабочей силы, трудовых ресурсов, а также создания, использования и развития системы рабочих мест. Предмет социального партнерства на уровне конкретного предприятия – это, прежде всего, вопросы оплаты труда, создания необходимых условий для эффективной трудовой деятельности, вопросы использования кадров в соответствии с их квалификацией, высвобождения и последующей занятости работников. Формами социального партнерства выступают коллективные переговоры по подготовке проектов коллективных договоров, соглашений и их заключению; взаимные консультации; участие работников, их представителей в управлении организацией; участие представителей работников и работодателей в досудебном разрешении трудовых споров. Основным средством регулирования систем и размеров заработной платы, занятости, переобучения, условий высвобождения работников в механизме социального партнерства является коллективный договор. Основой социального партнерства является практика коллективных переговоров. Коллективные переговоры представляют собой процесс согласования интересов работников и работодателей с целью соглашения по поводу вопросов трудовых отношений. Развитие института социального партнерства предполагает воплощение институциональных норм в деятельности субъектов трудовых отношений. Таким образом, эффективная реализация принципа

справедливости в трудовых отношениях предполагает влияние следующих факторов: законодательной и нормотворческой деятельности государства; организационно-хозяйствен

Томилин Виктор Филиппович,
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Российская Федерация
Черемисин Владимир Владимирович
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Российская Федерация

Справедливое и спорное состояние г. Тамбова

Социальная ответственность за создание городской среды в России пока не получила распространения. Кияненко К. В. в одной своей публикации обратился к истории соучаствующего проектирования[1]. Здесь он приводит ссылки на американские публикации еще 1960-х годов, где архитекторы, градостроители и юристы подняли критике патерналистские подходы к созданию и управлению городской средой, не приносящей удовлетворению нужд и чаяний горожан. Эта американская критика за почти 50 лет значительно изменила адвокатуру к социально ответственной практике средообразования во многих странах мира. Мы решили изучить градостроительное сознание горожан, возможность привлечения их к соучастию в создании социально ответственной благоприятной среды обитания в г. Тамбове. Респонденты высшего и среднего уровня жизни оценивают большим влиянием города на людей, а респонденты с нижним уровнем жизни считают более значительным влияние на сознание людей друг на друга. Из ответивших о влиянии города на сознание людей в большей мере высказались представители науки и образования, силовых структур и органов власти. Представители выше высшего и высшего образования равномерно распределились о влиянии города на сознание людей, а также о влиянии людей друг на друга. Респонденты с неполным высшим образованием и все с еще более нижним образованием считают большее влияние города на сознание горожан и менее значительное влияние людей друг на друга. Проживающие в квартирах государственной формы собственности считают более значительным влияние города на сознание горожан. Живущие в собственной усадьбе и в приватизированных квартирах примерно равномерно высказались за влияние на сознание горожан самого города и однозначное взаимовлияние людей друг на друга. С утверждением анкеты: «Тамбов один из самых чистых городов, которые я видел», согласны лишь чуть более 23,0 % из ответивших и не согласных около 70,0 %. У большинства ответивших город ассоциируется как не ухоженный, не чистый.

В качестве плюсов города 8,0 % горожан указывали ранее на «улучшение экологического состояния города». За последние годы в городском благоустройстве действительно произошли значительные изменения к лучшему. Готовность опрошенного населения к участию в градостроительных делах является ключевой для нашего исследования. Правда, одной готовности горожан мало для серьезных преобразований в городе. Согласных и скорее согласных принять участие в общественных работах оказалось 56,0 % ответивших. 3,0 % не ответили и 14,1 % затруднились с ответом. 29,2 % или почти каждый третий не считает необходимым свое участие в градостроительных делах. Подобное иждивенчество не редкое явление. Оценка респондентами активности местных властей в градостроительной деятельности: «Я одобряю градостроительную активность местных властей». В ответах на вопрос о плюсах жизни в г. Тамбове уже звучало одобрение опрошенными городской политики членов городской Думы и бережное отношение властей к центру города и к входящих в него новых и старинных зданий. 67 % всех опрошенных одобряют градостроительную активность местных властей. Год от года в г. Тамбове действительно происходят изменения к лучшему. Но и критически настроенные горожане есть (22,8 %), т.к. город еще далеко не в идеальном состоянии. С провокационным в анкете утверждением: «Город теряет свой облик, неповторимость» - согласны и скорее согласны – 37,8 %, а не согласных и скорее не согласных большинство респондентов – 53,7 %. В этих ответах респонденты подтверждают свое ранее высказанное мнение о сохранившемся историческом центре города и о сохранении старинных зданий в результате верно выстроенной в этом отношении градостроительной политики местных властей. Прибывавшие к нам архитекторы из г. Москвы отмечали необычность архитектурно-художественного облика г. Тамбова. С тем, что город теряет свой облик, неповторимость согласились 61,6 % респондентов с высшим уровнем жизни. К такому мнению есть смысл тоже серьезно отнестись. К ним довольно близко присоединились респонденты (согласных 55-56 %) более 65-летнего возраста, принадлежащие к органам власти и респонденты мужского возраста – 45,3 % согласны с потерей городом своего облика и неповторимости. У города Тамбова горожане имеют разнообразные мнения об его облике и неповторимости. С утверждением: что «Наш город не похож на города с безликой архитектурой, без души и ярких региональных особенностей» - согласны (33,0 %) и скорее согласны (27,6 %). Не согласных и скорее не согласных значительно меньше – 21,7 %. Такое распределение ответов на это утверждение не противоречит и ранее высказанным респондентами указанием на своеобразие историко-архитектурного облика города Тамбова, что подтверждается мнением гостей – профессионалов и обычных гостей города.

Литература:

1. *Кияненко К.В. Генри Санофф: к архитектуре, озабоченной человеком о проектировании людей, с людьми и для людей. Архитектурный Вестник, АВ №1(112), 2010.*

Трандина Валерия Сергеевна,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Стратегическая реализация принципов социального государства

Современная Россия строит социальное государство, предполагающее конституционное гарантирование социальных и экономических прав и свобод [1]. Инструментом реализации его принципов является социальная политика, целью которой является создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие индивида как человека и как гражданина. Социальное государство заботясь о благополучии своих граждан, их социальной защищённости решает ключевую задачу – достижение благосостояния членов общества, обеспечение равных возможностей для развития личности [3]. Современная социальная политика распространяется на поддержку семьи, материнства, отцовства и детства, социальную защищённость и пенсионное обеспечение граждан, социальную защиту населения [5]. Одной из ценностей в стране является плюрализм мнений и широкое публичное обсуждение социально-экономического развития [2], которые подытожены в двух альтернативных стратегиях: – «Стратегия развития страны 2018-2024», подготовленной Центром стратегических разработок. Она направлена на создание условий для устойчивого экономического роста в России, который будет превышать даже среднемировой уровень, основываясь на развитии человеческого капитала и повышении привлекательности страны как для внутренних, так и для внешних инвесторов. При этом, важно обеспечить стабильность системы государственных финансов в долгосрочном периоде благодаря внедрению нового бюджетного правила и приоритезации расходов на человеческий капитал, необходимо создать условия для формирования длинных денег в экономике страны, которые помогают реализовывать финансирование долгосрочных программ развития, за счёт достижения устойчиво низкой инфляции и развития финансовых рынков, необходимо создать условия для развития несырьевых отраслей, внедрение инноваций, повышение конкуренции и традиционные конкурентные преимущества России, чтобы совершить структурный манёвр в области экономики. Планируется сокращение численности населения в трудоспособном возрасте и увеличение числа и доли старших возрастных групп, то есть постепенный рост пенсионного возраста у женщин до 63 лет, у мужчин до 65 лет, что, как ожидают эксперты, позволит почти на 1/3 (30%) увеличить размеры пенсий. Ожидаемыми и предполагаемыми результатами реализации стратегий является рост ВВП в течение шести лет на период с 2018-го до 2024-го года на 30%, снижение бедности на 25%, рост реальных располагаемых доходов

населения на 25%, рост продолжительности жизни – до 76 лет (сейчас 71,8). При этом, необходимо наращивать инвестиции в человеческий капитал, увеличив долю бюджетных расходов на эти цели. В системе здравоохранения предлагается развивать новые медицинские технологии и делать акцент не на лечении заболеваний, а на их профилактике и борьбе с хроническими заболеваниями. Важно разрешить выплачивать из программы материнского капитала ежемесячные пособия семьям, которые имеют доход ниже прожиточного минимума, то есть расширить целевое назначение программы материнского капитала. Стратегическая концепция роста, предполагает два этапа: на первом – создание цифровой экономики, организация крупных инвестиционно-технологический консорциумов, увеличение несырьевого экспорта; на втором – рост инвестиций в образование, направленный на увеличение числа университетов, реформу средней школы и профобразования, а также в здравоохранение и в инфраструктуру, развитие и улучшение железных дорог, магистралей [7]; – «Стратегия Роста», подготовленной экономистами и предпринимателями Столыпинского клуба. Ее разработчики более социально ориентированы ибо выступают против идеи увеличения пенсионного возраста и за решение проблемы продолжительности жизни граждан, совершенствование правоохранительной и судебной систем для обеспечения более высокого уровня безопасности граждан и создание механизмов эффективного и справедливого разрешения конфликтов, повышение общей эффективности работы органов государственной власти благодаря изменениям в оргструктуре и дальнейшему внедрению высоких технологий и цифровизации государственных процессов. Социальная политика «Стратегия роста» делится на несколько этапов, поскольку демографическое положение в стране ухудшается, то есть число нетрудоспособного населения может увеличиться на 4-5 млн человек, следовательно, в этом случае возрастает нагрузка иждивенцев на работающих граждан. Важно решить вопрос повышения производительности труда, но увеличить социальные отчисления. Начальный этап социальной политики характеризуется как восстановительный. Для опоры и роста экономики служит внутренний рынок на базе умеренно заниженного рубля. Следующий этап – инвестиционный рост в человеческий капитал с целью повысить качество здравоохранения и материальное обеспечение семей с детьми, снизить смертность, достичь устойчивого развития инновационных секторов и выход уже на внешние рынки. При этом, инвестиции – это основной источник роста [6]. Итак, стратегические ориентиры социального государства для современного российского общества представлены двумя ориентирами – определенными порядками в которых гарантируется конституционные права и свободы человека [4]. Перспективная «цифровая» экономика должна обеспечивать удовлетворение материальных и духовых потребностей граждан и не допустить удовлетворение социально-экономических прав одних членов общества в ущерб прав и свобод других. Человек, который работает, не должен быть бедным.

Литература:

1. *Глобализация и национальные стратегии социально-экономической политики: монография / Антонова Л. И., Воловец Т., Гансировская Е. и др.; под ред. А.А. Степанова. – М.: Науч. консультант, 2018 - 231 с.*
2. *Иванова С.А. Институты гражданского общества в системе социально-экономического развития России: монография / С.А. Иванова, Л.Ю. Грудцына – М.: Юркомпани, 2017. – 215 с.*
3. *Назаренко С.В. Государственно-частное партнерство как социальный контроль в развитии финансовой активности / Транспортное дело России. 2017. № 1. С. 28-30.*
4. *Назаренко С.В. Социальный контроль минимизации девиаций и рисков в современном обществе / Проблемы анализа риска. 2017. Т. 14. № 3. С. 6-23.*
5. *Оборский А.Ю. Охрана и защита прав на объекты интеллектуальной собственности: современные тренды и перспективы / Экономика. Бизнес. Банки. 2017. Т. 7. С. 116-122.*
6. *Среднесрочная программа социально-экономического развития России до 2025 года «Стратегия Роста»: [Электронный ресурс] // Институт экономики роста им. Столыпина П.А. URL: http://stolypin.institute/strategy/ (Дата обращения: 28.01.2018).*
7. *«Стратегия развития страны 2018-2024»: [Электронный ресурс] // Алексей Кудрин. Официальный сайт. URL: https://akudrin.ru/ (Дата обращения: 28.01.2018).*

Тюплина Ирина Анатольевна,
ФГБОУ ВО "Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова", Магнитогорск, Россия

Социальное партнерство как принцип социального государства

Социальное государство – это более высокая ступень государственности, служит интересам общества, перераспределяет материальные блага на основе социальной справедливости для достижения каждым гражданином достойного уровня жизни, сглаживания социальных различий и помощи нуждающимся. Приоритетным направлением деятельности выступает социальная политика [1]. Одним из принципов социального государства выступает социальное партнерство, не имеющее однозначного определения. В узком смысле слова за этим понятием закрепилось так называемое тред-юнионистское толкование: под социальным партнерством понимается система взаимодействия органов государственной власти, профсоюзов, организаций работодателей по поводу регулирования трудовых отношений между работодателями и наемными работниками. При таком подходе отсекаются иные важные вопросы социальной сферы: проблемы инвалидов, образования, здравоохранения, социального страхования и т.д. В широком смысле слова социальное партнерство определяется как конструктивное взаимодействие представителей трех социальных субъектов, которые принято условно называть первым, вторым и третьим секторами общества: 1) государственные структуры; 2) коммерческие предприятия (бизнес); 3) некоммерческие предприятия (общественность). Такое взаимодействие необходимо, чтобы совместными усилиями рационально решать в рамках действующего законодательства значимые социальные проблемы, например, проблемы бедности, бездомности, сиротства, насилия в семье, загрязнения окружающей среды и

др. Представители каждого сектора обычно по-разному осознают свою собственную ответственность, имеют разные ресурсы и разные представления о самой природе социальных проблем. Несмотря на различия, сотрудничество необходимо: ни государство, ни бизнес, ни общественность не могут «в одиночку» преодолеть социальную несправедливость и конфликты, обеспечить людям равные возможности для достойной жизни. Ни один из этих секторов не может существовать изолированно от других, как не могут существовать и идеальные модели. Важным является соблюдение баланса указанных сил в обществе. Формально датой возникновения социального партнерства принято считать создание Международной организации труда (МОТ) в 1919 г. На наш взгляд, социальное партнерство возникает из конфликта труда и капитала как поиск путей его урегулирования или разрешения на основе согласования интересов конфликтующих сторон. Следует подчеркнуть, что это разрешение конфликта не путем забастовок и демонстраций, а путем переговоров. Статья 23 Трудового Кодекса Российской Федерации определяет социальное партнерство как систему взаимоотношений между работниками (их представителями), работодателями (их представителями), органами государственной власти, органами местного самоуправления, направленную на обеспечение согласования интересов работников и работодателей по вопросам регулирования трудовых отношений и иных, непосредственно связанных с ними отношений [2]. В статье 24 Трудового Кодекса Российской Федерации перечислены принципы социального партнерства, основными из которых являются: равноправие сторон, содействие государства, соблюдение сторонами трудового законодательства, добровольность, обязанность выполнения коллективных договоров и соглашений, ответственность сторон за невыполнение договоров и соглашений [2]. Цель социального партнерства – учет и сбалансированность интересов, достижение социального согласия (мира). Типичные формы социального партнерства включают в себя коллективные переговоры по подготовке и заключению проектов коллективных договоров и соглашений; взаимные консультации (переговоры) по вопросам регулирования трудовых отношений; участие работников (их представителей) в управлении организацией; участие представителей работников и работодателей в досудебном разрешении трудовых споров. Механизм социального партнерства представляет собой совокупность таких методов и инструментов достижения договоренности как переговоры и медиация [4], экспертная оценка предлагаемых решений, создание нормативных документов, регулирующих взаимоотношения, контроль и арбитраж.

Литература:

1. *Дроздов В.В. Социальная политика России: от либеральной модели к принципу субсидиарности // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. 2016. Т.2. №1. С. 219-222.*
2. *Трудовой Кодекс Российской Федерации. 2017.*
3. *Тюплина И.А. Человеческий капитал как фактор структурных изменений рынка труда // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: материалы IV*

Очередного всероссийского социологического конгресса: Электронный ресурс.2012.С. 1948-1954.
4. *Тюплина И.А. Медиация и медиативный подход в современном обществе. Конфликтология. 2014. №S. С 319-322.*

Федоркина Алла Павловна,
РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия

Массовизация общества как фактор дисфункции социальных процессов

Исследование социальных процессов в современном российском обществе предполагает применение различных методологических подходов, одним из которых является социальный психоанализ. Он связан с анализом не только сознательных, но и бессознательных компонентов социальной психики, влияющих на развитие социальных процессов. В зависимости от прогрессивной либо регрессивной роли бессознательного в структуре социальной психики, развитие общества может иметь как позитивный, так и негативный вектор развития. Важно в связи с этим понимать, каковы объективные и субъективные предпосылки развития социальных процессов в различных вариантах их проявлений.

В современных российских условиях одной из объективных предпосылок развития социальных процессов в дисфункциональном варианте могут выступать процессы массовизации общества, имеющие различные причины. Одной из таких причин является разрушение старых и несформированность новых социальных структур - классов, социальных групп, массовых общественных организаций, коллективов, объединяющих и структурирующих людей по профессиональному, экономическому, идеологическому и другим основаниям. Это нашло отражение в социальной психике, которая характеризуется сдвигом в сторону ее бессознательных компонентов.

Помимо этого развитие современного общества связано с возникновением новых социальных явлений, которые также повлияли на процессы массовизации общества. В восьмидесятые годы двадцатого столетия на развитие социальных процессов в таком варианте обратил внимание известный французский ученый С.Московичи, который в своей книге «Век толп» предвидел, что двадцать первый будет характеризоваться появлением новых, так называемых «организованных толп». Он связывал этот процесс с растущим влиянием на человека средств массовой информации и коммуникации. А через два десятилетия появились глобальные компьютерные сети, стали развиваться сетевые процессы на основе коммуникации в интернет-среде. Это создало предпосылки использования этих сетей в качестве новых технологий массовизации общества и управления на этой основе социальными процессами.

В частности, они использовались и используются в организации таких социальных явлений, как цветные революции, массовидные миграционные процессы, перемещение огромных людских масс из одних регионов земного шара в другие. Они сопровождаются процессами толпообразования, в которых применяются технологии так называемого управляемого хаоса.

Кроме того, важно указать на то, что социальные сети в настоящее время выступают в качестве элементов не только коммуникативного, как было в недавнем прошлом, но и организационного измерения массовидных процессов. Это связано с возможностью использования сетевых структур как разноформатных и динамичных образований, которые укрепляют и развивают диффузные основы массовидных явлений.

В связи с этим в качестве одного из важнейших субъектов современных социальных процессов можно считать массовидные социальные образования, которые имеют свои специфические особенности, связанные с активизацией бессознательных компонентов психики, которыми можно управлять в необходимом для субъекта управления направлении. Важно обратить внимание на то, что сама по себе теория сети открывает новые возможности управления социальными процессами.

Она позволяет понять, как в сети появляются и развиваются интерактивные связи, как за счет использования формальных и неформальных коммуникаций может меняться их конфигурация. Как эти процессы развиваются при отсутствии иерархического контроля за пользователями сетей в условиях формальной анонимности, независимости, добровольности связей, при неограниченной свободе позиционирования личных интересов и ресурсов и возможности аккумулировать или производить обмен ресурсами. Отметим в связи с этим, что традиционно, например, в отечественной политике коммуникации выстраивались вертикально, соответствуя иерархической системе общества, что очевидно проявлялось в пропаганде и политической рекламе. Наступление информационной эпохи, развитие мобильного интернета и появление социальных сетей в интернет-пространстве ускорило формирование сетевого общества и изменило систему коммуникации. Традиционная модель коммуникации сверху вниз перестала быть эффективной, она не стала соответствовать реальным информационным потокам сетевого общества. Поэтому информационные потоки стали развиваться по своим независимым траекториям, в том числе расширяя свое влияние на бессознательные компоненты социальной психики. В науке идет поиск ответа на вопрос: можно ли найти такой оптимальный тип управления, который обеспечит позитивный вариант развития социальных процессов. Однако практика показывает, что пока эти процессы развиваются не только в позитивном, но и негативном направлении.

Литература:

1. *[1] Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Изд-во «Центр психологии и психотерапии», 1996. 478 с.*

Халлисте Ольга Владимировна,
Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет), Санкт-Петербург, Россия

Государство как гарант социальной стабильности в межэтнических конфликтах

Общеизвестно, что государственная политика оказывает влияние на степень доступа разных социальных групп, в том числе и этнических, к материальным ценностям, образованию, управлению, поддержке частного предпринимательства, политической жизни общества в целом и др. Кроме того, государственная политика обуславливает реальные модели участия различных групп населения в управлении и принятии политических решений, правила использования и статуса языков в школьном и вузовском обучении, в делопроизводстве, в СМИ и пр. Если уйти от классического рассмотрения конфликтологами роли государства в обеспечении социальной справедливости, где оно может играть в межэтническом противостоянии две основные роли: роль третьей стороны – арбитра или посредника, равноудаленного от конфликтующих этнических групп, либо роль субъекта конфликта, т.е. непосредственной стороны, то можно говорить о конкретных социологических индикаторах уровня поддержки государством социальной справедливости [2]. 1. Во-первых, это интерес к политике, который является продуктом значительного влияния государства путем процесса политической социализации. Согласно исследованиям, политическая культура современной России характеризуется деполитизацией российского населения, которая происходит сразу по нескольким направлениям, а именно: негативным восприятием власти как таковой, а также устойчивым неверием в политические цели, провозглашаемые государством. 2. Вторым показателем является наличие «образа врага» в виде другой этнической группы или отдельных ее представителей. Стереотипизация врага, конструирование его образа ведет к формированию статусной иерархии этносов, применяемой в конфликтогенных ситуациях. В результате мы получаем мигрантофобию и этнофобию. Как пишет В.И. Мукомель, «практически во всех регионах России можно встретить в частных объявлениях о сдаче жилья формулировки: "только для русских", "только для русской семьи"» [1]. 3. Оценка национальными СМИ событий этнополитического характера. Государство как гарант социальной стабильности должно пресекать манипуляции СМИ, основанные на «однобокости» подачи материала, разжигании межнациональной ненависти, распространении ксенофобных настроений, этноцентризма и т.п. Для преодоления тенденций отчуждения российского населения от политической жизни общества и недоверия политическим институтам необходима борьба на всех уровнях власти с

искажением и фальсификацией исторических фактов, спекуляций исторической памятью, политикой двойных стандартов и т.д. 4. Наличие в политической программе местных партий националистической риторики. Миграционная риторика в программах современных политических партий также является значимым индикатором для поддержания социальной справедливости. Трудовая миграция может стать существенным конфликтогеном из-за опасения титульного этноса потери конкурентноспособности на местном рынке труда, т.к. обычно «понаехавшие» предлагают работодателю более дешевую рабочую силу. 5. Государственная политика в области оценки исторических событий и территориальных споров. Для российского общества данная проблема действительно становится все более и более актуальной. В целом из 21 национально-территориальных образований титульное население составляет большинство лишь в 8 автономиях, причем в Татарстане (53,2%), Кабардино-Балкарии (57,2%) и Калмыкии (57,4%) едва превышает половину. В республике Адыгея представителей титульного населения только четверть. Особо показательной здесь является Карелия с 7,4% карелов. Во многих российских регионах, а также в Москве и Санкт-Петербурге, численность меньшинств значительно выше, нежели в этой национальной республике. 6. Уровень доверия власти всех уровней рассматривается в рамках концепции легитимности власти через призму отношения людей к власти, ее принятия, признания ее законной. Здесь интересны данные региональных социологических опросов, предполагающих выявление наличия разногласий различных этнических общностей в восприятии органов власти всех уровней управления, степени удовлетворенности осуществляемой ими политикой и выявление исторических обид. 7. Основные ценностные ориентации. Заявленная правительством РФ модель демократического устройства нашей страны может на региональном уровне противоречить традиционным ценностным ориентациям некоторой части населения России, предполагающего ориентацию на «особый путь» развития России, консервативные ценности сохранения самобытности своей этнической культуры. Общероссийские исследования показывают, что демократические ценности пока так и не смогли заменить основы традиционного мировоззрения о сущности власти. 8. Уровень протестного поведения этнической общности также является важным индикатором чувства социальной справедливости у населения, который необходимо отслеживать с помощью социологических опросов с целью осуществления превентивных мер в данной области. Постоянный мониторинг восьми указанных показателей с помощью социологических исследований представляется необходимым для поддержания социальной справедливости в обществе, т.к. внесет значительный вклад в разработку государственной политики в области межэтнических отношений для защиты прав всех этнических групп, проживающих на территории РФ.

Литература:

1. *Мукомель В.И. Грани интолерантности (мигрантофобии, этнофобии) // Социологические исследования. – 2005. – №2. – С. 56-66.*
2. *Семенов В.А., Халлисте О.В. Конфликтологический мониторинг этнических аспектов политической культуры современного российского общества // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. №4 (40). 2013. – Хабаровск. – С. 113-123.*

Холоденко Юрий Александрович,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Занятость и безработица в современном обществе: фактор глобализации

Со второй половины двадцатого столетия социальная политика стала объектом пристального внимания со стороны государства в промышленно развитых странах. Более того, этот период характеризуется формированием социально – экономической модели, получившей название «государство благосостояние» или «социальное государство»[1]. Это кардинальным образом изменило основы и принципы социальной деятельности государства. Основные принципы социального государства были сформулированы несколько десятилетий назад. Между тем за прошедшие годы мир претерпел глубочайшие перемены. Социальные изменения носят комплексный, всеохватывающий характер. Это обусловлено многомерностью влияющих на них факторов, важнейшими из которых являются информатизация и глобализация, затрагивающие всю совокупность общественных отношений. Как подчеркивает А. Н. Чумаков, “глобализация – это многоаспектный, естественно - исторический процесс становления в масштабах планеты целостных структур и связей, которые имманентно присущи мировому сообществу людей, охватывают все основные сферы и проявляются тем сильнее, чем дальше человек продвигается по пути научно-технического прогресса”[2]. Взаимосвязь между информатизацией и глобализацией – неоднозначный, противоречивый процесс. С одной стороны, они повышают качество жизни людей во многих странах мира, создают «окошко возможностей» для улучшения их экономического положения и социального самочувствия, формируют каналы диффузии инноваций. Однако эти же факторы способствуют углублению экономического и социального неравенства по двум новым критериям: включенность в процессы социально – экономической глобализации и позиция на рынке труда, обусловленная доступом к информации (высокотехнологичному производству и услугам). Только вовлеченность в процессы глобализации способствует повышению статуса носителю образования и знания.

Глобализация формирует глобальное неравенство, усложняет его конфигурацию.

Глобализация становится самостоятельным фактором углубления неравенства в рамках почти каждого отдельно взятого общества.

Она стимулирует, интенсифицирует и усложняет социальные процессы, придавая неравенству новое качество[3]. Углубляется пропасть между теми, кто активно включен в процессы социально – экономической глобализации, сумев воспользоваться возможностями современной постиндустриальной экономики и остальной частью населения, жизнь которой становится все более сложной и, главное, лишенной перспектив. Потенциал данной социальной группы достаточно высок, о чем, в частности свидетельствуют «Brexit» и избрание Д. Трампа президентом США. Усиливаются протестные настроения в странах ЕС. Глобализация не только сближает национальные экономики. Она обостряет конкуренцию между ними на всех уровнях. Она разрушает сложившийся в большинстве стран социальный порядок, негативно влияет на социально-трудовые отношения, осложняет выполнение государством своих социальных обязательств. Наблюдается деиндустриализация ведущих экономик мира. Крупнейшие мировые производители переводят массовые производства в регионы с более низкими издержками на оплату труда и либеральным налоговым и экологическим законодательством. Но это негативно влияет на рынок труда в странах базирования ТНК, подрывает основы активной социальной политики. Уровень и средняя продолжительность безработицы в странах ЕС достигли высокого уровня .В зоне евро в начале 2016 г. она превысила 10%, а в Испании и Греции – 20 и 24% соответственно [4]. Для социальной поддержки безработных нужны значительные средства, однако многие страны испытывают нехватку ресурсов. Возможности для проведения активной политики занятости с целью преодоления безработицы также ограничены. Эффективно решить эту проблему можно только запустив механизмы экономического роста. Однако подобное развитие событий не представляется реальным, во всяком случае в обозримой перспективе. Так, в 2005-2013 годах реальный ВВП по ППС увеличился в Германии на 11%, в Бельгии – на 8%. Франции и Финляндии – на 5%, Дании – 1%. В Италии он сократился на 3% [5]. Кроме того, маловероятно, что транснациональный бизнес вдруг вспомнит о своей социальной ответственности и начнет возвращать производства из-за рубежа в “родные пенаты”, чтобы помочь национальным правительствам решить накопившиеся социальные проблемы. Другая причина, обостряющая проблему занятости и безработицы в современном обществе – ужесточение условий конкурентной среды. Формируются рынки глобальной конкуренции. Для поддержания конкурентоспособности производители вынуждены постоянно внедрять инновации: продуктовые, технологические, маркетинговые, управленческие. Смена модельного ряда в отраслях, производящих товары длительного пользования, сократилась до 2 – 4 лет, а на отдельных рынках до одного года. Это ведет к внедрению техники и технологий, требующих специальных знаний и подготовки. Инновации нередко выступают движущей силой не только позитивных, но и негативных социальных изменений. Структура экономики меняется стремительно. Рынок труда к этим изменениям адаптироваться не успевает. Усиливается дисбаланс между спросом и предложением трудовых услуг. Глобализация

интенсифицирует процессы диффузии инноваций, а, значит, способствует разрушению сложившихся условий занятости в странах, вовлеченных в эти процессы. Решить проблему занятости и безработицы в рамках сложившейся социально – экономической парадигмы невозможно.

Литература:

1. *Инновации в социально – экономическом развитии: государство, фирма, менеджмент. Под ред. В. П. Васильева. – М.: ТЕИС, 2007, с.233.*
2. *Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира. М. 2014.с. 365*
3. *Осипова Н. Г. Неравенство в эпоху глобализации: сущность, институты, специфика и динамика. // Вестник МГУ, сер. Социология и политология. – 2014. - №2. – с. 22- 46.*
4. *Безработица в еврозоне на минимуме с 2011 года.URL: http://www.vestifinance.ru*
5. *Коровяковская Н.Д., Холоденко Ю.А. Социальная политика российского государства: глобальные вызовы// Труд и социальные отношения. – 2016. - №3. – с. 53.*

Хорошкевич Наталья Геннадьевна,
УрФУ, Екатеринбург, Россия

Социальное государство и государственные гражданские и муниципальные служащие в современной России

В настоящее время за рубежом и в России актуальной является идея построения социального государства. Построение социального государства сталкивается с рядом проблем. Это - недостаточный уровень материального благосостояния общества, проблемы дисфункции социальных институтов и т.д.. Для России также характерны эти трудности, и даже еще в большей мере. Одной из проблем в нашей стране можно назвать проблему работы представителей органов государственной власти. И не только, потому, что работа чиновников в России вызывает множество нареканий со стороны общественности, а потому, что происходит формирование нового общества. Социальное государство предполагает воплощение принципов: условия жизни, не должны унижать человеческое достоинство; социальное равенство; социальной помощь нуждающимся , реализация которых более всего возможна в постиндустриальном обществе. В настоящее время Россия, как и ряд других стран, пытается построить постиндустриальное общество, которое существенно отличается от индустриального. Если индустриальное общество было товаропроизводящим, где все подгоняется под нужды производства: люди, машины, сырье, рынки , в политическом плане происходит развитие демократии, законодательно граждане уравниваются в правах, формируется многопартийность , то основными характеристиками постиндустриального общества сегодня выделяют другие. Это - доминирование абстрактных, теоретических знаний над практичными; интенсивное развитие новых технологий, инноваций, которые ведут к интенсивному развитию производства; высвобождение рабочей силы из производственной сферы в сферу услуг; интенсивное развитие сферы услуг;

возрастание значения информации во всех сферах жизнедеятельности общества; ускорение темпа жизни в обществе; и если индустриальное общество определяется уровнем жизни, то «постиндустриальное общество определяется качеством жизни, измеряемым услугами и различными удобствами – здравоохранением, образованием, отдыхом и культурой, - которые становятся желанными и доступными для каждого» , в обыденной жизни увеличение значения информации. Учитывая вышесказанное, можно отметить, что именно в постиндустриальном обществе в сравнении с предыдущими типами общества условия воплощения идеи социального государства являются наиболее благоприятными. С возникновением нового общества, как правило, происходит изменение требований к представителям государственного аппарата. Этому есть множество в истории подтверждений. Например, формирование новой общности государственных служащих после революции 1917 в России , перестройка всего государственного аппарата во время правления Петра Первого , формирование нового государственного аппарата в период становления феодализма , затем капитализма Европе и т.д.. Здесь можно выделить два типа требований, предъявляемых к государственным служащим. Во-первых, если происходит смена политического строя, то они должны обязательно демонстрировать лояльность к ценностям, идеологии внедряемой новой властью. Хотя чиновники должны это делать и во время стабильного существования общества. Во-вторых, к государственным служащим могут быть предъявлены новые профессиональные требования .

В постиндустриальном обществе сознание россиян станет другим. Возникнут гражданская, правовая и политическая культуры более высокого уровня. Общество станет более информированным в этих сферах и более взыскательным в отношении сотрудников государственных органов, обеспечивающих ему эти права. Общество будет требовательно к государственным гражданским и муниципальным служащим: к их отношению к гражданам и квалификации. Государство как реализатор потребностей общества (если оно этого делать не станет, то это может привести к социальной нестабильности, и как крайний вариант – к социальной революции, что подразумевает создание другого государства) станет также нуждаться в новой социальной общности государственных гражданских и муниципальных служащих, способных эффективно проводить политику государства в таком обществе.

В нашей стране переход от индустриального типа общества к постиндустриальному осложняется переходом России в конце прошлого века от социалистической системы к капиталистической. Это означает, что у государственных служащих должны быть другая мораль, другие ценности, соответствующим современному капиталистическому обществу. Таким образом, учитывая вышеизложенное можно говорить о наличии социального запроса со стороны общества и государства в необходимости формирования в обществе новой социальной общности государственных гражданских и муниципальных служащих, обладающих мировоззрением постсоветского и

постиндустриального общества и более высокими квалификационными навыками, и которая также станет эффективным инструментом для реализации идеи социального государства в современной России.

Литература:

1. *Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Академия. 1999.*
2. *Государственная служба в СССР //*
3. *Государство и право периода феодализма //usheniki-besplatnocom/pravovedenie_729/gosudarstvo-pravo-perioda.html [дата обращения – 06.01.2018]*
4. *История делопроизводства в России //studopedia.su/7_30698_istoriya_deloproizvodstva-v-rossii/html [дата обращения – 06.01.2018].*
5. *Осипова А.А., Крюков А.Ф. Проблемы становления сервисного государства в России //Вестник Красноярского государственного аграрного университета 2014 №2.*
6. *Социология: Учебник для вузов/ А.И.Кравченко, В.Ф.Анурин. - СПб.: Питер, 2005.*

Царева Анна Владиславовна,

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Онлайновые сообщества в сфере здоровья как инструменты преодоления социальной несправедливости

Здоровье является одной из важнейших составляющих человеческого капитала, обуславливая возможность пользования всеми остальными личностными и социальными ресурсами и задавая условия полноценной жизни. В настоящее время в России продолжается тенденция коммерциализации оказания медицинской помощи, что вынуждает население не только искать экономические возможности получения квалифицированных медицинских услуг, но и обращаться к различным информационным источникам по вопросам здоровья, способным снизить или оптимизировать затраты. Важным аспектом данной ситуации является отношение населения к вопросам здорового образа жизни, профилактики и лечения различных заболеваний, возможности получения квалифицированной медицинской помощи, справедливого распределения и качества доступа к инфраструктуре бесплатной страховой медицины и соотношения платных и бесплатных сегментов в области здравоохранения. По данным проведенного в 2017 г. исследования факторов социальной тревожности и социальных опасений жителей различных регионов России [1], тревоги, связанные с качеством медицинского обслуживания, занимают устойчивое третье место. В 2016 году в структуре платных услуг российское здравоохранение впервые за 10 лет обогнало образование по размеру расходов граждан. По данным Росстата, объем оказываемых на возмездной основе медицинских услуг в 2016 году вырос на 8,7% и достиг 572 млрд руб. Растет сектор «теневой медицины», в 2017 г. он составил 7,6% всего рынка

медицинских услуг. Одновременно государственные расходы на здравоохранение в 2016 году по сравнению с 2014 годом сократились на 15%.[2] В течение 2017 года к платным услугам здравоохранения обращались 68% россиян [3]. При этом инфраструктурные, социальные и информационные условия оказания медицинской помощи и предоставления медицинских услуг крайне неравномерны. Информированность населения по вопросам здоровья в значительной мере варьируется по группам с различным уровнем дохода, возрастными, образовательными и иными характеристиками [4]. Социальная среда, социальное положение и сеть социальных контактов оказывают влияние на то, как именно люди осуществляют поиск медицинской помощи и информации, связанной со здоровьем. В этой связи активно развивается использование различных форм интернет-коммуникации и онлайновых средств информации как среди тех, кто нуждается или заинтересован в медицинской помощи и оказании медицинских услуг, так и тех, кто эти услуги предоставляет. Наряду с информационными интернет-сайтами, растет число онлайновых сообществ различного типа, посвященных данным тематикам. Для пользователей интернета подобные онлайновые сообщества становятся не только источниками информации, но и многофункциональными средствами социального взаимодействия, способными в ряде случаев оказывать не только информационную, но и психологическую и социальную помощь и поддержку. Онлайновые сообщества в сфере здоровья развиваются как целенаправленно, в результате усилий организаций и отдельных профессионалов, так и в результате самоорганизации простых пользователей. Именно сообщества второго типа в результате самоорганизующейся коммуникации рядовых пользователей обращаются к темам, направленным на преодоление информационного и экономического неравенства в области здоровья. В зависимости от тематики, целей и характера коммуникации, можно выделить следующие виды самоорганизующихся онлайновых сообществ:

1. Информационные сообщества в области фармацевтических и медицинских знаний и онлайновые банки данных по лекарственным препаратам.
2. Тематические сообщества и сообщества «стиля жизни», посвященные практикам здорового образа жизни, профилактики, самолечения, красоты и пр.
3. Сообщества поддержки и взаимопомощи лиц, страдающих определенными заболеваниями и лиц с ограниченными возможностями.
4. Сообщества, посвященные медицинскому туризму.

Самоорганизующиеся онлайновые сообщества в сфере здоровья выполняют ряд функций, направленных на преодоление ограничений экономического, социального и психологического характера в области здоровья. Ключевые функции данных сообществ: информационная функция (получение информации о различных препаратах, лекарственных средствах и способах лечения, правилах и условиях их употребления, возможностях

приобретения); функция обмена опытом (оценка практик применения и последствий различных лекарственных средств и способов лечения); функция социализации, идентификации и преодоления стигматизации (обмен опытом переживания, хода лечения и преодоления различных заболеваний, психологическая поддержка больных и членов их семей), статусная функция (обмен и оценка опыта и знаний в контексте здоровья, получение формальных и неформальных статусов экспертов). Прямая реклама или продажа различных товаров и услуг в сфере здоровья в самоорганизующихся сообществах отсутствуют или ограничены, их распространение ведет к профессионализации и коммерциализации сообщества. Наряду с позитивными возможностями преодоления и компенсации социального неравенства в области здоровья, обращение к таким сообществам может стать источником серьезного риска, создавая условия для распространения ошибочной или ложной информации, отказа от медицинских услуг и т.д.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00726 А

Литература:

1. *Долгорукова И.В., Кирилина Т.Ю., Мазаев Ю.Н., Юдина Т.Н. Социальная тревожность и социальные опасения населения России: социологическое измерение // Социологические исследования. № 2. 2017. С. 57-66.*

2. *Здравоохранение в России. 2017: Стат.сб./Росстат. М., 2017. С.152.*

3. *Александрова Д. Пациенты полюбили счет // РБК+ «Здравоохранение». 14 декабря 2017. № 217 (2714). С.2.*

4. *Вялых Н.А. Факторы воспроизводства социального неравенства в сфере потребления медицинских услуг // Социологические исследования. № 11. 2015. С. 126-132.*

Черкашин Сергей Николаевич,
ИГСУ РАНХиГС, Москва, Россия

Современные механизмы обеспечения справедливости в системном планировании на уровне местного самоуправления

Обеспечение справедливости в общегосударственном управлении имеет очень важный уровень своей реализации, который можно с полным правом считать народным – местное самоуправление, выполняющее важнейшую роль в регулировании широкого круга социальных процессов в рамках конкретных социально-территориальных образований. Поэтому большой интерес представляют вопросы эффективности местного самоуправления, в целом, и механизмов, посредством которых оно реализует свою социальную миссию, в том числе. В данном случае, предлагаем рассмотреть, каким образом местное самоуправление может обеспечивать справедливость посредством применения механизмов системного

планирования. Принятие в 2014 году федерального закона о стратегическом планировании, поправки в № 131-ФЗ о местном самоуправлении, Бюджетный и Градостроительный кодексы обозначили новые возможности в стратегическом планировании как на государственном, так и на муниципальном уровне. К программам развития муниципального образования могут относиться программы комплексного социально-экономического развития муниципальных образований (пункт 6 части 1 статьи 17 Федерального закона № 131), а также программы комплексного развития нескольких отраслей экономики и социальной сферы муниципальных образований. Данные программы, в отличие от мероприятий, указанных в долгосрочных целевых программах (ведомственных целевых программах), могут предусматривать только общие направления, стратегии и принципы развития муниципального образования, а также содержать указания на механизмы и пути их реализации.

В свою очередь, программы развития муниципального образования могут содержать положения о необходимости разработки и утверждения местной администрацией определенных долгосрочных целевых программ, а также принятия органами местного самоуправления муниципальных правовых актов по реализации конкретных мероприятий. В то же время долгосрочная целевая программа, по сути, является системой взаимосвязанных по ресурсам, исполнителям и срокам реализации мероприятий, направленных на решение конкретных проблем в отраслях экономики и социальной сферы муниципальных образований и достижение конечных результатов. Данные программы предусматривают расходные обязательства на выполнение конкретных мероприятий, подлежащих исполнению за счет средств местных бюджетов. Вместе с тем следует отметить, что в законодательстве Российской Федерации не определены понятия «программы комплексного социально-экономического развития муниципальных образований», «программы развития муниципального образования», «муниципальные долгосрочные целевые программы» и «муниципальные ведомственные целевые программы». Поэтому на федеральном уровне пока нельзя четко определить признаки данных программ, а также разграничить в каждом конкретном случае компетенцию по их принятию и реализации между представительным органом муниципальных образований и местной администрацией. Регулирование указанных вопросов может осуществляться в уставах муниципальных образований и приятых в соответствии с ними нормативных правовых актах представительных органов муниципальных образований и местных администраций.

Необходимо учитывать, что реализация муниципальных долгосрочных целевых программ невозможна без решения вопроса об их финансовом обеспечении за счет средств местного бюджета, принятие которого находится в ведении представительного органа муниципального образования. Согласно пункту 1 статьи 179 Бюджетного кодекса РФ, объем бюджетных ассигнований на реализацию долгосрочных целевых программ утверждается

законом (решением) о бюджете в составе ведомственной структуры расходов бюджета по соответствующей каждой программе целевой статье расходов бюджета в соответствии с нормативным правовым актом Правительства Российской Федерации, высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ, муниципальным правовым актом местной администрации муниципального образования, утвердившим программу. Как нам представляется, из положений Федерального закона № 131-ФЗ следует, что к компетенции относится утверждение долгосрочных планов и программ развития муниципальных образований в которых, как правило, закрепляются стратегические направления развития муниципального образования на долгосрочную перспективу. Проекты таких планов и программ развития муниципальных образований согласно части 3 статьи 28 Федерального закона № 131-ФЗ должны выноситься на публичные слушания для их обсуждения с участием жителей муниципального образования (порядок утверждения муниципальных программ, разрабатываемых в соответствии с требованиями Бюджетной кодекса Российской Федерации, не предусматривает необходимость обсуждения их проектов на публичных слушаниях).

Честных Юлия Сергеевна,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия

Социально ориентированное государство как новый тип социальных отношений.

Идея социально ориентированного государства в последние десятилетия стала более популярней и общественно значимее. Государство подобного типа имеет в своей основе синтез либеральных и социалистических идей [6]. Сторонники классического социализма не так критично воспринимают либерализм и все чаще рассматривают необходимость соединения либеральных основ и традиционных требований социализма. Однако теоретические положения не находят свое отражение в реальных принципах общественного устройства, и все стремления синтезировать выше упомянутые концепции оканчиваются провалом [2]. Соединение правового и социального государства предполагает создание нового типа социальных отношений, которые основываются на трех принципах: социальная справедливость, социальное сотрудничество и гражданское согласие. Принцип социальной справедливости основывается на двух последующих и является основным при формировании социально ориентированного государства. Он предполагает ситуацию, при которой любой человек имеет право на максимальное количество свобод. При этом все свободы должны быть равны, и ни одна личность не должна быть

ущемлена в своих правах [3, 4]. Но как в реальном мире совместить две противоборствующие концепции? Социалистическое государство нацелено на решение «социального вопроса» с одной стороны, а с другой – не предполагает свободу человека и его творчества. Либеральное государство – наоборот продвигает идею обеспечения свобод и прав людей, не гарантируя социальные льготы [5]. Социально ориентированное государство имеет своей целью интеграцию общества, в котором сталкиваются групповые интересы на различных уровнях (на классовом, национальном, экономическом). Государство такого типа поддерживает традиционные либеральные идеи, наполняя их новым содержанием и выстраивая иерархию общественных ценностей [1]. Ряд ученых отмечают сходство в основах обеих идей. Основным конфликтом является разграничение между свободой и собственностью. Многие теоретики приходят к соглашению в пользу индивидуальной свободы, обеспеченной равными возможностями для саморазвития. Пересматриваются и границы собственности, и ее функциональность. Она уже не выступает эквивалентом свободы и допускается только в той степени, в какой она может обеспечить свободу. При этом, индивидуальный человек способен себя реализовать в полной мере только в социуме. Для нас, граждан Российской Федерации, как никогда имеет значение проблема формирования социально-ориентированного государства. В стране создаются (или созданы) условия для достойной жизни граждан и для свободного развития индивида. Однако, около 86% населения признают, что противоречия между богатыми и бедными существенно заметны и ощутимы. В соответствии с рекомендациями ООН, социально ориентированным считается то государство, в котором имущественное и социальное расслоение не превышает соотношения 1:8. В России расхождение в доходах на 2016 год по официальным расчетам составило примерно 1:17, по неофициальным – 1:40. В кратком статистическом сборнике, опубликованном в 2017 году Росстатом, даются следующие данные: группа лиц с наибольшими доходами в 2016 году составила 47,1% от денежных доходов всего населения. Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) составил 0,414 (для сравнения – в 1992 году данный показатель равнялся 0,289). Социально-ориентированное государство – это не прихоть, а необходимость, потому что долгие годы не выполнялись и до сих пор не до конца выполняются обязательства перед самыми незащищенными слоями населения. Современным правящим сообществом принимаются решения, выгодные меньшинству и не отвечающие в полной мере запросам и потребностям большинства россиян. Поддерживаются только сравнительное постоянство и защита, которые способны обеспечить социальную стабильность для поддержки социального порядка, но не для достижения достойной жизни граждан России. Другой стороной социально ориентированного государства являются свободы населения, которые также нарушаются. Современные демократические институты, социальные свободы и другие основы гражданского общества функционируют только в тесной взаимосвязи и под сильным контролем государственных структур.

Они сохраняются только до определенного момента – пока они не угрожают интересам правящего меньшинства. Согласно рейтингу стран мира по уровню политических и гражданских свобод 2017, который выпускается ежегодно международной неправительственной организацией, Freedom House, Россия занимает 180 место, индекс свободы составляет 20,0. По всемирному индексу счастья, целью которого выступает демонстрация относительной эффективности, с которой страны используют экономический рост и природные ресурсы для того, чтобы обеспечить своим гражданам счастливую жизнь, Россия занимает 116 место, индекс счастья составляет 18,7. Таким образом, идея синтеза либеральных и социалистических основ актуальна и теоретически возможна. Возможность существования такого государства обеспечивается не только декларируемыми нормами и законами, но и возможностями конкретного государства. Если в стране помимо идеализированных основ имеет место их осуществление, а также высоко развитое гражданское общество успешно функционирует и влияет на политику государственных структур, происходит регулярная смена власти и правящих партий, реально действует оппозиция, такому государству вполне реально добиться идеального представления о социально-ориентированном государстве.

Литература:

1. *Буданова М.А. Становление системы государственного социально-ориентированного управления рисками в современном трансформирующемся российском обществе: монография. – М.: Спутник+, 2013. – 115 с.*
2. *Грибанов В.В. Модернизация политической системы России: проблемы и перспективы: монография. – Сыктывкар: КРАГСиУ, 2011. – 172 с.*
3. *Назаренко С.В. Социальный контроль поведения личности в финансово-экономической сфере общества / Социальное поведение личности: оценки и стратегии: Коллективная монография. Ульяновск, 2016. С. 181-193.*
4. *Назаренко С.В. Социальный контроль в пресечении нарушений прав интеллектуальной собственности / Экономика. Бизнес. Банки. 2017. Т. 7. С. 134-140.*
5. *Оборский А.Ю. Охрана интеллектуальной собственности: история и современное состояние / Экономика. Бизнес. Банки. 2017. Т. 6. С. 20-26.*
6. *Рыбакова М.В. Социальное государство и молодежь: механизмы управления и перспективы развития: сборник статей. – М.: Перо, 2018. – 267 с.*

Чубарова Татьяна Владимировна,

Институт экономики РАН, Москва, Россия

Современное социально государство между эффективностью и справедливостью: экономический анализ

Значительное место в экономическом анализе современного социального государства занимает проблема соотношения эффективности и справедливости. Основной вопрос состоит в том, в каких масштабах и какими способами государство должно вмешиваться в решение социальных проблем с тем, чтобы максимизировать экономическую эффективность и

обеспечить социальную справедливость. Одно из популярных направлений сегодня связано с так называемой политикой подталкивания, автор которой получил Нобелевскую премию по экономике в 2017 г. [1] В последнее время остро стоит проблема использования ресурсов, выделяемых на социальную сферу, и соответственно, их эффективного использования. С одной стороны, в развитых странах расходы на социальную сферу составляют значительную долю ВВП. С другой стороны, сохраняются старые и возникают новые социальные проблемы, требующие общественного внимания. В дебатах по этому поводу, особенно в рамках мейнстрима, возникает тема неизбежности конфликта между справедливостью и эффективностью, основанная на признании возможности их разделения и отсюда - необходимость выбора между ними. [2]. Однако в социальном государстве такая постановка вопроса представляется методологически неправильной. Общественный успех достигается именно за счет органичного объединения соображений эффективности и справедливости, так как они являются неотъемлемой частью экономического мышления и должны рассматриваться в единстве. Рациональный экономический выбор в современном обществе возможен только с учетом социальных критериев. Экономическая система сама по себе не задает цели, последние определяются обществом (интересом). При этом обеспечение качества при меньших затратах не мешает поддержанию справедливости — повышение эффективности может способствовать реализации принципов справедливости. [3] Эффективность подразумевает, что выделяемые ресурсы используются для получения максимального эффекта при минимальных затратах. Справедливость означает, что услуги предоставляются адекватно потребностям. Но одна эффективность не может быть основой для принятия решений в социальном государства, скорее это средство достижения поставленных целей. В социальной сфере возникают и чисто практические проблемы, связанные с измерением эффективности. При этом часто происходит подмена понятий, когда эффективность смешивают с результативностью. Необходимо обратить внимание и на такую распространенную методологическую ошибку как смешение равенства и справедливости. Политический процесс может привести к признанию справедливым неравенства. Например, может быть признан справедливым неравный доступ к медицинским услугам, те группы населения, у которых вероятность наступления болезни выше, должны иметь более широкий доступ к медицинским услугам. В последнее время в теории появились новые варианты социального государства. Например, идея государства социальных инвестиций стала ответом на новые вызовы, стоящие перед современным обществом. Это изменения в демографической структуре населения и его ценностных ориентациях, в социально-трудовых отношениях, расширение сферы применения новых технологий, прежде всего информационных, глобализация. Противопоставление экономического роста и социальных расходов подвергается пересмотру и подчеркивается важность интеграции, единства экономической и социальной политики. [4] В результате система, основанная на нерыночных ценностях, например

государственное здравоохранение, может сочетают и экономическую эффективность, и социальную справедливость, обеспечивая реализацию коллективных социальных ценностей, определяемые в ходе политического процесса на основе учета разнообразия социальных и экономических интересов, существующих в обществе.

В рассматриваемом контексте интересен подход к справедливости в здравоохранении. Она подразумевает справедливость доступа, то есть наличие возможности получить медицинские услуги, и финансовая справедливость. Справедливая система обеспечивает финансовую защиту для всех, то есть риски, с которыми сталкиваются граждане, распределены в соответствии с их возможностью платить, а не риском заболеть. Именно на этом основаны системы обязательного медицинского страхования, в отличие от его частной модели. Оплата медицинских услуг может быть несправедливой по двум причинам. С одной стороны, граждане могут подвергнуться риску заболеть неожиданно и будут вынуждены оплачивать расходы за свой счет. С другой стороны, если существует система предварительной оплаты, но она регрессивная, менее способные платить будут тратить пропорционально больше, чем более состоятельные. Финансовая справедливость достигается созданием систем оплаты, основанных на способности платить, и обеспечивается через различные формы предоплаты. Частная система здравоохранения не соответствует традиционным идеям социальной справедливости и не обеспечивает их реализацию, а рост платежей из кармана ведет к неравенству доступа к медицинским услугам. Поэтому в настоящее время, рост личных выплат российских граждан в систему здравоохранения ведет к ограничению доступности медицинских услуг, ставя ее в зависимость не от потребности, а от наличия финансовых возможностей.

Литература:

1. *Thaler R. H., C. R. Sunstein. Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness. New York: Penguin, 2008.*
2. *Конфликт справедливости и эффективности в государственном управлении. Материалы научного семинара. Вып. 6(44) М., Научный эксперт ,2011.*
3. *Чубарова Т.В. Экономика здравоохранения. Теоретические аспекты. М., ИЭ РАН, 2009.*
4. *Morel N., Palier B., Palme J. Towards a Social Investment Welfare State? Ideas, Policies and Challenges. The Policy Press, University of Bristol. 2012.*

Шамилева Роза Камилевна,
Грозненский государственный нефтяной технический университет имени академика М. Д. Миллионщикова, грозный, россия

Справедливость как процесс реализации социальных интересов (на примере региональной политики)

Идеал справедливых социальных условий на современном этапе развития российского общества заключается, во-первых, в создании для всех членов общества равных возможностей для реализации своих способностей и удовлетворения жизненных потребностей; во-вторых, в соразмерности вознаграждения, получаемого людьми и их различными объединениями со стороны общества и его институтов, согласно их делам, поступкам и характеру жизнедеятельности. Отсюда, правомерно рассматривать социальную справедливость на базе интересов и потребностей различных социальных групп и индивидов.

Анализ научных публикаций показывает, что категории «интересы» и «потребности» являются основой реализации социальной справедливости и по сути своей дуалистичны, так как между ними существует неотъемлемая связь взаимодействия, так в социологической литературе «интерес» обозначен как направленность субъектов на удовлетворение определенных потребностей, а «потребность» как нужда в чем-либо необходимом для поддержания жизнедеятельности организма, личности социальной группы, общества в целом. Теория справедливости базируется на основополагающих и одинаково доступных всем индивидам ценностях. На наш взгляд, реализация интересов, которые неразрывно связаны с потребностями людей является главной детерминантой /или хотя бы одной из главных/ в процессе утверждения социальной справедливости.

Аналитическое исследование проблемы интересов и потребностей авторов А. Г. Здравомыслова и Г. Г. Дилигенским, позволяет увидеть дуалистическую связь категорий «интересов» и «справедливости». По мнению этих социологов, «не одно социальное действие или крупное событие общественной жизни - преобразование, реформа, революционный взрыв - не может быть понято, если не выяснены интересы, породившие это действие» [2]. Социальная реальность показывает, что от интересов зависит распределение предметов, ценностей, благ, обеспечивающих удовлетворение потребностей. Они направлены либо на изменения, либо на закрепление существующих распределительных отношений.

В процессе модернизации современного российского общества важную роль играет вопрос, связанный с построением стратегии социального развития, которая зависит от новой социальной политики. Наглядное представление о восприятии различных аспектов региональной социальной политики, направленной на реализацию социальной справедливости дают

результаты проводимого нами ежегодного социологического опроса «Восприятие понятия социальной справедливости чеченской молодежью в условиях современной реальности». Данное исследование проводится методом стандартизированного интервью сотрудниками лаборатории по исследованию социально-политических, духовных и правовых исследований КНИИ РАН. Опрошено 750 респондентов – студентов трех государственных ВУЗов Чеченской республики (ГГНТУ, ЧГУ, ЧГПУ). Выборка квотная, с вероятностным отбором респондентов, репрезентирующая социально-возрастную группу по полу, возрасту и образованию. В нее вошли студенты 1-4 курсов обучения гуманитарного, технического и естественного профилей, проживающие в разных районах Чеченской республики, городах Аргун, Шали, Грозный. Анкета включала в себя 19 вопросов, из которых 11 открытых.

Сегодня возникают проблемы, которые выражаются в форме социальных конфликтов, и связаны они с нарушениями не столько принципов справедливости, сколько проявлением стереотипов, сложившихся в сознании индивидов. Как показывает исследование, приоритетными для студенческой молодежи являются стереотипы представлений о социальной справедливости связанные с принятыми в обществе морально-этическими ценностями и правовыми нормами. На вопрос о том, в чем они видят проявление социальной справедливости, большинство респондентов ответило: «Следование каждого морально-этическим нормам»-23, 3%; «Равенство всех граждан перед законом» - 31%. «Отсутствие различий в уровне жизни и благосостоянии» отметило 15, 7% опрошенных, а равенство возможностей реализации своих способностей и того меньше – только 10%. [см. 3]. Однако нельзя отождествлять стереотипы представлений индивидов на когнитивном (личностном) и онтологическом (реальном) уровнях, и здесь проблема упирается в свою очередь в фактор различий уровня социализации индивидов. Определяя наиболее важные меры со стороны государства для достижения социальной справедливости респонденты на первое место поставили «Обеспечение социальной ответственности каждого на своем месте (учеба, работа, семья)» - 27, 7% опрошенных. На втором месте в иерархии указанных мер находится «Обеспечение элементарных медицинских услуг» - 26,1%. Значимым для студентов является и «Создание условий для соответствия профессии образованию и квалификации» - 20,4%, 19,6% опрошенных ответило, что «Каждый должен сам заботиться о своем благополучии».

Результаты подобной оценки включаются в лозунги политических партий, закрепляются в законодательстве, находят свое отражение в программах органов управления.

Литература:

1. *Здравомыслов А. Г., Дилигенский Г. Г. Потребности. Интересы. Ценности. М.: Мысль, 1985.С. 10-11.*
2. *См.: Модель справедливости в контексте интересов и потребностей // Гуманитарные и социальные науки. – 2017. №1. С. 60-64.*

Шепелев Олег Юрьевич,
Уральский институт управления - филиал РАНХиГС, Екатеринбург, Россия
Щербанев Дмитрий Александрович
Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия

Дисфункции пенсионного обеспечения лиц, осуществляющих конфиденциальное сотрудничество на контрактной основе

Обеспечение прав граждан, независимо от рода их деятельности, является первоочередной задачей любого правового государства. В социально ориентированном государстве, каким является Российская Федерация, одним из основополагающих прав граждан, является их право на пенсионное обеспечение, которое возникает при наличии определенных условий закрепленных в законодательстве. Среди граждан, которые претендуют на пенсионное обеспечение, есть группа лиц чья деятельность была связана с содействием органам, которые осуществляют оперативно-розыскную деятельность. При этом нужно отметить, что оперативно-розыскная деятельность является неотъемлемой частью деятельности правоохранительных органов и, в свою очередь, не могла бы осуществляться без деятельности конфидентов, то есть лиц, оказывающих содействие сотрудникам оперативных подразделений на контрактной и безконтрактной основе. В соответствии со ст. 18 Федерального закона № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» лица, основным родом занятий которых является сотрудничество с органами осуществляющими оперативно-розыскную деятельность по контракту, имеют право на пенсионное обеспечение [1], в ст. 12 Федерального закона № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» определяется, что период такого сотрудничества засчитывается в страховой стаж [2], что обуславливает возможность пенсионного обеспечения для таких лиц. Нужно отметить, что суммы вознаграждений и др. выплат, указанным выше лицам, выплачиваются из средств федерального бюджета по статье «Особые расходы» и не подлежат обложению налогами и не указываются в декларациях о доходах. Порядок передачи сведений о существующем трудовом стаже для оформления пенсии для лиц, основным родом занятий которых являлось сотрудничество с органами осуществляющими оперативно-розыскную деятельность регламентируется ведомственными нормативно-правовыми актами [3]. Согласно этим актам орган, который располагает сведениями о сотрудничестве обратившегося лица, направляет в Пенсионный фонд Российской Федерации соответствующим образом оформленную справку. При этом дисфункцией соотношения справедливости и эффективности принципов социального государства здесь выступает то, что сам факт такого сотрудничества не должен быть предан огласке, поскольку она противоречит основному принципу оперативно-розыскной деятельности – принципу конспирации.

Конфиденциальная (негласная) форма содействия лиц органам, которые осуществляют оперативно-розыскную деятельность, предполагает, что сведения о таких лицах не подлежат разглашению. А лица, оказывающие сотрудникам оперативных подразделений содействие, обязаны сохранять в тайне сведения, которые получены ими как в ходе подготовки, так и в ходе проведения оперативных мероприятий. Специфика осуществления оперативно-розыскной деятельности заключается в скрытности ее осуществления, а разглашение сведений (вне зависимости, составляют они государственную тайну, или являются конфиденциальными), ставших известными в силу выполнения поставленных задач при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий или оперативно-розыскной деятельности могут привести к непоправимому ущербу. При этом для осуществлении конфиденциальности:

- допуск к работе с конфидентами возможен только для узкого круга лиц и в порядке, установленном в ведомственных нормативно-правовых актах;
- в подразделениях, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность установлены особые правила ведения документооборота;
- в оперативных подразделениях устанавливаются специальные меры защиты секретной и конфиденциальной информации.

В случае разглашения конфиденциальных сведений, под угрозой оказывается не только личная безопасность и жизнь лица, чья деятельность связана с содействием органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, но и членов его семьи. Принимая во внимание все вышесказанное, можно сделать вывод, что передача в Пенсионный фонд Российской Федерации органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведений о периодах сотрудничества по контракту лиц в качестве основного рода занятий которых была оперативно-розыскную деятельность, в целом противоречит интересам оперативно-розыскной деятельности, а также представляют угрозу как оперативному аппарату, так и самому конфиденту, поскольку подразумевает под собой рассекречивание сведений, порою составляющих государственную тайну [4]. На практике лица, оказывающие содействие органам оперативно-розыскной деятельности, ограничиваются получением денежного довольствия, при этом страховые взносы в Пенсионный фонд Российской Федерации не производятся. Это означает что указанная категория граждан не обеспечивает себе страховую пенсию в дальнейшем. Т.о., наиболее рациональным, на наш взгляд, является подача сведений в Пенсионный фонд Российской Федерации органом, с которым сотрудничал конфидент, спустя некоторый промежуток времени после окончания сотрудничества. Это позволит сохранить в секрете сведения, составляющие государственную тайну, до тех пор, пока их актуальность не будет минимальной. Недостатком данного способа будет отсутствие пенсионных выплат конфиденту за определенный период, ровно до тех пор пока необходимые сведения о его предыдущей деятельности не поступят в Пенсионный фонд РФ, а также его раскрытие как лица, чья деятельность

была связана с содействием органам, которые осуществляют оперативно-розыскную деятельность.

Литература:

1. *Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (последняя ред.). Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».*
2. *О страховых пенсиях: Федеральный закон от 28декабря 2013 г. № 400-ФЗ (в ред. от 28.12.17). Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».*
3. *Об утверждении Порядка передачи сведений о периодах сотрудничества по контракту граждан с органами федеральной службы безопасности в качестве основного рода занятий для зачета в страховой стаж: Приказ ФСБ России от 20 сентября 2016 г. № 583. Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».*
4. *О государственной тайне: Закон РФ от 21 июля 1993 г. №5485-1 (ред. от 26.07.2017). Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».*

Шмаков Владимир Иванович,

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Формирование и реализация человеческого капитала и потенциала как задача социального государства; социал-демократическая модель

Актуальность данной проблемы определяется тем, что рост экономики любой страны во многом зависит от процесса развития и накопления человеческого потенциала. Переходный период от централизованной плановой системы к рыночной экономике в нашей стране, вопреки ожиданиям, привел к значительному снижению уровня жизни, негативным процессам в сфере науки, образования, здравоохранения, глубокому демографическому кризису. Для перелома этих неблагоприятных тенденций необходимы значительные консолидированные усилия государства и общества в целом. Основой деятельности государства и общества в этом направления является активизация инвестиционной деятельности, особенно в сфере образования, здравоохранения, наукоемкого производства и технологий, а также выделении основных направлений инвестиционной деятельности и выработки механизма реализации разработанных проектов. Данные направления могут быть выделены только на основе комплексного изучения как самих видов инвестирования в явной и латентной формах, так и нормы отдачи от инвестирования в человеческий потенциал. Современная теория конкурентных преимуществ утверждает, что в глобальном мире основной фактор экономического роста – качество человеческого капитала (трудовых ресурсов) и умение государства его использовать. Но основой качества высокого человеческого капитала является развитие потенциала человека. «В XXI веке в лидеры выйдут страны, достигшие наиболее высокой производительности работников умственного труда» – эта фраза Питера Друкера (Друкер (2000)) стала основным тезисом многих научных и научно-популярных публикаций и докладов, международных экономических конгрессов. Анализ взглядов представителей различных экономических школ

по исследуемой проблеме позволяет сделать некоторые обобщения: Во-первых, в научный экономический оборот были введены такие основополагающие экономические категории как: «живые действующие силы», «производительные рабочие сипы», «рабочая сила», «капитал». Во-вторых, ими было обосновано положение о том, что качество человека представляет собой значимый фактор эффективности национальной экономики, а приобретенные способности людей составляют часть богатства всего общества. Это привело к развитию категории «квалифицированная рабочая сила» в отечественной экономической науке и концепции «человеческого капитала» в западной экономической мысли. В-третьих, они выдвинули тезис о том, что важнейшие качества личности формируются, прежде всего, системой образования и воспитания. Этот тезис нашел свое развитие в теории воспроизводства рабочей силы в отечественной экономической мысли и за рубежом как инвестиции в человеческий капитал. Качество человека представляет собой значимый фактор эффективности национальной экономики, а приобретенные способности людей составляют часть богатства всего общества. Сформированный посредством инвестиций человеческий капитал есть система качеств, свойств, воплощенных в человеке, которые не могут быть точно скопированы и воспроизведены в другом месте. Основатели концепции человеческого капитала рассматривают его, с одной стороны, как совокупность производственных способностей современного работника, а с другой - издержки государства, предприятия и самого человека на формирование и постоянное совершенствование этих способностей. Первая составляющая этой категории есть ни что иное, как человеческий потенциал. Рассмотрение человеческого капитала с точки зрения человеческого потенциала позволяет обозначить первостепенную роль человека в национальной хозяйственной системе вообще и в общественном производстве, в частности. Другими словами, понятие человеческого капитала представляет собой многозначную комбинированную социально-экономическую категорию, аспект потенциала которой является отражением существенных перемен, произошедших в современных обществах как в материальной, так и социальной сферах. Концепция человеческого капитала является одним из самых перспективных направлений развития экономической науки в XXI в. Уже во второй половине XX столетия она стала зримым достижением западной экономической теории и, прежде всего, экономики образования и труда. Проблема человеческого фактора в экономике, которую трактовали в разных аспектах мыслители прошлого: А.Смит. Дж.С.Милль. К.Маркс и Ф.Энгельс. Н.Мордвинова. М.Туган -Барановский, стала одной из самых актуальных в современных условиях. В 60-80 гг. за рубежом появились новые теории экономического роста (Р.Лукас. Г.Беккер, Т.Шульц), доказывающие, что основным фактором экономического роста является человеческий капитал. Уже в начале 90-х г Г Беккер пришел к выводу, что разрушение человеческого капитала имеет более серьезные последствия для потенциала экономического развития страны, чем уничтожение материальных ценностей.

Другой исследователь этой проблемы А.М. Боуман назвала "открытие человеческого капитала революцией в экономической мысли". Широкое распространение теории человеческого капитала на Западе и появление большого числа ее сторонников в России определяется тем, что в центре внимания концепции оказался главный фактор социально-экономического развития - человеческий в его качественно преобразованном виде.

Шухатович Виолетта Руслановна,
Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь

Справедливость в системе принципов социальной политики в области охраны здоровья

Присутствие в структуре государственной деятельности социальной политики ассоциируется с определенным уровнем цивилизованности общества, гражданским согласием, балансом коллективной и индивидуальной ответственности. Как направление социальной политики здравоохранение представляет собой систему государственных, общественных и медицинских мероприятий, направленных на сохранение и укрепление здоровья людей, профилактику и лечение заболеваний. Её специфика, по сравнению с другими направлениями социальной политики государства, проявляется, в особенностях интерпретации базовых принципов и понятий, например, таких как равенство, справедливость, дифференциация интересов; в выборе целей и приоритетов здравоохранительной деятельности; а также в системе специальных понятий и категорий. Обеспечение принципа равенства в вопросах охраны здоровья интерпретируется как равная доступность медицинской помощи. В тех случаях, когда реализовать принцип равенства не представляется возможным, государство с целью выравнивания возможностей использует механизмы компенсации - льготы, дотации и т.д. В англоязычной литературе описаны четыре подхода к равенству в распределении медицинской помощи:

1) равенство потребления на душу населения;
2) распределение в соответствии с потребностями,
3) распределение в соответствии с состоянием здоровья и
4) равенство как равный доступ.

Современные технологии организации и управления здравоохранением используют различные сочетания указанных подходов. Принцип справедливости выступает в качестве эквивалента социальных обменов, партнерства, интеграции и сотрудничества и является неотъемлемой чертой легитимности существующей в обществе системы неравенства. Различают справедливость распределительную (когда необходимо определить, «кому что причитается»), компенсационную и корректирующую. Всемирная организация здравоохранения рассматривает справедливость как критерий прогресса цивилизованного общества, а несправедливость в отношении

здоровья как предотвратимые неравенства в состоянии здоровья (между группами населения внутри стран и между странами). Такая несправедливость определяется социальной стратификацией – системой социального неравенства, присущего любому обществу – неравномерным распределением социальных благ внутри общества. Реализация принципа справедливости в здравоохранении связана с ликвидацией устранимых потерь здоровья людей и минимизацией межстрановых различий в состоянии здоровья населения отдельных стран и социально-экономических групп населения в пределах одной страны. В качестве основных способов достижения справедливости и преодоления несправедливости в вопросах охраны здоровья рассматривают воздействие на социальные и экономические детерминанты здоровья: повышение социального благосостояния, более равномерное распределение социальных благ внутри общества, улучшение условий жизни, повышение санитарной грамотности и уровня образования населения, обеспечение широкого доступа населения к качественной первичной медико-санитарной помощи, родовспоможению и вакцинации. Другим важным принципом научно обоснованной социальной политики является оптимальное сочетание различных интересов социальных групп, общностей, личности и общества в целом. Главная причина различия интересов в обществе связана с неодинаковостью социальных статусов и ролей. Выявление, учет и согласование различных социальных интересов представляет собой одну из важнейших задач социальной политики. В основе всех подходов, направленных на изучение и согласования интересов и социальных ожиданий различных социальных групп, находится исследование социальной дифференциации и стратификации общества. Специфика выявления и согласования интересов в сфере охраны здоровья определяется:

1) ролью, выполняемой в системе отношений «врач-пациент», «медицина-общество»;
2) различиями в статусе здоровья;
3) индивидуальными и групповыми особенностями образа жизни людей (социально-демографическими, профессиональными);

Разработкой глобальной стратегии в области охраны здоровья, основанной на данных анализа основных причин потери человеком здоровья и ухода из жизни, занимается Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). Основываясь на базовых ценностях социальной политики, данная стратегия учитывает те глобальные социально-политические изменения, которые произошли за последние десятилетия во многих регионах мира и имели серьезные последствия для здоровья граждан и систем здравоохранения этих государств. Европейская стратегия ВОЗ ориентирует государства на:

- обеспечение справедливости в области охраны здоровья;
- увеличение продолжительности полноценной жизни путем предоставления людям возможностей для полного развития и использования своих физических, умственных и социальных способностей;

○ обеспечение более здоровой жизни путем снижения заболеваемости и инвалидности;

○ продление сроков жизни с помощью мероприятий, способствующих увеличению ожидаемой продолжительности жизни;

○ формирование здорового образа жизни, поддержку благоприятных для здоровья форм поведения, таких как сбалансированное питание, оптимальная физическая активность, снижение потребления веществ, приносящих вред здоровью – алкоголя, табака, наркотических веществ.

Юрасова Мария Владимировна,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Измерение неизмеряемого: попытки построения критериев мерности

Понимание социологического измерения в современном научном сообществе весьма размыто. Весьма важно дать четкие границы измерения. Например, объясняя слушателям само понятия измерения, приходится прибегать к простейшему и действенному примеру придания некоторому абстрактному отрезку числового значения (например, с использованием измерительного инструмента – линейки). Но социологическое измерение нельзя ужать до измерения отрезков или простых физических величин. Как можно измерить, например, удовлетворенность обучением или модностью одежды. Здесь нам на помощь приходят различные измерительные методики, шкалы и др, а также различные экспертные оценки. Говоря об экспертах, важно понимать кто оценивает и исходя из чего оценивает. Например, слабый ученик в слабом классе может иметь более высокий балл, чем сильный ученик из сильного класса. Сегодня оценки, поставленные в разных условиях пытаются уровнять с помощью механизмов, названных аббревиатурами: ЕГЭ, ФИПИ, МЦКО и др. Современные школьники вынуждены привыкать к разного рода измерением их знаний, проводимых по разным критериям измерения. Нередко, и на это жалуются учителя, приходят КИМы (контрольно-измерительные материалы) далекие от согласованных программ обучения. С этим же столкнулись известные вузы, когда студенты проходили контроль и измерение остаточных знаний по тестам, составленных совсем далеких от тестируемых специальностей специалистов. Интересными критериями мерности отмечаются индексы, рейтинги и показатели. Они, как правило, носят расчетный характер. Например, ВЦИОМ, рассчитывает индикаторы как разница суммы положительных и средних оценок и суммы отрицательных оценок: Jч = S положительных и средних оценок - S отрицательных оценок . Но самое интересное, что, например, индекс счастья ВЦИОМ строит по ответу на единственный вопрос «В жизни бывает всякое - и хорошее, и плохое. Но если говорить в целом, Вы

счастливы или нет? (закрытый вопрос, один ответ)». Стоит отметить, что измерение носит более сложный характер, а индексы – расчётный показатель, основанный на серии измерений. Наибольший интерес для нас представляют рейтинги и индексы, предназначенные для сравнения характеристик различных стран. Рассмотрим особенности применения рейтингового подхода. Основным методическим инструментарием исследований обычно служат различные методики экспертных оценок, которые получают в результате анкетирования сотен и тысяч квалифицированных экспертов; используется сбор и обработка статистических данных. Некоторые специалисты считают, что получаемые рейтинги, составленные по экспертным оценкам, всегда несут на себе отпечаток субъективизма – встает вопрос о верности, полноте и неискаженности исходных данных и владения экспертами информацией в полном объеме. Но стремление сделать преимущественный «акцент на анализе универсальных по масштабу и признанию статистических баз данных» может привести к неадекватности получаемых результатов. Анализ большинства характеристик и свойств современного государства требует как количественных статистических, так и качественных экспертных оценок . Зачастую, практически невозможно выявить причины динамики отдельных показателей. Подотчетность, прозрачность и конкурентность рейтингов нередко ставится под вопрос. Степень надежности измерений бывает не всегда одинакова для всех стран. Баллы и соответствующие им ранги стран оценивается на основе относительно небольшого числа источников, и характеризуются большим разбросом в оценках, в итоге могут оказаться не вполне адекватными. В основе Индексов лежат усредненные данные, собранные за определенный промежуток времени. В итоге, Индекс дает представление о текущих оценках уровня экспертами, почти не фокусируясь на происходящих из года в год сдвигах. Поэтому Индекс не всегда отражает реальную динамику, поскольку его колебания могут быть обусловлены корректировкой выборки, методологии и источников информации (при этом не все они обновляются на ежегодной основе), а место страны в общем списке может сильно измениться просто потому, что изменился список стран, включенных в рейтинг. Для обеспечения прозрачности и адекватности применения тех или иных систем подсчета рейтинговые агентства открывают (или, наоборот, скрывают) свои методики. Возникает необходимость детального изучения и знания методик проведения исследований для выбора определяемых по их результатам индексов или составляющих их индикаторов в качестве валидных количественных показателей, отображающих изучаемые характеристики государства. Для повышения доверия к рейтингам необходимо заботиться о репутации агентства, специализирующегося на расчетах рейтингов.

Юшкова Светлана Александровна,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия

Пенсионная система РФ – проблемы, задачи, перспективы реформирования.

Общество в той или иной форме пытается удовлетворять потребности людей, когда они стареют и оказываются не в состоянии сами обеспечивать свое существование. Делается это с использованием национальных пенсионных систем страхования и обеспечения. Однако, в силу ряда экономических (дефицит бюджета ПФ, на 2016 г. дефицит бюджета ПФР составил 204,42 трлн. руб.) и демографических (старение населения, низкая рождаемость) причин, на сегодняшний момент созрела необходимость в реформировании Пенсионной системы РФ. Статья 7. Конституции РФ гласит: «Российская Федерация - социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В Российской Федерации …. устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты» [1]. Реформирование пенсионной системы, ставит перед государством разнообразные задачи. Во-первых, при реформировании пенсионной системы должно работать в области предупреждения как краткосрочной, так и долгосрочной (продолжительной) бедности. Во-вторых, дать гарантии финансовой устойчивости и обеспечивать достойные выплаты по социальному и пенсионному страхованию. В-третьих, обеспечить безопасность граждан, после выхода на пенсию, а также гарантировать равенство и справедливость, как между разными поколениями, так и внутри поколений. В-четвертых, стимулировать индивидуальные формы пенсионного обеспечения граждан и др. Круг разнообразных задач предусматривает использование мультисистемного подхода к пенсионной системе, который сочетает в себе как солидарный, так и накопительный режимы финансирования, государственное и частное партнерство, все это с целью создания такой пенсионной системы, которая бы отвечала необходимым требованиям, являлась устойчивой и справедливой. Согласно теории справедливости, Дж. Ролза правительством устанавливаются определенные ветви социальных институтов, которые призваны воплощать принципы справедливости. Ролз указывает, что “каждая ветвь должна состоять из различных органов или соответствующих видов деятельности, функция которых - сохранение определенных социальных и экономических условий. Эти подразделения не пересекаются с обычной структурой правительства” [2.С. 246]. В задачи первой ветви - выделительной, входит поддержка в конкурентном состоянии системы цен, с использованием налогов, субсидий и др. Задача второй ветви – стабилизационной, связана с

обеспечением полной занятости населения. Пенсионная система напрямую зависит от политики занятости, осуществляемой в стране, т.к. основные денежные средства на счета пенсионного фонда поступают от работающего населения. Падение уровня занятости приводит к тому, что количество средств, поступающих в Пенсионный фонд, уменьшается, и этот фактор надо учитывать в разработке справедливой пенсионной системы. Задача третьей ветви – социальный минимум в том, что бы через безвозмездные социальные выплаты, удовлетворять потребности нуждающегося населения. Четверная ветвь - распределительная, ее задача сохранение относительной справедливости в долевом распределении с помощью налогообложения и необходимых изменений в правах собственности. Благодаря системе пенсионных выплат часть средств, заработанных профессионально активными гражданами, перемещаются к группе граждан менее профессионально активных или пассивных. С другой стороны, через эту же систему выплат средства перемещаются от поколения до пенсионного возраста к поколению, достигшему пенсионного возраста. Таким образом, проявляется распределительная функция пенсионной системы. В настоящее время в структуру Пенсионной системы РФ входит три вида пенсионного обеспечения: 1) государственное пенсионное обеспечение, которое отличается от пенсий, выплачиваемых в рамках обязательного пенсионного страхования, тем, что выплачивается отдельным категориям граждан и финансируется за счет федерального бюджета; 2) обязательное пенсионное страхование, формируется за счет страховых взносов работодателей (22% от ФЗП, могут распределяться на накопительную и страховую часть) и выплачивается по старости, инвалидности, потере кормильца; 3) негосударственное пенсионное обеспечение, его еще называют дополнительное, формируется за счет взносов работодателей и работников и выплачивается в рамках договоров с негосударственными пенсионными фондами. Пенсионная реформа рассматривает ряд мер, отношение к которым в обществе весьма противоречиво. Так, например, реформа предполагает повышение пенсионного возраста, увеличение минимального страхового стажа, введение индивидуального пенсионного капитала и другие меры, которые граждане не всегда оценивают как справедливые. ВЦИОМ [3] было проведено исследование, которое показало, что россияне не поддерживают, предложенные изменения в пенсионной системе. Против изменения пенсионного возраста и отмены выплаты пенсий работающим пенсионерам, высказались 80% и 75% россиян соответственно. Не одобряют россияне и отмену накопительной части пенсии и ее заморозку – 62% и 61% соответственно. Обязательную накопительную часть пенсии следует сохранить, таково мнение 72% опрошенных респондентов. Отметим, что реформирование Пенсионной системы необходимо, однако, оно не должно ухудшать положение ни кого из участников данного процесса, и должно учитывать их мнение, ибо только тогда пенсионная система будет оценена людьми как справедливая.

Литература:

1. *"Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 20.01.2018)*
2. *Ролз Д. Теория справедливости. - Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. - С. 246.*
3. *Пресс-выпуск №2811 «Работающие россияне за стабильность пенсионной системы». Всероссийский опрос ВЦИОМ проведён 4-5 апреля 2015 г. Опрошено 1600 человек в 132 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,5%. https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115221 (дата обращения 20.01.2018)*

Яковлева Наталья Ивановна,
Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь

Представления белорусов о социальной справедливости

Справедливость как явление социальное сопровождает человека на протяжении всей его истории. С древних времен люди постоянно сталкивались с проблемой поиска компромисса между общественным и индивидуальным, который достигался путем введения моральных запретов. [1] По мере усложнения структуры общественных отношений усложнялся и механизм поддержания общественного порядка. Появились системы норм, характерные для каждой сферы жизни человека, закреплённые законом на государственном уровне, но имеющие в своей основе идею о социальной справедливости. [1, с.312] Социальная справедливость как предмет теоретического анализа изучается многими гуманитарными дисциплинами. Экономика акцентирует свое внимание на изучении взаимосвязи принципов социальной справедливости и эффективности производства. Акцент на моральном содержании справедливости присущ философским наукам. В юриспруденции внимание уделяют правовому обеспечению деятельности государства и его граждан. [1, с.313] В социологии понятие социальной справедливости чаще всего рассматривалось при изучении двух масштабных явлений: социальной дифференциации и социального государства. [2] В случае социальной дифференциации изучаются расслоение общества на классы и связанные с неравными социальными возможностями проблемы (концепции К. Маркса и М. Вебера). Социальное государство в социологии подразумевает установление социальной справедливости в конкретном государстве, которое «призвано осуществлять политику, направленную на обеспечение определенного уровня благосостояния всех своих граждан, поддержку социально слабых групп населения, на утверждение в обществе социальной справедливости». [3, с.45] Внимание к вопросам социальной справедливости в особенности характерно для современной Беларуси. Трансформация общественных институтов на этапе становления государственности повлекла за собой изменения в содержании принципов социальной справедливости на уровне повседневного сознания граждан. [3,

с.301] По этой причине важно изучить степень произошедших изменений. Социологическое исследование было проведено научным коллективом Института социологии НАН Беларуси, в числе рассматриваемых проблем изучались представления граждан о социальной справедливости. Ориентации белорусов по вопросам социальной справедливости рассматривались через призму основных ценностей, составляющих данную категорию: закон, равенство, благо. Социальная справедливость. Более трети жителей Беларуси понимают под социальной справедливостью «равенство всех перед законом» - 37,0%. Около четверти белорусов – 23,5%, связывают справедливость со статусом, достигаемым через труд. Критерий общественного равенства - «уровень жизни всех примерно одинаков, нет ни богатых, ни бедных» важен для 14,3% респондентов. 13,2 % - опрошенных определяют социальную справедливость «как гарантии для социально незащищенных и социальную ответственность богатых». Закон. В белорусском обществе преобладает мнение, о том, что каждый человек должен соблюдать действующие законы, нравятся они ему или нет. Данной позиции придерживается 68,6% респондентов. Мнение о том, что законы можно обойти, если они устарели характерно лишь для 14,2% белорусов. Около 1/6 части респондентов не смогли выбрать ни одну из предложенных позиций Равенство. Отношение к равенству определялось по вопросу о том, допустима ли в обществе большая разница в доходах. Мнение о том, что доходы и уровень жизни человека должны зависеть от его активности в сфере труда разделяет более половины респондентов (58,6%), тогда как чуть более 1/5 (21,8%) доли ответивших отмечает, что государство не должно допускать большой разницы в доходах граждан. В качестве блага, как одной из ценностных категорий справедливости, в белорусском обществе рассматривалась работа. Мнение о том, что хорошая работа - это высокооплачиваемая работа, даже если есть риск ее потерять разделяют около половины (49,5%) граждан Беларуси. Треть (34,3%) опрошенных связывают представление о хорошей работе со стабильностью, т.е. хорошая работа - это стабильная работа, даже если она не очень хорошо оплачивается. 1/6 - затруднились сделать выбор в пользу одного из суждений. В период преобразования политической системы в Беларуси отмечалось некоторое изменение ценностных ориентаций и предпочтений. Социальная справедливость, подразумевавшая социальное равенство, оказалась на время невостребованной в обществе. Сегодня в целом, несмотря на некоторые незначительные отличия во взглядах различных групп на содержание социальной справедливости, отмечается единство мнений массового сознания. Основными требованиями социальной справедливости выступают правовая защита, совершенствование оплаты труда и предоставление социальных гарантий. Социальная справедливость как ценность в современном белорусском обществе характеризуется достаточно высоким консолидирующим потенциалом. [1, с.314] Важно вести поиск общественного согласия по вопросам справедливости в проекции будущего. Только тогда преобразования общества в соответствии с

требованиями социальной справедливости будут прогрессивны и социально полезны. [1, с. 318]

Литература:

1. *Аргунова, В. Н. Социальная справедливость: теоретико-методологические подходы к изучению/В.Н.Аргунова //Проблемы теоретической социологии: Межвуз. сб. - СПб., – 2003. – Вып. 4. – С.311-325*
2. *Канарш, Г.Ю. Справедливость/Г.Ю. Канарш// Энциклопедия гуманитарных наук. - М., 2008.- №3. – С. 251 – 254.*
3. *Яковлев, И. П. Социология: учеб. Пособие / И.П. Яковлев - СПб., 2000. – С. 363.*

СЕКЦИЯ 8. КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КОНТЕКСТ СОЦИАЛЬНОЙ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ

Адамьянц Тамара Завеновна,
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Смысловые манипуляции как механизм социальной несправедливости

Анализ тем и проблем, связанных с категориями справедливости и несправедливости, традиционно сосредоточен на социальной, политической, и экономической сферах, что правомерно и необходимо. Отправными точками для разграничения обозначенных категорий служат такие понятные и присущие всем людям эмоционально-образные ментальные праформы, как «правда – ложь» и «честный – нечестный». Соответственно, представления о том, что справедливо, связывается с правдой и честностью, а то, что несправедливо – с обманом и нечестностью. Человечество выработало немало способов выявления различного обманов и нечестностей, например, в торговле, статистике, финансах. Задачи социально-гуманитарного развития и выживания людей на планете Земля актуализируют потребность в выявлении не только явных, но и латентных способов и механизмов обманов и нечестностей, создающих негативный фон для конструктивных взаимодействий между странами, социумами, людьми. К числу несправедливостей, присущих нашему «человеческому общежитию», следует отнести различного рода смысловые обманы и смысловые манипуляции, которые, в свою очередь, оказываются механизмами и катализаторами несправедливостей, «проявленных» уже на социальном, политическом или экономическом планах. Мистификацией глобального уровня оказалось использование идей и постулатов постмодернизма для тотального упрощения и примитивизации ментальных особенностей огромных масс людей. Речь идет о качестве понимания и ориентирования в сфере социальной коммуникации, точнее – о тех ментальных механизмах (способах, методах, приемах), которые привычны (знакомы, освоены) для ума человека. Представители так называемого «лингвистического поворота» (50-70-е годы прошлого века), материалы которых стали своего рода отправной точкой для перестройки менталитета огромных масс людей, вряд ли ожидали такого результата: в их трудах речь шла о правомочности разобщения целостной ткани текста на составные части, сосредоточении сферы анализа на смысловых значениях языка в целом и отдельных фраз, которые могут видоизменяться при каждом новом прочтении и толковании [1]. Если пользоваться современными терминами, речь шла о множественности смыслов и значений в личностных «картинах мира», складывающихся в результате восприятия отдельных, вырванных из контекста блоков: сколько людей – столько и нюансов в личностных «картинах мира». Это не

вызывающее возражений наблюдение стало отправной точкой для односторонней интерпретации, перечеркнувшей выработанные человечеством и апробированные на протяжении веков требования константности значений и смыслов, внимания и уважения к мотивации автора, собеседника. В результате, как известно, «автор умер», а смыслов и значений «должно быть много».

И как же в таком случае договариваться, находить пути и способы конструктивных взаимодействий, которые могут происходить только на надындивидуальной основе, только при наличии общезначимых и общепонятных смысловых опор? А вот возможностей для манипуляций при принятии такого упрощенного подхода, «сливающего» воедино и константные, общепринятые значения и смыслы, и бесконечное число личностных смыслов и значений – превеликое множество. Самый известный – модификации пользующихся широким одобрением значений общепризнанных терминов (того, что эти термины обозначают), таких, например, как «демократия», «толерантность», «свобода слова», «семья» и т.д. При этом новая модификация подается без предварительного обсуждения на уровне науки или общества, без учета возможных социальных последействий, порой довольно агрессивно, якобы как бесспорный результат современных веяний. Легковерная и некритичная часть аудитории, а таких большинство, не замечают подмены и становятся легкой добычей манипуляторов [2]. Таким образом, первая мистификация, стимулирующая и взращивающая ментальную легковерность и пассивность, становится основой для бесконечной череды новых обманов, направленных на решение скрываемых, а значит, нечестных, целей и мотивов. Не менее проблематичны и декларируемые, согласно постулатам постмодернизма, представления о предмете понимания при восприятии целостных, завершенных произведений, материалов: смысл (то, что надо понять) множественен и здесь, он носит исключительно личностный характер. Это представление прочно укоренилось в социальном дискурсе и в социальной практике, что открыло бесконечные возможности произвольных интерпретаций: произведений, материалов, текстов, законов, норм, ценностей, традиций и т.д.

Есть и еще один значимый аспект проявления несправедливости, которую привнесли идеи постмодернизма. Согласно данным комплексных исследований, адекватно понимают смысловые доминанты (авторские мотивы и цели) воспринятых произведений от 14 до 25-30% аудитории, в зависимости от степени сложности содержания, жанра и т.д. [3; 4]. Эта особенность связана с врожденным даром, особого рода способностью, которую можно и нужно развивать [5], ежели, конечно, есть заинтересованность во всестороннем развитии личности. Однако массовое распространение и принятие посылов и деклараций о множественности смыслов и «смерти автора» обесценивают углубленный ментальный поиск, приучают к небрежному и поверхностному интерпретированию, отучают критически мыслить, сопротивляться воздействиям и манипуляциям. Что это,

как не вопиющая несправедливость к Человеку как к личности, а также и к идее Общества без несправедливостей?

Литература:

1. *Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс; Универс, 1994. С. 384-391; Деррида, Ж. Письмо и различие. Пер. с фр. Д. Кралечкина. — М.: Академический проект, 2007.*
2. *Адамьянц Т.З. Осторожно: смысловые атаки //Человек.2015 № 4. С. 77-83.*
3. *Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М., Наука, 1984.*
4. *Адамьянц Т.З. Социоментальные группы в социальном познании // Социологические исследования. 2015. №7. С. 117–128.*
5. *Чудновская И.Н. Чудновская И.Н. Коммуникативное образование в обществе знания: проблема обучения пониманию // Коммуникация как дисциплина и область знания в современном мире: диалог подходов. Сборник статей и выступлений участников международной научной конференции. М.: Издательский дом Высшей школы экономики Москва, 2015. С. 168-176.*

Андрианова Виктория Анатольевна,

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Социальная несправедливость в городском пространстве

Архитектуру и городское пространство современная социология справедливо рассматривает как материальное отражение социальных отношений [1, с. 47]. Любой город имеет проблему социальной несправедливости. Ее решение предполагает построение дискурса, базирующегося на общих категориях социального анализа, как пространство, время, власть, управление, личность, общность [2, с. 24]. Проблемы социальной справедливости имеют несколько материальных составляющих в городе. Выделим те, которые наглядно проявляются в современном городском пространстве: во-первых, мультикультурализм в городе, во-вторых, транспортная проблема, а, в-третьих, соотношение общественных и коммерческих пространств. Отметим, что главным достижением в городском пространстве является формирование базисного консенсуса относительно баланса равенства и неравенства, свободы и ограничений, на основе которого получают бытие иные, не столь существенные локальные социокультурные различия [Там же]. Именно в таких ситуациях проявляются позиции меньшинств. Мультикультурализм как первый элемент в своем подлинном смысле слова возможен лишь в том случае, если меньшинства в коренном населении и среди мигрантов готовы к компромиссу, признающему этот базисный консенсус. Современный дискурс не допускает иных выходов из данной ситуации. Например, по мнению Д. Мэсси, например, именно такая характеристика Лондона, как мультикультурализм определяет его как мировой и справедливый город [3, P. 72-73]. В том смысле, что здесь можно встретить представителей многих культур, этносов и национальностей. Даже неравенство в городе имеет сложный кросс-культурный характер, однако

национальная политика пытается всячески продвигать действие социальных программ, стимулирующих относительную взаимную терпимость народностей с различными мировоззрениями. Вторым элементом современного города является транспортная инфраструктура, которая косвенно может формировать неравенство. Магистрали могут выступать в качестве пространственных и стратификационных границ с той или иной степенью проницаемости. Еще классические исследования зонирования городского пространства (Р. Парк, Э. Берджесс, Х. Хойт, Т. Гарнье) описывали значимость транспортных коридоров для развития городских пространств. Современный общественный транспорт выполняет уже и стратификационную функцию – занимает перевозкой льготников и людей с низким уровнем доходов, а доступность и качество городского общественного транспорта определяют уровень жизни и социальный климат района. Третьим элементом справедливого города является сбалансированность общественных и индивидуальных (приватных, личных) пространств. Общественное пространство города всегда понималось как общественное достояние, которое устанавливает приоритет коллективных ценностей над частными интересами[1, с. 51]. Общественные места – это особый социокультурный феномен, представляющий собой пространство накопления социального капитала. В терминах У. Уайта – это «100%-ные места», т.е. пространства, где присутствуют важные качества городского пространства [5]. К ним мы можем отнести локальные территории: набережные, парки, дороги, бульвары, площади и др. Смена власти в любом случае приводит к переструктурации пространства. Так, например, Советский Союз пытался избавиться от наследия царской России. Происходила трансформация городских пространств, чтобы создавать новую социальную сущность жителя города. Дело в том, что маркирование городского пространства для руководства имело не только символический смысл, но и, в большей степени, воспринималось как реальный социально-политический акт. Образы прошлого, хранившиеся в памяти горожан, заменялись «символическим принуждением». Новый строй требовал создать новые возможности, места и формы для идеологического воздействия на человека, его образ жизни и социальную справедливость [1, с. 48]. Зачастую в городе возникают разногласия жителей с девелоперами по поводу сохранения общественных пространств. Проблема в том, что во всем мире после кредитного кризиса происходит скупка городских зданий корпорациями, что, несомненно, имеет существенные последствия в постановке вопросов о справедливости, демократии и правах. Массовые иностранные и национальные корпоративные покупки городских зданий и земельных участков, которые взлетели в цене после кризиса 2008 года, провозглашают о возникновении новой фазы развития крупных городах [4]. Все это говорит о том, что можно наблюдать системную трансформацию в структуре собственности на землю в городах, которая изменяет историческое значение города. Решение данной проблемы в легитимации справедливости, она возможна в результате переноса решения жителей города на лиц,

принимающих решения. Такая вера в немалой мере основывается на повседневных практиках горожан, а также на их позитивном отношении к процедурам отбора личностей и формирования институтов, управляющих городом [2, с. 29]. К счастью, Москва пока еще заметно отстает от других глобальных городов по строительству недвижимости и тотальному оккупированию территорий корпорациями, транспортная инфраструктура постепенно развивается, а проблема мультикультурализма не так остро звучит, в связи с этим, в столице еще можно увидеть социальную справедливость. Проблема справедливости стала глобальной, и ее научный анализ предполагает понимание всей сложности современного мира, сформировавшегося исторически и продолжающего формироваться.

Литература:

1. *Птичникова Г.А. «Несправедливый город»: городское пространство как отражение общественных отношений // Социология города. 2012. № 3. С. 47.*
2. *Стризое А.Л. Справедливость как принцип организации цивилизационного пространства города // Социология города. 2012. № 3. С. 24.*
3. *Massey D. World city. Now with a new Preface, Cambridge: Polity Press, 2012. P. 72-73.*
4. *Sassen S. Who owns our cities – and why this urban takeover should concern us all // The guardian. URL: https://www.theguardian.com/cities/2015/nov/24/who-owns-our-cities-and-why-this-urban-takeover-should- concern-us-all.*
5. *William H. Whyte, City: Rediscovering the Center. N.Y.: Doubleday, 1988.*

Андриянова Татьяна Владимировна,

Курский государственный университет, Курск, Россия

Возможности вхождения в социальную среду лиц с ограниченными возможностями здоровья

Современное общество предоставляет различные возможности вхождения индивида в социальную среду, в том числе посредством образования лиц с ограниченными возможностями здоровья. Система высшего образования обеспечивает вхождение обучаемых во множество разнообразных социальных взаимодействий, в особую социокультурную среду, формирует мировоззрение и гражданскую позицию. Основные положения в сфере получения образования лиц с ограниченными возможностями здоровья изложены в законе "Об образовании в Российской Федерации" (далее – Закон) [1]. Из общего количества (111 статей) данному вопросу посвящено более 20 статей, из числа которых можно выделить Статью 79, где находит отражение организация получения образования обучающимися с ограниченными возможностями здоровья. В Законе определяются две категории обучающихся с особыми образовательными потребностями: дети-инвалиды и лица с ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ). В статье 2 в части 27 впервые дано определение понятию «инклюзивного образования» как обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых

образовательных потребностей и индивидуальных возможностей. Кроме вышеупомянутого Закона, существует целый ряд нормативных документов, регулирующих процесс получения образования лицами с ограниченными возможностями здоровья. В них, в частности, разъясняются требования к организации образовательного процесса для обучения инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья в профессиональных образовательных организациях [2]. Так, рекомендуемый комплект оснащения для стационарного рабочего места для незрячего или слабовидящего пользователя представлен следующим образом: персональный компьютер с большим монитором (19 - 24"), с программой экранного доступа JAWS, программой экранного увеличения MAGic) и дисплеем, использующим систему Брайля (рельефно-точечного шрифт). Даются разъяснения по вопросу приема лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов на обучение по программам среднего профессионального и высшего образования [3]. Определён порядок обеспечения условий доступности для инвалидов объектов и услуг в сфере образования и об оказании необходимой помощи (предусматривается обучение и инструктирование специалистов, работающих с инвалидами) [4]. Все мероприятия в вышеуказанных документах рассчитаны на период до 2030 года. Для реализации права на получение высшего образования лиц с ограниченными возможностями здоровья в федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования по направлению подготовки 39.03.01 Социология (уровень бакалавриата) [6] предусмотрены следующие возможности. Во-первых, наличие очной, очно-заочной и заочной форм обучения, а также реализации программы бакалавриата с использованием сетевой формы, реализации программы бакалавриата по индивидуальному учебному плану, в том числе ускоренному обучению. При обучении по индивидуальному плану лиц с ограниченными возможностями здоровья срок обучения может быть увеличен по их желанию не более чем на 1 год по сравнению со сроком получения образования для соответствующей формы обучения. Во-вторых, при реализации программы бакалавриата организация вправе применять электронное обучение и дистанционные образовательные технологии. При обучении лиц с ограниченными возможностями здоровья электронное обучение и дистанционные образовательные технологии должны предусматривать возможность приема-передачи информации в доступных для них формах. В-третьих, для лиц с ограниченными возможностями здоровья выбор мест прохождения практик должен учитывать состояние здоровья и требования по доступности. В-четвертых, при разработке программы бакалавриата обучающимся обеспечивается возможность освоения дисциплин (модулей) по выбору, в том числе специальные условия инвалидам и лицам с ограниченными возможностями здоровья, в объеме не менее 30 процентов вариативной части Блока 1 «Дисциплины (модули)». В-пятых, обучающиеся из числа лиц с ограниченными возможностями здоровья должны быть обеспечены печатными и (или) электронными образовательными ресурсами в формах, адаптированных к ограничениям их

здоровья. Важным фактором социальной адаптации обучающихся с инвалидностью и/или ограниченными возможностями здоровья является индивидуальная поддержка. Сопровождение привязано к структуре образовательного процесса, определяется его целями, построением, содержанием и методами, имеет предупреждающий характер и особенно актуально, когда у обучающихся с инвалидностью и/или ограниченными возможностями здоровья возникают проблемы учебного, адаптационного, коммуникативного характера, препятствующие формированию необходимых компетенций. Анализ существующих на сегодняшний момент возможностей вхождения в социальную среду посредством образования лиц с ограниченными возможностями здоровья позволяет сделать вывод об их достаточной теоретической и нормативной проработке и вместе с тем недостаточной связи с практикой образовательного поля России.

Литература:

1. *Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации" [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html (Дата обращения 20 января 2018 г.).*
2. *Письмо Минобрнауки России от 18.03.2014 № 06-281 «О направлении Требований» (вместе с «Требованиями к организации образовательного процесса для обучения инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья в профессиональных образовательных организациях, в том числе оснащённости образовательного процесса» [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_57872/ (Дата обращения 20 января 2018 г.).*
3. *Письмо Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки от 16.04.2015 № 01-50-174/07-1968 «О приеме на обучение лиц с ограниченными возможностями здоровья» [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_178696 (Дата обращения 20 января 2018 г.).*
4. *Приказ Минобрнауки России от 9.11.2015 № 1309 «Об утверждении Порядка обеспечения условий доступности для инвалидов объектов и предоставляемых услуг в сфере образования, а также оказания им при этом необходимой помощи» [Электронный ресурс] Режим доступа: http://https://минобрнауки.рф/документы/7619 (Дата обращения 20 января 2018 г.).*
5. *Письмо Минобрнауки России от 12.02.2016 № ВК-270/07 «Об обеспечении условий доступности для инвалидов объектов и услуг в сфере образования» [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196554/ (Дата обращения 20 ян*
6. *Портал Федеральных государственных образовательных стандартов [Электронный ресурс] Режим доступа: http://fgosvo.ru/fgosvo/92/91/4 (Дата обращения 20 января 2018 г.).*

Батырева Мария Владимировна,
Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Селезнева Татьяна Алексеевна
Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

Стратегии «переживания» социальной несправедливости в городском пространстве

Город как форма сообщества и тип социальности обладает рядом характеристик, среди которых интеграция различных видов человеческой деятельности в единую, самостоятельно развивающуюся систему с собственными механизмами поддержания стабильности в различных сферах жизни общества. Специфика города состоит в формировании у его жителей особой ментальности. По мнению Ж. Ле Гоффа, «оригинальность городской ментальности проявляется не в экономической области, а в области культуры, для которой характерны такие ценности, как трудовая этика, прагматизм, деньги, особые представления о пространстве и др.» [1]. Новые ценности создали новые типы солидарности и конфронтации. Ценностные принципы задали и новый набор смыслов и целей, и новые модели поведения. Город как место проживания воссоздает феномены, возникающие в результате взаимодействия объективной и субъективной реальности в контексте жизненного мира человека. И.А. Спиридонов отмечает, что это в свою очередь рождает новые восприятия, интерпретации, конструирования человеком собственной жизни [2]. С другой стороны, город как система, имеющая определенную социально-экономическую структуру, предписывает определенные правила, характер и образ жизни, вынуждая «вписываться» в рамки существующей действительности, которая априори содержит в себе различные проявления социальной несправедливости, такие как: непропорциональность доходов различных групп населения, высокодифференцированные условия и уровень жизни, труда, отдыха и пр. Любой человек, оценивающий собственные условия жизни и труда и находящий их менее благоприятными, чем у других, так или иначе оказывается в ситуации выбора той или иной стратегии «переживания» ощущаемой им социальной несправедливости. Одной из возможных стратегий решения индивидом проблемы низких доходов в месте постоянного проживания является работа вне этого поселения, участие в различных формах возвратной миграции, главным образом, во временной или маятниковой. А свидетельством того, что люди переживают те или иные проявления социальной несправедливости, может служить их неудовлетворенность условиями жизни в городе и желание уехать из него. В рамках работы по гранту РФФИ «Локальность рынков труда российских городов» (руководитель Гильтман М.А.) был проведен социологический опрос методом анкетирования занятого населения в возрасте от 18 лет

административных центров Уральского Федерального округа (Тюмень, Екатеринбург, Курган, Челябинск, Салехард, Ханты-Мансийск) (число респондентов – 2520 человек). По результатам исследования, наибольшие симпатии вызывают города проживания у жителей Тюмени и Екатеринбурга (97% и 94% опрошенных соответственно город нравится и скорее нравится), наименьшие - у респондентов из Кургана и Челябинска (аналогичные доли составили 38% и 21%). 81% и 77% опрошенных респондентов из Тюмени и Екатеринбурга не желают менять город проживания, тогда как среди жителей Челябинска и Кургана таких оказалось менее половины. Существенные различия были выявлены в отношении оценок респондентами города, в котором они живут. Так, выше других оценили свой город тюменцы – 75% опрошенных в нем признали его лучшим и одним из лучших в России, тогда как 39% опрошенных в Кургане оценили свой город как худший и один из худших. Респонденты из Челябинска и Екатеринбурга чаще всего отмечали, что их города среднестатистические для России. Более других удовлетворены уровнем жизни и уровнем доходов жители Тюмени и Екатеринбурга (45% и 46% соответственно), тогда как более 60% жителей Кургана совсем не удовлетворены теми же показателями. Оценки удовлетворенности уровнем жизни, дохода и города проживания позволяют показать отношение их жителей к социально-экономической структуре города, сделать выводы об их восприятии ее справедливости, а также сопоставить города по этим показателям. Что касается использования стратегии участия в возвратной миграции, то 6% и 8% респондентов из Салехарда и Ханты-Мансийска, отметили, что временно проживают в этих городах в связи с особенностями графика работы. 2,5% опрошенных в Тюмени отметили, что проживают в другом населенном пункте и ежедневно приезжают сюда на работу. Свой выбор респонденты объяснили отсутствием возможности для трудоустройства в городе проживания и уровнем оплаты труда за ту же работу. По результатам исследования, только 5% опрошенных не работают в городе проживания, при этом более 30% респондентов отмечают, что хотели бы переехать в другой город или устроиться на работу в другом городе. Выходит, что отношение к такой форме социальной несправедливости, как неравномерное распределение доходов, существенные различия уровня оплаты труда за одинаковую работу фактически не влияет на стратегию ее преодоления. Опрошенные предпочитают «переживать» данную социальную несправедливость пассивно, не преобразуя действительность. Важным представляется отметить тот факт, что Тюмень по оценкам респондентов представляется привлекательным городом: тюменцы считают его одним из лучших городов России и не желают покидать его. При этом, именно в Тюмени оказалась наибольшей доля маятниковых мигрантов, что, с одной стороны, объясняется близостью других населенных пунктов с более низким уровнем жизни, а с другой, подтверждает привлекательность города для возможности зарабатывать больше, чем в своем городе, что является способом активного «переживания» социальной несправедливости в отношении доходов.

Литература:

1. *Ле Гофф, Ж. Рождение Европы: Пер. с фр./ А. Поповой. – М: Изд-во Александрия, 2007. – 400 с.*
2. *Спиридонов, И.А. О процессе конструирования субъективных пространственных структур социального пространства города / И.А. Спиридонов // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2010. №2. С.49-51. Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/o-protsesse-konstruirovaniya-subektivnyh-prostranstvennyh-struktur-sotsialnogo-prostranstva-goroda*

Большаков Владимир Ильич,
РАЖВиЗ Ильи Глазунова, Москва, Россия

Социальная поляризация в цивилизационном контексте, как фактор социальной несправедливости

Социальная несправедливость в обществе в значительной мере определяется степенью социальной поляризации, которая, в свою очередь, «в случае русской цивилизации», зависит от того, насколько социальный климат в обществе ушел от состояния русской соборности. А русская соборность подвергается наиболее серьезным деформациям в состоянии системного кризиса государственности. Попробуем проанализировать, как системные кризисы в историческом контексте влияли на развитие русской цивилизации на основе разработанного нами ранее метода анализа государственности в концепции системных кризисов и «синдрома Цезаря», как болезни государственности, ранние проявления которой можно увидеть на примере римской и византийской государственности . Практически все современные системы власти, в той или иной степени, восходят к Римской политической традиции и Римскому праву. Но там, в Древнем Риме, зародился и сформировался “синдром Цезаря”, который можно определить, как болезнь абсолютизма и деспотизма государственности, созданной свободным объединением граждан, движимых идеями высокой гражданственности . Лишь реформы Константина Великого изменили эти пагубные тенденции и этим спасли Империю, ибо Константин нашел, в условиях своего времени, новый тип Верховной власти, имеющей ясный идеократический элемент. От этого элемента власть, получивши обязанности, получила священные права, приобретя сакральный характер. Это была идея служения Верховной власти Богу. Однако “Синдром Цезаря” настолько глубоко проник в букву и дух римской государственной доктрины, что в форме «метастаз» перешел оттуда как в магдебургское право, приобретя впоследствии либерально-демократический оттенок в современной “западной” цивилизации, так и в жизнь восточно-христианской византийской государственности, призванной освятить мир язычества светом христианского просвещения. Согласно описанной нами концепции , первый системный кризис (смутное время), самой низкой точкой падения в пропасть которого стало татаро-монгольское иго, отбросившее культуру Древней Руси на несколько столетий назад, был

связан с охлаждением Веры и упованием на физическую силу и, как следствие, десакрализации власти в период княжеских междоусобиц. Но, благодаря деяниям Преподобного Сергия Радонежского, пробудилось в народе искреннее покаяние и готовность постоять за Свою Веру, что привело сначала к победе на Куликовом поле, а 100 лет спустя и к восстановлению своей государственности во время чудесного события - «Стояния на Угре», следствием чего и стало превращение Древней Руси в мощную православную державу - Центр Восточного Христианства, а Москвы - в Третий Рим или новый Иерусалим. После выхода из Смутного времени начала XVII века атаки на Русскую государственность со стороны Запада не прекратились. С Петром пришло на Русь совершенно другое просвещение, идущее от иного корня. В результате двух церковных реформ Алексея Михайловича и его сына Петра, соборное народное тело в России оказалось разрушено. А Российская империя впала в состояние очередного третьего Смутного времени, или системного кризиса, инициированного Западом, уже протестантского толка. Так уж случилось, что к тому времени, когда носителем Верховной власти Российской империи оказался Николай II, протестный потенциал, отражающий глубину системного кризиса государственности, оказался на критической отметке, так что практически отсутствовала реальная основа его бескровной нейтрализации без разрушения ядра социально-политической системы. Нужны были сверхусилия, общенациональная мобилизационная задача, поддержанная всеми его сословиями и социальными институтами, и тогда, возможно, удалось бы разрешить системный кризис государственности, подчиненной идеям западной протестантско-потребительской идеологии, без войн и революций. "Если бы у нас теперь оказалась подорванною монархическая власть - это был бы для государственной науки замечательнейший в истории образец того страшного зла, которое составляет для монархической власти ее болезнь - переход в бюрократическое правление" , - писал Лев Тихомиров. И действительно, обюрократившаяся Российская империя, поражавшая весь мир блеском и богатством привилегированных слоев, в одночасье рухнула, причем вся глубина духовной трагедии русского народа может быть понята, исходя из того немыслимого на первый взгляд факта, что чужеземные политические агитаторы оказались простому люду ближе своих господ. Таким образом, историософский анализ российской государственности за тысячелетний период позволяет в едином понятийном аппарате рассмотреть причинно-следственные связи системных кризисов (смутных времен) российской государственности на всем протяжении ее истории. При этом идея Земского Собора, созванного от всех сословий и земель России, во все времена была спасительной, не утратила свою актуальность до настоящего времени и может быть сегодня рассмотрена как путь выхода из современного системного кризиса российской государственности.

Литература:

1. *Большаков В. И. Системные кризисы российской государственности (Историко-социологический анализ)//Материалы международной конференции: «POLITIKE REZIMI*

TRANSFORMUJUCICH SA KRAIN: ZMENA A STABILITA» Banska Bystrica – Krpacovo. 18-19 maja 1999. Banska Bystrica, p. 49-62, 2000.
2. *Большаков В. И. Системный анализ российской государственности// Учебное пособие для ВУЗов. Москва 2004 г.*
3. *Большаков В. И. Смутные времена – ретроспективный анализ//Шестые Всероссийские Иринарховские чтения. 20-23 февраля 2003 г.*
4. *Тихомиров Л .А. Монархическая государственность. СПб., 1992. С.499*

Большунов Андрей Яковлевич,
Финансовый университет при Правительстве РФ, Департамент социологии, Москва, Россия

Справедливость и "господский цинизм"

Вопрос справедливости не может быть решён, более того, даже адекватно поставлен в условиях «рефлексивного господского цинизма» [6, 69], являющегося по П.Слотердайку характерной чертой современного элитарного сознания. Под предлогом «сермяжной правды жизни» (или «здорового прагматизма») циничное сознание освобождает себя от заботы об элиминации различий между и легитимации этих различий. Свидетельством тому является то безмятежие совести, с которым обсуждаются в СМИ прогнозы о грядущем «разделении человечества на два биологических вида», «сафари на людей» и т.п. Характерно, что авторитетнейший представитель европейской герменевтики XX века Х.-Г.Гадамер не нашёл для совести места среди «ведущих гуманистических понятий» [2]. «Господское сознание, - пишет П.Слотердайк, - демаскируется своим цинизмом … В обществах, в которых больше нет никакой эффективной моральной альтернативы, а силы, потенциально способные к противоборству, оказались встроены в аппарат власти, больше некому возмутиться по поводу цинизма господствующей власти. … В конце концов, оно начинает иронизировать над своими собственными легитимациями» [6, 195]. Дж.Ролз выводит принципы «принципы справедливости» из мысленного эксперимента, в котором люди договариваются об общих принципах общежития под «занавесом неведения». «Никто не знает своего места в обществе, своего классового положения или социального статуса. Никто не знает своей удачи в распределении естественных дарований и способностей, своих умственных способностей и силы, и т.п. … Никто не знает своей концепции блага, частностей своего рационального плана жизни или даже специфических особенностей: собственной психологии, таких как склонность к риску или предрасположенность к пессимизму или оптимизму. … Они не знают экономической и социальной ситуации в обществе, или уровня цивилизации и культуры, которых оно было способно достичь … Единственные конкретные факты, насколько это возможно, которые знают стороны, — это то, что их общество подвержено обстоятельствам справедливости» [4, 127]. Дж.Ролз не замечает, что договариваются они всё же как Люди, и, тем самым,

в их разговор возвращается всё, что Дж.Ролз прячет за занавесом (ибо, как заметил К.Маркс, «человек – это мир человека»). Если же они договариваются не как люди, уместно задать вопрос - подразумевается ли вообще справедливость тем, о чём они договариваются? М.Сэндел возражает Дж.Ролзу: «Согласие имеет значение в плане справедливости … Но согласие имеет меньшее значение, чем мы иногда думаем. Мы часто путаем моральное действие согласия с другими источниками обязательств». [7, 171]. Проблема справедливости включает в себя два аспекта: 1) легитимацию различий и 2) минимизацию (вплоть до элиминации) нелегитимируемых различий. При этом легитимация обеспечивает единство человеческого рода, признание человечности договаривающихся сторон. Элиминации подлежат именно и только те различия, которые не могут быть легитимированы. Вопрос легитимности – это вопрос осмысленности различий, в том числе как факторов, опосредствующих доступ к благам, отношениям, вообще к «миру людей». Говоря о сути легитимации, П.Бергер и Т.Лукман подчёркивают: «индивидуальная биография, с ее последовательными институционально предопределенными стадиями, должна быть наделена смыслом» [1, 63], и это наделение смыслом осуществляется четвёртым уровнем легитимации - посредством «символических универсумов». Но, напомню, господский цинизм иронизирует над собственными легитимациями, признаёт только «практический» смысл. Дж.Ролз полагает, что «справедливость имеет отношение к удовлетворению законных ожиданий, которые возникают после того, как установлены правила. Как только принципы справедливости определяют условия общественного сотрудничества, люди получают права на блага, которые они заработали при этих правилах» [4, 191]. Но проблема в том, что «правила не содержат в самих себе свою легитимацию» [3, 32]. О том же пишет Ю.Хабермас: «Сам по себе этот процесс [правотворчества] не может обеспечивать легитимации, скорее в легитимации нуждается сама процедура установления [правил]. … Еще одно условие должно выполняться для признания легитимным легального господства: должны быть названы основания легитимирующей силы этой формальной процедуры» [8, 163].

Литература:

1. *Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М.: «Медиум», 1995. — 323 с.*
2. *Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. Герменевтики.— М.: Прогресс, 1988.-704 с.*
3. *Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна/Пер, с фр. Н.А. Шматко - М.: Институт экспериментальной социологии, Спб.: Алетейя, 1998. - 1б0 с*
4. *Ролз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск, Изд-во Новосиб. ун-та, 1955. – 536 с.*
5. *Прогноз футурологов: охота на людей станет реальностью. – [Электронный ресурс] voskhodinfo.su/panorama/raznoe/5537-prognoz-futurologov-ohota-na-lyudey-stanet-realnostyu.html*
6. *Слотердайк П. Критика цинического разума. — Екатеринбург: У-Фактория, М.: АСТ МОСКВА, 2009. — 800 с.*
7. *Сэндел М. Справедливость. Как поступать правильно? — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013. — 352 с.*
8. *Хабермас Ю. 2 Проблема легитимации позднего капитализма. — М.: Праксис, 2010. — 264 стр*

9. *Человечество разделится на два «биологических вида»: Израиль в фокусе. – [электронный ресурс] eadaily.com/ru/news/2017/08/16/chelovechestvo-razdelitsya-na-dva-biologicheskih-vida-izrail-v-fokuse*

Винокурова Ульяна Алексеевна,
СВФУ им. М.К.Аммосова, г.Якутск, Россия

Этические принципы определения сухопутных границ Российской Арктики

Указ Президента РФ от 2 мая 2014 г. «О сухопутных территориях Арктической Зоны Российской Федерации» определил перечень сухопутных территорий Арктики, в состав которых вошли лишь 5 районов Якутии, расположенных на побережье Северного Ледовитого океана. Это решение не учитывает сложившуюся практику определения границ Арктики, утвержденную постановлением Правительства Республики Саха (Якутия) от 02 декабря 1995 года N 521, согласно которому к арктической зоне относились 12 улусов: Абыйский, Аллаиховский, Анабарский, Булунский, Верхоянский, Жиганский, Момский, Нижнеколымский, Оленекский, Среднеколымский, Усть-Янский, Эвено-Бытантайский (позже добавили Верхнеколымский улус). Данный перечень арктических районов был подтвержден Постановлением Правительства РС(Я) от 15 августа 2014 года N 251 «Социально-экономическое развитие арктических и северных районов Республики Саха (Якутия) на 2014-2017 годы и на период до 2020 года. Где Арктика и где начало Арктики? Эти непраздные вопросы появились после утери советской политики по отношению к Крайнему Северу и приравненных к нему местностей, когда еще не было понятия «Арктика» как часть территории России. Боль и тревогу по поводу быть или не быть Арктике публично выразил Первый президент Республики Саха (Якутия) М.Е.Николаев в 1994 году. Якутия имеет арктическое побережье протяженностью более 5 тыс. км., заселенное издревле коренными народами и застроенное в советское время поселками городского типа для поселения трудовых ресурсов различных видов промышленного освоения природных и недровых ресурсов. В постсоветское время якутские законодатели за основу обозначения границ Арктики приняли линию Северного полярного круга, что позволило учесть труднодоступность, экстремальный климат, дисперсность расселения, малолюдность поселений, особенности традиционной культуры жизнеобеспечения локальных сообществ на 70% территории республики, а также разработать пакет законов и нормативно-правовых актов по обеспечению и управлению Арктической Якутией. В несоответствии федерального подхода к сухопутным границам Арктики 2017 года и с решением якутского правительства 1995 года мы видим конфликт взглядов “изнутри” и “извне”, имеющий глубокие этические корни. В основе этого конфликта взглядов лежат исторически сложившиеся колониальные

предрассудки пренебрежения к автохтоннным культурам, созданным десятки тысяч лет тому назад на высоких широтах. Довлел подход “terra incognita”, согласно которому Арктика считалась безлюдной, где не ступала нога человека до открытия ее первопроходцами из Европы. Формационный подход к истории развития человечества определял за коренными народами высоких широт статус диких первобытных племен, хотя реальные путешественники выживали только благодаря культуре аборигенов этих суровых земель, восхищаясь их творческим интеллектом, практикой выживания в условиях длительной зимы, знанием природных явлений, холода, льда, снега и вечной мерзлоты. Первопроходцы, осваивая пространства Арктики, придавали им придуманные названия, хотя для коренных народов эти локусы были давно освоенными местами, обжитыми в соответствии с их кочевым образом жизни и хозяйственно-культурным типом. Более того, для автохтонов каждое обжитое место имеет своего “хозяина духа” с своим именем и легендой, что свидетельствует о древности заселения местности. Игнорирование и замалчивание человеческого опыта освоения арктических территорий автохтонами – одна из самых живучих традиций в научном обеспечении современной арктической политики, лишенной этических принципов. До настоящего времени в определении арктической политики доминируют подходы естественных наук, географические критерии, не объединяющие в единое целое человеческую практику, созданную в нише «пространство и культура». Единственный географический критерий «прибрежности» к Северному Ледовитому океану при определении сухопутных границ Арктической зоны убедительно свидетельствует о преобладании упрощенного подхода к такому сложному новому предмету российского правотворчества как Арктика. Разнообразие природных и культурных ландшафтов Арктики, многообразный культурный опыт арктических народов, создавших разные геокультуры в экстремально холодных условиях Арктики, требует плюридисциплинарных точек зрения, учитывающих взгляды «изнутри» и «извне». Такой же подход возможен лишь при условии признания необходимости приоритета этических принципов в определении границ Арктики, освобождающего исследователей и лиц, принимающих решения, от предрассудков колониальных стереотипов, евроцентризма и формационных теорий. Арктика – место, где создан человеческий и культурный конструкт в доледниковый период планеты, а не только природный ресурс, питающий аппетиты современных транснациональных компаний и амбиции политических объединений. Игнорирование этого культурного наследия понимается коренными народами как нарушение этического принципа взаимопонимания и помощи, благодаря которому веками выживали и живут творческой полноценной жизнью автохтоны высоких широт. Они были проводниками для так называемых первооткрывателей, они по праву являются первыми нациями. Более поздние насельники накопляют этический долг перед ними, в настоящее время оказавшихся на грани исчезновения с лица родных мест.

Следовательно, критерии определения арктических границ должны содержать этический принцип.

Волкова Елена Вячеславовна,
Казанский национальный исследовательский технологический университет, Казань, Россия

К вопросу о социальной несправедливости и социализации личности в современных условиях

Наше исследование в области социальной несправедливости и социализации личности в современных условиях направлено на то, чтобы определить ценностные и мировоззренческие установки личности, ведущие к поиску правильных решений. Современная политическая ситуация во всем мире сегодня такова, что для достижения консенсуса на всех уровнях приходится искать точки соприкосновения, сближающие начала, объединяющие принципы, воспитывать в себе, прежде всего, уважение к другим точкам зрения, взаимную терпимость. В связи с обострившимися противоречиями противоборствующих сторон, сегодня, все увеличивается социальная несправедливость во всех сферах, растет социальная напряженность в обществе. В нашем исследовании мы рассматриваем социальную несправедливость как некие поступки слова или деятельность, направленные на разрушение моральных норм и социализации личности в современном обществе. Социальная несправедливость ведет напрямую к возрастанию угрозы существования современного общества в век научно-технического прогресса. Цель нашего исследования – определить мировоззренческие и ценностные установки личности, которые необходимо формировать и воспитывать в подрастающем поколении в современных условиях с целью формирования социальной реакции общества на социальную несправедливость через ненасильственное разрешение конфликтов. Предлагаемый анализ обозначил лишь общие контуры проблем социализации личности в современном обществе, ее отношение к вопросам социальной несправедливости и является лишь началом для дальнейших дискуссий. Личность человека всегда была и будет центром внимания любого правящего режима. Поскольку любая власть опирается на людей, и она заинтересована, прежде всего, в том, чтобы избежать социальных конфликтов, несущих угрозу существования самому обществу и правящей власти. Поэтому стратегии поведения личности в обществе всегда находятся под контролем власти они рассматриваются как социальная адаптация личности. [2, с. 186-187] Живя, сегодня, в технократическом обществе, где вся деятельность человека рассчитана только на успех, мы фактически получаем одностороннюю личность, не способную к диалогу и компромиссу, нетерпимую к чужому мнению, или наоборот, сталкиваемся с личностью,

которая безразлична к социальным процессам, происходящим в стране, то есть, с личностью, у которой уже произошла деформация моральных и духовных ценностей. Социальная напряженность зависит от социальной несправедливости в обществе, которая в свою очередь ведет к преобладанию определенного типа людей которые, занимая многие ключевые позиции, пытаются навязать обществу свойственные им стереотипы поведения, образа жизни, ценностей и оценок и т.д. Для наглядности можно привести социологические данные по определению характеристик личности и выявлению таких преобладающих черт у людей как односторонний рационализм, намерение изменить весь мир без соответствующей базы, низкий профессионализм, неадекватная самооценка, низкая мотивированность, расхождение слова и дела, необязательность, отсутствие инициативы, консервативность, неразвитость ряда способностей, таких как организаторские, политические, предпринимательские и т.д. При таком быстро меняющемся жизненном ритме, важно, научить человека чувствовать себя счастливым вне зависимости от обстоятельств, с которыми сталкивается человек в условиях социальной несправедливости общества. А это возможно лишь тогда, когда в человеке заложены истинные духовные и семейные ценности, понимание которых дает человеку видение ложных и истинных жизненных ценностей, умение расставлять приоритеты.

Сегодня образование в России принцип гуманизма является одним из основных принципов государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования РФ и направлен на включение личности в каждую отдельную социальную структуру со всеми уникальными особенностями и чертами человека и предполагает высокий профессионализм, адекватность самооценки, терпимость к чужому мнению. [3] Все эти черты способствуют нивелированию социальной несправедливости, воспитанию самодостаточных граждан в обществе. В современных условиях очень важно формировать и развивать в системе образования рациональную картину мира у молодежи, которая в дальнейшем сыграет роль своеобразной защиты от попыток навязать иллюзорную мифологизированную картину построения перспектив «светлого будущего», ведущую к обострению социальной несправедливости, снять социальную напряженность в обществе и разрешить возникающие конфликты ненасильственным путем.

Подводя итоги нашего анализа, мы приходим к следующим выводам:

1. В связи с напряженной политической и социально-экономической ситуацией во всех странах современного мира, вызванных социальной несправедливостью, новые мировоззренческие установки личности следует развивать в направлении по нахождению компромиссов, согласованию интересов и целей, ведущих к сближению позиций. [7, с.160]

2. Пути реализации общечеловеческих ценностей должны быть адаптированы к конкретным социальным и природным структурам, в которых в данный момент находится человек, социальная группа и должны исключать угрозу, как для отдельной личности, так и для общества в целом.

3. Гуманитарный цикл в образовании следует направлять на решение задач, направленных на выработку у человека терпимости к иным мнениям, способности жить в альтернативном мире, участвовать в мировых процессах.

Литература:

1. *https://videouroki.net/razrabotki/lieghko-liubit-vsio-chieloviechiestvo-sosieda-liubit-sumiei.html*
2. *Ромм М.В. Адаптация личности в современном обществе. Новосибирск: Изд-во: «Наука», 2002, 274 с.*
3. *Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 29.07.2017) "Об образовании в Российской Федерации" Статья 2 http://www.consultant.ru*
4. *Волкова Е.В. Формирование социокультурной компетенции студентов в системе дополнительного иноязычного образования: вопросы теории и инновационный опыт // Казанский педагогический журнал. 2014. № 3. С.96–100*
5. *Зинуров А.М., Зинурова Р.И., Токар В.М. Диалог культур. Казань: РЦИМ, 2004. С.11*
6. *Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. М.: Издательский центр «Академия», 2008. С. 66-73*
7. *Келасьев В.Н. Интегративная концепция человека. Изд-во: Санкт-Петербургского университета, 1992, 207с.*

Галяветдинова Марина Мухаматьяновна,

ФГБОУ ВО "Тюменский государственный институ культуры", Тюмень, Россия

Социальный статус режиссера в современном российском обществе

«Театральное пространство — исторически изменчивая и подвижная материя, зависящая от конкретной социально-экономической формации, от культурных традиций и общественного сознания. Театр как искусство на каждом этапе развития общества обретает новые смысловые и ценностные параметры. Изменения, происходящие в современном театральном процессе, и возрастающая роль театра, где актеры создают прецедент новой реальности, требуют научного изучения с учетом практической значимости художественных открытий, сделанных в этом направлении за последние десятилетия [Зимин В.Д. Электронный ресурс http://www.dissercat.com/content/tendentsii-razvitiya.]. Проводником мысли на сцене является прежде всего режиссер; именно от его осознания реалий и перспектив общественного устройства зависит сценарий, диалоги, мизансцена, подбор актеров, одним словом, все детали театральной постановки.

Театр неотделим от общества: и в этом контексте развитие театра как феномена культуры неотделимо от современной социальной ситуации, заложником которой становится режиссер. И если в "золотой век" театра само звание "режиссер" вызывало священный трепет, то в эпоху общества потребления социальный статус режиссера изрядно поменялся. Социальный статус, как известно,представляет собой социальное положение, занимаемое социальным индивидом или социальной группой в обществе или отдельной социальной подсистеме общества. Этот статус определяется по

специфическим для конкретного общества признакам, в качестве которых могут выступать экономические, национальные, возрастные и другие признаки. Социальный статус характеризуется властными или материальными возможностями, реже специфическими умениями или навыками, харизмой, образованием. Навыки, харизма и образование - три "кита", без которых немыслим настоящий режиссер.

Социальный статус режиссера театра в современном российском обществе - вопрос весьма дискуссионный. С одной стороны, режиссер ничего не производит: равно как и учитель, профессор, врач, музейный работник, журналист. С другой стороны, режиссер производит весьма многое: другое дело, что потребителем произведенного режиссером может стать как подготовленный зритель, так и "потребитель", жаждущий не развития, осознания, понимания себя и мира, а "хлеба и зрелищ", panem et circenses.
Насколько же справедливо отношение общества к режиссеру? Стоит ли плакать об этом положении, или стоит задуматься: виновно ли общество в том, что оно привыкло потреблять, ибо потреблять легче и приятнее, чем, продираясь сквозь "сферу комфорта", становиться иным, принимая "золотое правило нравственности"? «Но, боже мой, какая скука…»

Социальных статусов у человека в жизни великое множество. И в какой-то момент тот или иной социальный статус выходит на первый план (в школе ученик, дома ребёнок в семье, в театре - бог, на улице - покупатель, пешеход). Социальный статус – это постоянно изменяющаяся позиция, и важно полнимать, как выбранная позиция "режиссера" переходит из статуса ремесленника в статус творца, ибо выбранный статус определит избираемый репертуар ("а не замахнуться ли нам на ...Шекспира?"), определит позицию во время пресс-подхода, определит в конечном счете перечень гостей, приглашенных на премьеру.

Социальный статус работника культуры в современном обществе ущербен - это статус работника... Но именно от Человека будет зависеть, останется ли он в оковах ремесленничества, или перейдет на позицию Мастера-Творца?

Нами организовано исследование, в котором респондентам предлагалось дать три слова-характеристики современного режиссера; причем в сравнение попали постоянные посетители театра (благо, отобрать их не составляет труда), и редкие прохожие, которые лишь знают о существовании театра. Сплотило эти две группы одно слово, которое чаще всего встречалось в ответах обоих групп. Это слово "художник". Человек, способный изменить твой взгляд на мир, и неважно - росчерком пера или сценическим движением. Следовательно, данное полевое исследование, проведенное студентом, является актуальным и важным для самого студента, его образования и дальнейшей защиты выпускной квалификационной работы.

Литература:

1. *Зимин В.Д. Электронный ресурс http://www.dissercat.com/content/tendentsii-razvitiya.*
2. *Корнута В.М. Концепция формирования социального заказа в современном российском кинематографе. Электронный ресурс https://elibrary.ru/item.asp?id=28118801*

3. *Палкина И.Д. Становление театрального дела в Новочеркасске и Ростове-на-дону: 1840-1870-е годы. Южно-Российский музыкальный альманах. 2014. № 3 (16). С. 78-82.*

Грошева Любовь Игоревна,
Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова, Тюмень, Россия

Национальная идентичность и стереотипизация в коммуникативном пространстве организации

Формирование социального единства коллектива и выработка эффективных форм и методов взаимодействия в условиях производственных задач организации являются залогом высокой производительности труда и регулятором потенциальных конфликтов. Однако в условиях современного информационного пространства коммуникации в многонациональном коллективе во многом обусловлены уже сформированными установками [1]. В тех случаях, когда устойчивые предубеждения преобладают над объективной оценкой индивидов, создаются предпосылки для стереотипизации установок не только по отношению к конкретному человеку, но и к национальной микрогруппе в целом. Вопрос необходимости противодействия данному процессу в теории управления остаётся открытым. Среди сторонников либерального стиля руководства отмечается позиция инструментального отношения к национальным стереотипам. К примеру, А.А. Гридчин в своих исследованиях опирался на возможность повышения нормы управляемости смешанным коллективом посредством рационального использования устойчивых представлений о национальных группах в целях решения конфликтных ситуаций и повышения эффективности разделения труда [2, с. 56]. Однако следует отметить, что поверхностные представления о национальных особенностях могут сформировать почву для развития этноцентризма и в случае усиления поляризации интересов – стагнировать производственные процессы. На основе сложившихся зарубежных и отечественных практик Н. Плесс выделил три основных вида межэтнических взаимодействий в коллективе. Мононаправленное давление доминирующей национальной группы, причиной которого может послужить как система исторически сложившихся отношений, так и численное преимущество в коллективе. Сотрудничество двух или нескольких национальных групп на равноправных позициях, что способствует достижению единой точки зрения в отношении целей и планируемых результатов работы. Успешность данной стратегии во многом является результатом стратегически выверенных управленческих действий.

Противодействие (латентное или открытое) многонациональных групп, проявляющееся в разрушительной конкурентной борьбе и создающее помехи в получении производственных результатов [3]. С целью анализа и диагностики особенностей формирования многонациональных коллективов автором в течение 2017 гг. был проведён опрос целевых групп, включивший

в совокупности 212 человек, которые осуществляли работу в организациях Тюменской области, в которых значительная часть коллектива представлена более чем тремя национальными группами. Среди национальных групп были задействованы русские, белорусы, татары, казахи, киргизы, таджики, туркмены. Оценка факторов организационной культуры производилась по десятибалльной шкале (где 0 принимался за наиболее негативную позицию, а 10 – наиболее благоприятную). Показатели качества организационной культуры в коммерческой сфере выявили ряд особенностей, обусловленных национальным фактором. Наиболее высокие показатели наблюдаются у татар, которые, основывая свою работу на взаимной помощи и поддержке, а также используя дипломатические приёмы общения, достаточно комфортно себя ощущают в многонациональных коллективах. Достаточно комфортно ощущают себя русские, белорусы, казахи и киргизы, как крупные национальные группы на территории региона. Однако следует отметить, что предпочтения в интеракциях среди тюркских народов отдаются представителям своих национальных микрогрупп. В большей степени данные тенденции выражены у представителей средней Азии, и меньше всего проявляются у белорусов и русских. В коммерческих организациях белорусы обычно не выделяют себя с этнической точки зрения, наиболее вероятной причиной для актуализации самоидентификационных процессов опрошенные считают наличие «земляков». Таджики и туркмены в большинстве своём занимают более низкие ступени трудового распределения, т.к. имеют низкую квалификацию. Вероятно, данный фактор повлиял на снижение удовлетворённости культурой по большинству параметров (4-5 баллов), но он стимулировал высокую склонность к созданию прочных социальных связей в своих микрогрупах. Активное смешение коммуникационных сетей между национальными микрогруппами усиливалось в случае примерно равного численного соотношения представителей в коллективе, либо в ситуациях, когда региональное землячество не было выражено. По результатам исследования были выявлены основные особенности проявления национальной самоидентификации в условиях постоянной необходимости сотрудничества представителей различных культур.

1. Формирование стереотипических представлений о других народах в значительной мере формируются самими представителями культуры посредством упоминания устойчивых слов и сравнений в неформальном общении.

2. В коллективах, где представители различных народов находятся примерно в равных соотношениях, формирование микрогрупп может происходить по принципу единства нравственных установок и целевых ориентаций в карьерном и финансовом отношениях вне зависимости от культурной специфики их состава.

3. Появление в коллективе людей, сознательно не входящих в одну из существующих микрогрупп, формирует потенциал для переформирования всего коллектива. Специфика национальной самоидентификации членов

смешанных коллективов проявляет себя в зависимости от этно-культурного состава группы, наличия участников, подвергшихся эксклюзии, а также значимости достижения показателей.

Литература:

1. *Алипханова Ф.Н., Омарова А.А. Факторы воспитания интернациональных чувств в многонациональном коллективе. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/faktory-vospitaniya-internatsionalnyh-chuvstv-v-mnogonatsionalnom-kollektive (дата обращения: 08.12.2017 г.).*
2. *Гридчин А.А. Методология урегулирования региональных конфликтов // Свободная мысль. 2009. – № 7. – С. 54–58.*
3. *Плесс Н. Управление культурным многообразием требует смены парадигмы // Международный журнал «Проблемы теории и практики управления». [Электронный ресурс] Режим доступа: http://vasilievaa.narod.ru/9_2_00.htm (дата обращения: 11.12.2017 г.).*

Данилина Анастасия Аркадьевна,
филиал МАГУ в г. Апатиты, Апатиты, Россия

Справедливый преподаватель. Понятие справедливости у современной обучающейся молодёжи

Новые реалии процесса образования, обусловленные глобальной разницей культурного контекста у обучающих и обучающихся, требуют постоянного мониторинга. Он мог бы позволить, если не предугадать тенденцию грядущих изменений, то, как минимум, своевременно откликнуться на текущую ситуацию. Межпоколенческий разрыв, в основе которого лежит скачок НТП, стёр грани между рядом понятий о высших моральных ценностях. Но всё же некоторые вещи не претерпели значительных изменений. Так исследование, проведенное среди обучающихся в возрасте 16-20 лет показало, что одной из важных проблем во взаимоотношениях "ученик-учитель" лежит неудовлетворённое, протестующее чувство справедливости учащегося. В самом этом понятии относительно процесса получения образования базовые критерии остались прежними: соответствие слова делу, создание равных условий для всех обучающихся, субъект-субъектные отношения, заинтересованность в своём предмете и его знание значительно превышающее таковое у подопечных. Интервью показали, что снижение мотивации к учёбе помимо различий в языке, низкого пониманием прикладной значимости получаемой информации, подачи материала без использования инновационных методов, неравномерности уровня знаний в группах обучающихся, обусловлено отношениями между объектом и субъектом обучения. Были отмечены такие формы несправедливости как: - повышенной внимание к обучающимся с низкой успеваемостью в ущерб хорошистам и отличникам; - наличие любимчиков, выбираемых по признаку большей готовности принять и поддержать мнение учителя не зависимо от качества этого мнения; - заведомо предвзятое отношение к обучающимся с применением речевых

оборотов принижающих их чувство собственного достоинства; - отсутствие готовности вести диалог; - нежелание учитывать индивидуальные обстоятельства (либо отказ их рассматривать вообще, либо приписывание им заведомо ложных смыслов); - присвоение баллов не по показателям учебы, а по показателям поведения или наличия достаточной (по мнению агентов образования) материально-технической базы. Поиск баланса справедливости и индивидуальный подход к обучающимся не предусмотрен нынешней политикой оплаты труда преподавателей. Но новые реалии требуют внесения дополнительных функций в работу агентов образования. Если внимание к этой проблеме не будет сформировано в ближайшее время, мы рискуем упустить ситуацию из под контроля настолько, что весь процесс образования, как способ подготовки личности к экономической независимости и гражданской зрелости может оказаться под угрозой существования.

Литература:

1. *Подузов А. А. О справедливом распределении благ в обществе // Проблемы прогнозирования. - 2012.*
2. *Поппер Карл Р. Объективное знание. Эволюционный подход. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 384 с.*
3. *Сапа А.В. Поколение Z - поколение эпохи ФГОС // Инновационные проекты и программы в образовании. - 2014 - №2.*

Данилов Александр Николаевич,

Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

Грищенко Жанна Михайловна

Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

Раскол культурных традиций как фактор воспроизводства социальной несправедливости

Лозунги, сформулированные в терминах «социальной справедливости» и «социального равенства», широко представлены в истории человечества. Именно эти лозунги предвосхищали все без исключения социальные революции, включая и последнюю из отечественных под впечатляющим названием «Перестройка». Итоги оказались менее впечатляющими, а если честно, – совсем не впечатляющими! Мы постараемся развернуть свой тезис на примере углубляющегося отчуждения от традиционной модели ценностей постсоветского поколения цифровых технологий (или поколения Z), культурологический архетип которого сложился как следствие очередной социальной революции. Даже с учетом закономерности инновационного обновления культурно-духовных практик силами интегрированного в них молодого поколения, следует признать, что драматические последствия данного процесса позволили поставить вопрос о сохранении своеобразия духовной культуры нации! В противном случае, проблемы социальной справедливости и равенства приобретают совершенно иной колорит,

несомненно, – более драматический. В этой связи мы попытались переключить внимание с «означаемого» (в традиционной модели признанных поколением Z ценностей) на «означающее» – ту совокупность устойчивых смысловых импринтингов (запечатлений), которые задают популярные в современной студенческой среде мотивы и паттерны поведения. Реальность, объективированная в результатах проведенного нами в 2017 году тестирования с элементами интервью студентов Белорусского государственного университета (N=150), превзошла наши самые пессимистические предположения. Перед нами возник среднестатистический образ современного студента эпохи миллениума с выраженными жизненными стратегиями на самореализацию свободной личности в самой эгоистичной ее форме крайнего индивидуализма, ориентированного на достижение личного жизненного успеха любым путем («наличие полезных связей» – 64%, «деньги» – 59%, «карьера» – 50%, и «власть» – 26%) и обязательного признания со стороны окружающих. Смысловые верификации отношения к учебе представлены в таких суждениях, которые вполне созвучны визуально наблюдаемым тенденциям прогрессирующей демотивированности современного студенчества: «Для меня главное сегодня – это учеба» – 45% отрицающих данный смысловой импринт, «Я здесь ради диплома, а не ради знания» – 30% фиксируемой идентификации, «Меня не волнует, буду ли я работать по профессии» – 48%, «Студенческие годы хороши своей безмятежностью» – 62%. Основное русло формирующихся на наших глазах «ментальных трасс» современного студенчества направлено на самоутверждение личности, понимаемой как «способность оставаться собой!» – 90% смысловых идентификаций. Отсюда понятно, почему принятая поколением Z модель автономии и свободы личности исключает из своей программы жизненного успеха присутствующую роль каких-либо авторитетов. «Идеалов нет и быть не может!» – это категорическое кредо жизненной позиции современного студента надо понимать, как искреннее стремление отстоять границы собственной автономии. Как нам оценить этот предельно жесткий в своих программных установках смысловой импринтинговый эффект с точки зрения социальной справедливости? Неоднозначно! Со стороны предшествующих поколений родителей и прародителей, утративших в глазах собственных детей авторитет и ценность личного жизненного опыта, – как высшую форму несправедливости с ее предельно циничной этической составляющей. Заметим, что речь в данном случае идет не о традиционном конфликте отцов и детей, где первые привычно ворчат, а вторые отстаивают право на жизнь своих принципов. В нашей повседневности отцы вообще вынесены «за скобки», их никто не слушает, их исключили из актуального пространства влияния на подрастающее поколение. А что предложил виртуальный мир, с которым они просыпались и засыпали, можно догадаться по последствиям сформированного эффекта, где традиционные, базовые ценности духовности давно отодвинуты на периферию сознательного и бессознательного. Параллельно для интересующего нас сегмента молодежи обозначенные

тенденции выглядят закономерными, вполне социально оправданными и справедливыми. Окружающий их взрослый мир с постоянно меняющимися «градусами» общественных настроений (от оптимистично радужной демократической риторики до пессимистических с обязательным пересмотром страниц истории и перманентным переименованием городов и улиц) - ничего иного, кроме запечатленного памятью нигилизма, не предложил. Поэтому ожидание от поколения Z каких-либо идеалов-ретрансляторов хотя бы героического прошлого нашей истории, было заведомо обречено на провал. Героическое прошлое, к сожалению, подвергнуто тем же миром взрослых безжалостному «чистилищу», став мощным импульсом для прогрессирующих сомнений, запечатленных в ментальности поколения нулевых откровенным сарказмом и вполне обоснованным правом на самостоятельное решение своих жизненных программ. Актуализированная общими стараниями (в первую очередь системой современного образования) рационализирующуюся компетентность поколения Z предпочла ценности техногенного типа цивилизационного развития с его прагматичностью и личностной автономией. А с учетом нашего отечественного опыта «догоняющей модернизации», сочла свое решение вполне социально оправданным и социально справедливым, пересмотрев заодно и другие традиционные ценности духовной культуры.

Дзуцев Хасан Владимирович,
СОГУ им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия

Мнение экспертного сообщества о памятниках г. Владикавказа

В мае-июне 2017 г. Северо-Осетинским отделом социальных исследований Института социально-политических исследований Российской академии наук и кафедрой социологии Северо-Осетинского госуниверситета им. К.Л. Хетагурова проведено исследование на тему: «Мнение экспертного сообщества г. Владикавказа о современных зданиях в его исторической части. Всего опрошено 75 экспертов: архитекторы, ученые, журналисты, работники культуры, преподаватели школ и вузов, врачи, юристы и т.д. Памятники, монументы, объекты парковой скульптуры, несомненно, являются украшение г. Владикавказа. Отношение к ним со стороны владикавказцев не всегда однозначно. Так, например, открытие памятника дважды Герою СССР и Монголии И.Плиеву (скульптор Н. Ходов) вначале вызвало много нареканий, но со временем люди привыкли к нему, хотя по-прежнему его художественные характеристики слишком ординарны. На вопрос об отношении к данному скульптурному сооружению 73,7% ответили положительно, 9,2% отрицательно, остальные эксперты воздержались от оценок.

Такой единодушной поддержки не было у памятника «Нарт Сослан» (скульптор Н. Ходов) на площади Ленина, где положительно высказались 42,1%, а отрицательно 35,5%. По мнению экспертов, памятник не вписывается в окружающее пространство, оно слишком мало для скульптуры нарта, да и сам образ воина, считают эксперты, недоработан. Памятник известному осетинскому поэту, переводчику, общественному и культурному деятелю Александру Кубалову (1871-1937 гг.) работы Н. Ходова, расположенный в сквере Владикавказского колледжа искусств им. В. Гергиева (пер. Пашковского) поддерживают 50,0%, отрицательно относятся 11,8%. Большие симпатии у горожан к памятнику Дзаугу Бугулову (скульптур С. Тавасиев) на пл. Штыба (63,2%). Автору удалось воплотить черты того поколения, к которому принадлежал Д. Бугулов: мужественность, физическую силу, воинственность. Отрицательные ответы на уровне фоновой ошибки (2,6%), не определившихся 18,4%, по всей видимости, это связано с тем, что многие не владеют информацией о личности основателя г. Владикавказа. Большим украшением проспекта Мира стал памятник великому русскому писателю Михаилу Булгакову (скульптор С.Тавасиев), жившему во Владикавказе и работавшему в Русском драматическом театре в 1919-1921 гг. Абсолютное большинство опрошенных (82,9%) положительно относятся к памятнику. Так же хорошо владикавказцы относятся к памятнику Евгению Вахтангову (скульптор С.Тавасиев) у Армянской церкви (ул. Г.Баева). 72,4% опрошенных высказали одобрением в адрес памятника. Мнения о памятнике «Сердце матери» (скульптор Н.Ходов) на углу пр. Коста- ул. Леваневского поделились почти поровну: положительно оценили 43,4%, отрицательно – 36,8%. К памятнику осетинскому поэту, священнику и просветителю Аксо Колиеву (1823—1866) работы скульптора Б.Тотиева положительно относятся 56,6% экспертов, никак к нему не относятся 13,2% , что можно объяснить их низкой информированностью. По мнению экспертов, нет символа места установки памятника, ведь это старое владикавказское кладбище. Излюбленным памятником горожан является «Нардисты» (скульптор И. Хаев) на ул. Генерала Плиева, что показал и наш опрос: 72,4% высказались положительно о нем, 11,8% - безразличны к нему. Но эксперты считают, что подобные композиции городской скульптуры не должна просматриваться с далёкой перспективы, а должны замкнуться в со масштабном визуально изолированном пространстве. Несмотря на то что много критики звучит в адрес памятника Коста Хетагурову (скульптор В. Соскиев) на аллее пр. Мира, положительно к нему относятся 63,2%, отрицательно 28,9%. Здесь было бы уместно сделать свои комментарии к этому памятнику. Владимир Соскиев изобразил образ Коста Хетагурова как великого мыслителя и данная работа может быть сравнима со скульптурой великому Пушкину в Царском селе в Санкт Петербурге. Есть понятие городская скульптура и автор придерживался данной концепции. Конечно, можно последовать памятнику Пушкина и поставить на постамент повыше и написать золотыми буквами КОСТА, но это будет уже совсем другое скульптурное изображение, мы нарушим тем самым замысел автора.

Любимым занятием молодежи г. Владикавказ в 50-60-х гг. было катание на реке Терек на камерах от автомобильных шин, интересной композицией является в этом смысле памятник «Мальчик с автомобильной камерой» (скульптор И. Хаев) на набережной реки Терек. Нравится он 53,9% опрошенных, отрицательно к нему относятся 9,2%.

К скульптуре «Друзья» (ослик с собакой) на набережной Терека (скульптор И. Хаев) с одобрением относятся 67,1% экспертов, отрицательно – 6,6%. Скульптурная композиция «Друзья» (ослик с собакой) на новой набережной (скульптор И. Хаев) вызывает симпатии горожан, 67,1 экспертов ответили положительно, 6,6% отрицательно, 14,5 затруднились с ответом, возможно потому, что не видели данную работу. Очень положительное отношение к памятнику великого осетинского художника Махарбека Туганова (64,5%) работы скульптора С. Тавасиева, отрицательно отнеслись 10,5%, затруднились с ответом 13,2% экспертов. По мнению экспертов, памятник очень хороший, но установлен неудачно, на лестнице выставочного зала по пр. Коста. Окружающая среда не отвечает уровню личности самого изображенного, великого осетинского художника. 21 марта 2014 г. в исторической части г. Владикавказа состоялось открытие памятника А.С. Пушкину работы выдающегося скульптора Владимира Соскиева.

Литература:

1. *Первые памятники Октября. //Строительство и архитектура Ленинграда, 1978, № Ц, с.20-23. Совм. с И.Н. Пуникой (о,5 п.л).*
2. *Средства изобразительного искусства городской среды. Архитектурно-художественная организация городской и производственной среды. - Л.: Знание,1983.*
3. *Проектирование эстетического потенциала городской среды/Проектирование и инженерные изыскания -М.: 1984.*
4. *Проблемы включения монументально-декоративного искусства в жилую застройку новых районов Ленинграда. - Л.: Знание,1989.*
5. *Скульптура в современном городском пространстве. Теория и практика.// Научн. труды кафедры теории и истории искусства ЛВХПУ им.З.Л. Мухиной, 1993.*
6. *Дзуцев Х.В. Этносоциологический портрет республик СКФО РФ, Москва, РОСПЭН, 2012/*

Иванова Татьяна Николаевна,

Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия

Цветкова Ирина Викторовна

Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия

Экоцентрическая система ценностей человека в контексте социальной справедливости: социокультурные аспекты

Работа выполнена в рамках гранта РФФИ проект № 17-46-630560 «Концептуальная инновационная модель социо-эколого-экономической системы Самарского региона»

Изучение экологической культуры в современных условиях является актуальной задачей. Правительство Российской Федерации объявило 2017 год – Годом экологии. Это связано с

обеспокоенностью Правительства РФ ухудшением экологической ситуации в стране. Определение тематики 2017 года имеет важную цель – привлечение общественности к проблемам загрязнения окружающей среды, сохранения биологического разнообразия, а также обеспечения экологической безопасности. Экологический кризис в современной России носит особенно острый характер, поскольку переход к рыночным отношениям, породившим сложные формы взаимоотношений общества и природы, лишь усугубил экологическую обстановку [1], [2]. В первой половине XX века, осознавая углубление противоречий между природой и цивилизацией, передовые ученые поставили задачу достижения гармоничных отношений между ними. Важным средством ее решения выступает преобразование мировоззрения людей, с учетом экологических императивов[3]. Это находит воплощение в понятии «экологическая культура», которое используется философами, учеными, публицистами, начиная с 70-х годов прошлого века. Новое мировоззрение включает экоцентрическую систему ценностей. Она предполагает отношение к природе как равноправному субъекту, который нуждается в понимании. По мнению В.К. Сергеева, подобное отношение к природе представлено в трудах русских космистов [4,с.8]. Оно включает распространение нравственных ценностей на сферу взаимодействия человека с природой. Сущностью экологической культуры является синтез эмоционально-чувственного и осознанно-ценностного отношения человека к окружающей среде. Данный синтез выступает фактором психического и социального здоровья человека. Экологическая культура интегрирует материальную и духовную культуру и определяется социально-исторической средой [5]. По мнению Н.Ф. Реймерса, экологическая культура – «этап и составная часть развития общемировой культуры, которая характеризуется острым глубоким и всеобщим сознанием себя как части природной среды и как субъекта, ответственного перед собой, перед живущими и последующими поколениями»[6]. Подобное определение подчеркивает необходимость регулирования отношений между обществом и природой, а также управления социальными процессами с учетом состояния окружающей среды. Экологическая культура оказывает влияние на процесс сохранения, восстановления и развития совокупности общественно-природных ценностей [7]. Она рассматривается не как составная часть культуры, наряду с другими сферами, а как основание и базис культуры в целом. В настоящее время в философии и науке в трактовке данного понятия не сложилось однозначной позиции. За последние десятилетия сформировалось несколько исследовательских подходов. Экологическую культуру анализируют как разновидность культурной практики, которая находится в одном ряду, например, с культурой труда, быта, организацией досуга. Выделение этого вида культуры обусловлено спецификой особого вида деятельности, направленного на охрану природы. Таким образом, содержание экологической культуры, по мнению сторонников данного подхода, обусловлено необходимостью природоохранных мероприятий. Их проведение определяется сознательным регулированием отношений

общества к природе, которая рассматривается как ограниченный ресурс. Смысловым содержанием экологической культуры выступает «мера свободы человека по отношению к природе» [8, с.24]. Фундаментом экологической культуры при таком подходе выступают знания о природе, которые определяют нормативно-ценностную структуру природопользовательской и природоохранной деятельности. Экологическая культура формирует идеальное представление о влиянии цивилизации на природную среду, в этом аспекте она опережает реально существующую практику. По мере углубления научных знаний о природе, по мнению сторонников данного подхода, должно меняться как общественное сознание, так и индивидуальное. Подобный подход, в частности представлен в работах Б. Риордан [9, с.24]. Во втором подходе исследователи анализируют экологическую культуру с нравственных позиций (Р.В. Опарин и М.А. Андросов). При этом экологическая культура рассматривается как важный фактор решения экологических проблем и способ обеспечения устойчивого развития цивилизации [10]. Основным субъектом преобразований выступает личность, осознающая ответственность перед будущими поколениями. Подобная точка зрения находит выражение в работах В.И. Панова В.И., Э.В. Лидской [11], С.А. Бортниковой [12], Н.П. Несговоровой [13]. На каждого человека возлагают ответственность, как за экологический кризис, так и за поиск средств выхода из него[14]. Экологическая культура, по мнению авторов, которые подчеркивают значимость этических ценностей, находит проявление в различных видах отношений в обществе, а также во влиянии общества на природу [15]. Основанием экологической культуры является образование и воспитание личности, которое находит проявлении в отношении человека к природе. Знания о природе и обществе выступают базисом формирования личностных качеств, которые проявляются в деятельности по реализации экологических ценностей. Экологическая культура характеризует особенности сознания, поведения и деятельности людей во взаимодействии с природой, в оптимизации своих отношений к ней.

Литература:

1. *Иванов А.А. Юридическая ответственность за экологические правонарушения: перспективы развития // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. 2015. №2. С.110-124.*
2. *Кезин В.Г. Экологическая культура и место экологических отношений в ее составе // Вестник Пермского Национального исследовательского университета. Социально-экономические науки. 2014. №3 (24). С.55-62. URL: http:// elibrary.ru/item.asp?id=21989865 (дата обращения: 03.12.2017).*
3. *Conca K. Environmental Governance After Johannesburg: From Stalled Legalization to Environmental Human Rights? // Journal of International Law & International Relations. vol. 1 nos. 1-2 (December). 2005.pp.121-138.*
4. *Сергеев В.К. К вопросу о новых философских основаниях гуманизма // Известия Томского политехнического института. 2007. №7. С.28-32.*
5. *Коваленко О.П. Педагогическая технология формирования эколого-социальной ответственности студентов педагогического университета / О.П. Коваленко : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08. Тольятти, 2002. 258 с.*
6. *Реймерс Н.Ф. Начало экологических знаний. М.: МНЭПУ, 1993. 243с.*
7. *Мангер Т.Э., Ларина Е.А. Основные подходы к формированию экологической культуры студентов средних специальных учебных заведений в отечественной и зарубежной*

практике // Вестник Тамбовского государственного университета. 2013. №4 (120). С.233-240.
8. *Conca K. Environmental Governance After Johannesburg: From Stalled Legalization to Environmental Human Rights? // Journal of International Law & International Relations. vol. 1 nos. 1-2 (December). 2005.pp.121-138.*
9. *Риордан Б. Познавая наш путь в будущее. Мир–Экология–Сотрудничество / Под ред. Э.С. Соколовой. М., 1993.С. 29-53.*
10. *Опарин Р.В. Экологическое образование как структурный компонент подготовки будущего специалиста в вузе// Вестник молодых ученых. 2006.№6. [Электронный ресурс] http://e-lib.gasu.ru/vmu/arhive/2006/01/15.shtml (дата обращения: 15.12.2017.)*
11. *Панов В.И., Лидская Э.В. Концепция устойчивого развития: экологическое мышление, сознание, ответственность // Социально-экологические технологии. 2012. №1.С.38-50.*
12. *Бортникова С.А. Формирование экологической культуры подростков в индивидуально-ориентированных ситуациях // Мир образования - образование в мире. 2007. № 4. С.288 - 296.*
13. *Несговорова Н.П. Методология системного подхода в определении содержания и структуры экологического образования // Омский научный вестник. 2009. №2 (76).С.159-162.*
14. *Дорошко О.М. Современные подходы к определению понятия «экологическая культура» // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. №9. С.51. URL: http:// http://elibrary.ru/item.asp?id=18070977 (Дата обращения: 17.12.20*
15. *Глазачев С.Н., Перфилова О.Е. Экологическая компетентность. Становление, проблемы, перспективы: Учебное пособие. М.: РИО МГГУ им. М.А, Шолохова, 2008. 124с.*

Касаткина Екатерина Дмитриевна,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Коммуникативная репрезентация социальной несправедливости в пространстве Интернета

В современном мире любой общественно значимый объект мгновенно переносится в медиапространство, представляющее собой «особую реальность, являющуюся частью социального пространства и организующую социальные практики и представления агентов, включенных в систему производства и потребления массовой информации» [1]. Этот тезис актуален и для такого явления как социальная несправедливость. Наиболее активно развивающимся элементом пространства медиа является сеть Интернет, дающая социальным агентам новые возможности для выражения значимых для них и социума в целом проблем. Благодаря своей дискурсивной структуре, данное пространство постоянно пополняется новым содержанием. Коммуникативная репрезентация социальной несправедливости в пространстве Интернета имеет множество форм. Одной из них являются специализированные сайты, позволяющие пользователям создавать петиции, описывая в них проблемную ситуацию и предлагая другим поддержать инициативу по решению проблемы. Наиболее известной и крупной площадкой такого рода в пространстве российского Интернета является Change.org [2]. Точкой отсчета в данном случае становится конфликтное событие, тематически связанное с социальной несправедливостью, и принимающее форму обращения. Помимо формального адресата петиции

оказывают влияние на других пользователей. Они, в свою очередь, не остаются на позиции пассивного получателя информации, а вступают в коммуникацию несколькими способами: подписывая петицию, делясь ею в социальных сетях, комментируя, создавая свои тексты, касающиеся случившегося, поднимая на ее основе новые темы, связанные с социальной несправедливостью. Конечной точкой такой коммуникации является принятое решение, которое и определяет коммуникативный успех или неудачу такой интеракции. Тема социальной несправедливости отражается и в социальных сетях. Наиболее показательными в данном случае являются паблики и сообщества разной направленности, так или иначе реагирующие на события социальной жизни, воспринимаемые ими как несправедливые. Точка отсчета при этом аналогична предыдущей, однако, если в ситуации с петициями создатель текста часто является тем, по отношению к кому совершается некая «локальная» несправедливость, то, когда речь заходит о пабликах и сообществах даже сравнительно мелкие события, рассматриваемые как несправедливость, переносятся на более глобальный уровень, превращаются в «симптомы» негативной ситуации в обществе и государстве в целом. Кроме того, петиции направлены, в первую очередь, на решение проблем составителя, а тексты, создаваемые или заимствуемые сообществами, скорее отражают действительность в свете идеологии этих сообществ, привлекают внимание к более крупным темам, более активно стремятся изменить точку зрения адресатов. Важно подчеркнуть, что здесь заметна разница в получателях. Петиции имеют как официальных адресатов - тех представителей власти, к которым они обращены, так и «неофициальных» - пользователей, которые и создают общественный резонанс, позволяющий более эффективно донести до других сущность возникшей проблемы и принять определенные меры. В случае с текстами сообществ и пабликов нет прямого обращения к представителям власти. Даже если оно присутствует в текстах, его используют просто в качестве экспрессивного средства, а получателем сообщения является реальная и потенциальная аудитория. Другой важной особенностью коммуникативной репрезентации социальной несправедливости в Интернете, связанной, в первую очередь, с социальными сетями является меметизация. Различные аспекты социальной несправедливости находят свое отражение в мемах. Достаточно вспомнить, как быстро меметизировалась фраза «Ну, вы держитесь там!». В определенном смысле данный процесс является реакцией на происходящее в обществе и государстве. Однако, такого рода мемы часто порождают новые, в которых первоначальный мем дополняется новым содержанием. Мы имеем дело с текстами-реакциями, дающими почву для новых и новых откликов. Это практически бесконечная гипертекстуальная цепочка, имеющая начало в виде социально несправедливого конфликтного события, конец которой действительно трудно проследить. Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что коммуникативная репрезентация социальной несправедливости в пространстве Интернет имеет множество форм. Уже краткий анализ всего двух способов ее репрезентации позволяет говорить о

наличии качественных различий: в характеристике адресата, выборе отправной точки, ожидаемого от коммуникации результата, форме и интенсивности реакции. Таким образом, более подробное изучение социальной несправедливости в сети Интернет и медиапространстве в целом требует комплексного междисциплинарного анализа со стороны социальных наук.

Литература:

1. *Юдина Е.Н. Медиапространство как новая социологическая категория // Преподаватель XXI век. – М.: 2008. № 2. – С. 151*
2. *Change.org, Inc. Сертифицированная Б-корпорация («B Corp») https://www.change.org*

Кейзик Анна Сергеевна,
ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет им. ак.И. Г. Петровского», Брянск, Россия

Гендерная несправедливость в репрезентации социальной коммуникации

Отношения в глобализированном обществе характеризуются ростом научно-технического прогресса, преимуществом материальных ценностей, обезличиванием традиций, а также оказывают влияние на трансформационные процессы в обществе, затрагивая область биологических характеристик личности в совокупности с гендерными установками. В динамично развивающемся обществе XXI века экономика, политика, культура и другие сферы жизни социума отрицают традиционные установки, которые соответствуют женскому или мужскому типу гендера. Женскому полу приходится маскулинизировать установки гендера, а мужчинам проявлять черты феминности, с целью добиться значительных результатов [2]. Вариативность потребностей общества вынуждает субъектов изменять свои гендерные установки неоднократно в удовлетворение сиюминутных ситуаций. Рассматриваемый вопрос является актуальным в современной теории социума, так как глубоко затрагивает пласты сущности человека и устройства общества [6]. Для стабильного функционирования общества необходимо эффективное коммуникативное пространство. Любая коммуникация основана на определенной модели. В зависимости от того, каких целей для субъекта должна достичь коммуникация, строится определенная гендерная модель, с типовыми знаками и символами, проектируется гендерный тип. Пространство коммуникации управляет и организует устройство общества, поэтому необходимо рассмотреть аспекты гендерной коммуникации в социологическом измерении. Рассмотрев и поняв сущность репрезентаций гендера в коммуникации, можно увидеть природу гендерных отношений в глобализирующемся обществе, в его информационно-коммуникативном пространстве [3]. Дифференцированный

процесс отношения к мужчинам и женщинам, пренебрежение мерами по устранению социальных и исторических пробелов, препятствующий полам занимать равные общественные и другие позиции определяется гендерной несправедливостью, что в свою очередь приводит к гендерному неравенству [1]. Социальная коммуникация формирует общественные стереотипы. Эмоционально окрашенные и устойчивые образы, упрощенные и схематизированные в определенной общности или социальной группе, которые распространяются всем ее представителям через всевозможные виды коммуникации. В XXI веке невозможно представить свою жизнь без Интернета. Ежедневно мы прибегаем к его помощи для выполнения различных действий. По средствам информационно-коммуникативной среды реализуется феномен виртуальной репрезентации. Обратимся к данным социологического исследования, проведенного «Левада-центром» от 18 января 2018 года [8]. Каждодневно заходят в Интернет 74% опрошенных, ежедневно социальные сети посещают 37%, несколько раз в неделю – 15%. Самые посещаемые социальные сети – это «ВКонтакте» - 65%, «Одноклассники» - 63%, «Инстаграм» - 23%. Активно ищут информацию в Интернете, тратя на это менее 30 минут – 23%, 30-60 минут – 37%, 1-4 часа – 28%. Пользуются соцсетями, мессенджерами менее 30 минут – 21%, 30-60 минут – 33%, 1-4 часа – 26%. 37% полностью согласны, что люди сами выкладывают о себе слишком много информации в Интернете, 32% - скорее согласны, 10% - скорее не согласны, 11% - никогда не думали об этом. Социальное пространство сети позволяет создать податливую гендерную схему и изменяет представления о гендере в целом. Наше виртуальное «Я» представляет собой «гендер-маску», «гендер-перфоматив», неосознанно влияя на устоявшуюся структуру идентичности. Многие принимают несвойственные роли, манеру поведения общаясь в социальных сетях. Женщина или мужчина вправе придумать о себе другую историю, пол, биографию, профессию, привычку, увлечения, то есть конструируется виртуальная идентичность, влекущая за собой виртуальные репрезентации. Субъект не привязан ко времени и пространству, в котором находится.Если человек не удовлетворен своей реальной идентичностью, он может использовать другую идентичность, получить и достичь то, что невозможно в жизни. Несправедливость может быть обусловлена биологическими, психофизиологическими причинами, желанием повысить самооценку, расширить коммуникативный опыт, добиться того, чего нет в реальной жизни. Обращаясь к социальной коммуникации, человек презентует себя с помощью символов, знаков [5]. Наиболее влиятельным механизмом для создания обширных возможностей гендерных репрезентаций в социальной коммуникации и решения гендерной несправедливости являются виртуальные технологии. Гендерные репрезентации в последнее время приобрели статус общественного явления. Это сложнейший социокультурный феномен есть результат взаимодействия политических, экономических, бытовых сторон жизни общества. Отражение поведения женщин и мужчин в гендерных моделях происходит в социальном

самосознании общества [7].Потеря самобытности происходит практически во всех областях, в том числе и в сфере гендерной идентичности. Необходимо не прекращать интерес к проблемам коммуникации, а также ее социальной организации.Гендерная неудовлетворенность ведет к необратимым процессам в обществе, смещается предзаданная биологическим полом функция, что влечет за собой уменьшение рождаемости, девиантное поведение подростков. Но есть и позитивные стороны: гибкость гендерной системы позволяет прилагать усилия, для того чтобы реализовать интересы личности и удовлетворить потребности. Таким образом, с развитием социальных сетей, появляется «кажущаяся свобода» выбора своей идентичности и становится возможной множественная репрезентация [4].

Литература:

1. *Гостенина В. И., Кейзик А. С. Индекс гендерного неравенства: методика расчета и реализация // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11. №1. С. 28-35.*
2. *Кейзик А. С. Трансформация моделей распределения гендерных ролей в современной российской семье [Текст] // Сборник статей международной научно-практической конференции «Научные революции XXI века» (Казань, 22.05.2017). Уфа: АЭТЕРНА, 2017.*
3. *Кейзик А. С. Theoretical formulation and history of the problem of the sociology of gender relations // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 2А. С. 61-68.*
4. *Киммел М. Гендерное общество / Пер. с англ. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. — 464 с.*
5. *Мальковская И. А. Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы. М.: Едиториал УРСС, 2004. 240 с.*
6. *Сорокин П. А. Система социологии. Т.1 / П.А. Сорокин. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского гос. ун-та, 1992. - 196 с.*
7. *Beauvoir, Simone de. The Second Sex / Translated and edited by H.M. Parshley. — New York: Alfred A. Knopf, 1971.*
8. *«Левада - центр» - Аналитический центр Юрия Левады. – Режим доступа https://www.levada.ru - дата обращения [19.01.18].*

Коркия Эка Демуриевна,

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Культурное поле социальной несправедливости

В настоящее время культура в России выступает как «зеркало» политики, отражая все достоинства и недостатки всего социального транзита. В данном контексте острейшей проблемой современного российского общества являются не технологические проблемы реализации национальных проектов в области культуры, а более глубокие проблемы смысла и содержания взаимоотношения государства (носителя политики) и общества (носителя культуры), которые лежат в плоскости определения задач и целей существования. Современное общество характеризуется аккумуляцией в культуре основных социальных вызовов. К числу таких вызовов относится и феномен социальной несправедливости. Этот феномен приобретает не только политический дискурс, но становится общественным критерием социального развития [4, с.93]. Проблема социальной несправедливости сопровождает все

историческое развитие человека и может проявляться в каждой сфере общественной жизни. Например, в области морали несправедливость связана с дискретностью социального поля, полным нарушением общественного единства и солидарности, основанного на принципе общей нравственности. Это означает, что в идеальных общественных образованиях не должно быть несправедливого неравенства, по крайней мере, оно не должно носить системный и тотальный характер. Но особенности социокультурного контекста таковы, что в реальной практике оно существует, разделяя общество на тех, кто является по каким-либо основаниям субъектом несправедливости и объектом несправедливого к себе отношения. При этом справедливое неравенство не разрушает моральный облик общества именно потому, что оно является справедливым, исходя из разницы социокультурной природы самих индивидов. В сфере культуры социальная несправедливость проявляется как нарушение равного доступа для всех граждан к культурным ценностям и историко-культурному наследию: основные объекты культурного наследия находятся в основном в крупных городах, в то время как жители отдаленных городов зачастую лишены возможности доступа к культурным богатствам страны. В информационной культуре несправедливость может быть установлена путем недопущения циркуляции информации и её специальной обработки с целью искажения или сокрытия (спираль молчания). Таким образом, социальная несправедливость пронизывает все стороны общественных отношений, несмотря на структурные изменения, которые проводятся в реальность при помощи социальной политики, чтобы нивелировать различия между индивидами и упразднить несправедливые формы ее проявления, создавая прочные основы социальной справедливости, которая описывается различными учеными с целью попытки её воспроизведения в современном обществе. Процесс становления информационного общества актуализировал проблему справедливости, породил субстантивное многообразие критериев этого понятия, необходимость выбора наиболее адекватного из них для российской действительности, с учетом социального опыта XX века. На каждом этапе цивилизационного развития справедливость приобретала системные особенности и отличительные черты, была связана с поиском широкой палитры адекватных путей создания гуманного и рационального общественного порядка. Можно проследить диалектику самого феномена социальной несправедливости и его интерпретаций от античности до постмодерна, а также цивилизационный контекст проблемы [2, с.91]. Особую остроту и значимость она приобрела в периоды радикальных исторических трансформаций и революционных скачков, сопровождающихся системной ревизией ценностно-нормативных систем, социальной аномией. В современной социальной науке возникала потребность инновационного подхода к трактовке данного явления, его научной рефлексии в соответствии с изменяющейся жизненной реальностью, «быстрой новой историей» и построением «глобальной деревни» [3, с.73]. В данном контексте особый исследовательский интерес представляет феномен культуры, как носителя,

канала, актора, так и демпфера социальной несправедливости. Культура (наряду с религией, наукой) выступает фактором, препятствующим доминированию низменных проявлений человеческой природы. Она в разных формах через обычаи, традиции, ритуалы, содержащие первичные представления о справедливости, не только отражает социальную действительность, но и регулирует ее в позитивном направлении. Обладая нормирующим потенциалом, культура, как образ жизни, как тотальная практика созидания наличествует в общественном сознании и принимает участие в оценке происходящих явлений. Своими этическими нормами и нравственными принципами она (культура) накладывает прожитые историей ограничения проявлению индивидуалистического своеволия и безответственности людей, служит основой формирования самого понятия справедливости [1, с.29]. Культура в процессе социогенеза становится как результат самоотречения человека и приобретение им подлинного смыла и значения. Именно культура как особый способ овладения действительностью, соединяющий в себе материальное и духовное творчество, создает возможность развития цивилизационных ценностей, лежащих в основе построения концепции социальной справедливости [5, с.52].

Литература:

1. *Арендаренко А.В. Основные подходы к понятию «социальная справедливость» // Закон и право, №7, 2007.*
2. *Балабанова Е.С., Балабанов А.С. Социальное неравенство: факторы углубления депривации // Социол. исслед., №7, 2003.*
3. *Карпухин О.И. Глобализация как новая «культурная революция» // Политика и культура. Культурные факторы регуляции власти. М., 2002.*
4. *Коркия Э.Д., Мамедов А.К. Новые контуры социального неравенства: тренды становления // Перспективы науки, № 2 (53), 2014.*
5. *Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М., 2001.*

Кочергин Вячеслав Яковлевич,

Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Республика Беларусь

Профессионально-корпоративная культура как регулятор социальной справедливости

Профессионально-корпоративная культура рассматривается в качестве культуры организаций, центрированная на ценностное ядро определенной профессиональной культуры. Профессионально-корпоративная культура воздействует на социальную справедливость, прежде всего, своим ценностно-нормативным содержанием, изложенным в Миссии корпорации и Кодексе поведения ее членов. В этих документах представлены приоритетные ценности-цели, пути и средства их достижения, в том числе основные нормативные и командные (коллективные) характеристики. Еще более важным фактором является практика. Нормативно отрефлексированные и неотрефлексированные действия постоянно

производят (конструируют) и воспроизводят определенные уровни социальной справедливости. Особенно показательны, нестандартные и кризисные ситуации, выходящие за пределы рутинного производственного процесса. Соотношение провозглашенных корпоративных принципов и актуальной практики изначально задает пространство для обнаружения уровня справедливости, последующего ее оценивания и регулятивных воздействий. Статусно-нормативное неравенство может восприниматься как справедливое, если оно связано с компетентностью, ответственностью, эффективностью. Каналы и модели (образцы) вертикальной мобильности, так же, как и образцы профессиональных достижений, составляют значимый элемент профессионально-корпоративной культуры. Чем более прозрачно, рефлексивно и четко определены эти важнейшие элементы профессионально-корпоративной культуры, тем более предсказуема в процессе оценки ситуации как справедливой или несправедливой реакция работников. Разумеется, это упрощенное объяснение. Сложности возникают при неотрефлексированных действиях, которые тесно связаны с психологией акторов (например, зависть). Тем не менее, существуют технологии внутри корпоративной регуляции уровня социальной справедливости. К ним можно отнести коммуникационные (гласность, работа с лидерами неформального общения), HR-технологии, технологии создания и расширения социального пакета. Профессионально-корпоративная культура в то же время является «фильтром» для восприятия воздействий извне. В частности, рыночной конъюктуры, официальных нормативных документов. Например, отраслевых документов, имеющих разрешительный характер на выполнение определенных работ с указанием квот. Гибкость (изменчивость) и устойчивость ценностно-нормативной структуры профессионально-корпоративной культуры позволяет менеджменту принимать оптимальные решения. Следует отметить еще одну грань проблемы. Любые социальные технологии, в том числе регулирующие уровни справедливости, могут быть манипулятивными и антиманипулятивными. В связи с этим можно выделить четыре типа взаимодействий по реализации этих технологий. Тип А, когда индивидуально-личностная предрасположенность к манипуляциям актора совпадает с его статусом и ролью социальной технологии, целью которой является манипулирование; тип Б, когда индивидуально-личностные характеристики актора, не склонного к манипуляции, совпадают с его статусом и ролью в социальной технологии, не имеющей целью манипулирования. Примером типа А может служить рекламно-пропагандистская компания или сетевой маркетинг, основной целью которых, как правило, является получение прибыли любой ценой. Примером типа Б являются бизнес-технологии, используемые фирмами, ориентированными на долговременное устойчивое и взаимовыгодное отношение с постоянными клиентами, а, следовательно, на формирование позитивного имиджа и престижа своего бренда. Менее вероятным с точки зрения предсказуемости вектора реализации выступает тип В, когда личность-манипулятор, приобретя определенный статус, выполняет роль адепта в неманипулятивной

по цели технологии. Например, в воспитательной или же в одном из видов социальной работы. Подобный актор опасен, т.к. деформирует не только технологию и культуру корпорации, но, прежде всего, наносит ущерб лицам, вовлеченным в поле действий этой технологии. Еще одним вариантом является тип Г, когда личность, не склонная к манипуляции, в силу определенных обстоятельств (например выгодное предложение рабочего места с высоким статусом и заработной платой) становится исполнителем заведомо манипуляторских ролей. Здесь уже сама технология опасна для личности самого актора, т.к. она выступает в качестве фактора, деформирующего эту личность. Требуется величайшая психологическая устойчивость и мастерство в рефлексивном управлении, чтобы «переиграть» своих партнеров по корпоративно-социальной технологии, изменив ее манипулятивный характер и остаться собой. Таким образом можно констатировать, что позитивная профессионально-корпоративная культура в основном исключает манипулятивные технологии и позволяет задавать достаточный уровень социальной справедливости как внутри корпорации, так и вне ее.

Кудрявцев Владимир Александрович,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Смысл и задачи персоналистической социологии в исследовании проблемы справедливости в информационном обществе постмодерна

Идея «справедливости» - морально-социальная категория практической философии, или этики как стержня подлинно. Эта идея как бы встроена в сознание априорно и испокон века заставляет человечество искать методы и формы её воплощения в истории, устремляет общество к её достижению. С точки зрения русской классической религиозной философии, о справедливости имеет смысл говорить только тогда, когда она напрямую сопряжена с понятием и пониманием многими людьми идеи «добра». Понимание и трактовка добра в нынешнюю эпоху постмодерна, арелигиозности, имморализма и тотального релятивизма предельно размыта в общественном и личном сознании. «Несправедливость» как, вроде бы, теневая, производная от идеи справедливости категория и жизненная реальность давно во всех её модификациях фактически повсеместно стала общей и персональной нормой. Общество всё больше напоминает собой выверенное мнение Н.И.Кареева: то, что происходит в социальной жизни, - это и есть норма, а наши чаяния – это только недостижимый социальный идеал. Так что, вполне по Н.К.Михайловскому, «правда-истина» в эпоху главенства рациональности и расчета всё больше вытесняет из жизни «правду-справедливость». Соответственно, такие этические понятия и реалии внутренней жизни личности, как «долженствование», «традиционные

христианские ценности», «подлинная свобода и ответственность», бердяевский, взрощенный христианской традицией «аристократизм духа», даже идеалы классического либерализма с его сильной и несомненной религиозно-социальной составляющей, - всё это давно подменяется целесообразностью, прагмой, расчетом, технократизмом и прочими «ценностями». На бюрократическом, экономико-финансовом языке всё это называется теперь «оптимизацией».

В связи с вышеизложенным правомерно поставить ключевой вопрос: «Насколько современная социология, генетически появившаяся на свет из чисто светской эксплуатации старой благородной идеи справедливости и напрямую связанной с ней идеей солидарности, в состоянии сыграть важную роль в указании направления и в определении адекватных форм общественных трансформаций в столь быстро меняющемся мире?». Да, она (в виде теоретической рефлексии) может фиксировать, исследовать, констатировать, указывать на ошибки и опасности, выявлять закономерности, создавать схемы, даже прогнозировать, указывать тенденции и намечать варианты общественно-исторического оформления грядущих событий. Да, в нынешних условиях, когда, по признанию самих постмодернистов (Фуко, Бодрийяр), «человек провалился», и всё тонет в безликости всепожирающей толпы, социология должна стать социологией личности, исследуя, в первую очередь, человека, его сознание, представляя затем общество как сумму и результирующую множества проекций личных сознаний. Это путь феноменологии, указанный Гуссерлем, развитый Вебером и экзистенциалистами. Однако для создания более или менее адекватного панорамного и осмысленного взгляда на человека и общество, для выявления сути и тенденций происходящих в обществе процессов сегодня уже недостаточно оставаться чистым социологом – необходим последовательный междисциплинарный подход. Необходим, на наш взгляд, теоретический синтез философской антропологии, этики должного, историософии, например, философии поступка и диалога М.М.Бахтина [2] и даже тринитарного богословия диалога [3]. Только тогда социология может приобрести объемный взгляд на человека, общество, историю, вернее, только так социологическое знание может гармонически войти в состав подлинной теории общества.

Особенно это касается исследования самых разных аспектов и проявлений идеи справедливости/несправедливости в ситуации постмодерна как ключевой, изначальной, движущей историческое человечество этико-энергетической силы. Иными словами, секуляризованному современному уму ученого следовало бы уразуметь, что идея справедливости и различных отклонений от неё в истории государств и обществ (несправедливости) не может носить чисто социального характера, особенно в современном информационном, крайне динамичном обществе с сильнейшей материалистической, биологической составляющей. Идея справедливости в основе своей этична, т.е. духовна, а не биологична, т.е. никогда не базировалась целиком на дарвинистской теории естественного отбора. А

ныне главенствующий «… материальный взгляд на мир уделяет внимание нравственности лишь в той мере, в какой это необходимо для стимулирования процесса построения светлого вещественного будущего. Здесь нравственность ставится в один ряд с развитием научно-технического потенциала, совершенствованием систем управления обществом, экономикой и финансами. Нравственности придается профилактическое значение в борьбе с разными формами преступности и приносящих вред обществу деяний. Такой взгляд на место нравственности в обществе узкий, деформированный, утопичный и неэффективный» [4].

Поэтому необходимо обратиться к творческому наследию русских социологов-субъективистов, неокантианцев, ко всей традиции русской и зарубежной социальной мысли с их центральной идеей этикоцентризма и панморализма общественных отношений и, конечно, социальных наук. Только в такой, по сути, отчасти метафизической установке исследовательского сознания можно рассчитывать на практический успех и пользу социологических разработок и на избежание вековых заблуждений «социологического разума», философская критика которого обоснованно представлена С.Н.Булгаковым.

Литература:

1. *Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Работы 20-х годов. Киев: Next. 1994/*
2. *Бердяев Н.А. Философия неравенства.Берлин, 1923.*
3. *Завершинский Георгий. Богословие диалога. м., 2017*

Кузнецова Кристина Игоревна,
СКФУ, Ставрополь, Россия

Информационное неравенство как социальная несправедливость в современном обществе

Основным ресурсом и источником социального богатства информационного общества является знание и информация. Изменения в различных сферах социальной, экономической, политической жизни людей, приводит к социальному расслоению в нашем обществе. Отсутствие доступа к современным средствам коммуникации нарушает устоявшийся порядок общественно-коммуникативных отношений, и порождает опасные социальные явления, такие как разобщение и нарушение общественных связей, дезорганизация, раскол общества, запуская процесс разделения индивидов по различным признакам. Информационное общество порождает социум, основанный не на всеобщем социальном и материальном равенстве, а, напротив, создает условия для все большего расслоения людей на основе знания и информации. Наше современное общество, состоит из двух информационных классов: класс образованных людей, получающих доступ не только к информации и знаниям, но и пользующихся новыми технологиями, создающих и потребляющих товары и услуги, и

низкоквалифицированный класс, представители которого, в силу своих умственных способностей и материальных средств становятся малообразованными и малообеспеченными людьми. Информационное общество потребляет огромное количество информации, оно нуждается не только в получении, но и в распространении полученной информации. Предпочтения в получении информации изменились. Исследования показывают, что происходит новое восприятие информации, появилось «клиповое мышление», то есть мозаичное или фрагментарное восприятие. Информация преподносится потребителю в виде коротких текстовых сообщений, небольшими видеороликами. 70% молодежи предпочитают изучать информацию в визуальном виде, средняя продолжительность видеоролика составляет 180 секунд. Во многих популярных социальных сетях длина видеороликов составляет от 1 до 5 минут. Представление информации в виде визуальных и интерактивных образов, очень удобно для быстрого потребления большого количества информации. Потребитель ориентирован на быстром и усвояемом информационном потоке с меньшим задействованием времени [3]. Развитие информационного общества зависит и от тех особенностей и качеств личности, которые закладываются в образовании. К сожалению, следует отметить, что традиционное образование, которое сегодня получают дети и молодежь, должным образом не отражает тот мир, в котором им приходится (и придется) жить. Образование должно решать главную задачу на данный период времени - преодолеть отставание от запросов современной жизни, а это значит, что в подготовке учеников необходимо учитывать при обучении не только проблемы и потребности сегодняшнего дня, но и те, что проявятся в будущем [1]. Очевидно, что уникальные навыки и образование являются ключом к приобщению к творческим профессиям, высокооплачиваемым (ученые и деятели культуры, высококвалифицированных специалисты в области менеджмента и финансов, юристы, профессиональные эксперты и т. д.), а, следовательно, к попаданию в высший класс. Сегодня те, кто закончил обучение в колледже, институте или университете, составляют 24 % населения страны, из них 90 % составляют наиболее высокооплачиваемую часть общества. Что весьма существенно, лишь 4 % из них является владельцами капитала, остальные же либо являются высококвалифицированными работниками по найму в крупных компаниях или государственных организациях, либо занимаются индивидуальной деятельностью [2]. Опыт многих стран мира и России, показывает, что «естественное» неравенство преодолевается разными социальными путями и технологиями: образованием, разными инструментами социальной политики. По мере развития информационного производства возникает неравенство, которое порождается неравномерностью его развития в разных странах. Государства и политики самого разного уровня должны регулировать это неравенство. Информационное неравенство – это не только отсутствие доступа к информационно-коммуникационным технологиям, но и осведомленности и квалификации в данной сфере. Существует проблема отсутствия мотивации в

сфере информационно-коммуникационных услуг. Следует учесть и недостаточность контента в информационной сфере. Государство должно осуществлять активную позицию в борьбе с информационным неравенством, со стороны населения, так же должно осуществляться целенаправленное изучение и приобретение современных технологий, для уменьшения роста социальной напряженности.

Литература:

1. *Информационное неравенство / [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://studfiles.net/preview/4170839/page:33/*
2. *Костин А. В. Знание как основа социального неравенства в информационном обществе/ [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Kostin/*
3. *Шестакова А. Клиповое мышление: как молодежь воспринимает информацию? / [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://youngspace.ru/faq/klipovoe-myshlenie-kak-molodezh-vosprinimaet-informatsiyu/*
4. *Clark I. The Digital Divide as a Complex and Dynamic Phenomeno URL: http://infoism.co.uk/Aberystwyth/research_in_the_profession*

Кузнецова Софья Алексеевна,

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Соотношение понятий "социальная несправедливость" и "социальное неравенство": социокультурный анализ

Проблематика социальной несправедливости как общественного феномена привлекает внимание ученых и политических деятелей на протяжении нескольких столетий. Наибольшую разработанность тема получает в конце XIX – начале XX века с появлением концепции естественных прав и свобод. Именно тогда, в эпоху Просвещения твердо укрепилась мысль о неразвитости современной социальной системы, западное общество уверилось в существовании “великих проектов”, наличии “высоких целей”, что сделало невозможным удовлетворение текущей ситуацией, вызвало необходимость перемен в обществе, породило социальные революции и убежденность в необходимости социальной справедливости и устранения социального неравенства. В этой связи стоит особенно пристально рассмотреть два связанных понятия: “социальное неравенство” и “социальная несправедливость”. Второе понятие, в отличие от первого, гораздо сложнее поддается изучению, и, тем более, измерению. Если понятие “социальное неравенство” – это объективные условия существования, обусловленные неравным доступом к различного вида благам, а также изначальные биологические особенности индивидов, то понятие “социальная несправедливость” – это остро переживаемое субъективное состояние недостаточности, негативно воспринимаемое индивидом, группой или обществом, связанного условиями подобного бытия. Возникает проблема замеров особенностей этого состояния. Что считать действительно несправедливым, а что – обостренным восприятием субъекта

социальных отношений? Ситуация социального неравенства характерна как для западных, так для восточных обществ на протяжении многих тысячелетий. Однако, феномен социальной несправедливости получил маркировку “социального зла” только в последнее время и только в западном мире. Последние столетия характеризуются ростом возможностей, жизненных шансов индивидов. Капиталистическая система порождает феномен "американской мечты", возможности добиться много, предоставляет колоссальные возможности для социальной мобильности индивидов. Вместе с этим растет убежденность общества в универсальности прогресса, в неизбежном характере роста уровня благосостояния стран, что хорошо показал в своей работе "Восстание масс" Х. Ортега-и-Гассет. Стремительно развивающиеся наука и технологии подводят Западную Европу к мысли о необходимости усовершенствовать социальную жизнь так же, как и техническую. Так меняется общий дух эпохи: начинается строительство утопических проектов будущего, связанных либо с необходимостью появления бесклассового общества (К. Маркс, Ф. Энгельс), либо с развитием человеческих отношений в контексте нарастающей кооперации (Э. Дюркгейм), либо с развитием человеческого разума и становлением позитивизма (О. Конт) и т.д. Возникают философские теории и построения о несовершенстве мирового устройства, недостаточности текущего положения. Так, начинает развиваться т.н. “критическая” социальная философия, связанная с переосмыслением роли человека в группе и социуме. И подобная переоценка постепенно начинает распространяться не только на общественное устройство в целом и сферу экономических отношений, но и сферу семейных, гендерных, поколенческих и бытовых отношений. Так появляется дискурс о социальной несправедливости, который начинает выходить за рамки чисто экономических отношений и теперь начинает касаться чести и достоинства человека, его гражданских прав. Таким образом, вместе со стремительными темпами увеличения социальной мобильности и провозглашением прав и свобод человека в качестве основной ценности демократических обществ, проблема социальной несправедливости стала особенно актуальна в XX веке. В настоящее время обостряются межнациональные конфликты и проблемы миграции, все больше обостряется вопрос о сущности и причинах социального неравенства и социальной несправедливости. Закрепление и обеспечение прав человека становится основным направлением политики западных стран, вместе с тем, это не дает реальной удовлетворенности обществу. Кризисы не только не утихают, но и становятся сильнее с каждым годом. Таким образом, культурные особенности времени и места изучения феномена социальной несправедливости сильно влияют на особенности протекания процессов рефлексии этого явления. Если в языке восточных стран, таких как Корея, Вьетнам или Индия отсутствовало слово “справедливость” вообще, то на территории западных стран это понятие стало одним из основных при построении системы современных европейских государств. Целью нашей работы будет являться обоснование естественного

и субстанционального характера социального неравенства в контексте мировой истории общественных отношений, а также обоснование социокультурной обусловленности феномена социальной несправедливости. Данная проблематика приобретает особую актуальность в аспекте системного глобального кризиса, а также особенностей развития российского общества в последние десятилетия.

Литература:

1. *Дюркгейм Э. О разделение общественного труда», М.,1996.*
2. *Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали. М., 2000.*
3. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т.6.*
4. *Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 1991.*
5. *Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М., 2015.*
6. *Рикер П. Справлеливое. М., 2005.*
7. *Ролз Д. Теория справедливости. Новосибирск, 1995.*

Курбанова Лидия Увайсовна,
Чеченский государственный университет, Грозный, Россия

Субъективное благополучие личности как фактор социальной справедливости: гендерное измерение

Социальная справедливость является неотъемлемой частью ценностной системы общества, подчиняется общей логике социальных и культурных изменений. Проекция этих изменений на личность часто определяет его субъективное благополучие. Субъективное благополучие индивида –это понятие и принятие некой общей объективной социальной справедливости, его социозамер в своем личном бытийном пространстве. Различные социальные страты испытывают социальные ожидания (экспектации), как представления (смыслообразы) о должных формах проявления социальной справедливости, как реакцию на меняющиеся реалии окружающего мира.

В условиях усиления трансформационных процессов, приводящих к нестабильному функционированию социальных институтов, призванных обеспечивать социальную защищенность общества, наблюдаются достаточно сложные процессы, как в целом по стране, так и в отдельных регионах. Северного Кавказ в общественном сознании российского общества воспринимается как регион с достаточно привилегированным дотационным режимом. Параллельно с этим утвердился дискурс, что усиление традиционализма ставит в сложное положение, такую социальную страту, как женщины в этих обществах. Ее социальное, психологическое ощущение себя в этих меняющихся реалиях мы решили спросить у нее самой. «Положение женщин Северного Кавказа»-такое название получил проект социологических исследований, проведенный в 2014 году при финансовой поддержке Фонда Генриха Белля.[1].Анализ части исследований, напрямую

затрагивающую проблему социальной справедливости глазами женщин, мы приводим в данных тезисах.

Анализ результатов исследований показал прямую корреляцию между социальной справедливостью, как важнейшим элементом общественного сознания, отражающим объективную реальность и субъективным благополучием женщин, их самоощущением своей социальной защищенности. Общим замером социального самочувствия на изменения, прошедшие за 10 лет, были обобщающие ответы женщин, что в целом ситуация в республике немного улучшилась (44,2%-Чечня; 47,6%-Республика Ингушетия, а в Дагестане и КБ-данные в два раза меньше :24,4% и 23%), все остальные ответы распределились между оценками «серьезно ухудшилась», «никак не изменилась», и «затрудняюсь ответить». Только женщины КБ оценили выше всех свое положение республики и отметили, что их положение «серьезно улучшилось»-19%. Эта оценка коррелируется с возрастом респондентов: молодежь склонна оценивать свою ситуацию более позитивно, среди старшего поколения – значительный скепсис в оценках. Среди ряда индикаторов, определяющих социальное благополучие /неблагополучие, которые мы обозначили общим вопросом «Какие проблемы волнуют жителей вашей республики сильнее всего?» .Практически каждый второй опрошенный респондент выделили: на первом месте «высокий уровень безработицы», на втором –«низкие зарплаты».

Следующим индикатором социального неблагополучия в республиках, по мнению опрошенных женщин-это коррупция (в среднем -40 % по всем республикам). Одной из самых серьезных проблем-«низкое качество медицинской помощи», в Чечне эти показатели наихудшие среди исследованных республик-52%. Практически, каждый третий опрошенный, среди социальных проблем назвали «безнаказанность» и «неправильные законы». Понятно, что такое пессимистическое восприятие социальной реальности воспринимается как социальная несправедливость. Ибо самооценка своих личностных качеств женщины по республикам оценили довольно высоко. На вопрос «Что отличает женщин вашей республики от женщин других регионов?» критерии самооценки выстроились в ответах женщин следующим образом: 1. «Трудолюбие» (61,3% - Дагестан; 50,7% - Чечня; 50% - КБ; и 43,3% Республика Ингушетия); 2. «Сильная воля» у чеченских женщин превалирует в самооценке в сравнении с другими женщинами исследуемых регионов, она составляет 26,4%, тогда как, именно столько опрошенных дагестанских женщин и женщин КБ отметили, что для них на втором месте важным отличительным индикатором является «любовь к своему краю». Третью позицию в самооценке у женщин занимает чувство «ответственности» (23,8% Чечня; 21, 6% КБ; 18,3%-Ингушетия; 17,7% Республика Дагестан. Таким образом, трудолюбие, сильная воля, любовь к своему краю и чувство ответственности –это те социальные маркеры, которые отличают, по мнению респондентов, их от женщин других регионов. Но при этом они подчеркивают, что им живется тяжелее, чем в других регионах страны. Среди чеченских женщин этот показатель отметили 78%

опрошенных, в Дагестане -60%; и 48% и 44% в Ингушетии и КБ, соответственно. Субъективная неудовлетворённость женщин выразилась в ответах на вопрос «С какими проблемами, на ваш взгляд, чаще всего сталкиваются женщины вашей республики?» Более половина опрошенных женщин склонны оценивать свое положение по следующим критериям: « у женщин меньше прав», «контроль со стороны мужчины», « мнение женщин ничего не значит», « отсутствие защиты в ситуации насилия», « необходимость следовать религиозным нормам», « ограничение свободы».

Надо отметить, что потребности, ценности и интересы, в таких традиционных обществах, которых мы рассматривали, имеют ярко выраженную социокультурную и религиозную нагрузку и во многом определяют модус и траекторию оценочных суждений в общественном сознании, но они, нередко, не совпадают с суждениями о социальной справедливости, опрошенных женщин.

Литература:

1. *1 Социологическое исследование при финансовой поддержке Фонда им. Генриха Белля "Жизнь и положение женщин на Северном Кавказе». 2014-2015 гг. Всего опрошено 800 женщин, по 200 женщин по четырем республикам Северного Кавказа: Чеченская Республика, Республика Ингушетия, Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская республика. В выборку были включены женщины от 17 лет до 75 лет, репрезентативно представлены все образовательные уровни.(подробный отчет об исследовании http://polit.ru/article/2015/11/09/gender)*

Лескова Ирина Валерьевна,
ФГБОУ ВО РГСУ, Москва, Россия

Москвичи о социальной несправедливости: социологическое измерение динамики образа жизни

Влияние социокультурных, социополитических и экономических трансформаций на повседневную жизнь и человеческие отношения, безусловно. В рамках исследования динамики повседневных практик москвичей (при поддержке РФФИ, грант №16-03-00841/17 ОГОН) использована методическая стратегия исследования, учитывающая опыт 1982 г. и особенности социальной реальности 2016 г.

По результатам исследования динамики показателей за последние 30 лет, сделаны выводы об изменении направленности деятельности москвичей, их поступков и поведения, социальной активности. На образе жизни сказывается ухудшение условий для образования, проведения отпуска, хроническая нестабильность и неопределенность. Сравнительный анализ и оценка изменений образа жизни москвичей показал, что количество жителей столицы, считающих, что работа, которую они выполняют, не соответствует их знаниям, способностям и возможностям в 2016 году по сравнению с 1982 годом выросло в 1,6 раза, а разница между теми кто считает «Да + в

основном да» и «Нет + в основном нет» уменьшилась на 21,6 процентных пунктов (далее п.п.). Современные экономические реалии, связанные, прежде всего, с западными санкциями, внесли свою лепту в процесс изменения места и характера работы. Для 17,4% жителей столицы, эти изменения оценивались «Приходилось больше работать на тех же условиях». 7-12 % работали в нескольких местах или брали дополнительную работу на основном месте. Интенсивность труда заметно выросла у каждого пятого респондента. Доля тех, кто удовлетворен своей работой была выше в 1982 году. Разница между ответами «Да + в основном да» и «Нет + в основном нет» в 1982 году больше на 43 п.п. Это можно объяснить тем, что в конце 80-х москвичи чаще работали по специальности, отношения в коллективах были более толерантны. Сравнительная оценка ответов на вопрос об условиях для повышения квалификации, профессионального роста на работе свидетельствует, что в 1982 году они были лучше. Разница между ответами «Хорошие» в 1982 и 2016 году составляет 8,7 п.п. По мнению большинства, получают несоизмеримо больше вложенного труда: представители крупного бизнеса, руководители министерств и ведомств, топ-менеджеры крупных компаний, продюсеры, режиссеры, артисты кино, представители шоу-бизнеса. Зарабатывают незаслуженно мало: фермеры и другие работники сельского хозяйства, врачи, учителя, преподаватели ВУЗов, ученые, рабочие промышленных предприятий. А справедливую оплату по труду получают: представители среднего и малого бизнеса, полицейские прокуроры, следователи, судьи инженеры, мастера, начальники цехов, участков, служб и их заместители, военнослужащие. Большинство полагает, что допустимо превышение самых высоких доходов над личными доходами простых москвичей может составлять не более 20 раз. Несмотря на более низкие заработные платы в 1982 году большинство москвичей оценивало свою материальную обеспеченность как хорошую, а в 2016 году как удовлетворительную. Возможности для обучения, образования детей (внуков) хуже оцениваются в 2016 году. В 1982 году подавляющее большинство считало, что эти возможности у них хорошие, то в 2016 их стало меньше на 40 п.п. Личностная система ценностей, формируясь на основе той системы, которая доминирует в данном конкретном обществе, привела к изменению представлений жителей столицы о важности тех или иных свойств, качеств человека необходимых для достижения успеха и благополучия. Если в 1982 году первые 4 места занимали с заметно большей плотностью ответов: «Трудолюбие, добросовестное отношение к делу» (66,6%), «Честность, принципиальность» (54,4%), «Отзывчивость, чуткость к другим людям» (48,1%) и «Образование» (42,5%), то в 2016 году набор свойств был диверсифицирован и на первом месте оказались «Деньги» (2016 г. – 47%, в 1982 г. 33%), далее «Трудолюбие, добросовестное отношение к делу» (42,0%), «Связи с нужными людьми» (вырос с 13,8% в 1982 г. до 41% в 2016 г.), «Образование» (40,0%), «Умение приспособиться» (вырос с 9,4% в 1982 г. до 36% в 2016 г.). Если в 1982 г. честность и принципиальность «очень важно» считали 52,4%, то в 2016 г. только 21,7%. Каждый пятый считает, что важно

для достижения успеха уметь переступить: закон, мораль, нравственные ограничители и т.п. По сравнению с 1982 годом в два раза увеличилось число сомневающихся в завтрашнем дне. Большинство редко, а треть никогда не испытывают чувства уверенности в завтрашнем дне. Каждый шестой ощущает чувство несправедливости всего, что происходит вокруг, каждый третий – тревоги за безопасность и будущее своих детей, каждый второй – беззащитность перед произволом чиновников, работников правоохранительных органов и тесно связанных с ними предпринимателей. Каждый второй часто испытывает чувства ненависти к тем группам и людям, по воле которых жизнь в стране стала такой, какой она есть сегодня и еще каждый третий (38,6%) – иногда. Пятая часть опрошенных, при условии предоставления жилья и гарантии работы, могла бы уехать из страны навсегда, а треть на время. Тех, кто полагает, что простой человек может реально отстоять свои законные права перед местным или региональным чиновничеством становится меньше на 10,5 п.п. Относительное большинство москвичей считают, что богатые и очень богатые люди, занимающие высокие посты во властных структурах, не могут работать в интересах простых людей, поскольку интересы богатых и простых людей в России противоположны.

Липатова Мария Евгеньевна,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Роль международной студенческой мобильности в современном мире

Современное общество характеризуется исследователями как среда с глобальной постиндустриальной экономикой, где ведущую роль играют знания, что, в свою очередь, предполагает наличие хорошо образованной, высококвалифицированной рабочей силы. Сегодня социальная среда характеризуется высокой степенью подвижности и неоднородности. Неопределённость, разрушение устойчивости традиционных институтов и структур, переход от единообразия и стандартизации к большей вариативности требуют от каждого человека гибкости, адаптивности, готовности действовать с учётом наличных возможностей. Глобализация различных сфер человеческой деятельности (экономики, политики, искусства, безопасности и пр.) не могла не затронуть один из важнейших социальных институтов – образование. Подготовка необходимых экономике, предпринимательскому сектору специалистов не возможна в рамках традиционного университета, что привело к смене парадигмы высшего профессионального образования. Формулируется и реализуется принцип единого образовательного пространства, а также принцип непрерывности образования в течение жизни человека, совершенствования индивидом своего образовательного фонда. Наряду с этим следует отметить, что

наблюдается общемировая тенденция снижения численности трудоспособного населения в некоторых странах с развитой экономикой, что актуализирует конкуренцию за высококвалифицированных работников-мигрантов. При этом происходит рост иммигрантов с высшим образованием и их занятость в отраслях, требующих специалистов высокого уровня. Среди наиболее эффективных источников подбора перспективных кадров многие исследователи и специалисты по работе с персоналом выделяют работу с иностранными студентами, включение их в стратегии привлечения и удержания высококвалифицированных работников-мигрантов. Активное развитие и поддержка академической мобильности и внимание к активности студентов в этом процессе отвечает на просто интересу молодёжи к возможностям самореализации, получении новых впечатлений, совершенствовании своих навыков, развитию компетенции и пополнению багажа знаний, но и получению государством ряда преференций (преимуществ) от такого рода деятельности. Принимающие студентов страны говорят о высоком качестве своего образования, которое привлекает учащихся, а также это финансовые выгоды от предоставления образовательных услуг. Но одним из важнейших параметров всё же является возможность привлекать активную и талантливую молодёжь, которая в условиях современных демографических проблем может при соответствующей поддержке и создания страной-реципиентом условий получать высококвалифицированные кадры с последующим получением этими работниками вида на жительство или гражданства. Заинтересованность принимающих стран во многом определяется национальными интересами, стратегией развития, традицией работы с кадрами и ориентацией на потребности рынка труда. Рынок труда, в свою очередь, зачастую определяет спрос на иммигрантов и тем самым регулирует финансовую нагрузку, ориентируется на работодателя, а не на предложение со стороны прибывающих. Так может осуществляться управление миграцией на уровне местных властей и учитываться интересы и потребности работодателей в кадрах определённой квалификации. Почти половина от общего объёма студентов, отправившихся в другие страны в 2012 году, была принята пятью государствами. Традиционно, одной из самых привлекательных стран для образовательной миграции являются США (приняли 18% иностранных студентов). В Соединённое Королевство отправилось 11%, Франция приняла 7%, Австралия – 6%, Германия – 5%. Китай, Малайзия, Корея, Сингапур, Новая Зеландия привлекли 6% от глобальной доли студентов в 2012 году [1]. В 2016 г. из России отправились за границу для продолжения своего образования 56 328 студентов, что на 5 686 студентов больше по сравнению с 2012 годом. Привлекательность такого перемещения молодёжи связана с перспективами послевузовской занятости в странах-реципиентах. Повышенное внимание уделяется знаниям и уровню образования потенциальных кадров, опыту работы и успехам, которые рассматриваются как ключевые показатели результатов на рынке труда. Особую поддержку, по мере перемещения производственных рабочих мест в

страны с дешёвой рабочей силой, получают научно-технические программы подготовки, выпускники которых могут быть задействованы в инновационных сферах экономики. Иностранные студенты принимающими странами рассматриваются как потенциальные квалифицированные работники, которые легче интегрируются на местном рынке труда, так как полученные знания, компетенции, навыки и опыт уже имеют ориентацию на специфику конкретной страны.

Литература:

1. *Основные тенденции развития образования в современном мире. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.unipage.net/ru/student_statistics (Дата обращения: 02.02.2017 г.)*

Лойко Анна Олеговна,
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Особенности коммуникации мужчины и женщины - "кто прав?"

Происходящие в современном мире социально-экономические, политические и культурные перемены, глобализация и расширение форм взаимодействия неминуемо влекут за собой изменение сознания людей, как отдельных индивидов, так и всего общества в целом. В наши дни происходит выравнивание социальных ролей мужчины и женщины, что не может не влиять на их взаимоотношения и коммуникацию. Теперь женщина для мужчины принимает в лучшем случае роль «партнера», а в худшем «конкурента» и «соперника». Договориться при таком положении вещей становится трудно, ведь действующие стереотипы общения подразумевает совершенно другое распределение ролей. До 60-х годов наука не проявляла большого интереса к особенностям речи мужчин и женщин. Впервые пол, как социальный фактор, определяющий особенности речевого развития, начал упоминаться в трудах У. Лабова, П. Траджилла. Одной из первых работ в этой области считается книга американской исследовательницы Робин Лакофф «Язык и место женщины». Данная тема «язык и пол» в последнее время активно разрабатывается. Существует точка зрения, что данные о мужском и женском речевом общении не носят единственно верный и устоявшийся характер, в силу того, что объем исследования ученых достигает небольших размеров и не может в полной мере отразить всю картину и сделать объективные выводы. Однако многие исследования ученых подтверждают, что существуют различия в мужской и женской речи. У мужчин и женщин, пользующихся одним и тем же этническим языком будут разные языковые вкусы и предпочтения, разное коммуникативное поведение и прочие различия данного типа. Существует общественная точка зрения, которая предполагает негативную оценку женской речи, связывая это с «пустословием» женских высказываний. В силу социальных причин мужская речь воспринимается как норма, а женская – как отклонение от нее.

Полярность данной позиции связана с тем фактом, что все человеческое сознание пропитано идеями и ценностями мужской идеологии ,с приоритетом мужского начала, логики и рациональности, но объектностью женщины. Рассмотрим отдельные характеристики различий в мужской и женской речи. Мужские голоса всегда ниже, грубее женских, что объясняется не только анатомическим различием строения гортани, но особенностью социальных ролей и культурологических установок, которые предписаны для того или иного пола. Мужчины всегда стремятся разговаривать так, как если бы они были крупнее и значительнее. Женщины же в свою очередь желают казаться миниатюрными. Следует также отметить, что интонационные различия мужчины воспринимают не так хорошо, как женщины, в силу не столь сильной развитости восприятия звуковысотных частот. Мужчины сравнительно мало уделяют внимание форме высказываний, а больше – содержанию. Для высказывания собственных впечатлений и оценок, женщины используют удлинение гласных в предударных формах. Мужчины для данных целей прибегают к использованию такой лексики, как « классный, отличный, здорово» и т.д. Речь женщин ,в среднем , быстрее речи мужчин. Это происходит за счет уменьшения пауз между словами и смысловыми конструкциями. В разговоре мужчины сохраняют молчание 3,21 секунду, а женщины только 1,35. Также стоит отметить, существует высказывание о том, что женщины говорят прилагательными, а мужчины существительными и глаголами. Для женской речи характерна мягкость и сдержанность, выражающаяся в интеллигентности, для мужчины – резкость и агрессия .Агрессия имеет природный характер, свойственный и для животных, преимущественно происходящий в период их неуверенности в себе, и преодоление данного качества происходит по мере становления личности и ее культурного роста. Женщина использует лояльный и сдержанный тип речи не из своей уверенности, а просто из невозможности вступить в конфликт с мужчиной, и по мере этого ей пришлось вырабатывать определенные стратегии речевого поведения. Мужчины склонны подвергать сомнению женскую речь, воспринимая ее как агрессию и конкурентность и стараются ее подавить. Однако в разговоре с мужчинами, они редко сомневаются в компетентности друг друга. Здесь возникает такая вещь, которую гендерные лингвисты называют двойной ловушкой. Девушки приспособились выглядеть «дурами» больше ,чем они ими являются на самом деле. В противном случае они рискуют остаться не услышанными. Если же женщина решит взять инициативу в свои руки, то устоявшие стереотипы поспособствуют отдалению и неприятию данной женщины обществом. Поводя итог, хочу сказать о том, что современные тенденции развития общества будут только усложнять взаимоотношения мужчин и женщин, их коммуникации. Формы взаимодействий будут наращивать свои обороты. Стоит отметить ,что также неотъемлемой частью этого выступит возникновение конфликтных ситуаций между представителями разных полов.

Литература:

1. .*Смирнова Е.В. Гендерные и социокультурные особенности коммуникации.// ВЕСТНИК ВГУ., Серия «лингвистика и межкультурная коммуникация»., 2005 №2*
2. *Афлетунова Г.Э. ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН // Научное сообщество студентов XXI столетия. ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: сб. ст. по мат. XXX междунар. студ. науч.-практ. конф. № 3(30).*
3. *Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Институт социологии РАН, 1999. — 189 с*
4. *А.Г.Садыкова, Н.А.Депутатова, З.А.Биктагирова . Эмотивные средства в речи мужчин и женщин(лексический уровень).//Филология и культура ., 2013 № 4 (34)*

Мазаев Юрий Николаевич,
РГСУ, Москва, Россия

Социальная рефлексия молодежи: справедливое и несправедливое неравенство

Идеалы социальной справедливости и идеи социального равенства – неравенства проходят через всю историю человечества. В обществоведении и в обыденном сознании людей проблемы справедливости и равенства неотделимы друг от друга и часто смешиваются и отождествляются. Оставляя за скобками научный дискурс, связанный с рассмотрением этих категорий, нам представляется интересным и не мене важным обратиться к вопросу «проживания» и «переживания» этих феноменов в индивидуальных социальных практиках, отражения глокализации их в массовом сознании. Для понимания социальной рефлексии и артикуляции социального неравенства и справедливости в среде молодежи нами было проведено исследование, в котором приняли участие 250 студентов 1-2 курсов, обучающихся по экономическому, социальному и гуманитарному профилям бакалавриата и магистратуры в городе Москве в 2016-2017годах. В произвольной форме в жанре эссе участники исследования изложили то, как они воспринимают встречающиеся в их повседневной жизненной практике явления справедливого и несправедливого неравенства.

Фокус исследовательского интереса был направлен не на концептуализацию данных, а на описание эмпирического контента и выделение рациональных и эмоциональных маркеров, раскрывающих, как нам представляется, сущность этих явлений. В рамках предложенного формата статьи считаем возможным остановиться лишь на некоторых, на наш взгляд, заслуживающих внимание перцепциях.

Результаты обработки полученной информации показали, что подчас эклектически у молодежи переплетается восприятие естественного (физического) и социального (материального, статусного) неравенства. Причем в социальных практиках доминирует в различных жизненных интерпретациях примеры неравенства положений и вытекающих из этого неравных возможностях удовлетворения потребностей, причем, далеко не

только материальных. Лейтмотивом рефлексии выступает идея справедливости – «справедливо, если неравенство возникает в результате заслуженного получения человеком материальных благ». Несправедливо, «если человек, группа, нация, присваивает больше, чем ей полагается». Примечательно, что наряду с абсолютным признанием (неодобрением) естественного неравенства, априорно признается и социальное неравенство. Участники исследования отмечали роль личностных, общественных, случайных и даже абсурдных факторов порождающих неравенство. И в этой связи «… неравенство вполне естественно, тому можно привести множество примеров, …… неравенство должно быть, …ведь это баланс, который держит наше общество в равновесии, … справедливое неравенство проявляется в заслугах человека перед обществом». Таким образом, постулируется, что справедливым является социальная стратификация с учетом престижа, власти и уровня образования. «…Больше знаний – больше возможностей, больше благ – и это справедливо». Вместе с тем, параллельно артикулируется мысль, что «…каждый, кто стоит на ступеньку выше, будет считать такое неравенство справедливым по отношению к тем, кто ниже и несправедливым по отношению к тем, кто выше. Это будет всегда, пока будет неравенство». Обобщая разнообразные высказывания можно выделить доминантные из них. Суть их в эклектичном признании и одобрении неравенства и осуждении несправедливости, им порожденного. «…Мы должны бороться за равноправие и справедливость в мире. Но проблема в том, что не каждый хочет и готов прийти к равноправию». Молодежью признается, что в современном мире проблема неравенства становится все более глубокой и сложной. Одновременно ставится вопрос: а поддается ли это государственному регулированию? И более радикально, «а может государству это не нужно?» Не остается в стороне и морально-нравственный аспект проблемы. «…Многие критерии, определяющие неравенство, вполне справедливы… другой вопрос, имеют ли право одни презирать других за более низкий статус? … Хороший человек не будет творить несправедливость». Но, следуя за этой мыслью, возникают закономерные вопросы, а что это означает в реальности? Преодоление неравенства – стремиться к тому, чтобы стать таким, кому завидуешь или с кем хочешь сравняться? «…Равенства, наверное, никогда не будет, а справедливость»? Анализируя свой жизненный опыт, молодые люди в раздумье. Неравенство, а, следовательно, несправедливость априорно. Социальное неравенство порождает несправедливость. Неравенство плохо, потому что оно во многом сопряжено с несправедливостью. Но это в императиве. В обыденной жизни «…пускай оно будет, поскольку является механизмом, побуждающим к получению привилегий, а, следовательно, к удовлетворению потребностей. «…Плохо, когда это отражается на мне, но допустимо и оправдано, если меня не касается». Неравенство соединяет в себе конструктивное и деструктивное начала. Оно несправедливо и справедливо одновременно. «…Для кого-то оно помогает добиться многого, а кому-то, наоборот, ломает все. «…Неравенство – объективно, справедливость – субъективна, …на

равенство согласится мало людей». Несмотря на использование личного опыта, понимание и оправдание неравенства в представлениях молодежи, на наш взгляд, во многом мифологизированы и идеологизированы.

Мамедов Агамали Куламович,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
я

Социальная несправедливость как экзистенциальная реальность

XXI в. обозначил иное прочтение культурного контекста, «переживание» новых трендов; каждая сфера социальной реальности ощутила системное воздействие информационной революции. Происходит тотальная информатизация и сциентизация быта. Качество жизни, перспективы социальных изменений и экономического развития, в возрастающей степени зависят от информации, а также ее использования. Информация и знание приобретают черты главных ресурсов и источников социального богатства в рамках динамики современного общества. Если в течение последних лет главными фигурами были предприниматель, руководитель промышленного предприятия, то сегодня "новыми людьми" являются ученые, математики, экономисты и представители интеллектуальной технологии.С появлением класса интеллектуалов, информация начинает восприниматься в качестве основы и критериев процесса образования новых социальных страт, т.к. основной принцип формирования подобных страт характеризуется владением информацией и подключенностью к знанию. В итоге формируется новый критерий классового деления – доступ к качественному образованию. С другой же стороны, – информация является наименее демократичной, ибо доступ отнюдь не означает автоматического владения. Происходит метаморфоза в процессе собственнических отношений, вместе с которой меняется и социальная структура. Решающими факторами приобщения к этому ресурсу являются интеллект, креативность, яркость личностного начала. Современные общества имеют собственный вариант объяснения социального неравенства - построения своей карьеры на основе демократичности современной культуры. На сегодняшний день в развитых странах уровнем образования определяется социальный статус человека и – соответственно – классовые различия в обществе. Неравный доступ к образованию становится новым основанием неравенства. Введен в оборот термин- работник интеллектуального труда,который: - ориентируется на оперирование информацией и знаниями; - стремится к той деятельности, которая открывает широкие возможности для самовыражения и самореализации в обществе; - обладает высокой мобильностью и является независимым от собственности на средства условия производства. В «новой волне» рычагами развития

становятся: концентрация коммуникативных ресурсов и образованного населения, его здоровье, открытость и креативность..Процесс и характер труда не требует постоянного присутствия - основной становится работа по телекоммуникационным сетям, возникают варианты «фрилансерства». В результате закрывается значительное количество традиционных рабочих мест на производстве и создается больше площадок для среднего класса. Все это повлекло за собой целый ряд значимых социальных последствий, наиболее серьезным стало формирование и институционализация новых форм классового неравенства.Класс технократов, подавляет остальные классы и социально. При этом образовавшийся низший класс – так называемый «underclass» - становится в ситуации социальной агнозии и апатии - не способен выступать как самостоятельный субъект социального процесса . Эти процессы зафиксировал А.Горц, выделив группу «некласса нерабочих», или «неопролетариата». К.Реннер отметил, что рабочий класс, описанный в «Капитале», более не существует.Границы класса становятся гибкими, подвижными, адекватными новой социальной динамики. Возникает новый ряд системных противоречий. Появляются постмодернистские виды капитала – человеческий, интеллектуальный, структурный. Собственность в ее классической форме утрачивает доминантное значение перед лицом знаний и информации, права владения которыми могут быть лишь ограниченными и условными ..Следовательно, эксплуатации в устоявшейся форме модерна, более не существует, она приобретает иную онтологию, совершенно новые контуры и тренды; происходит слияние капитала и работника в противоположность классической классовой теории общества. Безусловно, информация и знание выступали как источник социального неравенства. Сама категория знания еще Бэконом воспринималась в качестве одноуровневой категории с властью (концепт «знание-сила»). М.Фуко был дедуцирован вывод: борьба за знание характеризуется латентной борьбой за обладание властью в ее политическом смысле, где наука в целом как главный агрегат всего человеческого знания начинает использоваться в рамках принятия политических решений того или иного уровня .В аграрном и индустриальном обществах основной социальный конфликт разворачивался вокруг средств производства и ресурсов, а главными участниками выступали большие и устоявшиеся социальные группы. В информационном обществе противостояние возникает уже между людьми, обладающими определенными личностно-социальными характеристиками и уникальными навыками, и людьми, не имеющими таковых. В итоге классовое противостояние приобретает небывалую остроту такого уровня, какой не знало ни аграрное, ни индустриальное общество. Становится весьма существенным сравнение реальных доходов интеллектуалов и работников физического труда. Эта социальная прослойка в середине получила название «работающей бедноты». Новое обществ, само по своему предназначению создает новые социальные «тупики», предпосылки для еще большего расслоения общества, но на основе знания и информации, снимая тем самым

исторически отжившие формы классового расслоения, господствующие в прошлом, меняя их на новые, но не менее драматичные.

Литература:

1. *Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia. 1999.*
2. *Drucker Peter F. Post-Capitalist Society. N. Y., 1995*
3. *Touraine A.The Post-Industrial Society. Tomorrow's Social History: Classes, Conflicts and Culture in the Programmed Society. N. Y.: Random House., 1974.*
4. *Dahrendorf Ralf. The Modern Social Conflict. An Essay on the Principles of Liberty, Berkeley (Ca.), L.: Univ. of California Press., 1988.*
5. *Galbraith K. The New Industrial State. L., 1991.*
6. *Goldman M. Lost Opportunity. What Has Made Economic Reform in Russia So Difficult. N. Y.; L., 1996.*
7. *Renner K. The Service Class // Bottomore T. B., Goode P. (eds.) Austro-Marxism. Oxford, 1978.*
8. *Михнева С.Г. Интеллектуализация экономики: инновационное производство и человеческий капитал // Журнал Инновации. №1, 2003.*
9. *Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. Пер. с англ. М.: АСГ. 2002.*
10. *Toffler A.Toffler H. Creating a New Civilization. Atlanta, 1995.*
11. *Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис, №4, 1997.*
12. *Мамедов А.К. Информационное общество: новая онтология социального неравенства // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология, № 2, 2014.*
13. *Martin W.J. The Information Society. – London: Aslib, 1988.*

Медведовская Ольга Владимировна,

Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, Севастополь, Россия

Коммуникационное насилие как форма социальной несправедливости

Кризисные явления современного мира, рост социальной напряженности и конфликтности общества в значительной мере являются результатом социальной несправедливости. Ею вызваны многие формы общественных волнений и трансформаций. [4]. Так как социальное взаимодействие существует в коммуникации и посредством коммуникации, то одним из элементов репрезентации социальной несправедливости в обществе может выступать коммуникационное насилие. Современные коммуникационные практики получили характер всеобъемлющих явлений и стали активными агентами влияния на социальные и культурные изменения в обществе. Подобные изменения усиливают борьбу за право продуцировать смыслы и контролировать информационные потоки. В условиях массовой коммуникации и сетевизации одним из главных «орудий» такой борьбы выступают сообщения, принимающие форму информационного или коммуникационного насилия. А.А. Гусейнов отмечает, что «насилие разрывает общественную коммуникацию, разрушает ее общепризнанные основания, получившие выражение в традициях, обычаях, праве, иных формах культуры. Насилие представляет собой такой тип человеческих, общественных отношений, в ходе которого одни индивиды и группы людей

подчиняют себе других, узурпируют их свободную волю.» [2]. В этом контексте более изученным явлением выступает «информационное насилие». Среди его форм Н.А. Борщов выделяет «информационный прессинг, искаженную информацию, недостаточную информацию, нелегитимную информацию, что приводит к следующим механизмам: информационное давление, искажение информации, утаивание информации, незаконное получение информации. Информационное насилие возникает в социальном взаимодействии объекта и субъекта, осуществляемом как столкновение культурных и социальных установок в едином социальном пространстве и времени» [1, 66-69]. В свою очередь А.В. Соколов в качестве коммуникационного насилия выделяет такие «способы императивного принуждения, как приказ, цензура, информационная война, контрпропаганда, культурный империализм и др. В современных демократических обществах большее распространение получает принуждение мягкими психологическими технологиями, создающими у реципиента иллюзию свободы выбора и сотрудничества с коммуникантом» [5]. Обострение чувства несправедливости подкрепляется такими проявлениями коммуникационного насилия как реклама, целевой группой которой выступают состоятельные, обеспеченные люди. Это, в свою очередь, усиливает социальную несправедливость, приводит к увеличению и так большого разрыва между «богатыми» и «бедными» в современном обществе. Формы проявления коммуникационного насилия более многообразны, как в содержательной части, так и по характеру донесения сообщений, особенно в сфере массовой коммуникации. Вероятно, этот феномен содержит в себе информационное насилие в качестве элемента, и становится «многослойной» коммуникационной практикой. Учитывая «закономерности в развитии различных социальных явлений, таких как степень вовлеченности в виртуальные отношения, информационные войны, рост агрессии и других, а также противление социума влиянию медиасистем на реальные социальные структуры и отношения и противление медиасистем давлению социума на смысловое поле медиадискурса» [3], необходимо провести всестороннее научное осмысление коммуникационного насилия на пересечении предметных полей социологии, теории коммуникации, культурологии и психологии.

Литература:

1. *Борщов Н.А. Информационное насилие - механизмы и типологизация. Научно-практический журнал «Гуманизация образования» № 2/2010, С. 66-68.*
2. *Гусейнов А.А. Понятие насилия // Философия, наука, цивилизация. М., 1999. Режим доступа: https://guseinov.ru/publ/nasilie.html.*
3. *Лещенко Т. А. Метатеоретическая экспликация понятия отчуждения коммуникации // Научно-практическая конференция "Десятые Ковалевские чтения. Россия в современном мире: взгляд социолога" Санкт-Петербург, 13-15 ноября 2015 г. — Сборник трудов конференции /Отв. редактор: Ю.В. Асочаков. — Скифия-принт Санкт-Петербург, 2015. — С. 168–169.*
4. *Севастьянов А. М. Социальная несправедливость в отношениях власти и общества: опыт социологического измерения// Социология власти. – 2012. – № 1. – С. 159–166.*
5. *Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации Учебное пособие. — СПб.:Изд-во Михайлова В.А., 2002 г., С.32, 46.*

Могилевич Бронислава Рафаиловна,
Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, РФ

Многоязычие как компонент социальной справедливости в эпоху информационного общества

Социальная справедливость лежит в основе установления отношений между членами социума. Ее актуализация представляет собой право каждого индивида на реализацию своих прав и свобод как основ человеческой сущности на межличностном, межгрупповом и межгосударственном уровнях. Тем не менее, содержание этого феномена менялось в соответствии с приоритетными социальными характеристиками и потребностями людей в каждый конкретный временной период: всеобщее равенство при распределении социальных благ; получение социальных благ соответственно вкладу в общественное дело; рыночный ракурс социальной справедливости предполагает наличие у членов социума права на собственность. Глобальный контекст современности рассматривает социальную справедливость как право слабых, наименее защищенных слоев населения на защиту. Информационное общество представляет каждому индивиду право на реализацию следующих потребностей: свободное изложение различных точек зрения и мнений; получение и распространение актуальной информации во всех сферах человеческой жизнедеятельности; доступ к общемировым знаниям. Проблема заключается в том, что не все языки как механизмы социальной коммуникации и конструкторы социальной реальности равноправны, в первую очередь, языки национальных меньшинств. Информационное общество актуализировала риски информационной бедности, присущей информационно отсталым странам и регионам с низким уровнем социального развития. Борьбы с этим явлением заключается в преодолении социальной несправедливости в виде обеспечения всеобщего доступа к информации на разных языках [1]. В этой связи все большую значимость приобретают проблемы лингвистической информационной культуры как возможности равноправного участия в глобальном информационном контексте путем имплементации многоязычия в современную социальную ткань. Многоязычие имеет основой культурное многообразие в виде традиций, ментальной, ценностной и поведенческой специфики носителей разных языков. Языковая несоизмеримость инициирует использование многоязычия для обеспечения всесторонней коммуникации между глобальным миром и локальным своеобразием. Кроме того, многоязычие, отражая социокультурную самобытность индивидов, групп и государств, представляет собой социокультурный амортизатор преодоления социальной несправедливости, выполняя следующие функции:

обеспечение всеобщего образования и профилактики заболеваний (ВИЧ, малярия и т.д.) в виде изложения необходимой информации на разных языках; борьба с нищетой, так как владение разными языками обеспечивает их носителей большими возможностями получения работы и участия в общественной жизни; обеспечение экологической безопасности в виде представления знаний о локальных условиях на локальных языках; реализация прав на свободу, образование и глобальные знания на различных языках [2]. Правомерно утверждать, что лингвистическая справедливость как компонент социальной справедливости должна поддерживаться на государственном уровне, так как пренебрежение к другим языкам является социокультурной проблемой, игнорирование которой провоцирует социальные конфликты. Обеспечение лингвистический справедливости может осуществляться на следующих уровнях: коммуникативный уровень предполагает поддержание социальной коммуникации между носителями разных языков с помощью информационных технологий в виде представления, перевода и анализа текстов на разных языках; когнитивный уровень означает представление многоязычного контента не только в сети Интернет, но и в архивах, и библиотеках с целью сохранения и приумножения коллективной памяти человечества в информационном пространстве. Таким образом, учет стратегической роли многоязычия в условиях информационного общества позволяет обеспечить развитие самобытности, социальной интеграции, всестороннего образования и сохранения языкового многообразия, что, в конечном итоге, обеспечивает лингвистическую справедливость, как компонент социальной справедливости для носителей разных языков.

Литература:

1. *Колин К.К. Информационное пространство культуры: проблема многоязычия в информационном обществе// Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2011, №15, С. 8-17*
2. *Стратегический план Программы ЮНЕСКО «Информация для всех» (2008-2013 г.г.) – М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2009, 48 с.*

Некрасов Станислав Николаевич,

Уральский государственный аграрный университет, Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия-РФ

Преодоление несправедливости – основная проблема социализма

Капитализм прекрасно работает в условиях отчуждения и овеществления человека. Социализм не может реализоваться на основе отчуждения и несправедливости, преодоление отчуждения – основная проблема социализма. Проблема отчуждения напрямую связана с социальной справедливостью и является витально жизненной для социализма не только

потому, что историческая практика продемонстрировало множество деформирующий сущность социализма форм отчуждения, но еще и потому что незрелый коммунизм обладает «родимыми пятнами капитализма», по выражению К. Маркса. Именно эти пятна представляют формы отчуждения и деформируют социализм. Э. Хобсбаум пишет, что если бы ему в 1991-1993 гг. сообщили, что 100 миллионов человек погибли в ходе марксистского эксперимента, он бы отрекся от марксизма. Сегодня ученый сообщает, что обстоятельства изменились и всем нам надо менять точку зрения. Во-первых, данные о 100 миллионах жертв И. Горовица завышены и ангажированы, во-вторых, массовые убийства времен Сталина, Мао и Пол Пота есть «особый вид случайности». Такие же массовые случайные убийства происходят от рака, от курения. Однако следует согласиться с тем, что всего в истории построения социализма было 15-20 миллионов жертв. О чем свидетельствуют эти данные? Они говорят о том, что эти утраты исторически оправданы и что рождение нового мира происходит в страшных муках и требует величайшего напряжения. Именно поэтому Хобсбаум в ответ на вопрос о своей приверженности коммунизму сегодня, после кошмаров капиталистической глобализации и постсовременности говорит, что он марксист. [1; p. 75-90] Русский социализм как классовое и цивилизационное явление столкнулся с проблемой несправедливости и отчуждения. Однако социализм не капитулировал от направленной ему в грудь палки копченой колбасы, как остроумно пишут поверхностные публицисты. Он столкнулся с проблемой отчуждения, которая не вписывалась в народную мечту и коммунистический проект. Почему столь долго была успешна советская коммунистическая идеология? Р. Плюта отмечает: «Самой «религиозной» частью советской идеологии было достижение коммунизма – великой мечты, залога существования государства. Коммунизм при этом подразумевался не иначе как будущий рай на земле. И на языке христианской апологетики он вполне этому соответствовал: при коммунизме предполагалось отсутствие денег (еду и все необходимое можно будет просто брать бесплатно), отсутствие тюрем (преступлений не станет, так как общество станет единым братством), отсутствие болезней (наука, поставленная на службу простому человеку, достигнет небывалых высот, и все болезни будут легко излечиваться) и так далее». [2; с. 85] Коммунизм, как и проект раннего христианства, нацелен на абсолютно справедливое общество. Неомарксистская группа журнала «Праксис» в 60 гг. прошлого столетия обратила внимание на то, что каждая историческая форма отчуждения обладает своим содержанием и функциями, а потому все они не могут быть оценены и объяснены единообразно. Несмотря на то, что вся история есть преодоление отчуждения, некоторые формы отчуждения способствуют развитию человека в исторически ограниченных условиях. Отдельные формы отчуждения оказываются прогрессивными предпосылками развития человека в определенных условиях истории. П. Враницкий писал: «Когда новое историческое развитие открывает путь для освобождения человека от некоторых форм отчуждения, старые формы отчуждения становятся

нетерпимыми». [3; p.36] Буржуазное общество вознесло развитие человека на небывалую высоту, но только в рамках превращения человека рыночного общества в часть всеобщей социальной машинерии и отношений денежной зависимости. Общество товарного производства превратило все в товар. В вещь. Человек в таком обществе продает свою способность к труду, то есть рабочую силу, равно как всякий продает все, что находится в его распоряжении: товары, ум, идеи, торговлю, тело, талант. Те, кто считают, что такое положение всеобщей продажности в порядке вещей, принадлежат к либеральной идеологии и буржуазному обществу. Те, кто полагают недопустимым превращение человека в вещь, являются людьми новой формации и нового общества. А поскольку на планете только две развитые формации, то любые попытки социологов и психологов решить эти внеличностные конфликты обречены на провал, заключает Враницкий [4; p. 38]. Все эти попытки суть паллиативы для решения проблемы, которая не носит изначально психологический или технологический характер. Однако Homo duplex как черта цивилизаций модерна остается и при социализме. В премодерне мир может выглядеть идиллически как совершенно справедливый, однако, это взгляд назад в так называемый «феодальный социализм». Н. Рубцов в стихотворении «Добрый Филя» описывает это состояние так: «Филя любит скотину, Ест любую еду, Филя ходит в долину, Филя дует в дуду! Мир такой справедливый, Даже нечего крыть... — Филя, что молчаливый? — А о чем говорить?» Возникает вопрос о создании нового человека, новой личности, владеющей своими сущностными силами – тем, что было зафиксировано в «Моральном кодексе строителя коммунизма». Очевидно, что социализм уткнулся в свою собственную ограниченность как незрелый и несовершенный коммунизм. В отличие от капитализма, который прекрасно развивается на основе отчуждения, социализм может существовать и развиваться только, если преодолевается и уничтожается несправедливость и исторические формы отчуждения.

Литература:

1. *Hamilton R.F. The Communist Manifesto at 150 // Society. Vol. 38. # 4. May 2001.*
2. *Плюта Р. Россия не должна повторить ошибок СССР // Изборский клуб. Русские стратегии. № 1 (47), 2017.*
3. *Vranicki P. Socialism and the problem of Alienation // Marxist humanism and praxis. N.Y.: Prometeus books. 1978.*
4. *Ibid.*

Николаева Екатерина Владимировна,
ИСН ИГУ, Иркутск, Россия

Как социальная сеть Instagram управляет массами

Сейчас, для того чтобы быть эффективным следует стать успешным и никак иначе. Казалось бы, мир перевернулся «с ног на голову», вначале успех, а затем и дела добавятся. Это объясняет огромную популярность

социальных сетей. Социальные сети — это своего рода школа общения в новых условиях, где важнее не столько общение, сколько способ представить себя, это называется самопрезентацией. Представить себя таким, или каким ты хотел быть. Очень важно сколько у тебя “друзей”, сколько “лайков” на твоих фото или сообщениях. Торстейн Веблен в работе «Теория праздного класса» [3] сформулировал такой термин как демонстративное потребительское поведение, это в первую очередь представление своего социально-экономического положения в форме некого бесконечного спектакля, который полностью выстраивает образ и стиль жизни. Одной из площадок демонстрации потребительского поведения на данный момент является Instagram - бесплатное мобильное приложение, которое позволяет снимать фотографии и видео, распространять их через свой сервис и ряд других социальных сетей. Так вот и Instagram — это не просто социальная сеть, а в первую очередь самый модный и популярный всемирный сервис.

Взаимодействие с другими людьми в Instagram изначально построено по принципу отличному от других социальных сетей. Если в Фейсбуке, Вконтакте и даже Одноклассниках есть такое понятие, как «друзья», то Instagram его осознанно избегает, заменяя на «подписчик» (фолловеры). Таким образом, вы изначально позиционируете себя, как публичная фигура, не связанная никакими узами, которая самовыражает себя перед широким обществом, а не кругом друзей. Соответственно, чем больше у вас фолловеров, тем более публичным человеком вы являетесь. Современность, по Жилю Делезу [4], определяется властью симулякра, прочно укоренившегося во всех сферах жизни современного общества. И феномен популярности Instagram кроется в возможности формирования пользователем собственной, индивидуальной симулятивной реальности, транслирующей символы и маски и заменяющей реальный мир. Instagram выполняет роль коммуникационной среды, в которой реализуется механизм симуляции, а симуляция используется как средство для достижения цели. Все это очень интересно, пролистывая ленту чувствовать себя вовлеченным в жизнь известных персон из разных стран. Кажется, ты столько всего узнаешь и получаешь столько ярких впечатлений! На самом деле это иллюзия, ты практически ничего не получаешь, лишь растрачиваешь свое время. Особенности современного потребления, по Бодрийяру [1], состоят в том, что оно приобретает характер глубокого психологического процесса, представляющего собой неутолимое стремление людей к достижению вечно ускользающего образца-идеала. Такой образ сейчас формирует Instagram, образ успешного и популярного человека. Этот «успешный» человек не более, чем образ идеального раба системы. Дорогой костюм, карьера, автомобиль, отдых за границей. Казалось бы, вот образец идеала. А на деле он – идеальный раб, потому что он зависит, подобно наркоману, от своих вещей. Поэтому он будет делать всё, чтобы сохранять стабильность системы, он будет терпеть любые унижения на пути по карьерной лестнице, превратившись в человекоподобное существо, в раба. Им очень легко управлять, потому что он предсказуем и прост, им легко манипулировать без

его ведома, нужно лишь правильно расставить набор необходимых стимулов. А если человек прогнозируем, значит, он безопасен для власть имущих. Согласно определению Хосе Ортега-и-Гассета [7], общество — это динамическое объединение меньшинства и масс. Если меньшинство состоит из лиц, обладающих определенными признаками, то масса — это набор индивидов, не отличающихся ничем особенным. Человек массы считает себя совершенным, он никогда не сомневается в своем совершенстве, его вера в себя поистине подобна райской вере. «Общество признания», «общество успеха» Instagrama предписывает человеку массы выставлять напоказ свое «Я», навязывать его другим, чтобы его не воспринимали (и он сам не воспринимал себя) как неудачника. Человек массы должен быть в тренде, следовать моде. По мнению Бодрийяра [2], мода превращает тех, кто следует ей, в одномерную мало различающуюся по внешнему виду массу. Более того, она теряет и другую свою способность - индивидуализировать. Следование моде уничтожает личностную инвестицию, поскольку существует уже не как выражение индивидуального вкуса, а как присвоение существующей системы модных знаков, провоцируя уверенность в индивидуальности, то есть фальшивую индивидуализацию. Таким образом, в Instagram симулятивная составляющая принимает широчайший масштаб, формируя у человека ложные потребности и уводя от духовно-нравственных ориентиров. Instagram диктует нам образ успешности: красивую одежду, дорогие машины и аксессуары. Глядя на успешного человека в сети, кажется, что ты многое пропускаешь, к тому же сравниваешь себя с другими, и чаще всего не в свою пользу, отсюда рост уровня депрессий и ощущение одиночества. Массовый человек желает приблизиться к такому же уровню потребления, отсюда рост кредитов со стороны банков, преступности и в целом — рост зависимостей и озлобленности в обществе.

Литература:

1. *Бодрийяр Ж. Общество потребления. – М.: Республика, Культурная Революция, 2006. – 272 с.*
2. *Бодрийяр Ж. Система вещей / Пер. с франц. – М.: Рудомино, 1999. – 224 с.*
3. *Веблен Т. Теория праздного класса. – М.: Прогресс, 1984. - 367 с.*
4. *Делез Ж. Симулякр и античная философия. – М.: Логика смысла, 1995г. – 336 с.*
5. *Ильин В.И. Потребление как дискурс. - СПб.: Интерсоцис, 2008. — 445 с.*
6. *Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. [Электронный ресурс]. – URL: http:// kara-murza.ru (дата обращения: 16.12.2017).*
7. *Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. - М.: АСТ, 2003г. - 256 с.*

Новикова Лариса Васильевна

Политехнический университет Петра Великого Санкт-Петербург, Россия.

Взгляд на проблемы социальной несправедливости через деятельность научных и образовательных сообществ.

Научно-образовательная сфера представляет собой поле ярко выраженной конкуренции между множеством социальных групп и

организационных структур, научных направлений и школ, между поколениями и отдельными личностями. В монографии американского социолога Р. Коллинза «Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения» [3] показано формирование в процессе конкуренции «интеллектуальной стратификации» в 70-е-90-е годы XX века. Им описаны «уровни стратификации» и барьеры на пути к научной карьере [3, 95-99].

В эпоху глобализации степень конкуренции среди ученых значительно увеличивается. «Побеждают в этой гонке университеты, которые способны преобразиться в международные “хабы” знаний и ноу-хау…, где академические институты, корпорации, представители академических профессий, студенты вступают в тесное взаимодействие» [4, 106].

Сомнительность объективности рейтинговой системы, бюрократизация, коррупция, низкие доходы ставят во весь рост проблемы социальной справедливости по отношению к представителям научно-образовательной сферы. «Научная работа относится к сложному труду с длительным периодом накопления человеческого капитала», потому желательно обеспечить представителю данной сферы стабильность, квалификационный и должностной рост [1, 72]. Наиболее значимые для преподавателей проблемы - падение престижа профессии, низкая заработная плата, «бумажный вал», некомпетентность «чиновников от образования», утрата «лучшего из опыта отечественного образования» [5, 107].

В данную сферу трудно привлечь молодежь в силу долгого выстраивания карьеры. Общероссийский опрос показал этапы «средней длительности карьерного роста в сфере науки: научное становление – 10 лет; достижение научного признания – 15 лет; достижение достойной оплаты труда – 15 лет». Благосостояние наступает только к 40–42 годам [2, 119].

Многочисленные исследования показали наличие большого дефицита специалистов интеллектуального труда в современной России. Это наблюдается «в высокотехнологичном промышленном производстве», в сфере транспорта и связи (нехватка 50% специалистов), в энергетической, нефтегазовой, оборонной отрасли (не достает 40% специалистов) и т.п. Однако проблема не исчерпывается тотальной нехваткой высококвалифицированных специалистов. Аналитики отмечают неразвитость социальной структуры из-за доминирования в производстве национального продукта «энергетических и сырьевых ресурсов». Меновые отношения общества сужаются «до двух субъектов – государство и население», «обедняя многообразие её элементов в качественном отношении» [6, 88]. Вузовский преподаватель «содействует реализации важнейшей функции социального развития, способствуя формированию прогрессивной социальной структуры» [6, 89].

На основании результатов исследования, проведенного Центром социального прогнозирования и маркетинга в 2016 г. в 22-х субъектах РФ были изучены условия труда преподавателей на основании опроса 1200 представителей данной профессии [6 , 89].

«Становление преподавателя» – «длительный творческий труд». По мнению выпускников школ, профессия преподавателя по критерию “общественная значимость” вошла в первую четверку из 10-ти предложенных, однако по критерию “прибыльность” – в последнюю тройку [6, 91]. Социальная несправедливость налицо. Возьмем еще один критерий - нагрузка по работе. Исследование показало, что реальная нагрузка преподавателя составляет не менее 130% на полную ставку. Помимо основной работы, 33% опрошенных подрабатывают на других работах. Иногда вместе с совместительством нагрузка составляет 170–190% от годовой нормы. Встает вопрос о времени для собственного развития, а также о качестве проводимых преподавателем занятий [6, 92].

Авторы проведенного исследования предлагают повысить заработную плату преподавателям, как минимум, в два раза и, одновременно, снизить их учебную нагрузку на 40%, увеличив при этом долю на научную работу с участием студентов [6, 97].

В конце работы хотелось бы отметить опасности, заложенные в системе устройства современного университета, где в погоне «за глобальной конкурентоспособностью» делается «все меньший акцент на национальных особенностях, культурных ценностях в образовании» и не принято «уделять внимание ответственности и этике» [5, 116].

Литература

1. *Локосов В.В., Токсанбаева М.С., Коленникова О.А., Гузанова А.К. Кадровый потенциал организаций академической науки: характеристики и социальная защищенность // Социологические исследования. № 3, 2017. С. 70-78.*
2. *Ключарев Г.А., Савенков А.И., Бакланов П.А. Кадры российской науки: проблемы и методы их решения // Социологические исследования. № 9, 2016.*
3. *С. 117-125.*
4. *Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – 1282 с.*
5. *Кугель С.А., Блок М., Хватова Т.Ю. К вопросу о применении бизнес-модели в сфере высшего образования // Социологические исследования. № 10, 2014.*
6. *С. 106-116.*
7. *Хагуров Т.А, Остапенко А.А. Реформа образования глазами учителей и преподавателей // Социологические исследования. № 11 , 2014. С.103-107.*
8. *Шереги Ф. Э., Кириллов А.В. Труд преподавателя вуза: творчество или выживание? // Социологические исследования. № 11, 2017. С. 87-98.*

Олешкевич Валерий Иванович,

ГБУЗ «НПЦ ПЗДП им. Г.Е. Сухаревой ДЗМ», Москва, Россия

Формирование культуры справедливости

Социальная справедливость – это прежде всего понятие о должном, разрабатываемое в различных концепциях соответствия деяния и воздаяния, соразмерности труда и его вознаграждения, соответствия преступления и наказания, заслуг и их признания, концепциях о распределении общественных благ и т. п. Таким образом здесь на теоретическом уровне

речь идет о понятии того, что должно быть, что правильно, что должно существовать «по праву» в жизни человека и общества. Следовательно, здесь мы имеем дело с некоторым идеальным состоянием человека и общества. Это интеллектуальный уровень осмысления явления справедливости. Но в различных культурах это понятие реализуется в соответствии с определенными культурными матрицами мышления и действия, образом жизни, практиками жизни и пр. В различных социальных слоях одного общества характер практик социальной справедливости тоже может существенно различаться. Но есть и тот уровень понимания справедливости, на котором человек непосредственно реализует справедливость, уровень реальной справедливости, тот уровень, который задает ее древние, прошлые и современные образцы. И формирование национальной культуры справедливости идет от этих образцов и из соответствующей полемической жизненной философии, внутри которой одерживает победу какая-то сторона, которая затем и задает идеалы должного и желаемого на последующие времена. Здесь эти идеалы справедливости обосновываются жизнью и смертью людей, которые затем становятся культурными героями. В США для обоснования суждений о себе и мире обращаются к отцам-основателям, к протестантской культуре, в России мы чаще всего обращаемся к опыту Великой Отечественной войны и Победы, к православию. Это разные типы опыта и разные образцы справедливости по-разному обосновывающие необходимость обращения к истории народа для организации самосознания и рационализации идей справедливости. Одновременно это и те метафизические заданности, на которых и строится история народа. В силу того, что мы это вспоминаем, мы и можем существовать в настоящем. Но этого теперь уже недостаточно. На новом этапе мировой истории нужны современные образцы справедливости, они не заявлены и не артикулированы в общественном пространстве. И о справедливости на непосредственном, экзистенциальном уровне могут говорить только те, кто практикует справедливость, кто сам справедлив. Они могут сказать нам всем нечто о справедливости: какова она для них, как они стали справедливыми и в чем состоят справедливые дела. Так можно получить современные вариации понятия справедливости. То есть нужно заново эксплицировать понятие справедливости, идеал справедливости из современности, из нашей жизни. Для этого нужны не только справедливые люди, люди, реализовавшие справедливость, но также и новые формы коммуникации, новые типы дискурса, новые жанры. Такая экзистенциальная коммуникация предполагает возвращение к евангельской истине – по делам их узнаете их. И этот уровень экспликации понятия справедливости может задать базовые координаты всем последующим. Сегодня говорят, например, что сущность государственной службы должна состоять в действительном служении человеку и обществу, в христианской жертвенности. И если такая идея будет взята за основу, тогда справедливость как социальное явление будет развиваться снизу вверх. И при использовании соответствующих техник социального контроля справедливые действительно смогут подниматься вверх, на уровень

управления обществом и государством. Таким образом, от нового понятия справедливости мы можем прийти к справедливому обществу. На основе такого рода практик может быть сформирована новая культура справедливости в нашем обществе, новая психотехническая и социотехническая культура [1]. Феномен справедливости и понятие справедливости развиваются, существуют и кристаллизируются в контексте определенной культуры, а новые культуры инициируют также и новые формы структурирования справедливости. Другими словами, необходимо признать справедливость явлением культуры. Но вместе с тем, справедливость – это некоторый органический момент жизни человека и общественной жизни, это то, что действительно производит эффективную жизнь культурного человека. Сегодня мы сталкиваемся с проблемами справедливости и слышим утверждения, что справедливость конституирует особенности культурной жизни российского общества и человека в нем. Можно сказать, это то новое, что сегодня вырастает из культурных глубин нашего общества, из его культурно-исторической экзистенции, которая противостоит всеобщей интенции глобализации и нивелирования культурных различий. Но эту экзистенциальную направленность самоопределения российской культуры можно идентифицировать и как более фундаментальную контркультуру, которая в 20-м веке развивается во всем евразийском пространстве. Целый ряд ростков такой новой культуры справедливости можно обнаружить в новых практиках социальной помощи, практиках взаимопомощи в медицине, в сообществах родителей детей с особенностями развития и ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), в работе целого ряда общественных благотворительных организаций. Анализ их работы может существенно помочь в формировании соответствующей культуры.

Литература:

1. *Олешкевич В.И. Психология как психотехника. М.:Юрайт, 2017.*

Омарова Лейла Бунияминовна,
Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

Проблема социокультурной идентичности в России. Идеал социальной справедливости.

Сегодня человек в России оказался в ситуации глубокого идентификационного одиночества - отсутствия связности себя, своего сознания и самосознания с главными коллективными сущностями своей истории, культуры, духовности. История России начала твориться странным "субъектом" - во всем оппозиционным принципам исторической, России. Его характерная особенность поведения в истории: любая экономическая,

политическая или социальная проблема начинает решаться самым радикальным образом, как проблема якобы не совместимая с существованием исторической идентичности России. Эта идентичность неожиданно оказывается главным препятствием на пути общественного прогресса, и как следствие - любой модернизационный проект в истории начинает совмещаться с попытками изменения типа локальности России как цивилизации. На волне модернизационных прорывов в истории страна втягивается в идентификационный кризис. Отсюда и угроза массовой социальной и политической апатии [1.3.4] - отхода от политики и ответственного гражданства. Отсюда и непомерный инфантилизм и из него вытекающий чванливый индивидуализм, социально и ментально атомизирующий российское общество, расталкивающий людей России на ничем друг с другом не связанные атомы. Тем не мене, есть идеал, не подвергшийся эрозии – это идеал социальной справедливости. Существует четыре основных проектов реализации справедливости, если связывать идею справедливости с теми или иными идеологиями:

1) консервативный проект;
2) либеральный проект;
3) социалистический проект;
4) коммунистический проект.

Консервативный проект справедливости исходит, как правило, из сохранения "статус-кво", т.е. настоящего положения вещей, и признает наличное, существующее на данный момент устройство общества как соответствующее справедливости. Причем сама организация общества может быть различной: сословная, кастовая, классовая и т.п. Консервативный проект в любом случае выступает если не против всех изменений и реформ, то против всех радикальных изменений и реформ; при этом существующий общественный строй признается единственно правильным и разумным - наилучшим из всех общественных порядков: "Теория является консервативной в той мере, в какой она рассматривает эти институты как данные и неизменные в своих существенных чертах; предлагает средства, чтобы они более эффективно работали, а не придумывает им альтернативы; не представляет никакого будущего, которое было бы существенно лучше, чем настоящее и те условия, которые уже существуют; и явно или неявно предлагает принять то, что существует, или смириться с ним, а не бороться против него. [2, 323-383] Либеральный проект справедливости, в отличие от консервативного, не признает существующие отношения в сфере справедливости наилучшими, он полагает, что эти отношения должно и нужно совершенствовать, а главным критерием этого совершенствования выступает максимальная реализация прав и свобод граждан. "Чем больше свободен гражданин в государстве, чем полнее реализованы его права, тем больше шансов у данного общества воплотить в жизнь свои идеалы, в том числе и идеал справедливости», так считает либерализм. Но у либерализма в современных условиях также проблемы с реализацией своего идеала справедливости. Главная проблема заключается в том, что концептуальная

установка, рассматривающая "права и свободы личности" как некие гаранты справедливости и при этом вполне приемлемая для постиндустриальных западных государств, не срабатывает в отношении развивающихся стран, а также стран, осуществляющих посткомму-нистическую трансформацию. И, вероятно, это связано с тем, что реализации принципов справедливости мешают некоторые внешние факторы, "экстерналии", если выражаться экономическим языком, и они, собственно говоря, сводят на нет сам либеральный проект справедливости. Из всех четырех проектов справедливости именно либеральный проект в наибольшей степени подходит под "договорную модель" справедливости; он в максимальной степени может быть рационален и научен, поскольку утверждает плюрализм и диалог в качестве ведущих принципов создания и применения теории справедливости, с тем чтобы сделать ее максимально прагматичной. Например, Маркс стремился к нерасчетливому, этическому утилитаризму, где человек искренне чувствует обязанность быть полезным для достойного общества». [2,143] «Левосоциалистический» и «социал-демократический» путь реализации справедливости хотя и учитывал утилитаризм, но уже в большей степени опирался на договорную модель справедливости: граждане государства должны были «договориться» о том, что есть справедливость, дополнив это «антисиловым» принципом. Коммунистический проект справедливости - единственный из всех четырех проектов, который так никогда и не был реализован на практике. Однако даже чисто с теоретической точки зрения разговор об этом проекте нам представляется интересным. Коммунистический идеал справедливости несет в себе большой позитивный заряд, обозначая в определенном роде "идеал идеала" для трех предыдущих проектов справедливости. Рациональность, научность, системность, моральность, коллективизм, солидарность, заложенные в коммунистическом идеале, соединенные с правом выбора типа собственности и со свободой как либеральным институтом, «могут вполне стать идеей будущего глобального проекта справедливости».

Литература:

1. *Горшков М.К. Российская идентичность в условиях трансформации. Опыт социологического анализа. М., 2005;*
2. *Гоулднер А. Наступающий кризис западной социологии. СПб., 2003*
3. *Губогло МЛ. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М., 2003*
4. *Королева Л.Г. Культурно-цивилизационная идентичность России (история, сущность, перспективы). М., 2005*

Павлова Елизавета Алексеевна,
СЗИУ РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия

К вопросу об отношении жителей мегаполиса к присутствию бездомных в городском пространстве (на примере Санкт-Петербурга)

В соответствии со ст. 7 Конституции [1], Российская Федерация является социальным государством. Однако, декларируемая в основном законе страны социальность не распространяется на огромную категорию людей, которые выключены из общества, для которых не удовлетворяются их естественные жизненные потребности. Как уже отмечалось в ряде исследований, удовлетворенная потребность в жилье является естественной нуждой человека [2]. Бездомные не обладают такой возможностью. Бездомность - это проблема не отдельно взятого региона города, не страны, она охватывает весь мир: она существует везде, даже в странах с развитой экономикой и высокой степенью развитости социальной защищённости граждан [3]. Это явление особо актуально для городов-мегаполисов, именно сюда стекаются мигранты для поиска работы, здесь наибольшее количество бездомных, которые не могут удержаться в строю из-за стремительно быстрого темпа жизни. На количество бездомных влияет огромное количество факторов, таких как состояние экономики в стране, социальная политика государства, минимальный размер оплаты труда, уровень преступности и т.д. В городе Санкт-Петербург на протяжении последних лет наблюдается тенденция роста учреждений, помогающих бездомным, но при этом статистика по данной группе населения неуклонно растёт, что говорит о низкой эффективности принимаемых мер профилактики и реабилитации лиц без определенного мест жительства. Для более подробного изучения проблемы было проведено исследование, в ходе которого были выявлены одни из самых главных причин положения бездомных. Так важное место занимает их правовой статус: в российском законодательстве отсутствуют такие термины, как «бездомный» и «лицо без определенного места жительства». Таким образом следует, что у них нет своих отдельных специфических прав и они подчиняются правам, которые действительны для всех граждан страны с действительным паспортом. Но из законодательства Российской федерации следует, что человек, не имеющий прописки по месту жительства, не может: 1) получить медицинское обслуживание в поликлинике; 2) получить СНИЛС; 3) оформить медицинский полис и т.д. Также гражданин обязан выплатить штраф в размере от 3 до 5 тыс. руб. [4], что для бездомного часто бывает проблематично. Таким образом отсутствие места регистрации служит ограничением для реализации гражданских прав и свобод человека. Реабилитацию лиц без определенного места жительства особенно усложняют сложившиеся в обществе стереотипы о них: многие считают, что бездомные - это алкоголики, наркоманы, люди, загубившие себе судьбу. А социально неблагополучные группы в свою очередь достаточно чувствительны к любым негативным проявлениям в их адрес [5]. Это может

исключить повторные попытки ресоциализации гражданина, которого высмеяли или унизили. Важно, чтобы общественность была в курсе реальных историй жизни бездомных, которые оказываются на улице далеко не всегда из-за употребления алкоголя или наркотиков. Тогда отношение общества к лицам без определенного места жительства изменится, что приведёт к увеличению добровольцев, желающих помочь данной группе населения. Ресоциализация бездомных будет проходить намного легче, если общество будет относиться к ним с пониманием. Наиболее распространённой причиной бездомности являются семейные обстоятельства. У большинства людей без определённого места жительства обнаруживаются родственники: родители, дети, бывшие мужья или дети. Но из-за старых конфликтов и разногласий они либо не хотят помогать и вновь видеться с этим человеком, либо же сам бездомный стыдится или избегает общения со своими близкими людьми. Исходя из учёта выявленных проблемных ситуаций, были разработаны следующие практические рекомендации: 1) осведомление людей о реальных причинах бездомности путём распространения видеозаписей через социальные сети; 2) короткие презентации в государственных учебных учреждениях о причинах бездомности с интервью реальных людей; 3) развитие правовой грамотности бездомных, ознакомление с правами бездомных, должно обязательно осуществляться правовая реабилитация в кратчайшие сроки; 4) понятия «бездомные» и «лица без определенного места жительства» должны быть законодательно закреплены; 5) введение отдельного типа регистрации или иного способа избежать нарушения прав и свобод бездомных; 6) создание социального общежития (гостиницы, хостела) для людей, попавших в трудную жизненную ситуацию, где с жильцами и посетителями будут работать специалисты в отдельных областях, где будет оказана помощь в трудоустройстве, психологической поддержке и консультации, юридическое сопровождение. Данные задачи должны полностью соответствовать высказанному мнению председателя Совета Федерации В.И. Матвиенко касательно создания структуры для организации помощи одиноким людям [6]. Тут же в качестве критики современной ситуации стоит отметить, что существующая городская инфраструктура размещения - доходные дома, находящиеся под управлением государственного жилищного фонда Санкт-Петербурга, используются как частные гостиницы для прибывающих в город [7], что ограничивает социальную направленность по удовлетворению жилищных потребностей жителей мегаполиса. Человек становится бездомным не за один день - это длительный процесс деградации личности, в процессе которого он теряет социальные и коммуникативные способности, ценности и установки. Именно поэтому следует помогать человеку на ранней стадии данного явления.

Литература:

1. *Конституция Российской Федерации (пр. всенар голос. 12.12.1993) (с учетом поправок) [электр. ресурс] // СПС Консультант. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/*

2. *Муфтахова А.Н., Козырева Л.Д. Жилищная стратификация в странах Евросоюза // Экономическая социология. - 2018. - Т. 19. - № 1. - С. 116–142.*
3. *Лыпчук В.В., Малаховский Д.В. Социально-экономические проблемы и последствия бездомности // Актуальные проблемы общества, науки и образования: современное состояние и перспективы развития материалы III-международной научно-практической конференции / под ред. Ю.В. Фурмана, Т.Б. Белозеровой, Е.П. Непочатых. - М.: Перо, 2016. - С. 112-116.*
4. *Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 31.12.2017) [электр. ресурс] // СПС Консультант. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/0bcf3945fb1b2887feeb0dbcd944fa604115c303/*
5. *Методология исследования социального развития и благополучия: учебные кейсы и практические задания: учебное пособие / под общ. ред. А.В. Старшиновой. - Урал: Издательство Уральского университета, 2016. - 172 с.*
6. *Матвиенко предложила задуматься о создании министерства одиночества [электр. ресурс] // Ведомости. - Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2018/02/02/749821-matvienko-ministerstva-odinochestva*
7. *Муфтахова А.Н. Социальное неравенство в жилищной сфере и проблемы современной жилищной политики // Урбанистика. - 2016. - №4. - С. 86-93.*

Панькова Елена Геннадьевна,
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет; МГУ им. Н. П. Огарева, Саранск, Россия
Соловьева Татьяна Владимировна
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет; МГУ им. Н. П. Огарева, Саранск, Россия
Бистяйкина Динара Асымовна
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет; МГУ им. Н. П. Огарева, Саранск, Россия

Исследование особенностей субкультуры татарской семьи в практике социальной работы

Актуальность изучения различных аспектов особенностей субкультуры татарских семей обусловлена значимостью этнического фактора в современных экономических, политических и социокультурных процессах. Проблемы особенностей субкультуры различных этносов, этничности и этнической идентичности все чаще выступают в качестве предмета социогуманитарных исследований. Нами было проведено авторское социологическое исследование, которое было направлено на исследование учета особенностей субкультуры татарской семьи в практике социальной работы. Исследование было проведено на базе « ГКУ СЗН по Лямбирскому району РМ». Выборка составила 50 человек. В качестве целевой группы была выбрана категория людей, имеющих одного и более детей. Репрезентативность выборки основывалась на отборе респондентов по трем критериям: семейный стаж (не менее 3 лет), место постоянного жительства (Лямбирский район, РМ), этническая принадлежность, (татары). В ходе исследования было опрошено 40 семей, 5 семейных пар, проживающих в

Лямбирском районе Республики Мордовия. Средний возраст респондентов состав 57 лет. Анализ вопроса: «Какие обязанности у Вас в семье?» показал, что в татарской семье сохраняется традиционное распределение обязанностей в семье: мужчина добытчик, материально обеспечивает семью (37,0%), а женщина, даже работающая, берет на себя основные домашние дела, воспитывает детей (57,7%), поддерживает чистоту в доме (80,5%), готовит еду(81,4%), покупает продукты(58,7%), занимается созданием благоприятной атмосферы в семье (50,7%) (респонденты могли выбрать более одного варианта ответов). Наряду с традиционными формами брачного поведения в татарской семье выявлены новые тенденции, характеризующие стремление обоих супругов к совместному воспитанию детей (38,7%), материальному обеспечению семьи (42,7%), организации досуга (45,2%). На наш взгляд, это говорит о том, что в современной татарской семье, с одной стороны, сохраняется традиционное распределение ролей на мужские и женские, с другой — налицо признаки модернизации ролевого репертуара. На вопрос: «Удовлетворены ли Вы деятельностью по отношению к татарской семье, таким субъектов как ГКУ «СЗН по Лямбирскому району РМ»? респонденты ответили таким образом: ответили «удовлетворены в полной мере» (4,0 %), «удовлетворен нежели не удовлетворен» (30,0 %), «не удовлетворены качеством своей социальной защищенности вообще» (57,0 %). «Неудовлетворены, нежели удовлетворены», ответило 9,0 %. На вопрос «Как часто Вам оказывается социальная помощь со стороны специалистов ГКУ «СЗН по Лямбирскому району РМ»?», были получены следующие результаты: всегда ответили 60,0%, иногда 20,0 %, никогда – 20,0 %. Таким образом, возникает противоречие, с одной стороны помощь оказывается специалистами в области социальной работы, а с другой стороны большая часть татарских семей не удовлетворена данной помощь (на основе анализа предыдущего вопроса). Анализ вопроса «При постановке на учет в ГКУ «СЗН по Лямбирскому району РМ» в практике социальной работы, в бланке заявления присутствует графа «национальность»?», позволил выявить что специалисты не знают и не интересуются национальностью своих клиентов, в связи с этим и не учитывают особенности субкультуры данной семьи(татарской семьи) в практике социальной работы. Все это подтверждает что наша гипотеза подтвердилась. Особенности субкультуры татарской семьи в Лямбирском районе РМ не учитываются. Ряд исследователей проводили подобный анализ особенностей полиэтнической среды в данном регионе [1; 2; 3]. На вопрос: «Удовлетворены ли Вы качеством социальной защищенности татарских семей в Лямбирском районе?» мы получили такие результаты: «не довольны, нежели довольны» своим уровнем социальной защищенности в настоящее время (70,0 %), «не довольны вообще» (25, 0 %); и «скорее довольны, нежели не довольны» (5,0 %). К сожалению, ни кто из респондентов не дал ответа «довольны в полной мере». Это можно объяснить тем, что в ГКУ «СЗН по Лямбирскому району РМ» обращаются татарские семья, у которых существуют ряд социальных проблем. В рамках авторского исследования, респондентам был задан вопрос «Соответствует ли

деятельность специалистов социальной работы с татарскими семьями Вашим требованиям и социальным запросам?», «да соответствует в полной мере», ответило 23,0% «соответствует нежели не соответствует» выбрали 31,0% респондентов, «не соответствует нежели соответствует» - 37,0%, «не соответствует вообще» 9,0 %. Анализ вопроса «На Ваш взгляд, учет особенностей субкультуры татарской семьи в практике социальной работы позволит повысить ее эффективность?», мы получили следующие ответы «Да» - ответило 23,0%, «Скорее да, чем нет» - ответило 37,0 %, «скорее нет, чем да» - 40,0%. Анализ показывает, что татарские семья, проживающие в Лямбирском районе, сталкиваются с теми же проблемами что и в целом современная российская семья. Государству необходимо повышение статуса российской семьи и совершенствование мер ее социальной защиты. Таким образом, важную роль в сохранении брачных союзов продолжает играть мнение родителей, общественное мнение, сохранившее негативное отношение к разводам. Интересен тот факт, что в Лямбирском районе РМ, родители в татарских семьях стремятся воспитывать своих детей на этнических, конфессиональных традициях, что дает основание для веры, что они не будут утрачены и это создаст базу для крепкой, здоровой семьи.

Литература:

1. *Соловьева Т. В., Бистяйкина Д. А. Социальное партнерство как технология социальной работы с лицами пожилого возраста в регионе // Региональная дифференциация и консолидация социального пространства России V Сухаревские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции г.Саранск 15-16 октября 2015 г. / ред.кол. С.М. Вдовин и др. Науч. центр социально-экономического мониторинга. - Саранск, 2015 - С. 468-472.*
2. *Бистяйкина Д. А. Социальная защита, социальное обслуживание, социальное обеспечение, социальное страхование : монография / Д. А. Бистяйкина, Е. Г. Панькова, Т. В. Соловьева, Т. В. Черкасова. — Саранск : Издатель Афанасьев В. С., 2017. — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM); в контейнере, 142 x 124 x 5 мм. — ISBN 978-5-906890-41-2. — Загл. с контейнера (диска).*
3. *Доронина А.А. Молодежная политика в республике Мордовия // Исследование современных проблем общества в контексте социальной работы: сборник научный статей студентов и преподавателей. Вып. 5 / Сев. (Аркт.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова; Высш. шк. соц.-гум. наук и межд. ком.; Каф. соц. раб и соц. без.; [отв. ред. и сост. А.Б. Федулова]; – М.: Издательство «Перо», 2017. – 269с. С.42-50 [Электронное издание]. С.196-199*

Писарева Лариса Юрьевна,
СВФУ, Якутск, Российская Федерация

«Смыслы жизни» малочисленных народов Севера

Последние исследования Ж.Т.Тощенко, в центре внимания которых находится категория «смыслы жизни», оставленная в современной социологии в периферии научного интереса, дают мощный импульс понимания и интерпретации данных, полученных в результате проведения Комплексных научных исследований в Республике Саха (Якутия) – 2017. В

поиске ответа на вопрос о трансформации традиционной модели жизнедеятельности у представителей малочисленных этносов Севера собиралась информация о происходящих изменениях в социальной реальности и о влиянии этих процессов на индивидуальное самочувствие. Основу методологии составило глубинное интервьюирование. В опросе принимали участие жители национального эвенкийского села Сюльдюкар Мирнинского района республики. В ходе интервью осуществлялась попытка вживания в среду этнического сообщества, попытка получить ответы на вопросы о том, что такое «счастье» в их понимании. Задачей исследователей было найти подступы к вычленению смыслового контекста в ответах респондентов, который по Ж.Т. Тощенко связан с основной ценностной установкой человека в рамках его жизненного пути и жизненного мира. Полученные результаты представляют фактологический материал, свидетельствующий о наличии специфической системы ценностей и смысложизненных ориентиров у малочисленных этносов Севера, ядром которых выступает ценность «свобода». К данному выводу приводит анализ высказываний эвенков с.Сюльдюкар, представляющих как поколение в зрелом возрасте (40-50 лет), так и поколение их родителей (60-80 лет). Рассуждения большинства жителей «о смысле жизни» строятся по следующей траектории: «Я очень скучаю по родным местам, когда уезжаю в город… Тянет радость встречи с запахом родных мест, любимыми объектами, красками природы…Я плохо чувствую, если не испытаю радости этой встречи…Я могу провести в тайге в одиночку месяц, два месяца… Я не женился, потому что был дураком, девушка была и ждала, я каюром работал с геологами, выпивали много, праздновали каждый этап работы, но не жалею, в тайге мне хватает всего, нужна только хорошая собака… Сын вырос в современных условиях, его к охоте особо не приучал, он сам научился, странно мне, когда он говорит, что с удовольствием жил бы в тайге… Когда кочевала с родителями в тайге, чувствовала себя такой счастливой, свободной…В тайге уверенно себя чувствую, чего бояться, не скучно, дел хватает, дрова заготовить, поесть приготовить, пройти по тропам, капканы проверить… Возвращаться нужно, чтобы продуктами запастись…» В высказываниях респондентов «тайга» замещает понятие «дом» или то место, где он чувствует себя защищенным, уверенным, свободным.

Одним из ключевых выводов исследования стал вопрос о справедливости разрушительных для внешней среды последствий модернизации в противовес устойчивому состоянию традиционности природопользования.

На территории традиционного природопользования эвенков Мирнинского района были найдены первые алмазы России, в начале 1960-х начата добыча алмазного сырья, построена Вилюйская ГЭС. Модернизация ограничила до минимума пастбища для выпаса оленей, загрязнила воды и рыбу Вилюя, напугала и увела вглубь тайги промысловое зверье. В селе проживает 318 человек (эвенки и эвены - 58%). Занятость трудоспособного населения составляет 47%, преимущественно в бюджетной сфере

(администрация, детский сад, школа, амбулатория, котельная на угле). Значительная часть экономически активного населения не имеет постоянного источника дохода и занята в традиционном промысле. Дома имеют централизованное отопление, но не обеспечены водоснабжением и канализацией. Питьевая вода забирается из реки Вилюй, уровень загрязнения которой превышает ПДКвр по фенолам, трудноокисляемым органическим веществам, соединениям железа и меди, без специальной очистки. Объекты социальной инфраструктуры требуют капитального ремонта. При этом чистая консолидированная прибыль алмазодобывающей компании АК «АЛРОСА» (ПАО) за 2016 год составила 133,5 млрд. рублей. Справедливо ли такое соотношение прав, свобод и ответственности в ситуации, когда «у тебя дома гостит столько богатых постояльцев, а твой стол практически пуст и ты не можешь никому предъявить претензии?»

Литература:

1. *Ж.Т.Тощенко. Жизненный мир и его смыслы //Социологические исследования. 2016. №1. С.6-17*
2. *Годовой отчет АК «АЛРОСА» за 2016 год// [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.alrosa.ru/wp-content/uploads/2017/07/Годовой-отчет-за-2016-год-1.pdf*

Подвальская Вероника Сергеевна,

ГНУ "Институт социологии НАН Беларуси", Минск, Республика Беларусь

Функции и дисфункции института социальной рекламы

Институт социальной рекламы характеризуется собственной системой функций, направленных на удовлетворение определенных общественных потребностей. Реализация этих функций способствует, с одной стороны, развитию и поддержанию целостности общества, с другой стороны – воспроизводству института социальной рекламы. Функция определяется как назначение (роль), которую выполняет определенный социальный институт (процесс) по отношению к целому [1]. По Т. Парсонсу, функция выступает фактором поддержания структуры, ее упорядоченности и баланса между этой структурой и внешней средой [2, с. 473].

Функцией социального института является польза, которую этот институт приносит обществу. Другими словами, это совокупность решаемых задач, достигаемых целей, оказываемых услуг. Любой социальный институт выполняет как универсальные (присущие всем социальным институтам), так и специфические (присущие только этим институтам) функции. При этом функции, выполняемые институтами, подвержены временному изменению – часть из них может исчезать или передаваться другим социальным институтам, может изменяться объем выполняемых функции, значение выполняемых функций может возрастать или уменьшаться и т.д. Все многообразие функций института социальной рекламы условно можно объединить в четыре группы. Первая группа - информационно-

коммуникативная - включает функции, направленные на установление связи между рекламодателем и аудиторией, привлечение внимания к социальным проблемам, негативным явлениям и опасным тенденциям общества, а также к способам их решения. Сюда относятся информационная, познавательная, коммуникативная, просветительская, образовательная функции социальной рекламы. Вторая группа – ценностно–нормативная – включает функции формирования (передачи) социальных норм и ценностей, поведенческих установок, что в конечном итоге способствует консолидации и стабильности всего общества. В данную группу входят социальная, воспитательная, социоинтегративная, социализирующая функции. Третья группа – побудительно-деятельная - включает функции, направленные на формирование моральной ответственности, активной позиции и стимулирование деятельности по решению социальных проблем. В данную группу включаются мотивационная, побудительная, мобилизующая функции. И последняя, политико-идеологическая группа функций направлена на формирование позитивного образа (имиджа) и повышение доверия к государству, государственным институтам и отдельным организациям, а также для объяснения населению определенных властных решений. Соответственно, данная группа включает в себя имиджевую и идеологическую (легитимационную) функции социальной рекламы. В случае несоответствия выполняемых социальным институтом функций потребностям общества возникают дисфункции социальных институтов. Дисфункция определяется как любая социальная деятельность, приводящая к рассогласованию функционирования социальной системы как целого [3]. Дисфункция социального института может проявляться как во внешней (формальной, организационной), так и во внутренней (содержательной) деятельности социального института. Последняя может отражаться в неопределенности функций, размытости целей, падении общественного авторитета данного института [4]. В конечном итоге нарастание дисфункций может вести к социальной дезорганизации общества. Необходимо отметить, что провести четкую грань между функциями и дисфункциями социального института непросто, поскольку любая функция при определенных условиях может приобрести характер дисфункции. Институт социальной рекламы приобретает дисфункциональный характер в следующих случаях: использование такой рекламы для реализации собственных целей заказчиков (создание позитивного имиджа без решения социальной проблемы; скрытая коммерческая, политическая реклама и т.д.); несоответствие рекламного сообщения ценностями и ожиданиям общества; наличие барьеров коммуникации при донесении информации; формальное исполнение обязательств по размещению социальной рекламы (без учета эффективности такой рекламы, актуальности социальных проблем и т.д.), провоцирование интереса к негативным социальным явлениям; навязывание неверных поведенческих моделей [5; 6]. Кроме того, низкий статус социальной рекламы в обществе также ведет к дисфункциональности института социальной рекламы. Так, в ряде стран постсоветского пространства

сложилось двойственной отношение к социальной рекламе: с одной стороны, признается общественная значимость данной рекламы, с другой стороны, имеет место негативное восприятие рекламы в целом и социальной, в частности. В конечном итоге, дисфункции препятствуют достижению главной цели социальной рекламы – привлечение внимания к социально значимым проблемам, изменение отношения и поведенческой модели по отношению к ним, а также формирование новых ценностей. Функционально-дисфункциональная природа социальных институтов является естественным следствием целого ряда процессов общественного развития (технический прогресс, экономический, политический кризисы и т.д.). Важно поддержание баланса, позволяющего сохранить стабильность и эффективное функционирование общества.

Литература:

1. *Социология: энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://voluntary.ru/termin/socialnaja-funkcija.html - Дата доступа: 31.01.2018.*
2. *Кравченко, С.А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь: более 10.000 единиц / С.А. Кравченко. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. – 511 с.*
3. *Энциклопедия социологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/ - Дата доступа: 31.01.2018.*
4. *Российская социологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sociologicheskaya.academic.ru/ - Дата доступа: 31.01.2018.*
5. *Маркин, И.М. Институционализация социальной рекламы в России: автореферат дис. … канд. социолог. наук: 22.00.04 [Электронный ресурс] / И.М. Маркин; Московский гуманитарный университет. – М., 2010. - Р*
6. *Гомельская, В.Ю. Политические функции социальной рекламы в современной России [Электронный ресурс] / В.Ю. Гомельская. - 2013. – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/2015/05/25/1251201305/75-84_Gomelskaya.pdf - Дата доступа: 31.01.2018.*

Полтавская Мария Борисовна,

ФГАОУ ВО "Волгоградский государственный университет", Волгоград, Россия

Козенко Анастасия Алексеевна

ФГАОУ ВО "Волгоградский государственный университет", Волгоград, Россия

Цифровая трансформация современного общества: вызовы и возможности для социологии

Когда в обществе происходят перемены, то и науки, изучающие его, должны изменяться, предлагая новые методы исследования. Традиционно социологи при помощи социологических методов исследования собирают информацию, затем обрабатывают, и на основе полученных результатов делают выводы. Социология позволяет описывать и объяснять этот мир, она владеет инструментарием, способным дать ответы на интересующие вопросы. Сегодня вопросы социологам задают многие: бизнесмены интересуются

покупательским спросом, уровнем известности товарных знаков. Государство заинтересовано в информации об отношение населения к проведению реформ, об уровне социальной напряженности. Политики хотят знать о возможных протестах, о потенциале поддержки политических партий и кандидатов, об электоральном выборе. В 2017 году ведущие исследовательские компании использовали такие методы, как исследования Mobile First, анализ Big Data, интервью с использованием веб-камеры, качественные исследования на мобильных устройствах, анализ социальных медиа и другие [1]. Трансформация природы социологических данных, способов их сбора, обработки и генерации определит в ближайшее десятилетие изменения в методологии и методах работы социологов. К сожалению, социологи отстают от реальности, которая изменяется гораздо быстрее. Цифровизация российской экономики и освоение цифровых технологий в российском обществе отстает от развитых стран, и на это есть объективные причины. Летом 2017 г. правительством РФ была принята программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Индустриальная история цивилизации представляет собой четыре периода, для которых характерно использование в промышленности разных источников: Индустрия 1.0 - использование в промышленности энергии воды и пара; Индустрия 2.0 - использование электроэнергии; Индустрия 3.0 - использование информационных технологий; Индустрия 4.0 - использование Интернета вещей (IoT - Internet of Things) и интеграции «киберфизических систем» (CPS - Cyber-Physical System) в производственные процессы [2]. Эксперты выделяют восемь ключевых технологий, которые в ближайшем будущем окажут значительное влияние на экономику и, следовательно, внесут изменения в социальную сферу: технология «блокчейн», беспилотные устройства (дроны), Интернет вещей (Internet of Things, IoT), роботизация, 3-D печать, виртуальная реальность, дополненная реальность (Augmented Reality, AR), Искусственный интеллект [3]. Этим технологиям характерно повсеместное распространение, доступность, широкий охват, значительное влияние на все сферы жизнедеятельности. В ближайшие годы российские исследователи столкнутся со следующими вызовами, которые преподносит современному миру цифровая экономика и «Индустрия 4.0». Во-первых, продолжится проникновение интернета. Согласно данным GfK интернет аудитория в РФ в январе 2018 г. достигла 87 млн. человек. 36% россиян старше 55 лет пользуется Интернетом, в возрастной группе 30-54 - пользователей 83%, а среди молодежи – 98% [4]. Во-вторых, сохранится тенденция роста популярности социальных сетей. Аудитория пользователей российского сегмента социальных сетей: ВКонтакте ежемесячно посещает более 41 млн. человек, Одноклассники - более 27 млн. человек. Instagram - более 15 млн., Facebook - 18 млн. человек [5]. В-третьих, продолжится рост мобильной коммерции, потребления Интернета и контента с мобильных устройств. Можно заметить, что по данным Greenbook Research Industry Trends за 2017 год в рейтинге популярности метод исследования Mobile First занял первую позицию [1]. В-четвертых, исследования с применением Big

Data. Сегодня большие данные позволяют точечно воздействовать на потребительское поведение, на их основе, например, развивается таргетированная реклама. В-пятых, продолжится развитие искусственного интеллекта, машинного обучения (Machine Learning), робототехники и интернета вещей (IoT). Искусственный интеллект все больше проникает в производственные процессы компаний. Социальные сети, например, Facebook, использует технологию распознавания лиц. По данным Всемирного исследования PwC Digital IQ за 2017 год, интернет вещей занимает первое место среди восьми прорывных технологий, опережая в этом рейтинге искусственный интеллект, дополненную реальность, дронов, блокчейн и ряд других [6]. Можно привести успешные примеры применения интернета вещей (IoT) в экономике: энергетике, сельском хозяйстве, транспорте, здравоохранении, причем инициаторами выступают как государства, так и бизнес. Например, технологии «умного города», позволяющие повышать эффективность управления энергопотреблением и транспортными потоками, технология «умных счетчиков» для удаленного контроля энергопотребления в домохозяйствах. Таким образом, социологи постепенно отходят от живого общения с людьми. У них теперь есть Big Data, исследования Mobile First, анализ поисковых запросов, мониторинг интернет-активности потребителей и т.д. Благодаря этим методам исследователи порой знают о людях больше, чем они сами о себе. Вряд ли социологи полностью откажутся от «старых» методов исследования, однако им предстоит освоить целый арсенал новейших методик.

Литература:

1. *Greenbook Research Industry Trends - 2017 [Электронный ресурс] https://www.greenbook.org/GRIT (Дата обращения 30.01.2018)*
2. *Шваб К. Четвертая промышленная революция: пер. с англ. / К. Шваб. – М.: Изд-во «Э», 2017.*
3. *Восемь ключевых технологий для бизнеса. 19-й Ежегодный опрос руководителей крупнейших компаний мира, проведенный PwC, январь 2016 г. [Электронный ресурс] https://www.pwc.ru/ru/assets/8-technologies.pdf (Дата обращения 30.01.2018)*
4. *Исследование GfK: Проникновение Интернета в России [Электронный ресурс] http://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/issledovanie-gfk-proniknovenie-interneta-v-rossii/ (Дата обращения 30.01.2018)*
5. *WEB-Index: Аудитория интернет-проектов. Desktop, Декабрь 2017. С. 5*
6. *«Интернет вещей» (IoT) в России: Технология будущего, доступная уже сейчас [Электронный ресурс] https://www.pwc.ru/ru/publications/iot/IoT-inRussia-research_rus.pdf (Дата обращения 30.01.2018)*

Полтавская Мария Борисовна,
Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия
Козлова Светлана Ивановна
МОУ СШ №100 Кировского района Волгограда, Волгоград, Россия
Гарченко Марина Николаевна
МОУ СШ №100 Кировского района Волгограда, Волгоград, Россия

Справедливость и запрет: к вопросу об ограничениях в сфере информационных технологий в России

Регулирование в сфере информационных технологий приобретает особую значимость. Возрастающий общественный интерес к данной проблеме, а также значительное количество правовых актов и активный нормотворческий процесс обусловливают необходимость анализа происходящих в этой сфере изменений. С рождения и до конца своей жизни человек соприкасается с информацией, существует в определенной инфо- и медиасфере. Информация всегда осознавалась как ресурс, который имеет определенное социальное значение. Процесс принятия решений изначально определял преимущества того, кто владеет информацией. Под информационными технологиями понимают «процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов». Данное определение содержится в ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Принято считать, что такие действия, производимые с информацией, как сбор, модификация, утечка и уничтожение информации, могут содержать в себе угрозу [1, с.237]. Надзор в сфере информационных технологий в РФ осуществляет федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. В России принята «Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014 - 2020 годы и на перспективу до 2025 года», которая создана для формирования единого системного подхода государства к развитию отрасли информационных технологий. В Стратегии под отраслью информационных технологий понимается совокупность российских компаний, осуществляющих такие виды деятельности, как разработка тиражного программного обеспечения; предоставление услуг в сфере информационных технологий; разработка аппаратно-программных комплексов; удаленная обработка и предоставление информации, в том числе через Интернет. Ключевые федеральные законы, регламентирующие сферу информационных технологий: «Об информации, информатизации и защите информации», «Об участии в международном информационном обмене», «О средствах массовой информации», «О государственной тайне», «Об электронной цифровой подписи» и другие. Среди факторов, ограничивающих развитие информационных технологий в России, исследователи отмечают дефицит кадров, низкий уровень профессиональной

подготовки в сфере информационных технологий; недостаточное количество исследований мирового уровня в этой области. В 2016 году была утверждена новая Доктрина информационной безопасности РФ, которая является документом стратегического планирования; на его основе будет определена политика государства и критерии развития общественных отношений в части обеспечения информационной безопасности [2]. Характерной особенностью доктрины является декларация приоритета национальных интересов в политике обеспечения информационной безопасности и безопасности государства. Ограничения в сфере информационных технологий связаны, прежде всего, с «Законом о запрете анонимайзеров», так СМИ и операторы связи назвали новый Федеральный закон № 276 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который вступил в силу 1 ноября 2017 года. Анонимайзеры, представляющие собой браузерные приложения или VPN- и прокси-серверы, предоставляют пользователям возможность осуществлять анонимный вход на интернет-ресурсы. Данные системы скрывают настоящие IP-адреса пользователей, маскируют их, что и делает возможным посещение сайтов, находящихся в так называемом «черном списке» Роскомнадзора. Все владельцы подобных систем, согласно новому закону, обязаны блокировать в РФ ресурсы из реестра запрещенных сайтов, иначе их самих будет ждать блокировка. Запретили не анонимайзеры как таковые, владельцам сайтов запретили помогать обходить блокировки. Внесенные изменения в этом законе ограничивают доступ на запрещенные сайты. Для исполнения закона создана федеральная государственная информационная система (ФГИС). Владельцы VPN-сервисов обязаны закрыть доступ к сайтам с запрещенной в России информацией, в противном случае Роскомнадзор заблокирует сам анонимайзер. По требованию ведомства подключиться к ФГИС будут обязаны также интернет-поисковики, работающие в РФ. Закон не распространяется на операторов государственных информационных систем, госорганы и органы местного самоуправления, а также в случае, если круг пользователей анонимайзера и сервиса пользователей заранее определен, например, как в банковской сфере. С января 2018 г. вступил в силу закон об обязательной идентификации пользователей мессенджеров по номеру мобильного телефона (поправки к закону «Об информации»), однако многие отмечают, что он не заработал, поскольку подзаконные акты не утверждены, и фактически мессенджеры остаются вне правового поля. Еще больше вызовов, которые рождает цифровая экономика, ждет нас в ближайшем будущем. Интернет вещей и умные потребительские устройства, цифровой транспорт, искусственный интеллект, умные платежные карты - все это создается уже сегодня, а завтра потребует правового регулирования. Антропотехнологические преобразования ведут к возникновению новых типов потребностей, меняющих ценности современного человека, его стиль жизни и поведение [3]. Помимо правовых аспектов, изменения, которые внесут эти инновации в социум, гораздо сильнее отразятся на моделях поведения и взаимодействия людей, их мотивации и стратегиях поведения.

Литература:

1. *Лопатин, В.Н. Информационная безопасность России: Человек, общество, государство. СПб., 2011.*
2. *Нугманов Н.А. Международно-правовое регулирование информационных прав человека и границы их возможного правового ограничения // European Science. 2016. №11. С.48-53*
3. *Полтавская М.Б., Абросимова А.С. Антропотехнологические преобразования в ракурсе социологического подхода // Университет в глобальном мире: новый статус и миссия: XI Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2017»: Сб. материалов. – М.: МАКС Пресс, 2017. С. 212-213.*

Попов Евгений Александрович,
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Социальная несправедливость как угроза духовной безопасности человека и общества

Социальную несправедливость можно рассматривать как реальную угрозу духовной безопасности человека и общества в силу того, что она формирует определенный ценностно-нормативный комплекс, в котором более всего акцентированы антиценности и антинормы, существенно влияющие на бытие человека.

Между тем духовная безопасность человека – неотъемлемое условие его самосовершенствования. При этом использование категории безопасности убедительно показывает, насколько человеку необходимо сохранять устойчивое положение в мире и социокультурном пространстве для выживания и развития. Множество факторов, оказывающих влияние на обеспечение духовной безопасности, находятся в одном ряду с социальными, политическими, экономическими и другими обстоятельствами. Однако наиболее важным ценностно-смысловым механизмом, определяющим духовную защиту человека, следует считать культуру. Именно культура становится тем ресурсом, который обеспечивает духовную безопасность человека. Но кроме того, именно в культуре формируется тот набор ценностей и норм, которые формируют социальную несправедливость.

При рассмотрении тех или иных аспектов безопасности человека или общества важное значение приобретает выявление концепции, лежащей в основе обеспечения безопасности. Так, например, социальная безопасность может быть связана с эффективностью реализации социальной политики и в масштабе государства, и на уровне регионов. Что касается духовной безопасности, то она основывается на тех ценностях и нормах, которые поддерживают консолидацию в обществе, как правило, они являются традиционными для данного общества, передающимися от поколения к поколению и, таким образом, сохраняющими социокультурную преемственность.

Духовная безопасность – это объективное итоговое состояние социокультурного развития, при котором достигается баланс ценностей и

норм, необходимых для взаимодействия поколений носителей культуры. При этом духовная безопасность основывается на разных устойчивых механизмах, характерных для развития человеческого общества, таких, например, как правосознание, мораль и нравственность, социальная справедливость, гражданственность и т.д.

К факторам, обеспечивающим духовную безопасность, можно отнести следующие:

1) сохранение традиционных ценностей, приемлемых для конкретных носителей культуры;

2) интеллектуальные ресурсы, способствующие развитию личности;

3) создание и закрепление национальной идеологии;

4) межкультурная коммуникация, позволяющая осуществлять взаимодействие носителей разных культур;

5) духовно-консолидирующий потенциал региональных культур;

6) охрана памятников традиционной культуры;

7) достижение социальной справедливости в ценностно-нормативном аспекте.

Каждый из этих факторов является необходимым условием достижения и сохранения духовной безопасности человека. В совокупности они выполняют следующие значимые функции: культурсозидательную (создание новых культурных ценностей и норм на базе традиционных); ценностно-смысловую (производство конвенциональных культурных кодов и символов); консолидирующую (объединение носителей культуры для решения актуальных проблем общественного развития и устранения социальной несправедливости); коммуникативную (создание условий для общения и обмена ценностями и нормами); познавательную (получение новых знаний о мире) и другие.

Духовная безопасность так или иначе базируется на преемственности тех ценностей и норм, которые признаются большинством носителей культуры. При этом нужно иметь в виду, что для современных обществ характерна смена ценностей и норм в угоду каким-либо субъективным обстоятельствам, например, политическим или экономическим. Навязывание ценностей, к которым может возникнуть отчуждение, крайне опасно для человека и его духовной жизни – такие ценности могут способствовать утрате консолидации в обществе и вызвать или обострить социальную несправедливость. Вместе с тем, некоторыми учеными отмечается, что «в современной России такие понятия, как совесть, справедливость, правда, добро, красота, любовь уходят не просто из повседневного речевого оборота людей, но из самих общественных отношений, как нечто морализаторское, вечное и актуальное лишь для философских дискуссий…» [1, с. 17]. Смещение полюсов ценностно-нормативной системы культуры в сторону упрощения или даже опрощения традиционных ценностей и норм и, как следствие, возрастание социальной несправедливости может обернуться риском для духовной жизни человека.

Духовная безопасность обеспечивается на уровне ценностно-нормативной системы культуры. Под такой системой понимается не просто совокупность норм и ценностей, поддерживающих социокультурное равновесие, но и обеспечивающих преемственность поколений носителей культуры. Именно вопрос преемственности следует считать одним из актуальных, когда речь идет о духовной жизни человека. Преемственность, с одной стороны, может рассматриваться как трансляция ценностей и норм последующему поколению и как ответная реакция на этот процесс в виде принятия передаваемых ценностей. С другой же стороны, преемственность подразумевает достижение духовной безопасности человека, когда не происходит отторжения ценностей и норм и более того – они становятся определяющими в повседневном бытии. Ценностный мир человека должен совпадать с традиционными ценностными приоритетами общества.

Литература:

1. *Аитова Г.Ш. Историософский взгляд на проблему справедливости: российская специфика // Вопросы философии. 2016. № 5. С. 17-26.*
2. *Меженин Я.Э. Трансформация образов народной культуры в современном обществе как фактор социализации молодежи // Традиционная народная культура как действенное средство патриотического воспитания и формирования межнациональных отношений: сборник научных трудов / под ред. Ю.В. Анохина. Барнаул: БЮИ МВД России, 2016. С. 162-163.*

Романенко Вероника Валерьевна,

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Международная миграция и социальная справедливость: анализ электронных СМИ

Введение Социально-экономическое развитие современной России во многом определяется миграционными процессами. На фоне миграции в условиях турбулентного развития экономической и социальной сферы, неравномерного распределения благ и дефицита ресурсов возникают новые вызовы и социальные риски как для иностранных граждан, приезжающих в Россию для улучшения своего экономического положения или с иной целью, так и для принимающего их общества. По данным МВД, в 2016 году в России впервые встали на миграционный с целью работы 4,3 миллиона иностранцев [1], согласно сведениям Федеральной службы государственной статистики, численность иностранцев, имевших в этом же году патент или разрешение на работу в России, составила 1,7 миллиона человек [2]. Таким образом, оценка численности трудовых мигрантов официальными источниками находится в пределах 2-4 миллиона человек, а с учетом нерегулярных мигрантов эта цифра будет еще выше. Вопрос социальной справедливости на фоне притока большого количества людей из стран с

ослабленной экономикой и из зон вооруженных конфликтов в более благополучные регионы порождает острые дискуссии как в научной и политической среде, так и на бытовом уровне. Средства массовой информации, создавая образ экономических мигрантов и вынужденных переселенцев в своих новостных материалах, способны влиять на сознание граждан, которые соотносят полученные сведения о данных группах со своим жизненным опытом, экономическим положением и социальным статусом, делая выводы о том, насколько государство справедливо или не справедливо как к приезжим, так и к ним самим. С одной стороны, социальная справедливость может быть ценностью, объединяющей местное сообщество и адаптирующихся в нем иностранных мигрантов, с другой стороны, ощущение местными жителями несправедливости своего положения может быть фактором, создающим на фоне миграции социальную напряженность. Методы исследования Целью представленного исследования было изучение характера новостных сообщений в популярных российских СМИ по миграционной проблематике, а также анализ восприятия этой информации жителями России. В качестве методов исследования были выбраны количественный контент-анализ статей, размещенных в период с 1 октября 2016 года по 30 сентября 2017 года на наиболее популярных в Интернете новостных ресурсах, имеющих государственную регистрацию (60 статей по проблеме миграции), а также телефонный опрос мнения жителей Российской Федерации, проведенный в 2017 году, с последующей статистической обработкой данных (1480 респондентов). Результаты исследования Главным предметом новостных статей в основном являются правонарушения (особенно - преступления и теракты), совершенные мигрантами. На втором месте по частоте поднимаемых тем – миграционная политика. Среди ее мер чаще всего обсуждаются ужесточение законодательства против нелегальных мигрантов и регуляция миграционных потоков. Образ мигрантов в статьях в большинстве случаев негативный, реже – нейтральный, а сопровождающие статьи визуальные материалы имеют отталкивающий характер. Основные ассоциации, возникающие в ходе прочтения статей, – нелегальные мигранты, преступления, терроризм и беженцы. Положительный образ приезжих был продемонстрирован только в 15% проанализированных случаев. В статьях, где речь шла о влиянии миграции на принимающее сообщество, чаще всего это влияние было преподнесено как отрицательное. Так, идея о том, что миграция приносит экономическую выгоду, была высказана только в 13% статей, а что она способствует нарушению общественного порядка – в 50%. Среди жителей России, участвовавших в опросе, только небольшая доля заявила о том, что ничего не знают о миграции или воздержались от ответа (10%). Около половины опрошенных сообщили, что читали или видели материалы о проблеме миграции в СМИ и Интернете в течение последней недели, т.е. россияне часто встречают такую информацию в повседневной жизни. Многие респонденты не склонны к анализу и оценкам проблем миграции и затруднились с ответом на вопрос, насколько правильно в СМИ

отображается миграционная проблематика. Тем не менее, большинство (58%) анализируют новостные сообщения: из них 16% посчитали, что информации о миграции в СМИ представлена правдиво, столько же – что информация преподносится неправильно, 26% полагали, что возможны оба варианта в разных ситуациях. Таким образом, большинство жителей России сталкиваются с новостями о миграции в повседневной жизни и пытаются их отрефлексировать. Вместе с тем, сообщения о миграционных тенденциях в популярных Интернет-медиа носят скорее негативный характер. Отметим, что многие респонденты имели невысокий доход: 30% оценили его как равный прожиточному минимуму (около 10 тысяч рублей в среднем по России) или ниже такового, и еще 20% сказали, что их доход чуть выше прожиточного минимума. Трудная экономическая ситуация и негативные информационные поводы могут способствовать усилению ощущения социальной несправедливости у некоторых групп населения и конструированию мифов об иностранных мигрантах [3]. Акцентуация в основном на негативных последствиях миграции в СМИ может привести к росту социальной напряженности и понижению консолидации населения. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект «Социальные риски международной молодежной миграции в современной России» №16-18-10092) в Санкт-Петербургском государственном университете

Литература:

1. *Статистические сведения по миграционной ситуации в Российской Федерации за 12 месяцев 2016 года с распределением и регионам [Электронный ресурс] // Министерство Внутренних Дел Российской Федерации – Режим доступа: https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/9359228/ (дата доступа: 26.01.2018)*
2. *Социально-экономическое положение федеральных округов - 2016 г. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_20/Main.htm (дата доступа: 26.01.2018)*
3. *Borodkina O., Romanenko V. The construction of risks by residents of St. Petersburg in the context of international migration. // 4th International multidisciplinary scientific conference on social science & arts SGEM 2017. Conference proceeding. Book 3. Science and Society. Volume III. Sociology and Healthcare. 2017. Pp. 767-775*

Саакян Армен Каляевич,

Армянский государственный педагогический университет им. Х. Абовяна, Ереван, Армения

Мкоян Гоар Сергеевна

Армянский государственный педагогический университет им. Х. Абовяна, Ереван, Армения

Социокультурные ценности по научним теориям П.Сорокина и Д. Анахта

Ценность представляет собой социально одобряемые и разделяемые большинством людей представления о том, что такое добро, справедливость,

патриотизм, любовь, дружба и т.п. Это есть свойства явлений, а также материальных или других предметов реальной действительности, обладающих значимостью для личности и общества в целом с позиций удовлетворения их потребностей и интересов. Ценности как критерий оценки реальных явлений дают представления о том, как должен быть устроен мир и каким должен быть человек. Они определяют цели, к которым должны стремиться человек и общество в целом, а также основные средства их достижения и смысл целенаправленной деятельности; регулируют социальное взаимодействие и внутренне побуждают к деятельности. При этом они не подвергаются сомнению и служат эталоном и идеалом для людей, их придерживающихся. При определении понятия ценности П. Сорокин и Т. Парсонс исходили из того, что ценность является продуктом социального взаимодействия. Именно поэтому П. Сорокин и Т. Парсонс рассматривают его через составляющие элементы этого взаимодействия. Так, например, при определении структуры социального взаимодействия этими авторами выделяются три аспекта: личность, общество и культура [7; Сс. 201-208]. При этом Сорокин отмечает, что все они неотделимы друг от друга:

- личность – это субъект взаимодействия;
- общество – совокупность взаимодействующих индивидов;
- культура – совокупность ценностей.

У Сорокина отмечается двойственное отношение к чувственной культуре. С одной стороны, из объективности он подчеркивает некоторые ее достижения, а именно то, что предметом эстетического освоения здесь становится жизнь обычных людей, во всем его многообразии. Одновременно, согласно взглядам исследователя, чувственная культура несет в себе вирусы распада и разложения: использование позаимствованных у различных культур приемов и методов может обернуться эклектикой и разрушением равновесия, а стремление к постоянному совершенствованию стиля и техники преобразует искусство в нечто доступное только узкому кругу тех, кто понимает закодированный язык художника. Ведь оно обслуживает рынок, а потому не может игнорировать его запросы, а поскольку большая часть этих запросов вульгарна, то искусство само не может избежать вульгаризацию. Вместо того, чтобы поднимать массы до собственного уровня, оно, напротив, опускается до уровня толпы... поэтому оно все более и более отстраняется от культурных и моральных ценностей и постепенно превращается в пустое искусство, эвфимически названное «искусством ради искусства; оно аморально, а еще чаще – безнравственно, антирелигиозно и асоциально, это всего лишь позолоченная раковина, с которой можно поиграть, позабавиться в минуты расслабления» [6; С.452]. Согласно Сорокину, судьба чувственной культуры печальна, поскольку в результате полного внутреннего перерождения она неизбежно исчезнет. Но ученый видит в этом положительное начало, так как на смену чувственной культуре должна прийти новая, более прогрессивная, что позволит человечеству подняться на более высокую ступень духовного развития. Сорокин отмечает,

что причиной этого кризиса следует считать несоответствие материального базиса и идеологической надстройки и смену типов культуры [6; С.452].

А также необходимо иметь в виду, что главным фактором поведения человека, является полезная ориентация на ожидание определенного поведения других. Следовательно, наряду с потребностями индивида, присутствуют ценностные потребности других людей, которые воспринимаются индивидом как ценностные идеалы, как элементы культуры. Элементы культуры являются неотъемлемой частью отношения индивида с окружающими людьми. Они отражают особенности состояния и развития системы социокультурных ценностей, и сами по себе вступают как достаточно гибкая самоорганизующаяся система, составляющие которой обеспечивают адаптацию элементов культуры применительно к новым условиям. Необходимо учесть при этом, что социокультурные ценности тесно взаимосвязаны с особенностями освоения каждым индивидом культурных норм, присущих как обществу в целом, так и каждому человеку в отдельности. П. Сорокин в своих исследованиях особое внимание обратил на классификацию социокультурных ценностей, которую представил следующими группами:

- первая, охватывает ценности, которые создаются в результате познавательной деятельности (главная среди них – истина);
- вторая, охватывает ценности эстетического удовлетворения (главная – красота);
- третья, относится к адаптации социального воображения и моральных нравственных ценностей (доминирует доброта);
- четвертая, предполагает наличие ценностей, которые объединяются в единый блок практического успеха (желание получить прибыль) [8; Сс. 386-387].

Интересно, на наш взгляд, провести параллель с классификацией социокультурных ценностей, представленной в работе средневекового армянского ученого Давида Анахта [1;117]. Ученый уделяет большое внимание тем ценностям, развитие которых зависит от итогов познавательной (когнитивной), эстетической, нравственной и моральной деятельности человека. Четвертая группа, предложенная П. Сорокиным, в трактовке средневекового ученого не нашла отдельного места, однако Давид Анахт объединяет указанную ценность с другими и считает это единство важнейшей частью практической философии.

Литература:

1. *Анахт Д. Пределы философии / Перевод на совр. арм. и примечание С. Аревшатяна. Ереван, 1980. (на армянском языке).*
2. *Мирумян К., Антология Армянской педагогической мысли (с древнейших времен до VIII века) (на армянском языке).*
3. *Хачикян Як. Вопросы истории и теории эстетики. Ереван, 2011. – 508 с. (на армянском языке).*
4. *4Сорокин П. Социальная и культурная динамика. СПб, 2000. – 1056 с.*
5. *Сорокин П. Социальная и культурная динамика. М., 2006. –1176 с.*
6. *Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество/ пер. с англ., под ред. А.Ю. Согомонова М., 1992. – 543 с.*

7. *Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество/ пер. с англ. Под ред. А.Ю. Согомонова. – М., 1992.*
8. *Сорокин П. Концепция социокультурной динамики // В книге «История социологии» / под ред. Г. Зборовского. – М. , 2004*
9. *Сурина И.А. Ценностные ориентации как предмет социологического исследования. – М., 1996. – С. 21.*
10. *Суртаев В.Я. Социология молодежного досуга. СПб, 1998. – 222 с.*

Савченко Ирина Александровна,
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

Современное религиозное сознание в категориях справедливости и несправедливости

Цель доклада – определить соотношение религии и справедливости в сознании современной общественности. В результате одного из исследований (2016 г.), проведенного автором доклада и направленного на изучение восприятия религии в студенческой среде (n = 947; возраст: 18–23 года), выяснилось, что одна половина молодых людей считают себя атеистами, другая – верит в Бога, но чаще – в «богов» или в «божественное», в «высший разум». Подобная вера нередко приобретает неоязыческие черты. Понятие веры и религии соотносятся в молодежном сознании специфическим образом, и в отношении молодежи к религии отрицательные коннотации весьма распространены [Савченко, Устинкин 2016]. В некоторых ответах в той или иной форме встречались понятия справедливого и несправедливого, что подтолкнуло автора к дальнейшему, менее массовому эмпирическому анализу. Так, осенью 2017 года автором данной статьи были проведены интервью с нижегородцами в возрасте от 20 до 67 лет (n = 102) с основным вопросом: «Как в Вашем понимании соотносятся религия и справедливость?». Первое, что нам удалось выяснить, – отсутствие прямой зависимости между религиозными убеждениями человека и его отношением к культу. Гораздо отчетливее проявило себя соотношение между общей образованностью и восприятием религии и справедливости. Часть респондентов (не основная, преимущественно, представители интеллигенции 27–55 лет, среди которых были как верующие, так и неверующие и «сомневающиеся») указали, что религиозные постулаты (например, заповеди) формируют представления о справедливом и несправедливом, и на основе религиозных ценностей формируются нормы морали и, впоследствии, права. Общая эрудиция, которая, конечно же, не подтверждается только дипломом об образовании сформировала базу для рефлексии и религиозной терпимости. Что касается респондентов с иным уровнем общей просвещенности, которые, по ряду причин, преобладали в возрастных категориях до 27 и старше 56 лет, здесь удивили не столько высказывания о том, что «между справедливостью и религией нет и не может быть связи», сколько неосведомленность в элементарных явлениях нашей жизни. Так, в молодежной аудитории (18–27

лет) были выявлены достаточно своеобразные представления о том, как и за счет чего «несправедливо» существует церковь. Высказывалась уверенность, что церковные приходы получают деньги из государственного бюджета. Многие полагают, что исповедь, причастие и простая беседа со священником тоже оплачиваются.

Респонденты нередко «с пониманием» относятся к гонорарам психоаналитиков, целителей, экстрасенсов и гадалок, но негодуют из-за того, в церкви приходится платить за записки, свечи и некоторые ритуалы. Респонденты вспоминали реальные случаи, ставшие трагедией для Церкви и общества: о священниках-педофилах, автомобильных авариях, участниками которых оказались священнослужители и т. п. Но, к нашему удивлению, крайнее раздражение вызывали не эти драматические факты, а то, что священники в своей обыденной жизни ведут себя как обычные люди. Например, водят машину. Или покупают мясо на рынке и ходят в парикмахерскую. «Никакие они не волшебники», – написал один из студентов. Среди респондентов более старшего возраста (от 56 лет и старше) значительная часть (около 62%) по своему настрою была не менее критична в отношении культа, нежели респонденты самые молодые. Разница состояла лишь в том, что для людей старше 56 лет в качестве информационной базы выступали не социальные сети и интернет-публикации (что характерно для молодежи), а слухи и эпизодические наблюдения. В ответах этих респондентов все чаще звучали вопросы физического здоровья, жизни и смерти. И здесь тема «отсутствия волшебства» приобретала еще более четкие очертания. Респонденты возмущались тем, что кто-то из священников ходит в частные медклиники и ставит зубные протезы. Приводились примеры, верующие люди или священнослужители умерли от каких-то болезней и когда «Бог не помог». Высказывались весьма странные сведения о том, что, например, Православная церковь не велит ходить к врачам и ставить прививки. Понятие «вечной жизни» ассоциировалось у многих с жизнью на земле (а не на небе). Так что факт смерти или болезнь воспринимались как «несправедливость». Респонденты воспринимали церковь в категориях справедливости и несправедливости... Но в ответах на вопрос о том, что такое справедливость, часто проскальзывало предположение, что она есть тогда, «когда тебе что-то дают просто так». Религиозному сознанию современного общества сложно дать однозначную оценку. С одной стороны, возводятся новые храмы и восстанавливаются старые – и делается это на пожертвования людей.

С другой стороны, значительное число наших соотечественников относятся негативно ко всему, что связано с религией. Если бы подобная ситуация сложилась 200 лет назад, «просвещенные умы» объяснили бы ее «победой науки над мракобесием». Однако о такой победе говорить весьма сложно на фоне признаков «Нового Средневековья» [Бердяев 2002] и небывалого общественного интереса к магии, суевериям, гаданиям, астрологии – в общем-то, ко всему тому, против чего выступают традиционные религиозные институты. Не случайно одна из респондентов,

«интеллигентная женщина средних лет» высказала мысль, которая могла бы стать тезисом нашего доклада: «В современном мире нет конфликта религии и науки. В XXI веке невежество может стать главным врагом и науки, и религии. И это несправедливо».

Литература:

1. *Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое Средневековье. М.: Канон+: Реа-билитация. 2002. 448 с.*
2. *Савченко И.А., Устинкин С.В. Религия в восприятии современной молодежи: цифры и комментарии // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2016. № 7(63), С. 232-263. URL: http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/9369*

Смирнова Ольга Михайловна,

РГУ нефти и газа им.И.М.Губкина

Клановый постмодерн: порядок в хаосе и цифровая несправедливость

Об особенностях постмодерна написано множество работ, и можно уже констатировать становление «эпохи-симулякра», где презираются нормы и торжествуют бутафории [2,5,6,12]. Принципы, правила, традиции и нормы (в том числе нравственные) перестают быть ориентирами и в жизни и в политике. Постмодерн своеобразно воспроизводит клановые структуры в обществе, в них позволено все – лишь бы это было сокрыто от социума в целом. Клановость, в основном, не одобряется, но противостоит ей лишь поддерживаемая постмодерном Digital – всеобщая цифровизация, которая как будто доступна в равной мере всем.

В политику вошло особенное поколение – Millennials – поколение, родившееся в 1980-2000г., первое из всех, кто воспринимает коммуникационные технологии как естественную реальность, именно среди них выросло поколение «цифровых аборигенов» [14]. Millennials – везде, не только в политике, но и в экономике, которая тоже начинает характеризоваться клановостью, и в искусстве, и в образовании… Пытаясь навести порядок, как им кажется, в хаосе постмодерна, они невольно привносят во все сферы социума «цифровые нормативы» взамен принципов, правил, традиций и норм (в том числе нравственных) предыдущих поколений. Этому поколению присуща иллюзия, им кажется - просто регулировать отношения в обществе при помощи законодательных актов и требований, которые контролируются. Вспомним индекс Хирша – как просто можно контролировать научную работу преподавателя! Этому поколению так же просто, формально соблюдая требования, и игнорировать их – это quest, приключение, игра, подобная компьютерным играм. Millennials в этой игре тратит огромное количество умственных усилий, и все же предстают в роли Trickster (обманщик, ловкач), который «исследует» социум как игрушку. Игрой становится и законотворчество, стимулирующее коррупционность постмодерна, перекрывающее воздух экономике, задыхающейся в клановости и формальной зарегламентированности. «Можно погружаться в эти игры, симуляции и фейки радостно и самозабвенно, считая их свойством

времени… Более того, этот дух можно внедрять и взращивать, подчиняя ему социальные группы и массу… Подлинной же катастрофой постмодернизм становится, когда из локальной и символической реакции на Высокий Модерн он сам возводится в новый мегапроект и большой стиль с претензией на тотальность, но уже без благоприобретений Нового времени, таких как культ человека, свободы, разума, права, позитивного знания и рацио. И тогда постмодернистские игрища в «большой» и глобальной политике вдруг начинают всерьез разворачивать мир к средневековью» [11]. Тогда начинается гонение на ведьм и инакомыслие, как пример можно сегодня вспомнить ситуацию в российской медицине и здравоохранении [9].

Справедливость – понятие относительное [10], в большей степени оно тяготеет к моральным ценностям, а ведь именно они подвержены наибольшим разрушениям в постмодерне. Это коснулось и Millennials [3,4,7,8]. Dura lex sed lex (закон суров, но это закон) – а как хотелось бы, чтобы наша цифровая эпоха компенсировала недостающий смысл этой крылатой фразы – закон суров, но справедлив. Однако цифровые аборигены в основном думают и обрабатывают информацию иначе, чем иные поколения – отсюда и цифровая несправедливость, которая присутствует и среди Millennials [15]. Многие не имели свободного доступа к коммуникационным технологиям во время взросления (например, тех, кто живет в бедности). Digital Native (коренной житель цифрового общества), конечно, может быть и из иных поколений, но это скорее редкое исключение из правила. А современный мир Millennials уже не сможет понять, как организовать социум, не прибегая к IT-технологиям [12,13]. Так, благодаря «эпохе-симулякров», стимулируется цифровое неравенство на фоне красивых программ компьютеризации и компьютерной грамотности [6], красивых процентов использования информационных технологий, красивых рассказов о будущем «биткойнов» и блокчейна, которые вроде бы должны привести нас к справедливому обществу. Однако…

12 декабря 2017 г. в пресс-центре издательского дома «Аргументы и факты» состоялось презентация для СМИ информационно-аналитического резюме «Российское общество в 2017-ом: социальное самочувствие, тревоги и надежды на будущее». Директор Института социологии РАН Михаил Горшков отметил, что больше всего россияне недовольны социальной несправедливостью. Причем больше даже, чем материальным расслоением. Итак, многочисленные опросы показали, что практически все социальные трансформации цифрового общества зачастую рассматриваются живыми людьми как социальная несправедливость. Интересно, что при обсуждении на занятиях со студентами такого явления как коррупция, были высказаны мнения, расширяющие объем традиционного понимания коррупции – данное понятие фактически представляется молодым поколением как социальная несправедливость [1,2,3,5]. Есть над чем задуматься…

Пожалуй, единственный выход сегодня – поддержать и передать Millennials опыт предыдущих поколений, понимание того, что на общество нельзя смотреть сверху, его нельзя просчитать на компьютере при помощи

современнейших программ и сделать по математически выверенному плану. Социальное развитие складывается в том числе и из потребностей, запросов, интересов, мнений живых людей. Иначе через средневековье мы можем стремительно продвинуться вглубь веков…

Литература:

1. *Балычева М.Б., Белопухов Л.К., Волкова Л.В., Ганина Н.С., Гусейнова Ф.Д., Калашникова М.Ф., Калинов В.В., Левина Л.А., Мусаева З.А., Поплетеева Г.А., Ситнова Л.И., Смирнова О.М., Филатова М.Н. Компетентностный подход в преподавании гуманитарных дисциплин: цели и технологии. – М. – РГУ нефти и газа. – 2007.*
2. *Вершинина И. А. Социальное неравенство в современных городах: перспективы урбанистической революции // Социология города. 2017. № 2. С. 5–19.*
3. *Вершинина И. А., Мартыненко Т. С. Неравенство в современном мире: обзор международных докладов // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2016. № 3. С. 74–91.*
4. *Волкова Л.В. Изучение проблем и настроений молодежи как основа управления развитием человеческого потенциала // Развитие человеческого потенциала как условие и фактор модернизации России и ее регионов: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (Уфа, 19-20 ноября 2015 г.) / под ред. Р.М. Валиахметова, Г.Ф. Хилажевой. – Уфа: Гилем, Башк. энцикл., 2015. – 516 с. С. 444 -448.*
5. *Данилов, Н. А. Социальная справедливость в информационном обществе : проблема цифрового равенства / Н. А. Данилов // Информационное право. – 2012. – N.2. – С.5-6.*
6. *Добринская Д. Е. Социологическое осмысление интернета: теоретические подходы к исследованию сети (начало) // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2016. № 3. С. 21–38; № 4. С. 43–64.*
7. *Курбанов А. Р. Манифестация исторической памяти в политической практике // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2016. № 1. С. 200-214.*
8. *Лавринович Е.В. Трансформация образа восприятия конфликта как метод управления. - Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, 1999. 25 с.*
9. *Лядова А. В., Восканян Э. В., Лядова М. В. Доверие как фактор эффективного функционирования системы здравоохранения // Социология. 2016. № 1. С. 66-71.*
10. *Мартыненко Т. С. Глобальная социология Г. Терборна: теория социальных неравенств // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. Т. 1, № 29. С. 185–193.*
11. *Рубцов Александр Порядок в хаосе: как выйти из политического постмодерна. 26.02.2015. [Электронный ресурс] URL: http://www.forbes.ru/mneniya-column/tsennosti/281319-poryadok-v-khaose-kak-vyiti-ikh-politicheskogo-postmoderna (дата обращения: 7.01.2018).*
12. *Филатова М.Н., Волкова Л.В. Отношение молодежи к насилию как средству разрешения межличностных и социальных конфликтов // Психология развития и стагнации личности в рамках современного общества : II Международная научно - практическая Интернет - конференция : материалы конф. (Казань, 19 февраля 2014 г.) / Сервис виртуальных конференций Pax Grid ; Казань : ИП Синяев Д. Н., 2014.- [Электронный ресурс] URL: http://www.paxgrid.ru/proceedings_psychol2014.pdf (дата обращения: 17.07.2017).*
13. *Юдина М.Е. Реализуем ли гуманитарный идеал научного знания в техническом вузе? // Университет в глобальном мире: новый статус и миссия. - Сборник материалов XI Международной научной конференции. – М. - МГУ имени М.В. Ломоносова – 2017 - С. 304-306.*
14. *Meyer Kate Millennials as Digital Natives: Myths and Realities. Nielsen Norman Group. January 3, 2016. [Электронный ресурс] URL: https://www.nngroup.com/articles/millennials-digital-natives/ (дата обращения: 11.01.2018).*
15. *Prensky Marc Digital Natives, Digital Immigrants. MCB University Press, Vol. 9 No. 5, October 2001. [Электронный ресурс] URL: http://marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf (дата обращения: 10.08.2017).*

Субочев Николай Сергеевич,
Волгоградский институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Волгоград, Россия
Чумак Наталья Алексеевна
Волгоградский институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Волгоград, Россия

Социальная справедливость как компонент организационной культуры предприятия

В российском обществе социальная справедливость воспринимается как приоритетная ценность, поэтому её установление и поддержание следует рассматривать как необходимое условие политической стабильности, экономического развития и благоприятного морально-психологического климата социума на всех уровнях его организации. Однако в постсоветский период отечественной истории руководством многих государственных и муниципальных органов и учреждений, коммерческих организаций уделяется явно недостаточное внимание социальной справедливости, её установлению и поддержанию. Различия в имущественном положении были всегда и могут быть отнесены к атрибутивному признаку современного общества. Однако проблема социальной справедливости возникает и актуализируется там и тогда, где и когда социальные, в том числе имущественные различия достигают в социуме неприемлемых и необоснованных размеров. К сожалению, в современной России, как свидетельствует социальная статистика постсоветского периода, разрыв между богатыми и бедными слоями населения увеличивается. Эта тенденция фиксируется социологами на разных уровнях организации общества: глобальном, национальном, региональном и локальном. В настоящее время особое недовольство населения вызывает снижение уровня жизни на фоне растущего имущественного расслоения, обогащение мизерной доли миллиардеров и обнищание многомиллионной массы части населения, в том числе «работающих бедных», что, естественно, обостряет ощущение несправедливости в распределении национального богатства. Негативно, хотя зачастую скрытно, воспринимается социальная несправедливость и на локальном уровне – на частных предприятиях различного размера и профиля деятельности, в бюджетных организациях, в том числе в государственных и муниципальных учреждениях.

В отсутствие законодательного определения понятия социальной справедливости и при наличии различных трактовок данного феномена в социологической науке применительно к локальному уровню деловых организаций предлагается рабочее определение социальной справедливости

как должного соотношения между трудовым вкладом и вознаграждением персонала, между проступком и наказанием работников. Мы исходим из того, что социальная справедливость – это не определенное состояние, а процесс продвижения общества, его организаций и учреждений к желательному соотношению между трудовым вкладом и вознаграждением, между проступком и наказанием трудящихся. В действительности, в условиях изменяющейся внешней среды, положения на рынках труда, товаров и услуг, организации труда и его оплаты изменяются экономические возможности предприятий регулировать системы управления персоналом в целом и в первую очередь оплату труда. Поэтому социальная справедливость в теории и на практике должна, по нашему мнению, рассматриваться и оцениваться как процесс продвижения к социальному благополучию членов деловой организации, в котором возможны, а порой и неизбежны остановки и отступления от достигнутых рубежей в периоды кризисов и значительные подвижки при благоприятных условиях. Среди мер обеспечения социальной справедливости обычно выделяются монетарные и административные методы, однако недостаточное внимание обращается на социокультурные механизмы, которые содержатся в организационной культуре предприятия. Между тем важным фактором его устойчивости и развития, солидарности менеджмента и персонала, поддержания духа единой команды может быть формирование, изменение и поддержание организационной культуры, нормы и ценности которой включают социальную справедливость. Имеются в виду справедливые оценки трудового вклада топ-менеджмента, специалистов и рабочих массовых профессий, работников разного пола, возраста, семейного положения, стажа работы и т.п. элементы системы управления персоналом. В докладе на основе концепции организационной культуры Э.Шейна и опыта передовых предприятий рассматриваются реальные возможности обеспечения социальной справедливости через функционал организационной культуры, который включает адаптивную и интегративную функции, а также целеполагающую функцию. Адаптивная функция обеспечивает адекватные условиям внешней и внутренней среды справедливые и обоснованные изменения в организации производственной деятельности, в нормах и правилах трудового поведения членов организации и соответствующие изменения критериев оценки их вклада в дела предприятия. Интегративная функция социально-справедливой организационной культуры вносит весомый вклад в повышение и поддержание сплоченности трудового коллектива, солидарности и взаимном доверии руководителей, специалистов и работников массовых профессий, в формирование духа единой команды. Появление и проявление указанных характеристик культуры деловой организации возможно при восприятии всеми либо большинством персонала справедливости систем оценки и стимулирования их трудового поведения. Наконец, целеполагающая функция организационной культуры открывает перспективы развития предприятия и повышения стандартов социальной справедливости в оценке трудового вклада руководителей и подчиненных. В кризисных ситуациях функция целеполагания предполагает обоснование

возможностей выхода предприятия из кризиса, вселяет уверенность в осуществимость проектных решений и повышает трудовую, в том числе творческую активность работников.

Ткаченко Олеся Евгеньевна,
Иркустк, Россия

Влияние искусства на восприятие социальной справедливости

С точки зрения Словаря по общественным наукам, «Справедливость — понятие о должном, в частности, соответствия прав и обязанностей, труда и вознаграждения, заслуг и их признания, преступления и наказания, соответствия роли различных социальных слоёв, групп и индивидов в жизни общества и их социального положения в нём» [6]. По данным статьи В. П. Эфроимсона «Родословная альтруизма (Этика с позиций эволюционной генетики человека)» [4], справедливость, является заложенном на генном уровне чувством, сформировавшимся так как племена, которым она была присуща, выживали больше. Это чувство росло с первыми истоками социальных отношений и априори является социальным, но несмотря на это, выделилось понятие «социальной справедливости», используемое для оценки происходящего в обществе, а не между отдельными лицами. Актуальность переживаний социальной несправедливости, формирование отношения к каким-либо социальным процессам формируется у человека из внешней среды, и возможен ли процесс влияния на отношение к социальной справедливости, с помощью искусства? Ведь несмотря на то что произведение искусства воспринимается человеком через призму его жизненного опыта, замысел и настроение, заложенные создателем - сохраняется. «По моему глубокому убеждению, в наибольшей степени нас захватывает лишь замысел художника, насколько ему удалось воплотить его в произведении и насколько он может быть понят нами. И понят не только рациональным путем; мы должны вновь почувствовать те аффекты художника, особое состояние его психики, то, что стимулировало его к творческому акту и вновь воспроизводится в нас» – З. Фрейд [2]. Силу воздействия искусства на человека, страх социальных групп и властей перед его влиянием, показывает история. Искусство воспринималось как серьезная угроза идеологии государства. Например, уничтожение сотрудниками милиции выставки, в последствии, названной «Бульдозерной». Её содержание не соответствовало пропаганде, что вызвало разворачивание бурной деятельности для запрета или уничтожения работ. Подобное прослеживается сегодня среди различных социальных групп, например, разгром выставки «Скульптуры, которых мы не видим» участниками движения «Божья воля» в Манеже. Сильное влияние на представления человека, можно проследить в статье А. С. Ложкиной «Формирование

«образа врага»: Япония в советской пропаганде 1930-х гг.», где негативный облик страны-конкурента создается с помощью средств искусства: литературы, карикатуры, кинематографа [1]. «Если рассматривать искусство как психотехнологию, связанную с непосредственным воздействием на подсознание зрителя, нельзя не задаться вопросом об этичности такого воздействия. «…» Искусство было и остается в определенной мере экспансией творческой личности, активным навязыванием своего видения мира другим.» В. Н. Груздев [5]. Кроме того, есть закономерности влияния цветовой гаммы на настроение человека, что подчёркивается цитатой Гёте в статье Никуловой Г.А. «Цвета действуют на душу: они могут вызывать чувства, пробуждать эмоции и мысли», где далее описано воздействие того или иного цвета, к примеру, зеленый – приводит чувства в движение, освобождает от негатива [3]. Следовательно, можно выдвинуть гипотезу: искусство способно ситуационно влиять на чувствительность к социальной справедливости и оценку её важности у человека.

Для рассмотрения гипотезы, было проведено пилотажное исследование с помощью анкеты из ценностного опросника Шварца, где испытуемым предлагается определить для себя важность ценностей (всего 30) от 1 до 7 баллов, а так же, работ художников, где выделяется либо социальная несправедливость(«Бурлаки на Волге» И.Е. Репин, «Утро стрелецкой казни» — В. И. Суриков), либо подчеркивается идея справедливости, правосудия и свободы («Справедливость и Божественное отмщение» П.П. Прюдон, «Свобода, ведущая народ» Э. Делакруа, «Торжество Истины и Справедливости» А. Ханс). Далее, были выделены пункты анкеты, имеющие прямое отношение к рассматриваемой теме: - «Равенство», «Социальный порядок», «Мир во всем мире», «Социальная справедливость». В анкетировании приняло участие 52 студента. Каждая группа разделялась на две части, одной предлагалось рассмотреть картины в течение 2-х минут и заполнить анкету, другой же, анкета давалась без созерцания работ художников. Далее, по выделенным пунктам и группам, испытуемые сравнивались. У группы, которой было предложено рассмотреть картины, средний бал по трем из четырёх выделенных пунктов выше на: «Равенство» - 0,9, «Мир во всем мире» - 0,4, «Социальная справедливость» - 0,5 («Социальный порядок» одинаков у обеих групп). Следовательно, искусство способно ситуативно повысить значимость социальной справедливости в глаза человека. Предположительно, таким образом можно воздействовать на любую из предложенных в анкете ценностей, обостряя её важность. Кроме того, менять настроение человека, влиять на принятие решений, положительно или отрицательно настраивать его к чему-либо, повышать концентрацию или же, наоборот, расслаблять. Использование такого рода воздействия возможно о многих сферах, например, в психологии или юриспруденции, а в торговле, в особенности, рекламе, этим активно пользуются и сегодня. Но гуманно ли это и как именно происходит воздействие на психику человека? Изучение вопроса, на сколько сильным

может быть это влияние, длительным по времени воздействия и не имеет ли деструктивных сторон, требует дальнейших исследований.

Литература:

1. *Ложкина А.С. Формирование «образа врага»: Япония в советской пропаганде 1930-х гг. // Государственное управление. Электронный вестник. 2007. №13. С.1-8.*
2. *Фрейд З. «Моисей» Микеланджело Эксмо: Москва, 2010. С.1-2.*
3. *Никулова Г.А. Цветовое оформление учебных материалов и его влияние на восприятие информации // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2006. С.77-83.*
4. *Петрушенко В.Л. и др Этика и эстетика Львовская политехника: Львов, 2008. С.35-40.*
5. *Искусство живописи как психотехнология [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://goo.gl/hfQQeZ (дата обращения: 17.01.18)*
6. *Справедливость [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://goo.gl/WictvF (дата обращения 23.01.18)*

Трофимов Сергей Викторович,

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Социальное неравенство в религиозных системах современного общества

Современный западный секуляризм во многом определяет себя как универсальную доктрину, требующую строгого разделения религии и государства во имя свободы и равенства граждан. Более того, как правило, происходил полный разрыв – требование ухода религии в частную сферу. Однако, мы можем убедиться, что искомое равенство не достигнуто по целому ряду социальных, юридических, культурных и других причин. Социальный контекст, в котором возникло такое понимание светскости в западных обществах, существенно изменился. В конце XX столетия в разных регионах мира появляются политические движения, так или иначе связывающую свои идеологии с религиозными учениями и протестующие против исключения религиозного контекста из публичной сферы. После исламской революции, изменившей светский характер государства в Иране в 1979 году и установившей первую современную теократию, исламские политические движения появились в Египте, Судане, Алжире, Тунисе, Эфиопии, Нигерии, Чада, Сенегала, Турции, Афганистана, Пакистана и даже Бангладеш. Эти движения не ограничиваются мусульманскими обществами. Протестантские анти-светские партии появились в Кении, Гватемале и на Филиппинах. Протестантский фундаментализм стал мощной силой в американской политике. Сингальские буддистские националисты в Шри-Ланке, индуистские националисты в Индии, ультраправославные религиозные деятели в Израиле и сикхские националисты в штате Пенджаб в Индии, а также диаспоры в Канаде и Великобритании поставить вопрос о разделении религии и государства. Отголоски этой линии протеста были замечены в Великобритании, в Германии, во Франции, в Дании и в

Нидерландах, то есть незыблемость гуманистического и светского характера светского общества Западной Европы поставлена под удар. Активная миграция из стран незападных культур привели в западное общественное пространство на фоне ослабления общественной монополии традиционных религий последователей ислама, буддизма и других религий, создавая беспрецедентное религиозное разнообразие на Западе. Однако вместо гармонии и равноправия, ощущается возникновение климата взаимного недоверия, даже враждебности и конфликтов. Пересматриваются или ставятся под сомнение принципы равенства, привычные для западноевропейского общества. На примере российского общества, мы можем кратко обрисовать основные виды неравенства, возникающие в рамках религиозных систем в современном обществе. Очевидно противоречие между указанным в Конституции РФ принципом равенства религиозных объединений, которые не только отделены от государства, но и равны перед законом (ч. 2 ст. 10) [1], и положением Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» устанавливающем дифференциацию религиозных объединений на религиозные группы и религиозные организации, неравноправные по организационным формам своей деятельности [2]. Дифференциация религиозных объединений, основанная на неравенстве прав и обязанностей различных форм объединений перед законом, доступных видов деятельности, приводит к нарушению принципа равенства подходов государства ко всем религиозным объединениям. Подобная практика законодательного усмотрения является одной из причин послабления режима светскости государства и дифференциации внутри самих религиозных организаций - на «традиционные» и «нетрадиционные». Влияние отдельных вероучений (в частности, православия, мусульманства, буддизма) на социальную жизнь является весьма значительным. Однако в общественном сознании такие понятия, как «православный», «мусульманский», «буддистский», ассоциируются не с общей системой ценностей российского народа в целом, а с его отдельными составляющими, что создает опасность раскола российского общества по этноконфессиональному признаку, с одной стороны, и по религиозному/светскому – с другой. В сфере реальной политики в отдельных регионах Российской Федерации, где, как правило, проживает титульное большинство лиц, исповедующих определённую религию, местные органы государственной власти направляют свой административный ресурс на развитие и поддержание традиционных религий в данном регионе; примером может являться массовое строительство объектов религиозного культа (в СКФО и Республике Татарстан – мечетей; в Москве – православных храмов, буддийских храмов и монастырей в Калмыкии и Бурятии), введение льгот по налогообложению для религиозных объединений, несмотря на то, что Конституция Российской Федерации устанавливает равенство всех форм собственности [3 , 51-60]. Другие виды неравенства, связанные или так или иначе проявляющиеся в религиозных общностях также достаточно важны для понимания. Сюда могут быть

отнесены, например, гендерное неравенство, например, проявляющееся в определении разного места в социальном пространстве для женщин и мужчин в исламе, иудаизме и православии. Особым образом на неравенство может влиять особенности менталитета религиозных групп, вступающие в противоречие с демократическими нормами светского государства [4]. Экономическое и политическое неравенство, проявляющееся как между общинами и конфессиями, так и отдельными группами единоверцев. Культурное и этническое неравенство, проявляющееся в непонимании между разными группами верующих (например, мусульман Поволжья и СКФО). Важно изучение и понимание этих видов неравенства, возникающего в сфере религии важно для более полного понимания социальных процессов в современном российском обществе.

Литература:

1. *Конституция РФ.*
2. *Федеральный закон "О свободе совести и о религиозных объединениях" от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ.*
3. *Плужников Е.Н. Государственно-конфессиональные отношения, светскость и религиозные противоречия: политико-правовые аспекты // Вестник Института Социологии, № 4, 2012. – С. 51-60*
4. *Campiche Roland. La Religion: un frein à l'égalité ? // Archives de sciences sociales des religions, n 95, 1996. - pp. 5-9.*

Трушников Денис Юрьевич,
ФГБОУ ВО "ТюмГМУ", Тюмень, РФ

Этносоциологические аспекты в обеспечении устойчивого развития: к вопросу о справедливости в контактах с малыми народами

Социально-культурные, эколого-экономические и ресурсно-технологические проблемы современной цивилизации открыто свидетельствуют о системном кризисе. Как полагает ряд исследователей (Боткин Дж., Моисеев Н.Н., Печчеи А., Хантигтон С. и др.), он носит антропологический характер. Его преодоление и переход общества к устойчивому развитию связаны в первую очередь с формированием качественно новой культуры человечества (Урсул А.Д., Мамедов Н.М., Глазачев С.Н. и др.). Культурологический подход переводит решение проблемы в сферу образования, приоритетной задачей которого становится воспитание у каждого человека внутренней убежденности в необходимости добровольного следования стратегии устойчивого развития. Особую значимость в решении этой задачи имеет выявление закономерности возникновения, становления, развития и функционирования этнопедагогической культуры населяющих нашу страну народов, так как воспитание – национально (1). "Воспитательные идеи каждого народа проникнуты национальным более, чем что-либо другое" (К. Д. Ушинский). Подтверждением этого может служить "золотое правило" этнопедагогики,

сформулированное Г. Н. Волковым (2): без исторической памяти - нет традиций, без традиций - нет культуры, без культуры - нет воспитания, без воспитания - нет духовности, без духовности - нет личности, а без личности - нет народа как исторической личности. Исходя из результатов полевых наблюдений, экспертных опросов и интервью, на наш взгляд, система воспитания у селькупов имеет ряд черт, которые, при условии их использования в рамках воспитательных систем других народов (причем не только в рамках семейного, но и общественного воспитания, в условиях детского сада, школы, вуза) могут эффективно изменить воспитательный процесс, сделав его в большей степени экологоориентированным. Прежде всего, это овеществленный принцип натурности, модификация принципа наглядности, объединяющая идеи творческого начала и служащая спецификации отбора содержания воспитания в контексте устойчивого развития. Все действия родителей безотрывно связаны с Природой, подчеркивают ее бесконечную Мудрость и Простоту. В исполнении всех трудовых действий селькуп подчеркивает свою тесную, неразрывную связь с Миром, стремясь к компромиссу и взаимному развитию. Система воспитания селькупов направлена на подготовку молодых людей, способных гармонично сосуществовать с окружающим миром, что абсолютно согласуется с развитием в контексте модели устойчивого развития, что полностью отвечает требованиям современного общества. Вместе с тем, современное общество не может поддержать систему воспитания, созданную малым народом: на смену культуре гуманистического взаимодействия, культуре осознанного взаимодействия приходит культура потребления, что является ни в коей мере не мерой и не свидетельством прогресса, а отражением социальной несправедливости, уничтожающей одни различия (культурные) и сеющей другие (материально-бытовые). Подводя итог, отметим, что традиционное воспитание у коренных малочисленных народов Сибири, а в особенности у северных селькупов, ориентирует подрастающее поколение на такие модели поведения, которые реально подтверждают наличие внутренней убежденности в необходимости добровольного следования стратегии устойчивого развития.

Литература:

1. *Stepanova O.B.The mythological image of the mother-tree in the traditional beliefs of the selkups // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2007. Т. 31. № 3. С. 115-118.*
2. *Андреева К.Н.Духовная культура селькупов в освещении Кая Доннера // Вестник Томского государственного университета. История. 2008. № 3. С. 100-105.*
3. *Белич, И.В. Некоторые аспекты традиционного воспитания селькупов // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея им. И.Я.Словцова. Тюмень, 1996 год. С.116.*
4. *Калугина З.И., Соболева С.В., Тапилина В.С. Селькупы Томской области. Опыт оценки человеческого потенциала коренных малочисленных народов Сибири // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 26. С. 230-238.*
5. *Кузнецова, А.И. Сферы взаимообогащения национальных культур при наличии межэтнических контактов (на примере общения селькупов с другими народами) // Славянские духовные традиции в сибири. г.Тюмень, Издательский центр «Академия», 2002 г. С. 62.*
6. *Осипова Л.П., Ивакин Е.А., Казаковцева М.А., Карафет Т.М., Крюков Ю.А., Посух О.Л., Шкапенко А.Л. Комплексное изучение генофонда изолированных популяций русских*

старожилов сибири в сравнении с панмиксным русским населением // Информационный бюллетень РФФИ
7. *Степанова О.Б.Традиционное мировоззрение селькупов: представления о круговороте жизни и душе. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Санкт-Петербург, 2007*
8. *Толкунов Е.С. Этнические процессы и современное социальное положение оседлых северных селькупов // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2011. № 12. С. 286-294.*
9. *Тучкова Н.А. О расселении селькупов в приобье по топонимическим данным Г.-Ф. Миллера // Вестник Томского государственного педагогического университета = Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2012. № 1. С. 136-139.*
10. *Шаховцов К.Г. К вопросу о выделении брачных классов в системе родства нарымских селькупов // Вестник Томского государственного педагогического университета = Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2012. № 1. С. 144-148.*

У Яао,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Социальная несправедливость в образовательных процессах на основании исследования исторического опыта несправедливости в Китае (70-80 гг. XX в.)

Исследование справедливости в образовании имеет длительную историю. Уже в античные времена философ Платон впервые предложил осуществлять начальное обязательное образование среди широких масс. Известный греческий философ Аристотель указал, что оптимальным средством достижения социальной стабильности и справедливости является образование. В Эпохе Просвещения Ж.-Ж. Руссо, К.А. Гельвеций, Д. Дидро и другие мыслители также с разных сторон интерпретировали право образования, утверждая, что все люди рождены равными, у всех равное право на получение образования. Позже К. Маркс и Ф. Энгельс рассмотрели вопрос справедливости в этой сфере и внесли огромный вклад в развитие демократизации образовании. С 50-х гг. XX в., в связи с появлением новых социальных проблем, на Западе много учёных начали сосредотачиваться на исследовании неравенства в сфере образования. В результате появились много влиятельных докладов и отчетов, которые раскрылись не только вопросы неровности и расовой сегрегации общества, но и недостатки образовательной системы в западных странах (к примеру, «Доклад Коулмана» и «Доклад Плаудена»). С тех пор учёные начали обратить внимание на тот факт, что несправедливость в образовании имеет как экономическую, так и социальную основу. Так что с конца 60-х гг. XX в. много исследователей занимались изучением отношений между несправедливостью в образовательных процессах и социальными институтами. Среди всех исследователей самым известным считают Т. Хюсена, Д.С. Коулмана и Г.М. Левина. Они были согласны с тем, что с переходом общества само понятие о несправедливости в образовании развивается, исследование данной проблематики должно основываться на

рассмотрении режима образования и социальных институтов. Нужно отметить, когда говорим о формировании какой-то справедливой системы для решения конкретного вопроса о социального неравенства, решающую роль в этом процессе играют: политический режим, социально-экономические условия, модель трансформации общества и т.д., следовательно, при исследовании справедливости в образовании мы должны обратить внимание на институты и режим, которые могут оказывать более значительное влияние. Как полагают учёные, в разные период истории режим образования в Китае пережил многократную смену, которая была неразделима с трансформацией социальных условий и реалиями общества. Берём пример политического движения «Культурной революции» в Китае 1966-1976 гг., которое привело к широкомасштабным репрессиям против интеллигенции. Когда центральное правительство издало приказ привести в жизнь новое “движение”, значительное количество людей (в том числе большое количество интеллигенции и культурно-образованных) были выбраны в качестве врага. Их заставили признаваться в своих “грехах” против коммунизма. В этот период образование перестало играть роль социального лифта. Чем выше уровень образования, тем больший удар человек мог получить из-за своих политических взглядов. При поступлении в вуз, трудоустройстве и службе в армии главное место занял властный капитал. Университеты принимались только те абитуриенты, которые в первую очередь имели хорошее социальное происхождение (из семей крестьян, рабочих либо как член КПК) и правильную идейно-политическую направленность. Более того, вместо результатов проведения экзаменов отбор был основан на рекомендациях народных масс. Большинство учащихся в университетах являются детьми государственных служащих, чиновников. Это не было секретом в то время, потому что именно такие люди имели полное право создать и исправить нормы для поступления в вуз, которые на самом деле должны были быть связаны с успеваемостью. Человек с «плохим» социальным происхождением не имел право получить даже среднего образования. Ситуация продолжилась более 10 лет, но как только закончилась «Культурная революция», китайское образование вернулось на более справедливый путь. Если сравнить систему набора учащихся с системой на предыдущем этапе, можно легко заметить, что её характерной особенностью является зачисление по результатам экзаменов. Социальное происхождение больше не имело никакого значения в поступлении в вуз. Более того, правительство выплачивало стипендию тем, кто происходил из несостоятельных семей. Таким образом, высшее образование стало самым справедливым фактором, оказывающим влияние на улучшение жизненных шансов человека. Рассмотрев развитие образования в Китае в 80-е гг., то заметим, что в связи с функционированием нового образовательного режима, быстро выросли высшее и среднее профессионального образование, кроме того, ежегодно больше миллиона человек участвовали в программе образования для взрослых. Так что стране люди получили больше возможностей для вертикальной мобильности, образование стало одним из

главных каналов для повышения социального статуса. В итоге мы хотим сказать, что в Китае в 70-80 гг. XX в. политический фактор стал основной причиной, воздействующей на образовательный режим и среду, а справедливость в образовании вполне зависит от режима образования и государственного вмешательства, так как последние обусловливают распределение образовательных ресурсов среди разных социальных классов.

Хамраева Софья Атаджановна,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Результативность и эффективность обеспечения справедливости в социальном управлении государства: сравнительный анализ отечественного опыта и опыта скандинавских стран

В мнении мировой общественности сформирована ценность, что социальное государство является наиболее высокой степенью развития государственности страны. Каждый гражданин не только имеет право, но и ему гарантировано государством: с одной стороны, достойный современного человека уровень и качество жизни; с другой стороны, широкий спектр социальных благ – трудовая занятость, согласно полученной профессии и/или личного желания, способностей; жилищные условия; образовательные услуги; медицинские услуги и помощь [4]. В современном российском государстве, которое, согласно Конституции РФ, является социальным государством как политической системой – системой организации политико-правовых, а также социально-экономических и социокультурных отношений россиян, в различной степени выражены его гуманистично ориентированные черты [3]. Результаты ряда исследований свидетельствуют об определенном уровне: а) развитости демократической организации государственной власти; б) морально-нравственного и морально-этического отношения должностных лиц; в) наличия экономического потенциала, который позволяет перераспределять доходы в государстве; г) социальной ориентации экономической и финансовой структур общества; правового развития граждан и их правовых взаимоотношений между собой и с государством; д) развитости гражданского общества – предрасположенности и подготовленности населения страны проявлять гражданскую активность; е) реализации социально ориентированной политики государства; ж) признания государством приоритета – установление всеобщего блага, то есть создание комфортных нормативно-правовых условий для соблюдения социальной справедливости, достижения достойного уровня жизни и защищенности граждан, обеспечения равных возможностей (шансов) для всех, без исключений граждан страны; з) развитости социальной направленности правовых норм существующего законодательства; и) утверждения приоритета «социального государства», не только на конституционном

уровне, но и уровне практических дел – оказания гражданам государственных услуг. В настоящее время более 40 государственных услуг качественно оказываются населению в многофункциональных центрах городов России. В рамках реализации стратегии социально-экономического развития России органами власти относительно успешно реализуются ряд характерных для социального государства функций [5]. Реальное состояние жизни россиян свидетельствует, что далеко не все благополучно и успешно удается реализовать в государстве. Но, тем не менее, органы государственной власти не самоустраняется от проблем граждан, а стараются, объединив усилия, построить систему, способную обеспечить: 1) поддержку, заботу и помощь социально незащищенных слоёв населения; 2) охрану труда и здоровья россиян; 3) поддержку семьи, материнства, отцовства и детства; 4) устранение и сглаживание социального неравенства, за счет разумного и рационального перераспределения доходов между различными социальными слоями и посредством налогообложения, государственного бюджетирования, реализации целевых социальных программ, как на федеральном, так и на региональном, в том числе муниципальном, уровнях; 5) стимулирование, поощрение и общественное признание благотворительной и спонсорской деятельности; 6) финансирование и поддержку фундаментальных научных исследований, культурных и спортивных программ; 7) минимизацию безработицы, стимулирование трудовой и профессиональной занятости населения, выплаты социальных пособий по безработице; 8) грамотное и сбалансированное государственное регулирование и рыночное саморегулирование экономики в целях обеспечения достойного человека уровня и качества жизни всех граждан; 9) участие широких слоев населения в решении актуальных проблем не только внутригосударственного уровня, но и глобального масштаба в рамках реализации международных научных, культурных и экологических программ [2]. Результаты исследования международного опыта ориентируют внимание на государства Скандинавского полуострова, успешно реализующие «шведскую модель» социально-экономического устройства политической организации их обществ [1]. В них принцип социальной справедливости является исходным при принятии и реализации решений на государственном уровне. Это позволяет их считать, как страны – с высоким уровнем развития системы социальной защиты; совершенной государственной пенсионной системой; низким уровнем коррупции; высоким процентом рабочих, входящих в профсоюзы; партнёрством между работодателями, профсоюзами и правительством; высокими пособиями по безработице и досрочному выходу на пенсию; высокими расходами государства на здравоохранение и образование; эффективной защитой прав собственности, упрощенной процедурой ведения бизнеса; низкими административными барьерами для свободной торговли; высокой налоговой нагрузкой [7]. Итак, развитие российского государства как социального государства возможно при условиях эффективного функционирования социальных институтов общества, а также политических и правовых институтов государства. Их

функция – создание узаконенной практики удовлетворения потребностей граждан. Нарушение нормативных условий взаимоотношений наносит вред как отдельным участникам – гражданам, так и всему населению общества. Невыполнение институтом своих функций – актуализация напряженности, снижение эффективности государства по обеспечению равенства граждан, и как следствие роста социальной несправедливости [6].

Литература:

1. *Беликов Е.Г. Становление Российской Федерации как социального государства: финансово-правовые аспекты: монография / под ред. Е.В. Покачаловой. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 157 с.*
2. *Клишас А.А. Социальное государство: монография. – М.: Международные отношения, 2017. – 269 с.*
3. *Назаренко С.В. Функциональная направленность социального контроля в интеллектуальном праве / Экономика. Бизнес. Банки. 2017. Т. 6. С. 27-33.*
4. *Оборский А.Ю. Становление современной науки как социального института / Социально-гуманитарные знания. 2017. № 3. С. 71-79.*
5. *Евстратов А.Э. Генезис идеи социального государства: историко-теоретические проблемы. [Электронный ресурс]. URL: https://dlib.rsl.ru/viewer/01002900441#?page=1 (дата обращения: 30.01.2018).*
6. *Дисфункции социальных институтов. [Электронный ресурс]. URL: — http://www.grandars.ru/college/sociologiya/disfunkcii-socialnyh-institutov.html (дата обращения: 30.01.2018).*
7. *Torben M. Andersen, Bengt Holmström, Seppo Honkapohja, Sixten Korkman, Hans Tson Söderström, Juhana Vartiainen, The Nordic Model – Embracing globalization and sharing risks. [Электронный ресурс]. URL: http://www.arhiv.svrez.gov.si/fileadmin/svez.gov.si/pa*

Черевкова Алена Игоревна,

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Влияние СМИ на престиж профессии врача в современном российском обществе (по результатам социологического исследования, проведенного в Москве и Казани в 2017 году)

Профессия врача традиционно относится к ряду социально значимых профессий, привлекающих широкое общественное внимание, особенно в свете развития рыночной экономики, непрерывных реформ в здравоохранении, а также в условиях прекариатизации российского общества. Профессия врача является жизненно необходимой для любого общества и в любое время, а потому, ожидаемо, должна обладать высоким уровнем престижа, то есть, с одной стороны, быть уважаемой в обществе и привлекательной для молодого поколения, а с другой, достойно оплачиваться. В условиях информационного общества средства массовой информации оказывают существенное влияние на формирование и динамику престижа различных видов профессиональной деятельности. Цель данной статьи состоит в рассмотрении влияния СМИ на престиж профессии врача в современном российском обществе. Весной-летом 2017 г. по стандартизированной анкете было опрошено 468 врачей из г.Москвы и 402 врача из г.Казани. Категория врачей в исследовании – это лица, получившие высшее медицинское образование по соответствующей специальности и

работающие в медицинском учреждении. Распределение ответов групп респондентов на вопрос «Является ли профессия врача престижной в обществе?» выглядит следующим образом: треть (32,5%) московских и 46,2% казанских врачей считают профессию престижной; 53.9% врачей из Москвы и 31,2% врачей из Казани считают свою профессию «обычной», отмечая, что она является «не слишком престижной, но и непрестижной ее не назовешь». 11,8% и 11,3% врачей из Москвы и Казани соответственно назвали профессию однозначно непрестижной. Отвечая на вопросы о динамике уровня престижа профессии врача, 35,9% опрошенных в Москве отметили, что за последние 5 лет престиж профессии повысился, 29,9% указали, что престиж их профессии снизился. Большинство (45,4%) врачей из Казани отметили, что престиж профессии за последние 5 лет не изменился, еще четверть (24,5%) опрошенных считают, что он снизился. Менее половины (47,8%) врачей из Москвы считают, что престиж профессии в ближайшие 5 лет возрастет. Врачи из Казани настроены менее оптимистично: такой вариант ответа выбрали лишь 25,9% респондентов. 31,6% врачей ответили, что престиж профессии в ближайшие годы не изменится. Таким образом, по мнению самих врачей, несмотря на высокую социальную значимость и массовость, профессия врача становится все менее привлекательной. Это обусловлено низким уровнем дохода врачей в государственных медицинских учреждениях, социальной и правовой уязвимостью представителей профессии, а также другими факторами, в числе которых состоит освещение СМИ деятельности врачей в негативном ключе [1]. Для выявления влияния СМИ на престиж профессии респондентам было предложено высказать свою позицию по следующему утверждению: «Средства массовой информации позитивно представляют работу врачей». Менее половины (45,2%) московских и 67,2% казанских врачей соответственно согласились с данным утверждением. В глубинных интервью, проведенных также в рамках исследования, врачи отмечали деструктивное воздействие российских СМИ, которые «акцентируют внимание на каких-то ошибках, на представителях профессии… В любой профессии есть люди, которые пришли в нее не для помощи, а, наоборот, причиняют вред и портят честь мундира. То есть СМИ в основном концентрируются на вот этих историях. Вместо того, чтобы рассказывать истории о каких-то достижениях, уникальных операциях, инновациях, то есть изобретений достаточно много, они сейчас тоже создаются, но вместо того чтобы показывать их, показывают в основном какие-то ошибки, какие-то пререкания» (врач, муж., 28 лет, г. Казань). Таким образом, средства массовой информации, особенно телевизионные, достаточно однобоко освещают медицинскую деятельность. В погоне за сенсациями активно обсуждаются темы, связанные с врачебными ошибками, плохими личными качествами врачей (черствостью, безграмотностью, безразличием и т.д.), неблагоприятным положением в здравоохранении. Также в глубинных интервью врачи отмечали, что сегодня СМИ отрицательно влияют на престиж профессии, потому что «есть много как бы тем, поднимающихся на

телевидении, в газетах, в Интернете, лицами, которые не имеют никакого отношения к медицине, но они дают свои советы, рекомендации курсы лечения, назначения, которые порой имеют самый неблагоприятный исход для состояния пациента» (врач, жен., 52 года, г. Ростов-на-Дону). Активная реклама самолечения, биологически активных добавок и методов народной медицины пагубно отражается на воспринимаемом образе и престиже медицинских работников, системы здравоохранения в целом [1]. В массовом сознании врачи теряют свои привилегированные позиции, их деятельность подвергается сомнению и критике. Иными словами, врачебная деятельность перестает быть чем-то «сакральным», требующим специальной подготовки и особых личностных качеств. Таким образом, на сегодняшний день СМИ в основном формируют негативное отношение к профессии врача. Поскольку престиж врачебной деятельности является также и отражением состояния сферы здравоохранения, указывает на эффективность реализации социальной политики в целом, органы власти различных уровней должны уделять значительное внимание вопросам формирования и положительной динамики престижа тех видов профессиональной деятельности, которые необходимы и значимы для функционирования общества. Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект №

Литература:

1. *Профессии социального государства / под ред. П.В. Романова и Е.Р. Ярской-Смирновой (Библиотека «Журнала исследований социальной политики»). М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2013. 360 с.*
2. *Мосиенко О.С. Влияние прекариатизации трудовых отношений на профессиональную идентичность врачей (на примере г. Казани) // Гуманитарий Юга России. 2017. №5. С.206-219.*
3. *Нор-Аревян О.А. Профессиональная идентичность врачей г. Москвы в условиях прекариатизации социально-трудовых отношений в российском обществе // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. №3. С.204-214.*
4. *Фролова А.С., Посухова О.Ю. Концептуальное моделирование системы символического конструирования профессиональной идентичности в медиапространстве // Медиаобразование. 2017. №3.*

Чудновская Ирина Николаевна,

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Метроэтничность и оценочные доминанты коммуникации в научном дискурсе социологии языка

Процессы глобализации приводят к изменениям как в социальной жизни, так и в отражении ее в научном дискурсе. Пересматриваются, детализируются концепты, имеющие глубокие корни в научном осмыслении, появляются новые термины. По определению, сами термины не должны нести оценочной окраски, однако терминология социальных наук, имеющих дело с человеческим фактором, обладает своей спецификой: объективно отражая действительность, она неизбежно сталкивается с оценочностью,

присутствующей в реалиях социального взаимодействия. Проблемы социальной несправедливости, социального неравенства присущи обществу и в диахронии, и в синхронии. Довольно ярко это представлено в этнической плоскости, в частности в плане идентичности. Социология языка, этносоциология традиционно исследуют проблемы этнической идентичности в неразрывной связке с языком. Эта связка в идеале учитывается и при разработке принципов справедливой языковой политики [2]. В этом смысле введение новых терминов и переосмысление прежних имеет большое значение не только для науки, но и для организации социального взаимодействия. В данной работе остановимся в этом ключе на ряде терминов социологии языка, связанных с оценочностью. В группу оценочных доминант входят самооценка, оценка партнеров по взаимодействию, оценка информации, установка. Рассмотрение оценочности неразрывно сопряжено с другими социологическими доминантами коммуникации: стратификационными, ситуативными, функциональными [1]. Термин «диглоссия», введенный во второй половине XX века для описания функционального сосуществования в обществе двух форм одного языка или двух языков, в настоящее время имеет явный оценочный акцент. В отличие от билингвизма диглоссия описывает ситуацию, когда в обществе присутствует сознательная оценка социальной престижности определенных сосуществующих идиомов. Известный исторический пример – функционально распределение использования дворянами в России французского и русского языков. Обратим внимание, что вопрос об этничности и языке здесь не всегда стоит остро. Вспомним пушкинское описание Татьяны: с одной стороны, «Татьяна русская душой», с другой стороны, «она по-русски плохо знала». В конце XX века в социологии языка обсуждается термин, напрямую выходящий на социальную оценочность. Ряд исследователей, например [3], при описании термина «смешанные языки» (mixed languages), обращает внимание на определенный вид социальных ситуаций, связанных с групповой этнической самоидентификацией и языком. На отдельных территориях межэтнического взаимодействия в билингвальных условиях, где есть возможность коммуницировать на любом из представленных там языков, группы с невысоким социальным статусом тем не менее формируют свой, смешанный, язык как знак собственной социальной и этнической идентичности. Процессы глобализации с их транснациональными характеристиками, возрастающая урбанизация порождают в XXI веке новые социально-коммуникативные практики, связанные с оценочными доминантами. J. Maher вводит в научный дискурс понятия «метроэтничность» и «метроязык» [4], [5]. Во многом они репрезентируют современные цивилизационные изменения. Нововведенные понятия становятся объектом продолжающихся дискуссий в области философии языка по поводу корреляции этничности и языка как таковой, а также в контексте нового понятия – «глобальная идентичность» как вызов национальной и/или этнической идентичности. Рассматривая метроэтничность в дискурсе мультикультурализма, J. Maher дистанцирует ее

от традиционного исторического аспекта этничности с логоцентричными метанарративами и переводит ее в область культуры и эстетики. Метроэтничность связана с эмансипацией и выражается в действиях людей, «которые ориентированы на культурную гибридизацию, культурную / этническую толерантность и мультикультурный образ жизни в дружбе, музыке, искусстве, еде и одежде» [4, 83].

Эти действия могут быть присущи жителям крупных городов, независимо от принадлежности к меньшинству или большинству, и сфокусированы не на исторической этнической идентичности, а «на том, чего мы можем достичь как личности» [4, 84], на самореконструкции.

Важен мотивационный принцип, который J. Maher видит в данном рефреймировании этнической/культурной принадлежности, это – «принцип крутизны» (Principle of Cool), т.е. оценочный принцип. Таким образом, принципиальный приоритет приписывается оценочным доминантам. По мнению автора, мы имеем дело с облегченным вариантом этничности, с ее игровым аспектом. И здесь у нас естественно возникает ряд ассоциаций, которые заставляют задуматься о степени кристаллизации нового типа этнической идентичности. Первая – с культурной апроприацией, проявление которой наряду с оценочностью все-таки имеет социальную импликацию, обусловленную стратификационными доминантами. Другая ассоциация – с молодежным игровым поведением и молодежным сленгом. Не является ли и метроэтничность характеристикой прежде всего молодежи как социальной группы? Хотя J. Maher говорит не просто о частных моделях, а о рефрейминге, что, по коммуникативному определению фрейма, описывает поведение, ставшее типичным, на наш взгляд, осмысление метроэтничности как нового типа этничности требует дополнительных свидетельств на других территориях (Maher вводит это понятие, описывая явление с опорой на японский опыт). В условиях культурной диффузии остается недостаточно ясной лингвистическая и социальная сущность понятия «метроязык».

Литература:

1. *Конецкая В.П. Социология коммуникации. М.: МУБиУ, 1997.*
2. *Чудновская И.Н. Международные языки: вызов обществу в контексте глобализации // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология, 2014. № 4. С. 189-203.*
3. *Mixed Languages: 15 Case Studies in Language Intertwining (Studies in language and language use. 13) / Ed. by P. Bakker and M. Mous. Amsterdam: IFOTT, 1994.*
4. *Maher J. C. Metroethnicity, Language, and the Principle of Cool // International Journal of Sociology of Language. 2005. 175/176. P. 83-102.*
5. *Maher J. Metroethnicities and metrolanguages // The handbook of language and globalization / N.Coupland (Ed.). West Sussex: Wiley-Blackwell. 2010. P. 575–591.*

Шамонина Ольга Петровна,
Уфа, Россия

Снижение производительности труда как защитная реакция от социальной несправедливости

В последнее время говорят о тенденции снижения производительности труда, незначительно, но процесс имеет постоянную убывающую. В качестве причин рассматриваются разные, обусловленные этапом социально-экономического развития, уровнем культуры и системы ценностей, либо сложившимися природными условиями и территориальными различиями. В связи с этим, предлагаются разные пути изучения, преодоления и повышения: от пересмотра мотивационных составляющих, разнообразия моральных и материальных стимулов, искусственного повышения авторитетности отдельных отраслевых производств, специальностей, профессий, до автоматизации и роботозамещения. Однако, среди всех имеющихся причин, отсутствует ещё одна, уходящая своими корнями в более глубокие срезы проблемы, в основе которой, как раз и лежит социальная несправедливость. Существует ряд ситуаций, когда люди могут «закрыть глаза» на какую-то несправедливость, перетерпеть, в конце концов, просто проигнорировать, но есть одна сфера, где социальная несправедливость принимает ярко выраженный характер, воспринимается каждым индивидуумом, как оскорбление чувства собственного достоинства, и это – сфера профессиональной деятельности, работа, которую выполняет человек, его трудовая деятельность. Каждый человек, имея право на самореализацию, никогда не согласится с тем, чтобы терпеть в отношении себя, как специалиста, социальную несправедливость, которая может проявляться в разных формах: заниженном уровне зарплаты, нарушениях условий и безопасности труда, управленческом беспределе, субъективной оценке выполняемого труда. Следует отметить, что эти явления есть и были всегда, но если раньше, люди, выросшие на идеалах бескорыстного и самоотверженного труда терпели все невзгоды социальной несправедливости ради будущих поколений, хорошего счёта у руководства, различного рода поощрений в виде нематериальных стимулов (грамот, доски почёта, званий), то в настоящее время, на стыке перехода поколений, когда происходит постепенное замещение работников старшего поколения, на смену им приходят новые кадры, но уже со сниженной планкой и другими представлениями о работе, о роли работника на производстве. И суть этого явления заключается в том, что старшее поколение работников, ощущая на себе социальную несправедливость, на интуитивном, бытовом и социальном уровнях, транслировало подрастающему поколению модель поведения на снижение производительности труда, объясняя это тем, что справедливости не будет, как бы не приходилось выкладываться на работе, полученные

знания не играют особой роли, если нет полезных связей или вышестоящих родственников, честным трудом невозможно заработать на достойную жизнь и пенсию. А молодое поколение, получая такую информацию, снижало запросы и мотивирующую составляющую, особенно, в семьях, не имеющих высокого достатка, в силу отсутствия возможностей достичь высокого карьерного и доходного уровней. Те же представители молодого поколения, у которых такие возможности были, также не стремились к высоким достижениям и саморазвитию, т.к. уже имели необходимый набор преимуществ. Здесь и проявляется социальная несправедливость, обусловленная высокой дифференциацией общества и наличием разных слоёв, с чётко выраженными границами владения экономическими ресурсами и высоким социальным статусом. До тех пор, пока старшее поколение работает, а новые поколения начинают входить в трудовую жизнь, производительность труда будет несколько стабильной, а затем начнёт стремительно снижаться. Принимаемые меры, в виде повышений зарплат, создание комфортных условий труда и отдыха, введение новых форм нематериального стимулирования, совершенствование управления, внедрение новых информационных технологий, создадут временную остановку этого процесса, возможно, что и повысят его на некоторый период времени, но в дальнейшем есть вероятность продолжающегося снижения. И здесь важно указать ещё один момент. Когда люди активно что-то подавляют в себе, стараются корректировать своё поведение, свою жизнь под условия, в которых им не комфортно, то в геноме человека происходят изменения, что отражается на генетическом фоне последующих поколений. Доказательств таких теорий на данный момент нет, есть лишь некоторые предположения генетиков о связи генов и социальной среды, к сожалению, мало или практически нет исследований в области социальной генетики, где можно было бы обнаружить связь между генами и профессиональной деятельностью человека, его профессией и профессионализмом. Другими словами, снижение производительности труда происходит в качестве защитной реакции от существующей социальной несправедливости, и чем ярче проявляется несправедливость, тем стремительнее будет снижаться не только производительность, но и работоспособность последующих поколений, т.к. это форма подавления или вытеснения, формирует совершенно другую природу и сущность человека. Парадокс состоит в том, что большинство глобальных катаклизмов начинается с незначительной проблемы, которую в нужное время, не разглядели, либо смотрели под другим углом или банально проигнорировали. Человечеству необходимо научиться противостоять глобальным изменениям, в противном случае, ему грозит вымирание, когда одна часть человечества просто не сможет принять жёсткие условия выживания, а другая, не захочет, понимая безысходность и то, что усилия будут не просто не оправданы, но и оценены не по справедливости.

Штомпель Людмила Александровна,
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Общественные пространства города как "маска" социальной несправедливости

Социальное неравенство есть форма социальной несправедливости. Одним из способов зримого смягчения социального неравенства выступает развитие открытых общественных пространств городов – площадей, парков, скверов, новых пешеходных зон, – предназначенных для совместного времяпрепровождения людей, находящихся на разных ступенях социальной иерархии. Конкретизируя идеи Д.Харви, можно сказать, что развитие общественных пространств современных городов есть результат временного совпадения интересов финансистов и гуманистически настроенной публики. Действительно, организация и проведение различных праздников и гуляний на общественных пространствах городов выполняет множество функций: культуросозидательную (поскольку приобщает к искусству, традициям и истории своего народа), психологически-терапевтическую и рекреационную (создаёт у горожан приподнятое настроение, отвлекает на короткое время от жизненных проблем), экономическую (провоцирует их на незапланированные траты, покупки различных поделок, сувениров и т.п.) и т.д. Поэтому развитие общественных пространств мы рассматриваем не только как следствие проникновения в нашу страну идей нового урбанизма, но и как действенный способ "микширования" социальных противоречий и восстановления социокультурного единства общества, стратифицированного по многим параметрам, в том числе – по имущественному признаку. В направлении формирования городской среды в нашей стране в последние годы делается, действительно, немало: мы имеем в виду прежде всего приоритетный проект Минстроя России "Формирование комфортной городской среды". Немало, но явно недостаточно, если обратиться к опыту развития городской среды нестоличных городов, в частности, Ростова-на-Дону – города с более чем миллионным населением и более чем двухсот шестидесятилетней историей. «Разорванное» размещение новых селитебных территорий города, отличающихся друг от друга не только архитектурным обликом, но также социальным составом, финансовым положением и властными возможностями населяющих их горожан, усиливает значимость функции общественных пространств, заключающуюся в сглаживании социального неравенства и в поддержании ощущения благополучия жизни. Эта роль открытых общественных пространств (парков, площадей и пешеходных зон) возрастает в связи с изменением общей территориальной структуры многих городов: изменяется локализация прежних элементов территориальной структуры, происходит их перепрофилирование и трансформация их размеров, появляются новые элементы, при этом само

городское пространство стремительного расширяется, «уплотняются» центральные районы, развивается субурбанизация (как внешняя, так и внутренняя). Деиндустриализация экономики зримо отразилась и на городе Ростове-на-Дону: сократились промышленные зоны в центральной части города за счет перепрофилирования их в объекты культурного, делового и общественного назначения, а также переноса на периферию города или за его пределы. Селитебные зоны центра вытесняются объектами деловой активности. Появляются крупноформатные торгово-развлекательные комплексы, концентрирующие вокруг себя прочие объекты третичной сферы, что способствует формированию новых локальных центров не только городского, но и регионального значения. Как известно, в ближайшие годы в России будут предприняты значительные изменения ключевых общественных пространств 40 городов с общим населением 28 млн. человек. Ростов-на-Дону вошёл в это число и среди 6 объектов благоустройства значится парк КиО имени М.Горького – старейший парк города, а ныне – Муниципальное учреждение «Городской культурно-досуговый центр им. М.Горького». Он занимает сравнительно небольшую площадь – 11 га, – но его центральное географическое положение и исторически сложившаяся традиция оставляют за ним право считаться центральным парком города. Однако сегодня парк значительно отстаёт от возросших потребностей горожан, превратившись из центра культурной жизни города в транзитную зону между двумя центральными улицами, в средоточие точек общепита и дорогостоящих аттракционов, а также место притяжения для ночлега бомжей. Прежде активно посещаемый центральный парк – в связи с разрушением инфраструктуры, низким уровнем безопасности, отсутствием привлекательных зон отдыха – перестал выполнять в должной мере свою экологическую и культурную функции. Именно поэтому многие горожане характеризуют его как зону транзита между двумя центральными улицами. Поэтому изменение ключевых общественных пространств городов как зон медиации должно стать делом не столько архитекторов и дизайнеров, сколько культурологов и социологов, способных провести культурологическую экспертизу предпринимаемых дизайнерских преобразований. Действительно, современная городская среда испытывает на себе возросшую степень конкуренции за право наполнять, концептуализировать и контролировать открытые общественные пространства. Эта конкуренция осуществляется между различными носителями и субъектами городской культуры, которые обладают разными ценностными ориентирами и мотивами (одним из которых часто выступает лишь финансовая выгода). Отсюда и возрастание необходимости целенаправленного регулирования "наполнения" городской среды, открытых общественных пространств значимым для российской культуры содержанием, на основе чего возможно формирование чувства социокультурной сплочённости и справедливости.

Якушина Ольга Игоревна,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Концептуализация социальной справедливости и культурная коммуникация

В прошлом многие представители либерального направления считали, что либеральные государства мононациональны, и конструировали теории справедливости, не учитывая наличия культурных меньшинств. Новые либеральные концепции утверждают принцип защиты самоопределения групп меньшинств, предлагая предоставлять культурным меньшинствам условия для их поддержки. В современной теории либерализма предлагается использовать принцип совещательности как условие преодоления существующей социальной несправедливости в культурных аспектах. Этот принцип связан с применением процедур совещательной демократии к большинству и меньшинству в культурно разнообразном демократическом обществе. Главный приоритет – увеличение числа представителей меньшинств в демократических мероприятиях при принятии важных для страны решений, а также активное вовлечение разных групп в переговоры для достижения взаимно приемлемых условий сосуществования [1-3]. Сторонники такого подхода считают, что он создает условия для лучшего выражения интересов меньшинств, уравнивает возможности самоопределения как для культур меньшинства, так и большинства, повышает взаимное понимание культур, в целом обогащает легитимность демократических институтов и политического процесса [1,4] в целях справедливости. Особенность совещательного подхода состоит в том, что следуя либеральной традиции, принципиально важно путем обсуждения, диалога установить взаимосвязи всех элементов общества – государства, группы, индивида. Это позволит выявить именно тот институциональный конструкт, который наилучшим образом способствует аккомодации культурных различий внутри государства, учитывая интересы и защищая права индивидов. А. Шахар [5] предлагает модель «трансформативной аккомодации», основанную на 4 гипотезах. 1. Идентичность индивида множественна и связана как с культурой, так и с гендером, религией и т.д., т.е. может быть множество связей, влияющих на идентичность. 2. Как государство, так и группы задают нормы и правовые основания поведения своих членов; и индивиды заинтересованы в сохранении своей культуры и защите своих личных прав. 3. Деятельность государства и групп взаимно влияет друг на друга. 4. И государство, и группы заинтересованы в поддержке своих членов. Также выделены три ключевых принципа: распределение власти соответственно конкретной ситуации; отсутствие монополии и принятие четко определенных вариантов. Они дополняются 2 условиями: 1) отсутствие монополии – юридическая власть должна быть

разделена между государством и группой. Ни государство, ни группа не должны иметь абсолютную власть в разнообразных социальных сферах; 2) четкие варианты –т.е. должно быть четко установлено, что относится к ведению государства, а что – группы. По этому принципу сферы можно разделять на подгруппы в зависимости от задач и групп, которых они касаются. На практике это означает ситуативность: у спорных социальных вопросов могут быть разные нормы их решения. Другим примером обоснования важности совещательного подхода является исследование С. Сонг [6] по переоценке состояния политической теории путем анализа судебного делопроизводства в США по аргументам «культурной защиты» в уголовном праве; где показано, каким образом совещательная политика благоприятствует как политической практике, так и теории. С. Сонг выделяет три аспекта межкультурного взаимодействия. Первый – эффект конгруэнции, что культурные нормы меньшинств в судах приведены в статус авторитетных не из уважения к многообразным культурам и их разнице, а потому, что они просто знакомы большинству. Второй – эффект бумеранга, при котором терпимость к патриархальным нормам и практикам у культурных меньшинств может создать опасный прецедент для гендерного равенства в обществе в целом,т.к. меньшинство и большинство в обществе не могут и не должны быть изолированными друг от друга. Третий – отвлекающий эффект, в результате которого осуждение большинством практик и норм меньшинств отвлекает от проблем большого общества. По сути С. Сонг показывает, что проблема в репрессивных методах, а не культуре; и что политика аккомодации проводится не обязательно для достижения справедливости. Только путем совещательной практики можно определить интересы разнообразных групп меньшинств и их культур, а также решить проблемы взаимодействия с большинством. Важно соблюдение баланса требований справедливости между культурными группами и внутри них. Процесс межкультурного совещания или переговоров – важное средство принятия справедливых и долговременных соглашений в условиях культурного разнообразия, путь признания и уважения свободы и самоопределения индивидов [7]. Такое коммуникативное взаимодействие является инструментом достижения согласованности действий на пути к социальной справедливости.

Литература:

1. *Розин В.М. Социальное проектирование в эпоху культурных трансформаций. М.: ИФРАН, 2008. 267 с.*
2. *Deveaux M. Cultural Pluralism and Dilemmas of Justice. Ithaca: Cornell University Press, 2000. 224 p.*
3. *Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003. 350 с.*
4. *Young S.P., Triadafilopoulos T. Multiculturalism as a Deliberative Ethic // Public Reason. 2013. Vol. 5. № 1. PP. 49-68.*
5. *Shachar A. Multicultural Jurisdictions: Cultural Differences and Women's Rights. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. PP. 51-54, 118-120.*
6. *Song S. Justice, Gender and the Politics of Multiculturalism. Cambridge: CambridgeUniversityPress, 2007. 176 p.*

7. *Мамедов А.К., Якушина О.И.Теоретические подходы к пониманию идентичности в современной социологической науке // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2015. № 1. С. 43-59*.

КРУГЛЫЙ СТОЛ. ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ЭЛИТНОСТЬ ИЛИ ЭГАЛИТАРНОСТЬ

Абрамова Софья Борисовна,
УрФУ, Екатеринбург, РФ

Получение высшего образования спортсменами высокого класса: возможности и проблемы

В современном обществе заниматься спортом становится все популярнее, все больше людей занимаются этим видом деятельности профессионально. Развитие спорта высших достижений и олимпийского спорта является одним из приоритетных направлений в социальной политике государства. Государство должно способствовать возвращению Российской Федерации на лидирующие позиции в спорте высших достижений, так как завоевание высших спортивных наград – одна из самых предпочтительных возможностей для всех стран заявить о себе на международном уровне. Высокие спортивные результаты выступают как отражение уровня социально-экономического и политического состояния страны. В этих обстоятельствах в нашей стране, как и в мире, существует тенденция к повышению уровня требований, которые предъявляются к спортсмену высокого класса, что в свою очередь требует от спортсмена все больше личностных, физических и временных затрат. В тоже время, в современном, меняющемся обществе высшее образование становится социальной нормой, а также является социальной гарантией на возможность получения более высокого заработка, статуса. Исходя из этого, задача совмещения получения высшего образования и занятий спортом высших достижений выходит на новый уровень теоретического и практического осмысления. Актуальность данной проблемы обусловлена тем, что время получения высшего образования совпадает с наивысшим расцветом физического развития спортсмена (17-25 лет). Однако именно на этот возрастной период приходится и принятие решения о будущем, планирование своей жизни как в контексте продолжения занятия спортом, так и получения высшего образования. Проблема рационального совмещения образовательной, трудовой и спортивной деятельности является одной из наиболее сложных для спортивных психологов, педагогов, тренеров, работников соответствующих министерств. При этом специальных работ по данному направлению нет ни в одной из наук: это вопросы затрагиваются как сопутствующие при решении главной задачи – высоких спортивных достижений. В рамках социологической теории эта проблема также практически не рассматривалась. Представляется, что данная проблематика

может быть выделена как одна из наиболее перспективных для изучения в рамках социологии спорта.

Для проведения социологического исследования студентов, являющимися спортсменами высшего класса, были изучены нормативные документы вузов города Екатеринбурга касательно предоставления льгот и поощрений для спортсменов. В результате было выделено три группы ВУЗов. 1. Спортивные вузы, а также спортивные факультеты в различных вузах. В них есть льготы для спортсменов, которые прописаны в нормативных документах. 2. Непрофильные вузы с льготами для спортсменов. Наиболее ярко льготы для спортсменов представлены в УрФУ им. Б.Н. Ельцина. Студентам университета, регулярно занимающимся спортом, показывающим стабильно высокие спортивные результаты, выступающим за сборную команду университета, активно пропагандирующим здоровый образ жизни, присваивается статус «Студент-спортсмен УрФУ». Обладатели этого статуса имеют право на первоочередное поселение в общежитие, получение свободного графика посещения занятий, индивидуального графика сессии и другие учебные и социальные льготы. 3. Вузы без льгот для спортсменов, к которым относится большинство высших учебных заведений Екатеринбурга. В ходе исследования было выявлено, что на успеваемость спортсмена высокого класса тип вуза оказывает значимое влияние. Студенты спортивных учреждений имеют наиболее высокую успеваемость, что связано с наличием удобного для спортсмена расписания занятий, сессий, то есть не происходит конфликтов с особым образом жизни, который требует спорт высших достижений. Также изучаемые предметы максимально приближенны к той деятельности, которой спортсмены уделяют большую часть своей жизни и о котором знают достаточно много. Низкая успеваемость наиболее характерна для вузов с льготами для спортсменов, возможно, это связано с тем, что существующие льготы и множественные отсрочки расслабляют студентов и те перестают стараться учиться. Одно из основных стереотипных восприятий спортсменов высокого класса в массовом сознании связано интеллектуальной несостоятельностью спортсменов. В исследовании было доказано, что, несмотря на все сложности, подавляющее большинство (95%) спортсменов, поступивших в вуз, заканчивают его. А также доля спортсменов, которые учатся на отлично и хорошо, совпадает с аналогичными показателям среди обычных студентов. Также трудности при получении высшего образования были разделены на личностные (проблемы самоорганизации, недостаток времени, материальное положение) и организационные (неудобное время занятий, конфликты с преподавателями и администрацией, недостаток практических занятий). В рамках этого деления среди «обычных» студентов более значимыми оказываются личностные трудности; для спортсменов трудности образования смещаются на организационные проблемы. Стоит подчеркнуть влияние типа вуза на отсутствие друзей в группе: студенты спортивных вузов чаще остальных не включены в тесные дружеские контакты с сокурсниками. В целом исследование показывает, что, несмотря на формальный статус студентов,

большинство спортсменов высших достижений продолжают вести образ жизни, преимущественно соответствующий образу жизни спортсмена.

Ананишнев Владимир Максимович,
МГПУ, Москва, Россия

Цифровые технологии и глобальные проблемы равного доступа к высшему образованию

Существует общественное мнение о том, что цифровые технологии решают многие социальные вопросы, делая образование доступным [3]. Просветительский медиа-проект об образовании Newtonew ни однократно писал о таких проектах. К примеру, о шахтёрах американского городка, которые решили после закрытия шахты получить профессию программиста. Или о том, как в российских больницах планшеты помогают преподавателям учить тяжелобольных молодых людей. К тому же ЮНЕСКО выпустило брошюру рекомендаций по политике в области мобильного обучения: там идёт речь о программах, которые через мобильный телефон «доставляют» образование в места военных конфликтов и стихийных бедствий и т.д. Однако это не совсем так. Профессор Оксфордского университета Джон Голдфорп отмечает в своей статье для The Guardian , что связь между доступностью образования и вертикальной социальной мобильностью не так проста. В Великобритании после Второй мировой войны было проведено две образовательные реформы, которые сделали общедоступным сначала среднее, а потом и высшее образование. Безусловно эти реформы позволили многим талантливым людям из малообеспеченных семей добиться в жизни успеха, но на общую ситуацию несильно повлияли. Если рассматривать такой показатель социальной мобильности, как количество молодых людей, добившихся по сравнению с родителями более высокого социального статуса, то за 70 лет в английских семьях мало что изменилось [10].

Главное не то, какой уровень образования имеет индивид, а то, как этот уровень соотносится с прямыми конкурентами на рынке труда. Для того, чтобы образование действительно давало равные возможности, должно быть соблюдено минимум два условия: первое, связь между социальным происхождением и уровнем образования должна ослабевать; второе, связь между уровнем образования и социальной позицией, которую человек занимает, получая профессию, должна увеличиваться [4]. Естественно, что повышение социальной мобильности означает уменьшение связи между социальным положением родителей и их сыновьями и дочерями. Однако против такой ситуации выступает человеческая психология: люди прилагают больше усилий против понижения социального статуса, чем для достижения более высокого. Отсюда родители, имеющие более высокое положение в обществе, несмотря на любые реформы образования и различные открытые

онлайн-курсы будут добиваться конкурентного преимущества своих сыновей и дочерей на рынке труда, а значит, об одинаковых возможностях можно только мечтать [5]. Рассмотрим непосредственно цифровые технологии. В последнее десятилетие мировое сообщество осознало, что чем больше роль цифровых технологий в нашей современной жизни, тем явственнее становится цифровое неравенство [2]. Так называемый «цифровой разрыв» («digital divide») — это одна из многих проблем, стоящих перед малообеспеченными социальными слоями[9]. Выдача заданий и информации в блоге преподавателя, поиск материалов для работы над проектами, развивающие игры, обучающие видео — цифровые инструменты становятся главными компонентами высшего образования. Однако те студенты, которые больше всего нуждаются в возможностях, которые дают технологии (например, в индивидуализации обучения), не имеют доступа к ним. Поэтому, неравенство возможностей только нарастает. Цифровое неравенство проявляется в масштабах планеты, страны, региона, города и даже отдельного вуза [6]. И именно на этом частном уровне проблему могут и должны решать преподаватели, так как они знают технические возможности своих студентов и могут адаптировать программу так, чтобы её мог освоить каждый. Однако обеспечить всех техническими средствами недостаточно. Исследователи отмечают, что цифровое неравенство имеет двойную природу. С одной стороны, оно возникает из-за того, что не все люди имеют техническую возможность доступа к цифровым ресурсам. С другой стороны, люди из разных социальных групп имеют разную мотивацию использовать цифровые технологии. Как показывают статистические данные различных СМИ, люди из бедных слоёв населения не стремятся проходить онлайн-курсы разных университетов. Хотя отдельные примеры того, как онлайн-образование помогает преодолевать барьеры, есть (вот история паренька из Монголии, который в свои 15 лет прошёл курс по микросхемам, предназначенный для второкурсников MIT, и затем поступил в знаменитый вуз) . Иными словами, видеоролики будут смотреть те, кто имеет возможность доступа к Сети и понимает, как они могут сделать его жизнь лучше. Поэтому те, кто хочет с помощью доступного образования уравнять шансы из различных социальных слоёв, должны знать, как можно и нужно учиться в современном глобальном мире с цифровыми технологиями.

Литература:

1. *http://www.gks.ru/scripts/db_inet/dbinet.cgi, Федеральная служба государственной статистики, 2006*
2. *Ананишнев В. М. Информационные технологии в системе управления образованием // Системная психология и социология. – 2015. – № 1 (13). – С. 94–103.*
3. *Ананишнев В. М. Социология образования: учеб. пособие. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. – 352 с.*
4. *Ананишнев В. М. Технологизация управления образованием // Системная психология и социология. – 2014. № 4 (12). – С. 91–105.*
5. *Ананишнев В. М. Социология и психология управления: монография. – М.: ООО НИЦ «Инженер», 2009. – 211 с.*
6. *Ананишнев В. М. Социальная структура, социальные институты и процессы: монография. – М.: ООО НИЦ «Инженер», 2013. – 260 с.*

7. *Мониторинг экономики образования. «Социальная дифференциация и образовательные стратегии студентов и школьников». Информационный бюллетень №6, 2007*
8. *Образование в Российской Федерации. Статистический ежегодник. - М.: ГУ-ВШЭ, 2005.- 376 с.*
9. *Экономика образования в зеркале статистики. Информационный бюллетень, №№ / Минобразования РФ, ГУ-ВШЭ. – М., 2004-2006.*
10. *C.Corallo, D.McDonald Wat Works with Low-performing Schools, 2001 de AEL.*

Антонова Ольга Геннадьевна,
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия

О проблеме массовизации высшего образования

Современный период модернизации высшего образования можно охарактеризовать как противоречивый, стратегически неопределенный, неустойчивый, что связано, прежде всего, с определением его места и роли в обществе. Модернизация российской системы образования является объективным процессом, отражающим приоритеты общества на данном этапе развития. Статус образования определяется особенностями его функционирования, социальные функции, в свою очередь, отражают потребности общества. По своей сути, сфера образования является консервативной, поскольку главная ее функция заключается в трансляции накопленных знаний и опыта. В то же время, институт образования следует за динамикой общества, обуславливающей возникновение принципиально новых проблем. Формирование новой парадигмы мышления способствовало переоценке ценностей в образовании, среди которых - изменение его целей, ориентация на потребности конкретных людей. Наиболее отчетливо это проявляется в высшей школе. Особенными тенденциями развития высшего образования в России являются унификация и смена парадигмы образовательных технологий, стандартизация образования в целом как целостного явления, реструктуризация вузов, оптимизация (сокращение кадров), уход государства из сферы прямого влияния и т.д. Среди новых тенденций развития российского высшего образования следует отметить: развитие сферы образования как сферы услуг, развитие образования как инструмента инновационной политики, непрерывность современного образования, его популяризация среди широких слоев населения. Данные тенденции способствовали появлению такого социального феномена, как массовость высшего образования. Массовизация высшего образования представляет собой противоречивый процесс. С одной стороны, растет доступность высшего образования среди различных слоев населения, способствует росту социальной мобильности в обществе и т.п. С другой стороны, массовизация неизбежно приводит к снижению академических стандартов в образовании, способствует коммерциализации высшего образования, что, в свою очередь, трансформирует традиционную роль

университета как места по производству знаний в место по производству денег. Это приводит к изменению ценности высшего образования, утрачивается его элитарный характер. Увеличение количества людей с высшим образованием, являющееся, на первый взгляд, положительной тенденцией, в то же время может способствовать деформации рынка труда и росту безработицы. Обозначилась негативная тенденция, когда выпускники вынуждены трудоустраиваться не по полученной в вузе специальности, а многие - и вовсе работать в секторах, где в принципе не требуется высшее образование. В силу того, что высшее образование сегодня стало массовым, утратилось истинное понимание его социальной сущности. Формирование образовательных стратегий связано с практической включенностью всех субъектов различного уровня в образовательные процессы и особым ценностным отношением к образованию. Одной из наиболее очевидных и признаваемых большинством исследователей функций является активизация социальной мобильности, как правило, восходящей, ведущей индивидов к более сложным видам труда, более высоким доходам и престижу. Ряд важнейших функций высшее образование выполняет в отношении социальной структуры общества. Например, гомогенизация общества через организованную социализацию индивидов. Среди традиционных функций образования назовем идеологическую, духовную, интеллектуальную, социально-политическую, функцию социального контроля и селекции, воспроизводства социального опыта и исторической преемственности. Сегодня выполнение этих функций системой высшего образования осуществляется противоречиво, что воспринимается как глубокий кризис, вызванный социально-экономическими условиями и сменой социальных ориентаций и приоритетов. Конечно, вызовы модернизации диктуют свои требования вузам, в первую очередь, быстрого реагирования на запросы экономики, но, тем не менее, следует учитывать характерные особенности высшего образования, что, собственно, и обозначило существующие противоречия. Утилитаристский подход к высшей школе в принципе неприемлем, ее статус многостороннее, а функции намного разнообразнее, нежели простое удовлетворение рынка труда рабочими кадрами. Сущность образования, как важнейшего феномена культуры, определяется ее ценностными и мировоззренческими установками, а также спецификой социальных механизмов передачи культурного опыта на конкретном этапе развития общества. Главной функцией высшего образования, несмотря на все происходящие видоизменения этого института, была и остается функция формирования и воспроизводства общественного интеллекта. Это определяет, в конечном счете, место и роль высшего образования на современном этапе.

Аракчеева Марина Борисовна,
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г.Чернышевского, Саратов , Россия
Павленко Юлия Викторовна
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г.Чернышевского, Саратов , Россия

Доступность высшего образования как механизм детерминации статусных возможностей молодежи

Место и роль образования в современном мире обусловлены множеством факторов и обстоятельств. В настоящее время образование стало важнейшим фактором успешного развития людей. Полноценное системное образование создает условия для реализации человека как личности, наделяет его профессиональной мобильностью, закладывает фундамент конкурентоспособности в жизни. В последнее время активно дискутируется вопрос о значении образования как фактора формирования нового качества не только экономики, но и общества в целом. Обсуждаются варианты взаимодействия образовательной сферы и государства, а также вносимые изменения в сложившуюся систему отечественного образования. Например, переход к западным стандартам и совершенствование образовательного процесса, кардинальным образом отличающееся от предшествующих установок. В современных условиях все более актуализировано рассмотрение региональной специфики получения высшего образования при выстраивании жизненных ориентиров. Социологи отмечают различия в доступности получения высшего образования молодыми людьми из разных социальных групп, а это в результате служит важным, иногда ключевым элементом последующего образа жизни личности. На региональном уровне существуют и особенности реализации полученного высшего образования.

В феврале 2016 года на базе Центра региональных социологических исследований СГУ был проведен социологический опрос среди жителей города Саратова с целью изучения места и роли высшего образования в процессе построения жизненных ориентиров современной молодежи. В ходе опроса было выявлено, что доступность высшего образования в нашей стране только 8% городских жителей оценивают на 5 баллов; 34% - на 4 балла; 46% - на 3 балла; 10% - на 2 балла и 2% горожан оценили доступность высшего образования на 1 балл. Исходя из этого, доступность высшего образования жители города оценили в среднем на 3,3 балла. Несмотря на широкую всеобщую доступность, возможность выбрать тот вариант высшего образования, который в наибольшей степени отвечал бы способностям и потребностям личности, респонденты оценили этот критерий низкими баллами. Возможно, это связанно с нарастающей коммерциализацией системы высшего образования. Не менее важной проблемой следует считать

качество образовательных услуг. Так, качество высшего образования в России респонденты оценили следующим образом: 6% городских жителей оценили в 5 баллов; 41% поставили 4 балла; 45% горожан оценили качество высшего образования в 3 балла; 7% поставили 2 балла и 1% - оценили в 1 балл. В среднем качество высшего образования в РФ жители города оценивают на 3,4 балла. Возможно это связанно с тем, что значительная часть выпускников не получают знаний и навыков, востребованных на рынке труда.

В настоящее время значимым является «встраивание» отечественной системы образования в международное информационное поле. В связи с этим актуально рассмотреть, как респонденты оценивают качество высшего образования за рубежом. Результаты получились следующие: 13% горожан ответили, что качество высшего образования за рубежом «отличное»; 48% сказали «хорошее»; 26% респондентов - «удовлетворительное»; 2% ответили «плохое», а 11% жителей города затруднились ответить. При этом большинство не стремятся получить образование за рубежом, они намерены обучаться в России. В то же время многие хорошо относятся к программе «студенческого обмена» и только 4% респондентов не поддерживают данную программу.

Подводя итог, отметим, что большинство горожан испытывают трудности, связанные с получением высшего образования. Они оценивают качество и доступность высшего образования в нашей стране не самыми высокими баллами. Однако следует подчеркнуть, что изменения, происходящие в высшей школе, открывают новые стартовые возможности для молодых людей по достижению желаемых социально-статусных позиций. Более разнообразными стали типы вузов. На практике осуществляется вариативность и многоуровневость образования. Активно развивается система дистанционного обучения. Также отметим, что приоритетными направлениями реформирования высшего образования являются качество, доступность, эффективность.

Борискина Анна Александровна,
СГЭУ, Самара, Россия
Кочеткова Наталья Викторовна
ФГБОУ ВО СГЭУ, Самара, Россия

Образование как фактор социальной мобильности и механизм формирования социального капитала

В последнее время в России возросло внимание к развитию образования, в особенности высшего. Это вполне объяснимо, потому что только через качественное образование Россия сможет оказаться в ряду наиболее экономически развитых и социально благополучных стран мира.

Развитие современного образования связано с быстрыми социально-экономическими преобразованиями, с развитием мощного информационного поля, с наметившейся тенденцией обучения на протяжении всей жизни. В настоящее время необходимы специалисты, умеющие творчески мыслить, быть максимально продуктивными и стрессоустойчивыми. Специалист должен быть не узко направлен, а сочетать в себе широкие общекультурные знания. Работодатели ищут человека, умеющего справляться с ситуациями, которые невозможно предвидеть. Неравный доступ молодых людей к политическим, финансовым и иным ресурсам предопределяет выбор университета, а значит качество и объем образования. Это влечет за собой воспроизводство социальной структуры, социальное неравенство. Идея обеспечить всем равный доступ фантастична. Это не представляется возможным из-за существования множества барьеров. Барьеры заложены уже родителями индивида, их воспитанием, образованием, материальными возможностями. Даже отсутствие финансов на репетитора ребенку влияет на наследование социального статуса и воспроизводство неравенства. Эти барьеры и существуют, потому что ежедневно воспроизводятся у индивидов. На самом деле, стоит лишь поменять восприятие. После осознания своего отличия от другого, индивид сможет по-новому использовать ресурсы, накопленные в институте образования многими годами, с помощью которых он сможет превратить их в социальный капитал. Тот капитал, который будет постоянно работать и приносить не только экономические доходы, но и социокультурные преимущества (власть, окружение, почет). Сегодня студент выбирает университет исходя из потребности в приобретении знаний, сулящих в будущем определенные преимущества. Именно из-за существования капиталов удастся сломать вековую функцию института образования по созданию социальных границ между «образованными» и «необразованными», «способными» и «неспособными». Индивид, осознавая свои отличия, способен сам устанавливать свои границы экономического и политического положения в обществе. В России система образования противоречива, с одной стороны, она подстраивается под воспроизводство неравенства, с другой стороны работает над выравниванием жизненных шансов. Например, диплом подразумевает наличие у всех его обладателей одинаковые знания, что должно предоставлять равные стартовые позиции, но на деле это пока мало схоже с действительностью. Суть образования заключается в совершении индивидом социальной мобильности в конкретном обществе с определенным государственным устройством, социально-экономическим укладом. Образование для индивида — это возможность подняться на высокий уровень, занять лучшие места. Но образование не может стать чудесным средством для повышения социального статуса индивида, если, во-первых, не позволяет состояние структуры общества (слабая экономика и т.д.) и, во-вторых, если индивид не стремится максимально использовать все ресурсы образования. Нестабильность в стране и дестабилизирует общество и, одновременно, выступает источником развития (например, развитие других доходных сфер)

и это определяет неоднозначность функционирования системы образования как фактора социальной мобильности. Современная система образования ориентирована под потребности рынка труда, а не на создание профессиональной культуры у молодежи. Это может способствовать распространению неуспешных стратегий с точки зрения возможностей самореализации. Использование образования в качестве канала социальной мобильности не гарантирует человеку успех здесь и сейчас. Чтобы капитал не стал мертвым, а работал, его необходимо постоянно обновлять. В этом смысле идея непрерывного образования предоставляет практически неограниченные возможности индивиду по преодолению социального неравенства, которое предопределенно структурой. Индивидуальность каждого человека определяет уникальность и непредсказуемость его социальной мобильности. Потенциал индивиду несет осознание того, что его положение в структуре связано не с наличием социального неравенства, барьеров, а является фактом различий его с другим индивидом, который иначе себя реализует, иначе трансформирует существующие ресурсы в свой капитал. Слово «различие» принципиально меняет отношение индивида не только к себе, но и к окружающему миру. Стоит понять, что причины жизненных неудач заложены не в социальной структуре, не в неравенстве, а в самом индивиде, в его стиле жизни, в его капитале, который он смог или не смог создать из общих ресурсов социальной системы, получением или неполучением образования. В современном мире успех зависит от действий индивида. Сегодня у каждого человека достаточно много возможностей для самореализации и «пробиться в жизнь» сможет любой.

Литература:

1. *Дидковская Я. В. Стратегии профессиональной карьеры поствузовской молодежи // Высшее образование в России. - 2012. - № 8-9.*
2. *Ильин В. И. Социальное неравенство. - М., б/и, 2000.*
3. *Кочеткова Н.В. К вопросу о подготовке высококвалифицированных кадров для предприятий реального сектора экономики //Модернизация профессионального образования: новые тенденции в управлении инновационным развитием экономических вузов. Материалы всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Редколлегия: Г. Р. Хасаев, С. И. Ашмарина, Э. П. Печерская (ответственный редактор). 2013. С. 138-143.*
4. *Кочеткова Н.В. Социология образования: актуальные проблемы становления и развития // Известия института систем управления СГЭУ. 2012. № 3 (6). С. 26-32*

Бухтиярова Ирина Николаевна

МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Бухтиярова Наталья Павловна

МБОУ «СОШ №2 им. С.И. Подгайнова», Калининск, Россия

Дети-инвалиды: социальная инвалидность и инклюзивное обучение

Необходимость социальной адаптации детей с ограниченными возможностями здоровья, их воспитания и развития является важной и

неоспоримой. Согласно данным Государственного комитета статистики, численность детей с ОВЗ в России в 2017 году составила 636 тыс. чел. [4].

В современной научной литературе фигурируют две модели инвалидности. В медицинской парадигме инвалидность определяется через наличие физических и психических расстройств здоровья, коррекцией которых является их минимизация через медицинское вмешательство и терапию.

Понятие «социальная инвалидность» введено в 1983 г. британским ученым Майком Оливером (Mike Oliver). Согласно данной модели, отношение общества к людям с ограниченными возможностями порождено предубеждениями и социальными стереотипами, физическими и коммуникационными барьерами. В рамках социальной модели инвалидность перестает быть индивидуальной проблемой, и определяется как нормальный аспект жизни индивида, а не девиация, и социальная дискриминация выдвигается на первый план. Процесс повышения самооценки и активности людей с особыми потребностями, социальная инклюзия должны начинаться с ранних лет.

В особой степени такой социальный подход к пониманию инвалидности важен в работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья. Социальная модель способствует равенству всех членов общества и создание равных возможностей для всех в получении образования, прежде всего. Согласно данным за 2016 год [4] посещают общеобразовательные организации 72,2 % детей-инвалидов в возрасте от 9 до15 лет.

Важнейшим документом, который призван определить структуру образования детей с ОВЗ в России, основные образовательные условия, является федеральный государственный образовательный стандарт для обучающихся с ОВЗ, содержание которого направлено на описание требований к структуре программы, результатам и условиям образования детей с ОВЗ на начальном уровне образования. Предусмотрен ряд мер: разработка учебных пособий, мультимедийного сопровождения детей-инвалидов, курсы повышения квалификации для педагогов, семинары, конференции по вопросам инклюзии; конкурс “Лучшая Инклюзивная школа России и др.

Современные образовательные тренды охватывают данную категорию обучающихся не только образовательным процессом в классах коррекции, но и интеграцией в обычные классы со здоровыми детьми. Инклюзивное обучение означает полное включение детей с ОВЗ во все аспекты школьной жизни, образовательные и внешкольные мероприятия, и подразумевает удовлетворение образовательных потребностей всех учащихся с разными образовательными возможностями, обеспечивая «дифференцированный» подход. Теоретически, при наличию методических и материальных ресурсов, педагог общего образования может обеспечить широкий спектр форм и методовдля успешной инклюзии.

Инклюзивное образование оказывает положительное влияние не только на ребенка, но также и на учащихся общеобразовательных школ, устраняя

выработанные обществом социальные предрассудки по отношению к людям с ОВЗ, способствуя правильной воспитательной стратегии подрастающего поколения.При грамотном педагогическом подходе в инклюзивных классах здоровые дети учатся пониманию, умению сопереживать, быть чуткими к проблемам окружающих, помогать, дружить, вырабатывается правильная общественная и гражданская позиция, а у детей-инвалидов формируется положительная самооценка, свое место в социуме, влияющие как на успешность обучения, так и на физическое и эмоциональное здоровье. Тем не менее, на этапе введения инклюзивного формата обучения возникает определенная тревожностьпедагогов и родителей. Исследования [5] показали, что представители школ на первое место выдвигают «отвлечение внимания», а затем – «отвлечение учителя в ущерб учебному процессу », а также «возможность конфликтов». Родители же детей - инвалидов опасаются больше всего снижения успеваемости класса, тогда как родители обычных детей больше всего опасаются отвлечения внимания и конфликтов в классе.

По данным Госкомстата [4] удовлетворенность родителей работой общеобразовательной организации, в которых обучались дети-инвалиды в 2016/2017 учебном году составила 74,6% (полностью и скорее удовлетворены), скорее не удовлетворены 23, 6 %. Эти цифры свидетельствуют о том, что инклюзивное обучение - правильно выбранный образовательный тренд.

Идея инклюзивного образования достаточно привлекательна и даже в какой-то мере востребована. Тем не менее, не каждая школа, а тем более учитель обладает ресурсами, творчеством, терпением и опытом, чтобы хорошо реализовать основные позиции, заложенные в основах такого обучения. Перед педагогом, работающим с детьми с ОВЗ, встает острая потребность в информационной и методической поддержке. От школы требуется обеспечение не только учебного процесса, качества обучения, комфортности пребывания в общеобразовательной организации, но и организации качественного медицинского контроля, специальных технических условий пребывания учащихся с ограниченными возможностями на территории школы.

Несмотря на комплекс организационных и методических проблем, с которыми сталкивается образовательное учреждение, внедряющее инклюзивное обучение в свою образовательную среду, очевидно, что социальный подход к пониманию инвалидности имеет огромное значение для российской системы образования, в особенности для начальных и средних школ, формирующих мировоззрение и отношение в социуме.

Литература:

1. *Астоянц М.С., Россихина И.Г. Социальная инклюзия: попытка концептуализации и операционализации понятия. // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. – 2009, № 12.*
2. *Всероссийское общество инвалидов. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.voi.ru/dokumenty/zakonodatelstvo (Дата обращения: 22.02.2018.)*
3. *Бухтиярова И.Н., Бухтиярова Н.П. Инклюзивное обучение как фактор социальной интеграции детей с ограниченными возможностями здоровья / Современные*

образовательные технологии в системе образования: Материалы I Всероссийской научно - практической конференции (2-4 января 2017 г .). – М.: Перо, с. 5-8

4. *ПервышеваЕ.В. Обучение детей с инвалидностью в общеобразовательной школе: возможности и проблемы. (Результатысоциологическогоисследования) // ВестникРУДН, серияСоциология, 2007, No1 (11). С. 94-98.*

5. *Федеральная служба госстатистики. Положение инвалидов. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/# (Дата обращения: 22.02.2018.)*

Быканова Яна Павловна,
Курск, Россия

Проблемы обеспечения равного доступа к высшему образованию в зависимости от социальных, экономических, географических детерминант

Одной из проблем, постоянно поднимаемой членами международного сообщества, является проблема обеспечения равного доступа граждан к образованию, которое основывается на различиях в социальных, физических, экономических и территориальных детерминантах. Несмотря на то, что во многих странах принимаются необходимые реформы в области образования, система высшего образования в некоторых из них не позволяет в равной степени оставаться доступной для всех категорий граждан, поэтому определенная часть незащищенных групп населения не располагает возможность доступа к получению высшего образования. В Российской Федерации данный вопрос регулируется ст. 5 закона РФ «Об образовании», в которой утверждается следующее: «российским гражданам гарантируется возможность получения образования независимо от пола, рассы, национальности, языка, происхождения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным организациям, возраста, состояния здоровья, социального, имущественного и должностного положения, наличия судимости». В настоящее время в связи с экономическими и политическими изменениями за последние десятилетия в Российской Федерации постановка вопроса о равной доступности конкретно высшего образования приобрела наибольшую актуализацию. В отличие от общего образования, доступность высшего образования всем гражданам не гарантируется государством, но при этом роль последнего в современном обществе возрастает в геометрической прогрессии, поскольку является одним из важнейших звеньев траектории развития современного информационного общества с устойчивой экономической средой и внедрением новейших наукоемких технологий. Получение высшего образования в постиндустриальном обществе, где определяющем категорией становления человека как личности являются именно знания. Поэтому, каждый человек, ставящий перед собой цель – становление себя как

личности, стремится к получению высшего образования. При этом, к сожалению, не каждый из них в силу социальных, физических, экономических и географических условий имеет доступ к его получению. Ученые рассматривают данные детерминанты, влияющие на неравность доступа к высшему образованию как первостепенные, именно они были в поле зрения всех социологов последних десятилетиях, исследовавших данную проблему. В настоящее время происходит формирование целой сети образовательных учреждений высшего образования, в числе которых присутствуют и негосударственные, что способствует вовлечению в систему высшего образования представителей новых страт, одним из отличия которых является экономическое превосходство (мелкие собственники, предприниматели, бизнесмены) [6, с. 3]. Ведущим фактором дифференциации равного доступа граждан к получению высшего образования остается их материальное положение, а также материальное положение семьи, должности, занимаемые ими. Велика роль финансовых возможностей родителей при получении высшего образования их детей, данной возможности образования детей. Если учитывать, что сегодня во многих ведущих образовательных организациях высшего образования определенные факультеты не имеют бюджетных мест, а число желающих поступать именно на данные факультеты огромно, то в связи с малой обеспеченностью денежными средствами большинства этих абитуриентов выявляется неравность в доступе к получению высшего образования. На не равный доступ к получению высшего образования влияет также географическое положение. Так, исследуя территориальное распределение населения следует учитывать разграничения между городом и деревней/селом. Гражданам, проживающим в сельской местности наиболее сложнее перебраться в город, где возможно обучение в образовательной организации высшего образования. В целом социологические исследования свидетельствуют, что территориальный фактор оказывает существенное влияние на доступность высшего образования. Так, рассматривая различные детерминанты граждан, желающих получать высшее образование и тех, кто его получает, необходимо рассмотреть зависимость доступности высшего образования с социальной принадлежностью абитуриента. Социологические исследования показывают, что количественный рост студенчества, характерный для последнего периода, сопровождается адекватным этой динамике изменением его социального состава, хотя и способствует его определенной диверсификации [5, с. 13]. Итак, исследования в области равного доступа к получению высшего образования свидетельствуют, что в Российской Федерации существует множество барьеров, препятствующих равному доступу для всех граждан. Среди них: социальное происхождение, семейный капитал, место жительства, а также материальное положение семьи. При этом, если брать каждый из этих барьеров в отдельности, то существенного влияния на доступ к получение высшего образования выявить сложно. Но, объединение хотя бы двух из них, уже влечет за собой определенные осложнения.

Литература:

1. *Высшее образование для XXI века: Вторая международная научная конференция (Москва, 20–22 октября 2005): Доклады и материалы / Отв. ред. И. М. Ильинский. – М.: МосГУ, – 2006. – 324 с.*
2. *Абанкина И. В., Абанкина Т. В., Бинингтон Л. и др. Аналитический доклад по высшему образованию в Российской Федерации / Под ред. М. А. Ларионовой, Т. А. Мешковой. – М.: ГУ ВШЭ, – 2007. – 342 с.*
3. *Константиновский Д. Л., Чередниченко Г. А., Вознесенская Е. Д. Российский студент сегодня: учеба плюс работа. – М.: ЦСП, – 2002. – 17 с.*
4. *Образование в Российской Федерации: Статистический ежегодник. – М.: ГУ ВШЭ, – 2006. – 32 с.*
5. *Смелов П. А., Егорова Е. А. Статистический анализ состояния и проблем российского образования // Экономика, статистика и информатика: Вестник УМО, – 2006. – № 4. – 23 с.*
6. *Смелов П. А., Егорова Е. А. Состояние и проблемы российского образования // Наука и образование. – Якутск: АН РС(Я), – 2006. – № 4. – 14 с.*

Ван Хайянь,

Северо-Западный педагогический университет, Ланьчжоу, Китай

Тенденция и эффекты международной академической миграции

Международная академическая мобильность является предметом исследования многих наук таких, как социологии, экономики, политики, культурологии и т.д. И анализы тенденций, эффектов с точки зрения какой-нибудь отдельной науки является не полными. Поэтому данный тип миграции следует исследовать на основе социологии, применяя подходы и теории других наук, так как он связан с извлечением материальной выгоды от перемещения, в отличие от экономической миграции.1. Тенденция академической мобильности в 21 веке Образовательная глобализация позволяет студентам получить больше шансов для обучения за границей. С каждым годом наблюдается увеличивающаяся тенденция академической мобильности, несмотря на популяризацию интернет курсов, повышение количества иностранного учебного персонала, создание зарубежных центров и филиалов иностранных вузов.Увеличение общего количества академических мигрантов, замедление темпа роста Международное перемещение академических мигрантов становится всё более распространённым. По данным статистики ОЭСР в 2000г. общее количество академических мигрантов высшего образования составляет 2087702 человек, а в 2012 г. возросло до 4528044 человек. Масштаб роста 116.89%. А по прогнозу ЮНЕСКО за 2017 г. эта цифра достигнет 8 миллионов человек к 2025 году. Доминирующее место стран Европы, Северной Америки и многообразие стран академической миграции.С увеличением количества международных академических мигрантов и многообразием выбора, распределение назначенных мест академической мобильности изменилось. По данным Международной Ассоциации образования США в 2001-2014 гг. процент академических иммигрантов в первых шести странах не изменился,

и приблизительно составляет 65%, но распределение этих иммигрантов в конкретных странах изменилось. Очевидная тенденция регионализации международного высшего образования В процессе глобализации высшего образования, регионализация уже стала очевидной особенностью. В мировом масштабе два больших района строят пространство высшего образования внутри районов. Страны со средним доходом как экспортеры академических мигрантов По данным Мирового банка в 2000-2012 гг. среди стран академических эмигрантов для получения высшего образования, Китай, Таиланд, Малайзия и другие страны со средним и высоким доходом развиваются быстрее всего. В 2012 г. количество академических мигрантов из стран со средним и высоким доходом составило 1420000 человек. На 160,9% увеличилось, по сравнению с 2000 г. (540000 человек).2. Двойное влияние академической мобильности на страны-экспортеры и страны-импортеры академических мигрантов Хотя международная академическая миграция всё же оказывает некоторое влияние, происходит изменение общества. В общем, её влияние является положительным. Социоэкономические эффекты Для принимающих стран положительным эффектом в первую очередь будет оплата за учёбу и расходы академических мигрантов на жизнь. Но есть и другие вопросы, касательно академических мигрантов. Для принимающей страны возвратные академические мигранты это ценные ресурсы специалистов с мировым кругозором и знаниями иностранных языков, международными правилами. Академические мигранты могут приносить ещё и потенциальную экономическую пользу принимающим странам, так называемая “ сила влияния”.Во-вторых, они являются дополнительными человеческими ресурсами, могут прокрыть недостаток рабочей силы. Отрицательным влиянием на отправляющую страну является потеря квалифицированных и талантливых специалистов, что, может быть, оказывает пассивное влияние на экономическое развитие отправляющих стран. Социодемографические эффекты. Существует два основных фактора определяющих при населения: естественный прирост населения внутри страны и иммигранты. С одной стороны академические эмигранты облегчили противоречие между многочисленным населением и ограниченными ресурсами в менее развитых странах, с другой стороны они помогают решать вопросы в связи со снижением роста населения в разных сферах.Социокультурные эффекты. Международные академические мигранты стимулируют культурную коммуникацию и популяризацию. Они являются носителями культуры своей родины. После прибытия в принимающую страну, академические мигранты уже бессознательно принимают новую культуру. Это психологическое одобрение приводит к популяризации культуры принимающих стран даже после возвращения на родину. В процессе подведения итогов необходимо отметить: во-первых, масштабная академическая мобильность является результатом глобализации экономики и образования. Глобализация приведет к высшей степени равенства и умножению возможностей, что и способствует повышению мобильности народа в поисках хороших возможностей образования в

процессе глобализации. Во-вторых, международная академическая мобильность имеет двойные эффекты. Она является главным фактором общественного и экономического развития, положительно влияет на повышение качества народа, способствует экономическому развитию принимающих стран и культурным обменам. И она может привести к утечке мозгов отправляющих стран, что в дальнейшем может усложнить экономическое развитие стран академических эмигрантов. В-третьих, экономическая и образовательная глобализация предоставляет народам мира более обширное пространство развития. Сталкиваясь с демографическими проблемами, страны не должны ограничиваться в урегулировании количества внутреннего населения.

Галкина Елена Петровна,
Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия
Кадничанская Марина Ивановна
Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия

Факторы доступности высшего образования: региональный аспект

Нормальное функционирование любого современного общества невозможно без полноценной системы образования. Образование давно уже стало одним из важных факторов экономического развития, инструментом политики любого государства. Сегодня в России высшее образование стало нормой. Происходит формирование двух его подсистем: элитного образования с высоким качеством и массового - с невысоким качеством [1, с.83]. Сегодня доступность высшего образования - это возможность не только выбора представителями различных групп населения высшего учебного заведения по своему желанию, способностям, достатку, но и успешного обучения, возможность продвинуться вверх [4]. Факторы доступности высшего образования включают в себя внешние условия - институциональные, социально-экономические, информационные, а также внутренние: социально-демографический и индивидуально-психологический статус семей, которые переводят потенциальные способности и потребности претендентов в реальную возможность получения желаемого образования. Эти факторы реализуются через определенные показатели, из которых наиболее значимыми являются: качество среднего образования; состояние системы довузовской подготовки, соотношение бюджетных и внебюджетных мест; территориальное размещение вуза; соотношение стоимости обучения и доходов населения; условия предоставления кредитов на образование. В настоящее время в России продолжается массовизация высшего образования. Этот процесс имеет противоречивый характер: явление включает в себя большую социальную мобильность для населения, новые модели финансирования высшего образования; увеличивается доля платного

образования; меняется поведение студента, он превращается в клиента, который всегда прав; целью университетов становится не обучение как таковое, а извлечение прибыли; падает ценность и качество высшего образования [2, с. 54]. В марте 2017 года на базе кафедры философии, социологии и политологии Ульяновского госуниверситета было проведено исследование на тему: «Доступность высшего образования». В анкетном опросе приняли участие ученики выпускных классов Ульяновской области, а также их родители. Опрошено 688 человек (школьники и их родители). Были выделены следующие особенности доступности высшего образования:

1. Не все семьи могут понести расходы за обучение своих детей. У жителей города доходы выше, и они рассматривают как бюджетную форму обучения, так и внебюджетную, при этом не исключают вариант обучения в другом городе. Жители сельской местности рассчитывают только на бюджетную форму обучения. В случае поступления ребенка на коммерческую основу - смогут платить за обучение, взяв кредит или путем накопленных заранее средств.
2. В семьях, где родители имеют высшее образование, занимают руководящую должность, дети обладают наибольшими притязаниями. Их с детства ориентируют на получение высшего образования. Для этого используются все ресурсы и связи семьи. Респонденты ставят связи семьи на третье место по степени важности основания по выбору вуза после доходов семьи и интеллектуальных способностей.
3. Жители сельской местности планируют учиться в городе Ульяновске или в соседнем регионе. Городские школьники планируют учиться в крупных городах (Казань, Самара, Саратов и др.) и мегаполисах (Москва, Санкт-Петербург и др.). Это связано с тем, что довузовская подготовка у этих двух групп школьников отличается: в школах города имеется профильное обучение, больше возможностей заниматься дополнительно: занятия с репетитором (73%), дополнительные курсы в вузе (15%), дополнительные занятия в школе (11%). В сельской местности в качестве дополнительной подготовки используют только занятия с репетитором (85%) или занимаются самостоятельно.
4. Культурный капитал школьников выражается в уровне имеющихся знаний, умений, навыков, интеллектуальных способностях детей в целом. Важным фактором для выпускников выступает интеллект, треть опрошенных отвечали, что рассчитывают на свои интеллектуальные способности.
5. Немаловажной причиной является статус и престиж вуза, а также качество подготовки выпускников. Наиболее частой причиной, по которой осуществляется выбор вуза является качество подготовки его студентов (71%). Школьники города Ульяновска отмечают, что планируют подавать документы для поступления в вузы других городов, где, по их мнению, качество образования выше.

Таким образом, несмотря на то, что за последнее десятилетие резко увеличилось число студентов и количество высших учебных заведений,

высшее образование остается слабо доступным для некоторых социально-демографических групп населения. В системе российского высшего образования активно идет процесс стратификации учебных заведений, который ведет к изменению и распределению социальных статусов. В каждом российском регионе установился собственный уровень цен на образовательные услуги и уровень доступности образования. Группы, которые имеют невысокий социальный статус, как правило, обладают худшими возможностями получения качественного образования и, следовательно, устройства на работу. Все это может привести к нестабильности в регионе. Кроме этого, существует проблема: растет количество выпускников-специалистов, но эффективность их трудоустройства низкая [3, с.152-153]. Это значит, что в вузах неэффективно распределены бюджетные места. Система высшего профессионального образования, которая сформировалась еще в советское время, не вписывается в современный рынок труда.

Литература:

1. *Александрова, О. А. Образование: доступность или качество — последствия выбора / О. А. Александрова // Интеграция науки и высшего образования. - 2005 г.- №2. - 104 с.*
2. *Кузнецова, В. В. Проблемы реализации норм международного права в сфере высшего образования в современной России / В. В. Кузнецова // Молодой ученый. - 2014. - № 5. - 87 с.*
3. *Пасовец, Ю.М., Кадничанская, М.И., Галкина, Е.П. Молодёжь Российских регионов. Коллективная монография - Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2017. - 236 с.*
4. *Плохова, И. А. Доступность высшего образования и ее социальные последствия / И. А. Плохова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион - Общественные науки.- 2009 г.-89 с.*

Голубева Ксения Александровна,

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

Влияние образования на финансовую культуру студенчества

В условиях нестабильности российской экономики, общество, характеризующееся высоким динамизмом в социально-экономической сфере, требует подготовки финансово грамотного человека. Однако навыкам финансового управления обычно учат только профильных специалистов, таких как экономисты, финансисты, банкиры и т.д. Но если человек обучается на политолога, юриста, врача и т.п., то вряд ли он получит достаточно знаний о финансовой системе, планировании, инвестициях. Однако сегодня базовые финансовые знания необходимы для благополучия каждого человека вне зависимости от его рода деятельности, а высокий уровень финансовой культуры человека говорит о том, что он может оценить возможные риски своего финансового поведения, действовать более рационально и осмысленно в условиях нестабильности на внутреннем и внешнем рынке и менее подвержен паническим настроениям в выборе финансовых услуг.

Финансовая культура – совокупность социальных ценностей и норм, регулирующие финансовое поведение личности и социальных групп, а также выполняющие функцию социальной памяти финансового развития [1, с. 824].

Для решения проблем повышения финансовой культуры россиян, в том числе студенчества, необходимо обеспечить высокий уровень финансовой грамотности, постепенное повышение уровня рациональности людей, их предпринимательской и инновационной активности, способствовать росту личной активности и ответственности за свои действия [3, с. 10].

В последнее время всё больше внимания уделяется вопросам включения обучения управлению финансовыми ресурсами в систему общего обязательного образования. Так, Банком России и Минобрнауки подготовлен образовательный курс по финансовой грамотности для школ и учеников 9-11 классов, а с конца 2016 года Центральный Банк внедряет меры по повышению уровня финансовой грамотности в 72 регионах и рассчитывает в 2017 году охватить порядка 500 школ. Но не смотря на развитую сеть организаций, занимающихся повышением финансовой грамотности от мала до велика, высокая финансовая активность не всегда приводит к позитивным результатам и законным формам экономического поведения.

Под формированием финансовой культуры понимается выработка ясного представления об финансовых закономерностях развития общества и воспитание на этой основе таких качеств личности, которые необходимы ей в производственно-экономической деятельности. Формирование финансовой культуры неразрывно связано с подготовкой человека к жизни, труду, она — одно из необходимых условий становления гражданской позиции личности [1, с. 824].

Система образования является важнейшим социокультурным регулятором общественного развития, которая помогает в осознании социальных ценностей в экономической жизни, в понимании действующих законов и значимости их для общества и для себя лично. Предпосылкой достижения высокого уровня финансовой культуры является определение содержания знаний в финансовой сфере, поэтому образование играет большую роль в обеспечении ключевых национальных интересов.

Так, с 1 сентября 2016 года в российских школах начались факультативные занятия по финансовой грамотности в таких регионах, как Татарстан, Саратовская, Волгоградская, Томская, Калининградская области, Краснодарский, Ставропольский и Алтайский края [2].

В 2017 году было проведено авторское исследование о факторах, влияющих на формирование финансовой культуры студенчества. Была разработана анкета, в которой были включены вопросы на понимание того, кто является финансово культурным человеком, а также вопрос о вкладе системы образования в финансовую культуру. Выборка составила 200 студентов Финансового университета 3-4 курса.

Так, финансовая культура, по мнению студенчества, является сложным социально-экономическим явлением, сочетающем в себе не только знания в финансовой сфере, умение с выгодой воспользоваться подставляемыми

услугами и продуктами, но и отношение к деньгам и богатству. Наличие специальных знаний в финансовой сфере – это самая распространенная характеристика человека, имеющим статус финансово-культурного человека.

Вклад образования в развитие финансовой культуры, а, в частности, повышение финансовой грамотности студенчества, можно оценить по результатам всего исследования, где из предложенных объективных факторов формирования финансовой культуры студенты достаточно высоко оценили роль вуза.

На данный момент, финансовая культура студенчества формируется, в первую очередь, под воздействием субъективных факторов, таких как уровень дохода, личный опыт и грамотность в финансовых вопросах. Проводником финансового образования в интересах общества может выступить институт образования – вуз, который способен дать актуальные на сегодняшний день знания.

Каждый социальный институт вносит определённый вклад в формирование финансовой культуры студенчества. Образование, как социальный институт, позволяет в полной мере удовлетворить индивидуальные потребности в интеллектуальном развитии личности, а также сформировать условия для адаптации к жизни в обществе и профессиональной ориентации, грамотного и ответственного поведения на финансовом рынке.

Литература:

1. *Голубева К.А. Объективные факторы формирования финансовой культуры молодёжи // Современное состояние российской экономики: задачи и перспективы / сборник материалов всероссийской студенческой конференции «Современное состояние российской экономки: задачи и перспективы» / Под общей редакцией О.В. Карамовой, А.П. Буевич, С.В. Назаренко. – М.: Финансовый университет, 2017 – 858 с.*
2. *РИА новости [Электронный ресурс] // ЦБ и Минобрнауки будут повышать финансовую грамотность россиян. 08.09.2016. Режим доступа: https://ria.ru/society/20160908/1476412079.html (Дата обращения 3.06.2017)*
3. *Финансовая культура населения: монография / под ред. д.э.н., доцента Д.В. Нехайчука. – Симферополь : ИТ «Ариал». 2017 – 512 с.*

Гопин Владислав Михайлович,
ВолГУ, Волгоград, Россия

Современная политика в сфере высшего образования: взгляд на проблему неравенства

Создание общества равных возможностей, внедрение и соблюдение идеала равенства – несбыточная мечта, присущая человечеству зрелого периода. Возможно долго дискутировать по поводу того, как близко представители современной цивилизации стоят к её полной реализации на данный момент. Оставим это дело философам. Социологов же интересуют конкретные явления: агенты, способствующие созданию общества равных возможностей, и тактики, ими используемые. Институт образования,

несомненно, является одним из важных в ряду указанных агентов. В данной работе нас будет интересовать образование научное и высшее; мы признаем важность предшествующих уровней, однако считаем, что феномен неравенства более выражен именно в этих двух. Выражаясь языком Ральфа Тернера, высшей школе, присущ скорее соревновательный характер мобильности, чем спонсорский. Отбор в студенты происходит по соответствию известного всем критерия (баллов ЕГЭ) заранее заданному стандарту (минимальному проходному баллу). Другими словами, достигнутый абитуриентами статус студента есть «подъем», понимаемый в рамках теории социальной мобильности как «…результат победы в соревновании, при этом все имеют равный доступ к участию» [1.С.268]. Однако декламируемая идея доступного образования есть идеальная модель, не учитывающая множества факторов за своими пределами. На практике с одной стороны, её достижение ограничено неравным капиталом, имеющим влияние на возможности подготовки абитуриента, а с другой, - неодинаковой статусностью вузов, её влиянием на дальнейшее трудоустройство выпускников. Так, оценки результатов российских научных исследований и профессионального уровня отечественных ученых, зафиксированные в «Индикаторах науки – 2012», снизились всего за 2 года (с 2009 по 2011г.) на 7 пунктов [2]. Во-вторых, трудно не согласиться с утверждением О.Н. Смолина «дипломированных все больше, специалистов – все меньше» [3], негативно характеризующим процесс подготовки кадров в вузах. Данная ситуация привела к необходимости проведения ряда мер со стороны государства. И они, по нашему мнению, служат дополнительным источником неравенства. Позиция правительства на этот счет основывается на предположении, что стремительно падающее качество образования напрямую связано с возросшим количеством студентов. Но это, на наш взгляд, в корне не верное мнение. В настоящее время демографическая ситуация в вузовской когорте оценивается как кризисная. «В 2014 г. выпуск детей из школы оказался рекордно низким – 650 тыс., такая ситуация прогнозируется до 2020 г.» [3]. Сокращение учебных мест является ошибкой еще и по той причине, что реалии современной жизни диктуют иные потребности. Для построения успешно функционирующего общества необходимы люди с высшим образованием. Но целью обучения должно быть не формирование потребителя, но личности, способной адаптироваться в обществе высокого технологического прогресса. Очевидно, что проводимая политика сокращения учебных мест стимулирует проявление неравенства. Абитуриенты из семей с низким доходом, не могут позволить себе учебу на платной основе, как и не могут дополнительно готовиться у репетиторов. Решение данной проблем мы видим в освоении и адаптировании опыта зарубежных стран. В США, например, соотношение числа высших учебных заведений, относительно всего населения, вдвое больше такого же показателя в России. А национальной программой Норвегии стало открытий новых вузов. Кроме того, «во всём мире признано: за вычетом элитных вузов, качество массового высшего образования определяется не жёсткостью

отбора на “входе” в вуз, а в процессе обучения и на “выходе”» [3]. Соответственно, необходимо максимально упростить процедуру поступления, снизить проходные баллы, но в то же время, повысить требования к студентам на всем периоде обучения и упростить механизм отчисления, устранив негативные последствия при этом для самого вуза. Резюмируя все вышесказанное, выделим основные положения. Развитый институт высшего образования – необходимое условие существования успешного общества «равных возможностей». На данный момент отечественная высшая школа переживает сложный период, связанный с демографическим кризисом, проблемами в сфере экономики и продолжающимися процессами модернизации высшей школы. Один из вариантов выхода из сложившейся ситуации в сфере образования заключается в тщательно проанализированном опыте зарубежных стран и использовании его с учетом российской специфики на (основе потребностей общества). Тогда открытие новых вузов и упрощение процедуры отчисления будут способствовать в определенной мере решению проблемы неравенства в данной сфере.

Литература:

1. *Как становятся профессорами: академические карьеры, рынки и власть в пяти странах [Текст] / Михаил Соколов [и др.]. - Москва : Новое лит. обозрение, 2015. - 822 с.*
2. *Индикаторы науки: 2012 : стат. сб. – М. : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2012. – 392 с.*
3. *Смолин О. Н. Высшее образование: борьба за качество или покушение на человеческий потенциал? (статья 2) // Социологические исследования. 2015. № 7. С. 30-37*

Данилова Елена Александровна,
МИИТ (РУТ), Москва, РФ

Элитарное и эгалитарное понимание равенства

Равенство - понятие, означающее одинаковое положение людей в обществе. Рядом с идеалом равенства в истории человечества присутствует идея неустранимости неравенства людей. Поэтому в понимании равенства можно выделить элитарный и эгалитарный подходы.

Эгалитарный подход толкует равенство как абсолютное равенство одного индивида другому во всех отношениях: и в смысле прав и обязанностей, и в смысле умственном, нравственном, экономическом. А элитарный подход понимает равенства пропорционально заслугам, в соответствии с ними.

Эгалитарное понимание равенства - непривлекательная идея, поскольку речь идет о нивелировании индивидов, о господстве посредственности. Нельзя быть умным, так как есть глупые, нельзя быть честным, так как есть преступники и т. д. Конечно, сторонников такого абсолютного равенства было немного. Второе понимание равенства - пропорционально заслугам, достоинству - безусловно, доминировало, но его

содержание оказывалось различным в разные исторические эпохи. Согласно этой концепции права на социальные блага не могут и не должны быть равны у неравных по способностям граждан (например, у простого маляра и у Пикассо, у рабочего и Эдисона, у рядового работника науки и у гения и т. д.). "Каждому по заслугам", "каждому по мере выявленных сил и способностей", "каждому по мере таланта" - вот формулы данной концепции равенства.

Общество на каждом этапе развития имеет свою шкалу ценностей и свой взгляд на заслуги. В примитивном обществе считалось, что наибольшие заслуги у различного рода чародеев, поскольку они ближе находятся к верховным, непонятным силам. Общественная оценка их роли велика - по мнению членов общества, они оказывают большие услуги (предсказание урожаев, отведение стихийных бедствий и т. п.). Отсюда - больше уважения им, а также больше социальных благ. Аналогичное отношение было к приближенным к ним людям. Здесь лозунг "каждому по заслугам" получает толкование "каждому по степени божественной благодати, почивающей на нем".

Позже, в средние века, общественное развитие выдвигает на первый план воинов и чиновников, так как актуальными становятся задачи защиты и управления. Здесь лозунг "каждому - по заслугам" выглядит иначе: "каждому - по мере участия в обороне страны от врага, по мере его ратной службы и участия в управлении". Затем (переходные общества от традиционных к более новым) определяющей фигурой становится предприниматель. Здесь равенство "каждому - по заслугам" обретает форму "каждому - по капиталу". Социалистическая идея "каждому - по труду" обернулась, с одной стороны, уравниловкой, с другой - льготами и привилегиями в соответствии с занимаемым местом в партийно-государственной иерархии (жилье, дача, больницы и т. д.).

Либеральная концепция равенства толкует его как равенство всех перед законом, то есть как равные стартовые возможности. Такое понимание равенства в конечном итоге приведет к неравенству, так как индивиды различны по своим способностям. Однако при этом сохраняется справедливость: такое неравенство признается справедливым, поскольку оно - результат того, как каждый воспользовался равными возможностями.

Дергачев Константин Владимирович,
ФГБОУ ВО "Брянский государственный технический университет", Брянск, Россия

Философия как важнейшее звено межпредметных исследований развития современного мира и жизни

Мультидисциплинарные исследования явлений мира приобретают сейчас существенное значение, особенно в исследованиях сложных объектов,

к которым относятся в первую очередь процессы глобального характера, порождающие острые мировые проблемы и ставящие биосферную жизнь на грань выживания и даже уничтожения. При Брянском государственном техническом университете развивается с 2002 г. нетрадиционное направление исследований по тематике социально-техногенного развития мира и жизни, основанное на значительном числе научных дисциплин. С самого начала формирования группы исследователей на общественных началах была образована по наименованию «Брянская научно-философская школа исследований социотехноприродных процессов и социально-техногенного развития мира». Речь шла об интегрированных процессах [2; 3; 6; 10; 14]. Школа изначально базировалась на междисциплинарных исследованиях, но ее отделяло от массы подобных в мире исследований то, что в основе множества используемых дисциплин ее цементирующим ядром выступала философия. Участников школы изначально интересовали такие вопросы и проблемы, которые определяют развитие земного мира в настоящую эпоху. Почему же философия в межпредметных исследованиях становится важнейшим звеном? Во-первых, философия уже с древности интегрировала в себе разнообразные знания о мире, которые были объединены «любовью к мудрости». Но по мере расширения знаний и углубления в различные родственные явления мира (физические, биологические, химические, астрономические и т.п.) из философии выходили специфические самостоятельные области знаний, названные науками. Они требовали объединения специфических подходов, методов и инструментов исследования для познания глубины явлений, их сущности и содержания, выражающихся, прежде всего, в принципах и законах их существования, развития и изменения. Если учесть, что в мире насчитывается примерно 500 наук, то вымывание из философии научных областей знания в значительной степени обедняло ее, оставляя за ней исследование наиболее общих представлений о мире и человеке, их взаимосвязях и отношениях. Конечно, здание философии тоже базируется на принципах и законах, но речь идет о наиболее общих закономерностях, которые, кстати, выводятся вдали от наук, на основе формирования так называемого мировоззрения. Идея сама хороша и в принципе верна, но она чаще всего складывается из практических представлений людей, а не из анализа обобщений многих научных знаний.

Во-вторых, сама философия в ходе множества потерь приобрела в итоге специфический объект, а с ним и предмет исследований - всеобщие принципы и законы развития мира, выходит за пределы научных знаний, учитывая ненаучные знания, социальный опыт человечества и выработанные им социально-культурные и иные ценности. Тем не менее философия, выходя за пределы научных знаний, не вторгается активно в характер научных исследований, не делает необходимого социального анализа для понимания, в каком направлении должны развиваться науки, какие острейшие проблемы и как они должны исследовать. В результате этой пассивности мы получаем недостаточные по глубине знания (и даже ложные), нередко ведущие в итоге к уничтожению жизни на Земле. Это особенно

касается такой науки как экономика. Дж. Гэлбрейт в своей книге «Экономика невинного обмана» прямо говорит, что буржуазная экономика прячется под лозунгом «невинной экономики» - рыночной, якобы как самой эффективной и нерушимой [1], тогда как некоторые западные и наши теоретики называют ее лженаучной.

В-третьих, философия пока без глубокого анализа достижений наук строит единую картину мира, нисколько не беспокоясь насколько верно отражает она вместе с науками реальность, насколько служит гуманному справедливому развитию общества и человечества, насколько она эффективно защищает биосферную жизнь на Земле, которая развивалась около 4 млрд. лет. Какие же науки привлекаются в научно-философской школе для того, чтобы получить истинные знания о развития мира и жизни как его важнейшей составляющей? Это – философские, социологические, биологические, почвоведческие, гуманитарные, исторические, экономические, технические, науки о Земле и многие другие. Такое сочетание научных дисциплин, комп- лексно изучающих земной мир и жизнь, позволили получить ученым новое представление об особенностях современного прогресса и перспективах его развития в ближайшие десятилетия и столетия. Более того, предсказать завтрашний день развития постбиосферной жизни, то есть жизни без биосферы на нашей планете, если не будут приняты мировой общественностью, и прежде всего ООН и правительствами крупнейших государств, коренные, хотя и не популярные, меры по сохранению вековой жизни. Именно философия исторически является той базовой областью знаний, от которой отделялись отдельные науки и научные направления. Им предстояло глубоко проникнуть в сущность многообразных явлений, в своей совокупности составляющих основу мира. Но все науки в их содержательном суммировании не дают нам целостного представления о мире, как и не дают и сущностных сторон мира и особенно развивающейся миллиарды лет жизни на планете Земля. Главные социально-экологические проблемы и проблемы справедливости устройства мира связаны сейчас с рыночно-ориентированным формированием техносферы и соответствующей ей науки, социально-техногенным развитием жизни, уничтожением биосферы, сменой ее эволюции [4; 5; 7; 11; 12; 13; 15].

Литература:

1. *Гэлбрейт Дж. Экономика «невинного» обмана: правда нашего времени. М.: Европа, 2009. 86 с.*
2. *Демиденко Э.С. Двуликая техносфера в человеческой жизни // Проблемы современного антропосоциального познания. Вып. 12. Брянск: БГТУ, 2015. С.30-43.*
3. *Демиденко Э.С. Методологические подходы В.И.Вернадского к пониманию социально-технологического развития мира // Философские идеи В.И. Вернадского и современность. Вып.51. «Ценологические исследования». М.: ИФ РАН, Технетика, 2013. С.84-91.*
4. *Демиденко Э.С. Ноосферный переход жизни на Земле // Брянскому государственному педагогическому университету 70 лет. Брянск, 2000. С.122-128.*
5. *Демиденко Э.С. О методологии прогнозирования социоприродного развития // Проблемы современного антропосоциального познания. Вып.3. Брянск, 2005. С.12-20.*
6. *Демиденко Э.С., Дергачева Е.А. Социально-философский анализ становления и развития концепции техногенного общества // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. URL: http://www.science-education.ru/131-23481*

7. *Демиденко Э.С., Дергачева Е.А. Техническая и техногенная реальность современного социоприродного развития в трансформации биосферной жизни // Вестник Брянского государственного технического университета. 2015. №4. С.81-90.*
8. *Демиденко Э.С., Дергачева Е.А. Техногенное развитие общества и трансформация биосферы. М.: Красанд, 2010. 288 с.*
9. *Демиденко Э.С., Дергачева Е.А. Экономические тренды в условиях современного социально-техногенного развития мира // Фундаментальные исследования. 2016. №11. Ч.4. С. 774-781. URL: https://www.fundamental-research.ru/pdf/2016/11-4/41254.pdf*
10. *Дергачева Е.А. От техногенной рациональности к рациональности социоприродного развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Философия». 2008. №1. С.12-16.*
11. *Дергачева Е.А. Современная глобализация как мегатенденция взаимосвязанных социо-эколого-экономических изменений // Фундаментальные исследования. 2015. № 12. Ч.2. С.371-375. URL: http://www.rae.ru/fs/pdf/2015/12-2/39422.pdf.*
12. *Дергачева Е.А. Социально-философский анализ глобализации // Современные исследования социальных проблем: электрон. журн. 2012. №1 (09); URL: http://sisp.nkras.ru/issues/2012/1/dergachyova.pdf*
13. *Дергачева Е.А. Техногенное общество, особенности его становления и развития // Аспирантский вестник Поволжья. 2008. №1–2. С.13-18.*
14. *Дергачева Е.А. Технократизм в глобализации техногенной общественной системы // Современные проблемы науки и образования: электрон. журн. 2012. № 3; URL: http://www.science-education.ru/103-6430*
15. *Дергачева Е.А., Чернецова Н.Н. Повышение конкурентоспособности и качества образовательных услуг в вузе // Вестник Брянского государственного технического университета. – 2008. – №3 (19).*

Дергачева Елена Александровна
ФГБОУ ВО "Брянский государственный технический университет", Брянск, Россия
Баксанский Олег Евгеньевич
ФГБУН «Институт философии РАН», Москва, Россия

От кризиса в образовании к необходимости системных трансформаций

В начале XXI века современное российское образование находится в условиях непростых трансформаций. Происходит переход от классического, универсального его облика к востребованной рыночной экономикой и менее затратной узкодисциплинарной специализации. Активизируется научно-исследовательская деятельность студентов, сокращается подготовка по социально-гуманитарным дисциплинам, которые, по сути, участвуют в формировании моральной составляющей будущего профессионала. Все эти и многие другие нововведения во многом связаны с адаптацией российского образования под требования Болонской системы [12; 14]. Среди преимуществ последней – расширение академической мобильности учащихся и профессорско-преподавательского состава, возможности зарубежного трудоустройства и, как следствие, глобализация образовательного пространства и рынка труда, что несомненно является гуманной интенцией с точки зрения предполагаемого роста образованности населения планеты и *справедливым* в аспекте своевременного обновления обучающих программ и технологий.

Современная глобализация в целом увеличивает темпы противоречивых социально-экономических, научно-технологических и природных изменений и взаимодействий, о чем уже было сказано в других исследованиях авторов [10; 11]. Однако, как бы это ни было странно, глобализация оборачивается усилением образовательного неравенства в мире и в частности в его самом развитом социуме – США, на что обращает внимание нобелевский лауреат по экономике Дж. Стиглиц, что само по себе социально и экономически *несправедливо*. Он отмечает, что мировой экономический кризис десятилетней давности негативно сказался на доходах среднестатистических американцев, причем их доходы упали до уровня 90-х гг. прошлого века. Это, в свою очередь, сейчас и в будущем приведет к еще большему расслоению общества по признаку образования, поскольку доступность данного ресурса (а заодно и привилегированного положения в социуме) передается от родителей к детям [15, с.45, 105]. Эти и многие другие тенденции свидетельствуют о нарастании кризисных процессов в образовании, сокращении его доступности в условиях усиления технократической направленности рыночного развития [8; 13].

Рационализация образовательных программ в направлении их сокращения представляется недостаточно обдуманной не только с точки зрения стабильности социально-экономического статуса будущего специалиста, но и в контексте тех тенденций, которые происходят в современной науке. Отметим лишь некоторые из вопросов современной науки, которые приводят к пересмотру современной картины мира и становлению ее конвергентной парадигмы. Эти изменения, в свою очередь, обусловливают необходимость системных трансформаций в современном образовании [5].

Важнейшими чертами современного этапа развития научной сферы являются: переход к наноразмеру (технологии атомно-молекулярного конструирования); междисциплинарность научных исследований; сближение органического (живой природы) и неорганического (металлы, полупроводники и т.д.) миров. Цивилизация прошла путь от **макротехнологий** (дом, машина), где измерения производились линейками или рулетками, через **микротехнологий** (полупроводники, интегральные схемы), где в качестве измерительных приборов уже использовались оптические методы, до **нанотехнологий**, где для измерений нужны уже рентгеновские установки, ибо оптические методы достигли границ своей применимости [1; 2; 3].

Можно сказать, что **нанотехнологии** представляют собой методологию современного научного познания, ее рабочий инструмент, ведущий к принципиальному стиранию междисциплинарных границ. Более того, это именно методология создания новых материалов, а не «одна из» множества других существующих технологий. Иными словами, если современная **физика** является сегодня *методологией холистического понимания* природы, **математика** – *аппаратом* (*языком*) этого понимания, то **конвергентные технологии** являются *инструментом* этого аппарата, с одной стороны, а, с

другой, - основой промышленного производства и системы образования (философия образования). Именно конвергентные технологии, являясь материальным плацдармом конвергентного подхода, исходя из нанотехнологической методологии, изменили парадигму познания с **аналитической** на **синтетическую**, породив современные промышленные технологии, обеспечившие стирание узких междисциплинарных границ [4].

При этом постоянно следует иметь в виду, что NBICS-конвергенция помимо позитивных аспектов может таить в себе и большое количество угроз и социально-экономических рисков, с которыми необходимо знакомить в процессе обучения. Можно указать следующие риски: опасность для окружающей среды в связи с высвобождением в нее наночастиц; вопросы безопасности, связанные с воздействием наночастиц на производителей потребителей нанопродуктов; политические риски, связанные с воздействием, которое могут оказывать нанотехнологии на экономическое развитие стран и регионов; футуристические риски, такие как возможное вмешательство в природу человека и гипотетическая возможность самовоспроизводства наномашин; деловые риски, связанные с рынком продуктов, содержащих нанотехнологические разработки; риски, связанные с защитой интеллектуальной собственности [6; 7; 9].

Таким образом, «односторонность» подготовки специалистов может в будущем обернуться усилением дихотомии «справедливость-несправедливость» не только в контексте нарастания социально-экономического неравенства, но и в аспекте неподготовленности населения к решению многих острейших проблем социально-техногенного развития мира.

Литература:

1. *Баксанский О.Е. Когнитивные репрезентации: обыденные, социальные, научные. - М., 2009.*
2. *Баксанский О.Е. Физики и математики: анализ основания взаимоотношения. - М., 2009.*
3. *Баксанский О.Е., Гнатик Е.Н., Кучер Е.Н. Естествознание: современные когнитивные концепции. - М., 2008.*
4. *Баксанский О.Е., Гнатик Е.Н., Кучер Е.Н. Нанотехнологии. Биомедицина. Философия образования. В зеркале междисциплинарного контекста. - М., 2010.*
5. *Баксанский О.Е., Дергачева Е.А. Конвергентная парадигма современного образования // Актуальные проблемы социально-гуманитарных исследований в экономике и управлении: матер. III Всеросс. конф.: в 2 т. – Брянск: БГТУ, 2017. – Т.1. – С.129-138.*
6. *Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Когнитивно-синергетическая парадигма НЛП: от познания к действию. - М., 2005.*
7. *Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Когнитивный образ мира: пролегомены к философии образования. - М., 2010.*
8. *Демиденко Э.С., Дергачева Е.А. Экономические тренды в условиях современного социально-техногенного развития мира // Фундаментальные исследования. – 2016. – №11. – Ч.4. - С. 774-781. – Режим доступа: https://www.fundamental-research.ru/pdf/2016/11-4/41254.pdf – (Дата обращения: 28.01.2018).*
9. *Дергачева Е.А., Баксанский О.Е. Социотехноприродная реальность: социально-экономические риски конвергенции // Фундаментальные исследования. – 2016. – №12. – Ч.3. – С.612-617. – Режим доступа: https://www.fundamental-research.ru/pdf/2016/12-3/41141.pdf – (Дата обращения: 28.01.2018).*
10. *Дергачева Е.А. Концепция глобализации в контексте социотехноприродного развития // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. – 2015. – №3-4. – С.16-22.*
11. *Дергачева Е.А. Раздел 2. Социотехноприродная реальность: исследования ее формирования и потребность учета ее в социальной педагогике // Арнольдов А.И., Григорьев С.И., Гурьянова М.П., Гуслякова Л.Г., Дергачева Е.А., Демиденко Э.С., Морова Н.С., Силласте*

Г.Г., Сорочинская Е.Н. Социальная педагогика в России: на острие времени / под ред. М.П. Гурьяновой / ФГНУ «Институт социальной педагогики» РАО. – М.; СПб: Нестор-История, 2014. – 190 с. – С.34-53.

12. *Дергачева, Е.А., Чернецова Н.Н. Конкурентоспособность образовательных услуг в вузе: опыт осмысления в условиях глобализации. – Брянск: БГТУ, 2008. – 79 с.*

13. *Колесник Т.А. Философское осмысление технократизма в современном образовании // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 6А. С. 114-123.*

14. *Спасенников В.В., Дергачева Е.А., Дергачев К.В., Голубева Г.Ф. Разработка структуры электронного портфолио для оценки педагогической компетентности магистрантов // Инновации в образовании. 2017. № 11. С. 141-150.*

15. *Стиглиц Дж. Великое разделение. Неравенство в обществе, или что делать оставшимся 99% населения? – М.: Эксмо, 2016. – 480 с.*

Диденко Ольга Николаевна,
Волгоградский государственный университет, кафедра философии, Волгоград, РФ

Университет и его ценности в творчестве П.Сорокина

В условиях глобальной мобильности, обмена национальными моделями, технологиями, миграционными потоками возникает задача осмысления сути происходящего во всех сферах человеческой деятельности. Для российского общества актуальность исследования происходящего в мире определяется еще и необходимостью осмысления национальных приоритетов. В этом плане исследовательский интерес к сфере образования (особенно высшего, университетского) вполне оправдан. Он вырастает из самой практики общественной жизни. Сегодня, когда меняется стратегия и тактика развития университета, его характер и статус, анализ современной образовательной практики, ее роли в культурной динамике является особенно важным. Способен ли российский университет готовить молодых людей к жизни в современном обществе, соответствуют ли принципы организации университетского образования требованиям времени? Университетское образование отличается от любого другого профессионального образования не только фундаментальностью и универсальностью системы теоретической подготовки, но и тем, что формирует основы культуры общества в процессе воспитания личности в особой социокультурной среде. Именно в этих условиях молодые люди постигают все достигнутое человеческой мыслью, учатся научно мыслить и работать с усвоенным научным знанием, опираясь на широкий спектр коммуникаций и ориентируясь на практический результат совместной научно-образовательной и научно-творческой деятельности. Речь идет о формировании личности, которая обладает востребованными обществом духовно-нравственными, профессиональными и интеллектуальными качествами. Именно эта личность способна стать носителем эталонных качеств, влияющих на формирование культуры всего общества. Таким образом, университет, реализуя научную, образовательную, воспитательную и культурную функции является базовым общественным институтом,

планирующим и осуществляющим социальные изменения. «Другого механизма для передачи новому поколению наиболее ценного знания, которое существует не фрагментарно, не разрозненно, а в своей идеальной сцепленности, сегодняшнее общество не имеет». [1,119] Своевременным, в этом плане, является обращение к взглядам П.Сорокина на проблемы образования и воспитания как факторы изменения культурных систем. Философ рассматривает институты образования и воспитания с позиций теории социальной стратификации. В этом контексте значение школы, семьи, профессиональной подготовки определяется не только такими функциями образования как знания, умения и навыки. Большое значение приобретают функции селекции и распределения индивидов внутри социального здания: место человека в социуме, общие свойства личности, подвижность и стабильность общества. Изучение трудов П.Сорокина позволяет не только понять сущность и направленность возможных социальных изменений, но и по-новому осмыслить содержание и предназначение университетского образования. В этом смысле важно понять, что университет не только изменяется в условиях происходящих изменений в экономической и социальной сфере, но выступает инновационной, экспериментальной площадкой для формирования образцов опыта и передовых инициатив, меняющих историческую действительность. Осознания ценности университетского воспитания и образования, осознания ценности самого университета в этих новых условиях возможно только в том случае, если современные студенты возьмут на вооружение слова напутствия П.Сорокина, произнесенные им на торжественном собрании в день 103 годовщины Петербургского университета 21 февраля 1922 года. «Первое, что вы должны взять с собой в дорогу, – это знание, это чистую науку,….точную, как проверенный компас, безошибочно указывающую, где Истина и где Заблуждение. Берите ее в максимально большом количестве. Без нее вам не выбраться на широкий путь истории…. Но не берите суррогатов науки, тех ловко подделанных под нее псевдознаний, заблуждений…, которые в изобилии преподносят вам тьмы фальсификаторов. Опыт и логика – вот те реактивы, которые помогут вам отличить одно от другого. Иных судей здесь нет». [2, 245] Второе, что нужно взять с собой студентам – это «любовь и волю производительному труду – тяжелому, упорному, умственному и физическому». [2,246] По мнению ученого, мир это мастерская, а человек – творец и созидатель. Но и это еще не все. Именно перед молодыми стоит задача «восстановления, сохранения и улучшение нашего национального лица». И здесь нужны такие ценности, как совесть, моральные поступки и нравственное поведение. «Иначе вы будете иметь ту вакханалию зверства, хищничества, мошенничества, взяточничества, обмана, лжи, спекуляции…, в котором мы сейчас захлебываемся и задыхаемся». [2, 247] Предметом особого внимания, как пишет П.Сорокин является семья, которая «как первый скульптор, лепящий socius'a, создавала индивидуальность чуждую»…эгоизма и невежества. [2, 248] Эти ценности, как указывает философ, являются тяжким бременем, но они важны и нужны для тех , кто

пришел менять этот мир. Сегодня слова П.Сорокина, произнесенные с кафедры в далеком 1922 году не устарели. Они по-прежнему обращены к молодежи… Услышат ли его? [2, 240]

Литература:

1. *Шевцов П.А. Элитарное образование: специфика, равенство и доступность //Открытое образование. 2011. № 4. С. 119*
2. *Сорокин П.А. Дальняя дорога: Автобиография /Пер. с анг. М.: Моск. рабочий; ТЕРРА, 1992. 303 с.*

Зенина Ольга Михайловна,

ФГАОУ ВО "Белгородский государственный национальный исследовательский университет", Белгород, Российская Федерация

Внедрение тьюторского сопровождения как механизма реализации принципа социальной справедливости в сфере инклюзивного образования

Проблема образования детей с инвалидностью существовала во все времена, однако с каждым годом ситуация усугубляется и требует незамедлительного решения. Внедрение инклюзивной модели образования должно стать приоритетным направлением социальной и образовательной политики всех регионов страны. По данным статистики, только 12 % детей с инвалидностью имеют возможность получить высшее образование. Для решения этой проблемы, необходимо трансформировать всю систему образования. Развитие инклюзивного образования означает изменение представления о том, что проблемой является ребенок, и переход к пониманию того, что в изменениях нуждается сама социальная среда. Внедрение инклюзивных подходов ориентировано на изменение ценностных ориентаций общего образования, на решение вопросов социального права каждого жить в обществе и быть его полноценным членом. Образование детей с ограниченными возможностями здоровья предусматривает создание для них психологически комфортной коррекционно-развивающей образовательной среды, обеспечивающей адекватные условия и равные с обычными детьми возможности для получения образования в пределах образовательных стандартов, оздоровление, воспитание. Эта тема вызывает у меня особый интерес, поскольку непосредственно в нашем вузе, как и в других эта проблема существует. В НИУ «БелГУ» количество студентов с инвалидностью ежегодно увеличивается. В этом году среди учащихся, 164 человека с инвалидностью. Особенностью деятельности вуза в области образовательной поддержки студентов с инвалидностью является формирование среды, предполагающей полноценное включение учащихся с ограниченными возможностями здоровья в жизнь студенческого коллектива. Особого внимания в инклюзивном образовании должен заслуживать вопрос адаптации к вузовской атмосфере студентов с инвалидностью. Как правило,

они адаптируются намного труднее. В феврале 2017 года среди студентов с инвалидностью в НИУ «БелГУ» было проведено исследование по выявлению уровня социально-психологической адаптации студентов в вузе. Респонденты отметили, что для успешной адаптации им не хватает дополнительного организационно-педагогического сопровождения. Одной из эффективных форм организационно-педагогического сопровождения инклюзивного обучения студентов с инвалидностью в вузе является тьюторинг. Тьюторинг – дополнительные индивидуальные консультации и занятия со студентами, организованные для оказания помощи в освоении учебного материала, объяснения и подкрепления содержания курса и выработки навыков к обучению в высшем учебном заведении. Внедрение тьюторинга будет способствовать не только социализации студентов с инвалидностью, но и продвигать остальную часть студентов навстречу им, развивать процессы интеграции в молодежной среде, что обязательно проявится с положительной стороны в будущем в общественной жизни. Деятельность тьютора, помимо перечисленного, играет неотъемлемую роль в адаптации спортивной и культурной среды для студентов с инвалидностью, поскольку вовлечение студентов-инвалидов в общественную и культурную жизнь университета способствует повышению мотивации к творчеству, преодолению самоизоляции и формированию толерантного отношения к людям с инвалидностью. Стоит обратить внимание на то, что инклюзивное образование является эффективным средством, обеспечивающим процесс социальной адаптации. Помимо этого, оно стимулирует взаимопонимание и социальное взаимодействие, становится более индивидуализированным и выполняет роль защитного пространства. Наличие тьюторского сопровождения является признаком жизнеспособности системы высшего образования студентов с инвалидностью, привлекательности ее гуманистической концепции для студенческой молодежи. Поэтому, вектор политики университета должен быть направлен на создание всех условий для развития тьюторства и реализацию творческих потребностей студентов с инвалидностью. Проанализировав работу, проводимую в ведущих вузах страны, следует отметить, что единое понимание системно-функциональной структуры инклюзивной системы образования еще не сформировано, нет универсального подхода к проектированию и реализации данной образовательной модели. Это круг тех вопросов, на которые необходимо обратить пристальное внимание. Механизмом решения данной проблемы может послужить внедрение института тьюторства как элемента системы обучения инвалидов на базах высших учебных заведений. Система включенного высшего образования выступает в роли стабильного механизма интеграции выпускников в трудовую, общественную деятельности и является важнейшим ресурсом независимой и полноценной жизни людей с расширенным кругом потребностей.

Зубков Владимир Иванович,
Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Москва, Россия

Ум, образованность и карьера

Приносят ли ум и образованность счастье и успех. Ум – это высокий интеллект, но умом также называют и здравый смысл, приобретаемый с жизненным опытом. А о счастье люди судят вообще очень по-разному. Лучше всех о нем сказал Козьма Прутков: «Если хочешь быть счастливым, будь им». Но если счастье помимо прочего предполагает самореализацию человека в какой-либо деятельности, то ее должно мастерски выполнять, а для этого нужно учиться, а учиться легче, будучи умным. Причем учиться можно в учебном заведении, но можно заниматься и самообразованием. В общем, ум и образованность еще никому не помешали ни в профессиональном, ни в житейском плане. Образованный человек может выполнять квалифицированную работу, за которую платят больше, чем за неквалифицированную. Благодаря образованию повышается когнитивная сложность личности, ум и образование позволяют лучше ориентироваться в жизни и понимать происходящее. С другой стороны, царь Соломон предупреждал: «Во многой мудрости много печали, и кто умножает познания умножает скорбь». Мудрый человек понимает невозможность все познать, видит несовершенство мира и тщетность по большому счету что-либо изменить. Как же получается так, что не только выпускники вузов, но и маститые ученые-теоретики и профессора в практической деятельности терпят неудачу, а люди без специального образования добиваются успеха? Значит ли это, что наука и образование излишни? Конечно, нет. Просто для практической работы нужны особые личностные качества, отсутствие которых не может полностью компенсировать никакая образовательная подготовка. Так, вероятно самым необходимым качеством для работы в социальной сфере является социальный интеллект, т.е. способность хорошо понимать людей. А этому научиться нельзя. Правда, проводятся тренинги, которые, как утверждают их организаторы, позволяют повысить социальный интеллект в целом и развить различные его составляющие, но представляется, что участников этих тренингов по большей части следует считать жертвами сциентизма. Кроме того, для реализации конкретных социальных практик нужны и специфические качества. Например, предпринимателю, который делает что-то новое или не так, как другие, необходима способность предвидеть будущее, интуитивно или на основе неполной информации выносить правильные суждения. А этому научить нельзя. Тем не менее, образование людям становится все более необходимым. Статистика показывает, что по сравнению с концом прошлого века количество высокообразованных россиян возросло более, чем в два раза. Та же тенденция наблюдается и на Западе. И все это в условиях неуклонного снижения числа лиц молодых возрастов. Образование нужно не только

самим людям для их самореализации. Рост образованности граждан является важнейшим фактором общественного развития и повышения конкурентоспособности стран в постиндустриальную эпоху. Поэтому на Западе реализуются специальные программы повышения образовательного уровня населения, например, программа Евросоюза «Europe 2020 strategy», целью которой является сокращение числа людей, имеющих только начальное образование, и увеличение числа людей, имеющих высшее образование. Почему же среди наших друзей и знакомых есть недюжинного ума люди, которые «живут беднее и труднее других»? Ну, во-первых, для того, чтобы ум определял жизненный успех, необходимы институциональные условия. Вот как аллегорически характеризует их Ю.Олеша: «В Европе одаренному человеку большой простор для достижения славы. Там любят чужую славу. Пожалуйста, сделай только что-нибудь замечательное, и тебя подхватят под руки, поведут на дорогу славы… У нас нет пути для индивидуального достижения успеха. Правда ведь? … В нашей стране дороги славы заграждены шлагбаумами… Одаренный человек либо должен потускнеть, либо решиться на то, чтобы с большим скандалом поднять шлагбаум» [1, 26]. Исторически сложилось так, что в России умные люди не нужны, а нужны люди преданные и очень преданные. В соответствие с этим критерием происходит рекрутирование в руководство и политику и продвижение по карьерной лестнице. Но для того, чтобы продемонстрировать преданность кому-нибудь большому начальнику, нужно до него добраться, поэтому нужно приобретать связи. Такая система приводит наверх людей не самых умных. Но поскольку дело все-таки делать нужно, начальники «придерживают» умных подчиненных, а от глупых избавляются, в том числе продвигая их по карьерной лестнице. Если же вы не хотите зависеть от начальства и открыть собственное дело, то будьте готовы к постоянно меняющимся правилам игры, неподъемным налогам, иезуитству чиновников, нечестной конкуренции, вплоть до беспредела, и правовой незащищенности. В таких условиях приходится обходить закон, жертвовать жизненными принципами и совестью, а это подходит не каждому. А если и подходит, то, как мы уже отмечали, для достижения успеха кроме ума необходимы и определенные профессионально-важные качества. Наконец, «большая карьера» требует одержимости и самоотречения, притом, что настоящего успеха достигают лишь единицы. Поэтому многие умные люди хотят достичь статуса верхнего среднего класса и, делая «нормальную карьеру», наслаждаться жизнью. Ведь средний класс является основой общества и государства, потому что такой социальный статус устраивает большинство. А есть умные люди, которые вообще не имеют карьерных притязаний, например, дауншифтеры.

Литература:

1. *Олеша Ю.К. Зависть // Олеша Ю.К. Избранное / Предисл. В.Шкловского. Фрунзе: Адабият, 1989.*

Зырянов Владимир Викторович,
МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Социологическое образование: к элитности или маргинальности

Социологическое образование - его масштабы, условия осуществления образовательного процесса, контингент обучающихся, востребованность выпускников рынком, определяются сегодня как процессами, происходящими в целом в стране, в высшем образовании, в социологии как науке и как сфере занятости, так и процессами, происходящими внутри социологического образования. Наиболее значимыми процессами последнего десятилетия можно считать следующие:

1) демографический спад – снижении числа выпускников школ за последние 10 лет более чем в 2 раза, с 1466,0 тыс. чел. в 2005 г. до 647,8 тыс. чел. в 2015 г. [1];

2) последовательное сокращение контрольных цифр приёма на все социо-гуманитарные направления подготовки, так, «…в 2015 году планируется сократить объем контрольных цифр приема в отношении направлений подготовки и специальностей, относящихся к … наукам об обществе, …гуманитарным наукам» [2];

3) уже четвёртый год не растут доходы населения, и, соответственно, поступающих на платные отделения стало меньше: если в 2005-06 учебном году в РФ было 7064,6 тыс. студентов, в т.ч. 1079,3 в негосударственных университетах, то в 2016-17 - 4379,0 тыс. в т.ч. 504,8 в негосударственных университетах [3, 121];

4) высшее образование РФ в последние 10 лет трансформируют из массового в элитарное: сначала особые статусы получили МГУ и СПбГУ, потом появились федеральные университеты, затем национальные исследовательские, а с 2016 г. – опорные. Эта университетская элита должна, по замыслу идеологов реформ, выполнять роль «локомотивов», демонстрировать мировые образцы качества образования. В этом контексте был проведён мониторинг эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования (ООВО), инициировано укрупнение ряда ООВО;

5) государство декларирует стремление оптимизировать бюджетные расходы на образование (введение подушевого финансирования, снижение КЦП, закрытие неэффективных ООВО, объединение ООВО) и высвободить контингент молодёжи для обучения рабочим специальностям. Так, О. Голодец в июле 2016 года сообщила: «У нас есть просчитанный баланс, он составляет примерно 65% на 35%. При этом, 65% - это люди, которым не требуется высшего образования. Поэтому в ближайшем будущем пропорция в экономике будет меняться в сторону увеличения доли людей без высшего образования» [4];

6) закрепление сначала, двух- а затем и трёхуровневой системы высшего образования, что привело к замешательству на рынке труда, колоссальной дополнительной учебно-методической работе в ООВО, расслоению высшего образования;

7) переход на ФГОС третьего поколения с последующей их модернизацией до ФГОС 3+;

8) попытка внедрить в практику взаимодействия работодателей и ООВО профессиональных стандартов. В разной степени эти процессы привели к тому, что социологическое образование стремительно сокращается. Как мы уже отмечали [5, 25], к 2006 году контингент обучающихся по специальности «Социология» вышел на максимальный уровень в 20-21 тыс. студентов, который поддерживался до 2012-13 годов. Сегодня приём на 1-й курс по УГСН «Социология и социальная работа» зафиксирован на уровне 12,9 тыс. студентов [1, 152].

Больше половины из них – это студенты, поступившие на направления подготовки «Социальная работа» и «Организация работы с молодежью», т.е. на студентов-социологов приходится около 5 тыс. чел. Далее, если допустить, что число студентов заочной формы обучения, как и прежде, составляет около 80% от очников, и рассчитать на годы обучения, то получается, что нынешний контингент социологов находится в районе 15 -15,5 тыс. чел., т.е. уменьшился примерно на четверть. При этом подготовка социологов в стране всё больше и больше сосредотачивается в мегаполисах и крупных городах. Так, на долю Москвы, Санкт-Петербурга приходится 39% бюджетных мест в бакалавриате, а если к ним добавить ещё приём в пяти городах с наибольшими наборами (Новосибирск, Краснодар, Ростов-на-Дону, Ярославль, Волгоград), то их суммарная доля вырастит до 52%. В магистратуре Москва и Санкт-Петербург сосредоточили у себя 47% бюджетных мест, а в сумме с топ-5 городов (Архангельск, Саратов, Ставрополь, Новосибирск, Чита) их доля составляет уже 60%. При этом приходится констатировать, что многие из региональных лидеров социологического образования теряют свою значимость, так можно говорить об утрате позиций университетами Уральского региона (Екатеринбург, Пермь, Челябинск, Магнитогорск). Сильная социологическая школа Самарского ГУ «растворилась» в поглотившем его Аэрокосмическом университете, в топ-5 нет Казани, Нижнего Новгорода, Барнаула. С другой стороны, социологическое образование оказалось разорванным по уровням – только Новосибирск значится в обоих списках региональных топ 5. За последние 3-4 года увеличился и список регионов, где подготовки социологов нет, теперь их 26 для бакалавриата (в 2010 году – 21), и 36 для магистратуры. Сложившаяся картина социологического образования вроде бы позволяет говорить о том, что оно становится элитарным, т.к. концентрируется в столицах и крупнейших образовательных центрах, располагающих лучшими кадрами, но, если посмотреть с позиции страны, то есть поводы предположить маргинальную траекторию развития в силу

деградации региональных центров и фактического свёртывания его в ряде университетов и городов.

Литература:

1. *Индикаторы образования: 2017: статистический сборник / Н.В. Бондаренко, Л.М. Гохберг, И.Ю. Забатурина и др. М. НИУ ВШЭ, 2017.*
2. *В 2015 году повысится доступность высшего образования для выпускников школ ГАРАНТ.РУ: http://www.garant.ru/news/522550/#ixzz568PdQ3aD*
3. *Зырянов В.В. Объединение университетов в контексте трансформации российского высшего образования / Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР [Электронный ресурс]: материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Владивосток, 9–10 ноября 2017 г. / [отв. ред. И.Г. Кузина]. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2017. Режим доступа: https://www.dvfu.ru/science/publishing-activities/catalogue-of-books-fefu/. С. 121.*
4. *Голодец не нашла необходимости в высшем образовании у двух третей работников в РФ Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.interfax.ru/business/518708*
5. *Зырянов В.В. Квалификация одна, учебные планы – разные // Аккредитация в образовании. 2013. № 2 (62). С. 25.*

Ивашкина Анастасия Олеговна,

Волгоградский институт управления — филиал РАНХиГС, Волгоград, Россия

Инклюзивное образование в высшей школе – путь к социальной справедливости

В настоящее время одной из задач современного образования является развитие сети образовательных учреждений для людей с ограниченными возможностями здоровья. Важность проблемы получения высшего образования у лиц с ограниченными возможностями здоровья усиливается низкой культурой их социального восприятия, отрицательной оценкой их роли в социуме и трудового вклада, а также их дальнейшей профессиональной деятельности [1]. Теоретическое определение инклюзии восходит к теории Т. Парсонса. Инклюзия оказывается необходимой для координации функций меняющейся системы. Если ранее исключенные группы смогут сформировать легитимизированную способность “вносить вклад” в функционирование общества, их включают в общую систему со статусом полного членства. То есть, дифференциация приводит к такому положению, когда необходимость интеграции отделившихся объектов упорно требует включения ранее исключенных компонентов. При этом Парсонс указывает на возможность сопровождения подобного процесса конфликтами в силу приверженности отдельных определенным вариантам ценностных идеалов [2]. Внедрение инклюзивного образования в образовательную систему актуализирует проблему обучения людей с ограниченными возможностями здоровья с людьми без таких ограничений. Тема «Инклюзивное образование – путь к социальной справедливости» изучалась нами с помощью метода глубинного интервью в октябре-ноябре 2017 года. Всего было опрошено 15 студентов города Волгограда.

Проанализировав полученную информацию, мы можем представить следующие результаты. В качестве первого пункта нашего исследования был задан вопрос об информированности студентов о понятии «инклюзивное образование». Подавляющее число респондентов не осведомлено о самом понятии «инклюзивное образование». Многие респонденты задавали вопросы для разъяснения данного термина. «Я представляла, что такое инклюзивное образование. Но так уж сталкиваться с этим мне не пришлось пока», - поясняет респондент (девушка, 20 лет). Исследование показало, что у опрошенных низкий уровень осведомленности об опыте внедрения инклюзивного образования в высших школах. Важным аспектом изучения возможностей внедрения инклюзивного образования являются установки участников, их отношение к данной проблеме. Исследование показало, что большинство опрошенных положительно относятся к инклюзивному образованию и к его непосредственному внедрению в высшую школу. «Хорошо отношусь. Общество у нас, люди у нас в обществе очень разные. Инвалидов у нас много, их не мало и сейчас у нас рост разных заболеваний, то есть и инвалидов, я считаю, людей с ограниченными возможностями их нужно выводить в общество, они должны что- то делать, они не должны сидеть дома, не только ради других они должны что-то делать, банально для себя, потому что человек, когда интегрирован в общество, он живет по-другому …» (девушка, 21 год). Инклюзивное образование предполагает построение новой модели образовательных отношений. Инклюзия стремительно входит в практику образования, распространяя в обществе идеи о том, что каждый человек ценен и должен иметь возможности для достойного существования и самореализации в этом обществе. «Высшее образование, я считаю, необходимо получать все-таки в учреждениях, которые доступны для всех. Которые реализуют программу для всех людей, в независимости от того, какие ограничения по здоровью они имеют», - поясняет свою точку зрения респондент (девушка, 20 лет). Толерантное отношение населения, в частности студентов высших учебных заведений, к людям с особыми образовательными потребностями определяется на этапе становления, необходимо учитывать психологическую неподготовленность части социума принимать таких студентов равноправными членами общества. Вместе с этим проведенное исследование показывает, что респонденты так же выделяют данный фактор человеческой неготовности, то есть неосознанное стремление выделять лиц с ограниченными возможностями здоровья. «Конечно, как ни крути, конечно, мы все люди и как не старайся не замечать, какие-то особенности, мы замечаем, так мы устроены, нам комфортнее общаться с людьми похожими на нас », - поясняет студент (девушка, 19 лет).

В связи с вышеотмеченным, можно сделать вывод, что вся образовательная деятельность, связанная с включением лиц с особыми образовательными потребностями в высшую школу, становится малоэффективной и непродуктивной, если в этом процессе будут участвовать люди, которые мало осведомлены и мало информированы в вопросах

инклюзивного образования. Следовательно, внедрение инклюзии в высшую школу должно сопровождаться соответствующей информационной и профессиональной подготовкой. Анализ результатов исследования показал, что большинство респондентов разделяют перспективы совместного обучения студентов с ограниченными возможностями здоровья со студентами, не имеющими нарушений в развитии. Важной задачей, по мнению студентов, является преодоление барьеров на пути инклюзии в высшем образовании: государственное регулирование инклюзивного образования в ВУЗе; обеспечения архитектурной и транспортной доступности образовательных учреждений; психолого-педагогическая переподготовка персонала.

Литература:

1. *Коршунова О. В. Теоретико-методологические основы инклюзии в образовании // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 8. – С. 16–20.*
2. *Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль. М. 1996.- С.494-526.*

Казаренков Вячеслав Ильич,

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Социальная справедливость в жизнедеятельности студента в пространстве высшей школы

«Социальная справедливость как принцип организации и поддержания социальной системы и как ценность, регулирующая взаимодействия между членами сообщества, находится в постоянной динамике, реагируя на институциональные изменения….Социальная справедливость выступает интегрирующим началом, укрепляет солидарные связи в обществе, способствует достижению общественного согласия» [1; 249]. Проблема социальной справедливости -проблема междисциплинарная. Данная проблема затрагивает все социальные институты, в том числе, высшую школу. Традиционно одним из центральных вопросов данной проблемы для высшей школы является вопрос справедливости/несправедливости условий поступление молодежи в вузы. Однако, среди вопросов данной проблематики есть и иные вопросы, имеющие значение для успешного функционирования и развития высшей школы. Среди таковых вопрос о жизнедеятельности студентов в социальном пространстве высшей школы в контексте социальной справедливости. Рассмотрим реализацию принципа справедливости в различных средах жизнедеятельности студента, обучающегося в университете. Университетская жизнь студента многообразна. Сам современный университет представляет собой своеобразную модель человеческого социума. Жизнедеятельность в университете приносит студентам и радость, и огорчения в разной мере для

каждого из таковых. Это зависит от множества факторов, в том числе, от социальной справедливости, имеющей место и в пространстве высшей школы. Где же обнаруживается студентом социальная справедливость в процессе университетской жизнедеятельности? Студент испытывает справедливость/несправедливость в следующих средах университетского пространства: студенческая группа; факультет; научно-исследовательские объединения; досуговые центры университета . В микросреде «студенческие группа и поток» имеется несколько факторов, связанных с практикой реализации принципа справедливости. Студент сталкивается с этим феноменом: в процессе взаимодействия с однокурсниками; в процессе взаимодействия с преподавателями, ведущими учебные занятия. В первом случае доминируют справедливость/ несправедливость в системе оценки межличностных, социальных и, меньшей мере, профессиональных отношений; во втором случае – в системе учебных, социальных и профессиональных. В этой микросреде в системе взаимодействий студент осознает реальность феномена справедливости. В мезосреде университета на уровне факультета данный феномен представлен для студента в работе научно-исследовательских групп, общественных организаций и досуговых объединений. В научно-исследовательской группе справедливость/несправедливость проявляется как в оценке научных достижений и профессиональной подготовки, так и системе социальных и профессиональных отношений. В макросреде университета жизнедеятельность протекает в научно-исследовательских центрах, общественных организациях и досуговых центрах. В первых, социальная справедливость/несправедливость проявляется в оценке научной компетентности и этике исследователя, профессиональных знаний и профессиональной ответственности, а также, в оценке межличностного и социального взаимодействия с коллегами-студентами и руководителем (руководителями) научно-исследовательского центра.

Как и в чем она проявляется, как влияет на эффективность подготовки специалиста? На все эти вопросы мы не сможем дать ответа в небольшой публикации, но сделаем определенную заявку в этом направлении, остановившись на анализе проявления феномена справедливости в микросреде жизнедеятельности студента в пространстве высшей школы. В микросреде университета, на уровне учебной группы (потока) студент оценивает социальную справедливость в неформальных отношениях. Однокурсники оценивают не только поведение своего однокурсника, но и его личностные качества, его мировосприятие, верования, идеалы, знания, эстетические вкусы. Учитывая большую частоту взаимодействий с однокурсниками и группой в целом, студент обнаруживает оценку себя как члена микро группы и, соответственно, отмечает социальное положение в группе, оценивая уже действия группы или отдельных студентов по отношению к себе как справедливые или несправедливые. Студенту не безразлично какой социальный статус он имеет в учебной группе. Социальная справедливость, имеющая место в студенческой учебной группе,

влияет не только на самочувствие одного студента, но и на социально-психологическую атмосферу в группе, а в конечном итоге на психологическом климате в учебном процессе, что находит отражение, в дальнейшем в результатах целостной подготовки специалиста[2]. Несмотря на менее интенсивное взаимодействие студента с преподавателями учебных дисциплин, проявление социальной справедливости/несправедливости здесь более своеобразны и сложны. В данном взаимодействии нет равенства субъектов взаимодействия по многим параметрам (социальный статус, профессиональная подготовка, различие субъектности в учебном процессе, возраст и др.). И хотя частота взаимодействия студента и преподавателя невелика, интенсивность требований, предъявляемых к студенту преподавателем и оценивание преподавателем студента как по уровню освоения знаний, так и по уровню воспитанности, справедливость осознается студентом оперативно и емко.

Знание указанных позиций позволяет позволяет оптимизировать процесс целостной подготовки специалиста в высшей школе.

Литература:

1. *Анисимов А. С., Агеева М.А. Понятие справедливости в современной социологии /А.С. Анисимов, М.А.Агеева // Сервис в России и за рубежом. – 2012. - № 5. – С.249-259.*
2. *Казаренков В.И. Целостность университетской подготовки специалиста / В.И.Казаренков // Вестник Российского университета дружбы народов: Серия: Психология и педагогика. – 2009. - №2. - С.73-77.*

Казаренкова Татьяна Борисовна,

Международный научный Центр "СОЦИУМ 2035", Москва, Россия

Роль науки в формировании современного образа высшего образования в условиях цифрового общества.

Современное цифровое общество, инновационные информационные технологии, разработанные российскими и зарубежными учеными, играют важную роль в формировании современного имиджа высшего образования в мире. Студенты, преподаватели, научные сотрудники, административно-управленческий персонал высшей школы используют информационные технологии (интернет и др.) для общения с коллегами, студентами из российских и зарубежных вузов, для развития международных научно-образовательных платформ. Развитие цифрового общества будет способствовать процессам социальной справедливости, объединению усилий мирового сообщества для создания равных возможностей для учащейся молодежи. Нами было проведено социологическое исследование «Наука и образование в условиях цифрового общества». Основная цель исследования – разработать интегральную модель взаимодействия науки и образования в условиях цифрового общества. Задачи исследования: рассмотреть основные теоретико-методологические подходы к проблеме цифрового социума;

проанализировать современные условия развития российского общества в условиях цифровой экономики; выявить факторы, влияющие на становление и развитие информационного международного пространства; проанализировать условия для создания международных научно-образовательных платформ в условиях цифрового общества; рассмотреть влияние цифровой экономики на науку и образование; выявить особенности взаимодействия науки и образования в современных условиях российского социума; рассмотреть возможные пути развития инновационных университетских научно-образовательных территорий; показать ведущую роль науки в формировании современного образа высшего образования в условиях цифрового общества; рассмотреть взаимодействие науки, образования и бизнеса в российском социуме; сформировать рекомендации для эффективной реализации научно-образовательных программ в области цифровой экономики на уровне образовательных учреждений, муниципальном, региональном, федеральном, международном уровнях. Современные научные разработки в области информационных технологий изменили привычный облик высшей школы. Инновационно-образовательное пространство позволяет студентам, преподавателям, ученым, предпринимателям развивать взаимодействие в условиях цифрового социума. Нами был проведен социологический опрос респондентов московских вузов. При ответе на вопрос «Оцените влияние уровня развития инновационной деятельности в вашем университете на процессы межкультурного, научно-образовательного, социально-экономического взаимодействия между нашими университетами в условиях цифрового общества» ответы распределились следующим образом: 25% респондентов отметили важность развития инновационной деятельности на процессы межкультурного взаимодействия между университетами России и мира, 45% респондентов считают, что инновационная деятельность позитивно влияет на процессы научно-образовательного взаимодействия между университетами России и зарубежных стран, а также позволяет более эффективно развивать студенческую мобильность, 30% респондентов отметили важность развития инновационной деятельности на процессы социально-экономического взаимодействия между университетами На вопрос «Как часто Вы посещаете сайты университетов России» 35% респондентов посещают сайты российских вузов постоянно, 45% респондентов ответили, что часто,14% респондентов редко, 6% респондентов затруднились ответить. На вопрос «Как часто Вы посещаете сайты зарубежных вузов (научно-образовательных центров) стран дальнего зарубежья (Европа, США, Австралия, Япония, Индия, Китай и др.) 18% респондентов посещают сайты зарубежных вузов постоянно, 35% респондентов ответили, что часто, 32% респондентов редко, 15% затруднились ответить. На вопрос «Как часто Вы используете интернет для получения новейшей научно-образовательной информации (пользуетесь услугами электронных библиотек и других современных информационных источников научной информации» 35% респондентов ответили, что часто, 48% респондентов постоянно,12% респондентов редко, 5% затруднились

ответить. На вопрос «Как часто Вы участвуете в международных научно-образовательных интернет-конференциях» 38% ответили, что они постоянно участвуют, 37% респондентов часто участвуют,14% респондентов редко, 5% затруднились ответить на данный вопрос На вопрос «Используете ли Вы социальные интернет-сети для размещения научно-образовательной информации о вашем вузе и получении интересной информации о вузах-партнерах, участвуете ли в профессиональных интернет-форумах в социальных сетях» 47% респондентов постоянно, 36% респондентов ответили, что часто,10% респондентов редко, 7% респондентов затруднились ответить. На вопрос «Используете ли Вы интернет для получения научно-инновационной информации (научно-образовательные гранты, научно-образовательные форумы, сайты электронных научных журналов и др.)» 44% респондентов постоянно, 35% ответили, часто,16% респондентов редко, 5% затруднились ответить на данный вопрос В условиях цифрового общества возрастает роль научных исследований в области общественных и гуманитарных наук, которые интегрируют знания о природе и обществе. Наука и образование являются лидерами по внедрению инновационных разработок в жизнедеятельность научно-образовательных организаций. Плодотворное сотрудничество науки, образования и бизнеса способно поднять на новый уровень развития российское общество и условиях цифровой экономики.

Каманина Анастасия Николаевна,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Перспективность профессиональной ориентации студенческой молодежи

Происходящие изменения в обществе затрагивают вопросы профессиональной ориентации студенческой молодежи. Достижение результативности и карьерного роста, успеха в конкретной профессиональной области востребует обладание не только особым складом ума, навыками и умениями, но наличием потенциала профессиональной мобильности, способного помочь самоопределится студенту и оперативно подстроиться под ситуацию [4]. За время жизни человек осваивает несколько видов профессий, является специалистом в смежных областях, имеет широкий спектр знаний и навыков. Содержание среднего профессионального и высшего образования – фактор экономического и социального прогресса общества, поэтому оно должно быть ориентированно на: а) обеспечение самоопределения личности школьника, абитуриента, студента, выпускника университета; б) создание комфортных условий для самореализации молодого специалиста; в) социально-экономическое развитие общества и

укрепление, совершенствование правового государства. Социальное государство обязуется предоставить возможность каждому гражданину реализовать свои способности, таланты и воплотить их в жизнь. Так, профессиональная ориентация – это научно обоснованная система подготовки российской молодежи к свободному и самостоятельному выбору профессии, призванная учитывать, как индивидуальные особенности каждой личности, так и необходимость полноценного распределения трудовых ресурсов в интересах общества [5]. Если внешняя профессиональная ориентация направлена на информирование о различных возможностях в профессиональной сфере, на накопление знаний, навыков и опыта, на выбор направления обучения и выбора университета согласно индивидуальным особенностям личности, то внутренняя – на введение новых сотрудников в курс дела при трудоустройстве, знакомство с требованиями, задачами, с трудовым коллективом и руководством. Профессиональной ориентации присущ традиционный характер, так как она связана с принципиальным процессом передачи знаний и умений от старшего младшему поколению – внутри профессии (ремесла), внутри семьи (из поколения в поколение, от отца к сыну). Посредством ее профессиональные знания постоянно совершенствовались, но при этом нередко являлись и являются строжайшим секретом (коммерческой тайной) для других [3]. На современном этапе решения, связанные с изменением профессии, рода и вида профессионально-трудовой деятельности неизменно должны быть обдуманными и осознанными. Непрерывное социально-экономическое развитие общества неизбежно приводит к усложнению и разнообразию профессиональных статусно-ролевых позиций, а также появлению новых продуктов (товаров и услуг), что востребует институциональную подготовку высококвалифицированных кадров. При чем, ее содержание и характер должен максимально отвечать вызовам революционных изменений в информационно-коммуникационных технологиях. Так, согласно «Атласу новых профессий» устаревающими интеллектуальными профессиями на горизонте 2013 – 2030 гг. являются профессии бухгалтера, менеджера по кредитам, нотариуса, турагента, бурильщика, библиотекаря, документоведа, архивариуса, провизора, копирайтера, риелтора, испытателя, системного администратора, стенографиста, банковского операциониста, аналитика, секретаря, логиста, диспетчера, журналиста, переводчика и др. К устаревающим профессиям в рабочей сфере относятся билетер, вахтер, лифтер, парковщик, почтальон, курьер, машинист, инспектор ДПС, горняк, охранник и другие [6]. Обращаясь к профессиям будущего и настоящего, отметим тот факт, что всему этому сопутствуют тенденции в изменениях рынка труда. В первую очередь, данные тенденции порождены процессом глобализации, роста среднего класса и изменениями потребительских предпочтений, экологическим образом жизни и производственными процессами. Во-вторых, имеют влияние технологические процессы: внедрение информационно-коммуникационных технологий, автоматизация производства, возникновение новых технологий [2]. Все это влечет

изменения в практике и разработке производственных механизмов, ставит новые задачи и определяет необходимость в развитии новых стратегических решений. Какие же навыки необходимы успешным людям в мире профессиональной самореализации? Результаты социологических исследований показывают, что, прежде всего, это системное и экологическое мышление, управление проектами и командообразование, межотраслевая коммуникация, клиентоориентированность, работа в условиях неопределенности, работа с людьми, программирование [1]. В списке актуальных на сегодняшний день значатся – область медицины, строительства, безопасности, авиации, культуры, образования, туризма, медиа, биотехнологий, сельское хозяйство, энергогенерация, космос, нано технологии, легкая промышленность, информационные технологии. Студенты, получающие знания в данных областях имеют большее количество шансов на реализацию своего потенциала и демонстрацию полученных в университете навыков на практике. Итак, профессиональная ориентация имеет прямую причастность к государству, так как является механизмом, способствующим осуществить молодежью правильный выбор профессии. Молодежь – это «трудовой капитал» государства, показатель его конкурентоспособности и стойкости на международной арене. Следовательно, необходимо развивать систему мер по внедрению профессиональной ориентации в школах, с целью повышения эффективности и качества труда, развития конкурентных преимуществ и навыков населения.

Литература:

1. *Митюрникова Л.А. Концептуальные подходы профессиональной ориентации молодёжи в современной России: социологическое исследование: монография. – М.: Дашков и К , 2014. - 347 с.*
2. *Назаренко С.В. Образовательная среда общества: социологическая интерпретация механизма функционирования социального контроля / Социология образования. 2017. № 2. С. 43-62.*
3. *Назаренко С.В. Социальный контроль в реализации миграционной политики: теоретико-методологические основы / Социальные факторы миграции в современном мире: коллективная монография. Ульяновск, 2016. С. 17-31.*
4. *Оборский А.Ю., Крутилин Д.С. Исследование качества учебного процесса и образовательной среды: опыт ведущего столичного вуза / Право и образование. 2014. № 6. С. 32-38.*
5. *Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об образовании в Российской Федерации».*
6. *Мир профессий будущего [Электронный ресурс]. URL: http://atlas100.ru/ (дата обращения: 30.01.2018).*

Киселёва Наталья Ильинична,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации ,
Москва , РФ

Тенденции развития высшего образования: фундаментальность против ремесла

Войдя в период современных технологических изменений, эксперты в области образования ожидают перемен такого масштаба, такой сложности, что еще никогда не доводилось испытывать системе высшего образования. По утверждению транснациональной консалтинговой компании Boston Consulting Group 80% российское население не имеют достаточных компетенций для работы на современных рынках. По мнению экспертов BCG, россияне чаще заняты низкоквалифицированным трудом и только 17% населения заняты интеллектуальной, творческой работой, что в 1,5 раза меньше, чем в Японии или США, в 1,7 раза меньше, чем в Германии, вдвое ниже показателя Сингапура и в 2,6 раза – Великобритании [1]. Считается, что это есть результат низкой эффективности системы российского образования, которая переслала воспроизводить высококвалифицированные кадры и поэтому революционные ожидания от технологического развития современного мира рассматриваются как шанс вернуть утраченную способность качественной подготовки специалистов и лидирующие позиции в мировой системе подготовки кадров. Прогнозируется, что глобализация и развитие сетевого общества; цифровизация и автоматизация всех сфер жизни общества; социально-демографические навсегда изменят систему высшего образования. Для глобализации и развития сетевого общества характерно интенсивное движение знаний и технологий, создание сетевых университетов и рост академической мобильности преподавателей и студентов. Ярким примером являются Университеты БРИКС и ШОС (УШОС), Сетевой университет СНГ (СУ СНГ), Университет Национальной технологической инициативы «20.35», Сетевой Институт ПОД/ФТ и др. Для этих сетевых вузов характерно формирование научно-образовательно-производственных кластеров, объединяющих бизнес с лучшими вузами, научными и производственными центрами, которые ориентированы на профессиональное развитие человека в цифровой экономике, формирование новых компетенций для глобальных рынков. Многие из этих вузов меняют технологию обучения, используют цифровые образовательные платформы, создают узкие и короткие программы обучения, используют нейросети для оптимизации траекторий обучения учеников. Тем самым многие другие вузы со своими научными и педагогическими ресурсами становятся перефирийными вузами. Развитие цифровых технологий, автоматизация всех сфер жизни общества формируют высокую доступность услуг высшего образования, стираются географические, социальные и демографические

различия, расширяется круг потенциальных групп потребителей образовательных услуг.

Все большее получают распространение новые технологии, формы и методы обучения (новые образовательные платформы, например, МООК – массовые открытые онлайн курсы; геймификация и др). Доступность коротких курсов (онлайн) и рост требований к поступающим на офф-лайн поляризует вузовское пространство на массовое и элитное, что только усугубляет перспективы развития системы российского высшего образования. Изменение социально-демографических процессов (увеличение продолжительности жизни, снижение смерности в некоторых странах), увеличение возраста выхода на пенсию, а также изменение мировых экономик и рынков привели к тому, что человек за свою жизнь вынужден не однократно менять свою профессиональную подготовку.

В России формируется иная тенденция: снижение численности молодежи вузовского возраста (демографическая яма), не значительный рост продолжительности жизни населения, усугубляющиеся требования работодателей вынуждают вузы ориентироваться не только на молодежь, но и на людей “серебрянного возраста”, на интенсификацию инклюзивности образования как социального феномена. В тоже время рынок труда также стоит на пороге глобальных изменений, прогнозируется, что исчезнут многие и появятся абсолютно новые профессии. Считается, что развитие цифровых технологий и робототехники приведет к автоматизации, на смену человеку придет искусственный интеллект и механизмы, способные выполнять операции без его участия, могут быть востребованы только технические и творческие профессии. И тогда самым актуальным станет вопрос: что делать “освободившимся” людям? Чем заниматься? Как зарабатывать? Ускорение технологических и социальных изменений, требуют от вузов предельной гибкости и динамизма. В этих условиях вузы стремятся создать систему постоянной адаптации к подобным изменениям, приводят систему подготовки специалистов высшей квалификации в соответствие с потребностями рынка труда. Ибо отсутствие системы создает риски потери конкурентоспособности на рынке образовательных услуг. В тоже время российская экономика, а тем более рынок труда не демонстрируют даже устойчивого развития, не говоря уже об востребованности инноваций, перспективах технологического прорыва. Конкурентоспособность выпускников вуза – это не только дело вуза. Важнейшим мегафактором выступает спрос на рынке труда. Давайте получим ответ на вопрос: для какой экономики, для каких видов экономической деятельности готовить выпускника вуза? Отсутствие четких перспектив экономической и социальной практики снижают жизнеспособность российского образования. Статус образования и науки определяется развитием национальной экономики, восстановлением реального производства, планирования и прогнозирования перспектив и направлений развития страны, только после этого возможен вузовский ренессанс и планирование формирования узкий или широких компетенций.

Литература:

1. *Аузан А. Считаем себя великими, а экономику имеем 3% от мировой // Новая газета. 2017. 22 ноября.*

Кичерова Марина Николаевна,
Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

Университеты нового поколения: элитное образование для цифровой экономики.

Динамичность и сложность цифровой трансформации общества накладывает особую ответственность на современные университеты. В условиях перехода к новому технологическому укладу, который называют индустрией 4.0 или «цифровой экономикой», растет потребность в профессионалах, способных доказывать свою эффективность реальными достижениями. Университеты всегда работают на будущее, стараясь отвечать на вызовы времени и запросы общества. Однако сегодня Россия не входит в число стран-лидеров развития цифровой экономики по многим показателям - уровню цифровизации, доле цифровой экономики в ВВП, средней задержке в освоении технологий. Для ликвидации отставания была принята национальная Программа развития цифровой экономики до 2035 года[1]. По оценке А.Кудрина, цифровой экономике ежегодно нужно 120 тысяч специалистов в области новейших технологий. Но это не IT- специалисты, а в первую очередь предприниматели, внедряющие технологии в реальную экономику. Кто обеспечит России цифровой переход? Как университеты должны ответить на этот вызов? Не претендуя на полноту охвата данной темы, рассмотрим некоторые социальные аспекты перехода к экономике нового поколения и роль университетов в этом процессе. Для достижения заявленной цели-увеличения объемов цифровой экономки в три раза, нужны не только совместные усилия государства и компаний. Успех преобразований требует сотрудничества с образовательными и исследовательскими организациями. Именно университеты должны стать драйверами цифровой трансформации. Ретроспективный обзор особенностей развития университетов показывает, что каждая эпоха формировала свой тип университета. Классический университет, появившийся в Европе в XI-XII веке был ориентирован на трансляцию универсума знаний. Исследовательский университет по модели Вильгельма фон Гумбольдта, возникший в XIX веке, был предназначен для генерации научных знаний и подготовки исследователей. Индустриальные вузы, высшие политехнические школы XX века, стали ответом на бурное развитие промышленности, обеспечивая кадрами индустриальную экономику. В современном мире на смену «экономики знаний», главным ресурсом и ценностью которой были знания и технологии, приходит «экономика действий», где собственно

внедрение новой технологии в практическую деятельность становится инновацией. Формируется новое общество, в котором действуют иные социальные и экономические законы. Ответом на этот вызов должен стать университет нового типа – проблемно-ориентированный, инновационный университет. Для обеспечения цифрового перехода России нужно возрождать элитное образование, которое всегда отличалось строгим отбором лучших из лучших, особой дисциплиной и культурными нормами, возможностью общения с выдающимися людьми. Элитное образование формирует в первую очередь личностные качества, такие как упорство, гибкость мышления и широту кругозора. Именно такие качества отличают технологического предпринимателя - нового актора цифровой экономики. По мнению Д.Ковалевича и П.Щедровицкого, главной фигурой, «производящей» инновации, становится серийный технологический предприниматель. Особенность таких предпринимателей в том, что они берут на себя задачи индустриальной реализации технологических новинок. Они создают «новую профессию строителя венчурных бизнесов, превращая технологическое предпринимательство в серийную деятельность – в конвейер по производству инноваций» [2]. У этой новой формы предпринимательского процесса еще нет общепринятого имени – их называют инновационными сетями, предпринимательскими артелями, start-up студиями. Их массовым продуктом стали технологические бизнесы, которые серийно замысливаются, разрабатываются, производятся и продаются. Важно отметить, что во многих странах start-up студии являются частью университетов, и образовательные программы предусматривают участие студентов в такой работе. Как российские университеты будут «образовывать» таких серийных предпринимателей? Ответом стал очередной этап модернизации, запущен ряд проектов, направленных на повышение международной конкурентоспособности вузов. Во всех флагманских университетах начали реализацию образовательных программ по подготовке технологических предпринимателей и менеджеров по инновационному развитию предприятий. В Байкальском федеральном университете с 2017 года реализуется программа бакалавриата «Высокие технологии и инновационные бизнес-системы». Студенты изучают передовые технологии: квантовая информатика, искусственный интеллект и робототехника, применение нейронных сетей. В Высшей школе экономики - магистерские программы «Бизнес-информатика» и «Информационная бизнес-аналитика». В Тюменском государственном университете открыта программа «Концептуальный инжиниринг месторождений нефти и газа». Можно продолжать перечень таких программ, однако предпринимательству научить нельзя.

Важно отметить, что необходимые компетенции формируются в условиях элитного образования - с высокой планкой конкурсного отбора, где генерирование идей, предпринимательское лидерство является не теорией, а практикой. Таким образом, для обеспечения перехода России к новому технологическому укладу, главные инвестиции должны быть в развитие

элитного образования, которое смогут обеспечить инновационные университеты. Надо анализировать и рационально использовать зарубежный опыт, при этом применять собственный подход и возрождать лучшие традиции элитного образования в России.

Литература:

1. *Программа развития цифровой экономики в Российской Федерации до 2035 / http://www.aetp.ru/news/item/410256*
2. *Ковалевич Д.А., Щедровицкий П.Г. Конвейер инноваций http://sibfrontier.ru/wp-content/uploads/2016/05/SHHedrovitskiy-P.G.-Konveyer-innovatsiy.pdf*

Клюкина Элина Сергеевна,
филиал Мурманского арктического государственного университета в г. Апатиты, Апатиты, Россия
Иванова Медея Владимировна
Центр гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН, Апатиты, Россия

Возможности получения высшего образования: реальность и намерения жителей арктического региона

Мурманская область – уникальный регион российского Севера с точки зрения геополитического и геоэкономического положения, роли в обеспечении обороноспособности страны, запасов природных ресурсов. Кроме того, область располагает значительным человеческим и этнокультурным потенциалом. На крупные промышленные предприятия, вокруг которых и создавались города на Кольском Севере, приезжали высококвалифицированные работники. Научно-исследовательские институты пополнялись учеными из разных регионов страны. По данным переписи 2010 года, по доле населения с высшим образованием в общей численности населения старше 15 лет регион занимал 3-е место (с показателем 22,8 %) среди регионов Северо-запада России, уступая лишь Санкт-Петербургу и Калининградской области. В регионе была создана широкая сеть образовательных учреждений, в которых представители разных социальных групп могли получить высшее образование. Однако сегодня целый ряд наметившихся тенденций позволяет прогнозировать изменение показателей образовательного потенциала Мурманской области. Реформа в системе образования привела к закрытию ряда высших учебных заведений в регионе. По данным Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области, на начало 2008-2009 учебного года в регионе насчитывалось 4 высших учебных заведения (все в областном центре) и 25 филиалов (из них: 18 – в Мурманске, 3 – в г. Апатиты, 2 – в г. Мончегорске и по одному в г. Кировске и в Кольском районе). На начало 2012-2013 учебного года в регионе действовало 4 вуза и 24 филиала с общей

численностью студентов 25505 человек. Начиная с 2012 года, произошло сокращение количества учреждений высшего образования: на начало 2016-2017 учебного года в регионе насчитывалось 3 вуза и 8 филиалов. Число студентов за указанный период уменьшилось в 2,6 раза и составило 9763 человек. Произошло не только сокращение вузов и филиалов, но и сокращение перечня образовательных программ. Снижение показателей отмечено по численности профессорско-преподавательского состава (в 2 раза), приему студентов (в 2,2 раза), выпуску (в 1,9 раза), приему в аспирантуру (в 2,3 раза), количеству аспирантов (в 1,6 раза). В 2,5 раза сократилась доля студентов в расчете на 10000 жителей региона: с 327 человек на начало 2012-2013 до 129 человек на начало 2016-2017 учебного года [2]. Следует отметить, что любой арктический регион является очень чувствительным к изменениям, происходящим в социальной сфере. Сегодня, по данным экспертов, Мурманская область относится к «замкнутым» регионам – регионам, которые «теряют абитуриентов, зато обеспечивают молодыми кадрами местный рынок труда» [3]. Однако при сохранении тенденции «потери абитуриентов» на фоне сокращения численности вузов, образовательных программ, преподавателей, студентов регион столкнется с дефицитом молодых квалифицированных работников. Решение же проблемы «кадрового голода» за счет привлечения на Север молодежи из других регионов – задача сложная. Как показывают результаты исследований, почти 1/3 (60,3%) опрошенных хотели бы, чтобы их дети (внуки) получили высшее образование. При этом сами имеют высшее образование 27,0% респондентов. Полученные данные свидетельствуют о том, что поколение «отцов» нацелено на повышение социального (образовательного) статуса «детей» и семьи в целом. Поколение «детей» также ориентировано на получение высшего образования. Так, по итогам опросов учащихся 10-х и 11-х классов, проведенных в период с 2010 по 2015 гг., поступить в вуз после окончания средней школы планируют от 74,5% до 81,5% старшеклассников, проживающих в разных типах поселений Мурманской области – от промышленных центров до отдаленных поселений. Полученные данные в целом согласуются с результатами исследований, проводимых социологами в других регионах страны [1]. Почему же область теряет абитуриентов? Одно из возможных объяснений – внедрение модели регулирования структуры набора студентов соответственно структуре спроса на рынке труда региона путем ограничения количества бюджетных мест по различным направлениям подготовки и специальностям (необходимо отметить, что данная модель подвергается критике; одна из причин – недостаточное внимание к вопросам прогнозирования потребности региона в «новых профессиях» – «профессиях будущего»). Введение таких ограничений приводит к тому, что молодежь вынуждена уезжать за пределы региона с целью получить желаемое образование. Возможность получить образование – один из показателей, характеризующих условия жизни в регионе. За период с 2008 по 2016 гг. результаты исследований зафиксировали снижение доли молодых жителей области, удовлетворенных данным аспектом жизни. Респонденты из числа

представителей разных поколений демонстрируют ориентацию на получение высшего образования (самим молодым человеком или детьми) за пределами Мурманской области. Так, только каждый пятый опрошенный (20,8 %) хотел бы, чтобы дети (внуки) обучались в вузах региона. О своем желании уехать говорят и сами «дети»: большинство опрошенных старшеклассников (во всех замерах 2010-2015 гг. – свыше 80,0 %) ориентированы на то, чтобы покинуть свой населенный пункт после окончания школы. Лишь каждый пятый (22,9 %) планирует переезд в пространстве региона. Остальные настроены уехать из области. Основные причины – отсутствие возможностей для получения образования и работы в своем поселении, а также стремление получить хорошее образование в вузах за пределами региона.

Литература:

1. *Константиновский Д.Л., Попова Е.С. Молодежь в сфере образования: ожидания и мотивация // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 15 / Отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Новый Хронограф, 2017. – С. 154-174*
2. *Статистический ежегодник, 2016 / Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области / Мурманскстат, 2017. URL: http://213.168.51.135/files/electronic_versions/Yearbook/012311003.pdf#page=91*
3. *Чемодан, вокзал, диплом. Какие регионы России привлекают, а какие теряют абитуриентов и выпускников вузов. URL: https://iq.hse.ru/news/207498865.html*

Колесник Таисия Александровна,

ФГБОУ ВО "Брянский государственный технический университет", Брянск, Россия

Кризис образования в трансформирующемся мире

Образование является одним из существенных факторов воспроизводства современного общества и поддержания технократизма его развития. Университет, классический облик которого сформировался в XIX веке, объединяет в себе универсальную подготовку, то есть образовательный процесс, наряду с профессиональными знаниями и возможностью приобщиться к научно-творческой работе, вбирает в себя и воспитательную функцию, несущую ценностно-оценочную компоненту. Между тем среди проблемных зон образовательной сферы можно отметить узкоспециальную подготовку выпускников, отсутствие гарантии будущего трудоустройства по специальности, ущербность (ввиду ее сокращения) подготовки по гуманитарным дисциплинам, которые формируют нравственный облик будущего выпускника, отсутствие заявленной универсальности образования. Стремительно увеличивающийся на протяжении 200 лет объем знаний обусловил размежевание научных дисциплин, обеспечив тем самым узконаправленную подготовку специалистов. Человек в развитом техногенном социуме, вовлекаясь в «вихрь» технических инноваций, оказывается не готовым адекватно воспринять, проанализировать все

многообразие накопленных знаний, поэтому взамен рационального понимания научно-технологических достижений у него формируется состояние внутреннего напряжения, утраты способности выстраивания собственной жизненной стратегии, сопровождающееся массовой депрессией.

Современный кризис образования – это закономерное следствие технократизма общественного развития [1; 2; 4; 5; 10], где образование является лишь подсистемой техногенного общества, транслирующей (хотя и с запаздыванием) его цели, ценности и смыслы. Как отмечает Е.А. Дергачева, в понятии «техногенное общество» компонент «техногенность» указывает на обусловленность развития общества техникой и технологиями, а также качественные изменения в самом социальном организме и связанных с ним природно-биологических системах вследствие расширения социально создаваемой искусственной среды жизни – техносферы. Последняя вбирает в себя не только промышленные комплексы, научно-исследовательские лаборатории, но и широкий спектр синтетических химических веществ, становящихся составляющими биосферных биогеохимических циклов. К основополагающей характеристике техногенного общества, кроме уже отмеченных, она относит либеральную экономику, в которой и посредством которой создается рациональный комфортный мир техносферы – индустрия и урбанизированные поселения во всем их многообразии, негативно воздействующий на естественную природную среду и приводящий к ее деградации. Человек, являясь существом одновременно социальным и биологическим, также подвергается техногенным трансформациям – нарастающему ослаблению природного популяционного здоровья и одновременно его восстановления различными искусственными способами – от лекарств до технических приспособлений на фоне социально развиваемых технологий, благодаря чему и достигается относительный прирост продолжительности его жизни в развитых странах. Обобщая эти и другие черты техногенного развития общества, Е.А. Дергачева справедливо рассматривает такое общество в единстве его социальных, технико-технологических и природных связей (а в более широком – как комплекс интегрированных социотехноприродных процессов) [12, С.11-27, 34-36; 15], с чем можно согласиться. Но если современное социально-техногенное развитие постепенно охватывает все мировое пространство, неся в себе не только положительные, но и отрицательные эволюционные трансформации, сопровождается разрушением естественных природных условий жизни человека и биосферных организмов, то расширение систем обучения за счет их дополнения гуманитарной составляющей и выпуска профессионалов, обладающих широким общекультурным кругозором, не решит проблем кризиса в образовании. Здесь необходим пересмотр стратегий технократического общественного развития в либеральной экономике, политике, науке, производстве, а затем их адаптация в образовательную среду, в том числе и посредством философии, аккумулирующей в себе весь мировоззренческий потенциал человечества [3; 6; 7]. Рыночная экономика в лице экономических и политических элит (бизнеса и государства)

манипулирует расходами на сферу образования, замещая ценностно-ориентированные мировоззренческие гуманитарные блоки дисциплин целерациональными прикладными, связанными с широким спектром применения современных технологий в сфере занятости, направленными на усиление технической составляющей в общей системе современного мироустройства [9; 13; 14]. Прикладные дисциплины формируют профессиональный облик будущего специалиста, определяют его одностороннюю функциональную принадлежность в системе разделения труда. Образование представляет собой ресурс, который можно было бы использовать для гуманизации технократического либерально-экономического развития современного мира. И такая задача требует самых серьезных обсуждений на государственном и международном уровнях с привлечением широких слоев научной общественности, экономических и политических элит и организаций. Высококвалифицированный специалист будущего – это специалист, обладающий фундаментальными знаниями для познания мира, анализа явлений, выработки собственной позиции и отношения к окружающей действительности.

Литература:

1. *Демиденко Э.С. Техногенное общество // Глобалистика: Энциклопедия. - М.: "Радуга", 2003. - С. 1000-1001.*
2. *Демиденко Э.С., Дергачева Е.А. От глобальной деградации биосферы к смене эволюции жизни. М.: РАН, 2017. 28 с.*
3. *Демиденко Э.С., Дергачева Е.А. Социально-философский анализ становления и развития концепции техногенного общества // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. URL: http://www.science-education.ru/131-23481*
4. *Демиденко Э.С., Дергачева Е.А. Техническая и техногенная реальность современного социоприродного развития в трансформации биосферной жизни // Вестник Брянского государственного технического университета. 2015. №4. С.81-90.*
5. *Демиденко Э.С., Дергачева Е.А. Техногенное развитие общества и трансформация биосферы. - М.: Красанд, 2010. - 288 с.*
6. *Демиденко Э.С., Дергачева Е.А., Попкова Н.В. Техногенное общество и земной мир. Брянск: Изд-во БГТУ; М.: АНО «Всемирная информ-энциклопедия», 2007. 377 с.*
7. *Демиденко Э.С., Дергачева Е.А. Экономические тренды в условиях современного социально-техногенного развития мира // Фундаментальные исследования. 2016. №11. Ч.4. С. 774-781. URL: https://www.fundamental-research.ru/pdf/2016/11-4/41254.pdf*
8. *Демиденко Э.С., Дергачева Е.А., Попкова Н.В. Философия социально-техногенного развития мира: статьи, понятия, термины. - М.: Всемирная информ-энциклопедия; Брянск: Изд-во БГТУ, 2011. - С. 94, 121, 127.*
9. *Дергачева Е.А. О противоречивости научной и технико-технологической рациональности в техногенном общественном развитии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2006. №1. С.169-179.*
10. *Дергачева Е.А. Противоречия экономической рационализации техногенной общественной системы // Ученые записки Российского государственного социального университета. - 2008. - №3. - С.18-26.*
11. *Дергачева Е.А. Современная глобализация как мегатенденция взаимосвязанных социо-эколого-экономических изменений // Фундаментальные исследования. 2015. № 12. Ч.2. С.371-375. URL: http://www.rae.ru/fs/pdf/2015/12-2/39422.pdf.*
12. *Дергачева Е.А. Философия техногенного общества. - М.: Ленанд, 2011. - 216 с.*
13. *Дергачева Е.А., Чернецова Н.Н. Повышение конкурентоспособности и качества образовательных услуг в вузе // Вестник Брянского государственного технического университета. – 2008. – №3 (19).*
14. *Колесник Т.А. Технократический характер образования в условиях рынка // Экономика в условиях социально-техногенного развития мира: матер. II Междунар. междисципл. науч. конф. по фундаментальным и прикладным проблемам современного социально-экономического*

15. *Трифанков Ю.Т., Дергачев К.В. Брянское философское общество и Брянская научно-философская школа: обзор исследований социально-техногенного развития мира и жизни // Проблемы современного антропосоциального познания: сб. ст. – Брянск: БГТУ, 2017. – Вып. 14.*

Колесникова Елена Юрьевна,
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Факторы формирования моделей социального поведения российской молодежи в сфере высшего образования

Факторы формирования моделей социального поведения российской молодежи в сфере высшего образования Переход России к рыночным отношениям в 90-х гг. и связанная с этим структурная перестройка экономики породили глубокие изменения в общественной жизни, в том числе, в сфере образования. В результате, в условиях экономических и социокультурных трансформаций, модели социального поведения неизбежно эволюционируют, меняются входящие в их базовую структуру ценности, представления и установки. Модель поведения молодежи эволюционировала от консервативной к либеральной версии. Для консервативно-ориентированной модели социального поведения в сфере образования была присуща ориентация на образование как на терминальную, социокультурную ценность, что сопровождалось стремлением к образованию как к социальному благу, а также как способу «быть полезным обществу». В современном российском обществе образованность, владение специальностью, квалификацией в большей степени ценятся инструментально, как капитал для инвестирования в высокий и престижный социальный статус, как способ достижения материальных целей и доступ к другим общественным благам. Этот ценностный «дрейф» происходит под воздействием как объективных факторов, так и в результате информационного воздействия на сознание молодых людей, а также вследствии осмысления ими собственного социального опыта. К объективным факторам следует отнести, прежде всего, ситуацию на рынке образовательных услуг и рынке труда – возросшую конкуренцию, высокий уровень безработицы среди молодых специалистов, а также критический уровень социальной дифференциации в обществе, неустойчивое состояние системы высшего образования, находящегося в постоянном реформировании, образовательное неравенство, противоречивую государственную образовательную политику, реализующую стратегию коммерциализации образования. Также среди объективных факторов, влияющих на специфику модели социального поведения молодежи в образовательной сфере, следует назвать динамизм изменений в структуре профессий, составе компетенций, квалификаций, количественный и качественный дисбаланс (ввиду инерции образовательных систем) между структурой выпуска образовательных

учреждений и структурой реальной потребности экономики в квалифицированных кадрах, а также особенности современной рыночной экономики с ее стихией спроса, конкурентной борьбой и непредсказуемостью, рост «временной занятости», усиление несоответствия полученных дипломов и профессиональных квалификаций. Однако, несмотря на важность этого комплекса объективных факторов, наибольшее непосредственное влияние на формирование моделей социального поведения молодежи в образовательной сфере оказывают условия и факторы ближнего социального окружения – семья, родственники, друзья, уровень их благосостояния и социального престижа, характер общей социокультурной среды. В частности, это особенно проявляется в ситуации выбора профессии. Факторами микросреды, воздействующими на социальное поведение молодежи, является также социальный статус родителей, друзей. Известно, что «ближний круг» молодежи, авторитетное мнение входящих в него субъектов (особенно в локальных обществах) имеет значение императива, и, как таковой, он формирует базовые представления, ценности и установки социального поведения молодежи. К субъективным факторам можно отнести целеустановки и ценностные ориентации личности, способности и уровень культуры, интеллектуальные качества, психологический тип личности. Если еще несколько десятилетий назад содержание социального поведения молодежи в сфере образования так или иначе было связано с устойчивыми стратегиями закрепления социального статуса и определенной жизненной и профессиональной траектории, то в современном российском обществе поведение молодежи связано с постоянной сменой социальных статусов, професии, квалификации, форм занятости, ибо полученные в процессе обучения знания и умения устаревают в течение, в среднем, пяти лет, и полученное образование и квалификация не могут служить гарантией профессионализма и надежного трудоустройства. Современный молодой человек, таким образом, постоянно находится в условиях риска (в ситуации неопределенности, связанной с «балансом» его уровня притязаний и наличия соответствующих социальных ресурсов), который становится «константой» установок его социального поведения. В результате у молодежи формируется модель социального поведения, которая связана с ситуативным и немотивированным подходом к выбору образовательных стратегий и путей профессионального самоопределения.

Кондратенко Наталья Александровна,
Тульский государственный университет, Тула, Россия
Шашкова Светлана Николаевна
Тульский государственный университет, Тула, Россия

Соотношение доступности и качества высшего образования

Одна из важнейших проблем современной социологической науки – проблема социальной справедливости. В социологии образования она выливается в исследование элитного и элитарного образования. Элитное образование гарантирует человеку качество, возможность иметь доступ к хорошему профессиональному образованию, дальнейшую востребованность и карьеру, и, в конечном итоге, открывает путь в элиту. Более того, возможность получить элитное образование должна быть у всех, кто на это способен и мотивирован. Элитарное же образование ориентировано на определенные слои общества (элиту), т.е. доступно только привилегированной группе. Сторонники функционалистского подхода отмечают большую роль образования в социальной мобильности, но они заявляют, что разные социальные роли, в том числе элитные, требуют наличия различных способностей. Образование должно развивать способности людей и выступать средством социальной селекции, которая базируется в основном на личных достижениях. Образование должно гарантировать обществу справедливый и эффективный отбор способностей и талантов таким образом, чтобы именно самые способные добивались самых ответственных, т.е. элитных позиций [1,92]. По мнению П.А. Сорокина, рассматривавшего образование как средство перемещения людей по социальной лестнице и важнейший механизм общественного контроля социальной циркуляции, школа с помощью разного рода испытаний определяет общие и специальные способности индивидов; отделяет «способных» от «неспособных», «подходящих для высокого социального положения» от «неподходящих»; препятствует дальнейшему продвижению «негодных» в определенные социальные сферы и обеспечивает перемещение способных учащихся в направлении тех социальных позиций, которые наиболее соответствуют их способностям [2]. Таким образом, социологи так или иначе затрагивают проблемы отбора наиболее способных учащихся для продолжения образования на более высокой ступени. Сегодня, к сожалению, этот момент часто ускользает из поля зрения исследователей. При рассмотрении вопросов доступности высшего образования наличие у абитуриентов способностей к дальнейшему обучению как бы выносится за скобки, акцент смещается только на исследование доступности образования с точки зрения его стоимости и возможности домохозяйств оплачивать обучение в вузе своих детей. Такая массовизация высшего образования имеет и свои минусы: в вузы попадают люди, не желающие и не способные

обучаться, у них нет заинтересованности в освоении профессии, т.к. в вуз они пришли не по призванию, а «куда хватило баллов», преподаватели, стараясь сохранить контингент, вынуждены снижать требования при оценивании знаний студентов, что негативно сказывается на качестве образования в целом. Согласно концепции «человеческого капитала», образование, как и в целом усвоение культуры, - процесс накопления «человеческого капитала». Этим термином обозначают улучшение производительной способности человека благодаря произведенным им расходам на образование, что ведет к повышению его общественного положения (статуса, заработной платы, престижа). Расходы на образование рассматриваются как вложения индивидом во имя будущих выгод. Образование, с этой точки зрения, есть процесс превращения экономического капитала в личностный, процесс реконверсии экономического капитала в культурный. Причем именно инвестиции в «человеческий капитал» являются наиболее перспективными. Сегодня большинство вузов сконцентрировано в крупных городах, а их функционирование далеко не равнозначно в различных типах поселений: крупных мегаполисах или в малых городах. Жители провинции, вкладывая деньги в образование своих детей, получая низкокачественное невостребованное на рынке труда образование, испытывают чувство глубокого разочарования в современной системе образования, не понимая, что изначально сами выбрали неправильную образовательную стратегию. Как элемент профессиональной подготовки, структура высшего образования в плане реестра специальностей во многом должна определяться потребностями рынка и востребованностью профессий и специальностей местным рынком труда. Но действия элиты при выборе программ высшего образования определяют действия массового потребителя образовательных услуг. Это и приводит к ажиотажному, конъюнктурному, а не экономически обоснованному спросу на некоторые специальности. Отмеченный спрос, подкрепленный политикой образовательных бюрократий, чутко реагирует на запрос элит, и в итоге происходит перенасыщение рынка труда специалистами определенных профилей, происходят глубокие деформации ценностной среды и образа жизни в сфере образования. На карьеры детей привилегированных групп эта ситуация не оказывает серьезного влияния, так как их профессиональное становление подкреплено внеобразовательными ресурсами. Для неэлитных групп рынок труда в лучшем случае представит малоперспективные массовые работы. В современном российском обществе в последние годы идет перманентный процесс реформирования образования. Сменяют друг друга министры, идеологи и теоретики образования, в обществе не прекращаются споры о том, в каком же направлении должна развиваться сегодня система образования? Знание механизмов дифференциации молодежи в сфере высшего образования, а также возникновения и закрепления неравенства дает возможность адекватно интерпретировать современные процессы в образовании, конкретизировать исследовательские подходы, скорректировать образовательную политику.

Литература:

1. *Ашин Г.К. Элитное образование // Общественные науки и современность. 2001. № 5. С. 82–86.*
2. *Сорокин П.А. Социальная мобильность / Пер. с англ. М.В. Соколовой; Под общ. Ред. В.В. Сапова. М.: Academia: LVS, 2005. 608 с.*

Копейкин Василий Михайлович,
РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Эффективный контракт и высшее образование: поиск справедливого подхода

Заработная плата в социальной сфере в России всегда был вопросом из разряда диалектических. С одной стороны по сложившейся уже давно традиции, социальная сфера – образование, здравоохранение, социальные гарантии (прежде всего пенсии и соц. пособия) – финансируется в нашем государстве по остаточному принципу. Денежных средств хватает только на обеспечение минимума миниморума, и совершенно очевидно, что в ближайшем будущем не предвидится какой-нибудь прорыв в этом направление. Вместе с тем, важность этой сферы, как для стабильности самого государства, так и для благополучия его граждан заставляет власти искать новые решения в вопросах финансирования и оплаты труда. Одним из таких решений стало появление системы эффективного контракта. Ее внедрение началось с 2012 года т.н. “майскими” указами Президента РФ В.В. Путина, где было заявлено о необходимости обеспечить достойной заработной платой работников социальной сферы и науки. Устанавливался тогда и уровень этой оплаты – не ниже среднего по региону, а со временем он должен был и превысить его. [1] Эффективный контракт в сфере образования (а модель начала тестироваться прежде всего на ней, точнее на высшем образование) - это трудовой договор с работником, в котором конкретизированы его должностные обязанности, условия оплаты труда, показатели и критерии оценки эффективности деятельности для назначения стимулирующих выплат в зависимости от результатов труда и качества оказываемых государственных (муниципальных) услуг, а также меры социальной поддержки. [2] Иными словами эффективный контракт позволяет точно определить за что и главное сколько будут платить преподавателю за выполнение той или иной работы. По замыслу авторов модели это повысит как уровень оплаты труда, так и качество преподавательского состава, где наиболее продуктивные сотрудники будут получать справедливую заработную плату, а не способные выполнять требования будут довольствоваться либо минимальным окладом, либо будут вынуждены уволиться. Министерство даже конкретизировало, какие именно выплаты предполагается производить. Среди них:

- выплаты за интенсивность и высокие результаты работы;

- выплаты за качество выполняемых работ;
- выплаты за стаж непрерывной работы, выслугу лет;
- премиальные выплаты по итогам работы;
- и др.

Вместе с тем важно понимать, что эффективный контракт — это не только денежные выплаты, а целая система мер, связанная с нормализацией требований к повышению квалификации, аттестации работников и учреждений, регуляцией должностных обязанностей и т.д. Ее всесторонняя реализация сформирует качественно новую модель взаимодействия между преподавателем, учащимся и государством. Однако, при всей кажущейся логичности и даже справедливости, эта модель не лишена и существенных недостатков. На данный момент большинство из них связано с финансовой стороной, как наиболее актуальной для всех сторон, но на самом деле корни этих проблем гораздо глубже и не столь однозначны как кажутся на первый взгляд. Противоречия между образованием как сферой услуг и образованием в его философском (или точнее цивилизационном) понимание ярко проявляются именно в таких случаях. Во-первых, сфера образования в нашей стране, не смотря на общую коммерциализацию, все еще негативно относится к этому процессу как таковому. Для преподавателя, особенно “старой закалки”, трудно монетизировать свой труд. Педагогика для них – это прежде всего призвание, за которое государство должно платить достойную заработную плату “по умолчанию”. Тратить время и силы, чтобы доказывать, что его работа требует дополнительно оплаты, готовы и способны далеко не все. Отсюда же возникает и негативное отношение к коллегам, которые готовы отчитываться за каждое свое действие, если это будет приносить дополнительный доход. Во-вторых, перечень стимулирующих выплат, устанавливаемый образовательным учреждением и министерством не всегда отражает реальное положение дел в коллективе. Некоторый вид работ – и прежде всего воспитательная – с трудом поддаются учету и контролю, а вместе с тем относятся едва ли не к самым затратным по времени и психологическому напряжению видам деятельности. Значительное количество работ просто не попадают в критерии, которые учитываются при выплатах надбавок или же не являются значительными. Так, часто никак не учитываются экспертизы, написание отзывов и рецензий на научные работы и диссертации. В-третьих, размер стимулирующих выплат неоднороден и часто не справедлив. Описание и отчет по мероприятию, которое по подготовке и проведению заняло не одну неделю, требует такого количества времени и сил, что при минимальной стимулирующей выплате просто “не стоит свеч”. Уже упомянутая воспитательная деятельность рискует вообще остаться вне охвата преподавателей как раз по причине ее мизерной оплаты. Подводя итог, необходимо еще раз отметить, что эффективный контракт способен качественно изменить положение дел в системе отечественного образования (и не только в нем) только при его полноценном и всестороннем внедрение.

В случае же неравномерности реализации модели последствия для системы в целом становятся трудно прогнозируемыми и могут привести к ухудшению ситуации и прежде всего – еще большему росту бюрократизации.

Литература:

1. *Эффективный контракт для профессионалов социальной сферы: тренды, потенциал, решения. Экспертный доклад [Текст] / отв. ред. Я. И. Кузьминов, С. А. Попова, Л. И. Якобсон ; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017.*
2. *Министерство образования и науки РФ. [сайт]. URL: https://минобрнауки.рф/открытое_министерство/эффективный-контракт*

Костюкевич Светлана Викторовна,
Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь
Андрос Ирина Александровна
Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
Шифрин Александр Евгеньевич
УП «Мингорсправка», Минск, Беларусь

Подготовка инженера-предпринимателя как элитарной фигуры для развития инновационной экономики

Система образования в обществе, которое стремится к справедливости, предоставляет возможности для реализации людям их природных дарований и желаний заниматься определенными видами общественно-полезной деятельности. Именно поэтому можно ставить вопрос не о массовом, а об элитарном образовании для разных групп населения. Однако элитарное образование, тем не менее, не нарушает принцип равенства. В элитные учебные заведения (или в элитные группы учебных заведений) поступают не по имущественному цензу, а по наличию различных способностей и мотивации. Подготовка инженера-предпринимателя в технических университетах рассматривается как элитарная фигура для развития инновационной экономики, в частности для промышленного бизнеса. Речь идет о социальной фигуре, востребованной в рыночной экономике, которую строят бывшие советские страны. Социальный заказ в этих странах на подготовку инженера-предпринимателя ориентирован на студентов-инженеров, которые мотивированы заниматься промышленным предпринимательством и демонстрируют способности предприимчивого человека – имеют инженерную идею под бизнес-проект и продумали в той или иной степени механизм ее коммерциализации. О том, что такая социальная база есть в бывших советских странах, в частности, в Беларуси, показал проведенный в мае 2017 г. в рамках гранта БРФФИ (договор № Г16К-038 от 21.10.2016) социологический опрос студентов-выпускников технических специальностей дневного отделения Белорусского национального технического университета. Опрошенные студенты БНТУ

продемонстрировали высокую степень мотивации заниматься промышленным предпринимательством (более половины), а также значительная часть студентов показали себя предприимчивыми людьми: почти треть имеют инженерную идею, которую они хотели бы коммерциализировать. Хотя большинство из них руководствуются общими соображениями о принципах коммерциализации, тем не менее почти 1/3 от имеющих инженерную идею уже хорошо продумали механизм её коммерциализации.

По мнению студентов, основными факторами, которые способствовали бы открытию ими бизнеса в промышленности, являются «капитал под бизнес-проект», «практико-ориентированное обучение» и «вынужденный бизнес». Наиболее перспективными профессиями для промышленного бизнеса респонденты обозначили инженеров в области приборостроения, инженеров-экологов, архитекторов и энергетиков. Высока доля студентов БНТУ стремящихся развивать в себе такие личные качества предприимчивости как коммуникативность и умение ладить с людьми, целеустремленность, готовность рисковать и т.д.. Это демонстрирует весомый социальный потенциал для повышения количества предприимчивых специалистов (инженеров), которые способны, как и предприниматели, «осуществлять новые комбинации способов производства» (по Й. Шумпетеру) в своей профессиональной деятельности. Экономический опыт СССР показал практику строительства некапиталистической экономики, в которой экономическая функция в промышленном секторе в ситуации отсутствия социальной группы предпринимателей была возложена на инженеров. Однако если в период сталинской индустриализации отсутствие сословия предпринимателей (бизнесменов) не помешало успешно завершить индустриализацию, то в поздний период существования СССР отсутствие в промышленном секторе предпринимательской культуры и носителей этой культуры привело к отставанию в конкурентоспособности и экономической эффективности производства. Попытки реформировать в период 1970-1980-х гг. советскую промышленность под лозунгами самофинансирования и самоокупаемости сопровождались одновременным стремлением сохранить тотальный контроль за экономической деятельностью, тем самым, демонстрируя приверженность идеологии этатизма без комбинации с идеологией либерализма. Между тем, сравнительный анализ индустриального развития Российской империи и СССР с таковым в Европе показал, что индустриализация может создавать сильную экономику и устойчивое технологическое лидерство, если в государственной политике придерживаться комбинации государственного контроля и свободного рынка и конкуренции. Данная модель предполагает использование частного промышленного предпринимательства и, соответственно, подготовку такой социальной фигуры как инженер-предприниматель, для которого, как показывает опыт западных стран, целесообразно интегрировать инженерное образование и бизнес-образование в технических вузах. Проведенное исследование показало, что более половины студентов технических

специальностей БНТУ (ответы: «да, конечно» + «скорее да» = 62,7%), в т.ч. студенты, уже имеющие собственный бизнес («да, конечно» + «скорее да» = 56,3%) проявляют серьезную заинтересованность в бизнес-образовании: обучении предпринимательским знаниям и умениям в своем университете. Пока главным источником знаний о бизнесе у студентов являются непосредственные контакты с представителями бизнеса, затем специальные семинары, мастер-классы по организации и ведению бизнеса и специализированная литература (учебники, пособия по ведению бизнеса). Итак, более половины студентов технических специальностей проявляют серьезную заинтересованность, а студенты, имеющие свой бизнес – потребность, в обучении предпринимательским знаниям и умениям в своем университете. По мнению студентов, дополнительное бизнес-образование должно сочетать теорию с большим упором на практику. При этом, бизнес-образование не должно быть массовым, а по желанию.

Кройтор Светлана Николаевна,
Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

Неравенство образовательных возможностей городского и сельского населения: основные предпосылки, социальные последствия, пути оптимизации (на примере Республики Беларусь)

Одной из важнейших проблем образования в белорусском селе, как и на территории многих сельских регионов постсоветского пространства, сегодня является то, что по ряду аспектов образование для сельчан менее доступно, чем для горожан. Более того, как показывают имеющиеся данные (социологические, статистические, данные экспертных оценок), показатели доступности, как правило, снижаются по мере удаленности сельских населенных пунктов от районных центров. Худшие образовательные возможности сельчан по сравнению с населением городов вызваны сложным комплексом факторов. Во-первых, сельские жители чаще сталкиваются с проблемой доступа к информационным ресурсам: как правило, школы в деревнях хуже оснащены соответствующим оборудованием. Во-вторых, сельские поселения территориально удалены от крупных образовательных и научных центров. В-третьих, не секрет, что качество образовательной подготовки по ряду учебных предметов в сельской местности зачастую ниже, чем в городах. В частности, сельские школьники заметно уступают городским по уровню языковой подготовки. В-четвертых, в сельском образовании Беларуси существуют серьезные кадровые проблемы, связанные с нехваткой учителей, особенно в младших классах. Педагоги, работающие в сельских школах, зачастую имеют более низкую квалификацию, чем в городах. Одна из основных причин этого явления заключается в том, что в

село по распределению попадают не лучшие выпускники педагогических вузов (лучшие имеют приоритетное право выбора места работы по распределению, и в подавляющем большинстве случаев предпочитают городские школы сельским). В-пятых, белорусское общество сегодня, к сожалению, сталкивается с проблемой низкого престижа профессии учителя в социуме, и особенно профессии сельского учителя. Это подтверждается данными социологических замеров. Так, например, согласно результатам исследования «Инновационное развитие образования в Республике Беларусь», проведенного в 2013 году на национальной репрезентативной выборке объемом 1564 человек, только 6,4% родителей хотели бы, чтобы их дети работали в сфере высшего образования, 5,3% – в сфере культуры и искусства, 3,9% – в сфере науки; 1,3% – в сфере среднего образования (общего или профессионального), в то время как 25,6% респондентов предпочли бы видеть своих детей работниками финансово-банковской сферы, 25,2% – сферы информационных технологий, 23,2% –здравоохранения, 22,9% –предпринимательства. Данные опросов, свидетельствующих об отсутствии заметных сдвигов в рейтинге престижных специальностей, имеются в распоряжении автора и будут опубликованы в ближайшее время. В-пятых, в обществе существует проблема слабой мотивации специалистов-педагогов к работе в сельской местности, особенно среди молодых учителей. На наш взгляд, работать над разрешением указанных проблем следует, действуя в нескольких направлениях. Во-первых, необходимо активизировать работу по привлечению учителей в сельскую местность, создавая привлекательные условия труда, досуга, повышая уровень доходов и престижа профессии учителя (в том числе, и средствами социальной рекламы). Нам видится, что эффективной мерой будут обеспечение возможности обмена опытом, участия в жизни профессионального сообщества (чтобы сельский учитель не чувствовал себя изолированным и отсталым), повышения квалификации. Возможно, есть смысл ввести отдельную специальность «Педагог сельской школы». При подготовке такого учителя следовало бы принять во внимание специфику работы педагога именно на селе. На наш взгляд, это должен быть учитель-универсал, обладающий не только дисциплинарными (предметными), но и обширными межпредметными знаниями, человек, который готов включиться в реализацию той важной культурной и социально-психологической функции, которую школа играет в селе. Сельская школа играет роль не только образовательного, но, прежде всего, мощного культурного центра, где формируются коммуникативные связи, сохраняются и воспроизводятся традиции, происходит обмен опытом и т.д. Именно вокруг школы часто выстраиваются социальные отношения, и с этой точки зрения школа на селе обладает огромным потенциалом. Во-вторых, следует развивать дистанционное образование на селе – это в определенной степени будет способствовать преодолению обособленности, замкнутости сельского образования, а значит, повысит шансы выпускников сельских школ получить качественное профессиональное образование. В-третьих, следует развивать

сферу дополнительного и неформального образования на сельских территориях. Чтобы более полно задействовать человеческий потенциал жителей сельских регионов, на наш взгляд, есть смысл создавать на базе сельских школ, библиотек, домов культуры центры дополнительного образования. В таких центрах сельчане за небольшую плату (или бесплатно, за счет привлечения волонтерского труда) могли бы на соответствующих курсах получать необходимые для жизни навыки: осваивать основы компьютерной и финансовой грамотности, дети могли бы посещать кружки по интересам. Учитывая нехватку возможностей досуга во многих сельских населенных пунктах, эти формы проведения свободного времени, вероятно, пользовались бы популярностью среди сельчан. Полагаем, что все эти меры будут способствовать сглаживанию неравенства образовательных возможностей жителей сельских и городских населенных пунктов, что, в конечном итоге, приведет к более гармоничному развитию общества и преодолению социального неравенства.

Курилович Наталья Вячеславовна,
Белорусский государственный университие, Минск, Республика Беларусь

К вопросу о коммерциализации высшего образования в Республике Беларусь

В современной социологической литературе, издаваемой на постсоветском пространстве, проблемы неравного доступа представителей различных социальных групп к высшему образованию получили широкое освещение. Специалисты в области социологии образования (В.К. Батурин, Е.В. Добренькова, Д.Л. Константиновский, Н.А. Матвеева, А.М. Осипов, Г.Ф. Шафранов-Куцев и др.) в своих научных работах, по сути дела, актуализируют вопросы социальной справедливости в разрезе взаимосвязи образования и стратификации. Действительно, образование является общепризнанным каналом социальной мобильности, что позволяет ему играть важную роль в структурировании современного общества. При этом, как правило, отмечается, что уровень и качество получаемого индивидами образования выступают значимыми факторами усиления существующей в мире системы социального неравенства. Данные международной статистики подтверждают, что во всех странах наблюдается одна и та же закономерность: «чем ниже уровень образования человека, тем ниже его квалификация, статус и заработная плата» [1, с. 142]. Есть все основания согласиться с теми исследователями (А.М. Осипов, Н.А. Матвеева), которые полагают, что одним из механизмов социального расслоения в сфере высшего образования является его коммерциализация. С содержательной точки зрения коммерциализация высшего образования представляет собой активное расширения платной основы его получения. Речь идет о процессе

маркетизации сферы высшего образования, предполагающей признание экономической модели в качестве основания её развития. В современном мире высшее образование – это, прежде всего, сфера образовательных услуг, доступ к которым для разных слоёв населения неодинаков. В контексте рыночной логики рассуждения, очевидно, что деятельность вузов представляет собой бизнес, а эффективность функционирования системы высшего образования в таком случае оценивается с позиций таких индикаторов как окупаемость и прибыльность получаемых в высшей школе знаний, умений и навыков, а в современной интерпретации - компетенций. Другими словами, высшее образование превращается в «сплошную коммерцию» (по В.К. Батурину), что существенным образом трансформирует ценностную природу рассматриваемого феномена в сторону исключительно утилитаристских и прагматических аспектов его содержательной трактовки. Расширение платной основы получения высшего образования в той или иной мере затронуло все страны бывшего Советского Союза, в том числе и Беларусь. В целом объём потребления платных услуг в сфере образования за последние пять лет в республике увеличился практически в 4 раза. Как свидетельствуют данные Национального статистического комитета Республики Беларусь, платная форма обучения занимает в процентном соотношении лидирующие позиции даже в государственных учреждениях высшего образования страны. Так, на начало 2010/11 учебного года в государственных учреждениях высшего образования за счет средств бюджета обучалось 33,8% студентов, в то время как на платной основе обучалось 52,6% студентов, в 2011/12 учебном году – 33,7% и 53,2% студентов соответственно, в 2012/13 году– 34,4% и 53,6% студентов, в 2013/14 году – 36,2% и 53,4% студентов, в 2014/2015 году – 38,2% и 52,3% студентов, в 2015/16 учебном году– 39,8% и 51,6% студентов и, наконец, в 2016/17 учебном году – 41,7% и 51,2% студентов соответственно. Для полноты картины к приведенным выше данным следует добавить еще и численность студентов (в процентах), получавших образование на платной основе в частных учреждениях высшего образования. Так, в 2010/11 учебном году в них обучалось 13,6% студентов, в 2011/12 году – 13,1% студентов, в 2012/13 году – 12,0% студентов, в 2013/14 году – 10,4% студентов, в 2014/15 году – 9,5% студентов, в 2015/16 году – 8,6% студентов и, наконец, в 2016/17 учебном году – 7,1% студентов [2, с. 139]. Отметим, что на начало прошлого учебного года в Беларуси насчитывалось 42 государственных и 9 частных учреждений высшего образования. Таким образом, можно сделать вывод о том, что большая часть студентов в Республике Беларусь получает высшее образование на платной основе. В целом на протяжении последних 10 лет численность студентов платной формы обучения всегда превышало численность студентов, обучающихся за счет средств республиканского бюджета. Объяснить такую ситуацию можно постоянным сокращением бюджетных мест в вузах, а также отсутствием серьёзных ограничений для поступающих в вузы на платную форму обучения. Не случайно, по мнению ряда белорусских исследователей, коммерциализация стала одной из причин

падения престижа высшего образования в стране. Сокращение доли обучающихся в вузах на платной основе в последние годы обусловлено демографической ситуацией в стране, а также стремительным ростом цен на образовательные услуги, которые являются достаточно затратной статьёй расхода для среднестатистической белорусской семьи. Причем плату за обучение в учреждениях высшего образования Беларуси поднимают практически ежегодно. В этой связи в особенно неблагоприятных условиях оказываются представители социально уязвимых категорий населения. В заключение хотелось бы отметить, что коммерциализация высшего образования утвердилась к настоящему моменту времени практически повсеместно на постсоветском пространстве, а это значит, что вопросы социальной справедливости в образовательной сфере следует признать ключевыми в повестке государственной политики стран бывшего СССР.

Литература:

1. *Добренькова, Е.В. Социальная морфология образовательного дискурса: историко-социологические аспекты / Е.В. Добренькова. – М.: Альфа-М, 2006. – 335 с.*
2. *Образование в Республике Беларусь: статистический сборник / Редакционная коллегия: И.В. Медведева [и др.]; Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2017. – 220 с.*

Кутикова Анна Вячеславовна,

ФГБОУ ВО Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

Иностранные студенты в российском вузе (на примере Алтайского государственного университета)

В статье представлены результаты социологических исследований отношения к мигрантам и социально-психологической адаптации иностранных студентов, проведенных в Алтайском крае в 2013 и 2016 гг. Поставлен вопрос о том насколько мероприятия, проводимые ВУЗами способствуют быстрой психологической и социальной адаптации студентов, приехавших в Россию для получения образования и формированию позитивного отношения к иностранцам в целом. В Алтайском крае реализуется проект консолидации университетов и институтов Азии. Перспектива формирования в регионе Российско-азиатского университета обеспечивает расширение международной академической мобильности, усиление культурно-образовательных связей и непосредственного взаимодействия студентов и студенческих организаций России и азиатских стран. С каждым годом число студентов из Китая, Киргизстана, Казахстана и других стран растет. Сложившиеся условия требует непосредственного внимания исследователей к нормативно-ценностным, идентификационным, коммуникативным аспектам социального поведения студенческой молодежи для предупреждения возможных межличностных конфликтов и достижения

равенства в интересах иностранных студентов и российских. На факультете социологии Алтайского государственного университета ведется постоянный мониторинг социальной адаптации студентов, их удовлетворенности учебным процессом, бытовыми условиями и пр. В число приоритетных исследований входит социальная адаптация. Это работы А.В. Мальцевой, О.В. Махныткиной, М.Г. Плешкова, С.А. Загребельной, Н.Е. Шилкиной и др. [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12] Очень важно достигнуть понимания между российской студенческой молодежью и иностранными студентами, чтобы это общение было продуктивным и не влекло за собой межличностных конфликтов, следствием которых могут стать различные правонарушения. На основе исследования, проведенного в 2013 году в городе Барнауле, были сделаны выводы об амбивалентном отношении российских студентов к иностранцам. С одной стороны, россияне готовы относиться к иностранцам с заботой, защищать их права, помогать интегрироваться в российское общество и выстраивать дружеские отношения. С другой стороны, российские студенты считают, что права иностранцев должны быть ограничены ради приоритета экономических интересов россиян и для предупреждения возможного повышения криминализации общественных отношений [8]. В 2016 году автором, в рамках выполняемой курсовой работы) было проведено исследование социально-психологической адаптации иностранных студентов в Алтайском крае (n=200, метод – анкетирование). В исследовании принимали участие студенты из трех ВУЗов Алтайского края (АлтГУ(35%), АлтГТУ(32,5%) и АлтГМУ(32,5%), которые приехали на обучение в Барнаул из других стран. В результате были получены следующие данные. Цель приезда: 80 % опрошенных студентов переехали в Россию для получения высшего образования, другие 20% переехали по другим обстоятельствам, после чего уже поступили в ВУЗы. Социальная активность: 72,5% знают, куда следует обращаться за социальной помощью, однако 27,5% не имеют таких знаний; 40% опрошенных студентов участвуют в деятельности организаций, которые работают с иностранными студентами в ВУЗах; 72,5% студентов активно посещают разные мероприятия – это неформальные встречи, тренинги и игры. Длительность адаптации: 42,5% привыкли к новому месту за достаточно короткий период времени от недели до месяца, у 2,5% этот процесс занял не больше недели, 35,5% респондентов привыкали к смене жительства от одного до шести месяцев, у пятой части студентов (17,5%) процесс адаптации проходил от полугода до года, 5% студентов не могут привыкнуть к новым условиям жизни. Для позитивного восприятия и дружелюбного отношения между студентами разных стран, в ВУЗах Алтайского края проводятся совместные мероприятия, которые помогают как иностранным студентам легче адаптироваться в ВУЗе, так и российским студентам преодолеть разницу культур и, сохраняя собственную национально-этническую и культурную идентичность, развить в себе толерантность и интерес к другим культурам [2, 6, 11]. Немаловажное значение имеет и уровень владения иностранными языками [6]. В целом, университеты Алтайского края способствуют формированию позитивного

образа иностранных студентов, соблюдению равенства прав и возможностей в получении образования.

Литература:

1. *Загребельная С.А. Ценностные ориентации современной студенческой молодежи (на примере г. Барнаула). // Инновационный потенциал молодежи: информационная, социальная и экономическая безопасность. Материалы молодежной научно-исследовательской конференции. Министерство образования и науки российской Федерации; Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина; Департамент молодежной политики Свердловской области; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова и др.; Под общей редакцией А.В. Пономарева. 2017 С. 192-196*
2. *Мальцева А.В. Специфика проявлений социальной идентичности современной студенческой молодежи (на примере студентов вузов Алтайского края). // Вторые Ковалевские чтения. Материалы научно-практической конференции. СПб. 2007. С. 629-635*
3. *Мальцева А.В. Сложные ситуации в жизни современных первокурсников и способы их решения (на примере студентов высших учебных заведений Алтайского края). // Сибирский социологический вестник. 2003. №. 2. С. 262*
4. *Мальцева А.В., Махныткина О.В., Шилкина Н.Е. Моделирование индивидуальной траектории профессиональной компетенции. // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость. Материалы V Всероссийского социологического конгресса. Российское общество социологов. 2016. С. 8231-8243*
5. *Махныткина О.В. Моделирование и оптимизация индивидуальной траектории обучения студента. Диссертация на соискание ученой степени кандидата технических наук /Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики. Новосибирск. 2013*
6. *Плешков М.Г., Мальцева А.В. Применение гиперактивных гипермедиатехнологий при изучении иностранных языков студентами высшей школы. // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. 2013. № 10. С. 344-346*
7. *Чудова О.В. Иерархическая модель оценки компетентности выпускников вуза. // Ломоносовские чтения на Алтае. Сборник научных статей Межрегиональной школы-семинара: в 2-х частях. Алтайская государственная педагогическая академия. 2010. С. 263-269*
8. *Шилкина Н.Е. Особенности восприятия иностранных мигрантов студентами региональных вузов России (по результатам социологического исследования в Алтайском крае). // Глобальный научный потенциал. 2014. № 2(35). С. 52-54*
9. *Шилкина Н.Е. Социальное поведение: привычность vs неопределенность. Барнаул. 2014*
10. *Шилкина Н.Е. Адаптационное поведение студенческой молодежи в условиях социальной неопределенности и риска как фактор конструирования новых социальных паттернов и практик. // Восьмые Ковалевские чтения. Материалы научно-практической конференции. Ответствен*
11. *Шилкина Н.Е. Анализ социальных сетей как метод исследования межэтнических отношений молодежи. // Социальная интеграция и развитие этнокультур в Евразийском пространстве. 2014. № 2. С. 47-54*
12. *Шилкина Н.Е. Социальная адаптация студенческой молодежи в условиях социальной неопределенности и риска (по материалам социологических исследований начала XXI в.). Диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук / Санкт-Петербургский государственный университет. СПб. 2015*

Лоншакова Надежда Анатольевна,
Российская международная академия туризма, Химки, Россия
Именнова Любовь Сергеевна
Российская международная академия туризма, Химки, Россия

Открытость вуза как детерминанта повышения качества образования

Департаментом стратегии, анализа и прогноза Министерства образования и науки от 14 сентября 2016 года № 02-860 была предложена методика проведения опроса студентов по оценке качества образовательного процесса.

В методике предложен ряд показателей, характеризующих качество предоставляемых образовательных услуг. В соответствии с этими рекомендациями в Российской международной академии туризма было проведено социологическое исследование условий осуществления образовательной деятельности. В данной статье авторы исследовали один из показателей – степень открытости РМАТ. Актуальность мониторинга обусловлена необходимостью повышения эффективности управления образовательной деятельностью вуза. Открытость вуза, как одного из показателей качества образовательного процесса, характеризует наличие официального сайта. Официальный сайт РМАТ является Интернет-площадкой, выполняющей информационную функцию – обеспечение информацией всех категорий пользователей сайта (абитуриентов, студентов, родителей, выпускников, преподавателей, сотрудников, учредителя, СМИ, надзорных органов и других внешних пользователей сайта). В процессе исследования анкета была размещена на сайте РМАТ и заполнялась респондентами в режиме on-line. Студенты имели возможность ответить на вопросы, используя компьютеры, расположенные в аудиториях РМАТ, домашние компьютеры, смартфоны. Проблем в работе с анкетами не возникало, поскольку с основами анкетирования они знакомятся при изучении ряда социологических, маркетинговых дисциплин. Ответы на первый вопрос предполагали оценку доступности информации, её полноты, структурированности, актуальности. Результаты опроса показали, что 85 % респондентов довольны сайтом Академии, информация доступна, понятна и хорошо структурирована. В целом качеством представленных сведений о педагогических работниках РМАТ удовлетворены 81% студентов, но 19 % хотели бы получать более исчерпывающую или более актуальную информацию. Значительная часть студентов (79 %) уверена, что в Академии обеспечена доступность взаимодействия с получателями образовательных услуг. Для современного молодого человека характерен интерес к использованию разных технических возможностей общения: электронной почтой, различными формами обратной связи посредством Интернет. Однако и требования к техническим способам достаточно высокие. Для 21 %

респондентов хотелось бы большей доступности с участниками образовательного процесса. Наиболее посещаемыми разделами сайта РМАТ являются «Абитуриенту», «Студенту», «Факультет менеджмента туризма», «Фотоальбом», «Стажировки и практики», «Новости академии». Пользуется популярностью он-лайнрегистрация гостей на Дни отрытых дверей. В сети Интернет Российская международная академия туризма представлена в основных социальных сетях: «В Контакте», «Facebook», «Twitter», «Instagram», «Одноклассники», «Youtube». Как показали результаты опроса, доступностью сведений о ходе рассмотрения обращений граждан, поступивших в организацию, удовлетворены 73 % студентов, частично удовлетворительны 20 %. Либо студенты не обращались по поводу получения сведений, либо не знают о такой услуге. Результаты исследования свидетельствуют об устойчивой позитивной оценке студентами современного состояния сайта РМАТ, открытости и доступности информации, что выражается в совокупном положительном показателе: полнота и актуальность информации об организации и ее деятельности (85 %); наличие сведений о педагогических работниках организации (81 %); доступность взаимодействия с получателями образовательных услуг по телефону, по электронной почте, с помощью электронных сервисов, в том числе наличие возможности внесения предложений, направленных на улучшение работы организации (79 %); доступность сведений о ходе рассмотрения обращений граждан, поступивших в организацию от получателей образовательных услуг (по телефону, по электронной почте, с помощью электронных сервисов) (73 %). Внутриакадемическая система управления качеством ориентирована на учет потребительских мнений, рассматриваемых как факты, являющиеся основой для принятия управленческих решений, совершенствования всех видов деятельности и её ресурсных составляющих. Анализ представленной информации позволит обеспечить возможность дальнейшей разработки и коррекции деятельности официального сайта. В качестве предложений были сформулированы следующие рекомендации: 1. Регулярный внутренний и, возможно, внешний мониторинг своевременности обновления информации на сайте. 2. Усиление привлекательности сайта благодаря креативной составляющей сайта (создание креативных рубрик). 3. Усиление мотивирующей составляющей – проведение конкурсов (факультет, кафедра, лучше всех представленная на сайте, конкурс на лучшую фотографию из студенческой (преподавательской) жизни РМАТ; конкурс забавных случаев из студенческой жизни и т.п.). 4. Ввести рубрику, в которой студенты могли бы высказывать свои мнения о сайте и образовательной деятельности вуза.

Магранов Алексей Сергеевич,
Центр социально-политических исследований ИФиСПН ЮФУ, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Социально-экономическое положение и стратегии поведения современного российского студенчества

Студенчество представляет собой особую когорту молодежи. Именно будущие выпускники высших учебных заведений будут составлять базис профессиональной и административной элиты общества. Однако в условиях транзитивного общества социально-экономическое положение студенческой молодежи становится весьма нестабильным. Изменение уровня достатка не только ограничивает доступ к материальным благам, но и оказывает заметное влияние на формирование стратегий поведения молодых людей. Данный факт обусловливает необходимость социологического мониторинга уровня и качества жизни российского студенчества. В 2016 году Центром социально-политических исследований ЮФУ было проведено межрегиональное социологическое исследование «Противоречия и парадоксы социализации студенческой молодежи в условиях транзитивности современного российского общества» (всего было опрошено 4387 студентов из 23 вузов / филиалов вузов Ростовской, Волгоградской и Свердловской областей, Краснодарского и Ставропольского краев, Республик Татарстан, Калмыкия и Адыгея; исследование реализовано в рамках внутреннего гранта ЮФУ № ВнГр-07/2017-27). Согласно полученным данным, только 27,3% представителей студенчества живут в полном достатке, ни в чем себе не отказывая. Большинство же (53,8%) считают, что живут неплохо, но для этого им приходится тратить весьма много сил. За чертой бедности находится десятая часть студентов вузов: 10,4% едва сводят концы с концами, а 1,3% оценили свое положение как бедственное, им приходится недоедать и отказываться от самого необходимого. Представляет интерес и распределение оценок отдельных сторон жизни студенческой молодежи. 67,5% учащихся вузов имеют возможность регулярно обновлять свой гардероб, а около трети опрошенных (28,5%) оценили свое положение по данному критерию как удовлетворительное; 4% не могут себе позволить покупку новой одежды. Ситуация с доступом к качественному питанию выглядит несколько лучше: 73,6% полностью довольны, а 22,8% удовлетворены своим рационом пищи, у 3,7% отсутствует возможность обеспечить себя полноценным питанием. А вот состояние здоровья у представителей современного студенчества находится, скорее, на среднем уровне: хорошим свое самочувствие считают 58,8%, а удовлетворительным – 35%. У 6,2% есть весьма ощутимые проблемы со здоровьем. В целом, представители современной студенческой молодежи довольны тем как складывается их жизнь: 66,1% считают, что у них всё хорошо, а 28,1%

оценивают свои жизненные условия как «удовлетворительные». А вот 5,9% отметили, что их жизнь складывается далеко не лучшим образом. Можно заметить, что учащиеся вузов достаточно спокойно смотрят в будущее, однако нельзя сказать, что они испытывают полную уверенность в нем. Половина опрошенных (51,6%) имеют позитивный и оптимистичный настрой на будущее, но при этом каждый третий студент (32%) относится к нему спокойно, но без особых ожиданий и иллюзий. 10% испытывают тревогу и неуверенность в своем будущем, 2,5% - страх и отчаяние, а 3,8% попросту не знают, чего от него ждать. При этом, наибольший уровень тревоги испытывают студенты, находящиеся в затруднительном материальном положении. Так, среди тех, кому приходится отказываться от самого необходимого, 26,3% боятся того, что принесет им будущее. Вероятнее всего, это связано с тем, что молодые люди с низким уровнем достатка в значительной мере опасаются остаться без работы по окончании вуза: 34,5% и 38,6% среди тех, кто оценивает свое положение как трудное или бедственное (против 15% у студентов, живущих в достатке). Как показали полученные данные, студенты с разным социально-экономическим положением обладают дифференцированными стратегиями профессионального поведения после завершения учебы. Так, 44,8% студентов с высоким уровнем достатка собираются пойти работать в соответствии с полученной специальностью (причем, каждый пятый из них уже точно знает, где будет работать), тогда как среди бедствующих молодых людей таковых оказалось в два раза меньше. Представители студенчества, находящиеся в трудном и бедственном положении, чаще устремлены к поиску хорошо оплачиваемого места, и не обязательно по специальности (26,5% и 26,8%, соответственно, против 15,7% у живущих в достатке). Также, студенты, которым приходится отказываться от самого необходимого, в более значительной степени нацелены на создание своей семьи по окончании вуза – 10,7% (тогда как у остальных категорий данный показатель не превышает 3,1%). Однако стремление открыть собственное дело оказалось присуще практически в равной степени студентам с любым уровнем достатка: данный показатель колеблется в пределах от 17,9% до 21,5%. При этом, около 60% студентов, находящихся в затруднительном финансовом положении, совмещают учебу с работой, которая, согласно полученным данным, имеет чаще всего временный или эпизодический характер. Среди молодых людей, живущих в достатке, подработку имеют 40%.

Таким образом, социально-экономическое положение современного российского студенчества позволяет молодым людям обеспечить себе необходимые для жизни условия, однако для этого им приходится прилагать значительные усилия. В особенности тем представителям студенчества, кто находится на пороге бедности, а в таких условиях находится каждый десятый студент. При этом необходимо понимать, что особенности материального положения учащихся вузов оказывают заметное влияние на стратегии их поведения, в том числе – на профессиональные.

Малых Светлана Владимировна,
Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

«Справедливое образование»: современные реалии отечественных университетов

В постоянно меняющемся мире возрастает роль и значение высшего образования. Не только как инструмента прохождения через закрытые двери при предъявлении корочки об образовании, а как механизма конструирования новой реальности, нестандартных подходов, креативной экономики и социального моделирования. Образование как способ и стратегия мысли, способная изменить то общество, в котором мы живем. Сегодня нужны не просто знания, не просто навыки, не просто опыт – а то, что позволит связать их в единую систему, ранее не имевшую аналога и вывести личность, организацию, регион, страну, мир на новый уровень. Это одна из основных задач университета будущего – создать новый тип людей, не просто воссоздающих старый опыт и уже не работающие модели, а людей способных творить новое. Региональное развитие как никогда зависит от «качества» человеческого капитала тех, кто будет управлять нашим регионом, кто будет видеть смысл и задачи своей деятельности в улучшении, укреплении, усилении позиций регионального развития в разных аспектах и системах оценки. Особое значение это имеет при развитии отдаленных от центра субъектов Российской Федерации, таких как Иркутская область. Для изменения условий и курса развития необходима новая стратегия формирования точек роста и перспектив развития региона, чтобы выйти из рамок «дотационного региона», развивать собственное производство, используя собственные ресурсы (природные, человеческие, социальные, инфраструктурные). Что бы это стало реальностью – необходимы люди, мыслящие нестандартно, иначе, вне рамок прежнего опыта. Задачи, условия, инструменты образования способного перевернуть представления о способах и целях регионального развития – вот главная задача университетского обучения в регионах. Помимо этого, необходима подготовка кадров не для будущей миграции в западные регионы страны, а создание условий и возможностей для развития их потенциала на местах. Но реальность такова, что справедливые условия распределения бюджетных мест далеки от реальности. Параллельно с этим наблюдается высокий отток лучших выпускников (набравших высокие баллы по ЕГЭ) в западные ВУЗы страны. Падает качество, как преподавания, так и самих абитуриентов и самих студентов. «Справедливое образование» для экономики и всей инфраструктуры региона все более становится мифологическим, что приводит к стагнации регионов и коллапсу инфраструктурного развития всех территорий страны, кроме городов-мегаполисов. «Справедливое

образование» становится все более мифологичным и далеким от возможностей рядовых россиян.

Литература:

1. *Колесников В.А., Полюшкевич О.А. От советского к российскому: социокультурные изменения общества // Дискуссия. 2013. № 2 (32). С. 60-63.*
2. *Полюшкевич О.А. Образование и социокультурная солидарность // Alma mater. 2011. №7. С. 19-22.*

Манцева Елизавета Романовна,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Высшее образование и способы передачи знаний в сети Интернет: основные характеристики и доступность.

Современное общество, именуемое в социологической науке информационным, не представляет себе жизнь и успешное функционирование своих членов без использования сети Интернет, различных технологий, а также использования больших объемов информации и знаний. Еще в конце 90-х годов XX столетия известнейший французский мыслитель П. Леви [1] отмечал, что новым источником коллективного разума и знаний по праву будет киберпространство, развивающееся и набирающее популярность с удивительной скоростью. В связи с тем, что сеть Интернет является не только ценным информационным ресурсом, но и способом передачи знаний, а также универсальным местом их хранения, то образование через данную сеть является одним из ключевых элементов образовательного процесса XXI века, который представляет собой компонент культуры современного человека, накопленный человеческий капитал и социальное благо. [2,7] Но что же именно отличает современное высшее образование, получаемое многими пользователями сети Интернет онлайн от традиционного способа получения знаний в университете в процессе посещения лекционных и семинарских занятий, факультативов и т.д.? Прежде всего, оно характеризуется доступностью, «высокой мобильностью, массовостью…». [3,94] В настоящее время в связи с тем, что современные технологии и многих профессии требуют огромное количество различных знаний, порой весьма узкой направленности, необходимость в получении образования, предоставляющего эти знания, резко возрастает. При этом времени на пребывание в университетах на различных занятиях у современного человека не так уж и много, особенно если это не первое его высшее образование, и оно понадобилось ему для работы, т. е. для практических целей, требующих относительно быстрый результатов. Также стоит заметить, что доступность здесь может пониматься как справедливость, так как любой человек, который хочет учиться, может получать знания из сети Интернет. Конечно, многие образовательные программы требуют

капиталовложений или предоставляют их потенциальным участникам различные условия, но сеть Интернет устраняет даже эти границы - аналогичные услуги всегда можно найти на различных социальных платформах в открытом доступе. Разница лишь в том, что изучение необходимых вам материалов не будет нигде зафиксировано, но если человеку действительно необходимо получить те или иные знания для своей работы,-то сеть Интернет-универсальный их источник. Далее, образование в сети Интернет является уникальным благодаря форме своей организации, а также предоставлению и представлению знаний пользователям. Огромное количество справочной информации, а также системы мультимедиа, различные презентации, красочные иллюстрации и интерактивные порталы для практики и закрепления полученных знаний. Также стоит выделить разнообразие методик обучения и проверки знаний обучающихся. Помимо прочего, высшее образование во Всемирной паутине носит гибкий характер в контексте условий его получения. Лекции можно просматривать в записи в любое время, изучать необходимые материалы так-же возможно на любых носителях в любом месте и т.д. Но как же знания передаются в процессе получения высшего образования в сети Интернет? «Источниками знаний являются информационные ресурсы сети, как специальным образом подготовленные, так и уже существующие в базовой телекоммуникационной среде, например, базы данных, информационные системы и т.п.» [4,30] Так, существует несколько способов передачи знаний.

1) Кейс-технологии. Учебно-методические материалы комплектуются в специальный набор (кейс), который передается обучающимся для самостоятельного изучения. Предполагается, что при достаточной мотивации обучающийся в состоянии самостоятельно осваивать материал при поддержке преподавателей-консультантов ВУЗа, а также при наличии данных структурированных кейсов.

2) Сетевые технологии, то есть интерактивные технологии, обеспечивающие взаимодействие обучающихся и преподавателей. К ним относятся видео-уроки, аудио материалы, интерактивные порталы. А также онлайн лекции, позволяющие людям со всего мира «присутствовать» на занятиях одновременно, общаться в специальных онлайн-чатах, встроенных в видео-платформу, задавать вопросы. 3) CD-ROM-технологии. Материалы для обучения помещаются на компакт-диски, что обеспечивает дешевизну и равный доступ к данному источнику знаний, а также его независимость от каналов связи, если по каким-либо причинам у обучающегося будет отсутствовать доступ в сеть.

Таким образом, высшее образования в Интернете доступно абсолютно каждому, как минимум в контексте открытого доступа знаний, необходимых для успешного функционирования в обществе и развития каждого человека благодаря различным способам их передачи.

Литература:

1. *Levy P. L'intelligence collective. Pour une anthropologie du cyberspace. Paris: La Decouverte, 1994, 252 p.*

2. *Бухарова Г.Д., Старикова Л.Д.. Современное образование: сущность и направления развития / Педагогика и психология. Современное обра-зование: сущность и направления развития / Известия Алтайского госу-дарственного университета, №3. (?) 2009. С. 7-11*
3. *Германова О.Ю. Организационно-методическое обеспечение дистанци-онного обучения / Качество жизни и человеческий потенциал террито-рий/ Проблемы развития территории, Вып. № 5 (61), С. 93-103*
4. *Елизаров А. А., Ястребов Л. И., Гужеля Д. Ю. Дистанционное образо-вание. Характеристика понятия // Информационное общество. 2005. No 4. С. 30–35.*

Мирзоян Лиана Грачьевна,
КГУ, Курск, Россия

Социальное неравенство в системе высшего образования

Получение достойного образования становится гарантом дальнейшей «хорошей» жизни, под которой, в первую очередь, понимают материальную обеспеченность человека. Повышение уровня образования способствует росту экономического потенциала страны. Сегодня на первый план выходит проблема обеспечения доступности того самого качественного образования. Необходимо построить такую систему высшего образования, которая бы минимизировала влияние экономических факторов и максимизировала влияние знаний абитуриентов при поступлении. Значителен вклад в раскрытии этой проблемы немецкого преподавателя Дистервег. Он развивал идеи демократического образования: каждый человек имеет право развивать свои способности и таланты. Идея свободы, по его мнению, предполагает принцип равенства. Он выступал за создание всеобщей системы образования, включающей не только школы, но и учреждения высшего образования. Уорд выделял такие наиболее важные функции образования: образование – важнейший канал социальной мобильности; образование – основной институт социализации личности; образование – критерий и показатель прогресса в обществе. В следствие вышеперечисленных причин образование как социальный институт необходим государству, и оно должно быть обязательным и бесплатным. Ещё одним исследователей этой темы был Кондорсе. Он говорит об образовании как о главной функции государства. Кондорсе призывает изменить систему образования и сделать его не просто обязательным, но и бесплатным для всех граждан. Известные российские социологии, как Заславская, Радаев, Шкаратан и Игитханян причиной неравного доступа к образованию считают социально-классовые различия в структуре российского общества и механизмы социальной мобильности. В современных реалиях на доступ к получению высшего образования оказывает влияние целый ряд факторов, наиболее значимым из которых является, безусловно, финансовое положение семьи. За последнее десятилетие значительно возросло значение платных специальностей. С одной стороны, то большой плюс для обеспеченного слоя людей, но с другой – барьер для людей, не имеющих возможность оплачивать обучение. А это в

свою очередь ещё больше способствует углублению социального неравенства. Коммерциализацию наблюдается не только на уровне высшего образования, но и на других, начиная с среднего общего образования. Это подтверждается, например, возросшим за последние 15 лет значением репетиторов для сдачи выпускных экзаменов. В следствие отсутствия нацеленности школьного образования на подготовку учеников к сдаче ЕГЭ, выпускникам приходится обращаться к дополнительным услугам учителей, репетиторов, курсов по подготовке. Кроме этого, барьером к получению высшего образования становится такая социально-экономическая характеристика учащегося, как место его фактического пребывания. Безусловно, проживание в городах, где есть возможность поступления в престижные вузы в разы увеличивает и стремление, и желание поступать, и доступность образования для выпускников, этой возможности лишены жители сельской местности. Помимо этого, отсутствие престижных вузов в месте проживания не мотивирует учащегося сдавать экзамены на высокий балл, а наоборот ведет к потере интереса к обучению в целом. Так, например, исследование, проведенное в 2005 году дало такие результаты: более 50% опрошенных в Москве и Санкт-Петербурге и менее 20% респондентов из сел и районных центров собираются получать престижное образование. Кроме перечисленных факторов, влияющих на доступность образования следует назвать социальный статус семьи учащегося. Как было доказано во многих исследованиях положение родителей в обществе, их должность оказывают значительное влияние на выбор дальнейшей профессии абитуриентом. Высокий статус в обществе обязывает выходцев из этой семьи выбирать престижные вузы и специальности, обучение на которых нередко платное, а стоимость слишком велика для среднестатистической семьи.

Таким образом, мы видим, что необходимость предоставления равных для всех возможностей поступления в вузы существует, даже в самых развитых странах мира эта проблема не утратила своей актуальности. Для решения этого вопроса необходимо проводить грамотную государственную политику в сфере образования. Процессы глобализации позволяют усовершенствовать систему образования в целом. Это проявляется в предоставлении многими престижными зарубежными вузами возможности получать качественное образование вне зависимости от места проживания, статуса семьи, материального обеспечения и других факторов через систему дистанционного образования. В нашей стране эта система также начинает внедряться и уже набирает обороты. Например, более национальной образовательной платформы «Открытое образование», в которой ведущие университеты страны, такие как МГУ им. М.В.Ломоносова, НИУ-ВШЭ, СПбГУ и другие, дают всем возможность получить бесплатное образование. Именно это становится первым шагом к преодолению проблемы социального неравенства в системе образования.

Мылтасова Ольга Валерьевна,
Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия

Студент XXI века: учеба или работа?

Современная образовательная система за последние десятилетия претерпела ряд существенных изменений, которые не замедлили сказаться как на самом качестве получаемого образования, так и на отношении к нему. С одной стороны, активно пропагандируется получения высшего образования – это влияет на профессиональный статус и перспективы карьерного роста. С другой стороны, отсутствует учет соотношения «выпускник – рабочее место на рынке труда»: сегодня общество столкнулось с серьезной проблемой, когда рынок труда перенасыщен специалистами одних областей и имеет существенный недостаток в специалистах других областей. Российский рынок труда претерпел существенные изменения – поменялась экономическая и социальная приоритетность секторов экономики, произошла реструктуризация предприятий, обновился список профессий – одни ушли в небытие, а на смену им пришли другие, новые для российского общества, сменились формы организации рабочего места и времени, появились новые. Параллельно с получением высшего образования многие студенты сталкиваются с вопросами материального обеспечения, выражая свою готовность совмещать обучение с трудовой деятельностью. Без сомнения, феномен работающего студента – совмещающего работу с учебой, не нов для российского общества. Г.А. Чередниченко исследовала специфику занятости студенческой молодежи на рынке труда. По ее наблюдениям, за период с 1987 по 2004 года общая численность рабочей молодежи в сфере материального производства сократилась практически в два раза, самое сильное снижение трудовых ресурсов отмечалось в науке. В противовес этому, студенческая рабочая молодежь активно начала себя реализовывать в таких сферах как торговля, государственное управление, финансовая сфера. Также было отмечено снижение численности работающей молодежи в системе здравоохранения, культуре и искусстве. Распределение трудовых сил студенческой молодежи, совмещающей работу с учебой, на современном этапе, согласно исследованиям Г. Чередниченко, концентрируется в сфере промышленности, строительства, транспортных услуг и сельского хозяйства – на рабочих специальностях, зачастую не требующих определенного квалификационного уровня, иначе говоря, работающие студенты, как правило, находятся на «периферии» рынка труда. В 2009 году Д.Л. Константиновский с коллегами провел исследование, в которое вошли крупные вузы России, исследование показало, что доля работающих студентов – это порядка 40% от всех обучающихся в вузе. Были выявлены наиболее значимые мотивы вторичной занятости: «Желание иметь

свои личные деньги» - 67,5%; «Обеспечение своего существования» - 57,9%; «Установление контактов, связей» - 29,7%; «Помощь родителям» - 19,8%. Важно понимать, что потребность в занятии трудовой деятельностью формируется не только по экономическим причинам, особенно в тех случаях, когда студенту не нужно решать вопросы, связанные с выживанием. Что же касается эффективности процесса обучения у работающих студентов? В проведенным Д. Константиновским исследовании, ответ на этот вопрос нам показался субъективным, так как собственно успешность в обучении оценивалась не в сравнительном соотношении «до» и «после» и не в оценочном эквиваленте, а по четырем вариантам предложенных ответов. В результате, 55,1% респондентов заявили, что «Работа почти не мешает учебе», 28,5% – «Работа не мешает учебе», «Работа часто мешает учебе» - ответили 12,7% и 3,7% опрошенных ответили, что «Работа очень мешает учебе». Можно ли утверждать, что вовлечение студентов в трудовую деятельность не оказывает влияния на учебную деятельность, представляется сомнительным и требует либо иной формулировки вопроса, либо привлечения экспертной оценки. Исследователи ориентируются на то, что на успешность совмещения трудовой деятельности с учебной оказывает влияние профиль вуза, в котором проходят обучение работающие студенты. Так, наиболее успешными в обучении оказались те работающие студенты, которые обучаются в вузах, ориентированных на сельское хозяйство, экономику, финансы, военное дело, политику, право и управление. Сложности совмещения трудовой и учебной деятельности были выявлены у студентов, обучающихся по медицинскому профилю, артистическому, музыкальному и художественному – что, по всей видимости, объясняется спецификой обучения обозначенных вузов. Похожие результаты были получены в 2013 году С.Ю. Рощиным и В.Н. Рудаковым – субъективная оценка успешности в обучении так же, как и в исследовании 2009 года, очень оптимистична. Сами исследователи объясняют отсутствие негативных последствий совмещения трудовой деятельности с учебной тем, что в исследуемой выборке отсутствуют отчисленные студенты – те, кто учится, так или иначе справляются с программой. Безусловно, совмещение учебной и трудовой деятельности не проходит легко и безболезненно – студенту, так или иначе, придется чем-то жертвовать, расставлять приоритеты и, в любом случае, выигрывая в одном, будет снижение эффективности в другом.

Литература:

1. *Герчиков В.И. Феномен работающего студента вуза. // Социологические исследования. – 1999. – №8. – С. 87-94.*
2. *Константиновский Д.Л. Российская молодежь: образование и занятость // Россия и Китай: молодежь XXI века / отв. редакторы: М.К. Горшков, Ли Чунлинь, З.Т. Голенкова, П.М. Козырева. – М. Новый хронограф, 2014. С. 283-307.*
3. *Константиновский Д.Л., Чередниченко Г.А., Вознесенская Е.Д.. Работающий студент: мотивы, реальность, проблемы. – М., 2009. – 72 с.*
4. *Рощин С. Ю., Рудаков В. Н. Совмещение учебы и работы студентами российских вузов //Вопросы образования. – 2014. – № 2. – С. 152-179*
5. *Чередниченко Г.А. Формирование образовательной стратегии молодежи // Грани российского образования. – М.: Центр социологических исследований, 2015. – С. 278-306.*

Обрывалина Ольга Андреевна,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Участие университетов в преодолении социальной несправедливости как реализация их социального служения: анализ “третьей миссии” университетов

Пройдя длительный путь исторического развития и вступив со второй половины XX века в эпоху стремительных социальных трансформаций, университеты вынуждены переопределять свою миссию и место в социальной структуре, чтобы успешно адаптироваться к новым условиям. Традиционно к базовым функциям университетов относились образовательная и научно-исследовательская. В XIX веке классическая модель западного университета была описана в своей целостности в Германии В. Гумбольдтом [1] и в Англии Дж. Ньюменом [2]. Национальные университеты, обладая определенной спецификой, тем не менее, решали общие задачи и связаны они были с фундаментальным образованием, проведением исследований и вовлечением в них студентов, передачей культуры и воспитанием граждан.

Однако во втор пол. XX – н. XXI века, когда высшее образование на Западе уже окончательно стало массовым, переориентировавшись на подготовку специализированных кадров для различных сфер экономики, и приступило к выстраиванию новых отношений с различными общественными институтами, развернулись активные дискуссии о переопределении и/или дополнении миссии и функций современных университетов.

К настоящему моменту в научном дискурсе представлен широкий спектр концептуальных моделей университетов будущего, каждая из которых акцентирует внимание на различных аспектах и особенностях существования университета как современной социальной организации, принадлежащей как системе высшего образования, так и включенной в сложную сеть отношений с государством, бизнесом и обществом: концепции исследовательского университета [3], идея университета как предпринимательской структуры в рамках концепции «тройной спирали» [4], концепция университета как регионального научно-образовательного и культурного комплекса (региональный университет) [5], пассионарный университет [6], предпринимательский университет [7] и др. Логика каждой из этих моделей задает свое понимание современной миссии и базовых функций университета. Их общая черта – расширение традиционного комплекса образовательных и научно-исследовательских задач университетов, обоснование их новых возможностей и сфер ответственности. В конце XX века, дискуссии о будущем университета порождают концепт

его «третьей миссии». [см. напр., 8] Систематизируя существующие подходы к ее определению, Т.А. Балмасова выделяет 3 основных [9, С. 50]: 1) «третья миссия» не как отдельная миссия, а как способ действия или образ мыслей для совершенствования двух других – обучения и исследований»; 2) «третья миссия» как отдельная миссия, собирательный термин для обозначения всего, что не относится к обучению и исследованиям; 3) «третья миссия» как «отношения между высшим образованием и обществом за пределами обучения и исследований»; «набор функций, отличный от обучения и исследований»; «круг деятельности, включающий создание, использование, применение знаний и других университетских мощностей за пределами академического окружения». Как правило, заключает Т.А. Балмасова, «третья миссия» включает три аспекта деятельности университета: трансфер технологий и инноваций, продолженное обучение и социальное участие. Именно развитие последнего и позволяет говорить о возможности активного участия университетов в преодолении (или по крайней мере, смягчении) социальной несправедливости, посредством включения в решение общественных проблем. Осознание необходимости расширения социального участия университетов и развитие соответствующих практик, с одной стороны, становится результатом общего расширения спектра деятельности и возможностей университетов, а с одной, – определяется потребностью в компенсаторном механизме, призванном преодолеть ограничения рыночного подхода в образовании.

Ярким примером воплощения функции соцального служения стало разворачивание в университетах США программы «Service-Learning», разработанной с целью совмещения образовательного процесса и общественно полезной деятельности. После внедрения в американских университетах программа получила поддержку и в других странах. Сегодня в университетах Великобритании, Германии, Австралии, США практикуются такие формы общественной активности, как Civic Engagement (гражданская активность), Community Outreach (работа с общественностью), Community Service (общественно-полезная деятельность), Service Learning (обучение действием), Social Entrepreneurship (социальное предпринимательство) и другие. [10, С. 67.]

В России реализация «третьей миссии» и социального служения университетов как ее элемента разворачивается не высокими темпами, однако, актуальная практика активно обсуждается в сообществе [11;12], что позволяет прогнозировать включение российских университетов в общемировой процесс переопределения места в обществе организаций высшего образования.

Литература:

1. *Гумбольдт В. фон. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // Неприкосновенный запас. 2002. №2. [Электронный ресурс]. – URL: http://magazines.russ.ru/nz/2002/22/gumb.html (Дата обращения: 01.02.2018).*
2. *Ньюмен Дж. Г. Идея университета. Мн.: БГУ, 2012.*
3. *Исследовательские университеты США: механизмы интеграции науки и образования // Под ред. И.Б. Супяна. М.: Магистр, 2009.*

4. *Leydesdorff L. 2012. The Triple Helix of University-Industry-Government Relations. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.leydesdorff.net/th12/th12.pdf (Дата обращения: 01.02.2018).*
5. *Перфильева О.В. Университет и регион: на пути к реализации третьей функции // Вестник международных организаций. 2011. No 1. С. 133–144.*
6. *Журавлев В.А., Ладыжец Н.С. Пассионарный университетский менеджмент // Университетское управление: практика и анализ / Уральский гос. технический ун-т: журнал. 2003. No 1 (24). [Электронный ресурс]. – URL: http://www.umj.ru/index.php/pub/inside/328/ (Дата*
7. *Кларк Б. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации. Москва: Издательский дом Гос. ун-та Высш. шк. экономики, 2011.*
8. *Laredo P. Revisiting the third mission of the Universities: toward a renewed categorization of university activities? // Main transformations, challenges and emerging patterns in Higher Education Systems (UNESCO Forum Occasional Paper Series. Paper no. 16*
9. *Балмасова Т.А. «Третья миссия» университета – новый вектор развития? // Высшее образование в России. 2016. № 8-9 (204). С. 48–55.*
10. *Зиневич О.В., Балмасова Т.А. «Третья миссия» и социальная вовлеченность университетов // Власть. 2015. № 6. С. 67 – 72.*
11. *Смирнов В.А. Социальная функция российских университетов: опыт количественного измерения // Социология образования. 2016. № 8. С. 18–32.*
12. *«Третья миссия» университета в современной России: новации и интеллектуальные традиции. Сборник научных трудов V Сибирского философского семинара / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2016.*

Омар Алена Александровна,
АлтГУ, Барнаул, Россия

Концепции курсов повышения квалификации, как формы дополнительного образования

В настоящее время активные исследования и новые открытия происходят постоянно, в связи с этим является, не возможным овладев той или иной специальностью, больше никогда не доучиваться или переучиваться. На данный момент концепция «обучения в течение всей жизни» является наиболее актуальной. Ее предназначение состоит в подготовке компетентных специалистов, способных ориентироваться в меняющихся жизненных ситуациях; самостоятельно приобретать необходимые знания, чтобы на протяжении всей жизни иметь возможность найти в ней свое место; критически мыслить, видеть возникающие проблемы и искать пути рационального их решения, используя современные технологии; проявлять инновационное мышление и быть способными к непрерывному самообразованию и саморазвитию в течение всей жизни. [1, с. 2] Это позволяет специалистам не стоять на месте, а расти не только профессионально, но и личностно, а так, же развивать свой потенциал. В связи, с чем наиболее удобной формой в подобном обучении становятся курсы повышения квалификации. Повышение квалификации – это вид дополнительного профессионального образования, обновление и углубление полученных ранее профессиональных знаний, совершенствование деловых качеств работников, удовлетворение их образовательных потребностей, связанных с профессиональной деятельностью.[2] Иногда под повышением

квалификации подразумевают только то обучение, которое организовано на рабочем месте или же в рамках специальных учебных заведений. Но на самом деле этот процесс гораздо шире. В повышение квалификации необходимо включать чтение специальной литературы, самообучение, обмен опытом работы. Существующие и необходимые квалификационные требования персонала должны подвергаться систематическому анализу. Задача данного процесса состоит в том, чтобы выявить причину сложившегося положения, состоит ли она в изменениях в технологии и в технике выполнения работ, которые ставят перед работником цель их освоения, либо же индикатором является рост брака в трудовом процессе работника. Понятие повышения квалификации, или непрерывное дополнительное образование, утвердившееся в России для обозначения системы профессиональной подготовки и переподготовки кадров, за рубежом интерпретируется как рекуррентное образование. Суть рекуррентного образования состоит в периодически возобновляющемся в течение жизни человека дополнительном профессиональном образовании, чередующемся с периодами трудовой деятельности. Благодаря опыту работы отечественных и зарубежных специалистов было выявлено три основных концепции обучения. Первой концепцией является концепция специализированного обучения. Эта концепция ориентирована на сегодняшний день или же ближайшее будущее и имеет непосредственное отношение к соответствующему рабочему месту. Данное обучение эффективно непродолжительный промежуток времени, но, по мнению работника, оно способствует сохранению рабочего места, а также укрепляет чувство собственного достоинства. Второй концепцией является концепция многопрофильного обучения. Она является эффективной с точки зрения экономики, так как повышает внутрипроизводственную и внепроизводственную мобильность работника. Однако внепроизводственная мобильность работника представляет собой риск для организации, в которой работает сотрудник, поскольку он имеет возможность выбора и, следовательно, менее привязан к рабочему месту. Третьей концепцией является концепция обучения, ориентированного на личность. Данная концепция имеет целью развитие человеческих качеств, которые заложены природой, либо приобретены человеком в практической деятельности. Эта концепция относится в первую очередь к персоналу, имеющему склонность к научным исследованиям. Таким образом, благодаря повышению квалификации сотрудники получают больше знаний в той или иной профессии и, соединив их со средствами производства на рабочем месте, рабочая сила из потенциальной станет реально функционирующей.

Литература:

1. *И.А. Нигматулина. Готовность к обучению в течение всей жизни (монография). // Изд.: Саарбюккен: Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012.- 252с.*
2. *Что такое повышение квалификации // Национальная педагогическая энциклопедия [Электронный ресурс] Режим доступа: http://didacts.ru/termin/povyshenie-kvalifikacii.html*

Ореховская Наталья Анатольевна,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Университетское образование – образование для всех?

Современное общество нуждается в наличие профессиональной элиты как в промышленной и научной, так и в духовной сферах. Это ученые и политики, врачи и преподаватели, юристы и экономисты, представители творческих профессий. Элита необходима не только и в кластере рабочих специальностей – на каждом производстве была и есть своя рабочая элита – это высококлассные слесари-инструментальщики, токари-универсалы. Это всегда очень немногочисленный слой специалистов. Под профессиональной элитой мы понимаем таких профессионалов, которые задают высшие уровни профессиональной деятельности. Условия, создаваемые в обществе для воспитания профессиональной элиты, являются показателями динамики развития такого общества, а взращивание профессиональной элиты выступает ключевой задачей высшей школы. Особенно ярко это можно проследить в развитых странах, в которых часто ведется настоящая охота за талантами во всех ключевых областях человеческой деятельности - в политике, бизнесе, науке, искусстве (в том числе поиски их и за рубежом, инициирующие «утечку мозгов» из менее развитых стран, еще более увеличивая свой научно-технический отрыв от них). Поэтому в информационном обществе неизбежно возрастают требования к самой образовательной системе. [1].

Именно этими вызовами можно объяснить продолжающиеся дискуссии вокруг вопроса существования элитарного образования, а также справедливости или несправедливости существования элитных учебных заведений. Критики элитного образования апеллируют к следующим аргументам: наличие элитных школ – это вызов демократии, пережиток прошлого, социальный атавизм; элитные школы ставят молодых людей в неравные условия, воспроизводят, поддерживают, закрепляют систему социального неравенства; сам факт наличия привилегированных учебных заведений пагубно влияет на общество.

На наш взгляд элитное образование должно создаваться не для социальной элиты, а для молодых людей, способных и мотивированных на овладение определенным достаточно высоким уровнем знаний, а одной из основных функций элитного образования должно быть обеспечение таким студентам условий для самосовершенствования и вертикальной мобильности. В противном случае элитное образование рискует стать источником роста политической, экономической и нравственной несправедливости.

Анализируя работы отечественных исследователей, посвященные различным аспектам общей культуры и уровня образованности современных студентов, получающих высшее образование в парадигме эгалитарности, можно сделать неутешительный вывод об их низком общекультурном и

общеобразовательном уровне, что в современных условиях резко снижает возможности успешной профессиональной реализации. Исследования обнаруживают весьма скромные познания студентов не только в рамках знаний школьной программы, но и в тех сферах, которые непосредственно относятся к их будущей профессии. Это при том, что ¾ опрошенных – выпускники специализированных школ, лицеев и гимназий[3].

Сокращение числа читающих школьников и студентов породило проблему дефицита общекультурных компетенций, необходимых для функционирования студента в университетской среде, а затем в профессиональной деятельности[4]. Речь идет о функциональной неграмотности, которая выражается, в частности, в неспособности студентов конспектировать лекции, самостоятельно структурировать содержание учебного текста, применять элементарные понятия как общенаучного, так и специального характера. С этими данными коррелируется и, отмечаемый преподавателями всех дисциплин, очень низкий уровень грамотности студентов. Еще десять лет назад абитуриенты с таким знанием русского языка вообще вряд ли могли бы поступить в ВУЗ. То же самое касается информации, получаемой из СМИ. По данным исследования «Влияние СМИ на молодежь» лишь немногим более половины студентов полностью понимают современную лексику (55,6%), в то время как для 37,9% респондентов «какие-то слова остаются непонятными» [5].

Вместе с тем, наблюдения показывают, что словарный запас студентов ограничен, речь подавляющего большинства однообразна и изобилует жаргонизмами, а даваемые оценки находятся в «черно-белой» плоскости, это свидетельствует об отсутствии аналитического мышления. Студенты часто не способны обсуждать и высказываться по вопросам современной политики, философским проблемам, пытаясь свести глобальные вопросы к бытовым проблемам. В итоге происходит примитивизация не только учебного материала, но и мировоззрения молодого человека в целом, что не может не сказываться самым негативным образом на способности стратегически мыслить в сфере профессиональной деятельности. Эти лишь некоторые проблемы, с которыми столкнулся современный университет, позволяют нам усомниться в эффективности эгалитарного высшего образования.

На наш взгляд, высшее образование по сути своей уже элитарно, т.к. его миссия состоит в том, чтобы учить только тех, кто хочет и, главное, может учиться.

Когда же университетское образование становится практически вседоступным, само понятие высшего образования профанируется и девальвируется, поскольку критерии качества неизбежно подстраиваются под реальные весьма средние знания выпускников, и как следствие ценность университетского диплома падает. Поэтому мы уверены, что необходимо сохранить островки университетского образования, теперь именуемого «элитарным». Основа такой «элитарности» не возможность родителей заплатить за образование в престижном университете или демонстрация «общедоступности», а простой алгоритм: жесткий контроль «на входе»,

качественное преподавание, стимулирование творческой работы студентов в процессе образования и жесткий контроль «на выходе». Можно сделать замечательный ремонт, оснастить аудитории и лаборатории самой современной и дорогой техникой, пригласить ведущих ученых, но если студенты не имеют достаточной образовательной и общекультурной базы, если, как сейчас говорят преподаватели, они нуждаются «в адаптации после ЕГЭ» и «коррекции школьного образования», то результат от такого высшего образования будет весьма скромен, а от специалиста не стоит ждать прорывных научных или производственных решений [2].

Естественно, элитных учебных заведений не может быть много, отбор в них должен быть достаточно жестким и характеризоваться тем, что главным критерием являются способности, таланты абитуриентов; оно не должно зависеть от происхождения и богатства родителей, ведь для усвоения знаний и ценностей необходим высокий уровень интеллектуальных способностей[1].

Литература:

1. *Ашин Г.К. Элитное образование URL:http://ecsocman.hse.ru [дата доступа обращения 31.01.2018]*
2. *Новиков А.М. Что такое элитарное образование? URL:http:// www.anovikov.ru [дата обращения 31.01.2018]*
3. *Ореховская Н.А. Об общей культуре первокурсника технического вуза//Высшее образование в России. 2014. № 3. С. 135-139.*
4. *Orehovskaya N.A. Problems of Unemployment in Russia//В сборнике: Differences, Inequalities and Sociological Imagination: View from Russia Papers of Russian Sociologists for the 12 th Conference of the European Sociological Association. Russian Society of Sociologists; Institute of Sociology of the Czech Academy of Sciences (IS CAS); European Sociological Association; Editor-in-Chief V.Mansurov. 2015. С. 311-315.*
5. *Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты. [Электронный ресурс] // Единый архив экономических и социологических данных.*
URL:http://sophist.hse.ru/db/oprosy.shtml?ts=121 - [дата обращения 31.01.2018]

Осипов Дмитрий Юрьевич,
МГУ имени Ломоносова, Москва, Россия

Глобализация и эгалитарность в высшем образовании. Оптимистичный прогноз

О глобализации говорят уже давно, однако мы можем заметить, что и в настоящее время тема не потеряла актуальности. Теперь глобализация понимается как процесс всемирной экономической, политической, культурной и религиозной интеграции и унификации.[1] В данном тексте будет показано, как глобализационные процессы способствуют эгалитаризму в образовании – обеспечении возможностей равного доступа к образовательной системе вне зависимости от географических и имущественных детерминант. Экономический аспект глобализации проявляется посредством ускорения международного движения факторов производства и усиления международного сотрудничества. Теперь в

создании конечного продукта могут участвовать множество стран-посредников. Институциональной формой такого сотрудничества зачастую выступают транснациональные корпорации. Важной особенностью современного мира является трудовая миграция и общее повышение мобильности труда. Население из бедных стран эмигрирует в богатые в качестве неквалифицированной рабочей силы. Развитые страны пытаются сдержать эти потоки и благодаря современным коммуникативным технологиям зачастую не нуждаются в непосредственном присутствии работников. Примером могут послужить или аутсорсинг компьютерных работ в Китай.[2] Глобализационные процессы, возглавляемые ТНК преобразуют мир. Настоятельной потребностью становится формирование единого глобального мирового экономического, правового, информационного, культурного пространства для свободной и эффективной предпринимательской деятельности всех субъектов хозяйствования, создание единого планетарного рынка товаров и услуг, капиталов, рабочей силы, экономическое сближение и объединение отдельных стран в единый мировой хозяйственный комплекс. Что касается социальной сферы, то здесь выделяются следующие тенденции. Например, стремление к стандартизации, которое затрагивает не только стандарты на технологию, экологию, деятельность финансовых организаций, бухгалтерскую и статистическую отчетность, но и стандарты на образование и культуру. Также становление английского как международного языка общения тоже является важным моментом глобализации. Что облегчает межкультурное общение, учёбу и взаимопонимание. Другими факторами является ослабление социальных связей и обычаев, преодоление национальной ограниченности, что повышает мобильность людей в территориальном, духовном и психологическом отношениях, способствует международной миграции, что повышает международную мобильность. Преодолеваются границы в образовании посредством дистанционного обучения. Происходит либерализация подготовки трудовых ресурсов, что ведет к ослаблению контроля национальных государств за воспроизводством «человеческого капитала». Глобализация способствует обострению конкуренции, в том числе между людьми. На этом фоне университеты также вступают в глобальную конкуренцию за студентов. Проявляется это самыми различными образами. Программы двойных дипломов, программы на английском языке, системы взаимосоотносимости степеней, рейтингование вузов и многое другое. Все эти мероприятия соответствуют потребностям глобализации, то есть повышают мобильность студентов, создают единый рынок и единое культурное поле. Также некоторыми исследователями отмечается, что с развитием дистанционного образования в связи с его экономической рациональностью, основанной на всех тех преимуществах, которые даёт дистанционное образование(отсутствия необходимости ехать к университету, присутствовать в указанное время на лекциях, содержать большой преподавательский штат и т.д.)снизится потребность в университетах в их обыденном понимании, что безусловно скажется на увеличении доступности

образования.[3] Ведь уже сейчас мы можем наблюдать, как появляются различные онлайн-платформы. Вопрос заключается лишь в том, как институцианализировать результаты обучения. Таким образом, оптимистичное видение основано на указанных выше предположениях о том, что развитие дистанционного образования повысит его доступность. К таким выводам приходят М. Барбер К. Доннелли С.Ризви в своём эссе «Накануне схода лавины. Высшее образование и грядущая революция». Безусловно, мы и сейчас не можем предсказать каким именно путём пойдёт образование, но наблюдая выше перечисленные тенденции можно сказать, что это будет путь дальнейшего повышения эгалитаризма.

Литература:

1. *Глебов Г. И., Милаева О. В. Современные международные отношения. Учебное пособие. — Пенза: Изд. Пенз. гос. ун-та, 2010. — 98 с.*
2. *Владимирова И.Г. «Глобализация мировой экономики: проблемы и последствия» Менеджмент в России и за рубежом №3 2015 С.28-44*
3. *М. Барбер К. Доннелли С.Ризви «Накануне схода лавины. Высшее образование и грядущая революция» 2013*
4. *Галичин, В. А. Международный рынок образовательных услуг: основные характеристики и тенденции развития / В. А. Галичин. — М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. — 60 с.*

Павлють Ольга Александровна,

Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь

К вопросу обеспечения социальной справедливости в образовании через виртуальную образовательную среду

В современном обществе актуальными остаются проблемы обеспечения равного доступа к получению высшего образования. На сегодняшний день, далеко не все индивидуумы имеют возможность качественно подготовиться к вступительным испытаниям в ВУЗ, вследствие чего сталкиваются с трудностями при поступлении. В ряде случаев отсутствие таких возможностей связано с социальными факторами, такими как: условия проживания и воспитания, финансовые возможности и, что еще хуже, физические ограничения. Действительно, не справедливым является, например, факт отсутствия высшего образования у человека, который физически не в состоянии посещать аудиторные занятия, сдавать зачеты и экзамены, но при этом он является мотивированным, способным к обучению индивидуумом. Здесь уместно обратиться к понятию «социальная справедливость», которое означает требование справедливости применительно к условиям социального существования [2]. Справедливым будем считать факт возможности получения образования не зависимо от социальных факторов. Один из вариантов обеспечения социальной справедливости в вопросе доступа к обучению – широкое внедрение альтернативных методов обучения. Это могут быть: онлайн-обучение, а

также мобильное и смешанное обучение. Такое обучение в мировом рынке образования отмечается темпами ежегодного прироста в среднем на 23% с 2012 года. США – наиболее зрелый игрок на рынке, поэтому темпы его прироста замедляются и составляют приблизительно 4,0 – 4,4%, второй по величине регион – Юго-Восточная Азия, в первую очередь Китай и Индия, набирающий обороты значительно быстрее +17%. Западная Европа также набирает обороты +17% в год. Движущей силой рынка Восточной Европы считается Россия со среднегодовым ростом 25% [1]. Альтернативные методы обучения имеют ряд преимуществ: использование удобных средств обучения; выбор времени и места, собственного темпа обучения; экономия затрат; равные возможности получения образования и преподавания не зависимо от места проживания и состояния здоровья; разгрузка ВУЗов; развитие информационных технологий и предпринимательства в области онлайн-обучения. Наряду с преимуществами существуют и недостатки, к ним отнесем: влияние электронных средств обучения на здоровье индивидуума, которое может привести к зависимости от гаджетов, нарушению режима дня; обучающемуся может не хватать личного контакта с преподавателем; обучающие программы и курсы могут быть недостаточно хорошо разработаны. При этом альтернативные методы обучения можно использовать эффективно, ведь приведенные недостатки устраняются посредством виртуализации образовательного процесса, где наряду с информационными используется педагогические технологии. Виртуальная образовательная среда – информационное содержание и коммуникативные возможности локальных, корпоративных и глобальных компьютерных сетей, формируемые и используемые для образовательных целей всеми участниками образовательного процесса [3, с.199]. Интеграция информационных технологий в образовательный процесс будет положительно влиять на институт образования в целом: увеличится количество обучающихся, обучающиеся в виртуальной образовательной среде будут мотивированнее остальных, возрастет интерес к получению высшего образования, повысится имидж учебных заведений, вовлеченных в виртуализацию образовательного процесса, будет сделан шаг к решению проблемы социальной несправедливости в вопросе получения образования. Важно отметить, что виртуализация образовательного процесса приведет к созданию гибкой экосистемы, в которую будут вовлечены институты образования, государства и экономики. В такой экосистеме будет возможным не только получить компетенции или образование, но и развить новейшие технологии в области обучения онлайн, дабы оптимизировать существующие процессы и создать новые, например, непрерывное обучение онлайн. В вопросе непрерывного обучения нельзя не обратиться к проблеме социальной несправедливости в подготовке абитуриентов. Сегодня лучшую подготовку по профильным дисциплинам получают абитуриенты, которые помимо школьных подготовительных занятий посещают занятия на курсах или у репетиторов. Вопрос оплаты таких занятий является неоспоримой нормой, как и то, что квалификация педагогов-репетиторов или педагогов на

курсах, как правило, выше в областях знаний, которые они преподают, что и является конкурентным преимуществом в вопросе оплаты. Чтобы изменить такое не справедливое положение вещей, необходимо увеличить количество разработанных, в частности, для абитуриентов качественных информационных ресурсов, которые бы включали компоненты обучения и тестирования, при этом находились бы в зоне ближайшего доступа: локально или виртуально. Такие ресурсы должны привлекать к обучению, но при этом делать процесс получения знаний эффективным и продуктивным, осуществлять перенос компетенция из одного учебного модуля – в другой, тем самым обеспечивать непрерывность и преемственность. Сделать обучение онлайн экосистемой, виртуализировать образовательный процесс, интегрировать информационные технологии в образование, чтобы решить проблемы доступа к получению образования в целом и сделать процесс получения образования социально справедливым, вырастить поколение мотивированных, самостоятельных и целеустремленных обучающихся не зависимо от социальных детерминант – вот цель справедливого общества, в котором одним из важнейших институтов является институт образования.

Литература:

1. *Сайт «Исследование российского рынка онлайн-образования и образовательных технологий» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// edumarket.digital. Дата доступа: 31.01.2018*
2. *Политика. Толковый словарь. — М.: "ИНФРА-М", Издательство "Весь Мир". Д. Андерхилл, С. Барретт, П. Бернелл, П. Бернем, и др. Общая редакция: д.э.н. Осадчая И.М.. 2001*
3. *Холодова Г. Б. Виртуальная образовательная среда – миф или реальность? // Проблемы и перспективы развития образования : материалы междунар. науч. конф. : в 2 ч. Пермь, апрель 2011 г. Пермь : 2011. Ч. 2. С. 198–199*

Панферов Дмитрий Александрович,

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Роль дистанционного образования в снижении уровня социальной дифференциации населения

В мире рекордно нарастает социальное неравенство. Если в 2015 году 62 богатейших человека владели тем же объемом богатства, что и 3,6 млрд наименее обеспеченных жителей планеты, то теперь речь идет о восьми. Восемь самых богатых жителей планеты владеют состоянием, которое оценивается в 400 млрд евро. Для сравнения: 3,6 млрд наименее обеспеченных жителей планеты располагают примерно 384 млрд евро. В распоряжении 1% самых богатых в мире людей находится почти 51% мирового состояния.[1] Неравенство в доходах сильно различается в различных регионах мира. Его уровень ниже всего в Европе и выше всего на Ближнем Востоке. Неравенство в каждом из регионов мира сильно различается. В 2016 году доля национального дохода, приходящаяся на 10%

лиц с самыми высокими заработками (верхняя дециль по уровню доходов), составляла 37% в Европе, 41% в Китае, 46% в России, 47% в США и Канаде и около 55% в Африке южнее Сахары, Бразилии и Индии. На Ближнем Востоке, являющимся, по нашим оценкам, регионом с самым высоким уровнем неравенства, верхняя дециль получала 61% национального дохода.[4] По состоянию на 2017 год Россия находится примерно в середине списка стран мира по измеряющему уровень неравенства индексу Джини — его значение для России по данным Всемирного банка составляет 37,7. По данным Росстата неравенство в России несколько выше (индекс Джини = 41,4), но принципиально это картину не меняет. Таким образом, Россия относится к странам средней категории, где нет ни запредельного неравенства, ни высокого уровня равенства.[2] Однако, как известно, понятие социального неравенства включает в себя не только экономическую составляющую. Известный американский социолог Джереми Рифкин, который в основу своей концепции социального неравенства заложил понятие "доступ", которое стало ключевым для всех сфер общественной жизни, дифференцируя людей на тех, кто включен и тех, кто исключен. Индивиды «превращают» себя в узлы сети, доступ и включенность в которую позволяет субъектам занимать более привилегированное положение в обществе.[3] Общество и государство стоит перед необходимостью поиска эффективных инструментов снижения уровня социального неравенства. На наш взгляд, снижению уровня социального неравенства могло бы способствовать предоставление населению равного доступа к образовательным услугам. Такой шаг может быть осуществлен через широкомасштабное внедрение форм дистанционного обучения и в частности, массовых открытых онлайн-курсов(MOOCs), которое позволит в значительной степени нивелировать существующие различия в доступе к социальным благам, обеспечить не только равный доступ к образовательным материалам и их разнообразию и расширить рынок предоставляемых образовательных услуг, но также способствовать персонализации современного образования, выработке индивидуальных траекторий обучения для каждого слушателя вне зависимости от уровня доходов, национальной и расовой принадлежности или возраста. В итоге это может способствовать увеличению возможностей для саморазвития, повышению социального положения, совершенствованию ключевых навыков и умений, необходимых для профессионального роста. Стоит отметить, что необходимость предоставления равных возможностей в предоставлении образовательных услуг подтверждается результатами авторского социологического исследования, проведенного в 2017 году с целью выявления и оценки опыта использования массовых открытых онлайн-курсов студентами и преподавателями российских ВУЗов. Данные исследования показали, что большинство опрошенных студентов и преподавателей считают необходимым внедрения данных курсов в качестве компонента образовательных программ российских ВУЗов. 74,3 % из числа опрошенных студентов и 91,7% из числа опрошенных преподавателей положительно

оценивают такую возможность. Отмечается разная мотивация использования массовых открытых онлайн-курсов студентами и преподавателями российских ВУЗов. Если первыми при пользовании данными ресурсами движут в основном личные мотивы, такие как увеличение знаний в сфере личных интересов, получение дополнительного образования, то респонденты второго опроса в равной степени руководствуются как личными, так и профессиональными целями. Тем не менее, лишь небольшая часть респондентов отметили, что наиболее предпочтительным направлением использования MOOCs считают их внедрение в качестве общеобязательных профессиональных дисциплин - 8,2 % опрошенных студентов и 16,7 % опрошенных преподавателей выбрали данный вариант ответа.

Литература:

1. *Россия признана страной неравных возможностей. - 2017. - [Электронный ресурс]. - URL: http://www.ng.ru/economics/2017-01-17/1_6904_unequal.html*
2. *Социальное неравенство в России. - 2018. - [Электронный ресурс]. - URL: https://ruxpert.ru/Социальное_неравенство_в_России*
3. *Rifkin J. The Age of Access. N.Y., 2000.*
4. *World inequality report 2018. - 2018. - [Электронный ресурс]. - URL: http://wir2018.wid.world/*

Пашков Михаил Владимирович,

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Кузьмина Ольга Витальевна

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Феномен мировых университетских рейтингов как предпосылка процесса глобализации

Существование и развитие современного мира неразрывно связано с формированием нового уровня его интегрированности и целостности. Усилившуюся взаимозависимость мирового сообщества чаще всего именуют термином «глобализация». Глобализация — это «не просто новая среда, в условиях которой различные общества растут и изменяются». Ее проявлением становятся «социальные, политические и экономические связи, которые пересекают границы государств и властно вторгаются в судьбы людей».[1] Применительно к высшему образованию «стандартом», направляющим его глобализацию можно рассматривать международные рейтинги университетов, которые являют собой философию и практику внешнего оценивания и ранжирования университетов в иерархическом порядке. При этом рейтинги университетов в эпоху глобализации, как полагают некоторые исследователи, неизбежны, так как представляют собой социальный механизм, который направляет процесс формирования схожих организационных структур и образовательных практик и стимулирует

модернизацию вузов, побуждая их соревноваться на глобальном уровне за финансирование, репутацию, студентов, лучший профессорско-преподавательский состав.[2] Катализатором интернационализации высшего образования является Болонский процесс как посылка и результат глобализации национальных систем образования. Этот процесс ориентирует высшее образование на создание университетов мирового уровня как носителей универсальной космополитической системы знаний на пространстве Западной Европы и за ее пределами. Проще всего ответить на вопрос: что такое университет мирового уровня, если обратиться к международным рейтингам университетов. Их создатели (рейтинговые агентства) утверждают, что ранжируют университеты, руководствуясь только критериями совершенствования глобального мира. При этом стороной обходится тот факт, что социальные пространства, из которых он соткан и в которых функционируют университеты, развиваются неравномерно и что заимствование образовательных практик и организационных структур, успешно работающих в одних университетах, может привести к крайне негативным последствиям в других, в которые они привносятся. И причиной этого являются не столько сами университеты, сколько та социальная среда, которая задает логику их развития и определяет их приоритеты. Понятно, что поставить под сомнение научную объективность и беспристрастность мировых университетских рейтингов вряд ли могут те показатели, которые характеризуют развитие и функционирование высшего образования как мирового института накопления и межпоколенной трансляции знаний. Если рейтинги университетов и можно рассматривать как «искусственные конструкты», подобно понятиям «средний класс», «качество образования», то только лишь потому, что цели и задачи конвергенции и стандартизации мирового образовательного пространства они постулируют, руководствуясь интересами развития отдельных социально ориентированных образовательных систем, например, англо-саксонской (рейтинг, составляемый «Таймс» в приложении «Высшее образование» (THE), или азиатской, когда речь идет об Академическом рейтинге университетов мира Шанхайского университета (ARWU). Конфликт между императивом следовать требованиям международных рейтингов и эффективностью системы высшего образования конкретного общества порождает то обстоятельство, что деятельность университетов исторически складывалась и развивалась не только в автономном ценностно-правовом поле, но и была привязана к экономическим, политическим и социокультурным процессам того общества, в котором развивалась их «душа и тело». В этой связи «общепланетарный глобализм» как социально-педагогическое явление, если и может стать основой гармонизации содержательной и организационной части образовательного дискурса, то лишь в той мере, в какой университет его может воспринять, а общество — поддержать. Кроме того, рейтинг – все же не столько эмпирически очевидный «артефакт», сколько «конструкт», содержание которого слагается в ходе исследования. Отличие «конструкта»

от «артефакта», как заметили еще В.Вахштайн и Д.Куракин, состоит в том, что содержание «конструкта» предопределено не столько методикой исследования, сколько выбором его идеологической составляющей.[3] За примером того, что ориентация на идеологическую составляющую целевой потребительской группы определяет концепцию любого рейтинга, далеко ходить не надо. Проявлением этого является, например, резкое повышение репутации российских вузов в 2015 году в рейтинге «The Times Higher Education». А причина оказалась банальной. Выборку экспертов, оценивающих вузы, расширили, подключив к опросу русскоязычный слой научно-образовательного пространства. В результате статус российских вузов в структуре репутационного рейтинга резко вырос. Но привело ли это к существенным изменениям в российском образовательном пространстве? Вопрос, ответ на который не получил положительного утверждения. В связи с этим мнение отечественных экспертов, ратующих за создание национального рейтинга вузов, не столь уж и лишено смысла. Безусловно российское образование как социально-педагогическое явление должно стать релевантным, сопоставимым, привлекательным в глобальном мире. Однако первостепенной задачей его образовательного дискурса все же остается оказание помощи российскому обществу в преодолении внешних вызовов со стороны развитых стран, в преодолении зависимости от их технологий, оборудования, патентов и т.п.

Литература:

1. *Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. — М.: Весь мир, 2004. ISBN 5-7777-0304-6.*
2. *Marijk van der Wende Rank or to be ranked: The impact of Global Rankings in Higher Education. P. 306-309. Режим доступа: http://www.cshe.unimelb.edu.au/people/marginson_docs/Marginson&VanDeWendeJSIEFallWinter07.pdf*
3. *Вахштайн В.С., Куракин Д.Ю. Качество образования на социологической кухне. Директор школы. 2010. № 6 (149). С. 17-22. [Электронный ресурс] http://ecsocman.hse.ru/direktor/msg/33542150.html*

Пивоварова Марина Борисовна,

МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Особенности и перспективы развития доступности участия в научных проектах в условиях современного общества

Главным принципом постиндустриального общества является изменение направлений образования, науки и их роли в жизни человека. Для обеспечения ответной реакции на происходящую трансформацию общественных процессов необходима элитарность образования, а также разработки все нового и нового научного знания о происходящих макро- и микроизменениях. В современных условиях глобализирующегося мира, система образования призвана обеспечить производство нового знания и

эффективного функционирования научной сферы. Научное знание, как узкоспециализированное, так и фундаментальное, призвано сохранить стабильность, национальную безопасность и обеспечивать прогресс общества. Образование является важнейшим инструментом социальных перемещений и изменений. В настоящее время, установка «учить детей учиться» как никогда актуальна, в связи с чем, проблема доступности образования волнует все российское общество. Причиной тому являются кардинальные перемены, произошедшие в образовании за последние 15 лет (Болонский процесс, введение ЕГЭ, трансформация высшего образования и т.д.). Именно поэтому оно должно быть направлено на обеспечение социальной стабильности общества и социальной справедливости, а также способствовать формированию системы моральных запретов. В процессе обучения формируется будущий потенциал развития страны в лице ее высококвалифицированных, культурных и воспитанных граждан. Высшее образование находится в тесной взаимосвязи с научной сферой и научной деятельностью университета. В высших учебных заведениях деятельность научных подразделений трансформируется в проектную деятельность. [1] Научные проекты, в отличие от проектов, реализуемых в бизнес или государственных структурах, выделяются своей целевой задачей. Так как, в настоящее время, научные проекты являются одной из основных форм организации научной деятельности, основная цель научных проектов является получение и реализация нового знания. Процесс получения и применения новых знаний реализуется путем фундаментальных и прикладных исследований в достаточно короткие сроки. [2] Научные проекты имеют свою специфику, в связи с чем, управление такими проектами основывается на специфики и особенностях подобной деятельности.

Управление научными проектами в рамках вуза осуществляется с помощью определенных социальных и управленческих механизмов, к которым можно отнести: механизмы стимулирования, конкурсные механизмы, неманипулируемые механизмы обмена АС, механизмы агрегирования и многие другие. В управлении научными проектами необходимо использовать комплекс механизмов управления для согласованного принятия управленческого решения относительно изменения ряда параметров. Процесс управления научными проектами имеет свою специфику, так как реализуется в рамках матричных структур - исполнитель оказывается в одновременном подчинении у нескольких «равноправных» управляющих органов – руководитель проекта и непосредственный функциональный руководитель. В этом проявляется отличие от линейных структур, которые основаны на древовидной иерархии подчинения. Ярким примером матричных структур являются исследовательские социологические организации – подчинение осуществляется и функциональному руководителю отдела и руководителю конкретного исследования (проекта), в группу которого входит сотрудник. [3] Уровни управления научными проектами (государственный и уровень университета)

нуждаются в определенной оценке управленческих действий и полученных результатов. Таким образом, система измерения должна служить важнейшим управленческим инструментом, позволяющим направить ограниченные ресурсы туда, где от них можно получить наибольшую выгоду. [4] Таким образом, управление и оценка результатов научных проектов, реализуемых в вузах, тесно связана с системой рейтингов образовательных учреждений, так как научная деятельность вуза является одним из показателей, оказывающих влияние на положение вуза в международных рейтингах. Предложенный Проект повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров «5-100-2020» [5] породил ожесточенную конкуренцию между отечественными вузами за вхождение в топ-100 международных рейтингов. С подобной точки зрения, следует понимать, что международные рейтинги в настоящее время чаще всего имеют значительное влияние и используются как политический инструмент для принятия политических, экономических и управленческих решений на основе собранных данных в сфере образования.[6] Информационное общество влечет глубокие изменения в структуре традиционной академической науки в России. Научное знание и научные разработки становятся главным стратегическим национальным ресурсом, от которого зависит будущее процветание и прогресс государства при условии достойного администрирования и надлежащей поддержки научной сферы. В условиях общества знания процесс обучения должен способствовать интеллектуализации всего населения страны. Именно в процессе образования у молодых людей формируется первичный интерес к научной деятельности. Научно-исследовательская деятельность способствует формированию культуры личности студента и его профессиональной социализации, так как именно в студенческие годы человек более восприимчив к изменениям окружающего и социального мира.

Литература:

1. *Маркеева А.В. Открытые образовательные ресурсы как инновационная образовательная практика в России// Креативная экономика. – 2014, №9(93). С.139-150.*
2. *Международный Институт Управления Проектами, профессиональная ассоциация по управлению проектами. URL: http://www.pmi.org (дата обращения 15.10.2017)*
3. *Суханов А.Л. Согласованное управление научными проектами// Управление большими системами: сборник трудов, 2005. – с.108*
4. *Юрасова М. В. Рейтинг как инструмент измерения успеха: "за" и "против" // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. — 2017. — Т. 23, № 2. — С. 137–164*
5. *Проект повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров. URL: https://5top100.ru/ (дата обращение 5.10.2017)*
6. *Кем Б.М. Рейтинги университетов – воздействия и непредвиденные побочные эффекты// Социологические исследования № 8, 2016.- с.71-80*
7. *Барков С. А., Зубков В. И. Постмодернизм и гносеологический пессимизм: социальные и научные противоречия // Социодинамика. — 2016. — № 11.*
8. *Юрасова М.В. Системы измерения качества подготовки выпускников в вузах России // Известия Юго-Западного государственного университета. (Старое название - Известия Курского государственного технического университета). - 2012, том 1, № 2 (41), с. 163-169*

9. *Юрасова М.В. Оценки систем качества подготовки выпускников в вузах России // Вестник Московского университета. Серия 20. - 2013, № 1, с. 55-66.*
10. *Юрасова М. В. Разработка критериев эффективности программ дополнительного профессионального образования в вузах России // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. — 2015. — № 2. — С. 72–92.*

Пикалова Татьяна Сергеевна,
Курский государственный университет, Курск, Россия

Особенности применения информационных технологий в процессе обучения на современном этапе развития российского общества.

Информатизация учебного процесса в условиях изменяющегося мира, трансформации образовательной системы, ее реформирования, усложнения технологий, приобретает большое значение. На данном этапе развития российского общества существует целый ряд проблем, связанных с образовательным процессом. Это, например, проблема острой необходимости повышения качества образования, его доступности и увеличение связей между различными этапами получения образования. Одним из наиболее правильных способов разрешения данных проблем является применение информационных технологий в учебном процессе университета [1; с. 108]. Использование информационных технологий в процессе обучения дает множество различных возможностей, но в первую очередь, оно предоставляет возможность создания качественно новой образовательной среды как базис для улучшения и развития образовательной системы. На всех ступенях системы образования информационные технологии обучения имеют особое значение, так как на каждой стадии познавательной деятельности они осуществляют функции одновременно и объектов, и инструментов [2; с. 95]. Эффективность применения информационных технологий в учебном процессе, особенно различных средств обучения с иллюстрациями, использование их дидактических возможностей является наиболее важным требованием. Подача учебного материала в наглядной форме, которая не только является дополняющим элементом словесной информации, но и выступает в роли носителя определенной информации, должна содействовать увеличению умственной активности обучающихся. Различные диаграммы, таблицы, графики, аудиосредства и др. выступают одной из составляющих частей электронных носителей учебной информации, кроме того, они играю важнейшую роль в развитии интеллекта и познавательной деятельности учащихся. Рациональность применения информационных технологий в учебном процессе определяется тем, что с их помощью эффективно осуществляются некоторые дидактические принципы: наглядности, доступности, активности, сознательности. Информационные обучающие технологии дают множество различных возможностей в процессе обучения: приобретение, отработка и

закрепление навыков, полученных в ходе образовательной деятельности; получение доступа к единому мировому информационному пространству; реализация мировых образовательных тенденций; возможность рациональной организации познавательной деятельности в учебном процессе; возможность проведения работ с множеством различных информационных источников; возможность повышения уровня самообразования. Вследствие применения информационных обучающих технологий предоставляется возможность создания открытой образовательной системы, возможности модернизировать технологии и методы формирования содержания образовательного процесса [3; с. 48]. Информационные технологии дают возможность преподавателям отказаться от традиционного способа подачи материала, предоставляя им возможность использовать различные компьютерные и электронные технологии, помогающие в систематизированном виде доносить нужную информацию до учащихся. В свою очередь учащиеся смогут намного быстрее овладеть полученными навыками. В рамках использования информационных компьютерных технологий в учебном процессе университета имеется две тенденции: во-первых, это технологизация учебного процесса, во-вторых, его персонализация. Технологизация предполагает увеличение численности аудитории учащихся, персонализация – обратную связь между учащимся и преподавателем с помощью информационных технологий [4; с. 64]. Однако, несмотря на все перечисленные положительные особенности информационных технологий нельзя не отметить и их негативных сторон. Преобладание информационных технологий в учебном процессе, в частности, компьютерных технологий, обезличивает образовательный процесс, который, вместо того, чтобы сплотить его участников, отчуждает их друг от друга, а излишнее применение информационных компьютерных технологий приводит к тому, что начинает происходить свертывание социальных контактов. Обучающиеся не получают достаточной практики «живого» общения, формирование речи на профессиональном языке. Кроме того, колоссальный объем информации, предоставленный такими информационными средствами как электронные справочники, Интернет-порталы, различные Интернет-энциклопедии, может отвлекать внимание учащихся во время учебного процесса. Также информация на некоторых Интернет-сайтах не всегда может быть качественной и соответствовать действительности. Средства информационных технологий могут способствовать формированию шаблонного мышления, развитию формального отношения к учебной деятельности. Чрезмерное и неоправданное применение различных средств информатизации ведет к сильнейшей психологической зависимости. Внедрение информационных компьютерных технологий возможно только при должном уровне технического оснащения учебных заведений. Таким образом, можно сделать некоторые выводы из всего выше сказанного: информационные технологии образования имеют множество преимуществ по сравнению с традиционными методами обучения; учебный процесс не может быть выстроен

исключительно на одних информационных технологиях; применение информационных технологий в учебном процессе требует качественного технического оснащения учебного заведения; чрезмерное использование информационных технологий в учебном процессе может привести к различным негативным последствиям.

Литература:

1. *Брановский, Ю.С. Введение в педагогическую информатику. – Ставрополь: СГПУ, 1995. – 206 с.*
2. *Машбиц, Е.И. Психолого-педагогические проблемы компьютеризации обучения. – М.: Изд-во Педагогика, 1998. – 175 с.*
3. *Роберт, И.В. и др. Информационные и коммуникационный технологии в образовании: учебно-методическое пособие / И.В. Роберт, С.В. Панюкова, А.А. Кузнецов, А.Ю. Кравцова. – М.: Дрофа, 2007. – 203 с.*
4. *Роберт, И.В. Теория и методика информатизации образования (психолого-педагогический и технологический аспекты). – М.: ИИО РАО, 2007. – 167 с.*

Платоноф Мария Максимовна,

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Первая ступень лестницы: проблема обязательной программы в художественных вузах

Я бы хотела поднять вопрос о значении обязательной образовательной программы в современной практике преподавания искусства. Чему еще следует учить в художественных вузах помимо визуальных искусств? Нужна ли художникам обязательная классическая программа вроде той, что преподается в гуманитарных университетах? Чтобы ответить на эти вопросы, полезно обратить внимание на полемику по поводу обязательной программы в гуманитарных вузах. Искусство в каком-то смысле универсально: оно является отражением общества, в котором живет и творит художник, даже если он об этом не задумывается, даже если внешний мир его не признает. Например, по Гегелю, Zeitgeist, "дух времени" [1] - это представление о том, что культура едина, а отдельные явления общества все равно что спицы в колесе. Одна такая спица - это изобразительное искусство, другая - религия, третья - политика, все они прочно соединены с осью - духом эпохи. А художник вольно или невольно является выразителем идей, мыслей всего общества. Таким образом, у художников и общества, в котором они живут, есть определенные точки соприкосновения. И задачей художественных вузов, помимо всего прочего, является развитие и укрепление этой связи. Другими словами, художники должны понимать мир, в котором они живут. Сегодня обязательная программа в крупных художественных вузах представляет собой смесь из изящных искусств и "академических" предметов, не связанных с занятиями в мастерских. Также с недавних пор стали обычным делом "трансдисциплинарные" или междисциплинарные программы, семинары и предметы, что еще больше запутывает и без того сложную

картину. С точки зрения студента-художника, это обилие может и воодушевлять, и смущать. Поэтому имеет смысл серьезно подумать о том, что еще, помимо искусства, им необходимо? Следует затронуть некоторые философские вопросы, лежащие в основе дискуссии о значении обязательной программы. Один из них - разница между абсолютистской и релятивистской теориями образования. Первая гласит, что образование должно быть одинаковым для всех, тогда как последняя утверждает, что образование должно соответствовать запросам каждого десятилетия или каждой социальной группы [2]. Второй вопрос, который поможет прояснить суть дискуссии об обязательной программе, - то что философ Джон Дьюи назвал "делом "Ребенок против Программы"" [3]: должны ли интересы студентов определять методы преподавания и содержание учебной программы. Допустим, следует ли преподавателям идти на поводу у студентов и принести углубленное изучение истории в жертву тем предметам, которые студентам кажутся более насущными (например, программе Photoshop)? Существует множество мнений касательно вопроса обязательной программы в художественных вузах, которые можно свести к двум позициям. Представители первой говорят о том, что следует уравновесить занятия в мастерских с курсами по гуманитарным наукам, чтобы они дополняли друг друга [4, 82-92]. В этом случае есть три варианта: гуманитарным предметам по сравнению с визуальным искусством будет отводиться большая часть академических часов, меньшая часть или же равная часть. Согласно второй точки зрения, следует подойти к вопросу обязательной программы более радикально и художественные вузы должны вообще отказаться от гуманитарных дисциплин [5, 4-5]. Другими словами, максимальная сосредоточенность на специальности - и никаких гуманитарных излишеств. Приведенные выше точки зрения проясняют суть некоторых разногласий по поводу базового образовательного курса. Однако, полемика в художественных вузах носит более комплексный характер, чем в гуманитарных институтах, поскольку четко прослеживаются три области, где идея обязательной программы применима к обучению изобразительному искусству. Первая связана с тем, каких классиков должны читать студенты художественных вузов. Вторая имеет отношение к визуальному искусству, которое должны знать студенты-художники. И третья сфера применения касается того, какие техники и медиа считать классикой, то есть знакомство с какими процессами, идеями и материалами должно входить в базовое образование художника. Другими словами, что должен прочесть, посмотреть и сделать каждый студент, желающий получить высшее художественное образование?

Литература:

1. *Gombrich E.H. In Search of Cultural History. Oxford, 2009.*
2. *Hutchins R.M. The Conflict in Education in a Democratic Society. New York. 1953.*
3. *Dewey J. Democracy and Education. New York: Free Press, 2007.*
4. *Элкинс Д. Почему нельзя научить искусству. Пособие для студентов художественных вузов. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.*
5. *Serres M. Literature and the Exact Sciences // SubStance, 18, no. 2 (2009).*

Попкова Наталья Владимировна,
ФГБОУ ВО «Брянский государственный технический университет» (БГТУ), Брянск, Россия

Философия как фактор формирования интеллектуальной элиты

Современное высшее образование находится в кризисе [6]. Меняющееся общество требует от этого социального института выполнения его функций не только в рамках профессиональной подготовки, но и в качестве агента социализации, что вынуждает высшую школу отказаться от традиционного консерватизма [3]. Так, А.Д.Урсул противопоставляет необходимое новому обществу «опережающее» или «устойчивое» образование, которое «может стать одним из главных средств спасения человечества от возможных глобальных угроз, опасностей и последующих кризисов и катастроф», и имеющееся «неустойчивое» образование, которое «имеет тенденцию становиться все более отстающе-консервативным социальным механизмом» и не только не способствует решению глобальных проблем, «а скорее, даже их обостряет» [9, 21-23]. Если ранее стремились, по словам В.М.Розина, получить человека, «обладающего определенным набором навыков и способностей», то к концу XX века стало ясно, что «даже энциклопедически знающий человек часто не умеет применять свои знания, может быть безответственным, плохо ориентирующимся в современности с ее сложными проблемами и вызовами» [7, 4-5]. Поэтому сегодня призывают к формированию человека «ответственного, творческого, ориентирующегося в реалиях сложной современной жизни, готового к жизни в экстремальных условиях глобальных кризисов, …способствующего сохранению жизни на Земле и безопасному развитию человечества». А это ведет к сдвигам в содержании образования — к тому, что главным в его процессе становятся не знания, а «ориентировки в разных реальностях и ситуациях, способы деятельности и мышления, рефлексивные представления, способности к обучению, управлению собой, пониманию других и прочее» [7, 5]. Всюду проявляется «исчерпанность классической педагогической парадигмы»: неэффективными становятся традиционные формы образования, и от высшей школы требуют, по словам В.М.Розина, «правильно сориентироваться в условиях глубокого кризиса культуры». Выдвигаются альтернативные идеи относительно цели и содержания высшего образования, имеются наработки педагогов-новаторов, но на пути внедрения новых идей встает трудность их адекватного отражения и интерпретации на основе традиционных понятий: Система «сложившихся в педагогической науке представлений и понятий» требует переработки [8, 14-16]. Какова цель высшего образования? Подготовить человека к определенной профессиональной деятельности, выдав ему предписанную программой совокупность знаний и умений, или

выработать у него интеллектуальную компетентность, возможно – за счет отказа от накачивания быстро устаревающими знаниями? Дискуссия продолжается, потому что в ее основе – различные представления о месте высшей школы в современном обществе [1]. Покажем различие между этими подходами на примере такого учебного предмета, как философия. Необходимость этого предмета постоянно подвергается сомнению [4]. Позади остались времена, когда философов обожествляли или казнили; сегодня и в СМИ, и в системе высшего образования эта область умственной деятельности рассматривается как нечто несовременное, непрактичное и, следовательно, ненужное. С точки зрения профессионально направленной высшей школы, изучение философии необходимо для крайне ограниченного круга профессий. Философия принципиально нетехнологична и поэтому не вписывается в рамки господствующей в массовом сознании технической рациональности. Неудивительно, что безнадежно непрактичный характер философского дискурса выглядит нежеланным гостем на фоне того устремления к эффективному решению практических задач, которое считается обязательным для специалиста [3]. Но если видеть целью высшего образования развитие культуры учащегося (прежде всего – культуры мышления), то философия представляется необходимой. Она напоминает самоуверенному человеку о нерешенных проблемах и демонстрирует, как сложно отвечать на простые вопросы. Научно-техническая революция за полвека дала людям мощные средства достижения целей, но гуманитарный потенциал человечества явно отстает, оставаясь на уровне прошлых столетий. Только его ускоренное развитие способно предотвратить самоуничтожение человечества, а миссией философии является разработка новых мировоззренческих принципов и моральных норм будущей гуманной цивилизации [2]. Философия, помогая формировать общенаучное мировоззрение, могла бы стать вершиной пирамиды знаний, возводя частные науки к максимально возможному уровню абстракции и позволяя увидеть место человека в правильном масштабе на фоне глобальных исторических достижений и ошибок [5]. Итак, если для одного типа высшей школы формирование законченного мировоззрения и высокого культурного уровня учащегося является приоритетом, то для другого типа главное – усвоение определенных профессиональных компетенций. В первом случае мы стремимся воспитать интеллектуальную элиту, способную к творческой самореализации и лидерству в изменяющемся мире; во втором – получить винтик социальной машины, неизбежно устаревающий вместе со сменой социума. Выбор между этими представлениями о целях высшей школы является ценностным, то есть обоснование его коренится в отношении к человеку. Дать возможность студенту войти в истинную элиту – интеллектуальную – есть цель тех реформ высшей школы, которые вызваны стремлением к ее гуманизации и – более того – к гуманизации современного общества.

Литература:

1. *Попкова Н.В. Вопросы гуманитаризации образования // Высшее образование в России. – 2004. – №2. – С. 106-110.*
2. *Попкова Н.В. Философия как учебный предмет в системе высшего образования // Alma Mater (Вестник высшей школы). – 2015. – №10. – С. 14-17.*
3. *Попкова Н. В. Философия, культура и цели отечественной высшей школы // Ученый совет. – 2016. – № 2. – С. 19-24.*
4. *Попкова Н.В. Философская культура и цель высшего образования // Вопросы культурологии. – 2015. – №12. – С. 51-56.*
5. *Попкова Н.В. Экология образования как часть экологии культуры // Педагогика и просвещение. — 2017. – № 1. – С. 57-65. DOI: 10.7256/2454-0676.2017.1.21707.*
6. *Розин В. М. Образование в меняющемся мире // Alma Mater (Вестник высшей школы). – 2006. – №7. – С. 18-27.*
7. *Розин В.М. Приобщение к философии: Новый педагогический опыт. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 384 с.*
8. *Розин В.М. Философия образования: Этюды-исследования. – М.: Изд-во МПСИ, 2007. – 576 с.*
9. *Урсул А.Д., Урсул Т.А. На пути к «устойчивому образованию» // Alma mater (Вестник высшей школы). – 2010. – №11. – С. 20-25.*

Пронина Елена Ивановна,
ФНИСЦ Российской академии наук, Москва, РФ

Формирование личности старшеклассника в условиях российской действительности

Сегодня, как и ранее в российской социологии, изучению молодежной тематики посвящается множество научных исследований, монографий, статей, выступлений на конференциях. Изучается гражданская и политическая культура современного молодого человека, риски в молодежной культуре, мнение молодых о социальном неравенстве и социальной справедливости и многие другие темы, которые характеризуют молодежь как особую социальную группу с набором специфических характеристик. Как происходит процесс социализации молодых в довузовском пространстве, а именно в пространстве школьной жизни; каковы механизм социальной адаптации и динамика ценностей молодежи; что думают старшеклассники о социальном неравенстве и социальной справедливости – эти и некоторые другие вопросы на протяжении более чем десяти лет изучает исследовательская Группа формирования личности в сфере образования ФНИСЦ Российской академии наук (Института социологии РАН). Исследование старшеклассников, проведенное в 2015 - 2016 годах в трех учебных комплексах Москвы, было направлено на выяснение проблем социализации и социального самочувствия молодежи в школе, а также факторов, способствующих ее подготовке к переходу к самостоятельной жизни. В ходе исследования опрошены учащиеся 9-11 классов (300 человек) учебных комплексов, характеризующихся разными образовательными традициями. Один – функционирующий на базе бывшей специализированной школы с углубленным изучением английского языка, два других – представляющие собой среднестатистические московские

общеобразовательные комплексы. Обследование проводилось методом анкетного опроса. Анкета состояла из закрытых и открытых вопросов. Данные обрабатывались при помощи программы VORTEX. Тематически обследование и дальнейшая статистическая разработка материалов осуществлялись таким образом, чтобы они позволяли выявить современные тенденции формирования личности в пространстве школьной жизни. В частности, в какой мере современная школа использует имеющийся потенциал для создания максимально эффективной социализирующей среды; в какой степени старшеклассники могут реализовать и реализуют свои инициативы в пространстве школьной жизни; как обучение в современной школе влияет на формирование качеств, необходимых в будущей жизни учащихся; каково воздействие различных агентов социализации на формирование жизненных планов старшеклассников. Исследование позволило определить важные стороны социализации и профессионализации старшеклассников в школьной среде, где складываются стимулы и побуждения к получению знаний, развиваются навыки, способности, формы взаимодействия, необходимые для самостоятельной жизни, где молодежь при формировании своих планов на будущее испытывает воздействие социального равенства или неравенства и социальной справедливости или обратное.

Прохода Владимир Анатольевич,
1. МГУ имени М.В. Ломоносова; 2. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
Клейменова Екатерина Владимировна
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Образовательный статус родителей и наличие высшего образования у детей

Отечественные и зарубежные исследования показывают, что образовательный статус родителей связан с уровнем образования детей [4; 2]. Констатируется, что он относится к ключевым факторам социокультурного барьера уже на этапе получения детьми качественного общего образования [3], в дальнейшем это сказывается на шансах получения высшего образования. При этом ощущается определенный дефицит межстрановых сравнительных исследований с участием России, базирующихся на результатах социологических опросов. Эмпирической основой публикации послужили данные восьмой волны межстранового сравнительного социологического исследования «Европейское Социальное Исследование» (ESS), проведенного в 2016 г. В рамках «ESS» с 2002 г. осуществляется многолетнее сравнительное изучение установок, взглядов, ценностей и

поведения населения европейских стран в возрасте 15 лет и старше. В России опрос проведен ЦЕССИ (Институт сравнительных социальных исследований) по репрезентативной случайной выборке с октября 2016 г. по январь 2017 года. Метод сбора первичной социологической информации – личное интервью по месту жительства. Всего опрошено 2430 респондентов. Уровень образования опрошенных и их родителей измерялся в каждой стране в соответствии с категориями, принятыми в национальной образовательной системе. Обеспечение сопоставимости данных по странам, а также учета изменений в системе образования, затрагивающих разные поколения респондентов требует использования процедуры пост-гармонизации данных [5]. В рамках проекта ESS экспертами разработана Международная классификация образования (ES-ISCED), включающая семь уровней, в том числе базовый уровень высшего образования (бакалавр) и высший уровень высшего (специалист по 5 – 6-летней системе, магистр или больше) [1, 313-314]. В дальнейшем с использованием ES-ISCED нами была образована дихотомическая переменная, разделяющая всех опрошенных на две категории – респонденты с высшим образованием, и респонденты без высшего образования. Поскольку существенная часть респондентов (прежде всего, молодежи) на момент проведения опроса получала высшее образование и не могла декларировать уровень высшего образования, в качестве достигнутого, анализировались ответы опрошенных в возрасте 24 лет и старше. Проведенный корреляционный анализ показал, наличие статистически значимой прямой корреляции во всех странах - участницах проекта между уровнем образования родителей (как матери, так и отца) и наличием высшего образования у детей. В целом, чем выше уровень образования родителей, тем чаще респонденты отмечают наличие высшего образования. В контексте доступности высшего образования это позволяет констатировать наличие общего для европейских стран социокультурного барьера. При этом в России фиксируется сравнительно сильная по европейским меркам корреляционная связь (образование отца - $r = 0{,}388$; $p <= 0{,}001$; образование матери - $r = 0{,}394$; $p <= 0{,}001$). Выявленную зависимость можно также проиллюстрировать с помощью процентных распределений. Например, среди опрошенных, чей отец не имеет высшего образования, только 31,6 % (мать – 29,3 %) респондентов констатирует наличие высшего образования. В то время как среди опрошенных, чей отец имеет высшее образование 71 % (мать – 70,5 %) респондентов «наследуют» его образовательный статус. Для сравнения минимальные значения коэффициентов корреляции фиксируются применительно к образованию отца в Исландии ($r = 0{,}232$; $p <= 0{,}001$), а применительно к образованию матери в Германии ($r = 0{,}193$; $p <= 0{,}001$). Сильнее всего выявленная зависимость проявляется в Ирландии (образование отца – $r = 0{,}444$; $p <= 0{,}001$; образование матери - $r = 0{,}438$; $p <= 0{,}001$). Можно констатировать, что страны – участницы «ESS» весьма дифференцированы по рассматриваемым показателям. На национальном уровне это позволяет по-разному характеризовать роль образования как канала межпоколенной

социальной мобильности. Очевидно, что Россия не относится к числу европейских стран с высокой межпоколенной образовательной мобильностью. Оценить изменение силы связи за десятилетний период, можно обратившись к результатам третьей волны «ESS», проведенной в 2006 г. Именно с этого момента Россия начала участвовать в проекте (размер выборки - 2437 человек). За десять лет в России, впрочем, как и в ряде других европейских стран, сила корреляционной связи существенно не изменилась (образование отца - r = 0,369; p <= 0,001; образование матери - r = 0,371; p <= 0,001). В тоже время в некоторых странах-участницах проекта, например в Норвегии, Швеции зависимость между образовательным статусом родителей и наличием высшего образования у детей стала слабее. Объяснение причин подобного изменения требует проведения дополнительного исследования. Таким образом, можно констатировать, что образовательный статус родителей существенно влияет на наличие высшего образования у детей. Чем выше уровень образования родителей, тем чаще респонденты отмечают наличие высшего образования. Низкий уровень образования родителей выступает сдерживающим фактором получения высшего образования детьми.

Литература:

1. *Андреенкова А.В. Сравнительные межстрановые исследования в социальных науках: теория, методология, практика. М.: Новый Хронограф, 2014. 516 с.*
2. *Борисов Г.В. Зависимость образования детей от образовательного статуса родителей и места проживания [Текст] // Наука в цифрах. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. № 1 (2). С. 25-26.*
3. *Константиновский Д.Л. Неравенство в сфере образования: российская ситуация // Мониторинг общественного мнения. 2010. №5. С. 40 – 64.*
4. *Causa O., Dantan S, Johansson A. Intergenerational Social Mobility in European OECD Countries. OECD Economics Department Working Papers. 2009. No. 709 [Электронный ресурс]. URL: http://www.oecd-ilibrary.org/economics/intergenerational-social-mobility-in-european-oecd-countries_223043801483 (дата обращения: 23.01.2018).*
5. *Schneider S.L. Nominal comparability is not enough: Evaluating cross-national measures of educational attainment using ISEI scores. Sociology Working Papers Paper. Department of Sociology University of Oxford. Number: 2008–04 [Электронный ресурс].*

Резник Полина Владимировна,

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Академическая мобильность студенческой молодежи современной России

Международный обмен студентами – это реальный шанс получить востребованную специальность, успешно трудоустроиться. Выезд для обучения за рубеж преимущественно определяется стоимостью обучения и наличием правовой базы, регламентирующей международную мобильности в сфере образования. Академическая мобильность имеет как позитивные (повышение уровня квалификации и знаний, возможность посмотреть мир, расширить кругозор, выучить иностранный язык), так и негативные (учебная

и трудовая мобильность из временной формы перетекает в постоянную миграцию) последствия. Получение образования за рубежом становится все более престижно в России [3]. Наличие диплома иностранного вуза или международного приложения к российскому диплому повышает шансы на трудоустройство в компании-лидеры отечественного бизнеса. Эти мотивы способствуют стремлению студентов к участию в программах международного обмена. Они позволяют приобрести бесценный международный опыта в научно-образовательной сфере, расширить профессиональные знания и практические навыки, получить полезную языковую практику, развить навык общения и опыт обучения в международной кросс-культурной группе[1]. Образовательные услуги для иностранцев предлагаются почти всеми государствами мира, но основная конкуренция существует между наиболее развитыми странами Западной Европы и Северной Америки, Австралией и Японией, в университетах которых обучаются свыше 4/5 всех иностранных студентов. Страны-лидеры (США и Великобритания) принимают свыше 1 млн человек в год (из 3 млн иностранных студентов). 50% обучаются в 4 странах мира (США – 20%, Великобритания – 13%, Франция – 8%, Германия – 8%). Более 25 % в Австралии (7%), Китае (7%), Канаде (5%), Японии (4%), России (2%) . При этом, среди российских студентов все более формируются эмиграционные установки на трудоустройство после окончания учебы в России. Почти каждый третий готов уехать из страны в случае предложения ему контракта по специальности за границей. Также почти каждый третий готов уехать работать за границу если не найдет работы по профессии, шансов на высокооплачиваемую работу или не будет иметь перспектив для карьерного роста. Сложившаяся противоречивая ситуация попала в поле интереса многих («Россияне не хотят учиться и работать за границей, но многие не прочь уехать насовсем», «Механизм воспроизводства», «Зачем нужно высшее образование за рубежом?», «Студенческая активность в академической мобильности») социологических исследований ВЦИОМа, ФОМа [4, 5, 6, 7]. Их фокусом стали выводы, что не более 15% россиян желают уехать работать или учиться за границу; высшее образование – залог воспроизводства среднего класса; почти каждый второй россиянин допускает, что молодежь имеет право получить высшее образование за рубежом и затем зарабатывать деньги. Вторичный анализ их результатов позволяет констатировать, что: 1) большинство студентов знают о существовании программ международного обмена, но не знают всех их аспектов и считают трудными для осуществления; 2) за последние годы наблюдается рост интереса студентов разных возрастов к программам студенческой мобильности и желания в них участвовать; 3) подавляющая часть студентов слабо информирована о формах поддержки студенческого обмена, имеются только поверхностные знания о финансовом аспекте; 4) главным преимуществом студенческого обмена является свободное владение иностранным языком, но в свою очередь имеется значительный минус – стоимость участия в программах международного обмена достаточно высока

и малое количество студентов может себе их позволить; 5) программы международного обмена очень помогут при дальнейшем устройстве на работу, так как языковые навыки и наличие диплома международного образца поможет им выйти на мировой рынок труда; 6) большинство студентов, принимавших личное участие в образовательной мобильности, считают, что российское образование не хуже зарубежного, но и нельзя сказать, что оно является более качественным; 7) работодатели обращают внимание на наличие диплома об участии в академических программах иностранного вуза, так как понимают, что пополняют штат сотрудником с великолепным знанием иностранного языка, умеющего работать в интернациональной команде и с лидерскими установками. Позитивные ожидания абитуриентов и студентов связаны с надеждой на развитие сферы отечественного образования. Предпринимаемые государственные меры по обеспечению доступности образования как внутри страны, так и за рубежом, воспринимаются студентами как механизм минимизации трудностей и снижения административных барьеров в реализации возможности участия в программах студенческого обмена. Среди студентов они по-прежнему значимы. Ресурсный, языковой, организационный и финансовый барьеры являются факторами, тормозящими академическую мобильность, но побуждающими студентов к проявлению повышенного уровня своей активности в вопросе целедостижения – получении престижного образования или образования по престижной профессии [2]. Выпускники университетов, обладающие дипломами участников образовательного обмена, очень востребованы на рынке труда как на российском, так и на мировом. Они обладают большей конкурентоспособностью и профессиональным потенциалом.

Литература:

1. *Назаренко С.В. Образовательная среда общества: социологическая интерпретация механизма функционирования социального контроля / Социология образования. 2017. № 2. С. 43-62.*
2. *Назаренко С.В. Социальный контроль финансового поведения населения /Социально-гуманитарные знания. 2017. № 3. С. 215-223.*
3. *Оборский А.Ю. Трансформация объектов интеллектуальной собственности в капитал / Экономика. Бизнес. Банки. 2017. Т. 4. С. 28-33.*
4. *Зачем нужно высшее образование? Нужно ли для успеха в жизни высшее образование? [Электронный ресурс] // ФОМ. URL: http://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/11596 (Дата обращения: 28.01.2018).*
5. *Механизм воспроизводства: [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/index.php?id=241&uid=10194 (Дата обращения: 28.01.2018).*
6. *Россияне не хотят учиться и работать за границей, но многие не прочь уехать насовсем: [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/index.php?id=241&uid=10736 (Дата обращения: 28.01.2018).*
7. *Треть молодых россиян хотели бы навсегда уехать за границу. О намерении уехать, эмигрантах и обратной связи с ними: [Электронный ресурс] // ФОМ. URL: http://fom.ru/Nastroeniya/10644*

Реймген Юлия Викторовна,
Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

Рынок труда и рынок образовательных услуг: эффективность взаимодействия

Изучение отечественного и мирового профессионального образовательного опыта показывает, что проблема соответствия качества профессионального образования запросам личности, рынка труда и социума является одной из актуальных проблем современности. Суть заключается в том, что, с одной стороны, имеются потребности производства в работниках высокой квалификации, с другой – существующая система профессионального образования в силу ряда причин не способна готовить подобных специалистов. Рынок образовательных услуг – совокупность осуществляемых гражданами и образовательными организациями актов возмездного оказания образовательных услуг разных образовательных уровней, видов и форм. В свою очередь, рынок труда представляет собой сложную систему общественных отношений, складывающуюся между работодателями и наемными работниками, формирует предложение специфического товара, а также обеспечивает воспроизводство ресурсов труда и их эффективное использование [Ершова И.Г., Вертикова Ю.В. Разбалансировака рынка образовательных услуг и рынка труда: постановка проблемы/ И.Г.Ершова, Ю.В.Вертикова// Известия КГТУ. – Курс.: ЮЗГУ, 2010. – С.109-115]. Чтобы соответствовать стремительным темпам развития экономики знаний и оставаться востребованным на рынке труда, человеку необходимо учиться на протяжении всей жизни и адаптироваться к непрерывным, быстрым и неожиданным изменениям. Работодатели ждут от выпускников школ и вузов подготовленности к жизни, работе и самореализации в новых условиях [Гурвич Е.Т., Вакуленко Е.С. Механизмы Российского рынка труда/ Е.Т.Гурвич, Е.С.Вакуленко// М., Издательский дом "Дело",РАНХиГС, 2016.- 560 с]. Поэтому в развивающихся странах на повестке в последние годы стоит вопрос о новом содержании образования, ориентированного на универсальные «навыки XXI века», набор которых соответствует Целевой модели компетенций 2025, предлагаемой в рамках доклада BCG «Россия 225: от кадров к талантам». Россия пока остается на обочине этих изменений. На сегодняшний день получение высшего образования у молодежи стало социальной нормой, однако эта норма не поддерживается существующей структурой рынка труда – трудовая функция большинства занятых в экономике не требует наличия высшего образования [Оборский А.Ю., Крутилин Д.С. Исследование качества учебного процесса и образовательной среды: опыт ведущего столичного вуза /Право и образование. 2014. № 6. С. 32-38.]. Дополнительным, уникальным для РФ источником искусственного спроса на высшее образование является

всеобщая воинская обязанность. С приходом в Россию рыночной экономики вузы быстро отреагировали на повышенный спрос на их услуги, и за 20 с небольшим лет (1993–2015 гг.) прием в высшие учебные заведения в РФ увеличился больше чем в два раза. Отдельная проблема – нехватка у российских выпускников знаний, умений и навыков, необходимых для конкурентоспособности на рынке труда в будущем. Согласно данным опроса, 91% российских работодателей считают, что у выпускников недостаточно практических навыков, 83% вос-принимают уровень подготовки в вузах как средний или низкий [ВЦИОМ. Высшее образование: контроль не ослаблять, качество повышать/ Пресс-выпуск №3152,2016 [Электронный ресурс] URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115775]. Соединить требования бизнеса с квалификацией выпускников и набором компетенций, с которым образовательные учреждения выпускают будущих работников, призваны профессиональные стандарты – «голос спроса» для образования. Изучение рынков труда и образовательных услуг в сфере профессиональной социализации студенчества остается актуальным. На данном этапе развития образовательной системы идет интеграция рынка труда и образовательных услуг, так как идет подготовка трудовых ресурсов и реализация человеческого капитала [Назаренко С.В. Образовательная среда общества: социологическая интерпретация механизма функционирования социального контроля / Социология образования. 2017. № 2. С. 43-62]. Как мы видим из тенденций развития рынка труда, данная ниша видоизменяется, модернизируется через технологизацию, что ведет к изменению запросов работодателя к специалистам, выпустившимся из вуза. Для каждого участника рынка труда расширяется зона ответственности – за результат, за себя, за команду. Соответственно, работодатель требует от поступающего к нему работника не только профессионализма, но и развития общекультурных навыков и конкурентоспособности.

Компетентностный подход профессиональной социализации заложен в образовательных стандартах, утвержденных Министерством образования РФ. Однако образовательные стандарты не решают всех проблем в системе образования. Открытыми вопросами остаются престижность образования, нехватка у российских выпускников знаний, умений и навыков, необходимых для конкурентоспособности на рынке труда в будущем. Возникающую несогласованность образовательных стандартов и требований рынка труда решают от части профессиональны стандарты, которые отражают реальные требования к профессионализму специалиста, а также показывают эффективность влияния агентов рынка труда на образовательные процессы.

Литература:

1. *Гурвич Е.Т., Вакуленко Е.С. Механизмы Российского рынка труда/ Е.Т.Гурвич, Е.С.Вакуленко// М., Издательский дом "Дело",РАНХиГС, 2016.- 560 с.*
2. *Ершова И.Г., Вертикова Ю.В. Разбалансировака рынка образовательных услуг и рынка труда: постановка проблемы/ И.Г.Ершова, Ю.В.Вертикова// Известия КГТУ. – Курс.: ЮЗГУ, 2010. – С.109-115*

3. *Назаренко С.В. Образовательная среда общества: социологическая интерпретация механизма функционирования социального контроля / Социология образования. 2017. № 2. С. 43-62*
4. *Оборский А.Ю., Крутилин Д.С. Исследование качества учебного процесса и образовательной среды: опыт ведущего столичного вуза /Право и образование. 2014. № 6. С. 32-38*
5. *ВЦИОМ. Высшее образование: контроль не ослаблять, качество повышать/ Пресс-выпуск №3152,2016 [Электронный ресурс] URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115775*
6. *Доклад The Boston Consulting Group (BCG) «Россия 2025: от кадров к талантам». – 2017. [Электронный ресурс] URL: http://marketing-course.ru/wp-content/uploads/2017/11/Sberbank-BCG-issledovanie.pdf*

Романовская Анастасия Алексеевна,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Современные тренды среднего профессионального и высшего образования российской молодежи

Современное российское общество динамично развивается, под влиянием формирующейся новой эпохи, в которой главная роль все более отводится постиндустриальной триаде – образованию, науке и инновациям. Экономике производства на смену все более приходит экономика знаний. Однако, факторное поле, сдерживающее социально-экономическое развитие России, включает в себя негативное влияние коррупции, налоговых ставок, ограниченного доступа к финансированию, инфляции, сложностей налогового законодательства, недостаточно образованной рабочей силы, правительственной бюрократии, нестабильности политики, низкого уровня трудовой дисциплины, неразвитости инфраструктуры, нестабильности работы правительства, недостаточности капитала для инвестиций, валютного регулирования, жесткого трудового законодательства, краж и преступлений, низкого уровня здравоохранения [7]. Немаловажная роль в минимизации их негативных последствий отводится человеческому капиталу страны – профессиональным работникам и высококвалифицированным кадрам [5]. О состоянии его уровня свидетельствуют: способности – уровень традиционного образования младшего и старшего поколений в результате прошлых инвестиций в образование; распределение – способность применения и накопления знаний среди взрослого населения; развитие – надлежащее образование последующих поколений и продолжение переподготовки и переподготовки нынешних; практические навыки – обширность и глубина специальных навыков, используемых в работе. Из 130 стран российское общество на 16 месте по общему индексу (72,16) человеческого капитала в 2017 г. В связи с этим, согласно Всемирной программе ООН образование определяется как один из важнейших приоритетов молодежной политики, в том числе и в России. Современное образование является стратегическим ресурсом ее социально-экономического развития, важнейшим компонентом для формирования

интеллектуальной нации [2]. Так, совершенствование образования предполагает освоение большого количества нового информационно-аналитического и статистического материала и поиск адекватных методов, форм и приемов профессионального и высшего образования, послевузовского обучения по дополнительным программам повышения квалификации или переподготовки. В связи с этим зарождаются и получают свое дальнейшее развития разнообразные тренды среднего профессионального и высшего образования современной российской молодежи [3]. Результаты социологических исследований свидетельствуют, что около 80% жителей крупных и средних российских городов в 2016 году были убеждены в наличии возможности в их городе получить хорошее, современное образование [4]. Из этого следует вывод: большинство россиян удовлетворены существующей в стране системой образования населения. Однако, в связи с быстрыми темпами развития российского общества инициированы новые тенденции в образовательном процессе, которые ранее не были учтены образовательными учреждениями высшего образования, и соответственно, не учтены в принимаемых управленческих решениях на государственном уровне, что создало прецедент «организационного запаздывания», несвоевременного и/или неадекватного реагирования на них. В связи с этим, все более актуальной становится потребность в заблаговременном выявлении проявления сложившихся трендов в сфере среднего профессионального и высшего образования, а также своевременном влиянии на них [1]. Повышение значимости высшего образования в жизнедеятельности общества, в том числе в жизни и профессионально-трудовой деятельности молодежи, привело к определенным институциональным и организационным изменениям в его системе. Все более интенсивнее и экстенсивное формируются тенденции развития образования, его практико-ориентированные направления. Результаты социологических исследований подтверждают данный вывод. Так, к числу наиболее социально значимых трендов относятся: а) тренд на создание системы непрерывного образования взрослых (в т.ч. работающей молодежи), ориентированного на формирование сквозных профессиональных компетенций, востребованных рынком труда, а также повышение трудовой мобильности; б) тренд на индивидуализацию образования – разработка индивидуальных образовательных маршрутов, касающихся профессионального и личностного развития в течение всей жизни; в) тренд на дистанционный (электронный, он-лайн) формат обучения – формат молодого поколения, хорошо владеющего информационными технологиями, умеющего находить образовательные программы в Интернете, хорошо знающего иностранный язык; г) тренд на развитие практических навыков – все более значимым является качество и объем профессиональных компетенций, полученных выпускниками в университетах; д) привлекательность для абитуриентов определенных направлений подготовки специалистов – «перекос» в пирамиде профессий, когда чрезмерная популярность среди абитуриентов некоторых специальностей при отсутствии

необходимости такого количества специалистов в этих областях на рынке труда и недостаток внимания к маловостребованным профессиям, в которых необходимо большее количество квалифицированных специалистов [6]. Итак, в зарубежном и отечественном образовании стремительно развивающиеся тренды целесообразно своевременно учитывать. Это позволит органам государственного управления эффективно управлять динамично развивающимся образовательным процессом.

Литература:

1. *Назаренко С.В. Образовательная среда общества: социологическая интерпретация механизма функционирования социального контроля / Социология образования. 2017. № 2. С. 43-62.*
2. *Оборский А.Ю., Крутилин Д.С. Исследование качества учебного процесса и образовательной среды: опыт ведущего столичного вуза / Право и образование. 2014. № 6. С. 32-38.*
3. *Зайцева Н.А. Современные тренды в подготовке кадров для экономики впечатлений // Научно-практический журнал «Российские регионы: взгляд в будущее» №3 (4), 2015. С. 93-100 URL: http://futureruss.ru/wp-content/uploads/2015/08/статья-Зайцева-эк-ка-впечатлений.pdf (дата обращения: 30.01.2018).*
4. *Концепция развития непрерывного образования взрослых в Российской Федерации на период до 2025 года. URL:http://ipk.bspu.ru/sites/default/files/koncepciya_razvitiya_nepreryvnogo_obrazovaniya_vzroslyh.docx.pdf (дата обращения: 30.01.2018).*
5. *Отчет Финансового университета при Правительстве РФ о качестве жизни в городах России в 2016 году. URL: http://old.fa.ru/dep/press/about-us/Documents/42.%20%D0%9A%D0%B0%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%20%D0%B6%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D0%B8%20%D0%B2%20%D0%B3*
6. *Пузанова Ж. В., Гаспаришвили А. Т., Ларина Т. И. Образовательные тренды современной российской молодёжи // Вестник Института социологии. 2017. № 22. С. 53-68. URL: https://doi.org/10.19181/vis.2017.22.3.470 (дата обращения: 30.01.2018).*
7. *Факторы, сдерживающие развитие экономики России [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/ny2018_resume/20171222/1511481702.html (дата обращения: 30.01.2018).*

Свадьбина Татьяна Владимировна,

ФГБОУ ВО "Нижегородский государственный педагогический университет, Нижний Новгород, Россия

Пакина Татьяна Александровна

ФГБОУ ВО "Нижегородский государственный педагогический университет, Нижний Новгород, Россия

Роль высшего образования как института социальной мобильности

Кардинальные изменения социально-экономической и политической системы российского социума подтолкнули к необходимости реформирования одного из самых консервативных социальных институтов общества – социальный институт образования. Достаточно эффективная система советского образования в угоду веяниям времени и политической конъектуры власти подверглась широкомасштабным изменениям. Особенно интенсивно реформирование началось с присоединения России к Болонскому процессу в сентябре 2003 г.

Необходимость интеграции с общемировыми образовательными системами была очевидна. Сама идея Болонского процесса, а именно,

создание единого общемирового образовательного пространства, заслуживает уважения. Данный процесс – это адекватный ответ на вызов времени. В условиях глобализации, всеобщей интеграции и унификации образование, как социальный институт, не должен находиться в изоляции. Идеальной мечтой любого выпускника вуза является наличие потенциальной возможности после окончания вуза в одной стране, эффективно трудоустроиться (по специальности с достойной оплатой труда) в другой стране, не проходя дополнительных проверок и перепроверок своего образования.

Формирование общеевропейской системы высшего образования в рамках Болонского процесса базировалось на единых принципах функционирования высшего образования: введение двухуровневого обучения; кредитной системы; контроля качества образования; расширения мобильности; обеспечения трудоустройства выпускников и т.д.

Российские реформаторы в качестве образца для подражания взяли именно болонскую систему образования, не оценив критически ее эффективность, тенденции и перспективы развития в ближайшей и долгосрочной перспективе. Между тем сам "образец для подражания", т.е. "болонская модель образовательного процесса" вызывает серьезные нарекания, сомнения в своей эффективности и жизнеспособности.

Коммодификация или товаризация (превращение образования в товар) учебного процесса, по мнению британского ученого Гая Стэндинга, являются главными причинами катастрофического снижения качества предоставления образовательных услуг [3].

Промежуточные итоги реформирования российского образовательного комплекса также не вызывают оптимизма. Сведены к минимуму такие позитивные достижения советского образования как всеобщая ликвидация безграмотности, получение качественного, общего и профессионального образования, эффективная система трудоустройства по специальности с предоставлением жилья и достойной молодого специалиста оплаты труда [2]. В катастрофическом состоянии тотального недофинансирования оказалась современная российская наука. С ностальгией остается вспоминать слова американского президента Джона Кеннеди, который, анализируя победы советского народа на пути научно-технического прогресса сказал следующее: ”Советское образование - лучшее в мире. Мы должны многое из него взять. СССР выиграл космическую гонку за школьной партой”. Не за счет финансов, а за счет советской школы Советский Союз обогнал США ".

Дипломы большинства российских вузов, по-прежнему, не котируются в европейских странах и требуют своего дополнительного подтверждения. Еще более остро стоит вопрос трудоустройства выпускников вузов. Переход на двухуровневое образование не только не способствовал разрешению вопроса трудоустройства молодежи, а еще более его усложнил. Наибольшие тревоги у специалистов вызывает тотальное снижение качества образования.

Анализ мировых тенденции развития института образования показывает, что, потенциал "социального лифта" им постепенно утрачивается. Все

сложнее молодежи, получившей диплом об окончании высшего учебного заведения продвинуться выше по социальной лестнице.

О снижении роли высшего образования как института социальной мобильности достаточно подробно пишет М.Г. Бурлуцкая. В частности исследовательница пишет, что вопреки ожиданиям молодежи получения диплома об окончании высшего учебного заведения перестало быть важнейшим карьерным ресурсом и не дает преимуществ на рынке труда. "Единственное безусловное преимущество заключается в том, - пишет М.Г. Бурлуцкая, - что высшее образование увеличивает адаптивность к изменениям рынка труда". В подтверждении своих выводом автор приводит данные РОССТАТА: в период мирового экономического кризиса 2008 года и максимального роста безработицы доля безработных с высшим образованием составляла только 10,5 %, а со средним специальным – в 3 раза больше [1].

Таким образом, мы считаем, что дальнейшее реформирование системы российского образования по западно-европейским лекалам должно быть приостановлено, так как сам "образец для подражания" не выдерживает конструктивной критики и не дает позитивных результатов ни молодежи, ни обществу, ни государству. Считаем важным также сохранение и возрождение лучших наработок советской образовательной системы. Необходимо вернуть былой престиж российскому образованию и науке как социальному институту, призванному осуществлять важнейшую функцию общества – функцию лифта социальной мобильности.

Литература:

8. *Бурлуцкая М.Г. Высшее образование как лифт социальной мобильности: ожидания выпускников и реалии современного общества // Социология образования. - 2012. - № 9. - С. 87-96.*

9. *Немова, О.А. Пакина, Т.А. Проблемы социализации молодежи в условиях социально-экономической неопределенности / О.А. Немова, Т.А. Пакина // Вестник государственного университета управления. М., 2010. - С.31-32.*

10. *Стэндинг Гай Прекариат: новый опасный класс. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.*

11. *Nemova O.A., Retivina V.V., Kutepova L.I., Vinnikova I.S., Kuznetsova E.A. SOCIOCULTURAL MECHANISMS OF INTERGENERATIONAL VALUES AND MINDSET TRANSLATION IN MODERN FAMILY DEVELOPMENT AND GENERATIONAL CHANGE // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. T. 11. № 13. C. 6226-6237.*

Соболева Мария Константиновна,

Московский Педагогический Государственный Университет, Москва, Россия

Проблемы получения высшего образования у людей с ограниченными возможностями.

В современном обществе образование стало одной из самых обширных сфер человеческой деятельности. Заметно повысилась социальная роль образования: от его направленности и эффективности сегодня во многом зависят перспективы развития человечества. В последнее десятилетие мир изменяет свое отношение ко всем видам образования. Образование, особенно высшее, рассматривается как главный, ведущий фактор социального и экономического прогресса. Причина такого внимания заключается в

понимании того, что наиважнейшей ценностью и основным капиталом современного общества является человек, способный к поиску и освоению новых знаний и принятию нестандартных решений.[2, с.3]

Высшее образование - совокупность систематизированных знаний и практических навыков, позволяющих решать теоретические и практические задачи по профилю подготовки, используя и творчески развивая современные достижения науки, техники и культуры.[1]

В соответствии с Федеральным Законом «Об образовании», инвалиды 1-ой и 2-ой групп, а также инвалиды детства имеет право на внеконкурсное поступление в государственные высшие учебные заведения, при сдаче вступительных экзаменов на положительные оценки.[7] Но, поступив в ВУЗ, большинство молодёжи с инвалидностью не имеют возможности реализовать своё законное право на получение образования и последующее трудоустройство. Прежде всего, из-за отсутствия вспомогательных технологий и условий для обучения инвалидов.[5]

Согласно Российскому законодательству, инвалид - это «лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты».[8]

На сегодняшний день существует множество проблем, с которыми сталкиваются люди с ограниченными возможностями при получении высшего образования. Рассмотрим их подробнее.

В настоящее время, по данным Всемирной организации здравоохранения, в мире насчитывается более 500 млн. инвалидов. В России их более 10 млн., что говорит о масштабности рассматриваемой проблемы. Из них - более 5 млн. в возрасте от 20 до 50 лет, 80% которых хотели бы работать, но в связи с недоступностью рынка образовательных услуг не могут этого сделать. В результате только 5% инвалидов трудоспособного возраста в нашей стране имеют работу.[4]

Несмотря на то, что федеральное законодательство гарантирует льготы для абитуриентов с инвалидностью, целый ряд факторов делает их поступление в вуз проблематичным. Большинство университетов России не обеспечены даже минимальными условиями,необходимыми для обучения в них инвалидов. Они касаются архитектуры зданий и аудиторий, дверных проемов и лестниц, мебели и оборудования, обустроенности столовых, библиотек и туалетов, отсутствия комнат отдыха и медицинских кабинетов, необходимых для повседневных нужд некоторых студентов инвалидов. Учреждения высшего образования не имеют возможностей реконструировать свои помещения по принципам универсального дизайна из собственных бюджетных средств. Внебюджетные средства расходуются на базовые нужды ВУЗов, при этом особые потребности инвалидов не учитываются при ремонте и реконструкции помещений.

В большинстве ВУЗов не предоставляется никаких программ переподготовки или повышения квалификации преподавателей, работающих с инвалидами.[9, с.47-48]

Некоторое время назад существовало мнение, согласно которому высшее образование для инвалидов должно осуществляться по специальным стандартам. Сейчас эта точка зрения практически не встречается. Опыт подсказывает: инвалиды являются людьми с ограниченными физическими, но не умственными способностями, и поэтому уровень образования для них должен быть таким же, как и для всех людей.[3]

В заключении хотелось бы сказать, что необходимо увеличивать число специальных учреждений профессионального образования для инвалидов, повышать качество обучения, расширять диапазон специальностей, развивать дистанционные формы обучения. Дистанционное обучение представляет собой совокупность современных педагогических, компьютерных и телекоммуникационных технологий, методов и средств, обеспечивающих возможность обучения без посещения учебного заведения, с периодическими контактами с преподавателями учебного заведения. Преимуществами такого образования являются:

• предоставляет возможность проходить обучение, не покидая места жительства;

• обеспечивает широкий доступ к образовательным отечественным и мировым ресурсам;

• предоставляет возможность организации процесса самообучения наиболее эффективным для себя образом;

• предоставляет возможность прерывания и продолжения образования в зависимости от индивидуальных возможностей и потребностей;

• позволяет формировать уникальные образовательные программы за счет комбинирования курсов, предоставляемых образовательными учреждениями и т.п.[6, с. 240-242]

Для людей с ограниченными возможностями дистанционная форма обучения является, на наш взгляд, наилучшим способом получения высшего образования, так как отсутствует необходимость передвижений по городу и длительного нахождения в некомфортных условиях.

Литература:

1. *Большая Советская энциклопедия*
2. *Буланова-Топоркова М.В. Педагогика и психология высшей школы: Учебное пособие– Ростов н/Д: Феникс, 2002. – 342 с.*
3. *Ерофеев А. Инвалидность образованию не помеха // Биржа труда. 2000. N 14 (215)*
4. *Печенкин В.В., Зайцев Д.В. Проблемы образования в представлениях инвалидов*
5. *Раимдодова М.У., Богомазова Д.С., Неваров А.А. Проблемы и перспективы социальной адаптации инвалидов в России и Таджикистане [Текст] // Педагогика: традиции и инновации: материалы VIII Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, январь 2017 г.). — Челябинск: Два*
6. *Соболева М.К. Перспективы развития онлайн-образования в России. -Университет в глобальном мире: новый статус и миссия: XI Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2017»: Сборникматериалов. – М.: МАКС Пресс, 2017. – 976 с.*
7. *Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации".*

8. *Федеральный Закон № 181 от 24. 11. 1995г. «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» гл. I, ст. 1.*
9. *Ярская – Смирнова Е., Романов П. Высшее образование для инвалидов: политика и опыт. – С. 38-50*

Софьянникова Ксения Ивановна,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Альтернативность профессиональной ценностной ориентации студенческой молодёжи

Современный студент часто не согласен воспринимать ценности в форме знаний, предлагаемых образовательным учреждением. Современное общество с высокой его динамичностью свидетельствует о необходимости учета альтернативности при формировании профессиональных ценностных ориентаций студенческой молодёжи, которые изменчивы под влиянием социальных и личностных (психологических) факторов [3]. Ценностная ориентация студенческой молодежи – отражение целей, идеалов, отношений, убеждений человека, его понимание социальной значимости конкретных событий, ситуаций. Она отражает избирательное устойчивое отношение личности к предметам и явлениям социальной жизни. Она триедина, так как включает ценностное сознание, ценностное отношение и ценностное поведение [2]. Профессиональные ценностные ориентации – субъективное отношение студенческой молодёжи к ценностям труда, значимым для общества и будущей профессиональной деятельности [8]. Так как в их основе лежит познавательный, эмоциональный и деятельностный аспект, то формирование сочетает две грани: признаваемые ценностные ориентации – состояние сознания личности, ценности среды (группы, общности, общества), которые готов принять студент; осознаваемые – отражённые в деятельности личности, постигаемые ее самостоятельно в течение жизни [6]. Альтернативность профессиональной ценностной ориентации – это наличие у студента выбора ценностных ориентаций, их отбора с ориентацией на специфику профессии, специализации [4]. Результаты исследований указывают, что спектр профессиональных ценностных ориентаций современной студенческой молодёжи очень сильно отличается от тех, которые признавались в числе 10 – 20 – 30 лет назад. Сегодня их палитра объединяет в себе: а) собственный престиж и получение признания в обществе (с помощью профессии или профессиональных навыков); б) высокое материальное положение в результате приобретения профессии (материальное благополучие как смысл существования); в) активные социальные контакты, реализация своей социальной роли в рамках профессии; г) развитие себя, своих способностей; д) решение жизненных задач как способ самоудовлетворениия; е) креативность и творческое

развитие; ж) духовное самоудовлетворение. Современная студенческая молодёжь духовные ценности отодвигает на второй план. Типичный студент ориентирован на максимальное проявление себя, но преимущественно для себя (эгоистический аспект доминирует над альтруистическим) [5]. Основание для управленческих решений на государственном уровне образуют выявленные закономерности (зависимости, тренды): 1) профессиональные ценностные ориентации более активно формируются до 25 лет; 2) студентам-очникам более свойственна двойственность и неустойчивость ценностных ориентаций; 3) находясь под опекой государственных и общественных структур в ценностном отношении студенты часто протестны, порой инфантильны при усвоении запретов, прав и обязанностей; 4) «работающий» студент, обучаясь обретает профессию или меняет её, рассчитывает на какую-то альтернативу по отношению к своему прошлому и поэтому демонстрирует протест тем аспектам жизни, которые он воспринимает как негативные [1]; 5) социальная активность и порой негативизм связаны с отсутствием механизмов мобильности; 6) низкий уровень социального статуса студента в настоящем осознается в контексте наличия перспективы развития по окончании образования; 7) ценностные ориентации профессионального плана на студенческом этапе личностного развития часто имеют спекулятивный, умозрительный характер; 8) постигая философию, историю, социологию, культурологию и историю студенты овладевают широким спектром ценностей разных эпох и разных стран, оценивают достижения, относящиеся к отдельным личностям, народам, странам, цивилизациям [7]; 9) студенты активно включают переоценку прежних ценностей и постоянно усваивают новые; 10) нередко усвоение ценностей происходит в асоциальных формах, следствием которых является девиантное и делинквентное поведение. Исходя из этого, на государственном уровне в рамках современного российского общества целесообразно реализовать социальную технологию по формированию профессиональных ценностных ориентаций студентов, в которой: повышалась бы значимость для современной молодёжи роль факторов индивидуализации, а также дифференциации ценностных ориентаций; уместно сочетались коллективных, групповых и индивидуальные форм формирования разнообразных типов профессиональных ценностных ориентаций; развивалась мотивация студентов во всех вариантах образовательной и внеаудиторной деятельности на развитие их познавательной активности; популяризировались сотрудничество и сотворчество преподавателей и студентов, организация продуктивного взаимодействия в группах, на основе доверительности и диалогичности; присутствовала альтернативность выбора студентами профессиональных ценностей при самостоятельном выборе места прохождения практики, специфики задания на практику, учебного или научного задания; предоставлялась возможность выбора внеучебной деятельности, членства в профессионально ориентированных кружках. Итак, современным университетам важно не просто предоставить качественные знания, но дать студенту возможности для проявления альтернативы в

обучении. Это справедливое требование студентов как профессионалов, принимающих самостоятельные обдуманные решения и выбирающих те ценности, которые не внедрены извне, а приняты ими самостоятельно и осмысленно.

Литература:

1. *Кузьмин О.В. Настоящее и будущее России в ценностных ориентациях и представлениях студенческой молодёжи [Текст]/ О.В. Кузьмен // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. - 2013. - №5 (117). - С. 135-143.*
2. *Молодёжь и общество: проблемы и подходы [Текст]/ Сост. А.Б. Ручкин; под ред. В.А. Лукова: сб. науч. трудов. - М.: Гринт, 2016. - 200 с.*
3. *Назаренко С.В. Социальный контроль гендерных девиаций в институциональных практиках улучшения качества жизни населения / Качество и жизнь. 2017. № 2 (14). С. 38-44.*
4. *Назаренко С.В. Ценности и нормы электоральной культуры как основа социального контроля электорального поведения студенческой молодежи / Теории и проблемы политических исследований. 2017. Т. 6. № 2А. С. 7-27.*
5. *Оборский А.Ю. Этические проблемы экономических преобразований в современной России / Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 2. С. 94-99.*
6. *Плаксина И.В. Ценностные ориентации студенческой молодёжи, обучающейся в вузах с разными воспитательными традициями [Текст]/ И.В. Плаксина // Международный научно-исследовательский журнал. - 2012. - №4 (4). - С. 44-48*
7. *Рау Э.И. Основные ценностные и профессиональные ориентации студенческой молодёжи [Электронный ресурс] / Э.И. Рау // URL: http://elib.altstu.ru/elib/disser/conferenc/2010/02/pdf/271rau.pdf (Дата обращения: 28.01.2018).*
8. *Руднева Е.Л. Формирование жизненных и ценностных ориентаций студенческой молодёжи [Электронный ресурс]. Дисс. докт. педаг. наук / Е.Л. Руднева. – Кемерово, 2012 // URL: http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-01/dissertaciya-formirovanie-zhiznennyh-i*

Старых Наталья Петровна,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Среднерусский институт управления - филиал, Орел, Россия

Высшее образование как фактор социальной мобильности молодежи

Социальная мобильность – это одна из основных характеристик культуры современного общества. Классовая, территориальная, профессиональная, экономическая, политическая, семейно-бытовая, духовная социальная мобильность молодых людей – это все неотъемлемые части современного мира [1]. Абсолютное большинство молодых людей считают, что их социальное благополучие и их социальное происхождение в обществе зависит только их личного потенциала. Однако в современном мире существует множество барьеров, которые препятствуют индивидам свободно перемещаться из одного социального слоя в другой. Социальная мобильность молодежи зависит не только от их внутреннего настроя, но и от тех условий, в которых она осуществляется [2]. Особая роль образования в системе факторов социальной мобильности молодёжи обусловлена трансформацией и модернизацией современного общества в направлении

построения общества знания. Современные западные и российские исследователи указывают на смещение детерминанты социального положения молодых людей с экономического статуса на образовательно-профессиональный уровень. Именно в таком обществе образование будет выступать как один из ведущих факторов социальной мобильности молодёжи. Стоит отметить, что получение качественного образования способствует получению определенной профессии. В связи с этим появляется профессиональная социальная мобильность молодых людей, которая представляет собой перемещение индивидов или профессиональной группы в социально-профессиональной структуре общества с изменением или без изменения социального статуса [3]. В период социально-экономических трансформаций вопросы равенства шансов в получении высшего образования и в социальных перемещениях молодёжи приобретают особую актуальность и остроту. Значение образования как одного из факторов социальной мобильности для молодежи подтверждается и результатами социологических исследований ведущих российских социологических центров. Так по данным ВЦИОМ за 2013 год 80% молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет согласны с утверждением о том, что высшее образование обеспечивает человеку успешную карьеру и облегчает достижение жизненных целей [4]. Однако в 2015 году данный показатель значительно снизился и составил 62% [5]. По результатам социологического исследования, проведенного в сентябре 2013 года ВЦИОМ, следует отметить, что молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет считают, что люди стремятся получить высшее образование, чтобы иметь диплом для трудоустройства на хорошую работу (34%) и сделать карьеру (34%). Приблизительно 26% предполагают, что это связано с тем, что люди хотят получить специальные знания, стать хорошими профессионалами. Также 16% респондентов отметили, что в обществе принято получение высшего образования [6]. По данным Фонда Общественного Мнения 52% опрошенных молодых людей считают, что высшее образование открывает путь к успеху в жизни. Однако 42% респондентов, наоборот, считают, что сегодня для достижения успеха в жизни высшее образование не нужно. Больше половины молодых людей отмечают, что и для молодого человека и для девушки, прежде всего, нужно получить высшее образование. Лишь 21% опрошенных считают, что нужно как можно раньше начать работать и зарабатывать деньги. Следует отметить, что, по мнению опрошенной молодёжи, наиболее важными причинами стремления людей получить высшее образование являются: работа на высокой должности (53%), большой заработок (46%), приобретение желаемой профессии, интересной работы (40%), занятие умственным, а не физическим трудом (30%). Среди опрошенных молодых людей 20% отмечают, что стремление получить высшее образование – это принятая в обществе норма [7].

Согласно данным социологического исследования ВЦИОМ большинство респондентов в возрасте от 18 до 24 лет считают, что в Москве больше возможностей получить хорошее образование (49%), 18% - больше за

пределами Москвы, в других городах и регионах России. Приблизительно 1/3 опрошенных молодых людей считает, что везде примерно одинаково можно получить хорошее образование [8]. Таким образом, проведенный анализ результатов социологических исследований, проведенных ведущими российскими социологическими центрами, позволяет сделать вывод о том, что молодые люди стремятся получить образование для того, чтобы повысить свое социальное положение в обществе: устроится на хорошую работу, продвигаться по карьерной лестнице и много зарабатывать. Следовательно, предположить, что высшее образование по-прежнему оказывает существенное влияние на возможность изменения социального статуса молодого поколения.

Литература:

1. *Круталевич, А.Н. Мобильность как ценностная характеристика культуры Новейшего времени / А.Н. Круталевич // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – №9. – С. 71.*
2. *Гонашвили, А.С. Социальная стратификация российского общества / А.С. Гонашвили // Общество: социология, психология, педагогика. – 2015. - №1. – С. 13.*
3. *Ковалева, А.И. Профессиональная мобильность / А.И. Ковалева // Знание. Понимание. Умение. – 2012. - №1. – С.298.*
4. *База данных Всероссийского Центра Изучения Общественного Мнения (ВЦИОМ). Исследование было проведено 1 сентября 2013 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wciom.ru/zh/print_q.ph-p?s_id=925&q_id=63961&date=01.09.2013. – (Дата обращения 26.01.2018)*
5. *База данных Всероссийского Центра Изучения Общественного Мнения (ВЦИОМ). Исследование было проведено 18 января 2015 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id-=1000&q_id=68774&date=18.01.2015. – (Дата обращения 26.01.*
6. *База данных Всероссийского Центра Изучения Общественного Мнения (ВЦИОМ). Исследование было проведено 1 сентября 2013 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wciom.ru/zh/print_q.ph-p?s_id=925&q_id=63961&date=01.09.2013. – (Дата обращения 26.01.*
7. *Исследование ФОМ на тему: «Зачем нужно высшее образование?» проведено 18 мая 2014 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/11596. – (Дата обращения 26.01.2018).*
8. *База данных Всероссийского Центра Изучения Общественного Мнения (ВЦИОМ). Исследование было проведено 25 августа 2013 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id-=924&q_id=63848&date=25.08.2013.*

Стеценко Анатолий Иванович,

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

Довейко Александр Борисович

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

Элементы несправедливости в процессе формирования компетенций университетских студентов

Актуальность рассмотрения элементов несправедливости, проявляющихся в процессе подготовки обучающихся в классическом университете определяется необходимостью идентифицировать и

нейтрализовать воздействие факторов, порождающих состояние несправедливости в сфере образования. Несправедливость – это зло. Не случайно это явление поставлено П.А. Сорокиным в один ряд с насилием и ненавистью [1, 8]. Проблема несправедливости в информационно-образовательной системе связана с нарастанием информационных проблем и способами их решения. Противоречие складывается между объективным процессом кратного прироста объёмов образовательной информации в единицу времени, с одной стороны, и всего лишь арифметическим увеличением возможностей технологий освоения, отбора знаний, педагогических приёмов в трансляции и контроле знаний, – с другой. В преодолении ситуации участвуют возможности "стандартного" разума обучающихся, их наставников, что определяется, в свою очередь, трансформациями в системе общества, образовании. Особую роль в изменениях играет. воспроизводство социального неравенства через связи между социальными (а не только образовательными) траекториями родителей и детей, традиции, накопленные ресурсы, применение технических средств в познании, специфику мышления участников, памяти, усвоение технологий социального продвижения. Если представить эти процессы в виде двух парабол в системе координат, то становится явным расхождение этих линий за счёт увеличения воображаемого "угла" между ними. Прибавление познавательных возможностей отстаёт от прироста количества информации. Источники проявления несправедливости, характерные для приспособительных практик, располагаются в области выбора принципов анализа, отбора и распределения новой образовательной информации. Несправедливо лишение студентов целенаправленного приобщения к научным способам познания социального мира. Несправедливость информационно-образовательного типа заключается в устойчивости воспроизводства влияния социальной дифференциации на формирование социальных траекторий, мобильности молодёжи. Стандартизация в организации образования (например, применение систем компетенций) в сложившейся практике не способствует конкретизации формирования качеств обучающихся, справедливой организации роли компетенций в ориентации студентов и их наставников, а также научной проверке уровня подготовки. Некоторые социальные эффекты в образовании связаны с пониманием справедливости в российском обществе, но большая часть их родом из номенклатурного прошлого строя, где имели место так называемые "позвоночники" (использовали телефонные звонки нужным людям), кумовство, "блат" (а с ним и коррупция), закрытость элит. Исследования эффектов социального происхождения в системе образования позволяют обнаружить связь социального происхождения и неравенства в успеваемости [2]. Если идти ещё дальше, то обнаруживаются связи происхождения (принадлежности к социальным группам) и социальных траекторий молодёжи. Неравенство и несправедливость проявляются в системе образования на уровне учебных заведений, классов, факультетов, профилей подготовки. Ещё в школе профиль образования оказывается

инструментальной ценностью, доступной не всем. Элитовоспроизводящей оказалась советская политика заселения районов и отдельных домов новостроек после Великой Отечественной войны номенклатурными работниками, для детей которых открывались специализированные языковые школы, организовывались специализированные классы (юридические, экономические). Как пишет Г.А. Чередниченко, формировались-привилегированные учебные заведения [3, 98]. В дальнейшем функцию воспроизводства неравенства (и несправедливости) принимают на себя вузы, факультеты, специальности. В высшей школе специфическим образом воспроизводятся: 1) профессиональные системы ценностей, понятий, образцов поведения, отношений, понимание сущности справедливости/несправедливости, связи (ресурсы) и даж психология (исследования лаборатории социологических исследований кафедры социологии и политологии исторического факультета ВГУ позволили увидеть особенности развития воли, мотивов в образовательной деятельности будущих юристов и экономистов [4]; 2) перспективы трудоустройства выпускников, обусловленные наличием или отсутствием связей; 3) административные, социально-педагогические и психологические механизмы, сохраняющие не только достоинства, но и низкую требовательность к знаниям студентов из-за опасений потерять контингент, высокий уровень когнитивного безволия студентов и познавательного минимализма, распространённость образовательной пассивности, и уровень способностей, возможность получения диплома без достаточного качества знаний и др. За пределами вуза воздействие происхождения проявляется как вторичный эффект, определяющий жизненную траекторию. Если к происхождению отнести принадлежность к своеобразной гильдии (юристов, экономистов), то социальные траектории детей из этих "гильдий" во многом есть продукт смешения механизмов антрепренёрской формы отбора и отбора в гильдии, которые функционируют незримо [5].

Соотношение возможностей детей элиты и детей из обычных семей не в пользу вторых. Несправедливым представляется распределение качеств личности в общей массе студентов. Мониторинг качества образования в ВГУ (организован ректоратом с середины 2000-х гг.) позволил обнаружить не снижающийся дефицит волевых свойств студентов в отношении сам

Литература:

1. *Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов: Пер. с англ. — М.: Политиздат, 1992.- 560 с.*
2. *Косякова Ю., Ястребов Г., Янбарисова Д., Куракин Д. Воспроизводство социального неравенства в российской образовательной системе // Журнал социологии и социальной антропологии. /Ю. Косякова, Г. Ястребов, Д. Янбарисова, Д. Куракин. - 2016. - Том XIX. - № 5 (88). С. 76-95.*
3. *См.: Чередниченко Г.А. Образовательные и профессиональные траектории российской молодёжи (на материалах социологических исследований)/Г.А. Чередниченко [Монография]. - М.: ЦСПИ и М, 2014. - 560 с.*
4. *Архив лаборатории СИ кафедры социологии и политологии исторического факультета ВГУ, 2017.*
5. *Механизмы преемственности и воспроизводства элит. https://studfiles.net/preview/6196338/page:6/] (Дата обращения 01.02.18).*

6. *См.: Стеценко А.И. Проблема воли в образовательной деятельности студентов // Проблемы непрерывного образования: проектирование, управление, функционирование: [Текст]: Материалы международной научно-практической конференции (18-19 мая 2007 г., Липецк): В 3*

Сульянова Кира Владимировна,
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия

Элитное современное высшее образование

В настоящее время проблема равенства высших учебных заведений встает все отчетливее. Существуют два отличных друг от друга понятия – элитное и элитарное высшее образование, имеющие одну цель – транслирование информации и передача знаний, но отличающиеся как государственным финансированием, так и технической оснащенностью учебных заведений. По словам О. И. Жигановой в статье «Элитность современного высшего образования: сущность, условия реализации и противоречия образовательной практики», намеченная тенденция в сфере образовательных реформ построена на выделении группы элитных вузов, ориентированных на западные стандарты высшего образования. Организация элитного современного высшего образования предполагает при этом тщательно сконструированное разделение образовательных подходов, авторских методик и методических инструментов, учебных пособий, средств обучения и педагогических кадров. Так была предпринята попытка реорганизации и концентрации финансового, трудового, интеллектуального потенциала в 20-30 ведущих университетах, которые должны создать образцы качества. Под политическим и административным натиском произошло намеренное укрупнение вузов, «формирование статусных федеральных университетов, научных исследовательских университетов» [1, с.448]. Методы рыночной экономики и конкурентной борьбы применимы и в сфере образования. Одним из ключевых факторов элитного образования и соответственно инструментом управления высшими учебными заведениями является практика использования результатов национальных рейтингов университетов. От места университета в глобальных учебных рейтингах зависят не только степень доверия к качеству образования, но и число абитуриентов в новом учебном году. Так, по словам Борисовой И.И. в работе «Рейтинг как инструмент повышения конкурентоспособности вузов», рейтинги стали «явлением XXI века» в мировой системе высшего элитного образования, ответом на потребности рынка, прежде всего абитуриентов и их родителей. Таким образом, высокие рейтинговые значения вузов обеспечивают элитность образования. Обратимся к структуре модели рейтинга университетов, предложенной Борисовой И.И. В качестве одного из критериев образовательной деятельности ВУЗа ученый предлагает «Бренд

вуза» [2, с.45]. Так элитность получаемого в процессе учебы образования выступает, с одной стороны, определенным маркетинговым ходом, дающим конкретные блага при собеседовании на желаемую должность. Выпускников, закончивших университет, попавший в глобальный рейтинг ВУЗов, и получивших элитное образование чаще берут на работу. Их образование – это их визитная карточка. С другой стороны, элитность высшего образования претендует на наличие сформированной образовательный стратегии, позволяющей избежать многие кризисные ситуации путем участия в уже упомянутой рейтинговой системы с целью модернизации механизмов и процедур внутреннего администрирования.

Большинство российских ВУЗов, сформированных в процессе реформы, движутся по инновационному пути развития современной российской образовательной системы, претендуют на получение элитного образования с личностно-ориентированным подходом к обучающимся, предоставляют студентам «развивающие варианты образовательных траекторий в соответствии с изменяющимися образовательными потребностями» [1, с.446]. Также ВУЗы, ставят перед собой грандиозные и амбициозные цели, и поэтапно, осуществляя намеченный стратегический план, следуют за ним создавая материально-техническую базу, комфортные условия для развития способностей и потенциала студентов в режиме опережающего образования. Но самое главное — поиск и объединение вокруг высокой цели критической массы профессионально одаренных преподавателей — личностей. Именно элитные профессиональные кадры могут обеспечить элитность [3, с.22]. Таким образом, в элитное образование нами вкладывается широкое значение, позволяющее включить в него не только механизмы элитизации личности и критерии элитности, но и качество профессорско-преподавательского состава, наличие опытных административных работников и внутривузовский менеджмент, позволяющий внедрять инновационные тенденции в развитие высших учебных заведений.

Литература:

1. *Жиганова О.М. Элитность современного высшего образования: сущность, условия реализации и противоречия образовательной практики/ Актуальные проблемы психологии и педагогики в современном мире: сборник научных трудов участников II Международной конференции. – Москва. – 2015, С. 445-450.*
2. *Борисова И.И. Рейтинг как инструмент повышения конкурентоспособности вузов. URL: http://www.unn.ru/pages/e-library/methodmaterial/files/9_borisova_2012_migr.pdf (дата обращения: 3.02.2018).*
3. *Плаксий С.И. Стратегия развития российских вузов//Знание. Понимание. Умение. 2006. №4. С.15-22.*

Сытых Ольга Леонидовна,
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
Синцова Людмила Константиновна
Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Трудности решения задачи эгалитарности образования в современной России

Эгалитарное образование можно определить как образование доступное для всех слоёв населения. В социальном государстве, а таким по Конституции является современная Россия, представитель любой социальной группы должен иметь возможность получения желаемого образования и его шансы должны быть такими же, как и у представителей других слоёв населения, при условии успешного прохождении конкурсных комиссий и различного рода вступительных испытаний. Ещё недавно такие испытания (в виде экзаменов) предусматривались при поступлении в высшие учебные заведения, средне специальные. Сегодня сюда можно добавить ряд школ, лицеев, вводящих такие испытания для поступающих туда детей. Это нормальное с точки зрения логики явление, если школа, набирающая в 9-10-ые математические классы, проверяет знания и способности принимаемых в свои ряды детей. Но испытания (в виде собеседования на предмет знаний) проводят и при поступлении детей в 1-ый класс: проверяют – знает ли ребёнок алфавит, умеет ли читать, писать и считать. Предполагается, что эти познания ребёнок должен получить в детском саду. И на этом этапе возникает 1-ая проблема, мешающая осуществлять политику эгалитарности образования. До поступления в школу ребёнок должен пройти определённую подготовку. Но есть дети, которые не посещали садики, находились дома и не имеют такой подготовки, а есть садики, в которых не предусмотрена программа подготовки к школе. Сошлёмся здесь на исследования, проведённые в Москве и Таганроге. Их результаты были представлены на конференции «Дети и молодёжь - будущее России» в октябре 2016 г. д.э.н. Александровой О.А. В частности, она пишет: «Наши исследования в Таганроге и Москве показывают, что идёт массовый перевод муниципальных детских садов в учреждения лишь по присмотру и уходу за детьми (без образовательной функции); упразднение в государственных детских садах института «занятий» с переводом всей подготовки к школе в разряд платных услуг… . В частном секторе также преимущественно реализуется функция присмотра» [1, с.9]. Итак, при подготовке к школе, родители должны понести определённые затраты, которые не каждый из них может сделать. Подобная же проблема возникает при обучении в школе и подготовке детей к поступлению в ВУЗы. Когда в России вводился ЕГЭ, то одним из его преимуществ (ЕГЭ) по сравнению с традиционными экзаменами (школьными и вузовскими) изначально провозглашалась возможность

равного доступа всех выпускников к элитным высшим учебным заведениям страны. Предполагалось, что хорошо обучающийся школьник в отдалённом от столицы регионе, сдав хорошо ЕГЭ, может поступить в любой ВУЗ страны. Детям из «глубинки» становятся доступны и МГУ и СПбГУ и Высшая школа экономики и «Плехановка» и др. элитные ВУЗы, известные и своей академической мобильностью и научными проектами и приглашёнными для преподавания ведущими западными учёными. Выпускнику не надо специально сдавать экзамены в эти ВУЗы, не надо делать родителям дополнительные затраты на проживание «ребёнка» в период сдачи вступительных экзаменов, на проезд из далёких северных, южных, сибирских и дальневосточных городов и деревень в Москву и Петербург. Это представляется обоснованным объяснением хороших, в сущности, идей. Однако, задумаемся над вопросом – решена ли провозглашённая задача эгалитарности образования на этом этапе? Для этого следует признать, что сдача ЕГЭ на высшие балы, которые требуются для поступления элитные ВУЗы, возможна преимущественно при дополнительных занятиях с репетиторами. И это не смотря на то, что, в 10 и 11 –ом классе школьные уроки превращаются в подготовку к ЕГЭ. Программная предметная информация, которая не входит в проверочное ЕГЭ, но которую ещё пытаются дать старшеклассникам учителя, воспринимается учащимися, готовящимся к поступлению в ВУЗы, «как избыточная и лишняя». Подготовка к ЕГЭ с репетиторами – занятие дорогостоящее, в сибир-ском регионе 1 академический час занятий с репетитором стоит от 500 рублей. Для эффективной подготовки требуется обычно не менее 2-х встреч в неделю по 2 часа (длительность занятий: несколько месяцев или пару лет - зависит от уровня подготовки школьника). Итак, по самым скромным подсчётам затраты родителей на репетиторов 2000 руб. в неделю и 8000– в месяц. Это на подготовку к одному экзамену. А их, как известно, не менее 3-х-4х. Далеко ни каждый родитель может позволить себе такие траты. Особенно, если учесть, что заработная плата в регионах «не столичная» и большая часть семей имеют «скромный семейный достаток». Таким образом, следует признать, что ЕГЭ не решила задачу эгалитарности образования.

Рассмотренные выше 2 этапа образования (дошкольное и школьное) ярко высвечивают нерешённость проблемы его эгалитарнорсти. Эта проблема, которая выглядит как проблема различных материальных возможностей семьи, на самом деле, связана с недостаточностью подготовки детей в системе муниципального и частного образования, подготовки дающей возможность обучающимся свободного выбора учебных заведений и, соответственно, профессии. И на этом пути, как нам представляется, она и должна решаться.

Литература:

1. *Алексанрова О.А. Реформа образования и новые вызовы // Дети и молодёжь - будущее России: материалы IY международной научно-практической конференции., г. Вологда, 5-7 октября 2016 г.: в 2-х частях. - Вологда: ИСЭРТ РАН, 2017. Ч.1 - С.7-12.*

Темнова Лариса Витальевна
МГУ имени М.В.Ломоносова, г. Москва, Россия
Лизунова Ольга Александровна
Фонд deti.msk.ru, г. Москва, Россия

Доступность высшего образования и построение карьеры выпускников вузов

Массовизация высшего образования, начавшаяся более 25 лет назад, привела к тому, что наряду с ростом числа населения, получившего (или получающего) высшее образование, меняются функции образования — от воспроизводства элит к адаптации всего населения к социальным и технологическим изменениям, а само образование становится из элитарного массовым, всеобщим [12]. Применительно к России динамика такова. К концу 1980-х гг. высшее образование имели 25–30% населения страны [5]. В 1989-2014 г.г. число людей с высшим образованием выросло более, чем в 2 раза [7]. Сегодня Россия входит в число стран, имеющих самые высокие показатели по числу людей с высшим образованием [11].

Необходимость наличия образования сегодня осознается значительно острее, чем в начале 90-х. Так, если в 1991 г. 20% опрошенных было безразлично, какой уровень образования получит их ребенок, то в 2016 г. так сказали только 9%. Своих детей и внуков большинство россиян (81%) хотели бы видеть выпускниками вузов [3].

Рассмотрим факторы массовизации высшего образования в нашей стране.

1. Связь уровня образования и материального благополучия человека (40% респондентов уверены, что чем выше одно, тем лучше другое).На рынке растет спрос на высшее образование, требования к нему со стороны работодателей ужесточаются.

2. Сотрудники с высшим образованием имеют более высокую зарплату (в среднем на 30-38% [4]).

3. Безработица среди тех, кто имеет высшее образование, ниже [8].

4. Человек с высшим образованием, по сравнению с тем, кто имеет более низкий уровень образования, может с большей вероятностью рассчитывать на высокую должность. По данным статистики, в 2012 году две трети руководителей имели высшее образование [9].

5. Связь наличия высшего образования и успешной карьеры.

Несмотря на довольно высокую востребованность высшего образования у россиян, мы сегодня наблюдаем тенденции снижения его доступности. Так считают 53% опрошенных [4]. При этом доступ к высшему образованию, несомненно, определяет возможности развития человеческого капитала: обеспечение большей образованности населения. Сегодня исследователи выделяют различные виды доступности высшего образования: экономическая, территориальная, социальная, интеллектуальная и

физическая, академическая [1]; обеспеченность местами, финансовая доступность [6].

Мы может сделать вывод о том, что необходимы дополнительные социальные институциональные катализаторы, которые бы помогли молодежи в построении своей карьеры в условиях ограниченного доступа к высшему образованию (например, поступлению определённый престижный вуз), диверсификации и рынка образовательных услуг, и рынка труда. Поэтому сегодня актуализируются новые тенденции в планировании карьеры: если раньше под ней понималось движение по карьерной лестнице, то сегодня – это, прежде всего, овладение разнообразными практиками, дополняющими образование и развивающими человека (саморазвитие, «примерочно-прикидочная» деятельность, внеучебная, дополнительная деятельность) [2]. Речь уже идет о неких методах бизнес-планирования [10].

Приведем примеры различных социальных институтов, обеспечивающих поддержку молодежи при построении карьерных траекторий. На межнациональном уровне примером может служить деятельность Международного центра учебной и профессиональной ориентации (http://iaevg.net/). Находят широкое развитие международные ассоциации коучинга, которые также готовы выполнять функцию планирования, поддержки и сопровождения карьерного развития (напр., InternationalCoachFederation). В России развивает свою работу Межрегиональная тьюторская ассоциация в сфере образования, активно действуют Государственные психологические центры на уровне Департаментов образования городов (напр., Международный психологический центр МПЦ НАСВЯЗИ.В этой сфере активно действуют волонтерские организации (напр., TheVenusProject), Фестивали (напр, Политеха), международные общественные организации (напр., Greenpeace). Важную роль играют различные студенческие и молодежные форумы (напр, Всероссийский студенческий форум).

Широко развиваются он-лайн образовательные площадки, открытые образовательные, профориентационные и карьерные фестивали, на которых можно получить консультации, пройти тренинг, освоить новую профессию, обменяться опытом, найти единомышленников, партнеров по бизнесу (напр., Московский международный салон образования). Одна из наиболее популярных таких площадок - сеть ImpactHub. Система «Форсайт-пароход»предназначена для поддержки группового создания дорожных карт в рамках методологии Rapidforesight и др.

Анализ современных практик показывает, что на сегодня определились следующие тенденции построения профессиональных траекторий, которые позволяют молодежи получить поддержку в ситуации ограниченности доступа к высшему образованию, компенсации уровня подготовки в вузе и соответствовать требованиям рынка труда: хобби как ремесло и основной вид заработка; выбор не профессии, а образа жизни; переход от ценности получаемого государственного образования к самообразованию; стратегия интеграции в своей профессиональной сфере всех возможных трендов

развития, «отказ от выбора»; практики «пустой головы»; практики тайм-менеджмента; отсутствие как таковой карьерной траектории, карьерного плана, стратегии развития финансовой независимости и др.

Литература:

1. *Аникина Е.А., Лазарчук Е.В., Чечина В.И. Доступность высшего образования как социально-экономическая категория // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 12-2. – С. 355-358. - Режим доступа: https://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=36232 .*
2. *Белых С.Л. Научно-исследовательская работа студента-психолога: поиск и презентация. Методическое пособие для преподавателей и студентов психологических факультетов высших учебных заведений. Изд-е перераб. - Ижевск: Изд. Дом «Удмуртский университет», 2008. - 80 с.*
3. *ВЦИОМ Система образования в России: 1991-2016. - Режим доступа: Режим доступа:https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115556.*
4. *Гусенко М. Кадры из будущего. Минтруд назвал самые перспективные и востребованные профессии // Российская газета. – 2015. – №6751 (180).*
5. *Дмитриев А.Н. Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х — 1930-е годы). / Ред. А.Н. Дмитриев. М.: Новое литературное обозрение, 2012.*
6. *Доступность высшего образования в регионах России / А.Д. Громов, Д.П. Платонова, Д.С. Семенов, Т.Л. Пырова; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. — М.: НИУ ВШЭ, 2016. — 32 с. (Современная аналитика образования. № 8).*
7. *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. / Росстат. — М., 2015.*
8. *Россия в цифрах. – 2017 – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/rusfig/rus17.pdf .*
9. *Смольякова Т. Я начальник, а кто ты? // Рос. газета. – 2012. – №5958 (285).*
10. *David C. Borchard, Patricia A. Donohoe, The Joy of Retirement – Finding Happiness, Freedom, and the Life You've Always Wanted, 2008 – 288 с.*
11. *Education at a Glance, OECD, 2015. – Режим доступа: http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/education/ education-at-a-glance-2015_eag-2015-en#page1.*
12. *Trow, M. Problems in the Transition from Elite to Mass Higher Education, in OECD (ed.). Policies for Higher Education, Paris: OECD, 1974. Pp. 51–101.*

Тупик Елена Сергеевна,

Тверской государственный университет, Тверь, Россия

Доступная образовательная среда: инновационные практики вузов

Для современного состояния российского общества характерна тенденция трансформаций и инноваций, затрагивающих все сферы жизнедеятельности нашего общества. Любые изменения вызывают необходимость всестороннего развития, переоценки общечеловеческих ценностей, идентификации человека в социуме. Значительную роль в реализации данного аспекта играет образовательная среда, модернизация которой также является основным требованием современного общества. Наиболее актуальным вопросом в рассмотрении механизмов модернизации образования является проблема равной социальной возможности доступа к образовательной среде людей разных социальных категорий и возможностей. В последнее время все большее внимание уделяется проблеме гуманизации образования, а одним из приоритетных инновационных областей в рамках

современного образования является развитие инклюзивного образования. Так, в Законе «Об образовании в Российской Федерации» в рамках федерального законодательства закреплено понятие инклюзивного образования (п. 27 ст. 2). Это обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей [1]. Таким образом, проблема создания доступной образовательной среды затронула все уровни современного образования. А образовательные системы профессиональной подготовки, в частности высшее образование, оказались под пристальным вниманием в контексте данного вопроса. Целью организации и внедрения механизмов доступной образовательной среды является создание равных возможностей в обучении и профессиональной подготовке лиц с ограниченными возможностями и обычными гражданами. При этом нужно понимать, что реализация вузовского инклюзивного образования позволяет раскрыть огромный потенциал лиц с ограниченными возможностями, что помогает не только интегрировать их в трудовую деятельность, обеспечивая их независимость, но и обогащает интеллектуальный, творческий и трудовой потенциал страны в целом. Достижение цели инклюзивного образования требует решения целого ряда инновационных задач по организации и реализации учебного процесса в вузе. При этом основой всех инновационных преобразований и внедрений является создание системы, обеспечивающей получение качественного образования, позволяющего молодому кадровому потенциалу независимо от места их проживания и состояния здоровья на высоком уровне реализовывать свои профессиональные навыки, приобретать общественную значимость и востребованность. Это предусматривает разработку и внедрение в образовательный процесс комплекс мер, мероприятий и технологий для лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью. Создание индивидуальных учебных планов учащихся, разработка адаптированных программ, специальная подготовка кадрового состава вузов, внедрение современных информационно-коммуникативных технологий и электронного обучения в организацию учебного процесса, разработка и внедрение системы технологий психолого-педагогического, медицинского и тьюторского сопровождения в деятельности современного вуза является неотъемлемым условием инновационного развития и функционирования современного вуза [2]. Конечно, данный подход предполагает запуск радикально новых подходов и технологий в организацию и реализацию учебного процесса вуза. Инклюзивная среда вуза не может быть отдельной составной частью университета. Гуманизация образования предполагает равенство возможностей получения образования для всех людей, в том числе лиц с ограниченными возможностями здоровья. Поэтому инклюзивная среда должна быть гармонично интегрирована в университет, иметь общую информационно–образовательную среду с необходимым перечнем материально-технических средств и инструментов обучения. Коридоры, библиотеки, аудитории, спортзалы - все технологии вуза должны быть

адаптированы под инклюзивную среду. Однако нужно понимать, что при реализации инклюзивного образования адаптационный процесс лиц с ограниченными возможностями здоровья имеет свою специфику, ведь в данном случае необходима не только психологическая идентификация в новом вузовском окружении, но и физиологическое, технологическое освоение условий и материально-технической базы учебного процесса. Именно поэтому целесообразнее всего обеспечивать довузовскую подготовку лиц с ограниченными возможностями здоровья. К тому же техническое оснащение вуза в рамках инклюзивной среды не гарантирует полноценного учебного процесса для лиц с ограниченными возможностями. Без позитивного, понимающего, поддерживающего отношения к людям с особенностями даже самые совершенные технологии не будут достаточно эффективными. Поэтому необходимо формировать позитивные установки, отношения взаимопонимания и уважения друг к другу. Создание инклюзивной среды невозможно без квалифицированных специалистов в области инклюзии. Внедрение новых подходов в процесс обучения предполагает не только специальную подготовку преподавательского состава, но и дополнительное психолого-педагогическое сопровождение контингента с ограниченными возможностями здоровья, речь идет о тьюторах, психологах, реабилитологах, медицинских работниках.

Литература:

1. *Об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон от 29.12.2012 №273-ФЗ // Справочно-правовая система КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a/*
2. *Рассказов Ф. Д. Создание инклюзивной образовательной среды в вузе: проблемы и перспективы [Текст] / Ф. Д. Рассказов, О. Ю. Муллер // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 13 дек. 2015 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. — Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. URL: https://interactive-plus.ru/ru/article/15118/discussion_platform*

Филоненко Виктор Иванович,

Центр социально-политических исследований ИФиСПН ЮФУ, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Социально-культурная дифференциация современного российского студенчества (по материалам мониторингового социологического исследования)

Многочисленными социологическими исследованиями выявлены объективно существующие имущественные, статусные, образовательные, культурные различия молодого поколения. В целом это соответствует интенсивно происходящим в российском социуме процессам расслоения населения и соответствующим изменениям в прежде относительно едином

образе жизни. Статья основывается на материалах мониторингового социологического исследования проблем, противоречий и парадоксов социализации и воспитания студенческой молодежи в условиях транзитивности современного российского общества, проведенного в 2006 году [1, с. 12 – 14, 105 – 135] автором, в 2011 [2, с. 6 – 13, 22 – 24] и 2016 [3, с. 9 – 15, 45 – 61] годах под его руководством Центром социально-политических исследований ЮФУ в вузах Ростовской области (в 2016 году социсследование реализовано в рамках внутреннего гранта ЮФУ № ВнГр-07/2017-27). Общая выборка студентов очной формы обучения профильных специальностей и направлений подготовки составила: 2006 г. – 2236 человек, 2011 г. – 4029 чел., 2016 г. – 4387 учащихся 23 вузов/филиалов вузов уже 9 регионов Российской Федерации. При рассмотрении типологий студенчества нас будут интересовать не идеальный и не нормативный, а реальный тип личности студента, существующий в обществе со всеми присущими вариациями норм и образцов сознания и поведения, девиациями и даже антисоциальными проявлениями жизнедеятельности. Исходя из анализа объективного состояния донского и в целом российского студенчества, субъективной оценки студентами разграничения, социального расслоения и социального неравенства в их учебных группах позволил определить основные факторы этой дифференциации: по материальному положению, по социально-профессиональному положению родителей, по культурным интересам и по национальному признаку. Результаты размежевания по материальному положению в 2011 и 2016 годах (17% и 17,1%) практически не различаются и процент признающих его в 2006 г. (18,6%) даже больше, чем в последующие годы. Таким показателем можно было бы пренебречь, если бы не колебания по вузам: в АЧИИ ДонГАУ (г. Зерноград) в 2011 г. – 9%, в 2016 г. – 14,5%, в ДГТУ – 13% против 15,8%, в ЮФУ – 15,7% и 18,5%, соответственно. А в РостГМУ и РГЭУ (РИНХ) выявлена обратная тенденция – к снижению: 24% в 2011 г. и 13,6% в 2016 г.; 24% и 16,5%, соответственно. Корреляционный анализ позволил определить основной признак подобных различий между вузами: место проживания студентов до поступления в университет. В сельской местности и малых городах материальная обеспеченность родительских семей гораздо меньше, чем в семьях из крупных и средних городов. Расслоение по социально-профессиональному положению родителей отметило наименьшее количество студентов, наблюдается общая устойчивая тенденция к снижению: 17,8% в 2006 г., 16% - 2011 г., 14,9% - 2016 г. Рост дифференциации по социально-профессиональному положению родителей проявился по отдельным вузам сельскохозяйственного и гуманитарного направлений подготовки: НИМИ ДонГАУ – 18% в 2011 г. и 21,7% в 2016 г., АЧИИ ДонГАУ – 9% и 11,9%, соответственно, ЮРИУ – филиал РАНХиГС при Президенте РФ – 16% и 20,2%, сообразно, Таганрогский институт имени А.П. Чехова (бывший ТГПИ) – 9% и 15,5% согласно. Объяснение такому положению кроется в категориях работающих родителей, месте проживания родительской семьи. Наиболее значительна дифференциация студентов по культурным интересам: в

среднем её отмечают две третьих опрошенных (от 60,8% в 2006 г., 63% в 2011 г. до 62,7% в 2016 г.). От 4% до 9% она возросла за последние пять лет в ДГТУ, РГСУ, ДонГАУ, незначительно снизилась (от 2% до 3%) в РостГМУ, РГЭУ (РИНХ), ЮРГПУ (НПИ) и др. Такой культурный дисбаланс в студенческой среде зависит от места проживания студентов до поступления в университет, материальных и культурных ресурсных возможностей родительских семей, от типа оконченной школы (в исследовании мы заложили такую классификацию: обычная муниципальная СОШ, профильная школа с углубленным изучением отдельных предметов, лицей и гимназия, профтехучилище) и ряда других. Различия по национальному признаку отмечает одна пятая студентов по всем трем этапам исследования. Неуклонно вырастает дифференциация студентов в их учебных коллективах в ЮРИУ – филиале РАНХиГС при Президенте РФ (до 38,6% в 2016 г.), в ЮФУ она достигла отметки 19,6% в 2016 г. Тревожно высоки показатели размежевания студентов по национальному признаку в РГЭУ (РИНХ) – 24,7%, РостГМУ – 22,3%, РГУПС – 21% в 2016 году. Степень национальной самоидентификации находится в зависимости от удаления областного центра (Ростова-на-Дону), где зафиксировано наиболее ярко выраженное индифферентно-толерантное отношение к представителям других национальностей. Низкое социальное положение родительской семьи усиливает экономическую, социальную и культурную обделенность студента в границах образовательного пространства вуза. Неравные возможности студентов в отношении учебного процесса и дальнейшего устройства в жизни позволяют выделить разные группы/типы учащихся, в отношении которых необходимы различные, диверсифицированные педагогические и воспитательные подходы.

Литература:

1. *Филоненко В.И. Современное российское студенчество в транзитивном обществе: противоречия и парадоксы социализации. Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2009*
2. *Социализация и воспитание студенческой молодежи вузов Ростовской области (сравнительный анализ результатов исследований 2006, 2011 и 2013 годов): научно-методическая монография / под общей редакцией В.И. Филоненко; научный редактор И.А. Гуськов. – М.: Вузовская книга, 2014. – 516 с.*
3. *Филоненко В.И., Штомпель Л.А., Штомпель, О.М., Магранов, А.С. Культурные установки и стратегии поведения современного российского студенчества (по материалам межрегионального социологического исследования): научная монография / под общей редакцией В.И. Филоненко. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2017. – 310 с.*

Фомичева Татьяна Владимировна,
Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

Неравенство в высшем образовании: тенденции и барьеры

Проблема неравенства становится неотъемлемым элементом общества как отражение его политической, экономической и культурной структуры. Неравенство выступает главным дифференцирующим фактором, отражающим представления индивидов о различных шансах и возможностях удовлетворения потребностей. Существуют различные критерии неравенства, выделенные в классических социологических концепциях Э. Дюркгейма, М. Вебера, Т. Парсонса и др. Однако в контексте изучения института образования, целесообразно проанализировать тенденции неравенства с точки зрения барьеров, препятствующих равномерному распределению ресурсов. Под барьером понимается совокупность факторов, затрудняющих получение доступа к ресурсам образовательной системы. Образование, а особенно высшее, в современной России переосмысливается социумом относительно значимости его для конкретного индивида. В частности, несколько лет назад бытовала точка зрения, согласно которой одной из причин девальвации образования, деградации трудового профессионализма и формирования неудовлетворенности жизнью в целом являлось введение в недавнем прошлом обязательного всеобщего среднего образования [2, С. 89]. В связи с этом, можно отметить, что еще в 60-70-х годах XX века всерьез обсуждался вопрос о снижении уровня обязательного всеобщего среднего образования, приведения его в соответствие с исполнением производственных обязанностей, поскольку наличие всеобщего среднего образования во многих случаях опережало оснащенность рабочих мест и стимулировало избыточные запросы [4, С. 133]. Образование сегодня охватывает практически все сферы общественной жизни и расходы на него постоянно возрастают. В современной цивилизации наука и образование выступают единой самокорректирующейся и самоподдерживающейся системой [1, С. 15]. Образование как ценность определяется отношением общества к образованию, к тому, насколько образовательный потенциал личности востребован тем или иным социумом [7, С. 131-149]. Неравенство в современной России в сфере образования, прежде всего, связано с переходом к новой модульной, многоуровневой образовательной системе страны. Прежде всего, это введение различных ступеней образования, таких как бакалавриат и магистратура с радикально отличающимся числом бюджетных мест (в 2016г. всего выпущено специалистов с высшим образованием всеми образовательными организациями в России –1161,1 тыс. чел., в том числе диплом бакалавра получили 762,6 тыс. чел., диплом специалиста получили 316,0 тыс. чел., диплом магистра получили 82,5 тыс. человек [5, С. 197]. Также это означает дискретность учебных программ и планов в рамках

различных модулей обучения. В связи с этим встает вопрос о платности образования, которое доступно далеко не всем слоям населения. И такая функция высшего образования как «лифт» в рамках социальной мобильности, все чаще подвергается сомнению. Образование как социальный институт должно реализовывать в обществе, прежде всего, функции: социализации, трансляции культурных ценностей [6, С. 138-154], экономическую функцию, функцию социальных перемещений. То есть, получается, что реализация части функций данного социального института находится под угрозой. Можно говорить более конкретно о «барьерах» в образовании. В данном контексте «барьер- совокупность факторов, затрудняющих получение образования в школе данного конкретного кластера ребенку, не обладающему тем или иным ресурсом» [3]. Ключевой характеристикой такого барьера называется высота, определяющая степень его выраженности. Высота определяется по вероятности успешного поступления и завершения обучения ребенком, не обладающим ресурсами для преодоления этого барьера [3]. Барьер – это интегральный показатель, который формируется из совокупности индикаторов. Индикаторами социокультурного аспекта барьера образования называют: образование родителей; сфера занятости родителей; должность родителей. Индикаторами территориального аспекта барьера образования являются: тип населенного пункта (поселения), расстояние от места проживания до школы, доступный транспорт, количество школ в пределах доступности, уровень урбанизации. Индикаторами экономического аспекта барьера образования считаются: материальное положение семьи, плата за обучение. Также влияют на формирование барьера образования личные планы абитуриентов и их родителей [3]. В целом, возможность преодоления барьеров, это и есть показатель степени демократизации конкретного общества.

Литература:

1. *Делокаров К.Х., Комиссарова Г.А. Образование и динамика социокультурных ценностей. 2000. М.: Товарищество научного изд-ва КМК. С. 16*
2. *Елсуков А.Н., Писаренко И.Я., Абушенко В.Л., Лимаренко А.П. Методологические основы социологии: Социология как наука, Ч.1. Под общ. Ред. И.Я. Писаренко, 1992. Минск: Белгосуниверситет. С. 89*
3. *Константиновский Д.Л. Неравенство в сфере образования: российская ситуация. Мониторинг общественного мнения, 2010, сентябрь-октябрь № 5(99)*
4. *Левада Ю. От мнений к пониманию: Социологические очерки. 1993-2000, 2000. М.: Московская школа политических исследований. С. 133*
5. *Российский статистический ежегодник, М. 2017. С. 197*
6. *Фомичева Т.В. Образовательные ценности: диалектика общего и особенного // Социальная политика и социология 2013. № 3 (95), Т.2. С. 138-154*
7. *Фомичева Т.В. Факторы формирования социокультурных ценностей современной российской молодежи // Социальная политика и социология. 2014. № 4 (105), Т.1. С.131-149*

Халлисте Ольга Владимировна,
СПбГТИ(ТУ), Санкт-Петербург, Россия
Ежов Сергей Петрович
СПбГТИ(ТУ), Санкт-Петербург, Россия

Индекс счастья в среде студенчества как индикатор социальной несправедливости

Актуальность предлагаемого исследования обусловлена остротой проблемы социальной дифференциации российского общества, которая негативно сказывается и на высшей школе, приобретая все более жесткую пирамидальную структуру. Так, на данный момент, помимо МГУ И СПбГУ, существует три категории вузов: федеральные (10), национальные исследовательские (26) и опорные вузы (33). Однако возникает вопрос о социальной справедливости такого распределения? И какая судьба ожидает вузы, не вошедшие в данную иерархию? В связи с вышеизложенным актуализируется значимость социологических исследований самоощущения студентов вузов, оказавшихся «за бортом» сформировавшейся пирамиды. Вопрос о счастье, о том как жить и чувствовать себя при этом счастливым человеком – один из базовых вопросов, относящихся к проблеме социальной справедливости (или несправедливости). Для выборки было решено обратиться к университету, наиболее остро сталкивающемуся с описанными проблемами – Восточно-европейскому институту психоанализа. Исследуется, какие именно составляющие социального благополучия влияют на субъективное чувство счастья в среде студентов разных уровней обучения, и являются важными для студентов психологического ВУЗа, переживаются ими как ценность. Выборку составили 90 респондентов всех форм обучения, гендерный состав выборки поддерживался в рамках статистических данных генеральной совокупности. В качестве гипотез были выдвинуты три предположения:

1. Субъективная оценка счастья коррелирует с уровнем социального благополучия респондентов.
2. Опыт психотерапии или психоанализа влияет на субъективную оценку счастья и показатель благополучия.
3. Благополучие в целом или его отдельные факторы, а также субъективная оценка счастья связаны с полом респондента.

Изначально респондентам предлагалось ответить на одновременно очень простой и очень сложный вопрос: «Что для Вас счастье?». Согласно ответам, большинство студентов, принимавших участие в опросе, определяют счастье как состояние, в котором человек любит и чувствует себя любимым (33,3%), а также когда чувствует себя здоровым и веселым (28,7%). Поровну разделились голоса между пониманием счастья как личной

востребованности и нужности, и отсутствие несчастья (17,2%). Последнее место занял вариант ответа «Когда все есть» (3,5%).

Половина опрошенных разделились во мнении между определением счастья «когда ты и тебя любят» и «когда ты весел и здоров. Так, треть студентов всех курсов обучения ассоциируют счастье с любовью (1 курс – 34%, 2 курс – 31%, 3 курс – 38%, 4 курс – 17%), и четверть со здоровьем (1 курс – 30%, 2 курс – 23%, 3 курс – 29% и 4 – 33%). Интересно также, что к окончанию вуза становится важной составляющей счастья и социальная самореализация: 33,3% респондентов 4 курса понимают под счастьем «когда ты нужен и востребован». В ходе анализа зависимости выделенных факторов благополучия от года обучения в ВЕИП, было выявлено, что фактор «социальная безопасность» максимален на последнем курсе обучения. Далее подавляющее большинство респондентов на вопрос «Планируете ли вы работать по приобретаемой в ВЕИП специальности» ответило утвердительно. Причем, интересно, что среди тех, кто не имеет опыта психотерапии и психоанализа желающих работать по специальности несколько больше (85,4%) по сравнению с теми, кто данный опыт уже приобрел (78,1%). Таким образом, можно предположить, что определенное число студентов, проходивших психотерапию или психоанализ, учится в ВЕИП с терапевтической, а не с образовательной целью. Исходя из ответов респондентов, можно сделать вывод, что в целом факторы благополучия не зависят от возрастных групп студентов. Первая выдвинутая гипотеза исследования подтвердилась, т.к. в ходе анализа была выявлена корреляция между ответами на вопрос, считает ли респондент себя счастливым человеком, и интегральным показателем благополучия, вычисленным по ответам на другие вопросы. Для проверки второй гипотезы было высчитано среднее значение по показателю субъективной оценки счастья и показателям благополучия в зависимости от пола. Исследуя полученные данные, был сделан вывод, что более высокие показатель благополучия и субъективную оценку счастья имеют те, кто опыта психотерапии и психоанализа не имел. Несмотря на то, что оба коэффициента корреляции являются статистически значимыми, достоверность корреляции для группы, имеющей опыт психотерапии или психоанализа выше, чем для группы, не имеющей такого опыта. Гипотеза подтверждена. Для проверки третьей выдвинутой гипотезы так же было высчитано среднее значение по вопросу «Считаете ли Вы себя счастливым человеком?» и показателям благополучия в зависимости от пола, впоследствии проверенное с помощью критерия U-критерий Манна-Уитни. Исходя из полученных данных, был сделан вывод о том, что субъективный показатель счастья не зависит от пола респондента, равно как и показатель благополучия. Фактор «физическое благополучие» связан с полом таким образом, что мужчины считают себя более благополучными физически. Таким образом, гипотеза принимается частично: ни субъективный показатель счастья, ни показатель благополучия не зависят от пола респондента. Итак, результаты исследования показали, что социальное благополучие студентов не зависит ни от пола, ни от возраста, ни даже от размера вуза. Она зависит,

прежде всего, от социально-экономической ситуации в регионе и от социально-психологического климата в самом вузе.

Чечулина Александра Сергеевна,
ФГБОУ ВО Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация
Суслова Анна Евгеньевна
ФГБОУ ВО Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

Профессиональное образование и другие факторы преодоления социального неравенства и несправедливости. Результаты вторичного анализа данных

Проблема социальной несправедливости и социального неравенства является одной из самых острых и злободневных в современной России. Главной особенностью социальной структуры современного российского общества является сильная социальная поляризация, разделение населения на бедных и богатых при отсутствии значительного среднего слоя, выступающего основой экономически стабильного и развитого государства. Сильное социальное расслоение создает систему неравенства и несправедливости, из-за которой имеются ограничения в возможности самостоятельной жизненной самореализации и повышения социального статуса для достаточно большой части населения России. Вторичный анализ данных Еженедельных российских опросов населения ФОМ [4, 5] и исследований, проведенных в Алтайском крае [1, 2, 3, 6] позволили выделить некоторые ключевые факторы социального расслоения. Во-первых, это экономическая ситуация в стране и соответствующий ей социальный пессимизм. Когда страна вступает в период экономического кризиса, население не может прогнозировать свое материальное состояние на ближайшее время. Более того, люди считают, что им не удастся повысить свой уровень жизни и жить лучше, богаче, чем сегодня. Во время кризиса начинается резкий спад промышленного производства, сокращение рабочих мест. Потеря работы и длительное пребывание вне сферы занятости вызывает пессимистичное настроение, что усиливает неуверенность в будущем и настроения в отношении будущего. Это положение вызывает трудности в семье и негативные оценки в отношении прогнозов на будущее. Следует отметить, что эти тенденции носят периодический характер, но не являются фатальными. Во-вторых, это снижение социально-экономической активности вследствие удовлетворенности сложившимся положением. Людям сложно правильно ориентироваться в критериях материального благосостояния. Это связано с тем, что они плохо проинформированы об этих критериях, из-за чего по ошибке большое число людей соотносит себя

не с той категорией. Очень часто в регионах, имея доход, обеспечивающий только минимальное обеспечение жизни (например, 12000 рублей), люди идентифицируют себя со средним классом, так как считают, что имеют устойчивый заработок и «достойное» качество жизни. Третий - главный фактор - это недостаточный уровень образования. Уровень образования выступает одним из ключевых факторов успешного трудоустройства и имеет прямую связь с уровнем дохода индивида, то есть в среднем по совокупности с увеличением уровня образования увеличивается и доход человека. Более 60% населения с неполным средним образованием относятся к первой и второй доходным группам, к пятой, верхней, группе относится лишь около 6% таких людей. В то же время около 60% населения с высшим образованием распределяются в пятой и четвертой доходных группах. Однако даже наличие послевузовского образования (второго высшего образования или ученой степени) не является гарантией высокого дохода. 70% людей с таким уровнем образования, действительно, принадлежат к двум верхним группам по доходу, а оставшиеся 30% – лишь ко второй. Какие бы претензий современный рынок труда не предъявлял к уровню подготовки специалистов и профессиональным учебным заведениям, именно качественное профессиональное образование, высокий уровень компетенций, сегодня, как и всегда может повысить рейтинг человека в обществе и является надежным способом повышения социального статуса для людей, которые лишены других привилегий.

Литература:

1. *Колесникова О.Н., Мальцева А.В., Чуканова Т.В., Шилкина Н.Е. Социокультурный портрет Алтайского края: теория, методика, результаты исследования. Вестник алтайской науки. 2011, № 1. С. 96-102*
2. *Мальцева А.В. Индикативная роль социального института рынка труда в трансформации социальной структуры современного российского общества. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук. / Алтайский государственный университет. Барнаул. 2011*
3. *Мальцева А.В., Целуйко И.В., Владимиров А.С. Исследование уровня жизни населения России в начале XXI века. Мир науки. Социология, филология, культурология. 2015. № 3, С. 3*
4. *Фонд «Общественное мнение» Исследование : Еженедельные общероссийские опросы населения. Опрос «Пента 10/1998». [Электронный ресурс]. URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=3254&T=m (дата обращения: 15.10.2017)*
5. *Фонд «Общественное мнение» Исследование : Еженедельные общероссийские опросы населения. Опрос «Пента 41/1998». [Электронный ресурс]. URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=3261 (дата обращения: 15.10.2017)*
6. *Шилкина Н.Е. Молодежь на региональном рынке труда. // Социальные практики и управление: проблемное поле социологии. Материалы Сибирского социологического форума с международным участием. Отв. редакторы: С.В. Ровбель, С.А. Ильиных. 2017. С. 281-285*

Шейнкарь Карина Андреевна,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия

Место университета в отечественном рейтинге как ценность российского абитуриента

Общественный интерес к рейтингам вузов неуклонно возрастает. Абитуриенты и их родители проявляют заинтересованность в информации о качестве образования. Рейтинги университетов – это, с одной стороны, ориентир для абитуриентов и их родителей относительно выбора вуза и получения профессии, а с другой – измеритель качества образования. Посредством рейтингов: предоставляется информация абитуриентам и их родителям, работодателям и международным организациям, фондам для принятия решений; развивается честная конкуренция среди университетов; стимулируется создание и развитие центров обеспечения качества образования внутри университетов [4]. Спектр современных рейтингов включает в себя: а) национальные и международные (глобальные) рейтинги; б) рейтинги удовлетворенности выпускников; в) рейтинги обеспеченности преподавательскими и материальными ресурсами; г) рейтинги аспирантских и профессиональных программ; д) рейтинги по среднему баллу ЕГЭ абитуриентов и др. В их построении используются различные методики [5]. Если в институциональном рейтинге участвуют вузы, независимо от профиля научных исследований и подготовки бакалавров и магистров, но сгруппированные как классические, технические университеты и т.д., или как инженерные, медицинские, педагогические и др., то в специализированном – ранжируются отдельные образовательные программы, определяемые качеством образования выпускника университета. Российские университеты пока не занимают лидерских позиций в международных рейтингах, проводимых зарубежными СМИ и рейтинговыми агентствами. Однако, опыт построения рейтингов все более становится привлекательным в отечественной практике. На протяжении последних пяти десятилетий он совершенствуется. Один из первых официальных (институциональных) рейтингов вузов страны был сформирован в конце 60-х – начале 70-х гг. В середине 90-х гг. ранее созданная методика была модифицирована. В начале «нулевых» годов популярной стала методика сбора и обработки информации для официального рейтинга отечественных вузов, ежегодно публикуемый в печатных СМИ [1]. Если рейтинги общественных организаций и ассоциаций преимущественно ориентированы на общественное мнение россиян и зарубежной общественности, то официальные рейтинги – это средство для взвешенного принятия управленческого решения на государственном уровне. Используемые методики оценки эффективности университетов имеют различную конфигурацию критериев и показателей, но они едины в

измерении их потенциала и активности. Так, уровень потенциала университета отражает состояние интеллектуального потенциала (квалификация научно-педагогических и научных работников, их перспективность и связь с фундаментальной, академической наукой); материальной и информационной баз (обеспеченность учебно-лабораторной, инструментальной, компьютерной базами и информационно-библиотечными фондами); социально-культурной базой (обеспеченность местами в общежитиях, общественным питанием, санаторно-профилактической и спортивной базами). Уровень активности университета фиксирует профессиональную подготовку выпускников (подготовка бакалавров и магистрантов, аспирантура и докторантура и их эффективность); производство и апробация знаний и технологии (государственный заказ на научные исследования, конкурентоспособность прикладной науки и учебно-производственной деятельности, подготовка учебной и учебно-методической литературы) [6]. В зависимости от целей ранжирования образовательных учреждений используются различные критерии и показатели, методы сбора и анализа данных. Так, к примеру по оценке общественности и органов власти в стране считается наиболее успешным опыт ранжирования университетов и определения в 2016 и 2017 гг. рейтинга 100 лучших отечественных ВУЗов. На основании оценки условий для получения качественного образования, уровня востребованности выпускников работодателями, уровня научно-исследовательской деятельности был определен рейтинговый функционал университетов, первым 20 из которых были представлены расширенные полномочия в подготовке профессиональных кадров с высшим образованием. Рейтинги – источник не столько конкуренции, сколько сотрудничества по улучшению качества образования, обмена передовым педагогическим опытом [2]. Они стимулируют состязательность на национальном и международном уровне, что способствует отечественным лидерам называться университетами мирового уровня и класса. На отечественном рынке предоставления образовательных услуг как государственные, так и негосударственных образовательные учреждения высшего образования все активнее интегрируются в мировое образовательное пространство, продвигают свои образовательные программы и услуги на мировом образовательном рынке, повышают уровень интернационализации и рекрутинга иностранных студентов и преподавателей, а также ведущих ученых. В связи с этим, рейтинговая методика имиджевых показателей университета все более становится общественно значима [3]. При этом, если внешний имидж университета влияет на выбор абитуриентом учебного заведения, а то внутренний – на процесс обучения. Имидж и репутация – это мотиваторы выбора абитуриентом университета и обучения в нем. Воспринимая их как образ-представление, абитуриенты, сопоставляя характеристики вуза с личными мотивами обучения и ценностями принимают свое решение об обучении в нем. В этом проявляется рост общественной значимости рейтингов и социальной ответственности лиц, их формирующих.

Литература:

1. *Ефимова И.Н. Социологический анализ рынка образовательных услуг с целью выявления мотивации абитуриентов 2011 года при выборе вуза / Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. №4 (1). С. 19-23.*
2. *Назаренко С.В. Социальный контроль научно-образовательной деятельности преподавателя-исследователя: взаимосвязь экспертной оценки и социальной оценки общественности / Социология образования. 2016. № 11. С. 4-22.*
3. *Назаренко С.В. Социологический подход к организации социального контроля в сфере образования и науки / Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2015. № 3. С. 78-85.*
4. *Оборский А.Ю. Становление современной науки как социального института / Социально-гуманитарные знания. 2017. № 3. С. 71-79.*
5. *Похолков Ю.П. Модели рейтинга вузов и образовательных программ / Высшее образование в России. 2005. №11. С. 3 - 20.*
6. *О рейтинге высших учебных заведений. [Электронный ресурс] // LEXPRO. URL: http://online.lexpro.ru/ (Дата обращения: 28.01.2018).*

Шилина Светлана Александровна,
Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, РФ
Епремян Татьяна Владимировна
Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, РФ

Элитность и/или эгалитарность как характеристика современного высшего образования в российском социуме

Высшее образование в современном социуме, с нашей точки зрения, постепенно становится недоступным (а значит, элитным?!) для большинства из-за уменьшения приема на бюджетные места и увеличения ежегодной платы за обучение. Наблюдается следующая тенденция: студенты, обучающиеся на платной основе, зачастую совмещают учебу в вузе и работу (на самом деле картина выглядит так: студент не посещает занятия, приходит на сессию и начинает «клянчить» зачеты и оценки, оправдывая пропуски занятий загруженностью на работе, которая крайне необходима для внесения платы за обучение). В результате такого совмещения непонятно, за что вносится плата, ведь практически этот человек не получает образования. Значит, платит за диплом государственного образца? Но при трудоустройстве необходимы знания, умения и навыки по той специальности, которая обозначена в дипломе. Поэтому, как нам представляется, так сложно сейчас молодому специалисту трудоустроиться: дипломам не доверяют. Высшее образование, за получение которого всё время повышается цена в высших учебных заведениях, на самом деле обесценилось на рынке труда. Развивается ещё одна тенденция: уже работающему человеку приходится переучиваться на ту специальность, на которой он трудоустроен. Отсюда растет необходимость создания различных курсов переподготовки, факультетов дополнительных профессий. Как видно из вышесказанного,

очень актуальным является сегодня вопрос элитности/ эгалитарности высшего образования. О проблемах в сфере образования написано немало. Приведем примеры некоторых публикаций: «Духовная культура в динамике интересов российской молодежи» [3], «Эрзац-реформа в сфере образования» [6], «Молох глобализации и духовные интенции российской молодёжи» [5], «Ценностные ориентации студенческой молодежи в трансформирующемся обществе» [11], «Патриотическое воспитание молодежи в России: проблемы, мнения, экспертные оценки» [12], «Conspicuous consumption as an attribute of socio-cultural decadence in Russia» [15], «Массмедиа и воспитание: санация информации» [4]. Как мы полагаем, необходимы серьёзные социологические исследования, нацеленные на изучение тенденций развития современного социума в области высшего образования. Необходимо также, с нашей точки зрения, наблюдение в различных областях экономики, серьёзное изучение спроса и предложения на рынке труда, чтобы понять, какие специальности наиболее востребованы и имеют шанс сохраниться хотя бы в ближайшие 10-20 лет. Ведь известна ещё одна тревожная тенденция: массовое исчезновение профессий, которые до недавнего времени были востребованными, а теперь просто не нужны. Обзор некоторых публикаций (например, «Социология управления» [1], «Витальная максима образа жизни» [2], «Модели государственного реформирования сельского хозяйства: прошлое и настоящее» [7], «Концепт экологической культуры: «пределы роста» или резервы для развития» [8], «Профилактика профессионального выгорания социального работника в условиях обучения в вузе» [9], «The burnout among emergency physicians: evidence from Russia (sociological study)» [14], «Теоретические подходы к пониманию идентичности в современной социологической науке» [10]) ясно свидетельствует о важности учёта данной тенденции при рассмотрении перспектив развития высшего образования. Так что же такое высшее образование в современном социуме: социальный лифт карьеры или насущная необходимость, без которой нет возможности трудоустройства? Ведь ясно: на сегодняшний день состояние нашего общества таково (при бесконечных социально-экономических трансформациях, реформах в системе образования), что возникает целый ряд социальных рисков, которые имеют широкий спектр воздействия на учащуюся в высших учебных заведениях молодежь. А ведь она важный элемент структуры общества, за молодежью будущее страны. Высшее образование – необходимый в современных реалиях элемент дальнейшей социализации личности. В 2003 году Россия присоединилась к Болонскому процессу, что повлекло обязательство воплотить в наше образование основные принципы Болонского движения. Поэтому перед российским высшим образованием стоит наисложнейшая задача реформирования высшей школы. По истечении 15 лет стало ясно: прежняя система образования (доставшаяся от советской эпохи) разрушена, а новая, пока ещё не устоявшаяся, всё ещё переживающая трансформацию, не даёт эффекта, на который рассчитывали, присоединяясь к Болонской конвенции. Реформы касаются и преподавателей, и студентов. Приобрело пейоративный оттенок

значение слова «оптимизация». В условиях усиления внутривузовской демократизации, что вытекает из требования Болонского процесса об активизации роли студенческой молодёжи, меняется объектно-субъектный статус студента. «Субъекты административной власти должны искать оптимальные варианты взаимодействия с субъектами «студенческой» власти, своевременно реагировать на те их действия, что объективируют скрытые потребности» [13], что может способствовать снижению отрицательных последствий социальных рисков. Итак, высшее образование сегодня предполагает элитность или эгалитарность? Как нам представляется, нет пока однозначного ответа на этот вопрос.

Литература:

1. *Бабосов Е.М., Бабкин В.П., Мамедов А.К. Социология управления : учебное пособие : (для системы корпоративной учебы) / Е.М. Бабосов, В.П. Бабкин, А.К. Мамедов; МПО ОАО «Газпром», Социологический фак. МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2012.*
2. *Бедягин С.А. Витальная максима образа жизни / С.А. Бедягин, П.Н. Киричек // Регионология. 2014. № 1 (86). С. 99-108.*
3. *Киричек П.Н. Духовная культура в динамике интересов российской молодежи / П.Н. Киричек // Вопросы культурологи. 2017. № 2. С. 70-76.*
4. *Киричек П.Н. Массмедиа и воспитание: санация информации / П.Н. Киричек // В сборнике: Ценностные ориентиры современной журналистики: сборник научных статей V Всероссийской научно-практической конференции. Пенза, 2017. С. 108-115.*
5. *Киричек П.Н. Молох глобализации и духовные интенции российской молодёжи / П.Н. Киричек // В сборнике: Русский универсум в условиях глобализации. Сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции. Научный редактор: Е.В. Валеева; Отве*
6. *Киричек П.Н. Эрзац-реформа в сфере образования / П.Н. Киричек // В сборнике: Университет в глобальном мире: новый статус и миссии. М., 2017. С. 632-633.*
7. *Киселев А.Г. Модели государственного реформирования сельского хозяйства: прошлое и настоящее / А.Г. Киселев, С.А. Шилина // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2017. – № 17 (4). – С. 481-490.*
8. *Коркия Э.Д. Концепт экологической культуры: «пределы роста» или резервы для развития / Э.Д. Коркия, А.Р. Курбанов, А.К. Мамедов // Экология и промышленность России. 2017. № 6. С. 58-63.*
9. *Лифанова Т.Е. Профилактика профессионального выгорания социального работника в условиях обучения в вузе / Т.Е. Лифанова // В сборнике: Актуальные проблемы современного образования: опыт и инновации. Материалы научно-практической конференции (заочной) с международным участием. Ответственный редактор А.Ю. Нагорнов. 2014. С. 420-424.*
10. *Мамедов А.К. Теоретические подходы к пониманию идентичности в современной социологической науке / А.К. Мамедов, О.И. Якушина// Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2015. – № 1. – С. 43-59.*
11. *Нарбут Н.П. Ценностные ориентации студенческой молодежи в трансформирующемся обществе / Н.П. Нарбут, И.В. Троцук // // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2008. – № 4.*
12. *Пузанова Ж.В. Патриотическое воспитание молодежи в России: проблемы, мнения, экспертные оценки / Ж.В. Пузанова, Т.И. Ларина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2017. – Т. 19. – № 1. – С. 25-37.*
13. *Шилина С.А. Болонский процесс: управление внутривузовской власти субъектами коммуникации // Образование и общество. № 6 (53). Ноябрь-декабрь. 2008. С. 11-15.*
14. *Liadova A.V. The burnout among emergency physicians: evidence from Russia (sociological study). / A.V. Liadova, E.D. Korkiya, A.K. Mamedov, N.A. Panich // Man in India. 2017. T. 97. № 15. C. 495-507.*
15. *Vasilyev A.V. Conspicuous consumption as an attribute of socio-cultural decadence in Russia / A.V. Vasilyev, V.K. Kovalchuk, E.D. Korkiya, A.K. Mamedov // Man in India. 2017. T. 97. № 10. C. 399-414.*

Штомпель Олег Михайлович,
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Справедливость/несправедливость в репрезентативной культуре современного российского студенчества

В транзитивном, переходном обществе «новая социальностть» формируется и структурируется в качестве своеобразной проекции идеального мира культуры на реальную жизнь людей. Легитимизация новых социальных институтов и устойчивых социальных связей происходит прежде всего в сознании людей, в культуре на основании их оценки как справедливых. Революции, как известно, происходят сначала в головах людей в форме мысленной делегитимизации существующего строя как несправедливого и противоречащего интересам большинства. Конечно, роль культуры в значительной степени меняется в устойчивых сообществах, где она выполняет функцию «машины времени» - транслятора сложившихся социальных порядков из прошлого в будущее. В соответствии с этим важно установить репрезентативный (Ф.Тенбрук) характер студенческой культуры, определяющий социальные действия учащихся вузов с позиций их восприятия справедливости/несправедливости. В данном контексте весьма показательными выглядят проведённые Центром социально-политических исследований ЮФУ социологические опросы студентов основных вузов Ростовской области, посвящённые социализации и воспитанию студентов, базовым характеристикам их культурной компетентности и исторической памяти. Эти опросы проводились в 2011, 2014 и 2015 гг. Особый интерес вызывают факторы, влияющие на экстремистские установки студенческой молодёжи. Уже в 2011 г. выявились факторы, создающие питательную среду для процессов радикализации молодёжного сознания. Так, среди наиболее важных проблем в нашей стране (кроме проблем чрезвычайного характера – терроризм – 26,1%, вооруженные конфликты – 16,1%, преступность – 22,2%) студенты отмечают проблемы именно культурного и воспитательного характера: «низкий уровень воспитания молодежи в духе межнационального уважения» - 45,2%, низкий культурный уровень российской молодежи – варваризация восприятия и одичание – 17,6%. С этим во многом связаны и представления студентов о допустимости или недопустимости тех или иных действий. Нормы законодательства воспринимаются многими студентами как несправедливые по отношению к ним самим. Так, например, 32,2% считают, что допустимо уклоняться от службы в армии; 24,5% - затруднились ответить на этот вопрос; только 18% считают, что всегда и во всем следует соблюдать букву закона, около четверти респондентов готовы, в зависимости от ситуации, нарушать закон или не определились в своей позиции. Большинство студентов (58%) считают, что законы необходимо соблюдать, но при этом ориентироваться на жизненные реалии, иначе говоря,

поступок «по справедливости», с их точки зрения, может оказаться противоправным. Только 18% студентов полностью поддерживают существующие законы и всегда и во всём соблюдают букву закона. Однако почти пятая часть студентов более равнодушно относится к закону: 11,4% полагают, что не стоит полагаться на закон, главное – справедливость; 4,5% считают, что закон можно соблюдать тогда, когда он не мешает реализовывать личные интересы и 1,1% готовы нарушать закон всегда. Величиной достаточно постоянной - более 10% - остаётся количество респондентов, считающих, что в борьбе за справедливость можно прибегнуть к любым, даже самым радикальным формам. Важное значение в определении справедливости/несправедливости тех или иных оценок, связанных со значимыми событиями, получившими отражение в исторической памяти россиян, является уровень культурной компетентности, который существует в качестве своеобразной «прививки» от экстремизма. Настораживает тот факт, что 24,3% «согласны» или «скорее согласны» с тем, что деятельность пособников фашистов - РОА (Власов), УНА-УНСО (Бандера С.) и других движений была направлена не на борьбу против Красной Армии, а на борьбу против сталинского большевистского режима, а 36,3% опрошенных студентов не разобрались в этой проблеме. Неясность и противоречивость наблюдается и в ответе на вопрос «Что, на Ваш взгляд, было главной причиной массовых депортаций крымских татар, чеченцев, калмыков, карачаевцев и др. во время Великой Отечественной войны?»: 32,6% затруднились ответить; 25,4% посчитали, что из-за пособничества этих народов немецко-фашистским захватчикам; 11,1% - в связи с желанием советского руководства вытеснить нерусское население из Крыма и Северного Кавказа; 30,9% - из-за ошибок в национальной политике, неизбежных в условиях тоталитарного режима. Нужно иметь в виду, что именно факты депортации в своей пропаганде активно используют экстремистские группировки националистического толка, которые объявляют их «вопиющей несправедливостью со стороны русского народа» и нечёткость в понимании этой страницы российской истории недопустима. Фрагментация – отсутствие целостности – пространства социализации современного российского общества связана с транзитивным, переходным характером социальной и культурной подсистем, с амбивалетностью ценностных ориентаций россиян, с количественным ростом теневой экономики, ее институализацией в постсоветском обществе, с общецивилизационной кризисной ситуацией. Всё это ведёт к «размыванию» границ между социальной справедливостью и несправедливостью в сознании современных российских студентов, уменьшению значимости законов и юридических норм при определении должного для себя поведения.

Щербакова Анастасия Андреевна,
ТГУ имени Г.Р. Державина, Тамбов, Россия

Федеральный университет как ключевое звено национальной системы образования

В настоящее время часто можно столкнуться с высказываниями о рыночных отношениях в рамках высших учебных заведений, о формировании экономики знаний, что говорит о том, что умственный потенциал человека рассматривается как ключевой ресурс социального развития современного общества Таким образом, говоря о высшей школе, следует отметить, что образование является ключевым социальным институтом, так как на сегодняшний день возрастает его значимость и способность конкурировать с другими странами на мировом рынке технологий и инноваций, меняется место и роль образования. Подобная тенденция определяет необходимость модернизации отечественных систем образования, чтобы обеспечить им конкурентоспособные характеристики, которые повысят привлекательность на международном рынке образовательных услуг [1]. Необходимость совершенствования национальной системы образования стала очевидной еще в первом пореформенном десятилетии в истории постсоветской России. Тем не менее, реформы, которые проводились в сфере образования, нуждались в разработанной научно-теоретической базе, которая позволяет построить такую систему развития отечественного образования, отвечающую в большей степени требованиям современности. Потребность формирования данной стратегии и определяет актуальность исследования социокультурных аспектов модернизации российской системы высшего образования в современной социологической науке. Соотношение инноваций и традиций в системе высшего образования становится одной из наиболее важных проблем, которая требует научно-теоретического осмысления, так как под влиянием процессов глобализации, происходит унификация культурного пространства и создаётся единая система ценностей, что, в свою очередь, отражается в реформе системы высшего образования [2]. Важнейшей составляющей результативности инновационной деятельности в регионах является создание эффективной инновационной инфраструктуры. Федеральные университеты играют здесь важную роль, так как они являются центром формирования и реализации инноваций, интеграции образования, создания и повышения конкурентоспособного человеческого капитала [3]. Федеральные университеты являются новыми и наиболее перспективными зонами роста и развития инноваций и инновационной экономики. Конкуренция в рамках высшей школы будет развертываться в рамках массового профессионального образования, которое обеспечивает подготовку специалистов, квалифицирующихся по принятым в мире

стандартам и способным работать с доминирующими на рынках технологиями. Также следует отметить профессиональное образование, которое входит в процесс исследований и разработок передовых технологий, конкурентных на глобальном рынке, подготовка кадров, которые способны управлять глобальными процессами [4]. Таким образом, федеральный университет рассматривается как высшее учебное заведение, реализующее инновационные программы высшего и послевузовского профобразования, объединенные в мировое пространство, выполняющее фундаментальные и прикладные исследования по широкому спектру наук, обеспечивающее интеграцию науки, обязательно приводящее итоги своей деятельности до практического использования [5]. Федеральные университеты сосредоточены на современных научно-технических исследованиях и кадрах, которые способны работать с новыми технологиями. Для плодотворного функционирования необходимо резкое увеличение объемов опытно-конструкторской работы и научно-исследовательской и опытно-конструкторской работы в федеральном университете по сравнению с существующими в вузах региона. Возрастание практической направленности исследований и разработок в новом вузе, формирование их тематики не в отраслевой логике, а в проблемной логике. Система инновационно-технологического модуля университета не должна совпадать с учебной. Мощный технопарк должен выступать основой данного модуля. Необходимо установление тесных связей с бизнесом, перед которым, в первую очередь, возникают глубокие научно-технические и профессиональные проблемы. Стоит отметить и развитие управленческого образования, которое включает создание международной бизнес-школы, применение современных технологий преподавания, которые развивают навыки эффективной коммуникации, командное решение производственных задач, внедрение имитационного, проектного и тренингового метода обучения, расширение интеграции с институтами и центрами РАН. Цель федеральных университетов заключается в производстве глобально значимых знаний и технологий, обучение кадров, которые способны оказывать положительное воздействие на внутрироссийские и мировые процессы [6]. Федеральные университеты это независимые учебные заведения, которые функционируют в рамках образовательной, научной и инновационной деятельности в рамках широкого спектра направлений для интеграции кадрового и научного обеспечения масштабных проектов и программ федерального и/или регионального уровня [7]. Становление и развитие федеральных университетов предусмотрено в рамках программ, одобренных Правительством РФ и предполагающих условия осуществления и критерии оценки эффективности образовательного процесса, объединение образовательной и научно-исследовательской деятельности, трансформацию и модернизацию материально-технической базы и социально-культурной инфраструктуры, вхождение в мировое образовательное пространство [8].

Литература:

1. *Старыгина Арина Михайловна Социокультурные компоненты модернизации высшего профессионального образования в России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. №12.*
2. *Huntington S.P. The change to change: modernization, development and polities', in: Black, 1976. С. 25-61.*
3. *Верховец С. В., Кирко В. И., Кеуш А. В. Роль федеральных университетов в формировании региональной инновационной инфраструктуры (на примере Сибирского федерального университета) // Инновации. 2010. №10.*
4. *Рожков Г. В., Мутовин С. И. Федеральные университеты - новые зоны роста инновационной экономики // ТДР. 2009. №2.*
5. *Ивойлова И.Б. В автономном плавании: федеральные университеты получат статус автономных учреждений // «Российская газета». Федеральный выпуск. - № 4849; http://www.rg.ru/2009/02/13/univer.html*
6. *Рожков Г. В., Мутовин С. И. Федеральные университеты - новые зоны роста инновационной экономики // ТДР. 2009. №2.*
7. *Концепция создания и государственной поддержки развития федеральных университетов: одобрена на заседании межведомственной рабочей группы по приоритетному национальному проекту «Образование» при Совете при Президенте РФ по реализации приоритетных националь*
8. *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам деятельности федеральных университетов: Федеральный закон РФ от 10.02.2009 г. № 18-ФЗ//Справочно-правовая система «Гарант», НПП «Гарант-Сервис».*

Сборник материалов

XII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОРОКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ»

« СОЦИАЛЬНАЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА»

Электронное издание комплексного распространения

Издательство ООО “МАКС Пресс” Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.
119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2-й учебный корпус, 527 к. Тел. 8(495)939-3890/91. Тел./Факс 8(495)939-3891